А. О. СМИРНОВА-РОССЕТ

ДНЕВНИК
ВОСПОМИНАНИЯ

А. О. СМИРНОВА

Портрет маслом работы А. Реми. 1835
Литературный мемориал Смирновых в Тбилиси

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

А. О. СМИРНОВА-РОССЕТ

ДНЕВНИК

ВОСПОМИНАНИЯ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛА

С. В. ЖИТОМИРСКАЯ

МОСКВА «НАУКА»

1989

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В. Э. Вацуро

С $\frac{4603000000—088}{042(02)—89}$ без объявления

ISBN 5-02-012669-1

ДНЕВНИК

26 февраля 1845 года. Наследница родила сына Александра [1]. Тютчев сказал, что ему говорили верные люди, что государь, говоря о прусском короле и конституции, сказал: «Братец мой шалит» [2].

28 февраля. Графиня Нессельрод, которой я говорила о мемуаре Уварова по католическим делам [3], в котором он уговаривает государя не ссориться с папою, сказала мне, что государь, прочтя его, заметил, что Уваров мешается не в свое дело. Уваров в мемуаре говорит, что западные государства более готовы, нежели мы думаем, подняться за папу. Мне кажется, что мы уже не можем отступить от своей системы, и если в Риме так благосклонно подписали на все наши требования, то зачем нам церемониться? Одна депеша графа Николая Гурьева, напечатанная в Риме, меня поразила тоном своим; едва ли можно сказать сильнее и plus péremptoire [1*]. Замечательна в этом собрании депеша Фурмана, который умер в Риме. Selon moi c'était un chef d'oeuvre d'habileté, de bon goût et en même temps les exigences fermes [2*]. Русские — не дипломаты в своем слоге: они лучше топором рубят.

1 марта. Была у импер⟨атрицы⟩. Они говеют, будут приобщаться в воскресенье. По случаю родов Марии Ник⟨олаевны⟩ [4] не говеют, как обыкновенно, в последнюю неделю.

У Софьи Павловны Кутузовой говорили за достоверное, что Елиз⟨авета⟩ Михайловна Нассауская умерла [5] от падучей болезни, и что муж ее хотел даже в случае счастливых ее родов привезти в Россию. В⟨еликая⟩ кн⟨ягиня⟩ Е⟨лена⟩ П⟨авловна⟩ скрыла это даже от М⟨ихаила⟩ П⟨авловича⟩. Мне кажется это невероятным.

2 марта. Флигель-адъютант Орлов-Денисов послан был на Дон, чтобы переселить 300 семейств с Дону на Кавказскую линию и с предположением мало-помалу образовать там кордон; это произвело там большой ропот и отчаяние; граф Воронцов упросил государя отменить это, так что Орлов получил скоро приказание вернуться, не окончив дела. Мне говорили, что там на юге поселили 50 тысяч духоборцев [6]. Они там живут хорошо, потому что их не беспокоят в отношении их обрядов.

Вечером у меня были гости: Тютчев с женой, Карамзины, Михаил Александрович Голицын с женой, прелестной красавицей, Соболевский, Самарин, гр. Ростопчина, Волков С. А. с дочерью. Ничего нового и необыкновенного не было говорено.

[1*] решительнее.

[2*] По-моему, это шедевр ловкости, хорошего тона и в то же время непреклонных требований.

3 марта. Я проводила вечер у Вяземского с графиней Нессельрод, Тютчевым. Говорят, что нашли бумаги и письма, ясно доказывающие отравление царевича Алексея Петровича [7] и раскаяние Петра, он посылал денщика за ядом. Тютчев говорит, что смерть эта была une terrible necessité [3*]. Князь Павел Гагарин очень справедливо заметил, что такое преступление ничем не оправдывается и что кроме преступления Петр сделал фальшивый расчет. Царевич был шефом оппозиции нововведениям; он бы мог после смерти отца только приостановить ход преобразований, что, может быть, и не повредило бы, но первое движение, данное гениальным Петром, было уже так сильно, что непременно его партия позже восторжествовала бы, несмотря на все старания царевича. Многосторонний ум или высокий разум Петра обращал внимание на все. Предположение строить укрепления на Каспийском море выдавали за новость, но открыли в Астрахани письменные доказательства, что он уже тогда намеревался оградить Россию с этой стороны.— Говорили о Талейране, Guizot, княгине Ливен, о всех фальшивых интересах нашего высшего круга, который забрался в западню своим французским языком и не знает, чем забавить свои ленивые досуги, и не знает, как выйти оттуда.

3 марта. Обедала семейно по-старому у Карамзиных. Вечный спор о католиках и нашем духовенстве. Вяземский — умный человек, но у него нет двух связных мыслей в голове. Александр разрезал узел [8]: если бы эти же попы да говорили по-французски условными фразами и обветшалым языком иезуитов, то все дело пошло бы на лад. Вяземский говорил, что если бы речи или, лучше, слова духовные Иннокентия [9] перевести на французский язык, то такую дрянь никто не стал бы читать. И он восхищается речами Лакордера [10] в «Univers catholique» (декабря avant [4*] 1845 года!). Просто пустая декламация — вот что их прельщает.

5 марта. Велик⟨ий⟩ к⟨нязь⟩ Михаил Павлович был у меня два раза и, наконец, застал меня в первый раз после смерти дочери. Он очень еще грустен, рассказывал ее смерть. Герцог Нассауский пишет ему часто, горюет по жене — все это опровергает слухи, которые распускают по городу. Он приезжал из Совета (понедельник), где толкуют об отдаче земель башкирцам и казакам. Лев Алекс⟨еевич⟩ Перовский, министр вну⟨тренних⟩ дел, говорил за них очень горячо, хотя очень дурно, но Киселев отстаивает эти земли для себя; эти земли даже вымерены, и ему для прирезки жалованья землею пригодились бы. Решение дела отложили на три года, несмотря, что оба великие князя [11] были за башкир и казаков. Да в самом деле, отчего же бы им и не подождать? Уж ведь они до сих пор ждали. Великий князь говорил о пребывании государя Александра в Москве в 18-м году, в первый раз после пожара, о первой польской диете [12], где он, Мих⟨аил⟩ Пав⟨лович⟩, был как сенатор и один в русском мундире. Константин Павлович был избран тогда депутатом Праги и с ним ходил звать государя на диету. Тогда произнес он знаменитую речь, где обещал, что конституционные права из Польши перейдут далее, смотря по обстоятельствам,

---

3* ужасная необходимость.
4* накануне

и когда народ приготовлен будет к этому. Варшава была тогда полна, блистательна, весела и приняла государя с восторгом. Диета 22 года была уже очень в дурном духе. Отчего? Он говорит, что оттого, что произошла в этом промежутке *революция* в Молдавии, т. е. движение Ипсилантия[13], о котором А⟨лександр⟩ Павл⟨ович⟩ все знал. Грешно поступили с греками, грешно, неполитически. Я читала «L'Héterie» в 1826 году и плакала de rage[5*]; позже, когда Афанасия посадили в Афины[14], я уже молчала. Утратилось тогда то молодое и верное чувство, нас не обманывающее...

Я получила письмо, очень грустное, от Гоголя и другое — от живописца Иванова из Рима, того, который пишет Иоанна Крестителя для наследника[15]. Оно замечательно тем, что в первый раз русский художник говорит о православной живописи и о различиях между нашими и западными образами.

Граф Воронцов Мих⟨аил⟩ Сем⟨енович⟩ обедал очень часто у государя, теперь обедает часто фельдмаршал, Орлов два раза в неделю, г⟨раф⟩ Киселев Пав⟨ел⟩ Д⟨митриевич⟩, Петр М⟨ихайлович⟩ Волконский реже, Клейнмихель, Уваров, очень редко Блудов, Перовский. Вообще садятся они вчетвером: цари, Ольга Ник⟨олаевна⟩ и Конст⟨антин⟩ Ник⟨олаевич⟩. Когда же царь бывает у фрейлины Нелидовой[16]? В 9-м часу после гулянья он пьет кофе, потом в 10-м сходит к императрице, там занимается, в час или $1^1/_2$ опять навещает ее, всех детей, больших и малых, и гуляет. В 4 часа садится кушать, в 6-ть гуляет, в 7 пьет чай со всей семьей, опять занимается, в десятого половина сходит в собрание, ужинает, гуляет в 11-ть, около двенадцати ложится почивать. Почивает с императрицей в одной кровати.

Вечером я была у импер⟨атрицы⟩: собрание было большое, очень большое для нынешнего двора. Баронесса Фредерикс, Лобанов, Раух, Суворов, Шувалов, принц Алек⟨сандр⟩. Ольга Николаевна играла в лото. Импер⟨атрица⟩ говорила, что ей нельзя, хотя и очень нужно, ехать на зиму в Италию. Государь без нее слишком грустит и одинок. Занимается один по целым часам. Это все имеет влияние на других. Государь сказал мне: «Вот скоро двадцать лет, как я сижу на этом прекрасном местечке. Часто удаются такие дни, что я, смотря на небо, говорю: зачем я не там? Я так устал...» Я хотела продолжать разговор, но он повернул на старые шутки. Пусть не мое перо их передает: я его слишком люблю. Разговору не было ни в чем замечательного.

6 марта. Был у меня Marceline Lubomirski[17]; он приехал продавать Дубно в Волынской губернии; Конар также продал свой город. «Нам слишком дорого стоит полиция русская, и своя притом должна быть»,— сказал он мне. Понятно, что им капиталы нужны. Роман Сангушко[18], который был сослан в Сибирь, на Кавказе выслужился, вернулся теперь в Волынскую губернию. Как же полякам не горевать и нас любить? Польским soeurs grises[6*] предлагали удвоить жалование, если они согласятся не относиться к папе. Они не согласились; дело это еще не кончено.

[5*] от бешенства.
[6*] серым сестрам.

Ввечеру был Суворов. Говорил, что он получил от Хвостова пропасть писем деда к Хвостову[19], также много писем к неизвестным ему лицам; по-видимому, фельдмаршал боялся почты: во многих только намеки, род арго. Аннибал, дед Пушкина, решил судьбу Суворова. Отец его, генерал-аншеф, очень умный и просвещенный человек по тогдашнему времени, прочил его в штатскую службу, потому что он был слабого сложения. На что Суворов не соглашался и все читал военные книги. Аннибал однажды был подослан к нему, чтобы уговорить его войти в службу, нашел его лежащего на картах на полу и так углубленного, что он и не заметил вошедшего арапа. Наконец тот прервал его размышления, говорил с ним долго, вернулся к отцу его и сказал: «Оставь его, братец, пусть он делает как хочет: он будет умнее и тебя и меня».

10 марта. Я обедала у гр. Ростопчиной с Ю. Ф. Самариным. После обеда вспоминали прошлое, первую нашу встречу. Это было в 38 году. Я вернулась из Парижа после почти трехлетнего путешествия. Не знаю почему, я с неизъяснимым сожалением слушала. Так много прошло времени, столько утратилось надежд, столько трепетало сердце без отголоска в эти лучшие годы жизни; а теперь, теперь всему конец, всему земному, всякой земной привязанности; вижу я смерть, если не в моей душе, то вокруг себя. Из моей памяти изгладилось совершенно это событие тогдашней жизни. Гр. Ростопчина была тогда для меня загадочное существо. Я желала с ней познакомиться, но ожидала, чтобы она сделала первый шаг. Какая-то странная природная гордость, которая развилась во мне при вступлении в общество, совершенно мне чуждое и потому неблагосклонное, мешала мне всегда при первых встречах. Я выжидала внимания, никогда не старалась и не умела его возбудить. Оттого так немногие знали, что едва ли кто-нибудь простосердечнее меня в этом обществе. Графиня Р⟨остопчина⟩ заметила в уголке маленькую женщину в красном тюрбане, весьма медленно двигающуюся, лениво облокотившуюся на кресло, спросила, кто это новое лицо, и была мне представлена графиней Борх[20]. Ей не понравился мой тюрбан; он, однако же вышел из рук знаменитой Beaudrant, был ею придуман в Париже для меня и, как я теперь помню, нашел полное одобрение государя и многих молодых барынь; Hélène Chreptovitch даже брала его на фасон. Эта зима была одна из самых блистательных. Государыня была еще хороша, прекрасные ее плечи и руки были еще пышные и полные, и при свечах, на бале, танцуя, она еще затмевала первых красавиц. В Аничковском дворце танцевали всякую неделю в белой гостиной; не приглашалось более ста персон. Государь занимался в особенности бар. Крюднер, но кокетствовал, как молоденькая бабенка, со всеми и радовался соперничеством Бутурлиной и Крюднер[21]. Я была свободна как птица и смотрела на все эти проделки как на театральное представление, не подозревая, что тут развивалось драматическое чувство зависти, ненависти, неудовлетворенной страсти, которая не переступала из границ единственно оттого, что было сознание в неискренности государя. Он еще тогда так любил свою жену, что пересказывал ей все разговоры с дамами, которых обнадеживал и словами, и взглядами, не всегда прилично красноречивыми. Однажды в конце бала, когда пара за парой быстро и весело

скользили в мазурке, усталые, мы присели в уголке за камином с бар. Крюднер; она была в белом платье, зеленые листья обвивали ее белокурые локоны; она была блистательно хороша, но не весела. Наискось в дверях стоял царь с Е. М. Бутурлиной, которая беспечной своей веселостью более, чем красотой, всех привлекала, и, казалось, с ней живо говорил; она отворачивалась, играла веером, смеялась иногда и показывала ряд прекрасных белых своих жемчугов; потом, по своей привычке, складывала, протягивая, свои руки — словом, была в весьма большом mal à son aise[7*]. Я сказала m-me Krudener: «Vous avez soupé, mais aujourd'hui les derniers honneurs sont pour elle».— «C'est un homme étrange,— dit elle,— il faut pourtant que ces choses ayent un résultat, avec lui il n'y a point de fin, il n'en a pas le courage, il attache une singulière idée à la fidelité. Tous ces manèges avec elle ne prouvent rien»[8*].

Всю эту зиму он ужинал между Крюднер и Mary Пашковой, которой эта роль вовсе не нравилась. Обыкновенно в уголке, в длинной зале, где гора, ставили стол на четыре прибора; Орлов и Адлерберг садились с ними. После покойный Бенкендорф заступил место Адлерберга, а потом и место государя при Крюднерше. Государь нынешнюю зиму мне сказал: «Я уступил после свое место другому» — и говорил о ней с неудовольствием, жаловался на ее неблагодарность и ненавистное чувство к России. Она точно скверная немка, у ней, как говорил мне раз человек мой Григорий, жадность к деньгам непомерная.

Мне рассказывали вчера, что киселевские мужики[22], жалуясь на его управление, говорили: «Разве ленивый нас не грабит».

11 марта. Уваров — штукарь. Он прежде старался удерживать при себе Григория Волконского, через него пробивался к Петру Михайловичу. Видя, что результатов нет, что графство ему не достается, и чувствуя, что в кураторе он имеет строгого и независимого судью, он старался всячески его избавиться. Grégoire ему сказал однажды: «Жена моя больна, не знаю, что делать, ‹не› придется ли мне ехать в Одессу». На другой день при докладе министр воспользовался случаем и сказал государю, что Волконский просится в Одессу. Сказано было доложить об этом при следующем докладе. Случилось весьма некстати для Уварова, что Петр Михайлович тут случился при докладе. «Сын твой просится в Одес,— сказал государь,— «Как так, да я ни слова об этом не слыхал!» — «Да,— отвечал немного сконфуженный Уваров. Бумага была подписана уже. Григорий В‹олконский› отправился к министру, который отвечал ему, что «il faut saisir les occasions, qu'il a cru bien faire et rendre un service de suite, qu'il travaille rarement avec l'Emp‹ereur›»[9*]. Волконский хотел письменно все изъяснить го-

---

[7*] чувстве неловкости.

[8*] Вы ужинали, но последние почести сегодня для нее.— Это странный человек,— сказала она,— нужно, однако, чтобы у этого был какой-нибудь результат, с ним никогда конца не бывает, у него на это нет мужества; он придает странное значение верности. Все эти маневры с ней ничего не доказывают.

[9*] нужно пользоваться случаем, что он думал сделать добро и скорее оказать услугу, что он редко работает с императором.

сударю и, кажется, с огорчением на Уварова, но отец нашел письмо неприличным и не велел его подавать. Уваров торжествует [23].

Вечером я была у императрицы. Чужих было только двое: Виельгорский Матвей и Лобанов. Говорили о портретах импер‹аторской› фамилии, собранных по приказанию государя. Их всех поместят в каком-нибудь дворце по порядку родовому; нашелся даже портрет Натальи Алексеевны, дочери царевича. Хвалили портрет Елизаветы Алексеевны, писанный m-me Lebrun, еще в фижмах, следовательно в первой ее молодости, когда она была точно еще хороша [24]. Императрица говорила, что довольно странно случилось, что Е‹лизавета› А‹лексеевна› сделалась к ней ласковее, когда родился наследник. «Ce devait être un moment affreux pour elle, et cependant depuis ce moment elle devenu plus affectueuse pour moi. Quand mon fils est né, après le premier moment de bonheur, j'ai pensé au sort qui l'attendait: il était destiné à règner. Quant à nous, nous n'en avions aucune idée pour nous» [10*]. Что значат эти последние слова? Думала ли она, что Александр Павлович проживет долго, или она хотела сказать, что они не знали условия, сделанного с прусским королем [25]? Впрочем, Константин тогда еще не был женат на Ловичевой, а Михаил Павлович мне говорил, что он отказался от престола решительно при получении позволения на ней жениться. «Ma chère, en venant en Russie, j'admirais beaucoup la bienfaisance de maman [26], mais c'était la mode de se moquer d'elle et de sa conversation qui roulait sur établissements d'éducation et des hôpitaux. Un jour à Moscou maman faisait les honneurs de ses maisons à mon père, l'Empereur Alexandre me donnait le bras et me répétait: «De l'indulgence, de l'indulgence!» — «Mais je n'en ai pas bésoin,— lui dis je,— j'admire, je trouve cela superbe, cela me plait et me touche». Il me regardait d'un air étonné: c'était l'imp‹eratrice› Elisabeth qui donnait le ton à cette moquerie; au fond elle était aigre» [11*].

После говорили о письмах импер‹атрицы› Елизаветы к барону Черкасову [27], который посылан был навстречу к трем дармштадтским принцессам. Они ехали с матерью ко двору на выбор Павлу Петровичу. Письма эти найдены были между бумагами покойного Александра Николаевича Голицына.

Черкасов о всякой безделице относится к Екатерине: «Прикажете выслать зелени свежей и цыплят?» Она отвечала: «Приказано мною выслать вам зелени» и проч. «Прикажете ли дамам при представлении в городах подходить к руке принцессы-матушки?» — «Нет,— был ответ,— русские дамы только подходят к своим царственным особам».

[10*] Это, должно быть, был для нее ужасный момент, и, однако, с этого времени она стала гораздо ласковее ко мне. Когда родился мой сын, после первой минуты счастья я подумала об ожидающей его судьбе: ему суждено было царствовать. Что до нас, то мы и не помышляли об этом.

[11*] Моя милая, приехав в Россию, я очень восхищалась благотворительностью матушки [26], но модно было насмехаться над ней и над ее разговороми, вращавшимися только вокруг воспитательных учреждений и госпиталей. Однажды в Москве матушка показывала эти учреждения моему отцу; император Александр вел меня под руку и повторял мне: «Будьте снисходительны, будьте снисходительны!» — «Но я не нуждаюсь в этом,— сказала я ему,— я восхищаюсь, я нахожу это превосходным, мне это нравится и трогает меня». Он смотрел на меня с удивлением. Это имп‹ератрица› Елизавета задавала тон этим насмешкам; в сущности она была едкой.

Государь перебил разговор. Я ему напомнила о Гоголе, он был благосклонен. «У него есть много таланту драматического, но я не прощаю ему выражения и обороты слишком грубые и низкие».— «Читали вы «Мертвые души»? — спросила я.— Да разве они его? Я думал, что это Соллогуба» (NB)[28]. Я советовала их прочесть и заметить те страницы, где выражается глубокое чувство народности и патриотизма.

Он читал «Le Juif errant» (NB)[29]. К⟨онстантин⟩ Николаевич помешался на Константинополе[30], пишет по-турецки, рисует виды Конст⟨антинополя⟩; только и разговору, что про путешествие, которое совершится летом. Он точно умен, и ум его живой и деятельный, но беда, если эту деятельность обратят на мелкие интересы. Если он из этой атмосферы не выйдет, плохо будет.

Государь ездил смотреть группы в трико у Лемольта в детском театре с наследником и герцогом Л⟨ейхтенбергским⟩; запретил продолжать эти представления. Поутру вся царская фамилия ездила в крепость служить панихиду по Павле Петровиче. «Оттуда поехал я к Михайлу Пав⟨ловичу⟩ с Максом и Сашей; то-то мы там врали»[31].

12 марта. У Софьи Сергеевны Бибиковой был большой вечер и картины. Довольно странно, что гр. Воронцова взялась за роль Virginie[32]. Paul был столько хорош чистотою своего спокойного лица, сколь она неуместна. Это замечание нисколько не исключает ее живой и безусловной прелести. Она очень мила, когда танцует, и весела, дуться она тоже умеет, но едва ли когда-либо горевала и страдала душевно, а потому elle boudait dans son tableau[12*]. Наша Тютчева[33] была прелесть хороша, весела и мила в греческом костюме. Счастливый случай доставил мне случай сидеть возле фельдмаршала[34]. Он исстари ко мне благоволил, когда я была привычным предметом во дворце, где он бывал ежедневно и ежечасно перед выездом в Варшаву. Он выговаривал мне, что при отъезде моем за границу я не проезжала через Варшаву.— «Я жду вашей железной дороги до Вены».— «Чрез два года она будет готова. Пруссаки идут к нам навстречу, австрийцы тоже подвигают эту линию, да в два года это откроется».— «Ну, смотрите, князь, чтобы прусские бродяги к вам не подъехали по этой дороге».— «Ничего, я не боюсь».— «Да ведь у вас теперь все смирно?» — «Как, совсем нет! Вот еще недавно 50 человек в ноябре месяце (44 года) захватили, 30 выпущено, а 20 пойдут кто в Сибирь, кто на Кавказ. Разумеется, тут единодушного ничего нет, а как бы вы думали, что они затевают? Или подорвать бастион, или меня убить и зарезать. Все это больше шляхта, да и выше шляхты, а из высшего сословия есть, да так мастерски, что никогда себя не выдадут, а поджигают только шляхту».— «А что делают у вас Лубинские?» — «Да ведь один отставлен, тот, который был при банке, а Фома живет себе».— «Я, может быть, ошибаюсь, но он мне казался немного подлым».— «Ведь их география такая, что они или подличают или бунтуют. Лубинские очень бедны».— «Вы раздаете же майоратства, дайте и им способы существовать».— «Никак я раздал на полтора миллиона дохода земель, но все русским греческого исповедания. Это я

12* она дулась в своей картине.

первый сделал это условие: там нужно поболее русских, а если и даю немцам, то пожизненно протестантам, или в случае, что дети православного исповедания, тогда наследственно. (Гейсмар и его жена — немцы, а детей крестили в греческую религию.) Я в Польше не нов и я историю хорошо знаю, так как я и в Персии и Турецкой Азии был не нов, знал ее географию, топографию и историю. Всегда много читал историю. Не думайте, чтоб успех так даром давался». Я спросила его о Позенских движениях, о Богемии. «Вы верите этим славянским движениям! Это все возмутители, бунтовщики. Я этим всем воли не даю. У меня в Варшаве не смеют об этом говорить: всех их подальше».— «Как, и богемцы у вас не в милости?» — «Бунтуют против Австрии. Все это непокорность!» — «О боже,— я вздохнула,— вот как на это смотрит наше правительство, может быть, в угодность Австрии, по наущению застенчивой и трусливой душонки Нессельрода» [35]. И фельдмаршал, русский сердцем и душой и, конечно, не только баловень судьбы, но и человек с большими дарованиями и читавший много историю, также разделяет это мнение! Но он принадлежит своему времени. По случаю Богемии заговорил он по-французски: «Vous avez lu, comment cela? «Roudolstadt»?— «Oui, oui» [13*]. Вот оно, где истории учатся; в романах! «Скажите, пожалуйста — впрочем, я теперь сам читаю много романов: времени нет, и это так, перелистываешь,— «Consuelo» [36], comme c'est charmant, n'est ce pas? [14*]. Слава богу, фельдмаршал не блистает красноречием на французском языке, да и по-русски он не красноречив. Il aime beaucoup les femmes et s'en occupe jusqu'à présent [15*]. Он также мне сказал, что его любят в Польше, несмотря на то, что он строг: «Я справедлив и не спешу». Мне это подтвердили поляки, именно Любомирский.

13 марта. Был у меня милый и добрый Тютчев. Говорили о дворе, о прошлом, о царе. Он упрекал меня, что я не пишу записки. Il m'a fait part d'une histoire qu'on conte sur l'Emp⟨ereur⟩ Alexandre. L'année 14 il doit avoir consulté m-me Lénormand: au meyen d'un miroir elle doit lui avoir montré l'avenir. D'abord il vit sa propre figure qui fut remplacé par une image presque fugitive de son frère Constantin: celle-ci fut placé à la grande et belle figure de l'Emp⟨ereur⟩Nicolas qui reste longtemps ferme; après lui il vit quelque chose de confus, des ruines, des cadavres sanglants et la fumée, qui envelloppait tout cela comme d'un linceul. Resté à savoir si ce n'est pas l'imagination bienveillante des amis d'outre mer qui se consolent des ses craintes par des funestes pressentiments pour la Russie [16*].

[13*] Вы читали, как это? «Рудольштадт»?— Да, да.

[14*] «Консуэло», как это прелестно, не правда ли?

[15*] Он очень женолюбив и занимается этим до сих пор.

[16*] Он сообщил мне историю, которую рассказывают об имп⟨ераторе⟩ Александре. В 14-м году он должен был обратиться за советом к мадам Ленорман; она должна была в зеркале показать ему будущее. Сперва он увидел свое собственное лицо, которое сменил почти мимолетный образ его брата Константина; тот уступил место величественному и прекрасному лицу имп⟨ератора⟩ Николая, которое долго оставалось устойчивым; после него он увидел что-то смутное, развалины, окровавленные трупы и дым, окутывавший все это как саваном. Остается узнать, не благосклонное ли это воображение заморских друзей, успокаивающих свои страхи зловещими предчувствиями для России [37].

14 марта. Ахматов просил не забыть подписку для западных единоверцев, которых Австрия не балует на этот счет. Известно, что государь посылал в Венгрию церковные книги. Le comte de Bastard a été à Vienne à cette époque et m'a dit que ce fut de très mauvais effet. Invité à un grand dîner chez un fonctionnaire il a entendu s'exprimer la haute aristocratie allemande là-dessus[17*]. Муравьев А. Н. во Флоренции[38] и негодует пока на формы богослужения католического.

15 ‹марта›. Во дворце был концерт — первое большое собрание после траура по в‹еликой› к‹нягине› Александре Ник‹олаевне›[39]. Рубини, Тамбурини, Виардо и Ниссен; пели «Стабат» Россини, хоры — придворные певчие, Ромберг дирижировал[40]. Играли также «Les Hébrides» Мендельсона. Мне показалось все очень великолепно и торжественно во дворце после двухлетнего моего отсутствия за границею. Там все дворы просто смешны важностью и заботливостью немцев, когда подумаешь, что они уже ничего не значат, да притом только плюнь, так уж и за границу. А Луи Филиппа двор еще смешнее. Мне жаль было смотреть на Гизо, когда он в белом галстучке, в башмачках и Légion d'honneur[18*] рассказывал про крестины Филиппова внука с весьма самодовольным видом.

Концерт был очень важен, в Ротонде, хвостом к церковной двери, были уставлены музыканты. Императрица сидела почти напротив dans le fond[19*]. От нее рядком расселись штатс-дамы: графиня Нессельрод, Левашова, княг‹иня› Васильчикова, гр‹афиня› Орлова, Баранова, К. М. Рибопьер. Подалее фельдмаршал, государь, Орлов, Нессельрод, Рибопьер, Киселев; из министров не было Панина и Блудова. За ужином государь пожаловал за наш стол, между мной и Захаржевской[41]; по ту сторону Захаржевской сидела Варинька Нелидова, которую государь всегда зовет просто Аркадьевна; возле нее Ал. Ф. Орлов. По некоторым словам Орлова и по тону его с Нелид‹овой› надобно думать, что она пользуется все тою же милостию и что даже этот господин ловко поддерживает ее: кое-что, может быть. приказано в свое время намеком. Она очень умно себя ведет и очень прилично. Особенного не было говорено.

Государь жаловался на Орлова: «Алексей Федорович в дороге как заснет, так навалится на меня, что мне хоть из коляски вылезать».— «Государь, что же делать? — сказал Орлов.— Во сне равенство, море по колено». А я думаю, наяву у самого душа в пятки уходит, когда разгневается царь и возглаголет яростию своею. Орлов говорил мне, что импер‹атор› желал поместить брата к нему, говорил и нелюбезно и даже сурово. Мое дело просить, и не стыдно просить для других, для себя, слава богу, ничего не прошу. Государь приказал ему заняться с Гоголем, он также говорил: «Ведь он еще молод и ничего такого не сделал»[42]. Прошу покорно господ министров сказать, что такое надобно сделать в литературе, чтобы получить патент на достоинство литератора в их смысле. Им сядь и выведи

17* Граф де Бастар был в то время в Вене и говорил мне, что это произвело очень дурное впечатление. Приглашенный на большой обед к одному сановнику, он слышал, как высказывалась по этому поводу высшая немецкая аристократия.

18* орденом Почетного легиона

19* в глубине.

«*Ода*», потом в один присест: такого-то дня и *года*[43]. Право, они смешны; еще если бы читали по-русски. После такого великолепия я вернулась домой и долго размышляла о дворце и царедворцах, хотя их давно знаю.

16 ⟨*марта*⟩. Баронесса Фридрикс сказывала, что прусский король писал государю об открытии диет провинциальных, излагая свои мысли, совсем не сходные с желаниями конституционной партии. Государь пеняет братца в словоохотливости. Разговорились о французских романах. Во дворце читали с жадностью[44] «Mystères de Paris», и государь со слезами épisode de la Louve и другие...

Братья Мюллеры давали концерт[45] в зале Виельгорских. Квартета лучше этого я никогда не слыхала. Их упрекают в недостатке élan[20*]. Львов говорит, что у них не души, а душонки, что только четыре немца так могут играть ладно. M-me Viardot me disait aussi que des allemands seuls pouvaient jouer avec ce calme[21*]. В Париже славился квартетами Baillot в 37 году. Берлинскую публику восхищал несколько лет слепой Möser. Мюллеров сперва не хотели слушать, потом заслушались.

Великий князь М⟨ихаил⟩ П⟨авлович⟩ был у меня вечером и не застал дома.

16 ⟨*марта*⟩. Поутру была у меня А. В. Сенявина[47] и говорила, что муж ее, наделив все уезды Псковской губернии хлебом и деньгами, возвращается домой. Ей писали из Москвы, что Шевырева зашикали на одной лекции. Грановский, тот, который прошлый год читал с блистательным успехом историю средних веков, читал диссертацию на магистерскую степень. Редкин его защищал против Шевырева, публика заступилась за любимца-красавца и зашикали, когда Шевырев немного кольнул Грановского[48]. Я писала по оказии Жуковскому[49] насчет Гоголя и просила его написать несколько строк к Орлову.

17 ⟨*марта*⟩. Были крестины во дворце вел. кн. Александра Александровича и обыкновенный большой обед. Графа Нессельрода сделали канцлером. Волконскому 4000000 серебром, т. е. простили долг на имении tante militaire[22*][50]. Говорят, что он был в большом гневе: если бы не канцлерство Нессельроду, то эти деньги ему были бы очень понутру, а теперь невпопад, потому что Нессельрод стал выше его. Васильчикову Л. В. мажоратство в 20 тысяч серебром, кажется Тауроген.

18 ⟨*марта*⟩. Вечером была у княгини Чернышевой, которая принимает по субботам. Князь[51] страх как некрасноречиво говорит. Он хотел нас позабавить рассказом о шведском короле (Bernadotte) и очень скучно рассказывал про пустой случай. Очень важно в кружок сидели Левашов, Киселев, очень aigre-doux[23*], Граббе, Берг и Блудов, выжидавший с нетерпением, чтобы захватить разговор в свое владение. Вошел адъютант граф Гурьев. Очень некстати сказал ему министр: «Asseyez-vous»[24*], и повторил

20* порыва чувств.

21* Г-жа Виардо тоже говорила[46] мне, что только немцы могут играть с таким спокойствием.

22* воинственной тетки.

23* кисло-сладкий.

24* Садитесь.

еще раз, довольно холодно: «Asseyez-vous». Ведь это нигде не услышишь и не увидишь. Ce n'est pas européen[25*]. Покойная Наталья Кирилловна Загряжская не любила князя Чернышева, не любила также слова européen. «Ma chère, que c'est que c'est que ce mot d'européen, qu'on a inventé à présent sans être européens? On valait mieux de nôtre temps»[26*],— говорила она, пригрызывая себе ногти. Она сказала бы о Чернышеве, что он неуч. Но неуч не то значит, что manque d'européisme ou de la civilisation[27*]. Я узнала, что у Суворова живет один из братьев Варгиных. Варгин был fournisseur de l'armée[28*] до вступления в министерство кн. Чернышева, который с ним довольно дурно поступил. Он обанкрутился, имел до 20 миллионов прежде в обороте[52].

18 ⟨марта⟩. Вечером я была у в⟨еликой⟩ к⟨нягини⟩ Ольги Николаевны. Играли в лото за большим столом, и государь также, а в⟨еликая⟩ к⟨нягиня⟩ с фрейлинами и молодыми дамами, флигель-адъютантами в другой комнате. После Огарев вздумал позабавить нас представлением: нарядился в тюрбан, стоял в дверях, напялил юбчонку, на руки чулки и башмаки и танцевал руками по столу, а К⟨онстантин⟩ Н⟨иколаевич⟩ голыми руками делал за него жесты. Оно точно было смешно, но довольно странно: не так забавлялись при Екатерине. Государь уже видел прежде у графа Клейнмихеля подобные представления. Я спросила Рибопьера, который век свой прожил при дворе, какова была Наталья Алексеевна, первая жена Павла Петровича. «Она была гульлива. Великий князь тогда был в короткой связи с Андреем Кирилловичем Разумовским[53] и приказывал ему всегда входить прямо к себе без докладу, даже когда он в кровати с женой. Он понравился Наталье Алексеевне. Они после подсыпали ему порошок в питье и тут же, не женируясь...» Она умерла в родах (где похоронена, бог весть, но не в крепости). Великий князь был в отчаянии, а императрица, чтобы утешить его, показала ему переписку жены с Андреем Кирилловичем; его послали в Неаполь, где царствовала и распутствовала Каролина[54], та самая, которую я видела в Одессе в 1813 году. Его Актон оттуда выжил. У графа Нессельрода была тьма народу; все поздравляли с канцлерством.

19 ⟨марта⟩. Вся царская фамилия была в концерте инвалидов, день вошествия в Париж. Оттуда приехал ко мне Нелидов. Говорили о подлости Михайловского-Данилевского[55] и как он подслуживается князю Чернышеву. Фельдмаршал Сакен писал свой дневник; после смерти все его бумаги были взяты в штаб. Их пересматривал Чернышев. Нашли следующие слова в дневнике: «Если кто хочет иметь самое неверное понятие о кампании 12 года, тот пусть читает записки холопа князя Чернышева, Михайловского-Данилевского». Говорят, будто бы Данилевский тут был в комнате, и читалось это вслух, будто бы Вревским.

[25*] Это не по-европейски.

[26*] европеец. «Моя милая, что это за слово европеец, которое изобрели теперь, не будучи европейцами? Было лучше в наше время».

[27*] недостаток европеизма или цивилизованности.

[28*] поставщик армии.

20 ⟨*марта*⟩. У графа Кушелева был большой музыкальный вечер. Мне смерть надоели итальянцы, l'air de Balf [29*] и Маринари. Я сидела в другой комнате, подошел ко мне князь Меншиков [56]. Я всегда жду от него un mot à la Taleyrand. Il parait que ces mots sont rares comme les beaux jours [30*]. А по городу их столько шатается! Мне видно счастья нет! Хорошо он сказал про Рубини: «J'ai la vue trop basse pour l'entendre» [31*].

21 ⟨*марта*⟩. Полетика на меня сердится, что я его не навещала во время болезни; он же никуда почти не ездит, да и не прислал сказать, что болен. Петр Иванович напрасно не писал свои записки. Он вступил в службу еще при Безбородке, всегда жил в высшем круге и был во многих домах на короткой ноге, как, напр⟨имер⟩, у графа Семена Воронцова в Англии, бывал в посольствах, много читал, много видел [57]. Мы разговорились о статье, написанной Тьером в «Histoire du Consulat» о смерти Павла Петровича. Редакторы журнала нарочно поместили ее на 11 марта, так что государь прочел эту статью 12 числа нашего стиля. Я удивляюсь, откуда Тьер мог иметь такие верные и подробные известия, совершенно изустные до сих пор у нас. Петр Иванович говорил мне, что первый, который это разгласил в Берлине, был Жеребцов. Он послан был тогда с известием о смерти, знал все и хвастал даже, что он принимал участие в этом деле. C'était la mode alors de s'en vanter. Bolhovscoy s'en est vanté aussi et s'en est mal trouvé après. Le comte Langeron a aussi contribué à divulguer ces affreux détails. Il a écrit des mémoires à cette époque et ce manuscrit doit être en France [32*][58]. Петр Иванович был у графа Палена в его имении в Курляндии. Его жена была очень замечательная женщина и в то время в весьма тесной дружбе с в⟨еликой⟩ к⟨нягиней⟩ Елизаветой Алексеевной. Она говорила ему, что еще в самом начале Е⟨лизавета⟩ А⟨лексеевна⟩ не любила Александра. Elle était très dédaigneuse avec lui et repoussait toutes ses caresses [33*]. Мое дело пошло на лад: государь приказал Уварову узнать, что нужно Гоголю. Уваров тут поступил благородно [60], сказал, что Гоголь заслуживает всякую помощь.

22 ⟨*марта*⟩. Надобно подробно узнать дело *des soeurs grises*, которое наделало много шуму и очень не понравилось римскому правительству. В последний раз, когда я была у государыни, она хотела было заставить читать депеши из Пруссии насчет движенья в южных провинциях. Кажется, большая партия хочет отойти от папской зависимости. Что такое католицизм без папы? В тот же день она читала депеши Бутенева из Рима, который, по-видимому, улаживает с Ламбрускини [61]. Дело о soeurs grises началось еще в бытность мою в Риме в 1842 году при Потемкине. Говорят, что Потемкин был некогда умный человек, но без характера; от пренебрежения или оттого, что дела делал Павел Иванович Кривцов мимо его, но

[29*] ария Бальфа

[30*] остроты, подобные остротам Талейрана. Его остроты, кажется, редки, как хорошая погода.

[31*] Я слишком близорук, чтобы его услышать.

[32*] Тогда было модно этим хвастать. Болховской тоже этим хвастал, и ему пришлось потом в этом раскаяться [59]. Граф Ланжерон тоже помог разглашению этих ужасных подробностей. Он написал мемуары об этой эпохе, и рукопись должна быть во Франции.

[33*] Она очень пренебрегала им и отталкивала все его ласки.

Ламбрускини первый говорил ему о многих предметах, о которых ему ни слова не писали. Кривцов умер в прошлом году. Он был то, что называется тонкая штука, ума приятного и обхождения facile [34*]. Он не имел, впрочем, de la portée dans ces vues [35*], а так только имел ум про случай. Константин Николаевич едет в Константинополь. К нему ходит по вечерам Фонтон. Он — фанариот и был, кажется 11-ть лет при нашем посольстве в Турции. Говорят, что он весьма сведущ в восточных делах, да и личности ему знакомы. К⟨онстантин⟩ Николаевич при мне говорил, что после Олега он первый из князей королевской крови русской подъедет к Константинополю. Спрашивал меня, что мне оттуда привезти. Я сказала: «Возьмите город». Он положил палец ко рту и вполголоса сказал: «Он будет, будет наш — уж этого не миновать».

Нелидов вечером был у меня. После последнего указа о рекрутском наборе по 7 с тысячи государь собрал всех флигель-адъютантов и говорил им предлинную речь. Вот ее содержание в нескольких словах: «Господа, я знаю, что на меня ропщут: если бы я был помещик, я бы сам роптал. Кавказ — только предлог; в скором времени вы узнаете настоящую причину сего набора: они самые важные. Мне больно во всеобщем ропоте то, что в двадцать лет моего царствования меня не узнали еще и не поняли, что без особенной причины я никогда не брал рекрутов». Он говорил прекрасно, как всегда. Но у каждого был ответ в кармане: «А бессрочные отпускные зачем у вас?» [62]. Флигель-адъ⟨ютант⟩ Опочинин послан был в польские губернии кормить их. Их там гуляет, и, как кажется, не смирно, до 10000. Опочинин, встретя меня на Салтыковской лестнице, мне это сам говорил.

[34*] легкого
[35*] значения в этих видах.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЖУКОВСКОМ И ПУШКИНЕ

Кроме приведенных мною писем Жуковского [1], более нет у меня имеющих общий интерес; еще есть куча записок из Эмса в Баден-Баден в 1844 году и три письма шуточные, которые он сам называл галиматьей. Он очень любил писать такого рода шутки и говорил: «Ведь у меня целый том галиматьи». Если вам угодно получить несколько подробностей о Жуковском, сообщаю вам их, как умею. Не ждите ни слога, ни порядка в изложении.

Василия Андреевича я увидела в первый раз в 1826 г. в Екатерининском институте, при выпуске нашего 9-го класса. Императрица Мария Федоровна делала наши экзамены с торжественностью, в своем присутствии и до публичного экзамена. На этот публичный экзамен собрались митрополиты (на нашем был еще Сестренцевич), академики и литераторы. Учителем словесности был П. А. Плетнев, друг Пушкина, любимец императрицы Марии Федоровны, человек вполне достойный ее внимания и особой благосклонности. Экзамен, благодаря его трудам, мы сдали очень хорошо. Тут прочитаны были стихи Нелединскому и Жуковскому, их сочинения [2]. Императрица Мария Федоровна оказывала обоим аттенцию и во все время экзамена или словами, или взглядами спрашивала их одобрения. После экзамена подан был завтрак (dejeuner à la fourchette), и так как это было на маслянице, то оба поэта преусердно занялись блинами. Этот завтрак привозился придворными кухмистерами, и блины точно пекли на славу во дворце. Нас всех поразили добрые, задумчивые глаза Жуковского. Если б поэзия не поставила его уже на пьедестал, по наружности можно было взять его просто за добряка. Добряк он и был, но при этом сколько было глубины и возвышенности в нем. Оттого его положение в придворной стихии было самое трудное. Только в отношениях к царской фамилии ему было всегда хорошо.

Он их любил с горячностью, а императрицу Александру Федоровну с каким-то энтузиазмом, и был он им всем предан душевно. Ему, так сказать, надобно было влезть в душу людей, с которыми он жил, чтобы быть любезным, непринужденным, одним словом, самим собою.

Хотя он был как дитя при дворе, однако очень хорошо понимал, что есть вокруг него интриги, но пачкаться в них он не хотел, да и не умел. В 1826 году двор провел великий пост в Царском Селе, также и часть лета. Потом все отправились на коронацию в Москву, и я Жуковского не помню [3]. Лето 1828 года двор опять был в Царском Селе. Фрейлины помещались в большом дворце, а Жуковский в Александровском, при своем царственном питомце [4], и опять я с ним не сблизилась и даже мало его встречала. В 1828 же году императрица Александра Федоровна уезжала

в Одессу, а наследник и все меньшие дети остались под присмотром своей бабушки в Павловске.

Где был Жуковский, не помню. Только у обеденного стола императрицы Марии Федоровны (который совершался с некоторою торжественностью и на который всегда приглашались все те, которые только в придворном словаре значились *особами*) я его никогда не видела.

По возвращении государя из Турции [5] и государыни из Одессы двор поселился в Зимнем дворце. Мария Федоровна скончалась, город был в трауре; все было тихо, и я, познакомившись с семейством Карамзиных, начала встречать у них Жуковского и с ним сблизилась. Стихи его на кончину императрицы [6] были напечатаны и читались всеми теми, которые понимали по-русски. Жуковский жил тогда, как и до конца своего пребывания при дворе, в Шепелевском дворце (теперь Эрмитаж). Там, как известно, бывали у него литературно-дружеские вечера. С утра на этой лестнице толпились нищие, бедные и просители всякого рода и звания. Он не умел никому отказать, баловал своих просителей, не раз был обманут, но его щедрость и сердоболие никогда не истощались. Однажды он мне показывал свою записную книгу: в один год он роздал 18000 рублей [7] (ассигнациями), что составляло большую половину его средств.

Он говорил мне: «Я во дворце всем надоел моими просьбами и это понимаю, потому что и без меня много раздают великие князья, великие княгини и в особенности императрица; одного Александра Николаевича Голицына я не боюсь просить: этот даже радуется, когда его придешь просить; зато я в Царском всякое утро в нему таскаюсь». Один раз, после путешествия нынешнего государя, Жуковский явился ко мне с портфелем и говорит: «Посмотрите, какую штуку я выдумал! Я так надоел просьбами, что они, лишь как увидят меня, просто махают руками. Надобно 3000 рублей ассигнациями, чтобы выкупить крепостного живописца у барина. Злодей, узнавши, что я интересуюсь его человеком, заломил вишь какую сумму. Вот что я придумал: всю историю представил в рисунках. Сидят Юлия Федоровна Баранова и великая княгиня Мария Николаевна, я рассказываю историю. Все говорят: «Это ужасно! Ах, бедный! Его надобно высвободить». Картина вторая: я показываю рисунки, восхищаются: «C'est charmant, quel talent!» [1*]. Картин этих было несколько, и, разместив всех, приложив своих денег, он собрал с царской фамилии деньги и послал их в Оренбург [8], где томился художник у невежды-барина, который не ценил его живописи.

Жуковский любил рассказывать про свою жизнь в деревне в Белевском уезде, про дурака Варлашку, который не умел обходиться с мужскою одеждою и ходил в фланелевой юбке; как Варлашка, уходя спать на чердак, с лестницы всякий вечер кричал «боюсь» и прочий вздор. Не знаю, всем ли известны пером нарисованные виды этой деревни, в которой он жил в молодости: необыкновенная прелесть в них! Они были после литографированы, и вся коллекция у меня [9]. Один знаток англичанин мне говорил, что в этих линиях слышится необыкновенный художественный талант.

[1*] Как прекрасно, какой талант!

Шутки Жуковского были детские и всегда повторялись; он ими сам очень тешился. Одну зиму он назначил обедать у меня по средам и приезжал в сюртуке; но один раз случилось, что другие (например, дипломаты) были во фраках: и ему и нам становилось неловко. На следующую среду он пришел в сюртуке, за ним человек нес развернутый фрак. «Вот я приехал во фраке, а теперь, братец Григорий,— сказал он человеку,— уложи его хорошенько». Эта шутка повторялась раза три, наконец и ему и мне надоела, но Жуковский говорил, что в передней она всегда имела большой успех, и очень этим восхищался. Этого Григория он очень полюбил, когда я ему сказала, что он играет очень дурно на дрянной скрипке. «Как же это так, на дурной скрипке? Надобно бы ему дать хорошую».

При совершенном неуменьи наживаться, он хорошо распоряжался своими маленькими доходами и вел свои счеты с немецкою аккуратностью. Вообще в его чисто русской натуре было много германизма, мечтательности и того, что называют Gemütlichkeit [2*]. Он любил расходиться, разболтаться и шутить в маленьком кружке знакомых самым невинным, почти детским манером. Комнаты его, в третьем этаже Шепелевского дворца, были просто, но хорошо убраны. «Только,— говорил он,— жаль, что мы так живем высоко, мы чердашничаем». У него были развешены картины и любимый его ландшафт работы Фридриха [10] — еврейское кладбище в лунную ночь, которое не имеет особенного достоинства, но которым он восхищался. Как живопись, так и музыку он понимал в высшем значении; но любил также эти искусства по какой-нибудь ассоциации воспоминания. Так, однажды он мне писал: «Буду у вас обедать, а после обеда пусть m-lle Klebeck мне споет:

Land meiner seligsten Gefühle,
Land meiner Jugend и пр.[3*] [11]

Не забудьте, что тут рядом сядет «Воспоминание».

Тот, которому так дорого было воспоминание, у которого память сердца так была сильна, мог написать эти прелестные стихи:

О милый гость, святое прежде [12],
Зачем в мою теснишься грудь!
Могу ль сказать живи надежде,
Скажу ль тому, что было: будь?

Лунная ночь, с ее таинственностью и чарами, приводила его в восторг. Отношения его к старым товарищам, к друзьям молодости никогда не изменялись. Не раз он подвергался неудовольствию государя за свою непоколебимую верность некоторым из них [13]. Обыкновенно он шел прямо к императрице, с ней объяснялся и приходил в восторге сообщить, что «эта душа все понимает». «У государя,— говорил он,— первое чувство всегда прекрасно, потом его стараются со всех сторон испортить; однако, погорячившись, он принимает правду». Такой-то натуре пришлось провести столько лет в коридорах Зимнего дворца!

2* добродушие (*нем.*).
3* Страна моих святых чувств, Страна моей молодости (*нем.*).

Но он был чист и светел душою и в этой атмосфере, ничего не утратив, ни таланта, ни душевных сокровищ. Эти сокровища, так щедро богом дарованные, сбереженные в полной чистоте и святости, сделали его высшим духовным человеком, каким он был в последние годы своей жизни. Письмо Базарова о его кончине [14] свидетельствует об этом.

До 1829 года я не сближалась с Василием Андреевичем. В наш фрейлинский коридор ходили всякие люди просить помощи и подавать прошения, вероятно, полагая, что мы богаты и могущественны. Но ни того, ни другого в сущности не было. Однажды забрался ко мне серб, князь Божулич-Надин. Его дочь была со мною в институте; он желал возвратиться на родину и был в совершенной нищете. Таких денег у нас не было, и я решилась попросить Жуковского прийти ко мне и рассказала ему историю бедного серба.

Так как вы хотели иметь шуточные его письма, то вот вам его ответ:

«Милостивая государыня, Александра Иосифовна!

Имею честь препроводить к вашему превосходительству сто рублей государственными ассигнациями на счет того путешествующего сербского мужа, о котором с таким трогательным красноречием, при сиянии звездообразных очей своих, вы соблаговолили мне проповедывать во время сладко-сердечного моего пребывания в тесном жилище вашего превосходительства. Сие денежное пособие, извлеченное мною из собственного моего портфеля, будет мною собрано с их императорских высочеств; но для сего нужно мне иметь подробное описание той странствующей особы, о коей так благодетельно вы заботитесь, милостивая государыня. Итак, соблаговолите отложить вашу лень, столь усыпляющую ваше превосходительство, и миниатюрною ручкою вашею начертите несколько письменных каракулек, в коих означьте имя и обстоятельства оного сербского мужа, привлекшего на себя вашу благотворительность. Примите уверение в истинном благопочитании, с коим лично имею честь пресмыкаться у ног ваших. *Бык*».

Тотчас по присылке денег и письма он сам явился и говорит: «А каково я написал, ведь вышло хорошо!» — «Как можно тратить время на такой вздор!» — «О, ведь я мастер писать такие штуки!» Сто рублей были его, потом он собрал еще, и серба мы снарядили в путь на родину. С этой поры у нас начались частые дружеские отношения и постоянные шутки, такие же детские и наивные, как письмо.

Вот еще и другое:

«Милостивая государыня, Александра Иосифовна!

Начну письмо мое необходимым объяснением, почему я отступил от общепринятого обычая касательно письменного изложения вашего почтенного имени. Мне показалось, милостивая государыня, что вас приличнее называть *Иосифовною*, нежели *Осиповною*, и сие основывается на моих глубоких познаниях библейской истории. В Ветхом Завете, если не ошибаюсь, упоминают о некотором *Иосифе Прекрасном*, сыне известного патриарха Иакова (он был продан своими злыми братьями). Вы, милостивая государыня, будучи весьма прекрасною девицею, имеете неотъемлемое право на то, чтобы родитель ваш именовался *Иосифом* Прекрасным, а не просто *Осипом*, слово несколько шероховатое, неприличное красоте

и слишком напоминающее об *осиплости*, известном и весьма неприятном недуге человеческого горла.

Кончив сие краткое предисловие, обращаюсь к тому, что вооружило гусиным пером мою руку для начертания нескольких строк к вам, милостивая государыня, строк, коим, признательно сказать, я завидую, ибо они обратят на себя ваши звездно-сверкающие очи и, может быть, сподобятся произвести вашу зевоту, которая хотя и покривит прелестные уста ваши, но все не отнимет у них природной их прелести: ибо они останутся прелестными и тогда, когда вы, милостивая государыня, соблаговолите растянуть их на пол-аршина в минуту зевоты или надуть их, как добрую шпанскую муху, в минуту гнева. Чтобы кончить и выразить в двух словах все, что теперь у меня на сердце, скажу просто и искренно: все ли вы в добром здоровьи и будете ли дома после семи часов?

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью честь имею быть, милостивая государыня, покорнейший слуга *Бык-Жуковский*».

Часть лета 1830 года мы провели в Петергофе, а потом в Царском Селе до сентября. Тут уже мы часто видались с Жуковским; но в 1831 году в Царском мы видались ежедневно. Пушкин с молодой женой поселился в доме Китаева, на Колпинской улице. Жуковский жил в Александровском дворце, а фрейлины помещались в Большом дворце. Тут они оба взяли привычку приходить ко мне по вечерам, т. е. перед собранием у императрицы, назначенном к 9 часам. Днем Жуковский занимался с великим князем или работал у себя. Пушкин писал, именно свои сказки, с увлечением; так как я ничего не делала, то и заходила в дом Китаева. Наталья Николаевна сидела обыкновенно за книгою внизу. Пушкина кабинет был наверху, и он тотчас нас зазывал к себе. Кабинет поэта был в порядке. На большом круглом столе, перед диваном, находились бумаги и тетради, часто несшитые, простая чернильница и перья; на столике графин с водой, лед и банка с кружовниковым вареньем, его любимым (он привык в Кишиневе к дульчецам). Волоса его обыкновенно еще были мокры после утренней ванны и вились на висках; книги лежали на полу и на всех полках. В этой простой комнате, без гардин, была невыносимая жара, но он это любил, сидел в сюртуке, без галстука. Тут он писал, ходил по комнате, пил воду, болтал с нами, выходил на балкон и прибирал всякую чепуху насчет своей соседки графини Ламберт. Иногда читал нам отрывки своих сказок и очень серьезно спрашивал нашего мнения. Он восхищался заглавием одной: «Поп — толоконный лоб и служитель его Балда». «Это так дома можно,— говорил он,— а ведь цензура не пропустит!» [15] Он говорил часто: «Ваша критика, мои милые, лучше всех; вы просто говорите: этот стих не хорош, мне не нравится». Вечером, в 5 или 6 часов, он с женой ходил гулять вокруг озера, или я заезжала в дрожках за его женой; иногда и он садился на перекладинку верхом, тогда был необыкновенно весел и забавен. У него была неистощимая mobilité de l'ésprit [4*]. В 7 часов Жуковский с Пушкиным заходили ко мне; если случалось, что меня дома нет, я их заставала в комфортабельной беседе с моими девушками. «Марья Са-

---

[4*] подвижность ума.

вельевна у вас аристократка, а Саша, друг мой, из Архангельска, чистая демократка. Никого ни в грош не ставит». Они заливались смехом, когда она Пушкину говорила: «Да что же мне, что вы стихи пишете — дело самое пустое! Вот Василий Андреевич гораздо почетнее вас». «А вот за то, Саша, я тебе напишу стихи, что ты так умно рассуждаешь». И точно, он ей раз принес стихи, в которых говорилось, что

Архангельская Саша
Живет у другой Саши.

Стихи были довольно длинны и пропали у нее. В это время оба, Жуковский и Пушкин, предполагали издание сочинений Жуковского с виньетками. Пушкин рисовал карандашом на клочках бумаги, и у меня сохранился один рисунок [16], также и арабская головка его руки. Жуковский очень любил вальс Вебера и всегда просил меня сыграть его; раз я рассердилась, не хотела играть, он обиделся и потом написал мне опять галиматью. Вечером Пушкин очень ею любовался и говорил, что сам граф Хвостов не мог бы лучше написать. Очень часто речь шла о сем великом муже, который тогда написал стихи на Монплезир:

Все знают, что на лире
Жуковский пел о Монплезире
И у гофмаршала просил
Себе светелочки просторной,
Веселой, милой, нехолодной и пр.

Они тоже восхищались и другими его стихами по случаю концерта, где пели Лисянская и Пашков:

Лисянская и Пашков там
Мешают странствовать ушам [17].

«Вот видишь,— говорил ему Пушкин,— до этого ты уж никак не дойдешь в своих галиматьях».— «Чем же моя хуже»,— отвечал Жуковский и начал читать:

Милостивая государыня, Александра Иосифовна!
Честь имею препроводить с моим человеком
Федором к вашему превосходительству данную вами
Книгу мне для прочтения, записки французской известной
Вам герцогини Абрантес [18]. Признаться, прекрасная книжка!
Дело, однако, идет не об этом. Эту прекрасную книжку
Я спешу возвратить вам по двум причинам: во-первых,
Я уж ее прочитал; во-вторых, столь несчастно навлекши
Гнев на себя ваш своим неприступным вчера поведеньем,
Я не дерзаю более думать, что было возможно
Мне, греховоднику, ваши удерживать книги. Прошу вас
Именем дружбы прислать мне, сделать
Милость мне, недостойному псу, и сказать мне, прошла ли
Ваша холера и что мне, собаке, свиной образине,
Надобно делать, чтоб грех свой проклятый загладить и снова

Милость вашу к себе заслужить? О царь мой небесный!
Я на все решиться готов! Прикажете ль, кожу
Дам содрать с своего благородного тела, чтоб сшить вам
Дюжину теплых калошей, дабы, гуляя по травке,
Ножек своих замочить не могли вы? Прикажете ль, уши
Дам отрезать себе, чтобы, в летнее время, хлопушкой
Вам усердно служа, колотили они дерзновенных
Мух, досаждающих вам неотступной своею любовью
К вашему смуглому личику. Должно, однако, признаться:
Если я виноват, то не правы и вы. Согласитесь
Сами, было ль за что вам вчера всколыхаться, подобно
Бурному Черному морю? И сколько
Слов оскорбительных с ваших
Уст, размалеванных богом любви, смертоносной картечью
Прямо на сердце мое налетело! И очи ваши, как русские пушки,
Страшно палили, и я, как мятежный поляк, был из вашей
Мне благосклонной обители выгнан! Скажите ж,
Долго ль изгнанье продлится? Мне сон привиделся чудный.
Мне показалось, будто сам дьявол, чтоб черт его побрал!
В лапы меня ухватил...[19]
Пользуюсь случаем сим, чтоб опять изъявить перед вами
Чувства глубокой, сердечной преданности, с коей пребуду
Вечно вашим покорным слугою. *Василий Жуковский.*

У него тогда был камердинер Федор (который жил прежде у Александра Ивановича Тургенева) и вовсе не смотрел за его вещами, так что у него всегда были разорванные платки носовые, и он не только не сердился на него, но всегда шутил над своими платками. Он всегда очень любил и уважал фрейлину Вильдермет, бывшую гувернантку императрицы Александры Федоровны, через которую он часто выпрашивал деньги и разные милости своим protégés, которых у него была всегда куча. M-lle Вильдермет была точно так же не сведуща в придворных хитростях, как и он; она часто мне говорила: «Joukoffsky fait souvent des bevües; il est naif, comme un enfant» [5*],— и Жуковский точно таким же образом отзывался об ней. На вечера, на которые мы ежедневно приглашались, Жуковского, не знаю почему, императрица не звала, хотя очень его любила. Однажды он ко мне пришел и сказал: «Вот какая оказия, всех туда зовут, а меня никогда; ну, как вы думаете: рассердиться мне на это и поговорить с государыней? Мне уж многие намекали».— «Ведь вам не очень хочется на эти вечера?» — «Нет».— «Разве это точно вас огорчает?» — «Нет, видите, ведь это, однако, странно, что Юрьевича зовут, а меня нет».— «Ведь вы не сумеете рассердиться, и все у вас выйдет не так, как надобно, и скучно вам будет на этих вечерах; так вы уж лучше не затевайте ничего». «И то правда, я и сам это думал, оно мне и спокойнее и свободнее». Тем и кончилась эта консультация.

[5*] Жуковский часто попадает впросак. Он наивен, как ребенок.

Когда взяли Варшаву, приехал Суворов с известиями; мы обедали все вместе за общим фрейлинским столом. Из Александровского прибежал лакей и объявил радостную и страшную весть. У всех были родные и знакомые; у меня два брата на штурме Воли [20]. Мы все бросились в Александровский дворец, как были, без шляп и зонтиков, и, проходя мимо Китаева дома, я не подумала объявить об этом Пушкину [21]. Что было во дворце, в самом кабинете императрицы, я не берусь описывать. Государь сам сидел у ее стола, разбирал письма, писанные наскоро, иные незапечатанные, раздавал их по рукам и отсылал по назначению. Графиня Ламберт, которая жила в доме Олениной против Пушкина и всегда дичилась его, узнавши, что Варшава взята, уведомила его об этом тогда так нетерпеливо ожидаемом происшествии. Когда Пушкин напечатал свои известные стихи на Польшу, он прислал мне экземпляр и написал карандашом: «La comtesse Lambert m'ayant annoncée la première prise de Varsovie, il est juste, qu'elle recoive le premier exemplaire, le second est pour vous» [6*].

От вас узнал я плен Варшавы.
Вы были вестницею славы
И вдохновеньем для меня.

«Quand j'aurais trouvé les deux autres vers, je vous les enverrai» [7*][22].

Писем от Пушкина я никогда не получала. Когда разговорились о Шатобриане, помню, он говорил: «De tout ce qu'il a écrit il n'y a qu'une chose qui m'aye plu; voulez vous que je vous l'écris dans votre album? Si je pouvais croire encore au bonheur, je le chercherais dans le monotonie des habitudes de la vie» [8*][23].

В 1832 году Александр Сергеевич приходил всякий день почти ко мне, также и в день рождения моего принес мне альбом и сказал [24]: «Вы так хорошо рассказываете, что должны писать свои записки»,— и на первом листе написал стихи: «В тревоге пестрой и бесплодной» и пр. Почерк у него был великолепный, чрезвычайно четкий и твердый. Князь П. А. Вяземский, Жуковский, Александр Ив. Тургенев, сенатор Петр Ив. Полетика часто у нас обедали. Пугачовский бунт, в рукописи, был слушаем после такого обеда. За столом говорили, спорили; кончалось всегда тем, что Пушкин говорил один и всегда имел последнее слово. Его живость, изворотливость, веселость восхищали Жуковского, который, впрочем, не всегда с ним соглашался. Когда все после кофия уселись слушать чтение, то сказали Тургеневу: «Смотри, если ты заснешь, то не храпеть». Александр Иванович, отнекиваясь, уверял, что никогда не спит: и предмет и автор бунта, конечно, ручаются за его внимание. Не прошло и десяти минут, как наш Тургенев захрапел на всю комнату. Все рассмеялись, он очнулся и начал делать замечания как ни в чем не бывало. Пушкин ни-

---

[6*] Графиня Ламберт возвестила мне первая о взятии Варшавы: надо, чтобы она и получила первый экземпляр. Второй для вас.

[7*] Когда я найду две другие строчки, пришлю их вам.

[8*] Из всего, что он написал, мне понравилось одно. Хотите, чтобы я его написал вам в альбом? Если бы я мог еще верить в счастье, я бы искал его в единообразии житейских привычек.

чуть не оскорбился, продолжал чтение, а Тургенев преспокойно проспал до конца [25].

Вы желаете знать мое понятие о Жуковском, т. е. нечто в роде portrait littéraire et historique [9*]. Я никогда ничего не писала, кроме писем, и мне трудно теперь писать. Однако вот мое мнение. Жуковский был в полном значении слова добродетельный человек, чистоты душевной совершенно детской, кроткий, щедрый до расточительности, доверчивый до крайности, потому что не понимал, чтобы кто был умышленно зол. Он как-то знал, что есть зло en gros, но не видал его en detail [10*], когда и случалось ему столкнуться с чем-нибудь дурным. Теорией религии он начал заниматься после женитьбы; до тех пор вся его религия была практическое христианство, которое ему даровано богом. Он втуне принял и втуне давал: и деньги, и протекцию, и дружбу, и любовь. Те, которые имели счастье его знать коротко, могут отнести к нему его же слова:

О милых спутниках и т. д.[26]

Разговор его был простой, часто наивно-ребячески шуточный, и всегда примешивалось какое-нибудь размышление, исполненное чувства, причем его большие черные глаза становились необыкновенно выразительны и глубоки.

9* литературного и исторического портрета.
10* в общем, в деталях

ВОСПОМИНАНИЯ О ГОГОЛЕ

Каким образом, где именно и в какое время я познакомилась с покойным Н. В. Гоголем, совершенно не помню [1]. Это может показаться странным, потому что встреча с замечательным человеком обыкновенно нам памятна, и притом у меня память прекрасная. Когда я однажды спрашивала Н. В., «где мы с вами познакомились», он мне отвечал: «Неужели вы не помните? Вот прекрасно! Так я ж вам не скажу: это, впрочем, тем лучше, это значит, что мы всегда были с вами знакомы». И сколько раз я его потом ни просила мне сказать, где мы познакомились, он всегда отвечал: «Не скажу, мы всегда были с вами знакомы». В 1837 году я провела зиму в Париже, rue du Mont Blanc, № 21. Русских было довольно, в конце зимы был Гоголь с приятелем своим Данилевским. Он был у нас раза три один, и мы уже обходились с ним как с человеком очень знакомым, но которого, как говорится, ни в грош не ставили. Все это странно, потому что мы читали с восторгом «Вечера на хуторе близ Диканьки» и они меня так живо перенесли в великолепную Малороссию. Оставивши еще в детстве этот край, я с необыкновенным чувством прислушивалась ко всему тому, что его напоминало, а «Вечера на хуторе» так ею и дышат. С ним тогда я обыкновенно заводила речь о высоком камыше и бурьяне, о белых журавлях на красных лапках, которые по вечерам прилетают на кровлю знакомых хат, о галушках и варениках, о сереньком дымке, который легко струится и выходит из труб каждой хаты; пела ему «Не ходи, Грицько, на вечерницы». Он более слушал, потому что я очень болтала, но однажды описывал мне малороссийский вечер, когда солнце садится, табуны гонят с поля и отсталые лошади несутся, подымая пыль копытами, а за ними с нагайками в руках пожилой хохол с чупруном; он описывал это живо, с любовью, хотя прерывисто и в коротких словах. О Париже мало было речи; по-видимому, он уже и тогда его не любил. Однако он посещал с Данилевским театры, потому что рассказывал мне, как входили в оперу à la file dans la queue [1*] и как торгуют правом на хвост. С свойственною ему одному способностью замечать то, что другим кажется ни смешным, ни замечательным, он рассказывал это очень смешно. Один раз говорили мы о разных комфортах в путешествии, и он сказал мне, что хуже всего на этот счет в Португалии, и советовал мне туда не ездить. «Вы как это знаете, Ник‹олай› Вас‹ильевич›?» — спросила я его.— «Да я там был, пробрался туда из Испании, где также прегадко в трактирах»,— отвечал он преспокойно. Я начала утверждать, что он не был в Испании, что это не может быть, потому что там все в смутах, дерутся на всех перекрест-

[1*] по очереди

ках, что те, которые оттуда приезжают, всегда много рассказывают, а он ровно никогда ничего не говорил. На все это он очень хладнокровно отвечал: «На что же все рассказывать и занимать публику? Вы привыкли, чтобы вам с первого слова человек все выкладывал, что знает и не знает, даже и то, что у него на душе». Я осталась при своем, что он не был в Испании и меж нами осталась эта шутка: «Это когда я был в Испании». В Испании он точно был [2], но проездом, потому что в самом деле оставаться долго было неприятно после Италии: ни климат, ни природа, ни художества, ни картины, ни народ не могли произвести на него особенного впечатления. Испанская школа сливалась для него с Болонскою в отношении красок и в особенности рисунка; Болонскую он совсем не любил. Очень понятно, что такой художник, как Гоголь, раз взглянувши на Рафаэля в Риме, не мог слишком увлекаться другими живописцами. Вообще у него была une certaine sobrièté dans l'appréciation de l'art; il fallait que toutes les cordes de son âme reconnaissent une chose pour belle pour qu'il la qualifia de telle [2*]. «Соразмерная стройность во всем, вот что прекрасно»,— говорил он.

Лето того же 37 года я провела в Бадене, и Н. В. приехал не лечиться, но пил по утрам холодную воду в Лихтентальской аллее. Мы встречались почти каждое утро. Он ходил или лучше сказать бродил один, потому что иногда был на дорожке, а чаще гулял en zig-zag на лугу у Стефани-бад. Часто он так был задумчив, что я долго, долго его звала; обыкновенно он отказывался со мною гулять, прибирая самые нелепые резоны. Его, кроме Карамзина, из русских никто не знал, и один господин высшего круга [3] мне сказал, встретив меня с ним: «Vous donnez dans la mauvaise société; vous vous promenez avec un certain Gogol, qui est très mauvais genre» [3*].

В июне месяце он нам вдруг предложил вечером собраться и объявил, что пишет роман под названием «Мертвые души» и хочет прочесть нам две первые главы.

Андрей Карамзин, граф Лев Сологуб, Платонов и нас двое условились собраться в 7 часов вечера. День был знойный. Около 7-го часа мы сели кругом стола. Н. В. взошел, говоря, что будет гроза, что он это чувствует, но несмотря на это вытащил из кармана тетрадку в четверку листа и начал первую главу столь известной своей поэмы. Меж тем гром гремел, и разразилась одна из самых сильных гроз, какую я запомню. С гор потекли потоки, против нашего дома образовалась каскада с пригорка, а мутная Мур бесилась, рвалась из берегов. Он поглядывал в окно, но продолжал читать спокойно. Мы были в восторге, хотя что-то было странное в духе каждого из нас. Однако он не дочел второй главы и просил Карамзина с ним пройтись до Грабена, где он жил. Дождь начал утихать, и они отправились. После Карамзин мне говорил, что Н. В. боялся идти один домой и на вопрос его отвечал, что на Грабене большие собаки, а он их боится и не имеет палки. На Грабене же не было собак, и я полагаю, что

[2*] известного рода трезвость в оценке искусства; лишь в том случае, когда он всеми струнами души своей признавал произведение прекрасным, тогда оно получало от него наименование прекрасного.

[3*] Вы находитесь в дурном обществе; вы гуляете с каким-то Гоголем, человеком очень дурного тона.

гроза действовала на его слабые нервы, и он страдал теми невыразимыми страданиями, известными одним нервным субъектам. На другой день я еще просила его прочесть из «Мертвых душ», но он решительно отказал и просил даже не просить [4]. В августе мы оставили Баден-Баден, и Гоголь с другими русскими проводил нас до Карлсруэ, где ночевал с моим мужем в одной комнате и был болен всю ночь, жестоко страдая желудком и бессонницей. О первой своей нервической болезни, которую выстрадал в Вене, он не говорил ни слова.

Мы приехали в Россию в 1838 году [5]. Он оставался в чужих краях, и ничего об нем не слыхали, не были с ним в переписке. В 1841 году он вдруг явился ко мне [6] в хорошем расположении духа, но о «Мертвых душах» не было и помину. Я узнала тут, что он уже был в коротких отношениях с Виельгорскими, но сама еще тогда редко с ними виделась и не старалась разъяснить, когда и как эта связь устроилась. Находила его сближение с comme il faut, очень естественным и простым. В том же году под весну я получила от него письмо, очень длинное, все исполненное слез, почти стону, в котором жалуется с каким-то почти детским отчаянием на все насмешливые отметки московской цензуры. К письму была приложена просьба к государю, в случае, что не пропустят первый том «Мертвых ‹душ›». Эта просьба была прекрасно написана, очень коротко, исполнена достоинства и чувства, вместе доверия к разуму государя, который один велел принять «Ревизора» вопреки мнению его окружавших. Я, однако, решилась прибегнуть к совету графа М. Ю. Виельгорского; он горячо взялся за это дело и устроил все с помощью князя Д. А. Дондукова [7], бывшего тогда попечителем универ‹ситета›. Ни этого письма, ни просьбы у меня не нашлось; вероятно, они у графа Виельгорского, и даже мне кажется, что просьбу я возвратила Гоголю, как вещь мне не принадлежащую.

Весною 42 года Гоголь приехал в Петербург и остановился у Плетнева, приходил ко мне довольно часто [8] и уже очень запросто, очень дружески. Очень сблизился с братом моим Аркадием О‹сиповичем›, изъявил желание прочитать отрывки уже напечатанных «Мертвых душ» и читал у Вяземского разговор двух дам [9]. Никто так не читал, как покойный Николай Васильевич и свои и чужие произведения; мы смеялись неумолкаемо, и, если правду сказать, Вяземский и мы не подозревали всей глубины, таящейся в этом комизме. Такова уже участь комика, и надобно, чтобы долго смеялись ему, пока вдруг не уразумеют некоторые избранные, что этот смех вызван у него плачем души любящей и скорбящей, которая орудием взяла смех.

А отчего душа так или иначе выражает свои чувства, известно одному богу. Этот вопрос, конечно, смущал самого Гоголя. Высокий христианин в душе, он знал, что образец наш, Христос Спаситель, не смеялся никогда. Потому легко понять, что произошло в нем, когда он увидел, что Чичиков, Собакевичи, Ноздревы производят лишь смех с отвращением для иных, отвращение в людях высшего тона и в малом числе его поклонников смех с восторгом к артисту. Один Плюшкин в 1-м томе выступает резко, как трагическое лицо, но Плюшкин вообще менее интересовал читающую публику. Все это в первую минуту Гоголь чувствовал; но до стра-

дальчества дошло это позже, когда пошла так называемая его школа, и страдание это вырвалось из груди его в «Переписке с друзьями». Ее никто не понял, эту переписку, потому что никому не был открыт он вполне, и что *перегорело в его душе* (собственные его слова в письме ко мне), было известно только богу.

Летом в июле месяце я жила в городе. Он сам предложил читать мне новую комедию «Женитьба». Вяземский, Плетнев, брат мой Аркадий и двое Карамзиных были приглашены к обеду. Гоголь был весел, спокоен; после обеда, отдохнув немного, вынул из кармана тетрадку и начал читать так, только как он один умел читать. Швейцару было приказано никого не принимать; но внезапно взошел князь Михаил Александрович Голицын, который мало знает русский язык. Меня это смутило, я подошла к нему и рассказала, в чем дело; он просил позволения остаться. К счастью Гоголь не обратил никакого внимания и продолжал читать. После прочтения все его благодарили; он казался весел и доволен впечатлением и ушел домой. Голицын не находил слов, чтобы благодарить, и сказал, что подобных приятных минут не проводил в Петерб⟨урге⟩, что читал «Мертвые души» с восторгом и радовался, что, наконец, увидел их автора. Вскоре Гоголь уехал за границу.

Осенью того же года я поехала в Италию и остановилась на два месяца во Флоренции. Неожиданно получаю письмо от Н. В., в котором он пишет, что хотел сам ко мне ехать, но что удерживает больной Языков; просит меня скорее приезжать в Рим [10]. В генваре месяце брат мой Аркадий туда поехал для приискания мне квартиры, а в конце того же месяца я отправилась с детьми. Мы выехали в Рим часов в 7, уже́ смеркалось, кое-где зажигался фонарь. И мы шагом потянулись в собственных экипажах, не с vetturino [4*].

Переночевавши в Romiglione, мы встали как-то празднично, с мыслью, что на другой день проснемся в Риме. Погода была великолепная, солнечная и tiède [5*]. Я отворила все окна, выглядывала то в одно, то в другое, чтобы увидать скорее купол Петра; от нетерпения у меня разболелась голова. Наконец мы поравнялись с гробницей Нерона. Vetturino мне закричал: «Ecco San Pietro, alla destra, signora» [6*], и я перекрестилась. На одну минуту показался весь Рим в каком-то легком тумане, как огромная масса, и немного, очень немного выступил знаменитый купол Петра, который, увы! жестяной. Потом я уже начала помышлять об обеде, расположении комнат и проч⟨их⟩ житейских суетах, потому что дети устали от дороги.

Начало вечереть, проехали Ponte Malvo и въехали после пятидневного похода в Porta del Popolo. Остановились у гауптвахты, где заплатили за догану [7*] и получили письмо от брата с направлением, куда ехать. Смеркалось, вокруг фонтана и по Corso тянулись еще экипажи римлян, и мы тоже потянулись за ними вдоль по длинному Corso, повернули налево и остановились на Piazza Troiana у Palazetto Valentini. Верхний этаж был

4* проводником (*ит.*).

5* мягкая.

6* Вот Святой Петр направо, сударыня (*ит.*).

7* таможню

освещен. На лестницу выбежал Н. В. с протянутыми руками и лицом, исполненным радости. «Все готово,— сказал он,— обед вас ожидает, и мы с Аркадием Осиповичем уже распорядились. Квартиру эту я нашел, воздух будет хорош, Corso под рукой, а что лучше всего, вы близко от Колизея и Foro Boario». Немного поговорили, и он отправился домой с обещанием прийти на другой день. В самом деле пришел в час, спросил бумажку и карандаш и начал писать, куда следует понаведываться чаще Александре Осиповне и с чего начать. Были во многих местах и кончили Петром; он возил бумажку с собой и везде отмечал что-нибудь, написал: *Петром осталась довольна Александра Осип⟨овна⟩*. Таким образом он меня возил целую неделю и направлял всегда так прогулки, что кончалось все Петром, это так следует: на Петра никогда не наглядишься, хотя фасад у него и *комодом*. Когда мы осмотрели Рим *en gros* [8*], он начал ко мне являться реже по утрам. Он жил Via Felice с Языковым, который в то время был болен, не ходил, и Н. В. проводил с ним все досужие минуты. Никто не знал лучше Рима, подобного чичероне не было и быть не может. Не было итальянского историка или хроникера, которого бы он не прочел, не было латинского писателя, которого бы он не знал, все, что относилось до исторического развития искусства даже современности итальянской, ему было известно и как-то особенно оживляло для него весь быт этой страны, которая тревожила его молодое воображение и которую он так нежно любил. в которой его душе яснее виделась Россия, в которой, описывая грустных героев 1-го тома «Мертвых душ», отечество его озарялось для него радужно и утешительно. Он сам мне говорил, что в Риме, в одном Риме он мог глядеть в глаза всему грустному и безотрадному и не испытывать тоски и томления. Изредка тревожили его там нервы в мое пребывание, и почти всегда я видела его бодрым и оживленным. И точно, в Риме есть что-то примиряющее человека с человечеством. Слава языческого мира там погребена так великолепно; на великолепных развалинах воздвигся другой Рим, христианский, который сперва облекся в смирение в лице мучеников или молчаливых отшельников в катакомбах, но впоследствии веков, зараженный тою же гордынею своих предков, начал погребаться с древним Римом. Развалина материальная и развалина духовная — вот что был он в 40-х годах, но все над ним то же голубое небо, то же яркое, теплое, но не палящее солнце, та же синяя ночь с сиянием звезд, тот же благотворный воздух, не тревожный, как неаполитанский, но успокаивающий. И столько красоты и величия в воспоминаниях не примиряет ли нас с человечеством? Остается благодарность Провидению, которое позволило всякому принести плод свой во время свое, и, гуляя по развалинам, убеждаешься без горечи, что народы, царства, так же как и всякая личность, преходящи. Рим мне казался всегда каким-то всемирным музеумом, в котором всякий камень гласит об историческом, назидательном событии, но уже не имел никакого значения в настоящем, и вот почему в Риме не грустно, а отрадно. Николаю Васильевичу, как художнику, говорил весь

8* в общем

Рим особенным языком. Это сильно чувствуется в его отрывке «Рим». S-te Beuve говорит [11], что ни один путешественник не делал таких точных и вместе оригинальных наблюдений; особенно поразило его замечание Гоголя о трастеверинах и собрание нескольких песен почти никому незаметной, но весьма особенной группы римлян. Едва ли сами жители города знают, что трастеверяне с ними никогда не сливались и не сливаются, что у них даже свой язык еще, или свой patois [9*]. Заметив, что Гоголь так хорошо знает все, что касается до древности, я сама завлеклась ею; я его мучила, чтобы узнать поболее. Карты, планы у меня лежали на столе, Nibuhr, Canina, Visconti [12] — все беспрестанно пересматривалось; мне хотелось перенестись в эту историческую даль, в этот мрак, и часто я к нему приставала с вопросами.

Один раз, гуляя в Колизее, я ему сказала: «А как вы думаете, где Нерон сидел? Вы это должны знать, и как он сюда являлся, пеший, в колеснице или на носилках?» Гоголь рассердился: «Да что вы ко мне пристаете с этим мерзавцем! Вы воображаете, кажется, что я в то время жил; вы воображаете, что я хорошо знаю историю. Совсем нет. Историю никто еще так не писал, чтобы живо можно было видеть или народ, или какую-нибудь личность. Вот один Муратори понял [13], как описывать народ; у него одного чувствуется все развитие, весь быт, кажется, Генуи; а прочие все сочиняли или только сцепляли происшествия; у них не слышится никакой связи человека с той землей, на которой он поставлен». Потом продолжал уже разговор об истории и, советуя мне прочесть *Cantu* [14], прибавил: «Histoire universelle» Боссюэта [15] написана с одной духовной точки, в ней не видна свобода человека, которому бог предоставил действовать или хорошо, или дурно; он был католик. Guizot написал хорошо также «Histoire des Révolutions», но слишком с феодальной точки. Надобно бы найти середину и написать ярче, придать более выпуклости. Я всегда думал написать географию; в этой географии можно бы было увидеть, как писать историю [16]. Но об этом после, друг мой, я заврался, а скажу вам между прочим, что подлец Нерон входил в эту ложу в золотом венке и в том костюме, в котором вы его видели в Ватикане». Но не часто и не долго он говорил; обыкновенно шел один поодаль от нас, подымал камушки, срывал травки или, размахивая руками, попадал на кусты и деревья, в campagna ложился навзничь и говорил: «*Забудем все, посмотрите на это небо*»,— и долго задумчиво и вместе весело он глядел на это голубое, безоблачное, ласкающее небо. В одно утро он явился с праздничным лицом и объявил, что хочет мне сделать сюрприз. «Надобно, чтобы Аркадий Осипович и Ханыков были с нами»,— и мы поехали в San Giovani in Laterano. Он отправил нас в церковь, а сам оставался на паперти, так что вправо у него была S-ta Croce in Yerusalemo, а влево Scala Santa. Мы осматривали все капеллы, все редкости, все предметы уважения или удивления и вышли к нему; он стоял на одном месте, и глаза его как будто терялись вдали и как будто ему... ⟨оборвано⟩

[9*] местное наречие

Меня просили многие из моих знакомых написать не биографию Ник. Вас., но просто все обстоятельства моего знакомства с ним. Гоголь был такое интересное, такое новое явление на литературном поприще, что биографию его почти невозможно написать, если друзья его не согласятся передать черты его жизни или слова его, более или менее значительные и все обнаруживающие внутреннее состояние его души. Гоголь был добр, кроток, ленив и вместе деятелен, самолюбив и смиренен; вообще двойственность в нем обнаруживалась и обличалась резко, как всегда бывает у людей гениальных. Постоянное было в нем одно: желание победить все низкое, недостойное и стать выше душою. Его уважение, даже особенное предпочтение... ⟨оборвано⟩.

ВОСПОМИНАНИЯ О Н. В. ГОГОЛЕ
⟨В ЗАПИСИ А. Н. ПЫПИНА⟩

Как⟨им⟩ обр⟨азом⟩, где им⟨енно⟩ познак⟨омилась⟩ с Н. В.— совершенно⟩ не помню, но поро⟨й⟩, к⟨огда⟩ я спраш⟨ивала⟩ у Н. В., где мы с ва⟨ми⟩ позн⟨акомились⟩, он мне отв⟨ечал⟩: «Неуж⟨ели⟩ вы не помн⟨ите⟩? Вот прекрасно! так я же вам и не ск⟨ажу⟩. Это впроч⟨ем⟩ тем лучше. Это знач⟨ит⟩, что мы всегда б⟨ыли⟩ с в⟨ами⟩ знак⟨омы⟩». Сколько раз я пот⟨ом⟩ прос⟨ила⟩ его сказ⟨ать⟩, где мы позн⟨акомились⟩, он отв⟨ечал⟩: «Не скажу ж — мы всегда были знакомы».

В 1837 я провод⟨ила⟩ зиму в Пар⟨иже⟩, Rue de Mont Blanc № 21, и Н. В. ход⟨ил⟩ ко мне дов⟨ольно⟩ часто. Я с ним уже обх⟨одилась⟩ к⟨ак⟩ с чел⟨овеком⟩ хор⟨ошо⟩ знакомым. Разгов⟨ор⟩ мы ч⟨асто⟩ вели о Мал⟨оссии⟩, о высоком камыше, о бурьяне, о журавл⟨ях⟩ на красн⟨ых⟩ лапках (аисты), о галушк⟨ах⟩, варен⟨иках⟩, о сереньком дыме. Пела ему Грицько. Он более слуша⟨л⟩, но однажды описыв⟨ал⟩ мне мал⟨оссийский⟩ веч⟨ер⟩, к⟨огда?⟩ солнце сад⟨ится⟩, табуны несутся, подым⟨ая⟩ пы⟨ль⟩ копыт⟨ами⟩, а за ними хохол с чубом и с наг⟨айкой⟩ в рук⟨е⟩. Он описывал все это очень живо, с любовью, но прерывисто и в коротк⟨их⟩ слов⟨ах⟩. О Париже было мало реч⟨и⟩, по-вид⟨имому⟩, уж он тогда его не люб⟨ил⟩. Он, одн⟨ако⟩, посещ⟨ал⟩ кам.⟨?⟩ театры, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ расск⟨азывал⟩ мне, к⟨ак⟩ входят a la file[1*], как покупают право на хвост (как он назыв⟨ал⟩ en fil), как им торгуют, и с свойственным ему способом замечать то, что друг⟨им⟩ каж⟨ется⟩ не смешным и не замечате⟨льн⟩ым, он это расск⟨азывал⟩ оч⟨ень⟩ забавно. Однажды мы гов⟨орили⟩ о раз⟨ных⟩ комфортах в путеш⟨ествии⟩, и он мне сказ⟨ал⟩, ч⟨то⟩ хуже всего на этот счет в Португалии и не сов⟨етовал⟩ туда ехать. «А вы к⟨ак⟩ это знаете, Н. В.?» — «Я там был; пробрался в Лисаб⟨он⟩ из Исп⟨ании⟩, где так же прегадко в трактирах. Слуги там очень нечисты, и раз, когда я жал⟨овался⟩ трактирному слуге, ч⟨то⟩ котлеты хол⟨одные⟩, то он оч⟨ень⟩ хладнокр⟨овно⟩ пощуп⟨ал⟩ ее рук⟨ой⟩ и приб⟨авил⟩, ч⟨то⟩ нет, ч⟨то⟩ достаточно теплые». Так как он ни разу не упом⟨инал⟩ прежде об Исп⟨ании⟩, то я нач⟨ала⟩ утв⟨ерждать⟩, ч⟨то⟩ он не б⟨ыл⟩ в Исп⟨ании⟩, ч⟨то⟩ он не мог там б⟨ыть⟩, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ там разб⟨ойники?⟩, дерутся на вс⟨ех⟩ перекрестках, и на все это он отв⟨ечал⟩ мне очень хладн⟨окровно⟩: «На что ж все расск⟨азывать⟩ и заним⟨ать⟩ собою публ⟨ику⟩. Вы привыкли, чтобы вам с перв⟨ого⟩ сл⟨ова⟩ человек все выхлестал — что знает и чего не знает, даже и то, что у него на душе». Я осталась при своем, ч⟨то⟩ он не б⟨ыл⟩ в Исп⟨ании⟩, и между нами была шутка: «А, это когда вы бы⟨ли⟩ в Исп⟨ании⟩» (или «когда я б⟨ыл⟩ в Испании»). Шутка эта б⟨ыла⟩ повод⟨ом⟩ к др⟨угой⟩

[1*] по очереди

шутке, уже в Риме в 1843 г., при В. А. Перовск⟨ом⟩, Я. В. Ханык⟨ове⟩ и А. О. Россет. Зашла речь об Испании. Я сказ⟨ала⟩, что Н. В. мастер очень серьезно солгать. На ч⟨то⟩ он мне и сказал: «Так если ж вы хотите знать правду, я никогда не б⟨ыл⟩ в Исп⟨ании⟩, но зато я б⟨ыл⟩ в Конст⟨антинополе⟩, а вы этого и не знаете». Тут он нач⟨ал⟩ опис⟨ывать⟩ нам во всех подробностях кон⟨стантинопольские⟩ ули⟨цы⟩, описывал местности, называл собак, как под⟨ают⟩ кофе в мал⟨еньких⟩ чашк⟨ах⟩ с гущей. Целы⟨х⟩ с полчаса занима⟨л⟩ нас св⟨оими⟩ расск⟨азами⟩. После этого я ему ск⟨азала⟩: «Вот сейч⟨ас⟩ и видно, ч⟨то⟩ вы б⟨ыли⟩ в К⟨онстантинополе⟩». А он отв⟨ечал⟩ мне на это: «Видите, к⟨ак⟩ легко вас обм⟨ануть⟩». Вот же я и не б⟨ыл⟩ в К⟨онстантинополе⟩, а в Исп⟨ании⟩ и П⟨ортугалии⟩ был». Он был в Константиноп⟨оле⟩ [1] точно, после путеш⟨ествия⟩ в Иерус⟨алим⟩, но когда я расспр⟨ашивала⟩, он мне ничего не расск⟨азал⟩. Т⟨аким⟩ обр⟨азом⟩ он молч⟨ал⟩ и о Св⟨ятых⟩ мест⟨ах⟩. Только расск⟨азал⟩ мне одну ночь, проведенную им в церкви. Я понимаю, поч⟨ему⟩ он говорил мало об Испа⟨нии⟩. Он б⟨ыл⟩ под влиянием Рима. Испанск⟨ая⟩ школа слив⟨алась⟩ для него с болонскою, с венец⟨ианскою⟩ в отнош⟨ении⟩ красок и в особ⟨енности⟩ рисунка, кот⟨орый⟩ он не любил, особ⟨енно⟩ болонцев. Такой худ⟨ожник⟩, как Гог⟨оль⟩, взглянувши на М⟨икель⟩ А⟨нджело⟩ и на Раф⟨аэля⟩, не мог слишк⟨ом⟩ увлекаться другими живописцами. Il avait un certain sobriètè dans l'appréciation des belles arts. Il fallait que toutes les cordes de son âme reconnaiss⟨aient⟩ quelque chose pour belle, pour qu'il la quallifia de telle» [2*]. Заметьте, какая стройность всегда в антично⟨сти⟩.

В 1837 лет⟨ом⟩ я жила в Бад⟨ене⟩. Н. В. приехал больной, но не лечился. Он пил по утрам хол⟨одную⟩ в⟨оду⟩ в Лихтентальской аллее. Он ходил или лучше сказ⟨ать⟩ брод⟨ил⟩ один по лугу, зигзагами возле Стефани-бад. Часто он б⟨ывал⟩ так задумч⟨ив⟩, ч⟨то⟩ я его звала и не могла дозваться, и когда и дозовусь, то он отказ⟨ывался⟩ гулять, прибир⟨ая⟩ сам⟨ый⟩ нелеп⟨ый⟩ резон. Его из русск⟨их⟩, кроме покойно⟨го⟩ Андрея Ник. Карамз⟨ина⟩, никто не знал, и даже один господ⟨ин⟩ из высш⟨его⟩ круга меня упрекал, что я гуляю с mauvais genre [3*]. В июле месяце он нам вдруг предложи⟨л⟩ собраться вечером и объяви⟨л⟩, что пишет ром⟨ан⟩ под назв⟨анием⟩ «М⟨ертвые⟩ Д⟨уши⟩» и хоч⟨ет⟩ нам прочесть 2 перв⟨ых⟩ главы. Я пригласила покойных Андр⟨ея⟩ Карамз⟨ина⟩ и гр. Льва Сологуба и В. П. Платоно⟨ва⟩ (поб⟨очный⟩ сын князя Зубова). День б⟨ыл⟩ оч⟨ень⟩ знойный. В 7 часов веч⟨ера⟩ он сел у круглого стола, окно затвори⟨ли?⟩; началась страшная гроза. С гор полилися каскады. Сначала он б⟨ыл⟩ смущен, но потом продолжал читать. Мы оч⟨ень⟩ много смеялись и были в восторге. После он прос⟨ил⟩ Кар⟨амзина⟩ провод⟨ить⟩ его на Грабен, говоря, ч⟨то⟩ т⟨ам⟩ много собак. На Грабене же не б⟨ыло⟩ соб⟨ак⟩. Гоголь был в нервич⟨еском⟩ распол⟨ожении⟩ от чтения и грозы. На другой день я просила Н. В. еще проч⟨итать⟩, но он отказ⟨ался⟩ решит⟨ельно⟩ и даже прос⟨ил⟩ не просить.

2* Он был несколько строг в оценке произведений искусства. Для признания чего-либо прекрасным ему необходимо было признать это всеми струнами своей души.

3* человеком дурного тона.

В полов⟨ине⟩ авг⟨уста⟩ мес⟨яца⟩ мы остав⟨или⟩ Баден. Н. В. нас провод⟨ил⟩ до Карлсру, где с нами переночевал в трактире. Был всю ночь болен[2]. На др⟨угой⟩ день мы уех⟨али⟩, а он возвр⟨атился⟩ в Баден с Кар⟨амзиным⟩ и Плат⟨оновым⟩. Мы с ним езди⟨ли⟩ на 3 дни в Стразбург, и в Стразбург⟨ской⟩ каф⟨едральной⟩ церкви он карандашом срисовывал необыкновенно красиво карнизы над карнизами. «Как вы хорошо рисуете? — «А вы этого и не знаете?» Принес кусок церкви.— Над каждой колонной различные орнаменты и оч⟨ень⟩ красивы. Разорвал — «я лучше что-ниб⟨удь⟩ нарисую». После этого я не б⟨ыла?⟩ с ним в переп⟨иске?⟩ в 1838—41. В 1841 году он яв⟨ился⟩ ко мне в Пет⟨ербурге⟩ в дом мой на Мойке; б⟨ыл⟩ в хор⟨ошем⟩ распол⟨ожении⟩ духа, но о «М⟨ертвых⟩ Д⟨ушах⟩» не б⟨ыло⟩ и помину. Тут я узн⟨ала⟩, ч⟨то⟩ он в коротк⟨их⟩ отнош⟨ениях⟩ с сем⟨ейством⟩ графов Виельгорских. Я находила это оч⟨ень⟩ естественн⟨ым⟩, потому что он б⟨ыл⟩ оч⟨ень⟩ дружен с Иосиф⟨ом⟩ Виельгорским. Весной 1841 я получила от него очень длинное п⟨исьмо⟩, исп⟨олненное⟩ слез, воплей, стонов, в кот⟨ором⟩ он жалуется на моск⟨овскую⟩ цензуру с каки⟨м-то⟩ почти детск⟨им⟩ отчаян⟨ием⟩. К письму была прилож⟨ена⟩ пр⟨осьба⟩ госуд⟨арю⟩, к⟨оторую⟩ я д⟨олжна⟩ б⟨ыла⟩ под⟨ать⟩, если отк⟨ажутся⟩ печат⟨ать⟩ I т⟨ом⟩ «М⟨ертвых⟩ Д⟨уш⟩». Просьба была коротка и прекр⟨асно⟩ написана, с полн⟨ым⟩ доверием к милостив⟨ому⟩ вним⟨анию⟩ г⟨осударя⟩ имп⟨ератора⟩ и к его высок⟨ому⟩ разуму. Я решилась, одн⟨ако⟩, посовет⟨оваться⟩ с гр. М. Ю. Виельгорским. Он горячо взялся за это дело и устроил его с кн. Дундуков⟨ым⟩, попечит⟨елем⟩ Пет⟨ербургского⟩ окр⟨уга⟩. Ни письма, ни просьбы нет. Они у М. Ю. Виельгорского. В 1842 Гоголь остан⟨авливался⟩ у Плетнева, часто быв⟨ал⟩ у нас и очень сблиз⟨ился⟩ с брат⟨ом⟩ Арк⟨адием⟩ Ос⟨иповичем⟩. Тогда он нам читал отрывки из напеч⟨атанных⟩ «М⟨ертвых⟩ Д⟨уш⟩» у князя П. А. Вяземск⟨ого⟩. Особенно хор⟨ошо⟩ и забавно читал разговор двух дам и, кажется, никто из нас не подозрев⟨ал⟩ тайного смысла «М⟨ертвых⟩ Д⟨уш⟩»[3]. Он же сам не обнаруж⟨ивал⟩ ничего. После этого он мне предлож⟨ил⟩ чит⟨ать⟩ ком⟨едию⟩ «Женитьбу». К обеду б⟨ыли⟩ приг⟨лашены⟩ Вяз⟨емский⟩, Плетнев, Андр⟨ей⟩ и Владимир Карамзины и Арк⟨адий⟩, брат мой, по желанию Гоголя.

После обеда все собрал⟨ись⟩ в кабинете. Швейцару приказ⟨али⟩ б⟨ольше⟩ никого не принимать, но внезапно взош⟨ел⟩ кн. М. А. Голицын, котор⟨ый⟩ долго жил за границ⟨ей⟩, почти там воспитыв⟨ался⟩ и мало зн⟨ал⟩ р⟨усский⟩ яз⟨ык⟩. Гоголю он бы⟨л⟩ почти незнак⟨ом⟩. Это появление меня смутило. Я подошла к нему и расск⟨азала⟩, в чем дело. Он просил убедительно позвол⟨ить⟩ остаться. К счастью, Гоголь не обрати⟨л⟩ никак⟨ого⟩ внимания и продолж⟨ал⟩ чит⟨ать⟩. После чтения все его благод⟨арили⟩, он каз⟨ался⟩ очень довол⟨ьным⟩ впечатлением, весе⟨л⟩ и уше⟨л⟩ домой. Голицын не наход⟨ил⟩ слов благодарить. Это почти начало 1844[4].

Вскоре Г⟨оголь⟩ уех⟨ал⟩ за границу. Осенью 1843 я поех⟨ала⟩ в Италию и остан⟨овилась⟩ в ноябре во Флоренции. Неожиданно получи⟨ла⟩ письмо от Н. В., кот⟨орый⟩ пишет, что его уд⟨ерживает⟩ больной Язык⟨ов⟩ и прос⟨ил⟩ меня приехать в Рим. Письмо это оканч⟨ивалось⟩: «Вас

увидеть будет «светлый праздник для души моей». Вторично пис⟨ал⟩, оканч⟨ивая?⟩: «Приезжайте: вы не знаете, как вы сами себе будете благодарны» [5]. В конце дек⟨абря⟩ брат мой поех⟨ал⟩ в Рим для приискания мне там жилья, а в конце генв⟨аря⟩ я сама отправи⟨лась⟩ и приехала на Piazza Troiana palazzeto Valentini. Верхний этаж б⟨ыл⟩ освещен. На лестницу выбеж⟨ал⟩ Н. В. с протянуты⟨ми⟩ рук⟨ами⟩ и лицом, исполненн⟨ым⟩ радости. «Все готово,— сказ⟨ал⟩ он,— обед вас ожидает, и мы с Арк⟨адием⟩ О⟨сиповичем⟩ уже распоряд⟨ились⟩. Квартеру эту я наш⟨ел⟩. Воздух будет хорош. Корсо под рукою, а что всего лучше — вы близко от Колизея и Fora Boario» Немного поговори⟨ли⟩, и он отправился домой с обещанием придти на др⟨угой⟩ день. В сам⟨ом⟩ деле приш⟨ел⟩ в час, спроси⟨л⟩ бумажку и карандаш и нача⟨л⟩ писать: «Куда следует понаведываться чаще А. О. и с чего начать». Мы были в этот день во многих местах и кончили Петром. Он возил бумажку с собой и везде отмечал что-нибудь. Напис⟨ал⟩: «Петром осталась А. О. довольна». Таким образом он воз⟨ил⟩ меня неделю и направлял всегда так прогулку, ч⟨то⟩ кончалось все Петром. «Это так следует,— гов⟨орил⟩ он,— на Петра никак не наглядишься, хотя фасад у него и комодом». Раз он воз⟨ил⟩ нас в San Pietro in vinculi, где стоит статуя Моисея Мик⟨ель⟩ Анж⟨ело⟩. Он велел нам идти за собою и не оглядываться в правую сторону, потом привел нас к одной колонне и вдруг велел обернуться. Все ахнули от удивления и вост⟨орга⟩, увидев Моисея с длинной бород⟨ой⟩ сидящего. Гог⟨оль⟩ сказ⟨ал⟩: «Вот вам и Мик⟨ель⟩ Анж⟨ело⟩. Каков?» Сам так радовался, как будто бы *он* эту статую сделал. Вообще он хвастал Римом перед нами, как будто это его открытие.

В особ⟨енности⟩ он заглядывался на древн⟨ие⟩ статуи и на Рафаэля. Мы с ним посещали Фарнезину, где он оч⟨ень⟩ серд⟨ился⟩ на м⟨еня⟩, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ наход⟨ил⟩, ч⟨то⟩ я не дов⟨ольно⟩ восхищаюсь Психеею Рафаэля. Он столько же восхищ⟨ался⟩ Р⟨афаэлем⟩ живоп⟨исцем⟩, к⟨ак⟩ и Раф⟨аэлем⟩ архитектором: вози⟨л⟩ нас даже нарочно на виллу, постр⟨оенную⟩ по рисункам Рафаэля [6]. С ним мы также сов⟨ершили⟩ пут⟨ешествие⟩ на Петра, и к⟨ак⟩ я ему гов⟨орила⟩, ч⟨то⟩ я не реш⟨илась⟩ бы ни за что идти по внутр⟨еннему⟩ карнизу Петра, кот⟨орый⟩ так⟨ой⟩ ширины, что кар⟨ета⟩ в 4 ⟨места⟩ — Он сказ⟨ал⟩: «Теп⟨ерь⟩ и я не решил⟨ся⟩, пот⟨ому⟩ ч⟨то⟩ нервы у⟨ж не те⟩, но прежде я по цел⟨ым⟩ час⟨ам⟩ лежал на этом кар⟨низе⟩, и верхний слой Петра мне так изв⟨естен⟩, как едва ли кому другому. Нельзя надивиться дов⟨ольно⟩ гению М⟨икель⟩ А⟨нжело⟩, когда вглядишься в Петра». Мы с ним сов⟨ершили⟩ поездку в Альбано. Он снач⟨ала⟩ каз⟨ался⟩ оч⟨ень⟩ вес⟨елым⟩ и дов⟨ольным⟩, потом вдр⟨уг⟩ поч⟨увствовал⟩ скуку и томн⟨ость?⟩. Вечером мы собрались вместе и од⟨ин⟩ из нас нач⟨ал⟩ читать «Lettres d'un voyageur» George Sand. Я заметила, как Н. В. был необ⟨ыкновенно⟩ тревож⟨ен⟩, лом⟨ал⟩ руки, не гов⟨орил⟩, ни⟨чего?⟩, к⟨огда?⟩ мы восх⟨ищались⟩ нек⟨оторыми⟩ местами, смотрел как-то пасмурно и даже вскоре оставил нас. На др⟨угой⟩ день, когда я его спрашив⟨ала⟩, зач⟨ем⟩ он уш⟨ел⟩, он спрос⟨ил⟩, люблю ли я скрыпку? Я ск⟨азала⟩, что да. Он сказ⟨ал⟩: «А люб⟨ите⟩ ли вы, к⟨огда⟩ на скр⟨ыпке⟩ фальш⟨иво⟩ игр⟨ают⟩?» Я ск⟨азала⟩: «Да что же это знач⟨ит⟩?». Он: «Так ваша Ж⟨орж⟩ З⟨анд⟩ вид⟨ит⟩ и понимает при-

роду. Я не мог равн⟨одушно⟩ вид⟨еть⟩, к⟨ак⟩ вы можете эт⟨им⟩ ⟨нрзб.⟩ восх⟨ищаться⟩». (Раз сказ⟨ал⟩: «Я уд⟨ивляюсь⟩, к⟨ак⟩ вам вообще нра-в⟨ится⟩ все это растрепанное»). Мне тогда казал⟨ось⟩, ч⟨то⟩ он к⟨ак⟩ б⟨ы⟩ жалел нас, что мы мож⟨ем⟩ эт⟨им⟩ восх⟨ищаться⟩. Но и весь д⟨ень⟩ он б⟨ыл⟩ оч⟨ень⟩ пасму⟨рен⟩. Након⟨ец⟩, возвр⟨ащаясь⟩ из гулянья, с удив-л⟨ением⟩ узнал⟨и⟩, что Н. В. от нас улетел в Р⟨им⟩ (На 3 дня ⟨нрзб.⟩ Ханыков, дети).

Во вр⟨емя⟩ прогул⟨ок⟩ его особ⟨енно⟩ забав⟨ляли⟩ наши ослы, к⟨ото-рых⟩ он сч⟨итал⟩ особ⟨енно⟩ умными и приятными животными и ув⟨е-рял⟩, что ни на к⟨аком⟩ яз⟨ыке⟩ не наз. ⟨нрзб.⟩ gli ciuci[4*] и пора срыв. безгр. ради травли ⟨?⟩.

Представлялся в⟨ел.⟩ к⟨нягине⟩ Марье Никол⟨аевне⟩ утром. Она оч⟨ень⟩ милост⟨иво⟩ приняла и раз приказа⟨ла⟩ приглас⟨ить⟩ на музы-к⟨альный⟩ веч⟨ер⟩ к гр. Вьель⟨горской⟩, где она была.

Под весну, к⟨огда⟩ уже сдел⟨алось⟩ в поле веселее, мы с ним выезжа-ли в кампанию ди Roma. Оч⟨ень⟩ люб⟨ил⟩ Ponte momentano u aqua Cetoza, ложился на спине, ни слова не гов⟨орил⟩. Когда спраш⟨ивали⟩, отвеч⟨ал⟩: «Зачем гов⟨орить⟩? Тут надобно дышать, дышать, втягивать носом этот живит⟨ельный⟩ воздух и Б⟨ога⟩ благодар⟨ить⟩, что столько прекр⟨асно-го⟩ на свете».

На Стр⟨астной⟩ нед⟨еле⟩ Гог⟨оль⟩ говел, и тут я уже зам⟨етила⟩ его религ⟨иозное⟩ располож⟨ение⟩. Он стоял обыкнов⟨енно⟩ поодаль от дру-гих и до т⟨акой⟩ ст⟨епени⟩ б⟨ыл⟩ погр⟨ужен⟩ в себя, к⟨ак⟩ бы никого не вид⟨ел⟩ и ник⟨ого⟩ не б⟨ыло⟩ вокр⟨уг⟩ него.

В мае я отпр⟨авилась⟩ в Неап⟨оль⟩, а Н. В. еще неск⟨олько⟩ врем⟨е-ни⟩ остав⟨ался⟩ с Яз⟨ыковым⟩. После этого я об нем не имела ник⟨аких⟩ изв⟨естий⟩ до июля. Но в июле, одн⟨ако⟩, я знала чрез Жук⟨овского⟩, что он у него в Эмсе, а в Эмс я собир⟨алась⟩ к Жук⟨овскому⟩, к⟨оторого⟩ давно не вид⟨ела⟩. Пока у нас шла переп⟨иска⟩ с Жук⟨овским⟩ и мы ус-ловливались, дело это тянулось, я решила все остав⟨ить⟩ и ехать в Эмс, и узнала от Ж⟨уковского⟩, что Г⟨оголь⟩ поех⟨ал⟩ в Бад⟨ен⟩ ко мне, а из Бад⟨ена⟩ получила в Эмсе (всего 3 дня) письмо шуточное[7], в кот⟨ором⟩ он гов⟨орит⟩, что каша без масла все-таки в горло идет, а Баден без вас никаким образом. Я переех⟨ала⟩ в Бад⟨ен⟩ и нашла Н. В. Он почти вся-к⟨ий⟩ д⟨ень⟩ у м⟨еня⟩ обедал, исключ⟨ая⟩ те д⟨ни⟩, к⟨оторые⟩ он гов⟨о-рил⟩: «Пойду полюбоваться, ч⟨то⟩ там русские дела⟨ют⟩ за table'дотом». Не бывши почти ни с к⟨ем⟩ знак⟨ом⟩, Г⟨оголь⟩ знал почти все отнош⟨е-ния⟩ между людьми и угад⟨ывал⟩ многое оч⟨ень⟩ верно. Особенно зани-мала его princesse de Betun, к⟨оторую⟩ он наз⟨ывал⟩ Бетюнище[8]. Изв⟨ест-ный⟩ русской пуб⟨лике⟩ князь Дол⟨горуков⟩[9] прос⟨ил?⟩, Гоголь буд-то не видел и не слыш⟨ал⟩ и уехал в дилижансе к Жук⟨овскому⟩ во Франк-фурт. Мы не условились, ув⟨идимся⟩ мы в буд⟨ущую⟩ зиму или нет. Я просила приех⟨ать⟩ в Ниццу[10]. Отвеч⟨ал⟩, что он чувств⟨ует⟩, что слишк⟨ом⟩ привязыв⟨ается⟩ к семейству Соллог⟨уб⟩[11] и ко мне, а ему не

[4*] ослы (*ит.*).

следует этого, чтоб не связыв⟨ать⟩ себя никакими. Я поех⟨ала⟩ в Ниццу и не получ⟨ив⟩ писем, в дек⟨абре⟩ поех⟨ала⟩ ⟨нрзб⟩. Возв⟨раща⟩юсь домой — вдруг вижу Г⟨оголя⟩. «Вот видите, и я теперь с вами, и поселился оч⟨ень⟩ близко к Вам и распоряжусь так, ч⟨то⟩ буду между вами и Вьельгурск⟨ими⟩». Квартира неуд⟨ачная⟩, и он переех⟨ал⟩ к Вьельгурск⟨им⟩ в дом г-жи Paradis.

В Бадене он всяк⟨ий день?⟩ после обеда чит⟨ал⟩ «Илиаду», она мне надоед⟨ала⟩. Он сердился, оскорблялся и рассказыв⟨ал⟩ Жук⟨овскому⟩, что я и на «Илиаду» топаю ногами. В Ницце почти ежедн⟨евно⟩ обед⟨ал⟩ у меня и после обеда вытаскив⟨ал⟩ из карм⟨ана⟩ выписки из св. отцов. Иногда читал Марка Аврелия. С умилением говори⟨л⟩: «Божусь богом, что ему недостает только б⟨ыть⟩ христианином!»

О своих собств⟨енных⟩ делах он гов⟨орил⟩ в⟨есьма?⟩ мало, но так к⟨ак⟩ я знала, ч⟨то⟩ способы его сущ⟨ествования⟩ оч⟨ень⟩ скудны, то мне хот⟨елось⟩ хотя шуткой выпытать, что у него есть. Один раз — я помню, к⟨ак⟩ я смеялась! я начала его экзаменовать, ск⟨олько⟩ у него белья и платья. На что он отв⟨ечал⟩: «Я вижу, ч⟨то⟩ вы просто совсем не умеете отгад⟨ывать⟩. А я больш⟨ой?⟩ ф⟨рант?⟩ на галстук и жил⟨ет⟩». У него 3 галст⟨ука⟩: 1 пар⟨адный⟩, друг⟨ой⟩ повседневный и 1 дорожный теплый. У него б⟨ыло⟩ только то, ч⟨то⟩ необх⟨одимо⟩ челов⟨еку⟩, чтоб быть чистым. «Это мне так следует, все⟨м⟩ т⟨ак⟩ след⟨ует⟩, и вы так будете, как я, жить, и я увижу то вр⟨емя⟩, к⟨огда⟩ у вас будет только 2 платья: одно, к⟨оторое⟩ всяк⟨ий⟩ д⟨ень⟩ буд⟨ете⟩ надев⟨ать⟩, друг⟨ое⟩ — в воскр⟨есенье⟩ и в празд⟨ничные⟩ дни. А лишняя меб⟨ель⟩, комф⟨орт⟩ и всякие игр⟨ушки⟩ вам так надоед⟨ят⟩ со вр⟨еменем⟩, ч⟨то⟩ вы сами понемн⟨огу⟩ станете избавляться от них. Я вижу, ч⟨то⟩ это время придет. Вот я заметил, ч⟨то⟩ у меня в чем⟨одане⟩ зав⟨елась⟩ ненужн⟨ая⟩ вещь, я вам ее под⟨арю⟩». И на др⟨угой⟩ д⟨ень⟩ принес мне рис⟨унок⟩ Иванова[12]. В то вр⟨емя⟩ на м⟨еня⟩ нах⟨одила⟩ ч⟨асто⟩ тоска, и Г⟨оголь⟩ сам списал 14 п⟨сал⟩мов и заст⟨авлял⟩ учить наизусть[13], после об⟨еда⟩ спраш⟨ивал⟩ уроки как у мал⟨еньких⟩ детей.

Г⟨оголь⟩ об⟨ычно⟩ занимался все утро, а вых⟨одил⟩ гул⟨ять⟩ в 3 часа, или один, или с графом Мих. Мих. Вьельгурским. Я его часто встр⟨ечала⟩ на бер⟨егу⟩ моря. Если его внез⟨апно⟩ пораж⟨ало⟩ к⟨акое⟩-ниб⟨удь⟩ освещ⟨ение⟩, то он ни слова не гов⟨орил⟩, а только останавлив⟨ался⟩, указывал и улыбался. Он рассказ⟨ывал⟩, ч⟨то⟩ к⟨огда⟩ ех⟨ал⟩ в Ниццу через Марсель, чувствов⟨ал⟩, что умирает, с покорностью молился до утра — слабость, однакож сел в ди⟨лижанс⟩ и поех⟨ал⟩ в Ниццу. «Тараса Б⟨ульбу⟩» прочел в Ницце, рассказ⟨ывал⟩ об учителях и представлял некоторых, бывал ⟨?⟩ весел.

В ап⟨реле⟩ я поех⟨ала⟩ гов⟨еть⟩ в Пар⟨иж⟩, а он в Штуттг⟨арт⟩, но попал гов⟨еть⟩ в Дармштадт. В июне месяце во Франкф⟨урт⟩е я нашла Г⟨оголя⟩[14] в Hôtel de Russie на ул. Цейль, где и я babанов⟨илась⟩. А Жук⟨овский⟩ жил в Саксенгаузене. Мы провели 2 нед⟨ели⟩ втроем оч⟨ень⟩ приятно, виделись кажд⟨ый⟩ д⟨ень⟩. Г⟨оголь⟩ был как-то беззаб⟨отно⟩ весел во все это вр⟨емя⟩ и не жалов⟨ался⟩ на здоровье. Мне каж⟨ется⟩, ч⟨то⟩ он тогда б⟨ыл⟩ не в ладах с madame Жуковскою[15]. Она

сама гов⟨орила⟩, ч⟨то⟩ он ей в тягость, что он навод⟨ит⟩ хандру на Жук⟨овского⟩.

Я поех⟨ала⟩ в Росс⟨ию⟩, и мы переписыв⟨ались⟩. В 1845 г. наша переп⟨иска⟩ очень деятельна, а летом я получала от него самые грустные письма. Жал⟨овался⟩ на св⟨ое⟩ здоро⟨вье⟩ и что его все забыли. Я поех⟨ала⟩ осенью в Калугу, в 1846 все еще перепис⟨ывались⟩. Он оч⟨ень⟩ часто пис⟨ал⟩ в Калугу и в 1847[16]. В 1848 я осенью жила в Павловске. Явился Г⟨оголь⟩ в дов⟨ольно⟩ хор⟨ошем⟩ расп⟨оложении⟩ дух⟨а⟩, но не хот⟨ел⟩ ни у кого быв⟨ать⟩, ничего не хот⟨ел⟩ гов⟨орить⟩ о Иерус⟨алиме⟩, отговаривался при мне ехать на вечер, ссылаясь, ч⟨то⟩ ему жиды шили в Бейруте сюртук и что в этом сюртуке не может явиться ни к кому в Петерб⟨урге⟩. Он бывал осенью часто у Вьельгурских, у С. П. Апраксиной, о к⟨оторой⟩ он гов⟨орил⟩, что он люб⟨ит⟩. Она сама по себе оч⟨ень⟩ добра — она сестра моего любез⟨ного⟩ А. П. Толстого. Вообще он ее очень высоко ставил, любовался очень ею к⟨ак⟩ светскою женщ⟨иной⟩, что никто не умеет дать бал хор⟨ошо⟩ и экономно. Если этому надо быть, то ч⟨тобы?⟩ меньше было времени и денег. Он уехал осенью и упрек⟨ал⟩ письменно, что я не поехала его провож⟨ать⟩ до дилижанса. Ему было грустно. В Москву. Писал мало — я была больна и не могла ему отвечать.

Геогр⟨афия?⟩ д⟨олжна?⟩ б⟨ыть⟩ так нап⟨исана?⟩ ч⟨то⟩б⟨ы⟩ см. ⟨?⟩ свящ. ⟨?⟩ чем с той ⟨?⟩ почв⟨ой⟩, на кот⟨орой⟩ он родился. Все входило в общую теорию. Очень любил соч⟨инение⟩ Храповицкого о хозяйстве[17]. Не видела до 1851[18]. В 1851 письмо с приглашением в Крым. У Вороного-Др⟨яново⟩ осмотрели только запущенный дом[19]. В М⟨оскве⟩ в мае Гоголя не было, на порожное ⟨?⟩ вр⟨емя?⟩ пригласила в подмосковную. Я занемогла. Бронецкого уезда в с. Спасское. Нервы — бессонница — волн⟨ения⟩ — тоска. — «Ну я опять вожусь с нервами». — «Что дел⟨ать⟩? Я сам с нерв⟨ами⟩ вожусь. Не ⟨нрзб.⟩». Очень жаркое лето. Гоголю — 2 комнатки во флиг⟨еле⟩ окнами в сад. В одной он спал, а в другой раб⟨отал⟩, стоя, и к⟨ак⟩ не б⟨ыло⟩ пюпитра, то взд⟨умал⟩ поставить бревна. Прислуживал чел⟨овек⟩ Афанасий, от кот⟨орого⟩ он встав⟨ал⟩ часов в 5. Сам умыв⟨ался⟩ и одевался без помощи человека. Шел прямо в сад с молитв⟨енником⟩ в руке — в рощу — т. е. анг⟨лийский⟩ сад. Возвращ⟨ался⟩ к 8 час⟨ам⟩, тогда подав⟨али⟩ кофе. Потом занимался, а в 10 или в 11 ч. он прих⟨одил⟩ ко мне или я к нему. Когда я — у него тетр⟨ади⟩ в лист очень мелко. Покрыв⟨ал⟩ платком. Я сказ⟨ала⟩, что я прочла — «Никита и генерал-губ⟨ернатор⟩ разговарив⟨ают⟩»[20]. «А вот как! вы подглядываете! так я же буду запирать». Предлагал часто Четьи-Минеи. Каждый день читал житие святого на тот день. Перед обед⟨ом⟩ пил всегда полынную водку, кот⟨орая⟩ придав⟨ала⟩ деятельность желудку, ел с перцем. А после об⟨еда⟩ мы ездили кат⟨аться⟩. Он прос⟨ил⟩, ч⟨тобы⟩ езд⟨или⟩ в сосн⟨овую⟩ или в еловую рощу. Он любил после гулянья брод⟨ить⟩ по бер⟨егу⟩ Москвы р⟨еки⟩; заход⟨ил⟩ в куп⟨альню⟩ и купался. М⟨ежду⟩ т⟨ем⟩ мое зд⟨оровье⟩ б⟨олее⟩ и б⟨олее⟩ расстр⟨оивалось⟩. Гог⟨оль⟩ разг⟨овором?⟩ хот⟨ел⟩ меня повес⟨елить⟩ и предлож⟨ил⟩ прочесть 1-ю главу. Но нервы т⟨ак⟩ б⟨ыли⟩ расстр⟨оены⟩, ч⟨то⟩ я нашла пошл⟨ой⟩ и

скучной[21]. «Вид⟨ите⟩, к⟨аковы?⟩ мои нервы, даже и Тент⟨етников⟩ скучен».— «Да, вы правы: это все-таки дребедень, а ваш⟨ей⟩ душе не этого нужно». Казался оч⟨ень⟩ груст⟨ным⟩. Так к⟨ак⟩ его комн⟨аты⟩ были оч⟨ень⟩ малы, то он в жары любил приход⟨ить⟩ в дом и садился в гост⟨иной⟩ на середн⟨ий⟩ диван, в глубине комнаты — для прохлады. Придет и сядет. Вот что раз случ⟨илось⟩. Я взошла в гост⟨иную⟩, дум⟨ая⟩, ч⟨то⟩ ник⟨ого⟩ нет, и вдруг увидела Гог⟨оля⟩ на див⟨ане⟩ с кн⟨игой⟩ в р⟨уках⟩. Когда я взошла, он к⟨ак⟩ б⟨удто⟩ испуг⟨ался⟩. Ему дико показ⟨алось⟩, что кто-то явился. Глядел в меня — иду — «Николай В⟨асильевич⟩, что вы тут делаете?» К⟨ак⟩ б⟨удто⟩ проснулся.— «Ничего. Житие (в июле) такого-то». Что-то приятное — молился он что ли — в экстазе. Чуть ли не Косьмы и Дамиана. По вечерам Г⟨оголь⟩ брод⟨ил⟩ перед домом после куп⟨анья⟩, пил воду с красн⟨ым⟩ вин⟨ом⟩ и с сах⟨аром⟩ и уходил час⟨ов⟩ в 10 к себе. Был нездоров, жалов⟨ался⟩, не разгов⟨аривал⟩ ни с людьми, ни с приятелями ⟨?⟩. Шутил над садом Попова с затеями. Девушки: «Это наш Никол⟨ай⟩ Ив⟨анович⟩ сдел⟨ал⟩». Одна шутка: «Где же наш Ник⟨олай⟩ Ив⟨анович⟩» и т. п. С детьми ездил к обедне, к заутрене. Любил смотреть, как загоняли скот домой. Это напоминало Малороссию. Село Константиново за рекой Москвой. Любил ходить на Марштино ⟨?⟩ версты 2. «Больше некуда как на Н⟨евский⟩ просп⟨ект⟩ — на Марштино».— Почему не гов⟨орили?⟩ с мужик⟨ами⟩?»— «Да у вас старых мужиков нет».— Терпеть не мог фабричных служ⟨ащих⟩ в фуражках и дамы нарумянен⟨ной⟩. Странности над опис. ⟨?⟩ Малороссии. «Куда ехать? В Малороссию.— А потом к себе — к Малор⟨оссии?⟩ невозможно». Совето⟨вал?⟩ — «Помолитесь как перв ⟨?⟩ мысль ⟨?⟩ — не помните — ехать». Больны ⟨?⟩ — расстались — благословил образом, «и молитва моя за вас будет». Приходил всякий день по ⟨?⟩ в Трубников. пер. ⟨?⟩ в собств. доме. Сигрин-пастор.— Псалмы. М. Овербек. Письмо к новому году[22]. Не любил ⟨нрзб⟩ крестьянок. Не то наши бегичевские. Villa Madama? Gli ciucci ⟨нрзб⟩[5*].

«С вами это было?» — «Все было и такое было, чего с вами не будет».— «А думали ли вы о смерти?» — «О, это любимая моя мысль, на кот⟨орой⟩ я кажд⟨ый⟩ д⟨ень⟩ выезжаю».

[5*] Вилла Мадама? Ослы (*ит.*).

ВОСПОМИНАНИЯ О Н. В. ГОГОЛЕ

Париж, 25/13 сентября 1877 г.

Каким образом, где именно и в какое время я познакомилась с Николаем Вас⟨ильевичем⟩ Гоголем, совершенно не помню. Это должно показаться странным, потому что встреча с замечательным человеком обыкновенно нам памятна, у меня же память прекрасная. Когда я однажды спросила Гоголя: «Где мы с вами познакомились?» — он отвечал: «Неужели вы не помните? вот прекрасно! так я же вам не скажу. Это значит, что мы были всегда знакомы». Сколько раз я пробовала выспросить его о нашем знакомстве, он всегда отвечал: «Не скажу, мы всегда были знакомы». В 1837 г. я проводила зиму в Париже, Rue du Mont Blanc, 21, на дворе, т. е. entre cour et jardin [1*], но Гоголь называл этот hôtel трущобой. Он приехал с лицейским товарищем Данилевским, был у меня раза три, и я уже обходилась с ним дружески, но как ⟨с⟩ человеком, которого ни в грош не ставят. Опять странность, потому что я читала с восторгом «Вечера на хуторе близ Диканьки». Они так живо переносили меня в нашу великолепную Малороссию. Оставив восьми лет этот чудный край, я с необыкновенным удовольствием прислушивалась ко всему, что его напоминало, а «Вечера на хуторе» так ею и дышат. С ним в это время я обыкновенно заводила разговор о высоком камыше, о бурьяне, белых журавлях с красным носиком, которые при захождении солнца прилетают на знакомые хаты, крытые старновкой, о том, как гонит плечистый хохол с чубом лошадей в поле, и какая пыль поднимается их копытами. Потом заводилась речь о галушках, варениках, пампушках, коржиках, вспоминали хохлацкие песни:

«Грицько, не ходи на вечерницы,
Там увси дивки чаровницы»,

или

«На бережку у ставочка»...

Или любимая его песня «Цвыли лози при дорози»:

«Ходы козак по улицы в свитлой белой кошуленцы...»

Он вообще не был говорлив и более любил слушать мою болтовню. Вообще он был охотник заглянуть в чужую душу. Я полагаю, что это был секрет, который создал его бессмертные типы в «Мертвых душах». В каждом из нас сидит Ноздрев, Манилов, Собакевич и прочие фигуры его романа. О Париже мало было речи, он уже тогда не любил его. Он, однако, посещал театры с Данилевским, потому что рассказывал мне, как входят

[1*] между двором и садом

в оперу à la queue [2*] и как торгуют правом на хвост, с свойственной ему способностью замечать то, что другим не кажется ни замечательным, ни смешным. Раз говорили о разных комфортах в путешествии, и он сказал мне, что на этот счет всего хуже в Португалии и еще хуже в Испании, и советовал мне туда не соваться с моими привычками. «Вы как это знаете, Николай Вас⟨ильевич⟩?» — спросила я его.— «Да я там был, пробрался из Испании, где также очень гадко в трактирах, все едят с прогорклым прованским маслом. Раз слуга подал мне котлету, совсем холодную. Я попросил его подогреть ее. Он преспокойно пощупал рукой и сказал, что она должна быть так. Чтобы не спорить, я спросил шоколаду, который оказался очень хорошим, и ушел».— «Неправда, Николай Васильевич, вы там не были, там все дерутся, гверильясы, все в смутах, и все, которые оттуда приезжают, много рассказывают, а вы ровно ничего». На все это он очень хладнокровно отвечал: «Вы привыкли, чтобы вам все рассказывали и занимали публику, чтобы с первого раза человек все запечатлел, что знает, что пережил, даже то, что у него на душе». Я осталась при своем, что он не был в Испании, и у нас осталось это русской шуткой (Жуковский говорил, что русская шутка только тем и хороша, что повторяется) [1]. В Испании он точно был и, кажется, там познакомился с Боткиным [2]. Он оставался недолго, ни климат, ни природа, ни картины не могли произвести особенного впечатления. Испанская школа для него с болонскою, как в отношении красок, так и рисунка, была противна. Он называл Болонскую школу пекарской. Понятно, что такой художник, как Гоголь, раз взглянувши на Рафаэля в Риме, не мог слишком увлекаться другими живописцами. Его приводил в восторг сжатый строгий рисунок Рафаэля, он не любил Перуджино из Ранционгли. Один Джан Bellini нравился своей божественной наивностью. Но все это не может сравниться с нашими византийцами, у которых краска ничего, а все в выражении и чувстве. Вообще у него была некоторая сдержка в оценке произведений художников. Надобно было, чтобы все струны его души признали вещь за прекрасную, чтобы он ее признал гармоническою. «Стройность, гармония во всем, вот что прекрасно»,— говорил он. Лето того же 37 г. я провела в Бадене, и Ник⟨олай⟩ Вас⟨ильевич⟩ приехал. Он не лечился, но пил по утрам холодную воду в Лихтентальской аллее. Мы встречались всякое утро. Он ходил, или, вернее, бродил по лугу зигзагами. Часто он был так задумчив, что я не могла дозваться его, и не хотел гулять со мной, прибирая самые нелепые причины. Он был во всю жизнь мастер на нелепые причины.

В июле месяце он неожиданно предложил собраться вечерком и объявил, что пишет роман под названием «Мертвых душ». Андрей Карамзин, граф Лев Сологуб, Валериан Платонов собрались на нашу дачу. День простоял знойный, мы уселись, и Гоголь вынул из кармана тетрадку в четвертку и начал первую главу своей бессмертной поэмы. Между тем, гром гремел, разразилась одна из самых сильных гроз, какую я запомню. Дождь лил ливмя, с гор потекли потоки. Смиренная Мур, по которой куры ходили по суху, бесилась и рвалась из берегов. Мы были в восторге. Однако Гоголь

[2*] по очереди

не кончил второй главы и просил Карамзина довести его до Грабена, где он жил. Дождь начал утихать, и они отправились. После Карамзин сказал, что Ник⟨олай⟩ Вас⟨ильевич⟩ боялся идти один, что на Грабене большие собаки, и он их боится, и не взял своей палки. На Грабене же не оказалось собак, а просто гроза действовала на его слабые нервы. На другой день я его просила прочесть далее, но он решительно отказал и даже просил не просить. Мы уехали осенью ⟨из⟩ Баден-Бадена, и Гоголь с другими русскими провожали нас до Карлсруэ, где Гоголь ночевал с моим мужем и был болен, страдал желудком и бессонницей. О первой и страшной болезни он не любил говорить. Его спас приезд Боткина[3], который усадил его полумертвого в дилижанс, и в Глогнице он после двух месяцев, в течение которых он ровно ничего не ел, выпил чашку бульона. Ехали день и ночь, и в Венеции Гоголь был почти здоров, сидел на Пиацетте и грелся итальянским солнцем, не палящим, а ласкающим.

В 1838 году я была в России, потеряла Гоголя из виду и не переписывалась с ним. В 1841 году он явился ко мне в весьма хорошем расположении духа, но о «Мертвых душах» не было и помину. Я узнала, что он был в коротких сношениях с Виельгорскими. Они часто собирались там обедать, и Жуковский называл это «макаронными утехами на бульоне». Ник⟨олай⟩ Вас⟨ильевич⟩ готовил макароны, как у Лепри в Риме: «Масло и пармезан, вот что нужно». В этом же году я получила от него очень длинное письмо, все исполненное слез, почти вопль, в котором жалуется на московскую цензуру. К письму была приложена просьба в форме письма к государю, в которой он напоминал, что он милостиво оказал ему протекцию на «Ревизора» и велел дирекции заплатить ему четыре тысячи р. асс. Я решилась посоветоваться с Мих⟨аилом⟩ Юрьев⟨ичем⟩ Виельгорским, он горячо принялся за дело и все устроил с помощью князя Дундукова[4], который был товарищем министра просвещения, графа Уварова. Ни мое письмо, ни письмо Гоголя к государю не нашлись, они или остались у Виельгорского, или были отосланы автору. «Мертвые души» вышли в свет toto quale[3*][5], без глупых поправок и вычеркивания цензоров. Весной 42 года Гоголь приехал в Петербург и остановился у Плетнева. Приходил довольно часто и уже совсем на дружеской ноге. Он тогда сблизился с моим братом Аркадием, изъявил желание прочесть нам отрывки уже отпечатанных «Мертвых душ». У Вяземского он читал разговор двух дам. Никто так не читал, как Гоголь, и свои и чужие произведения. Мы смеялись неумолкаемо. В нем был залог великого актера. Мы смеялись, не подозревая, что смех вызван у него плачем души любящей и скорбящей, которая выбрала орудием своим смех. А отчего душа так или иначе выражает свои чувства, известно одному Богу. Высокий христианин в душе, Гоголь чувствовал, что образец наш — Христос Спаситель даже не улыбался, а плакал и вздыхал. Потому легко представить, что произошло в его душе, когда он увидел, что Чичиков, Манилов, Собакевич и Ноздрев возбуждают лишь смех или отвращение. «Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всяк полюбит», задумал он уже тогда. Перед ним уже летали образы почище, поидеальнее. Уленька, Чагра-

---

[3*] полностью (*ит.*).

нова, Никита, генерал-губернатор, помещик Вороново-Дряново, Платонов, который влюбился в портрет петерб⟨ургской⟩ львицы Чаграновой[6]. Все это в первую пору своей авторской жизни он почувствовал, но до страдальчества оно дошло позже, когда создалась его школа, т. е. реалистическая литература. Его жалобы и стоны вырвались из груди в его «Переписке с друзьями». Эту переписку никто не понял. Она подняла гвалт на всю Русь, потому что Гоголь не был открыт, никто не знает, писал он мне, что «перегорело в моей душе», оно известно только Богу.

В июле месяце я оставалась в Пет⟨ербурге⟩, и Гоголь предложил прочесть мне новую комедию «Женитьба»[7]. После обеда Вяземский, Плетнев, Аркадий, Тютчев — мы сидели в гостиной, и он начал читать в рукописи. Смех был постоянный: Подколесин, сваха, капитан Жевакин, Яичница — все, начиная с фамилий, возбуждали смех. Швейцару приказано было не принимать. Он пропустил князя Михаила Алекс⟨андровича⟩ Голицына как короткого знакомого. Тот взошел. К счастию, Гоголь не обратил внимания, ⟨продолжал⟩ читать и после чтения пошел в кабинет мужа и крепко уснул на диване и проснулся на вечере, потому что у мужа собрались играть в ералаш и преферанс. Он зашел ко мне и сказал: «Там занимаются делом[8] до восьми часов утра, но там ангел-хранитель в синем мундире под сладким лицом генерала Дубельта, следовательно, до драки не дойдет». Голицын не находил слов, чтобы благодарить меня за приятные минуты, которые он провел у меня: «Я читал с восторгом «Мертвые души» и всегда желал видеть их автора. Подобных минут я не проводил в этом пошлом Петер⟨бурге⟩».

Осенью я поехала с братом Аркадием в Италию и остановилась во Флоренции. Неожиданно получила письмо от Гоголя, который писал: «Точно ли вы во Флоренции? Приезжайте скорее в Рим, вы увидите, как будете самой себе благодарны». В генваре брат мой опередил меня в Рим для приискания квартиры. Мы потянулись в собственных экипажах с веттурино. Переночевавши в Romiglione, мы были празднично расположены, погода была великолепная, солнечная и tiède[4*]. Я опустила все окна, выглядывая то в одно окно, то в другое. Наконец мы поравнялись с гробницей Нерона, vetturino[5*] мне крикнул: «Ecco San Pietro, a la destra[6*]».

На одну минуту явился купол св. Петра в сизом тумане. Я начала помышлять о квартире, о помещении детей и еде. Начинало вечереть, мы проехали по знаменитому Ponto Мальво, и въехали после пятидневного похода через Porta del Popolo. У чиновника заплатили по десяти франков в догану и потянулись на Корсо, где еще тянулись кареты и коляски римских принчипе и маркизов. В догане мне передали письмо брата, который извещал, что надобно ехать на форо Траяно в palazetto Валентини. Первый этаж был освещен. На лестницу выбежал Ник. Вас. с протянутыми руками и лицом, исполненным радости. «Все готово,— сказал он,— обед вас ожидает. Квартиру эту я нашел, воздух будет хорош. Corso под рукой, а что всего лучше, вы близки от Колизея, форо Боарио». Немного погово-

[4*] мягкая.
[5*] кучер (*ит.*).
[6*] Вот святой Петр справа (*ит.*)

ривши, он отправился домой с обещанием придти на другой день. В самом деле он пришел, спросил бумажку и карандаш и начал писать: «Куда следует понаведываться А. О. и с чего начать». Были во многих местах и кончали Петром. Он взял бумажку с собой и написал: «Петром осталась А. О. довольна». Таким образом он нас возил целую неделю и направлял всегда так, что все кончалось Петром. «Это так следует. На Петра никогда не наглядишься, хотя фасад у него комодом». При входе в Петра Гоголь подкалывал свой сюртук, и эта метаморфоза преобразовывала его во фрак, потому что кустоду приказано было требовать церемонный фрак из уважения к апостолам, папе и Микель-Анджело. Когда мы осмотрели Рим en gros [7*], он стал реже являться ко мне.

У нас был комический слуга Александр, который утром рано находил необходимым сообщать мне все приключения его утра. «Ho rincontrato signor Gogol, credo che venir a vedere si, perche passer sulla Piazza del Apostoli» [8*] или говорил, что встретил «il generale» Перовского [9]. Перовского кучера, лакеи и в лавках купцы все звали «il signor generale» [9*]. Он подъехал к таможне и встретил кн. Зинаиду Волконскую. В Неаполе их высадили в догане. К‹нягиня› Волконская дала таможенным чиновникам несколько байок, а Перовский десять франков. Вдруг он видит, что таможенный люд строится в шеренгу и думал, что они обиделись. Напротив, они с уважением поклонились и сказали: «Signor generale, l'administrazia della Dogana voi ringrazia sur tante bontà que generosità e della avara una principessa a dato solamente quelche baiochi» [10*]. Перовский провел однажды целый год в Неаполе, с восхищением рассказывал мне о Сорренто, Пестуме и Капри. Я и без того хотела туда ехать.

Мы выехали рано весной на Понтийские болота, в которых купаются великолепные буйволы и кормятся желтыми цветами четимеры. Другая дорога гориста, идет на Арильяну и параллельна с болотами. Мы завтракали в Terracino, некогда притоне brigante [11*], потом остановились в Mala di Gaeta, в одном из прелестнейших уголков света. В Капуе встретили прокаженного и остановились в гостинице на Chiaja. Итальянцы делали Corso, и два часа были так скучны, что меня одолели. Меня остановила меньшая дочь моя Надя, как ни старалась я ее будить, она крепко заснула и в Неаполе спала без просыпу. Перовский мне сказал, что она заразилась понтийской лихорадкой, и побежал за аллопатом доктором Романья. Он меня успокоил, и через три дня она была совсем здорова, и мы поехали в Сорренто и остановились в прекрасной гостинице на берегу моря. Против нас стоял остров Капри, который обливали синие волны моря. С восхождением солнца я уже сидела у растворенного окна. Женщины чудной красоты в живописных костюмах несли на голове огромные кувшины или ам-

[7*] В общем

[8*] Я встретил синьора Гоголя, думаю, что он идет сюда, так как шел по Пьяцца дель Апостоли (*ит.*).

[9*] Синьор генерал (*ит.*).

[10*] Синьор генерал, администрация таможни благодарит вас за такую доброту и щедрость, а скупая княгиня дала только несколько байок (*ит.*).

[11*] разбойников (*ит.*).

форы, полные воды. В Пестум я не попала и вернулась на Кайо. Из Неаполя я поехала на крошечном пароходе французской компании [10]. Уже в порте лодка сильно качалась, мальчишки пели и плясали салтареллу. Днем поднялся сильный ветер, кареты привязывали постоянно. Ночью разразилась буря, которая заливала пароход. Капитан Arnoud и рулевой были привязаны, по пароходу рыскал кельнер с лоханками и стаканами, подходил к каюте, где я лежала с Олей, которую беспрестанно покрывала. Она спала крепким сном, Соня и Надя лежали с няней внизу в каюте. Соня заснула над лоханкой, а няня говорила: «Охота вам была запрудить море русскими телами»; призывала всех святых, приговаривая: «Кто по морю не плавал, еще Богу не молился». По лестнице меня вел полковник папских войск Загер. Он сопровождал мою знакомую, графиню Пурталес. Кельнер меня успокаивал странным образом: «J'ai vu perir «Pallas» et «La Semiramide» près de Marseille et me voilà cependant» — «Et comme sauve t'on les naufragés?» — «Pardieu, on les attache sur une planche et puis, nos amis, faites que vous pourrez, mangez que vous pouvez et puis mourrez de faim sur un rocher» [12*]. К утру ветер стал утихать, и мы вошли с трудом в миниатюрный порт Чивита-Веккиа. Нас бросили в лодки и, наконец, мы ступили на благословенную твердую землю. M-lle Овербек уже рвало кровью. Я послала за доктором и на другой день долго хлопотала об лошадях, чтобы засветло приехать в Рим. В Остии, описанной так прекрасно Плинием Меньшим [11], мы обедали. От древнего великолепия остался кругленький пруд, в котором гармонично квакали лягушки. Я, как Анна Ив⟨ановна⟩ царица, люблю кваканье этих зеленых зверей. Известно, что она развела их в любимом своем загородном доме и по вечерам садилась с Бироном, чтобы вдвоем наслаждаться этим концертом. Начинало вечереть, где-то на пригорке лошади стали: ни тпру, ни ну. Курьер мне сказал: «Нечего делать, я отпрягу ваших лошадей, и кучер останется с вами».— «Вот те на!» Няня, моя девушка и Надя, мы сидели час. Вдруг является кавалер в круглой шляпе, плаще и подъезжает к нам шагом. Словом, совершенный brigante. Я уже готовилась сказать ему: «Prende tutte, ma lasciate noi vivere» [13*], но он учтиво поклонился и сказал: «Non avete paura» [14*]. К полночи мы были у Porta del Borgo, vicina al Vaticano [15*]. Тут осмотрели пантакарты и велели ехать в догану. Там оставили наши экипажи на дворе, и эти бестии продержали нас более часа, несмотря на то, что содрали по две скуди с экипажа. Наконец мы приехали на Piazza del Popolo в два часа ночи и подъехали в гостиницу M-me Milici, где нас ожидал чай и жареная курица. После улеглись с намерением встать рано утром, чтобы засветло ехать во Флоренцию.

Дорога между Римом и Флоренцией была небезопасна, и курьер предложил мне взять двух провожатых с заряженными ружьями и пистолетами. Утром он объявил, что распорядился насчет жандармов, но что нам нельзя

[12*] Я видел гибель «Паллады» и «Семирамиды» у Марселя, и однако я цел.— А как спасают потерпевших крушение? — Черт возьми, их привязывают к доске, а потом, друзья мои, делайте, что хотите, ешьте, что можете, или умирайте с голоду на скале.

[13*] Возьмите все, но пощадите нас (*ит.*).

[14*] Не бойтесь (*ит.*)

[15*] Порта дель Борго рядом с Ватиканом (*ит.*)

достать лошадей до часу, потому что граф Браницкий едет в девяти экипажах, и все в четыре лошади. Нечего было делать, мы поехали проститься с Петром и с Дашковыми, которые еще запоздали в Риме. В час мы тронулись и приехали поздно в Радикафали. Это перевал в Тоскану, где кончаются опасности. Радикафальская станция на самой вершине горы, оттуда вид на юг и на север прекрасный, но пустынный и угрюмый. Дети проголодались, но тут ничего не могли достать. Я спросила девку, нет ли купить молока. «Ma dove,— отвечала мне нечесаная, грязная девка, capre sono nella montagna» [16*]. Дети заснули, и в час мы были в Сиене в узкой улице и темной гостинице. Спросили обедать и сели за стол, Соня против меня и m-lle Овербек завязывала ее салфетку. Я ей сказала: «Заприте дверь». Она вернулась, и лицо ее изменилось. После скверного обеда all'uso di Francia [17*], прилаживания итальянских слуг к их подлейшему обеду, мы поспешили в соборную церковь академии, украшенную историческими картинами Пинтуриккио, смотрели, как юноши играли в Palle [18*], и пришли домой в три часа. Нянька Нади меня встретила с тревожным лицом и сказала, что ребенок играл с мячиком, ударил себя в глаз, что она мыла глаз, но Надя все повторяла: «Не могу открыть глазок». Я приказала курьеру заказать лошадей в восемь часов, позвать доктора и пошла в свою спальню. Моя девушка предложила мне лечь на одну из высоких итальянских кроватей, а я легла на свою походную, зажгла свечу и читала Евангелие, как вдруг что-то мелькнуло передо мной. Я думала, что это обман зрения или бабочка, а может быть, летучая мышь, которая забралась под занавески, и взглянула на зеркало и там увидела, как ⟨будто⟩ движущуюся тень. Вскочила с кровати, пошла в детскую комнату и просила m-lle Овербек перенести мою кровать в их комнату. Заснула очень крепко. Доктор уже осмотрел глаз, сказал, что она тронула нерв своих век, и что я могу спокойно ехать в Ливорно. На половине дороги m-lle Овербек сказала мне: «Я нашла способ открыть этот глаз». Подали холодной воды, старшие сестры вымыли лицо и руки, а Наде сказали, что ей не велел доктор мыться холодной водой. Тут пошли капризы, даже колотушки. Ей долго отказывали, но, наконец, позволили, и она с радостью объявила: «И я открыла дазок». Ровно в три часа приехали в Ливорно, где детей занимали колодники, которые летом работали в порте в желтых и красных куртках с страшными словами на спине homicida, parricida [19*] и проч. Перовский пришел, и тогда я спросила m-lle Овербек, что нам явилось в Сиене. «Я видела почти прозрачную фигуру, которая склоняла голову на правую сторону», а m-lle Овербек сказала: «А я так встретила его глаза. Они были впалы и горели каким-то дьявольческим взором, полным насмешки». Конечно, Перовский смеялся и говорил, что это бабьи сказки. Детям мы ничего не сказали. В Бадене приехала belle-soeur [20*] m-lle Овербек, и мы говорили о Сиенском случае. Оля вбежала, мы замолчали, а она сказала: «J know about what you speak. About what,

---

16* Но откуда... козы в горах (*ит.*).
17* На французский лад (*ит.*).
18* Мяч (*ит.*).
19* убийца, отцеубийца (*ит.*)
20* невестка

yes, J know: it is about Sienna[21*]». Значит, ребенок понимал всегда наше беспокойство.

Мы совершили тогда самое странное путешествие. Перовский советовал не делать крюков в Италии, а ехать просто по протоптанным дорогам, где можно не умирать с голода без лошадей. Я хотела du pittoresque[22*] и поехала на Buchetto, где местоположение восхитительно. Мы ехали шагом, впрягая иногда волов. Эти два четвероногие не ссорились с лошадьми и дружно шли на гору и с горы. В Buchetto не нашлось трех яиц, и нам сказали, что в лесу есть bruchiate[23*]. Мы сели под деревом и ели сырые каштаны. Наконец, на одной станции добыли кусок сыру и хлеб, поделились и приехали в Пиаченцу, где женщины носят странную прическу, заплетают косу в девять плеток, ставят их короной и прикалывают длинными серебряными булавками. Они чешутся по субботам; легко себе представить, что гнездится в их черных волосах. Тут тоже запаслись сыром и хлебом и к вечеру приехали в Парму, где знаменитый Corregio писал своих ангелов. После Рафаэля это все de la petite bière[24*], замечателен только его белый колорит. В Парме доживала свой век герцогиня Пармская, которая была гораздо счастливее со своим вторым мужем, графом Нейпперг, чем с великим страдальцем острова св. Елены. Она каталась в коляске с огромным зеленым веером, как и прочие дамы. Это единственный город, где господствует веер. Потом мы поехали в Германию, по Splügen, как легчайший переезд. Дорога была опасна и вместе безопасна. Via Mala была построена Наполеоном. Под горой мы ночевали. В Шплюгене всего один дом с двумя рамами и натопленный зелеными изразцовыми печами. Via Mala почти доходит до Вагуца, где мы ночевали и прозябли порядком. А потом мало-помалу горы уступили место холмам, покрытым прекрасным лесом.

В Бадене мы поселились в знакомом доме старухи Дурхгольц, взяли кухарку, одним словом, зажили домком. Я поехала к Жуковским в Эмс, разминулась с Гоголем, и он приехал в Баден. Он из Греффенберга туда приехал, не заезжая к Жуковскому. Он писал мне: «Каша без масла не совсем хорошо лезет в горло, но Баден без вас просто невозможен. Я нахожу одно утешение. Надежда Николаевна вышла ко мне вся[12] завитая. Мы бросились друг к другу в объятия, крепко поцеловались, но она вспомнила, что не все совершила, и, взяв мою руку, сказала: «Николай Вас⟨ильевич⟩, поцелуйте вучку!», так что со временем она будет хоча и не кокетка, но модница и щеголиха». Она была прелестный ребенок, все говорила, как попугай, после старших сестер. В Риме она восхищала Перовского. Повторяла всем, как Перовский меня любит и Август тоже. Перовский говорил: «Она всех умнее. Вы все ездите смотреть развалины, колонны и ворота всяких римских подлецов. Она даже из окна любуется Траянской колонной по-своему и считает кошек». Она не могла произносить «кошки» и говорила «тоськи». За обедом ей подали шпинат с гвоздичным орехом, она при Пе-

---

21* Я знаю, о чем вы говорите. Да, я знаю, о чем: о Сиене (*англ.*)
22* живописного.
23* каштаны (*ит.*).
24* пустяки

ровском сказала: «Надежда Станна, я не могу кушать спинат с олёхами и помпот тоже с олёхами». Она в Риме начала у Гоголя просить «вучку». Он закрывал ее какой-нибудь книжкой, она сердилась: «Я не хочу читать, а пожалуйте вучку».— «Зачем вы меня принимаете за священника?» Кончалось это все брыканьем ее кривых ног, слезами, и нянька ее уносила из гостиной. Один раз она меня очень рассмешила, сказав мне: «Мама, помнишь, как ты очень обижала нас между Римом и Флоренцией?» Я рассмеялась. Она рассердилась и сказала: «Тебе смешно, а ведь это очень больно». Она любила рассказывать всякий вздор очень серьезно своей няне. Когда мы ехали из Фонтенебло в Париж, она мне сказала: «Хочешь, я тебе расскажу про нови короля?» Я ей отвечала: «Ну, нет, я тебе расскажу про этого короля».

Никто не знал Рим так хорошо, как Гоголь. Не было итальянского историка или хроники, которую он не прочел. Все, что относится до исторического развития, искусства, даже современности итальянской, все было ему известно, как-то особенно обрисовался для него весь быт этой страны, которая тревожила и его молодое воображение. Он ее нежно любил. В ней его душе яснее виделась Россия, в которой описывал грустных героев 1-го тома, и отечество озарялось для него радужно и утешительно. Он сам мне говорил, что в Риме, в одном Риме он <мог> глядеть прямо в глаза всему грустному и безотрадному и не испытывать тоски и томления. Изредка тревожили его старые знакомые: нервы, но в мою бытность я постоянно видела его бодрым и оживленным. И точно, в Риме есть что-то примиряющее человека с человечеством. Слава языческого мира погребена там великолепно, на ее развалинах воздвигся Рим христианский, который сначала облекся в смирение в лице грустных и молчаливых отшельников катакомбов, но впоследствии веков заразился гордостию своих предков и начал спогребаться с древним Римом. Развалина материальная, развалина духовная — вот что был Рим в 40-х годах, но над ним все то же голубое небо, то же яркое солнце, та же синяя ночь с миллионами звезд, тот же благорастворенный воздух, не тревожный, как в Неаполе, а, напротив, успокаивающий и убаюкивающий. Истинные красоты природы не примиряют ли нас с человечеством? Останемся благодарны Провидению, которое позволяет каждому принести плод во время свое, и, гуляя по развалинам, убеждаешься без скорби и горести, что народы, царства, как и всякая личность, преходящи. Рим всегда казался каким-то всемирным музеумом, в котором каждый камень гласит об историческом, назидательном событии, но уже не имеет никакого значения в настоящем, и вот почему в Риме не грустно, а отрадно. Ник<олаю> Вас<ильевичу> Рим, как художнику, говорил особенным языком. Это сильно чувствуется в его отрывке «Рим». St. Beuve встретил его на пароходе [13], когда после смерти Иосифа Виельгорского, они ехали в Марсель навстречу бедной матери. St. Beuve говорил, что ни один путешественник не делал таких точных и вместе оригинальных наблюдений. Особенно поразили его знания Гоголя о трастеверияндах и собрании нескольких песен, почти никому не известных (позже я узнала от Грегоровиуса, что есть античная напечатанная литература римлян). Едва ли сами жители города знают, что трастеверияне никогда не сливались с ними.

что у них свой язык или patois[25*]. Заметив, что Гоголь так хорошо знал то, что относилось к языческой древности, я его мучила, чтобы узнать поболее. Он мне советовал читать Тацита. Я все его спрашивала, что такое история; карты, планы, Nybby, Canina, Peronezi[14] лежали на нашем столе, все беспрестанно перечитывалось. Мне хотелось перенестись в эту историческую даль. Что таилось в этом Нероне? И я часто к нему приставала.

Однажды, гуляя в Колизее, я ему сказала: «А как вы думаете, где сидел Нерон? Вы должны это знать. И как он сюда являлся: пеший, или в колеснице, или на носилках?» Гоголь рассердился и сказал. «Да вы зачем пристаете ко мне с этим подлецом? Вы, кажется, воображаете, что я жил в то время, воображаете, что я хорошо знаю историю,— совсем нет. Историю еще никто не писал так, чтобы живо обрисовался народ или личности. Вот один Муратори понял, как описать народ, у одного его слышится связь, весь быт народа и его связь с землею, на которой он живет». Потом он продолжал разговор об истории и советовал читать *Cantu* «Историю республики»[15] и прибавил: «Histoire universelle» Боссюэта превосходна, но написана только с духовной стороны, в ней не видна свобода человека, которому Создатель предоставил действовать хорошо или дурно. Он был римский католик. Guizot хорошо написал «Histoire des révolutions», но то слишком феодально, а то с революционной точки зрения. Надобно бы найти середину и написать ярче, рельефнее. Я всегда думал написать географию. В этой предполагаемой географии можно было бы видеть, как писать историю. Но об этом после, друг мой, я заврался по привычке передавать вам все мои бредни. Между прочим, я скажу вам, что мерзавец Нерон являлся в Колизей в свою ложу в золотом венке, в красной хламиде и золоченых сандалиях. Он был высокого роста, очень красив и талантлив, пел и аккомпанировал себе на лире. Вы видели его статую в Ватикане, она изваяна с натуры». Но не часто и не долго он говорил. Обыкновенно шел один поодаль от нас, поднимал камушки, срывал травки или размахивал руками, попадал на кусты, на деревья, ложился навзничь и говорил: «Забудем все, посмотрите на это небо!» — и долго задумчиво, но как-то вяло глазел на этот голубой свод, безоблачный и ласкающий.

Одним утром он явился в праздничном костюме, с праздничным лицом. «Я хочу сделать вам сюрприз, мы сегодня пойдем в купол Петра». У него была серая шляпа, светлоголубой жилет и малиновые панталоны, точно малина со сливками. Мы рассмеялись. «Что вы смеетесь? Ведь на Пасху, Рождество я всегда так хожу и пью после постов кофий с густыми сливками. Это так следует». Я ему сказала: «А перчатки?» — «Перчатки,— отвечал он,— я прежде им верил и покупал их на Пиацца Мадама, но давно разочаровался на этот счет и с ними простился». Ну, мы дошли, наконец, до самого купола, где читали надписи. Видели, что Лазарь Якимович Лазарев удостоил бессмертный купол своим посещением, прочли надпись государя Ник⟨олая⟩ Пав⟨ловича⟩: «Я здесь молился о дорогой России», и вернулись очень усталые домой. Гоголь сказал нам, что карниз Петра так широк, что четвероместная карета могла свободно ехать по нем. «Вообразите, какую штуку мы удрали с Жуковским, обошли весь карниз. Те-

[25*] просторечие.

перь у меня пот выступает, когда я вспомню наше пешее похождение, вот какой подлец я сделался. Аркадий Ос⟨ипович⟩, не угодно ли вам пройтись?».— «Нет, я попробовал на Александровской колонне и закаялся навеки». Мы посетили San Clemente, где он нас поставил в углу, велел закрыть глаза и потом сказал: «Посмотрите». Перед нами предстала знаменитая статуя Моисея, Микель-Анджело. Борода почти до ног и рога на голове. Точно он прожил века и глядел в нескончаемое будущее. Потом видела Scala sancta, народ набожно, молча поднимался, затем перед нами таинственная личность этого избранника Божия, создателя закона, до малейших подробностей указывающего человеку чисто-начисто как нравственные, так и материальные признаки, который за непослушание лишился радости перейти через Иордан и видеть землю обетования. В Латеране мы осмотрели гробницы пап и принсипе. Сколько нехристианской гордости в эпитафиях! С паперти по правую сторону возвышалась скромная церковь San Giovanni in Jerusalemo, перед ней простиралось зеленое поле, по левую Pietro nelle Catones. Ходили на Monte Testaccio и осмотрели погорелые останки этой древней и великолепной церкви San Paulo Fuori le Mura. J. Robert написал сцену этого бедствия: два монаха с выражением ужаса проходят среди падающих камней и бревен. На Monte Testaccio под рукой San Paulo Fuori le Mura составляют настоящую гору битых посуд, в которых жгли трупы рабов. Патрициев сжигали, но их пепел хранился в колумбариях с надписью каждого. Эти колумбарии и теперь посещаются любопытными. Мы были в одном из них и видели урны, в которых сохранялись эти бренные останки. Даже под носом без стыда унесли урну и лампадку. Мы посетили Santo Onufrio, где похоронен Тассо, но кипариса уже не стало. Гоголь говорил, что вид оттуда с террасы прекрасный, и были ясно видны пять таких дерев. Это только détail[26*], но для художника все идет в дело. Ездили часто в Villa Madama, где прелестная «Галатея» Рафаэля и история Психеи. Сама Villa строена по плану Рафаэля. И он, подобно Микель-Анджело, соединил все искусства. Купидоны «Галатеи» точно живые летают над широкой бездной, кто со стрелой, кто с луком. Гоголь говорил: «Этот итальянец так даровит, что ему все удается». В Сикстинской капелле мы с ним любовались картиной Страшного Суда. Одного грешника тянуло то к небу, то в ад. Видны были усилия испытания. Вверху улыбались ему ангелы, а внизу встречали его чертенята со скрежетанием зубов. «Тут история тайн души,— говорил Гоголь.— Всякий из нас раз сто на дню то подлец, то ангел». После поездок мы заходили в San Agostino и восхищались сибиллами Рафаэля и рядом с церковью покупали макароны, масло и пармезан. Гоголь сам варил макароны, на это у Лепри всего пять минут берет, и это блюдо съедалось с удовольствием. В Риме трудно было достать хорошее мясо и телятина считалась какой-то délicatesse. Австрийский посол дал мне обед, и графиня Шпеер мне сказала: «Il a fait de grands frais pour vous; nous aurons du veau roti et de la salade»[27*]. Мне кажется, что было лучше, чем теперешнее довольствие. Мы с ним,

---

[26*] частность

[27*] Он очень потратился на вас; у нас будет жареная телятина и салат

Перовским и Ханыковым были в Тиволи, любовались кипарисами Траяновых времен, остатками храмов с каскадами, которые падали в маленькое озеро, на котором плавали белые цветы, называемые cirum, и cicerone сказал мне: «Vede, Signora, tutti nascie» — «Credevo che sono fiori del Papa» — «No, Signora, fiori del Papa si chiamano parce parcini»[28*]. В Риме все или del Papa, или all'uso di Francia. Одно, кажется, варенье у Spielman'a называется dolce del Papa[29*]. У Шпильмана делали для англичан muffins ét toaster bread[30*]. Вел. кн. Мария Николаевна с герцогом Лейхтенбергским жили у нашего посланника Потемкина. Он был женат на англичанке. Она была красивая, статная, как заводский конь, но не имела ни малейшего понятия об общежитии, беспрестанно манкировала в⟨еликую⟩ к⟨нягиню⟩, а нас, русских, ни в грош не ставила. Но мы, помимо ее, знакомились и делали себе положение в свете. Тогда была к⟨нягиня⟩ Белосельская в Риме[16] и задавала ужасный тон. В⟨еликая⟩ к⟨нягиня⟩ ее никогда не звала на вечера. Мои дети всякий день играли со старшей ее дочерью, потому что Марусю еще носили на руках. Адина не была хороша, но была преострый и милый ребенок. Она умерла в Петербурге на четвертом году. Вечером мы играли у великой княгини в вист и преферанс: герцог, Матвей Юрьевич Виельгорский и я. Всякий вечер проводил там герцог Фридрих Саксен-Руссентальский. Он был свеж и хорош.

Гоголь оставил Рим с Языковым прежде меня. Из Неаполя я поехала, как выше сказано, в Баден-Баден, это первое отечество русских в Германии. Гоголь очутился там и писал мне комическое письмо вышеприведенное. Там была тогда в⟨еликая⟩ к⟨нягиня⟩ Елена Павл⟨овна⟩, в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩, Свистуновы, Толстая с мужем, Васенька Шереметев, красавец m-r Lee с графиней Гацфельд, которую я знала в Берлине, но по причине ее скандальной жизни ее уже никто не принимал. Николай Киселев жил рядом с нами в rez-de chaussée[31*], над ним Платонов, напротив них Клеопатра Трубецкая с графом Беарном, которого мы звали «бубновым валетом». В картах он называется Hector de Béarn, comte de Galiard. Он имел право на этот титул и носил его в самом деле. Гоголь задумал читать мне «Илиаду», которая мне страшно надоедала, что он и сообщил Жуковскому. Последний в записочке из Эмса написал мне: «Правда ли, что вы даже на Илиаду топаете ногами?» Гоголь обедал у меня и говорил: «Я ходил в «Hôtel d'Angleterre», где лучший стол, но мне надоели немцы, которые с грациями поедают всякую жвачку кримскильдам».

В⟨еликая⟩ к⟨нягиня⟩ Елена Пав⟨ловна⟩ вздумала выдать свою старшую дочь Марью Мих⟨айловну⟩ за будущего герцога Баденского. Отказано было Брауншвейгскому и другим. Все представлялись ей. Я спросила Николая Васильевича: «Когда же вы подколете ваш сюртук и пойдете к ней?» — «Нет, пусть прежде представится Балинский, а потом уже я, и какая у него аристократическая физиономия». Балинский был мой курьер, родом из

[28*] Посмотрите, синьора, все нарождаются.— Думаю, что это папские цветы.— Нет синьора, папские цветы называются parce parcini (*ит.*).

[29*] Папское сладкое (*ит.*).

[30*] Горячую сдобу и поджаренный хлеб (*англ.*).

[31*] В нижнем этаже

Курляндии. Однажды в 2 часа пришли меня звать к обеду к ней. Я наскоро оделась и поехала в наемном дилижансе на дачу Герца, где она жила. В гостиной я заметила тревогу в ее штате, и бедная к⟨нягиня⟩ Львова мне объявила, что герцогиня Баденская будет обедать и мне места нет. «А где, сударыня, прикажете мне искать обед? У меня уже все отобедали». Тут пришел в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩, я ему сказала: «Прошу объявить в⟨еликой⟩ к⟨нягине⟩, что я остаюсь за обедом вашей супруги, которая только и знает, как бы русских топтать в грязь», и преспокойно осталась в приемной. Дверь отворилась, и она вошла с герцогиней. У Аленки лицо покривилось[17], а герцогиня, протянув мне руку, сказала: «C'est mal d'oublier ses amis»[32*], посадила меня возле себя; лицо в⟨еликой⟩ к⟨нягини⟩ прояснилось, она уже видела меня своей помощницей и свахой. Эта свадьба не состоялась по двум причинам. Красивый юноша, вкусивший слишком рано жизнь в развратной Вене, окончил жизнь размягчением мозга. Его приезд праздновался с торжеством. В Бадене выстроили ворота, украшенные зеленью и красивым миткалем, и везде надпись: свобода в конституции. В⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ сказал: «Il n'y a pas de constitution sans liberté»[33*].

Герцог уже жил особняком от жены. Он дал праздник в⟨еликой⟩ к⟨нягине⟩, и мы были приглашены. Там была однако фрейлина герцогини в коротеньком черном платье, толстые ляжки ее так и вертелись с толстым камергером, а волосы, причесанные à l'enfant[34*], разлетались во все стороны. Вдруг замолчала музыка, и все рассмеялись, потому что толстый камергер и его дама нашли нужным довертеться до своего места без музыки. Первый камердинер подошел с подносом, на котором стоял одинокий бокал, и пошел неспешным шагом к в⟨еликой⟩ к⟨нягине⟩. Герцог и Гугорт, видимо, были в восхищении от своей выдумки. Это все происходило в Егергаузе. Лев Нарышкин мне сказал: «Дураки, хвалятся, что это все им принадлежит; у меня на Волге гораздо более земли, но она лежит даром. Рубль с десятины, все-таки пятьдесят тысяч десятин дают пятьдесят тысяч р⟨ублей⟩». Думали уважить в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ и запретили Мицкевичу ехать в Баден, что рассердило в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩. Он мне сказал: «Что мне за нужда, что Мицкевич будет в Бадене, не съест же он меня!» Гоголь к нему поехал в Карлсруэ[18]. Вернувшись, он мне сказал, что Мицкевич постарел, вспоминает свое пребывание в Пет⟨ербурге⟩ с чувством благодарности к Пушкину, Вяземскому и всей литературной братии. Он приехал в Баден, где нашел Алекс⟨андра⟩ Ив⟨ановича⟩ Тургенева. Этот смехотвор чуть не утонул в Муре[19] и выкупал мой чай, присланный Жучком: «Примите его от Гоголя в знак дружбы и уважения вашего Быка, Бычка, Васеньки Жуковского».

Гоголь меня все расспрашивал о русских и знакомых мне французах. Иногда ходил в Hôtel d'Angleterre обедать и потом таскался на террасе и на рулетке. Со свойственной способностью все замечать, он узнал княгиню Бетюну. «Ну, сказал он мне, я узнал из вашего описания к⟨нягиню⟩ Бетюн, и это просто Бетюнище. Она спрашивала каждого блюда два раза и выпи-

[32*] Нехорошо забывать своих друзей
[33*] Не бывает конституции без свободы
[34*] по-детски

ла досуха две бутыли кислого рейнского». С террасы он принес целый короб новостей: кто прячется за кустами, кто амурится без зазрения совести, кто проиграл, кто выиграл и гаже всех ведут себя наши соотечественники и соотечественницы, исключая вас, к⟨нязя⟩ и княгини Мещерской». Тогда случился Веревкинский скандал, который кончился страшным реприманддом. Баденская официя порицала герцогиню за ее связь с жидом Герцом. Веревкин заступился, замахнулся на Голера, даже на Зама и условились драться на дуэли из пистолетов. Весь Баден смутился точно как от нравственного землетрясения. Дуэль происходила в Раштоне на шпагах. Увы, оба дуэлянта лишились жизни. Веревкин наповал, а офицер баденский мучился три дня и умер как христианин. Монго Столыпин [20], друг бедного Веревкина, был его секундантом и привез его тело в крытой коляске. Все бродили по аллеям и видели этот крытый экипаж, который был отослан с поручением, что все гостиницы условились не принимать это несчастное тело. Более всех кричал и размахивал руками граф Гурьев [21]. Выписали священника из Стутгардта, его похоронили по обряду нашей церкви. Мы все, кроме Гурьева, присутствовали при этих похоронах. Оплакивали эту кончину и завалили эту бедную, теперь забытую, могилу цветами. По несчастью Александр Трубецкой много тут сплетничал, все могло устроиться. Он вызвал пощечину Веревкина, и после этого дуэль сделалась необходимой. В⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ это происшествие очень огорчило, и он уехал в Киссинген с к⟨нязем⟩ Ильей Анд⟨реевичем⟩ Долгоруким и полковником Философовым. Толстой его опередил для заготовления приличного помещения. В Киссингене он получил письмо от Гендрикова, который сообщал, что милая жена Пашенька умерла. Я тотчас ему написала, зная, что эта смерть была большим огорчением для его любящего сердца. Он отвечал, что ожидал моего сочувствия и был уверен, что, зная Пашу, я оценила его потерю [22]. В⟨еликая⟩ к⟨нягиня⟩ не могла терпеть меня, потому что догадывалась, что он поверял мне тайны своего сердца.

Гоголь уехал во Франкфурт. В Кобленце с ним был странный случай. Вечером он выставил сапоги, потому что рано утром пароход выходил в 6-ть часов. Проснувшись, Гоголь слышит, что все кричат: «Sie haben es gemacht» [35*], высовывается, решается высунуть свой длинный нос. Тут все немцы хором закричали: «Er, er hat es gemacht» [36*]. Вот что случилось. Один господин сунул ногу в сапог, и, о ужас, сапог до половины был полон золотой размазней, он закричал. Один за другим все любопытные высунули свои носы, и он всех огулом обвинил в неожиданной катастрофе. На пароходе вместо дружеских отношений все друг на друга косились.

В Страсбурге я должна была проститься с Балинским. Уже в Бадене, когда производилось привязывание кофров и ящиков, я заметила, что Балинский вовсе не сведущ в этом искусстве, отправилась в Hôtel d'Angleterre, и мне очень рекомендовали Charles, немца. Балинский, всегда смиренный, принял с достоинством и объявил мне, что идет за полицией. Полиция пришла и произвела все согласно достоинству de la grande nation [37*].

[35*] Вы это сделали (*нем.*)
[36*] Он, он это сделал (*нем.*)
[37*] великой нации

Балинскому приказано было возвратить мне 50 франков, я хотела ему оставить эти деньги, но он с чувством истинного достоинства unsern Baltischen provinzen[38*] их не принял; то я вручила их полиции для раздачи бедным, предложила полицейским 10 фр. за производство procès-verbal[39*], но они отвечали, что французская полиция не унижает себя неправильными доходами. Балинскому было сделано внушение быть осторожнее и учтивее. Он уселся в дилижанс, а мы в своих экипажах отправились в Ниццу и поселились на зиму у Croix de marbre, в доме Masclet. Масклет давно жил в России, и русские охотно у него останавливались. Виельгорские жили в доме Paradis, и Гоголь у них жил. Утром он всегда гулял с Мих⟨аилом⟩ Мих⟨айловичем⟩ и Анной Мих⟨айловной⟩[23], обедал то у них, то у меня. «Насчет дессерта вы не беспокойтесь,— говорил он,— я распоряжусь», и приносил фрукты в сахаре. Кухарка пела во все горло: «M-ч Gogo, m-r Flogo, des raviols, des raviols et de la salade du Père Français»[40*]. После обеда Ник⟨олай⟩ Вас⟨ильевич⟩ вытаскивал тетрадку и читал отрывки из отцов церкви. Он особенно любил Григория Нисского и высказался следующими словами: «Искусство он понял, но разум искусства не понял».

Он написал мне 9-ть псалмов[24], и я должна была ему повторять урок так безошибочно, чтобы не запинаться. «Нет, нет, дурно,— говорил он иногда,— вас следует наказать в угол». Эти псалмы писаны хорошим почерком, и я их берегу с его письмами, как сокровища. Он нам читал в Ницце у старухи графини Сологуб «Тараса Бульбу».

Не раз вздыхал он о бедной Софье Мих⟨айловне⟩[25] и говорил: «Ничто не может быть ужаснее, как когда чувство встречается с черствым бесчувствием». Сцены между Софьей Мих⟨айловной⟩ и старой графиней были самые комические. Однажды она ей выговаривала, что у нее шляпы дурны. Софья очень хорошо отвечала, что у нее денег нет и она еще должна за эту шляпку marchande de mode[41*]. «Экая беда,— ответ был,— tu ne retienne pas la salaire de l'ouvrier»[42*]. Владимир Ал⟨ександрович⟩ то и дело, что таскался в Меран волочиться за Duchesse d'Istrie, которая была еще очень хороша и весьма свободного обращения. Бедная Софья Мих⟨айловна⟩ все терпела молча, читала Библию и занималась детьми. Раз она мне сказала: «On dit que l'amour est aveugle; ce n'est pas vrai, mais il est indulgent et pardonne tout en voyant tout, en devinant tout»[43*].

Из Ниццы все потащились на север, я говела в Париже, Гоголь в Дармштадте. Мы съехались во Франкфурте. Он жил в Саксенгаузене у Жуковского, а я в Hôtel de Russie, на Цейле. Несчастный сумасшедший Викулин в Hôtel de Rome. Жуковский посещал Викулина всякий день, платил в гостинице и приставил к нему человека. Викулин пил, чтобы заглушить приступы своей болезни и тем еще более раздражил свои нервы.

38* наших балтийских губерний (*нем.*)
39* протокола
40* г. Гого, г. Флого, редиски, редиски и французский салат
41* модистке
42* А ты не задерживай заработок работника
43* Говорят, любовь слепа: это неправда: она снисходительна и все прощает, все видя и обо всем догадываясь

После визита в Hôtel de Rome, Жуковский приходил ко мне и рассказывал все старые, мне известные анекдоты. В особенности он любил происшествие Jean Paul Richter у герцога Кобургского[26]. «Знаем, знаем»,— говорили мы. Гоголь грозил ему пальцем и говорил: «А что скажет Елисавета Евграфовна, когда я скажу, какие гадости вы рассказываете?» Жену Жуковского приводило в негодование, когда он врал этот вздор.

Я разбирала свои вещи и нашла, что мой portefeuille, capo d'ôpera[44*] английского магазина, был слишком велик и, купив себе новый, маленький, у жида на Цейле, предложила Гоголю получить мой в наследство. «Вы пишете, а в нем помещается две дести бумаги, чернильница, перья, маленький туалетный прибор и место для ваших капиталов».— «Ну, все-таки посмотрим этот пресловутый portefeuille». Рассмотрев с большим вниманием, он мне сказал: «Да это просто подлец, куда мне с ним возиться». Я сказала: «Ну, так я кельнеру его подарю, а он его продаст этому же жиду, а тот всунет русскому втридорога».— «Ну, нет! кельнеру грешно дарить товар английского искусства, а вы лучше подарите его в верные руки и дайте Жуковскому: он охотник на всякую дрянь». Я так и сделала, и Жуковский унес его с благодарностью. Гоголь говорил мне: «У меня чемодан набит, и я даже намереваюсь вам сделать подарок». Тут пошли догадки. Я спросила: «Не лампа ли?» — «Вот еще что! Стану я таскать с собой лампу. Нет, мой сюрприз будет почище»,— и принес мне единственную акварель Иванова. Сцена из римской жизни. Купец показывает невесте и ее матери запястье и коралловые украшения. Плотный купец в долгополом гороховом сюртуке, сзади даже отгадывается выражение его лица. Невеста опустила руки и смотрит смиренно, трастеверянин длинного роста, он выглядит глуповато, он в ботфортах с накинутым черным плащем. Писано широкой кистью и elegamment[45*]. Кажется, он не накладывал краски для эффекту. Я подарила эту акварель в‹еликой› к‹нягине› Марии Николаевне[27], она очень обрадовалась и сказала: «Это будет мой подарок Саше. У государя есть альбом с произведениями лучших акварелистов, но эта всех лучше, и ему, главное будет приятно, что это русская акварель». Я очень рада, что так распорядилась. У меня могла ее украсть моя дочь Ольга Ник‹олаевна›: она все забирает, бережет, после не отдает. У нее ведь альбом со стихами Пушкина[28], Вяземского, Плетнева, граф‹ини› Ростопчиной и Лермонтова. Меня в Калуге очень рассердил священник Петр Степанович, уроженец владимирский, который мне сказал: «Вас в Калуге боятся, потому что Лермонтов вам писал: «но, молча, вы глядите строго» и т. д.[29].

Из Франкфурта Гоголь поехал в Москву, а за ним и я поехала в Питер, и началась наша переписка. Летом я жила в городе, потому что у детей была скарлатина. Петр Петр‹ович›[30] приехал погостить у нас и все рассматривал с своим камердинером Павлом, которого он звал Панькой. Человек был честный и прекрасный и умер скоропостижно, что огорчило старика несказанно. Он отвез его тело в Москву, похоронил его у самой церкви в Картунове, отпустил его семейство на волю, дал им землю, деньги, чтобы

[44*] портфель, образцовое произведение
[45*] изящно

завестись домиком, и подарил им две коровы и лошадь. Они были сторожами церкви и гробницы любимого старшего сына. Чтобы развлечь дядю, мы приглашали Вяземского, Виельгорских и Баско обедать. У нас жила немка мамзель Кайзер, настоящая ворона с вечно раскрытым ртом. Баско уселся возле нее, и она сделалась жертвой его шуток. Подали апельсины, она уже начала чистить свой, как он очутился на люстре. После обеда мы повели его в детскую, где он делал ventriloque [46*]: в нем то сыпался сор, то валились камни. Петр Пет<рович> — большое дитя, и дети очень забавлялись. Баско в самом деле был самый искусный штукарь. Театр всегда был полон, когда он делал представления, они были разнообразны и всегда новы. Наш курьер Портиччи знал, как он это все творит. Баско взял его в Одессе и с ним доехал в Пет<ербург>. On ne sait pas comme il faisait, mais en Pologne il parlait Polonais comme ventriloque [47*]. Прежде Баско при имп. Павле был в Петр<опавловской> крепости, раз он остановил все часы во дворце. Часовщик как ни возился, не мог их завести без его помощи.

В 1815 году был ventriloque. Имп. Александр Павлович позвал его, и после обеда он делал разные штуки, командовал войску голосом имп<ератора>. Государь имел привычку отдыхать час в своей спальне. Рядом с спальней была столовая. Волконский приказал тафельдекеру [48*] оставить уборку и ушел к себе. Но государь услыхал страшный шум, встал и удивился, что никого нет, а шум продолжается. Тогда вышел из передней штукарь и сказал ему женским голосом: «Je vous demande pardon, Sire, pour cette mauvaise plaisanterie» [49*].

Имп<ератору> хотелось видеть все и всех в Париже, и посетил известную гадальщицу Lenormand [31]. Она раскладывала карты про форма, но говорила в сомнамбулическом сне, который вызывала теплой ванной. Она ему сказала, что конец его царства будет очень грустный, что он умрет на юге России, что новое царство его брата начнется смутами, что его царствование будет длинное, славное, но потом смешала карты и сказала: «Et à présent je ne vois que du feu, des flammes et du sang et la mort. Il sera suivi d'un regne tres doux, plain, de liberté» [50*].

У государя был карандаш, подаренный ему Лафатером [32]. Этот карандаш был в красном футляре и государь никогда им не писал. Лафатер занимался какой-то философской тезой и все не мог вывести заключения, когда к нему вошел почтенный старец, дал ему карандаш и сказал: «Вот тебе сентенция: она в Евангелии от Иоанна». Не знаю, где этот карандаш. Это мне рассказывал М<ихаил> Юрьевич Виельгорский. Удивительный человек был этот милый граф. Его библиотека была наполнена разных книг и раз<ных> документов, он прочитал всю эту литературу в 20.000 томов, был масон петерб<ургской> ложи с другом своим Сергеем Степ<ановичем>

46* чревовещание

47* Не знали, как он это делал, но в Польше он говорил по-польски как чревовещатель.

48* От нем. Tafeldecker — лакей при столовой.

49* Прошу прощения, государь, за эту дурную шутку.

50* А теперь я вижу только огонь, пламя, кровь и смерть. За ним последует царствование мягкое, ровное и свободное.

Ланским. Имп⟨ератор⟩ был генералом du grand Orient[51*]. Правила этих лож совершенно схожи с иерусалимскими. Виельгорский мне говорил: «On a tres bien fait de les fermer: c'est un tres puissant moyen pour tenir les masses dans leur devoir, mais c'est une epée à deux tronchants»[52*]. Гоголю были равно ненавистны Ленорманы и масоны.

Зимой 40-го года Гоголь провел месяц или два в Петерб⟨урге⟩[33]. Жил у Плетнева в университете, где он преподавал историю, два или три раза очень увлекательно читал, потом, как брат, посвятил себя Елизаветинскому институту, где воспитывались его две сестры на казенный счет. Жуковский его посещал с разными сладкими утешениями. Гоголь обедал у меня с Крыловым, Вяземским, Плетневым и Тютчевым. Для Крылова всегда готовились борщ с уткой, салат, подливка с пшенной кашей или щи и кулебяка, жареный поросенок или под хреном. Разговор был оживленный, раз говорили о щедрости к нищим. Крылов утверждал, что подаяние вовсе не есть знак сострадания, а просто дело эгоизма. Жуковский противоречил. «Нет, брат, ты что ни говори, а я остаюсь на своем. Помню, как я раз так из лености не мог ничего есть в Английском клубе, даже поросенка под хреном».

Имп⟨ератрица⟩ всегда желала познакомиться с Иваном Андреевичем, и Жуковский повел его в полной форме библиотекаря имп⟨ераторской⟩ библиотеки в белых штанах и шелковых чулках. Они вошли в приемную. Дежурный камердинер уже доложил об них, как вдруг Крылов с ужасом сказал, что он пустил в штаны. Белые шелковые чулки окрасились желтыми ручьями. Жуковский повел его на черный дворик для окончания несвоевременной экспедиции: «Ты, брат, вчера за ужином верно нажрался всякой дряни». Он повел его в свою квартиру в Шепелевский дворец, там его вымыли, кое-как одели и повезли его домой. Плетнев мне рассказывал, что Крылов всегда в грязном халате лежал на диване, а над ним висела картина, которая покосилась, и он всегда рассчитывал, когда она на него упадет[34]. Весьма немногие знают, что Крылов страстно любил музыку, сам играл в квартетах Гайдена, Моцарта и Бетховена, но особенно любил квартеты Боккерини. Он играл на первой скрыпке. Тогда давали концерты в Певческой школе. В первом ряду сидели — граф Нессельрод, который от восторга все поправлял свои очки и мигал соседу князю Лариону Вас⟨ильевичу⟩ Васильчикову, потом сидел генерал Шуберт, искусный скрыпач и математик. Все математики любят музыку. Это весьма естественно, потому что музыка есть созвучие цифр. Во втором ряду сидела я и Карл Брюллов. Когда раз пели великолепный «Тебе Бога хвалим», который кончается троекратным повторением «Аминь», Брюллов встал и сказал мне: «Посмотрите, ажно пот выступил на лбу». Вот какая тайная связь между искусствами! Когда четыре брата Миллеры[35] приехали в Петербург, восхищению не было конца. Они дали восемь концертов в Певческой капелле, играли самые трудные квартеты Бетховена. Никогда не били такт, а только смот-

[51*] Ложи Великого Востока.

[52*] Очень хорошо сделали, что их закрыли; это очень мощное средство для удержания масс в повиновении, но это палка о двух концах.

рели друг на друга и всегда играли в tempo [53*]. Казалось, что был один колоссальный смычек. После обедни в большой церкви в Зимнем дворце, где пели певчие, начиналось пение. Я ездила на эти концерты. Это был праздник наших ушей. Ларион Вас⟨ильевич⟩ Васильчиков говорил: «Важные, чудесные квартеты Бетговена, а я все-таки более люблю скромные квартеты старичка Боккерини. Помнишь, Иван Анд⟨реевич⟩, как мы с тобой дули их до поздней ночи?» Гоголь очень любил, но только духовную музыку и ходил к певчим. Певчих набирают со времен Разумовского в Украине и с восьмилетнего возраста, голоса этих малюток трогательны, и в два года учения они уже готовы петь Бортнянского и Сарти. Сарти приехал при имп. Елизавете Алек⟨сеевне⟩, его «Вкусите и видите» восхитительно. Придводным хором дирижировал Львов, после него его сын, который сочинял херувимские и прочие канты самые нелепые, он сторговался с Синодом, велел их разучивать по всей России, что дало ему 10.000 дохода. Митрополит Филарет горячо жаловался, что испортили наше церковное пение. Теперь это пение под управлением Бахметьева совсем испортилось, и охотники ездят к графу Шереметеву, где Ласунский(?) сделал много перемен.

Шереметев ничего не щадит для церкви. Князь Одоевский говорил тоже, что Глинки «Господи, помилуй» всегда кончается с accord parfait [54*], как будто обедня кончилась. Это повторение accord parfait очень томительно. Одоевский открыл ключ к древней церковной музыке и ввел ее в домашней церкви графини Протасовой. Я была на этой обедне, которая прекрасна. В соборе Успения в Москве поют киевским постепенным напевом. У ранней обедни священники и дьяконы выходят в середину церкви, становятся пред амвоном, у каждого клочок бумаги, на котором крюки. Особенно хороша «Херувимская». Я сообщила это государю, который хотел непременно побывать у Успенья. Я лечилась холодной водой и всякое утро с Каролиной Ив⟨ановной⟩ [36] ходила в церковь, согревшись скорым шагом после закутывания в мокрые простыни, и становилась у гробницы святителя Ионы. Он, кажется, был из древнего рода дворян Скрыпицыных; Филипп Иона тоже похоронен в Успенском соборе. Святитель Алексей из рода Колычевых тоже покоится в Чудовом монастыре, на его гробницу клала имп. Мария Феод⟨оровна⟩ царского младенца, ныне царствующего имп. Александра.

Но вернемся à nos moutons [55*], т. е. к Гоголю. Он жил у Жуковского во Франкфурте, был болен и тяготился расходами, которые ему причинял. Жуковскому он был нужен, потому что отлично знал греческий язык, помогал ему в «Илиаде» [37]. Василий Андр⟨еевич⟩ просил меня сказать в⟨еликой⟩ к⟨нягине⟩ Марии Николаевне, чтобы она передала эту просьбу государю. Она родила преждевременно, забывала мою просьбу и сказала: «Parlez vous-même à l'Emp⟨ereur⟩ [56*]». На вечере я сказала государыне, что со-

---

53* такт
54* заключительного аккорда
55* к прежнему разговору
56* Скажите сами императору

бираюсь просить государя, она мне отвечала: «Il vient ici pour se reposer, et vous savez qu'il n'aime qu'on lui parle affaires; s'il est de bonne humeur, je vous ferai signe et vous pourrez laisser votre demande[57*]. Он пришел в хорошем расположении и сказал: «Journal des Débats» печатает des sottises. C'est une preuve que j'ai bien agi[58*]». Я ему сообщила поручение Жуковского, он отвечал: «Вы знаете, что пенсии назначаются капитальным трудам, а я не знаю, удостаивается ли повесть «Тарантас»». «Я заметила, что «Тарантас» — сочинение Соллогуба, а «Мертвые души» — большой роман. «Ну, так я его прочту, потому что позабыл «Ревизора» и «Разъезд».

В воскресенье на обычном вечере Орлов напустился на меня и грубым, громким голосом сказал мне: «Как вы смели беспокоить государя, и с каких пор вы — русский меценат?» Я отвечала: «С тех пор, как императрица мне мигнет, чтобы я адресовалась к императору, и с тех пор, как я читала произведения Гоголя, которых вы не знаете, потому что вы грубый неуч и книг не читаете, кроме гнусных сплетен ваших голубых штанов». За словами я не ходила в карман. Государь обхватил меня рукой и сказал Орлову: «Я один виноват, потому что не сказал тебе, Алеша, что Гоголю следует пенсия». За ужином Орлов заговаривал со мной, но тщетно. Мы остались с ним навсегда в разладе[38]. Я послала за Плетневым, мы сочинили письмо к Уварову и запросили шесть тысяч рублей ассигнациями. Плетнев говорил, что всегда дают половину, у нас уж такой обычай. Между тем мы отписали Гоголю и требовали, что‹бы›, отложивши лень, он послал Уварову благодарственную писулю, когда получит желаемую пенсию. Я после узнала, что он писал и государю. Получивши тысячу серебром, т. е. три тысячи пятьсот руб., он поехал в Иерусалим. Что он чувствовал у гробницы Спасителя, осталось тайной для всех. Знаю, что он мне не советовал ехать в Палестину, потому что комфортов совсем нет.

Он поселился у графа Александра Петровича Толстого в доме Татищева на Никитской. Под весну я была очень больна и лечилась у Иноземцова холодной водой. Гоголь мне советовал бросить это лечение: «Мы с Аркадием Осип‹овичем› поплатились за это лечение». Он мне писал из Греффенберга: «Хотите ли вы знать, как Аркадий Осип‹ович› лечится[39] в Греффенберге? В пять часов утра его будят, тотчас обливают холодной, как только можно ‹водой›, завертывают его в мокрые простыни и приказывают ему потеть. Но он не слушается, тираны доктора его раскутывают, когда он совсем посинеет и кричит благим матом, после чего его сажают бригадирше в холодную воду, и он с отмороженной бригадиршей бежит в рубашке и кальсонах в лес.

Дамы, все с отмороженными же бригадиршами, гуляют в лесу в длинных мантилиях, так что приличия соблюдаются строго. Из леса все бегут домой, где поедают множество булок и запивают синим снятым молоком. Сливки идут доктору в кофий, или сбиваются в масло. Обед самый гадкий, суп, разварная корова и черносливный компот. Насладившись два месяца

57* Он приходит сюда, чтобы отдохнуть, и вы знаете, как он не любит, когда с ним говорят о делах; если он в добром настроении, я сделаю вам знак и вы сможете отдать свою просьбу.

58* глупости. Это доказывает, что я поступил правильно.

такой жизнью, мы простились с гидропатией навеки. Говорят, что Юлий Кесарь никогда бы не покорил Галлию, если бы не купался в холодной воде. Все эти новые способы лечения очень стары. За них принимаются, когда испорченность нравов доводит до нервных болезней. Заключение: Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ Смирнова никогда не должна лечить свои нервы холодной водой. Это заключение вы должны написать на лбу, как Эзра в хранительнице».

Граф Алекс⟨андр⟩ Петр⟨ович⟩ был у меня в гостинице «Дрезден», как вошел Хомяков. Они разговорились о политике, религии и наконец об освобождении крестьян. Когда граф уехал, Хомяков мне сказал: «Я вам обязан этим приглашением; до свиданья в пять часов у Толстых». Гоголь пришел ко мне утром и был очень встревожен. «Что с вами, Ник⟨олай⟩ Вас⟨ильевич⟩?» — «Надежда Ник⟨олаевна⟩ Шереметева умерла, вы знаете, как мы с ней и с Фонвизиным жили душа в душу [40]? Последние два года на нее нашло искушение: она боялась смерти. Сегодня она приехала, как всегда, на своих дрожках и спросила, дома ли я. Поехала куда-то, опять заехала в дом Татищева, не нашла меня и сказала людям: «Скажите Николаю Вас⟨ильевичу⟩, что я приехала с ним проститься»,— поехала домой и душу отдала Богу, который отвратил предсмертные страдания. Ее смерть оставляет большой пробел в моей жизни».

У Толстого был прекрасный русский стол, обедали мы с братом Клементием, Хомяков, Гоголь и хозяин. Хомяков болтал без умолку, был в ударе и смешил нас всех, перебрасываясь с Клементием Ос⟨иповичем⟩ самыми неожиданными выходками. После обеда подали чай и кофий, который графиня сама разливала и потом уснула. День был жаркий. Граф и Хомяков все говорили об освобождении крестьян, а Гоголь, Лева и Клема ходили со мной по колоннаде и все жаловались на нестерпимую жару. Клема сказал: «Совсем это не жара, а потому что говорят все об одном, спросите Леву, как душно в губернском правлении, все это от того, что все пишут об одном». Клема был тогда в раздраженном положении, впрочем, как и всегда. Он шел с Левой по Кузнецкому мосту в контору дилижансов. Лева ему заметил, что у него поношенный сюртук. «Это ничего,— сказал Клема,— в дилижансе он покажется новым и модным, ведь там ездит всякая дрянь, а в Петерб⟨урге⟩ я проберусь домой и закажу новое платье, пущусь в свет, буду играть в карты с рябчиком Голицыным».— «А на какие деньги?» — спросил Лева.— «На Смирновские, у него все можно взять. Бьюсь об заклад, что с его письменного стола унесу храм Пестума, статую гладиатора, и он не заметит, лишь оставить ему десть бумаги, чернила и перья. Ведь он готовится в губернаторы [41], а известно, что эти дураки только и делают, что пишут, пишут «по материи». Лева, ты читал годовые отчеты губернаторов, такая чепуха, что Бог прости, а бедный государь по ночам их читает и карандашом делает отметки. Я никогда не буду губернатором, какой черт меня принудит сидеть в губернском правлении с Симановичем, Григорьевым и прочей дрянью. Гораздо лучше остаться навеки майором. Этот чин, как и бригадирский, совсем исчез на Руси. Этот пробел следует заполнить и занять у немцев какое-нибудь длинное слово. Я знал в

Дрездене Frau Stüttern, Hoffräthin, очень милую wichtige Dame [59*]. У немцев все смешно, но в Дрездене смешнее, чем где либо».

Клема поселился с Николаем Скалоном и Аркадей. К ним часто ходил князь Иван Серг‹еевич› Гагарин, и в городе толковали о неурядице в доме Пушкина. Гагарин вышел от них в смущении и сказал: «Гаже анонимных писем ничего не может быть». Он уже получил свое, написанное незнакомым почерком. Вслед за ним братья, Скалон, Карамзины, Вяземский, Жуковский, Виельгорский, даже государь получили эти злополучные письма [42]. Кого подозревать [43]? Все единогласно обвиняли банкаля Долгорукова, он один способен на подобную гадость. Его последняя пакостная история с почтенным стариком Левенштерном закрыла ему вход во все дома. Оказалось, что они были точно написаны им, и этот мерзавец обвинял князя Ивана Гагарина. Уверяли даже, что он ‹от› этого сделался иезуитом. После несчастной дуэли с французским авантюристом Дантесом последовала страдальческая смерть Пушкина. Государь, один государь показал истинное горе и участие. При его постеле дежурили постоянно Жуковский, Вяземский, Скалон и мои братья. Даже Ося приехал из Стрельны. Они несли его гроб в Конюшенную церковь. Похороны посетили все послы иностранных дворов. Граф Фикельмон дал первый толчок этому движению. Народу было большое множество. Гоголь неутешно оплакивал эту смерть. Россия почувствовала, что замолкла ее лира. Громовое известие дошло до меня в ложе Китти Тюфякиной на первом представлении «Гугенотов». Николай Киселев мне сообщил, он был очень дружен с Пушкиным и был, видимо, огорчен [44]. «Наши немцы одни совершенно не принимают никакого участия в русском горе». Но он ошибся. Когда Медем был послан министром при авст‹рийском› имп‹ераторе›, княгиня Меттерних позвала его обедать и сказала, что будет Геккерен, друг Дантеса. Медем отвечал: «Madame, chaisissez entre la Hollande et la Russie» [60*], никогда не встречал Геккерена и называл: «Ce mécréant ne devait pas vivre, il a vexé les droits de la nature. La Hollande devrait rougir d'avoir un pareil représentant» [61*]. Этот подлец жил и умер в совершенном одиночестве в Голландии [45]. Он был сродни со всей аристократией, но ни одна душа не почтила погребальную процессию, даже Дантес не поехал к своему папеньке, и его похоронили как собаку.

Зимой мужа моего назначили губернатором в Калугу. Он вывез всю нашу мебель, закупил много посуды, люстры и аплике на сто человек и отправился в Калугу. Я переехала на квартиру Карамзиных на зимние месяцы, получила от Гоголя письмо, в котором он просит не смущаться предстоящей новой жизнью. «Вы можете сделать много добра, в моих советах не будет недостатка, замечайте сначала все, но будьте, по словам апостола Якова, медлены глаголати. Утешайте себя возможностию делать плодотворное добро [46]». Приезд мой в Калугу был новой эрой в моей жизни. Я никогда не была в русской губернии. Сама природа была другая. Из Москвы все

[59*] советницу... важную даму (*нем.*).

[60*] Мадам, выбирайте между Голландией и Россией

[61*] Этот нечестивец не должен был жить, он оскорбил законы природы. Голландии должно быть стыдно, что ее представляет такой человек.

время едешь в гору по лесным дачам и болотам. Детей с m-lle Овербек послали вперед, они ночевали у помещика Чирикова, где их приняли с почетом, и они забавлялись. Я выехала с братом Львом Арнольди. Он один был в двуместной карете, а повар Сильвио сидел сзади под канатом и смотрел с удивлением на шоколадную размазню, которая называлась большая дорога. Я ехала сзади в четвероместном рыдване с княжной Цициановой, моей девушкой Ленхен и с Аннушкой, фактотумом княжны. Мы ночевали у уездного предводителя, которого не посадили, а заставили стоять у притолки, не подозревая, что он не только персона, но даже особа. Мы пошли в монастырь к обедне, но опоздали, помолились и получили благословение служившего отца Антония. Он нам показывал ядра, сложенные в груду за стенами, все стены были испещрены ядрами фр‹анцузской› артиллерии, которая была разбита в прах. Я вспомнила стихи Мятлева:

Хотите ли вы знать,
Как m-r Наполеон выгнал вон,
И как встретили мы друга
Comme за la ville Калуга.
M-r Napoléon le vieux chemin убрал,
Из пушка паф, паф etc. [47]

Предводитель предложил мне ехать вперед и прокладывать нам дорогу, потому что Афанасьевские луга небезопасны. Княжна смеялась и говорила: «Ma parole d'honneur, il ne quitte la boue [62*]». К вечеру мы дотащились до полдороги и ночевали на сене и каретных подушках. Лева растянулся в дормезе, а Ольга в передней. Утром рано поехали и в 2 часа въехали по Московской улице в столичный град Калужского воеводства, в котором в полном значении этого слова воевал Смирнов. Калуга до приезда Екатерины была воеводством, последний воевода был Телятьев.

Екатерина устроила генерал-губернаторство, назначила Кречетникова и создала новую епархию. Первым епископом был Евлампий, болезненный, прямой человек и очень святой жизни. Его замечательный портрет украшает гостиную преосвященного Николая, теперешнего епископа. Волоса черные как смоль, лицо строгое, совершенно монашеское. Старичок Никитич, который всегда служил на больших банкетах, мне рассказывал любопытные вещи о тогдашней жизни. М‹итрополит› Платон спросил у Евлампия, что он думает о христа-ради юродивом Лаврентии, по нем служат панихиды и молебны и делаются чудеса. «А как вы думаете, не пора ли его вынуть из-под спуда?» — «Не знаю, как вам угодно».— «Мы было думали, что явление его мощей привлечет богомольцев и оживит торговлю, но лучше повременить, неравно Лаврентий законфузится, в этих делах лучше все предоставить мудрости божией». Лаврентий и до сих пор под спудом, но его образ висит в каждом калужском доме. Мы потащились по Московской улице, когда нас встретила карета Ник‹олая› Мих‹айловича›, лежащая на боку, и лакей Алексей был погружен в рассуждение о случившемся реприманде. Мы подъехали к губернаторскому дому, красивой

[62*] Честное слово, он не пропускает своих чаевых.

наружности. Дети выбежали мне навстречу, и Владимир Яков⟨левич⟩ Ханыков[48] приглашен был к обеду. Я села за клавикорды, и княжна мне сказала: «Понимаю, это уж с горя». К обеду был приглашен мой провожатый, исправник. Я тотчас по приезде спросила Ник⟨олая⟩ Мих⟨айловича⟩: «Я полагаю, что довольно, если я заплачу ему пятьдесят руб.». Он так и ахнул: «Ведь это дворянин и служит бесплатно по выбору всего уездного дворянства». На другой день Ник⟨олай⟩ Мих⟨айлович⟩ посвятил меня в компликацию служебной иерархии, я не подозревала, что огромная Россия поддерживается такими тузами, как председателями гражданской, уголовной, казенной палат, что есть такое судилище, как губернское правление, что есть совестный судья, пробирмейстер, врачебная управа, которая отличается во время рекрутского набора и набивает себе карманы. Мелкопоместные дворяне тоже украшают своим присутствием город Калугу и селятся на Московской улице. Эта улица составляет род Faubourg St. Germain[49]. На следующий день мне дали лист и послали меня делать визиты по иерархическому порядку. Первый визит, конечно, был к архиерею, преосвященному Николаю. Я поехала с матушкой, которая не выходила. Мне казалось, что везде меня подвозили к заднему крыльцу. Эти визиты нагнали на меня скуку и тоску. Я все это описала Гоголю[50], и он остался очень доволен моими сведениями.

Весной он выехал из Москвы с Левой и Климой[51]. Последний на одной станции потерял тарантас, который пропал без вести. А Гоголь и Лева остановились в Малом Ярославце менять лошадей. Городничий спросил брата: «Кто этот господин, ваш попутчик?» — «Это Гоголь». — «Как Гоголь, тот самый, который написал „Ревизора“?» — «Да».— «Ну, так, пожалуйста, представьте меня ему». Мы уже перебрались в загородный дом и назначили помещение Гоголю в домике, где жил Нелединский. Он был очень доволен устройством комнаты и говорил: «Вид прекрасный, под ногами прозрачная речка, а затем этот великолепный бор». Ему служил Афанасий, который тотчас потрафил свою должность. Гоголь вставал в пять часов, пил кофий в восемь, запивал его холодной водой. Это служило для него лекарством. К нам он являлся в два часа. В воскресенье он пил кофий с нами и приходил в полном параде, в светло-желтых нанковых панталонах, светло-голубом жилете с золотыми пуговками и в темном синем фраке с большими золотыми пуговицами и в белой пуховой шляпе. Он купил эту шляпу в рядах, куда сопровождал его Лева, старую шляпу он оставил в лавке. Все рядовые один за другим пробовали эту шляпу, нашли, что его голова была более других, потому что он писал такие умные книги, и решили поставить ее под стеклянным колпаком на верхней полке счастливца, у которого великий писатель купил шляпу. Я, чаю, она и теперь стоит на этом месте. Из рядов они пошли в книжную лавку, где нашли тридцать томов, в том числе и его сочинения, в мусака переплете. Наш переплетчик все переплетал очень дурно в этот цвет. Если он приходил, люди докладывали, что пришел «мусака». Гоголь, где бы ни был в России и за границей, заходил в книжную лавку и перелистывал каталог. «Это,— говорил он,— самый верный пробный камень умственного развития города. Где в Германии две и три тысячи книг, в России в губернских го-

родах тридцать или много сто книг». В Москве он всякий день ходил к Ферапонтову на Никольской. Там он встречал коротенького и плотного человека, по выбору книг и по произношению он догадался, что перед ним Михаил Семен⟨ович⟩ Щепкин, ударил его по плечу и сказал: «Гей чи живы, чи здоровы, уси родичи гарбузовы». Это оригинальное знакомство кончилось дружбой самой тесной[52]. Я часто ездила с ним в Лаврентьевскую рощу, он вытаскивал тетрадку и записывал виды. Скромный архиерейский дом осеняла Лаврентьевская роща, и в самом деле пейзаж был великолепный. «So rueful and calm»[63*]. Перед моим отъездом он мне дал записку, кого отыскать в Москве. Я познакомилась через Александра Ив⟨ановича⟩ Тургенева с Екатериной Ал. Свербеевой. Хомякова я прежде знала[53], и он писал ко мне стихи: «От роз ее название» и etc., etc. С Константином Аксаковым произошла комическая сцена. Он пришел в десять часов утра в зипуне на красную кумачевую рубашку, подпоясанный пестрым кушаком, с ермолкой в руке. Перекрестился, и я тотчас ему сказала: «Что это за костюм?!» Обиженным тоном он ответил: «Сударыня, вы в костюме, а я хожу в русском платье». Вечером мы были собраны у Хомякова, Шевырев, Погодин, Аксаковы и князь Дмитрий Хилков. Разговор был литературный, решили, что лучшие прозаисты духовные писатели, хорошо знакомые со славянским языком; перешли к поэтам, все сошлись, что выше, вдохновеннее Пушкин, но князь Хилков сказал, что не всегда. Аксаков вскочил, вспылил и цитировал несколько пьес, все невпопад. Когда он прочел «Пророк» и его «Ответ митрополиту Филарету», Хомяков сказал: «Вот это так поэзия. Кто же, по-вашему, поэт?».— «Царь Давид и все пророки, особенно Исайя».— «Так после этого с вами нельзя спорить».— «Да я вас и не просил»,— отвечал очень хладнокровно князь Дмитрий. Все расхохотались, а Аксаков уселся и что-то бормотал про себя.

В конце лета Гоголь предложил нам собраться в два часа у меня. Граф Алексей Толстой сослан был за какой-то пиджак в Калугу с сенатором Давыдовым для ревизии нашей губернии. Он прочел нам первую главу второго тома «Мертвых душ»[54], всякий день в два часа. Тентетников, Вороново-Дряново, Костанжогло, Петух, какой-то помещик, у которого было все на министерскую ногу, в чем он убивал драгоценное время для посева, жнитвы и косьбы, и все писал об агрикультуре. Чичиков уже ездил с Платоновым, который от нечего делать присоединился к этому труженику и вовсе не понимал, что значила покупка мертвых душ. Наконец, приезд в деревню Чаграновых, где Платонов влюбился в портрет во весь рост этой петерб⟨ургской⟩ львицы. Обед управляющего из студентов с высшими потребностями. Стол был покрыт: хрусталь, серебро, фарфор саксонский. Бедный студент запил и тут высказал то, что тайно подрывало его энергию и жизнь. Сцена так была трагически жива, что дух занимало. Все были в восторге. Когда он читал главу о Костанжогло, я ему сказала: «Дайте хоть кошелек жене его, пусть она шали вяжет». «А,— сказал он,— вы заметили, что он обо всем заботится, но о главном не заботится». Гоголь уехал в Москву, где через Ивана Вас⟨ильевича⟩ Киреевского

[63*] Так грустен и спокоен (*англ.*).

узнал, что в Оптиной пустыне, в скиту, живет знаменитый отшельник и молчальник. Он к нему неоднократно ездил, его так помучил своей нерешенностью, что старец грозил ему отказать его принимать. Мне осталось неизвестным, каких советов он просил у него. В то же время у графа Толстого он познакомился с ржевским священником Матвеем Александровичем и был с ним в частой переписке. Матвей Алек⟨сандрович⟩ [55] был точно замечательный человек. Кротость и смирение его были ни с чем несравнимы. Он езжал в Петерб⟨ург⟩, где живал у Татьяны Борисовны Потемкиной; на все философски-религиозные разговоры он отвечал только одной коротенькой фразой: «Как я рад, что Бог всего выше». С Гоголем они молились всегда на коленях и часто прибегали к исповеди и причастию. После долгого мясоеда настала страстная неделя. Нащокин и Щепкин позвали Гоголя на блины в пятницу в трактир Бубнова. Когда они за ним пришли, он наотрез отказался. Щепкин начал кощунствовать. Он его взял за ушко: «Ты когда-нибудь будешь за эти слова раскаиваться, смотри, чтобы не было поздно». После этого настали предсмертные [56]. Матвей Алек⟨сандрович⟩ приехал из Ржева, и с ним он соборовался в присутствии Толстых. Граф и графиня, и Нащокин плакали навзрыд; потом стал исповедываться и в последний раз вкусил хлеба жизни вечной в земле преходящей. Призваны были доктора: Овер, Иноземцев. Ежеминутно знакомые и незнакомые приходили за известиями. Всем известны последние слова этой кроткой души: «Оставьте меня, мне хорошо» и его рисунок, который никто не понимает. Он скончался через три дня тихо и сжег главы второго тома.

Согласно с его желанием, Толстые хотели сделать скромные похороны, но весь университет поднялся и требовал настоятельно, чтобы его отпели в университетской церкви, оттуда студенты несли его на руках в Данилов монастырь. За гробом тянулись попарно его друзья в слезах и похоронили его на монастырском кладбище при огромном стечении народа. Погодин выбрал надпись из пророчества Исайи: «Горьким смехом моим посмеюся». Я посетила эту могилу. На черной плите золотыми буквами гравирована надпись и далее год его смерти. С ним рядом лежит Хомяков, Языков и молодой Валуев, юноша двадцати двух лет, уже успевший оставить потомству замечательные слова в журнале «Беседа» [57]. Еще до масленой Гоголь мне написал твердой рукой записку. Я была больна. Он писал: «Не смущайтесь, вы воскреснете от болезни, повторяйте слова вашего друга майора Филонова, который, как вы мне сказали, повторял неустанно: «Христос воскресе, Христос воскресе». Прощайте, добрый друг, Христос с вами и ныне, и присно, и во веки веков да будет». Графиня Толстая вместо письма написала мне: «Смерть оставила нас сиротами, одно утешение повторять слова Ефрема Сирина». У меня это письмо сохранилось, но теперь оно не под рукой у меня, я его найду и сообщу вам. Переписка с ним вся в порядке и сохранности [58], из нее сделал выписки Кулиш с моего соизволения, а напечатал, не спросясь меня. На Гоголя имел большое влияние протоиерей Павловский, почтенный и добрейший священник, когда Гоголь жил у Репниных в Одессе [59]. Плетнев сообщил Жуковскому эту неожиданную горесть. Выписываю его письмо малоизвестное [60] и, ве-

роятно, почти всеми забытое. Вот оно. «Баден. 17/5 марта 1852 года. Любезнейший Петр Александрович, какою вестью вы меня оглушили, и как она для меня была неожиданна. Весьма недавно я получил письмо от Гоголя и сбирался ему отвечать и хотел дать ему отчет в моей теперешней стихотворной работе, т. е. хотел поговорить с ним подробней о моем «Жиде», которого содержание ему было известно, который пришелся бы ему особенно по сердцу, и, занимаясь которым, я особенно думал о Гоголе... и вот уже его нет! Я жалею о нем несказанно, собственно для себя. Я потерял в нем одного из самых симпатических участников моей поэтической жизни и чувствую свое сиротство в этом отношении. Теперь мой литературный мир ограничивается четырьмя лицами: двумя мужского пола и двумя женского: к первой половине принадлежите вы и Вяземский, к последней — старушка Елагина и Зонтаг. Какое пустое место оставил в этом маленьком мире мой добрый Гоголь! Жалею об нем еще для его начатых и недоконченных работ. Для нашей литературы — он потеря незаменимая. Но жалеть ли о нем для него? Его болезненная жизнь была и нравственным мучением. Настоящее его призвание было монашеское. Я уверен, что ежели бы он не начал свои «Мертвые души», которых окончание лежало на его совести и все ему не давалось, то он давно бы был монахом и был бы успокоен совершенно, вступил в эту атмосферу, в которой душа его дышала бы свободно и легко. Его творчество, по особенному свойству его гения, в котором глубокая меланхолия соединилась с резкой иронией, было в противоречии с его монашеским призванием и ссорило его с самим собой. По крайней мере, так это мне кажется из тех обстоятельств, предшествовавших его смерти, которые вы мне сообщили. Гоголь, стоящий четыре дня на коленях не вставая, окруженный образами, ‹говорящий› тем просто, которые о нем заботились: «Оставьте меня, мне хорошо»,— как это трогательно! Нет, я не вижу суеверия. Это набожность человека, который с покорностью держится установлений православной церкви. Что возмутило эту страждущую душу в последние минуты, я не знаю, но он молился, чтобы успокоить себя, как молились многие святые отцы нашей церкви и, конечно, в эти минуты ему было *хорошо*, как он сам говорил. Путь, которым он вышел из жизни, был самый успокоительный и утешительный для души его. «*Оставьте меня, мне хорошо*». Так никому по себе неизвестно, что хорошо другому по свойству, и эта молитва на коленях четыре дня уже есть нечто вселяющее глубокое благоговение, так бы он умер, если бы, послушавшись своего естественного призвания, провел жизнь в монашеской келье. Где он жил в последнее время в Москве? Верно ли, что у графа? Если так, то бумаги в добрых руках, и ничто не пропадет. Надобно нам, его друзьям, позаботиться о издании его сочинений полном, красивом, по подписке в пользу его семейства: у него мать и две сестры живы. Если публиковать по подписке, то она может быть богатая. Позаботимся об этом. Если я был бы в России, то бы дело разом закипело. Между тем от себя напишу Толстому. А вас прошу сообщить как можно более подробностей о его последних минутах. Ваш Жуковский».

Маркевич мне говорил, что во время похорон с трудом он пробирался в толпе, полиция была вся на ногах[61], жандармы с озабоченными лица-

ми рыскали во все стороны, как будто в ожидании народного восстания. Он нарочно спросил у жандарма: «Кого хоронят?» А тот громовым голосом отвечал: «Генерала Гоголя». Это уже чисто русская оценка заслуг отечеству.

Тургенев в Петербурге напечатал самую нелепую статейку[62], чтобы почтить человека, которого он уважал и любил, зная его лично. Государю эту статью представили, как манифест партии «пиджаков и общинного начала», его засадили прямо в сибирочку. Алексей Толстой посредством ныне царствующего государя добился до его избавления и двухнедельного страдания слышать, как секла благородная российская полиция пьяных мужиков и баб, забывая, что и она причастна тому же греху. Ему велено было жить в Орловской деревне и не писать. В этом уединении он написал свои лучшие повести[63]: «Гамлет Щигровского уезда», исполненную трагического интереса «Муму» и «Постоялый двор», которые через два или три года были напечатаны. Его chef d'oeuvre «Бежин луг», где так живо чувство русской природы. Не раз в Спасском я сидела по вечерам у окна в светлую ночь и подслушивала то, что французы называют les bruits du silence[64*], видела подпасков, стерегущих лошадей. Тургенев был у Гоголя в Москве[64], тот принял его радушно, протянул руку, как товарищу, и сказал ему: «У вас есть талант, не забывайте, что талант есть дар Божий и приносит десять талантов за то, что Создатель вам дал даром. Мы обнищали в нашей литературе, обогатите ее. Главное — не спешите печатать, обдумывайте хорошо. Пусть скорее создастся повесть в вашей голове и тогда возьмитесь за перо, марайте и не смущайтесь. Пушкин беспощадно марал свою поэзию, его рукописей теперь никто не поймет, так они перемараны». Николай В‹асильевич› сердился, когда ему говорили, что «Бежин Луг» и «La petite Fadette» схожи. Он вообще не любил Georges Санда. Когда мы были в Тиволи, Ханыков вечером читал вслух «Lettres d'un voyageur», Гоголь, видимо расстроенный, ушел. На другой день я его спросила, зачем он ушел. Он отвечал: «А вы разве любите, когда играют фальшиво на скрипке? У этой женщины нет искры правды, даже нет чутья истины. Она может только нравиться французам». В 48-м году печатался роман Достоевского «Макар Девушкин»[65], который огорчил покойника. «А у него есть большой талант, жаль, что его перо пишет без остановки, но без руководства. Макар Девушкин оставляет в душе невыносимое чувство безотрадной грусти». Скончался Гоголь, литература облеклась в траур. Один Лермонтов пел стройно на свой лад, за что был наказан и отослан на Кавказ. Скоро и Хомяков закрыл свои глаза.

Почтенный наш священник Попов писал мне из Лондона: «Странная судьба наших поэтов-философов и философов-поэтов, они как будто не уживаются на нашей земле и отлетают на крыльях голубиных в лучшую страну. С Пушкиным мы лишились великого поэта, с Гоголем — великого писателя».

Теперь следует вас просить некоторые вставки. В бытность свою в Калуге он читал с восторгом Палласа, восхищался его познаниями в геоло-

---

64* звуки тишины

гии и ботанике. «С ним я точно проехался по России от Питера до Крыма. Потом возьмусь за Галлена» [66].— Вторая вставка. Когда он приехал с Максимовичем в Калугу, от Москвы до Калуги они останавливали тарантас и собирали цветы и завалили экипаж ими. В Калуге остались три дня, сушили травы и наклеили их как следует. Они останавливались по дороге ночевать только в монастырях до Киева, где Максимович уже был профессором. В Киеве Николай В⟨асильевич⟩ говел, оставался недолго и поехал на лето в Васильевку, где с нетерпением ожидали его мать и сестры. Он сеял и сажал деревья и кусты и выучил сестер, как это делать. Привез им как руководителя книгу Храповицкого о сельском хозяйстве, которую считал истинным сокровищем.

А теперь прощайте. Иди же, моя рукопись, на суд публики и назидай новое поколение, уклонившееся с прямой дороги. Слава бессмертного христианина, точно как смерть первых христиан-мучеников, не должна пропадать даром. Теперь вопрос, где печатать эту меморию и как назвать ее. Я думаю, что как ни пакостен Бартенев, надобно поддержать его «Архив» ради того, что он первый собрал много историко-анекдотических сокровищ. Выручка в пользу славянской братии. Это будет моя первая лепта, вторая будет вся из золотых испанских ⟨нрзб.⟩.

Мои мемуары пишутся, я уж добралась во дворец. Иезуит Гагарин мне советовал писать как попало, без систематического порядка, главный недостаток, что я запамятовала числа и года важных моментов для хроники русской. Итак, печатайте «Записки» новейшей девицы Дуровой.

De par Dieu à la voilà pour la France — вскричал Joinville [67]. С ним и я повторяю: De par Dieu à la voilà pour la Russie [65*].

Париж, 2 октября 1877 г.

Не забудьте нашу ссору в Калуге, когда вы воротились и порицали «Переписку с друзьями»; слова Хомякова к вам: «Поздравляю вас с первым впечатлением». Меня ночью Лева катал в санях; мои ругательства на вас как шишки на бедного Макара, при всех, и Клушин, этот смехотворный болтун, удивлялся придворному языку.

Передайте Анне мой дружеский поклон и скажите ей, что Марья Алек⟨сандровна⟩ наконец победила английскую публику. Королева от нее без души, и весь двор ею оживляется. После Гоголя примусь за Самарина и его огромную переписку. Прощайте, все ваши письма у меня целы.

Остаюсь душевно преданная А. Смирнова.

И вас буду выводить на свежую воду.

3-я вставка: Гоголь часто вспоминал свое детство в Васильевке. Описывал хаты с палисадником, перед которыми росли деревья, украшенные богатыми черными сливами и черешнями. Он особенно был счастлив в самые жаркие июльские дни. Пяти лет он лежал на густой траве, заложив руки под голову и задрав ноги. «Солнце палило. Тишина была как-то торжественна, я будто слышал стук времени, уходящего в вечность. Кошка жалобно мяукала, мне стало нудно (по-малороссийски нудно, что по-рус-

---

[65*] С Богом во Францию... С Богом в Россию.

ски грустно), я встал и с ней распорядился, взял ее за хвост и спустил ее в колодезь, что подле речки. Начали искать бедную кошку, я признался, что ее утопил, плакал, раскаивался и упрекал себя, что лишил Божью тварь наслаждений этой жизни». Это делал он в пять лет. Какая глубина чувства! Их домашним доктором был Трохимовский. Он по-своему лечил давно, до Греффенберга, холодной водой, вся процедура происходила у реки на солнце, не было ни завертывания в мокрые простыни, ни душа, раздражающих спинной мозг. Лекарства его составлялись из трав, которые росли в его околотке. «Бог,— говорил доктор,— так щедр и милосерден, что дает человеку на его потребу и в свое время, что ему нужно на пищу и на его здоровье».

У Гоголя точно была тетка и двоюродный брат, который бил мух хлопушками. Ссора Ивана Никифоровича с соседом тоже взята с натуры [68]. Вот, кажется, все пробелы. Нет, таки еще не кончено. Когда дело шло о воспоминаниях малороссийских, у него было все картинно. Вот как после блюд и песен он рассказывал захождение солнца: «Солнце при закате, плечистый хохол с чупруном на макушке летит во весь опор без седла на степной лошади, за ним бежит хромоногий пес, оглядываясь назад, как будто боится, чтобы не отстала кобыла, жеребец или жеребенок. Журавли их провожают и на розовом небе летят в чинном порядке и кажутся красивыми платочками». (Вы помните, что в «Тарасе Бульбе» он не забыл эту деталь [69]). Весь рассказ еще живее и картиннее. Не вычеркивайте побочных подробностей о других лицах. Мне кажется, что вводные лица, как в комедии, пополняют общее впечатление; не надо, чтобы записки были монотонны.

Прощайте, скажите Анне, что в Англии наконец поняли нашу в‹еликую› к‹нягиню›. Королева от нее без ума, и в Виндзор она одна имеет право приезжать, когда хочет. Дети ее прелесть как хороши, и Бог знает, может Анне придется их воспитывать; и вы начнете новую жизнь, вы будете учить русскому языку и давать уроки православия. Нет сомнения, что Англия опять окунется в паутину Римской церкви, а герцог, конечно, предпочтет нашу драгоценную церковь. Все это в будущем, но мне так чудится.

Душевно преданная А. С.

Еще заметить, что Гоголь давал своим героям настоящие имена, а не вздорные и бессмысленные, как в наших водевилях: Ленский, Онегин и пр. Он всегда читал в «Инвалиде» статью о приезжающих и отъезжающих. Это он научил Пушкина и Мятлева вычитывать в «Инвалиде» имена, когда они писали «Поминки». У них уже была накропана довольно длинная рацея:

Михаил Михайловича Сперанского
И арзамасского почт-директора Ермоланского,
Апраксина Степана,
большого болвана,
И князя Вяземского Петра,
Почти пьяного с утра.

Они долго искали рифму для Юсупова. Мятлев вбежал рано утром с востоогом: «Нашел, нашел»:

Князя Бориса Юсупова
И полковника Арапупова [70].

Имп. Николай Павлович велел переменить неприличные фамилии. Между прочими полковник Зас выдал свою дочь за рижского гарнизонного офицера Ранцева. Он говорил, что его фамилия древнее, и потому Ранцев должен изменить фамилию на Зас-Ранцев. Этот Ранцев был выходец из земли Мекленбургской, истый оботрит. Он поставил ему на вид, что он пришел в Россию с Петром III, и его фамилия знатнее. Однако он согласился на это прилагательное. Вся гарниза смеялась. Но государь n'entendait pas de retrogression [66*], просто велел Ранцеву зваться Ранцев-Зас. Свекр поморщился, но должен был покориться мудрой воле своего имп⟨ератора⟩. Гоголь восхищался этим рассказом и говорил: «Я так постараюсь поднести это публике, известить их, что „Инвалид" в фельетоне заключает интересные сведения». Мы в Калуге с Левой ежедневно читали эту интересную газету и вычитали раз, что прапорщик Штанов приехал из Москвы в Калугу, через три дня узнали, что он поехал в Орел, из Орла он объехал наш город и поехал прямо в Москву. Из Москвы и дилижансе в столичный город Санкт-Петербург. Так было напечатано слово в слово в фельетоне «Инвалида». Оттуда прямо в Москву, а из Москвы в Калугу, а из Калуги в Орел. Мы рассчитали, что прапорщик Штанов провел на большой дороге отпускные двадцать один день. «А зачем он делал эти крюки, это неизвестно и осталось государственной тайной». Это заключение принадлежит Николаю Вас⟨ильевичу⟩ и делает честь его прозорливости. Штанову так и следует рыскать по России.

[66*] не зная движения назад

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ И МОЛОДОСТИ

‹ОСНОВНОЙ ТЕКСТ›

Я родилась в 1809 году 6 марта, день мучеников в Аммерии. Мои воспоминания начинаются с трехлетнего возраста. В Одессе выпал снег в 1812 г. Я шепелявила и сказала отцу:

— Таталь, que ce que c'est ces petites plumes blanches?

— C'est de la neige, mon enfant.

— Et d'où cela vient?

— Du ciel, mon enfant, comme tout ce qui est sur la terre [1*].

Отец мой был le Chevalier de Rossett, уроженец Руссильона, смежного с Швейцарией [1]. Его мать была девица La Harpe, сестра наставника императора Александра, полковника Лагарпа. Дед мой был вольтерьянец, как, впрочем, все почти в это время; он воспитывал сына до 15-ти лет в этих же пагубных понятиях. Бабка моя перешла в римскую церковь и была ханжа весьма крутого нрава: она хотела обратить сына, с ним спорила и потчивала его пощечинами — он вышел из терпенья и оставил отеческий кров. Как он дошел до Вены, мне неизвестно, и все последующее я узнала от дяди Николая Ивановича Лорера (декабриста). Венский университет считался лучшим в Германии, и отец окончил там курс своих наук. Должно быть, что он встретил там знатных и богатых благодетелей. Я часто слыхала, что отец мой и герцог Ришелье говорили о князе Кантемире, а когда я спрашивала, кто был «Тантемиль», отец мне отвечал: «Va jouer avec ton ballon, cela ne te regarde pas» [2*]. Эти благодетели советовали ему принять должность драгомана у Порты. Порта платила тогда щедрой рукой и награждала драгоманов драгоценными камнями, жемчугами и шалями (теперь турецкие шали точно так же тяжелы, как попоны, а в то время они славились, когда шаль была так тонка, что можно было ее продернуть в обручальное кольцо). Через три года отцу надоела эта должность и он приехал в Херсон и определился в Черноморскую гребную флотилию, которой командовал известный праводушный и всеми уважаемый адмирал Мордвинов и вице-адмиралы Делабрю и de Galeta. Там он подружился с Мордвиновым [2], Николаем Аполлоновичем Волковым, господином Измайловым, т. е. с самыми образованными людьми. Тогда Мордвинов получил за заслуги Байдарскую долину, ему дан был выбор, и он, конечно, выбрал самую

[1*] — Что это за маленькие белые перья?
— Это снег, дитя мое.
— Откуда он?
— С неба, дитя мое, как и все, что есть на Земле.

[2*] Иди играй со своим мячом, это тебя не касается.

лучшую местность, где великолепная растительность, воздух самый живительный и местоположение самое красивое. Яйла освежает и оживляет эту местность. Мордвинов дал также землю моему отцу поблизости к Байдарской долине, но какой-то граф Капниси ею завладел незаконным образом. Тогда слишком мало заботились о документах, отчего были постоянные процессы. В послужном списке моего отца сказано было, что он был флигель-адъютантом князя Потемкина и получил Куяльники в Бессарабии, но и на это не было документов, остались только счета по Куяльнику (Куяльник — дача виноградная по-бессарабски). Мордвинов и многие другие оставили Крым, и в Херсоне остались адмиралы Делабрю и de Galeta. Тогда была война с турками, и Суворов осаждал Очаков [3].

Я была давно замужем, и муж мой был губернатором в Калуге. Однажды приехал престарелый князь Вяземский [4] и спросил у него, на ком он женат. Он ему отвечал: «На mademoiselle Rossetti».— Et comment sen nomme-t-elle? — «Александра Осиповна».— «Mais c'est donc la fille de mon meilleur ami le Chevalier de Rossett! Je veux la voir» [3*]. Тут гостили у нас двое из моих братьев. Он нас расцеловал и сказал: «Mes chers amis, votre Père était un génie, qui possédait les plus belles qualités du coeur, une instruction aussi solide que variée. Sans lui nous n'avions jamais pris Otchakoff. Souvoroff n'aimait pas les étrangers et ne l'a pas assez fait valoir, il'a reçu pour la prise d'Otchakoff l'ordre de Sacre-Coeur garni de diamants sur le cordon le Ste George à pendre au cou, la medaille d'Otchakoff en or et six mille arpents de terre [4*] на Тилигуле». Тилигул впадает в Ингул, Ингул в Водяную, а Водяная в Буг под Николаевом.

Что делал мой отец после Очаковского дела, в котором турки потеряли до 10 000 убитыми и ранеными, а русские — 5000, остальное турецкое войско отправилось на своих довольно пробитых нашими ядрами судах, и до 20 000 погибло в море. С взятием Очакова кончилось владычество в Южной России турок.

Во время революции французские эмигранты рассеялись по всей Европе. В Петербург между прочими — герцог Ришелье и несколько аббатов, l'abbé Pratt, не тот, который был в Париже, Pratt был наставником бывшего обер-прокурора графа Протасова: другой аббат, Deloche, был учителем физики и естественных наук, маленького курса астрономии в Екатерининском институте; l'abbé Nicolle, иезуит; l'abbé Rosenau в Москве совратил графиню Ростопчину; l'abbé Préfactieuse; какой-то аббат был наставником Алексея Степановича Хомякова. Граф Олсуфьев и братья Мухановы тоже учились у аббата.

Император Александр был сметлив и тотчас, узнав герцога Ришелье, сказал ему: «Mon cher Duc, vous savez comme j'avais un grand remords, le

---

[3*] А как ее зовут? — Александра Осиповна.— Так это дочь моего лучшего друга, шевалье де Россет! Я хочу ее видеть.

[4*] Мои дорогие друзья, ваш отец был гений, обладавший самыми лучшими душевными качествами, прочным и разносторонним образованием. Без него мы никогда не взяли бы Очаков. Суворов не любил иностранцев и не дал оценить его по заслугам. За взятие Очакова он получил на шею орден св. Духа, осыпанный бриллиантами на голубой георгиевской ленте, золотую очаковскую медаль и шесть тысяч десятин земли

midi de la Russie est un legs qu'elle m'a laissé; ce pays est riche en céréales, mais les propriétaires voient pourrir leurs recoltes faute de deboucher. Je vous donne des pleins pouvoirs et vous prie d'établir aussi vite que possible un courrier regulier entre la petite Russie, la Turquie et les ports de la Mediterrannée».—«Sire,— repondit le Duc de Richelieu,— je ferai tout mon possible pour justifier votre confiance et ne vous prie qu'une condition: je ne tirerai jamais mon epée contre un Francais».— «Allez-vous, cher Duc, je vous connais» 5*.

Еще при Потемкине были отпущены большие суммы на постройку церкви, казармы, присутственных мест, госпиталя и тюрьмы. Каково же было удивление герцога, когда он приехал в Одессу! Все эти строения были почти развалины, всего были две систерны на 8000 жителей, половина их состояла из евреев и молдаван, а русские были нищие, и по сих пор есть улица, называемая Молдаванкой. С Ришелье отправились лучшие из эмигрантов [5]: le Duc de Rochechoirt, Mortemart, le marquis de la Maisonfort, son cousin le Marquis de Rastignac, граф d'Allonville, граф de St.-Priest, граф д'Олон, граф Кастельно, который писал историю Одессы и ее управления при герцоге.

Отец приехал в 1808 году [6], и Castelnau в своей книжке говорит: «Le chevalier de Rossett a conté aujourd'hui 250 vaisseaux qui sont entrés dans la rade d'Odessa et la population montait à 40000» 6*. Почтенный старец, отец Павловский, мне говорил в 1867 году: «Ришелье был великий человек, все, что он оставил и что не успели испортить, было прекрасно». Из Лицея сделали университет, и преладный. Затруднениям не было конца, тотчас приступили к устройству систерн, к постройке церкви, казарм, присутственных мест, тюрьмы и карантина. Негде было мыть белье, и посылали на тройках белье в Херсон. Работники были отысканы только в Николаеве. Герцог очень обрадовался моему отцу, потому что он его познакомил с бытом края и некоторыми личностями, ему известными как люди честные и способные. Комендантом был назначен шотландец, генерал Фома Александрович Кобле. Тюрьма была под присмотром генерала Ферстера. Гарнизонный командир был полковник Гакебуш. Вызваны были негоцианты: итальянец Викентий Антонович Лидо, швейцарец Сикар и француз Рубо. Герцог вызвал француза Vassell, который привез шпанских овец и лошадей. Он вызвал бывшего своего садовника Батиста, который привез огромное количество корней фруктовых деревьев, апортовых яблок, больших груш, называемых «poire Duchesse» 7* (по-русски — дули), мелких груш и полосатых груш, и смородин черных, красных и белых, из которых готовится слабительная *манна*. Адъютант герцога Стемпковский занялся с эмигрантом

5* Дорогой герцог! Вы знаете, как меня мучит совесть. Юг России достался мне от нее в наследство; этот край богат зерном, но помещики видят, как гниет их урожай, не имея возможности вывезти его. Я даю вам полную власть и прошу вас возможно скорее установить регулярные сношения между Малороссией, Турцией и портами Средиземного моря.— Государь,— отвечал герцог Ришелье,— я сделаю все возможное, чтобы оправдать ваше доверие, прошу вас лишь об одном условии: я никогда не обнажу свою шпагу против француза.— Тогда идите, дорогой герцог, я знаю вас.

6* Шевалье де Россет насчитал сейчас двести пятьдесят кораблей в одесском рейде, а население достигало 40 000.

7* груши дюшес

Бларамбергом раскопками древностей этого края. В Ольвиополе нашли монеты avec l'effigie[8*] Александра Македонского, что и заставляет полагать, что Одесса — древняя Эдесса, разрушенная, а может быть, почти обвалившаяся в море. Перед моим приездом в Одессу наш домик на хуторе съехал в море. Нашли огромные каменные фигуры, 20 штук (их называют бабами), и полагают, что они служили мерными столбами Тамерлану или Чингисхану, которые, выходя из Сибири, засеяли поля, а на возвратном пути не голодали. В книге Кастельно упоминается огромное количество всяких диких народов, которые там проходили.

Еще большее благодеяние было учреждение университета аббатом Николь[7]. В России был только один университет в Москве. И польское, и русское дворянство затруднялось воспитанием детей и жаловалось на то, что не было ни одного заведения. В нем получали классическое образование. Дядя мой, Дмитрий Ив⟨анович⟩ Лорер, и двоюродный брат его Сергей Данилович Кудашев жили у нас и там воспитывались.

Из Флоренции были вызваны часовщики и ювелиры, но узнали, что эти мастера знали сокрытые искусства Медициев и успели наделать всякие гадости, раздавали кольца, в которых была отрава; они хотели завладеть герцогом. Им было известно, что он не знал женщин, они привезли с собой очень красивую итальянку, она везде преследовала Дюка, раз забралась в его спальню, бросилась к нему на шею и хотела его поцеловать в губы, он бросил ее на землю, на его крик прибежал Стемпковский и его люди. Ее отправили в тюрьму, после строгого исследования оказалось, что и кто. Поццо успел с товарищами много зла, их посадили в цепях на турецкую фелюку, и они погибли в море.

В Одессе были уже консулы: английский мистер Томас, итальянский Кастельно, который женился на красавице дочери Бларамберга. Ришелье назначил Растиньяка губернатором в Крым. Раздавая земли под Одессою, он повторял: «Сажайте, скрещивайте, поливайтѐ». Сношения были весьма затруднительны. Не получая давно известий от Растиньяка, он послал к нему отца моего, который был инспектором карантина. Бабушка моя, Екатерина Евсеевна Лорер, рожденная княжна Цицианова[8], была содержательницей станции. Отец мой спросил у смотрителя, где бы он мог подождать. Ему сказали: у помещицы. Станция была за полверсты от дома. Ему навстречу вышла ее дочь Надежда Ив⟨ановна⟩ и привела его домой. Для бабушки было достаточно, что он послан Дюком. Она его угостила ужином и даже предложила ему ночевать у нее, сказала дочери: «Надя, поди посмотри, хорошо ли Гапка взбила перинки и подушки в гостиной». Отцу моему было 55 лет, а матери 18. Он пленился ее необыкновенной красотой и детской простотой: она не подозревала, что была замечательной красоты. В 36 году я встретила в Мариенбаде Софью Станиславовну Киселеву. Меня с ней познакомил в⟨еликий⟩ князь Михаил Павлович. Она мне тотчас сказала: «J'ai connu votre mère. Nous étions à Odessa, toute notre famille et Isabelle Valevsky, la femme de Serge Gagarin, que vous connaissez. Le Duc de Richelieu nous a invité à une soirée en nous annonçant

---

[8*] с изображением

que nous verrons la plus belle et la plus jolie personne du monde. Quand votre mère ese entrée il s'est fait un mouvement dans la société. Elle avait une robe blanche de mousseline des Indes, ses cheveux noirs étaient arrangés a la Titus cordonnet en laine rouge les traversait, pour toutes pierres elle avait des boucles d'oreilles rondes avec un petit diamant pour fermoir; ses bras, sans coup, était d'une admirable forme. Elle était suivie d'un beau vieillard qui portait une perrûque bouclée. Le Duc nous l'a prèsentée, elle saluait et repondait avec gêne et une grande simplicité: elle n'avait pas fait de se douter de sa beauté. Le Duc avait une affection du Père pour elle et jouissait de ses succès. Vous ne savez pas, ma chère, que quand elle était veuve et que l'Empereur l'a envoyé à Odessa pour accompagner le Duc à P<eters>bourg, il était fou amoureux d'elle et l'a demandé en mariage, mais elle l'a refusé. Kisseleff est un homme de grand mérite, elle aurait été très heureuse avec lui» [9*]. Моя дочь Софья Трубецкая встретила графа Киселева у графини Софьи Львовны Шуваловой, он ей сказал: «Princesse, vous êtes très jolie, votre mère était plus jolie, quant à votre grandmère, c'était tout ce qui j'ai jamais vu de beau au monde» [10*].

На возвратном пути из Крыма отец мой сделал предложение. Бабушка с радостью согласилась, не спрашивая, конечно, согласия дочери: тогда послушание было первым долгом. Их, вероятно, обвенчали в церкви Андрея Первозванного, в 7 верстах от Грамаклеи — так называлась деревушка бабушки. Теперь я должна сделать отступление от начатого повествования. На музыкальном языке это называется *fugato*, а сколько их приходится осмысливать в жизни.

Бабушка Екатерина Евсеевна Лорер была рожденная княжна Цицианова. Во время Петра Великого царь Вахтанг просил подданства России во избежание нападок враждебной Персии и Турции. С ним приехало множество княжеских и некняжеских родов: Цициановы, Баратовы, Алигозаровы, Давыдовы, Эристовы и другие. У князя Евсевия и жены его был единственный сын, князь Дмитрий. Он сделался известен своим хлебосольством и расточительностью, да еще привычкой лгать вроде Мюнхгаузена [9]. Он женился на побочной дочери царевича Александра Георгиевича и какой-то княгини или княжны Заборовской (этот род угас, и есть просто Заборовские). За ней он взял 8000 душ в Нижегородской губернии: торговое село

[9*] Я знала вашу мать. Мы были в Одессе, вся наша семья и Изабелла Валевская, жена Сергея Гагарина, которую вы хорошо знаете. Герцог Ришелье пригласил нас на вечер, предупредив, что мы увидим самую красивую и милую женщину в мире. Когда ваша мать взошла, в обществе произошло движение. На ней было белое платье из индийского муслина. Ее черные волосы были причесаны à la Titus и стянуты красным шерстяным шнурком. Единственным ее украшением были круглые серьги с маленьким бриллиантом-застежкой; линии ее неподвижных рук были восхитительны. Следом за ней шел красивый старик в завитом парике. Герцог нам ее представил, она поздоровалась и отвечала смущенно и очень просто; она и не подозревала о своей красоте. Герцог был привязан к ней как отец и радовался ее успеху. Знаете ли вы, моя дорогая, что когда она овдовела, а в Одессу приехал Киселев, посланный императором, чтобы сопровождать герцога в Петербург, он до безумия влюбился и просил ее руки, но она ему отказала. Киселев — человек высоких достоинств, она была бы очень счастлива с ним.

[10*] Княгиня, вы очень красивы, ваша мать была красивее вас, а ваша бабушка была самой красивой из всех женщин, каких я видел.

Катунки приносило огромный доход. За ней был дом, конечно, деревянный в приходе Рождества в Кудрине. Это был целый квартал [10], и церковь была в саду, окружавшем этот дом. Дмитрий Евсеевич сказал отцу: «Я ничего не беру из десяти тысяч десятин. Наплевать мне на эту дрянь! Земля отведена черт знает где, в каком-то пустыре безлюдном». Жизнь в Москве была слишком дорога для большого семейства, и они отправились в местечко Санжары (турецкое название), где живут реестровые казаки. Девица Скоропадская, у которой именье близ Санжар, говорила мне, что это прелестный уголок, который утопает в роскошной зелени фруктовых дерев, длинная синяя слива так обильна, что ветви гнутся над палисадниками, из которых выглядывают огромные подсолнечники, шиповник, заячья капуста (valeriana), барская спесь и душистая повилика (cuscuta). Дома выкрашены желтой краской, спальные ставни и крыши зеленые. Вот где поселились Евсевий и Матрона Цициановы. Старшая дочь вышла замуж за дворянина Гангеблова и получила 2000 десятин в Балтском уезде, ‹вторая› вышла за Шмакова и тоже получила две тысячи десятин, не знаю, где. Третья была за *Чепелевским* и получила такое же количество десятин в Чикагме. Четвертая вышла за грузина Бонгескула, и не знаю, где поселилась. Старики продали свою землю и копили деньги для младшей дочери.

Однажды вечером приехал в Санжары военный, который спросил, где бы он мог поужинать и ночевать. Ему отвечали, что самый большой дом был у князя Цицианова и что он очень гостеприимен. Он постучался. Ему отворили и спросили, кто он и что ему угодно. Он отвечал, что он полковник фон Лорер, уроженец северной Пруссии, и приехал, и два брата его, с Петром III, что несчастный государь назначил его главнокомандующим своих картонных войск, и когда крысы пожрали его войско, он его сажал под арест; что это ему надоело и, несмотря на обещание императора дать ему земли (Гудович и какие-то Гаронские получили по 6000 душ), он решил ехать на на юг России искать фортуны. Пока он ужинал и готовили ему постель, он разговорился, сказал им, что немцы любят семейную жизнь, и что, если ему посчастливится, то хочет жениться. Все это было сказано, конечно, ломаным языком. «А если ты хочешь жениться,— сказал ему старик,— у нас есть еще незамужняя дочь. У нее теперь короста (чесотка), и она лежит на лежанке, вымазанная дегтем». Его ввели к ней. Он увидел черные курчавые волосы, черные глаза, нос à la Bourbon и белые как жемчуг зубы и сказал, что она ему нравится. А ее спросили, согласна ли она выйти за него замуж. Она отвечала: «Почтенные мои родители! Я на все согласна, что вам угодно». Ему сообщили, что за ней 20 000 капитала, 12 серебряных приборов и дюжина чайных ложек, лисья шуба, покрытая китайским атласом, с собольим воротником, две пары шелковых платьев, несколько будничных ситцевых, постельное и столовое белье, перины и подушки, шестиместная карета, шестерка лошадей, кучер и форейтор. Выпили по обычаю рядную. Нареченный жених отправился, вероятно, прямо в Херсон. Надобно помнить, что он встретил там князя Потемкина, который не был славянофил и не гнушался услугами иностранцев, увидел европейски образованного человека и назначил его херсонским вице-губернатором, с казенной квартирой и 1000 р. содержания. На крыльях любви

он поскакал на тройке, увы, может быть и в жидовской фуре, в Санжары. Там их обвенчали в приходской церкви. Князь Евсевий и княгиня Матрона горько плакали, расставаясь навеки со своей милой Кетеван (Катерина), тогда путешествия были очень затруднительны. Брат дедушки Карл Иванович служил в армии, о другом я ничего не знаю.

Вице-губернатор сделался всем известен знанием дела, честностью и простотой. У богача Щенсного-Потоцкого был нескончаемый процесс. Он решился ехать в Херсон и поручил свое дело вице-губернатору, который закончил запутанный процесс в два года. Щенсна так обрадовался, что предложил ему 2000 душ, но дед мой сказал ему, что исполнил только свой долг, что ему за это правительство дает жалованье. «Но если вы захотите сделать мне приятное, то подарите мне часы. Здесь они мне не нужны, но я дослужил до пенсии, жена моя купила землю, и мы хотим поселиться в деревне». Щенсна прислал ему прекрасные золотые часы с золотой цепочкой. Когда дедушка умер, бабушка остановила стрелки и сказала: «Как закатилось солнце моей жизни, я их поховала». Дядя Николай Ив⟨анович⟩ говорил, что очень долго после кончины отца он приехал в отпуск, и бабушка была очень грустна и задумчива. Он ее спросил, отчего она так грустна. Она ему отвечала: «Душенька, отец твой был такой добрый и кроткий. Я раз послала его в поле, он не исполнил мои поручения, я на него рассердилась. Он любил пить со мной кофий. Когда он спросил, я ему сказала: «Идите к немцам пить кофий». Когда я это вспоминаю, мне всегда грустно и совестно». Это в теперешнее время покажется смешным. Есть люди, которые смеются и над Пульхерией Ив⟨ановной⟩, а в моей молодости и молодые и старые плакали, читая эту трогательную идиллию. Весь этот рассказ был сообщен Николаем Ив⟨ановичем⟩ Лорером племяннику Льву Ив⟨ановичу⟩ Арнольди и где-то напечатан в Москве[11].

Как выше сказано, 6 марта явилась на свет некрасивая смуглая девочка, которую назвали Александрой в честь двоюродной сестры отца, графини Александры de Rossette.

Графы де Россет[12] владели большими угодьями в Дофинэ, где был их домениальный престол. Герб у обеих фамилий был один: три розы на серебряном поле — тот же самый герб был у рыцарей тамплиеров, который можно видеть в Мариенбурге в Пруссии; это доказывает, что они участвовали в крестовых походах. Герб Цициановых очень странный: ⟨нрзб.⟩ и сверху ангел. Дмитрий Евсеевич говорил, что они происходят от Якова. Впрочем, ничему не надобно удивляться. Д⟨окто⟩р Евстон говорил мне, что он ирландец, а у него в гербу ладьи, и что он потомок Ильи. Сын мой служит на Кавказе и говорил мне, что там есть семейство, которое владеет по сию пору землями, пожалованными им Навуходоносором, и у них есть грамота на пергамене за его печатью и подписью. Род Россетов угас, а их имения сделались государственной собственностью.

Возвращаюсь к отцу и матери. Они очень обрадовались появлению на свет смуглой девочки. Маменька хотела меня кормить, но, не знаю, зачем, не могла продолжать, и мне взяли в кормилицы еврейку. Когда мне было шесть месяцев, я не хотела сосать, и тогда меня повезли в Адамовку. Отец мой при получении ее сказал: «Je suis le premier qui habite cette terre et je

l'appelle de nom de notre ancêtre à tous» [11*]. Я несколько раз была в Адамовке, и когда туда ехали, человек всегда спрашивал: «Как прикажете ехать — на Андреевку или на Янгакраки?» (опять турецкое название).

Тогда имения населялись или покупкой или залучением бродячих крестьян из южных губерний, царан и булгар. Им отводили место, глину, солому для кровли, известь, покупали соху, волов, и два-три года они работали на себя. Отцу моему нужен был повар, и он его купил за 3000 руб. в Москве. Фрейлина Шишкина, известная писательница русских романов, мне говорила, что когда она вышла из Смольного монастыря, ей купили на рынке девку за 7 руб. Импер‹атрица› Мария Федоровна это узнала, сообщила свое негодование императору Александру, который приказал продавать семьями [13]. О чем же думала великая Екатерина? К счастью, Вольтер, Дидерот и Гримм не знали, что в ее владеньях люди продавались поштучно на рынке. О Екатерина, Екатерина! Сколько зла ты разлила по земле русской!

Моя крестная мать была тетушка Екатерина Ив‹ановна› Вороновская, а крестный отец — Ришелье. Брат мой Клементий родился 10 месяцев после меня. Его крестил герцог и назвал именем крестного отца [14], а крестная мать была бабушка. Год спустя родился брат Иосиф, он был красавец. Через год брат Аркадий и полтора года спустя еще брат.

В этом году неаполитанская королева Каролина просила покровительства нашего государя [15]: она не могла больше выносить оскорбления Мюрата. Тогда эскадра адмирала Бентинга крейсировала возле берегов Неаполя [16]. Ее первый министр Актон вывез ее тайно ночью на адмиральском корабле. Бентинг ее довез до Генуи. Государь предложил ей ехать в Одессу. Но так как она ехала на придунайские княжества, а в Константинополе была чума, то из предосторожности ее поместили в карантинном доме, а мы переехали в собственный дом на Дерибасовскую. Как инспектор карантина, отец мой обязан был всякий день являться к королеве за приказаниями. Она узнала, что маменька родила, и предложила быть восприемницей новорожденного с тем условием, чтобы его назвали Charles-Alexandre. Она овдовела очень рано и очень любила мужа. Ее заменила г-жа де Рибас, а крестный был все так же Ришелье. После крестин королева прислала крестнику крест из крупных бриллиантов и склаваж. Весь город приезжал любоваться этим *склаважем*: Трегубовы, Шемиоты, Кантакузены (князь командовал давыдовскими казаками), одним словом, вся Одесса. Жемчуга цепочки были перевязаны бриллиантами, и фермуар составлял ее имя: Каролина. Королева изъявила желание видеть меня и старшего брата. Герцог учил нас кланяться. Мы так старались, что чуть было не упали к ее ногам. «Vous voyez, Madame, que mes petits eleves me font honneur» [11a*]. Она была очень стара и страшна, нарумяненная сидела в кресле в бархатном темно-зеленом платье и вся покрыта бриллиантами. При ней были две старые дамы, тоже очень нарядные. Она посадила нас на колени и говорила гоп-ца-ца. Она была дочь австрийского императора.

[11*] Я первый владею этой землей и я нарекаю ее именем нашего общего предка.
[11a*] Вы видите, мадам, что мои маленькие ученики делают мне честь.

Де Рибас был адмиралом в нашей службе, говорили, что он был генуэзский матрос. Вот что ему писал Суворов: «Eccelentissimo Doria, vedo che bisogna ferire con questi bestia i Turchi» [12*]. В Генуе есть фамилия Doria Lonte, я лично знала одного в Ницце в 1844 году; должно полагать, что Суворов знал, что он был побочным сыном генуэзского дожа Дориа [17]. Г-жа де Рибас была урожденная к⟨нягиня⟩ Долгорукая [18] и очень гордилась, вела знакомство только с семейством к⟨нязя⟩ Кантакузена, зато наказал ее герцог Ришелье и никогда не посетил ее. Когда и куда уехала неаполитанская королева, мне неизвестно.

У детей своего рода интересы. Меня дразнил брат Клименька, говорил, когда мне было три года: «Ты думаешь, что ты хорошенькая. Ты толстая и ходишь как качка (утка)». Я отвечала: «Это ницего. Тетя Мася говолит, сто у вас видны одни глаза, а я с ней поеду в Плибук». Тетя Маша была жена моего дяди Александра Ив⟨ановича⟩ Лорера. Она была урожденная Корсакова [19], дочь того псковского губернатора, который вышил по канве подушку и поднес ее Екатерине, которая ему за это прислала бриллиантовые серьги. Дядя мой вышел в отставку в чине полковника уланского полка. В какой-то стычке с французами его почти изрубили, и у него был на носу шрам.

Вскоре по отъезде королевы в Одессе открылась чума. Герцог тотчас оцепил город, и полк был расположен лагерем за несколько верст. Он и эмигранты обходили улицы и справлялись о состоянии здоровья. Провизию приносили в дома гарнизонные солдаты. Мы сидели у окна и считали страшные дроги, на которых везли трупы чумных. Колодники в засмоленных рубахах шли рядом, гремя цепями, под конвоем солдат с ружьями. Это не мешало нам играть с попугаем, которого подарил мне Дюк. Маменька не могла вынесть этого зрелища и сидела в комнате окнами на двор. Когда папенька возвращался из карантина к обеду, первым движением было бежать к нему, но он делал знак рукой и уходил в другую комнату, где его обливали уксусом с водой, и надевал другое платье. Часто он нас так крепко прижимал к сердцу и целовал так горячо, как будто он думал, что на другой день и он сможет сделаться жертвой этой страшной чумы.

Однажды герцог подошел к окошку маменьки и спросил ее: «Quand avez vous vu Antoine Rizzi?» (наш домашний доктор).— «Il a été hier et se plaignait d'avoir mal à la tête; il était assis dans ce fauteuil».— «Faites le vite emporter, chère Madame, il a fait l'opération du boubon dans la nuit, s'est blessé et il est mort ce matin, pourvu que nous n'avons pas d'autres pertes à s'effacer; ma chère Sachinka, ta nourrice est aussi morte de la peste».— «Ritschinka, je n'aimais pas ma nourrice, je ne sais pas pourquoi, et puis Maman m'a dit que les Juifs ont crucifié J. Christ et c'est un grand péché et je ne la regrette pas» [13*].

[12*] Ваше высокопревосходительство Doria, вижу, что нужно разбить этих скотов турков (*ит.*).

[13*] Когда вы видели Антонио Рицци? — Он был вчера и жаловался на головную боль; он сидел в этом кресле.— Велите его скорее унести, дорогая мадам, он ночью оперировал чумного, порезался и сегодня утром скончался; только бы нам не понести еще потери. Моя милая Сашенька, твоя кормилица тоже умерла от чумы.— Ришенька, я не любила свою кормилицу, не знаю отчего, а потом мама мне сказала, что евреи распяли Иисуса Христа, а это большой грех, и я о ней не сожалею.

За год перед чумой отец мой страдал спазмой в желудке, был слаб и пил черный кофий с лимоном, тогда пришли какие-то люди в высоких черных бараньих шапках, им подавали тоже кофий и черешневые чубуки по чину, были чубуки в три и четыре аршина. Я всегда вертелась около отца и зажигала их трубки, от табаков запах был очень приятный. Дорогой отец мой был последней жертвой чумы. Он велел меня позвать, остановив на пороге, и сказал: «Tu est mon ami, mon enfant la plus cherie, promets-moi de soigner tes frères, de leur donner les bons conseils.— Je ne suis pas inquiètè sur votre avenir, le Duc m'a promis de vous recommander à l'Empereur et à sa bienfaitrice mère, tu seras élevée dans quelque institut et tes frères dans le corps de cadets — avec une bonne éducation on est toujours sûr de faire son chemin dans le monde d'immense humanité. Quant à votre fortune, c'est le Duc et votre oncle Dmitri qui en sont chargés» [14*].

Я просила отца: «Потрогать твою бородавку в последний раз». В чуме так горят, что его ноги какого-то странного блестящего цвета были открыты и на левом колене было черное пятно. Маменька поддерживала его голову. В это время пришел герцог, обнял его и сказал: «Дорогой друг, нужно ли так поступать вашей Наденьке, которой предстоит перенести столь тяжкую потерю?»

Я после узнала, что 300000 были положены в Херсонский приказ общественного призрения вскоре для братьев, и Адамовка, в которой было 20000 душ крестьян, доход был с земли, огорода и сада, а главное от ⟨нрзб.⟩, которые населяли ⟨2 слова нрзб.⟩. Мне оставлен был хутор и дом на Дерибасовской, 9 пудов серебра, подарок Дюка, все бриллианты и жемчуга маменьки.

Нас всех посадили в карету, и герцог нас повез к г-же Попандопуло, самой короткой знакомой маменьки. У нее были дети и дети ее сестры Домбровской. Мы резвились в саду, не подозревая, что нам готовится после папеньки самая горькая участь. Через два дня пришла горничная маменьки Татьяна, сняла с нас мерку и сказала, что шить будет черное. Она заплакала, а я разрыдалась так, что добрая Попандопуло не знала, что со мной делать. Нас привезли в карантинный дом. Маменька сидела перед камином в глубоком трауре, я села на полу́ с большой куклой, последним подарком папеньки. Приехала бабушка, с моими тетками. Отца моего обратил l'abbé Nicolle [20], и поэтому в дом приехал католический священник. С отца сняли парик, он был прекрасен, потому ⟨что⟩ и жизнь и смерть его были прекрасны. Маменька и все его целовали, а я тщетно просила позволения с ним проститься, но мне отказали. Весь город следовал за погребальной процессией. Герцог ехал впереди верхом, в мундире с Андреевской лентой и орденом св. Людовика. По дороге у греческой и

[14*] Ты мой друг, мое самое любимое дитя, обещай мне заботиться о твоих братьях, давать им добрые советы. Я не тревожусь за ваше будущее: герцог обещал мне представить вас императору и его благодетельнице-матери, ты будешь воспитываться в каком-нибудь институте, а твои братья в кадетском корпусе.— С хорошим образованием можно быть уверенным, что всегда проложишь себе путь в бескрайном человеческом мире. Что касается вашего состояния, то оно поручено герцогу и вашему дяде Дмитрию.

русской церкви служили литии. Я сидела с бабушкой, которая не знала, что со мной делать: я металась и рвалась.

Только что мы вернулись с похорон, начали перевозить нашу мебель на Дерибасовскую в наш маленький дом. Так как маменька не могла нас воспитывать, то приехал генерал Ферстер и рекомендовал ей гувернантку Амалью Ив. Шредер. Она была уроженка Констанцского озера. Мы с первой минуты полюбили это доброе, кроткое существо. Рано весной мы переехали на хутор. Настал день прощаться с герцогом. Император на высотах Монмартра сам надел аксельбант на Киселева; заметив его необыкновенные способности, он послал его в Вену с дипломатическим поручением [21], если не князь Разумовский, то, вероятно, затем послан был его дядя Татищев, человек замечательного ума и тонкий; Меттерних его уважал, но недолюбливал; оттуда государь послал Киселева за герцогом в Одессу. Герцог, преданный России из благодарности, все-таки желал увидеть свою родину наконец успокоенную, и видеть своих сестер и их детей. Все, что он приобрел в России, он оставил; он жил при большом и почти неограниченном содержании очень экономно; оставил Стемпковскому 150000 р., библиотеку — лицею и 10000 р. сиротскому дому, им основанному. Создатель Новороссийского края и его благоденствия оставил по себе неизгладимую память. На бульваре розовых и пахучих акаций между каждым деревом был куст вечнозеленого шиповника с желтыми цветами, необыкновенно свежими, и против замка поставлена его статуя. Во время бомбардировки Одессы с «Тигра» [22] ядро попало в его колено и статуя покосилась. В 67 году я шла по бульвару, и несколько крестьян стояло возле статуи. «Знать, эти „Тигры" попали в Дюка»,— говорили они. «Что вы тут делаете»,— спросила я их.— «Пришли посмотреть на Дюка. Деды и отцы нам говорили, что он был благодетель края». Извините, господа славянофилы, Новороссийский край создан французом.

Еще до приезда полковника флигель-адъютанта Киселева в Одессу приехал граф Бенигсен, женатый на польке Андржейкович, и Генрих Рудзевич. Ришелье ни за что не подал бы руки убийце им‹ператора› Павла [23], он просил маменьку принять его на хуторе. У него был сын лет 12-ти. Утром был для них завтрак, но они после ворчали, что их оставили одних, и отобедавши, уехали.

На прощанье герцог дал большой вечер для всего одесского общества. Маменька поехала с хутора со мной, с братом Осей и Амальей Ив‹ановной›. Она сидела с какой-то дамой в беседке, куда герцог приходил. Он сказал Амалье Ив‹ановне›: «Promettez-moi, ma chère Mademoiselle Schröder, de ne jamais quitter les chers enfants. Leur mère a trop d'affaires importantes pour se donner à leur éducation. Elle a trop aimé son mari et aime trop ses enfants pour se remarier» [15*]. Маменька заплакала, а я сказала: «Ritchinka, mariez-vous avec Maman et nous partirons avec vous à Paris».— «C'est impossible, ma chère enfant. Votre Maman doit rester pour arranger ses affaires et pour teminer son procès avec Kapnissi. Pour la guider je lui donne l'excellent

[15*] Обещайте мне, милая мадемуазель Шредер, никогда не покидать дорогих детей. У их матери слишком много важных дел, чтобы она могла отдаться их воспитанию. Она слишком любила своего мужа и слишком любит своих детей, чтобы снова выйти замуж.

Doubnitzki de Kharkov, et pour les affaires de la maison ce bon[16*]. Худобашева».

Ося стал засыпать на коленях Амальи Ив⟨ановны⟩, и нас отвезли домой; по дороге горели смоляные бочки, от треска лошади испугались и понесли. Мы радовались скорой езде, а бедная Амалья Ив⟨ановна⟩ опустила все окна и кричала: «Mein Gott, erbarm dich unseren ⟨Kinder⟩» [17*]. В самом деле была опасность, потому что спуск к дому был довольно крутой. Дворник Яким и супруга его Гапка были вечно пьяны, но на этот раз оба вышли из своей хаты и схватились за дышло, так что мы благополучно подъехали к крыльцу. Кучер Тимошка никогда не пил, но Яким счел нужным сказать ему несколько внушительных слов. Амалья Ив⟨ановна⟩ написала записочку маменьке, и она благополучно приехала на хутор.

Странно, что я, которая хорошо помню всех, посещавших наш хутор, никогда не слышала имя Киселева. Может быть, слова герцога удалили всякую мысль о втором браке. Перед отъездом на хутор Амалья Ив⟨ановна⟩ сама укладывала чайный сервиз английского фаянса: одна чашка уцелела и находится у тетки моей Варвары Дмитриевны Арнольди[24]. Мы часто ездили в Адамовку. Дом был маленький, построенный над пригорком, на котором отец развел фруктовые деревья. Под домом был погреб для молочного скота. Маменька сама снимала сливки деревянной ложкой. Мебель была из простого дерева, выкрашена светло-желтой масляной краской, а по этому грунту были букеты алых роз. Это был подарок Дюка, который иногда приезжал нас навестить, всего было 40 верст от Одессы.

После войны делали народную перепись, и к маменьке приезжал еврей, и я беспрестанно слышала: «Ревизская сказка», и все спрашивала, когда же жид вам расскажет свою сказку. Мы возвратились на хутор, маменька ехала со мной в Крым по делу с графом Каписи; мы ехали шагом в дормезе Дюка по глубокому песку на месте, называемом Арабатская коса, и, наконец, остановились в каком-то доме; мы вышли из душной комнаты, но услышали ужасный крик и видели издалека разъяренного быка, который поднял человека на рога. Пожидор (Элпидифор) прибежал, нас внес в дом и сказал: «Голубушка Надежда Иван⟨овна⟩, я смерть испугался, думал, что он бросится на вас». Процесс, несмотря на старание Дубнецкого, был проигран, мы вернулись в дюковском дормезе к бабушке. Она вышла, защищая глаза рукой, и сказала: «Как же я тебе рада, Надя, почеломкаемся, и ты, Сашка, дурка, иди, поцелуй ручку у бабуси; яка ж ты гарна, совсем паненка. А я жду Алексашу с Машей».— «Почтеннейшая матушка,— сказала маменька,— мне нужно ехать в Одессу, уладиться с делами и кое-что передать Амалье Ив⟨ановне⟩». Мы нашли всех в добром здоровье.

Маменька очень грустила и ездила к сестрам, а спустя два года после смерти отца она по приглашению Потоцких ездила в Киев на Контракты.

[16*] Ришенька, женитесь на маменьке, и мы поедем с вами в Париж.— Это невозможно, мое дорогое дитя. Ваша матушка должна остаться, чтобы уладить свои дела и окончить свой процесс с Каписи. Чтобы руководить ею, я даю ей прекрасного Дубнецкого из Харькова, а для домашних дел этого доброго

[17*] Боже, помилуй наших детей! (*нем.*).

Всем известно, что такое были эти Контракты. Вся южная знать приезжала продавать свои имения евреям, а поляки пели:

Як приехав в Золнирж,
Да к жиду в аренду.
Шоне Минка, кинцер мир,
Кинцер мир, кинцер бир.

Ей сделал предложение красивый граф Ржевуцкий, которого звали араб [25], потому что он был в Палестине, но она отказала ему. После Ришелье генерал-губернатором был назначен граф Ланжерон, он также сделал ей предложение, и ему она отказала, отказала и графу Подгоричанскому.

Мы жили на хуторе одни с доброй Амальей Ив‹ановной›, она была сущий клад. Тогда приезжали в Россию гувернантки, которые заменяли недостаток знаний привязанностью к детям и ко всему дому. Я спала в ее комнате у ног ее кровати, а Клеминька в другом углу. Как все дети, мы просыпались с восходом солнца, тоже и Амалья Ив‹ановна›, она читала свою библию, потом надевала юбку и кофточку, глядела на нас, заходила в другую комнату, где спали Ося и Аркадя, и в третью комнату, где спал Карленька с Авдотьей, выдавала провизию, заказывала обед. В 7 часов мы пили молоко с хлебом и ходили в сад собирать дикую спаржу и сморчки, заходили к Батисту, который заведовал огородом и садом. Неизвестно, зачем он не поехал с Дюком в Париж. Я помню, что отец мой посадил два тополя у входа в сад, и они очень хорошо прижились. Герцог ему сказал: «Эти два красивых часовых напоминают мне мое милое Ришелье, у меня нет более земель во Франции, поэтому не смею отрывать Батиста от его занятий». У дворника Якима и супруги его Гапки была единственная дочь Приська. Эта девочка была престранное существо с ног до головы. Волосы ее желтые, лицо такого же цвета, глаза желтые, а зрачок был поперек, как у кошки, ситцевое платье на рубашку было тоже желтое, и она, я думаю, никогда не носила обуви. В своих жестких руках она вертела стебель *пасклена* и приговаривала: «Свиньям горько, а нам солодко». Она всюду за нами ходила и ничего не боялась. Большая змея обвилась об ногу брата Аркадия, Приська подбежала и одним пальцем отбросила змею на камень и убила ее. Она всегда стояла у притолоки в передней, а так как родители никогда об ней не заботились, то Амалья Ив‹ановна› ей посылала остатки нашего обеда. В саду было такое обилие ягод, черной, красной и белой смородины, вишен и груш, что их продавали русским купцам, и Амалья Ив‹ановна› сама стояла с *безменом* в руке (по-русски — весы), в московских рядах я видела безмен. Еще одна скверная вещь, это тазы в банях, и этим мы обязаны туркам. И анбар — слово турецкое [18*]; я встретила в Константинополе английского консула в Дамаске, он там находился во время страшной резни и сказал, что не скоро он это забудет.

[18*] У турков — сундук, у нас — анбар. Сундук мы тоже у турков позаимствовали (примеч. автора).

По другую сторону хутора нашего был хутор банкира Рено, но мы с ним не были знакомы. В 1829 г. императрица Александра Федоровна и в⟨еликая⟩ княжна Мария Николаевна жили на этом хуторе, который был очень далеко от берега. Утром имп⟨ератрица⟩ удивилась: дом был на самом берегу. Ночью все строение преспокойно съехало со своего места. Однако она переехала в город в дом Карасева. Дочь моя, княгиня Трубецкая, искала могилу моего отца, но не нашла: вероятно, часть кладбища съехала в море. Это море так запружено, что рыба совсем исчезла. Когда я там была, ловили *камбалу* (le turbot), были сельди, бычки, очень костлявая рыба вроде наших ершей, но вкуснее, были превосходные устрицы, а снетки вдруг наплывали в таком количестве, что их ловили простыми ситами и чем попало, и готовили впрок. Немало найдут драгоценных вещей на дне этого моря, когда его продренажируют. Барон Ашик, который делал раскопки в Керчи, мне говорил, что, по его мнению, гробница Митридата или была разграблена, или оказалась в море по течению к Суфут-Кале[26]. Она была из чистого золота. В 1867 году была только одна рыба глоссы, и такая дрянная, что не стоило ее покупать. Петр Гижель говорит в своей весьма интересной книге[27], что Лукулл развел в Черном море le thon[19*], не знаю, как по-русски. Le thon marinier est une délicatesse en France[20*].

Зимой мы переезжали на Дерибасовскую, ходили гулять по грязным улицам или играли на дворе, который был чисто вымощен и белый. Наш повар Дмитрий пил запоем, я помню, что маменька ему давала какие-то горькие капли в постном масле, и он ей говорил: «Голубушка Надежда Ив⟨ановна⟩, хотел бы не пить, но никак не могу, так меня и тянет. Да теперь Мосейка хорошо готовит, он меня может заменить». Но Дмитрий иногда буянил и тогда имел привычку выкидывать провизию в помойную яму. Тогда Амалья Ив⟨ановна⟩ посылала за Артемием Макарычем Худобашевым[28] и говорила: «Да пожалуйста, да мсье Худобашев» (она всегда ко всему прибавляла: да пожалуйста, по немецкой привычке — ich bitte Sie[21*]). Тогда Дмитрия запирали, и Амалья Ив⟨ановна⟩ нам давала Kartoffelsalade mit Heringe и arme Ritter[22*]; она была мастерица на все, везде и во всем успевала, чистила клетку моей канарейки, чистила и моего серого попугая, сушила яблоки (es ist gut für Hüsten)[23*], учила меня вязать чулок и читать по-немецки и по-французски, кроила платья и заставляла меня подрубать, а после Марийка дошивала платья и панталоны братьев. Эту Марийку взяли в детскую из Адамовки. Их изба была первая возле Гапкиного дома. Это была изба Бабики, а затем была изба Скачко, а затем хата Чудного. Чудной точно был чудной. Он поливал на хуторе перед домом цветники из огромных глиняных чанов. И сам был огромный, смуглый и носил большой чуб. Иногда утром его заменял Филипп-кучер.— А где Чудной?— Ушел ночью. Он исчезал два и три месяца, приходил босой и в рубище и

[19*] тунца
[20*] Морской тунец — деликатес во Франции.
[21*] прошу вас (*нем.*).
[22*] картофельный салат с селедкой и гренки (*нем.*).
[23*] (это хорошо против кашля) (*нем.*).

тотчас говорил: «Надежда Ив‹ановна›, прикажите купить чоботы, да шесть рубах и штаны». И Чудного опять одевали месяца на два или на три. Русский народ до сих пор любит кочевать.

После Ришелье генерал-губернатором был назначен граф Ланжерон. Он был известен своей рассеянностью [29], расточительностью и привычкой громко говорить то, что он думал. Пушкин мне рассказывал, что он дал большой обед одесским негоциантам, с которыми был в дружеских отношениях, и вдруг сказал громко Пушкину, который сидел возле него: «Si l'Empereur n'ajoute pas mon appointement, je n'aurai pas une côtelette à donner à ces canailles-là», [24*] — все расхохотались. Когда государь был в Одессе, остановился в его доме и ночевал в его спальне. Он имел привычку отдыхать час после обеда. Проснулся, а дверь была снаружи заперта. Ланжерон имел привычку запирать свою спальню на ключ; вероятно, он забыл, что государь в Одессе, отворяет дверь и говорит: «Sire, que faites-vous dans ma chambre?» — «Ce que je fais, Mr, vous avez endurci votre souvenir; je suis très mécontent du désordre que j'ai trouvé ici, et nommerai un autre général-gouverneur» [25*]. Назначен был генерал Сабанеев [30], который ознаменовал себя тем, что построил мост через овраг, этот мост называется Сабанеевым. В 1829 году государь был очень недоволен фельдмаршалом графом Витгенштейном и колебался в назначении Дибича. Ланжерон был старший генерал-аншеф, ходил по своей палатке и громко говорил: «Генерал-фельдмаршал всех российских войск граф Ланжерон — клянусь честью, это звучит хорошо, но не будёт, не будёт». Его адъютант Трегубов услыхал и рассказал товарищам. Это дошло до государя. Утром назначен был Дибич [31], а вечером за ужином государь сказал Ланжерону: «Милый мой, не будёт, не будёт, поезжайте в Петербург, и мы будем часто видеться как старые друзья».

В 17 году, три года после кончины нашего дорогого отца, мы были на хуторе. Человек пришел объявить Амалье Ив‹ановне›, что военный господин желает ее видеть. Он вошел и сказал, что он капитан Петр Карлович Арнольди и что его брат, полковник Арнольди, женился на вдове Россет. Бедная Амалья Ив‹ановна› слушала и побагровела. Он ей сказал, что его брат будет вторым отцом бедных сирот и что их надобно ждать через день или два. Петр Карлович ужинал, ночевал и на другое утро уехал. Вечером Амалья Ив‹ановна› очень плакала, а на другой день поднялась чистка, хотя все было всегда чисто, примеряла нам платья. Клема объявил, что он уйдет к Батисту, и его оттуда никто не вызовет. Амалья Ив‹ановна› решила, что я и Ося должны встречать гостей.

Теперь я скажу, как состряпалась эта свадьба. Две или три роты артиллерийской батареи стояли в Миргороде, Соколах и других местах. Селенья были богаты и вместе были богаты незамужними дочерьми. Туда отправился безногий Арнольди. Арнольди до того хвастал своими воин-

---

[24*] «Если император не повысит мне жалованье, я не буду кормить этих каналий котлетами».

[25*] «Как что я делаю, сударь? У вас очень плохая память; я крайне недоволен беспорядком, который нашел здесь, и назначу другого генерал-губернатора».

скими доблестями, уверял, что он очень хорошей фамилии и имеет состояние. Но тут случилось, что Карл Астафьевич Гербель сидел в уголке очень тихо и скромно, но он сказал ему: «Где у тебя состояние и какой ты фамилии? Ты — рижский мещанин Арнольд, а прибавил «и», как будто ты принадлежишь к итальянской знати, и взял чужой герб. А что касается до твоих воинских доблестей, то тебе одному оторвало ногу под Лейпцигом?» Сконфуженный, он ретировался. А Гербели и Гоголи приехали в Россию с Лефортом и были люди образованные. Карл Астафьич женился на Марье Даниловне Кудашевой и был прекрасный муж и отец. Маменька ехала в Виску к Кудашевым, а на возвратном пути встретила полковника Арнольди на станции. Чем пленилась, для меня непонятно, только через три дня она вышла за него замуж. Кобле ее назвал злодейкой и рвал на себе волосы. Ланжерон тоже. Он его иначе не называл, как le diable boiteux [26*].

На другой день утром началось ожидание, приготовлен был завтрак, но они подъехали к вечеру. Мы стали ужинать. На козлах сидел денщик, полупьяный. «Емельян! — закричал грубым голосом полковник,— скорей отвори дверцу». Он вышел. И как Ося увидел деревяжку, закричал, и его унесли. Потом вышла полковница с молодым мужем, не обратила внимания на меня и Амалью Ив‹ановну› и спросила: «А где Клименька?» — «Он у Батиста, маменька». Они ужинали особо. Амалья Ив‹ановна› вздыхала и почти ничего не ела, но Ося и я ели по обыкновению, а потом понесли Климе ужин. Мы туда сбегали и рассказали все. Клима прижался к Батисту и говорит: «Je veux aller chez Бабушка. Je ne veux pas voir cet homme». — «Oui, mon petit, vous irez chez votre Babouchka» [27*].

На другой день солнце обливало золотом наш милый хутор, создание дорогого отца. Море, как зеркало, покрылось бриллиантом. Издали видны были корабли и паруса, окаймленные белорозовым цветом. К 11-ти часам новобрачные вышли в залу, где был приготовлен кофий и чай доброй Амальей Ив‹ановной›, на которую накинулся полковник, но маменька ее обласкала, потом спросила: «Где же Клименька?» — «Маменька, у Батиста».— «Однако соус выкипел, за это надобно наказывать, я упрямства не допускаю». Потом пошел распоряжаться, как будто все его, и сказал, что хутор — только лишняя издержка и не покрывает расходов. Мое сердце вздрогнуло, я отправилась к Скачко, которому сообщила это известие. «Ах, он! Вот безногий черт!» Все люди как-то оторопели, даже Приська смутилась, Яким и Гапка наградили его не совсем лестными словами. Об Аркаде и Клименьке не было спросу, но они были так малы, что не сознавали этого ужасного равнодушия. Все как-то не клеилось, и вдруг объявили, что мы едем к бабушке в Грамаклею.

Мы скрывали свою радость, простились с садом, с Батистом, со всею прислугой, которая нас очень любила, набрали на берегу моря раковин. Началась укладка не на шутку. Марийка и Гапка уложили белье и платье. Амалья Ив‹ановна› велела заготовить провизию, а в бутылках холодный

[26*] хромой черт.

[27*] Я хочу к бабушке. Я не хочу видеть этого человека.— Да, малыш, вы поедете к бабушке.

кофий и чай; котлеты, пирожки с мясом, яйца в крутушку положили в миску, которая накрывалась крышкой и служила тарелкой. В свои карманы она положила лакомства. Утром кучера впихивали в чемоданы подушки и постельное белье и одеяла. С нами отпустили Пожидора, который при сей оказии, конечно, был подпоясан красным кушаком. Марийку посадили на запятки и велели ей держаться за кисти. Перед отъездом не садились, как бывало в старину полагалось и полагается, а просто запросто нас с холодностью поцеловала полковница, от него мы отвернулись. В карете сидел уж Клименька, а возле стоял добрый Батист. До первой станции мы ехали на своих, а потом не помню, где ночевали, но знаю, что ели, веселились и были уверены, что навеки будем жить у бабушки. Когда мы подъехали к крыльцу, все выскочили. Амалья Ив⟨ановна⟩ заплакала и бабушка тоже, нас обласкала и говорила: «Играйте, детки! Я вашего шума не боюсь».

В Грамаклее дом был о 5 окон, выштукатуренный и желтого цвета, а крыша была железная, черная. Напротив дома была большая хата, которую тотчас приготовили для нас. Рядом с домом был флигель, в котором Карл Ив⟨анович⟩ жил и выводил голубей. В самой глубине двора были конюшня и сарай. Там жил кучер Филипп и держал в конюшне козла: «Щобы черт не путал гривы лошадей». По ту сторону дома был сарай, крытый, как и все строения, в старновку. Затем была кладовая.

Давно, еще когда Ришелье был в Одессе, он ездил в Крым, проехал через Грамаклею и видел, что бабушка сидела перед домом, а l'ombra della casa [28*], как говорят итальянцы. Он ей сказал: «Катрин Евсевна, что вы не сажал сад?» — «Ах, батюшка Дюк, а где мне достать корней? Тут не найдешь и прута, чтоб сечь непослушных детей».— «Я вам буду присылать». Под осень приехал Батист и вдоль по Водяной посадил деревья, кусты ягод, даже малину, черемуху, кукурузу. Сад тогда уже был важный, а теперь, я думаю, разросся в настоящую рощу. Бабушка, как было сказано, купила десятину по 5 коп., а теперь, т. е. в 70 году, уже платили 40 руб. за десятину. Это имение принадлежит дочери Николая Ив⟨ановича⟩ [32], Катерине Ник⟨олаевне⟩ Сталь-Гольштейн, и она там живет с мужем и детьми.

Дворня бабушки была немногочисленна: приказчик Роман, ключница Малашка, у которой указательный палец был точно как веретено, кухарка Солоха, девка Гашка, еще другая, кучер Филипп и мальчик Сидорка, который служил за столом, ходил в белых штанах и по праздникам носил зеленый сюртук, надевал тогда чоботы, служил как форейтор, когда бабушка ездила в церковь.

В полверсте от дома была станция, и смотритель был курчавый малый Измаил. Перед домом был палисадник, в котором росла заячья капуста, барская спесь и повилика. Он был окружен крупными кольями, из окон видны были только гладь и даль. В 40 верстах жила тетушка Екатерина Ив⟨ановна⟩ Вороновская, ее муж Артемий Ефимович был сын священника из дворян. В Малороссии часто были священники из дворян и были

[28*] в тени дома (*ит.*).

лучшие помещики, а их крестьяне — лучшие работники. Д⟨окто⟩р Оболевской был сын священника из дворян, также и почтенный старец Павловский.

Бабушка сидела в своей комнате так, что могла видеть все четыре стороны своего маленького царства. Так как летом окна всегда были открыты, то она хлопала в ладоши, и являлась под окнами Малашка за приказанием. В 7 часов она уже пила кофий с Амальей Ив⟨ановной⟩ и тетушкой Верой Ив⟨ановной⟩. Обедали в час: борщ или щи, жареная телятина, так отменная, как не водится в больших городах, и за сим вареники с ежевикой. В постные дни сладкое блюдо составляли шуляки, необыкновенно вкусное блюдо. После обеда она отдыхала, а в четыре часа подавали кофий и арбуз или дыню. Два раза в неделю открывали кладовую, и вся дворня пересыпала из сита в сито просо, горох и мак. Для нас это был праздничный день, мы объедались маком.

Иногда бабушка выезжала на поповских дрожках (поповские дрожки была линейка на две персоны с фартуком). Она меня брала с собой, я ехала без шляпки, пелерины: Амалья Ив⟨ановна⟩ кричала: «Mein Gott, Sie bringt ein Sonnenblich!» [29*]. Когда было слишком жарко, я подползала под фартук. Длинный Роман в синем сюртуке ехал рядом на рыжей лошади и показывал на поля: «Вот тут, сударыня, гирка, а подале у меня 20 десятин под арнауткой, а вон баштаны, гарбузы вовсе плохи от засухи да и дыня мала». И Роман мне давал маленькую вместо мячика.

Вечером за ужином был кулеш, галушки и манная каша, необыкновенно хорошо сваренная. Я подобной каши не ела нигде. Когда приезжали господа, то важные ужинали и ночевали, чиновники только ужинали, а на станции была чистая комната и постель. Роман говорил, что у Малашки большой запас дынь и гарбузов, она их опускала в Водяную. Водяная тем была замечательна, что так тихо катилась меж высокого тростника, что казалась неподвижной. Раз давно в ней утонул человек, и рассказывали, что он в полдень выплывал греться на солнце, а ночью, в лунную ночь, зазывал к себе запоздалых косарей и девок.

Тетушка Вера Ив⟨ановна⟩ часто опаздывала к обеду и подвергалась насмешкам на столичное образование. Она воспитывалась в Москве у Цициановых. Амалья Ив⟨ановна⟩, как представительница западного образования, заступалась за это воспитание, но бабушка не обращала никакого внимания и говорила: «Ты скажи мне, Верка, на що Дмитрий учит бедную девку Варвару Бонгескул танцевать?» Потом бабушка начинала пересчитывать своих сыновей: «Александр женат на Корсаковой. У них есть имение где-то под Петербургом, а они все ездят в чужие края и говорят, что там лучше, я их жду теперь. Николаша служит теперь в Воронеже, он мот и балагур. Митя служит в Ордынском кирасирском полку, в корпусе безносого Прозоровского, он только что женился на его племяннице княжне Волконской. Оно бы хорошо, но совсем бедная и воспитывалась в каком-то институте, и все, верно, по-французски. Катя замужем за Каховым [33] — славный человек, и живут они в Пондике, да несчастье с сыном: у него со-

---

[29*] Боже мой, у нее будет солнечный удар! (*нем.*)

бачья старость. Я видела часто бедного Ваню. Он точно был похож на старую собаку, уши отвисли, он сидел на корточках и засыпал, сидя на плече у матери. И 7 лет томился и он, и она. Отец и бабушка заливались слезами, когда его видели. Нас посылали с Клемой два раза в неделю к нему, он грустно улыбался, когда мы резвились перед ним, он лакал молоко, как собака. Бывает у бедных детей атрофия, но болезни, подобной бедного Вани, я никогда не видала. «Господи, вем, яко отвергнишь, яко же ты велми,— говорил Иоанн Златоуст,— да будет воля твоя»,— говорила бедная мать этого страдальца.

Соседей у бабушки не было: ее звали Барандовы и Бредихины. «Що воны думают, щобы я к ним поехала. У них по 500 десятин, зато пьют колодезную воду». К ней, хотя редко, ‹ездила› двоюродная сестра ее Елизавета Сергеевна Шклоревич, рожденная княжна Баратова. Она жила в 25 верстах от Грамаклеи, в Баратовке. Когда она приезжала, то Улька, бедовая девчонка, нам говорила: «Теперь играйте, можете шалить, сколько угодно. Елизавета Сергеевна приехала». Старушки сидели в гостиной на диване, перед ними стояла на столе ключевая вода, варенье смоква и другие лакомства. «Представьте, Катерина Евсеевна, что я три года не видела сестры Анны Сергеевны».— «Да на что вам к ней ездить? Она гордится, что она княгиня Кудашева, мы знаем, какие они князья. Кудашевы ездили на запятках у Цициановых (Кудашевы купили себе княжество, кудаш по-грузински значит отхожее место). Ее бублики и сырники хороши, у нее дом со столбами, а штукатурка обвалилась, в доме пыль, а у меня Гашка всякий день моет пол с мылом и солью, щоб не было блох и мокриц. А варенье у нее на меду, и она не стыдится им подносить. А сам старик сидит в зеленом бархатном халате с собольим воротником и в красных туфлях, точно как будто царь какой с того света. Я туда возила Сашу после смерти отца, бо там у них Катенька». Данила Кудашев[34] был адъютантом Багратиона, дослужился до генеральского чина и был убит под Бородиным, а жена его на его памятнике написала: «Смерть разлучила и Бог соединит». Она была дочь фельдмаршала Кутузова и два года спустя вышла замуж за Сорочинского, а дочь отвезла к дедам.

«Кстати, Екатерина Евсеевна, я издержала 5 ф. сахару на ваше варенье. Так не забудьте купить 5 ф., когда пошлете Романа в город».— «Попробуйте этого варенья с имбирем. Это очень хорошо для желудка, мне его прислала Марья Павловна Кулябка. Она мне сродни по Ворожейкиным».— «А у меня просьба до вас, Катерина Евсеевна, отпустите Верочку и Сашу погостить у меня только на три дня». Я при этих словах прыгнула как кошка и объявила свою радость Амалье Ив‹ановне› в уверенности, что нас отпустят. Она завязала в узелок мои вещи, а Вера Ив‹ановна› уложила свои в сундучок, привезенный еще из Москвы.

Карета Елизаветы Сергеевны была на высоких рессорах и качалась, как люлька. Когда мы уселись, началось маханье платками. У брода начались расспросы, нести ли нас на руках или переехать в карете. Ничипорка (Никифор форейтор, солдат Сабанеева) сказал, что опасности нет. Девке, которая сидела на запятках, велели крепче держаться за кисти, и карета пошла прыгать по крупным камням. Лизавета Сергеевна все время крести-

лась. Мы ехали крупной рысью по самой гладкой дороге. По обеим сторонам были высокие поля, освещенные солнцем. Мы остановились у церкви, звонили во все колокола, и навстречу нам вышел священник в ризе с эпитрахилью и с крестом. Церковь нас поразила своим великолепием, все образа в иконостасе были в золотых окладах, мы прикладывались и все следовали к дому. И дом поразил меня: он был вдвое больше грамаклеевского. За ужином Елизавета Сергеевна объявила нам, что на другой день мы поедем на именины к ее соседям Требинским. Именины в деревне — магические слова. И Пушкин писал:

Уже заря багряною рукою выводит за собою
Веселый праздник именин.

Кажется, что мой приятель Александр Сергеевич занял это выражение у Северного рыбака[35], который писал:

Уже заря багряною рукой
С покойных зеркальных вод
Выводит с солнцем за собою...

далее не помню. Для именин Лизавета Сергеевна облеклась в серое левантиновое платье, натянула белые лайковые перчатки, на голове у нее был чепец с огромным белым атласным бантом, и вся уборка напоминала колокольню. Тетушка Вера была в белом платье и крево, еще модный наряд, завила букли, на шейке черная бархотка, а коса на высокий гребень по-испански. Мне надели белое платье с нескончаемым количеством мелких складок, и розовый платок на шею, новые башмаки и сережки Дюка со змейкой мелких бриллиантов. Мы уселись так, что девка сидела в моих ногах с корзиной абрикосов. В этом благословенном краю плоды растут на чистом воздухе.

До Требинских было 25 верст. Мы выехали рано, чтобы поспеть к обеду. Ничипорка стоял в ливрее на запятках. Мы отъехали 6 верст, и на самом маленьком косогоре карета опрокинулась, неизвестно как и зачем. И Селифан, когда опрокинул бричку Чичикова, сказал всего: «Вот и перекинулась». Но Селифан был пьян, а наш кучер не был пьян. Поднялся крик. Кучер лежал без памяти, форейтор не смел покинуть запятки, Ничипорка стоял как вкопанный; к счастью, прохожие крестьяне нас вывели из затруднения. Прежде всего открыли дверцу и начали вытаскивать Лизавету Сергеевну, которая была высокого роста и уперлась ногами в противоположный угол кареты. Вера Ив<ановна> всей тяжестью лежала на мне, а я уткнулась в корзину абрикосов и преспокойно их уплетала вместо Требинских. Наконец кучер очнулся, подняли карету, и оконфуженный экипаж поплелся снова в Баратовку к великому удивлению выбежавшей дворни. Ели<завета> Сер<геевна> так и всплеснула руками, когда увидела на моем лбу шишки — то, что Пульхерия <Ивановна> называла гуглями. «Что скажет Катерина Евс<еевна>? Дали дитя на руки, а привезут ее изуродованную!» и у нее, как у Пульхерии Ив<ановны>, были снадобья. Она приказала настругать ивняка и прикладывать изнанкой к больному месту. Меня страшно баловали, т. е. целый день закармливали лакомством. На

другой день осталось только желтое пятно, а на третий день из предосторожности мы ехали шагом до брода. У брода Ничипорка всех нес на руках, кроме девки. Шагом мы подъехали к крыльцу в Грамаклее, и Улька закричала, что приехал дядя Александр и тетушка Марья Ив<ановна>, при них горничная, красивая Аннушка, которая говорила по-французски, и человек Никита. Елизавета Сергеевна только успела пообедать, и об несчастном приключении не было и слова. Она отправилась восвояси.

Приезд Александра Ив<ановича> был очень неудачен. За столом Марья Ив<ановна> говорила Никите: «Не правда ли, Никита, что церковь Петра лучше нашего Казанского собора?» — «Как можно, сударыня! Десять Казанских поместятся в св. Петре».— «Молчи, дурак, що ты брешешь? Да як же ты смеешь говорить, когда господа кушают?» Напрасно Александр Ив<анович> хвалил кушанье и жареного поросенка. Это было самое утонченное блюдо в Грамаклее, и им потчевали императора Александра, в<еликого> к<нязя> Николая и вообще знатных людей. Недолго они погостили и поехали в Петербург. У Марьи Ив<ановны> был чудный голос, вроде голоса Зонтаг; она была хорошая музыкантша и особенно хорошо пела венецианские баркароллы «La Biondezza in gondoletti»— их всего шесть. Она играла также на флажолете. Марья Ив<ановна> была замечательная личность[36]: она не выносила крепостного права. В ее деревне Гарни Острожского уезда Псковской губернии было 1000 душ. Она любила жить прилично, не принадлежала к высшему обществу и не искала его, а любила заграничную жизнь. Всякий год она созывала крестьян и спрашивала их, могут ли они ей дать чистыми 25 000 рублей. Они всегда доставляли ей эту сумму вперед за весь год. Она им говорила: «Перед смертью я вас отпущу на волю».— «Живи, живи, матушка, нам у тебя и без воли хорошо». С 1000 душ 25 000 асс., кажется, очень умеренное требование. Она скончалась в своем имении Гарни 95 лет и имела удовольствие видеть, что ее желание исполнилось. А крестьяне продолжали ей платить вышесказанную сумму. Император Николай Пав<лович>, проезжая мимо Гарней, любовался домом, который на пригорке и окружен садом. Красоты природы никогда не ускользали от его внимания. Человек любит природу.

Перед захождением солнца ласточки то поднимались, то опускались так низко, что крылышками поднимали пыль и оглашали воздух веселыми звуками. Они как будто резвились перед ночным отдыхом и потом укрывались в свои гнезда под крышей. Потом прилетал журавль на крышу сарая, поднимал одну красную лапку и трещал своим красным носиком, зазывая самку и птенцов. Дети говорили: «Журавли богу молятся. Бабушка, пора ужинать». Перекрестившись набожно, она садилась, а возле нее Карл Ив<анович> в белом галстухе, темно-зеленом жилете, таких же панталонах и в ботфортах, а мы вокруг нее с Амальей Ив<ановной> и Вера Ив<ановна>. После ужина приходил Роман со станции и передавал ассигнации бабушке. Она их клала в мешок, который висел над ее кроватью, а медь Роман складывал в сундук в серебряную копилку. После этого она играла в дурачки с Карлом Ив<ановичем>, конечно, не за деньги, и очень сердилась, когда он выигрывал.

Самое замечательное в Грамаклее была ничем не возмутимая тишина, когда на деревне умолкал лай собак и сизый легкий дым бурьяна поднимался с земли. Крестьяне вечеряли галушками и пшенной кашей или мамалыгой. Синий бархатный воздух, казалось, пробирался в растворенное окно, его как будто возможно было осязать. Звезды с небесной высоты задумчиво смотрели на заснувшую природу. Бурьяном топят для кухни, а для топки хат делают кизяк. Паллас говорит, что бурьян состоит из пахучих трав[37]: artemisia vulgaris — полынь, cichorium — цикорий, verbascum nigrum[30*], dipsacus sylvestris[31*], daucus mauritanicus — морковь, conium maculatum — болиголов, achillea nobilis — тысячелистник, мать-мачеха, althea, leonurus cardiaca, lavatera thuringiaca, eringeron, camphora, carduus[32*], ослы любят этот куст. Трава в степях выше человеческого роста и вся испещрена подснежниками и гиацинтами — это только весной, но производит удивительное впечатление.

Гоголь провел три недели у нас в Калуге, в загородном доме губернатора, восхищался видом на Яченку и великолепным бором за Яченкой; я с ним была в загородной даче архиерея и заметила, что он записывал виды в своей красной книжечке. Он тут прочел Палласа[38], от которого был в восторге. Я его прочла в «Murbridge Wallace» в английском переводе. Вообще англичане с давних пор писали об России. Я там же прочла записки адмирала Каприола и очень любопытную книжку голландца Ван-Брандт-Идена,[39] которого Петр Великий послал в Китай. Вся Сибирь тогда была совершенно языческая.

У бабушки была еще дочь, которая жила в Пондике у Вороновских, но когда умерла Екатерина Ив⟨ановна⟩, она возвратилась в Грамаклею. Она не была хороша, но стройна и грациозна и была необыкновенно кроткая. Раз утром пришли сказать бабушке, что флота капитан приехал на станцию, что бричка сломалась, и он просит позволения ее починить на станции, а вместе желает ей представиться. Бабушка велела его позвать к обеду. Вошел плотный среднего роста господин, очень смуглый, с большими черными глазами и курчавыми черными волосами с проседью. Он расшаркался, подошел к руке бабушки и сказал: «Имею честь представиться — отставной флота капитан Вантос Иванович Драгневич. Еду в Херсон по собственной надобности». Вантос Ив⟨анович⟩ ел с большим аппетитом и все хвалил. После обеда бабушка пошла в свою комнату и поручила Дунюшке показать гостю сад. Вечером он ужинал и отправился ночевать на станцию. Со станции пришли сказать, что бричка еще в поломке, и где ему обедать? Гостеприимная бабушка сказала: «Надоть человеку и покушать». И он пришел к обеду. После обеда Сидорка принес ему гитару на голубой ленте, и он пел: «*Тише, ласточка болтлива*» и еще «Ах, Саша, как не стыдно сердце чужое взять и не отдать». И в это время он посматривал на Дунюшку. Вечером она вместе с ним гуляла, а после ужина он сделал предложение. «Що ты, с ума спятил, что ли? У меня все дочери

[30*] коровяк

[31*] ворсянка лесная

[32*] алтей, пустырник сердечный, хатьма тюрингенская, мелколепестник, камфора, чертополох (*лат.*).

за людьми известными, дворяне, а ты що? Да я отродясь не слыхала такого имени: Вантос Ив⟨анович⟩, да еще Драгневич!» Бедный Вантос так смутился таким ответом, что не нашелся, чтобы ей сказать, что он из славных сербских князей и дворян. Екатерина их всех произвела в дворяне: Миленко-Стойковича, Стерича, Нерича, Штерича, Георгиевича и Драгневича. Утром хватились Дунюшки. Измаил пришел сказать, что она села в бричку Драгневича с его гитарой и поехала в Херсон. Бабушка всплеснула руками и при мне сказала Вере Ив⟨ановне⟩: «До какого сраму я дожила на старости, чтоб моя дочка с чужим мужчиной убигла!» По приезде в Херсон они обвенчались под благословением Дубницкого, он об этом написал, также Дунюшка, но от бабушки не было ответа. Дунюшку это так огорчило, что она заболела и умерла. Вантос перестал играть на гитаре, поставил ей памятник — разбитую вазу на пьедестале, проводил целый день у праха нежно любимой жены; набожный, как все моряки, всякий день бывал у обедни и вечерни, служил панихиды. Он лишился сна и чувствовал, что скоро с ней соединится. В последний день он принес гитару и так грустно запел вечную память, что соседи кладбища сбежались, но нашли только его труп. Дубницкий продал его походную бричку и гитару и похоронил его возле нее. Он написал об этом в Грамаклею. Бабушку это известие повергло в страшное состояние, и она целыми ночами молилась по усопшим. Это мне сообщила Вера Ив⟨ановна⟩. Она вышла замуж за полковника Мазараки и по смерти Елизаветы Сергеевны получила Баратовку. Когда Н. И. Лорер возвратился в Грамаклею, он жил во флигеле и женился на бедной девушке[40], которая жила у Мазаракиных. Мазараки был моряк и взял к себе сироту товарища (фамилии я не помню). От этого брака была единственная дочь Катерина, которую имп⟨ератрица⟩ Александра Федоровна поместила в Киевский институт. Катенька после смерти дяди Дмитрия Ив⟨ановича⟩ жила с Варварой Петровной у графа Дмитрия Ерофеича Сакена[41], они очень полюбили ее и выдали замуж за Сталь-Гольштейна, его адъютанта.

Бабушка боялась приезда Варвары Григорьевны, но ее кротость и смирение победили ее предубеждение. Обе были очень набожны, что не было по вкусу Николаю Ив⟨ановичу⟩. Он мне говорил: «Все читают акафисты, каноны и жития святых». Николай Ив⟨анович⟩ воспитывался у Василья Васильевича Капниста в Обуховке[42]. Наставником его детей был почтенный гернгутер, т. е. протестант, не придерживавшийся никаких формул, а просто христианин. Он имел сильное влияние на убеждения Николая Ив⟨ановича⟩ и не чувствовал потребности иных святых и не верил в чудеса, кроме повествуемых евангелием. Совсем иначе смотрел на эти важные предметы Дмитрий Ив⟨анович⟩. У него в детстве была падучая болезнь, и он получил совершенное излечение у Ахтырской божьей матери, куда возила его бабушка. Как ни затруднительны были путешествия, но она через два-три года ездила в Ахтырку. Обыкновенно она нас с собой возила к Андрею Первозванному. Образ был самый уродливый. Святой был похож на казака, всклоченные черные волосы, злые черные глаза, длинные усы, в красном жупане, он держал какое-то оружие в руках, похожее на алебарду наших старых будочников. Но бабушку это не смущало. Кто

знает, после смерти дедушки она верно ездила там молиться и получала успокоение и утешение. Его похоронили возле церкви и, вероятно, и ее похоронили возле.

Мы недолго оставались у бабушки, полковник и полковница приехали за нами. У них был крупный разговор с Дмитрием Ив⟨ановичем⟩. До нас долетали слова: «Продать хутор Ланжерону за 40000, а дом на Дерибасовской за 20000». Нас они отправили в Златополь, а они были в Одессе и Херсоне, а приехавши в Златополь, мы уже нашли ⟨их⟩ там. Недаром бабушка говорила при нас: «Надя была замужем за Осип Ив⟨ановичем⟩ Россет, хороший был человек и Дюка правая рука. Он оставил хоть не много денег, но довольно, чтобы им жить безбедно». Николай Ив⟨анович⟩ мне рассказывал, что папенька привез с собой деньги из Конст⟨антинополя⟩. Однажды герцог его просил составить компанию для ускорения торговли. Отец просил Лоде и Сикара [43]. Они нагрузили корабли пшеницею, и эти корабли должны после привезти колониальные товары. Ришелье призвал отца и сказал: «Mon cher chevalier, je regrette beaucoup de vous avoir engage à faire cette speculation. Cet insatiable Napoléon a mise embargo sur vos vaisseaux, c'est avec un'coup d'Etat vous pouvez retourner votre capital».— «Mon cher Duc, j'invite Lode et Sicar de me joindre, ils sont plus pauvres que moi, il faut que nous supportions cette perte en commun». Le Duc lui dit en l'embrassant: «Ah, je savais bien a qui je me confiais» [33*]. Но потом они удачно употребили свои капиталы, и отец мой поместил 300000 в Херсонский приказ общественного призрения сирот.

Златополь — жидовское гнездо и утопает в черной грязи. Дом был деревянный, большой, или, вернее, длинный и примыкал к саду, в котором были жидкие деревья, крапивой заросли дорожки, и ходить там не было возможности. Мне взяли учителя музыки, он так вышел скверен, что принуждены были его отблагодарить. Маменька зашивала или шила что-то, уронила клубок и сказала Карленьке: «Подними клубок». Он подполз под стол, долго не мог его найти, а полковник его ударил в голову деревяжкой. Он, бедняжка, расплакался, и Амалья Ив⟨ановна⟩ его увела. Мы переглянулись, полковница покраснела и покачала головой. Первые враждебные действия. За обедом бывали всегда офицеры, кто-то просыпал соль, полковница сказала: «Будет несчастье». В эту минуту Ося подавился костью гуся и посинел. Адъютант Гамалея сидел рядом, у него были длинные пальцы, он проткнул горло и кровь хлынула ручьем. «Мерзавец, есть не умеет!». Мы, я и Клема, сказали: «Нам кроме костей ничего порядочного не дают».— «Все ложь!» — вскрикнул этот злодей. Но он иногда любил похвастать своим чадолюбием: поехал в Миргород и привез оттуда мне очень странные козловые башмаки, а братьям из мела или извести фрукты, такую дрянь, что они все покидали. Но к несчастью, он привез толстую книгу, называемую Энциклопедией. По его мнению, она заменяла все

[33*] Мой милый шевалье, я очень сожалею, что втянул вас тоже в эту спекуляцию. Этот ненасытный Наполеон наложил эмбарго на ваши корабли, только при государственном перевороте вы сможете вернуть ваш капитал.— Дорогой Дюк, я пригласил Лоде и Сикара присоединиться ко мне, они беднее меня, мы должны понести убытки сообща. Герцог, обнимая его, сказал: «Я знал, кому доверял».

возможные знания. Нас никто не учил по-русски, и энциклопедия осталась мертвой буквой.

Мы недолго оставались в этой трущобе. Пришло приказание выступать в поход. Батарею собрали посреди площади против собора, служили молебен. Арнольди ехал верхом, а за ним вестовой вез деревяжку как трофей. Златополь принадлежит г-же Высоцкой, одной из племянниц князя Потемкина[44]. Их было четверо: гр. Браницкая, которой принадлежала Белая Церковь, Юсупова, у которой было 40000 душ крепостных, его любимая княгиня Долгорукая и Высоцкая.

За этим следует

Журнал походу Надежды Ивановны Арнольди[45].

1 февраля я оставила Грамаклею, милые места. С горестным чувством рассталась я с матушкой и милою сестрой. 18 верст переход, который мы должны были сделать, я не переставала об них думать. Приехали в деревню *Ремонтаровку*, где приготовлена была для нас квартира в господском доме, но хозяев не было дома. Они нарочно для этого случая уехали в гости. Дом их очень скучный и грустный, особенно картины и прочее все такое чистенькое, но удивило меня то, что я нашла там довольно изрядный флигель. Впрочем, квартира сия была для нас очень удобна, мы нашли обед готов; вдруг собрались офицеры, постели наши были готовы, и так как мы поздно обедали, не хотели ужинать, пили чай и легли, спокойным сном уснули.

На другой день утром рано, 2 февраля, вставши, по обыкновению напились горячего, трубы прогремели, означающие сбор. Рота проиграла зорю, мы отправились в путь шагом в м<естечко> Баландино, переход был весьма мал, только 12 верст. Тут мы должны были дневать и ночевать. Квартира наша, хоть не так хороша, однакож довольно выгодна. Три комнаты очень чистых. Мы здесь только не нашли полковника Лошкарева, ибо он нам со своим полком предшествовал, а сегодня поутру я очень рада была слышать благовест к обедне, церковь же от нас в нескольких шагах, и я ходила к обедне. Удивило меня сначала, что не нашла там ни одной души, кроме двух нищих. Священник служил и два дьячка пели, я узнала, что не большой был праздник св. Симеона и Анны, по той причине и был молебен, что это торжество в<еликой> к<нягини> Анны Павловны. Теперь только 9 часов вечера, но вокруг легли все спать, ибо завтра рано надо выехать.

Оставивши местечко Баландино, выехали мы прежде роты, ехали мы лесом по прекрасной дороге, но видя, что рота нас не обгоняла, спросили у проходящих, куда мы едем. К великой досаде узнали, что мы взяли совсем противоположную дорогу, должны были воротиться. Доехавши до настоящей нашей дороги, увидели, что рота уже здесь прошла, ибо дорога была очень испорчена, и мы принуждены были ехать по сей несносной дороге 20 верст лесом. Я удивлялась пространству сего леса и воображала приятности лета и зимы. Тут мы видели в самом лесу поселенную деревню, принадлежащую, кажется, Давыдовым (*не Каменка ли это, где Пушкин пи-*

сал стихи Адели?)[46]. Церковь тоже есть, местоположение совершенно картинное, между горами и лесом построены избы, а внизу, без сомнения, должна быть река. Приехали мы, наконец, в деревню *Александровку*, нашли роту давно пришедшую, и как переход был большой, легли отдыхать, потом обедали и легли спать. Квартиру мы заняли у одного польского господина, который сам живет в Киеве, а здесь только эконом. Тут я вспомнила, что 4 февраля — тот самый счастливый для меня день (*а для нас самый злополучный*), в который я в первый раз встретила Ивана Карловича год тому назад. Мне живо представилось все это прошедшее время. Могла ли я тогда думать, что через год я буду с ним в походе? На другой день дорога была прекрасная, переход очень был мал — 17 верст. Мы приехали довольно скоро в деревню, называемую *Любомировка*. Тут подъехали мы к довольно изрядному домику, где я полагала найтить эконома, но мы на крыльце были встречены самим хозяином, мужчина польской фигуры. Пришедши в дом, нас встретила хозяйка. Они оба старались нас весьма угощивать, но их присутствие нас женировало[34*]. Домик их дурно расположен, их квартира отделяла нас от детей. Хозяйка очень разговорчива, рассказывала об своих соседях и сказала, что старая моя знакомая, г-жа Поджио[47], живет от них в 8 верстах. Я было хотела к ним ехать, но раздумала и день дневки провела довольно приятно. На другой день мы располагались собираться в путь, как вдруг наш добрый Фридрих извещает нас, что кучер, наш собственный *Тимошка*, ночью бежал. Эта весть меня не столько потревожила, сколько удивила, ибо сей человек жил у нас с 8-ми летнего возраста до двадцати, был человек смирный, трезвый и потому никогда не был наказан. Я долго не хотела верить, но удостоверилась потому, что платье и белье было им взято. Однакож мы имели много лишних людей, тотчас его место занял другой и не помешало нам отправиться в путь. Тут я вспомнила, что он куплен нами от г-жи *Поджио*, имеет там родных, решилась послать юнкера Поццо с моим письмом, где просить (*под влиянием безногого черта*) на случай, он явится к ней, послать его под караулом в суд для препровождения его к нам (*к счастью, это желанье исполнять не удавалось, кто от них ни бежал*).

Здесь мы уже оставили границу Киевской губернии и въехали в Херсонскую, что было приметно: избы гораздо лучше выстроены, хлеба у мужиков изобильнее, народ гораздо смирнее и покорнее. Мы приехали в селение, называемое *Стацовка*, где я была раз тому десять лет, но при всем том узнала дом, где жили Чепелевские; здесь не нашли мы ни хозяйского, ни экономического дому, а остановились в мужицких избах, из которых одна была довольно чиста и велика, а другая, где были дети, немного сыра, но мы нашли средство помочь этой беде. Обили стены коврами и спокойно провели ночь, а на другой день отправились в путь в местечко, называемое *Андрусовка* (*не тут ли был заключен Андрусовский мир*[48]*?*) Тут я узнала весьма приятную для меня весть, что деревня сестры моей Лизаньки в 12-ти верстах отсель, хотела ей дать знать, но заседатель, который был здесь для препровождения нашей роты, сказал мне, что уже

[34*] стесняло (от *фр.* gêner — стеснять).

послал по просьбе сестры, которая знала, что мы должны здесь проходить. Я с нетерпением ее ожидала, она в скором времени с мужем приехала. Не нужно, я думаю, изъявлять радость, не видавшись три года, в которые случилась со мной такая важная перемена (*такая гадкая*). Мы ночевали здесь, по обыкновению имели только дневку и уже делали с сестрой планы, как бы нам проследовать, чтобы до Кременчуга нам не разлучаться. Между ⟨тем⟩ квартирмейстер нам, возвратясь, сказал, что мы здесь приостанемся по причине невозможности переправлять через Днепр, и что следующая нам квартира занята еще Финляндским полком. Я очень была обрадована сему, мы здесь с сестрой очень приятно проводили время. Поблизости сего селения живет помещик *Касьянов*, который знаком хорошо с сестрой и по причине сего знакомства всякий день обсылает нас разными продуктами, которых мы не можем здесь достать купить, и как он живет в весьма малом расстоянии, то мы все вздумали ехать к нему, хотя он — человек неженатый. Я удивилась порядку и чистоте, которые мы нашли у него в доме. Дом довольно большой и прекрасно выстроен и меблирован, а местоположение удивительное. Мы нашли приготовленный десерт, тоже подавали кофий, тут приехала золовка сестры моей Кочергина, мы остались немного, и все поехали домой, а сестра оставалась со мной, мы играли в бостон.

На другой день муж мой получил известие, что мы должны здесь оставаться по причине опасной переправы и что Лифляндский полк также останется и занял все деревни впереди нас. Муж мой, видя по всем обстоятельствам, что мы должны будем остаться здесь дней 7 или более, квартира наша не так была выгодна, чтобы прожить без тягости, вздумал переехать к вышесказанному помещику. Может быть, мы и не решились бы на это, если бы, бывши у нас утром, не предложил это сам. Пользуясь его предложением, поспешили переехать в его дом. Казалось, он был нам очень рад, угащивал нас самым лучшим образом, стол, чай, все было у нас общее с хозяином, после обеда прекрасный десерт, время проводили приятно. В Касьянове мы убивали время более за бостоном, всякий вечер играли: сестра, хозяин дома и капитан Паскевич (*брат фельдмаршала*); мы нашли у него библиотеку и читали книги, играли в биллиард, и так время у нас проходило незаметным образом при всем том, что жили 15 дней, и, наконец, 18 февраля получили известие, что Днепр очистился и Лифляндский полк тронулся вперед, и мы на другой день выступили. С чувством благодарности простились мы с добрым нашим хозяином, но сестра провожала нас далее. Мы въехали на ночлег в селение, называемое *Табурица*, однакож прежде должны были проходить через местечко *Крилов*, сей городок мне очень понравился, местоположение прекрасное, сестра, которая сидела со мной в карете, показывала мне дом, в котором останавливался в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Николай Пав⟨лович⟩ (он был у нас на хуторе, ему поставили стул на пригорке, он в подзорную трубу любовался морем и кораблями: не пришла ли ему тогда мысль укрепить Севастополь, я знаю, что он там был). Дом выстроен довольно велик; наконец, мы прибыли в местечко *Табурица*. Квартира наша была в двух мужицких избах, но до-

вольно велика и чиста, мы там обедали и ночевали. Ночью мы услышали, что погода переменилась, сделался сильный ветер, и брат мужа Павел Карлович (Павел Кар⟨лович⟩ был прекрасный человек, он был сильно ранен в голову сабельным ударом, и над глазом был большой шрам) известил нас, что ветер напрягает, и он велел фельдъегерю переправляться и что несколько эскадронов ожидают на берегу благоприятной погоды, и так мы подвинулись еще ближе к Днепру в *Белоц⟨ерковку⟩*, деревню тетки княгини Кудашевой; остановились в ее доме, где люди ее нас ожидали, имея от тетушки давно приказание все приготовить к нашему приезду. Мы тут имели хороший ужин, и как мы находились уже от Днепра в 7-ми верстах, то к вечеру Иван Кар⟨лович⟩ сам ездил посмотреть переправу. Переночевавши в Белоцерковке, я получила, не зная как быть, пристяжные к переправе, пустились спешным маршем к берегу. Тут уж должны были проститься с милой сестрой, и мы в одно время выехали со двора, только в разные стороны. Приехавши в Крюков прямо на берег Днепра, где уже Иван Кар⟨лович⟩ нас ожидал, паром и шлюпки, все было готово, мы немедленно вышли с карет с детьми. Экипажи наши и большая часть людей были поставлены на большой паром и отчалили уже от берегу. А я с детьми и Амальей Ив⟨ановной⟩ сели в шлюпку. С нами была только Марийка и Наташка, добрый наш Фридрих и унтер-офицер Андрианов, а попутчики наши были какие-то два офицера и солдаты, похожие на инвалидов, и я заметила, что они все были пьяные, и как только мы тронулись, поднялся ветер и вместо сияющего солнца небо покрылось черными облаками. Потом начал накрапать дождик, все это меня устрашало, и чем далее мы плыли, тем более поднималась погода, и как только что мы пристали к берегу и наконец к мосту, по которому должны были иттить с полверсты до берега, вдруг начался дождь с ветром, снегом или градом, так что едва мы могли держаться на ногах; я удивлялась детям, что на них это не делало никакого влияния, они еще бежали и смеялись, кроме один Карленька плакал, и то, я думаю, что в шлюпке, на руках у Марийки уснул и потом просыпается и видит себя на ветру и дождю. Приставши на берег, я так устала, что в силу могла дышать, просила провести нас куда-нибудь в дом, где бы могли отдохнуть. Тут брат Павел Кар⟨лович⟩ попался нам навстречу, он проводил нас к береговому, мы вошли в маленькую комнату, где сидела одна старушка и торговала у купца русского нитки и прочие товары, и я полагала, что это ее жилище. Здесь во всем видна была бедность, и я просила у нее позволения отдохнуть в ее доме, что она охотно позволила. Я увидела маленьких детей и спросила, чьи они. Она мне сказала, что это внуки от дочери, которая была замужем за князем Ратеевым, он здесь береговым приставом и живет здесь, но теперь поехали в лавки. Между тем я вижу, что сам князь с женой и дочерью входят в комнату. Я увидела в нем тотчас обыкновенную грузинскую физиономию доброго и простого человека. Она казалась очень занята своим княжеством. Погода вдруг переменилась, небо очистилось, блеснуло солнце, и я просила Павла Кар⟨ловича⟩, чтобы он нашел нам двое дрожек и отвез бы нас в назначенную квартиру, что было вскоре исполнено, и хотя князь был так учтив, что предлагал нам завтрак, но я не согласилась. И так как мы не могли

все поместиться на двух дрожках, то я прежде поехала с Сашей, а на других Павел Кар⟨лович⟩ с Клименькой и Марийка с Карленькой. Приехали на квартиру русского купца. Квартира хотя изрядная, но, по несчастью, хозяин был вдов, не было женщины, только один мальчик вертелся, кровати не было, где бы отдохнуть. Приехала Амалья Ив⟨ановна⟩ с детьми, с Наташкою и Гришкою. Павел Кар⟨лович⟩ с Фридрихом остались на берегу с намерением переехать на ту сторону, между тем поднялся опять страшный ветер, а мы здесь остались без провизии, без денег. Дети просили есть, ибо уже был час, я не знала, что делать. Подумавши, я заняла в хозяина денег, послала Гришку купить нам хлеба, кренделей, просила хозяина поставить самовар, дать нам чаю и сахару. Он так был добр, что все нам доставил. Между тем является наш Фридрих и говорит, что они с братом по причине сильного ветра не могли переправиться на ту сторону. Я очень была рада, что имею хотя одного человека, послала его тотчас в трактир заготовить нам обед. Он нам приносит 7 блюд очень вкусно приготовленные, и каждого блюда было на две персоны и стало на пять рублей.

Я не чаяла в этот день видеть Ив⟨ана⟩ Кар⟨ловича⟩, но вдруг слышу в сенях стук, и он входит в комнату, я велела подать чаю, потом он поужинал и мы легли спать. На другой день я удивилась скорой перемене погоды, ветер совсем утих, солнце сияло во всем пространстве. Нам дали знать, что рота наша давно уже переправилась, и Иван Карлович уехал к берегу, а я с Амалией Ива⟨новной⟩ отправилась в лавки, чтобы купить разную провизию к дороге. Я нашла большую разницу в цене с прочими городами: сахар, кофий, дорогие только апельсины.

Утром Иван Кар⟨лович⟩ оделся, чтобы с артиллеристами явиться к генералу Богуславскому, о котором я прежде слыхала. Офицеры собрались; после обеда я встретила нашего хозяина Касиянова, он мне сказал: «Вечером придет посидеть с нами»; после мы поехали к старой моей знакомой Варваре Ив⟨ановне⟩ Грубе, но потом я заехала к Драгневичевой, но видела, что ставни у ней закрыты, и нам сказали, что она поехала в деревню к Раздориной. Мы вернулись домой, Касиянов посидел с нами, а я потом письма заготовляла к завтрему, и тем кончился день.

На другой день утром уложились совсем. Иван Кар⟨лович⟩ поехал, чтоб провести роту во всем параде через город и между тем показать ее Богуславскому, который желал очень ее видеть. Я узнала, что смотр будет на площади перед собором, только мы в двух экипажах (я с Сашей, а Амалья Ив⟨ановна⟩ с детьми) в большой карете поехали и остановились возле церкви — я видела, что служат обедню, пошла в церковь, удивилась, что церковь так велика, прекрасно выстроена, а иконостас так стар и беден, и живописи так мало, стены в нем, людей тоже было мало, только были те, которые говеют. Увидевши, что рота приближается, я села в карету. Время было бесподобное, истинная весна. Тут начали приезжать в каретах, колясках и теснились на эту площадь. Потом прибыл Богуславский верхом. Рота начала проходить тихим шагом, потом скорым маршем вокруг площади. Зрителей было очень много, около моего дормеза много всяких дам, я узнала только одну Гельфрейнову, из мужчин только подошел ко мне Толстой, которого я испугалась и, верно, не узнала бы, если бы По-

жидор мне не сказал: «Несчастный в нищете, одет точно нищий». Мне жаль его жену и детей. Потом я видела, что рота пошла уж в улицу по надлежащей нам дороге. Проехавши нашу квартиру, последние экипажи выехали, Богуславский провожал роту за шлагбаум и там простился с Ив⟨аном⟩ Кар⟨ловичем⟩, изъявлял свою благодарность за сделанную ему честь сладким поцелуем и жатием руки, сделал мне низкий поклон и уехал. Иван Кар⟨лович⟩ отпустил некоторых офицеров в город, сам подъехал к ближайшему трактиру, велел дать солдатам по рюмке, сам выпил стакан, и мы пустились далее.

23 февраля. Вышли мы из Кременчуга, шли по прекрасной прямой дороге, где по обеим сторонам виднелись беспрестанно деревни, везде церкви. Сделавши 20 верст, пришли в местечко, называемое *Омельянов*. Оно пребольшое, три церкви; так как его считали казенным, то я полагала, что мы остановимся у какого-нибудь попа или богатого мужика — напротив, нас подвезли к господскому нарядному дому. Вошедши, я увидела и диваны и картины, но никто из хозяев не показывался, кроме двух женщин, которые нам сказали, что их господин — отставной майор, старик, вдов и без детей, но что они все уехали в Кременчуг. По обыкновению обедали. Я полагала, что здесь будет дневка, однако на другой день мы должны были выехать. Отъехавши две версты, мы должны были сделать маленькую переправу через реку *Псел* на двух паромах; наши экипажи переправились, и мы, не дождавшись, поехали в назначенную нам квартиру *Пески*, стоящую на почтовой Полтавской дороге, поэтому мы смело ехали без провожатого, никого не спрашивая, надеясь на почтовую дорогу. Ехавши, я увидела по левой стороне большое селение: на пребольшой горе была церковь, а внизу большой дом каменный, в два этажа, крыша, выкрашенная зеленым цветом. Я прежде полагала, что это *Демидовка*, в которой я была 12 лет тому назад, но потом хорошенько рассмотрела и узнала, что это *Манжель*, деревня Николая Васильевича Капниста. Я тут представила себе живо то время, когда я здесь была почти ребенком, и все припоминала, как сидела в лесу, как бегала по горе, все это припоминала с великой приятностью — а между тем все ехали далее и, наконец, уже потеряли из виду сии прелестные места. Я спросила, где село *Пески*, нам ответили, что давно оставили за собой, и русский мужик нам сказал, что Пески разделяются от Манжели одной рекой. Принуждены были воротиться, отъехавши назад верст 6-ть, увидели в стороне дорогу, которая привела нас в *Пески*. Здесь мы имели дневку. На другой день, это было воскресение 25 числа, и я ходила к обедне. Оставивши Кременчуг, я не переставала искать средства поехать к Петру Васильевичу Капнисту, наконец хотела ему писать, но и это не знала, каким образом сделать, как случай доставил мне это удовольствие. Куплено было сено, и мужик просил очень дорого. Иван Кар⟨лович⟩ велел призвать мужика, чтобы с ним поторговаться, спрашивал, чей он. Он говорит, что с Манжели Капниста и что сено господское; я сказала, что мне нужно отправить письмо Петру Вас⟨ильевичу⟩, он мне отвечал: «Извольте написать, я отправлю с нарочным». Я весьма была рада и дала ему письмо.

На другой день вышли далее, день был настоящий весенний, мы про-

ехали здесь одну прекрасную деревню, где выстроен дом, и весь двор очень хорошо, потом проехали деревню *Хорошки*, принадлежащую знакомому нашему Маслову, а другая половина — Сушковой. Приближаясь к назначенной для нас деревне Буняковке, мне сказали в *Песках*, что она принадлежит одной девице Остроградской и что там очень большой дом, то я и рассчитывала, что мы будем у ней квартировать. Нас везли прямо к ней на двор, однако к какому-то старому флигелю, где Иван Карлович нас ожидал и встретил нас тем, что сия целомудренная девица не хотела нас впустить, но Ив⟨ан⟩ Кар⟨лович⟩ велел насильно отпереть вороты и занял этот флигель. Она сказалась больной. Мы очень хорошо тут пообедали и ночевали и сидели все на дворе, пользуясь бесподобным временем. Церковь у нас была в виду в нескольких шагах, я решила идти к вечерне, но узнала, что в ней никогда не служат, что доказывает хорошую хозяйку, да и видно, что хозяйка очень приветлива.

27 числа пошли мы к *Решетиловке*, время казалось всякий день лучше, но грязь все была более, так что совершенно ехали самым тихим шагом. Но не доезжая Решетиловки, квартирмейстер нас встретил тем, что не ехать туда по причине сильной воды, и потому мы должны поворотить на селение, называемое *Чернега*. Я только жалела, что не видела того места, которое славится выделыванием смушек наподобие крымских. Не доезжая до Чернеги, мне говорят, что прекрасная наша канареечка вылетела из клетки и летает по степи; все наши люди побежали за ней, но она долго нас мучила, летая с места на место. Я уже была в отчаянии, тем более, что Ивана Кар⟨ловича⟩ это бы огорчило, он всегда ею любовался, но наш добрый кузнец Абдулла ее поймал. Все люди из Адамовки, которые так усердны, что раб всегда готов служить.

Здесь мы имели квартиру у мужика очень богатого. На другой день рано утром велела подать кофий, который нам принесла Татьяна. На вопрос, зачем не Пелагея, которая всегда одна варила, нам сказали, что она больна. Я тотчас догадалась, что время пришло ей родить, ее отвели в другую избу. Я не знала, что мне начать делать, ибо мы были совсем готовы выехать. Перед нами был переход в 20-ти верстах, я же знала, что там будет дневка. Но Татьяна приходит и говорит, что она уже родила девочку, очень скоро и благополучно. Я удивлялась, как бог милостив, что он, видно, покровительствует этих мерзких, но при том несчастных тварей. Я после начала хлопотать, как бы избавиться ее ребенка, но все сделать скоро, ибо рота ушла. Экипажи все мы отправили, оставя только дормез и коляску. Мне сказали, что есть молодая женщина, которая согласится ее взять. Ее привела старуха мать, обе тотчас согласились, она просила 200 р., чтобы дала на бедность, и я дала 135 р., а Пелагею хорошо управили, положили в коляску, и мы поехали. Иван Кар⟨лович⟩ мой (*все знают, что он ваш*) был верхом впереди на полверсты от нас; мы выехали опять на большую почтовую дорогу. Не доезжая до места, мы обогнали все наши экипажи, так тихо они ехали, как вдруг Абдулка говорит мне, что на косогоре опрокинута была карета. К счастью, дети не ушиблись, только испугались, но карету очень испортили, т. е. кузов на одну сторону раскололо. Натурально я ужасно испугалась и досадовала, конечно, более на кучера и на

Ив⟨ана⟩ Кар⟨ловича⟩ за то, что, не знавши кучера, поверил ему экипаж с детьми.

Приехавши в селение Супруновка, Иван Кар⟨лович⟩ встретил меня тем, что какое несчастие, тут я с ним немного поспорила, мне так было больно и досадно, что я весь вечер проплакала. Бедная Амалья Ив⟨ановна⟩ ушибла себе руку, а более, я думаю, испугалась, легла в постель, я велела натереть ее водкой с мылом, и она уснула. Здесь мы имели дневку, я рада была за Амалью Ив⟨ановну⟩. Карету починил кузнец кое-как, а я скроила темного ситцу коптырь [35*]. Квартира наша была очень нехороша, даром что у малороссийского помещика. Иван Кар⟨лович⟩ почти насильно отвел нам две комнаты. Я никогда не думала, что малороссияне так негостеприимны, грубы, скупы как помещики и, одним словом сказать, гораздо хуже поляков. Я очень была рада, выехавши рано с этой деревни. Погода была прекрасная, а как мы были 8 верст от Полтавы, скоро пришли туда, но не остановились, а только прошли мимо. Я не могла рассмотреть, но часть города, где мы проходили, мне очень понравилась, тут я видела монумент в память победы над шведами (*если вы встречаете хохла и не знаете, с виткиля? Если из Чернигова, он скажет — с Чернигова завзятый, если из Полтавы — с пид монумента*). Вокруг нас было прекрасно, дома в два этажа, должно быть присутственные места. Тут я остановилась разменять деньги, пока рота не дошла. Нам должно было с прекрутой горы спуститься, и мы все вышли с карет: на левой стороне церковь была окружена большим строением и лесом. Я догадалась, что должен быть монастырь, и спросила у проходящей женщины. Это точно был мужской Крестовоздвиженский монастырь. С этой стороны смотреть снизу на Полтаву, вид совершенно очаровательный; тут виден дом Кочубея, о котором я столько слышала,— сад должен быть в аглицком вкусе, не засеянные аллеи, а как будто густой лес. Это Диканька, виден был дом и беседка в саду. Спустившись с горы, мы проехали четверть версты, как должны были переехать реку Ворскла, которая в сие время разлилась от Полтавы до местечка *Требы*, разлилась, я думаю, версты три, мы местами ее ехали по грязи, а местами водою, которая в иных местах так была глубока, что покрывала изрядные камни; как никак все благополучно переехали. Проехавши эти Требы, затем была прекрасная дорога лесом, и дорога так суха и гладка, как бы в комнате. Я беспокоилась только за Ивана Кар⟨ловича⟩, чтобы он не простудился (*не беспокойтесь, он прожил до 85 лет, а вас похоронил 35-ти лет*), я велела в лесу остановить, а сама вышла погулять, я видела, что он прислал солдата с дрожками, и мне сказали, что он остановился у трактира, велел всем солдатам дать по рюмке водки, а сам хочет сесть на дрожки, и мы поехали к деревне, называемой *Параскеевка*, там расположена была рота, а нам отвели квартиру в одного помещика Магденко. Неподалеку нас встретил хозяин и хозяйка, оба во всей форме малороссы (*отчего такое презрение к ним, кажется, в Грамаклее вы были чистая хохлачка, и говорите и пишете как хохлачка*), но в их домике все было чисто и порядочно. Они отдали нам две комнаты и приняли нас точно как гостей, подчивали кофеем, чаем, ва-

[35*] Мешок для защиты от комаров.

реньем, однако прием их не заставил нас переменить дурное мнение об малороссийских жителях, считал же наш квартирмейстер *Жданов* (*Аркадий его любил и называл Басбуком*), что не деньги их портят; я не знаю, за что они нас так угащивали, не за то ли, что Ив‹ан› Кар‹лович› сказал, что с одним Магденком он был друг и, кажется, наш был родня, а я сказала, что матушка моя из Полтавской губернии, также ей напомнила об Шмаковой: она мне сказала, что они приятельницы. Здесь я не ожидала такого удовольствия, получивши два письма, оба от Астромовой (*она была рожденная Лахман, их было три красивых еврейки: Юля была компаньонка Марьи Антоновны*[49] *и вышла за Кириченко-Астромова. Она была православная, а сын ее иезуит и живет в Брюсселе. Иезуит Гагарин*[50] *говорил мне, что он помешан*), а Ивану Кар‹ловичу› от брата Александра; оба пишут, что ожидают нас с нетерпением. Я тоже должна была писать нужные письма и писала до 12-ти часов, когда все вокруг меня спало. Я просила хозяина отправить в Полтаву, и он мне дал об этом слово, и мы поехали 3-го марта. Переход наш был довольно велик, 30 верст, но я полагала ехать до деревни графа Кочубея, называемой *Гутово*, деревня очень велика и хороша, но нет ни господского, ‹ни управительского› дома, но управительский домик изрядный, где мы остановились. Услышав, что звонят в церковь, и как то была суббота и звонят к службе, пошла было, но пришедши в церковь, узнала, что звонят по умершим, а через час только будут звонить к вечерне, я воротилась, пили чай и все легли спать. На другой день рано отправились в местечко *Калинов* в 15 верстах от *Гутова*. Местечко довольно обширное и жители, видно, сильно зажиточные; оно принадлежит уже Харьковской губ‹ернии›, мы здесь останавливались у одного поселянина на дневку, я была довольна, ибо сумела кончить свой капот, после делала шляпку, продолжала писать свой Журнал, в котором я была назади несколько дней. Завтра мы отправились в село *Кавега*, довольно пространное, местоположение прекрасное, почти все в садах, и жители, видно, весьма достаточные. Не добравшись верст пять от *Кавега*, мы неподалеку от имения графа Д'Олона, называемое *Ливенделовка*, которое он получил за женой и в котором жила ее мать Мартынова[51], сама всегда жила; мне сказали, что он теперь в отпуску и живет с нею в самом Харькове. Нам в Кавеге отвели квартиру в одной вдовы, изрядные две комнаты, и мы, по обыкновению, обедали с офицерством и легли спать, только и перебыли, что видели самую квартиру и разные виды. Из Кавег пришли мы в местечко Люботин в 30-ти верстах, переход довольно был велик, остановились в одной помещицы, но дом ее весьма сиротский, нечистая мебель вся старая, и хозяйка была очень неопрятная, хотя была со мной очень вежлива. После обеда принесла мне кислых яблок, которые я очень люблю. Здесь я должна была разлучиться на несколько дней с Иваном Кар‹ловичем›, чтобы ехать на почтовых до Харькова, мне есть там надобность делать покупки, и после обеда поехала с детьми и Амальей Ив‹ановной›. Хоть несколько часов, но мне грустно было расставаться с Иваном Кар‹ловичем› (*вот полюбился сатана, лучше ясного сокола*). Однакож день был прекрасный и как от *Люботина* до ‹Харькова› остается только 18 верст, то мы полагали,

что засветло туда приедем. Дорога хотя и сухая, была по большей части пески, была причиной, что мы опоздали. Прибыли в 7-м или 8-м часу. По дороге в Харьков мы беспрестанно проезжали, или в стороне, большие и зажиточные деревни, а в 12-ти верстах от Харькова проехали мимо бесподобного монастыря, в лесу строение, место чудесное; прежде, увидя только церковь и дом, а внизу несколько мужицких изб, я и полагала, что это дача какого-нибудь богача, но потом, видя еще две церкви, одна возле другой, и много строения, похожего на монастырь, тут приехал мужик, я спросила его, кому это принадлежит, но он, видно, меня не понял и сказал, что все это принадлежит богатому купцу, который живет в Харькове. После я узнала, что это монастырь, но не могла узнать, какой *(Святые горы, основанный Татьяной Борисовной Потемкиной)*. Проехавши немного городом, я велела спрашивать хорошего трактира, где бы можно иметь хороший обед, ужин и корм для лошадей, но сначала наши вопросы были неудачны, все попадались нам женщины, которые шли в церковь, которая была освещена и отправлялись поклонные вечерни. Наконец один русский мужик взялся охотно проводить нас в, по его мнению, самый лучший *Оберст*. Я послала человека вызвать трактирщика, вместо которого пришла трактирщица и рекомендует нам постоялый двор русского купца напротив, а наше кушанье мы можем иметь у нее. Я очень была рада, ибо я не терплю трактиров, мы приехали к доброму русскому купцу, который отвел нам две комнаты во втором этаже изрядные, все прочие были заняты проезжающими. Для нас согрели самовар. Мы пили чай и легли спать. Я с нетерпением дожидалась рассвета, который нас соединит с Иваном Кар⟨ловичем⟩. Все располагала, что надо купить, заказала обед, велела купить хлеба, который здесь очень хорош, а за обед за пять блюд по три рубли с персоны я нашла очень дорого. Квартира наша была на большой улице, где беспрестанно проезжали разного классу люди, и все больше военные, и по различным мундирам видно было, что из разных полков. Я увидела наш обоз, потом лазарет, я обрадовалась, полагая, что рота должна быть близко, но после этого еще я вижу, что наш доктор Багулевич идет мимо нашей квартиры. Я наверное знала, что он нас ищет, послала к нему. Он пришел и вдруг меня испугал, сказавши, что Иван Кар⟨лович⟩ ехал на дрожках, ось сломалась и лошади понесли, и он соскочил без всякого вреда, а Ивана Кар⟨ловича⟩ понесли далее, но, к счастью, остановились, и он без всякого вреда соскочил с дрожек, едет верхом, а рота еще оставалась позади. Наконец Ив⟨ан⟩ Кар⟨лович⟩ подъезжает к дому бодр и весел. Рассказал, что при въезде в город повстречал графа Д'Олона, что он его узнал, тоже помнит меня и обещал быть тот же вечер у нас. Я было хотела съездить в лавки, но пришедшие гости, знакомые Ив⟨ана⟩ Кар⟨ловича⟩, помешали. Первый — полковник *Граббе*[52] *(почище Ивана Карловича)*, прекрасный молодой человек, потом другие, а теперь и родной Пузанов, родной брат тому, который женат на Драгневичевой, человек он не дурак, но собою не авантажен, а бакенбарды его ужасны, но он удивительно как полюбил нас, точно как родной с нами обедал и во все время нас не оставлял *(Этот должен был быть вроде Ноздрева)*. Прошли другие все артиллеристы, наконец показалась наша рота, все по-

шли смотреть, как она прошла мимо города в селение, называемое *Даниловка*, расстоянием в 10-ти верстах от Харькова, а мы весь тот день оставались в Харькове, с нами обедал *Ган*, адъютант графа *Палена*. После обеда я поехала с Амальей Ив⟨ановной⟩ в лавки. Цены в разных продуктах никакой разницы с Кременчугом, хотя лавок здесь изобильнее. Улицы сухи, не так грязны, как в Полтаве. Мне очень хвалили магазин *Витковского* и что там можно все найтить. Правда, есть довольно хорошие вещи, как то: фарфор, хрусталь, и все почти петербургской фабрики, бриллиантовые фермуары, но то, что нам нужно было, не нашли, и потому купили только на 100 рублей. Потом я ездила с Иваном Кар⟨ловичем⟩ в Спассков трактир, где продаются самые лучшие водки, ликеры и вина. Мы велели позвать хозяина, он приходит, и я узнаю в нем одесского, бывшего в Андросовой лавке. Он нам сказал, что отец его — содержатель трактира. Мы велели ему принести к нам на квартиру водки. Мы у него много купили, и он, ради моего знакомства, уступил на каждой бутылке по рублю дешевле. На другой день мы расположились рано выехать, но нас задержали письма, которые мы должны были писать в Херсон (*вероятно, чтобы взять из нашего капитала 300000, что нам принадлежит*) и доверенность засвидетельствовать того же утра. Того ж утра приехал к нам граф Д'Олон. Я нашла, что он похудел, кажется авантажнее прежнего, а более, я думаю, генеральские эполеты и ордена. Он также и мне пофлятировал[36*], сказал, что я ничего не переменилась. Клеминьку он нашел, что он очень похож на покойного (*а кто был покойный — разве вы подавились бы, сказавши: отца?*), просил нас остаться этот день и быть у него, но мы учтивым образом отговорились (*еще бы, что делать Арнольди у порядочного человека*). К нам опять пришел Пузанов (*вот это каналья по нем, воображаю, что это была чисто гоголевская фигура*), который с нами не расставался, проводил нас в карету, был уже 3-й час.

9 марта оставили мы Харьков, на ночь приехали в Даниловку. Квартиру имели в маленьком господском доме. По обыкновению все было одно. Мой Иван Кар⟨лович⟩ пошел в баню, а я пошла спать. На другой день погода была очень дурная, туман, дорога тоже была очень дурная, сыпется снег сверху, а внизу вода. Мы уже отсюда должны были взять дорогу, противную маршруту и иттить на Белгород по причине разлития реки, называемой Донец, в Волчанске, и хотя мы шли по Белгородской почтовой дороге, но с затруднением переезжали мелкие лощины, и все почти ехали шагом, потому нам переход до деревни *Черемошни* показался в 30 верст, а не более было 25. Деревня Черемошня летом показалась бы нам раем, ибо вся расположена между горами и небом, но по причине дурной дороги спуск с престрашных гор показался нам адом. Мы доехали до нашей квартиры, и я нашла уже, что мой Иван Кар⟨лович⟩ (*даже наши все знают, что он ваш, когда им делитесь с Марийкой, Наташкой и Филипповной*) сидит с хозяйкою, изрядная, хотя и худая фигура, она нам отдала три комнаты. Переночевавши здесь, на другой день мы рано пустились в путь по такой же песчаной дороге. Погода все была пасмурная

36* От *фр.* flatter — льстить.

и туман, но приближаясь к Белгороду, начинала переменяться, показалось солнце, и с горы мы увидели прекрасный Белгород, который, казалось, наполнен церквами и монастырями, и я от любопытства насчитала 13 церквей. Тут мы должны были спуститься с большой горы. Иван Кар⟨лович⟩ прислал нам солдат навстречу, чтобы осторожнее спуститься с горы, и мы очень хорошо переехали через грязный мост. Мы остановились в доме русского купца против девичьего монастыря. Я тотчас спросила хозяйку, где жила грузинская царица, она мне сказала, что здесь, в этом монастыре, в котором также находится Корсунская божья матерь. На углу монастыря была маленькая часовня, и я видела монахиню с колокольчиком, она собирала на церковь. Я пошла к ней и спросила, кто у них игуменья, она мне сказала, что игуменья очень рада, если ее навещают, и что у них делают прекрасные ковры, я ей сказала, что приду к вечерне и зайду к игуменье. Тут я узнала, что в соборе лежит св. Иоасаф, которому тоже служат *панифиды*, и он многих излечивал. Итак вечером я пошла к вечерне, которая служилась в маленькой теплой церкви, которая уже этой игуменьей построена, с того дому, где жила грузинская царица. После вечерни я пошла к игуменье; она очень ласково приняла меня, расспрашивала меня обо всем и удовлетворяла мои вопросы касательно их образа жизни. Она живет не пышно, но чисто и порядочно, показывала мне образа, которые вышивает фольгой, и девушки, которые ткут ковры совсем иначе, чем те, которые в наших местах работают. Один мне очень понравился, я просила ее прислать к соседу, он направит Ивану Кар⟨ловичу⟩, мы его купим. Она прислала, и мы заплатили 100 р., кажется, недорого. Так здесь была дневка, время было прекрасное, теплое, мы ходили с Амальей Ив⟨ановной⟩ в собор, отслужили панихиду, прикладывались, и я видела лицо и руки, как у живого, только что высохшие и черные. Меня какой-то невольный страх объял. Священник дал мне немного хлопчатой бумаги, которой он обтер лицо и руки. Отсель пошли мы в монастырь слушать часы, ибо то был вторник. Выслушавши часы, игуменья пригласила нас к себе на завтрак, и мы с ней занялись. Мы увидели, что Иван Кар⟨лович⟩ с братом Осипом Кар⟨ловичем⟩ и с доктором приближался, и мы поняли, что время обедать. После обеда занялись обыкновенным нашим провождением времени, а Иван Кар⟨лович⟩ всегда хлопочет: одно купить, другое починить, отдает разные приказания по службе (*точно Наполеон*), в забирании также фуража, подвод и пр.

На другой день поехали в деревню *Шляхово*, здесь в первый раз увидела я курные избы, точно курятники. Для нас нашли одну с печкой, но вся она черная, не вымощенная, только всего два окошка и темно, но я была рада, что не видели тараканов. Мы только переночевали, а на другой день зашли в деревню *Новослободка*, все такие же курные избы. Русские люди, женский костюм — носят на голове род повойника, но сверху покрывается полотенцем, но народ кажется очень беден, одеты точно нищие, хотя видим в них довольно хлеба. В этой слободе отвели нам квартиру у священника, здесь мы только переночевали; на другой день, вставши рано утром, узнали, что вечером, когда мы были уже в объятиях Морфея, приехал к нам полковник *Мазараки*, приятель и бывший под коман-

дой Ивана Кар<ловича>. Так как он со своей ротой стоит в местечке *Корача* в 13-ти верстах, которое мы должны проходить тот день, Иван Кар<лович> мой был очень рад его видеть, он мне сказал приятное известие, что только четыре дня он был в Курске и видел брата Митеньку и что он послал к нему нарочного сказать о нашем приезде. И так я опять поехала: ночлег был у одного помещика Сушкова, я была в вечере, но везде у него грязь и скука, и я рада была, когда оставила его жилище. Я приехала в *Старый Оскол*, который довольно просторный, в нем есть прекрасные дома, много лавок; мы стали в прекрасном купеческом доме, тут нам была дневка, и как от Старого Оскола до Воронежа не более 120 верст, это была уже последняя неделя поста, мне казалось, что я сумею там говеть, притом же мне Иван Кар<лович> советовал с уверением, что, по его расчету, он приобщится в 10 верстах от Воронежа в первый день Христова Воскресения и что он может приехать ко мне в первый день праздника. Хотя я долго колебалась, но при всем том решилась ехать в дормезе с Сашенькой, девкой и человеком, взяла подорожную на 6-ть лошадей. Иван Кар<лович> меня провожал до реки *Оскола*, которую должно было тут же в городе переезжать. В сухое время переезжают через мост, но теперь поверх моста была вода по брюхо лошадям, и как была маленькая опасность, то мне советовали переехать в лодочке, такой маленькой, что лишь я с Сашенькой могли сесть. Исправник сам был моим лоцманом, мы переехали очень хорошо, также и экипаж. Иван Кар<лович> переехал на ту сторону и тут же со мной простился. Мне было очень грустно, но утешала мысль, что я до первой станции имела бесподобную дорогу, и я полагала, что так будет продолжаться до Воронежа. Меня на станции подвезли к курной избе, вышли русские ямщики, собираются запрягать; я спрашиваю, кто здесь хозяин, записывать подорожную; мне отвечают: мы все хозяева, и подорожную не нужно записывать. Меня этот ответ удивил, и я просила скорее закладывать, но они начали мне отсоветывать ехать против ночи, что было уже 5 часов пополудни, уверяли меня, что дорога далее очень дурна. Я им не хотела верить и потому велела непременно запрягать. Когда все было готово, я видела, что на козлы сел 15-летний мальчик, а форейтор немного старее его. Я хотела переменить, но они сказали, что по череде им досталось. Не успели проехать полверсты, увидели, что снег показывается, и чем далее мы ехали, тем более находили снегу, так что отъехавши три версты, карета остановилась в снегу, и сколько ни было лошадей, никак вытащить не могли. Я принуждена была послать своего человека верхом, чтобы он привел людей нас вытащить и пару лошадей; между тем наступила ночь, но, к счастию, были светлые ночи, и месяц сделался довольно велик. С нетерпением я ожидала, я думаю — час, возвращения человека. Наконец, он привел двух лошадей и людей, которые с помощью друков <вытащили>, и еще взяли двух провожатых до будущей станции. Мы проехали всю ночь; не доезжая до станции, провожатые стали просить, чтобы и их переменить, что они прозябли, а как я сама очень устала, и жалко мне было своего человека, он почти всю станцию шел пешком, то я и велела заехать в избу самую лучшую. Хотела там отдохнуть до света; вошедши в избу, я испугалась, нашедши

ее грязною, и горящая лучина, от которой был дым и угар. И так я уговорила Сашеньку здесь остаться с девкой, а сама пошла в корчму, где уснула немного, ибо вскоре начало светать, и мы со светом пустились в путь по весьма дурной дороге к городу, называемому Новодевицк, не доезжая коего версты три, на пребольшой горе, остановились лошади, коих было десять. Мы здесь стояли с час, и я хотела послать в город за людьми, но, к счастью, подъехал наш солдат, который был прежде послан за справками в Девицк. Он нам помог взъехать в гору, и я боялась, чтобы он не напугал Ивана Кар⟨ловича⟩, написала ему записку карандашом и поехала прямо на почту, где переменила лошадей и, напившись чаю, тот же час поехала далее, полагая тот же день быть в Воронеже, но со мной исполнилась старая пословица: l'homme propose et Dieu dispose [37*]. Проехавши версты четыре, опять заехали в такой снег, что одно колесо почти до половины было покрыто снегом. Как ни придумывали, как бы нам выехать, вдруг является солдат, проходящий мимо, подходит, начинает с большим усердием вытаскивать карету. Я спрашиваю, какого полка, и узнаю, что таже артиллерийский, идет в отпуск в Воронеж. Я удивилась его усердию, а он почти один поднимал карету, пот лил ручьями с его лица, и точно бы можно с помощью вытащить восемь лошадей, но ямщики были такие мерзкие, не хотя принимать, жалея своих трудов, и потому все оставалось на одном месте. Потом подъехало много извозчиков, их просила нам помогать, в чем отказа не было, и начали тащить, я думаю, 20 человек, но и тут ничего не сделали, даже с места не стронули, но бог послал нам помощь. Исправник, проезжая для встречи роты, подъехал ко мне, просил не беспокоиться, видел, что вперед нельзя вытащить, велел подать назад, и тогда уже вытащили, запрягли лошадей и поехали через другой переезд (*теперь, при железных дорогах, и во сне не приснится такое происшествие*). Я очень благодарна была исправнику, но тут уже потеряла надежду быть тот день в Воронеже. Приехавши в селение Турово также прямо на почту, нашла смотрителя и узнала, что до Воронежа надобно переехать *Дон* на пароме, расстоянием от Воронежа в 10 верстах, да от *Турова* до переезда верст 30, хотя здесь версты меньше наших, здесь почти саженные, а у нас семисаженные. Однако было уже 6 часов пополудни, потому я осталась здесь ночевать. Меня было хотели везти к священнику, но как это было далеко от почты, не поехала, хотела ночевать на станции, но карета не подошла в ворота, а здесь обыкновенно, что каждый мужик имеет крытые ворота. Против почты я видела у мужика довольно высокие, велела вымерить и очень была рада, что карета могла ехать на двор. Хотя мне говорили, что изба курная, мне это не помеха и я нашла очень доброе семейство и довольно чисто. Хотя в избе были полати, но для меня их стащили на двор, и я нашла две чистые лавки, где велела сделать постель себе и Сашеньке. Вечером не велела топить, а вместо их лучинушки зажгла свою восковую свечу и этим услужила хозяйке, ибо она всю ночь просидела у свечи, поспешая к празднику шить рубахи, любовалась, что горит свеча, да еще восковая. А муж ее, старуха мать и дети, все влезли на полати и там ночевали.

[37*] Человек предполагает, а Бог располагает.

Я удивлялась, как они могли вынести такой жар. Внизу была такая теплота, что я открыла возле себя деревянное окно без стекла. Я удивлялась простоте этих людей, точно дикий народ! Все, что видели у меня, всему удивлялись. Я подарила ее дитяти шелковый платочек, она так была рада, точно помешанная сделалась, кланялась, на знала как меня благодарить. Наречие их такое странное, особливо женщин, что я и мало понимала. На другой день, напившись горячего, поехали мы далее. Одно воображение, что через несколько часов я буду в Воронеже, меня восхищало, я начинала уже забывать ужасные беспокойства, страх, все претерпеваемые мучения, при том же и дорога была лучше. Беспокоила меня еще река *Дон* в деревне *Самолуки*. Подъезжая к берегу, не видела на той стороне ни деревни, ни почтового двора, спрашивала здесь, где я там возьму лошадей, мне сказали, что надо на сей стороне взять *обывательских*, с ними переехать и они доедут до Воронежа. Итак, я послала отыскать старосту, велела ему собрать лошадей, а сама поехала к берегу. Река была очень узка и вода была чиста от льду, но меня уверили, что они замечают по воде, что скоро должен иттить лед, и тогда нельзя будет переехать, и потому я очень поспешила и, благодаря бога, мне не было тут остановки, переехала очень хорошо на пароме и поехала по прекрасной и сухой дороге к Воронежу, который издали был уже виден (*читая, вероятно многие из них не читали Геродота: он, вероятно, видел какое-нибудь селение и спросил, как название; ему сказали, но притащили ворону — он в своем любопытном путешествии у скифов назвал это место Ворона, а ныне Воронеж*). Приехали в город, я велела везти нас прямо к приятельнице своей Астромовой; ее муж там при должности губернского прокурора. К счастью, ямщик знал его квартиру. Проехавши небольшую улицу, он повернул влево и подвез меня к весьма хорошему двухэтажному дому. Взглянувши на свою любезную *Julie*, которая, по всему обыкновению, смотрела в лорнет, я не помню, как взбежала на лестницу и бросилась к ней на шею, она тоже обнимала с дружеским восторгом. Я нашла в ней большую перемену, она была желта, худа, причина сему была лихорадка, продолжавшаяся уже два месяца; она также нашла во мне некоторые перемены. Мужа ее не было дома, дети ее меня узнали. Она не знала, чем нас угостить. Они были после обеда, но она приказала сделать мне маленький постный обед, ибо была страстная пятница; сама она ничего не ела в тот день, дабы Господь избавил ее от лихорадки, и тот день она ожидала, но ее не было. Провели вечер очень приятно в разговорах. Хотя для нас была приготовлена комната внизу, но она не хотела отпустить меня одну до приезда Ивана Кар⟨ловича⟩ и детей, и мне приготовлена была постель в гостинной, и Сашенька тоже со мной.

На другой день поутру я ездила в церковь приложиться к плащанице и была все очень весела в надежде, что увижу Ивана Кар⟨ловича⟩ и детей в первый день праздника, как вдруг приходит человек и говорит, что меня спрашивает офицер. Я вышла в залу, нашла там точно офицера *Лихачова*, он приехал с Усмани нас здесь встретить. Я была очень рада, когда он мне сказал, что сейчас едет далее, дабы найтить роту, и так, поговорив с ним об наших новых квартирах, не удерживала его более. На другой день, светлое воскресение, вставши рано, я со Астромовыми поехала в церковь их при-

хода, не хотела ехать в собор, полагая, что здесь меньше будет народу, тем менее еще чиновников, но мы ошиблись: как тех, так и других была куча, теснота страшная, но мы стояли в таком месте, что нас не беспокоило, ранее других уехали домой, где любезной хозяйкой приготовлен был завтрак и кофий, все, что кто хотел. Но я не долго была весела. Явился опять наш Лихачов и сказал, что он вернулся, потому что никак нельзя переехать через *Дон*, по которому идет большой лед, что рота не пришла еще к берегу. Нечего было делать, как иметь терпение. Астромова пригласила нашего офицера обедать. Все утро приезжали с визитами, и по множеству экипажей я могла заключить о величине города; тут я нашла старого знакомого и мне по родне свояка, пастора *Вебера*: брат мой Шмаков женился на родной сестрице. Потом я видела много мужчин, в том числе губернатора, который в разговоре между прочим говорил, что ждет 17-ую конную роту, но река *Дон* так разлилась, что навряд ли через неделю может переехать, что меня очень огорчило. Я полагала, что губернатор, верно, известнее всех, так как он обязан споспешествовать в переходе войск: между тем время было бесподобное, солнце сияло, было тепло, и я не могла понять, отчего и откуда лед взялся. Офицер наш меня успокоил, что послал солдата проведать, проходит ли рота.

На другой день приезжали многие в дом, и милая Астромова, хоть не так здорова, принимала единственно для меня, чтобы меня развлечь. Познакомила меня короче с любезным семейством *Дебальцевых*. Он и она — препочтенные старики, имеют трех дочерей: старшая нехороша и ряба, но имеет что-то приятное и очень мила и скромна, вторая недурна собой, а третья — красавица, но ее еще не вывозят. Они екатеринославские помещики, богатые, получают доходы ок‹оло› 40000, но в Воронеже имеют дом и потому живут здесь. В прошлый год они провели 6-ть месяцев в Петербурге, дочери брали уроки у *Фильда (Фильд был англичанин и сочинял des nocturnes*[38*]*, никто не мог играть их, как он их играл. Лист, когда был в Петерб‹урге›, играл их на одном концерте. Екатерина Андреевна Карамзина, которая часто слышала Фильда самого, мне сказала, что он несравненно играл лучше Листа. Я это сказала Листу, он мне сказал: «Elle est parfaitement raison»*[39*]*, он предпочитал игру Фильда игре Шопена)*[53], и они профитовали[40*]. Это мне сказала Астромова, которая сама большая мастерица. Прочие дамы — порядочные карикатуры, исключая еще одной Шкидановой: прекрасная собою, недавно замужем и со вкусом одета. Еще я видела даму, в которой на фабрике делают шали наподобие турецких, я никогда бы не подумала, что она не настоящая, я, которой так известны турецкие шали. Астромова сказала, что они не будут как турецкие, но лучше, чем купавинские (*купавинские делали у Юсупова. У помещицы Колокольцовой, кажется в Саратовской губернии, ткали шали. У императрицы Александры Феодоровны была пунсовая — ткань совсем особенная, и красная краска особенной красоты. Купавинские шали носили только купчихи).*

[38*] ноктюрны.
[39*] Она совершенно права
[40*] От *фр.* profiter — извлекать пользу.

На третий день праздника, т. е. 27 марта, я увидела, что наши квартирьеры приехали, потом аптечный ящик; я уже не сомневалась, что рота переправится, потом я вижу, что все наши экипажи проезжают мимо дому, я послала их встретить. Первые приехали дети с Амальей Ив⟨ановной⟩. Хотя сказали, что нам отведены квартиры, и Иван Кар⟨лович⟩ велел прямо туда ехать, но Астромовы не отпустили. Амалья Ив⟨ановна⟩ сказала, что рота хотя переправляется, но к обеду не поспеет переправиться, и мы обедали, не дождавшись Ивана Кар⟨ловича⟩. После обеда мы увидели, что весь народ во всех углах бежит, и я догадалась, что наша рота идет, и не ошиблась. Рота шла во всем параде, в загородном селении река Воронеж разделяет сии селения. Я узнала, что мой Иван Кар⟨лович⟩, проводивши роту, возвращается в назначенную для нас квартиру, велела запрячь карету Астромовой и поехала на квартиру. Не успела приехать, и он встретился; не могу выразить радость, которую я чувствовала (*вы радовались и не знали, что он грешным образом пытался оскорбить вашу дочь, а когда Амалья Ив⟨ановна⟩ ему сказала, что скажет вам, этот мерзавец ответил: «Я тебя убью, скверная старуха!»*), я с ним тотчас поехала к Астромовым и успела познакомить его с ними; мы ужинали и легли опять внизу (*и тут этот урод опять хотел меня оскорбить, но я убежала к Наташке*).

На другой день дневки Иван Кар⟨лович⟩ мой ездил к Столыпину и к своему старому знакомому, председателю *Бедряге*, а я была у *Вебера*, мне было очень приятно видеть пасторшу Екатерину Ив⟨ановну⟩, она, мне кажется, помолодела, разговор наш был больше о Капнистовых и об моих родных. Вечером приехали Дебальцовы, с ними ужинали и провели время очень приятно. На другой день я должна была ⟨проститься⟩ с милыми Астромовыми, и мы по-прежнему потащились в поход, но дорога была изрядная. Мы еще две ночи ночевали, хотя только 60 верст от Воронежа до Усмани, на третий день в 11 часов приехали в Усмань, но еще за 7 верст были встречены чиновниками и помещиками, которые провожали нас в город, где при вступлении был молебен с пушечной пальбой. Усмань в Тамбовской губернии, в нем не более трех тысяч жителей. Мещане довольно зажиточны, судя по их наряду; женщины носят на голове гарнитуровые платочки всевозможных цветов. В старину попадьи их надевали. Однажды император Александр Пав⟨лович⟩ встретил в коляске, а попадья была вся в розовом и в модной шляпке, хотел сказать Синоду, чтобы приказали одеваться поскромнее и носить потемнее, но это не состоялось, и ныне даже в деревнях эти дуры носят платья с хвостами и надевают их даже в церковь и не чувствуют, что им к лицу как корове седло. У усманских мещанок рубахи миткалевые, они носят в воскресенья и праздничные дни парчовые душегрейки, ожерелья из безрядных жемчугов, тоже и серьги; зимой эти душегрейки почти до колен и обиты куньим мехом. Они вообще красивы, но, по несчастью, белятся и сурьмятся, опять-таки зубы их черны. Мужчины носят кафтаны, обитые козьим мехом, летом в накидку на кумачовую рубаху, а зимой — в рукава.

Усмань

Дом, в котором мы жили, был, конечно, о пяти окон: три окна в зале, одно в диванной с дверью на балкон и одно в спальне полковницы и полковника, а за этим была наша комната для Амальи Ив⟨ановны⟩ и для меня. Этот дом был странно построен: довольно высоко, как будто в два этажа, а, между тем, внизу ничего не было, кроме сплошной деревянной стены. На дворе были две комнаты, которые считались кабинетом Арнольди. Далее на дворе была кухня и огород, а налево от дома сараи и конюшни. Вправо от дома была гауптвахта, налево площадка, на которой был праздничный развод. Против дома была небольшая церковь, в которой никогда не служили, и перед церковью стоял юродивый в белой рубашке, подпоясанный красным кушаком, без шляпы и босой. Если ему бросали деньги, он своей длинной палкой их отбрасывал. Влево от площадки был собор. Братья мои спали в зале на тюфяках, одеяла — еще старые, одесские, парчовые, оранжевые с серебряными цветами. Они утром молились с Фридрихом «*Vater Unser*» [41*]. Фридрих приютился в уголке на ночь у самого ватерклозета. А я ложилась с Амальей Ив⟨ановной⟩. Полковник обычно делал свой туалет на балконе; раздетый, как Вазари, по пояс, он блевал и утирал себя полотенцем, брызгал, фыркал, щипцами выдергивал волосы из ноздрей, а после этого я должна была нести чай. Вижу теперь эту чашку с крышкой. Я рассказывала Гоголю про его мытье, и он это вывел генералу Бетрищеву [54], с той разницей, что серебряная. Нам приказано было целовать эту наглую руку, мы прикладывались к ней и громко плакали. Приказано было звать его папенькой. Мы говорили: «Петрушка!» «Что вы сказали?»,— спрашивал он гневно. «Мы сказали: *папаша*». Боже, что накипело негодования и злобы в наших детских сердцах! Карленька жил с Марийкой внизу, и его никогда не носили наверх. А он был болен, у него выходила кишка, и он был самый кроткий и милый ребенок. Одна наша добрая заступница Амалья Ив⟨ановна⟩ всякий день к нему ходила. Полковница заставляла меня вышивать по канве шелком и все просто крестом и какой-то странный узор. Я беспрестанно ошибалась. Меня за это ставили в угол. Я к Амалье Ив⟨ановне⟩ смело ходила, чтобы получить немного кофия, который она сама варила на конфорке и пила с густыми кипячеными ⟨сливками⟩. Утром нам давали вечное молоко с булкой, а на второй завтрак в 12 часов Арнольди сказал, что довольно с нас пеклеванного. Делали тартины с маслом и редькой: он объявил Амалье Ив⟨ановне⟩, что сыр слишком дорог. Иногда Дмитрий посылал нам тайком телятину или холодную говядину.

Я раз слышала ужасный крик у гауптвахты. Несчастный рядовой кричал: «Ваше высокоблагородие, за то, что одна пуговица худо пришита, 500 розог!» Амалья нас увела в сад. Нас водили гулять по усманским улицам, всего была одна длинная влево от дома, проходя мимо окошек капитана Паскевича, который сказал: «*Une moche de chienne*» [42*] (его Арнольди назвал за это циником). Перед его окном стояла пьяная Улька, она никог-

---

41* Отче наш (*нем.*).
42* Букв.: грязная собака (или: грязная скотина).

да не шила, но переваливалась с ноги на ногу и была тоже юродивая. Он ей говорил: «Что Улька, брат мой Федор глуп?» — «Глуп, а будет фельдмаршалом». «А я?» — «Ты умен, с неба звезды хватаешь, а будешь вечно капитаном». «А знаешь ли ты, что безногий черт задал рядовому 500 розог за то только, что у него одна пуговица была дурно пришита? Попадись он мне и Бремзену, как бы мы ему с радостью закатили 1000!». Паскевич никогда не был в нашем доме. Бремзен стоял не знаю где со своей батареей, был отличный командир и человек образованный и, конечно, не мог сойтись с неучем, как наш милый отчим.

«Жаль мне деток,— говорила Улька,— ведь он, говорят, грабит и пустит их по миру». Ведь юродивые все знают и видят, что в доме творится. В 5 часов собирались офицеры в залу, где обедали. Он à la tête de la table[43*], а возле него его адъютант болван Жданов. Мы на том конце стола с Амальей Ив‹ановной›. Арнольди всегда находил случай оставить братьев без пирожного. Если были пирожки с вареньем, Амалья Ив‹ановна› тайком их прятала в свой ридикюль, и он их выкрадывал у нее. После обеда запрягали коляску нашими старыми лошадьми, а кучер и форейтор были в каких-то странных армяках, подпоясанные красным кушаком. Мы один день ездили к полковнику Гакебушу, где нас угощали кофием, ягодами. У них росли оврикулы, которые мы называли звездочки, и пахучий калуфер. Как попал Гакебуш из Одессы в Усмань, мне неизвестно. Они были бездетны и большие приятели Амальи Ив‹ановны›. А на другой день мы ездили в лес, где рыжий мужик нам давал прекрасный ржаной хлеб и соты с медом. В лесу мы собирали грибы и ягоды. За обедом полковник рассказывал турусы на колесах о своих воинских доблестях, потом потешался над Паскевичем и пьяной Улькой, ему Жданов, его лазутчик, все пересказывал. ‹нрзб.›. Противный Осип Кар‹лович› тоже ко мне приставал. Он был красив и ловок, но очень развратен, женился на какой-то княжне Хованской. Она с горя умерла, а что с ним было, не знаю. Когда и где родился Саша Арнольди, не знаю. Для него наняли рыжую, рябую и гадкую няньку Аннушку. Осенью, когда нельзя было выезжать в коляске, мои братья обязаны были возить Сашу в санках по зале, и не будь Фридриха, они бы его ударили головой о какую-нибудь мебель.

Воскресенье для меня была чистая каторга. Меня завивали, причем маменька беспрестанно повторяла, что я урода, и я ездила с ней в собор, где была сумасшедшая женщина, которой я боялась, и она заставляла меня подавать ей медные пятаки. По возвращении домой приезжал на паре в дрожках хромой городничий Белелюбский поздравить с воскресеньем (это принято в губернских городах, и в Калуге к нам приезжали с поздравлением по чинам), потом стряпчий Баросов, совершенно испитой и вечно в пуху, от него несло сивухой, вечером он играл в бостон, какая-то старуха, которая родня какой-нибудь важной персоны, помещик Прибытков с женой и дочерью, помещик Федоров с женой и десятилетней девчонкой тоже оставались на бостон.

Эти Федоровы были совершенные Маниловы: льстили полковнику и

43* во главе стола (*фр.*).

полковнице самым отвратительным образом. Закатывая глаза к потолку, Федорова говорила: «Какое счастье для детей ваше второе замужество, что они нашли такого нежного и заботливого отца». На что последовал, конечно, утвердительный ответ, а подлую девчонку мне ставили в пример благодарности и нежной дочерней любви. Мне было так гадко, что я молчала. Верстах в 10 жили помещики Болховские, они были очень горды, потому что были потомки Болховских князей (последняя из княжен Болховских вышла замуж за мещанина этого города). Граф Блудов был тогда министром внутренних дел, она просила помощи у государя, который приказал ей выдать 10000 асс. Она купила домик и была очень счастлива. Sic transit gloria mundi [44*]. У Болховских было две дочери и при них была гувернантка француженка. Она для практики заставляла их играть комедию сочинения m-me Жанлис. Узнавши, что я говорю по-французски, от Болховских приехали звать маменьку погостить у них. Он очень сухо обошелся с Арнольди. Я играла у них в комедии «Les deux colombes [45*]. Рядом с нами жил Петр Ив‹анович› Бунин [55], который звал нас к нему на именины. Петр Ив‹анович› показывал Саше, сделанное из бумаги, и на отделке вместо шелку был простой картон. Анна Ив‹ановна›, сестра его, была сочинительница очень плохих стихов, и при сей верной оказии писала стихи брату. У них за обедом подавали буженину. Это блюдо совсем позабыто, оно очень вкусно приправлено разными специями по-старинному. Была также маринованная *дрофа*, по-фр‹анцузски›, кажется, *outarde*, по моему мнению, прегадкая, полусладкая утка. Было бланманже, красное или полосатое, кроме того пирожное, и пили за здоровье дорогого именинника́ *цимлянское*. Гакебуш не посещал дом полковника Арнольди.

Вскоре получилось известие, что князь Яшвиль приедет делать смотр 17-й конной артиллерии. Лицо Яшвиля было очень неприятное, что-то суровое и холодное, и он участвовал в страшном убийстве в Михайловском дворце [56]. Ему очистили залу, а братьев перевели вниз. Он остался доволен и прибавил, что надеется, что государь тоже будет доволен, что его на днях ожидают в Борисоглебске, где была батарея Бремзена, которым он был чрезвычайно доволен. Наконец получили известие, что приедет император. Весь дом очистили, выколачивали мебель, обили новым ситцем, выписали провизию из Воронежа на почтовых тройках. Государь и князь Петр Михайлович [57] одни поместились в доме, нас всех перевели вниз. С государем был его камердинер и метрд'отель Миллер, которому служил наш Дмитрий, к счастью, в трезвом виде. Матушка родила за две недели перед тем дочь. Государь изъявил желание ее видеть. Первая комната была завалена подковами, сбруей и прочей дрянью. Не обращая внимания на беспорядок, государь сказал: «Мы с вами старые знакомые, если ваша дочь не крещена, я хочу быть ее крестным отцом и желаю, чтоб ее нарекли Екатериной. Avez-vous quelque chose à me demander» [46*]? — «Государь, я озабочена воспитанием детей».— «Вашу дочь я помещу в Екатерининский

[44*] Так проходит слава мира (*лат.*).
[45*] Две голубки.
[46*] Хотите ли о чем-либо просить меня?

институт, брат Михаил, как артиллерист, будет платить за нее, а этих молодцов я беру на свой счет в Пажеский корпус: кажется у вас есть еще сын Карл Александр — и его помещу туда же на свой счет». У царских особ особенная память: он не забыл, что обещал герцогу Ришелье нас не оставлять. Я сделала реверанс, а братья низко поклонились. «Vous êtes conditionnés, mes petits jeunes gens, j'espére que vous soyez dignes officiers et serviez avec zèle votre patrie» [47*]. Государь выпил чашку зеленого чаю с молоком и отправился отдыхать и обедать. Арнольди не было при его посещении маменьки и не был зван на обед [58]. На другой день был по обыкновению развод, батарея Бремзена пришла и соединилась с батареей Арнольди и стояла лагерем в поле вне города. Городничий Белелюбский всюду скакал во весь дух перед коляской государя, запряженной вороными лошадьми. Александр Пав⟨лович⟩ любил весьма скорую езду и не терпел ожидать. На одной из польских станций явился маршалка в белых штанах, шелковых чулках и башмаках с пряжками, снял свою треуголку с черным султаном и сказал: «Ваше императорское величество! Польское дворянство имеет честь и проч.» — «Хорошо! Волконский, пора ехать! Форейтор, запрягать!» Маршалка сел на запятки, так что его никто не видел, кроме Ильи, и ⟨проехал⟩ 25 верст по страшной грязи, слез тайком и скрылся. Это мне рассказывал в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Михаил Павлович и помирал со смеху, воображая забрызганную фигуру маршалки [59]. Вечером был смотр, и матушка взяла меня с собой в коляске. Государь подъехал к ней и сказал несколько самым приятным тоном, он был сердечкин и дамский кавалер, как выражаются губернские барышни. Во время посещения государя я видела в первый раз столовый прибор герцога *Ришелье* (его было 9 пудов, много *vermeil*) [48*]. Он мне подарил этот ящик, а мне не досталось даже чайной ложки. Полковник Арнольди был *communard* [49*] и находил, что твое — мое, а мое — не твое. Государь был очень доволен батареями, особенно батареей Бремзена, были лошади всех шерстей: вороные, гнедые, рыжие, чалые, саврасые, соловые, пегие.

После его отъезда все пошло старым порядком. Наступила скверная осень. Грязь была такая, что не было возможности выходить. После уроков с Амальей Ив⟨ановной⟩ по ее серой немецкой книге мы сидели, как мухи, по углам и шептались, потому что у матушки были страшные головные боли и на ее голову лили холодной водой. Наступила зима. Снег падал хлопьями так, что не видно было ни зги и не слышно было ничего. Мертвая тишина наводила какое-то чувство уныния и страха. Дверь отворилась и вошел в комнату господин небольшого ⟨роста⟩, весь покрытый снегом. «Брат Александр! — воскликнул Иван Кар⟨лович⟩ — Как я рад тебя видеть! Вот дети жены, а мои уже спят. Наденька — брат Александр». Она вошла. Он ее поцеловал, и подали чай. У Александра Кар⟨ловича⟩ были очень густые брови, из-под которых видны были серые глаза с весьма приятным и добрым выражением. Фридриху приказали приготовить постель

[47*] Вы подготовлены, мои маленькие молодые люди, я надеюсь, что вы будете достойными офицерами и с усердием послужите своему отечеству.
[48*] Позолоченное серебро.
[49*] коммунар

в диванной. Александр Карлович был председателем Уголовной палаты в Тамбове, был человек честный, бескорыстный и всеми уважаемый. Он был женат на девице Молчановой, у которой было состояние. У него было восемь человек детей, в течение месяца все умерли от скарлатины, и жена умерла с горя. Александр Кар⟨лович⟩ нас очень ласкал, мы казались ему жалкими. Он сказал матушке что уроки Амальи Ив⟨ановны⟩ недостаточны, учителей в Усмани нет, чтобы подготовить братьев в Пажеский корпус, а меня в Екатерининский институт, и предложил ей послать всех в Тамбов, оставить в его доме и сказал, что мы получим бесплатно приготовительное воспитание у его приятеля, генерала Недоброва. Генерал Недобров был из любимцев имп. Павла, как и Аракчеев. Аракчеев был очень умен и большой мизантроп, его угрюмый и слишком строгий характер не был в уровень с его умственными способностями. Сенатор Боратынский тоже был в числе любимцев вел. кн. Павла Петровича. Недобров получил 2000 душ, большая часть имения была в Васильевке Моршанского уезда, а в Кирсановском уезде, богатом дубовыми деревьями, была маленькая деревня *Вельможка*, где был маленький дом. Александр Кар⟨лович⟩, видя наше грустное положение, нас очень ласкал. Он привез из Тамбова ящик конфект и дал его Амалье Ив⟨ановне⟩ для нас, и у нас сердце екнуло. Он оставался не более недели и перед отъездом сказал, что Амалья Ив⟨ановна⟩ не в состоянии нас приготовить: меня к вступлению в институт, а братьев в Пажеский корпус; по-русски нас учил также юнкер Коднер, очень учтивый и добрый молодой человек. И предложил матушке переехать весной в Тамбов, остаться в его доме, а он нас повезет к генералу Недоброву, у которого есть гувернер — немец, очень добрый и ученый, а его жена — гувернантка его маленькой дочери, которой 10 лет. После его отъезда конфекты были конфискованы, ими пользовались Манилова-Федорова и ее противная дочка.

Весна была ранняя и прекрасная. Арнольди располагал батарейными лошадьми как своею собственностью. Кучера выезжали шестерик и четверик. Мы немало поплакали, прощаясь с доброй Амальей Ив⟨ановной⟩, Карленькой и Аркаденькой, ему было 6 лет только (он скончался в нынешнем году в Москве на руках у своего верного слуги поляка Фрица, который ходил за ним как нянька, потому что последние года своей жизни он был великий и терпеливый страдалец. С ним я потеряла всех своих братьев, которых мне передал дорогой отец на смертном одре). Я сидела в дормезе с маменькой, а братья в четвероместной карете с Наташкой. К моему ужасу, я проснулась в четвероместной карете, и возле меня мерзавец лежал. Дверца была открыта, я вышла и позвала Наташку, которая сидела на запятках. Мерзавец пошел в дормез, и таким образом я доехала с братьями в Тамбов. Александр Кар⟨лович⟩ нам обрадовался. Я спала одна, а в другой комнате Наташка, и дверь была немного отворена, я спала всегда очень крепко, проснулась с ужасом: возле меня лежал мой заклятый враг. Я вскочила, позвала Наташку, легла возле нее, и она заперла дверь на задвижку. Наташка мне сказала: «Я все расскажу Александру Карловичу». На другой день я слыхала, что Александр Кар⟨лович⟩ ему сказал: «Ведь это уголовное дело, если ты еще тронешь Сашу,

я же ее научу придти ко мне с жалобой и угоню тебя туда, куда Макар телят не гонял. Я слышал, что ты кому-то хвастал, что ты убил станционного смотрителя оглоблей. Если бы ты это сделал в моей губернии, я бы без суда повесил на первой осине. В нашей семье порядочных только три брата: Петр, Павел да я. Осип с детства был дрянь и бегал за девками, и ты был всегда жаден и зол и тоже бегал за девками. Отец наш был бедный, но честный человек, а ты немало горя ему причинил. Что ты хвастался своей деревяжкой? С 12-го года немало русских ходят на деревяжках: у Дризена отняли ногу до бедра, у Кульнева вся нижняя челюсть повреждена, он этим не хвастает. Берегись ты у меня, я пугать не люблю». Мы беспрестанно подходили к Александру Кар⟨ловичу⟩, его целовали, даже его руку. С каким восторгом мы сели в карету с ним, когда поехали к Недоброву. Прощаясь с маменькой, мы ей все целовали руку и при ней мы все сказали: «Прощайте, Иван Кар⟨лович⟩», поцеловали Наташку, которой велели как можно лучше прятать фунт конфект, которые Алек⟨сандр⟩ К⟨арлович⟩ нам дал и велел отдать их Амалье Ив⟨ановне⟩ для Карленьки и Аркади.

Генерал Недобров принял нас очень ласково, сказал, что надеется, что нам будет приятно жить у него, и, оборотясь ко мне, сказал: «А ты, моя миленькая, будешь неразлучна с моей Варенькой, которой 10 лет». Василий Александрыч был довольно высокого роста и плотный, волосы его были совершенно седые. Васильевка меня поразила своим великолепием. Большой дом был в два этажа, под зеленой крышей, окружен садом и цветниками, влево от дома был большой каменный флигель под красной крышей. Там жил гувернер, племянник генерала, сирота Данила Недобров, трое братьев Боратынских: Ираклий, Лев и Александр, сын гувернера и мои братья. У них была своя прислуга, туалет их был очень аккуратен, их купали в холодной воде, на это было несколько ванн. В большом доме жили две взрослые дочери Василия Алекс⟨андровича⟩ — красавица Катерина В⟨асильевна⟩ и Надежда В⟨асильевна⟩, весьма приятной наружности смугляночка, очень живая и веселая, жена гувернера с дочерью Варей и я. Против дома была церковь во имя св. Петра и Павла, главы были позолочены, внутренность была восхитительная, все образа в золотых окладах, ризы священника и дьякона были богатые, в церкви был паркет, на одном крылосе пели женщины и девки, на другом мужчины. Церьковь набивалась битком крестьянами и крестьянками, многие стояли на паперти. Богослужение отправлялось с возможной торжественностью, никому в голову не приходило не стоять молитв. В будни все собирались в большую залу, где уже был накрыт стол, на котором лежали груды тартин с маслом, разного печенья, кренделей, подковок, самовар уже кипел. Василий Алекс⟨андрович⟩ входил в залу и читал громким и твердым голосом утренние молитвы, я слушала разиня рот, потому что кроме «*Vater Unser*» никакой не знала. Потом Василий Александр⟨ович⟩ и все становились на колени, он читал молитву поминания дрожащим голосом и всегда поминал покойную жену и императора Павла. Он уходил один с Варей пить кофий у себя на балконе против церкви, где покоился прах его жены. Я не знаю, кто она была. А его старшие дочери разливали чай и кофий

для прочих. Три повара работали на честную компанию, у которой от весеннего живительного воздуха был волчий аппетит. Потом все отправлялись учиться.

Читателю, может быть, любопытно узнать некоторые подробности о семействе Боратынских. Их род, говорят, происходит от князей Барятинских. Мать их была девица Черепанова, одна из лучших воспитанниц Смольного монастыря. Когда ее старшего сына Евгения отдали в солдаты, она помешалась и не выезжала из своего имения. Евгений был камер-пажем, задолжал и просил дядю, сенатора Боратынского, дать ему денег. Старик ему отказал. Когда тот ушел, в отчаянии нечаянно юноша увидел золотую табакерку с алмазами, принадлежащую его дяде, и продал ее, вероятно за бесценок. Дядя не пощадил красивого и даровитого племянника, его разжаловали в солдаты и сослали в Гельсингфорс [60]. Там он влюбился в Аврору Карловну Шернваль и писал ей свои первые стихи:

Выдь, дохни нам упоеньем,
Соименница зари.
Всех румяным появленьем
Оживи и озари.
Сердце юноши не сводит, далее не помню [61].

Плетнев сообщил мне его последние предсмертные стихи [62]:

Ты помнишь, что изрек
Седой Мелхиседек:
Рабом родится человек,
Рабом и умирает.

Пушкин был самого высокого мнения о его поэтическом даровании и уважал его как человека.

В Васильевке был биллиард, и в ненастные дни молодые люди играли на биллиарде, делали тут же гимнастику. После смерти жены генерал Недобров посвятил себя добрым делам. Как образованный человек он хотел, чтобы дети его соседей получили образование. У него был доктор для крестьян, больницы не было, но при церкви была комната, куда помещались те больные, которым нельзя было лежать дома.

Обедали в четыре часа и после обеда катались на линейках или гуляли, особенно в дубовом лесу, собирали грибы и на дубовых листьях орешки, из которых делали чернила. В свободные часы он сидел задумчиво, и с ним Варя. У нее была комната, на полках были всевозможные сервизы чайные и столовые, куклы большие, одетые, у которых был туалетный стол, была кукла в колыбели, миниатюрные комоды, тонкое белье для куклы. Я с ней тут часто сидела, один раз она меня спросила: боюсь ли я исповедоваться. Я вытаращила глаза и спросила ее, что такое исповедь. «Как, ты не знаешь? Надобно остаться одной с священником и говорить ему все свои грехи. Мне было 7 лет, когда я в первый раз исповедовалась и надобно было говорить правду, что я шалила, дурно молилась богу, рассердилась. Это называют «быть на духу». Когда будет пост, ты научи па-

пеньку, и ты будешь исповедоваться и разговляться, а до 7 лет приобщают детей без исповеди». Я все это намотала на ус.

В Васильевке был домашний оркестр, и в воскресные и праздничные дни были танцы. Александр Кар⟨лович⟩ был влюблен в Екатерину Васильевну и откалывал с ней казачка (так выражались в Васильевке). Левушка Боратынский и я танцевали в костюме matelot, я не помню теперь, как и что это за танец, а Варя очень хорошо плясала русскую с Александром Боратынским. Василий Алек⟨сандрович⟩ всегда присутствовал и приходил в восторг, когда его любимая дочь Варя плясала русскую в сарафане и повязке. Два раза мы ездили в Вельможку на линейках, веселая компания всю дорогу пела русские песни: «А я в три косы косила», даже камаринскую, «Ай, Феня, Феня, ягода моя, шла с царева кабака», «Деревня наша хороша, только улица грязна». На траве расстилали ковры, все садились, а лакеи, повара разносили холодные блюда, паштеты, жареные курицы и прочее, даже подавали цимлянское. Зачем и вызывать из Франции виноделов из Шампани, а бросать свои. О, русские неряхи!

Поздней осенью нас повез Александр Кар⟨лович⟩ в гадкий Усмань, где он объявил Ив⟨ану⟩ Кар⟨ловичу⟩, что женится на Катерине Вас⟨ильевне⟩ Недобровой, старшей дочери генерала Недоброва, и берет за ⟨нею⟩ 1000 душ и прекрасное приданое. Он был очень холоден с полковником, остался всего три дня, очень нас рекомендовал Амалье Ив⟨ановне⟩, даже поцеловал ей руку. Я воображаю, что Арнольди скрежетал зубами. Нам очень обрадовалась добрая старушка, Карленька и Аркаденька, нашим рассказам не было конца. Опять учили немецкие слова по серой книге Амальи Ив⟨ановны⟩, слово ungefähr мне не давалось. Молились опять «Vater Unser», братья с Фридрихом, я с Амальей Ив⟨ановной⟩, ездили к Гакебушу и в лес к рыжему мужику. Один раз он мне сказал странную вещь. Была большая куча человечьего кала, а в середине большая зубчатая ромашка; он мне сказал: «Девочка, сорви, скушай и увидишь видение апостола Петра». Я сорвала и съела. Он мне сказал: «Ах вы, бедные детки, и учит-то вас немка. Старушка она хорошая, у нее немецкая Библия, и она учит вас священной истории. У тебя, девочка, пакостник отчим, ты не отдавайся ему».— «Я всегда убегала от него, а теперь он не смеет, у него есть брат в Тамбове, очень хороший, и он ему сказал, что это уголовное дело, и он меня научит жаловаться на него и его сошлют в Сибирь».— «Я знаю Тамбовскую губернию и уйду от него в Саровскую пустынь». Это, вероятно, был Серафим, русский Симеон Столпник [63]. Его житие напечатано с его портретом.

Наступили трескучие морозы. Дмитрий начал пить, его по обычаю привязали к дереву и обливали холодной водой. Можно себе представить его крик. Я не понимаю, что он остался у этого изверга, а не последовал примеру Тимошки, которого никогда не отыскали, слава богу! У Арнольди была старая моська, которую я любила, у меня был поплиновый капот с бархатным воротником, его переделали для Кати, которую я очень любила. Она начинала говорить, и ее мамка говорила, что Катя «гуторит». Я нарядила моську в этот капот и пустила на грядки, можно себе представить, в каком виде явилась моська в этом капоте.

Не помню, в какой пост полковница пила кофий то с миндальным молоком, то белое молоко из фундовых орехов, то из белка; за обедом был суп с маслинами, пирожки, начиненные грибами, на пирожное левшанки с вареньем или оладьи и сироп. Она на неделю поехала в монастырь, игуменью звали Анфиса Пав‹ловна›. Она была еще молода и очень хороша собой. В монастыре была схимница, ее черное платье было покрыто мертвыми головами, костями накрест и херувимами, все это было вышито. Она наводила на меня страх. Уроки Вари не были забыты. Я сказала игуменье, что минуло 9-ть лет, и я ни разу не исповедовалась и не причащалась со смерти моего отца, что хотя он был католик, но очень часто приобщался, и мне было 6 лет, когда он скончался, и что мать моя не служила по нем панихиду. Просила исповедоваться, вынуть часть по отце у обедни и отслужить панихиду. «С чего ты это взяла?» — сказала мне полковница.— «У Недоброва всегда так делали». Игуменья ей выразила свое удивление, сказала, что один пост не загладит грехов, и пригласила ее более часто приезжать в ее монастырь. «Вы можете в Усмани найти духовника». Раз я слышала необыкновенный и унылый звон колоколов в соборе, мне сказали, что умер священник, и всегда так звонят при смерти духовного лица.

К весне начали все укладывать — и в Грамаклею. Бабушка и Амалья Ив‹ановна› плакали, а я слышала, что бабушка сказала, что выменяет образ Иоасафа. Тут был опять крик и шум, спор с дядей Дмитрием Ив‹ановичем›, и нежные родители поехали в Херсон. Дубницкого уже не было на свете, а в Херсонском банке Арнольди всех разругал впух и впрах и взял 150 000 из нашего трехсоттысячного капитала. У бабушки оставили Карленьку, Катю и при них Марийку, а Наташку взяли с собой. Бабушка жила с Дмитр‹ием› Ив‹ановичем› и его женой, Вера Ив‹ановна› жила в Баратовке после смерти Елизаветы Сергеевны. Приезжал только Илья Ив‹анович› Чепелевский, привез бубликов из Виски и сам уплетал бабушкины сосиски. К светлому воскресению пекли пасху, что по-русски кулич, в нее вкладывали маленькие кусочки очищенного миндаля, что давало особый приятный вкус, конечно, и то, что у нас пасха, было необыкновенно вкусно, а писанки были гораздо милее красных яиц. Их крестьянские девушки окрашивали зеленой краской и делали на них красные глазки с белой каймой. Опять такой же обед и ужин, все в довольстве, а не с гнусным ругателем Арнольди. Где были Арнольди, я не знаю. Вероятно, в Крыму и в Бессарабии отвоевывали Куяльники и по процессу с Капниси. Поздно осенью они приехали и сказали, что мы едем в Петербург. Артемий Ефимович Вороновский просил, чтобы отвезли с нами его старшего сына Митю и передали его в Москве в семейство Прудниковых.

В большой карете ехал полковник с супругой, а напротив Клема, Митя и я. На козлах сидел крепостной Антон, его закадычный друг. В четвероместной крытой коляске Аркадя, Ося, Наташка и рыжая рябая девка Аннушка с маленьким Сашей Арнольди. Она знала, как угодить господам, и говорила, что мы дразним Сашу. Мы ехали то на колесах, то на полозьях. После 12-го года беглые солдаты укрывались в лесах, тогда дремучих. (Увы! Где они теперь! Гоголь вздыхал и говорил: «Леса рубят

без толку, реки мелеют, а климат все суровее»). У князя Одоевского на вечерах я встречала г-на Штукенберга [64], он знакомых и незнакомых спрашивал: «А что Волга — мелеет или нет?» Он, говорят, написал очень дельную книгу о обмелении рек и вредном влиянии обмеления на атмосферу и на плодородие почвы. Река Москва до того обмелела, что, верно, куры в ней гуляют. От этого рыба исчезает, остается грязь. Мне раз принесли огромную устрицу, необыкновенно жирную, открытую, знать дохлую. Это значит, что есть и речные устрицы. Москву-реку надобно купировать, и одеть берега камнем и развести в ней рыбу. Барки из Касимова в Москву идут гужом 6-ть недель, а раз случилось, что в октябре надобно было выгружать зерно и везти его от Брод на телегах, отчего в Москве ужасно вздорожал хлеб. Под Лондоном то и дело, что ссыпают в реку и ее совершенно закрывают. На моих глазах в Калуге Ока опустилась на аршин. Однажды в лесу послышался свист, кучер наш стал ехать почти шагом и сказал, что лошади стали. Свист не переставал, кто знает, тут, может, была шайка капитана Копейкина и Дубровского. Антон, по обыкновению, был пьян. Арнольди вышел и сказал кучеру: «Если ты тотчас не поедешь во всю прыть,— ты видишь эту деревяжку,— я сам убью тебя костылем». Мимо нас проехала коляска во весь дух. Пожидор спешил из полости на воздух. У Пожидора на козлах сидел его шестой сын Минька, которого он очень любил. Мы благополучно приехали в Москву и остановились в доме родных Ивана Кар⟨ловича⟩ каких-то Геєровых. Дом был маленький, грустный. Тут мы остались три дня и поехали в Петербург, тащились неделю то на полозьях, то на колесах по бревенчатой мостовой. Приехали в феврале и остановились в доме Галкина на углу Малой Морской и Большой Миллионной. Тотчас поехали к его родным, доктору Миллеру, женатому на девице Циргольц. У нее были две сестры — Елизавета Ив⟨ановна⟩ и Дарья Ив⟨ановна⟩. Арнольди строил куры Дашеньке. Она была недурна, он ее колол в бока, прищелкивал языком и припевал, поддерживаясь на своей деревяжке: «Все на свете можно, только осторожно». После обеда у него он беспрестанно рыгал и говорил, что у него *изжога* (le fer chaud) и пил клюквенный морс. Жена Миллера была в чахотке. У них было два сына, один был похож на лягушку. У них был гувернер Шницлер, он писал очень дельную книгу об России и знает ее лучше русских бар. Она напечатана в Петерб⟨урге⟩ [65]. Цирголъцевы были знакомы с Гречем и Фаддейкой Булгариным. Арнольди читал «Выжигина» и очень ценил этого подлеца. Говорил, что зачитывается «Северной пчелой», а особенно фельетоном Бранта [66]. Пушкина он ни в грош не ставил, говорил: «Скверный, вольнодумный мальчишка!» Вот вкус!

Я сидела у окошка с рябой Аннушкой. Наконец, полковница догадалась, что у нее есть родная тетка ее супруга [67]. Мне надели белое платье, розовый кушак и повезли меня к Цициановым. Они жили в доме Галкина, почти у Трухмальных ворот. Дом был одноэтажный, из гостиной, где была лаковая мебель, был вход в сад. При входе в дом была зала, в одном конце стоял ломберный стол, и на нем раскладывал пасьянс бодрый и краснощекий старик, а возле стоял, заложив руки за спину, его камердинер Сергей Михеевич. «Ты кто? — сказал мне дяденька.— «Я Сашенька

Россет».— «Ступай к бабушке». Меня встретила княжна Елизавета Дмитр⟨иевна⟩, ей было 35 лет, наружность ее была приятная; она повела меня к матери, которая мне не понравилась. Она была сухая и смотрела строго. Меня повели к княжне Анне, она прекрасно рисовала по кости и брала уроки у италианца Росси. Он был очень дурен, но она в него влюбилась и хотела выйти за него замуж. Они тогда еще не были совсем равноправны. Дедушка говорил, что все люди равны, но жена его совсем иначе думала и запретила Росси приходить в дом. В доме жила Каролина Ив⟨ановна⟩ Витич, их экономка, она давно была православная, Варвара, но ее всегда звали Каролиной Ив⟨ановной⟩, ее племянница Катенька Эвспиус, Иван Сергеевич и Мария Сергеевна Лутковские, которая была предметом всех забот старой княгини. У нее были расстроены нервы перед началом месячного очищения, призвали докторов Римана и Штофрана, который был доктором имп. Елисаветы Алексеевны. Они сказали, что не имеют способа ее вылечить. Она впала в состояние ясновидения и сама привила себе лекарства и была в этом состоянии 6 недель. Однажды утром спросила кусок бумаги и уголь, набросала пропасть крестов и над ними распятого Спасителя, приказала, чтоб живописец масляными красками написал этот образ; пока образ писали, ее припадки так увеличивались, что она лежала по несколько часов как мертвая, совсем не спала и ничего не ела. Когда принесли образ, она исповедовалась, приобщилась, служили обедню и Акафист Иоасафа, она приложилась к образу и стала твердо на ноги и была совершенно здорова. Этот образ находится теперь у княжны Селесты Дмитр⟨иевны⟩ Цициановой, которая живет в Новодевичьем монастыре, но не монахиня.

Мне очень понравилась молельня княгини, она была в стороне и сверху до конца покрыта образами в золотых окладах. Тут была голова св. Анастасии в золотом окладе, украшенном бриллиантами, а сверху крест, рука Ефрема Сирина в филигранном окладе, украшенном бирюзой, рубинами и изумрудами. Неугасимая лампадка теплилась и придавала нечто таинственное этому уголку. Но там была другая прелесть, другого роду — тарелка, на которой были конфекты, и мне дали всю тарелку. У них жила арапка, которую звали Зетюльбе, это было ее истинное имя, а по крещению она была Аксинья Михайловна. Зетюльбе была скорее une mulâtre [50*], она ходила в простом платье горохового цвета и на голове вязанная шапочка, обвитая белой кисеей. Она воспитывалась с княжнами, брала уроки французского языка у m-me Camerata и говорила по-французски, она была ловка и отлично танцевала. Не знаю, когда вышла мода на арапов — от Петра I-го, я полагаю, а как он приобрел Ганибала [68], я не помню. Дмитрий Евсеевич всегда был рад случаю потратить деньги, он выкупил родителей Зетюльбе, их везли зимой в коляске, в которой была их поклажа; этот сундук беспрестанно толкал ее в голову; когда ее привезли, была с одной стороны шишка. «Зачем ты не сказала об этом отцу и матери?» — «Они крепко спали, я не хотела их беспокоить». Когда Цициановы совсем разорились, рекомендовали Зетюльбе в няньки княгине Кудашевой, рожденной

50* мулатка

Choiseul. Она была ослепительной красоты, любила мужа и уживалась с невестками — Корба, Бельской и Гербель. К Дмитрию Ев⟨сеевичу⟩ хаживал иногда знакомец и ростовщик Ордынов, он раз пришел и говорит: «Ну, не нужны ли тебе денежки?» — «Нет, а впрочем дай 8000 асс⟨игнациями⟩».— «Возьми» — и вынул пучок ассигнаций, тот схватил и не считал. Ордынов сказал: «Был недавно у княгини Дарьи, сидит с любовником, ох уж эти мне господа, только бы им послаще, да табачницу». Митрополит Филарет мне говорил, что он знал и уважал Ордынова — он брал только один процент, а если были люди честные и не состоятельные, он не брал ни процента, ни капитала, а теперь, подавая доверенность, берут после без зазрения совести. Он не знал, что с освобожденных крестьян брали до 12-ти. Дмитрий Евсеевич завел Английский клуб в Москве и очень его посещает. Он всех смешил своими рассказами, уверял, что варит прекрасный соус из куриных перьев и что по окончании обеда всех будет звать петухами и курицами. Он мне рассказывал, что Екатерина очень любила горячие калачи, а Потемкин его как флигель-адъютанта послал в санях с этими калачами; он ехал так скоро, что шпага его беспрестанно стукала о верстовые столбы, и в Петергофе к завтраку ее величества подали калачи. В знак благодарности она дала Потемкину соболью шубу. Он отправился в Москву, Потемкин был у обедни; по окончании обедни он подошел и объявляет ему о подарке. «Да где же она?» Он вносит ее, и она так легка, что полетела на паникадило [69]. В Петербурге он продолжал жить открыто, продал Катунки за 500000 р. и поместил деньги в стол и даже не запирал. Тогда дозволено было графу Головкину сделать лотерею из его имения Воротынец, у княгини было 200000, и она взяла билеты на эту сумму, но не выиграла, по несчастью. Он давал обеды Нарышкину, Вяземскому, Мещерскому, генералу Потемкину, Сазонову и всегда приносил десерты княгине и фрукты — он всегда сам варил варенье за столом в серебряной чаше на серебряной конфорке.

⟨ВАРИАНТ 3⟩

Фрагменты

Мне купили маленький сундучок, уложили белье и платье на неделю, и мы поехали в Екатерининский институт, прямо к начальнице [1]. Она нас приняла очень благосклонно и сказала, что поручит меня пепиньерке Марии Ив⟨ановне⟩ Шлейн. Тут я простилась с маменькой, она очень плакала, а я не проронила ни слезинки; меня утешала мысль, что не услышу стука ненавистной деревяжки. Мария Ив⟨ановна⟩ Шлейн была достойная и очень умная.

Я поступила в институт в 1820 г. В 25 году было знаменитое и ужасное наводнение в Петербурге [2]. Ночью поднялся сильный ветер и продолжался 12 часов. Утром мы по обыкновению были в 9 часов в классе. Швейцар вышел и объявил, что дрожки не пришли и учители не будут, потому что на всех улицах вода выступает. Через несколько минут вошла мадам Кремпина, очень озабоченная, и сказала: «Prenez vos cahiers et allez au

dortoir» [1*]. Наши солдаты жили в подвалах, и их начало заливать. Они перешли со своим добром и семействами в классы, где оставались три дня. А мы блаженствовали в дортуарах. Все обложили окна и смотрели, как прибывает вода; наша смирная Фонтанка была свинцового цвета и стремилась к Неве с необыкновенной быстротой, скоро исчезли берега. По воде неслись лошади, коровы, даже дрожки, кареты, кучера стояли с поднятыми руками, пронеслась будка с будошником.

Дело становилось серьезным, наконец кто-то закричал: «Ну, mesdames, что если вода дойдет до нашего среднего этажа!» — «Что вы, что вы говорите, неужели вы думаете, что императрица не найдет способа нас вывезти!». При Петре Великом было большое наводнение, и он дал приказ, чтобы все имели большие лодки или баржи. Император приказал, чтобы ему подали лодку, но адмирал Карцов не знал или забыл это приказание; наконец из адмиралтейства привезли лодку, и государь со свитой отправился в ней [3], чтоб успокоить взволнованное народонаселение. Полкам велено было выступать за город к Трем рукам, за исключением тех, которые стояли за Литейной. По церквам сделались службы, молебны, и в 12 часов пополудни ветер начал утихать. Неизвестно, сколько людей погибло, но с той поры, благодаря бога, еще не было подобного наводнения. Многие здания были повреждены, оказались трещины во многих домах, все хлебные магазины были залиты, и мы долго ели затхлый ржаной хлеб, пока из Москвы не подвезли свежий, который проростал и дал ростки. Императрица, всегда готовая подать помощь, поместила в наш институт 20 девочек, поместила других в разные заведения; их называли наводниками. Их должны были поместить в четвертое подготовительное отделение, они даже не могли читать. Одна из них была 15 лет и неутешно плакала. Она все повторяла: «Я круглая сирота и жила одна с братом, других родных у меня нет, я не знаю, где мой брат». Его отыскали, и государыня его поместила в кадетский корпус. Почти все были дети бедных чиновников и мещан с Выборгской стороны и с Петербургской стороны. В эти дни нам не могли приготовить обед, и мы пили казенный чай, а вечером сварили кое-как ужин. На другой день утром Фонтанка была ниже обыкновенного и наполнена курами, собаками и камнями.

Девица Марья Ив‹ановна› Шлейн была потом наставницей детей графини Орловой-Давыдовой. Начальницей Екатерининского института была госпожа Брейткопф, ее муж и две дочери тоже жили в институте. Она была родом из Бельгии и католического исповедания, и при ее комнатах была маленькая католическая капелла, и доминиканец служил и давал уроки катехизиса девицам этого исповедания, а для протестанток приезжал пастор Рейнбот. Их возили в праздники в английскую церковь Рейнбота.

Классы еще не сформировались, и меня еще не экзаменовали. В этот день я успела познакомиться с некоторыми девицами, и меня посвятили во все тайны, сказали, что надобно непременно обожать кого-нибудь из больших, сказали, что есть противные учители, а дамы классные «кошечки». Одним словом, так приготовили меня, что на другой день я встретила

[1*] Возьмите тетради и идите в спальню.

одну девицу, она мне понравилась, и я узнала, что ее зовут Далия Потоцкая, и начала ее обожать, т. е. подходить к ней в коридоре и говорить: «Mon ange, je vous adore»[2*]. Далия действительно была очень хороша. У нее были прекрасные алые губы и очаровательные улыбающиеся черные глаза. Ее сестра Пелажи была брюнетка и, по правде сказать, еще красивее. Пелажи вышла замуж за Сангушку а Далия за пана Млодецкого, и когда привезла сына в Петербург, часто бывала у Плетнева, который уже был учителем с 7-го выпуска в институте.

Летом нам давали ягоды. Я забыла, что у меня была в детстве перемежающаяся лихорадка, очень обрадовалась клубнике, и вследствие этого у меня сделалась лихорадка. Я была уже более двух месяцев в лазарете, и доктор не знал, что делать. Императрица Мария Федоровна приехала из Павловска и спросила у меня, отчего я больна. Я ей сказала, что мне доктор в Одессе давал рвотное, а потом что-то горькое, и лихорадка проходила. Она велела написать матушке, которая прислала рецепт, и после трех приемов хины лихорадка прошла и более никогда не возвращалась.

Я поступила в 1-е отделение маленького класса. Учителем французского языка был эмигрант Mr Charles de St. Hilaire, его очень любили и уважали. Мы писали под диктовку, и St. Hilaire очень удивился, что не нашел ни одной ошибки ни у меня, ни у княжны Стефании Радзивилл. Я сама не знаю, зачем я правильно писала. Учителем русского языка был Василий Ив⟨анович⟩ Боголюбов. У него был рот до ушей, уши ослиные, он заставлял учить наизусть самые скучные стихи. Говорил, что басни Крылова просто дрянь в сравнении с Херасковым. Вот басня, от которой он был в восторге[4]:

На зелененьком листочке
Червячок во тьме блистал.
Змий поспешно прибегает
И невинного пронзает
Жалом гибельным своим.

«Что я сделал пред тобою?»
Червячок, упадши, рек.
«А зачем блестишь собою?»
Змий сказал и прочь потек.

Вообще выбор учителей не был удачен, но всех хуже, конечно, был священник. К нам приезжал полупомешанный старый священник с какого-то кладбища. Мы зубрили Платонов катехизис[5] и поступили в большой класс. Там нам дали другого священника, который скоро помешался; с ним мы, однако, выучили наизусть литургию, «Книгу премудрости Сираха», составленную придворным священником Мансветовым. В большом классе учителем французского языка был Mr Bordé, пустой и дрянной французишка, человек, лишенный вкуса, и мы даже не знали лучших стихов Расина и Корнеля, а повторяли стихи из «Jardins de Lille» и «Le Tronc de Panesigna» и Boileau. Зато учитель русской словесности был Петр Александрович Плетнев, которого все любили и уважали. Так как учитель истории Слонецкий возбуждал только смех, то для новейшей и российской истории его также заменил Плетнев. Учитель физики, естественной науки и астрономии был почтенный и красивый старик, аббат Deloche. Императрица так его уважала, что всегда подавала ему руку и говорила

[2*] Ангел мой, я вас обожаю.

ему: «Mon sher abbé, combien je regrette que vous refusez de donner des leçons au couvent de Smolny» [3*].

У нас была пневматическая машина, электрическая машина и лейденские банки, делались опыты. Делош приносил листки, исписанные прекрасным сжатым почерком, мы их переписывали, и когда он приходил, повторяли урок в течение трех четвертей часа, а остальное время заполнялось вычислениями. Курс был насколько возможно полным и легким для усвоения. Учитель географии Успенский был очень ученый и умный человек. Мы учились по карте, путешествовали, и в главных городах он сообщал нам сведения о состоянии города, числе жителей, промышленности и торговле, а мы записывали в тетради. Он преподавал нам историю открытий, и узнали, что прежде Колумба Америку открыли три венецианца [6], братья Зени. Учитель немецкого языка был Herr Mellina. Он нас познакомил с лучшими германскими поэтами.

Наш день начинался в 6 часов зимой и летом. Наши слуги были инвалиды, которые жили в подвалах, женатые, со своими семьями. Тот, который звонил, курил смолкой в коридорах. Курилка звонил беспощадно четверть часа, так что волей-неволей мы просыпались. Курилка был в Париже и уверял, что говорит по-французски: «Коли хочешь белого хлеба, только скажи дю пан дю блан, а коли черного — дю пан дю двар, а у немцев спросишь свечку, и скажи лихтеру, а подсвечник подлихтер, отрежь хлеба, дай комсу, да еще полкомсы». Солдатики были наши друзья. После моей продолжительной лихорадки доктор сказал, что мне надобно позволить спать до 7 часов и обедать у начальницы для подкрепления, что было весьма приятно. Мы все были готовы в половине осьмого и шли молча попарно в классы. Были три отделения и каждое в особой комнате. У дежурной классной дамы была тетрадь, куда она записывала малейший проступок в классе. Дежурная девица читала главу из евангелия, а потом воспитанница разносила булки; те, за которых родители платили даме классной 10 р. в месяц, пили у нее чай с молоком и получали три сухаря из лавочки вдобавок к булке, а прочие пили какой-то чай из разных трав с патокой и молоком, это называли декоктом, и было очень противно.

В 9 часов звонок, и все должны были сидеть по местам в ожидании учителя. В понедельник первый был новый священник Смирнов, с ним мы прошли Ветхий завет пространно и остановились на Сауле. Когда он приходил в четверг, он спрашивал: «Девицы, где мы остановились?» — «На Сауле», и он опять начинал историю Саула. Так продолжалось около шести недель, и получили известие из Смольного, что бедный Смирнов помешан. В Смольном его заменил весьма замечательный священник Недашев, переведенный из Ревеля, а нам объявили, что нашим законоучителем будет Василий Михайлович Наумов, он был из Филаретовых учеников. Всего оставался год до выпуска, и мы должны были выучить катехизис Филарета и толкования на четыре евангелия; это стоило нам больших трудов. Для нового священника была квартира, назначен был дьякон Кузьма

[3*] Дорогой аббат, как мне жаль, что вы отказываетесь давать уроки в Смольном монастыре.

Колиевич, который учил воспитанниц. Эти девушки были предметом особых забот императрицы, их в младенчестве отдавали на воспитание чухнам, которые гораздо трезвее и образованнее русских крестьян. Поступая к нам, они почти не говорили по-русски, мы у них узнали много чухонских слов, а их учили говорить по-русски. Две из них спали около дортуара, мели его, делали постели и надевали чехлы. Вечером мы сами перестилали наши постели. В среду и субботу они нам мыли головы и ноги. Зимой вода была так холодна, что мы молоточком пробивали лед и мылись ею. В 1825 году существовало еще Библейское общество, и нас заставили читать прескучную книгу «Училище благочестия», и к великой нашей радости вдруг взяли все номера. Я позже узнала, каким образом уничтожилось Библейское общество, которое издавало «Училище благочестия». Библейское общество составилось в Англии [7], и герцог Йорк, человек строгих правил и религиозный, составил это общество для распространения библейских книг и вообще духовных произведений; в это же время известная квакерша госпожа Фрей [8] проникла в женскую половину известной тюрьмы Newgate. Тюрьма была грязная, темная, несчастные женщины, как дикие звери, были за железной решеткой, и полицейские ей объявили, что она подвергается большой опасности. Но ничто не устрашило ее, она вошла за решетку, все стадо ринулось на нее, она спокойно им сказала: «Mes amies, je viens vers vous dans l'espoir de soulager vos misères et vos souffrances, et j'espère avec l'aide de Dieu vous faire du bien» [4*]. Пошли подписки на улучшение тюрем, из Англии это движение перешло во Францию. В 1815 году император и король Прусский поехали в Англию, тогда царствовал толстый и безнравственный Георг IV [9]. Мне рассказывала lady Braunlow, племянница известного лорда Castelnaugh, что, выходя из дворца, Георг показывал государю идти вперед. Когда он появился, ура огласило воздух на несколько минут, короля также приветствовали, а когда явился Георг, его освистали. Народы умеют давать уроки. Государь среди всех празднеств и развлечений просил нашего посла Христофора Андреевича Ливена, заменившего Семена Романовича Воронцова, найти ему несколько человек для осушения болот под Царским Селом. Это был предлог: ему хотелось людей для образования Библейского общества. В Петербург приехал господин Pitt с женой, Daniel Wheler и Wering, и все принадлежали к обществу квакеров. Известно, что наставником императора Александра был La Harpe, который ограничился нравственным воспитанием, сам он говорил, что только на окровавленных полях России озарилось его сердце светом религии. Г-жа Крюднер, известная своей религиозной проповедью, искала случая с ним переговорить, он ее встретил после Венского конгресса у князя Волконского в Бадене, и с этих пор уже был под влиянием ее религиозных убеждений [10], знал Юнг Штиллинга [11], последний через m-me Krüdner подарил ему карандаш, подаренный ему Лафатером. Лафатер поздно вечером писал какую-то философскую тему и не мог вывести заключения. Ему явился седовласый и благообразный старец, который вручил

[4*] Друзья мои, я прихожу к вам в надежде утешить вас в ваших несчастьях и страданиях и надеюсь с божьей помощью сделать вам добро.

ему этот карандаш и исчез. Лафатер в ту же минуту нашел ответ. Мне это рассказывал граф Михаил Юрьевич Вьельгорский. Несколько лет по вступлении на престол императора Николая поручено было графу Блудову очистить рассеянную кипу бумаг, лежащую на письменном столе покойного императора; он нашел этот карандаш в простом красном сафьянном футляре и дело Волынского, там же нашел записку Петра I генералу, которому поручено было покончить с несчастным царевичем Алексеем. У него болело горло, и аптекарь приготовил лекарство, которое было причиной его смерти [12]. С тех пор все аптекари в России немцы — у них де более порядка. M-me Krüdner была на Венском конгрессе, под ее влиянием был написан знаменитый traité de la triple alliance [5*] между Россией, Австрией и Пруссией. Император питал особое уважение к прусскому королю и, чтобы укрепить этот союз, предложил ему выдать свою любимую дочь Шарлотту за в‹еликого› князя Николая. M-me Krüdner была в Париже. В литературном мире она известна была романом под названием «Valerie». Замечено было, что во времена политических переворотов и страшных войн литература приобретает сентиментальный характер. «Valerie» вроде романов m-me Cottin, Каролины Пихлер и Августа Лафонтена. Сама m-me Krüdner писала: «Elle n'était pas jolie, mais gracieuse, elle déversait le chawl à ravir, elle n'était pas fiancée et a dit qu'elle avait une table en marbre rose veiniée de noir, rose comme la jeunesse et veiniée de noir comme la vie» [6*] [13].

Эта фраза и мне нравилась в моей юности, и у императрицы Александры Федоровны был такой стол; она мне сказала: «Ma chère, c'est comme la table de Valerie» [7*], тогда был тоже в моде роман Бенжамена Констана «Adolphe», переведенный князем Вяземским [14]. Жуковский перевел роман г-жи Sousa [15] «Engene de Rothelin», а Карамзин писал «Остров Борнгольм», Марфу Посадницу и бедную Лизу. Лука, крепостной человек его первой жены, мне рассказывал, что Карамзин не трогал дохода своей дочери Софьи и жил очень скромно доходами с своего журнала «Мои безделки»: «Мы наняли комнатки в Марьиной роще для Сонюшки, и Николай Михайлович писал «Марфу посадницу» и «Лизу русальницу», тем мы и жили [16]. Дела наши поправились в 1810 году, когда Карамзин ездил в Тверь, где он читал первый том своей истории великой княгине Екатерине Пав‹ловне›». Лука говорил, что «не будь меня да Сербиновича [17], историю не напечатали бы»: он носил корректуру.

Я пишу без всякого порядка, а вы там уже разберете, что когда надобно писать для соблюдения хронологии. Теперь здесь вышла переписка Екатерины с Гриммом [18]. Надо сказать несколько слов об этой вредной женщине. В чем состояло ее величие? Что такое величие при таких страшных преступлениях? Брат мой Клементий был послан разыскивать в архивах все, что ему покажется довольно интересным для передачи в архив министерства двора или иностранных дел. Как помню, в местечке Алеш-

[5*] трактат Тройственного союза

[6*] Она не была красива, но привлекательна, восхитительно носила шаль, она не была помолвлена и сказала, что у нее был стол розового мрамора с черными прожилками, розовый, как юность, и с черными прожилками, как жизнь.

[7*] Моя дорогая, это стол как у Валери.

ках, на Кинбурнской косе, он нашел экземпляр первого манифеста Екатерины по вступлении на престол: в нем сказано, что, по просьбе Петра, она берет на себя бремя правления[19]. Манифест брат передал куда следует. Это бремя несла Екатерина, кокетствуя умом с энциклопедистами, упиваясь похвалами, которые расточал перед ней безбожный Вольтер, Даламбер и Дидерот. Ее переписка с Гриммом здесь напечатана, и нельзя надивиться отсутствию чувства, хотя она беспрестанно говорит о своих внуках Александре и Константине: «Monsieur Alexandre fait des lettres à un âne, pendant que je m'occupe des affaires de l'Etat»[8*]. Она, как Людовик XIV, могла сказать: «l'Etat c'est moi»[9*]. Тьер когда-то выпустил эту фразу[20]. Северная Семирамида вполне олицетворяла эту фразу. Все знают, как она ходила пешком к Троице, это была комедия, а ее знаменитое путешествие на юг России была тоже комедия и случай пококетничать с австрийским императором Иосифом II. Она знала, что издерживаются страшные деньги на содержание двора, видела собственными глазами, что придворные лакеи выносят короба всякой провизии, и говорила: «Il faut bien que ces pauvres gens jouissent aussi de la vie»[10*]. Она знала, что губернатор Волков грабит свою губернию, и говорила: «C'est un homme d'esprit et tout le monde a des défauts»[11*]. У нее был один сын, она его ненавидела, позволяла камер-пажу князю Александру Николаичу[21], передразнивать его и сама хохотала во все горло. Проходя мимо, бедный в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ сам был свидетелем, как его мать с придворными смеялась над родным детищем. Сердце его было доброе, он смиренно покорялся и никогда не жаловался на бездушную мать. Когда ей пустили кровь, она выпустила фразу: «Je suis chômée, c'est la dernière goutte de sang Allemand»[12*][22], этой фразой могли восхищаться только немцы или дураки.

Покойная императрица Мария Александровна[23] сохранила большую привязанность к своим родным и родине, а между тем она совершенно обрусела и всякую минуту своей жизни посвятила служению России, в этом все согласны, и теперь, что ее нет, все отдают ей полную признательность и справедливость. Екатерина переводила Беккария[24], занималась правами человечества. Что такое права человечества? У размышляющего христианского человечества одно право: покорность; это не понравится нашим нигилистам, которые считают своей обязанностью отравлять всякий шаг своего государя динамитами. Она с Шлецером занималась филологией, переписывалась с m-me du Devand[25]. В Канне я познакомилась случайно с Mérimée, он был в восторге от ее ума и возносил ее до небес.— «Je ne suis pas de votre avis, Mr, et ne lui pardonne pas d'avoir disposé des paysans libres en faveur de ses amants»[13*]; он этого не знал.

[8*] Господин Александр пишет письма ослу, в то время как я занимаюсь государственными делами.

[9*] Государство — это я.

[10*] Надо же, чтобы и эти бедные люди наслаждались жизнью.

[11*] Это умный человек, а недостатки есть у всех.

[12*] Мой путь окончен. Это последняя капля немецкой крови.

[13*] Я не согласна с вами, сударь, и не прощаю ей то, что она раздавала свободных крестьян своим любовникам.

Екатерина вздумала дать права своему дворянству, и затеяны были дворянские выборы. Это дело было недурное, но когда нашелся человек поумнее ее, помещик Коробьин, который сказал, что первым шагом должно быть уничтожение крепостного права [26] (этот документ находится в архиве Эрмитажа, его читал Александр Николаевич Попов; как жаль, что он умер, не окончив своего труда [27]; вам не дурно заняться им), Екатерина тотчас закрыла выборы [28]. Она ограбила церковь и церковные земли раздала своим любовникам и фаворитам [29]. Когда графиня Анна Алексеевна подарила митрополиту Филарету в светлый праздник миллион на поправку, кажется, Десятинной церкви, его поздравил с подарком граф Комаровский. Филарет при ней сказал: «Анна ничего не дала, она только возвратила церкви то, что ей принадлежало». Графиня упала к нему в ноги со слезами. Церковные крестьяне были самые счастливые, они всем владели и платили оброку 10 р. асс. (Андрей Николаевич Муравьев прекрасно описал гр‹афиню› Анну, сравнивая ее с римскими Меланиями) [30]. Бартенев так влюблен в Екатерину, у него ведь сумбур в башке, что старается доказать, что она дочь Бецкого [31]. Она основала Воспитательный дом, Бецкий ввел его по примеру Англии, и назвала это ломбардом, потому что она там занимала деньги, и завела у нас ассигнации, от которых мы так страдаем. Она основала Смольный монастырь для воспитания дочерей дворянства. Первой начальницей была француженка m-me Lafont, воспитание было самое светское, о религии мало заботились. Ее брат, которого звали просто Ангальтом [32], был гораздо выше ее в нравственном отношении, она ему поручила воспитание Шляхетного кадетского корпуса, основанного имп‹ератрицей› Елисаветой Петровной. Те люди, которые оттуда вышли, были люди полезные и достойные. В 1849 году я встретила на пароходе француза князя Broglie с сыном, он со мной заговорил самым чистым русским языком. Когда я удивилась, он мне сказал, что он воспитывался при Ангальте в кадетском корпусе и сына выучил говорить по-русски; он с восторгом говорил о воспитании при Ангальте. Екатерине была присуща в высшей степени ambition, не знаю слова, чтобы выразить слово амбиция, и тщеславная. Вольтер внушил ей мысль занять Царьград, потому что она не имела никакой особой симпатии к Греции: наградила титулом Чесменского Алексея Орлова, лучшего из Орловых, не она, а он положил начало инвалидному дому в Чесме. Она дала Орлову еще другое поручение: ее тревожила знаменитая авантюрьерка, известная под именем княжны Таракановой. Полагали, что эта Тараканова была побочная дочь Елизаветы Петровны, но это непростительная клевета [33]. Елизавета была женщина нравственная, за ней был один грешок, она любила токайское вино и купила в Венгрии виноградные лозы. Николай велел их продать, и деньги пошли в тамошнюю церковную кассу. Полюбив Кириллу Разумовского, вышла замуж за него [34]. Разумовский был честный хохол, он в присутствии графа Воронцова и третьего ‹лица› разорвал и сжег документ, свидетельствующий о его браке с имп‹ератрицей› Елизаветой Петровной. Это при мне граф Блудов рассказывал, при Тютчеве и Кутузове [35]. Разумовский был оригинал, проводил день у жены и вечером, часов в 11, возвращался домой. Его лакей заснул, а когда проснулся, увидел, что шубу графа укра-

ли. Он боялся камердинера и сказал графу не говорить ему про шубу. Когда камердинер его спросил: «А где же шуба?» — «Про то Грицько знае». Он спросил Грицько: «А где же шуба?» — «Про то граф знае». Дело так и не объяснилось. Это мне рассказывал Николай Ив⟨анович⟩ Лорер. Он мне рассказывал также, что когда наши войска вступили в Париж, император отдал приказ, чтобы шли в полной парадной форме, и чтобы батареи, фургоны вошли позже и обошли бульвары и лучшие улицы. Он шел в avenue des Champs Elysées и видит толпу, подходит и с удивлением видит, что хохлы препокойно курят люльку, а волы лежат возле телег. «Звидкиля вы?» — «З Златоноши, ваше благородие». — «Да як же вы пришли сюда?» — «Сказали везти ту пшеницю за армией и пришли до Берлина, это уж в Неметчине, тут сказали: «Идьте домой», а тут опять: «Везите, мерзавцы, до местечка Парижа», вот и прийшли. Да что воны дивуются, французы, да ще и потрогают». Покрытые дегтем, они французам казались как будто не люди, а чучелы. Тут хохлы разохотились говорить с земляком и ему сказали: «А вы, ваше благородие, звидкиля?» — «З Грамаклеи в Херсонской губернии». — «Старуху Лореровочку мы знаем, возили мыло и пшеницю в Одессу. Вона нам хлеба и дынь и гарбузов посылала, а горилочки, говорила, не маю».

Напишите в Одессу [36] княгине Марье Александровне Гагариной, дочери Александра Скарлатьевича, у нее преинтересные мемуары графини Эделинг, сестры Александра Скарлатьевича. Вы увидите, что происходило на Венском конгрессе, какую роль играл граф Каподистрия, как началась мысль о возрождении Греции, его действия в Париже и спасение Франции от раздробления; эти мемуары пора напечатать вполне. Толстый обжора и неблагодарный старик Людовик XVIII так забылся, что всегда шел прежде нашего государя на официальных обедах. Пушкин спросил раз старого солдата, что он делал в Париже. «А мы,— говорит,— старого Дизвитского посадили на престол. Ведь где беспорядки, всегда уж наш царь все приводит в порядок». Это напоминает разговор дьякона с капитаном у Мятлева [37]. «Где ныне царская фамилия,— спрашивает дьякон у капитана.— В Константинополь едет царь.— Неужто турки взбунтовались? — Нет, нет, а только их пристращать».

Возвращаюсь к Екатерине. Она женила очень рано в⟨еликого⟩ князя Павла Петровича на принцессе Гессен-Дармштатской; она была красавица и очень умна. В⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ ее страстно любил, но она была, как мне говорил граф Александр Ив⟨анович⟩ Рибопьер, гульливого десятка, спаивала крепким опиумом мужа и бесчестила его ложе с Андреем Кирилловичем Разумовским. Екатерина это узнала и послала Разумовского послом в Неаполь [38]. Она не разродилась; в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ очень удивился, что ее не похоронили в крепости, Екатерина тут сжалилась над ним и сказала, что врачи полагают, что зародыш — урод, и поэтому ее нельзя похоронить в крепости. Ее тело было помещено в имение графа Буксгевдена Schloss Bade и спит под сводами. В⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Павел был болезненный ребенок и очень нервный. Вот что Пушкин мне рассказывал: она знала, что на него находили пароксизмы страха, когда он слышал внезапный шум; она послала его командовать войсками; мы воевали с Швецией, и ко-

рабли их под Верелей так палили, что в Смольном монастыре окна дребезжали. Павел был все время впереди, делал чудеса храбрости, но поплатился горячкой и расстроением желудка [39].

Спустя год привезли 15-летнюю девочку, принцессу Würtemberg Monbelliard. Ее портрет во весь рост находится в Эрмитаже [40] — личико умное и приятное и темно-голубые выразительные глаза, но ничто не обещало необыкновенной красоты. Здесь у графа Monbrison находится ее портрет en miniature [14*], писанный в Париже, вероятно, знаменитым Petitot; она этот портрет подарила своей детской подруге, с которой осталась навсегда дружна, графине Оберкирх, которую в⟨еликий⟩ князь называл мадам Цукербукер. Мадам Оберкирх была тетка Monbrison'a, а ему достался этот портрет. Это такая прелесть. Ее красота могла сравниться только с красотой ее друга, Марии Антуанетты. Когда в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ женился, отношения его с матерью еще более охладели, она взяла двух в⟨еликих⟩ князей и им велела жить в Гатчине. Они жили очень скромно, над ними смеялись. Les gatchinois [15*] сделалось насмешкой. Екатерина в⟨еликую⟩ княгиню называла «La fermière allemande» [16*], они не имели воли ни в чем. Когда старшей в⟨еликой⟩ княжне исполнилось 8 лет, Екатерина написала рижскому генерал-губернатору графу Брауну: «Mon cher Brown, vous qui m'envoyez les meilleures oranges, ne pourrez vous pas m'envoyer la meilleure gouvernante pour mes petites filles» [17*]. Только что Браун получил эту записку, ему пришли сказать, что баронесса фон Ливен желает его видеть. Вошла высокого роста красивая дама, осанка ее была важная и твердая. Он ее посадил и спросил, что она желает. «Во-первых, Exellenz, прикажите заплатить жиду, который меня привез из Херсонской губернии, где муж мой умер. Я продала все, что имела, и села в скверную фуру с тремя сыновьями и двумя дочерьми; все деньги истратила, но так как я приехала просить вас как можно скорее доставить мне мою пенсию, то надеюсь вам заплатить. Прошу вас оказать мне свою протекцию, я хочу завести маленький пансион для воспитания моих дочерей, а сыновья будут учиться в гимназии. Я найму учителя русского языка, потому что мы русские подданные, а со временем найму и фр⟨анцузского⟩ учителя, так как в России все говорят по-французски». С жидом расплатились, и Браун предложил баронессе жить у него до приискания квартиры. Он удивился твердости, необыкновенному практическому уму и простоте своей собеседницы и на третий день сообщил ей, что нашел для нее приличное место. Она вскочила и всплеснула руками, когда он ей сказал, что она будет гувернанткой в⟨еликих⟩ княжен [41]. «Ach, mein Gott, ich kann ja nicht sprechen Französisch».— «Das ist auch gar nicht nötig, die Grossfürstinen werden Lehrern haben» [18*]. Дело идет о хорошем, солидном нравственном воспитании, вот, что

[14*] миниатюрный

[15*] Гатчинцы

[16*] Немецкая фермерша

[17*] Дорогой Браун, вы посылаете мне лучшие апельсины, не сможете ли прислать мне лучшую гувернантку для моих внучек.

[18*] Ах, боже мой, я не говорю по-французски.— А это тоже вовсе не нужно, у великих княжен будут учителя (*нем.*).

требуется от гувернантки». Баронессу и ее детей одели, нашли служанку, которую я еще знала, купили карету и повезли баронессу Ливен, рожденную Поссе (она была курляндская уроженка из числа древних мещанских фамилий, которых не гнушались гордые бароны наших остзейских провинций). Она ехала на шестерне с чином генеральши и с запиской Брауна прямо в Царское Село. Екатерина была в Софии, после смерти Ланского она часто туда ездила, потому что он там похоронен. Екатерина была сметлива, тотчас оценила приезжую, пригласила ее обедать и убедилась, что лучшего выбора нельзя было сделать. Сыновей баронессы определили в кадетский корпус, тогда Пажеский корпус не был особым заведением, Ангальт из кадетов выбирал лучших в пажи. Они жили в особом доме по поступлении их в пажи. А дочерей отпустили с баронессой в Гатчину. Она произвела самое приятное впечатление на в⟨еликого⟩ князя и великую княгиню, сделалась доверенным лицом и другом и оказала им величайшие услуги. Она одна умела сохранять мир между обоими дворами. Ее дочери пользовались уроками великих княжен (эту историю мне рассказывал Александр Федорыч Барят⟨инский⟩, он и теперь еще нашим консулом в Лондоне, от него я узнала очень интересные вещи, я играла с ним в пикет. Он человек умный, образованный, не знаю, зачем его не назначили давно уже посланником куда-нибудь).

Екатерина требовала, чтобы в табельные дни в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ и в⟨еликая⟩ княгиня присутствовали при выходе и маленьких в⟨еликих⟩ к⟨няжен⟩ учили делать реверанс. В именины в⟨еликой⟩ княжны Марьи Пав⟨ловны⟩, которой было 7 лет, и ее матери был выход, и Марье Пав⟨ловне⟩ приказали подходить ко всем министрам. За ней шла генеральша Ливен. Бедняжка долго стояла перед графом Паленом и, наконец, сказала ему: «Mr le Comte, aimez-vous la pommade à la rose?» — «Non, m-me, j'aime la pommade à la bergamote» «Et moi, j'aime beaucoup la pommade à la rose et comme c'est mon jour de nom, on m'a donneé» [19*]. Две старшие дочери в⟨еликого⟩ князя были необыкновенной красоты, стройные, как пальмы, и когда Александре Павловне исполнилось 17 лет, Екатерина вызвала наследника шведского престола [42] в надежде, что он женится на ней. Все знают, что брак этот не состоялся, потому что принц, обещавший, что у великой княгини будет церковь, вдруг отказался от своих слов. Когда Густав должен был бежать, наследник был Бернадотт [43]. В отомщение за обиду бабки и сестры, император поддержал Бернадотта, и с вступлением новой династии Швеция лишилась поддержки Франции и сделалась совершенно безопасна для России.

Швеция, Норвегия и Дания страшным образом подтачивают новейшие теории, в Дании более половины народонаселения неверующие, и по окончании наук молодые люди иногда обращаются в христианство. То же самое у нас в Финляндии, и все это распространилось даже до Куспио, книгой мерзавца Ренана [44]. Вавилон на Сене, как называл Париж Николай Дмитрич Киселев, будет отвечать за все свои преступления. Однако надобно

[19*] «Г. граф, любите ли вы розовую помаду?» — «Нет, мадам, я люблю бергамотовую» — «А я очень люблю розовую, и так как сегодня мои именины, меня ею напомадили».

сказать правду: здесь идет страшная борьба между духовенством и наставниками des écoles communales [20*], оставленными Mr Duruy при Наполеоне III. Les frères de la doctrine chrétienne [21*] взялись за воспитание мещан, детей служащего люда и за 30 ф. в месяц формируют благочестивых граждан. Иезуиты воспитывают детей высшего класса. Сен-Сирское училище, которое при Луи Филиппе известно было своим развратом и каждый вечер посвящало плотскому, то, что у нас называется шпицбалы, теперь не является в эти школы самого необузданного бесстыдства. Все усилия Гамбетты, Жоржа Ферри в уничтожении религии тщетны [45], церкви полны народа, и замечено, что мужчины почти более, чем женщины, прибегают к св. причащению. Покойная имп‹ератрица› еще незадолго до своего последнего и тягостного путешествия дала поручение посольству собрать сведения о заведении аббата Руссель. У него был маленький капитал, после Коммуны он подобрал на улицах нищих мальчиков, которые в рубищах спали под воротами, питались даже отбросными корками; он нанял маленькую квартиру и поместил этих несчастных сирот. Он поехал в Англию в надежде собрать там способ для увеличения своей школы. На железной дороге он встретил господина, которого просил о помощи, тот ему отвечал, что во время войны Англия истощилась, что он ему советует повременить, дал ему 2 фунта и сказал: «Надеюсь, что через два месяца буду в состоянии дать вам более». Через несколько месяцев он прислал ему 200 000 ф. Имя этого благодетеля осталось неизвестным. Многие приняли участие. Папа Пий IX ему послал, сколько мог, и теперь учатся 300 мальчиков, которые учатся всяким ремеслам. Он издает очень интересный журнал с литографиями под именем «La France illustrée». Шесть священников постоянно дежурят, они пишут текст журнала, а мальчики печатают с помощью паровой машины. Сам Руссель веселенький и живчик. Его сестры и двоюродные сестры чинят белье и одежду мальчиков. 40 мастеровых при доме, и он отдает в другое заведение где-то, где у него тоже заведение, и собирает постоянно деньги на свои заведения. Хомяков в своей брошюре сказал [46]: «Le caractère affairé de l'Eglise de Rome» [22*]. Это упрек пустой, гораздо хуже странное равнодушие наших попов, их сребролюбие, не говоря уже о светских членах православной церкви.

Но возвращаюсь к в‹еликому› к‹нязю› и великой княгине. Екатерина послала их путешествовать. Они ехали под именем Comte et Comtesse du Nord [23*], с ними были фрейлины Екатерина Ив‹ановна› Нелидова и Наталья Семеновна Борщова, воспитанницы Смольного монастыря. Не знаю имен кавалеров, их провожавших. Кажется, нашим послом был Колычев, очень умный, но в высшей степени развратный. В Вене их приняли со всевозможными аттенциями, и тут они просватали Александру Павловну за эрцгерцога палатина Венгерского, с условием, что в‹еликая›

[20*] коммунальных школ

[21*] Братья христианской доктрины.

[22*] Деловой характер Римской церкви.

[23*] Принц и принцесса Северные

к⟨няжна⟩ сохранит свою религию. Построена была церковь, но говорят, что под тем или другим предлогом бедную в⟨еликую⟩ к⟨няжну⟩ отдаляли как можно чаще от исполнения ее духовных обязанностей. Вскоре получили известие, что красавица в полном цвете лет скончалась[47]. В Германии прошла молва, что какой-то венгерский граф, ее камергер, чтобы избавить юную несчастную жертву фанатизма, предложил ей ехать в Германию, где она и скончалась, но это чистая сказка. Воспитанная в самых строгих правилах, великая княгиня безропотно переносила страдания нравственные, пока ей позволяли физические силы.

Из Вены граф и графиня Северные поехали в Париж (год не помню), где имели большой успех. Великая княгиня пленяла красотой и грацией, в⟨еликий⟩ князь своим остроумием и ласковым обхождением[48]. Это пребывание было уже перед революцией. Везде прорывалось своеволие, печатали вредные книги, а что хуже — гравировали самые ужасные и опасные предметы, между прочим, Комма под названием «Justine»[49]. В⟨еликий⟩ князь купил эти гравюры, запер их в сундук и собственной рукой написал: «Personne ne doit ouvrir cette caisse, le burin des plus grands graveurs français ne s'est pas refusé de graver ces infamies»[24*]. Этот сундук за печатью императора находился в Гатчине, и покойный государь решил его открыть; он при мне сказал импер⟨атрице⟩: «Mes cheveux se sont dressés sur ma tête, quand j'ai vu quelques gravures»[25*], не знаю, где этот сундук. В⟨еликая⟩ княгиня подружилась с Марией Антуанеттой и была с ней в постоянной переписке. Говорят, что в⟨еликая⟩ княгиня Александра Иосифовна нашла 1000 писем несчастной и совершенно невинной королевы[50] и что их напечатают. Воспитанная в Вене, где думали только о веселии и жили беззаботно, она и в Париже не соблюдала строго этикета. Она любила танцевать и танцевала кадрили с красавцем Диллоном, а вальс со шведом, красавцем Ферзеном. Михаил Юрьевич Вьельгорский мне рассказывал, что однажды, после лишнего тура вальса, она, засмеявшись, взяла руку Ферзена и сказала: «Voyez, comme mon coeur bat». Louis XVI qui était à coté, lui a dit: «M-me, on vous aurait cru sur parole»[26*]. Ее восторженностью воспользовался мерзавец кардинал де Rohan, история du collier de la Reine[27*] всем известна[51]. В Париже была женщина, известная под именем la femme La Motte, она была похожа на королеву, и ей досталось le fameux collier[28*]. Эта La Motte умерла в Одессе. Она очень дорожила какой-то шкатулкой. После ее смерти открыли шкатулку и нашли только ножницы. Как и почему она очутилась в Одессе, неизвестно.

В⟨еликий⟩ князь посещал Академию наук, Сорбонну, гошпитали, сестер милосердия, но не был у герцогини ⟨нрзб.⟩. Они посещали оперу. Мария Антуанетта очень покровительствовала Глуку[52], а публика не отнеслась

24* Никто не должен открывать этот ящик; резец величайших французских граверов не отказался гравировать эти бесстыдства».

25* «У меня волосы встали дыбом, когда я увидел некоторые из этих гравюр».

26* «Посмотрите, как бьется мое сердце». Людовик XVI, который был рядом, сказал ей: «Мадам, вам поверили бы в этом на слово».

27* с ожерельем королевы

28* это знаменитое ожерелье.

так к появлению его пьес. Хотя гроза уже издали гремела, Гонкур в своих «Pensées» пишет: «Французы говорят, что родина — покровительница»[53].

Из Парижа путешественники приехали в Берлин, и там устроился брак в⟨еликой⟩ княгини Елены Пав⟨ловны⟩ с герцогом Павлом Мекленбург-Шверинским[54], и этот брак был столько же счастлив, сколько несчастлив брак венгерской палатины. В⟨еликий⟩ князь был в восторге от прусского короля и король ценил ⟨великого⟩ князя.

Когда они вернулись, Екатерина приняла их очень хорошо и объявила, что пора выдать замуж в⟨еликую⟩ княжну Марию Павловну. В 1804 году выписали герцога Саксен-Веймарского. Он был дурен, глуп и обжора, но добродетельная Мария Павловна его любила и была счастлива. Она нашла еще старика Гете и кружок людей умных и приятных[55]. У нее было две дочери: принцесса Мария (старшая), которая вышла за принца Карла Прусского, и Августа, жена ныне царствующего германского императора Вильгельма, и сын. В Петербурге проживали иностранные принцы: Леопольд Саксен-Кобургский, брат Анны Федоровны, жены в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ Константина Павловича, принц Павел Вюртембергский и принц Ольденбургский. Они состояли в русской службе. Брат в⟨еликой⟩ княгини Марии Федоровны[56] был начальником путей сообщения. Он был человек замечательного ума и ученый. В⟨еликий⟩ князь Михаил Павлович его называл: «Mon oncle le grand pontife»[29*], а в обществе его звали «Шишка», потому что у него над правым глазом была большая шишка. Он был также начальник Инженерного корпуса. Он жил скромно, одним жалованьем, и занимал несколько комнат в Шепелевском дворце.

В 1810 году получили неожиданное известие, которое взволновало весь двор. Наполеон просил руки в⟨еликой⟩ княжны Екатерины Павловны[57]. Рибопьер мне рассказывал, что утром за завтраком в⟨еликая⟩ княжна с приближенными шутила и смеялась над принцем Ольденбургским, который не скрывал своих чувств (между нами будь сказано, у него был постоянно понос). Вечером у вдовствующей императрицы Марии Фед⟨оровны⟩ было большое собрание, не было только ни Екатерины Павловны, ни принца Ольденбургского. Дверь отворилась, и дежурный камергер громко объявил: «Ее императорское высочество с нареченным женихом принцем Ольденбургским». Наполеону написали, что его предложение пришло после помолвки. Но за это мы поплатились войной 1812 года. Наполеоны — выскочки, которые никогда не забывают и не прощают тем, кто смотрит на них иначе, чем на происходящих из великих и древних династий. Вышли записки Ремюза[58]: каким мелочным подлецом оказывается великий полководец. Он был только великий полководец и фигляр.

В 1796 году 12 июля родился в⟨еликий⟩ князь Николай[59], а за год перед этим в⟨еликая⟩ к⟨няжна⟩ Анна Павловна. По вступлении на престол родился порфирородный в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Михаил, а после него в⟨еликая⟩ княжна Ольга, которая жила только неделю[60]. Державин написал стихи на ее смерть, сравнил ее с розовым лепестком. Они напоминают стихи Малерба[61]:

[29*] Мой дядя первосвященник

Et rose, elle a vecu
Ce que vivent les roses —
L'espace d'un matin [30*].

При царских детях были дамы, которых называли полковницами. Они давали отчет доктору о здоровье ребенка, заставляли его молиться и были неотлучны от него. Полковницей в⟨еликого⟩ князя Николая была полковница Адлерберг, а ее помощницей полковница Тауберт [62]. Вот откуда та привязанность, которой пользовались и пользуются Адлерберги. С младенческих лет в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Николай привязался к Владимиру Федоровичу, и он вполне заслуживает доверие, которым пользовался.

В записках генерала Рапп [63] вы найдете самое точное повествование о страшной ночи, когда совершилось ужасное преступление. Нет сомнения, что несчастный Павел был подвержен припадкам сумасшествия. Но кого же он сделал несчастным? Он ссылал в Москву, в дальние губернии. При нем не было рекрутского набора, нового налога, не было войны, Россия была покойна. Пушкин мне рассказывал, что в 6 часов не было ни одной бутылки шампани. Совершив гнусное дело, несчастные ликовали. Я раз говорила князю Дмитрию Александровичу Хилкову, что император Павел навел страх на всю Россию.— «Скажите — на Петербург. Страх божий — начало премудрости. После страшной распущенности царствования Екатерины нужна была строгая рука. Он разогнал толпу и оставил при себе Куракина [64], который вполне заслуживал его доверия. Павел был человек религиозный и нравственный». Он был дежурным пажом 1-го марта. Павел получил столовый фарфоровый сервиз от прусского короля, никогда не был так весел, как в этот вечер, шутил с Нарышкиным, разговаривали о Наполеоне и его войнах. Он сказал великое слово: «Il me semble que les souverains n'ont pas le droit de verser le sang de leurs sujets pour ruiner leurs différents; il faudrait faire comme dans les anciens temps et se battre en champ clair avec ses champions». C'est une parole chevaleresque et Paul était un preux chevalier dans toute acception du mot» [31*] [65]. Кстати или некстати, в Петербург приехал из деревни старик Скарятин и был на бале у графа Фикельмона. Жуковский подсел к нему и начал расспрашивать все подробности убийства: «Как же вы покончили, наконец?» Он просто отвечал, очень хладнокровно: «Я дал свой шарф, и его задушили». Это тоже рассказывал мне Пушкин [66].

Но возвращаюсь к институту. В ноябре 1825 года получено было известие о кончине императора Александра. Федор Ник⟨олаевич⟩ Глинка мне рассказывал, что в последние годы своей жизни Александр впал в горькую ипохондрию, сблизился с женой и жил более в Царском Селе. Перед отъездом из Петер⟨бурга⟩ он посетил в Невской Лавре монаха Авеля, изве-

---

[30*] И роза, она прожила
Сколько живут розы:
Одно лишь утро.

[31*] «Мне кажется, что государи не вправе проливать кровь своих подданных для уничтожения не угодных себе. Нужно было бы поступать как в древности и сражаться в открытом поле со своими соперниками». Это рыцарские слова, и Павел был доблестным рыцарем, в полном смысле слова [65].

стного своей отшельнической жизнию и духом прозрения. Он беседовал с ним целый час, и Авель ему сказал, что он не увидит более своей столицы. То же самое предсказала ему в 1815 году мадам Le Normand. Она ему сказала: «Les dernières anneés de votre règne sont obscurcies par des inquiétudes, vous mourrez loin de votre capitale, après vous viendra un règne long et glorieux, et puis je ne vois que désordre, flamme et feu» [32*] — и смешала карты. Это мне рассказывал Федор Ив⟨анович⟩ Тютчев [67]. Карты для Ле Норман были традицией, она приходила в состояние ясновидения. Недавно умер в Париже некто Эдмон, у него не было карт, а он вдруг приходил в ясновидение, предсказал падение Наполеона, и ему запрещено было принимать.

Александр Пав⟨лович⟩ выехал в коляске с своим кучером Ильей, у Трех рук он остановился, долго смотрел на Петерб⟨ург⟩, глаза его налились слезами, и он сказал: «Илья, я более не увижу Петербурга». Он тут родился, вырос, тут любил, тут выстрадал в страшную годину 1812 года; весьма естественно, что он любил места родимые. И я люблю Одессу, хотя Одессы моего детства не осталось и помину, и перед моим приездом наш хутор с домом обвалился в Черное море, и море его поглотило, и Грамаклея, и Адамовка мне кажутся лучше всех деревень на свете.

Императрица Елисавета Алексеевна писала из Таганрога [68]: «Notre Ange est au ciel et je regrette sur la terre» [33*]. Все носили кольца с этой надписью, в 68 году я видела еще это кольцо у графа Киселева. Это известие как громом поразило всю Россию. Митрополит Филарет тотчас с нарочным прислал бумагу, которая лежала в Успенском соборе на престоле под печатью. Об этой бумаге знал только покойный император, вдовствующая императрица, князь Александр Николаевич Голицын и секретарь его Попов, который и отвез ее в Москву. Вероятно, Филарет знал, что она заключает добровольное отречение от престола в⟨еликого⟩ князя Константина Пав⟨ловича⟩: отречение, когда получил позволение жениться на девице Грудзинской, получившей титул княгини Лович. В⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Николай, не зная ничего, тотчас первый присягнул императору Константину, и во дворце присягали первые чины двора. Неизвестно, почему вдовствующая имп⟨ератрица⟩ присягнула. Когда же из Москвы нарочный привез бумагу, содержащую отречение, в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ и министр юстиции, князь Дмитрий Ив⟨анович⟩ Лобанов-Ростовский решили послать еще в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ Михаила Пав⟨ловича⟩, чтобы узнать, не переменил ли мнение в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Константин. Великий князь встретил генерала, кажется Феншоу, посланного вице-королем польским, чтобы поздравить брата со вступлением на престол, и в Варшаве сам присягнул, польская армия и вся Польша [69].

В городе сделалось волнение. В Московском полку не хотели вторично присягать, офицеры подстрекали солдат к неповиновению. Командир, барон Фридрикс, был ранен. То же повторилось в Измайловском полку, ранен был Штюрмер. Во дворце занимал караул Морской пехотный полк, ка-

---

[32*] Последние годы вашего царствования затемнены беспокойствами, вы умрете вдали от вашей столицы, после вас придет царствование долгое и славное, а потом я вижу лишь беспорядок, пламя и огонь

[33*] Наш ангел на небесах, а я горюю на земле.

питан Панов не хотел присягать. Их заменили павловцы. В Царском Селе гусары тоже бунтовали, и полковник Велио был ранен. Вся царская фамилия была собрана в Зимнем дворце, все министры, сенаторы и вообще замечательные люди, между ними Карамзин, находили положение опасным, советовали послать за экипажами и вывезти всю царскую семью. Но вдовствующая императрица и Александра Федоровна объявили, что не оставят государя в опасности.

Преображенский полк выстроился перед Дворцом, государь проходил перед рядами, уговаривал их быть верными присяге. Между тем площадь наполнилась народом, который волновался и кричал, сам не зная, зачем: «Дайте нам Константина и жену его Конституцию!» Сумасшедшие вожди заговора велели кричать «Конституцию!» Петерб‹ургский› генерал-губернатор, неустрашимый граф Милорадович старался успокоить войско и народ, но был смертельно ранен Каховским, и дело приняло еще более серьезный оборот. К несчастью, на площадь проникли моряки, и тогда уже генерал Алексей Федорович Орлов послал сказать государю, что нельзя более терять времени, наступила темнота. Три выстрела из орудий рассеяли толпу. Зачинщики рассеялись, и полиция ночью их разыскивала. Князь Петр Трубецкой скрывался у австрийского посла Лебцельтерна, его шурина; Щепина-Ростовского нашли где-то под мостом. Вечером все было совершенно спокойно [70].

Николай Алексеевич Муханов обедал у английского консула, он позвал сына: «Таганрог, друг мой, поди сюда! Я очень любил императора Александра и назвал его Таганрогом в память о нем». После Крымской войны у них появились Альмы и Инкерманы, а жену лорда Гренвиля зовут Касталия.

Митрополит Серафим остановлен был чернью в переулке. Дмитрий Ев‹сеевич› Цицианов подошел к его карете и сказал ему: «Что ты, старый дурак, тут делаешь? Ступай в Лавру». Утром у него был Оболенский и все ему рассказал, он надел шапку и палку взял и отправился на площадь [71].

Я была в институте, в 5 часов мы посылали женщину, которая жила у начальницы, в лавочку за всякой дрянью, она долго не приходила. Все ее окружили и спрашивали, что с ней было.— «Девицы, я чуть со страху не умерла,— отвечала Сашка,— в городе был бунт, стреляли из пушек, и что народу перебило!» Это все прибавлено. Начались аресты, получили весьма тревожные известия из второй армии. У генерала Киселева находился самый опасный член общества, Пестель, умнее и образованнее прочих, он очень легко вербовал молодежь; генерал Юшневский, Муравьев [72].

В Пажеском корпусе пажи играли и шутили. Всех веселее был Линфорд. Один из офицеров, Клуге фон Клугенау, сказал ему: «Какой вы сын отечества!» — «Я не сын отечества, я Вестник Европы». Тогда было три газеты: «Петерб‹ургские› ведомости», «Вестник Европы» и «Сын Отечества» [73].

Между тем казаки везли шагом из Таганрога тело покойного императора, останавливались в городах и у всех церквей служили литии. Гроб был закрыт и поставлен в Казанском соборе. Казаки в память того, с ко-

торым они воевали по всей Европе, жертвовали серебро на иконостас. Все жители Петерб⟨урга⟩ сочли долгом поклониться тому, который с такой славой умиротворил Европу. Всем известны стихи на возвращение покойного [74]:

Ты возвратился, благодатный,
Наш кроткий ангел, луч с небес.

Все институты облеклись в черные передники, и нас возили в Казанскую. Признаться надобно, что для нас это было partie de plaisir [34*], потому что мы катались в придворных экипажах только на масленицу и на святой. Когда после смерти государя императрица вошла в наш класс, мы были так поражены ее переменой и грустью, что встали молча, у многих навернулись слезы. Она, видимо, была тронута и сказала: «Mes chers enfants, vous avez perdu un protecteur, vous en avez un autre» [35*]. 14 число отозвалось и у нас в институте. Очень искусный инженер, полковник Богданович, брат дамы классной, был замешан в заговоре и застрелился. Брат девицы Галяминой тоже был арестован, но вскоре выпущен [75].

Великим постом назначен первый экзамен у священника при императрице. Она приехала в 10 часов утра, с ней князь Александр Ник⟨олаевич⟩ Голицын. Нас экзаменовали от 10 до часу, а в два продолжался экзамен до 7 часов вечера. Императрица и ее свита у нас обедали. Прежде продолжения дано было три дня.

После этого были публичные экзамены. В первых рядах за решеткой сидел митрополит Серафим, священники, католический епископ Сестренцевич, он был почтенный старик, Филарет его очень уважал, он был склонен к православию, и все иностранные послы, которые знали, что это будет приятно государыне, присутствовали и министры. После этого назначен был день прощания, императрица приехала с государем. Он был бледен и очень худ, видно было, что он очень озабочен. Мы пели прощальные стихи, сочиненные Плетневым, а Кавос, наш учитель пения, сочинил музыку [76]:

Расстаемся, расстаемся,
Мы с приютом детских лет,
Мы судьбе, зовущей в свет,
Невозвратно отдаемся.
Был у нас другой хранитель,
Он уж взят на небеса,
Небеса его обитель.

При этих словах слезами прервались наши голоса, мы не окончили. Государыня взяла за руку молодого императора и сказала: «Au revoir, mes enfants» [36*].

Пришел и день выпуска. В 10 часов была обедня, молебен с коленопреклонением, все уже были одеты в городские платья, всякая по своему

[34*] Увеселительная прогулка
[35*] Милые мои дети, вы потеряли одного покровителя, но у вас есть другой.
[36*] До свидания, дети мои!

состоянию. Я была в казенном платье, меня никто не брал. Дядя Дмитрий Ив⟨анович⟩ написал, что он и жена его стары, никогда не выезжают из Грамаклеи и что я со скуки у них умру. Марья Ив⟨ановна⟩ Лорер тоже отказала, потому что была в глубокой горести. Ее племянница Елизавета Петровна Нарышкина, рожденная графиня Коновницына, готовилась ехать в Сибирь с мужем. Ее братья Петр и Иван были сосланы на Кавказ [77]. Три звонка. Дверь отворили в рекреационной зале, и вошла государыня. Мы стояли, за ней шла начальница и дамы классные в своих синих мундирных платьях и несли шифры, золотые и серебряные медали. 1-й шифр получила Бартоломей, дочь известного доктора Бартоломея, второй я, меня подкузьмила арифметика, а то бы я получила первый. Третий — Нагель, четвертый — Эйлер. Шифры очень красивы: золотая буква «М» с короной, на белой муаре ленте, окаймленной красным цветом. Императрица сама прикалывала шифры и раздавала медали. Стефани Радзивилл получила вторую золотую. Это мы смастерили столько же для Стефани, которую все любили, столько же, чтобы сделать удовольствие государыне. Бедняжке было шесть лет, когда ее привезли в институт, мать ее не любила, она была почти сирота, но добрая государыня была совершенно как мать для нее. После медалей пошли поклоны. Последний для бедной Трамбицкой, которая не хотела подходить, но импер⟨атрица⟩ ее подозвала и сказала: «Ma chère enfant, si vous n'avez pas bien étudié, vos Dames de classe ont été contentes de votre conduite, je sais que votre mère est très pauvre, au lieu de 250 roubles qu'on donne aux enfants qui ne peuvent pas se faire une toilette convenable, vous aurez 500 roubles» [37*]. После этого государыня собственноручно дала каждой из нас евангелие и каждой сказала: «Lisez tous les jours un chapitre, mon enfant». Уезжая, она сказала начальнице: «La petite Rossett reste ici jusqu'à nouvel ordre, m-lle Euler aussi, les parents doivent les prendre pour un mois! Et petite Radziwill pourra venir de demain au palais avec sa gouvernante m-lle Ungebauer» [38*]. Спустя месяц нам сшили черные шерстяные платья, и начальница повезла нас в Зимний дворец, где нас представили как будущих фрейлин императрицы Александры Федоровны [78], а оттуда в Аничковский, где нас представили ей. После нескольких слов гофмаршал их двора, граф Моден, велел нас отвести в наши комнаты — всего три маленькие конурки; в спальне была перегородка, за которой спала моя неразлучная подруга Александра Александровна Эйлер. Она тотчас наняла фортепиано, и мы с ней играли в четыре руки; тогда в моде был Hummel, концерты его и сонаты прекрасные. В институте я брала уроки у m-me Nagel; ее внучка Капитолина была косая, злая и капризная девчонка, я ее терпеть не могла. Бабушка ее, которую все звали Grand Maman, была католичка, у нее было много католических книг, между прочим «La vie de St. Augus-

---

[37*] Дитя мое, если вы и не учились хорошо, то ваши классные дамы были довольны вашим поведением; я знаю, что ваша мать очень бедна; вместо 250 р., которые дают детям, не имеющим возможности сделать приличный туалет, вы получите 500 р.

[38*] Читайте каждый день одну главу, дитя мое. ⟨...⟩ Маленькая Россет останется здесь до нового распоряжения и Эйлер тоже, родители должны их взять на месяц! А маленькая Радзивилл может явиться завтра во дворец со своей гувернанткой мадемуазель Унгебауэр.

tin». Старушка обедала у начальницы и всегда оставляла пирожное для внучки. Капитолина приглашала Балугьянскую и меня в 3 1/2, когда был отдых, с ней разделить это пирожное. Однажды она все нам отдала; когда мы спросили ее, зачем она не ест, она отвечала: «S-te Monique ne mangeait que quand elle avait faim» [39*]. Балугьянская и я, мы уплели все, и всякий день она отказывалась. Мы говели на страстной неделе, уже у Наумова, перед исповедью он нас очень серьезно приготовил к исповеди и принятию святых тайн, до той поры мы не слыхали подобных слов. Все заметили, что он произвел сильное впечатление на Капитолину. Она вдруг изменилась, утром молилась и с молитвой умывалась, одевалась, в классе делала то же самое, можно без преувеличения сказать, что она вся обратилась в молитву, начала прилежно учиться. Девицы было начали смеяться, но ничто ее не смущало, и с уважением смотрели на нее. Она была очень нетерпелива, играла гораздо лучше меня на фортепиано и сказал мне: «Ma chere Sachenka, rendez-moi un service, voici une sonate très difficile de Hummel, nous la jouerons mesure par mesure, je vous promets de ne pas m'impatienter» [40*]. Что было сказано, то было сделано, и я ей очень благодарна. После выпуска Балугьянская пригласила некоторых подруг на танцевальный вечер. Старушка m-me Nagel предложила Капитолине туда ехать, но она слезно просила не везти ее на бал. Ее назначили пепиньеркой, но спустя месяцев шесть она занемогла. Ее свезли в лазарет, доктор сказал, что у нее нервное расслабление и что должна быть нравственная причина, потому что все укрепляющие средства не помогали. Она на исповеди призналась Наумову, что желает перейти в римскую церковь, поступить во Франции в монастырь, что желание так сильно и она только тогда будет здорова. Нечего было делать. Наумов очень жалел, но, зная состояние наших монастырей, он ей сказал, что не может и не хочет ей мешать. Бабушка отвезла ее в Версаль к аббату Préfontaine, она выучилась латинскому языку и поступила в Sacré-Coeur de Paris, rue de Vanne, faubourg St. Germain. Теперь она abesse du Sacré Coeur à Confesseur.

У нас был слуга, мужик Илья, он приносил нам обед, у Эйлер была девушка чухонка, а у меня русская; эти две постоянно ссорились. Илья мне сказал: «Ваша Прасковья Михайловна — злейшая раскольница и очень вредная женщина. Она принадлежит к расколу Солодовникова и серебряных лавок» [79]. Однажды она была так зла, что я ее спросила, что с ней делается. Она мне отвечала, что закрыли часовню купца Милова, а вскоре закроют часовню купца Косова. Я ничего ровно не понимала и только позже узнала, что значит секта серебряных лавок.

Однажды утром я слышу громкий голос в передней и узнала знакомый голос Фомы Александровича Кобле. Он вошел, меня обнял и сказал: «Ах, Сашенька, как я рад, что вы теперь во дворце и что государыня не отдавал вас к Арнольди, даже запретил этот скверный человек принимать в институт». Я спросила его о бабушке. «Ваша бабушка еще жива, но очень горюет, что Николаша в Сибири, а Митя с женой взяли племянника Пу-

[39*] Св. Моника ела только когда была голодна.

[40*] Милая Сашенька, окажите мне услугу; вот очень трудная соната Гуммеля, проиграем ее такт за тактом, я обещаю вам не терять терпения.

занова и хотят ему оставить Грамаклею; я сказал им, что нехорошо, потому что Сашенька будет просить государя и Николашу простят». Я его спросила о детях. «Клавдинька вышла замуж за маркиза Паулуччи, с ней поехала мадемуазель Курсель, вы помните ее; Аполлон управляет Коблевкой, а я живу с мой пансион; все сожалею моя жена; я ее очень любил, она была дочь казацкой полковник Цветогоров, меня туда послали в его станица. Мы полюбили друг друга. Полковник мне сказал: «Черт тебя знает, кто ты такой, и вера-то у тебя не наша». Тогда я свою невесту увозил, посадил ее перед меня на лошадь, сказал ей держаться крепко. Я был честный человек, мы скакали 40 верст, и в первой станице, где был поп, я на ней женился. Она прежде не хотела и говорила: «Фома Алек‹сандрович›, вы такой ученый, а я ничего не училась».— «Какой я ученый, я только помню свои шотландские песни».— «А как же вы генерал?» — «А это я за свою храбрость генерал. А вы, Сашенька, были у Мордвинова? Вам надо туда ехать, он был друг вашего папеньки. Его жена — моя сестра, а племянница — моя, за господин сенатор Столыпин, прекрасный человек» [80].— «Я ее знаю, она очень дружна с тетенькой Марьей Ив‹ановной›».— «Ну так вы должны ехать с ней к Мордвинову». Добрый Кобле уехал и более я его не видела.

В институте, я еще была в маленьком классе, мне пришли сказать, что у начальницы в передней ожидает меня женщина. Я вошла и не узнала ее. «Барышня, вы меня не узнали — я была горничная вашей маменьки, я Татьяна; как вы выросли, я вас не узнала бы». «Ах, Татьяна, как я рада вас видеть, я не помню, где я вас видела в последний раз».— «В Усмани, я всегда была вольная, одесская мещанка. Я уж не хотела оставаться от Ив‹ана› Карловича и просила отпустить; он меня записал в крепостные. Я жаловалась исправнику, он и его разругал, тогда я пошла к Гакебушу, они мне дали с Амальей Ив‹ановной› деньги и я с ними приехала в Одессу».

Однажды я стояла у окошка и видела, что импер‹атрица›, стоя, кушала что-то; она меня увидела, и вижу, что она рукой меня зовет. Когда я пришла в кабинет, она мне сказала: «Avez-vous mangé des fraises hors de saison, en voilá dans ce petit panier, cela vient des serres de Czarskoe. Comment vous appelle-t on?» — «Alexandrine, mon jour de nom est le 23 d'avril».— «Ma chère, c'est le jour où les vaches vont au champs. Mon jour de nom est le 21 d'avril» [41*]. 23 утром пришел лакей меня поздравить с именинами и принес белую Gaz de Chambery на платье, гренадиновые цветы и веер трокадеро, они были в моде, и я его долго сохраняла. Очень часто императрица за мной посылала, и я ей рассказывала наши институтские шалости. У нее была счастливая способность серьезно интересоваться окружающими ее. Ее фрейлина, графиня Софья Гавриловна Моден, заметила, что я пользуюсь расположением государыни, и невзлюбила меня, и однажды императрица мне сказала: «Il faut que j'invite plus souvent Sophie le matin, car elle est envieuse; on s'imagine que je suis libre de voir et d'aimer qui je veux, ce serait un bon privilège, mais

[41*] «Ели вы когда-нибудь землянику не в сезон — вот в этой маленькой корзинке, это из оранжерей Царского. Как вас зовут?» — «Александрина, мои именины 23 апреля».— «Моя милая, в этот день коров выгоняют в поле. Мои именины 21 апреля».

on se trompe, j'aime beaucoup la princesse Troubetzkoy et Catiche Saltykoff, mais si j'invite une fois de plus l'une on l'autre, elles boudent»[42*].

До страстной недели мы поехали в Царское Село и жили в Большом дворце. В крепости производили суд над заговорщиками, декабристами, как их называли[81], а в Царском государь принимал дела от Аракчеева. В 9-ть часов мы собирались в крошечном кабинете Екатерины. Императрица работала, граф Моден читал ей какой-то невинный и скучный роман, его дочь, Эйлер и я, мы втихомолку зевали, а доктор Крейтон храпел. Около 10-ти часов слышен был мерный и твердый шаг государя. Он приходил в старом сюртуке Измайловского полка, которого был шефом, без эполет, бледное лицо его выражало усталость. Императрица ему сказала: «Mon Dieu, que vous avez l'air fatigué[43*]!» — «Да, поработать с Алексеем Андреевичем нелегко, дела страшно запутаны, и мне приходится их разбирать за несколько лет». Мы ужинали, а государь, посидев с четверть часа, уходил к себе в кабинет, за китайскую залу. Уходя к себе, я видела, что поваренки еще содержат огонь на случай, государь захочет ужинать.

Я с Эйлер жила внизу, окошками на большой двор. Мы уж легли, Эйлер спала, я услыхала конский топот, вскочила и подошла к окну. Мимо наших окон проскакал кто-то на серой лошади, в серой шинели и серой каске, к калитке сада, у которой всегда инвалид. Утром Софья Моден мне сказала, что та же странная фигура проскакала мимо ее окон, но затем под колоннадой нашли следы, вдоль по аллее, мимо беседки, называемой «У Померанца», перескочила через канавку у Лебедя, и тут исчезли следы. Императрица уже спала, но удивительно, что государь ничего не слышал, он ничего не говорил, то полагали, что не слышал. Моден полагал, что это была фарса какого-нибудь лейб-гусара. Караул на дворе также его видел, инвалид у решетки ему отворил ее, часовой у Померанца тоже. История этого часового очень смешная[82]. Император Александр увидел, что на померанцевом дереве один уже остался, и хотел его сберечь и приказал поставить часового; померанец давно сгнил, и дерево поставили в оранжерею, а часового продолжали ставить у пустой беседки. Император проходил мимо и спросил часового, зачем он стоит. «У померанца, ваше величество».— «У какого померанца?» — «Не могу знать, ваше величество». Волконский ему объяснил дело, и часового отменили. Тот, который говорил m-me Stael: «Je ne suis qu'un heureux accident»[44*], был либеральнее на словах, чем в действительности[83]. Мучить часовых из-за померанца непростительно.

Очень старый гоф-фурьер приходил всякий день осмотреть наши комнаты. Я спросила, чьи эти комнаты были до нас. «Светлейшего Таврического Потемкина, с тех пор никто не жил. Комнаты под колоннадой были для фаворита. Я был лакеем у Ланского, когда он убился; он прекрасно ездил верхом, хотел перескочить у Лебедя, лошадь споткнулась, и он головой

[42*] Мне нужно почаще приглашать Софи утром, потому что она завидует; воображают, что я могу видать и любить, кого хочу, это было бы очень хорошо, но это ошибочно. Я очень люблю княгиню Трубецкую и Катиш Салтыкову, но если я приглашаю одну или другую лишний раз, они сердятся.

[43*] Боже мой, какой у вас усталый вид.

[44*] Я лишь счастливая случайность

ударился о камень, его принесли без памяти. Пустили кровь, она не пошла. Мы думали, матушка государыня с ума сойдет. Его похоронили в Софийской церкви»[84]. Его бюст есть у его сестры Кайсаровой. Говорят, что Екатерина его только так любила, а потом Платона Зубова.

Мне рассказывал Александр Павлович Яковлев, что когда Александр ехал в Калугу, не знаю, где был крутой спуск, погода была дождливая, и губернатор Омельяненко целую неделю сам ездил осматривать дорогу. Император приехал не в духе. С горы пришлось спускать его экипаж на руках. «Дорога очень дурна»,— сказал он сердитым тоном. «Ваше величество, 8000 человек работали целую неделю».— «50 000, милостивый государь, когда едет ваш император!» Нелиберальный Николай Пав⟨лович⟩ после приключения в Чембаре[85] не ездил более с своим кучером Яковом, на станциях ему выбирали лучшего кучера. От Подольска до Москвы дорога была ужасная. Ямщик ехал шагом. Государь был подвержен мигреням, его тошнило, он сказал Орлову: «Я лучше пойду пешком». Ямщик повалился ему в ноги: «Государь, я пропал, если скажут, что я своего царя не умел везти». Он сел, и 6 часов битых они тащились до Москвы.

Александр умел быть колким и учтивым. На маневрах он раз послал с приказанием князя Лопухина[86], который был столько же глуп, как красив; вернувшись, он все переврал, а государь ему сказал: «И я дурак, что вас послал». Николай Пав⟨лович⟩ сказал генералу Токаржевскому дурака, и на другой день извинился перед фрунтом.

Я пишу без всякого порядка и хочу сперва покончить об институтах. Государыня очень заботилась о вентиляции, тогда не было новых способов изменять воздух. В каждом классе были две двери, которые открывали, когда в половине 12-го мы ходили по коридору, и открывали форточку. Когда мы входили, было 13 градусов Реомюра. Мы снимали пелеринки, когда отогревались, и чуть делалось жарко, открывали окна в коридор, эти окна называли фрамыгами. В коридоре всегда было свежо и накурено смолкой. Когда было холодно, мы надевали большие драдедамовые платки. В 12 часов мы обедали. Начиналось пение трехголосного «Отче наш», и если на голодный зуб пели дурно, то должны были повторять. Обед наш был самый плохой, но это была вина эконома. Экономы во всех казенных заведениях — бедовые люди. У всякого заведения был опекун, наш был ученый генерал Клингер (он тоже написал трагедию «Фауст»)[87], мы ему жаловались; сменили одного и взяли Дириана, у которого был единственный сын и было состояние, а нас кормили все также худо. Провизия не была дурна, но кухарки, из ряда вон небрежные, поджаривали скверную говядину с тёртой de pomme de terre ou de pois[45*]. Суп был вроде того, который подавали Хлестакову, и трапеза заключалась пирогом из какой-то серой муки, и начинка была чернослив или морковь, мы ели эту дрянь и были здоровы. На первой и последней неделе великого поста, в среду и пятницу нам давали похлебку, белорыбицу, от которой столовая наполнялась такой вонью, что мы кричали издали воспитанницам: «Вон, вон!», а вместо пирогов клюквенный кисель с сытой. Но хлеба всегда было вдоволь, и мы

[45*] картошкой или горохом.

делали тюрю, были сыты и здоровы. Я узнала, что нынче в институтах дают картофель счетом и даже черный хлеб порциями; изменили часы. Мне кажется, что в мое время все было правильнее устроено. Для учениц и учеников полтора часа сряду следить за уроком по силам, а два часа утомительно. Когда мы обедали, класс выметали, опять открывали форточку и впускали свежий воздух. От часу до двух мы ходили и учили наизусть для учителя. В два часа учитель приходил до 3 1/2, опять ходили попарно, молча, по коридору. Вообще молчание соблюдалось и за отдыхом, а в 5 часов ходили пить чай, а победнее довольствовались ржаным хлебом с солью. Хлеб пекли у нас в подвале и он был прекрасный и прекрасно испечен. Из лазарета государыня обыкновенно входила в 1-ое отделение, она вызывала, осматривала с ног до головы, ей показывали руки, зубы, уши. Она сама убеждалась, что мы носим панталоны. Дирин шил новые из такой дерюги, что они были похожи на парусинные, а фланелевые юбки такие узкие, что после первой стирки с трудом сидели в них. Когда мы говели, после причащенья все три отделения, «кошечки» и «простушки», были собраны. Императрица приезжала нас поздравлять с принятием святых таин и увещевала нас не забывать, что мы совершили самый важный акт в этой жизни. При ней нам подавали чай с красным вином и каждой просвиру. В институте не делали шагу без ее истинно материнской заботы и любви. Ее деятельность была изумительной. Летом и зимой она вставала в 7 часов, тотчас одевалась, а с 8-ми часов она уже занималась с секретарем Вилламовым. Он вел переписку с госпиталем и институтом. Екатерининский институт был основан в 1800 году на собственные деньги императора Павла и его супруги. Дом, кажется, принадлежал графу Воронцову[88] и вполне отвечал своему назначению, потому что за домом был большой сад, и стена отделяла нас от Литейной улицы, грунт гораздо выше и воздух здоровее; вот почему императрица устроила там тоже Мариинскую больницу. Влево от строения для девиц и прислуги, живущей в подвале, большой двор, там прачечная, кухня, стойло для лошадей и сарай, помещение для эконома, полицмейстера и Беловой, с ней живут две питомки.

Наш капельмейстер господин Berting, un personnage des contes de Hoffman[46*]. Он так любил музыку, что даже когда настраивал фортепиано, останавливался на созвучиях и потряхивал головой; когда мы танцевали des pas, Mr Didelot хлопал в ладоши и приговаривал: «Раз, два, три, раз, два, три, голова ваша пади», Бертинг с чувством ударял смычком по своей старой скрипке и качался на стуле. Прочие музыканты были сыновья наших солдат: Васька, Ванька malade[47*], потому что был долго болен, и Васька косолапый. У Ваньки malade был прекрасный почерк, и он всегда подавал государыне рапортичку.

Начальницу m-me Breitkopf мы так любили, что точно от души ее называли maman. Наш сад был как игрушка, maman сама сеяла, сажала и пересаживала цветы, в больших перчатках она рылась в грядках, и мы ей помогали. Ее старшая дочь была замужем за Василием Николаевичем Зиновье-

---

[46*] персонаж из сказок Гофмана
[47*] больной

вым. Василий Ник⟨олаевич⟩ был человек замечательный строгостью своих правил, твердостью своих убеждений и щедростью. Он был друг Воронцова, князя Михаила Цицианова; его сестра была замужем за несчастным Григорием Орловым [89]. Она умерла в чахотке и похоронена в Ливорно, где скончалась. (В Ливорно похоронена также Александра Андреевна Воейкова, сестра Жуковского [90], на ее надгробном камне написано: «Да не смущается сердце ваше, веруйте в меня и в дела мои».) Она была красавица, и после ее смерти Орлов окончательно помешался. Говорят, что Екатерина его боялась. Я очень люблю надпись на воротах в Царском: «Орловым от беды избавлена Москва». У Екатерины была потребность кокетствовать умом, ее письма Гримму от этого утомительны. Отсутствие чувства утомляет в разговоре, а тем более в переписке. В любимом внуке Александре она видела свое творение. Она вызывала Даламбера, но он отказался по болезни. Дидерот приехал единственно, чтобы продать свою библиотеку. Митрополит Платон был еще в Петербурге, он изъявил желание его видеть, вошел в комнату и сказал по-латыни: «Нет бога» с торжественным видом, полагая, что Платон не знает по-латыни, но очень удивился, когда он ему сказал: «Рече безумец в сердце своем», показал ему дверь и ушел [91]. Тогда приехал швейцарец La Harpe, родной брат моей бабки Россет. Всем известно, какого рода воспитание он дал своему ученику: мораль, не зависящая от религии. Император его очень любил, и в 1815 году La Harpe у него жил в Елисейском дворце и был приглашен на все обеды. Государь часто ездил в Мальмезон к бедной Жозефине. M-me Récamier с мужем часто была приглашаема на эти обеды. В нее страстно был влюблен прусский принц Август и предлагал ей развестись с старым доктором Récamier, но она решительно отказала. Он выпросил позволение снять ее портрет во весь рост. Судя по этому портрету, она совсем не так хороша. Я купила за сто франков ее портрет, писанный на кости Bouvier. Она жила тогда у m-me de Stael в деревне, с которой была очень дружна; она была очень стройна, черты лица тонкие и прелестное выражение. Она кончила жизнь в Abbaye au Clair. Ballanche, автор de la Palingenesie, Chateaubriand были ее ежедневными посетителями. M-me Récamier была в Эмсе, когда в⟨еликая⟩ к⟨нягиня⟩ Александра Федоровна там пила воды после вторых родов. Она мне говорила: «Quand je l'ai vue, ce n'etait plus qu'une grosse petite femme, toute simple» [48*].

Со всем своим умом m-me de Stael имела талант всем надоедать. Граф Медем мне говорил, что она жила на Елагином острове у графа Федора Орлова и так была невыносима, что Орлов не знал, как от нее избавиться. В Англии ее пригласил lord Lansdawne в Steward на праздник и надоела всем до смерти. Он поехал в Италию и встретил ее на станции, она влезла в его карету, а на одной станции он, ни слова ни говоря, улизнул от нее [92]. Один Фридрих Вильгельм Шлегель, как терпеливый немец, выносил ее благодушно. Я понимаю, что Гейне ее возненавидел и назвал «La Sultanne de la pensée» [49*], та всегда носила красный тюрбан.

[48*] Когда я ее видела, это была просто толстая маленькая женщина, совсем простая.
[49*] Султанша мысли.

Киса, lisez Heine, il y a choses charmantes, j'ai lu à Berlin ses «Reisebilder».— A Berluin, disent les Prussiens, je lirais.— Je connais des charmants vers de Shakespeare traduits par Heine, je vous les conterai, et la musique est de Schubert. Et connaissez-vous sa «Fischermädchen?» [93]. Liszt joue cela d'une mine admirable. Il savait que j'aime beaucoup cette pièce et la jouait toujours pour moi. J'ai été à ses 18 concerts. Il est le génie du piano et la divinité vraie [50*].

Первая жена Зиновьева была Дубенская, дочь духовника Екатерины, не знаю, как он ей разрешил принять причастие, зато у него было 6000 душ и прекрасно меблированный дом на Фонтанке возле Троицкого подворья. Это состояние досталось бездетному Николаю Васильевичу. У Зиновьева было своих 2000 душ и под Петерб‹ургом› именье Копорье, где видны развалины крепостцы. Я и в Изборске еще видела безобразный остаток маленького укрепления — были, вероятно, построены какими-нибудь российскими Вобанами. Я видела табакерку с изображением крепости Копорье у Зиновьева. Они там проводили лето. Зиновьев жил очень скромно, откладывая из своего дохода для составления капитала дочерям. Когда он овдовел, в память жены внес 250 000 в Опекунский совет. Вторая жена была старшая дочь maman Breitkopf. Из процентов давали самым бедным девицам 250 рублей асс. при выпуске. Всякое воскресенье он приезжал к обедне в институт, становился против алтаря у самого входа, перед ним все дети, иногда племянники его жены, Балабины. В то время не ходили в сюртуке, и Василий Ник‹олаевич› с утра был в белом галстуке. После обедни вся семья завтракала у maman и опять собирались у нее в четыре часа, играли в «кошки-мышки», танцевали. Старшему сыну Степану было 18 лет, его гувернер заметил, что ученик задумывается, небрежно учится, смекнул, что отрок влюбился. В кого? В меня. Мне было 13 1/2 лет. И он перестал являться в четыре часа. У начальницы по вечерам бывали два гимназиста, Митенька и Боренька Глинки [94], пасынки мадам Кюхельбекер, и мы с ними играли в шашки. Дмитрий теперь послом в Португалии, а дочь его Устинья Дмитриевна прекрасно поет. Вечером Василий Ник‹олаевич› угощал девиц бриошами с молоком, угощевали только тех, у кого были на руке перевязки. Ленточка была свидетельством, что хорошо училась и хорошо себя вела в течение недели.

Maman Breitkopf очень любила цветы, мы с ней пересаживали, пололи и поливали. Для своих незамужних дочерей она построила домик. Mademoiselle Nathalie и mademoiselle Emilie проводили там летние дни. В двух комнатах помещались все их сокровища: флигель mlle Emilie и все нужное для живописи, mlle Nathalie прекрасно писала акварелью. В жардиньерках были всегда свежие цветы, и канарейки оглушали комнаты своим веселым пением. Обе сестры были вполне счастливы. После смерти отца они сосредоточили всю любовь на старушке матери. За год до нашего выпуска скончалась

50* читайте Гейне, у него есть очаровательные вещи, я прочла в Берлине его «Reisebilder».— В Берлюине, как говорят пруссаки, я прочту.— Я знаю прекрасные стихи Шекспира, переведенные Гейне, я вам их расскажу, а музыка Шуберта. А знаете ли вы его «Fischermädchen»? Лист играет это с восхитительным видом. Он знал, что я очень люблю эту вещь, и всегда играл ее для меня. Я была на 18 его концертах. Это гениальный пианист, истинно божественный.

maman[95]. Нельзя выразить нашего огорчения. Мы просили, как милости, позволения дежурить у ее гроба. Три дня покрывали этот дорогой труп свежими цветами и повезли ее хоронить. Мы все уныли, осиротели. По рекомендации графини Адлерберг, начальницей назначили Амалию Яковлевну Кремпину, которую с первой минуты мы невзлюбили. Она была женщина очень ограниченная, щепетильная и любила подарки. Мы, конечно, звали ее мадам Кремпин, Кремпуська, Крыса. Следующие выпуски, хотя и звали ее maman, но никогда ее не любили. После ее была Родзянко, рожденная Самарина, но она вовсе не понимала своего назначения. То же произошло в Смольном после смерти умной графини Адлерберг. Теперь все заведения импер⟨атрицы⟩ Марии Федоровны совершенно упали. Покойная благодетельница никогда не теряла из виду своих воспитанниц. Они могли всегда найти защиту и помощь, когда приезжали в Петерб⟨ург⟩. Из ее институтов выходили искренние дочери, хорошие жены и матери.

Мы были все так дружны, что старые подруги смело обращались к тем, которых положение было выше и давало способы помогать. Княжна Стефани Радзивилл получала во дворце 60 000 р. асс. с своего огромного состояния. У ее отца было 150 000 душ крестьян в Польше и Литве, огромные великолепные леса в Царстве ⟨Польском⟩, местечки Кайданы и Несвиж. Ее опекуны, князь Любецкий и граф Грабовский, сказали ей, что так как был большой долг по имению, они не могли давать больше дохода. Ее отец Доминик содержал кавалерийский полк, когда Наполеон завладел Польшей. Эти два магната только славились опекунами, а все было в руках какого-то Дмитриева, очень ненадежного человека. В счетах было выставлено, что на ее содержание в институте отпускали 14 000 р., а на деле не было и трех. В воскресенье какой-то Крыжановский приносил ей изредка 50 р. асс., а обыкновенно 10 только, и к вечеру у нее ничего не оставалось. Во дворце она делала долги, девице Королевой дала 25 000. Пирамидова выходила замуж и просила на приданое, Лебле тоже, каждой из них она дала по 10-ти тысяч. Всякий день раздавалось 50, 20 или 10 р., смотря по тому, что оставалось в кассе. Ее гувернантка мадам Унгебауэр с ней спорила, сердилась, но Стефани отвечала: «Je sais que Dmitrieff profite de mon revenu, je veux plutôt les donner aux pauvres qu'à ce coquin»[51*]. «Крыжанька», как она его называла, был честный, и от него она узнала, что Дмитриев обманывает Грабовского. Чтобы дать понятие о богатстве Доминика Радзивилла, я привожу слова старика Грабовского. В Несвиже был огромный дворец, окруженный садами и парком. Одна комната была назначена для приема короля. Карнизы были из лучшего серебра, массивные и самой лучшей работы столы, кресла, стулья, канделябры — все серебряные. Стулья были обиты самым лучшим малиновым венецианским бархатом, и полы устланы богатыми коврами. В стенах были заделаны во время войны знаменитые изумруды. Куда все это девалось, неизвестно, обвиняли в краже какого-то Каменского, исчезло тоже серебро.

Маленькую Стефани привезли в Екатерининский институт, когда ей

[51*] Я знаю, что Дмитриев пользуется моим доходом. Уж лучше я его отдам бедным, чем этому негодяю.

было 5 лет. Она жила у начальницы. Ее мать ее не любила, и с охотой отдала в чужие руки. Она была Моравская [96], и ее отдал отец 16-ти лет замуж за какого-то Старжинского. Доминик Радзивилл в нее влюбился, и Старжинский ее проиграл в карты за 16000 злотых. Она, как многие польки, была не красавица, но грациозна и в высшей степени то, что французы называют séduisante [52*]. Импер‹атор› Александр следовал примеру бабки и надеялся сблизить русских с поляками свадьбами. Он убедил княгиню выйти замуж за генерала Александра Ив‹ановича› Чернышева. Чернышев был убежден, что он герой, что все наши победы — его победы. Между прочим, он точно первый занял Кассель. Подъезжая к Вильне, он сказал: «Votre Alexandre prit Cassel» [53*]. Полусонная княгиня ему сказала: «Ce cela, M-r, prenons Vilna et n'en parlons plus» [54*]. В Петерб‹урге› она сказала государю: «Votre Majesté, est-ce qu'une femme voudrait de se séparer de son mari, s'il la tue journellement un peu?» — «Certainement».— «Eh bien, Sire, Tchernichoff me tue par l'ennui qu'il me provoque» [55*], и преспокойно отправилась в Варшаву.

Императрица любила Стефани как свою родную дочь и постоянно заботилась об ее судьбе. Впрочем, о ком не заботилась эта христианская и сердобольная душа? Плетнев женился очень молодым и был учителем в институте с платой 1000 р. в год. У него была квартира, состоящая из трех комнат в Павловском корпусе, где он тоже давал уроки. Когда родилась его дочь, расходы почти удвоились. Нужна была сперва кормилица, потом нянька. Жена его хозяйством занималась и помогала няньке стряпать. Плетнев начал беспокоиться, лишился сна и нервы его расстроились. Он просил начальницу выпросить трехмесячный отпуск. Какой-то швед советовал ему лечиться холодной водой. Он нашел одну комнату на Охте, лечился уже два месяца и мало получил облегчения. Грустный, озабоченный, он сидел на лавочке перед домом, мимо его проехал фельдъегерь на тройке. Он подумал: «Вот какому-нибудь счастливцу этот фельдъегерь везет или чин или ленту через плечо». Проскакав все село, фельдъегерь возвратился и спросил его: «Не знаете ли вы, где здесь живет учитель Плетнев?» — «Да это я. Я — Плетнев»,— отвечал встревоженный Плетнев. «Ее величество прислала меня из Павловска, велела узнать о вашем здоровье и чтобы вы не изволили беспокоиться. Если вам нужно еще полечиться, отпуск продлят, и вы еще получите для этого пособие». Плетнев сказал мне, что с этой минуты он вдруг начал поправляться: «Я почувствовал, что у меня есть опора, что я — не какое-то ничтожество, что и мне есть цена. Я этой великодушной государыне обязан всей моей карьерой» [97].

При Кремпиной начались в институте интриги и образовалась немецкая партия. Сама Кремпуська и наш инспектор классов Карл Федорович Герман привязывались беспрестанно к Плетневу и к священнику Наумову. Священник, наконец, вышел из терпения и объявил ему, что будет жало-

---

52* обольстительна.

53* Ваш Александр взял Кассель.

54* Прекрасно, мсье, возьмем Вильну и не будем более об этом говорить.

55* Ваше величество, может ли женщина развестись с мужем, который ежедневно понемногу ее убивает? — Конечно.— Так вот, государь, Чернышев морит меня скукой

ваться самой государыне. Однажды, уже при императрице Александре Федоровне, в пятницу на масленой неделе она мне велела приехать в институт. Мы сидели рядом, императрица между Кремпуськой и мной. Священник вышел и сказал: «Какая у нас неделя?» Отвечали, как следует. «Как должно проводить ее?» — «Со среды начинаются особые молитвы с коленопреклонением, а в субботу день прощения» и прочее. «А как проводят эту неделю в свете? Утром и вечером театры и балы, а в последний день танцуют с утра и до полночи». «Ma chère, ce sont des pierres dans mon jardin» [56*],— сказала государыня. Кремпина вспыхнула и сказала: «Ne croyez-vous, votre Majesté, qu'on pourrait suspendre l'examen?» [57*] и сделала знак рукой. «Pourquoi, cette leçon m'interesse beaucoup [58*], продолжайте батюшка, я вижу, что девицы очень хорошо учились». Потом экзаменовал Плетнев. После экзаменов начальница и Герман представляли учителей к награждению, они имели подлость не выставить имя священника. Императрица собственноручно написала: «Et pourquoi pas le prêtre? J'ai été parfaitement contente de son examen — une montre en or de 500 roubles et medaille en or» [59*]. «Вот видите, Амалья Яковлевна,— сказал ей Наумов,— государыня дала вам хороший урок». Когда после двадцатилетнего преподавания он просился на покой, императрица определила его в придворный штат, он получил пенсию и квартиру в Запасном дворце под Таврическим садом.

Теперь я еще скажу, что когда были в Петербурге иностранные послы или путешественники, которые изъявляли желание видеть институты, то государыня сама с ними приезжала. Приезжал какой-то австрийский эрцгерцог. Он был в золотом венгерском мундире и с ним большая свита тоже в венгерских мундирах. При фр‹анцузском› после графе La Ferroneys Deloche меня вызвал и я толковала les surfaces planes, concaves et convexes, et les miroirs, c. a. d. j'ai dit que la catoptrique et la dioptrique, а в ботанике Линнееву систему: les 21 classes fondées sur les acotylèdons et les cotylèdons [60*]. Я у него была первая ученица. А Стефани описывала Бюффонову систему. Kisseleff, avez-vous étudié de la physique et l'histoire naturelle? — Dans Dorpat je n'ai étudié que les langues mortes et la philosophie [61*]. Мы с Языковым шли по философскому и филологическому курсу. Я прочту Бюффона и займусь физикой, очень рад, что вы мне указали это занятие. Я вижу, что вы преученая.

Когда приехала знаменитая певица Каталани, то и ее пение мы слышали. Государыня приехала и сказала: «Mes enfants, vous allez entendre la plus grande cantatrice, c'est Mme Catalani et l'Empereur nous fera l'honheur de venir à notre soirée, il a une estime particuliere pour cette Dame» [62*].

[56*] Это камни в мой огород.

[57*] Не думаете ли вы, ваше величество, что можно прекратить экзамен?

[58*] Отчего же? Этот урок меня очень интересует.

[59*] А почему же не священника? Я была очень довольна его экзаменом — золотые часы в 500 рублей и золотую медаль.

[60*] о ровных, вогнутых и выпуклых поверхностях и зеркалах, т. е. я сказала, что такое катоптрика и диоптрика ‹...› 21 класс, основанные на акотиледонах и котиледонах.

[61*] Киселев, вы знали что-нибудь из физики и естественной истории? — В Дерпте я изучал только мертвые языки и философию.

[62*] Дети мои, вы услышите величайшую певицу, это мадам Каталани, и император сделает нам честь прибыть на наш вечер, эта дама пользуется его особым уважением.

Пошли приготовления, которые продолжались неделю. Вытащили белые коленкоровые платья, которые переходили из выпуска в выпуск. Марья Ив⟨ановна⟩ Штатникова, очень злая сероглазая кастелянша, которую звали «серый волк», и портной Шмидт, у которого палец был култышкой, как у портного Акакия Акакиевича, примеряли платья, то убавляли, то прибавляли к талье и по росту. Кушаки были красные атласные, а сзади бантом, и кушакам было по несколько лет. Из Гостиного двора принесли козловые башмаки, а по будням у нас были опойковые. Нас всех завили барашками. В большом классе были косы под испанскую гребенку и кушаки были белые атласные.

Наконец настал великий день. Наша зала была освещена сальными свечами, а на этот случай купили стеклянные рожки. Три звонка — и вошла государыня с своей свитой. Она была декольте, на шее у нее всегда было три нитки крупного жемчуга, она ходила на высоких каблуках и переваливалась и была очень крепко зашнурована, она сохранила туалет дореволюционный. С ней была мадам Каталани в оранжевом платье и пунцовая роза в волосах, при ней фрейлина Екатерина Николаевна Кочетова и княжна Елизавета Григорьевна Волконская, барон Альбедиль, гофмейстер и камергер князь Андрей Пав⟨лович⟩ Гагарин, красавец. Они все зашли за перегородку. Там стол стоял с разными угощениями, все блестело золотом и серебром. Освещение было ослепительное.

Два звонка, и в залу порхнуло прелестное существо. Эта молодая дама была одета в голубое платье и по бокам приколоты маленькими букетами мелкие roses pourprées [63*], такие же розы украшали ее маленькую головку. Она не шла, а как будто плыла или скользила по паркету. За ней почти бежал высокий веселый молодой человек, который держал в руках соболью палантину и говорил: «Charlotte, Charlotte, votre palatine!» [64*] За решеткой она поцеловала руку государыне, которая ее нежно обняла. Мы все сказали: «Какая прелесть! Кто это такая? Мы будем ее обожать». Дамы сказали: «Это в⟨еликая⟩ к⟨нягиня⟩ Александра Федоровна и в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Николай Пав⟨лович⟩».

Три звонка. Вошел Александр Пав⟨лович⟩, тотчас повел рукой по своей лысине и притянул лорнет. Он был удивительно сложен и ходил прекрасно в ботфортах и белых панталонах, а на груди шведский орден de l'étoile polaire [65*]. Он другого ордена не носил. Государыня пошла к нему навстречу, благодарила его за сделанную институту честь и сказала: «Remerciez l'Empereur, mes enfants» [66*] и раздалось громкое: «Nous remercions votre Majesté Imperiale!» [67*]. Еще три звонка, и вошла маленькая дама в сером платье, в белом чепце, окутанная белым газом, в красных пятнах на лице. Она подошла к нам и спросила: «Где маленькая Радзивилл?» и сказала ей несколько слов. «Ах, mesdames, какая противная, кто это?» Дамы сказали, что имп⟨ератрица⟩ Елизавета Алексеевна.

63* красные розы
64* Шарлотта, Шарлотта, ваша палантина!
65* Полярной Звезды
66* Дети мои, благодарите императора.
67* Мы благодарим ваше императорское величество.

«Она точно старая гувернантка». За перегородкой ее приняли по холодку. В⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Михаил Пав⟨лович⟩ тогда был за границей, где и обрел вюртембергское сокровище, которое отравило его жизнь[98]. Мадам Каталани пела «Sul margine d'un Rio» и «La placida campagna» [68*], два романса, которые были тогда в моде. Неделю готовились к празднику и после неделю говорили о празднике, а все удовольствие продолжалось два часа. По отъезде высоких гостей нам дали пустой чай вместо ужина и раздавали придворные конфеты. Впрочем, нам часто государыня посылала гостинцы: когда привозили с Дона первую и лучшую паюсную икру, и для нас была доля. На святой и на масляницу мы катались в придворных каретах и в каждом кармане был фунт конфет. В лазарет для выздоравливающих из дворца привозили то, что прописывал доктор Рейнбот — виноград, желе.

[68*] «На берегу реки» и «Тихое поле» (*ит.*).

⟨ВАРИАНТ 5⟩

Фрагменты

Еще я забыла упомянуть, что когда я была еще выпускная в институте, я получила известие о смерти матери в день 14 числа декабря, я не плакала, меня отпустили горевать в дортуар, и я сказала своей приятельнице Стефани: «Stéphanie, je ne puis pas pleurer, c'est affreux».— «Ma chère, consolez-vous, je ne pleurait pas non plus quand ma mère mourut [1], elle ne m'a jamaîs aimé et me préférait Felicie Антушевич qui est la fille de Mr Idevray et je ne suis que la fille à elle» [1*].

Я помню, что моя бедная мать очень подружилась с моей дамой классной мадемуазель Уолесс, и я слышала, что она все заботилась выдать меня замуж. Она жила на Софийской в доме Аладьина, она хотела дать Клеме, своему фавориту, редкие часы отца, безногий черт взвизгнул, взял их и сказал, что это баловство. Ограбить нас совершенно было любимой задачей этого изверга, который хвастал своему сыну Леве, что убил оглоблей станционного смотрителя, встретив какую-то княгиню, его лошади были усталые; она ехала в Петербург с сыном и дочерью для определения детей. Он спросил у него лошадей в трескучий мороз, и человек не допускал его, он ездил всегда с плеткой и дал ему. Она просидела 24 часа, ожидая лошадей, и дети плакали, просили есть. И все сходило с рук этому скоту. Он заехал в институт, прямо в комнату мадемуазель Уоллес, которая вышла не знаю куда, и меня застал в ней Арнольди, хотел меня поцеловать, насильно посадил меня на свои поганые колена: в эту минуту вошла мадемуазель Уоллес и сказал: «Comment, Monsieur, vous vous permettez ces familiarités avec belle-fille?»

[1*] Стефани, я не могу плакать, это ужасно! — Милая моя, утешься, я тоже не плакала, когда умерла моя мать, она тоже не любила меня и предпочитала мне Фелиси Антушевич, свою дочь от г. Идевре, а я только ее собственная дочь.

— «Mlle Wallace, je vous assure que je me suis defendue quand il a voulu m'embrasser et c'est de force qu'il m'a fait asseoir sur ses genoux» [2*]. Он смотрел на меня своим дерзким мерзостным взглядом. «Mon Général, je vous prie de sortir de ma chambre, défendue par ordre de l'Impératrice, le Suisse vous mettra à la porte, si vous vous présenterez encore» [3*]. Я спросила, что мне досталось после матушки. «Две подушки, одна кофта, платье разорванное и все».— «А где серебро мое?» — «Все мое, и бриллианты, вам один фермуар в кленовом ящике». Фермуар был пользой изрядной, я его продала за 400 р. асс. «А наш капитал?» — «У вас ничего нет, Адамовку твоя мать записала на мое имя, для моих детей» — «Вы знаете, все на свете можно, только осторожно. Я все ваши мерзости расскажу когда-нибудь государю, потому ‹что› я назначена быть фрейлиной императрицы Александры Фед‹оровны›». При этих словах он сконфузился. «А теперь вон отсюда, генерал, надеюсь — навеки».

Так как Арнольди распустил слух, что отец мой был танцмейстер, вырезал из книг наш герб и мы должны были взять герб Лореров — три лавровые ветки на не знаю каком поле, выдумал, что мой отец на службе накрал деньги, то императрица Мария Федоровна велела навести ‹справки› в Одессе. Ответ был, что шевалье де Россет умер от чумы и что он был в чине бригадира [2]. Эта справка шла месяц, после которого меня взяли во дворец.

* * *

Потом государь уходил, и в 11 часов скучный вечер кончался. Софья Моден жила внизу за комнатой в‹еликой› княжны Ольги Николаевны. Государыня повела Эйлер и меня к ней и сказала ей: «Oly, ce sont mes nouvelles Demoiselles d'honneur» [4*]. Ей было четыре года, и она была дивной красоты. Она на нас посмотрела и сказала, глядя на меня: «Черненька», а на белокурую Эйлер: «Беленька». Это имя так осталось навсегда. Мы жили в нижнем этаже, окнами на двор в самом крайнем углу, влево от караула. Всякое утро к нам приходил очень старый камер-фурьер, я его спросила, кто прежде жил в этих комнатах.— «Светлейший князь Таврический».— «А после кто?» — «Никто, потому что император Павел жил в Павловске, а осенью в Зимнем». «Так вы, верно, рано знали Потемкина?» — «Я при нем был, и через него сделал всю карьеру. Вам, верно, известно, что покойную имп‹ератрицу› Екатерину возвел на престол Орлов и князь Таврический. Говорил, что Потемкин был ее любовник. Может быть, но недолго. Светлейший этими пустяками не занимался, зачастую, как его позовут к обеду или на вечер, он отказывался. Утром рано он с ног до головы мылся самой холодной водой и весь туалет делал один, потом подолгу молился и всегда на коленах, а потом уж позовет меня и велит

[2*] Как, мсье, вы позволяете себе такие вольности с падчерицей? — Мадемуазель Уоллес, уверяю вас, что я не позволила ему меня поцеловать, и он только силой посадил меня к себе на колени.

[3*] Прошу вас, генерал, выйти из моей комнаты, императрица это запретила; если вы еще раз явитесь, швейцар вас выведет.

[4*] Оли, вот мои новые фрейлины.

спросить кофию. Все посты соблюдал. Он матушке-царице, снисходя ее слабости, выбирал любовников. У него была одна страсть — любовь самая неограниченная к матушке и к России. Как уж очень ему тяжко, он скачет в Москву к своей старушке матери, ведь она была из бедных дворянок Смоленской губернии Энгельгардтов и жила в Москве в маленьком домике. Светлейший хотел ей купить большой дом и с церковью.— «На что мне это, Гришенька, я ведь привыкла к этому дому, а в церковь езжу на саночках в одну лошадку; одно не люблю, что попы торгуются на обедню и говорят: «Дай на чай целковый или закуску». Ну, я с одним уговорилась и всегда даю ему пять рублей и знаю, что он меня ждет». С ней светлейший богу молился, привозил ей для этого евангелие и духовные книги; говорили, что он казну грабит в свое удовольствие, это клевета, все деньги шли на устройство государства. Ведь что Херсон выстроился, ему обязаны — он дружбу свел с англичанином Говардом [3] и тот советовал ему везде строить больницы и богоугодные заведения. Он и схоронил Говарда в Херсоне и памятник ему поставил и сказал: «Говард был друг человечества». Опять в Николаеве он учредил Черноморскую компанию, вам, может быть, это известно». У меня бывает иногда отсутствие памяти, и я ничего на это не отвечала.

«Уж больно ему надоели турки, так он сказал Суворову, которого ужас как любил, что покончить бы с туркой, так и была большая баталия под Очаковом, на все это шли русские деньги. А что государыня подарила ему Таврический дворец и дом в Петербурге, это правда. Она из благодарности и племянницам его дала большое состояние. Светлейший более всех любовников матушки Екатерины любил Ланского, для того, ⟨что⟩ он не вмешивался в дела и не с интересу любил государыню. Он был крепкий, обходительный, красавец и ловкий, манера его была искренняя. Он был смелый ездок, ему выбрали самую лучшую лошадь. Он у «Лебедя» хотел перескочить, лошадь споткнулась, и он лежал без памяти, его подняли и понесли в его комнаты, что под лестницей, оттуда был ход к государыне. Позвали докторов Фуса и Роджерсона, открыли кровь — не пошла. Доктора решили известить государыню. Она рвала себе волосы, только сказала: «Похоронить его в Софии». Она села в карету и на шестерке поскакала в Петербург, спустила все шторы и прямо в Зимний дворец, никого к себе не впускала и через три дня вернулась в Царское, прямо в Софию, на его гробницу. А вскоре было известно, что его заменил Дмитриев-Мамонов, только на короткое время, для того, ⟨что⟩ он влюбился в свою двоюродную сестру, фрейлину, княжну Щербатову».

Гораздо позже Александр Ив⟨анович⟩ Рибопьер мне рассказывал, что она заметила, что Мамонов краснел, когда произносили имя Щербатовой, заметила также, что он был с ней холоден и чувствовал себя неловко. Однажды она ему сказала: «Mon cher Mamonoff, je veux vous marier».— «De grâce, Mme!».— «Je crois que la princesse Scherbatoff vous convient» [5*]. Он замолчал, она ему сказала: «Il est donc vrai, Mr» [6*]? Тотчас подписала

[5*] Дорогой Мамонов, я хочу вас женить.— Помилуйте, мадам.— Мне кажется, что княжна Щербатова вам подходит.

[6*] Так это правда, мсье?

ему 7000 душ и дворцовый дом и сад у подошвы Воробьевых гор. Он лишился жены и был несколько лет сумасшедший[4].

Отец Рибопьера был эмигрант из Эльзаса, там есть останки замка Рибопьер. Все эмигранты искали способы существования, говорят, что Шатобриан жил тем, что делал салат у больших господ[5] и получал 5 шиллингов за это. Рибопьер вызвался быть парикмахером Екатерины, и кривой сын его Алексаша завивал Екатерину, но она узнала, что Рибопьер был прежде военный, сделала его генералом. Была война с турками, и он был убит под Варной, где и похоронен. Александр Ив⟨анович⟩ был большой анекдотист, тоже и Александр Николаевич Голицын. Рибопьер мне, между прочим, рассказывал, что при Екатерине было всего 12-ть андреевских кавалеров. У него был старый дядя Василий Ив⟨анович⟩ Жуков, который смерть как хотел получить голубую кавалерию. Один из 12-ти умер, и князь просил Екатерину ему дать этот орден — он был сенатор и очень глупый человек. Получивши ленту, он представился, чтобы благодарить. После представления его спросили, что сказала ему государыня. «Очень хорошо приняла и так милостиво отнеслась, сказала: «Вот, Василий Ив⟨анович⟩, только живи, до всего доживешь»».

* * *

Перед отъездом я была дежурная, прислан был в Россию Веллингтон[6] для изъявления сочувствия о кончине покойного императора и с поздравлением вновь вступившего. Государь показывал ему внутренние покои. Впереди шла императрица Мария, молодая государыня ему говорила: «Passez, Mr le Duc»[7*], и он беспрекословно шел вперед, а государь меня пропускал, а сам шел последний. Веллингтон был еще крепкий человек, с весьма выразительными черными глазами, орлиным носом. У него был красный мундир и важный вид.

* * *

Я скучала в Царском, не имея книг: раз приехал Арнольди в самый час обеда, разговор не вязался, и после обеда я ему объявила, что нам не позволено принимать чужих мужчин. — «Я не чужой». — «Вы хуже этого, Ив⟨ан⟩ Кар⟨лович⟩, вы враг мой и моих братьев. Зачем являетесь вы, прошу вас более не являться, а не то я скажу государю».

К концу поста государь пошел с собакой Гусаром его купать и бросил ему свой носовой платок; в эту секунду его камердинер, запыхавшись, прибежал и сказал: «Светлейший князь Лопухин ожидает ваше величество». Государь, взволнованный, скорым шагом пошел во дворец и Гусар за ним; я вытянула носовой платок и после отдала его камердинеру. После я узнала, что Лопухин принес лист осужденных на смерть, их было 20-ть. Государь сказал: «Князь, это странно начать царство с смертной казни 20-ти молодых людей. Что говорит брат Михаил?» — «Ваше величество, в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ и граф Бенкендорф были совсем против смертной казни».—

[7*] Проходите, господин герцог.

Я этому рад».— «Но генерал Левашов более всех настаивал на смертной казни Каховского, потому что думал — он убил графа Милорадовича».

Известно, что повесили Пестеля, самого опасного, потому что самого умного из общества во Второй армии, которой командовал генерал Киселев, Рылеева, Бестужева, Каховского и Муравьева-Апостола. Так ⟨как⟩ в числе заговорщиков многие принадлежали к высшему кругу, то их родственники были очень недоброжелательны и рассказали, что когда старый Лопухин подал государю лист в 20 человек, приговоренных на смертную казнь, что он хотел подписать, и будто Лопухин ему сказал: «Государь, вы начинаете царствовать» и затрясся. Это чистая ложь — при мне он сказал императрице: «Ma chère amie, la peine de mort a été abolie depuis l'Imperatrice Elisabeth qui etait humaine, et le malheur veut que ce soit moi le premier depuis ce temps qui a signé ce terrible décret» [8*]. Государыня заплакала [7].

Когда зачинщиков повесили, и суд окончен (у меня затерялась книжка всего суда, составленная Дмитрием Николаевичем Блудовым [8]), то служили в Казанской церкви молебен, и государь император присутствовал, и это было поставлено в укор. А что если бы удалось им иметь успех, в России произошла бы кровавая и, как говорил Пушкин, беззаконная и безрассудная резня [9].

* * *

Так как все заговорщики сидели в казематах, то Нева была покрыта лодками, родные подъезжали, отдавали им записки и разную провизию, на это добрый Бенкендорф смотрел сквозь пальцы, и великий князь Михаил П⟨авлович⟩ тоже, а его прослыли каким-то тираном. Потом на тройках начали вывозить из крепости в Сибирь. Неизвестно почему Батенков остался в Алексеевском равелине, а Поджио и Лунин провели 12 лет в Шлиссельбурге. Комендант крепости был немец Альфиц, всякое утро приходил он им напомнить, что они должны благодарить государя за помилование. К ним приходил инвалид, чистил комнату каждого и приносил кушанье. Однажды с нетерпеньем Лунин ударил ногой в дверь, и он очутился в комнате Поджио. Инвалид принес ужин и приложил палец к губам — они расстались и закрыли осторожно дверь. Когда пришел вечером комендант, прикрыл их тут уж розно; они проводили дни вместе и читали евангелие. Спустя 12 лет их вывозили, у одного из них было 80 гривен, они хотели дать инвалиду, он заплакал, махнул рукой и не взял. Я это рассказала государю, он приказал узнать, жив ли он, и хотел сделать его унтер-офицером. Право, наши солдатики — святые люди [10].

Мы поехали говеть в Петербург. В 8 часов была утреня в гостиной и вечером тоже, я была в восторге от пения придворных певчих. В день причастия имп⟨ератрица⟩ Мария Федоровна приехала. Государь хотел ей сделать приятное, пригласил Криницкого, ее духовника, служить обедню, а дьякона выбрал Возерского, которого он любил. Он служил прекрасно и с благоговением. Криницкий его терпеть не мог и объявил Модену, что не

[8*] Дорогой друг, смертная казнь в России отменена со времени императрицы Елизаветы, которая была гуманна, и по несчастью я первый с того времени должен подписать этот ужасный указ.

будет с ним служить. Моден кричал и сердился: «Ces canailles de prêtres russes, ils ne pensent qu'à l'argent [9*]». Наконец, уломили Криницкого. «Вкусите и видите» пели по нотам Сарти (Сарти приехал при Елизавете Петровне [11], он советовал пустить Бортнянского и Березовского в Италию, петь в Неаполе).

Пока начальником III отделения был добрый граф Бенкендорф, сибирякам и ссыльным были большие льготы — но когда его заменил граф Орлов, дела приняли другой оборот и даже весьма неприятный [12].

Государь на руках поднес к чаше Александра Ник‹олаевича›, а других поднял; Мария Федоровна все время стояла, но Александра Федоровна сидела, спросила меня: «Pourquoi pleurez-vous?» — «Je trouve si touchant que l'Empereur pope communie les enfants» [10*]. Затем приобщалась Мария Федоровна, затем молодая императрица, потом государь, затем Софья Моден и я, потом все те, которые были около царской фамилии 14 декабря, даже конюхи.

После обедни я отправилась в свою конурку. Эйлер приехала из английской церкви. У нас была дворцовая карета, и мы в ней ездили в институт, а я к Стефани Радзивилл в Зимний дворец. Государыня на Страстной неделе прислала мне желтый, разубранный букетами хвост, вышитый серебром, и юбку, всю вышитую серебром, а Эйлер — голубой дымковый, весь вышитый серебряными цветами, и такую же юбку. ‹...›

Мы обычно отправлялись в проходную императрицы. Она мне сказала: «Comme vous etes pâle, sans être coquette il ne faut pas avoir l'air malade, je vais vous mettre de rouge, mais seulement de cette occasion, jamais au bal» [11*]. Выход еще не начинался, государь шел под руку с императрицей, оба кланялись на все стороны. Камер-паж нес длинный хвост, другой шел за государем, потому что в церкви он держал шпагу государя, за ними шли вдовствующая императрица с в‹еликим› к‹нязем› Михаилом Пав‹ловичем› (я его уже прежде видела на 25-летии нашего института, он разговаривал с мадам Штатниковой: «Мы оба какие толстые» ‹нрзб.›) и за ними шли камер-пажи, потом вся свита, прямо в большую залу, потом маленькую белую залу, затем в залу с портретами фельдмаршалов, в белую залу, где были собраны обоего пола знатные особы. Меня поразила своею красотою и туалетом графиня Моркова, рожденная Гагарина. У нее была лента св. Георгия. В церкви я стояла возле Стефани, которая была покрыта бриллиантами и в великолепном кремовом платье. У обеих государынь были бриллиантовые диадемы на голове, тогда не было еще русского платья и кокошников, и носили платье времен Екатерины: придворное платье. Впереди шли грузинские царевны, а Елена П‹авловна› сидела в жемчуге. Стефани меня рассмешила и сказала: «Посмотри на Лакримоз [13]. Ее жемчуг так натянут, что ее задушит». Ей неприятна была вторая роль в шествии. Придворные певчие пошли в черном по другим комнатам, попы

9* Эти канальи, русские попы! Они думают только о деньгах.

10* Почему вы плачете? — Я нахожу столь трогательным, что император как поп причащает детей.

11* Как вы бледны; без кокетства не нужно иметь больной вид; я вас подрумяню, но лишь на этот раз; никогда не делайте этого, идя на бал.

А. О. РОССЕТИ

Акварель А. П. Брюллова. Бумага. Нач. 1830-х годов
Государственный музей А. С. Пушкина. Москва

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Акварель Е. Р. Рейтерна. Бумага, белила. 1832
Государственный музей А. С. Пушкина. Москва

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ
Литография с рисунка И. Е. Вивьена. 1820-е годы
Государственный музей А. С. Пушкина. Москва

А. С. ПУШКИН

Акварель П. Ф. Соколова. 1836

Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Ленинград

Н. В. ГОГОЛЬ

Литография с рисунка Э. А. Дмитриева-Мамонова. 1839
Государственный музей А. С. Пушкина. Москва

Н. М. СМИРНОВ

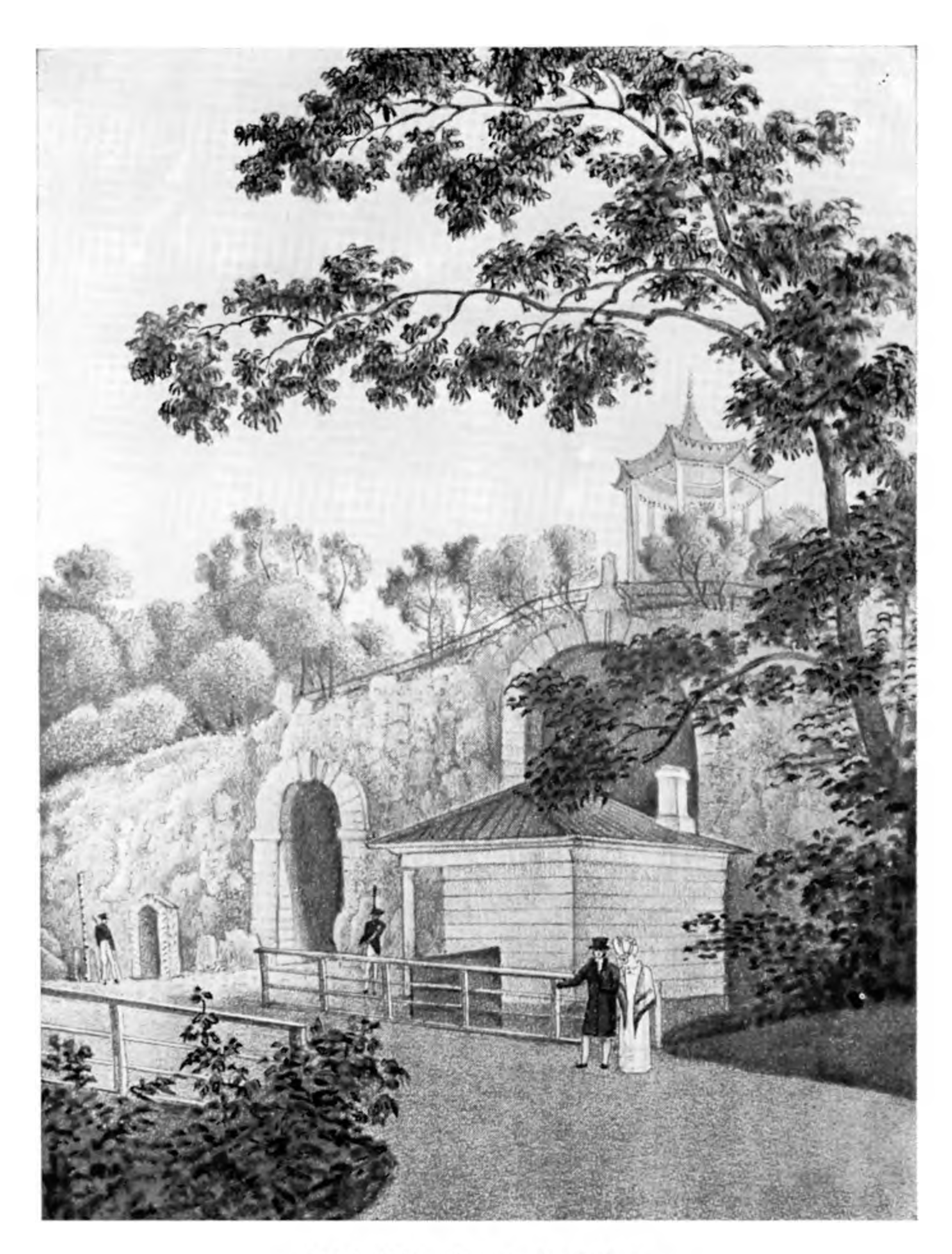
Рисунок Ф. Крюгера. Цветная и тонированная бумага, итал. карандаш, сепия, черная акварель, белила. 1835

Государственный музей А. С. Пушкина. Москва

И. О. РОССЕТ

Акварель неизвестного художника. Бумага. 1829—1830
Государственный музей А. С. Пушкина. Москва

ЦАРСКОЕ СЕЛО. «КАПРИЗ»
Литография А. Е. Мартынова. 1821—1822
Государственный музей А. С. Пушкина. Москва

А. О. СМИРНОВА
Акварель П. Ф. Соколова. Бумага. 1834
Государственный музей А. С. Пушкина. Москва

А. О. СМИРНОВА В МАСКАРАДНОМ КОСТЮМЕ

Портрет маслом работы Ф.-К. Винтергальтера. 1837
Литературный мемориал Смирновых в Тбилиси

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Литография Ф. А. Брокгауза с акварели А. И. Клюндера. 1839
Государственный музей А. С. Пушкина. Москва

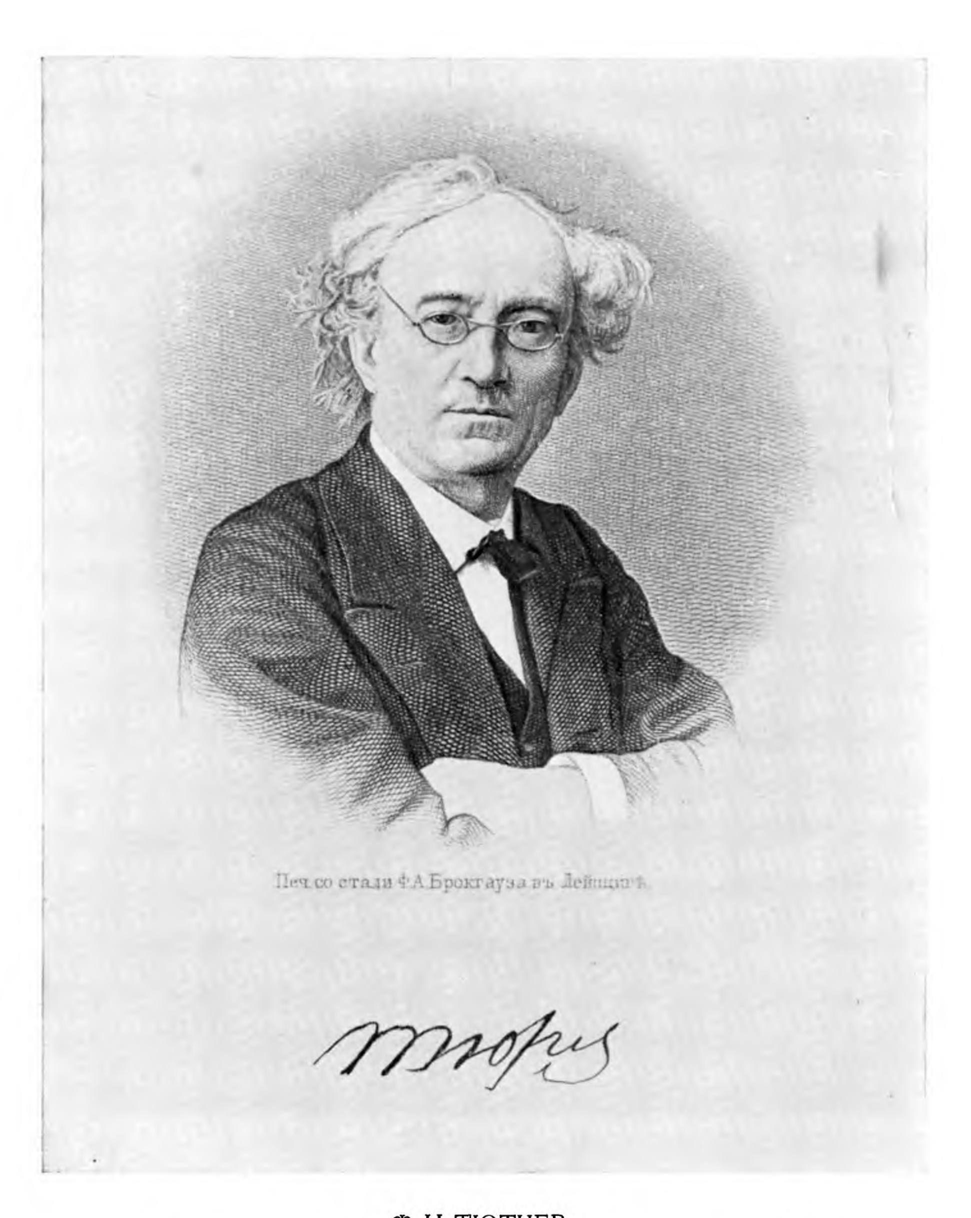

Н. Д. КИСЕЛЕВ

Акварель неизвестного художника. Бумага. 1830-е годы
Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Ленинград

И. С. АКСАКОВ
Гравюра. 1870-е годы
Государственный музей А. С. Пушкина. Москва

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Литография Ф. А. Брокгауза с фотографии С. Левицкого. 1874
Государственный музей А. С. Пушкина. Москва

А. О. СМИРНОВА

Бюст работы К. Вичмана. Мрамор. 1830-е годы
Литературный мемориал Смирновых в Тбилиси

А. О. СМИРНОВА

Портрет неизвестного художника. 1850-е годы
В 1930-х годах принадлежал Ф. Н. Малинину

были в черных ризах. Вернувшись, певчие облеклись в богатые ризы, тогда форменных еще не было. Певчие пели «Да воскреснет Бог» и пр. Царская фамилия сидела за решеткой ⟨...⟩

Царская фамилия стояла, и начали подходить — первый светлейший Лопухин, за ним боком Мириан царевич, который ходил как Бобчинский, граф Нессельрод, Ланжерон, генерал-аншеф Дризен, Сперанский, который поразил меня [14]: сложен удивительно, лоб большой, открытый и светлые голубые глаза; Государственный совет, сенаторы в новых мундирах, потом гвардия, и кончилось все к 11-ти часам. Царская фамилия разговелась у себя, я пошла к Стефани, где был кулич, пасха, крашенные яйца, чай и кофий, и вернулась утром домой. В четыре часа — царские часы и поздравления митрополита, присутствующих в Сенате и дам. Графиня Нессельрод подошла, потом вдруг из-за нее стала прямо против государыни графиня Ланжерон и сказала: «Я старшая гофмейстерина», императрица с трудом удержалась от смеха ⟨...⟩

На третий день после Христова праздника весь двор ⟨отправился⟩ в Царское Село, жара была невиданная, везде от Петербурга почти до Москвы горели леса. Солнце стояло на горизонте как огромный красный шар. Императрица очень страдала от жары и сидела в мраморной комнате; там она писала свой журнал и письма. Мы из старых комнат спасались от жары в других комнатах окошками в сад. Принц Карл приехал с графом Редерн и графом, кажется, Хольце. Принц вел себя очень дурно [15]: если нам случалось пройти мимо его комнаты, он стоял в одной рубашке на окне. Мы, наконец, перестали ходить в сад и переехали опять на ту сторону. Там был рояль, и Эйлер с Редерном играли в четыре руки Бетховена. В мой дежурный день, пока им⟨ператрица⟩ спала, я бродила по комнате и нашла плохой портрет сепией Мамонова и показала ей: «Mon frère l'Empereur a ordonné d'emporter tous les portraits des favoris de l'Impératrice; le magnifique portrait de Valerien Zouboff est chez comte Dmitri Zouboff» [12*]. Мать Зубовых была Воронова и приходилась сродни Смирновым по Бухвостовым. Мать Николая Мих⟨айловича⟩ была рожденная Бухвостова [16]. Петр Великий подарил 8000 душ Бухвостову в Великолуцком уезде и в Пусторжевском, там были огромные столетние дубы и прочие деревья и водилась в изобилии дичь, а в Рязанской губернии он ему дал половину Михайловского уезда и город Раненбург. Растрелли высек из зеленой яшмы его статую. Бухвостов был человек глубоко религиозный, его огорчала распутная жизнь Петра, и он удалился в Рязанскую деревню, где и умер, забытый и Петром, и его придворными.

При Петре приехал знаменитый математик и астроном шотландец Брюс. Он тоже удалился от развратного двора в Москву в Саввин монастырь и проводил не только дни, но и ночи под деревом, где наблюдал звезды. Дерево и теперь существует, а лавочки, которые окружали дерево, недостает. Всем известен Брюсов календарь, его предсказания все сбылись и сбываются [17], Гатцук всегда их напоминает. Я ему не верила, но во

12* Мой брат император приказал убрать все портреты фаворитов императрицы. Превосходный портрет Валерьяна Зубова находится у графа Дмитрия Зубова.

время франко-немецкой войны сказано было: война между двумя великими державами — один государь лишь пострадает. А предсказания о погоде гораздо верней календаря и астрономических наблюдений.

Наконец подошел день отъезда в Москву. Прежде всех должна была ехать вдовствующая императрица с штатс-дамой княгиней Репниной-Волконской (она была очень стара), фрейлиной Кочетовой и к<няжной> Прасковьей Алекс<андровной> Хилковой. В коляске ехал в<еликий> к<нязь> Михаил Павлович с наследником, которому было 7 лет. Императрица заметила, что Михаил Пав<лович> был очень любезен со мной, и сказала мне: «D'ou vient votre amitié avec Michel?» — «Vous savez, madame, qu'il a payé mon éducation, cela a établi des rapports d'amitié entre nous» [13*]. Итак, они отправились, императрица со своей княжной; у старухи Волконской беспрестанно был понос (я скажу, что она черезчур мерзостная). Она говорила: «Permettez, madame» [14*], из заднего экипажа, где сидели камер-юнгферы, выносили трон, гайдуки из своих ног делали ширмы и «тортунья» (ее звали la Tortue [15*], потому что она едва передвигала ноги) освобождалась, возвращалась в карету не без запаха. На козлах сидел ее постоянный кучер Чулков. Городской форейтор, точно так же, как в городе, скакал во весь дух; останавливались обедать и ночевать. На осьмые сутки они приехали в Москву. Потом поехала императрица с государем и детьми, и все жили в Малом дворце. В Петровское выехал к ним митрополит, многочисленное духовенство, генерал-губернатор князь Дмитрий Владимирович Голицын. Из Петровского уже ехали в городских каретах, мои братья Аркадий и Осип сидели на пазах [17а] и получили золотые часы. Аркадий сохранил свои до последних дней своей смерти, а Ося был как обычно. 8000 были в параде, брат мой Клементий упал с лошади, но не ушибся, его отнесли в какую-то карету, и целый день спал до Москвы. Москва кишела иностранцами. Английский посол был герцог Девонширский, с ним был его племянник Уитерли Рассел, французский посол герцог де Мармон, с ним мсье Телак, граф Шарль де Лаферроне и мсье Тактюри, принц Карл Прусский, граф Редерн и двое братьев Радзивилл, Фердинанд и Гильом. Прусская принцесса, двоюродная сестра короля, была замужем за князем Антоном Радзивилл. Когда король был после родов своей любимой сестры [18], он подал руку императрице Марии Ф<едоровне>, за ней шла в<еликая> к<нягиня> Александра с Алек<сандром> П<авловичем>, Николай Пав<лович> вел Елизавету Алексеевну. Императрица в какой-то больнице останавливалась, расспрашивала докторов и о всех осведомлялась. Алек<сандр> Пав<лович> ему сказал: «C'est une faiblesse de Maman, elle croit que tout le monde s'intéresse à ce que est son grand intérêt dans la vie» [16*]. Он повернулся, и они тронулись с Елизаветой Алексеевной, а в<еликий> к<нязь> ничего не сказал, но в ту же минуту король обратился к в<еликой> к<нягине> и сказал: «Ma

---

[13*] Откуда у вас такая дружба с Мишелем? — Вы знаете, мадам, что он платил за мое воспитание, это установило дружеские отношения между нами.

[14*] Позвольте, мадам.

[15*] черепаха

[16*] Это слабость матушки. Она думает, что все интересуются тем, что составляет ее главный интерес в жизни.

chère Charlotte, je serais bien heureux, si un jour j'apprenais que vous faites seulement la moitié du bien que fait l'Impératrice» [17*]. Вот уж был реприманд Елизавете Алексеевне! Где же была Елена Пав⟨ловна⟩ [19]? Она путешествовала под предлогом болезни и была в Риме, где бросилась к ногам папы Григория XVI и ему сказала: «Me voilà enfin au pied du chef de la véritable Eglise, car contre les vices l'Eglise Orthodoxe ne connait pas la charité» [18*]. Там она встретила Шатобриана и просила его прочесть ей «Путешествие из Парижа в Иерусалим», стараясь завлечь принца ⟨...⟩ Григорий XVI узнал, верно, что она интригует, и приказал ей выехать из Рима без аудиенции. Оттуда она поехала в Неаполь, где купила серебряную статую ⟨...⟩

Коронация была великолепная, затем последовал обед в Грановитой палате, а потом не было конца балам и праздникам. Народу был устроен праздник на Ходынке, жареные быки, бараны, сласти и вино и пиво. Бал и пляс до вечера, но тут некоторых почти до смерти раздавили.

Мне писала моя Стефани, а я пока жила в Таврическом дворце с княгиней Ливен и Авдотьей Михайловной Луниной. Имп⟨ератрица⟩ мне сама рассказывала: «Vous savez, comme Maman est stricte pour tout ce qui est étiquette, je devais mettre une robe rose et j'ai écrit un billet à l'Empereur en lui disant que je ne pouvais pas mettre le cordon rouge sur rose et que je mettrai le cordon bleu; sans réfléchir il l'a envoyé à Maman, qui m'a répondu: «Vous mettrez votre cordon rouge, comment peut-on se permettre ces frivolités; moi j'ai refusé quietement de garder la robe rose» [19*].

При коронации Александра Пален подошел к Платону и сказал: «⟨нрзб.⟩ знаю ⟨нрзб.⟩, да ведь знал и твой ученик». Это мне рассказывал Александр Ив⟨анович⟩ Тургенев. Когда Екатерина строила Большой дворец, церковь Спаса на бору была окружена дворцовым строением. Тургенева спросили [20]: «Что, говорят, что в Москве Спаса на бору взяли ко двору?» Говорят, что в этой церкви есть живопись Рублева, у стены около ризницы есть Федор Студит тоже письма Рублева. Колокола звонили три дня в знак радостного события.

Стефани мне писала: «Представь себе, дорогая, однажды мы поехали в Архангельское к Юсупову. Ты знаешь походку императрицы и ее нужды; она еле передвигала ноги, а этот дурак крикнул своему садовнику: «Подай горшок императрице!» Я изумилась таким нравам. На другой день я возвратилась к себе, моя комната убрана розами, и записка: «Княжна, позвольте мне принести к вашим ногам свое сердце и все, что я имею». Я сейчас же пошла сказать императрице, что я не могу принять это предложение [21]; она мне сказала ответить несколькими строками и отослать розы. Я ответила: «Князь, благодарю вас за розы, но не могу принять ни вашего

17* Милая Шарлотта, я был бы счастлив, узнав когда-нибудь, что ты делаешь лишь половину добра, которое делает императрица.

18* Наконец я у ног главы истинной церкви, ибо православная церковь против пороков не знает милосердия.

19* Вы знаете, как матушка строга к этикету. Я должна была надеть розовое платье и послала записку императору, говоря ему, что не могу надеть красную ленту на розовое и надену голубую ленту. Не подумав, он отослал ее матушке, которая мне написала: «Вы наденете вашу красную ленту, как можно позволять себе такие фривольности!» Но я все-таки спокойно отказалась надеть розовое платье».

сердца, ни ваших роз». Он женился на очень хорошенькой девушке 17 лет, Зинаиде Кнорринг ‹...›»

После коронации все поехали в Царское село. Я танцевала с маркизом де Табэ, который мне сказал: «Je suis vieux pour m'interesser aux femmes et à la mode, mais ce sont des yeux que je ne sais pas à Paris [20*]!» Уитерли Рассел был всегда на виду и танцевал до упада, и все прескверно. Потом все разъехались, остались только настоящие чины и министры. Получили известие о кончине Елизаветы. Марья Федоровна узнала, что она выехала, но заболела, выехала к ней навстречу и в Белеве нашла ее уже мертвой; она умерла на руках преданной ей фрейлины Валуевой. Императрица А‹лександра› Ф‹едоровна› с графиней Медем поехала в ее имение и запечатала все ее вещи и бумаги ‹...›.

Я не жила на Елагином острове, но в 9 часов уезжала из Зимнего и в дворцовой карете имела по дежурному посту. Я заметила, что меня провожал кавалергардский офицер Андрей Николаевич Архаров, он был беленький, с отчаянными глазами. Я спускала штору с его стороны, он подъезжает к другому окну, и эта комедия продолжалась во всю поездку. Я это сказала имп‹ератрице›, и она, наконец, велела мне дать одну комнату во флигеле, где жила Юлия Федоровна Баранова и ее дочь Луиза. Я вздумала писать масляными красками деревья, но Жуковский меня обескуражил, сказав, что мои деревья похожи на зеленые шлафроки.

Имп‹ератрица› Мария Федоровна жила на Головинской даче с фрейлиной Катериной Ив‹ановной› Нелидовой, Кочетовой и старухами. В‹еликая› к‹нягиня› Елена Павловна жила на Васильевском острове и была беременна. В свободные дни я с утра отправлялась на Головинскую дачу, где очень скучала Стефани, обивали обе дверь Нелидовой и уверяли, что оттуда ужасный дух, а Кочетова помирала со смеху. Раз Стефани мне сказала: «Мимо нас на дрожках ездит какой-то кавалергардский офицер и смотрит на нашу дачу. У нас скука страшная за обедом: Велеурский, секретари, кроме рыжего барона Мейендорфа, самого приятного; маленькая Нелидова в дополнение ко всему. А у вас лучше?» — «У нас всегда ужинает Салтыков, шеф полка и дежурный по караулам, даже урод Безобразов и Бобер Котревицкой, Ферзен, но я его терпеть не могу».— «Знаешь, дорогая, я не могу более выносить эти обеды. Графиня Ливен сказала мне, что я не должна выходить замуж за Васеньку Кутузова, он беден. Так ты мне приищи кого-нибудь».— «Но, милая моя, императрица как раз сегодня просила меня спросить у тебя, решила ли ты что-нибудь насчет Фердинанда [22]. Его мать написала ей, что он хиреет с каждым днем и имп‹ератрица› просит тебя написать его тетке несколько строк».— «Хорошо, но ты увидишь, что из этого ничего не выйдет». Недели через три императрица меня позвала и сказала: «Милая Черненькая, бедный Фердинанд умер, и его последние слова были: «Прощай, Стефани, до свидания в лучшем мире». Я отправилась на Головинскую дачу и сказала ей: «Стефани, императрица послала меня сообщить тебе ужасную весть, Фердинанд умер».— «Я тебе говорила,

---

[20*] Я стар, чтобы интересоваться женщинами и модой, но таких глаз не видел и в Париже!

что из этого ничего не выйдет. Я напишу письмо тете с выражением соболезнования и покажу свое письмо императрице. А ты теперь приищи мне жениха». ⟨...⟩

Я гуляла всегда за решеткой сада с Софьей Моден, она всех знала. В этот день дежурный по караулам был красавец, я ее спросила, кто он.— «Это граф Луи Витгенштейн». Я ей сказала: «Какой он красавец!» Он у нас ужинал, я ему сказала: «Граф Витгенштейн, не у вас ли серая лошадь? Вы часто проезжаете мимо Головинской дачи».— «Да, а кто вам это сказал?» — «Моя подруга».—«А как ее имя?» — «О, вы ее не знаете, это княжна Стефани Радзивилл. Она только что получила известие о кончине своего кузена и жениха Фердинанда Радзивилл».— «Она его любила и сожалеет о нем?» — «Нет, это был брак по расчету, его уже давно желал князь Антон. У Стефани 150 000 душ, прекрасные леса в Царстве Польском, имения в Несвиже и Кайданах, где у нее замки. А вы, мсье, собираетесь жениться или хотите устроиться иначе?» Он сильно покраснел (Софи Моден мне сказала: «У него есть любовница — немка и двое или трое детей от нее»). «Мое сердце свободно, а мои родители желают, чтобы я женился, так как мне уже тридцать лет, но все мое состояние — 25 000 р. с Дружина, из них я посылаю отцу на расходы». Потом говорили всякий вздор. У Салтыковых был бал, я спросила его, поедет ли он туда — он ответил, что совсем не ездит в свет. На другой раз все повторяется. Стефани писала, что ей все это надоело и продолжала разговор: «Но как же с ним познакомиться?» — «Скажи Волконскому, что дежурный по караулам у нас всегда ужинает и приглашают тех, кого у вас никогда не приглашают». Сказали ему, он сказал: «Какая хорошая мысль, наши ужины смертельно скучны, всякий, кроме Ивановского и Безобразова, будет развлечением. Луи Витгенштейн достоин такой чести». Он раз ужинал, императрица с ним была ласкова, потому что уважала его отца. Он ей понравился и через Велеурского сделал предложение. Она была хороша, умна и мила. Витгенштейн тотчас взял отпуск и поехал в Тульчин к отцу и матери (она была рожденная Снарская). Стефани рассудила подождать и говорила: «У нас останется еще шесть недель, чтобы поближе познакомиться».

Двор отправился в Зимний дворец, но фрейлинские комнаты еще не были готовы, и я жила в Аничковом и с утра отправлялась к Стефани. При ней была гувернантка, мадемуазель Унгебауэр, при ней мы с Стефани делали свой туалет в спальне за перегородкой. С ног до головы мылись холодной водой с одеколоном, сами причесывались и очень хорошо делали свои букли, на босу ногу в капотах у открытой форточки садились пить чай; медный самовар кипел, мы сами заваривали чай в высоком чайнике, подле был калач, всякое кушанье свежее из лавки, масло, варенье из черной смородины, купленное в лавочке, она находила, что оно лучше. Перед ней стоял ее человек Сергей Игнатьев, с которым она болтала всякий вздор и говорила, чтобы карета была готова в два часа, и Богданка стоял на запятках, он похож на обезьяну. «Помилуйте, ваша светлость, Богданка стоит, а Васильев и Гурьянов обижаются».— «Это ничего, им надобно дать каждому целковый, они будут очень рады, а я хочу, чтоб всегда ездил». Лизавета Андреевна тотчас говорила: «Княжна, ведь это уж 12 рублей».—

«Ну так что же, мне можно тратить».— «Но, княжна, вы забыли, что дали 10 рублей мадемуазель Кривовой и потом подарок ей на свадьбу. Затем вы каждый день заказываете новую пару атласных башмаков у Пецольда, и это составляет 1325 рублей. Надо носить кожаную обувь».— «Я не виновата, что у меня нога как у мишки, а Пецольдом я очень довольна». В день никогда не раздавалось менее 50 рублей, бедные имели пенсион на месяц. Раз, только я приехала, входит Табен в коричневом сюртуке, похожий на повара. Я сказала Стефани. Она отвечала: «Верно, Табен пришел за деньгами». Табен был приятный немец, придворный и довольно толстый. Но Лизаветка, как мы ее звали, приносит письмо. Стефани читает и помирает от смеха: «Господин фон Тун, секретарь генерала Мюллера, делает ей предложение».— «Княжна, он ждет ответа».— «Скажите, что ответа не будет».— «Но, княжна, ведь это невозможно, напишите ему».— «Ну, дайте бумагу и перо. Княжна Радзивилл благодарит господина Туна за предложение, но не может принять его». Но было хуже предложение: Александр Вюртембергский, двоюродный брат государя и племянник Марии Федоровны сделал предложение. Надобно было письменно отвечать. «Пойдем в Эрмитаж, и там мы придумаем, что отвечать. Что за радость выйти замуж за personnage muet» [21*] (Александр и брат его Евгений, которого в Кавалергардском полку звали «чушка», всегда ужинали за фрейлинским столом и ни слова не говорили; мы их называли «personnages muets»). В Эрмитаже занялись картинами, нам особенно нравилась картина Греза «Паралитик», тут целая сцена, это лучшая картина Греза, останавливались у «Моны Лизы» Леонардо да Винчи [23], рассматривали Рембрандтов, восторгались Овербеком, любили тоже картины 〈нрзб.〉, казавшиеся мне выше Рафаэля, когда его мы не могли любить. Вкус образуется в области искусства.

Поехали кататься по Невскому с Богданкой на запятках. Возле саней в огромных санях, похожих на пошевни, ехал генерал Костецкий, который выдумал влюбиться в Стефани, оттого назывался Боголюбов № 2. Только что он был с ее стороны, я тотчас пересаживалась, и так все время. Костецкий мне говорил: «Не для вас, не для вас сударыня». Из ее окошек в 3-м этаже видна была Зимняя канавка, и карета Костецкого там стояла, когда мы возвращались. Тотчас отворялась форточка, я на него сыпала бумажки и выливала воду. Когда совсем смеркалось, он уезжал. Он вздумал раз сделать ей предложение и сказал, что у него имение в уезде Конотоп, и послал ей дрянные бриллиантовые серьги. Ее девушка их себе взяла, из этого вышла история, и она должна была отпустить девушку. Вдруг вечером она мне говорит: «Пожалуй Александр Вюртемб〈ергский〉 поразит всех — я чувствую сердцем, он не приедет».— «Нет, моя дорогая, это невозможно, выйти замуж за человека, от которого слова не дождешься при всей его важности. Напиши письмо». «Ваше величество, принц Александр Вюртембергский сделал мне честь предложением выйти за него замуж. Но так как я уже дала слово графу Луи Витгенштейну, то могу только поблагодарить его высочество за оказанную мне честь. Смиреннейшая и покорная слуга

[21*] немое лицо.

вашего императорского величества Стефания княжна Радзивилл». «Ты знаешь, я не хотела иметь разных забот, а Витгенштейну покажу, буду кокетничать с Вяземским, с Огаревым, хотя он женатый» ⟨...⟩ Так и тянулось.

После обеда Сергей запрягал сани, и мы с 9 до 11 часов катались. Мы жили на Комендантской лестнице, внизу всегда встречали Башуцкого, который раскланивался. Возвращаясь в одиннадцать часов, встречали Башуцкого: «Поздно, поздно, сударыни, возвращаетесь». ⟨...⟩ Вечером иногда давали веселые пьесы: ⟨нрзб.⟩ и «Две сиротки или избушка в лесу». Мы абонировались у жида Бродского на ноты, и я с ней играла в четыре руки. Она купила маленькую гармошку, которая, между прочим, играла Гайдна; Стефани заводила беспрестанно и ставила возле комнат мадемуазель Кнорринг, которую она называла Кноробова, и та со слезами просила избавить ее от музыки. В ее коридоре жила Юленька Башилова, очень умная, серьезная девушка. Ее сестра, Шипова, была в своем имении, она там писала трагедии: Ромул, Сократ и Александр Македонский.

* * *

Двор переехал в Зимний дворец, и в городе были маленькие вечера в полутрауре. Первый был у Лизаветы Мих⟨айловны⟩ Хитровой. Она жила во втором этаже посольской квартиры, приемы ее были очень приятные, черные волосы под гребенку. Она говорила в нос и принимала гостей на кушетке в неглиже. Стефани и я, мы были званы на этот вечер. В углу, между многими мужчинами, стоял Пушкин. Я сказала в мазурке Стефани: «Выбери Пушкина»[24]. Она пошла. Он небрежно прошелся с ней по зале, потом я его выбрала. Он и со мной очень небрежно прошелся, не сказав ни слова.

Зимой я была больна. Доктор Арендт мне сказал, что у меня печень расстроена и просил заботиться. 14 октября меня и Эйлер сделали фрейлинами[25], и мы, наконец, переехали в Зимний дворец: 96 ступенек приходилось высчитать два и три раза. У Эйлер пошли прыщи по всему лицу и болели здоровые зубы, она лечилась омеопатией у д-ра Пятинга, и он ей очень скоро помог. У меня же все были нервы не в порядке, и я вздумала пить молоко и более ничего не есть. Мне казалось, что я лучше сплю от этого молока.

Летом в Павловске познакомилась с семейством Карамзиных. Лорд Хартфорд привез государю орден Подвязки. Государь был в Берлине по случаю болезни императрицы, и в Павловск были приглашены два родственника лорда Хартфорда Барри Сеймур. Лизаньке Карамзиной было 5 лет, она была прехорошенькая девочка, и мы ее затеяли познакомить с этим Барри. Тут сестра ее Софья Ник⟨олаевна⟩ была и пригласила меня побывать у них в Царском. Они жили в Китайских домиках, и тут началась долголетняя дружба с этим милым семейством. Катерина Андреевна, повидимому, сухая, была полна любви и участия ко всем, кто приезжал в ее дом. Они жили зимой и осенью на Владимирской против самой церкви и просили меня у них обедать. После обеда явился Фирс Голицын и Пушкин и предложил прочитать свою последнюю поэму «Полтаву»[26]. Нельзя было хуже прочесть свое сочинение, как Пушкин. Он так вяло читал, что ка-

залось, что ему надоело его собственное создание. Когда он кончил, спросил у всех их мнение и, наконец, меня, я так оторопела. что сказала только: «C'est très beau» [22*]. Арендт мне советовал ехать в Ревель и купаться в море. Я сказала об этом имп‹ератрице›. Она велела мне дать четвероместную дорожную карету, подорожную на 6 лошадей, и все было уплачено помимо меня. Мне выдали жалованье за три месяца, что составляло 500 р. асс., и я отправилась с Карамзиными в Ревель. Старшему сыну Андрею было 13 лет, Александру — 10, Владимиру 6, а Лизе 5 лет [27], у них был гувернер Тибо, девушка Екат‹ерины› Андреевны, крепостная Фиона и крепостной человек Лука. Мы жили на даче Келлера, бывших стеклянных заводах, неподалеку от нас был Brigittenkloster, далее Веннис барона Деллингсгаузена, прекрасный замок, очень хорошо, по-старинному устроенный, куда надобно было ехать в коляске. Как только мы тронулись, коляска начала издавать самые странные звуки, но это было безопасно, и мы с кучером ездили все лето в церковь, где служил св‹ященник› Вейдинг, большой приятель Катерины Андреевны. У Карамзиных жила еще англичанка мисс Энджел, красавица, у нее были две сестры, и покойный Александр П‹авлович› их заметил, кажется, и очень к ним благоволил. В Ревеле был адмирал Талызин, но он редко приезжал, зато адмирал Спафарьев очень часто звал нас к себе или приезжал к нам. Он меня очень полюбил и называл «прекрасная особка». Одна из его дочерей была красавица и была замужем за маркизом де Траверсе, эмигрантом. Марья Христофоровна Шевич была с падчерицей Александрой Ив‹ановной›. Был граф Евграф Евграфович Комаровский, Евгений Петрович Стерич [28] и Николай Михайлович Смирнов. Я прежде с ним познакомилась в Петербурге у княгини Долгорукой, она хотела выдать замуж свою дочь и звала фрейлин, потому что балы только тогда были удачны, когда были фрейлины. Ярцева была очень хорошенькая блондинка. В Ревеле стоял армейский полк Суворовский, бывший Фанагорийский, и на бале я познакомилась с капитаном Яковлевым. Он говорил только по-русски и танцевал, конечно, с кондачка. Это был тот капитан Яковлев, который с кондачка же прошел по Остроленскому мосту, когда кишки его висели до полу [29]. Он тут же и умер, а как часто он был отважен.

Вечером играли часто в вопросы и ответы. Комаровский был большой мастер на это и всегда все критиковал, а Адина Шевич его называла «Comte Commentaire». Он спросил: «Какую прогулку вы предпочитаете — пешком или на лошади», я ответила: «На лошади», а Александрина Шевич: «В зависимости от того, о каком животном идет речь». Это мило. Я гуляла и ходила гулять в поле, любила бродить, мне поручали Володю и Лизу. Он был несносный мальчик и раз сказал Лизе: «Иди к черту», она ему тотчас ответила: «Иди сам, ты там лучше подходишь, чем я». Раз я встретила бродягу в халате, морщинистый, небритый и босой. Я ужасно испугалась и бросилась бежать. Я писала Вяземскому, что в Ревеле очень хорошо, только я боюсь бродяг, у нас было много слухов о бродягах.

Из Ревеля я приехала уже в Зимний дворец. Окна были на двор, а за перегородкой спали мои девушки. У Билибиных были маленькие вечера,

[22*] Это очень красиво.

я часто бывала у них. Там Александра А⟨лександровна⟩ Эйлер познакомилась с Алексеем Ник⟨олаевичем⟩ Зубовым. Он был высокий смуглый мужчина (не в моем вкусе), очень противный и слыл богачом. Он ей сделал предложение, и свадьба была в Зимнем дворце. Императрица надела на нее свои бриллианты. Ее отец и мать были в отсутствии, и был посаженым у Зубова Билибин и шафером Иван ⟨нрзб.⟩. В то же время устроилась свадьба Лизаветы Витгенштейн с князем Репниным-Волконским.

Наследнику был осьмой год. Государь назначил его наставником Жуковского, который жил в Шепелевском дворце, сам назначил ученого юродивого Мердера его дядькой. Мердер был женат на англичанке мисс Салли Оксфорд, ее мать и горбатая сестра Мэри Оксфорд жили с Мердером. Он сказал государю, что нужен ночной дозор и рекомендовал Семена Алексе⟨евича⟩ Юрьевича, который жил в комнате наследника.

Во время коронации государь просил матушку простить Виельгорского [30]. Он был женат на принцессе Бирон-Курляндской, когда овдовел, приехал в Москву, Петербург и, очень естественно, искал утешения у сестры своей покойной жены, принцессы Луизы. Они друг друга полюбили и тайно обвенчались. Она была любимая фрейлина Марии Федоровны, и пришлось в этом признаться. Она обратилась к 1-му секретарю Григорию Ив⟨ановичу⟩ Вилламову, который был католик. Вилламов был замечательный человек: необыкновенный ум с большой начитанностью. Он был предан как верная собака государыне. Он не решился сделать огорчение импер⟨атрице⟩. Она была дежурная и ехала в карете с государыней, бросилась на колени и сообщила ей о своей свадьбе. Ответу не было никакого, но через Вилламова по приказанию государя Ал⟨ександра⟩ П⟨авловича⟩ они присуждены были жить в Курском имении. В то же время возвращены были князья Барятинские, которые тоже жили в заточении в Курской губ⟨ернии⟩. Эти два семейства очень там подружились и скоро получили позволение жить в Петербурге. Не знаю, почему гетман Скоропадский пожаловал к⟨нязю⟩ Барятинскому 300 000 десятин земли в Курской губернии; никто не знает, зачем они продали половину. Это мне фельдмаршал Барятинский рассказывал [31]. У них остались владения только в селе Ивановском. Фельдмаршал совсем иначе рассказывал историю убийства Петра III. Он говорил, что князь Ив⟨ан⟩ Барятинский играл в карты с самим государем. Они пили и поссорились за карты. Петр Третий рассердился и ударил Барятинского, тот наотмашь ударил его в висок и убил его [32] ⟨...⟩

Чтобы побудить наследника хорошо учиться, ему дали двух товарищей: старшего сына Виельгорского Иосифа и молодого Паткуля. Жуковский усердно принялся за дело, составил какие-то таблицы для изучения древней, средней и новейшей истории синхронно. Государь всегда сам присутствовал при экзаменах. Учителем русской истории был Арсеньев. Император ему сказал: «До Петра вы, а с Петра — я». Учителем немецкого языка был Кавелин [33]. Искали долго учителя математики. Государь приехал в третью гимназию, где был брат мой Лев Арнольди, во время урока математики Шепелевского, который краснел, бледнел и тотчас потерялся, вынул что-то и спрятал у себя в кармане. Государь спросил у директора, что он ищет в кармане.— «Ваше величество, он был представлен к награждению и

получил Станислава III степени в петличку; разве нельзя было мне дать русский крест; он носит всегда в кармане спрятанным про случай». Государь рассмеялся, сел и просил Шепелевского продолжать; его это ободрило, он прочел весьма интересную лекцию и получил Анну в петличку. Государь предполагал взять его в учители математики, но не знаю, сбылось ли это. Законоучителем был Павский, его скоро заменил ученый, умный и прекрасный человек Барсов. Его обвинили в протестантизме и просили митрополита Филарета указать на хорошего законоучителя; он и назначил Василия Борисовича Бажанова. Променяли ястреба на кукушку.

В 1848 году грянул революционный гром. Из Парижа, как пламя, загорелась в Австрии кровавая революция. Ля Тур, приятный и добродетельный человек, был убит, этот Halunke Меттерних war auch gestorben[23*]. На молодого Франца Иосифа напал с ножом какой-то мерзавец и ударил его ножом в затылок, но его руку остановил граф О'Дона; убийцу посадили в тюрьму. Меттерних выехал с женой в карете, обитою рогожей, как будто предпринял путешествие в Саксонию, там он был почти в безопасности. Перед его каретой ехала г-жа Костецкая. Ему хотелось пить, его жена просила гарсона подать стакан воды, он узнал их, принес воду, не взял их деньги, наконец, отвез его в Иоганнисберг. Вышло четыре тома его весьма интересных записок[34], изданных его сыном Рихардом, который был послом при Наполеоне III.

В Италии, в Богемии и в Пруссии разразилась революция. Императрица просила Гримма прочесть ей Гетева «Фауста», а князь Волконский и Медем присутствовали при этом чтении. Я встретила в Салтыковском коридоре приехавшего пыльного Михаила Велеурского[35] и спросила: «Quelles nouvelles de Berlin?» — «Je viens avec des néfles et des lettres pour l'Impératrice»[24*] и он отправился к государю наверх, а я поехала на свою квартиру на Мойке. Из газет я узнала, что в Берлине смотрело войско на буйную толпу, что тело провезли мимо дворца, заставили короля выйти на балкон, и так как он был в каске, кричали ему: «Geh's herunter»[25*], требовали удаления гвардии. Ей приказано было идти в Потсдам, не отвечать на грубости темной, всегда грубой буржуазии. Один плеснул офицеру фон Застров в глаза и приказал ему не вытирать глаза. Гвардия вся шла со слезами на глазах[36].

Гримм мне рассказывал, что государь, очень встревоженный, вошел в комнату и спросил ее, что ей читает Гримм.— «Фауст» Гете».— «Goethe! C'est votre infâme philosophie, c'est votre infâme Goethe qui ne croyait à rien, qui sont la cause des malheurs de l'Allemagne. Sortez d'ici!»[26*]. Когда он сообщил императрице, что было с ее несчастным братом (у него тогда был первый удар), с ней сделалась дурнота, и Гримма, который стоял, как вкопанный, у дверей, послали за Мандтом. Мерсье был поверенным в делах и

[23*] также умер (*нем.*).

[24*] Какие новости из Берлина? — Я возвращаюсь ни с чем и с письмами для императрицы.

[25*] Вон отсюда! (*нем.*).

[26*] Гете! Это ваша гнусная философия, ваш гнусный Гете, ни во что не верующий — вот причина несчастий Германии! Уйдите отсюда.

мне рассказывал: «Quand j'ai demandé à l'Empereur une entrevue, j'ai trouvé l'Empereur très ému et lui a dit: «Sire, vous êtes le seul qui n'a rien à craindre des révolutions».— «Mon cher Monsieur Mercier, les révolutions sont indiquées, je n'ai pas encore émancipé mes paysans, et je sais de bon sens qu'ils sont mécontents de leur servitude. Il suffit d'une étincelle pour bouleverser l'ordre à présent dans mon empire» [27*]. Мерсье мне рассказывал, что он обедал у старого герцога де Брольи, обедали несколько человек, в том числе Боссе, говорили о железных дорогах. Боссе имел привычку засыпать после обеда. Герцог де Брольи спросил его: «Боссе, отчего вы спите на железной дороге?» — «Я говорю, что это колыбель мировой цивилизации».

Я была больна нервами, ко мне пришел давнишний приятель граф Павел Медем, он тоже больной, и сказал мне то же самое. Я ему сказала, что московский митрополит Филарет говорил, что это дьявольское изобретение. Он совершенно прав, это действительно дьявольская вещь. Поживем — увидим. Мы живем как в эпоху крестовых походов, все общество перемешивается, христиане женятся на жидовках, русские выходят замуж за итальянцев, французов и англичан, и наоборот. Митрополит Филарет говорил мне: «В селении Вавилонском друг друга не понимали, потому что говорили руками; у нас всюду и везде все говорят одним языком и друг друга не понимают». 〈...〉

В 1848 году граф Дмитрий Николаевич [37] не раз мне говорил, что 〈нрзб.〉 крестьяне его говорили: «Когда, батюшка, нас царь на волю пустит», он об них донес министру внутренних дел Льву Алексеевичу Перовскому.

Я жила в Павловске во время эпидемии холеры и встретила графа Киселева: он меня спросил, читала ли я письма об Остзейских провинциях. Я сказала, что они есть у меня, но я их не читала, потому что их автор мне часто говорил о своем воззрении на эти провинции; их называют Балтийскими, эти губернии. «Дайте мне их, пожалуйста». Я их послала графу; через несколько дней он мне сказал: «Да, я с Самариным совершенно согласен». Тогда пошли гонения на славянофилов по доносу Орлова; он, кажется, родился сыщиком [38].

* * *

В начале 30-го года я была вечером у императрицы и слышала, что государь сказал Киселеву: «Я читал твой отчет с удовольствием и вижу, что мы сделаем для освобождения несчастных крестьян в княжествах».— «Государь, я с одной стороны должен был гладить по головке бояр, а с другой подтягивать». Киселев мне говорил: «Я сказал государю: Ваше величество, я не рвусь иметь 〈...〉». Он вздохнул и сказал: «Зачем, я читаю губернаторские отчеты и знаю, что сплошная ложь, а правдивы отчеты Гессе, Новгородцева, Смирнова у Руперта». Гессе был подольский губернатор,

---

[27*] Когда я просил императора меня принять, я нашел его очень взволнованным и сказал ему: «Государь, только вам нечего бояться революций».— Милый мой г. Мерсье, революции предопределены; я еще не освободил своих крестьян и знаю, что он недовольны своим рабством. Достаточно искры, чтобы ниспровергнуть весь нынешний порядок моей империи.

и когда ему приносили журнал губернского правления, он отвечал: «Отвечать по материи». Отчеты его были очень кратки: «Ваше величество, урожаи самые лучшие, зерно идет по высокой цене. В губернии все тихо, поляки с удовольствием приезжают в Житомир, веселятся на балах и театрах и благодарны вашему величеству за ваше к ним расположение. Затем остаюсь Гессе» [39]. Новгородцев был меломан, у него был домашний оркестр ⟨...⟩, вкус к музыке распространяется, это доказывает образование.

Н. М. Смирнов писал, что поляки неблагонадежны, что вице-губернатор Клушин просто-таки дружится со своими слугами и оркестром, что он получает хлеб и свежую баранину из его Орловского имения; что он бескорыстен и знает дело, но что он обязан сказать, что его можно только держать в звании вице-губернатора ⟨...⟩ По доносу Клушина и Чурбана Николай лишился места [40], а недобросовестная Елена Павловна говорила, что он брал взятки. Но я ей за это заплатила в Риме в 57 году.

* * *

Государь сказал Киселеву: «Пора мне заняться нашими крестьянами. Я то и дело получаю известия, что в той или другой губернии стреляют в помещиков, в Кременчуге высекли почтенного Паскевича, потому что, как военный, он строго требовал порядка, высекли несчастного Базилевского — я отдам его под опеку, он живет в нужде, все знают, что его секли и все его презирают, а он и в ус не дует. Я не хочу разорять дворян. В 12 году они сослужили службу, жертвовали и кровью и деньгами».

Норову оторвало ногу под Бородином, он и Вяземский были тогда в московской милиции, 15-ти лет, под Бородином.

«Я хочу отпустить крестьян с землей, но так, чтобы крестьянин не смел отлучаться из деревни без спросу барина или управляющего: дать личную свободу народу, который привык к долголетнему рабству, опасно. Я начну с инвентарей; крестьянин должен работать на барина на три дня и три дня на себя; для выкупа земли, которую имеет, он должен будет платить известную сумму по качеству земли, и надобно выплатить в несколько лет, земля будет его. Я думаю, что надобно сохранить мирскую поруку, а подати должны быть поменее. Я об этом давно говорил Блудову, он поручил чиновнику ⟨нрзб.⟩ составить полный план. Надобно будет повестить прежде в церквях это будет средством для улучшения быта духовенства. Эта мудрая и великая Екатерина обижала церковь; после, особенно деревенские, нищие, оттого нет школ в деревнях, а это необходимо. Говорят, что я — враг просвещения. Есть два просвещения: западное развращает их, я думаю, самих; совершенное просвещение должно быть основано на религии».— «Государь, я не грамотей, позвольте мне взять в редакторы моего человека, Николая Милютина; служит в Министерстве внутренних дел, и Перовский говорит, что он лучший человек у него».— «Выбери, кого знаешь, я уверен, что выбор будет очень хорош». ⟨...⟩ Затем последовал указ об обязанных крестьянах, который остался, по милости Меншикова и Закревского, мертвой буквой [41].

В 1828 году вышел манифест с объявлением войны с Турцией. Императрица решила ехать в Одессу с великой княжной Марией Ник⟨олаев-

ной>, которая была тогда ребенком, а с ней фрейлины: графиня Моден, княжна Урусова, доктор Крейтон. Я просила императрицу меня взять, мне так хотелось увидать бабушку, Грамаклею и Адамовку, которая, увы, была уже не наша. Мать моя помешалась за несколько месяцев перед последними родами, и этот мерзавец Арнольди заставил ее совершить преступное дело — Адамовка, по духовному завещанию отца, принадлежала братьям. Она умерла в родах 36 лет отроду. Не раз бедная мать наша раскаивалась, что так безрассудно вышла замуж. Государыня мне сказала: «J'aurais bien préféré de vous prendre que cette ennuyeuse princesse Ouroussoff, mais tout est fixé par Maman, et je ne pourrai pas prendre une 3-me, ce serait une dépense trop faite. D'ailleurs je ne regrette pas car Maman vous rend justice — cette méchante vieille Moden vous a calomnié et a dit que vous recevez des officiers dans votre chambre. L'Empereur a fait appeler Moden et sa femme et leur a donné une bonne leçon»[28*].

В 26-м году был 1-го генваря бал с мужиками[42], в их числе, конечно, было более половины петербургских мещан. Государыня была в сарафане и в повойнике и все фрейлины тоже. Мужчины в полной форме, шляпа с пером, тогда была мода на султаны из белых и желтых куриных перьев, и каждый хотел иметь лучший плюмаж. Полиция счетом впускала народ, и более 4000 не пускали. Давка была страшная. За государем и государыней — брат мой Иосиф, уже камер-паж, держал над ее головой боа из белых и розовых перьев. Государь <говорил> беспрестанно: «Господа, пожалуйста» и перед ним раздвигалась эта толпа, все спешили за ним. Я шла с каким-то графом Ельским, впереди Стефани с графом Витгенштейном. Он давно был в Петербурге, но узнал, что она изрядно кокетничает с кривым князем Львовым Андреем. Бедный Львов сделал ей предложение, она ему отказала. Он занемог, впал в чахотку, поехал в Италию, умер в Ливорно, где его похоронили с Кутузовым и Мухановым. Это оскорбило Витгенштейна, но раз он ее где-то встретил и решился явиться на этот праздник.

Императрица Мария Федоровна сидела за ломберным столом и играла в бостон или вист, с ней министры; в Георгиевском зале, туда мужиков пускали по 10-ть зараз, везде гремела музыка. По углам были горки, на которых были выставлены золотые кубки, блюда, и пр. Лакеи разливали чай и мешали чай ложечками, неравно кто-нибудь позарится на чужое добро. Церковь была освещена и священники и дьяконы служили молебны остальным, их было немало. Удовольствие кончалось в 8 часов, а в 10-ть часов дежурная фрейлина и свита отправлялись ужинать в Эрмитаж. Все комнаты были обиты разноцветным стеклярусом, освещение было сзади и ослепительно (это все от времен Екатерины), за ужином играла духовая музыка Ариозо и Вариации Бетховена. Мужики имели право оставаться до полночи, а мы все расходились по своим комнатам. Я видела, что боа Стефани

[28*] Я предпочла бы взять вас, чем эту скучную Урусову, но у матушки все установлено, и я не смогу взять третью, это был бы слишком большой расход. Впрочем, я не жалею, ибо матушка отдает вам справедливость — эта старая злючка Моден вас оклеветала, сказала, что вы в своей комнате принимаете офицеров. Император велел позвать Модена и его жену и дал им добрый урок.

было в шляпе Витгенштейна. Я ей сказала: «Знаешь, я приеду болтать с тобой».— «Нет, я устала, и у меня болит голова». Я поняла, что все решено. Утром рано я поехала к ней, она сидела, смеясь, одетая, возле жениха, и Лизаветка тут же.

Утром рано я к ней приезжала заказывать белье, Пецольду несколько дюжин черных, белых, красных, голубых башмаков, тогда мода была, чтобы обувь была того же цвета, как платье. Мадам Бологьель шила платья, она была не в моде, но Стефани ее любила и слышать не хотела о Циклерах: «Сестры Циклер в моде, а я на зло им хочу все заказывать у мадам Бологьель». Опекуны князь Любецкий и граф Грабовский расщедрились, прислали немца Римплера, и она выбрала, что хотела. Из серебряных лавок принесли на выбор столовое серебро и туалетное. Она прежде просила Грабовского купить ей туалетное серебро, он ей прислал аплике, она его побросала и дала своим девушкам кроме жалованья. Она очень любила Крыжановского, который приносил ей всякое воскресенье 50 р. асс., и «Крыжаньке» она подарила уйму этих вещей и запретила Дмитриеву к ней являться, он был ужасный мошенник ‹...›

Волконский ему подарил дачу Павлино, но она ни за что не хотела, чтобы он ее принял. У Волконского были вкусы против натуры, но кроме этого ничего не было предосудительного. У Витгенштейна же была любовница и дети. Стефани ему сказала, что она это знала, и просила его продать Павлино и отдать деньги этой женщине. Он продал Павлино за 40000 асс., кажется, Велеурскому, и разделался с этой женщиной. Протестантская свадьба была во дворце, посаженной матерью была Мария Федо́ровна и в‹еликий› к‹нязь› Михаил Пав‹лович›. Католическая — в церкви св. Екатерины, двор и гости, Велеурский был шафером, кроме шаферов есть и свидетели, и Михаил Пав‹лович› поехал в католическую церковь как свидетель.

Они наняли дом г. Гурьева на Фонтанке, меблировал Гамбс, который был в большой моде. Ливрея была синяя, а панталоны коричневого цвета, оливковые чулки и башмаки, упряжь была русская. Повар был француз, но для Стефани особенно готовила жена ее возлюбленного Сергея Никитина, который стоял за ее стулом, и она с ним разговаривала. Ей готовили щи или борщ с пирожками, кулебяку, жареный картофель с луком, яичницу с луком, варенье, и она пила брусничную воду. Когда я обедала, то разделяла ее трапезу. Иностранные послы, секретарь ф‹ранцузского› посольства Лагренне, истинная сорока, обедал всякий день без зазрения совести. Конюшенная девка Ярцева[43] тоже ездила к ней и подучила Лагренне сказать, что Стефани кокетствовала с Архаровым и поссорила меня с ней. Во время беременности Стефани ела воск, от нее прятали воск, даже восковые свечки. На бале она подошла ко мне и сказала: «Je n'aime et ne veux que les bougies en belle cire et je voudrais toutes les manger»[29*]. Она родила дочь Марию, нынешнюю княгиню Гогенлоэ, они поехали во Флоренцию, где жила польская эмиграция, познакомились с лучшими фамилиями и родила сына Петра. Во Флоренции доктора объявили, что у нее чахотка и послали

[29*] Я люблю и хочу только свечи лучшего воска, я хотела бы их все съесть.

их в Эмс. Ее любимая девушка Полина родила дочь и бросила ее в отхожее место, флорентийской полиции заплатили очень дорого и ее освободили. Они уехали в Эмс, где нашли сестру и старую мать графа. Как все чахоточные, Стефани была полна надежд. Однажды вечером она была в розовом капоте, покрытом кружевом, закашлялась и сказала мужу: «Louis, faites-moi un lait de poule» [30*] — и спокойно заснула. Во Флоренции поляки сбили ее с толку и сделали ее противницей России и государя, даже Марии Федоровны. По духовному завещанию она оставила мужу все свое огромное состояние по Литовскому статуту, 10000 Полине, 10000 другой девушке и 1000 своей подруге Качаловой.

Еще до ее свадьбы в Петербург приехал богач граф Станислав Потоцкий, который купил дом на Английской набережной. Парадная зала была темно-голубого цвета и по ней с верхнего до нижнего карниза был золотой герб Потоцких. Он давал обеды и первые обеды в 10-ть персон, изысканные обеды. Государь его спросил: «Est-ce que Gibbier me donne "des dîners fins?"» — «Non, Sire, vos dîners et vos soupers sont très bons, mais ils ne sont pas fins». — «Il faut que je m'essaye, donnez-moi le dîner fin». — «Votre Majesté, veillez recommander les convives, il me faut des gourmands pour un dîner fin».— «Invitez que vous voulez» [31*]. Государь и отправился, обед длился более полутора часов, государь встал и сказал: «Je vous demande pardon, Messieurs, j'ai à faire et vous quittez-moi pour avouer que j'ai aujourd'hui le dîner fin» [32*].

Стефани была еще во дворце, пошла со мной и Качаловой в манеж. Качалова была длинная, очень дурна собой; она ей надела розовый платок на шею и светло-зеленую шубу на собольем меху, лицо и шуба были одного цвета. Ко мне подошел Потоцкий и сказал: «Comment, vous n'êtes pas du caroussel?» — «Je ne sais pas monter à cheval».— «Je vais vous enseigner» [33*] и сказал конюху привести Сакена. Сакен была белая старая кобыла, на которой всегда ездил фельдмаршал Сакен, когда приезжал в Петербург из Киева. Сакена привели, наставили стремена, Потоцкий показал, как занести ногу, как держать уздечку, показал, как поворачивать лошадь, и поехал шагом вокруг манежа, потом велел ехать рысцой вокруг и приказал привести Юлию, старую рыжую лошадь. Тут оказалось, что езжу без страха и что я должна быть в карусели. Я просила государыню, она велела мне сшить синюю амазонку и черную шляпу.

У Потоцкого в столовой был прекрасный орган и звон. В нем было двадцать регистров. Он вздумал дать большой обед, на котором были государь, государыня и жена Лариона Васильевича Васильчикова, рожд⟨енная⟩ Пашкова, и прочие. Я сидела за столом между в⟨еликим⟩ к⟨нязем⟩

[30*] Луи, сделайте мне гоголь-моголь.

[31*] А что, Жибье готовит мне изысканные обеды? — Нет, государь, ваши обеды и ужины очень вкусны, но они не изысканны.— Я должен попробовать, угости меня изысканным обедом.— Извольте назвать сотрапезников, ваше величество; для изысканного обеда мне нужны гурманы.— Приглашай кого хочешь.

[32*] Прошу прощения, господа, у меня дела, а вы расходитесь и признайте, что у меня сегодня изысканный обед.

[33*] Разве вы не участвуете в карусели? — Я не умею сесть на лошадь.— Я сейчас вас научу.

Михаилом Пав‹ловичем› и Потоцким, и Михаил Пав‹лович› сказал: «Potocki, un doux penchant vous entraîne» [44].— «Et que voulez vous, Monseigneur, les vieux pères aiment ses enfants jolies» [34*]. Так как это было летом, то репетиции делали по летнему обыкновению, однако с музыкой. Против были дворецкие на лошадках, за каждой из нас был берейтор. Мой кавалер был брат Елены Павловны принц Павел Вюртембергский. Она, конечно, не участвовала в карусели, это было бы слишком легкомысленно. После всяких фигур галопом ехали мимо публики. Подъезжая к Жуковскому, я ему сказала: «Василий Андр‹еевич›, каково! Каприз на лошади». Государь был кавалер Вареньки Нелидовой, она прекрасно ездила верхом, но всех лучше императрица. Она была так грациозна и почти не касалась лошади. Ее кавалер был Михаил Пав‹лович›. Государь мне сказал: «Зачем ты меня не выбираешь?» (по-русски он всегда говорил мне ты). «Ты» был критериум его расположения к женщинам и мужчинам: Ярцевой он всегда говорил «вы», Любе Хилковой тоже, графу Воронцову «вы», Киселеву «ты», Потоцкому тоже, Канкрину, из уважения, «вы», также многим генералам прошлого царствования: Уварову, Дризену, Мордвинову, Аракчееву и Сперанскому.

У Потоцкого были балы и вечера. У него я в первый раз видела Елизавету Ксаверьевну Воронцову в розовом атласном платье. Тогда носили cordelière [35*], ее cordelière была из самых крупных бриллиантов. Она танцевала мазурку на удивленье всем с Потоцким. Шик в мазурке состоит в том, что кавалер даму брал себе на грудь, тут же ударяя себя почти в центр тяжести (чтоб не сказать задницу), летит на другой конец залы и говорит: «Мазуречка, пани», а дама ему: «Мазуречка, пан Храббе». У него постоянно брюхо тряслось, когда он был в белых штанах, а легкость была удивительная, тогда танцевали попарно, а не спокойно, как теперь, и зрители всегда били в ладоши, когда я с ним танцевала мазурку. На его вечерах были швейцары со шпагами, официантов можно было принять за светских франтов, ливрейные были только в большой прихожей, омеблированной как салон: было зеркало, стояли кресла и каждая шуба под номером. Все это на английскую ногу. Пушкин всегда был приглашен на эти вечера и говорил, что любителям счастье, все подавали охлажденным, и можно называть то то, то другое, и желтенькие соленые яблоки, и морошку, любимую Пушкиным, брусника и брусничная вода, клюквенный морс и клюква, кофе с мороженым, печения, даже коржики, а пирожным конца не было. В воскресенье у императрицы были вечера на сто персон и салонные игры, «кошки и мышки». Я отличалась в этой игре, убегала в другую комнату, куда рвался Потоцкий, я от него опять в коридор, и кончалось, когда он говорил: «Je ne puis plus» [36*].

Александра Васильевна д'Оггер вышла замуж за Ивана Григорьевича Сенявина; она устроила свой дом на Английской набережной и сказала, что в приемный день принимает запросто у себя утром. Тогда спускали зана-

---

[34*] Потоцкий, вас увлекает нежная склонность.— Что вы хотите, ваше высочество, ведь и старые отцы любят своих прелестных детей.

[35*] цепь из драгоценных камней

[36*] Больше не могу

вески и делался таинственный полусвет. Она сказала Кирилле Ал⟨ександ-ровичу⟩ Нарышкину: «Vous savez, mon cousin, il faut venir en redingote n'importe s'il fait beau où s'il pleut» [37*]. Нарышкин явился, весь забрызганный грязью, с сапог его текла вода. «Mon cousin, vous êtes fait comme un courbet, il fait très beau temps aujourd'hui».— «Ma chère cousine, il y avait une mare auprès du Palais. Je regrette d'avoir abimé votre joli tapis français» [38*]. На следующий день он явился в мундире, со шпагой на боку. «Дело в том,— сказал он,— что сегодня у меня доклад у государя». Она получала «Revue des Deux Mondes», который всегда лежал у нее на столе. У нее делали живые картины: «Урок музыки в Торбюри». Граф Гаген, секретарь прусского посольства, держал виолончель со смычком между ног, стол был накрыт ковром, я в широких рукавах с кружевами, в длинных локонах и нарумяненная сидела, облокотясь, и слушала. Ее тетка Татищева одевала Софью Урусову и забыла ее нарумянить, она держала и закрывала лицо нотами. Медем подошел и сказал: «О любезная Розали». Потоцкий издали протягивал мне руки. Два раза заставляли нас сидеть. Татищева хотела непременно выдать ее за Воронцова-Дашкова, который был наш посланник в Баварии и приехал в отпуск, но это ей не удалось. Потом была картина графини Завадовской «Мать Гракхов», она лежала на кушетке, дети стояли за спиной ее кушетки, оба сына Сенявины. Она так была хороша и в ней было столько спокойной грации, что все остолбенели. Эту картину повторяли три раза. Потом я в итальянке, в крестьянском итальянском костюме сидела на полу, а у ног моих Воронцов-Дашков в костюме транстевера лежал с гитарой на полу у моих ног. Большой успех, и повторили три раза и, не сняв костюм, оделись и в каретах отправились к Карамзиным на вечер [45]; я знала, что они будут танцевать с тапером. Все кавалеры были заняты, один Пушкин стоял у двери и предложил мне танцевать с ним мазурку. Мы разговорились, и он мне сказал: «Как вы хорошо говорите по-русски».— «Еще бы, мы в институте всегда говорили по-русски, нас наказывали, когда мы в дежурный день говорили по-французски. А на немецкий махнули рукой». «Mais vous êtes Italienne?» — «Non, je ne suis d'aucune nationalité: mon père était Français, ma Grand-mère était une Géorgienne et mon Grand-père — un Prussien, mais je suis orthodoxe et Russe de coeur» [39*].

«Плетнев нам читал вашего «Евгения Онегина», мы были в восторге, но когда он сказал: панталоны, фрак, жилет, мы сказали: какой, однако, Пушкин индеса [40*]». Он разразился громким веселым смехом, свойственным только ему. Про него Брюллов говорил: «Когда Пушкин смеется, у него даже кишки видны» [46].

Зимой я ездила к тетушке Марии Ив⟨ановне⟩ Лорер. Она жила на Гороховой, в доме Грачева. У нее жил тогда Дмитрий Ев⟨сеевич⟩ Цицианов,

---

37* Знаете, кузен, надобно приходить в сюртуке, невзирая на погоду.

38* Кузен, вы словно горбатый, а погода сегодня прекрасная.— Дорогая кузина, около дворца была лужа. Мне жаль, что я испортил ваш красивый французский ковер.

39* Но вы итальянка? — Нет, я не принадлежу ни к какой национальности: мой отец был француз, моя бабушка — грузинка, а дед — пруссак, но я православная и по сердцу русская.

40* От *фр.* indécent — непристойный.

а жена его, больная, жила в Москве у какой-то Лопухиной, которая их кормила потрохами и всякой дрянью. Толстая княжна написала Сергею А⟨лександровичу⟩ Лутковскому, что им невтерпеж. Он им предложил жить в его доме у Харитонья в Огородниках, купил у Сухаревой башни кое-какую мебель, и с крепостной и двумя старухами поместились. Когда княгиня умерла, то княжна выгнала отца. У тетушки он был на кухне целый день, ходил на рынок покупать провизию. У нее я играла в четыре руки с Павлом Зубовым Бетховена. Она жила со своей неизменной Мари и гувернанткой мадемуазель Жироду, со своей Аннушкой, которая была все в доме. Серафима Ив⟨ановна⟩ Штерич представила Ивана Серг⟨еевича⟩ Мальцева и говорила, что он очень богат и будет хорошим мужем для меня. Ив⟨ан⟩ Сергеевич смотрел глупыми глазами, но не производил ровно никакого впечатления на меня. Егермейстер говорил мне, что он ужасно скуп. Но вскоре он назначен был секретарем Грибоедова и уехал с ним в Персию[47].

Я бывала часто у Зубовой[48]. Там всякий вечер была музыка Фирса (т. е. Сергея Голицина, зачем его звали Фирсом, я не знаю, 14 числа св. Фирса, и его арестовали, вообразив, что и он в заговоре, но после, поняв, что он чист, его отпустили[49]), да Глинки, которого звали сеньор Глинчини ⟨...⟩ У Глинки был дишкант, и весьма малозвучный, но он пел превосходно. Я заметила, что у Зубовой часто появлялись прыщики на губах и вокруг шеи, но она была здорова и весела. Доктор Арендт меня встретил и сказал: «Пожалуйста, барышня, будьте осторожны, не пейте из одного стакана с ней, а главное, не садитесь на ее горшок». Я ничего не поняла, через два года приехала Нина ⟨нрзб.⟩ и сообщила, что ее мерзавец муж заразил ее дурной болезнью, что ребенок был гнилой и заразил даже няньку. Ее послали на воды. Между тем она открыла, что они в долгу как в шелку, Зубов занял у каких-то жидов по 10 процентов, продал всю мебель, даже ее одеяло зимнее, и поехали в Нижегородскую губернию, в город Горбатов, где приютились в маленьком имении двоюродной сестры Зубова Александры Александровны Зубовой. Она и там не скучала, занялась хозяйством и садом, сажала и прививала деревья и цветы. Узнав, что Д⟨нрзб.⟩ уволен от службы за недобросовестностью, поехала одна в Петербург и умолила государыню доставить это место ее мужу. Императрица с радостью это устроила, прося Канкрина. И они поехали жить в Нижнем Новгороде. Она подружилась с женой Михаила Пет⟨ровича⟩ Бутурлина, рожденной княжной Вяземской, с семейством барона Тришатского, у которого было две дочери, его обожавшие. Все деньги она выплатила понемногу, Зубов оставил ярмарку и вступил в Москве в почтамт. Там они купили дом на Садовой, она купила рояль, с ней жили две тетки, старые девицы Чибисовы. Она нашла там генерала Шипова[50] и была дружна с его женой, рожд⟨енной⟩ гр⟨афиней⟩ Комаровской. Над Шиповым смеялись — над кем не смеются в Петербурге? Он был честен, умный, сведущий и написал очень дельную брошюру о необходимых переменах по министерству внутренних дел, которую никогда не печатал. Безбедные старики ходили всякий день к ранней обедне, имели тесный кружок друзей и были очень счастливы. Княгиня Хилкова ей тоже очень обрадовалась. Я занемогла в селе Спасском и приехала лечиться у

Иноземцева, она сняла мне квартиру и провела почти весь день со мной. Иноземцев хотел лечить меня молоком, но я не вынесла этого лечения, он давал мне какие-то порошки для желудка и приказал лежать целый день в саду. Я простудилась, легла в постель, у меня сделался сильный понос, сообщили Александрине, и она заметила, что у меня кровавый понос; она скорей послала за Иноземцевым, который его остановил самым простым образом.

Почти все вечера я проводила всегда у Карамзиных. Катерина Андреевна разливала чай, а Софья Николаевна делала бутерброды из черного хлеба. Жуковский мне рассказывал, что когда Николай Михайлович жил в Китайских домиках, он всякое утро ходил вокруг озера и встречал императора с Александром Николаевичем Голицыным, останавливался и с ним разговаривал иногда, а Голицына, добрейшего из смертных, это коробило. Вечером он часто пил у них чай, Катерина Андреевна всегда была в белом полотняном капоте, Сонюшка в стоптанных башмаках. Пушкин у них бывал часто, но всегда смущался, когда приходил император. Не имея семейной жизни, он ее всегда искал у других, и ему уютно было у Карамзиных; все дети его окружали и пили с ним чай. Их слуга Лука часто сидел, как турка, и кроил себе панталоны. Государь проходил мимо к Карамзиным, не замечая этого. «Карамзин,— говорил Жуковский,— видел что-то белое и думал, что это летописи». У нас завелась привычка панталоны звать летописями. Жуковский заставил скворца беспрестанно повторять «Христос воскресе», потом ошибется и закричит: «Востиквас»[51], замашет крыльями и летит в кухню. Александра Федоровна терпеть не могла Наполеона, государь часто его хвалил. Княгиня Трубецкая, чтобы польстить государыне, сказала: «C'etait un tyran, un despot»[41*], догадалась, что сказала невпопад, сконфузилась — я Жуковскому сказала: «Эта дурища при слове деспот сконфузилась, и с ней сделался востиквас». И это было принято в нашем арго, также слово флертовать.

Весной Мария Фед⟨оровна⟩ поехала в Павловск[52]. Она была в своей городской карете и вязала из серебряных ниток кисеты, и надобно было считать ряды, потом привязывать нижние для составления креста. За ней ехала карета с другими фрейлинами, в коляске ехал Павел Ив⟨анович⟩ Кутайсов, ее гофмейстер, и егермейстер Михаил Юрьевич Велеурский, гофмейстер Ласунский в карете, потому что у него болели глаза, в зеленой карете — Дюбуа и Дебле, камердинер и парикмахер Матвей Петрович Петров и камердинер Гримм.

До нашего отъезда в Салтыковском коридоре произошло волнение, нечто вроде междоусобной войны. Князь Волконский заметил, что придворные лакеи долго не гасили свет. Было правило, что если свеча догорит более половины, им доставалась свеча, которую они продавали. Он долго сам наблюдал, наконец поручил арапам: они были гораздо честнее. Обязательнее всех был красивый арап Кайтан, он всегда стоял у ручки государыни. Он гасил свечи, за это они ему отомстили: обвинили его сына Ивана, что он что-то украл, его послали в Кронштат, где он был барабан-

---

41* Это был тиран, деспот

щиком. Зетюльбе была жена Кайтана, который был очень падок до девок, она ревновала, и Кайтан ее прибил до полусмерти. Она ушла к себе со слезами и сказала: «Бедный мой Иван должен бить в барабан, это меня так огорчает. Александра Осиповна, попросите его помиловать». Его послали в исправительное заведение, что гораздо хуже барабана, наконец, его простили. Княжна Цицианова послала Зетюльбе в Киев к княгине Кудашевой, где она воспитывала маленьких детей, и оттуда ей нашли место у богатого старика Скоропадского. ‹...›

В нашем коридоре жила фрейлина Дивова, Катерина Ивановна Арсеньева, сестра Павла Ив‹ановича›, лучшего кавалера в‹еликих› к‹нязей› Николая и Михаила[53] (у них было их 12-ть), Наталья Ив‹ановна›, рожденная Пущина, Наталья Николаевна Беклешова, совершенная дура, сестра генерала Беклешова, человека необыкновенно умного, честного и бескорыстного; он вышел из министерства с известным Трощинским; Олимпиада Петровна Шишкина и графиня Сухтелен, сестра нашего посланника в Стокгольме. Нам продолжали покупать свечи и желтые свечи для ночников, вся молодежь поднялась из-за свечей — отцы поднялись на нас. Графиня Сухтелен пришла ко мне и сказала: «Пусть, наконец, молодежь потребует хороших свечей, пусть, наконец», она беспрестанно говорила «пусть, наконец». В 70-м году она была еще жива и где-то жила неподалеку от Парижа; мне это сообщила ее племянница, очень милая и умная девушка, сказала мне, что она все любит говорить «пусть, наконец». Я думаю, что ей по крайней мере 90 лет. В этом же коридоре фрейлинская гувернантка Наталья Семеновна Ховен, рожд‹енная› Борщова. Она, наконец, прекратила междоусобную войну за свечи. Я думаю, что такой войны не было во всем свете. Брат мой Клементий говорил, что в России все так особенно и странно, что надобно иметь ключ к таинствам России, подобно книге Юнга Штиллинга «Ключ к таинствам природы».

В воскресенье государыня ходила к обедне в большую церковь и стояла в роброне, т. е. в платье с хвостом, и дежурная тоже была в роброне. Наталья Семеновна ходила ко всем фрейлинам и просила их одеться в роброн, ее лакей Гурьянов обходил всех, мы обыкновенно говорили: «Пусть старушка потешится». Шишкина, Беклешова и Пущина, бедная Наталья Семеновна, тогда приходили в отчаяние. Я раз согласилась идти к обедне в роброне, она так обрадовалась, что меня поцеловала и сказала: «Ma chère, j'ai des pastels de Novgorod, je vous les enverrai».— «Pour qui vous priez, ma chère Наталья Семеновна, je vous assure que je le fais de bonne grace et ne vous inquiètez pas»[42*]. Катерина Николаевна Кочетова жила особо, у нее были три комнаты, две девушки. Она была оригиналка, вставала в 6-ть часов, ванна со льдом была готова. Она купалась и вытиралась одна, запирала дверь на ключ и ходила, как ее создал господь, перед открытой форточкой, какой бы ни был мороз, потом одевалась, надевала легкие башмаки, одевала платок, мчалась ‹нрзб.›, а в 8 часов была у обедни в большой церкви, оттуда возвращалась в свою гостинную и пила

[42*] Милая моя, у меня есть новгородские пастели, я вам их пошлю.— Милая Наталья Семеновна, уверяю вас, что я делаю это по доброй воле, не беспокойтесь.

чай со сливками, а в постные дни с миндальным молоком. Ей приносила федоровская баба ржаной хлеб с черникой и сухую калину, когда ее хватил мороз, и тут же другой запах придает, и это довольно вкусно. Я часто у нее пила чай, она была очень милая и ленивая. После чая она читала «Четьи Минеи» и сочинения Симеона Полоцкого (воображаю скуку от этих сочинений!) После ездила с визитами и часто обедала у Ивана Петровича Новосильцова 〈...〉. К ней приезжала француженка с модами и уверяла ее, что тюрбан или берет ей очень пристали. Она говорила: «Вы цветок», а оборачиваясь ко мне, говорила: «Да разве что-нибудь пристало такой старухе, у нее-то и нос крючком». Новосильцов имел привычку петь, когда играл в карты. Граф Александр Ив〈анович〉 Сологуб говорил, что он пел: «Ты не поверишь, ты не поверишь, как ты мила», а когда спускалась Мария Федоровна, он пел: «Ты не поверишь, ты не поверишь божеской милости императрицы».

После нашего приезда приехала светлейшая к〈нягиня〉 Ливен, наследник с Мердером, Паткулем и Петей Мердером. Жуковский был болен и отправился в Швейцарию с своим другом безруким Рейтерном. Там я подружилась с семейством графини Эльмпт, она была гофмейстериной Елены Пав〈ловны〉, но она поехала в Англию с графиней Нессельрод, князем Николаем Сергеевичем Голициным и фрейлиной Анной Матвеевной Толстой. В Павловске жила старуха Архарова, ее дочь Софья Ив〈ановна〉 Сологуб и с ней ее необыкновенно хорошенькая Надежда Львовна Сологуб и два сына — Лев и Владимир. Старшему было лет 16-ть, а Владимиру 11 или 12. При Ольге Николаевне была девица Дункер, презлая, препротивная и глупая скотина. Она была дамой классной в Смольном. В〈еликая〉 княгиня Веймарская[54] приехала на два или три месяца погостить с мужем и детьми. Императрица проводила день в Большом дворце и затем в 11-м часу с дежурной фрейлиной отправлялась в Николаевский деревянный дом, где жили дети. Она просыпалась в 6 часов, тотчас приходил лакей и говорил: «Ее величество изволили проснуться». В 7 часов он говорил: «Ее величество изволили выйти в уборную». Потом в 7 1/2: «Изволят кушать кофий». Тут уж приходилось бежать. Она была необыкновенно пунктуальна. Людовик XIV сказал: «Je suis un grand artiste». Нет, это Нерон, а он сказал: «La ponctualité c'est la politesse des Rois»[43*]. И точно, Марию Федоровну никогда не ждали и мы не могли не быть пунктуальны. В гостинной торчал первый доктор Рюль, гофмейстер Ласунский и всегда точный секретарь и два садовника. Она назначала, кого просить к обеду из соседей, а егермейстеру назначала экипажи для всякой прогулки, Рюль давал отчет о больнице и вообще о санитарном состоянии Павловска и деревни Федоровской. Это был рассадник кормилиц для царских и городских детей. Народ был трезвый, здоровый, постоя никогда не было, а все знают, что постой войск портит женщин и нравственно. Государыня очень крепко опиралась на руку фрейлины, так что мы поддерживали свой локоть рукою. В ридикюле всегда было 500 р. асс. По дороге встречали людей на коленях, раздавали 50 р., по-

[43*] Я великий артист... Точность — вежливость королей.

том с садовником разговор о деревьях, которые срубить, которые добавить, он мигом бежал и потчевал сливой, где поправить мостик или беседку. Нагулявшись с час, она садилась в дрожки, а ее собака Азор сидела впереди и не спускала с нее глаз, но Азор мне милее Гусара.

После прогулки государыня занималась делами со своим секретарем Вилламовым, Новосильцов докладывал о домашних делах, а ровно в три часа она выходила из уборной в гостинную, мы уж все стояли декольтированные, с короткими рукавами, в шеренгу, иногда она приглашала к обеду свою племянницу принцессу Марию Вюртембергскую, она была очень приятна, но так растолстела, что Велеурский говорил про ее руки: «La nature s'est trompée et lui a donné 4 jambes» [44*]. Она жила в царском Большом дворце с своими дамами, мадам Крок и Бальвилье — придворные языки ее звали ‹нрзб.›. Еще жила «тортунья» [55] со своей шотландкой графиней Девиер, ее языки называли графиня Виднер. Обед был in fioqui, за каждыми двумя стульями был официант, напудренный, мундир весь в галунах с орлами и в шелковых чулках. За государыней камер-паж. Камер-пажи жили где-то в городе, обедали и ужинали во дворце за ширмами в проходной комнате. Обед продолжался более часа, возле государыни с правой стороны княгиня ‹нрзб.›, с левой Нелидова, а потом фрейлинство — княжна Репнина, Лунина, Ярцева, Кочетова и я, так, чтоб государыня могла нас видеть. Прочих не приглашали к обеду. Однажды приехал Мириан царевич. Императрица его спросила, пьет ли он сельтерскую воду по ее совету.— «Нет, ваше величество, с нее дует».— «Ах, пожалуйста, затворите окошки, Мириан царевич может простудиться». Иногда обедали в Камероновой галерее, иногда в Лебеде, или в Розовом павильоне. После обеда отдых до 6-ти часов, а после катание. Государыня в открытом ландо с обеими статс-дамами и фрейлиной Кочетовой, мы старались сесть на стороне Велеурского, он нам пел «Блеск лодки, на которой я плыву». В 8 часов мы были все уже готовы к вечернему собранию. Государыня сидела за круглым столом и вышивала по канве, а барон Мейендорф читал ей «Les mémoires de Ste Hélène» [56]. Вилламов и Новосильцов подсаживались к круглому столу или к другому, за которым мы сидели и с нами Велеурский. В половине девятого ужинали. Я заметила, что ей Дюбуа принес дупелей и сказала Велеурскому: «Il y en a encore trois, je veux savoir si c'est meilleur» [45*], но я нечаянно толкнула тарелку, и жаркое упало на пол. Всем это показалось смешно, со мной сделался нервный смех, и я все повторяла: «Comme c'est drôle, bécasse par terre» [46*]. О ужас! Государыня сказала: «On peut être gaie et rire, mais ce rire aussi immoderé est très inconvenant» [47*]. Я боялась, что она спросит, отчего я так смеялась. Окна были до пола, и за окнами всегда были гусарские офицеры и другая молодежь, проживающая в Павловске.

[44*] Природа ошиблась и дала ей четыре ноги.
[45*] На кухне есть еще три, я хочу знать, лучший ли этот (*фр.*).
[46*] Как смешно, дичь на полу.
[47*] Можно быть веселой и смеяться, но такой неумеренный смех неприличен.

⟨АЛЬБОМНЫЙ ВАРИАНТ⟩

Вдаль до крепости изредка пушки стреляли, и слышался какой-то неизъяснимо грустный гул, который сливался с заунывным звоном колоколов. Le glas de la mort[1*] очень хорошо выражает чувство, которое охватывает душу. Тело еще простояло три дня[1] в крепости. Потом отслужили последнюю заупокойную обедню, панихиду и опустили бренные останки труженицы в землю. Печаль и рыданья были неумолчны: плакали и дети, и взрослые, и старики.

Осень была сырая и холодная, и решено было, по совету врачей, оставаться в Зимнем дворце. Я ходила к Кочетовой всякий вечер на чай. Туда приходил великий князь Михаил Пав⟨лович⟩ и князь Сергей Михайлович Голицын. Он снимал свою ленту, и я раз ее надела, как вдруг этот старик мне сказал: «Si vous vous mariez avec moi, vous aurez le cordon de S⟨ain⟩te Catherine».— «Je la veux bien»[2*],— отвечала я. Он всегда садился подле меня на диване, и в⟨еликий⟩ князь говорил: «Голицын, Голицын, un doux penchant m'entraine»[3*]. Все сказанное в шутку сделалось скоро для меня горькой истиной. Дело в том, что все старухи прочили богатого старика за своих внучек. Особенно желала поймать его за свою внучку Ольгу St. Priest, у которой глаза были как плошки, но которая славилась тем, что картавила и танцевала французские кадрили с вычурными па, шассе, круасезы и подчас и па-де-ригон. Голицын приходил ко мне до собрания, в 7 часов, дал мне читать проповеди митрополита Михаила, предшественника Серафима. Проповеди были коротенькие, простые и практические. Голицын подарил мне в бархатном окладе «L'année spirituelle», очень хорошо составленное чтение на всякий день: краткая история святого, изречения из «Imitation» или Фенелона и Боссюэта и постановление на весь день. Марья Савельевна очень апробовала эту свадьбу и говорила: «Иди, матушка! Другой старик лучше голопятых щелкоперых офицеров. Будут деньги, и братишкам будет лучше; а то они, бедные, снуют по Невскому, понаделали должишки; а мы вот месяц должны мужикам и в гостиницу». Эти речи Марьи Савельевны мирили меня с мыслью идти замуж за старика и поселиться в Москве с пятью старухами, его сестрами, и с m-lle Casier. Я переписывалась дважды в неделю с князем Сергеем Михайловичем; но свадьба эта не состоялась, потому что жена ему напомнила, что долг платежом красен: когда в молодости она просила разводной, муж на это не согласился, а теперь она не согласилась. Не понимаю, почему она меня возненавидела и передала свою ненависть сестре своей Ирине Михайловне Воронцовой-Дашковой, запретила своей belle-fille[4*] звать меня на ее балы, что лишило меня знакомства с самым приятным домом[2]. Хозяйка была умная и острая шалунья. Окруженная роскошью, не забывала никогда бедных, способна была на самоотвержение. Ее все любили. После смерти графа она вышла за француза

[1*] Похоронный звон
[2*] Если вы выйдете за меня замуж, у вас будет Екатерининская лента.— Я согласна.
[3*] Сладостная склонность меня увлекает.
[4*] невестке

графа Poilly, была несчастлива; в Париже жестоко проболела целый год. Ее смущали, чтоб она перешла в римскую церковь, но она осталась верна своей православной и скончалась на руках у священника Васильева в полной памяти, получив утешение в исповеди и причащении святых тайн.

К концу года Петербург проснулся; начали давать маленькие вечера. Первый танцевальный был у Элизы Хитровой. Она приехала из-за границы[3] с дочерью, графиней Тизенгаузен, за которую будто сватался прусский король. Элиза гнусила, была в белом платье, очень декольте; ее пухленькие плечи вылезали из платья; на указательном пальце она носила Георгиевскую ленту и часы фельдмаршала Кутузова и говорила: «Il a porté cela à Borodino»[5*], Пушкин был на этом вечере и стоял в уголке за другими кавалерами. Мы все были в черных платьях. Я сказала Стефани: «Мне ужасно хочется танцевать с Пушкиным». «Хорошо, я его выберу в мазурке»,— и точно подошла к нему. Он бросил шляпу и пошел за ней. Танцевать он не умел. Потом я его выбрала и спросила: «Quelle fleur?» — «Celle de votre couleur»[6*],— был ответ, от которого все были в восторге. Элиза пошла в гостиную, грациозно легла на кушетку и позвала Пушкина[4]. Всем известны стихи Пушкина:

Ныне Лиза en-gala[5]
У австрийского посла,
Не по-прежнему мила!
Но по-прежнему гола.

К ней ходил Вигель, на которого Пушкин сочинил стихи, когда он осмелился порицать государя Ник‹олая› Павловича: «Вигель-Фригель, сын портного». А Соболевский еще лучше отделал:

Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
Как жалка судьба твоя!
По-немецки ты Швейнигель,
А по-русски ты свинья.

Этот Вигель оставил записки, которые напечатали с пропусками, не знаю, почему; у него желчь без злобы и протест против западного напускного образования. Он наш русский St. Simon[6]. Он был человек умный, способный и принес свою лепту на гражданском поприще, особенно по департаменту духовных дел. Сам же он был ревностный православный и всегда с омерзением рассказывал, что граф Андрей Разумовский отвечал, когда его упрекали, что он поздно приходит к обедне: «Comment! Mais je viens toujours pour le «со страхом»[7*]. Он был в коротких отношениях с графом Блудовым; его ум и начитанность делали его приятным собеседником. После смерти императора Николая Павловича он вздумал приносить свои жалобы Блудовым, где его выпроводили со стыдом. Так как я иногда позволяла себе порицать импер‹атора› в политических делах весьма некстати, то он приехал ко мне; но при первых словах я его прервала, сказав ему: «Вы за-

[5*] Он носил это под Бородино
[6*] Какой цветок? — Вашего цвета.
[7*] Как! Я всегда прихожу к...

бываете, что государь был мой благодетель»,— и он отретировался, поджав хвост[7]. Тогда он устремил свое гадливое расположение к Элизе[8], но там был сконфужен Пушкиным, который сказал, что проходил мимо портного Фригеля, et ça rime tres bien avec Вигель[8*]. Тогда-то, живя в отставке, сей Вигель принялся серьезно за свои записки, украсил русскую литературу портретами, хотя в карикатурном виде.

После Нового года балы, вечера и концерты участились. Фирс Голицын меня зазвал в Филармоническую залу, где давали всякую субботу концерты: «Requiem» Моцарта, «Création» Гайдена, симфонии Бетховена, одним словом, сериозную немецкую музыку. Пушкин всегда их посещал. Тогда в «Северных Цветах» печатали стихи Трилунного. Я говорила Пушкину: «Я уверена, что Трилунный здесь». «Конечно, он стоит в углу, фамилия его Струйский»[9]. Бедный Струйский сошел с ума и умер в Оверни в сумасшедшем доме в меланхолии. Довольно и одной луны. За ним водились три. Впоследствии эти концерты утратили свой сериозный характер; сериозные давались у Певчих[10], и в этой зале, музыкальной прародительнице классической музыки в России, играли проезжие артисты и наш доморощенный Карл Мейер. У этого Мейера только были пальцы, но не было души; он брал такие цены за уроки, что его перестали брать; он завидовал Гензельту и старался его топить, когда играл с ним Мошелеса или Калькбреннера. Отомстил же за Гензельта Лист: он играл с Мейером в четыре руки, кивнул знатокам и так играл, что Мейера как бы не было. У Певчих сидели всегда рядом граф Ларион Васильевич, генерал Шуберт, братья Виельгорские, Крылов, Александр Андреевич, Одоевский, Карл Брюллов; во втором ряду сидела моя персона. Когда приехали Миллеры, наслаждение и восторг достигли до nec plus ultra[9*]. Старики только переглядывались и приговаривали: «А помнишь ли, Александр Андреевич, как мы игрывали квартеты Бокерини?» 4-ре брата Миллера только смотрели друг на друга и играли самые трудные квартеты[11] Бетговена и старичка Гайдена, как одним смычком. Раз придворные певчие пели хором «Тебе бога хвалим», который кончается: «аминь, аминь, аминь». Брюллов встал и сказал: «Ажно пот выступил на лбу!» Так тесно связаны все искусства, да и наука, потому что Шуберт был великий математик. Чего доброго, и Аракчеев любил музыку, барабанную и пушечную, наверно.

Лето мы по-прежнему проводили сперва в Петергофе, куда приезжал шведский принц Оскар и принц Карл Прусский. Ездили на три дня в Красное Село на маневры[12], вечером на зорю. Зрелище было великолепное. Когда солнце садилось, все снимали кивера и пели «Коль славен наш господь в Сионе», и потом все расходились. Наши комнатки в Красном Селе были точно каюты. Обедали на Дудергофской горе: государь имп‹ератор›, принц Оскар и принц Карл. Последний вздумал раз огладить руку Урусовой; она вспыхнула от негодования. Государь рассердился и сказал ему: «Вам бы лучше учиться у принца Оскара», а тот отвечал: «Ce n'est rien, ce n'est qu'un Prussien»[10*]. Зимой принца Карла сменил меньшой брат им-

[8*] Это хорошая рифма к Вигель.

[9*] высших пределов (*лат.*).

[10*] Это ничего. Ведь он лишь пруссак.

п⟨ератрицы⟩ принц Альберт[13]. В Аничковском дворце начались еженедельно балы в числе 100 персон. Приглашались министры, для которых расставляли карточные столы; из дам — самые элегантные. Импер⟨атрица⟩ стояла и сидела у дверей спальни, а возле нее у окна Альберт со мной, и этот подлец позволял себе неприличные шутки и жесты; она кивала головой, а я сердилась не на шутку. Ужинали в час. Государь не любил, чтобы поздно танцевали, и после все разъезжались. Польку еще не знали, но вальсировали; все помирали со смеху, когда старый Чернышев[14] пускался, приседая на поворотах, с имп⟨ератрицей⟩, которая насильно его выбирала в котильоне. «Vous dansez comme l'Emp⟨ereur⟩ Alexandre».— «Mais, madame, il n'a jamais dansé»[11*]. Киселев и Бутурлин, эти два Ореста и Пилада, никогда не танцевали и сидели в старческой комнате за зеленым столом. Киселев играл спустя рукава; Бутурлин, напротив, играл серьезно и на выигранные деньги одевал свою богатую супругу[15]. Она была богата, всегда accoutrée[12*], по-моему, совсем нехороша, а так себе: глаза — гляделочки. Рожденная Комбурлей. Говорили, что отец ее накрал во время войн, бывши подольским губернатором. Он, главное, наживался от безмозглых поляков. Они все были более или менее замараны в интрижках. У Бутурлиных жила старуха Комбурлей и ее дочь. Фундуклей им был двоюродный брат; у него было огромное состояние. Бутурлин купил галерею Алексея Перовского за сто тысяч и несколько бюстов. Он давал балы и преподлый ужин. Тут раз случилась пресмешная штука. Графиня Разумовская приехала очень поздно на бал. Лакеи спросили у ее лакея: «Откуда ты привез свою качучу?» Она раз танцевала во дворце и очень хорошо. Она тоже давала балы и matinées dansantes très choisies[13*] и возбуждала неудовольствия в том обществе, где ее пригревали после многолетнего пребывания за границей в Париже, где она проживалась и тешила французское общество.

Но возвратимся к Стефани. Витгенштейн приходил уже как жених, я по просьбе невесты приезжала по-прежнему. Привычки и шутки с Сергеем и Богданкой продолжались. Лизаветка сидела, когда жених приезжал, и это было довольно скучно. Она объявила, что Сергей будет ее камердинером, и устроили его семейство в Дрисненском имении, подаренном петербургским купечеством после войны 12-го года. Туда послали портрет Стефани en pièd[14*] и сундуки с приданым. Опекуны Стефани, князь Любецкий и граф Грабовский, Дмитриев и Кожуханка должны были купить бриллианты, жемчуг и серебряный туалет. Она прежде уже требовала этот последний предмет, но ей прислали аплике; она его исковыряла и бросила. Первого генваря, в день бала с мужиками в числе 40 тысяч, она была в белом платье, обшитом белыми перьями, а на шее был розовый боа; я заметила, что этот боа очутился в шляпе Витгенштейна, и, уходя наверх, она не звала меня. Значит, слово навеки было дано. И как короток был век этого милого существа! Увы, таков удел прекрасного на свете[16]: оно не уживается в мире слез и печали. Свадьба была назначена в конце февраля[17], протестан-

---

11* Вы танцуете, как император Александр.— Но, мадам, он никогда не танцевал.
12* безвкусно одета
13* танцевальные утра для самого избранного общества.
14* во весь рост

ская, во дворце, в присутствии императорского дома и всех фрейлин, которые были все в белом, и невеста в белом кисейном. Потом накинули на нее великолепный салоп на чернобурой лисице, покрытой белым атласом, и в четвероместной карете, синей, обитой желтой материей, с двумя лакеями на запятках, поехали в католическую церковь, где совершился обряд. В‹еликий› к‹нязь› Михаил Павлович, как ее посаженный отец, поехал в церковь. Витгенштейн был тогда в опале[18], и имп‹ератрица› Александра Федоровна, как ни старалась уговорить государя присутствовать при протестантской церемонии, не успела. Стефани никогда не говорила, но не могла простить этой обиды, и я приписываю ее полонизм этому поступку.

Они поселились в доме Гурьева на Фонтанке и открыли дом, взяли ложу во французском театре. Повар их Lallemand был лучший в Петербурге и делал des dîners fins[15*]. Дипломатический корпус, падкий на хороший обед, часто посещал их дом, особенно Лагрене, француз, пустой ветрогон, почти всякий день там обедал, из товарищей князь Суворов, я и Любинька Ярцева, иногда пепиньерка Качалова. И она требовала, чтобы эти господа обходились с Качаловой как с действительным членом высшего круга, катала ее в своем ландо на вороных и брала ее в театр. За столом стоял за ней Сергей. Когда ели суп, ей подавали щи с кашей, она пила брусничную воду с водой и льдом; вареники, колдуны, кулебяка, картофель жареный с луком составляли ее обед, а французской кухни она не касалась. M-r Lallemand огорчался, учился русской кухне; но она ему не давалась, и на княгиню готовила какая-то кухарка, которой она сама заказывала любимые блюда. После Святой они дали маленький бал. Стефани уже начала есть воск, который у нее отнимали; люстра была освещена восковыми свечами, и она мне говорила: «Кажется, я бы полезла за этими свечами». Эти свечи свели ее в гроб, заклеив ее внутренность. Весною она получила известие, что ее мать опасно больна у своего отца, старика Моравского, под Вильной; они тотчас собрались, но поехали с условием, что там не будет Безобразова[19]. Они нашли княгиню Радзивилл в отчаянном состоянии; при ней была Езерская и Felicie Антушевич, ее побочная дочь. У Моравского она терпела от его любовницы Репелювны, или Рампелювны, которая управляла всем домом. Княгиня просила Стефани дать Сергею миллион ассигнациями и 500 тысяч Фелиси. Фелиси была в 8-м выпуске, но оставалась на наш выпуск. Они очень любили друг друга, но Фелиси была сдержанного характера и ни с кем не сближалась, кроме Стефани. Чья дочь она была, неизвестно; многие говорили, что она дочь Езерской, но никто не знал, кто был ее отец; да никто и не спрашивал. Она хорошо училась, но как-то скромно, и об ее достоинствах не было разговора. Здоровье Стефани требовало лучшего климата. Они поселились во Флоренции, набитой поляками. Князь Огинский был их домашним человеком. Флоренция была веселеньким городом; катаньям, театрам, балам не было конца; танцевали мазурочку Пани или Пати чуть не на перекрестках, а об религии помалкивали. Тут случился в их доме неприятный случай: Полина родила и бросила бедного младенца в отхожее место. Наехала полиция; ее с трудом отстояли,

---

15* изысканные обеды.

но Стефани что-то невыносимое было в присутствии Полины; она ее отослала и дала ей 10 000 ассигн. Каролина говорила, что ей было душно в спальне, когда Полина была с ней. Она вздохнула после ее отъезда; впрочем, они никогда не ладили. Из Флоренции они поехали в Эмс, там нашли стариков Витгенштейнов. Конец бедняжки в 22 года жизни; она не страдала, а только кашляла и слабела. Раз вечером надела розовое атласное платье, обшитое белыми кружевами, и чепчик с розовыми цветами, закашлялась, просила мужа сделать un lait de poule[16*] и, не проглотив ложечки, склонила головку на плечо мужа — умерла.

Et rose, elle a vécu
Ce que vivent les roses:
L'espace d'un matin[17*] [20].

В отчаянии отправился бедный вдовец с двумя детьми, Машей и Петром. Малолетки не чувствовали, чего лишились, и ласкали неутешного отца, когда он заливался горькими слезами. По приезде он тотчас меня навестил, привез мне цветы с ее могилы. Не дремала и Любинька Суворова; ей достались бриллианты с умершей ее подруги, которую она преследовала своей притворной преданностию. Бог с ней, с этой вероломной женой[21], неблагодарной дочерью и дурной сестрой, несправедливой матерью! Имп⟨ератрица⟩ Александра Федоровна была совершенно обольщена этой коварной девкой: нам еще в Петергофе ⟨доставалось⟩ за нее, когда она, не сказавши никому ни слова, ездила верхом с Суворовым, будто бы мы нарочно отказывались с ней ездить; странно, что Потоцкий ее раскусил и никогда с ней не говорил.

В это лето приехал Поццо-ди-Борго[22], наш посол в Париже. Вечером мы ездили на Бабьи Гоны, где государь делал маневры кадетам. Государыня сидела на соломенном стуле, а я на бревнах, которые готовили на постройку какой-то беседки; рядом со мной Поццо. Она его представила мне, как бывшей ее фрейлине, и Поццо сказал: «Y-a-t-il longtemps que mademoiselle vous a quitté»[18*]? Государыня рассмеялась, потому что я уж была на сносях. Поццо был высокий, плотный старик, говорил прекрасно по-французски; он ненавидел Наполеона, жил долго в Англии, где нашел еще более ненависти к завоевателю; там детей пугали его именем и говорили: «If you will be naughty, Bony will take you»[19*].

После революции 30-го года Поццо был назначен в Лондон. Вся партия Faubourg St.-Germain упрекала нашего посла и говорила, что он в день революции зашиб миллион. Лондон был для него род ссылки. Киселев был секретарем посольства[23]. После обеда Поццо, стоя, грелся у камина, вдруг стал опускаться и, наконец, упал; послали за доктором, но удар был нервный, и с этого дня начал завираться. Он умер в Алжире, оставив огромное состояние своему племяннику Карлу Поццо, который женился на деви-

---

16* гоголь-моголь
17* Роза, она прожила столько, сколько живут розы: одно утро.
18* Давно ли мадемуазель нас покинула?
19* Если будешь вести себя дурно, Боней возьмет тебя (*англ.*). Боней — сокр. от Бонапарт.

це Crillon, красавице, но совершенной кукле. Они живы и теперь еще дают балы самые модные; не знаю, кому достанется это состояние, потому что они бездетны. После него назначен был граф Петр Петрович Пален, рыцарь, седой, как лунь, высокого роста, бледный и вызывающий невольное уважение. При нем был курляндец граф Павел Медем, очень умный студент Геттингенского университета, а первым секретарем был Николай Киселев. Николай, Пален и Шеппинг жили в Париже; последний только и знал, что сплетничал. Говорили, что в Париже очень весело, и балы très raffinés. Попробовала их raffinement [20*]. M-me Delmar позвала меня на вечер, в концертной комнате, будто необычно устроенной; хорош же был вечер: трехперсонное собрание, как изъяснялись придворные лакеи: непоседа Кити Габрияк и я. Кити после многих лет встретила меня: «Сашенька», а я отвечала: «Кити, à qui êtes vous mariée? Où est Adèle?» — «Adèle est à Rome à Trinità del Monte, religieuse».— «Sic transit gloria mundi» [21*],— подумала я. Стихи Пушкина к прелестной 15-тилетней девочке Адели [24]:

Играй, Адель,
Не знай печали,
Хариты, Лель
Тебя венчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна.
Для наслаждений
Ты рождена.

Адель жила тогда с матерью Давыдовой, рожденной Граммон, в Каменке, тогдашнем rendez-vous польских магнатов и веселий всякого рода. И Пушкин с Кавказа с Раевскими там жил несколько месяцев [25]. Хороши же были лучшие годы цветущей Адели за решеткой в монастыре. Голые стены, messe-basse [22*], на завтрак minestra итальянская, т. е. соленая вода с вермишелью, а pour distraction [23*] упрямые и капризные дети, которых посвящали в тайны грамматики и римской bigoterie, т. е. русского ханжества. Эта Адель была потом в парижском Sacré-coeur: вздумала сделаться игуменьей и, наконец, к великому скандалу благородного Faubourg St.-Germain, бросила le froc aux ordures [24*] и теперь неизвестно где живет с двоюродной сестрой Кити Кудашевой. Кудашева ездит с горбатой lady Caroline Peруг (??) и архиправославная. Ее леди закупила кучу лампадок и подарила их своей матери: на страх этой барыне их зажигали в Торкее в мою бытность [26] в этом красивом и милом уголке, где я провела столько приятных годов после эмансипации ради экономии.

В Англии все своеобразно. Например, приезжие ждут прежде визита туземцев и отдают на другой день; затем следуют dîner-partys, т. е. зовут la crème de la société [25*] знакомиться с ним. Мы приехали с триумфом, с outrider [26*], с курьером, и остановились в «Royal Hôtel», рассчитались с нашим

[20*] Очень утонченные... утонченность.

[21*] за кем вы замужем? Где Адель? — Адель в Риме, в Trinità del Monte, монахиня.— Так проходит слава мира (*лат.*).

[22*] обедня без пения

[23*] для развлечения

[24*] монашество (букв.: забросила рясу в крапиву)

[25*] званые обеды ‹...›, сливки общества.

[26*] Слуга, сидящий верхом на лошади (*англ.*)

дорогим проводником, который наврал, что мы чуть ли не царской фамилии. Мы начали искать квартиру, встретили Шулепникову с детьми и miss Spencer. Они нам указали Enfield рядом с ними; мы оглядели и тотчас решились ее взять. Хозяин и хозяйка были достаточные люди; она была нашей кухаркой и прекрасно готовила, а house-maid[27*] была Jane How, которая впоследствии была моя девушка в течение 15 лет. Великая княгиня жила тогда в Торки[27], позвала меня на чай в Babicombe, прелестное место на берегу моря. Все сидели на камушках: волны умирали у наших ног. Ее дети играли с Ольгой и Надей. Маруся была уже большая девочка, а Eugenie нянька носила на руках. Великая княгиня назвалась ко мне на чай. В субботу — это немалая забота. Truby отправился тотчас в лавки, принес хлеб, масло, сливки, Devonshire-cream. К 8 часам я созвала русских, кроме Друцкой. Кити Шулепникова так была хороша, что в‹еликая› к‹нягиня› невольно мне сказала: «Comme elle est encore jolie»[28*]. Spencer оставалась с детьми. Елена, старшая дочь, обещала быть красавицей, но не сдержала слова и вышла болезненная и толстая, неповоротливая девушка. В‹еликой› княгине понравился мой вечер. Она после купанья в море, и тотчас подавали чай с густыми сливками; она спросила: «D'ou avez vous la crème et le beurre? Je ne parviens pas en avoir du bon» [29*].

Ее страшно обкрадывали, потому что Куракин, ее тогдашний гофмейстер, находил, что его княжескому званию неприлично входить в дрязги экономии.

В‹еликая› к‹нягиня› приезжала в мидже Стокса, моего кучера, очень верного и трезвого человека, который никогда не приписывал на счетах. Ему платили аккуратно всякую субботу. Дети в‹еликой› к‹нягини› жили в Apsley house, у обманщика Маркети. Дороговизна была ужасная: с Сергея и Юрия фунт в день. Когда в‹еликая› к‹нягиня› переехала в Villa Syracusa, их перевели к m-rs Ward, а граф, она и их дочь с английской няней жили с ними. Она позвала нас обедать; стол был скверно накрыт, никакого украшения, три вазы, где лежали скверные персики, дрянной виноград; обед довольно плохой, и подавалось в одно блюдо, так что на последних попадало все уже холодное. Вечером мы составляли вист или ералаш. Мальчиков засадили за уроки. Приехал из Лондона священник Попов, а гувернером их был Ребиндер.

Судьба этого прекрасного добродетельного человека была замечательна. Оставшись круглым сиротой, он был помещен самим государем в Александровский корпус в Царском Селе, оттуда в 1-й кадетский корпус и, как отличный ученик, поступил в Преображенский полк на Миллионной. Не имея ровно ничего, он искал совета, как жить, не делая долгов, и адресовался к брату моему Александру. Он мне сам говорил: «Я ему обязан и его советам, что сделал карьеру и удостоился быть наставником этих детей, по указанию самого императора». Теперь он женат на Кочубеевой, которая счастлива, но болезненна; он генерал-адъютант, но получил бессрочный

27* горничной (*англ.*)

28* как она еще хороша.

29* Где вы берете сливки и масло? Мне не удается достать хорошее.

отпуск. Со слезами говорил он мне о старшем сыне Николае, который подавал столько надежд. Он поселился с недостойной женщиной в Риме; другие братья его презирают, а я не раз упрекала Сергея за его неосторожные слова и порицания старшего брата. Юрий — тот ничего не говорит, он только занимается в конюшне с лошадьми и английскими мохнатыми собаками. Кучера для него приятнее всяких принцев и королей; он и теперь продолжает ими заниматься.

В ту зиму не было конца вечерам и балам [28]: танцевали у графини Лаваль, у Сухозанетши, у графини Разумовской и в Аничкове дважды в неделю. На масленой танцовали с утра декольте и в коротких рукавах, ездили в пошевнях на Елагин, где катались с горы в больших дилижансах, как их называли. Мужики в красных рубахах правили; государь садился охотно в эти сани, и дамы. Потом переходили к другой забаве: садились в пошевни импер‹атрица›, рядом с ней или Салтыкова, или Фредерикс и кня‹гиня› Трубецкая; за санями привязывались салазки одна за другой, туда усаживался государь, за ним Урусова или Варенька Нелидова. На Каменном острову была лужайка, которую нарочно закидывали снегом; тут делали крутой поворот, и поднимался смех: салазки опрокидывались. Пошевни были запряжены шестериком; кучер Канчин мне говорил, что у него душа была в пятках на этом повороте, и весь он был в поту. Возвращались домой, где подавали déjeuner à la fourchette [30*], попросту обед, а после обеда начинались petits jeux: à la guerre [31*], и кошка и мышка; беготня была во все комнаты. Звонок к сбору был в руках имп‹ератрицы›. В шесть часов были уже все дома и готовились на какой-нибудь вечер. Я тогда только что вышла замуж и очень веселилась. Софья Михайловна Смирнова поселилась у нас, когда мы переехали на дачу на Каменном острову, и с ней ее воспитанник, Миша Штейдель. Софья Михайловна была горбатая и лечилась у магнетизерки Турчаниновой [29], у которой перебывал весь город, и рассказывали, что из немного кривого плеча княжны Марьи Труб‹ецкой› вылезали волоса и катились слезы. Софья Мих‹айловна›, как все горбатые, очень любила наряжаться и щеголяла маленькой ногой на высоких каблуках. Она была общительна. К нам часто ездил секретарь прусского посольства граф Гаген, и она с ним вела богословские разговоры. Он был фанатик католик, как и его двоюродный брат Вестфален, а она архиправославная. Геккерен тоже часто ездил [30]. Рядом с нами жила графиня Пушкина-Урусова и давала вечера; муж ее был обжора и давал обеды. Тут явилась в свет Аврора в полном цвете красоты. Особенно у нее был необыкновенный цвет лица и зубы, как жемчуг. Виельгорский сочинил мазурку — «Mazurka d'Aurore». Всем известны стихи Баратынского к ней, когда он был в изгнании в Финляндии:

Выдь, дохни нам упоеньем,
Соименница зари.
Всех румяным появленьем
Освети и озари [31].

[30*] легкий завтрак
[31*] игры: в войну

Сестра ее Emilie была хороша и еще милее Авроры. Она вышла замуж за графа Владимира Пушкина; она была очень умна и непритворно добра, как Аврора; в Петербурге произвели фурор ее белокурые волосы, ее синие глаза и черные брови. В деревне она ухаживала за тифозными больными, сама заразилась и умерла на 26-м году. Валуев и Костя Веригин сходили с ума от горя. Валуев уже был женат на Машеньке Вяземской[32], которая, ничего не подозревая, зазывала Emilie и дружилась с ней. Валуев уже тогда имел церемониймейстерские приемы, жил игрой, потому что ни жена, ни он не имели состояния. Машенька кормила свою дочь Лизу, очень серьезно смотрела на матримониальную жизнь и не выезжала в свет. Но Софья Николаевна Карамзина, эта милая болтунья, скоро успела переменить это настроение. Сперва она являлась по вечерам у Карамзиных, где встретила на свою беду Наталью Николаевну Пушкину, а у Пушкиной познакомилась с Idalie Полетикой и вообще занималась только нарядами и болтовней[33]. У Карамзиных, с возвращения их из Дерпта, собирался весьма тесный кружок молодых людей[34]; рекрутский набор лежал на Софье Ник⟨олаевне⟩, которую мы прозвали «бедная Сонюшка»: она летом и зимой рыскала по городу в изорванных башмаках, вечером рассказывала свои сны, ездила верхом и так серьезно принимала участие в героинях английских романов, что иногда останавливала лошадь и кричала: «Lise, c'est tout à fait comme ce paysage que Camille admirait dans le château» etc. etc.[32*]. Софья Николаевна делала тартины с ситным хлебом, Екатерина Андреевна разливала чай, а Валюша его подавал. Убранство комнат было самое незатейливое: мебели по стенкам с неизбежным овальным столом, окна с шторами, но без занавесок. Общество, как я выше сказала, было ограниченное; но дух Карамзина как будто группировал их вокруг своей семьи. Сыновья его подросли и служили в конной артиллерии, близорукий Андрей и Александр. Первый был сердечкин и влюблен в меня с 13-летнего возраста, а Александр возился с своей собакой Афанаськой, которая с ним ездила в Нижний, в Макателемы, имение его матери. Володя еще был с m-r Thibaud, а Лизанька всегда с матерью, ходила ежедневно пешком в обедню, ела постное и не курила, несмотря на искушения, которым Сонюшка ее подвергала. Софья Ник⟨олаевна⟩ была падчерицей Ек⟨атерины⟩ Андреевны, но точно так же любима, как и дети второго брака Н. М. Карамзина. У нее было имение — 500 душ в Орловской губернии[35], село Бортное, которое ей досталось от матери ее, рожденной Протасовой. У Карамзина же не было ничего. Говорят, что Карамзины происходят от татар Кара-Мурза и уроженцы Саратовской губернии.

Но возвратимся к нашей молодежи. Вот их имена: Одоевский, уже женатый, жил на Моховой, и вся группа приезжала почти вместе с ним; братья Веневитиновы — Дмитрий был красивый юноша и уже написал много стихов, но смерть его скосила рано; Кошелев, Андрей Муравьев и Галахов, который возвратился из армии, где служил в уланском полку, он страдал нервами и лечился омеопатией, которой сделался ревностным апостолом и поборником; Андрей Муравьев, которого Пушкин назвал

[32*] Лиза, это точно как тот пейзаж, которым Камилла восхищалась в замке, и т. д.

Бельведерский Митрофан, когда он разбил вдребезги гипсовую статую ватиканского Аполлона. Этот Муравьев написал трагедию под названием «Тивериада»[36]. Муравьев, что ни говорят его критики, замечательная личность. У всех братьев этого семейства выработался железный характер, сильное религиозное чувство[37]. Андрей Ник⟨олаевич⟩ позже писал о православной церкви, познакомил невежественную публику с сокровищами православия. Гоголь очень уважал его труд и говорил: «Вот человек, который исполнил долг пред Богом, церковью и своим народом».

Набесновавшись вдоволь в мясоед и на масленой, имп⟨ератрица⟩ ездила на экзамены Екатерининского института: брала работу, вязала шнурок на вилке и слушала со вниманием. Как старая институтка, я присутствовала по зову самой государыни. Сестра моя ничему не училась[38], а только занималась шалостями, и часто страдала горлом и была часто в лазарете. Конечно, первый экзамен был у священника Ивана Михайловича Наумова. Он начал с того, что спросил значение масленой недели. Ответ был: это неделя приготовления и прощения; с середы начинаются поклоны и «Господи Владыко». «Так, но вы вступите в свет, где не соблюдаются правила церкви и где эта великая неделя проводится в театрах и на балах; потому прошу вас не забывать мои наставления». Императрица обратилась к начальнице и сказала ей: «Ce sont des pierres dans mon jardin»[33*]. Кримпуська перепугалась и спросила, не передать ли экзамен Плетневу. Один Deloche был доволен... «Non, pourquoi? Je suis très contente qu'il parle ainsi à ces pauvres enfants»[34*]. Когда экзамены кончились, в воскресенье folle journée[35*] справлялось в Аничковом дворце; приглашения были утренние для избранных и вечерние для городских дам, т. е. для толпы. Утром в белой гостиной, где играл Лядов и со скрипками, вечером же был оркестр в длинной зале под режиссером Лабицким. Все надевали старые платья и донашивали до конца сезона. Я надевала пунцовое платье и белые цветы и то и дело, что танцевала с Опочининым, конногвардейским офицером[39*]; он был умен, приятен выражением умных глаз и танцевал удивительно. Имп⟨ератрица⟩ это заметила и мне сказала: «Vous faites une jolie paire avec Opotchinine».— «Oh, madame, comme c'est agréable avec lui de danser под Лабицки»[36*].

Она расхохоталась и спросила: «Est-ce qu'il est capitaine?» — «Qui, il se mend d'avoir les aiguillettes»[37*]. Catherine Тизенгаузен, которую Булька Столыпин прозвал Чингис-Ханка, подскочила и спросила меня: «Qu'est-ce que l'imp⟨ératrice⟩a dit?» — «Je lui ai repondu, que Théodore ne rêve que des aiguillettes».— «Comme s'est bien de votre part!»[38*]. Тут я подвела его к государыне, а она сказала: «C'est vrai qu'il danse à ravir»[39*]. С этой поры наш Опочинин получил аксельбанты, потому что в самом деле он их заслужил,

[33*] Это камни в мой огород.

[34*] Нет, зачем? Я очень довольна, что он так говорит этим бедным детям.

[35*] последний день масленицы

[36*] «Вы с Опочининым очень красивая пара».— «О, мадам, как приятно танцевать с ним под музыку Лабицкого».

[37*] Что он, капитан? — Да, и страшно хочет иметь аксельбанты.

[38*] Что сказала императрица? — Я ей отвечала, что Федор только и мечтает, что об аксельбантах.— Как это хорошо с вашей стороны!

[39*] Правда, он танцует восхитительно.

был лучший офицер в полку и сделался модным человеком. Он женился на красавице, дочери известного генерала Скобелева. Из простых сделался одним из лучших служак[40]; весь израненный саблями в рукопашных сражениях при Наполеоне, он был в моде; в отставке он был членом Английского клуба, женился на богатой купчихе и жил только для детей. Было мало людей так уважаемых, как он: когда он входил в клуб, все вставали и протягивали ему руки.

Потом все притихло. Свет занялся свадьбой Елены Бибиковой, которая была маленького роста; у нее были черные глаза, а зубы как жемчуг; она дебютировала на folle journée вечером, и ее мать мне ее препоручила. На ее устах явилась первая улыбка пренебрежения и насмешки. Свадьбу объявили с Эспером, князем древнего рода Белосельским-Белозерским, чему свидетельствует фамильный герб — рыбки; этот герб принадлежит и Вадбольским, Вандомским и Шелешпанским. Вадбольский был дурак, непонятно, почему он был замешан в историю 14-го числа[41]. Он служил в Измайловском полку, был статен, смугл и довольно красив и хорошо танцевал.

Княгиня Белосельская презирала бедного Эспера, о котором в‹еликий› к‹нязь› Михаил Павлович говорил, что у него голова, как вытертая енотовая шуба.

Когда Эспер умер, после многих кокетств эта барыня выбрала в мужья красивого и милого Василия Кочубея, который не раз раскаивался в своем выборе. Она была взыскательна, капризна, поселилась в его доме, который перестроила и отделала очень роскошно; в гостиной повесила портрет Василия во весь рост, окружила цветами и зеленью, ее кокетничали, при Григории Волконском, Суцци и бедном Платонове. Этот наивный господин вздумал ее любить чистой юношеской первой любовью; она его спровадила, упрекнув, что un bâtard[40*] не смеет и думать о ней. Платонов перенес свою любовь на меня и в Бадене поверял мне свое прошлое горе; особенно страдал он от неправильного рождения. Он был сын какой-то польской графини и князя Зубова. Платонов был умен и очень образован. Бедняжка втюрился порядочно в меня; я же просто любила его, как доброго товарища. Он был страстно влюблен в Малибран, ездил всюду за ней и был в Англии, когда эта гениальная певица, после роли Дездемоны, умерла скоропостижно. Его любящее и нежное сердце, не знавши семейного счастья, обратилось всецело ко мне. Я собиралась к Софье Радзивилл на вечер; он меня просил сыграть ему что-нибудь из «Сомнамбулы»; я села за клавикорды, чувствовала, что его влюбленные взоры были устремлены на мои плечи, почувствовала негодование и протест против этого нечистого взгляда, накинула шарф и села в кресло, начала вязать кошелек. «Pour qui cette bourse?» — «Pour vous, je vous l'ai promise»[41*]. И тут, обмолвясь, он мне сказал. Я взглянула грозно и сказала ему: «Qui vous donne la liberté de prendre un encouragement de ma part[42*]?» Он ушел со слезами на глазах и стоял неподвижно на своем балконе. Этот роман кончается ничем. Клеопатра Трубец-

---

40* незаконнорожденный
41* Кому предназначается этот кошелек? — Вам, я вам его обещала.
42* Как вы смели думать, что я вас обнадеживаю.

кая как ни старалась склонить меня к благодарной симпатии, все ее уговоры остались тщетны.

По дороге в cara patria [43*] мы остановились в Франкфурте-на-Майне [42] в Hôtel de Russie, где мой муж купил у Зарха самый лучший маркобруннер и рейнвейн «De la comète», а я взяла девушку Lenchen из unseren Provinzen [44*]. Негоциант m-r Jones рекомендовал няньку для Нади, Сару-Анну Martindale; она жила у нас несколько лет и поступила потом к Горяиновым в Воронежской губернии. Была ли она православная, или осталась протестанткой, не знаю; но приехала в Петербург и привезла каждой из нас образок святителя Митрофания. Она рассказывала, что раз окрестные крестьяне бунтовали. Князь Долгорукий, тогда губернатором, приезжал их усмирять; но пришлось прибегнуть к военной силе; стреляли холостым зарядом, и все успокоилось. Сара и теперь у Горяиновых, но уже экономкой. Ей построили домик с садом, устроили все на английский манер, и она мне сказала, что вовсе не желает возвратиться в Англию в Шропшир, где у нее нет родных кроме старой тетки. Англичане очень легко устраиваются в России, в самых отдаленных губерниях, где устраивают себе миниатюрную родину; русские же напротив, за границей утрачивают свою оригинальность, особенно в Париже, где совершенно развращаются, начиная с религии, картавят и пускаются в самый наглый космополитизм. В Италии они считают себя обязанными посещать храмы и галлереи и толкуют вкривь и вкось об искусстве.

Весной по обычаю мы поехали в Царское и опять в Большом дворце. В<еликая> к<няжна> Александра Николаевна каталась в своей маленькой коляске еще с мамкой, няней Коссовской, а вез ее камердинер Тутукин. Я жила под колоннадой; против моих комнат жило семейство наставника наследника, Петр Карлович Мердер; рядом со мной жил почтенный старик Александр Родионович Кошелев, слепой, обломок Александровского увлечения в протестантизм. Я часто ходила к этому почтенному, нефашионабельному семейству. Выбор Мердера самим государем удивил петербургскую публику и доказывает проницательность императора. Мердер был очень дурен, весь в рябинках; его взор был строгий, прямой, он был знаток детства. В<еликий> к<нязь> к нему привязался, а сын Мердера сделался товарищем его высочества. Они ездили верхом на серой лошадке Пашке. Павел Петрович Ушаков учил их вольтижировать; но Пете Мердеру нечего было учиться этому искусству: он ездил на рыжей лошаденке, которая брыкала, и Петя всегда летел через ее голову, вставал и опять садился. Дочь Павла Пет<ровича> Ушакова Varette была с Шуваловой первая фрейлина имп<ератрицы> и осталась всегда ее любимой фрейлиной. Когда после первых родов императрицу послали в Эмс, она жила на перепутьи два месяца в своем милом Берлине и очень веселилась. Тогда дан был знаменитый праздник-костюме «Ауренгзеб, или Магическая Лампа». Государыню носили на паланкине; она была покрыта розами и бриллиантами. Многочисленные ее кузины окружали ее;

[43*] любезное отечество (*ит.*).
[44*] наших прибалтийских губерний (*нем.*).

они считали ее крупные браслеты и броши и были точно субретки в сравнении с ней. В их свите был Жуковский и Василий Перовский, который надеялся затопить свое горе в блеске и шуме двора. Когда он узнал, что Софья Самойлова вышла за Алексея Бобринского, он не мог скрыть своего огорчения и, в избежание шуток, прострелил себе указательный палец правой руки. Он мне сам сказал: «Гр‹афиню› Самойлову выдали замуж мужики, а у меня их нет; вот и все». Он мне рассказывал всю историю, как они садились за столом в Павловске против Софьи Самойловой, делали шарики и откладывали с Жуковским по числу ее взглядов. Она была очень счастлива с Бобринским. Он никогда ничему не учился [43], зато характер его был самый благородный и души высокой. После свадьбы они поселились в его деревне Михайловском, в Тульской губернии. Тут она ему читала или заставляла его читать исторические книги; одним словом, она его образовала. У них родилось там четверо детей, все мальчиков. Все они учились сперва дома, с английским наставником, потом поступили в Петер‹бургский› университет, а отец и мать поселились на Галерной, в собственном доме, который отделали со вкусом и с умеренной роскошью. Этот дом сделался rendez-vous тесного, но самого избранного кружка. Перовский бывал ежедневно, граф Ферзен и некоторые члены дипломатического корпуса; особенно часто бывал неизбежный ветрогон Лагрене, и свадьба Вареньки Дубенской там устроилась [44]. Приезду графини Бобринской императрица очень обрадовалась: на безрыбьи и рак рыба, на безлюдьи Фома — дворянин, и в отсутствие Varette и Софи она сблизилась с княгиней Трубецкой, которая сравниться не могла с этими дамами. Государь же не любил Бобринскую за свадьбу Дубенской; он возненавидел Лагрене после револю‹ции› 30 года. У Лаваля был бал, на котором он танцевал до упада. Когда ему заметили неприличное его поведение, он отвечал: «Quand le roi saute, son secrétaire peut bien danser» [45*]. Это, конечно, дошло до государя, который наградил его крупным словечком. Совсем иначе вел себя достойный и серьезный Bourgoing [45]. Varignita потащилась в Дармштадт, где супруг ее назначен был chargé d'affaires [46*]. Адэн повез свою Varignita. Я нашла их проездом через этот cul-de-sac [47*] немецкий. Varignita кормила свою Габриэль и страшно позировала, как жена какой-то будущей célébrité [48*] и мать ангела чистоты. Она, впрочем, перешла уже в римскую веру, читала только, по указанию мужа, полезные книги, лепетала про Faubourg St.-Germain. К этому Faubourg Лагрене принадлежал с помощью иезуитов, у которых воспитывался в Сант-Омере, и с покровительством графа Лафероне. Он вздумал влюбиться в его старшую дочь Полину (mad‹emoiselle› Craven), но получил самый положительный отказ.

Когда императрица возвратилась из-за границы, мы опять жили в Царском Селе. Осенняя пора была самая приятная и покойная. Софи Карамзина гостила у меня неделю. Мы много гуляли по пешему хождению;

[45*] Когда король скачет, секретарю его вполне можно плясать.
[46*] поверенным в делах.
[47*] захолустье (букв.: тупик).
[48*] знаменитости

она рассказывала, где именно имп⟨ератор⟩ в сопровождении Александра Николаевича Голицына встречал ее отца и с ним долго беседовал стоя. Голицын ревновал, но ничего не обнаруживал; его высокая душа невольно протестовала против недостойного чувства зависти. В китайском домике Софи показывала место, где ее мать разливала чай для умиротворителя Европы, и как у нее атласные башмаки просили каши. Екатерина Анд⟨реевна⟩ ходила в белом канифасовом капоте с длинной пелеринкой. В передней сидел Лука и кроил панталоны из синего сукна. Карамзин проходил мимо за государем, Лука продолжал кроить, и Жуковский говорил: «Карамзин видел что-то длинное и думал, что это столбцы». Пушкин, еще лицеистом, был уже вхож в семейство Карамзиных и графа Толстого, советника придворного департамента. Его жена была Барыкова[46], друг Воейковой Алекс⟨андры⟩ Андреевны, и дом их был центром для лицеистов. Я тогда еще не имела никаких сношений с этими домами. Когда имп⟨ератрица⟩ поехала в Одессу[47], меня оставили у имп⟨ератрицы⟩ Марии Фед⟨оровны⟩ в Павловске. Новосильцеву было поручено наблюдать за моим поведением, потому что гр. Моден наплела бог весть что на меня. На мое поведение Новосильцев сделал самый удовлетворительный рапорт, и я вошла опять в милость государыни; зато Ярцева подпала под немилость и за столом получила реприман. Главная надзирательница прачешного двора, хорошо управлявшая этим домом 25 лет, умерла; она была родная тетка Ярцевой, но та стыдилась скромного положения тетки, скрыла это от нас и не надела траура. Императрица велела ей сшить черное платье, носить его 6 недель и выговаривала за низкое чувство укрывательства своего положения. Мы не любили эту интриганку и радовались ее унижению.

Осенью все обратилось в нетерпеливое ожидание: ждали возвращения имп⟨ератора⟩ и имп⟨ератрицы⟩. Они приехали в последних числах 28-го года[48]; свита запоздала потому, что недоставало лошадей на станциях. В четвероместной карете сидели гр⟨афиня⟩ Софи Моден, Урусова и доктор Крейтон. Урусова была больна, и ее подруге было достаточно, чтобы взвести самые гнусные клеветы на ее счет. Но это не имело ни малейшего влияния на ее репутацию. Урусова была горда и глупа, но чиста, как хрусталь. Гвардия выступила навстречу государя и неумолкаемо приветствовала его криками: «Ура, ура, победитель нехристей». Имп⟨ератрица⟩ Мария ожидала любезного сына и героя с лихорадочным нетерпением. Заметили, что у нее лицо покрылось красными пятнами; доктор пустил ей кровь, ночь она провела тревожно, на другой день еще дала последний семейный обед, вечером открылся сильный жар, а 14-е число не стало благодетельной государыни.

Зима была тихая; весной по обычаю двор переехал в Царское, и потом в Петергоф, где не было праздника 1 июля. Мы, шесть свитских фрейлин, жили во флигеле, т. е. в кавалерийских домиках; деревянные и ветхие, эти строения были так холодны и сыры, что стоять на полу было вредно. Я жаловалась. Государыня мне прислала шитый коврик, когда я одевалась. Рядом с моим домиком жили Перовский и Жуковский, а в 3-м номере фли-

гель-адъютант Хазарский, который прославился своим мужеством на корабле «Изумруд»[49] во время Турецкой войны. Раз Жуковский хотел сделать ему визит и спросил у лакея, где живет Хазарский. «Герой? — отвечал тот. — А вот рядом с нами». Этот ответ полюбился Жуковскому. «Русский народ всегда метко означает, что отличает одного человека от другого; например, Пушкин всегда у них поэт, а гусарский полковник всегда просто полковник, что мазурку танцует; я у них учитель наследника». В Петергофе начались, однако, парады, обеды и вечера после катания и чаю. В воскресенье возня была страшная, особенно для дежурной. В восемь часов надо было ехать в коляске за государыней; она каталась, гуляла пешком или сидела в Монплезире и писала свои записки и письма. Ее переписка была очень большая. Еженедельно было письмо к прусскому королю, сестрам и кузинам всевозможных княжеств. Наследник начал уже серьезно заниматься; к нему взяли в товарищи графчика Иосифа Виельгорского и Паткуля. Это товарищество было нужно, как шпоры для ленивой лошади. Вечером первый подходил тот, у которого были лучшие баллы, обыкновенно бедный Иосиф, который краснел и бледнел; что касается до Паткуля, тот никогда не помышлял о такой чести. Наследник не любил Виельгорского, хотя не чувствовал никакой зависти: его прекрасная душа и нежное сердце были далеки от недостойных чувств. Просто между ними не было симпатии. Виельгорский был слишком серьезен, вечно рылся в книгах, жаждал науки, как будто спеша жить, готовил запас навеки. Придворная жизнь была для него тягостна. Весной этого года он занемог, его послали в Рим на зиму, и там, на руках Елизаветы Григорьевны Чертковой и Гоголя, увял этот прекрасный цветок[50] и скончался тихо, не жалея этого мира. Его мать была уже в Марсели с дочерьми и сыном Михаилом, когда Гоголь привез неутешного отца на пароходе. Графиня не хотела верить, когда наш консул ей сообщил это известие; она его схватила за ворот и закричала: «Вы лжете, это невозможно!» Потом, не говоря ни слова, поехала в Петербург, уселась против портрета сына, покрытая длинным креповым вуалем, не плакала, а сидела, как каменный столб. Александр Николаевич Голицын и Матвей Юрьевич постоянно были при ней. Государя она приняла как нельзя хуже и упрекала его за смерть Иосифа, говоря, что они его не поняли и огорчили его юное сердце. Странно, что брат мой Иосиф очень подружился с покойным Иосифом; тот ему сообщал все свои беды и читал ему выписки из книг, все серьезное. Вместо Жозефа взяли Петю Мердера. При наследнике находился еще офицер Семен Алексеевич Юрьевич, уроженец литовский. Когда Мердер занемог, он не мог вставать ночью, когда мальчику нужно было, то он сказал государю. Это верная собака и к тому же учитель польского языка. Доктором детей был Крейтон, человек хорошей шотландской фамилии, честный и благородный; он оставался доктором царской фамилии до приезда Мандта.

При великих княжнах была Юлия Федоровна Баранова, дочь графини Адлерберг, очень добрая и честная женщина, но очень ограниченная, притом слабого здоровья. У в⟨еликой⟩ к⟨няжны⟩ Ольги Николаевны была m-lle Dunker, злое существо с романическими наклонностями; она любила слушать с Мердером пенье соловья по вечерам около дворца в кустах. Сис-

тема Дункер была совершенно овладеть умом своей воспитанницы и ссорить двух сестер, Марию Ник⟨олаевну⟩ с меньшой сестрой, что ей вполне удалось, и то детское чувство охлаждения осталось на всю жизнь. Сестры любили друг друга, но не ладили.

Швейцарец Жилль и Жуковский были учителями; впоследствии Плетнев заменил Жуковского, когда науки сделались серьезнее. Русскую историю преподавал профессор Арсеньев, скучнейший из смертных. Имп⟨ератор⟩ ему сказал: «Русскую преподавать до Петра, а с Петра я сам буду учителем». На этих же лекциях никто не присутствовал. Государь знал все 20-ть томов Голикова[51] наизусть и питал чувство некоторого обожания к Петру. Образ Петра, с которым он никогда не расставался, был с ним под Полтавой, этот образ был в серебряном окладе, всегда в комнате императора до его смерти. Глядя на него, он отдал богу душу, которая и на земле всегда всецело принадлежала своему Творцу. Надобно сказать, что имп⟨ератрица⟩ никогда не была довольна обстановкой своих детей; она очень справедливо говорила, что Юлия Федоровна Баранова была неудовлетворительна как гувернантка такой острой девочки, как в⟨еликая⟩ к⟨няжна⟩ Мария Николаевна; тогда взяли во фрейлины Наташу Бороздину. Наследник приударил за ней. Мария Ник⟨олаевна⟩ этим забавлялась и сделалась confidente[49*] его детских и невинных преследований. К счастью, Наташа была благоразумная девочка и смеялась над его вздохами. Наташа всегда была в большой дружбе с в⟨еликим⟩ кн⟨язем⟩ и пользовалась милостями государя. Отец ее был корпусный командир, делал все кампании и отслужив, поселился в орловском имении с старшей дочерью Казаковой. Он приехал в Петербург после выпуска двух старших дочерей, занемог и умер на руках у жандармского генерала Балабина, который донес государю через графа Бенкендорфа, в каком бедном положении он оставлял своих сирот; его жена, рожденная Жеребцова, кутила где-то за границей, где прижила сына. Тогда взяли двух старших Бороздиных во дворец и дали им вензель. Граф Моден и им завидовал. Тогда Пушкин написал стихи:

Всему завистливый Моден,
На вензель, двум сироткам данный...[52]

Сестрам дали четыре комнаты по комендантскому подъезду. Настенька пела, как соловей, а Ольга ничего не делала и ходила из угла в угол. Настенька вышла замуж за Николая Урусова, милейшего из многочисленных братьев Софьи, а Ольга за старика Мосолова, который очень дурно с нею обходился; их разлучили и приказали ему выдавать ей ежегодно 25 тысяч ассигнациями; она жила одна особняком[53]. Наташа очень сблизилась с семейством Виельгорских: на их даче Павлине она познакомилась с Гавриилом Павловичем Каменским, который с ней и с Опочининой занимался ботаникой. От науки перешли к более приятному занятию. Наташе строил куры адъютант в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ Мих⟨аила⟩ Павл⟨овича⟩ Огарев; она его презирала за его низкопоклонство, предпочла ему бедня-

---

[49*] поверенной

ка Каменского и вышла замуж за него. Во дворце поднялся настоящий бунт. Полина Бартенева сказала: «Il ne me reste plus qu'épouser un tambour-major» [50*]. Наташу это не смущало; весь двор был за нее. От в‹еликой› к‹няжны› Марии Николаевны она приезжала ко мне и сообщала мне свои смиренные планы. Государь выдал ей двойной оклад невест, т. е. 24 т. вместо 12-ти. Приданое она делала весьма скромное; он назначен был чиновником министерства финансов и послан в Англию. Наташа нашла там покровительство у русского священника Попова, истинного христианина; она родила сына Николая и дочь Александру; после вторых родов простудилась, начала кашлять и слабеть. Они переехали в деревню; поправления не было. Дети ее очень озабочивали; тут были две соседки, пожилые девицы, которые няньчили детей. Смерть уже ожидала своей жертвы, и перед приходом страшного гостя она их поручила этим девицам и завещала мужу только молиться об ней и жениться на одной из сестер, у них будет добрая мать и отец. Ее похоронил Евгений Иванович в Kanzel Green, где лежит его меньшой сын Евгений, куда скоро Попов похоронил жену, Алису, жену сына священника Василия, куда погребли его и дочь его Ольгу Оленину. Брунов со свойственной немецкой натурой не показал ни малейшего чувства к этим горям, и похороны всего лучшего и чистого на свете прошли в сердечном уединении. Но тот, который собирает слезы, как крохи драгоценных бриллиантов, воздаст им сторицей, как он сам это возвестил людям в утешение: «Аще человек оставит жену и детей, воздам ему, как Иову за его лишения и скорби». Иов говорил: «I know, that my redeemer liveth, and the doubt not trouble my heard» [51*]. Евгений Ив‹анович›, знакомый с английским переводом Ветхого Завета, любил вклеить английский перевод Тиндаля в своих письмах ко мне. Он знал английский язык вполне и любил трагикомический юмор Шекспира. Этот милый, юный сердцем старик летом возил свое семейство во Францию в Кале или другое место на берегу моря и любил смотреть на волны, особенно любил седьмой вал, когда он умирал у его ног. «Вот как моряки верно изучили неумолкающее движение моря,— говорил он.— Канал меня живо переносит в любимую охоту, когда на утлой лодке я плыл на взморье нашего Ботнического залива, где тоже делал рикошеты и считал волны».

Зимой этого года светская жизнь увлекала всех, однако были маленькие вечера causantes [52*], т. е. расставлялись зеленые столы, и на них сражались кто во что горазд. Шуваловы наняли дом Михайлы Голицына, и там собирались только тузы. Все влюблялись в эту польскую волшебницу [54]. Фекла Валентинович была сперва замужем за князем Платоном Зубовым; как все старики, он ее обожал, баловал, как дитя. Ей было 16 лет, когда он увидел ее в одном из предместий Вильны, на возу одна, меньшая сестра ее метала, а мать сидела перед домом и работала. Зубов подошел к старушке и предложил деньги, если Фекла согласится быть

50* Мне остается только выйти замуж за полкового барабанщика.

51* Я знаю, что мой искуситель жив, и сомнение не смущает мое сердце (*англ.*).

52* для бесед

его любовницей. Он жил с какой-то графиней и прижил с ней несколько детей, которых воспитал и дал каждому миллион ассигнациями. Старушка вскрикнула, что скорее умрет, чем пережить срам своей дочери. Тогда Зубов предложил жениться; выдал другую сестру за Асицкого, одарил все семейство, а свою жену повез в свое великолепное имение в Лифляндии, Руенталь. С этой уже законной женой последний фаворит Екатерины имел сына; но ребенок недолго радовал его и вскоре умер. Князь без завещания и оставил свое огромное состояние и громадное количество бриллиантов жене. Особенно славились три шатона чистейшей воды; один был разрезан, и в него был вставлен портрет Екатерины. Оставшись вдовой в таких молодых летах, с процессом на руках, Фекла нашлась среди затруднительных обстоятельств. Николай Николаевич Новосильцев был в Варшаве статс-секретарем по польским делам; она его вызвала, и он принялся за ее дела, обещал много, а сделал еще более; она ласкала старого и уродливого развратника мыслью, что выйдет за него замуж. Только что процесс был выигран, она поехала в Вену оканчивать свое светское воспитание и встретила там графа Андрея Шувалова. Этот пройдоха при имп. Алекс〈андре〉 Павловиче, чтобы сделать карьеру, просил руки Софьи Нарышкиной [55], когда она уже была в чахотке. У нее был дом на набережной и 25 тысяч асс. дохода; Александр I был очень скуп. Но эта свадьба не состоялась; а в вознаграждение его послали секретарем к Татищеву в Вену; обе шляхтянки сошлись как нельзя лучше, одна старела, а Фекла была в полном цвете красоты. Она выучилась болтать по-французски и была потом принята аристократическим обществом; танцевала мазурочку пани так, что все старичье приходило в неистовый восторг. Тут она вышла замуж за гр. Шувалова и поехала во Флоренцию, где они прожили там год. Свадьба их была в Лейпциге в греческой церкви; там родился их старший сын Петр, нынешний посол в Англии. Мне рассказывал всю процедуру и записал младенца как законнорожденного. Я не знаю, зачем родители так заботились; известно, что les bâtards font tous des carrières [53*]. Жуковский, Орловы, Перовские — все сделали карьеру или отличились на каком-нибудь поприще. Соболевский между прочим писал комические стихи.

Вот самые известные:

Лев Павлович Зеебах,
Женившись на уроде,
Живет себе на хлебах
У графа Нессельроде.

Или:

Подбородок в саже,
Сажа в подбородке;
Что может быть гаже
Графа Безбородки [56].

[53*] Все незаконнорожденные делают карьеру.

Неелов, beau-frère графа Киселева, подвизался в том же роде[57], по несчастию, с нескромностью, напр.:

Удивила всю Европу,
разодравши себе...
Указательным перстом.

Он намарал что-то весьма смешное на сенатора Мороза. С искусством не позволено обращаться без уважения. Это надобно оставить фран‹цузам›, которые для турецких и египетских пашей, которые за них платили большие цены. Христиане же, развратные старики, завешивали эти картины зеленым. Это напоминает, что в Царском Селе был портрет Елисаветы за зеленой тафтой[58]. Имп. Николай смело показал, сказав: «Admirez la chasteté de mon aïeule»[54*].

Фекла, поселившись в Петер‹бурге›, и с удивительным тактом сделала себе положение. Она прежде была на коронации уже как графиня Шувалова, но с наследством du cordon de St. Catherine[55*]. Когда она представлялась имп‹ератрице›, я ее видела. Она была как-то пышно хороша; руки, шея, глаза, волоса — у нее все было классически хорошо. После представления государыня сказала: «Pour deux mois de mariage elle est singulièrement avancée»[56*]. У них играли в вист à 250 roubles la partie[57*]: граф Нессельроде, Матвей Юрьевич Виельгорский, обер-егермейстер князь Лобанов, злой и глупый человек; из дам она подружилась с Мери Пашковой и графиней Чернышевой. Эти три были неразлучны и в театре, и катались вместе, и танцевали на тех же балах и с теми же кавалерами. Имп‹ератрица› смеялась, но Юлия Федоровна Баранова трепетала за дочь; ей казалось, что Мери уже обзавелась любовником. Бедная Мери жила душа в душу с своим Мишелем Пашковым, под строгим надзором кн. Татьяны Васильевны Васильчиковой. Она обмывала своих дочерей и жила очень просто, хохотала детским смехом, ездила по воскресеньям к бабушке в Смольный[59] и забавлялась с мамзель Хандвик, m-elle Узлер и не помышляла об светских удовольствиях. Сестра ее Луиза еще была в Смольном и рассказывала ей свои проказы. Владимир Федорович Адлерберг был большой сердечкин; он был женат на Марье Нелидовой, племяннице Алекс‹андра› Львовича Нарышкина. Он приезжал в санях за девицей Яхонтовой, очень хорошенькой кокеткой, становился на запятках, и тут они менялись нежными взглядами и поцелуями под самым носом Марьи Васильевны, отвозили Яхонтову в Смольный и возвращались домой поздно. Начинались сцены, упреки; он сердился, она плакала и принимала валериану. Они жили на заднем дворе в Аничковском дворце. Марья Васильевна занималась детьми, своим любимцем Сашей, который был дурен, но очень умен и учился хорошо; Никса был тоже умен, но ленив; дочери ее, Юленька и другие, были милые девочки, но не хороши. Владимир Федорович влюбился в Ярцеву, а так как фрейлина — зелен виноград для

54* Полюбуйтесь целомудрием моей прабабки.
55* Екатерининская лента.
56* За два месяца замужества она удивительно развилась.
57* по 250 р. партия.

флигель-адъютантов, то он сделался поверенным ее сердечных тайн. Она призналась, что умирает по Александру Суворову, и он устроил эту свадьбу очень легко. Суворов бы прекрасный и честный малый, сделал эту глупость и, что странно, несмотря на ее связь с Витгенштейном, все ее капризы [60], он всегда любил.

История с Витгенштейном очень интересовала имп‹ератрицу›, потому что ей хотелось женить его на красавице Леонилле Ивановне Барятинской. Эти бархатные глаза, соболиные брови наделали много шума. В нее влюбился Александр Трубецкой и предложил ей руку, но она оскорбилась и вышла за Витгенштейна. Первые годы они были очень счастливы. Стефани оставила мужу все свое состояние: в Царстве Польском знаменитые сады и в Литве местечки Кивлер и Кейданы, тоже местечки в Волынской и Подольской губерниях. Грабовский при мне рассказывал, что в Несвиже были комнаты, обитые красным бархатом, все мебели были массивного серебра, все карнизы, люстры и канделябры. Эти комнаты назывались королевскими. По Литовскому статуту Стефани имела право оставить это состояние мужу или кому хотела. Литовский статут теперь давно уже уничтожен, что положило конец многочисленным процессам. Когда в 1818 году начали приводить в порядок архив польских дел, то нашли 18 т‹ысяч› разводных дел; не знали, что делать, и написали папе Киаромонти [61], прося его остановить этот скандал. Это было хуже, чем в Германии, потому что в Прибалтийском крае запрещены были разводы, только в крайностях они допускались. Мать Стефани была отдана Моравским 16 лет за Станкевича, совершенного подлеца: он ее проиграл в карты Доминику Радзивиллу за 20 т. злотых; потом по желанию имп‹ератора› Александра она вышла за Чернышева [62]. Он ей сильно надоел рассказами своих военных похождений; подъезжая к Вильне, она ему сказала: «A ça, Monsieur, assez avec cela, vous avez pris Cassel, prenons Vilna et n'en parlons plus» [58*].

В Петер‹бурге› она спросила государя: «Est-ce qu'on a le droit de se séparer d'un mari qui vous tue par l'ennui?» — «Très certainement» [59*],— отвечал государь. «Eh bien, je me sépare de votre Чернышов».— «Faites comme vous l'entendez» [60*],— отвечал спокойно государь. Что было сказано, то было сделано.

Но перейдем к Вит‹генштейнам›. Они жили, кажется, в Шарлоттенштрассе. Леониль родила там сына Александра; Маша и Питер были уже взрослые дети. Эта комедиантка Леониль вздумала уверить детей, что она им мать, она ревновала умершую. Давыдов был тоже в Берлине. Его жена была кроткая, прямая женщина; с ними была сестра Давыдова, очень умная, но дурная собой девица и весьма православная. Тут сварганили ее свадьбу с графом Эглофштейном, у которого кроме приятного лица не было ни гроша. Они были очень счастливы, и позже Albert Pourtales уговорил ее перейти в протестантизм. Я проводила зиму 37 года в Париже,

---

58* Ну, мсье, довольно этого, вы взяли Кассель, возьмем Вильну, и ни слова об этом более.

59* Возможно ли развестись с мужем, который убивает вас скукою.— Бесспорно.

60* Хорошо; я развожусь с вашим Чернышевым.— Делайте, как знаете.

и Витгенштейны поселились в F‹au›bourg St.-Germain, на quai d'Orsay. Я раз приехала с визитом, и желала видеть детей, заметила, что Маша со временем будет похожа на свою мать. На другой день приехал ее брат Александр и спросил меня, что я говорила. На мой ответ он сказал: «Elle ne vous pardonnera jamais cela».— «Le grand malheur! Je me passerai de son pardon»[61*]. Муханов ее не терпел, говорил, что Верон пишет ее портреты[63] — и пешком, en châtelaine avec un faucon sur la main[62*], и лежа, и сидя, и в черном с красным, и в белом как весталку, и все по 20 т. франков. Когда, говорил он, все пьют чай, ей подает камердинер апельсин и мелкий сахар на серебряном подносе, последнем остатке несвижского величия: на этом-де подносе (прошу извинения у Каткова, что у него украла «де», причастие, введенное им в моду) подавали кофе какому-то королю. Тогда пошли в моду исторические воспоминания и реставрации разрушенных фамильных склепов и замков. Вит‹генштейны› отправились в развалину Sayn и начали там строиться. Наши Витг‹енштейны› были графы Вит‹генштейн› Беренбург; но прусский король их сделал князьями. Это понравилось тщеславной Леонилле Ивановне, и она превратилась в совершенную пруссачку. Так как она в Риме приняла римскую веру и в траурном платье, с распущенными волосами и под вуалью несла на плечах огромный крест в чистый четверг. Не знаю, писали ли ее портрет в этой позе; знаю, что папа Григорий 16-й и весь sacré collège[63*] плакали от умиления, что русская княгиня оставила схизм и обратилась в омут римской грязи. Вот гистория, так гистория. Это напоминает письмо наших солдат, которое Евгений Ив‹анович› мне передал:

Пишет, пишет король прусский
Государыне французской
Мекленбургское письмо.

Или, что еще лучше:

Однажды принц Оранский встретил на мосту
И сказал девке Орлеанской:
«Что ты, девка...
Или в черта веришь?»

Нечего сказать, тонко сказано, мило и игриво, хотя немного казарменно. Вся эта литературная наука далась мне после института.

В Зайне устроили капеллу; но в число святых поставили образа св. Ольги и Владимира, яко предков; потому что Барятинские были удельные князья и хвалились, что они старее Одоевских, что неверно, если Лакьер не ошибся[64]. Графиня Орлова[65] приехала погостить у сестры, в доме уже жил гувернер из французов, красивый, у князя во флигеле жила его любовница немка, так что состояние бедной Стефани тратилось за границей во все четыре стороны. Рядом, как в насмешку, был сумасшедший дом, настоящая пародия замка. Гр‹афиня› Орлова-Давыдова заметила

[61*] Она вам этого никогда не простит.— Велико горе! Обойдусь без ее прощения.
[62*] Владетельницей замка с соколом на руке.
[63*] синклит (Священная коллегия).

гувернера, который срывал пахучую траву citronelle [64*], отирал руки и, коленопреклоненный перед своей «мадонной чистоты», подавал измятую в его руках citronelle. Она, поднимая глаза к небу, опускала их на бедного гувернера, который со вздохом поднимался медленно со своей скромной позитурой. Один раз утром графиня Орлова-Давыдова заметила тревогу в доме: готовилось стадо принять своего пастыря. Леониль Ив‹ановна› облеклась в черное платье и под вуалью, коленопреклоненная, рядом с гувернером и детьми, стояла на коленях и приняла с должным уважением своего епископа. Она вздохнула, когда сестра ей объявила, что уезжает и уже уложилась и позавтракала. В самом деле, что было оставаться среди овец паршивому козлищу? С той поры сестрицы не съезжались. В антракте сумасшедший утопился в пруде под самым носом княгини. Не подозревала она, что ее муж, с которым она дружески и непритворно сблизилась, сойдет с ума и что ей придется с ним возиться целый год. Тут подоспел ее брат, Виктор, когда Вит‹генштейн›, в припадке ярости, врывался к жене. Потом приехал фельдмаршал с женой, уже совершенной low church [65*], она мне привезла трактаты, между прочим «The baum of Giliard». Они повезли несчастного Louis в Cannes, где его катали, забавляли как ребенка; он скончался тихо, будто бы уснул. Он был незлобивый грешник и был убежден, что милосердный бог простит ему его вольные и невольные грехи. Так кончилась эта супружеская жизнь, начатая страшной притворной любовью, перешедшая на короткое время в indifférence [66*], а потом в дружбу.

Супружеский союз так свят, что, несмотря на взаимные ошибки, прощают друг другу и заключают жизнь мирно и свято. Фельдмаршал еще оставался в Cannes на той же самой вилле, где скончался князь; жена его писала мне в Лондон своим крупным почерком, что у нее разыгралась грузинская желчь и что она спит и видит, как бы вернуться в Courbe-Royal. Они тут поселились на первый год супружеской жизни и хотели пощупать мнение общества. Первый визит был ко мне в Торкей. Барятинский был доволен обедом. Княгиня тотчас была à son aise [67*], обходилась с Ольгой и Надей как с сестрами; они позвали нас с детьми к себе. Езды в карете было всего два часа. Courbe-Royal место историческое: туда спасалась от Кромвеля королева Мария Henriette. Оно теперь принадлежит несчастному, которого катают в кресле, и руки его у самого плеча; он человек умный и пишет книги; он поселился в другом месте возле Newton-Аббот с сестрой, старой девицей.

В Англии нет ни одного дома, где бы не было про случай старой девицы; многие из них выходят замуж в 50 лет, так племянница Дюка Northumberland вышла замуж за apothecary [66] (это значит — уездный врач) Mr Tatiny. Герцог не протестовал, и он и Lady Louise Percy послали поздравительные письма и подарки — Mr Tatiny вздумал провозглашать себя Percy Tat‹iny›, но на это герцог не согласился. Накануне смерти гер-

---

64* мелисса аптечная
65* правоверной
66* безразличие
67* в своей тарелке

цога Алджернона у меня ⟨был⟩ Mr Campbell и с сожалением о Lady Louise: несмотря на то, что ее отец жил экономно и застраховал свою жизнь очень дорого, на ее долю выпадало только 300 ф⟨унтов⟩. На другой день утром принесли «Плимутскую газету» (our little lamp[68*], так ее называли) и крупными буквами стояло: «Death of Algernon Duke of Northumberland at Almewick Castle, after a short illness»[69*]. Я скорее отправилась в Dilton за новостями. В Button bay вышла и спросила: «How is lord Baverley?», улыбаясь мальчишка мне отвечал: «His Grace is very well, but you can't see Lady Louisa»[70*]. Doctor Evenson. Старик искренно любил своего двоюродного брата, так что в 81 год надобно было осторожно объявить о горе, сопряженном с переменой положения. Первым делом было духовное завещание. Каждому из детей, которые все съехались, он оставил по миллиону франков, кроме лорда Closena. Старику пришлось выплатить огромные деньги за наследство; этот миленький налог падал на земли по настоянию Гладстона, чтобы подорвать аристократию. Лорды поморщились, но приняли этот закон без всяких прений.

Они поехали в Лондон, и лорд Henry, самый тщеславный член семейства, настаивал, чтобы ехали в Нортумберленд-гауз, но старик ни за что не хотел, и они остались в Partenon-Place. Я тут провел, говорит, 70 лет. Lady Louisa отделала три комнаты и обили старинные новым ситцем с модным рисунком, и Lord Henry втюрился позднее в Норт⟨умберленд⟩-гауз. Я у них обедала в Partenon-Place, на десерт подавали старинный сервиз porcelain of Waurcester[71*]. Гильом стоял за своим барином, лакей подавал блюда.

Из Almewike были присланы фазаны и фрукты. Лучших фазанов я не едала; они питаются можжевеловыми ягодами, что дает особенный ferment их мясу. На похоронах было огромное стечение народа, из Almewike прибыли депутации простого люда, и тело погребли в Westminster Abbay[72*], где был фамильный склеп. Потом повезли старика в Anbock, где он принимал все окружное дворянство, дал обед своим tenants[73*]. Лорда Генриха сделали корифеем консервативной партии, Джасмену досталось 8000 ф⟨унтов⟩ и поместье, не знаю в каком графстве. Он был женат на вдове Grant, у которой была дочь, которую все любили в семействе. Бедный Джасмен, добрейший из смертных, вывозил в свет эту гаденькую и капризную девчонку. Annie Mansfield нас очень рассмешила, сказав: «Denken Sie sich, die Pustosz Räthia aus India wird gemeldet: the Lady Pauline Percy»[74*]. И лорд Чарльз очутился лордом. Тут произошел спор и не-

---

68* наш маленький светильник (*англ.*)

69* «Смерть герцога Нортумберлендского в замке Олмвик после краткой болезни» (*англ.*).

70* Как лорд Бэверли? ⟨...⟩ «Его милость хорошо, но вы не можете видеть леди Луизу» (*англ.*).

71* ворчестерского фарфора (*англ.*).

72* Вестминстерском аббатстве (*англ.*)

73* арендаторам (*англ.*).

74* «Подумайте, о Пустоши Рэтиа из Индии будут докладывать: леди Полина Перси» (*нем.*).

доумение. Спрашивали себя студенты, si le titre est reversible[75*], ответ герольдмейстера, подкрепленный вековыми примерами,— и Карлинька в 75 лет очутился лордом к великому удовольствию Lady Charles. Герцог трактовал меньшого брата как мальчишку; последний завивался и носил в петличке фиолеты примаверы. Он был ужасно скуп, имение его жены было в его руках, и дочери своей Изабелле он выдавал according to his business[76*]. На туалет ей давали 50 ф⟨унтов⟩ и требовали, чтобы она была прилично одета. Изабель этим не смущалась, не любила ни туалета, ни большого света и возилась с более старшими госпожами Lady Hunter, Mme Базанквист и с детьми Mrs Claridges, проводила несколько дней на ее даче.

«But tomorrow is the great bal at Chiswick»,— говорила ей мать с удивлением, на что дочь ей отвечала прехладнокровно: «They don't miss me there»[77*]. Она осталась в девках, живет с матерью в деревне, где никого не принимают, кроме родных. Изабель, которая доросла до basket carriage[78*], ездит в Лемингтон к клерджиману[79*] и с ним посещает бедных и школы. Говорят, что и она и Lady Луиза хотели соединиться брачными узами с клерджиманами, но родные воспротивились таким alliances disproportionnées, но не mésaillance[80*], потому что их духовенство, с малыми отступлениями, выходит из Gentry[81*]. Я рекомендовала князю Виктору Барятинскому Mr Haussman; он был очень беден, красив, и мы его прозвали «the perpetuel curate»[82*]. Он поехал в Париж и Баден и с ужасом рассказывал Mme Mancy (рожд⟨енной⟩ de Bourbel), что воскресенье не соблюдается, что княгиня вовсе не занимается детьми и только думает о забавах, всякий день на пикниках, что французы ездят верхом в Bois de Boulogne с demi-monde[83*], в белых панталонах. Согласитесь, что такой недостаток в декорум непозволителен. Вот что писал этот наивный clergiman.

У Барятинских он недолго оставался, возвратился в Англию на старое место в Йоркшире. Говорили о кокетстве, и он рассказал, что после утренней службы он отводил 7-ми летнюю девочку к ее родным; эта воструха просто с ним кокетничала и не зная, как вызвать его комплименты, спросила его, заглядывая ему в глаза: «Do yon think that God finds me pretty?» — «God thou not pay any attention, but to good behavior»[84*].

После скандала, наделанного братом ее, маркизом ge Bourbell, история mrs Mancy очень интересная. Ее мать была англичанка, брала уроки у ее отца, когда он продал свои часы, не любил жить на чужой счет, как делал его король, который жрал с своей свитой в Митаве, в Берлине и, наконец,

---

[75*] обратим ли титул
[76*] в соответствии с состоянием его дел (*англ.*).
[77*] «Но завтра большой бал в Чизвике» ⟨...⟩ «Меня там не хватало» (*англ.*).
[78*] коляска (*англ.*).
[79*] От англ. clergiman — священник.
[80*] Несоответствующим союзам, но не мезальянсу.
[81*] дворянства (*англ.*).
[82*] вечный курат (помощник священника).
[83*] в Булонский лес с дамами полусвета
[84*] Как вы думаете, Бог находит меня хорошенькой? — Бог обращает внимание только на твое хорошее поведение (*англ.*).

разорил лорда Hastings в Holyrood Castle, куда его засадили, потому что он всем надоедал. Он там жил до 15-го года, когда мы его посадили на престол его предков. Наши солдатики говорили: «Наши батюшки и матушки, где чуть что, наш царь приходит и приводит все в порядки; вот мы посадили на место старичка дизвитского»[67]. Солдатики везде находились в Немечине, как они выражались, они просили хлеба: «Отрижь, мамка, комсу да еще полкомсы». Свечки называли «лихтером», «да принеси еще подлихтер». Хлеб у них был дю пан дю двар. «Дай мне дибла» — так выражался наш Кураев в институте. Это тот злодей, что звонил по коридору беспощадно и вечером зажигал фонари и всегда забывал освещать парадную лестницу, так что мы сходили в 4 и 5 часов тайком, чтобы готовить уроки Плетневу. Солдаты мыли полы швабрами и открывали фрамыги. Никак не могла узнать, почему эти окна называются фрамыгами. Наш язык переполнен татарскими и турецкими выражениями. Так, в Конст‹антинополе› я узнала, что в Дамаске, во время резни христиан, английский консул скрывался в амбаре. Слово сундук — турецкое, и на пароходе только и слышно было «сендук». У этих женщин все кошки рыжие и сидят в железных клетках; когда качает, их рвет, они славно ловят мышей, в которых нет недостатка в Кон‹стантинополе›. У меня в Терании поймали в одну ночь 8 штук, Тик мешал мне спать; к счастью Фаншурка, которая их боялась, была в родах (ее препоручили человеку Николи, и его прозвали Парамоной, т. е. мамкой моей собачонки). Эта скверновка вовсе не знала материнских забот, бросала своих щенят и прибегала ко мне; щенята вышли прегадкие после ее безнравственного поведения с конст‹антинопольской› собакой. Дети нашей хозяйки m-me Petala с восторгом их приняли. Мы проводили время очень приятно, объездили все достопамятные места, были в Порте, в Семибашенном замке, где был заключен наш Булгаков[68], ездили в лодке в Буюкдере, где была русская дача, ездили в Килию; нас возил наш драгоман Periclis и шел по улице, сопровождая наши chaises à porteur[85*] с двумя хамалами, всегда из булгар. Periclis был очень смешон; уверял, что султану недолго царствовать, потому что разбойник Елизферий всегда укрывается в непроходимых лесах Средней Азии, forêts vierges[86*]. Ольга и Миша рисовали. Миша встретил черкеса, который служил у Воронцова на Кавказе; к его удивлению, черкес его спросил, что делает княгиня Елизавета Ксавериевна без князя? Этот черкес был одним из переселенцев и был приставлен в Маскию Св. Софии. Боже, что сделали турки с этой церковью пристройками! Внутренность обезображена надписями из Корана, пол устлан соломенными коврами; в храме всегда кто-нибудь бормочет, сидя на коленках, что-нибудь нараспев, и перебирает четки. Женщин я никогда не видала ни в одной мечети. Мы ездили в патриархат; церковь вся украшена деревянной и весьма красивой резьбой. Когда в‹еликий› к‹нязь› Алексей приехал[69], греки встретили его криком: живио[87*]! Он с послом пил кофе у патриарха, и тотчас затем патриарх отдал ему визит в черном облачении малом; ему также подали

[85*] носилки
[86*] девственных лесах.
[87*] Да здравствует (*сербск.*).

кофе в крошечных чашечках; наш священник показал ему посольскую церковь. Во время Бутенева греки толпились в этой маленькой церкви, и патриарх изъявил сожаление, что это сближение утратилось, не знаю почему. Игнатьев и его жена вовсе не интересовались церковью [70]: ризы были бедные, певчих не было, и пели наши матросики с стасионера, «Тамань», скудного пароходика. «Тамань» уцелел из нашего севастопольского флота. Игнатьев выехал раз с женой в Крым. Черное море расколыхалось. Катя Игнатьева расплакалась и умоляла мужа вернуться; напрасно он ее просил не подвергаться насмешкам: ce que femme ⟨veut⟩, Dieu le veut [88*].

Утром рано прибежал Fred St.-John и со смехом объявил нам, что Ignace возвратился, убоялся моря. Плавание по Босфору вовсе не безопасно, надобно спешить домой, как только он покрывается рябинками. Один раз я с книгой сидел под окном; вдруг повеял свежий ветерок, и затем вихрь; Миша и Ольга поехали с одним гребцом в каике на ту сторону, также m-me de Bourges и m-me Рейнеке на базар в Стамбул. В 8-мь часов позвонили на ужин; прошел еще час, никого не видать; наконец, в 9-ть приплыла большая барка, и эти дамы приехали домой; моих же все не было видно. M-me Petala сама начала беспокоиться; наконец, явилась Ольга с Мишей под зонтиком. Только что они причалили к азиатскому берегу, поднялся вихрь, гребцы направили лодку в устье реки и наотрез отказались выйти из убежища; греки, зная море, очень осторожны. «Подождите,— говорили они,— пароход придет через час, и на нем вы безопасно доплывете в Буюкдере». Они оттуда пришли пешком усталые и мокрые; маленький дождик превратился в крупные капли. Мы сели за ужин, который был хуже обыкновенного. Миша тоже меня напугал порядком; он поехал на катере английского стасионера на Змеиные острова, где еще видны остатки какого-то храма, вероятно, Нептуна или Эола; с ним англичанин, женатый на Балтачи. Они вернулись очень поздно, при сильном ветре. Босфор запружен телами несчастных, погибших в море: всякий год 10 и более человек делаются жертвами волн. Пароходная езда также не безопасна: секретарь нашего посольства два раза подвергался большой опасности; пароход «Колхида» столкнулся с английским пароходом у памятника Геро и Леандра. Замечено, что несчастия обыкновенно там случаются. Миша ходил в Килию с Кумани и принес с собой белые лилии; оба ботаника не могли их классифицировать; говорят, что они выросли на месте, где христианин был замучен, и кровь чистой души оставила по себе эти цветы как памятник. Турецкое население ничего не делает, и вся торговля и промышленность в руках у греков. Последние все тешат себя мыслью, что в скором будущем Византия будет им отдана. Теперь англичане там хозяйничают, а французы наполняют их карикатурные министерства. У них есть la Banque Ottomane, которой директором маркиз Plock, очень умный человек, а вице-директор Tom Bruce, брат лорда Elgin. Этот банк завел Furnel, и они получают 10-ть процентов. Теперь Plock директором Французского банка. Он ознаменовался во время Коммуны, где, подвергаясь опасности, спас банк. Галиоти приезжал из Же-

---

[88*] Чего хочет женщина, того хочет Бог.

невы, спас бумаги, Castelnau завернул их в plaid, когда уже коммунисты окружали банк. Какое страшное время Франция и все переживали в эту несчастную годину! Tom Bruce очень приятный господин, толстяк и весельчак; он зашибает 25 фр., а Plock все 100 000 фр. Madame la marquise утешается, потому что ее супруг живет с какой-то цыганкой, женой капитана французского стасионера. Вообще в Конст‹антинополе› не женируются. Маркиз Moustier при жене плакал, обнимая свою любовницу, принцессу Салонскую. Lady Bulver пьянствовала на стасионере и лежала на плечах у мичманов, а ее муж после Moustier унаследовал Салонскую барыню. Бульвер содержал теперешнюю m-me Caporal. Я познакомилась с Капоралем; он был с острова Крита и фабрикант мыла. Это греческое мыло без запаха расходится по всему миру и есть основание всех душистых мыл. К нам оно приходит в своей чистоте, в четвероугольных кирпичах со штемпелем; в детстве меня мыли этим мылом; кажется, оно готовится из грецких орехов. Нет сомнения, что древние греки его употребляли. Оно приходит к нам с халвой и рагат-лукум, в милых коробках из особого дерева. В Одессе есть еще в море мыло глинистое, и я помню, что по приказу доктора Карузы меня и маменьку мазали этим светло-зеленым мылом и потом обмывали в море. О, море, изумрудное одесское море, как ты хорошо, когда твои рябинки золотятся под палящим солнцем и ночью серебрятся под луною, и черные дельфины выскакивают! Когда под старость я приехала в Одессу на пароходе «Тамань», эти знакомые фантастические дельфины медленно поднимались, потому что негостеприимное море было тихо, как озеро, и под облачным небом облеклось в серый саван. Капитан нашего корабля, капитан Томилович, остаток храброго Севастопольского флота, мне сказал, что ни разу не имел такого благополучного плавания. Мы отвозили наших русских паломников из Иерусалима. Тут был несчастный еврей, совершенно сумасшедший, он все хотел раздеваться догола, и принуждены были запереть его au fond de cale [89*], где он метался и выл. В Одессе его отвезли в еврейский госпиталь. В Кон‹стантинополе› мы обедали у m-me Petala в общей комнате. Туда приходили австрийцы; их драгоман замечательно ученый и сведущий человек Капораль, который приносил вести из Перы и Галаты, эти вести известны под названием les canards de Galata [90*]. В четыре часа мы пили чай в общем столе, всегда пустом. St.-John, Mallet, Кумани, Жадовский были охотники все на наш чай со сливками и самым лучшим маслом. В посольстве их кормили с горьким маслом, а сама посланница несла молочник и всегда говорила, что этот чай разорителен; в корзинке я видела засохший croissant [91*]. Все три княжны, посол и его жена рассказывали про бал, я не могла забыть, что турки выпили 1000 чашек кофею без сливок к утешению этих скупердяек, еще бы, чашки ведь с наперсток. Обед у них был изрядный, я у них познакомилась с черногорским сенатором Пламенцовым и его секретарем Боржичем. Оба плечистые, здоровенные парни. Хитров с ними говорил по-славонски, потому что их язык более разнится с

[89*] в глубине трюма
[90*] Галатские утки.
[91*] рогалик.

русским, чем болгарский. Бедные булгары говорят почти как мы; они служат хамасами, продают кукурузу и розовые и голубые леденцы, которыми отравляла себя Melanie de Plock; не признавалась матери, что производило ее рвоту, и вечером говорила: «Non, jamais je mangerai plus des bonbons roses et surtout des bleus» [92*]. Эта девица на детских балах набивала в узел носового платка леденцы. Когда Fred St. John ее спросил: «Comment faites-vous pour manger ces petites merveilles?».— «En reniflant et avec la main, comme ça, avec le revers» [93*]. Она занималась моей моськой и раз вскрикнула: «Ah, mon Dieu, qu'est-ce que je vois, Fanny a perdu une dent, il faut la mettre chez le dentiste» [94*]. Маркиза после долгих стараний приобрела l'attention de ce cher Timoni, un dragoman de l'ambassade de Russie [95*].

Семейство Балтачи было очень многочисленное; оно оставалось верно древним греческим именам: там были Mr. Miltiad, Epaminondas, Pericles, Aristarcus и один только Theodoros, самый умный и честный грек, которого нечего было бояться и повторять известную поговорку: Timeo Danaos et dona ferentes [96*]. Я уже немного мараковала по-гречески. Во время болезни в Павловске, я встретила у А. С. Норова Дмитрия Христофоровича Гумалика, который с ним читал греческих классиков. Утром я заходила на дачу Истрова, где жили Норовы. Абр⟨ам⟩ Сер⟨геевич⟩ сидел у окна с книгой и переводил что-то. Комнаты были метены до половины, стулья лежали на полу: я это сообщила хозяину. «А это,— говорил он заикаясь,— оттого, что Эпикур играет в бабки с форейтором». Лакеи ведь все эпикурейцы! За столом происходили часто смешные сцены. Норов просил прощенья у слуги и клал ему бумажку в 5 или 10 р⟨ублей⟩. «А вот вы не извольте в другой раз драться!» Вечером мы играли в ералаш; мелкие карты он называл мингрельцами, Варвара Егоровна немцев называла Дрентельманами. Платки Аб⟨рама⟩ Сер⟨геевича⟩ летели во все углы, он беспрестанно нюхал для глаз, и Варвара их подбирала. Он был очень distrait [97*], часто спрашивал калошу для своей деревяшки. «Да она осталась под Бородиным»,— отвечала ему жена. Он ухаживал за m-me Никитенко и раз влез в ее вагон, заболтался и уехал с ней в Царское. Кучер долго ждал, наконец, приехал и говорит, что он вероятно уехал в Царское: «Такой уж странный этот барин, бог с ним!» Абр⟨ам⟩ Серг⟨еевич⟩ завидовал мне, что я чище его выговариваю по-гречески и читаю наизусть «Отче наш» и «Верую». Так мы делили время между делом и бездельем. Говоря о православии, я ему сказала: «Я люблю нашу церковь за ее истину». Он вошел в восторг. «Нет, милая, дайте поцеловать себя за это слово»,— и обнял меня. «Абрамуш! Абрамуш!» — заметила Варвара Егоровна. Норов был гораздо образованнее прочих министров. «Да,— говорил он на балах, подсаживаясь к этому кривотолку графу Панину,— тут мы забираемся в греческую и латинскую древ-

---

92* Нет, я никогда больше не буду есть розовые конфеты, а особенно голубые.

93* Как это вы делаете, чтобы есть эти маленькие чудеса? — Вдыхаю их в себя и рукой, вот так, тыльной стороной.

94* Ах, боже, что я вижу, Фанни потеряла зуб, нужно повести ее к дантисту.

95* внимание этого милого Тимони, переводчика русского посольства.

96* Боюсь данайцев, даже дары приносящих (*лат.*).

97* **рассеян**

ность, и Панин является правотолком». Он очень учен и жалел, что у нас так неглижируют классическими писателями [71]. До женитьбы Норов ездил в Сицилию и выдал очень дельную книгу о греческих развалинах в Таормине, был в Иерусалиме, поднимался вверх по Нилу до не знаю какой катаракты, и человек, который много его вещей растерял по дороге, отвечал ему: «Это осталось у берберов на повороте». В Египте его самолюбие кольнуло его: англичане и французы платили дорогие цены за остатки египетских древностей. De Leyard купил их зодиак, который раскололся при спуске, и этот зодиак теперь в Лувре. Шамполион, а потом Бунзен и sir Gardner Wilkinson первые начали заниматься египетскими сокровищами зодчества и живописи. Sir Gardner мне говорил, что вся наука пришла на Запад из Египта, что Геродот — лучший описатель этой курьезной страны. Их живопись вся историческая. Евреи были все белокурые, красивые, как наш Спаситель, среднего роста, с голубыми глазами. Они представлены делающими плиту, некоторые магнетизерами. Теперь читают их надписи по ключу Шамполиона. Абр⟨аму⟩ Серг⟨еевичу⟩ удалось купить статую Изиды, за которую он заплатил 6000 ф. и вздумал перевезти ее в Одессу, по дороге он посетил в Средней Азии семь церквей апокалиптических, убедился в истине пророчеств Иоанна Богослова: там-де мерзость запустения, пророчески предсказанная Даниилом. В Кандии он переругал пашу турецкого, который не оказывал ⟨должного⟩ обращения его деревяшке, трактовал русского генерала как джаура [98*]; он тут встретил Кинглека, который возвращался в Европу. Последний публиковал свое путешествие под названием Eothen, т. е. заря по-гречески. Норов лишился ноги в 17-ть лет под Бородиным; как все безногие, он очень потолстел. Юношей он ⟨был⟩ очень красив, волочился за всеми хорошенькими en tout bien et tout honneur [99*], его артистическая натура ценила все прекрасное как божие творение. Насчет клубнички он пользовался только раз, когда был в связи с вдовой адмирала Сенявина; она жила в Калужской губернии в уединении, не имея детей. Он поехал в город, увидел свою Вареньку и женился; она ничего не имела; у матери ее Меропы Ивановны было много дочерей и мало состояния. В Египте Норова подстегнуло русское самолюбие, и он купил за 6000 фр. Изиду, уложил ее на пароход и послал в Одессу. По Нилу встретил он какую-то женщину, которая целовала Изиду и оплакивала ее отъезд; должно быть, это была какая-нибудь Кондакия, царица Савская, времен царя Соломона. Из Одессы Изиду взвалили на сани и шестериком везли в Питер. Жених позабыл ее существование. Он жил тогда во втором ⟨этаже⟩ у Пантелеймона; человек его вбегает и говорит барину: «Наша Изида приехала на шестерике. Вот и письмо».— «Вот-те на!» Путешествие ее стоило 6000 фр., итого уже 12; а где их взять? Набивши нос табаком, что он всегда делал в затруднительных обстоятельствах, Абр⟨ам⟩ Сер⟨геевич⟩ отправился скоренько к кн. Волконскому. Тот ему сказал: «Да кто вас просил купить эту Изиду? Куда мы ее поставим? Пожалуй, под лестницу в Академию Художеств». Так и сделали, и бедная Изида и доселе покрывается пылью

98* гяур, неверный.
99* честно и благородно

под лестницей Академии Художеств, основанной Шуваловым при Елисавете. Абр⟨ам⟩ Сер⟨геевич⟩, желая познакомить нашу невежественную публику с сокровищами египетского художества, написал статейку в «Северной Пчеле» [72], которая под покровительством правительства служила светилом политическим, нравственным, художественным. Андрей Муравьев на следующий год привез двух великолепных сфинксов [73], которые украшают наружную лестницу Академии Художеств. Абр⟨ам⟩ Сер⟨геевич⟩ Норов при имп. Николае был министром просвещения и очень скорбел, что классики были в совершенном загоне в гимназиях, и особенно старался ввести изучение греческого языка; у него было 15 000 редких книг [74] и манускриптов, даже еврейских, чудные издания Эльзевиров и Дидота.

Его жена составила каталог с помощью ⟨Дмитрия⟩ Христофоровича Гумалика и говорила, что еврейские буквы все шкапчики и точки. Гумалик получил образование в Халкидонской семинарии и готовился ⟨для⟩ духовного положения. Из Кон⟨стантинополя⟩ он приехал в Одессу, где его пригрел Александр Скарлатич Стурдза. Евгений Гагарин уже был принят как жених. M-me Стурдза, дочь знаменитого Гуфланда, приносила в банке варенье и раздавала очень умеренно эти сладости, которыми заедали весьма скудную трапезу. Не знаю, не по закону ли это макробиотики. Александр Скарлатич ребенком переехал в Одессу после резни 21-го года; он сделался известен имп⟨ератору⟩ Александру после войны 12-го года, когда написал критическую статью на западное образование [75]. Замечательно, что Брунов ее перевел на немецкий язык в Лейпциге.

Брунов воспитывался в Лейпциге с братом своим горбуном; они были русские подданные, курляндцы. Брат его издавал газету в Дрездене еще в 1854 году. Карьера старшего самая странная; он выставлял себя, где только мог быть замечен, занялся под руководством Балтазара Балтазаровича Кампенгаузена истою протестантской пропагандой и протестантским благотворением, т. е. русским свиньям ничего не давать, а только милым немцам сапожникам и прочим высоким ремесленникам, дошедшим до искусства обманывать. Русские пили сбитень с черным хлебом, а немцы чай mit Bulken und сухарем и говорили: пожалуст, das kann ich auch machen [100*] и лакали очень дурно и втридорога. Русские говорили: фронтон заподлицо, а немцы ein Frontone mit грациозное Fügung [101*], ведь это мило, право мило. Но теперь мы очнулись, узнали, что поляки, богемцы, сербы, булгары, черногорцы тоже наши братья славяне, и принялись жать немцев. Они втихомолку наживаются, но не смеют пикнуть. Ведь вся Пруссия была славянская, а Мекленбургия и теперь осталась оботритской [76]. Лейпциг просто Липецк, только нет целебных вод, а Дрезден — Дражданы. Я дразнила своего англичанина в Риме и уверяла его, что вся Северная Германия будет под железным игом Всероссийского государства. «Und unsere schöne Civilisation,— вскрикивал этот закоснелый немец,— und die schöne poesie von Hans Sachs, scheinte makellos und poet, und der gewisse Heine, der so schön über die Thränen Urzeit gut bescheint

---

[100*] Это я тоже могу сделать (*нем.*).

[101*] Фронтон с грациозным соединением (*нем.*).

Die Damen waren ästetisch,
Die Herren mit zartem Gefühl [77] [102*]

Совершенно анакреонтическое, ваш плевый Пушкин ничего подобного не писал». Как же не так, а зато ваш башмачник Hans Sachs не может сравниться с нашим великим Тредьяковским, этот был прямо с кондачка и писал: «О лето, о лето, Тем ты не любовно, что вовсе не грибовно». Смейтесь над грибами, вся Россия объедается грибами в разных видах, и жареных, и вареных, и сушеных. Мужики ими наживаются, и в необразованной Москве рынки завалены сушеными трюфелями. Я смерть люблю грибы, жареные на сковороде.

Немцы все — картофельники поганые — это мне сказал литвин,— и образованные наслаждаются вафлями. Что такое вафля — просто дрянь. Мятлев говорил, что на свадьбе Лизеты подавали вафли, когда он писал идиллию [78]:

Кантор женится с Лизетом,
Колонисты поднялись,
Кто со скрипкой, кто с кларнетом,
И все вместе поплелись.

«Куда, милые?»,— спросил с экипажа-телеги турок. «В Красный кабачок, кте ⟨здесь и далее слова перевираются, имитируя немецкий акцент⟩ государь сам опробовал немецкий фафель, они лучше, чем в Померании у почтенной старушки на станции, и она пожелала портрет Фридрих Великой, когда он в лодке переехал Стикс. Оне крадсненский гусар с крафом Ланжерон; он пальшой парин из француского корота Тулузы, там имеет свой Rentier farm [103*] и фсе ей толжны теньки». Брунов говорил точно так же, как эти колонисты, которых поселили у Средней Руки для высушки болот и садки деревьв, это сделала Екатерина и дала им разные льготы. Вот эти свиньи, говорят мужики, не знают некрутчины. Орлову понадобился хороший редактор, и Воронцов ему уступил Брунова, который ему писал в Адрианополе; всем известен этот знаменитый трактат [79] как авторитет, на который мы ссылались перед поганой Крымской войной. По этому трактату нам дали право входить в Босфор и отрезали часть Бессарабии до Прута, а в средней Азии дали Батум, прекрасный порт. Я помню, как возили турецкое золото на Монетный двор; но государь простил им несколько миллионов, потому что издержки войск были уплачены. Благодарить приехал Халиль-паша [80]; его приняли в Тронной зале. Имп⟨ератор⟩ стоял перед троном, и Халиль коленопреклоненно вручил ему письмо Махмуда. Махмуд был последний замечательный султан; по несчастию, он упивался араки; его лечил английский доктор Милинген и припадки delirium tremens [104*] лечил сильными приемами опиума; его катали в парадном каике нарумя-

[102*] А наша прекрасная цивилизация,— ⟨...⟩,— и прекрасная поэзия Ганса Сакса, кажется, безупречная, и поэт, и известный Гейне, который так хорошо осветил слезы прошлого:

Полны эстетизма мужчины,
У дам возвышенный взгляд (*пер. В. Левика*).

[103*] Доходную ферму (*нем.*).
[104*] белой горячки (*лат.*)

ненного, потому что боялись возмущения в Кон⟨стантинополе⟩ в случае его смерти; он останавливался у подъезда Бутенева, которого любил и очень уважал. Перед отъездом Халиля государь долго с ним говорил о положении Турции и сказал ему: «Передайте от меня следующее предложение, чтобы мирным образом покончить с этим вечно угрожающим потрясением Восточного вопроса. Один Махмуд может его разрешить; скажите ему, что, как друг, я советую ему принять веру большинства своих подданных». Халиль, тронутый, отвечал, что надобно будет выбрать минуту расположения к разговору. Восемь месяцев он искал удобного случая. Махмуд вскрикнул: «Государь Николай Пав⟨лович⟩ единственный честный человек в Европе». И начал заниматься церковью православною, но вскоре умер. Абдул Азиз уже пил [81] и совершенно одурел, подпавши совершенно в руки англичан; с его короткого правления пошла la grande dégrengolade de l'empire Ottomane [105*], а последний удар нанесла ему та же Англия своим вмешательством во внутренние дела этого несчастного государства. «Les hommes s'agitent, et Dieu les mène» [106*],— сказал Фенелон. Брунов приехал в Петер⟨бург⟩, где был назначен готовить в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ Константина Николаевича к его поездке на Восток; он учился по-турецки. Щедро одаренный, он впился жадно в разные книги, читал историю Гаммера «L'empire Ottomane». Встретив его раз на вечере, я ему сказала: «Nous devons prendre C⟨onstantino⟩ple».— «Comme de raison, il sera à nous» [107*]. Его сопровождал Литке и Гримм. В Севастополе, рассказывал Гримм, мы нашли флот в цветущем состоянии. Лазарев был ученик англичан, офицеры имели каждый в своей каюте библиотечку и карты; они читали, ходили по городу, кутили умеренно и пили умеренно. Одним словом, они были порядочные люди: из них вышли наши герои Корниловы, Нахимовы. Во время Синопского сражения он делал чудеса на своем «Владимире» [82]. Когда соединенный флот окружил берега Крыма, он выходил безбоязненно в море и говорил, что можно было остановить высадку их войск и отстоять. Благоразумная наша звезда решила иначе. Трое братьев Бутаковых ознаменовали себя различными подвигами. Спокойные, хладнокровные, эти три рыжичка, как прозвали их солдатики, были замечательные люди. Я встретила Григория и Алексея у фельдмаршала Барятинского и наслаждалась их разговорами. Фельдмаршал знал азиатскую карту и политику. Они с Алексеем Ивановичем говорили, что мы должны следовать указаниям Великого Петра и взять весь этот край до Персии и Афгана. Петр послал Бека и 300 человек войска, чтобы проложить дорогу, но все погибли в песках и были вероломно перерезаны этими же персиянами. Алексей Иванович закупил машины в Ливерпуле и с женой отправился к Аральскому морю; оттуда он мне писал комические письма и описывал, что делает героиня пустыни, его жена, как она варит, готовит обед, каких зверей и рыб она ест, а каких дает только индигенам [108*]. Какие звери нас едят, которых мы едим. Он нарисовал мне карту этих морей и пустынь. Он нашел там Шев-

[105*] великое распадение Оттоманской империи
[106*] Люди тревожатся, а Бог их ведет.
[107*] Мы должны взять Константинополь.— Он, разумеется, будет наш.
[108*] От фр. indigène — туземец.

ченко, бедного изгнанника за какие-то либеральные стихи, писавшего прелестно à la sepia [109*]. Он написал портрет какого-то дикого [83]. Григорий Бутаков ездил в Англию, чтобы следить за прогрессами английского морского искусства, он говорит, что французский флот просто дрянь в сравнении с английским. Алексей вернулся с Аральского моря; в Пет⟨ербурге⟩ никто не обращал на героя никакого внимания; он умер забытым, но потомство воздаст ему должное. Третий брат был защитником критских греков, которых безбоязненно перевозил в Грецию peu à peu [110*]. А теперь он крейсирует на Босфоре, Дарданеллах и в Средиземном море.

В бытность мою в Кон⟨стантинополе⟩ приезжал в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Алексей Александрович; ему назначалось плавание в Великом океане. Цветущий и красивый юноша. С ним была свита: ботаник, инженер, доктор Сдекауер, которому он обязан своим здоровьем. Я видела маленького Алексея у Анны Тютчевой. Бледный, желтенький пятилетний ребенок, он рисовал в Дармштадте корабли и русских орлов и играл с сестрой Марьей Александровной, тоже слабенькой девочкой. Она страдала глистами; ее вылечил Обломиевский омеопатией; Анна с помощью английской няни Кити вытаскивала клубки зловредного червяка солитера, который всю пищу отравлял. Когда девочка оправилась, получила месячное очищение в 11 лет; государь, который обожал это милое дитя, хотел всегда, во все погоды с ней кататься, чего Анна не могла допускать, когда она была нездорова. С этой поры поселилось в душу государя неудовольствие на Анну [84], которое повело ей к свадьбе с Иваном Аксаковым, этим заподозренным врагом общественного порядка, славянофилом.

Соболевский при сей верной оказии ради красного словца написал четверостишие: Иван и Анна венчаются у Спаса на Бору, древнейшей церкви в Москве. Тургенев Александр, которого спрашивали, что нового по Москве: Спаса на Бору взяли ко двору. И точно, некогда окруженный густым бором бедный Спас окружен теперь фрейлинскими покоями.

Соболевский сочинил тогда стихи на всю Славянщину [85]:

Ненавистны мне синие чулочки
Хоть на министерской дочке
Кошелев, сидя на бочке пенного вина
и проч.

На барона Александра Мейендорфа он написал тоже [86]:

Везомый парой, а не паром,
Москву изъездил Мейендорф.
Он ей сказал, что есть дрова и торф.
Поверила Москва-столица,
Церквей, что сорок сороков,
А эти сорок сороков
Лишь только нуль и единица
К числу бессчетных дураков.

109* сепией.
110* понемногу.

А теперь надобно вернуться к давно прошедшим дням молодости. В Зимнем дворце все притихло без моей Стефани; Юленька вышла замуж за Зиновьева, Чихачова за Кавелина. Летом приезжал из Персии Хозрев-Мирза [87] и навез кучу шалей; при Хозреве была большая свита; он был маленького роста и красивый мужчинка. Находили сходство между ним и в⟨еликой⟩ к⟨няжной⟩ Марьей Николаевной, и на костюмированном бале она была одета по-персидски; шапка из смушек очень к ней пристала. Говорят, что бедному выкололи глаза; говорят, что и Фазиль-хану доставят то же удовольствие; но в поездку свою в образованные государства не разделяют мнения мудрых персиян, и Фазиль глядит в оба, как бы задушить шаха и сесть на его место. Султан презирает шаха, а последний султана, потому что они разного толка. Французский министр Гобино написал очень интересную книгу о Персии [88]. Персияне проводят целые дни в религиозных и философских прениях и знакомы со всеми философами и мудрецами Запада. Русские, верные своему призванию вводить гадости, подарили им Вольтера. Но оставим этих свиней.

Зимой были по обыкновению пошлые, большие и маленькие балы; летом в Петергофе и на Елагине, и Царском — осенью. Импер⟨атрица⟩ была беременна. В первых числах сентября мы поехали на 8-весельном катере на Елагин; она хотела собрать последние цветы. Она была в светло-зеленом платье, в белой шляпе, qui encadrait son gracieux visage un peu fatigué [111*]. Я все время ⟨думала⟩: ну, как она вздумает рожать, что я буду делать! Государь приехал в коляске, и мы вернулись вечером на том же катере. Ничего не было; она мне сказала: «Vous vous ennuyez; voilà mes albums» [112*],— и принесла большую книгу. Государь ей сказал громко: «Quelle imprudence!» [113*].

9-го числа я еще жила в Аничкове, меня разбудила девушка со словами: «Скорее, скорее, я приготовила уже голубой хвост с серебром. Императрица благополучно родила сына, и все едут в Зимний на молебен и крестины». От радости я вскочила, умылась наскоро, выпила чашку чаю. Пушки палили, колокола всех церквей звонили веселым гулом. 101 удар. Это сын, потому что в Аничкове не знали наверное. И родился Константин Порфирородный, на радость и горе своим родителям и России [89]; но об этом после в свое время. После счастливых родов все приняло праздничный вид до лета, которое мы проводили, как только наступили жаркие дни.

Удовольствия приостановились, когда как громовым ударом разнеслась весть о Июльской революции. В этот день назначен был обед в павильоне, где обед поднимается механикой Показунина и слуг нет в комнате. Государыня, обладая силой воли, была по обычаю весела; государь запоздал и пришел бледный и расстроенный. С ним Александр Ник⟨олаевич⟩ Голицын в сером сюртуке. Все придворные были в смущении, одни фрейлины ничего не знали. Я спросила Влад⟨имира⟩ Фед⟨оровича⟩ Адлерберга, который мне отвечал: «Vous êtes trop curieuse, ce sera demain dans la „Gazette

---

111* которая обрамляла ее изящное, несколько утомленное лицо.
112* Вам скучно, вот мои альбомы.
113* Какая неосторожность!

de Pétersbourg"»[114*]. Подробностей не было никаких, известно было, что король в Рамбулье и охотится как ни в чем не бывало. Эта катастрофа отозвалась в Италии и во всей Германии[90]; в Лейпциге горланили студенты и кричали: vive la république[115*]. Саксонский король должен был скрываться в крепости на горе. Это накинуло тучи на наш мирный горизонт и отложили петергофский праздник и вообще балы.

Июльская революция была прелюдия страшного 48-го года. Где был тогда Бисмарк? Вероятно, в школе или университете и задумывал Germania una[116*]. Зимой пушки рассеяли тучи революции, оставив по себе много жертв; в улице Transnoire были кровопролитные стычки, осаждали Notre-Dame, раскидали великолепную библиотеку этой церкви, убили достойного архиепископа monseigneur de Gentin у алтаря и бесчинствовали страшным образом.

Тогда явилась новая литература в лице Виктора Гюго, она была отпечатком страшных кровавых сцен и господствовала долго; в России читали «Les deux pendus»[91], «Notre Dame de Paris»[117*] и пр. дрянь; но наши авторы воздержались от подражания. Бедный Карл X-й с герцогом Ангулемским и детьми ⟨поселился⟩ в Буштирау под Прагой. Династию Бурбонов революционная Франция погребла на эшафоте с добродетельным и честным Людовиком Шестнадцатым и отпели его на плахе, где милый 20-летний ребенок получил венец мученицы. Так как место не бывает пусто, водворилась династия Бонапартов. Великий завоеватель, Александр Македонский новейшей истории, обладал всеми залогами основателя династии. Наполеон III-й в другом роде был великий человек, друг и опора колеблющейся Римской церкви, он был добр, мягок сердцем и щедр до расточительности. После войны и Седанского погрома[92] его повезли в Кассель, во дворец, где прусская королева окружила его всеми возможными удобствами. Страдальца посетила великодушная его жена и вывезла его в скромный Чизльгорст, где он оканчивал свои мученические дни, думая только о милом сыне. После его кончины мальчика отдали в Вульвич, где он отлично учился, выбрал достойных товарищей. Имп⟨ератрице⟩ Евгении в наследство было всего 250000 дохода; она принуждена была донашивать свои старые платья и отослать часть свиты и прислуги. Описание похорон, аутопсии и пр. исполняли столбцы «Times». Я была в Англии и помню впечатление, которое охватило всю Англию.

Принц Наполеон с принцессою Клотильдой приехал в нашу гостиницу Claridges и тотчас отправились в Чизльгорст. Они ехали на Брюссель и Остенде; море было не только бурно, но и опасно. Это была гадость не пропустить их через Францию.

Теперь молодой Бонапарт окончил науки[93], живет с матерью, которую обоготворяет. Его фотографическая карта представляет avec le cordon de la Légion d'honneur[118*]. Взгляд его холоден, лоб открытый выражает нечто по-

[114*] Вы слишком любопытны, завтра это будет в «Петербургских ведомостях».
[115*] да здравствует республика.
[116*] Единую Германию (*ит.*).
[117*] «Двое повешенных», «Собор Парижской богоматери».
[118*] с лентою Почетного Легиона.

велительное и вместе снисходительное. Наш государь, королева Виктория посещали им⟨ператрицу⟩ Евгению с уважением. Принца наш император посадил по правую руку с одобрительным знаком Валлийского. Нет сомнения, что он будет царствовать и царствовать хорошо, усвоив себе английский либерализм и применяя его к характеру французского переменчивого характера, не упускать минуту, «der Augenblick des Glücks»[119*], как объяснил это Ауэрбах в своем романе «Башмачок»[94]; он сядет в крепкое стремя. Не стану описывать историю Бонапартов и Евгении, она всем известна. Говорят, что она дочь писателя Mérimée, это сущая ложь; она дочь герцога Теба, первого испанского гранда, а мать ее была англичанка легкого поведения, которую Mérimée хорошо знал, оттуда ложные слухи. У Евгении есть гордость гранда и сильное религиозное чувство, доходящее до фанатизма, которое, к несчастью, вызвало несчастную Мексиканскую войну[95]. Она стоила дорого Франции, злополучному Максимильяну и его супругу Шарлотту лишила разума. Страдалица жива, покойна и ест, но после того, как ее статс-дама пробует блюда, она рядится, раскладывает наряды на креслах, воображая, что говорит с знакомыми дамами. Ей показали портрет Максимильяна во весь рост, она не обратила никакого внимания; говорят, что в этой болезни случается, что бред настоящего заменяется бредом болезни. Максимильяна все оплакивали, менее всего имп⟨ератор⟩ Франц и скверная его мать, эрцгерцогиня София. Многие оплакивали со слезами его. В то же время умер в Бельгии эрцгерцог Стефан, которого эта скверная София не проронила ни слезинки над его телом. Наша в⟨еликая⟩ к⟨няжна⟩ Ольга Николаевна встретила Стефана. Он не был хорош, но умен, образован; она отказала Альберту, который приезжал свататься на ней. Когда я ехала в Вену, имп⟨ератрица⟩ мне сказала: «Priez Médem de tâcher d'arranger ce mariage. Oly n'en démonte pas. C'est le seul prince qui lui plaise. Quant à moi, je pense toujours à ce malheureux mariage de la Grande duchesse Alexandrine, à ce triste séjour en Hongrie». J'ai tout de suite fait ma commission à Médem qui s'est fâché tout rouge, en me disant: «C'est cette vieille sotte Catherine Tiesenhausen qui a appuyé sur la comtesse Fiquelmont, lui débite toutes ces sottises; Fiquelmont n'a aucun pouvoir. Ce mariage ne peut pas se faire pour mille raisons très valuables: la question religieuse, le fanatisme de l'archiduchesse sa mère, le peu d'affection qu'elle a pour le Monsieur, il est le plus doué de ses fils et l'enthousiasme des slaves pour une alliance avec la Russie»[120*]. Я все это написала m-me Fréderiks, и все кануло в воду. Красивейшей из дочерей нашего имп⟨ератора⟩ суждено было выйти за ученого дурака[96] в

[119*] мгновение счастья (*нем.*)

[120*] Попросите Медема, чтобы он постарался устроить эту свадьбу. Олю она не смущает. Это единственный принц, который ей понравился. Что же касается меня, то я все думаю о несчастном браке великой княжны Александры; об ее печальном пребывании в Венгрии. Я тотчас выполнила данное мне поручение к Медему, который вышел из себя и сказал мне: «Это старая дура Катерина Тизенгаузен, поддерживаемая гр. Фикельмон, доносит ей все эти глупости; но Фикельмон ничего не значит. Эта свадьба невозможна по тысяче самых разных причин: вопрос вероисповедания, фанатизм его матери эрцгерцогини, ее малая привязанность к нему, он даровитее всех ее сыновей, а славяне были бы в восторге от союза с Россией».

Виртембергию; la Belle et la Bête [121*],— говорили в городе. В⟨еликие⟩ к⟨нязья⟩ Николай и Михаил Николаевич сделали из него совершенный poltron [122*].

Зимой все было по-старому; начали поговаривать о том, что мне пора выходить замуж; сама имп⟨ератрица⟩ мне говорила: «Il vaut mieux se marier sans amour que de rester vielle fille; on s'ennuie et ennuie le monde» [123*]. Александра Петровна Дурново очень хорошо знала Смирнова во Флоренции, очень его уважала и хвалила, советуя выйти за него замуж. Суженого, ряженого конем не обойдешь. Я его встречала всякий вечер у К. А. Карамзиной, где его любили, а Софья Николаевна просто обожала его, и они не расставались. В Риме они жили с моим троюродным братом Евгением Штеричем. Один граф Комаровский его ни в грош не ставил. Вечером играли в jeux d'esprit и писали на клочках бумаги ответы. Александрина Шевич, всегда скромная и молчаливая, лучше всех отвечала. На вопрос пресловутого Комаровского, с кем приятнее прогулка, она отвечала: «C'est selon la bête, avec la quelle on la fait» [124*]. Екатерина Анд⟨реевна⟩ читала и шила рубашки детям. После утренней прогулки с нами Володька и Лизанька делали zigzaki впереди; мы обыкновенно ходили в Бригитен, а иногда к барону Делингсгаузену. Когда мы уходили, Сонюшка читала Андрюше, которому было 13-ть, Michaud sur les Croisades [125*]. Thibaut занимал Сашку и Николеньку. По возвращении пили чай, а Ек⟨атерина⟩ Андр⟨еевна⟩ принималась за чтение и работу; я тоже читала Андрюше sur le vieux de la montagne [126*]; но вскоре Ек⟨атерина⟩ Анд⟨реевна⟩ просила меня не ходить в комнату больного; он сильно страдал глазами и носил зеленый зонтик, постоянно д-р Витмер подчивал его Wiener-prosintchen. У Андрея проснулась чувственность, он был влюблен в меня, и потому было воспрещено входить мне в его комнату [97]. Андрей остался близорук навеки; у него были нежные масляные глаза и приятное лицо. Сонюшка его обожала, и когда несчастный, в цвете лет, погиб на пушке [98], которую он защищал под конец один с племянником моим Петрушей Голицыным, его камердинер нашел эти обезображенные трупы; осталась только метка на его рубашке; камердинер все сложил в гроб, который привезли в женский монастырь в Петер⟨бург⟩. Вдова была неутешна и поселилась в Финляндии в Трасканоне, а Сонюшка с ума сошла. Веселый и приятный дом облекся в безмолвие скорби и печали.

Я вышла замуж и поехала в Москву знакомиться с родными мужа и его дядей Петром Петровичем Смирновым. Это был остаток Екатерининских времен.

Михаил Петрович был ремонтером Конногвардейского полка и получил от Екатерины синие эмалевые табакерки, осыпанные бриллиантами, с ее

[121*] красавица и чудовище

[122*] труса.

[123*] Лучше выйти замуж без любви, чем остаться старой девой, которая и сама скучает и наводит скуку на других.

[124*] Смотря по животному, с которым ее совершаешь.

[125*] Мишо — о Крестовых походах.

[126*] о горном старике.

шифром. Дмитрий Петрович занимался механикой, закупал старые часы и запоры и серебряные кубки, у него тоже была астролябия. Петр Петрович, убоясь имп⟨ератора⟩ Павла Петр⟨овича⟩, вышел в отставку вместе с Михаилом Петровичем. Дмитрий Петрович нашел, что удобнее не стеснять себя, и прижил детей с женой доктора Кораблева, эти дети пользовались названием законных детей, и Дмитрий Пет⟨рович⟩ оставил им по духовному завещанию 500 душ, часы, кубки и астролябию (после узнают всю ценность этого инструмента). Михаил Петр⟨ович⟩ женился на Федосье Петровне Бухвостовой, девице гораздо образованнее мужа; они путешествовали за границей, при них был крепостной человек Карп, которого они звали Карпуней, что возбуждало ⟨смех⟩ других русских путешественников; они покупали картины и драгоценный саксонский фарфор. Последний был разбит уже при нас в Спасском, но венский теперь упакован в Англии и возбуждал восхищение английских знатоков. Он светло-зеленый, а на коричневом поле история Амура по рисункам английской принцессы. Следовательно вдвойне был дорог англичанам. Мне предлагали 1000 ф⟨унтов⟩, но я не решилась продать. В невежественной Русландии после обедов подавали кофий в таких чашках, но никто не обращал внимания.

Петр Петр⟨ович⟩ выставил на своем доме: дом корнета Смирнова. Он был очень хороший помещик; все хлопотал о своих владимирских мужиках, вел их процессы, защищал их от притеснения становых. Он ездил во все метели и снега в Мышкинский уезд. В доме он был скуп до крайности; домом управляла его любовница и наперсница затей его законной супруги Татьяны Мих⟨айловны⟩, рожденной Рахмановой. Первая жена его была девица Охотникова, приятной наружности. До замужества она любила г-на Поливанова. Поливанов тоже жил у Николы на Курьих Ножках. Княжна Цицианова была дружна с сестрой Поливанова, которая жила у Троицы и возилась с отцом Флавианом, как Юлия Самойловна Головинская с канонархом Арапом. (Раз Арап, стоя на коленях, клал двести поклонов во время акафиста божьей матери, потому что в приятной беседе с Ю⟨лией⟩ С⟨амойловной⟩ забывал, что его ждет игумен; и певчие кто в лес, кто по дрова). Петр Петрович ревновал первую жену, отвез ее в Картуново, которое, говорил он, «я купил после француза по 25 р. асс. с лесом, деревня не приносила никакого ⟨дохода⟩, потому что обрабатывалась по-дурацки». Его жена переписывалась тайно с Поливановым; он перехватил письмо и, отдавая распечатанное послание ее любимца, сказал ей: «Вот вам, сударыня, письмо вашего любовника». И в самом деле она зачахла и тихо рассталась с жизнью, радуясь, что в лучшем мире она встретит своего друга. Через год Петр Пет⟨рович⟩ утешился в объятиях своей жирной Татьяны Рахмановой. «Оцень холошая фамилия»,— говорил он. Ортография Пет⟨ра⟩ Пет⟨ровича⟩ была своеобразная, как его разговор. Он говорил, что у него «пок болит». Дом его на Молчановке был набит собаками и щенками. Вонь была невыносимая, он спал с двумя-тремя собаками; они уступали место только Наталье, когда она ждала своего старика. У них была дочка Сонька, которая всегда стояла у притолки и шпионила. Петр Петр⟨ович⟩ требовал, чтобы и у него останавливалась, в избежание издержек в трактире. Он в торжественные дни давал обеды, стол накрывался покоем, собиралась вся

Воейковщина[99] и рассаживали всех по рангу. Я занимала первое место; обед был наилюднейший, он рассаживал и потчивал свою роденьку. Кити Голицына была недурненькая девочка, но такая affectée[127*], что тошно было смотреть на нее; она жевала медленно du bout des lèvres[128*], как ее гувернантка m-me Dani, которая говорила: «n'imitez pas votre oncle»[129*] Жданов. Жданов был пузатенький господин в широких шароварах; ножки его были bancal[130*], и шаровары скрывали этот недостаток от его жены Варвары Петровны. Она была глупее всех Воейковых, исхудалая пиголица, и болтала и любезничала с подругами. Есть в губернских городах мода ходить под ручку вдвоем и втроем и иногда в восемь; они заигрывают с мужчинами и будто не нарочно задевают их. Особенно разыгрываются они в деревне. После катанья под Новинским в ландо, на шестерике, он уезжал в Картуново. Экипажей у Петра Петр<овича> было много разнокалиберных. Раз меня повезли в голубой двуместной карете; лошади путались, экипаж колыхался и дребезжал. Утром в воскресенье дядя уходил на рынок под Новинский или к Сухаревой башне, где покупал всякую дрянь и рухлядь, подковы, замки и петли, все это за гривну, и складывал все сам в сарае. Сарай этот представлял картину хаоса. В Картунове отстроилась церковь, к которой вела хорошенькая березовая аллея. День был торжественный, солнечный и теплый; мы приехали накануне с братом Аркадием; присутствие гвардейского полковника в полной форме с регалиями было приятно самолюбию Петра Петр<овича>. Николай говорил: «А ты надень свой малый мундир и кресты». Аркадий подавал руку к<няжне> Голицыной, мой муж соседке, к<нягине> Мещерской (она была купчиха с пенязями, а муж a mis un peu de fumier sur sa modique terre[131*]). Я шла с соседом Петром Ивановичем Куманковым, братом Сергея Ивановича. Озеров шел с Березниковой, Алекс<андра> Пет<ровна> Воейкова с Павлом Алексеевичем Березниковым, она уже заговаривалась и болтала без умолку всякий вздор. Березников был в мундире Драгунского полка. Он дал обед; у него были чистота и порядок совершенно казенные и казарменные. Стол был накрыт беспорочно новой скатертью; хлеб был прекрасный, хлеб пекли дома; рядом со столовой была оранжерея, в которой росли георгины и резеда, так что запах этих скромных цветов доходил до трапезующих. На дворе была булочная, кузнечная изба, портные и сапожники помещались в одном месте. В избежание сырости стены до половины обивались досками; это делалось не из видов человеколюбия, но ради экономии. Березникова тотчас после освящения церкви родила и в розовом платье, покрытом тюлевой вышивкой домашнего изделия, лежала уже на кушетке; возле нее столик навощеный, так что можно было полагать, что он прямо из домашней столярной. Все было тихо и мертво вокруг нее, дети были в детской. Бедная Березникова вышла замуж за Павла Алексеевича, потому что в Елманове было 500 душ незаложенных, и была надежда получить частичку Картунова. У нее самой

127* притворщица
128* едва касаясь губами
129* не подражайте вашему дядюшке
130* кривые
131* положил немного навоза на ее скудную землю.

было 1000 душ; она была кроткая и приятная женщина, шла за него по приказанию отца и матери и не знала любви, не знала, что ждет ее от жестокого и тиранического мужа; даже не смела посвятить себя всецело детям. Он любил только девочек и был равнодушен к мальчикам, которые привязались к бедной матери. Какие драмы в каждом семействе! Люди были все запуганы, надевали шерстяные туфли, когда сновали между домом и флигелями; двор был убит щебнем. Одним словом, сивилизация и дичь сливались в Елманове. В доме не было ни одной книги; ей давали читать самые невинные романы вроде «Les veillées des châteaux» и «Les petits emigrés»[100]. Бедняжка их читала и перечитывала, ее ум просил другой пищи; она любила со мной разговаривать, заглядывать в чужую жизнь. Березников был ужасно ревнив, боялся даже невыносимого Трубникова, этого Созия Петра Петр⟨овича⟩, который сосал трубку целый день и носил кисет с вонючим табаком на пуговице, точно как казак. Она была очень дружна с Софьей Мих⟨айловной⟩, сестрой моего мужа, и с m-elle Casier, которая, вздыхая, говорила: «Pauvre enfant, comme on l'a sacrifiée»[132*].

После празднества все стали разъезжаться. Аркадий не вынес пытки и удрал в Спасское. Я из последних тронулась в закрытой коляске с Леонтьевыми, а Николай Мих⟨айлович⟩ настоял, чтобы я ехала с Васильем Алексеевым, его бывшим камердинером и курьером за границей. Тотчас по выезде из Картунова Василий начал проситься в коляску и затеял драку с кучером, то погонял, то останавливал лошадей, вырвав кнут от кучера. Наконец добрались до станции, где положили Василия в телегу, поручили его кучеру и поехали далее; он бился и кричал несколько времени, потом все затихло; по дороге он еще зашел в кабак с кучером; натюрившись вдоволь, оба легли в телегу, а лошади проголодались и сами плелись до станции. На следующей станции не нашли лошадей, предлагали целковый диктатору станции, но все было тщетно; спросили самовар и расположились пить чай. Толстая стряпуха принесла огромный самовар; мы вынули крендели, булки и сливки и рассуждали, что пора уже поздняя, что мы приедем на Дорогомиловский мост к заутрени, а мост этот трясся, его не чинили после француза. Александра Ив⟨ановна⟩ Леонтьева тут нашлась и сказала, что я придворная штатс-дама, всякий день обедаю с царем и буду на него жаловаться, и он пойдет в кандалах в Сибирь. Эта ложь подействовала, как молния; нам впрягли шесть лихих коней, и мы покатили по гладкому шоссе, убитому самим господом богом; на спуске к мосту форейтор упал с уносных, но все обошлось благополучно, и мы подкатили к гостинице Шора на Тверской. Это была гостиница-модель. Мы нашли Аркадия и княжну Цицианову, которые смеялись до слез, когда Аркадий им рассказывал проделки Жданова с девицей Раховской и Трубниковым с кисетом, который они прятали под юбки. Дети, Ольга и Соня, проводили это время с княжной; они катались, и раз Ольга уперлась на дверцу, которая отворилась, и дитя чуть не вылетело. Княжна так и обмерла.

Мы поехали в четвероместной карете к Троице. Каролине препоручили провизию и вино. Только отъехали несколько верст, она уже предлагала

[132*] Бедное дитя, как ее принесли в жертву.

брату: «Аркартий Оси⟨пович⟩, не угодно ли картлетку или яйцо в крутушку?» В Мытищах мы пили чай, эта вода славится как лучшая для чая. Мы остановились в гостинице, где меня изъели клопы, и всю ночь провели в борьбе с этим скверным вонючим существом. Утром пошли к обедне. Антоний сам служил и позировал страшно; по выходе все подходили за благословением. Когда я подошла в розовой шляпке, он принял вид благоговения, а мужикам давал руку почти с презрением. «Э, да ты штукарь», подумала я и вскоре убедилась, что он точно был штукарь и обманщик. Антоний был побочный сын царевича грузинского и родился в его доме в Нижнем, красивой наружности и очень самолюбивый; отец сделал из него аптекаря и лекаря. Единственная дочь царевича Анна Егоровна влюбилась в красивого юношу. Царевич уговаривал сына посвятить себя богу и церкви и отослал его к игуменье в Саратовскую пустынь. Эта женщина имела хорошее влияние на него и послала его в какой-то монастырь, где его постригли. Он любил рисоваться в рассказах своих искушений. Первое явилось в рыжей шубе, покрытой камлотом, второе — в пении соловья в часы полуночи, когда он читал молитвы. Все это победил силою креста и воли, бросаясь на колени и орошая пол слезами. Графиня не хотела выходить замуж, что очень огорчало старика-отца, и просилась в монастырь. Он ее отпустил, и она отправилась в Костромскую губернию, в Бельмажскую обитель. Игуменья была умная, образованная женщина, с большой expérience[133*], казначея была Ханыкова; они заметили, что душа Анны Егоровны была взволнована, и притом она не хотела подчиняться монастырским правилам; письменно они известили царевича, что не знают, что с ней делать, и считают ее вовсе не созданной к монастырской жизни. Царевич послал Антония вывезти ее оттуда. Перед отъездом она изъявила желание взять совет от Серафима. Поехали вечером, и с ними какая-то дама; семь верст тащились по песчаной дороге, княжна все время спала. Домик пустынника состоял из конурки и большой комнаты, где валялась всякая дрянь, бочки, кадки и пр. Долго стучали; наконец, он спросил: «Кто там?» — «Я, Антоний, ваш знакомый». Он выглянул и спросил: «Кто эти дамы?» Первая пошла ее приятельница, а наша княжна крепко уснула на бочке, и отец и она страдали спячкой. Когда она вышла, Серафим сказал: «Тем лучше, значит я ей не нужен». Проснувшись, она стучала, но ответа не было; они вернулись в монастырь и оттуда отправились в Нижний. 35 лет княжна вышла замуж за графа Александра Пет⟨ровича⟩ Толстого, святого человека. Он подчинился своей чудовине и жил с нею как брат. Вся ее забота состояла в том, чтоб графу устроить комнаты, вентиляцию и обед по его вкусу. Она видела только тех людей, которых ее муж любил; брезгливая, она сама стояла в буфете, когда люди мыли стекло и фарфор; полотенцам не было конца, переменяли их несколько раз. «Вы были в Англии и знаете, как там содержится буфет; вот посмотрите, какая вода в бутыли; она накрыта новой чистой дощечкой». В коридоре жили семинаристы; у каждого был свой номер; они были совершенно свободны после обедни, где они составляли препорядочный хор и пели простым напевом. Граф вывез дьяка

[133*] опытностью

из Иерусалима; это был такой чтец, что мог только сравниться с дьяком им⟨ператора⟩ Павла Пет⟨ровича⟩; слова выкатывались как жемчуг. После обедни пили чай в длинной гостиной; его разливала Софья Пет⟨ровна⟩ Апраксина, которую граф звал Фафка, а она его Зашу. Графиня засыпала; подавался чай, кофий, шоколад, крендели и сухари всякого рода из Немецкой булочной на Кузнецком мосту. В гостиной стоял рояль и развернуты ноты, музыка все духовного содержания. Графиня была большая музыкантша; по левую руку этой гостиной была ее спальня, ⟨кровать⟩ посреди комнаты, с чисто подобранными одеялами и простынями, чтобы не касаться ничего пыльного. За этим была комната Кальяны, наперсницы ее причуд, и стоял некоторый мебель, который играл большую роль в доме: его мыли в трех водах и выставляли на чистый воздух, а горшок или выпаривали, или покупали новый. Графа называли Еремой, потому что он огорчался безнравственностью и пьянством народа и развратом модной молодежи; он нарочно ездил к Оверу, который ему сказал, что Диоген, встретив идиота, сказал ему: «Несчастное дитя, отец твой был пьян, когда мать зачала тебя». Граф тогда возился с монахами Греческого подворья, бегло читал и говорил по-гречески; акафисты и каноны приводили его в восторг; они писаны стихами, и эта поэзия ни с чем не может сравниться. В псалмах были темные места в славянском, как и в греческом переводе; они и теперь не исправлены. Только один английский перевод ясен; но я полагаю, что Тиндаль или был хорошо знаком с еврейским языком, или вложил в уста царя Давида свою собственную мысль.

Графиня принимала по вечерам с семи часов. Серафима Голицына им читала вслух какую-нибудь духовную книжку, а через день приходил греческий монах и читал также. Графиня засыпала и на русский день. «Как я люблю греческий звук, потому что граф это любит; и вас я люблю, потому что он вас любит. Мы благодарны Гоголю за ваше знакомство». Все эти Толстые оригиналы, а более всех Сергей Петрович, неразлучный со своим камердинером Иваном. За границей они меня тешили. Раз в Люцерне погода стояла премерзейшая. Mont Pilate утопал в густом сером тумане, дождь лил ливмя. Пурталес приходит и говорит мне: «Александра Осип⟨овна⟩, знаете ли, кто здесь?» — «Нет».— «Граф Толстой с Иваном; они обедают в table d'hôte». Толстой прибежал на минуту и сказал, что спешит показать Ивану ce lion [134*] de Lucerne. Иван остался недоволен; дураки не хотят признаться, что бог их спас, а не их львиная храбрость. «Меня,— говорил Толстой,— жена послала сюда, потому что я не был на Пилате, где Суворов отличился. А что вы скажете о новом догме?» — «Паганство» [135*],— отвечала я.— «А я говорю, что божию матерь за заслугу произвели в следующий чин». В Москве славянофилы рассуждали о браке и чистоте, которой требовал этот юнец. Да, надобно быть девственником, чтобы удостоиться быть хорошим супругом; где тут девственник, нет ни одного! «Я»,— отвечал Константин Сер⟨геевич⟩ Аксаков. «Ну, позвольте же мне стать перед вами на колени»,— и точно стал на колени, низко поклонился, перекрестился, а по-

---

134* этого льва

135* От *фр.* pagane — язычник.

том сказал: «А теперь позвольте вас поцеловать». Брат Лев Арнольди рассказывал все его проказы, которые он делал, бывши губернатором. Раз он поехал в уездный город и пошел в уездный суд, вошед туда, помолился пред образом и сказал испуганным чиновникам, что у них страшный беспорядок. «Снимите-ка мне ваш образ! О, да он весь загажен мухами! Подайте мел, я вам покажу, как чистят ризу». Он вычистил его, перекрестился и поставил его в углу. «Я вам изменю киоту,. за стеклом мухи не заберутся, и вы молитесь; все у вас будет в порядке». Ничего не смотрел, к великой радости оторопелых чиновников; и с чем приехал, с тем уехал и, возвратившись, рассказал жене, что все там в порядке. Я думаю, что такие губернаторы лучше тех, которые все принимают en sérieux [136*] и всякое лыко в строку. Подольский губернатор Гессе [101], устарелый в чиновной жизни, очень удивлялся, когда молодые губернаторы жаловались, что они завалены делами. Когда ему приносили чепуху губернского правления, он писал на стороне: «Отвечать по материи». Другой губернатор, Вронченко в Саратове, водил государя Александра целый день. Этот был тип Манилова, исполнен благоволения. Представив чиновников государю, каждому выпевал или тропарь, или кондак. Вот это сам председатель такой или такой палаты, и это вот наш совестный судья, олицетворенная правда. Потом он водил безмилосердно государя по гуляньям и в беседку. «А тут,— говорил он,— собирается наша молодежь играет ⟨в⟩ невинные игры, а оркестр играет веселенькую музыку». Тут Алек⟨сандр⟩ П⟨авлович⟩ не утерпел и послал губернатора покоиться на лаврах благоволения.

Александру Пав⟨ловичу⟩ напрасно сделали репутацию либерала. Это все эта бездельница Staël, султанша мысли, как ее прозвал Гейне, когда она ему приписала известные слова: «Je ne suis qu'un accident heureux» [137*]. Когда Основьяненко был губернатором [102] в Калуге (он находился в штабе у Барклая и накрал богатое состояние), императора задержали на спуске пригорка. 8000 мужиков работали ночь и день, клали хворост и засыпали песком и щебнем, но неумолимый дождь смывал весь труд к утру. Приехавши в назначенную квартиру, он жаловался на остановку. Основьяненко отвечал: «8000 работали день и ночь».— «Милостивый государь, 50000, когда ожидают государя». На маневрах князь Лопухин переврал его приказания и, возвратившись, рассказал, что сделал. «И я дурак, что вас послал»,— был грациозный ответ. Вот тебе и либерал и gentleman с уточненным обращением!

Никто не знает, какую тревогу поднимает приезд царя. Губернатор рыщет по городу с полицеймейстером верхом, и все в галоп, дома белят, заборы облекают в серую краску, гарнизонная команда облекается в новые мундиры, артиллерия ⟨слово пропущено Смирновой⟩ порох по Московской улице, выстроенной из драни и досок, губернатор и полицеймейстер распушили Тушина, начальник умнейший, дурак, посадил его под арест. Остановили езду извозчиков, подобрали драгоценное орудие смерти и пожара и успокоились. Крыши красили зеленым и красненькой краской, звонили в

136* всерьез
137* Я лишь счастливая случайность.

колокола, делали репетицию, архиерей написал краткое, но выразительное слово приветствия жданному и желанному царю, и потом уж только молились и говорили: «пронеси, господи, грозу!» Даже у Александра Ив⟨ановича⟩ Яковлева и у Николая Алекс⟨еевича⟩ Писарева переколотили мебель, расставили ее чинно по стенке, детей принарядили, и все приняло необычный строй. Я уверяла мужа, что государь не приедет, что это сказал сам великий grand pontife [103] [138*] Ченсловскому. Этого господина 8 лошадей ждали неделю. Шутка — 8 лошадей, тогда как положено назначать всего две тройки! И этот ругался и бранил всех. Губернатор выехал к нему на станцию, где он прохлаждался по дороге в свое имение Почеп. Из хохлацкого Разумовского это имение перешло к верной собаке Аракчеева, сыну чухонского мужика. Я спросила полковника Сухотина, известного умника, как Александр Павлович был в Калуге. Тогда, сказал он, губернатором был Бибиков, женатый на Муравьевой, сестре повешенного. Он сказал: продрал таким чертом, что никто не опомнился. Архиерей чуть не выронил крест на паперти, когда тот вскрикнул, мимо во весь дух. Вот его обращение. Бибиковский дух его гнал, она, однако, из предосторожности поехала в Москву. Бибиков был лучший губернатор, очень умен и сведущ. Тотчас после его отъезда его перевели в другую губернию и назначили приторного Унковского. Он и жена его крали в четыре руки; она завела приюты, сиротский дом, прослыла матерью вдов и сирых и удостоилась получить благодарственный рескрипт имп⟨ератора⟩; а Иларев, секретарь добродетели, получил Анну в петличку. Эта заманчивая штучка его не покидала в постели, как говорили les méchantes langues [139*]. После счастливого обхода государем Калуги дождь смыл серую краску; после крыши, крытые какой-то странной, зато дешевой краской, стали похожи на вытертую енотовую шубу. Чиновники успокоились, надели старые сапоги с заплатами, а кто с дырками, начались пикники и théâtres de société [140*], в которых девица Корпиловская с Машкой, которая всегда кстати умела выбрать чайное местоположение, и госпожа Еленева; супруг сей последней был чиновником губернского правления, известный Фаня; по причине супружницы он пользовался благоволением губернатора и уважением всего города; он мог даже покупать все в кредит у рядовичей. Щедрый губернатор все платил, у его жены явилась даже красная турецкая шаль с иголочки. Великий Семен Яковлевич Унковский, которому правительство поручило воспитание благородного калужского дворянства, сделал сослуживца Яновского начальником губернской гимназии. Унковский приносил моим детям краткую географию, из которой они узнали, что бог тоже сотворил чернокожих людей, хотя они не трубочисты. Иван Давыдович Делянов называл Семена Яковлевича калужским Песталоцци. У него был странный дормез, висящий очень высоко, качался, как люлька, а окна были с переплетом, как в домах. Подобных окон я помню только у старухи Гангебловой под Балтой. Карета была красная, а моя тетушка была синяя; она так и слыла «синей тетушкой», в этой странной

[138*] первосвященник. Игра словом pontife — строитель мостов. Имеется в виду гр. Клейнмихель.

[139*] злые языки.

[140*] любительские спектакли

карете она помещалась с своей девкой, бубликами и коржиками в карманах дормеза. Карета Унковского уцелела после нашествия пугала сивилизации. Именье Унковского было на берегу Угры, которую называют поясом Богородицы, потому что ни татары, ни Литва никогда не переплывали эту реку, которой вид вселяет какой-то грустный страх. Домик Унковского имеет характер камер-каюты; мебели казались будто прибитыми; фамильные портреты висели по стенам: многие из рода Тургеневых. У него были две дочери: меньшая — Душа, была кроткая и приятная девица. Старшая вышла замуж за Кабрита, которого отец был постоянно пьян, что весьма некстати для председателя казенной палаты. Он покрал большие деньги и подвел под пьяную руку; «а у Кабрита кубышечка полна, а этого никто не знает».

Ивану Серг⟨еевичу⟩ как-то попался журнал губернской девицы. На рыбака рыба. Между прочим, она писала: «Вчера на балу губернатора был особенно мил чиновник акцизного стола ко мне; а Лев Ив⟨анович⟩ был просто душка»[104], и все так от доски до доски. Ах, губернские барышни! Как вы милы, вы приезжаете на бал с стоптанными башмаками, которые привязываете грязной ленточкой то и дело, чтоб идти в уборную губернаторши, где берете ее гребни, помаду, духи и одеколон; даже просите ее старых башмаков, и все это чтобы потанцевать с пробирмейстером Бранденбургом или с Петром Петр⟨овичем⟩ Гильфердингом, а может, о счастие, с красивым Александром Кояндером, а может быть, с Жабовым. Жабов представлялся утром губернатору; получил уже приглашение с условием, что будет танцевать с его женой, и сам себя рекомендует. Вообразите мое удивление, когда подошел ко мне высокий мужчина, такой смуглый, что можно было подумать, что он вылез из трубы. Ровным шагом он подошел ко мне, храбро, как жандарм, и громовым голосом высказал мне свой служебный титул: «Честь имею представиться, жиздринский посредник ротмистр Жабов». Сестра моя Оболенская у меня гостила. Ей представили одного офицера. Она его спросила о его странном прозвище. Он тотчас отвечал по-французски: «Je suis officier de bois»[141*], а поскользнувшись, сказал: «Le plancher est très scolsant»[142*]. Ужин был накрыт в столовой, закуска исчезла как магическим жезлом. За ужином подавали холодное мясо, телятину, обливную рыбу с желеем, на заедки и десерт были слоеные пирожки, груши, яблоки. Их барыни ели с кожей и, танцуя, укусывали, а потом кавалер, милая обмена нежностей. На этом вечере случился скандал. Высокий Александр Кояндер танцевал вальс с какой-то толстой барыней. Губернатор очень старомодно вертел Еленеву. Произошла карамболь, и толстая барыня очутилась на паркете. Очень рассерженная таким пассажем, она на другой день говорила, что губернатор ей подставил ножку. Я очень любила наши немые разговоры с братом Львом и Аксаковым. Я сидела на диване. По правую руку сидела губернская предводительша Квашнина-Самарина, по левую какая-нибудь власть, напр., Зыбина, которую звали Дракон. Это прозвище шло как нельзя лучше к ее характеру.

141* Я — лесничий.

142* Пол очень скользкий. От слова «скользкий» произведено будто бы французское слово «scolsant».

На флангах желонер Бюргер, буфетчик, расставлял кресла казенным порядком. Тут рассаживалась по порядку председательша гражданской палаты Александра Ив‹ановна› Писарева; за ней для исполнения ее поручений — ***. Он принимает вид скромного обожателя, облокачивается на ее кресло и качается на одной ножке. Рядом с нею сидит Анна Ефимовна Яковлева, председательша уголовной палаты, и последнее кресло вмещает купчиху Квасникову, тучную бабу, скромно закутанную в купавинскую шаль. У нее глаза как у выдры; бриллиантовые сережки. Ее некрасивая дочка всегда в розовом креповом платье, в новых белых атласных башмаках. За ними ухаживает Nicolas Родкованцев, которого французскими буквами написали Nicolas Подкованцев. У Квасниковой расстроены нервы, она от этого принимает холодные ванны и пилюли. Здоровье ее поправилось в Воронеже. В Калуге было много раскола и молельщиц. Мерзости этих тайных эмиссаров, интриг, играющих ту же роль, что иезуиты в Испании. Но перейдем к нашему аристократическому обществу. Аксаков говорил: «Посмотрите на Анну Ефимовну, строгое добродетельное выражение ее серых и пронзительных глаз. Она сидит в своем кюриловском кресле с коронным беретом и белым пером. У нее что-то наполеоновское в походке». А Клементий Осип‹ович› говорит: «Посмотрите на Бюргера, как он серьезно подходит с серебряным подносом или пондосом,— как говорила или говорит племянница Clara Россет своей няне Паскали Rose; она ее звала: Паналь: «Барыне всегда подают на пондосе». С Аксаковым та же тетушка Цицианова была в беспрестанных спорах. Однажды она его спросила: «Как вы едете в Москву?» — «Я всегда езжу на Пахру, короче» и рассказал, что там водится нехорошее. Она его прозвала «Два слова, или Ночь в аду», известный балет с пантомимой. На даче я с ним один раз в присутствии Левы назвала его чурбаном и выгнала из дому, запрещая ему являться ко мне, кроме балов и официальных приемов. Он написал прекрасные стихи:

Вы смущаетесь легко,
И вашу мудрость, вашу веру
Теперь я понял глубоко.

А в конце:

Недостойное начало порчи
Вам в душу проникло и проч. [105]

Я тотчас послала эти стихи Плетневу в «Современную газету», в которой была страшная пустота. Иногда явятся, бывало, стихи Лермонтова, и печатался «Портрет» Гоголя. Меня поразил этот талант, и я спросила Плетнева, кто автор этой nouvelle. «Неужто вы не узнали? Это последнее произведение Гоголя». Аксаков оскорбился тем, что я не оскорбилась его посланием, и написал другое, не хотел их списать для Левы. Они кончались словами: «Я забыл, что дама вы блистательного света», это было у автора самым колким упреком, Лева их затвердил после вторичного чтения и мне их сообщил, а я Аксакова благодарила и сказала: «Второе послание лучше первого». «Бродяга» уж был окончен [106]. Несмотря на нашу комическую ссору, он сам ее читал, и мы все были в восторге. Не знаю, почему

Аксаков ее не перепечатывает. У нас такой неурожай в беллетристике, что, пожалуй, хоть приниматься за Тредьяковского, Кострова и Измайлова. Можно присоединить Федорова и Сумарокова с Озеровым. Не шутите Озеровым: его трагедия «Дмитрий Донской» удостоивается представления на театре gala. Скука одолевала всех, кроме райка. Каратыгин рычал, а Толченов каким-то басом мычал. Раек неистово аплодировал и вызывал: «Толченого! Толченого!». Он являлся в хламиде, сандалиях и кланялся на все четыре стороны, прижимая руки к сердцу. Александр Карамзин очень хорошо передразнивал Толченова. Константин Аксаков напечатал тогда трагедию «Прокопий Ляпунов»[107], которая произвела фурор в Москве, особенно когда начиналось в конце трагедии славление. При колокольном звоне славили нараспев: «Славен город Москва, славен город Владимир», и так все древние русские города.

Перед отъездом Аксакова он там читал свой capo d'opera[143*] критики: «Утро в уголовной палате». Тут представлен Александр Ив⟨анович⟩ Яковлев среди его забот о румянах, белилах, башмаках и наряде актрис нашего губернского театра. Тщетно представляли его товарищи, что надобно подписать бумагу о преступнике, который уже высидел 10-ть лет в остроге, что конечно пытка хуже путешествия по пешему хождению в Сибирь. Он повторял: «Иван Серг⟨еевич⟩ времени нет»[108].

На прощание Аксаков меня спросил, что ему делать: продолжать ли авторскую карьеру, или продолжать службу в Москве, где ему предлагали место председателя уголовной палаты? Я ему отвечала: «А как вы думаете, спросил ли бы Пушкин, какую карьеру ему выбрать?» И так я решила судьбу Аксакова, о чем не жалею, потому что он не может ничего печатать без строжайшей цензуры. В Петербурге Аксаков перешел в министерство внутренних дел чиновником особых поручений и был послан по раскольничьим делам в Ярославскую губернию и в Бессарабию, где притон некрасовцев и завязка подлейших интриг с Австрией и греческими свергнутыми архиереями. Он надеялся получить много сведений у преосвященного Иринарха, сосланного туда из Риги; но тот ему сказал: «Мне запрещено входить в дела порученной мне епархии». Русские чиновники ничего не ведали, не знали, но полковник Чуди, родом из Швейцарии, сообщил ему сокровища сведений. В Петерб⟨урге⟩ Аксаков взял квартиру на Литейной с Самариным и Александром Ник⟨олаевичем⟩ Поповым. Я была больна, жила на Вшивой Бирже, в доме Вилье. Эти господа часто ко мне ходили. Со мной жили Елизавета Ив⟨ановна⟩ Леонтьева, девушка Федосья, страшная пьяница, и прекрасный человек Николай. Письма Самарина об остзейских провинциях были уже всем известны[109]. Они затрагивали дурака Суворова, и эти умники с Паниным, женатым на чухонке Тизенгаузен, решились представить государю. Летом в Павловске мне их дал Барановский, и граф Киселев просил меня дать их ему на три дня, прочел их и был совершенно согласен со взглядом Самарина. В городе была холера. Я постоянно страдала желудком и лечилась у Фогт, часто оставалась без денег: у Ник⟨олая⟩ Мих⟨айловича⟩ был обычный беспорядок в высылке моего

143* шедевр (*ит.*)

месячного содержания. Я просила Самарина дать мне 1000 р. ассигнациями взаймы. Он отвечал, что завтра же он пойдет к своему банкиру. Прошло три дня, а об нем не слуху, ни духу. Я, наконец, послала своего личарду к нему. Он вернулся и говорил, что Самарин исчез, поехал в виц-мундире на вечер, но что приехал фельдъегерь и сказал, чтобы он сперва заехал в министерство. Извозчики между собой толковали, и его кучер сказал, что ждал барина до двух часов у подъезда и, соскучившись, вернулся домой. На другой день приехал Андрей Карамзин. Я лежала на диване. Он спросил о здоровье. Я сказала: «плохо».— «Еще бы, после этого несчастия!» Под влиянием страха от холеры я сказала ему: «Неужели Самарин умер?» — «Нет, но он пропал без вести. Дмитрий Оболенский, Веневитинов, Карамзины и я, мы рыщем по городу целых три дня и ничего не узнали. Сам Перовский ничего не знает, а фельдъегерь молчит, как гроб. Наконец, Оболенский поехал в крепость к коменданту, добрейшему генералу Набокову, и узнал, что он в флигеле получает содержание из дворца, в светлой комнате, но отняты всякие ножи, бритвы. Его посещает Баженов, духовник государя, странный иезуит, bastard[144*] и мерзавец». Таков уже удел царей, что от духовника до министров все и всё их обманывают. Ко мне приехал рыжий барон Мейендорф, еще до заключения Самарина, и сказал мне с злобной улыбкою: «Кто-то будет плакать!» Подлец, немец, — подумала, но не смутилась и не огорчилась. Две недели просидел Самарин в своей светелке и не имел позволения писать родным. Вести сообщал Дмитрий Оболенский то по почте, то по оказии. Наконец, его выпустили и повезли прямо во дворец и в кабинет государя, который обошелся с ним весьма милостиво[110], велел ему ехать в Москву. «Я сам назначу вам место, потому что к пасхе мы все едем в Москву». В промежуток взяли Аксакова[111], который принес смелые бумаги со стихами. Его повезли в Третье Отделение, где он беседовал с горбатым шпионом Зайцевым. Ему дали книги, бумагу и перо и спросили, почему его брат не любит Петербурга. «Ведь вы читали его письмо, так зачем спрашиваете?» Константин Серг⟨еевич⟩ ему писал: «Приезжай к нам в Белокаменную; ненавистен этот побочный город, прижитый с Западной Европой». Аксакову приказали изложить письменно свои мысли; он написал шесть листов своим ровным, резким словом и почерком; тогда уже его называли: «и закален в борьбе суровой»[112]. Брат Клементий говорил: «Россия вовсе не просит вас заботиться о ее участи; она живет себе под железным игом Ивана Васильевича Грозного, человека храброго, но серьезного». Без шуток, Фирс Голицын видел на всех станциях картинку, как мыши кота погребают, и другую, тщательно прибитую гвоздиками: портрет Ник⟨олая⟩ Пав⟨ловича⟩ в белых штанах, ботфортах, и Андреевской кавалерии и с вышеупомянутой надписью.

К празднику Пасхи вся царская фамилия поехала в Москву. Славяне собрались к обеду, пили здоровье государя и целовали друг друга с поздравлением, что их вождь Самарин — между ними; они не подозревали, что все люди были шпионы, клевреты подлеца Закревского, Чурбана-паши,

---

[144*] незаконнорожденный

как его называл весь Петер⟨бург⟩. Он передал Орлову, будто славяне пили здоровье государя в насмешку. Вследствие этого гнусного доноса Самарину велено было ехать в Саратов, где губернатором был князь Черкасский, дед Владимира Алек⟨сандр.⟩, и супруга его, урожд. Алябьева[112а]. Самарин зажил губернской жизнью, танцевал на балах в вицмундире и белых перчатках, даже приволакивался кое за кем, но никогда не приглашал жандармской полковницы, сентиментальной дамы. Муж ее донес это Орлову; такую манкировку сочли за знак неповиновения и перевели его через два месяца в Киев под железную руку Дмитрия Гавр⟨иловича⟩ Бибикова. С Черкасским он ладил: рыбак рыбака видит издалека, а москвич москвича. Черкасский говорил и писал только округленные фразы в таком роде: «Надобно, чтобы все население исполнилось не рабской, а детской любовью к царю, чтобы поняло законность требований правительства». Одним словом, это был человек с новыми тенденциями. В Киеве он не ездил к полякам. Тимашев командовал кавалерией, и он проводил все вечера у Тимашевых; его жена Пашкова была милое и кроткое существо, занималась детьми и хозяйством. Из Киева Самарин писал часто то комические письма, то серьезные, рисовал карикатуры, между прочим, председателя гражданской палаты Самарина, пузатого и приземистого господина; он говорил, что некто поляк Култюженский так танцевал мазурку и польку, что он советовал ему ехать в Петер⟨бург⟩: «Там вас сейчас сделают камер-юнкером, позовут во дворец на балы, и карьера ваша в шляпе». Но благоразумный поляк остался в Киеве. Всем известно, что умный Бибиков жил с женой Писарева, правителя его канцелярии; этот брал взятки беспощадно. Брат Клементий тоже был в Киеве; в это время вводились, и очень справедливо, инвентари в южных польских губерниях; брата послали в Подольскую губернию, помещики переполошились, но успокоились, увидав приятного и светского чиновника. Польские помещики во сто крат хуже русских. Когда он серьезно принялся за дело, то Грохольский, из жидов, предложил ему большие деньги; но как это не взяло, то хотели подсунуть ему любовницу: но убедились, что и это тщетно. Самарин часто посещал киевского митрополита, который был совершенно как невинное дитя. На экзамене в университете профессора и студенты хотели подшутить над ним и читали очень долго о значении конкубин в Греции; наскучив повторением слова конкубина, он вздохнул и сказал: «Ну, довольно о конкубинах, а вам, молодежь, советую обходиться без них». Духовенство тогда переписывалось через ходоков. С Амфитеатровым Юрий Ф⟨едорович⟩ написал мне длинное письмо или вернее диссертацию о наших киевских отшельниках, Феодосии Печерском и пещерах. Это письмо у меня в сохранности. Самарин ехал с Бибиковым в Москву и рассказывал, как он мучил бедного смотрителя школы, точно как будто муху жарил на свечке. Это было очень гадко, и слова, что «теперь один пан ездит на шести лошадях, а я добьюсь, чтобы шесть панов ехало на одной лошади». Такие речи раздражали поляков, а в конце результаты были грустные и кровавые; все держалось при покойном имп⟨ераторе⟩. Во время Крымской кампании в западных губерниях стояло 200 000 войска, которое было заражено страшным тифом по причине сырости среди польских болот. Для защиты Пе-

тер⟨бурга⟩ оставался: флот, по одному баталиону гвардейских полков и милиция Пет⟨ербургской⟩ и Новгородской губерний, да еще финские стрелки. Гродненские гусары занимали Финляндию, впрочем, совершенно покойную. Щербатов и Самарин были по выбору назначены полковниками своих милиционеров. Юрий Фед⟨орович⟩ мне писал, что чурбаны гораздо лучше и приличнее дворян. Андрей Трубецкой с Соней и Шуваловы жили в Ямбурге. Ник⟨олай⟩ Мих⟨айлович⟩ ездил тогда с Ольгой к ним на недельку; жара стояла невозможная, а ночи были прехолодные, так что муж мой должен был закутать Ольгу своей шинелью. Соня так страдала от жары, что они должны были сделать сторы из соломы и обливали их холодною водой.

Когда бедный наш государь так огорчился, когда увидел неприятельский флот под Кронштадтом, то с ним сделался второй нервный удар. Первый случился, когда Орлов приехал из Вены после вероломного и двусмысленного ответа австрийского имп⟨ератора⟩. Всем известно, что имп⟨ератор⟩, будучи в Вене, обещал престарелому Францу II-му поддерживать его внука; он сдержал слово в 1848 г., когда революция грозила совершенным разрушением Австрийской империи. Страшен был 48-й год[113]: искра, упавшая из Парижа, разлила пламя в Италии и объяла всю Германию. Мне рассказывала графиня Редерн, жена прусского министра в Дрездене, что она выехала тайком ночью из Турина, бывши на сносях, и переехала Mont Cenis ночью; везде по дороге встречали ее неистовые клики. Во Франкфурте на баррикаде бесился князь Лихновский с возгласами: «Freiheit, Bruderschaft»[145*]. Жуковский сидел в соборе, когда Лассаль и подобные подлецы курили и произносили страшные речи; в Вене был убит бедный и честный патриот Латур; разносили листочки, где сулили большие деньги за голову diesen Halunke[146*] Меттерних, и тот уже катил по железной дороге в своем дормезе, обшитом циновками, с своей верной подругой. Они с трудом достали стакан воды от доброго кондуктора, который приложил палец ко рту и не хотел принять денег. В Johannensberg они жили спокойно до усмирения революции. В Дрездене дрались на улицах под командой Бакунина, он, подобно Лафайету, ехал на белой лошади. Король убрался в Кенигштайн, студенты неистовствовали в Лейпциге. Берлин представлял картину самую печальную; войска были выведены; когда они шли с строгим запрещением отвечать взбешенной черни, под Линденами их встретила чернь ругательствами и бросала в них всякий сор и камни. Солдаты шли молча и плакали; офицеры шли сдержанным шагом. Рассказали мне — барон Застров был более других огорчен. Его портной плюнул ему прямо в лицо и не дозволил ему утереть лица. Граф Альберт Пурталес рыскал по всему королевству, набирая подписку на конституцию в благоразумных размерах. В доме доктора Шпица Лассаль указывал, как es ist auch Канoне Футер[147*]. Крайняя партия делала всякие мерзости; первой ее заботой было завладеть казенными капиталами. Эти известия из Берлина привез секретарь нашего посольства Михаил Мих⟨айлович⟩ Виельгорский; выходя

[145*] Свобода, братство (*нем.*)

[146*] этого висельника (*нем.*).

[147*] Это тоже пушечное мясо (*нем.*). От *нем.* Kanonefutter — пушечное мясо.

от имп‹ератрицы›, я его встретила грязного и запыленного в Салтыковском коридоре. Я ему сказала: «Vous apportez des biscuits de Potsdam..» «Oui,— dit il,— ils sont jolis ces biscuits, vous en aurez des nouvelles ce soir» [148*]. Тогда Гримм читал имп‹ератрице› «Фауста», который ей очень нравился. Он только что принялся читать, когда послышался шаг государя. Он, скрестив руки, передал имп‹ератрице› эти грустные известия. Она расплакалась и повторяла: «Mon pauvre frère, mon pauvre Guillaume!» — «Il s'agit bien de votre poltron de frère quand tout s'écroule en Europe, qu'elle est en feu, que la Russie pourrait aussi être bouleversée» [149*]. С имп‹ератрицей› сделалась дурнота; послали за Мандтом, который остолбенел, когда узнал, что творится в его фатерланде. Государыне дали лавровые капли и aconit, ее уже тогда сильно тревожило биение сердца. Гримм стоял все у двери с «Фаустом» подмышкой. Имп‹ератор› напустился на него: «А, вы смеете читать эту безбожную книгу перед моими детьми и развращать их молодое воображение! Это ваши отечественные головы — Шиллер, Гете и подобные подлецы, которые подготовили теперешнюю кутерьму. К счастью, при детях Философов, который через к‹нязя› Петра Мих‹айловича› мне сообщил. Вы тоже им толкуете об Орлеанском королевстве и le bon roi René [150*]; я вас спрашиваю, какая нужда русским в‹еликим› к‹нязьям› знать эти пустяки?» Философов был не глупый человек, но совершенный олух, и это он говорил Гримму, что этим юношам нет никакого дела de le bon roi René; он, прежде поступления на должность наставника царских детей, был адъютантом в‹еликого› к‹нязя› Михаила Пав‹ловича›. Князь Илья Долгорукой мне говорил: «Терпеть не могу этой гнусной хари, интриган первостатейный, глаза совершенно honoberis, словно на картине».

Мы приятно проводили лето 1838 года с ним; его жена страдала нервами, я их понимала, и мы с нею сошлись на этой приятной почве.

Графиня Киселева и сестра ее Нарышкина, Рибопьеры всегда обедали в кургаузе. Я разговорилась об этих сестрах. «Софья,— сказал он,— вся начистоту, а Ольга поднесет вам яду и сама же будет бегать за противоядием». Софья Ст‹аниславовна› меня страшно полюбила [114]; после вод я приходила к ней пить кофий. Польский кофий славится. Имп‹ератрица› Екатерина выписала из Варшавы кофишенка, и придворный кофий и теперь славится. Его надо варить в фаянсовой посуде и на маленьком огне, чтобы он не вскипал. Моя хозяйка чуть продирала глаза, когда я к ней входила. Не знаю, зачем она всегда спала на полу, разве только затем, чтобы мыши, такие плодовитые в Германии, забирались к ней. Тотчас раздавался крик: «Михалина, прытко воды! Сальватор, кофий, сбегай за метелкой!» Кофий варили в серебряной кастрюльке на спирту с камфоркой; он был так крепок, что она обливала только сахар, и чашка наполнялась густыми сливками с пенками; хлеб с маслом, разное печение украшали стол. Софья Ст‹ани-

---

148* Вы привезли бисквиты из Потсдама.— Да,— сказал он,— отличные это бисквиты; вы про них узнаете сегодня вечером.

149* Мой бедный брат, мой бедный Вильгельм! — Нечего говорить о вашем трусливом брате, когда все рушится в Европе, когда она в огне, и в России могут тоже быть потрясения.

150* добром короле Рене

славовна⟩, умывши лицо и руки, надевала на рубашку черное платье и кружевную мантилью и уходила на целый день на рулетку. В три часа она приезжала за мной в коляске, и мы катались часа два. Она мне говорила: «Ma chère, vous marchez comme princesse, comme une reine; vous avez l'air de glisser sur la terre comme sur la mer. Nicolas m'a dit que d'abord c'est votre démarche qui l'a rav: il était fou amoureux de vous; j'avais beau donner des mains pour vous réunir. Il revenait le lendemain desolé de votre amicale indifférence. «Elle est froide comme une pierre; ses yeux noirs sont toujours ⟨пропущено сказуемое⟩. Pourquoi donc n'avez vous pas répondu à son amour?» — «A quoi bon? j'étais mariée; je ne dis pas non si je n'avais pas d'enfants, vu que je n'ai jamais aimé mon mari que d'amitié, mais fidèlement. Il est jaloux et me tuerait ou mourrait de chagrin, s'il savait, que j'aime quelqu'un».— «Mais, chère amie, il est très soucieux vous connaissez son histoire avec Demidoff: il devait se battre avec lui et c'est Platonoff, une de vos victimes, qui a empêché au duel aux pistolets» [151*].

Я ей болтала всякий вздор, и она мне говорила: «Si j'étais l'imp⟨ératrice⟩, vous ne m'auriez jamais quitté pour une seconde». — «Mais aussi,— отвечала я,— elle aime beaucoup mon bavardage et l'Emp⟨ereur⟩ aussi, ils rient comme des fous quand je raconte les bêtises que je faisais avec Stéphanie au Palais d'hiver et même les folies de l'Institut. J'y suis d'un soir à l'autre et comme je lis très bien, je fais la lecture. C'est moi qui va à Peterhoff en hiver pour les huit jours de l'anniversaire de la mort du roi de Prusse. L'Emp⟨ereur⟩ travaille, et je lui lis quelque roman ou des mémoires. Les romans de Georges Sand venaient de paraître; c'est l'amour d'un médecin qui est amoureux de la jeune folle, qu'il traite [115]. Elle répond à son amour, et l'imp⟨ératrice⟩ me dit: «Ma chère, comprenez, qu'elle aime un médecin. Fût-il beau comme Adonis, un homme qui vous prescrit des purges ou un lavement et qu'on paye dix francs la visite!» [152*]. Какой аристократический взгляд на любовь! Ведь любовь не рассуждает, и нынче русские барыни, начитавшись госпожи Занд, усвоили ее взгляды и таскаются по Европе с курьерами из итальянцев без за-

---

[151*] Милая, вы ходите как принцесса, как королева; кажется, будто вы скользите по земле, словно по морю. Николай мне говорил, что прежде всего восхитила его ваша походка. Он до безумия был влюблен в вас. Напрасно я старалась вас соединить. Он приходил на следующий день в отчаяние от вашего дружеского равнодушия. «Она холодна, как камень. Ее черные глаза всегда...» Отчего же вы не отвечали на его любовь? — К чему? Я была замужем... Я бы не ответила ему отказом, если бы у меня не было детей, так как я никогда не любила своего мужа иначе, как дружеской, но верной любовью. Он ревнив и убил бы меня или бы умер от горя, узнав, что я полюбила другого.— Но, дорогой друг, он очень тревожится, вы знаете его историю с Демидовым. Он должен был драться с ним, и это Платонов, одна из ваших жертв, помешал дуэли на пистолетах.

[152*] Будь я императрица, я бы никогда ни на секунду не отпускала вас от себя.— Но она тоже очень любит мою болтовню, и император также, они хохочут, когда я рассказываю про мои с Стефани глупости в Зимнем дворце и даже шалости в институте. Я бываю там почти каждый вечер, так как я очень хорошо читаю, то занимаю их чтением. Я езжу в Петергоф зимой на неделю, когда бывает годовщина кончины короля прусского. Император работает, а я ему читаю какой-нибудь роман или мемуары. Стали выходить романы Жорж Занда. Тут любовь медика, влюбившегося в молодую помешанную, которую он лечит. Она тоже его любит. Императрица мне сказала: «Поймите, милая, она любит медика; будь он прекрасен, как Адонис, но это человек, прописывающий вам слабительное или клизму и получающий по десяти франков за визит!».

зрения совести. Возвратившись в Россию, они опять верхом на приличии; потому что Николай Пав⟨лович⟩ не шутит и, пожалуй, тотчас вас забракует. Я помню, с каким трудом добилась развода девица Дудина; вышед из Смольного, вышла замуж и должна была развестись. Все приняли участие в бедной девушке. Процесс производился секретно в Синоде; тут были замешаны доктора, судьи, и, наконец, ее развели, но это было с большим скандалом. В Москве развели Пашкову с кн. Лобановым, что подняло всю Белокаменную [116]. А сегодня разводятся, опять сходятся и выходят замуж за разведенного, заткнувши за пояс слова Евангелия, точно как протестанты. Они женятся на две недели; зачем уже проходят через церемонию, не знаю; вся церемония состоит в дикой и скучной проповеди о брачной верности и святости ваших уз. Я думаю, что проповедь просто наказание за легковерные взгляды auf die Liebe in der Ehe [153*]. Они особенно приличны для Берлина, одного из самых безнравственных городов в Европе: вечером у каждых ворот вы видите старую и гадкую кухарку с жареным гусем, которым она потчует молодого и красивого солдата. Моя кухарка Каролина мне призналась, что es ist so schön, so ein frischer Militaire, er versteht was Liebe ist [154*]!

После первых трудных моих родов доктора послали меня в Берлин [117] посоветоваться с Тифенбахом и Гауке. Но Тифенбах отказался сделать мне нужную операцию и сказал, как честный немец: «Давайте мне миллион, я не сделаю ее; у меня было три дамы на руках, одна операция ⟨удалась⟩, другая осталась без последствий, а третья кончилась фистулой, что усугубило страдания». Из Петерб⟨урга⟩ мы ехали в четвероместной карете, мой муж и его сестра. Окна были покрыты рисунками. Иногда снег влетал в карету. Несмотря на это, я была весела и играла в пикет. Курьер наш Миллер, известный как самый искусный по этому делу, был очень горяч. Чухны народ милый, смирный и кроткий; ямщик был бедный чухна, у него был флюс, и щека подвязана; лошади то и дело что приставали; Миллер ударил ямщика: тот кротко отвечал: «Спасибо, душенька». Есть своего рода поэзия в этих белых полях, на которых густо растут хвойные темнозеленые деревья. Тишина, все мертво, как сама природа; она как будто отдыхает от знойных трудовых дней; с ней отдыхает и человек. Вечерком при лучине прядут бабы, припевая песенку:

Спи, малютка, почивай,
Глаз своих не открывай.
Вырастешь большая,
Будешь в золоте ходить,
В золоте ходить,
На золотом стульце,
На серебряном блюдце.
Люди будут все любить.

Этой песне я научилась у ондаровской крестьянки Марины, которая кормила Олю и, качая ее на руках, всегда пела песенку. Колыбельная песня у всех одна. В Германии поют:

Schlaf, Kinderchen, balde,
Sonnerchen scheint im Walde

[153*] на любовь в браке (*нем.*).
[154*] это так хорошо, такой молодец, военный, он понимает, что такое любовь! (*нем.*).

Sonnerchen geht mit grünem Grassen
Und sagt der guten Adini weinen lasse [155*].

Кто сочинил эту песню? Никто и все; она вырвалась из души матерей. Таковы все народные песни, оттого повторяются веками и услаждают все поколения. О, боже! Что были бы мы без песен, как бы славили Бога, его щедрое милосердие? На станции Баубен мы встретили Алексея Иван‹овича› Трубецкого, с ним был жандарм, оба были вооружены пистолетами и заряженными, за кушаком были кинжал и кистень. Трубецкой не советовал нам ехать только потому, что лес наполнен остатками повстанцев после варшавского погрома; мы посадили его в карету и дали ему рому. Мороз стоял в 20-ть градусов; мы дотащились в местечко Росинг. Жиды праздновали шабаш, везде висели канделябры ‹нрзб.› рукавов и их грустный припев наводил тоску. Мы ночевали у жидка очень гадко; постлали соломы и вынули подушки из кареты. Было так холодно, что мы не решились будить курьера, который улегся в карете, и спросили у хозяйки чайник и чашки. «А что такое самовар, и сайник, я не снаю, а есть городенька» — и принес грязную кастрюльку. Оттуда мы приехали в Юрбург, где обедали при жидах; они смотрели с удивлением на котлеты, которые приготовил нам Миллер, и жареный картофель с луком. Из Юрбурга мы приехали в Сталугин, где осмотрели наш паспорт; тут и таможня.

Меня поразил прусский официальный люд. Что за важность, какое чувство своего достоинства, все точно генерал-губернаторы! Мы ночевали в Мариенбурге у доброй старушки на чистых кроватях под красными пуховиками. Утром попали в Schloss и видели рыцарскую залу ордена тамплиеров; в ней собирался капитул, на столе и стульях розан на серебряном поле, герб рыцаря Розенберга, канцлера этого весьма могущественного ордена, который угнетал весь славянский элемент и обратил его в римский раскол. В Эльбинге была еще ночевка. Ночью нахт-вахтер трубил в рог и кричал страшным басом:

Die Uhr hat zwölf geschlagen,
Die guten Leute gehen schlafen,
Gott erbarme dich unserm etc.[156*]

Еще ночевали и, наконец, дотащились до Берлина. Сквозь тонкий слой снега зеленая травка пробивалась, на деревьях были уже почки нежного зеленого цвета, вся природа возвещала радостно приближение весны. Нам Рибопьер уже заказал квартиру в Hôtel de Russie. Нас встретили с колокольным звоном, выбежал хозяин Krieger и все кельнера. Тотчас подали чай, потсдамские сухари, масло. Эта гостиница была самая модная; в ней останавливались всякие немецкие принчики, которые льнули к Пруссии и

[155*] Спи, дитятко, скорее,
Солнышко светит в лесу,
Солнышко идет с зеленой травой
И говорит милой Адини: перестань плакать (*нем.*).

[156*] Двенадцать пробило, добрые люди идут спать. Господи! помилуй нас... и т. д. Нахт-вахтер — ночной сторож (*нем.*).

почти все служили в ее войсках. В это время жил в отеле принц Павел Мекленбургский, офицер белых улан, белобрысый урод, вечером на лестнице всегда был Knobeke, пьяный Павел Мекленбургский, муж принцессы Александрины, и его двоюродный братец кого-то прибили, и хозяин их разнимал. Вскоре я писала Вяземскому письмо с описанием моей одиссеи в юмористическом тоне. Он мне отвечал: «Ах, матушка Александра Денисовна, вся в папеньку Дениса Ив⟨ановича⟩ Фон Визина» [118].

Импер⟨атрица⟩ дала мне письмо к королю, а другое к княгине Доминике Радзивилл [119]. У нее была одна дочь Элиза, премилая и прелестная особа, и остались в живых два сына, Вильгельм и Карл; оба были женаты на принцессах Клари, которым принадлежит Теплиц. Король уже был женат на принцессе Лигниц, рожд. графине Ларис, к счастью она была протестантка. Она была маленького роста, приятной наружности; особенно хороши были ее добрые, ласковые глаза и густые черные волосы. Король был очень набожен и она тоже. До замужества, где ее встретил король, она ему сказала, что хочет себя посвятить служению Божию, как дьякониссa; но провидение определило ей быть дьякониссой отживающего короля-воина. Утром она ему читала газеты, с ним молилась и читала ему духовные книги. Ровно в 12-ть с половиной король уже катился по Линден, в светлой простой коляске крытой, в Шарлоттенбург, где в саду покоится прах его первой супруги, прелестной и добродетельной Луизы. Мраморный памятник сделан Раухом. Они обедали в 3 часа и приглашали одного из принцев и всегда пастора Эйлерта, который читал им вечером. В 8-мь часов король уже был в театре с женой, с фрейлиной и принцем Карлом Мекленбург-Стрелицким, братом королевы Луизы. Он командовал гвардейским корпусом, и в театр являлся в камергерском мундире. Король был в сюртуке без эполет. Он жил в маленьком скромном доме; налево были покои принцессы, а направо покои короля. Зала и гостиная разделяли их комнаты, весьма скромно меблированные. Король выплачивал Ротшильду и Дельмару долги, которые он сделал во время разорительных войн Наполеона. Берлин был два раза им занят. Королевское семейство жило в Мемеле в крайней бедности: не платили ни наставнику принцев Шамбо, ни гувернантке, мамзель Wildemets. Они жили подаянием имп⟨ератора⟩ Александра. Государыня Александра Фед⟨оровна⟩ мне показывала легонькую красную шаль, в которую ее закутывали в сильные холодные дни. Она берегла ее, как сокровище, в воспоминание бедственных дней ее детства. Все семейство с прислугой помещалось в 5-ти комнатах. Королева после ездила в Петерб⟨ург⟩. Имп⟨ератор⟩ встретил ее на полдороге между Стрельной и Пе⟨тергофом⟩, где ее ожидал придворный завтрак. Он накинул на ее плечи белый салоп на чернобурой лисице, опушенной черными соболями. В Пет⟨ербурге⟩ имп. Мария Феод⟨оровна⟩ приняла ее с почтением и осыпала ласками. В театре-гала все пришли в восторг и кричали: «La plus belle et la plus virtueuse des Reines, ton ennemi est vaincu, et l'univers entiere est ton ami fidèle» [157*].

[157*] Самая прекрасная и добродетельнейшая из королев, твой враг побежден и вся вселенная — твой верный друг.

Это все я прочла в книге Rémusat[120], в Торкей, перевела эту книгу и дала перевод сыну нашего священника Попова, дьякону Василию Попову. Не знаю, напечатали ли этот отрывок. Потом я перевела записки Grallet de Monpellier, который из фанатика римской церкви поехал на юг Америки и там сделался квакером. В Лондоне он узнал, что после войн имп⟨ератор⟩ Александр, окруженный в Лондоне знаками величайшего уважения и признания за его смиренность во время Парижского Конгресса, не обращал внимания на эти тщеславные знаки. Через своего посла князя Кристофера Ливена он отыскивал квакеров под предлогом осушения болот вокруг Петербурга и по дороге в Царское. Герцога Глостера, единственного добродетельного человека в большой королевской фамилии, уже не было в живых, он умер в 1810 г.; но общество распространения Библии уже процветало. Тюрьмы понемногу преобразовывались. Квакерша госпожа Фрей, первая женщина после многих столетий совершенного равнодушия, первая она переступила за порог женского отделения в страшной тюрьме Ньюгета. Полицейские служители долго не хотели ее пустить в эту страшную комнату. «Я войду с Богом и словом утешения»,— отвечала эта мужественная женщина. В ее биографии, написанной ее племянницей, рассказаны все ее христианские подвиги. Она была в Ницце в 1842 году, в мою бытность в этом городе. Граф де Местр, тогдашний генерал-губернатор, истинно хороший христианин, но фанатик, как и его отец Иосиф де Местр, наделавший столько шума и тревоги в нашем петербургском обществе обращением или совращением, наследовал фанатизм, принудил госпожу Фрей оставить Ниццу. M-me Money, рожденная ⟨...⟩, после разнообразных тяжелых испытаний пришла в ⟨...⟩ и рассказывала мне много подробностей о г-же Фрей. Они были близки — она и M-me Money. Он и госпожа Фрей знали друг друга. В Париже, при Луи XVIII, они встретились на большом вечере у министра Passy, лучшего из либеральных министров либерального министерства. Общество собралось ранее обыкновенного, потому что знали, что m-me Фрей не любила поздних часов. Huissier[158*] постоянно называл входящих гостей; наконец, он отворил дверь и сказал с особым ударением: «Madame Frey!» Все как бы по уговору ⟨встали⟩. Многие ее видели в протестантской церкви Rue de... и были тронуты ее простыми молитвами ex tempore и ее проповедями. Она вошла тихо, просто, поклонилась и протянула руку хозяину. Она была высокого роста, довольно худа, одета в светло-лиловое атласное платье, немного длиннее сзади, что придавало необыкновенную majesté[159*] ее походке. Волосы, просто и гладко зачесанные, были покрыты тюлевым чепчиком с рюшкой и подвязаны узенькой белой ленточкой; белый барежевый шарф был приколот на плечах, белые перчатки оканчивали этот простой туалет. «Elle montait,— говорила Mr. Money; — comme notre Seigneur au mileu de la pharisiens, sérieux, élégante et de toute ce que la mode apprêtée a de plus nouveau: Ce visage calme, sérieux et digne, avec l'expression d'une douce bienveillance! En m'apercevant elle me tendit les deux mains et comme elle vit des larmes dans mes yeux elle me dit[160*]:

158* Привратник

159* величественность

160* «Она поднималась,— говорила мадам Моней.— как Спаситель среди фарисеев,

БАДЕНСКИЙ РОМАН

⟨ОСНОВНОЙ ТЕКСТ⟩

О память сердца, ты сильней
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней [1].

После моих вторых родов я была очень больна. Доктора послали за границу. В Берлине знаменитый врач д-р Горн сказал, что расстройство моих нерв, страшные бессонницы и *idées fixes* зависели от расстройства моей печени и приказал мне пить Мариенбадские воды. Я встретила там много русских, между прочим в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ Михаила Павловича, и почувствовала большое облегчение. Зиму мы должны были провести в Париже, потому что я хотела лечиться омеопатией. Между тем в Берлине я сделалась беременна, и берлинский акушер советовал мне провести последние месяцы в Баден-Бадене. В Дармштадте я уговорилась с знаменитой акушеркой M-me Heidenreich von Syboldt. После несчастных родов английской принцессы Ellen на герцогиню Кентскую напал такой страх, что она решилась выписать M-me Heidenreich в Лондон, и она приняла ныне царствующую королеву Викторию [2].

В Дармштадте я нашла старую приятельницу, жену французского министра M-me Lagrené, рожденную Дубенскую, бывшую фрейлину в⟨еликой⟩ княгини Марии Николаевны. Они жили очень счастливо: она кормила свою старшую дочь Gabrielle, она очень умно подчинялась всем желаниям мужа, который получил классическое образование у иезуитов, и первым делом его и первая забота — перевести ее в римско-католическую церковь. Это меня, воспитанницу отца Михайла Наумова [3], столько же удивило, сколько огорчило, что, впрочем, не изменило наших дружеских отношений, и до сих пор присутствующих. M-me Heidenreich сказала мне, что она советует мне взять десять ванн в Баден-Бадене, где был хороший д-р Гугорт. Последний советовал нам взять квартеру на пригорке, в доме *г-жи Chezey*, читательницы многих романов во вкусе Каролины Пихлер и Коцебу. Она была очень образованная и начитанная дама.

Комната моя была завалена пеленками, фланелью, и я дошивала последний *wrapper* [1*] для ожидаемого гостя. Шесть недель был последний срок. Я никого не знала в Бадене и никого не искала. Человек отворил дверь, и вошла, к моей радости, графиня Юлия Строганова.

— Chère Comtesse, quelle surprise et comme je suis contente de vous voir!

— C'est bien réciproque, chère amie. Sans vous demander la permission je vous amène notre petit ami Mr Nicolas Kisseleff, premier secrétaire de l'ambas-

---

серьезная, элегантная, во всем, что вычурная мода может предложить нового. Это спокойное, серьезное и достойное лицо с выражением мягкого благоволения! Увидев меня, она взяла меня за обе руки и, увидев слезы у меня на глазах, сказала мне: ⟨на этом текст варианта обрывается⟩.

[1*] Зд. пеленку (*англ.*)

sade de Russie à Paris, au reste il est l'ami de tout le monde, il est si bon et si aimable que tout le monde l'aime.

— Ma chambre est si encombrée, que je dois vous faire une place auprès de moi — и, обратившись к Киселеву, сказала ему:

— Charmée de faire votre connaissance.

Je déchirais de la flanelle.

— Comme vous êtes impatiente, Madame [2*].

— Mais on déchire toujours la flanelle.

Nos yeux se sont rencontrés et tout les deux nous avons légèrement rougi.

La Comtesse a dit: « Oh, elle sait tout, c'est elle qui a fait les layettes de ses deux jolies jumelles; elle joue parfaitement bien du Piano et passe des heures à jouer à 4 mains avec son ami le Prince Odoéffsky, la musique classique de Beethoven. Elle chante d'une petite voix douce et toujours juste des romances».

— Chère C‹omte›sse, à vous entendre je possède tous les talents — et ils sont très médiocres, je vous assure, Monsieur.

— Mme a des jumelles? Puis-je les voir, j'aime tous les enfants.

— Mr, est-il marié? [3*]

Il rougit et me dit: «Quand on n'est qu'un pauvre employé sans fortune, on ne peut pas se donner cette position».

— Certainement, j'en suis très fière.

J'ai apporté Oly dans mes bras et Dikinson apportait Adini.

— Quelle imprudence, Mme, dans votre état! — et il la prit dans les bras; nos yeux se rencontrèrent et nous avons encore plus rougi.

— Il est vrai qu'elle est bien soigné pauvres petites.

Oly me dit: «Lola, wer ist dieser Herr?» — «Kisseleff».— «*Kilivoff*». Et Adini dit: «Kilivoff».

La Comtesse s'est levée pour partir et je lui ai assuré que la colline de Dome Chezey me fatiguait et que nous démenageons aujourd'hui dans la maison Durcholz et que je serai aussi plus près d'elle et de Cléopâtra Troubetzkoy [4*]. Je me

---

[2*] Дорогая графиня, какой сюрприз и как я рада вас видеть.— Взаимно, дорогой друг. Без вашего позволения я привожу вам нашего доброго друга, г. Николая Киселева, первого секретаря русского посольства в Париже; к тому же он всеобщий друг, он так добр и любезен, что все его любят.— Моя комната так загромождена, что я должна просить вас сесть возле меня... Очень рада с вами познакомиться.

Я разрывала фланель.

— Как вы нетерпеливы, мадам.

[3*] — Но фланель всегда рвут.

Наши глаза встретились, и мы оба слегка покраснели.

Графиня сказала: «О, она знает все, это она сделала все приданое для своих хорошеньких двойняшек; она прекрасно играет на фортепиано и целыми часами играет в четыре руки со своим другом, князем Одоевским, классическую музыку Бетховена. Она поет романсы нежным голоском и всегда верно».

— Дорогая графиня, послушать вас, то я обладаю всеми талантами,— они очень посредственные, уверяю вас, мсье.

— У мадам есть близнецы? Можно мне их посмотреть? Я люблю всех детей.

— Мсье женат?

[4*] Он покраснел и сказал мне: «Когда ты лишь бедный чиновник без состояния, ты не можешь себе этого позволить».— Конечно. Я этим очень горжусь.

Я принесла на руках Оли, а Дикинсон несла Адини.

— Какая неосторожность, мадам, в вашем положении! — И он взял ее на руки; наши глаза встретились, и мы снова покраснели.

tournais vers Kisseleff et lui dit: «Et vous, où logez-vous, Kisseleff?» (chose qui ne se dit pas à première vue).

— In «Die Rose», Madame.

— Dites, je vous prie, à Cléopâtra que je dine chez elle, elle peut inviter qui elle veut excepté cet odieux Platonoff qui habite au-dessus de vous.

Là-dessus il ouvrait la porte à la Comtesse, me salua avec l'aisance d'un homme de bonne compagnie, et je fit la réflexion qu'il aimait les enfants parce qu'il en avait, et sa rougeur me le prouvait. Après avoir commandé la voiture pour les enfants et un véhicule pour transporter nos coffres, j'allais voir notre nouveau logement. Il parait que Dame Durcholz qui m'y attendait en fiacre me prenait pour une très grande Dame [5*]; il y avait un canapé rembourse comme de raison de noyaux de pêche, couverte d'une panne d'un bleu indécis et parsemé de fleurs jaunes, et huit fauteuils, également tendus de cette même panne, des rideaux de mousseline blanche, dans ma chambre à coucher deux lits, une commode, une table de toilette et deux chaises, puis une chambre vide et puis celle des enfants, et puis un coin pour les coffres et les vases étrusques et les voltaires. Bade était très modeste dans ce temps-là.

Mme Durcholz m'a présenté Lisette, la cuisinière, me garantissant que c'était un cordon bleu, et puis une servante pour faire le gros ouvrage. Ma femme de chambre Лиза, крепостная пьяная тварь, dormait dans la chambre de passage. Elle prisait du tabac Russe vert, ce que l'on appelait дьявольское зелье dans le temps du царь Иван Вас⟨ильевич⟩ IV. Quant à Сашка, valet de chambre, posant on ne s'est donné la peine de savoir où il reposait, après avoir pris le dernier petit coup avec la belle Аида [6*].

— Это правда, она прекрасно заботится о бедных малютках.

Оли сказала мне: «Лола, кто этот господин? (*нем.*) — Киселев.

— *Киливов*. И Адини сказала: «Киливов».

Графиня встала, чтобы уйти, и я сообщила ей, что холм, где расположен дом Шези, меня утомляет, что мы переезжаем сегодня в дом Дурхгольц и что я буду гораздо ближе к ней и Клеопатре Трубецкой.

[5*] Я повернулась к Киселеву и сказала ему: «А вы где живете, Киселев?» (как не говорят при первой встрече).

— В «Розе», мадам.

— Скажите, пожалуйста, Клеопатре, что я у нее обедаю; она может пригласить, кого захочет, кроме этого противного Платонова, который живет над вами.

Затем он отворил дверь графине, поклонился мне с непринужденностью человека хорошего общества, и у меня осталось впечатление, что он любит детей, потому что сам их имеет — и краска на его лице это мне доказывала. Приказав подать экипаж для детей и повозку для перевозки наших сундуков, я пошла смотреть нашу новую квартиру. Кажется, мадам Дурхгольц, ожидавшая меня там в фиакре, приняла меня за очень знатную даму;

[6*] там был диван, конечно, набитый камнями, обтянутый бархатом неопределенного синего цвета, с желтыми цветами по нему, и восемь кресел, обитых этим же бархатом, занавески из белого муслина; в моей спальне две кровати, комод, туалетный стол и два стула; потом пустая комната, а затем детская и еще угол для сундуков, ночных ваз и вольтеровских кресел. Баден был очень скромным в то время.

Мадам Дурхгольц представила мне Лизетту, кухарку, заверяя меня, что она искусная повариха, и еще одну служанку для черной работы. Моя горничная Лиза ⟨...⟩ спала в проходной. Она нюхала зеленый русский табак, то, что во времена царя Ивана Васильевича IV называли Дьявольское зелье. Что же до размещения лакея Сашки, то не давали себе труда знать, где он почивал, хватив последний глоточек с прекрасной Аидой.

Je trouvais chez Cléopâtra Николай Алексеевич Муханов и Николай Дмитриевич Киселев, qui rougit en me voyant entrer.

— Ma chère, mais où est Smirnoff?

— Comme vous êtes drôle, Cléopâtra, de demander où il est — comme de raison, à la roulette et puis il arrivera haletant avec des mains qui ont l'air de ramasser toutes les chemineés de Bade.

Je vis que Kisseleff me regardait d'un air scrutateur.

— Вот, вот он,— s'écria Муханов,— летит, летит как пух из уст Эола [4], верно выиграл.

Aussitôt entré, il se jetta au cou de Kisseleff [7*].

— Хорош же ты, брат — здесь, и не был у нас! Сашенька, мой двоюродный брат Киселев [5].

— Я уже с ним познакомилась, графиня Строганова привела его сегодня утром ко мне.

— Я, любезный друг, пью воды, не ищу знакомств и не читаю «Bade-Blatt».

Je ne sais pas, comment Cléopâtra a manigancé, Kisseleff était mon voisin de table; elle m'a fait remarquer que Platonoff perchait sur son balcon [6],— je me suis retournée et lui ai montré le poing en disant à Kisseleff: «Il n'y a rien de plus révoltant que les airs désespérés d'un homme qui vous poursuit et celui-là est au nombre des plus répugnants, avec les cheveux qui débordent ses larges narines, такой противный.

— Я с вами согласен и теперь буду его просто звать *le nez fourré.*

— Comme nous voisinerons, у нас заведутся семейные шутки, как у меня с Пушкиным, Жуковским и Вяземским [7].

Обед, состоящий из трех блюд и земляничного компота, ⟨кончился⟩. Я слыхала, что Н⟨иколай⟩ М⟨ихайлович⟩ сказал Киселеву: «Приходи к нам», и затем j'ai tendu la main à Kisseleff, il a rougi, s'est troublé et a couru dans sa modeste chambre du rez-de-chaussée [8*].

Je suis rentrée aussi, mon mari était satisfait du logement, et une seconde après je vois entrer notre voisin de droite [9*].

7* У Клеопатры я нашла Николая Алексеевича Муханова и Николая Дмитриевича Киселева, который покраснел, увидев, что я вхожу.

— Моя дорогая, но где же Смирнов?

— Какая вы чудачка, Клеопатра, спрашиваете, где он. Разумеется, на рулетке, а потом он придет, задыхаясь, с такими руками, будто он приводил в порядок все трубы в Бадене.

Я увидела, что Киселев смотрел на меня испытующе.

— Вот, вот он,— воскликнул Муханов ⟨...⟩. Едва войдя, он бросился обнимать Киселева.

8* «Баде-Блатт».

Не знаю, как это устроила Клеопатра, но Киселев был моим соседом за столом; она обратила мое внимание на Платонова, торчавшего на своем балконе [6] — я обернулась, показала ему кулак, сказав Киселеву: «Нет ничего возмутительнее отчаявшегося вида преследующего вас мужчины, а этот, с волосами, торчащими из его широких ноздрей — из самых омерзительных ⟨...⟩ *«нос на меху»*. Когда мы будем соседями ⟨...⟩ я пожала руку Киселеву, он покраснел, смутился и побежал в свою скромную комнату в первом этаже.

9* Я тоже вернулась, мой муж был доволен квартирой, а через секунду я увидела, что входит наш сосед справа.

— Послушай, братец, вообрази себе, что этот дурак Платонов вздумал влюбиться в жену, даже схватил ее за руку и хотел поцеловать; я хочу вызвать его на дуэль.

— Какая скотина, кто он и как смеет так поступать как только крепостные лакеи? Но из-за этого не стоит с ним драться на дуэли. Я думаю, он не знает, как взводить курок, и я заметил, что он не из храброго десятка. Он иногда заходил ко мне и любил пускаться в политику, что мне очень надоедает, и чуть я прикрикну на него, он тотчас на попятный.

— Где ты обедаешь?

— У Клеопатры или у Строгановых.

— Ну так лучше обедай почаще у нас, жена говорит, что хозяйка сейчас рекомендует нашу кухарку и, видишь ли, я в 12 часов ухожу на рулетку и прихожу к обеду в 5 часов. В 7 опять ухожу на рулетку до половины 12-го, так ты, пожалуйста, сиди у жены и гуляй с ней.

Мы оба так вспыхнули, что я ушла в детскую.

— Сашенька, где ты?

Я вернулась с детьми: «Я ходила туда узнать, хороша ли каша». Киселев выхватил опять Олю и сказал: «Как ты, брат, позволяешь жене носить детей в ее положении?».

— Kilivoff, willst du mit uns spielen? Kilivoff, willst du mit uns spielen?

— Ja, ja, Kinder, aber jetzt müssen Sie zu Bett gehen [10*].

Отец потрепал их по щекам и, как было 7 часов, он поспешил на рулетку.

Je ne sais pas, Madame, si mon compagnonage ne vous sera très désagréable — en tout cas, comme cousin, j'espère que vous me direz sans façon quand vous aurez assez de ma société.

— Mais pourquoi croyez vous que vous m'ennuierez? Je ne déteste pas la solitude, car je vois peu de monde à P⟨eters⟩bourg, mais j'aime à causer avec des gens qui se passent de cartes où des conversations lestes et de mauvais goût; et pour commencer allons faire un tour sur la terrasse et prolongeons jusqu'à la fontaine où il fait plus frais.

— Oh, comme votre démarche me convient, nous marchons d'un pas si égal, je ne puis jamais marcher avec mon mari, il dodine et c'est fatiguant.

— Очень рад, что хоть этим могу вам оказать услугу.

— Quelle humilité! Qui est ce vieux qui vous salue? [11*]

[10*] Киливов, хочешь с нами поиграть? Киливов, хочешь с нами поиграть? — Да, да, дети, но теперь вам пора в постель (*нем.*).

[11*] Не знаю, мадам, не будет ли вам мое общество неприятно — во всяком случае, как кузен, я надеюсь, что вы скажете мне без церемоний, когда я вам надоем.

— Но почему вы думаете, что мне будет с вами скучно? Я не против одиночества, так как в Петербурге вижу мало людей, но я люблю поболтать с людьми, которые обходятся без карт или разговоров, легкомысленных и дурного тона. А для начала прогуляемся на террасу и дойдем до фонтана, где прохладнее.

— О, как мне нравится ваша походка, мы идем таким ровным шагом; я не могу никогда ходить с мужем, он переваливается с боку на бок, и это утомительно.

— ⟨...⟩

— Какая скромность! Кто этот старик, который вам кланяется?

— C'est un Espagnol qui s'appelle Los Rios, c'est un ami intime de Donoso Cortez qu'il a remplacé comme ambassadeur à Paris, mais pour peu de temps.

— Donoso Cortez, c'est celui qui a écrit «L'ère des Césars» [8]?

— Oui, et beaucoup d'autres oeuvres philosophiques très remarquables. Los Rios, il faut que je vous présente à Mme Smirnoff. ma cousine.

— Mme Semiantkovska, si j'étais Roi, j'aurais défendu aux femmes dans votre état de se montrer au public. Voyez un peu de quoi vous avez l'air, votre robe est plus courte devant que derrière, avec vos souliers, qui ont l'air de bateaux, vous soulevez la poussière et votre mantelet en dentelle noir ne déguise pas votre difformité.

— C'est au moins singulier d'entrer ainsi en connaissance, je suis bien aisée que vous ne soyez pas Roi et je me permets de promener ma difformité [12*].

— Je suis de l'avis de Los Rios, ne vous en déplaire, Mme, et quand je serai marié, j'éviterai les promenades publiques.

— Puisque vous êtes de l'avis de Los Rios, vous pouvez vous dessaisir de me promener.

— Mme Semiantkovska, vous aurez tort, car mon petit ami Kisseleff est très habitué à promener des femmes dans votre état.

— Kisseleff, pourquoi rougissez-vous? Et pourquoi faites vous des signes à Los Rios?

Silence obstiné. Arrivés à la fontaine je lui dis: «A présent, je ne doute pas que vous avez une maîtresse et des enfants. Vous vous taisez, c'est vrai? Mais enfin cela ne me regarde pas, et maintenant rentrons.

Nous sommes rentrés en silence.

— Il fait si beau, qu'on a conscience de rentrer, je me serais assise sur le banc devant la maison, mais Platonoff a le rage de m'espionner, et d'ailleurs j'ai faim [13*]. Сашка, принеси чай и скажи, чтобы мне сделали яичницу.

12* — Это испанец по имени Лос Риос, он близкий друг Донозо Кортеца, которого ненадолго заменил в качестве посла в Париже.

— Донозо Кортец — это автор «Эры Цезарей»? [8]

— Да, и многих других весьма замечательных философских трудов. Лос Риос, позвольте вас представить моей кузине г-же Смирновой.

— Мадам Семянтковска, если бы я был король, я запретил бы женщинам в вашем положении показываться публично. Посмотрите, какой у вас вид: ваше платье спереди короче, чем сзади, вы поднимаете пыль вашими башмаками, похожими на лодки, а ваша накидка из черных кружев не скрывает вашего уродства.

— Это по меньшей мере странный способ знакомиться, я очень рада, что вы не король, и я могу позволить себе прогуливать мое безобразие.

13* Я согласен с Лос Риосом, не в обиду будь вам сказано, мадам, и когда я женюсь, я буду избегать публичных прогулок.

— Ну, если вы согласны с Лос Риосом, то можете освободить себя от прогулок со мной.

— Мадам Семянтковска, вы будете неправы, ибо мой дружок Киселев вполне привык прогуливать женщин в вашем положении.

— Киселев, почему вы краснеете? И почему делаете знаки Лос Риосу?

Упорное молчание. Когда мы пришли к фонтану, я ему сказала: «Теперь я не сомневаюсь, что у вас есть любовница и дети. Вы молчите, это правда? Впрочем, это не мое дело, а теперь вернемся». Мы возвратились молча.

— Такая прекрасная погода, что жаль возвращаться. Я села бы на скамейке перед домом, но Платонов имеет страсть шпионить за мной, и я голодна.

— Approchez ce fauteuil près de la fenêtre et puis un autre afin que j'étende mes pieds qui brûlent; vous pourrez vous asseoir sur l'autre fauteuil — et je lançais mes bateaux au milieu de la chambre. Il se leva pour les rapporter. Il faisait une soirée tarde, calmante, la lune éclairait les collines qui protègent la vallée, la petite Moury ronronnait sur les cailloux. Il prit une chaise et s'assit à coté de moi. Nous nous taisions.

— Aimez vous les bruits du silence?

— Beaucoup,— c'est une feuille qui tombe, c'est un oiseau qui affleure l'eau de son aile, c'est l'aboiment lointain d'un chien, tout cela a un charme du mystérieux.

— C'est vrai, et on ne sait pas s'expliquer le charme du mystère.

— C'est que le mystère est plein de secrets qu'on enterre dans son coeur quand on n'ose pas en parler [14*].

— Herr von Kisseleff, Sie sind sehr ästetisch. Connaissez-vous des vers de Heine qui dit:

Die Damen waren ästetisch,
Die Herren mit zartem Gefühl.[9].

— Je ne connais rien de Heine, mais je suis, comme lui, mit zartem Gefühl.

— Heine déteste les femmes savantes et comme Mme de Stael pose et porte toujours un turban, il l'appelle «Sultane de la poésie».

— «Sultane de la poésie» est charmante. Heine a raison, il n'y a rien de plus odieux que les bas bleus.

— Voulez vous de l'omelette?

— Je vous remercie, je ne mange pas pour deux.

— Alors prenez du thé.

— Je suis sujet aux insomnies et le thé m'empêchera de fermer l'oeil [15*].

[14*] — Придвиньте это кресло к окну, и еще другое, чтобы я могла вытянуть мои горящие ноги. Вы можете сесть на другое кресло — и я швырнула мои «лодки» на середину комнаты. Он встал, чтоб поднять их. Был поздний, успокаивающий вечер, луна освещала высившиеся над долиной холмы, речонка Мури журчала по камням. Он взял стул и сел подле меня. Мы молчали.

— Вы любите звуки тишины?

— Очень — падающий лист, птица, задевшая воду крылом, далекий лай собаки, у всего этого есть таинственное очарование.

— Это правда, и очарование тайны трудно объяснить.

— Потому что тайна полна секретов, которые хоронят в сердце, когда не осмеливаются о них сказать.

[15*] — Господин Киселев, вы очень эстетичны (*нем.*). Знаете ли вы стихи Гейне, сказавшего:

Полны эстетизма мужчины,
У дам возвышенный взгляд [9].

— Я вообще не знаю Гейне, но у меня, как у него, нежная душа.

— Гейне ненавидит ученых женщин, и так как мадам де Сталь рисуется и носит всегда тюрбан, он называет ее султаншей поэзии.

— Султанша поэзии, это прелестно. Гейне прав, нет ничего противнее синих чулок.

— Хотите яичницы?

— Благодарю, я не могу есть за двоих.

— Тогда чаю.

— Я подвержен бессоннице, а чай не даст мне сомкнуть глаз.

— Je vous ferai un boisson délicieux, je mettrai deux petites cuillères dans un verre d'eau, c'est aussi refraîchissant que calmant.

— C'est délicieux.

— C'est le Comte Fiquelmont qui m'a enseigné cela, il est un des plus connus homéopathes. La théine et la caféine sont des remèdes homéopathiques. Les medecins français sont des tisaniers rien ne fatigue l'estomac comme leurs tisanes, aussi je crois que je passerai aussi à l'homéopathie.

Après cela un long silence, que j'ai interrompu en lui disant: «Bonsoir, mon compagnon, il est temps d'aller dormir, à demain». Nous nous sommes amicalement serrés la main.

Je suis allée bénir les enfants et puis je me vais coucher en faisant la réflexion que tant d'intimité pouvait devenir dangereuse [16*].

Le lendemain après avoir déjeuné avec mon mari, je suis allée chez Cléopâtre. En sortant de là je jettais un bout de pahitos dans la fenêtre de mon voisin, et je continuais ma promenade jusqu'aux Bains de Stephanie [17*]. У самого входа я встретила Киселева.

— Ах как рано, зачем вы пришли, не дождавшись меня?

— Я пришла заказать себе номер, мне надобно взять 8 ванн, это приказано Mme Heidenreich. Признаюсь, сесть в ванну после какого-нибудь жирного немца противно. Не знаю, заметили ли вы, что у них указательный палец всегда красный, всегда замасленный бутербродом, и сердоликовое кольцо?

— Какой номер вы оставили?

— 21-й.

— Это мой. В моей чистоте вы не можете сомневаться, а так как вы пойдете после меня, то я велю бадемейстеру при себе вымыть ее порядочно и влить воду. Сколько градусов?

— 27. Я буду очень благодарна, потому что моя Лиза никогда не умеет приготовить ванну. Впрочем, я уже выписываю новую девушку по рекомендации Mme Durcholz. А теперь пойдемте походим по Лихтентальской аллее. Надеюсь, что вы обедаете у нас. Оба Медема и Фифи Голицын [10] у нас обедают, и будут ленивые щи и, конечно, к ним пирожки.

Мы вернулись в час и отправились в детскую. Киселев сел с ними на подостланное одеяло.

[16*] — Я сделаю вам восхитительное питье, положу две ложечки на стакан воды, это освежает и успокаивает.

— Это превосходно.

— Меня научил этому граф Фикельмон, он один из самых известных гомеопатов. Теин и кофеин — гомеопатические средства. Французские врачи лечат микстурами, ничто так не утомляет желудок, как их микстуры, я думаю поэтому, что я тоже перейду к гомеопатии.

Наступившее потом долгое молчание я прервала, сказав ему: «До свидания, мой компаньон, пора спать, до завтра». Мы обменялись дружескими рукопожатиями.

Я пошла благословить детей и отправилась спать, подумав, что такая близость может стать опасной.

[17*] На другой день, позавтракав с мужем, я пошла к Клеопатре. Выходя оттуда, я бросила окурок пахитоски в окно моего соседа и продолжала свою прогулку до Ванн Стефании.

— Vous jouez si bien avec les enfants, que je suis persuadée que c'est une affaire d'habitude, et Cléopâtra me confirme dans cette opinion.

— Si jamais vous renouerez ces attaques, vous m'obligerez de dire à Smirnoff que je me dédis de mon rôle de compagnon.

Après avoir déjeuné, je me suis étendue sur mon canapé, car j'avais besoin de faire un petit sommeil.

— Voulez-vous que je chasse les mouches qui vous empêchent?

— Je vous serai très reconnaissante.

Au bout de quelques minutes je sens une mouche qui se promène sur mes levres; je passe et c'est sa main. Très confus, il me dit: «Злодейка муха села на ваш ротик».

— Совсем не муха, прошу не сметь меня тревожить.

Après un quart d'heure de sommeil, je me suis assise à la fenêtre, je travaillais à une bourse [18*].

— Pendant que vous dormiez, je vous observais et me suis demandé de quelle origine vous pouviez être avec vos traits si réguliers et votre nom de fille est Italien. A P⟨eters⟩bourg je vivais beaucoup dans la société de Pouchkine, c'est devant moi qu'il a écrit ses vers:

Своенравная Россети
В прихотливой красоте
Все сердца пленила эти
И те, те, те, те.

— Je ne savais pas qu'il a écrit ces vers [11]. Je ne suis au fond d'aucune nationalité, je suis ce que les Anglais appellent *mongrel*, c. a. d. помесь. Mon père était Français, mon parrain le Duc de Richelieu l'appelait toujours «mon cher chevalier de Rossett». Ma grand-mère maternelle était une Princesse Tsitsianoff et mon grand-père était un Allemand, Herr von Lohrer. Je ne sais pas pourquoi on estropie mon nom [19*12].

[18*] — Вы так хорошо играете с детьми, и я убеждена, что это для вас привычное дело. И Клеопатра укрепляет меня в этом мнении.

— Если вы будете снова возобновлять эти атаки, то заставите меня сказать Смирнову, что я отказываюсь от роли компаньона.

После завтрака я улеглась на свою кушетку, потому что мне нужно было немного поспать.

— Хотите ли, чтобы я отгонял мух, которые вам мешают?

— Буду очень признательна.

Через несколько минут я чувствую, что муха прогуливается по моим губам; я трогаю — и это его рука. Очень смущенный, он говорит мне: ⟨...⟩

Поспав четверть часа, я села у окна, я вышивала кошелек.

[19*] — Пока вы спали, я наблюдал за вами и спрашивал себя, какого вы можете быть происхождения — с вашими столь правильными чертами и итальянской девичьей фамилией. В Петербурге я часто бывал в обществе Пушкина, и он при мне написал свои стихи: ⟨...⟩

— Я не знала, что он написал эти стихи [11]. Я в сущности не принадлежу ни к какой национальности, я то, что англичане называют *помесь*. Мой отец был француз, мой крестный отец, герцог Ришелье, всегда называл его: «Мой дорогой шевалье де Россет». Моя бабушка по материнской линии была княжна Цицианова, а мой дед был немец, господин фон Лорер. Я не знаю, почему искажают мою фамилию [12].

— Dictez-moi le mot «помесь» en Anglais, j'étonnerais Nicolas Pahlen, frère de notre ambassadeur, et Greville, le premier secrétaire de l'Ambassade Anglaise qui me donne les leçons d'anglais.

— Savez-vous comment j'appelle votre ambassadeur [13] que je ne connais d'ailleurs que de vue? *La Statue de Commandeur*. Cette placidité froide et calme, quand il prend, il donne d'abord une petite tape à sa boite, bouchant un peu, comme affinant ‹нрзб.›: je suis sûre qu'il n'oubliait pas un petit coup à sa chère boite en commandant une charge de cavalerie.

— Quel talent d'observation vous avez et encore vous dites si bien. Je suis sûr que vous étiez une très belle enfant.

— J'étais affreuse [20*], у меня были изрыжа черные, как смоль, волоса, короткий лоб, весь покрытый пушком, мне завязывали его золотым позументом, который я почти беспрестанно снимала, и маменька мне говорила: «Ты будешь точно обезьяна», mais j'amusais tout le monde par mes drôleries, toujours sérieuses [21*]. J'ai un portrait en miniature que mon cher Татась a peint lui-même [14]; comme Maman était toujours grosse, c'est lui qui s'occupait le plus de moi et je l'aimais aussi plus que Maman que j'appelait Lola, tout comme Oly m'appelle Lola. A Paris je vous montrerai ce portrait. C'est une drôle et laide petite figure. Je veux aussi faire faire à Paris les portraits en miniature de mes petites, vous m'indiquerez un peintre, n'est-ce pas?

— A Paris? Venez-vous réellement à Paris?

— Certainement, je vous ai déjà dit que je voulais consulter Hannemann [22*] [14].

— Ах, какое счастье для меня, я буду еще раз как в родной семье, хотя у меня в посольстве все друзья. Я надеюсь, что и там я буду у вас домашним человеком. Я не думаю, что вы увлекаетесь французским обществом.

— Конечно, нет. Я довольно жила в нашем свете, так что мне очень

[20*] — Продиктуйте мне слово «помесь» по-английски, я удивлю Николая Палена, брата нашего посланника, и Гревиля, первого секретаря английского посольства, который дает мне уроки английского.

— Знаете ли вы, как я называю вашего посланника [13], которого, впрочем, знаю только с виду? *Статуя Командора*. Эта холодная и спокойная невозмутимость, а когда он нюхает табак, он сперва легонько стукает по табакерке, немного приминая, словно размельчая ‹...›, я уверена, что он не забывал постукивать по своей дорогой табакерке, даже давая команду кавалерийской атаки.

— Какой у вас талант наблюдательности и как вы хорошо говорите. Уверен, что вы были прелестным ребенком.

— Я была ужасна.

[21*] но я всех забавляла своими шалостями, всегда серьезными.

[22*] У меня есть миниатюрный портрет, который мой дорогой Татась написал сам [14]; так как мама всегда была беременна, он более всех занимался мною, и я любила его больше, чем маму, я называла ее Лола, так же как Оли зовет меня Лола. В Париже я покажу вам этот портрет. Забавное и уродливое личико. Я тоже хочу заказать в Париже миниатюрные портреты моих малюток, вы порекомендуете мне художника, неправда ли?

— В Париже? Вы действительно едете в Париж?

— Конечно, я вам уже сказала, что хочу посоветоваться с Ганнеманом.

надоело то, что называют le monde par excellence [23*]. И кто дал право называть себя светом самому пошлому обществу?

— Я совершенно с вами согласен, во мне остались все мои московские первые впечатления, там более простоты, чем в Петербурге.

— Я уверена, что даже первые детские впечатления оставляют неизгладимые следы в нашей душе, сердце и уме, и это помимо нашей воли.

— Знаете ли вы, что это рассуждение совершенно философское? Когда вы успели передумать столько?

— Когда? Да в придворной жизни, а потом три года, прожитых замужем, когда коснулась действительность жизни; огорчение и болезнь всегда меня взманят думать и передумать; это гораздо поучительнее, чем много читать; впрочем, я-таки читаю, хотя немного. Летом же я более гуляю, катаюсь и ничего не делаю, хожу в нашей подмосковной Спасском по крестьянам и с ними болтаю; они меня часто поражают своим здравым умом и меткостью наблюдений.

— Я помню Спасское, там был большой круг перед домом, на котором мы с Н‹иколаем› М‹ихайловичем› резвились, друг друга называли Ютомсита и влезали на какую-то беседку в китайском вкусе, а слезая, всегда падали.

— А я себя называла Соссита, а брата Клементия Тлемита. Представьте себе, что я помню 1812 год. Я родилась 6 марта 1809 года, а он родился 10 месяцев спустя, а потом все были погодки: Иосиф, Аркадий и Александр-Карл.

— Comment, votre père n'attendait pas six semaines?

— Si vous n'êtes pas marié, comment savez vous qu'il faut attendre six semaines?

— On n'a pas besoin d'être marié pour cela, tout le monde le sait [24*]. Вы родились 6 марта 1809 года, а я 1 марта 1800 года [15].

— Знаете ли, что 6 марта — сорока двух мучеников во Америи [16], от этого я всегда больнее весной, тоскую и хандрю.

— Пожалуйста, расскажите мне свое детство, вы так хорошо рассказываете, мне многие это говорили в Петер‹бурге›.

— Пожалуй, но как может это вас интересовать?

— Напротив, это меня очень интересует, я чувствую какую-то потребность вживаться в вашу жизнь с детства до дня нашего знакомства.

— Шуточка рассказать 27-летнюю жизнь. Видите ли, я позже узнала от дяди Николая Ив‹ановича› Лорера, что отец мой, le chevalier de Rossett, не был эмигрант [17]. Его отец был вольтерианец и женился на mlle La Harpe, швейцарке, сестре того La Harpe, который был наставником имп‹ератора› Александра. Она перешла в римскую церковь и была une bigotte, по-нашему — ханжа; когда его отец умер, он был наследник порядочного именья в Руссильоне, на границе с Швейцарией. Мать его всем завладела,

---

[23*] собственно светом.

[24*] — Как, ваш отец не ожидал шесть недель?
— Если вы не женаты, откуда вы знаете, что надо ждать шесть недель?
— Для этого не нужно быть женатым, это все знают.

и когда, 15-ти лет, он с ней спорил, она дала ему пощечину. Он так рассердился, что оставил отеческий кров и отправился с сумкой в Вену. Венский университет очень славился; в Вене он встретил богатого родственника из рода князя Кантемира, который, вероятно, поддержал его способом существования и советовал ему сделаться драгоманом Порты. Там он получал большое жалованье, вероятно был знаком со всеми иностранными послами и через три года он отправился в Одессу и поступил в Черноморскую гребную флотилию, которой командовал необычный, почтенный и маститый старец, граф Мордвинов.

— Что такое Черноморская гребная флотилия?

— Просто большие катера или шлюпки, которые ходят только по берегам. Теперь уже это заменил наш флот, но тогда против турецких кораблей мы ходили в море по берегам, и то с одной или двумя пушками.

— Как я, однако, очужбинился в Дерпте и за границей, и ничего не знаю об России. Это только возможно в России, т. е. в Петербурге.

— Киселев, если вы очужбинились, то, по крайней мере, создаете новые глаголы, которых я прежде не слыхала от своих литературных друзей.

— Но, пожалуйста, продолжайте.

— Что отец встретил частную протекцию в Вене, я заключаю из того, что он гулял по бульвару с Ришелье, а я бегала перед ними и спросила раз: «Татась, qui est le Prince Tantemil?», а он мне отвечал: «Cela ne te regarde pas, va jouer avec ton ballon» 25*. Дома я играла с старшим братом, который был шалун, et pour donner plus de poids à mes paroles, je lui disais 26*: «Вы босой салун», он отвечал: «Я совсем не босий, а ты ходишь как качька, переваливаешься, потому что такая толстая».

— Что такое качька?

— По-малороссийски это утка. «Это ницего, тетя Маса говорит, что у меня видны одни даза, а я с ней поеду в Плибук».

— La logique est charmante.

— Charmante, mais n'est-il pas le temps d'aller se laver les pattes avant diner?

— Heureusement il y a encore une heure, et je vous prie de continuer votre récit 27*, а я буду все записывать.

— Тогда уж вы лучше купите у Маркса тетрадь, и я вам буду диктовать.

— Завтра же заведу эту тетрадь.

— В 1812 году был в Одессе снег и падал хлопьями, я тотчас спросила: «Татась, comment on appelle plumes blanches et d'où viennent-elles?» — «C'est de la neige, mon enfant, cela vient du ciel, c'est le bon Dieu qui les envoie.

— Vous ne vous doutiez pas que vous faisiez la même observation qu'Hérodote.

25* кто князь Тантемиль? (...) Это тебя не касается, играй со своим мячом.

26* и чтоб придать больше веса своим словам, я ему говорила

27* — Прелестная логика.— Прелестная, но не пора ли мыть руки к обеду? — К счастью есть еще час, и я прошу вас продолжать ваш рассказ

— Aussi ai-je lu avec un vif plaisir qu'Hérodote appelle des plumes [18], comme aussi que Voronège est le nom qu'il a donné à cette ville en apparence que l'oiseau noir qui s'appelait vorona.

— Hérodote est surtout charmant à lire en grec.

— Je ne l'ai lu qu'en Français, mais avec beaucoup de plaisir [28*]. Против нашего Карантинного дома,— потому что отец мой был инспектор карантина,— была землянка, она покрылась снегом, и высокую ветку с желтеньким цветочком хлестало беспощадно. Я сказала: «Татась cette têtue plante me fait tant de truc, ordonnez qu'on me la donne avec la lacine, je la plante dans un tas, elle aura chaud» [29*]. On m'apporta la pauvre petite plante que j'ai presque rôtie à la cheminée. Nous avons une cheminée anglaise. Le matin en me réveillant j'ai appris le sort de ma pauvre plante et pour me consoler Papa a fait mettre des marguerites dans un petit joli pôt et pour combler de bonheur il m'a donné un arrosoir peint en vert et m'a ordonné de n'arroser que le soir et le matin, mais trop de zèle a fait que je l'ai tant arrosé qu'elles sont fanées, ce qui a provoqué des larmes si amères que le Duc pour me consoler m'a donné un perroquet. Попка, que j'appelais Татка, faisait mon bonheur jusqu'à jour ou j'ai voulu lui prendre des pistaches, il m'a mordu jusqu'à sang; mes cris d'aigle ont fait qu'on a enchaîné la patte de Татка. У меня была постоянная перемежающаяся лихорадка, и тогда мне давали вначале ревень; раз ревень не подействовал, то отец сказал: «Il faudra ajouter de la Jalape, cela donne des coliques, c'est cruel, mais que faire?» Я разревелась и закричала: «C'est cruel, c'est affreux de donner de la Jalape à une pauvre enfant de trois ans!» [30*] Alors on a demandé au médecin Antonio Rizzi ce qu'il faut faire, il a décidé que vers le soir il fallait me donner un lavement de savon et de l'eau; quand on a apporté le fatal instrument, j'ai crié comme une perdue, le Duc et mon Père me tenaient et маменька l'a appliqué, comme de raison, toute cette partie sans résultat; alors on m'a prié de garder le contenu tant que je pouvais, et qu'alors tout sera fini, j'ai promis d'être sage et de tenir parole, mais au moment où ils me lachèrent, tout le con-

---

[28*] как называются белые перья и откуда они? — Это снег, дитя мое, он падает с неба, это бог их посылает.

— Вы и не подозревали, что Геродот сделал такое же наблюдение.

— И я с живым удовольствием прочла, что Геродот называет его перьями [18] и что название Воронеж он дал этому городу, видимо, от черной птицы, которая называется ворона.

— Геродота особенно хорошо читать по гречески.

— Я читала его только по французски, но с большим удовольствием.

[29*] Это упрямое растение такое ловкое, прикажите, чтобы его принесли мне вместе с корнем, я их посажу вместе, ему будет тепло.

[30*] Мне принесли бедное растеньице, и я его почти спалила в печке. У нас была английская печка. Проснувшись утром, я узнала о судьбе моего бедного растеньица. Чтобы меня утешить, отец приказал посадить маргаритки в хорошенький горшочек и в довершение счастья подарил мне выкрашенную в зеленый цвет лейку, приказав, чтобы я поливала только утром и вечером; но в избытке усердия я поливала столько, что они завяли. Это вызвало такие горькие слезы, что герцог в утешение подарил мне попугая. Попка, которого я называла Татка, радовал меня до того дня, когда я захотела отнять у него фисташки, он укусил меня до крови; вследствие моих отчаянных криков Татке надели на лапку цепочку. ⟨...⟩ Нужно добавить слабительный корень, это вызывает колики, это жестоко, но что делать? ⟨...⟩ Это жестоко, это ужасно, давать слабительный корень бедному трехлетнему ребенку.

tenu les a couvert de saletés; Papa m'a donné une tape sur le derrière, et puis ils ont essuyé et il dit: «C'est si joli qu'il est impossible de s'empêcher de l'embrasser». Donc j'ai dit: «Je sais que sois une tlès jolie pute de fille».

— Oh, la sale petite fille, qui t'a dit cela?

— J'ai vu moi-même dans le cheval de glass.

— Quel cheval — glas? (Cela s'appelle ainsi en Anglais) [31*].

— Tatas, attestez-vous cela en Flainçais.

— Une psyché.

— Oui, une soir que le Duc a fait venil poul le Mr Thomas avec mes jolis cahiers et mes clayons. Tatas, je vous dilai à l'oleille une soir, le Duc admire beaucoup Lola, voyez comme il a lougi.

— Richelieu, entendez-vous ce que dit cette petite coquine?

— Oui, je suis une Totus totius, je sais et vois tout.

— Ах, какая маленькая сплетница!

— Но ведь тут же я была наказана: когда ставили клистир, я так била ногами, что сломала крестик.

— Какой крестик?

— Papa a été converti par le Duc, et l'abbé Nicole, célèbre Jésuite, fondateur du lycée d'Odessa, qui était d'une grande nécessité pour l'éducation de la noblesse, parce qu'il n'y avait ni l'université de Kieff, ni celui de Харьков. Jugez des difficultés qu'on avait dans tout le midi de la Russie [32*].

— Ну, а крестик?

— Quand Papa s'est converti, le Duc lui a donné un crucifix, qui était suspendu à son chevet, et nous n'avions que nos croix de baptême, faites d'or de ducat que le Duc faisait faire lui-même pour ses chers крестники. Clément et moi, nous avions l'ambition d'avoir aussi des crucifixes à nos chevets. Un jour le Duc est entré et nous a trouvés rouges et ronflés: nous avions demandé au cocher de nous donner de brins de paille et мы пыхтели, потому что не

[31*] Тогда спросили у доктора Антонио Рицци, что делать, он решил, что к вечеру надо сделать мне клизму из воды с мылом; когда принесли роковой прибор, я закричала благим матом, герцог и отец меня держали, а маменька, конечно, сделала все, как надо, но без результата; тогда меня попросили удержать содержимое насколько возможно и что тогда все будет кончено, я обещала быть умницей и держать слово, но как только они меня отпустили, все содержимое покрыло их; папа шлепнул меня по попке, потом они вытерлись и он сказал: «Это так мило, что невозможно не поцеловать ее». Тогда я сказала: «я знаю, что должна быть очень хорошенькая».

— Ах ты, девчонка, кто тебе это сказал?

— Я сама видела в большом зеркале.

— Что за зеркало? (Это так называется по-английски).

[32*] — Татась, назовите это по-французски.

— Трюмо.

— Да, однажды вечером, когда герцог послал г. Тома с моими хорошенькими тетрадками и карандашами. Татась, я вам скажу вечером на ушко, герцогу очень нравится Лола, посмотрите, как он покраснел, (Зд. и далее местами передается детское произн.).

— Ришелье, слышите, что говорит эта маленькая плутовка?

— Да, я всякой дырке гвоздик, я знаю и вижу все. ⟨...⟩

Папа был обращен в другую веру герцогом и аббатом Николь, знаменитым иезуитом, основателем одесского лицея. Он был крайне необходим для образования дворянства, ибо тогда не было ни киевского, ни харьковского университета. Судите сами о трудностях в этом отношении на всем юге России.

могли связать накрест эти соломинки. Le Duc est entré. «Que faites-vous là, mes chers petits amis?»

— Litchenka, ne dites lien à Tatacь, nous sommes allés en seclet avec Tlemita à l'éculie et le cocher nous a donné de la paille [33*].

Le Duc a été si touché, qu'il nous a donné deux crucifixes en jonc, il y avait des petites boutons, и мы считали, у кого больше. Comme de raison, ces croix étaient sur les tables, les chaises et sous les meubles, mais le jour de la bagarre le mien a été difformé, et Papa a dit que pour me punir, je l'aurai au pied de mon lit, pour me rappeler ma méchanceté; je n'ai pas pu dormir [34*].

— Mais ne pleurez donc pas, c'est passé depuis si longtemps.

— Oui, mais cela m'a fait tant de peine alors.

— Comme ce souvenir du coeur est touchant, lavez vos yeux, car il est temps de dîner.

On a trouvé les щи très bons, ainsi que les пирожки, ces deux plats étaient fabriqués par Eilandt, la bonne d'Oly. Le boeuf et les pommes de terre frites étaient de la fabrique de Lisette, puis le pastet, la salade et un Kirschenkuchen. Le café servi, on a ouvert toutes les fenêtres et on fumait, Paul Medem fumait le fin cigare Allemand, Alexandre me contait un méritant souvenir de ses voyages fréquents en Orient [35*]. Il avait comme Paul fait de fortes études à l'université de Göttinguen, alors le plus renommé en Allemagne, et n'ayant aucune ambition, il avait adopté la carrière de voyageur; c'était le seul ami de mon mari vraiment distingué, il l'aimait beaucoup pour sa droiture et sa loyauté et à la chancellerie du C⟨om⟩te de Nesselrode il était toujours son champion; le vieux Gersdorff était un joueur et fumait le gros cigare comme de Rode. Kisseleff et Théodore Golitzin ne fumaient pas. Voilà que Kisseleff dit tout d'un coup à mon mari:

— Smirnoff, comment avez-vous pu permettre à votre femme de fumer?

— Mon cher, après ses secondes couches elle est tombée malade de nerfs, ne faisait rien, s'ennuyuait à mort, elle avait le spleen, et c'est moi qui lui ai proposé de fumer pour se distraire.

[33*] Когда папа был обращен, герцог дал ему крестик, который висел у него в изголовье, а у нас были только крестильные крестики, сделанные из золота, герцог сам их заказал для своих дорогих крестников. Клементий и я очень хотели тоже иметь крестики у изголовья. Однажды герцог, войдя, застал нас красными и пыхтящими: мы попросили у кучера соломинок и ⟨...⟩. Входит герцог. «Что вы здесь делаете, мои дорогие маленькие друзья?»

— Лишенька, не говорите ничего Татасю, мы по секлету пошли с Тлемитой в конюшню и кучер нам дал соломы.

[34*] Герцог был так тронут, что подарил нам два крестика из тростника, на них были маленькие шишечки ⟨...⟩ Конечно, эти крестики валялись на столах, стульях и под мебелью, но в день суматохи мой сломался, и папа, чтобы меня наказать, сказал, что он будет в ногах моей кровати, чтобы напоминать мне о моей злости; я не могла спать.

[35*] — Но не плачьте, ведь это было так давно.

— Да, но тогда это мне причинило столько горя.

— Как трогательна эта память сердца, утрите глаза, ведь пора обедать.

Щи нашли очень хорошими, как и пирожки, эти два блюда приготовила Эйландт, Олина няня. Мясо и жареная картошка были приготовлены Лизеттой, потом был паштет, салат и вишневый пирог (*нем.*). Когда подали кофе, открыли все окна и курили. Поль Медем курил тонкую немецкую сигару, Александр рассказывал мне интересный эпизод из своих частых путешествий по Востоку.

— Je souffre aussi de тоска et c'est pour cela que je prends les eaux de Vichy, ce qui me fait du bien pour l'hiver qui n'est plus beau à Paris qu'à P<eters>bourg, le soleil ne le visite pas souvent [36*].

— Mais Alexandrine a aussi fait une cure à Marienbad qui lui a fait beaucoup de bien, mais l'habitude de fumer lui est restée, le pahitos est un compagnon très agréable et c'est une ambassadrice d'Autriche, la C<omte>sse Fiquelmont qui l'a mise à la mode à P<eters>bourg.

— Les maris n'en font jamais d'autre, à peine mariés, au lieu de former un cercle d'amis à leurs femmes, ils gardent leurs habitudes de garçon, s'absentent le soir, Madame s'ennuie, on la trouve seule vis-à-vis de sa lampe, un beau jour — adieu, bonjour — Mme pour se désennuyer prend un ami qui devient son amant.

— Kisseleff, vous avez tort de dire qu'on prend si facilement un amant. Je suis presque toujours entourée d'hommes — Joukoffsky, Wiasemsky, Pouchkine, Pletneff et quelques étrangers et je peux vous assurer que jamais je n'entends un mot équivoque d'aucun d'eux.

— Madame, on ne parle jamais des personnes présentes, mais c'est malheureusement bien souvent le cas [37*].

— Savez-vous, Kisseleff, que Pouchkine trouve P<eters>bourg si strict et si vertueux qu'il prétend que cela ne peut pas durer et qu'il y aura un jour un débacle terrible.

— Tant pis, je serai bien faché si notre capitale devenait un jour un cloaque comme Paris.

Alexandre Medem me parla de ses voyages, je lui fis la remarque que sa pipe en merisier est un souvenir pour moi, qu'à Odessa il se trouvait un jour soit des Turcs où des Persans, et qu'après dîner mon Père leur faisait les pipes de la longueur qui convenait à leur rang et que c'était moi qui était chargée

---

[36*] Он, как и Поль, прошел серьезный курс в Геттингенском университете, тогда самом популярном в Германии, и, не имея никакого честолюбия, избрал поприще путешественника; это единственный поистине благовоспитанный друг моего мужа, он очень любил его за прямоту и честность, а в канцелярии графа Нессельроде он всегда был для него первым. Старик Герсдорф был игрок и курил толстую сигару, как и де Роде. Киселев и Федор Голицын не курили. И вот что Киселев вдруг спросил у моего мужа:

— Смирнов, как ты мог позволить жене курить?

— Мой дорогой, после ее вторых родов у нее была нервная болезнь, она ничего не делала, смертельно скучала, у нее был сплин, и я же посоветовал ей курить, чтобы рассеяться.

— Я тоже страдаю тоской, поэтому-то я принимаю воды Виши, что помогает мне для зимы, не лучшей в Париже, чем в Петербурге, солнце бывает там редко.

[37*] — Но Александрина тоже лечилась в Мариенбаде, и это ей помогло, но привычка курить у нее осталась; пахитоска — очень приятный товарищ, и это жена австрийского посланника, графиня Фикельмон, ввела ее в моду в Петербурге.

— Мужья всегда таковы: едва женившись, вместо того, чтобы создать для своих жен дружеский круг, они сохраняют свои холостяцкие привычки, по вечерам отсутствуют, мадам скучает, ее можно найти одну в обществе своей лампы, а в один прекрасный день — прощай, здравствуй — мадам, чтобы не скучать, берет себе друга, который становится ее любовником.

— Вы неправы, Киселев, говоря, что так легко берут любовников. Я была почти всегда окружена мужчинами — Жуковский, Вяземский, Пушкин, Плетнев, несколько иностранцев — и ни от кого из них никогда не слышала двусмысленного слова.

— Мадам, о присутствующих не говорят, но, к несчастью, это частый случай.

de présenter la petite pastille d'aloés, dorée et parfumée. Je lui dis aussi que mon mari, selon le désir de l'Empereur, avait passé au Ministère de l'intérieur et avait été Gouverneur de Kalouga [38*] [19].

— Mon cher Smirnoff, Mme vient de m'apprendre que vous avez été Gouverneur à Kalouga, ce poste convenait bien plus à votre caractère franc et loyal, et d'ailleurs comme propriétaire dans différents gouvernements, l'intérieur de la Russie vous était bien plus connu qu'à la généralité des gens auxquels on confie ce poste important.

— Oui, mon cher, j'ai été gouverneur et je n'ai eu que plaies et bosses, vu la confusion qui règne dans nos affaires; l'administratif est certainement en opposition avec tribunaux — гражданская и уголовная палата; mais c'est si ennuyeux, mon cher, que je ne veux pas ennuyer le monde et puis je veux faire un tour et puis j'irai à la roulette [39*].

— Смирнов, вот ты управляешь своим имением, а я так поручил своему брату Михаилу Александровичу, тем более, что все пойдет по сыновьям,— dit Fifi Golitzin [40*],— какая у него милая жена и как они счастливы!

— Луиза Трофимовна — одна из моих лучших приятельниц [20], она умна, проста, не светская, несмотря, что ее балуют по-прежнему при дворе и в свете. Пойдем же, походим вместе.

Мы сели у фонтана и нашли там баронессу Нидергаузен, она сидела на лавочке и как будто караулила кого-то и к нам обратилась: «Je vous conseille d'attendre ici, vous allez voir l'amante de Lord Byron, l'illustre beauté la Guiccioli» [41*].

— Отчего эти немки всегда говорят «l'amante» [42*]? Красноносый Герсдорф подцепил во Франкфурте какую-то шлюху, преуродливую, и тоже называет ее: «mon amante la Baronne de Schliessen» [43*], а я прибавил: «Шлюхен шляпен».

[38*] — Знаете, Киселев, Пушкин находит Петербург столь строгим и добродетельным, что, по его мнению, это не может так продолжаться и однажды наступит ужасный крах.

— Тем хуже, мне будет досадно, если наша столица станет когда-нибудь такой клоакой, как Париж.

Александр Медем рассказывал мне о своих путешествиях, я заметила ему, что его вишневая трубка заставила меня вспомнить, как в Одессе были однажды не то турки, не то персы, и после обеда мой отец предлагал им трубки — такой длины, какая соответствовала их рангу, а мне было поручено подносить палочку алоэ, позолоченную и надушенную. Я сказала ему также, что по желанию императора мой муж перешел в Министерство внутренних дел и был губернатором в Калуге [19].

[39*] — Дорогой Смирнов, мадам только что сказала мне, что вы были губернатором в Калуге, этот пост как нельзя более подходит к вашему характеру, открытому и честному, а кроме того как владелец имений в разных губерниях вы лучше знаете внутренние дела России, чем большинство людей, которым доверяют этот важный пост.

— Да, мой милый, я был губернатором и не вылезал из ссор, из-за неразберихи, царящей в наших делах; администратор всегда, конечно, в оппозиции с судебными органами — гражданской и уголовной палатой; но это так скучно, мой милый, что мне не хочется утомлять всех, и потом я хочу прогуляться, а потом пойду на рулетку.

[40*] сказал Фифи Голицын

[41*] Я вам советую подождать здесь, вы увидите возлюбленную лорда Байрона, знаменитую красавицу Гвиччиоли.

[42*] возлюбленная.

[43*] моя возлюбленная баронесса Шлиссен

L'amante прошла, старая и совершенно рыжая и предурная.

Когда мы воротились домой, купали детей, и Киселев просил позволения идти со мной в детскую. Они радовались, плескались и нас обливали и даже не хотели ложиться спать. Возвратившись, он сказал мне: «Какие вы счастливые! Вероятно, вас так купали при Ришелье».

— Не помню, но очень вероятно. Летом на хуторе нас всякий вечер купали в море.

— Что такое хутор?

— В Одессе дома с садами называют хуторами, а в Бессарабии *куяльниками*. А какое это слово, я не знаю — вероятно, турецкое, а может быть, и бессарабское. Там народ называют царанами, они люди добрые и хорошие рабочие. Ведь там весь народ — пришельцы из Курска, Полтавы, Харькова, реже великоруссы, булгары. Эти очень смирные и не пьют. Екатерина поселила немецких колонистов, они живут особняком и все принадлежат к разным сектам.

— Я убеждаюсь все более и более, что я ваш ученик, это все новые для меня сведения, и я очень благодарен вам, но позвольте попросить вас продолжать рассказ о вашем детстве; за обедом, глядя на вас, прислушиваясь к гармонии вашего голоса, я старался разгадать ваш разнообразный характер, comme drôlerie, sérieux et à trois avec le sentiment religieux qui s'éveille[44*].

— Ведь в этом была своя доля обезьянства. Маменька часто мне говорила: «Ты обезьяна».

— Что такое обезьяна?

— Обезьяна — предурной зверек, и весь покрыт волосами.

— Ну, а он говорит?

— Нет. А я была холосенькая обезьяна, котолая говолит, и болтала без умолку и всех их забавляла. Я ужасно любила отца и все целовала его бородавку. «Tatas, j'aime tant votre petite tache rose», но, увы, в 6 лет я увидела на его колене[21] черное пятно, il est mort de la peste. Mon cher Père, il m'a appellé sur le seuil de sa chambre à coucher, il brûlait tant que ses jambes étaient découvertes et j'ai vu son bubon noir comme du charbon. Maman soutenait sa tête. Il m'a dit: «Tu est l'aînée de mes enfants, tu est mon enfant la plus chérie, je te confie tes frères, soutiens-les, donne leur de bons conseils, je ne suis pas inquiet sur votre avenir, le Duc m'a promis de vous recommander à l'Empereur et à l'Impératrice-mère, qui est une sainte et digne femme[45*]. Quand on a reçu une bonne éducation, on est sûr de faire honnêtement sa manière dans la vie. Je vous laisse peu de fortune, ce peu a été honnêtement acquis, le Duc le sait et c'est placé par lui, et plus j'ai Adamovka qui vous appartiendra». Je pleurais et suppliais Papa de me permettre de

[44*] тут плутовство, серьезность и вместе с тем пробуждается религиозное чувство.

[45*] Татась, я так люблю ваше маленькое розовое пятно ‹...› он умер от чумы. Мой дорогой отец, он позвал меня на порог своей спальни, он горел так, что его ноги были открыты, и я увидела его бубон, черный, как уголь. Мама поддерживала его голову. Он сказал мне: «Ты старшая из моих детей, ты мое самое любимое дитя, я вверяю тебе твоих братьев, поддерживай их, давай им добрые советы; я не тревожусь за ваше будущее, герцог обещал мне рекомендовать вас императору и императрице-матери, этой святой и достойной женщине.

l'embrasser une dernière fois. Il m'a dit: «C'est impossible, chère enfant, je vous bénis et c'est Maman qui vous embrassera».

— Vous pleurez encore, il est vrai que c'est ainsi touchant de voir le Père sur son lit de mort, qui recommande ses autres enfants à une enfant de 6 ans.

— Papa peut être content de son enfant chérie, car après mes enfants, ce que j'aime le plus au monde ce sont mes frères et j'ai toujours fait pour eux ce que mes faibles moyens m'ont permis, matériellement parlant, mais depuis mon mariage, leur sort, sans être brillant, au moins est très assuré, car mon mari est très généreux et ils lui sont aussi dévoués que reconnaissants. Ils ont la meilleure réputation au monde, Arcadie est surnommé dans la famille «философ практической жизни», Charles — «человек благоволений» [46*] [22].

— Comment cela se fait-il qu'un de vos frères s'appelle Charles?

— Il a été tenu sur les fonds de baptême par la Reine Caroline de Naples [23]. La pauvre vieille a été si fatiguée des insolences de Murat, la flotte de l'Amiral Bentinc croisait dans les eaux de Naples; Acton, son premier ministre et, dit-on, son mari, l'a sauvée; elle est arrivée à Vienne, l'Empereur Alexandre lui ayant promis protection; quoiqu'il n'y avait pas vestiges de porte en Autriche, mais comme elle a dû passer par la Valachie, on a jugé plus prudent de lui faire subir la quarantaine, et c'est dans notre maison qu'elle dormait, et je ne sais pas où nous avons logé. Je crois, dans une petite maison que Papa avait bâtie [47*] на Дерибасовской улице. Comme de raison mon Père, nommé inspecteur, de cet important emploi, venait prendre les ordres; elle a appris que ma mère venait d'accoucher d'un fils et a proposé d'être sa marraine et a désiré qu'il porte son nom et Alexandre aussi [48*]. От такой чести не отказываются. Королеву заменила M-me Ribas. Вообразите, что я помню ее платье, розовое атласное с черной кружевной тюник, розовые marabout [49*]

[46*] Когда получают хорошее воспитание, можно быть уверенным, что честно проложишь себе дорогу в жизни. Я не оставляю вам большого состояния, но это немногое добыто честно, герцог это знает и он это хорошо поместил, а кроме того, у меня есть Адамовка, которая будет вашей». Я плакала и умоляла папу позволить мне поцеловать его в последний раз. Он сказал мне: «Это невозможно, дорогое дитя, я вас благословляю, а мама вас поцелует».

— Вы и сейчас плачете. Это действительно очень трогательно — видеть отца на смертном одре, поручающего шестилетнему ребенку остальных своих детей.

— Папа может быть доволен своим любимым ребенком: после моих детей я больше всего на свете люблю моих братьев, и всегда делала для них все, что было в моих слабых силах. А после моего замужества их судьба если не блестящая, то, по крайней мере, упрочилась, так как мой муж очень щедр, и они ему так же преданы, как и признательны. У них наилучшая репутация в свете, у Аркадия семейное прозвище ⟨...⟩, у Карла ⟨...⟩.

[47*] — Как случилось, что одного из ваших братьев зовут Карл?

— Он получил это имя как крестник королевы Каролины Неаполитанской [23]. Бедная старушка была измучена дерзостями Мюрата, флот адмирала Бентинга курсировал в неаполитанских водах, Актон, ее премьер-министр и, говорят, ее муж, спас ее, она приехала в Вену, и император Александр обещал ей свое покровительство. Ввиду того, что в Австрии не было никакого порта, а она должна была ехать через Валахию, решили, что разумнее, чтобы она прошла карантин, и ночевала в нашем доме, я не знаю, где мы жили. Думаю, что в построенном папой маленьком доме ⟨...⟩

[48*] Конечно, мой отец, назначенный на важную должность инспектора, явился за распоряжениями; она узнала, что моя мать только что разрешилась сыном, предложила стать его крестной и пожелала, чтобы он носил ее имя и также Александра.

[49*] перья марабу

на голове и бриллианты. А крестным отцом, конечно, был герцог. Королева прислала собственноручное письмо и *склаваж*, так называли цепочки, перевязанные бриллиантами, и фермуар, тоже бриллиантовый, с ее шифром. Все приезжали смотреть это украшение; а брату — бриллиантовый крест с весьма крупными камнями. Она изъявила желание видеть меня и Клему. Герцог нас учил кланяться ей, меня одели в красное онгуринское платье, завили барашком и надели серьги с крошечным супфирчиком, подарок Дюка, а Клему одели в белые панталоны и красную курточку, обшитую золотым позументиком. Мы так низко и хорошо кланялись, что герцог сказал: «Vous voyez, Madame, que mes petits élèves me font honneur» [50*]. Королева была очень старая, нарумяненная, в зеленом бархатном платье и покрыта бриллиантами, а на шее очень крупный жемчуг, с которым я играла, когда она нас обоих посадила на колени. При ней были две очень нарядные дамы, тоже старые и нарумяненные.

— А кто был Рибас?

— Он был адмиралом русского флота. Говорили, что он был простой генуэзский матрос, но Суворов ему писал: «Eccelentissimo Doria, credo il tempo da finire con questo bastione a Turchki» [51*]. В насмешку ли он его называл «Eccelentissimo», или же он знал, что Ribas был побочный сын генуэзского *Doria* [24]? Это я знала от дяди Н. И. Лорера.

Когда отец был при смерти, нас отвезли к приятельнице маменьки, гречанке Попандопуло. У них было много детей, большой сад, мы там резвились и не понимали, что судьба наша решается; я одна иногда призадумывалась, вспоминая черное страшное пятно, но из дома пришла женщина Татьяна и взяла с нас мерки и сказала, что все будет черное, а на другой день нас повезут домой. Приехала бабушка, тетушка, в доме была мертвая тишина; с папеньки сняли парик, его лоб был прекрасный; я просила позволить поцеловать руку дорогого отца, но меня не допустили.

Похороны были большие, весь город провожал тело умершего уважаемого и любимого сослуживца. Герцог ехал верхом, я одна сидела с бабушкой в карете. Через несколько дней все разъехались, и маменька в глубоком трауре сидела у камина еще в Карантинном доме. Так как у нее было много забот по делам и процесс с каким-то гадким графом Капниси, который завладел землей отца в Крыму — эту землю отец получил еще при графе Мордвинове, рядом с Байдарской долиной, данной Мордвинову,— то генерал Форстер рекомендовал взять к нам гувернантку. Она была швейцарка из города Шафгаузен, Амалья Ив⟨ановна⟩ Шредер.

Эта добрая старушка была сущий клад. Потом мы переехали в собственный дом на Дерибасовской улице. Я спала с маменькой, а братья все в большой комнате с Амальей Ивановной. Сада не было, а большой двор, на котором была кухня, все службы и людская. Летом маменька взяла меня с собой в Адамовку, к ней приходил какой-то жид и говорил о ревизской сказке. Тогда, после 12 года, делали перепись, а я воображала, что жид точно рассказывал ей что-нибудь.

50* Вы видите, мадам, что мои маленькие ученики делают мне честь.

51* Ваше превосходительство Дориа, полагаю, что настало время покончить с этой турецкой крепостью (*ит.*).

Милая Адамовка, как я ее помню! Когда ехали туда, всегда спрашивали, как прикажете ехать — на Андреевское или Янгакраки, это название также, должно быть, турецкое. Дом в один этаж, под домом погреб для слива молока. Маменька всегда сама снимала сливки деревянной ложкой для кофия. Мебели были простого дерева, выкрашенные светло-желтой краской и маленькие букеты роз по ним, и у меня был свой стул и диван, все это было подарено Ришелье. Он говорил, что тогда во Франции была мода на такую мебель. Над домом был пригорок, на котором отец развел фруктовый сад, груши, и яблоки всех сортов, ему удалось даже развести ягоды. По левую сторону дома была черная мутная речка Тилигул, а за ней были ветлы, а за ними был огород. По правую сторону были рядом белые хаты крестьян, из первой избы была наша нянька Марийка, бабенка. В 5-ти верстах от дома был ключ, тем заключалось наше поместье.

Адамовку отец получил за взятие Очакова, там было 5000 десятин земли, ни кола, ни двора, от этого он и назвал этот клочок земли Адамовкой, купил или залучил хохлов, потому что край селился двояким образом. Рядом с Адамовкой было имение одесского коменданта, шотландца Фомы Александровича Кобле, которого называли Кобинькой. Его сестра была замужем за адмиралом Мордвиновым.

А на сегодня довольно, Николай Дмитриевич, сядемте у окна подышать свежим воздухом.

Я сбросила свои туфли, он встал, чтобы их поднять.

— Не трудитесь, я часто хожу не только без них, но босая, это мне не в диковинку, у бабушки мы бегали босые, в одних рубашках и от этого были здоровы.

— A juger par votre petite main, vos pieds devaient être très petits et très jolis.

— Oui, ils étaient très étroits et Pouchkine me disait qu'ils avaient de la physionomie. Mais quelle heure est-il?

— Il est 11 heures et demie.

— Oh, je suis fatiguée et vous aussi, je suppose, пора идти спать, до свиданья завтра.

На другой день утром я в 7 часов слышу его голос: «Mme Smirnoff!» Растворив немного дверь, я говорю: «Qu'est ce qu'il y a?»

— Il y a, Madame, que vous êtes d'une imprudence impardonnable, j'ai trouvé dans ma chambre un bout de cigarette et ce misérable Juif Haber s'est arrivé me dire que vous m'avez jeté un billet là.

— Le grand malheur qu'un misérable semi-peau comme Haber fasse des remarques sur moi, cela m'est parfaitement égal.

— Si cela vous est égal, je tiens beaucoup à votre réputation, ma cousine [52*].

[52*] — Судя по вашей маленькой руке, у вас должны быть очень маленькие и хорошенькие ножки.

— Да, они очень узкие, и Пушкин говорил мне, что у них есть своя физиономия. Но который час?

— Половина двенадцатого.

— О, я устала, и вы тоже, я полагаю⟨...⟩

...я говорю: «Что там?»

Vers midi il m'a donné le bras et nous sommes allés vers l'allée de Lichtenthal. Il a cueilli une marguerite et m'a prié de l'assembler. Arrivée à beaucoup, je l'ai puni et la lui ai lancée à la figure.

— Спасибо, cette marguerite ira rejoindre le bout de cigarette que j'ai précisement serrée dans mon calepin, les voilà.

En rentrant, après avoir fait une visite aux enfants qui dînaient, je suis rentrée et me suis étendue pour faire un petit sommeil, en lui faisant promettre qu'il respecterait mon sommeil. Il ne tient pas compte et je le menaçais de lui faire fermer ma porte. A mon réveil, il m'a prié de lui conter encore sur mon enfance, et j'ai repris mon récit sur ma grande-mère en Russe[53*].

— На станции Водяное, которая так значится на карте Новороссийского края, жила моя бабушка Екатерина Евсеевна Лорер ⟨рожденная княжна Цицианова⟩. Она давно была вдова, определила сыновей на службу, а дочерей, кроме меньшой, Веры Ивановны, повыдала замуж, как она выражалась. Тогда эта деревушка называлась Грамаклеей, и речка, которая там протекает, тоже называлась Грамаклеей. За дворовым строением был ключ, который бежал по кремням, там переезжали вброд, что случалось редко, если бабушка не едет к двоюродной сестре Елисавете Сергеевне Шклоревич, или та не заедет в Грамаклею. Елисавета Сергеевна была сестра княгини Анны Сер⟨геевны⟩ Кудашевой, но они были в ссоре, потому что Кудашева считала, что Шклоревич был не пара для княжны Баратовой. Но и бабушка и Елисавета Сергеевна не ставили ни в грош кудашевское княжество и говорили, что столбовой дворянин Шклоревич гораздо выше, как и прусский дворянин Лорер, а что в Грузии Кудашевы ездили у них на запятках.

Странно, что я вела самую кочующую жизнь, едва удавалось прожить два года на одном месте. Не могу себе представить, какие перемены произошли в этом краю, и сохранил ли он эту прелесть, которая мне так любезна. В самых красивых местах за границей мне всегда вспоминалась моя милая Грамаклея, и мне казалось, что всего лучше в этой бедной деревушке (там тогда было 150 душ на 5000 десятин земли).

Я уверена, что настроение души, склад ума, наклонности, еще не сложившиеся в привычки, зависят от первых детских впечатлений. Я никогда

— Вы, мадам, совершили непростительную неосторожность: я нашел в своей комнате окурок сигареты, и этот несчастный еврей Габер явился, утверждая, что вы бросили с ним мне записку.

— Вот беда, что такой жалкий полукровка, как Габер, отпускает замечания на мой счет, мне это совершенно все равно.

— Если вам это все равно, то я очень забочусь о вашей репутации, кузина.

[53*] Около полудня он дал мне руку и мы пошли к Лихтентальской аллее. Он сорвал маргаритку и предложил мне их собирать. Когда их стало много, я его наказала и бросила ее ему в лицо.

— ⟨...⟩ эта маргаритка присоединится к окурку сигареты, который я тщательно спрятал в свою записную книжку, вот они.

Вернувшись и навестив детей, которые обедали, я улеглась, чтобы немного соснуть, взяв с него слово, что он будет уважать мой сон. Он не принял это во внимание, и я пригрозила, что укажу ему на дверь. Когда я проснулась, он попросил меня рассказывать ему еще о моем детстве, и я возобновила свой рассказ о моей бабушке по-русски.

не любила сад или салон. Дитя любит более всего свободу, ему условное не нравится; как бы ни был убран сад, ребенка тянет за решетку, в поле, где природа сама убирает в вечно разнообразный наряд.

— Знаете ли, что это описание прелестно?

— Молчите, не перебивайте, вы охотник на комплименты, дамский кавалер и сердечкин, как выражаются губернские барышни.

— Слушаюсь и готов.

— В Грамаклее в 1816 году не имели понятия о том, что такое сад — и им обязана Грамаклея Ришелье[25]. Он проезжал мимо и видел, что бабушка сидела à l'ombra della casa[54*], как говорят в Италии, и сказал ей: «Катрин Евсеевна, зачем вы не сажал деревья?» — «Батюшка Дюк, где же мне их достать?» — «Я вам буду присылать из Одесса».

Через две недели пришли два воза корней, и Батист, садовник Дюка, их посадил вдоль речки Водяной. Они прекрасно прижились, и говорят, что вышел в самом деле прекрасный сад. Деревья не пользовались теми условиями, которые составляют вид. Лицом к большой дороге стоит господский дом в один этаж, вымазанный желтой краской, а крыша железная, черная; перед домом палисадник, сложенный из булыжника; в нем росла заячья капуста (valériana), барская спесь и голубые и розовые повилики, очень душистые; рядом с домом был сарай, крытый в старновку.

— Что такое старновка?

— Старновка — солома, стриженая вгладь. На этот сарай вечером прилетали журавли. При самом захождении солнца самец поднимал одну из своих красных лапок и трещал несколько минут своим длинным, красным же носом. «Журавли богу молятся,— говорили дети и люди,— пора ужинать». Против дома была станция (ее содержала бабушка), т. е. белая большая хата, также тщательно вымазанная. Речка, которая протекала вдоль сада, была темная, глубокая и катилась так медленно, что казалась недвижной среди тростника. В ней раз утонул человек — не было конца рассказам об нем: то видели круги на воде, когда он выплывал ночью при луне и зазывал запоздалых косарей и девок. Самое замечательное в Грамаклее, конечно, была невозмущаемая тишина, которая в ней царствовала, особенно когда в деревушке замолкал лай собак, водворялась синяя бархатная ночь, звезды зажигались вдруг с незаметной быстротой. Все окна были открыты, воздух был теплый (tiède), неподвижный, везде безмолвие и лень, казалось, что и за пределами Грамаклеи точно то же, и всегда и везде то же. Когда подавали ужин, бабушка садилась за стол, набожно перекрестившись, возле нее шурин ее Карл Иванович, потом мы, ее внучата, с нашей доброй Амальей Ив⟨ановной⟩. Тетушка Вера Ив⟨ановна⟩ всегда запаздывала и подвергалась не совсем благосклонным замечаниям бабушки о столичном воспитании в Москве у дедушки Дмитрия Евсеевича Цицианова.

— Дмитрий Ев⟨сеевич⟩ Цицианов, я его помню, он почти всякий день езжал к моему отцу.

— А вы знаете ли, как он объявил вашему отцу о кончине вашего

[54*] в тени дома (*ит.*).

брата? «Ну, я, брат, от Ростопчина, твой Алексаша убит[26], мой Дмитрий смертельно ранен и моя княгиня уж пустилась по церквям, я ей говорю: «Вы хнычете оттого, что богомольны, и забываете слова ап. Павла, что мы все там увидимся».

— Quelle belle consolation, ma pauvre mère n'a jamais pu se remettre de ce terrible coup, si santa a graduellement décliné et à 7 ans j'ai eu le malheur de la perdre.

— Pauvre Киса! Comme je sympathise avec votre orphelinage; je sais aussi ce qu'est l'orphelinage[55*].

Мы друг другу пожали руки.

— Тетушка Вера Ив‹ановна› рисовала à la sepia копии с Мадонн Рафаэля и играла на фортепиано, которое бабушка называла *Porto Franco*[27]. Эти два слова ничего не представляли ее понятиям. Сфера ее мышления ограничивалась очень простой сердечной молитвой, заботой по полевому и домашнему хозяйству и воспоминанием знатных господ, которых она знала. Она говорила с особой важностью о какой-то старой Кочубейше[28], а кто она была, я не знаю. Бабушку как будто раздражало то, что выходило из круга ее обыденной жизни, она, кажется, была в полном смысле русский консерватор, враг чуждых приемов и обычаев. Она не любила иностранные языки, и когда, бывало, Амалья Ив‹ановна› засадит меня и братьев за немецкие слова, она говорила: «На что это детей мучить — вот я так век прожила без языков, и за немцем была замужем. Хороший человек был покойный ваш дед, все его уважали в Херсоне, и место имел хорошее, был вице-губернатором, но только наживаться не хотел. Раз к нему приехал *Щенсна-Потоцкий*[29] и просил его заняться его процессом; покойник его кончил в два года, Потоцкий так был рад, что предложил ему 2000 душ, но он отказался от них: «Я исполнил свой долг, мне платит государь, а ежели вам угодно сделать мне что-нибудь приятное, у меня нет часов. В Херсоне они не нужны, но так как я выслужил себе право на пенсию, то хочу выйти в отставку и поселиться в имении жены; у нее был маленький капитал, она купила 5000 десятин земли при реке и при ключе и построила маленький домик — в деревне часы мне будут очень нужны». Потоцкий прислал ему золотые часы в 380 р., «а як он, голубчик, скончался, и закатилось мое солнце, я их остановила на том часе и поховала», т. е. спрятала.

— Как все это трогательно!

— Dans toute cette existence, si simple, il y a de l'idylle, tant comme «Старосветские помещики» de Gogol[56*].

— De Gogol? Qui est Gogol?

— Ах, Киса, mais dans quel monde vivez-vous?

[55*] — Хорошо утешение, моя бедная мать никогда не смогла оправиться от этого ужасного удара, ее здоровье постепенно пошатнулось, и в 7 лет я имел несчастье ее потерять.

— Бедный Киса! Как я сочувствую вашему сиротству, я тоже знаю, что это такое.

[56*] — Во всем этом существовании, столь простом, есть что-то идиллическое, как в «Старосветских помещиках» Гоголя.

—Que voulez-vous, les Russes qui vivent à Paris, ne parlent que chiffres. Chiffres ou maladies[57*].

— Гоголь — автор романа «Мертвые души» и малороссийских сказок. Пушкин от них в восторге. Еще есть комедия под названием «Городничий», в ней выставлены на вид наши взяточничества. Ее не решались допустить для представления, но государь приказал выдать ему четыре тысячи и поставить ее. Сам приехал в театр, постоянно аплодировал и смеялся. В партере были все первые чины, многие в душе морщились, но ваш брат Павел Дмитриевич, граф Нессельрод и двое Горчаковых веселились от души, за ними не водятся эти грешки. Автора усиленно вызывали, но он скрылся[30]. Я могу вам дать все его сочинения, у меня есть несколько его писем. Вот что: диктовать целый день — монотонно, то мы будем иногда читать.

— Отлично, только продолжайте о вашей бабушке.

— Она говорила еще, что когда род Цициановых с царем Вахтангом приехал в Россию и поступил в подданство, то их отцу даны были на юге земли и 500 душ. Дмитрий Евсеевич был флигель-адъютантом Потемкина и женился на Варваре Егоровне Грузинской, за которой взял 8000 душ, дом, занимавший полквартала, потому что церковь Рождества в Кудрине была в их саду. Это мне после рассказывала тетушка Елисавета Дмитриевна. Старшая сестра бабушки получила землю под Балтой и была вдова Гангеблова. Другая была за Шмаковым, еще одна за Чепелевским, а последняя за грузином Бонгескулом. «И так я, душенька, осталась без состояния, но господь помог, сыновья на службе, а дочерей пристроила — Катя замужем за Артемием Ефимовичем Вороновским и живет в Пондике, Лиза за Каховым и живет под Соколами в Каховке. А твоя маменька была замужем за Осипом Ив⟨ановичем⟩ Россет. Умный, хороший был человек, а у Дюка правая ⟨рука⟩, все его любили и уважали, ему дали имение под Одессой за Очаков, тоже в Бессарабии и в Крыму землю. Уж не знаю, куда они девались. Он, кажется, продал, построил дом в городе и завел хутор. А теперь, душенька, все пойдет даром, потому что твоя мать вышла замуж за полковника Арнольди».

Такие разговоры мы слышали часто. И тут бабушка вздыхала и замолкала надолго. Потом, как бы опомнившись, начинала пересчитывать сыновей. «Вот Александр служил в уланах, все кампании делал, а теперь в отставке и женился на Корсаковой, у нее большое имение там где-то под Петерб⟨ургом⟩, но она все по-французски, и теперь она в Италии, и всё пишут, что лучше, чем у нас. А, по-моему, жили бы у себя в Гарнях, чего им там недостает? Николай теперь служит в Варшаве, он мот и балагур, а Митю я жду сюда. Женился он в Курске на княжне Волконской, племяннице безносого Прозоровского, который командует корпусом; оно бы хорошо, да имения нет никакого, совсем бедная девушка и воспитывалась в Екатерининском институте, и, верно, пустякам и все по-фран-

[57*] — Гоголя? Кто это Гоголь?

— Ах, Киса, на каком свете вы живете?

— Что вы хотите, русские, живущие в Париже, говорят только о цифрах. Цифрах и болезнях.

цузски». У бабушки странным образом сливались понятия о настоящей аристократии и о чиновной знати. Однажды у нее остановился князь Федор Голицын [31] и спрашивал ее о ее детях — она позвала Дмитрия Ив⟨ановича⟩ и сказала: «Пересчитывай их». Он начал: «Сестра Екатерина за Вороновским».— «Не с того конца начал: сестра Надежда замужем за генералом Арнольди...». Голицын мне говорил, что она была такая оригиналка, что он нигде не проводил приятнее время, как у нее. И государь ее знал.

Утром рано Гашка мыла полы песком и мылом, и два раза в неделю вощила всю мебель красного дерева, и так терла тряпкой столы, что в них можно было глядеться, но если чуть что не так, то бабушка Гашку била по щекам.

— Как, собственноручно била Гашку?

— Еще бы, чему вы удивляетесь? Да, я чай, и ее били по щекам, когда она была маленькая. Но я раз видела ужасную вещь в передней. Бабушка меня послала туда, я прибежала в ужасе и сказала ей, что в передней сидит мужик-козел, и ноги у него в ящике, и слезно просила, чтобы его отослали в деревню.— «Дурня, то мужик наказан, и ему надели рогатину, а ноги в стульях». Бабушка тотчас велела снять с него это ярмо и велела спрятать эти пытки в амбар.

— Неужели это еще и теперь продолжается?

— О нет! Уже в четвертом году император Александр строго запретил продавать людей по одиночке. Фрейлина Олимпиада Петровна Шишкина мне говорила, что когда она вышла из Смольного монастыря, то на рынке ей купили девку за 8 р. Государь приказал продавать семьями, а теперь и это запрещено — продают имение с крестьянами [32].

Иногда Амалья Ив⟨ановна⟩ вступалась за воспитание и французский язык; как представительница западного образования она считала себя обязанной промолвить словечко в пользу этого воспитания. Но бабушка, всегда ласковая с ней, не обращала внимания и продолжала порицать все иностранное. Добрая старушка Амалья Ив⟨ановна⟩ была идеал иностранок, которые тогда приезжали в Россию и за весьма дешевую цену передавали иногда скудные познания, но вознаграждали недостаток знаний примером истинных добродетелей, любви и преданности к детям и дому, который принимал их гостеприимно и радушно.

Бабушка сидела всегда почти у порога своей конторы, так что она могла видеть les 4 coins cardinaux [58*] своего маленького царства. С утра одета в белый канифасовый капот и большую пелеринку, в белом чепце в очках, она вязала чулки, сидела в собственном деревянном кресле у столика, на котором стояла ее табакерка и носовой платок. Я сидела на деревянной скамейке у ее ног и была у нее на побегушках. Когда бабушка выезжала на так называемых поповских дрожках...

— Что такое поповские дрожки? Я в Петерб⟨урге⟩ езжал на паре.

— Поповские дрожки — двухместная линейка, в них сидишь боком. Тогда приказчик Роман ехал верхом на рыжей худой лошади, сам же

[58*] четыре стороны.

он надевал долгополый синий сертук домашнего изделия и чоботы. Когда бабушка брала меня с собой, я сидела с ней рядом без шляпки, без пелеринки. Амалию Ив⟨ановну⟩ это приводило в ужас, и она кричала: «Ach, mein Gott, Sie bringt ein Sonnenstich»[59*]. Но когда было слишком жарко, я подползала под фартук и возвращалась, припеченная солнцем и предовольная. Жизнь была незатейливая, слава Богу. Когда приезжали на почту важные господа, генералы или петербургская знать, их просили отужинать, даже переночевать в доме. Для капитанов и мелких помещиков была чистая комната на станции. Раз приехала прямо к дому какая-то графиня, такая бесцеремонность немного смутила бабушку, однако ее приняли; с графиней была девочка, у которой была большая кукла с серыми злыми глазами; мне казалось, что она на нас смотрела с презрением. Может быть, что серые злые глаза были не у куклы, но у столичной девочки.

Бабушка не имела знакомства по соседству, она терпеть не могла Кашперовых и Бредихиных и говорила: «Що воны думают, що я поиду к ним, гордятся, что у них по 500 душ!» К ней ездила ее внучатная племянница Марья Павловна Кулябка, рожденная Ворожейкина, и всегда с гостинцем. Но приезд Елисаветы Сергеевны Шклоревич был истинным праздником для всего дома. Улька, бедная девушка, которая жила в Грамаклее, объявляла нам, что мы можем делать, что хотим, потому что обе старушки в гостиной, куда подали варенье, дыни, арбузы и всякие сладости. Они друг другу говорили «вы» и все сплетничали насчет Кудашевых: «Представьте, Екатерина Евсеевна, что я сестру три года не видела, зачем мне ехать в Виску, она хвалится, что у нее 1000 душ».— «А я, Ели́савета Сергеевна, всего раз была у нее, она все говорит, що в ней дом со столбами, а уж зато какая нечистота, везде пыль. Князь,— какой он князь, мы это знаем,— в зеленом бархатном халате и с собольим воротником. Одно у них хорошо — бублики да сырники.

— Что такое бублики?

— То же, что у нас баранки, но только они гораздо вкуснее.

«Зато в мене сосиски и сальные свечи лучше, и вся дворовая птица откормлена как нельзя лучше. Уж такой пасхи ни у кого нет, как у вас и у меня. А варенье у нее все на меду, и она без стыда им потчует. Яйцы у нее красные, а у нас писанки».

— Что такое писанки?

— Девки красят их зеленью и делают по ним разводы краской. «Да, я могу похвастать своим вареньем; не забудьте сказать Роману, чтобы он в Николаеве купил 5 ф⟨унтов⟩ сахару, я свой издержала для вашего варенья».

Однажды Елисавета Сергеевна просила бабушку отпустить к ней тетушку Веру Ив⟨ановну⟩ и меня, на что она, конечно, согласилась. Амалья Ивановна тотчас выбрала мне белье и платье, и мы уселись в дормез, висящий превысоко, который качался, как люлька. Когда подъехали к броду, пошли толки, как совершить этот подвиг, точно как будто никогда никто через него не проезжал. Ничипорка решил, что опасности нет,

---

[59*] Ах, Боже мой, у нее будет солнечный удар (*нем.*).

и дормез пошел прыгать по камням. Елисавета Сергеевна все время крестилась, и, наконец, мы поехали по самой гладкой дороге, мимо полей пшеницы, проса и маку. Сеяный мак светло-лилового цвета и очень красив.

— Какое это имя Ничипорка?

— Это исковерканное имя Никифора. У нас был человек, которого звали Элпидифор, а звачка его была Пожидорка. Есть св. Феопемпт, а зовут его Фопем.

Баратовка меня поразила своим великолепием. Церковь была большая, дверь была открыта, звонили на приезд барыни, вошли помолиться, и меня удивила позолота. У Андрея Первозванного, куда бабушка ездила в воскресенье, не было позолоты, и образ Андрея Первозванного был престрашный: совершенно казак, с большими усами и пикой. Бабушка всегда нас поднимала и прикладывала.

— Quelle dévotion peut-on avoir pour une image pareille, je ne comprends pas.

— On a cependant de la dévotion pour les peintures noires qui ornent nos églises de Moscou.

— Certainement, et je le comprends, il y a une espèce de beauté étrange dans ces peintures noircies, et que la dévotion a recouvertes d'or et de pierres précieuses.

— C'est peut-être une affaire de sentiment et de souvenir, qui sait, si ma pauvre grand-mère n'y a pas eu de grandes consolations afin la mort de mon grand-père, et cette consolation lui a été accordée auprès de cette affreuse peinture. L'église est à 7 werstes de Грамаклея et atteler est toujours une affaire dans un petit établissement[60*], и в такой глуши.

— Так вы знали бедность?

— Еще бы! Я знала бедность и лишения до замужества, но об этом после.

— Так что теперь вы вполне счастливы?

— Разве счастье только в богатстве?

— Зачем вы вздохнули?

— Так... А вы зачем вздохнули?

— Coeur qui soupire n'a pas ce qu'il désire.

— Je répéterai après vous, coeur qui soupire n'a pas ce qu'il désire[61*]. И дом в Баратовке был больше грамаклеевского. Елисавета Сергеевна объявила, что на другой день мы поедем на именины к ее соседям Требинским. С вечера приказано было Ничипорке осмотреть карету и заготовить абрикосы в гостинец. Кто не жил в губернии, не знает, что за

[60*] — Не понимаю, какое благоговение может быть к подобному образу.

— Благоговеют же перед черными иконами, украшающими наши московские церкви.

— Конечно, и я это понимаю, есть некая странная красота в этих почерневших иконах, которые благочестие покрыло золотом и драгоценными камнями.

— Это, может быть, дело чувства и воспоминаний, и кто знает, что было бы, если бы моя бедная бабушка не имела бы утешений после смерти моего деда, а утешение к ней приходило перед этой ужасной иконой. Церковь в 7 верстах от Грамаклеи, а запрягать — это всегда целое дело в таком маленьком селении

[61*] Сердце, которое вздыхает, не имеет того, чего желает.

— Я повторю за вами, сердце, которое вздыхает, не имеет того, чего желает.

магическое слово именины. Вы, верно, помните, как Пушкин описывает именины:

Заря багряною рукою
Выводит за собою
Веселый праздник именин.

Но ведь он это взял у Ломоносова:

Уже заря багряною рукою
С зеркальных спокойных вод
Выводит за собою...[33]

далее не помню.

— Comme c'est beau[62*] — с зеркальных спокойных вод, и какая у вас память!

— Наш учитель словесности был Петр Александрович Плетнев, который теперь учителем при царских детях. Пушкин ничего не печатал без его одобрения, у него такой верный эстетический вкус. А как хороши стихи Ломоносова на грозу:

Гремит! Благоговей, сын персти,
Се ветхий деньми с небеси
Перуны сеют по земли.

Есть еще его стихи, которые я никак не могу припомнить:

Где был ты? Как в стройном чине
Прекрасный сей украсил свет? [34]

— Ничего-то я не знаю, и когда-нибудь я запасусь русской литературой и займусь ею.

— Однако который час?

— Только 10-ть часов, и вы, пожалуйста, доскажите вашу поездку в гости.

— Мы тронулись рысцой, но на седьмой версте, на маленьком косогоре, карета опрокинулась, и все вскрикнули, кучер лежал без памяти, форейтор стоял у лошадей; к счастью, проходили крестьяне, и нас начали вытаскивать: сперва тетушку Веру Ив⟨ановну⟩, потом девку, которая всей тяжестью лежала на мне, а я носом очутилась в корзине абрикосов, которые, конечно, ела. Елисавету Сергеевну, которая была очень высока, с трудом вытащили. Наконец подняли экипаж; так как кучер очнулся, то мы шагом поплелись домой, и сконфуженный экипаж явился у подъезда к удивлению собравшейся дворни. Елисавета Сер⟨геевна⟩ охнула, когда увидала на моем лице шишки радужных цветов, которые она тоже называла гуглями, как Пульхерия Ив⟨ановна⟩, и у нее тоже были всевозможные снадобья. Она велела настругать кору с ивняка и прикладывать на больные места. Меня положили в постель и баловали страшным образом, т. е. всякую минуту давали что-нибудь скушать. «Екатерина Евсеевна дала дитя на руки, и привезут ее изуродованную!». Через три дня на-

---

[62*] Как это прекрасно

добно было вернуться, остались только желтые пятна. Я прямо побежала к своей Амалье Ив⟨ановне⟩, а Улька проводила Елисавету Сергеевну в гостиную и объявила нам, что ждут дядю Александра Ив⟨ановича⟩ и Марью Ив⟨ановну⟩. Им приготовили большую спальню и гостиную, потому что Дмитрий Ив⟨анович⟩ еще ждет отставку в Курске.

Оставались они недолго, Марья Ив⟨ановна⟩ за столом говорила своему человеку Никите: «Неправда ли, Никита, что церковь св. Петра гораздо более и лучше нашей Казанской в Питере?»

— Помилуйте, Марья Ив⟨ановна⟩, в нее можно поместить 10 Казанских.

— Что ты брешешь (т. е. лжешь), грубый дурак, як ты смеешь разговаривать при господах?!

Александр Ив⟨анович⟩ делал знаки жене молчать и начинал хвалить жареного поросенка, индейку с начинкой и соления Малашки. После обеда Марья Ив⟨ановна⟩ выходила в сад и играла на флейте, такая была мода:

Ma Fanchette est charmante
Dans sa simplicité,
Je sais bien sa servante
En toute une beauté [63*].

Fanchette était très complaisante, toutes les romances françaises sont dans ce goût. C'est comme «Ah, mon Dieu, Mr Denis», qui fait rire toute la salle, et en dit que c'est plein d'équivoques [64*]. Ну, что в этом веселого? Вот когда Жуковский начнет рассказывать свои анекдоты о том, что готовится для Вольтера, я смеюсь, хотя он двадцать раз их повторит. Я вам расскажу один анекдот.

— Что за радость сквернословить?

— Совсем не сквернословить.

— Ну, так мерзословить — такому хорошенькому и маленькому ротику.

— Совсем не так вы выражаетесь. Жуковский говорит: уста размалеваны богом любви.

— Я воображаю, сколько стихов написали вам наши поэты.

— Есть, но более шутовские Вяземского. Я жила рядом с ними на Морской и была больна. Он мне написал:

Как жаль, что расклеилась клетка,
В которой ici-bas [65*] тоскует колибри [35]

— Когда я буду камергером, а это неминуемо, то сделаю золотую клетку, посажу вас в нее и запру вас своим камергерским ключом.

— А кто вам сказал, что я туда сяду?

— Кто? La petite souris [66*].

63* Мила моя Фаншетта/В своей простоте,/Ее служанку знаю я/Во всей ее красе.

64* /Фаншетта была весьма снисходительна, все французские романсы в этом вкусе. Это как «Ах, боже мой, мсье Дени», от которого весь зал смеется и говорят, что он полон двусмысленностей.

65* в этом мире

66* маленькая мышка

— Кстати о мышах. Я их смертельно боюсь, а у нас их гибель. Оля их тоже боится.

— Я приеду с Михайлой и заколочу все дырочки.

— Еще Вяземский мне писал:

Моей соседке, с Венерой однодомке,
Та царствует на дне морском.

А это в квартире на Морской. Впрочем, у меня есть альбом, в котором есть стихи, и также коллекция шутовских писем Жуковского и письма Гоголя[36].

— A juger d'après votre petite main, votre pied doit être très petit, avez-vous une paire de pantoufles?

— Oui, j'en ai une d'avant mon mariage. Лиза, принеси красные туфли с черным мехом.

— Dieu, que c'est mignon, il n'y a que trois de mes doigts qui y entrent. Donnez-les moi.

— Prenez-les, mais elles n'entreront pas dans votre calepin.

— Oh, je prévois que vous me donnez beaucoup de trésors, et à Paris je ferai faire une caisse en bois de cyprès.

— Merci de cyprès, voulez-vous déjà m'enterrer? [67*]

— Quelle idée, je vous prédis une longue vie, vous êtes d'une nature si saine, vous ne vous recrachez presque pas, jamais vous ne crachez, c'est un de vos grands charmes aussi, et puis il n'y a jamais aucune odeur autour de vous, que celle du pahitos que vous avez rendue agréable.

— Ну уж, пошел строить комплименты. Cela me rappelle qu'une fois j'ai enquêté 1000 roubles à Joukoffsky, qui m'a écrit [68*]:

дано в час добрый без процентов
взаймы ей тысячу рублей [37].

Сологуб me les a volés et je ne sais pas ce qu'ils sont devenus [69*].

Однако, который час?

— Половина двенадцатого.

— Пора спать. Ах, какие у вас прекрасные часы! Покажите.— И взяла их в руки.

67* — Судя по вашей маленькой ручке, у вас должна быть очень маленькая нога, есть у вас пара домашних туфель?

— Да, они были у меня еще до моего замужества. ⟨...⟩

— Боже, какие крошечные, туда войдут только три моих пальца. Подарите их мне.

— Возьмите, но они не войдут в вашу записную книжку.

— О, я предвижу, что вы мне дарите так много сокровищ, и в Париже я закажу кипарисовый ящик.

— Спасибо за кипарис, вы хотите уже меня похоронить?

68* Что за мысль, я предсказываю вам долгую жизнь, у вас такая здоровая натура, вы почти никогда не плюете, никогда не брызгаете, это тоже одно из ваших очарований и потом вокруг вас всегда один лишь запах пахитос, который вы сделали столь привлекательным ⟨...⟩ Это мне напоминает, как я однажды взяла у Жуковского взаймы тысячу рублей, и он мне написал:

69* Сологуб у меня их украл, и я не знаю, куда они делись.

— Это часы отца, мне их дал Павел Дмитриевич. Ничего-то у нас не осталось от огромного состояния.

Он вспыхнул и поспешил домой.

На другой день утром, в осьмом часу, мы друг другу кивнули дружески, я пошла к нему навстречу и узнала, что у него очень дурной кофий.

— Так что же вы не завтракали у нас?

— Николай Михайлович найдет, что это уж чересчур нецеремонно.

— Ничуть не бывало, он будет очень рад и ⟨будет⟩ рассказывать про свои похождения на рулетке, а я выучу Михайлу варить вам кофий, Эйландт ему покажет всю процедуру.

Кофий оказался очень хорош, а Николай Михайлович начал «impair», «rouge», «noir», «le jeu est fait», «rien ne va plus»[69а*], гадкая Mme de Lage десять раз прошла по красной, я же ставил на черную и продулся.

— Я, право, братец, не понимаю, как ты можешь летом выносить эту душную и, извини, вонючую атмосферу. Лето — дар божий, летом запасаемся здоровьем на зиму.

— Я, славу Богу, и так здоров. Что дети, здоровы? Прощайте, иду на рулетку, я жду сюда Александра Долгорукова, у него есть martingale[70*].

— Что такое martingale? Это, кажется, для лошадей?

— Нет, да вам нечего толковать, вы ничего не понимаете.

— Это все хорошо, но я думаю, что вы не все рассказали о Грамаклее, а так как я принес тетрадь от Marx, то и жду диктовки.

— Что бишь я хотела еще вам рассказать? Вяземский все меня дразнит, что я часто говорю *что бишь* и вместо намедни — намнесь, так что я уже не говорю более намнесь.

После отъезда Александра Ив⟨ановича⟩ приехал дядя Дмитрий с женой, весьма застенчивой, милой и доброй женщиной; она так смиренно ⟨подошла⟩ к руке бабушки, что совершенно ее обворожила, и они живут припеваючи. Из Пондика приехала тетушка Дунюшка, она была менее красива, но была очень милая и тихая. Раз вечером пришли сказать, что на станции капитан-лейтенант Вантос Ив⟨анович⟩ Драгневич просит позволения представиться, у него сломалась ось в бричке и потребуется следующий день на починку.

— Позвать его ужинать, а ночевать пусть ночует на станции! Что вы смеетесь?

— Странное созвучие: Вантос и Драгневич.

— Что тут смешного, Вантос по-французски Batiste, а Драгневич — серб. У меня есть троюродный брат Штерич, есть и Перич, и Норич и Божевич, далее Пенцевич. Ничего-то вы не знаете. Екатерина переселила много сербов под Екатеринослав, в Славяносербскую колонию, там, кажется, есть какие-то воды. Доложили об Вантосе, вошел очень смуглый, курчавый и плотный господин, он расшаркался и подошел к руке бабушки

69а* «нечет», «красное», «черное», «игра сделана», «ставок более нет»

70* Зд.: удваивание ставки при проигрыше.

и благодарил за честь. За ужином уплетал порядком и все хвалил ее кулеш. Кулеш это вода с луком и маленькими галушками, право очень хорошо, как это ни кажется странным; к жареной индейке подано было соленье такое, что объяденье, вареники с ежевикой, и тем заключилась трапеза. Когда он уходил, бабушка пригласила его к обеду, в случае, ⟨если⟩ экипаж еще в починке. Вантос ne s'est pas fait prier [71*], пришел рано утром, встретил Дунюшку и погулял с ней в саду, потом обедал. Что было за обедом, не помню, le menu n'était pas varié, mais toujours très bon [72*]. После обеда Сидорка, который к обеду надевал *чоботы*, т. е. сапоги, принес гитару на голубой ленте, и Вантос пел: «*Тише, ласточка болтлива*» [38] и еще «*Ах, Саша, как не стыдно сердце взять и не отдать*». При последних словах он, вероятно, взглянул на Дунюшку, потому что на другой день просил руки бедной Дунюшки.

— Почему же бедной?

— Вот вы увидите. Бабушка так рассердилась, сказала, что ни за что не отдаст дочери за неизвестного ей человека, да кто он из виткиля, т. е. откуда, у нее все дочери за людьми известными, и щоб вин убирався со своей бричкой и гитарой.

Увы, Дунюшка пошла тайком на станцию, села в бричку Вантоса, в Херсоне они обвенчались, свидетелем и посаженым отцом был честный друг нашего семейства Дубницкий. Оттуда она писала, но от бабушки не получила ответа. «Вот до какого срама я дожила,— говорила она, заливаясь слезами, а бедная Дунюшка помешалась и умерла в чахотке. Вантос из бедного достатка поставил ей памятник, разбитую урну на камне, перестал играть на гитаре и проводил все свои дни у этой бедной одинокой гробницы. Он тоже, как все моряки, был очень набожный, часто приобщался. Mais, Киса, vous pleurez?

— C'est que c'est si touchant, cette douleureuse silence près de cette tombe solitaire où reposait cet être si pure [73*].

— Почувствовав свой конец, притащился к памятнику с гитарой, громко запел ей вечную память, и так громко, что сбежались соседи, а последнее его слово было: «Дунюшка, спешу к тебе, мой друг». Дубницкий похоронил его возле нее и с ним гитару на голубой ленте. Для этого было продана его бричка и его бедные пожитки, он сообщил их кончину бабушке.

— Нет, я вашу бабушку разлюбил.

— Зачем? Бедная бабушка иначе не могла поступать, она так была воспитана. Она писала маменьке, в Усмань уже: «Господь успокоил душу нашей Дунюшки и Вантоса, а нам за них остается молиться». Бабушка была вспыльчивая; мне гораздо позже рассказывал дядя Николай Ив⟨анович⟩, что он у нее гостил и нашел раз, что она очень грустная.— «Маменька, что вы такие грустные?» — «Душенька, я вспомнила, что я раз посла-

---

[71*] не заставил себя долго просить

[72*] меню не менялось, но всегда было очень вкусно.

[73*] Но вы плачете, Киса?

—Потому что это так трогает, такое страдальческое молчание у этой одинокой могилы, где покоится столь чистое существо.

ла твоего отца в поле, он не так исполнил мою комиссию и воротился кофий пить, я рассердилась и велела ему идти к немцам — он был такой кроткий, ничего не сказал и пошел к ним, мне так стало его жалко, что я велела туда перенести наш кофий».

Я помню, что маменька в Усмани раз очень смутилась. Она писала бабушке и начала письмо так: «Почтеннейшая матушка». Бабушка рассердилась и отослала ей письмо, и продиктовала тетушке Вере Ив‹ановне›: «Ты, Надька, совсем зазналась. Матери пишут: «Милостивая государыня и почтеннейшая матушка».

— Да где этот Усмань? И зачем вы там жили?

— Усмань — уездный город Тамбовской губернии. Мы там жили, когда маменька вышла вторично замуж за безногого полковника Арнольди. Это еще впереди. Когда-то я увижу Грамаклею, Пондик, Одессу и все милые места? Иногда вечером, играя перед домом, когда ласточки, возвращаясь домой под крышу, так низко летели, что поднимали пыль, и нам казалось, что можно их поймать. Чумаки — это то же, что у нас извозчики,— погоняли коротеньким хлыстиком своих белых волов, лениво крича: «Цоб цобе», т. е. пошел. Они ходят в белых рубахах, покрытых смолой, из предосторожности от насекомых, и курят люльку, т. е. коротенькую трубку. Бабушка всегда им высылала не горелку, но арбузы, дыни и хлебы. Не устали вы? Я немного отдохну; пойдем, сядем на ту лавочку, где сидит Беверлей.

— Хорошо, да кто такой Беверлей?

— Это тот старичок, который подбирает навоз руками в корзинку; он приходит к нам обедать, c'est le grand ami des enfants, et puis il y a un homme qu'on appelle «der alte Mann aus Tegenau», et puis «der Blinde auf dem Lage»; elle jouait avec les enfants de ce malheureux et achetait des joujoux pour eux chez «très joli chapeau».

— Quel cercle de connaissances! Qui est «très joli chapeau»? [74*]

— C'est une fille très laide qui a un cramladen, elle ne sait que cela en français et les compliments sur leurs chapeaux.

En rentrant je lui dis: «Je vais encore voir les enfants». Eylandt berçait encore Oly qui s'endort toujours difficilement, Adini dormait d'un sommeil profond. Il l'a longtemps regardée et me dit: «Quel beau front elle a, cette enfant, c'est comme si sa pensée était concentrée et qu'elle était dans un monde meilleur».

— Ах, что за ужас вы говорите, comment parler de mort près du berceau d'un enfant!

—Je n'ai pas dit mort. J'ai dit: un monde meilleur; que Dieu veuille vous épargner la douleur de perdre un enfant, il me semble que cela doit briser le coeur.

— Ne parlons pas de ces choses, я, пожалуй, не засну.

[74*] это большой друг детей, а потом есть человек, которого называют «старик из Тегенау» (*нем.*), и еще «слепой на месте» (*нем.*); она играла с детьми этого бедняка и покупала им игрушки у «очень хорошенькой шляпки».

— Какой круг знакомых! Кто это «очень хорошенькая шляпка»?

— А я так почти совсем не сплю, mais je ne me plains pas — j'ai de beaux yeux noirs à Paris, auxquels je pense[75*].

— Je vous ai bien dit que vous avez un attachement à Paris, puisque votre pruderie n'admet pas que je lui donne le vrai nom.

— Que Dieu me préserve d'abuser de la confiance qu'elle me temoigne, son mari est un ami à moi et me permet de passer toutes mes soirées avec elle, elle n'a pas d'enfants et quoique son mari soit excellent, elle n'est pas heureuse — tandis que vous êtes très heureuse.

— Certainement, j'ai pas d'autres plaintes que ce vilain jeu; autrement je n'ai absolument rien à redire. Bonsoir et tâchez de moins penser à vos yeux de Paris et de dormir. Et à propos, ou plutôt à propos de bottes, où dîne Михайла?

— Ah, pauvre homme, il cuit quelque chose à la cuisine de Cléopâtra.

— Dites-lui de venir dîner avec les bonnes, il reste toujours assez pour les deux grands repas[76*].

— Je vous serai bien reconnaissant, et vous demanderai la permission d'imiter le meuble le plus indispensable quand on prend les eaux.

— Ах, бедный Киса, у нас есть лишний, мой путешественный, il n'a qu'à le prendre, je vous en fait cadeau, vous pourrez le mettre dans la boîte en cyprès.

— Ну, зачем опять шалить?

— Il faut vous dire que Joukoffsky dîne tous les samedi chez les Wielhorski; le dîner est soigné et Жук мне писал, что обед с макаронными ушками на бульоне. Une fois après un dîner copieux il est entré dans le lieu et 'a trouvé près du grand fauteuil une modeste petite chaise et en rentrant chez le Comte il lui dit: «А этот маленький у тебя по особым поручениям, вероятно?»

— Mais quelles polissonneries impardonnables vous dites et vous laissez dire.

[75*] — Это очень некрасивая девушка, у которой кондитерская лавка, она только это и знает по-французски и комплименты их шляпкам.

На обратном пути я говорю ему: «Пойду еще взглянуть на детей». Эйландт еще укачивала Оли, которая всегда засыпает с трудом, Адини спала глубоким сном. Он долго смотрел на нее и сказал мне: «Какой прекрасный лоб у этого ребенка, кажется, что она глубоко задумалась и находится в лучшем мире».

— ⟨...⟩ как можно говорить о смерти у колыбели младенца!

— Я не сказал смерть, я сказал лучший мир; храни вас боже испытать горе потери ребенка, мне кажется, что это должно разбить сердце.

— Не будем говорить о таких вещах ⟨...⟩

— ⟨...⟩ но я не жалуюсь — у меня есть в Париже черные глаза, о которых я думаю.

[76*] — Я вам уже говорила, что у вас есть в Париже привязанность,— поскольку ваша стыдливость не позволяет мне назвать ее настоящим именем.

— Сохрани меня Боже злоупотребить доверием, которое она мне оказывает, ее муж мой друг и разрешает мне проводить с ней все мои вечера, у нее нет детей, и как ни хорош ее муж, она несчастлива — тогда как вы очень счастливы.

— Конечно, я могу жаловаться только на эту дикую игру, нет никакого другого предмета для порицания. До свидания и постарайтесь поменьше думать о парижских глазах и спать. А кстати, или, скорее, некстати, где обедает Михайла?

— Этот бедняга, он варит что-то на кухне у Клеопатры.

— Скажите ему, пусть приходит обедать с нянями, остается всегда достаточно для двух обедов.

— Vous êtes comme mon mari, qui se scandalise de chaque mot [77*].

— Il a parfaitement raison [78*].

На другой день мы гуляли, и когда пришли домой, отправились к детям. Киселев сел на пол и с ними возился; потом я легла отдохнуть, и ему незачем было мух гонять, я вспомнила, что в России их ловят в стакан. Проснувшись, он меня спросил, какое впечатление на нас, детей, произвела чума.

— Ах, эта страшная чума, я ее очень хорошо помню. Маменька всегда сидела в комнате окнами на двор, герцог обходил весь город и сам спрашивал о состоянии здоровья в домах. Однажды он спросил матушку, когда она видела д-ра Антонио Рицци. Она сказала: «Avant-hier il était assis dans ce voltaire».— «Faites vite emporter ce meuble. En faisant l'opération de bubon, il s'est blessé et il est mort de la peste ce matin; c'est une grande perte pourvu que nous n'en avons pas de plus doul ureuses, je vous recommande comme médecin Carouso, c'est un Grec très habile» [79*]. Мы сидели в зале, где я играла с попкой и считала проезд страшных дрог, на которых везли трупы чумных. Колодники в засмоленных рубахах гремели цепями, с ними шли караульные. Трупы бросали в море, потому что недоставало способов их жечь. Когда папенька возвращался из карантина, первым нашим движением, конечно, было броситься ему на шею, но он поспешно шел в комнату, где его обливали уксусом, обкуривали, и тогда он нас брал на руки, целовал и с нами входил к матушке; он целовал ее в лоб, а она целовала его руку. Чума все еще не уменьшалась, и герцог столько же был озабочен, как и Татася, потому что наша армия была под Измаилом; все распоряжения Ришелье были самые благоразумные; полк, который квартировал в Одессе, был выведен в поле, город был оцеплен так, что никто из него не мог выйти. Все эти иностранцы, которые помогали Дюку, точно подвизались, как будто для своего отечества. Мне это все рассказывал дядя Николай Ив‹анович›. Вокруг герцога собрались лучшие эмигранты [39], его двоюродный брат Rastignac, Rochechoir, Mortemart, le marquis de la Maisonfort, le Comte de Castelnau, le Comte d'Olonne, le Comte d'Alainville, le Comte de St. Priest. Когда император послал Ришелье генерал-губернатором в Одессу, он ему сказал: «Mon cher Duc, chargez-vous de

---

[77*] — Я буду вам очень признателен и попрошу позволения скопировать предмет столь необходимый, когда принимают воды.

— ‹...› можете его взять, я вам его дарю, и вы можете положить его в кипарисовый ларец.

— ‹...›

— Надо вам сказать, что Жуковский по субботам обедает у Вьельгорских; обед очень тщательно приготовленный и ‹...›. Однажды после обильного обеда он входит в одно место и находит рядом с большим креслом маленький скромный стульчик. Вернувшись к графу, он ему говорит: ‹...›»

— Но какие непростительные вольности вы говорите и позволяете себе говорить.

— Вы точно мой муж, который негодует при каждом слове.

[78*] — Он совершенно прав.

[79*] Позавчера он сидел в этом вольтеровском кресле.

— Прикажите скорее вынести эту мебель. Оперируя бубон, он поранился и сегодня утром умер от чумы; это большая потеря, только бы не было у нас еще более чувствительных; я рекомендую вам в качестве врача Карузо, он очень искусный грек.

cette contrée, vous savez comme j'aimais ma grand-mère, c'est un legs qu'elle m'a laissé. Etablissez surtout le commerce, les propriétaires ne savent que faire de son bléd, Odessa pourrait devenir un port, vous avez des pleins pouvoir».— «Sire, j'accepte avec reconnaissances vos bienfaits et je me mettrai tout le soin possible à mériter votre confiance; il n'y a qu'une chose que je ne pourrai jamais faire — c'est de tirer mon épée contre un Français».— «Allez, mon cher Duc, je vous connais, je ne perds pas courage et j'ai bon espoir que nous rentrerons ensemble en France» [80*].

После кончины отца для меня было другое огорчение. В 1814 г. назначен был генерал-губернатором граф Ланжерон; я помню прощальный вечер у герцога в его саду. Маменька была еще в глубоком трауре, она взяла меня и Осю с Амальей Ив⟨ановной⟩. Этот вечер был очень грустный, луна освещала тускло тот уголок, в котором мы сидели, а я Ришеньку просила жениться на ней, маменька плакала, и увезти нас всех с ним.

— C'est impossible, mon enfant, je dois rentrer en France, servir mon Roi et mon pays, j'y retrouverai mes saurs, mes neveux, tout ce qui m'est cher encore sur cette terre, et ta Maman doit s'occuper de ses affaires, de son procès avec Kapnisse, elle aura les conseils de conseilleur Дубницкий, du Comte Подгоричанинов et de Худобашев. Опять вы смеетесь! Артемий Макарович Худобашев был прекрасный человек, и когда мы оставались одни в Одессе или на хуторе и были какие-нибудь затруднения, то Амалья Ив⟨ановна⟩ тотчас посылала за ним. Затруднения были всегда от повара Дмитрия, который был горький пьяница и часто оставлял нас без обеда. Тогда его отводили в полицию, и Амалья Ив⟨ановна⟩ стряпала с Мосейкой-поваренком, варили наскоро суп, картофель, салат, и остатки того, что шеф не успел бросить в помойную яму.

Возвращаюсь к празднику. Ося начал засыпать, я тоже устала, и маменька нас отослала на хутор. По дороге горели смоляные бочки, от дыма и треска лошади испугались и нас понесли. Амалья Ив⟨ановна⟩ спустила все стекла и кричала: «Mein Gott, mei Gott, erbarme dich unsern, ach, die lieben Kinderchen!» [81*]. К дому был довольно крутой спуск, дворник, пьяный Яким и его пьяная супруга Гапка выскочили на крик их дочери Приськи, схватили лошадей под уздцы и довели нас благополучно к самому подъезду, где Яким отпустил несколько ругательств кучеру. Амалья Ив⟨а-

---

[80*] Растиньяк, Рошешуар, Мортемар, маркиз де ля Мезонфор, граф Кастельно, граф д'Олонн, граф д'Аленвиль, граф де Сен-При. ⟨...⟩ «Дорогой герцог, поручаю вам этот край; вы знаете, как я любил мою бабку, она мне его завещала. Развивайте особенно торговлю, помещики не знают, что им делать со своим зерном, Одесса могла бы стать портом, я даю вам широкие полномочия».— «Государь, я с благодарностью принимаю ваши благодеяния и приложу все возможные старания, чтобы оправдать ваше доверие; только одного я никогда не смог бы сделать — обнажить шпагу против француза».— «Ступайте, дорогой герцог, я вас знаю, не теряю мужества и от души надеюсь, что мы еще встретимся во Франции».

[81*] — Это невозможно, дитя мое, я должен вернуться во Францию, служить моему королю и моей стране, я вновь обрету там моих сестер и моих племянников — все, что мне дорого на этом свете, а твоя мама должна заниматься своими делами и своим процессом с Капнисой, ее советчиками будут советник ⟨...⟩ Боже мой, Боже мой, смилуйся над нами, ах, дорогие деточки!» (*нем.*)

новна⟩ написала маменьке записочку, велела осмотреть карету и отослала в город. Еще перед отъездом Дюка в Одессу приехал, не знаю зачем, граф Бенигсен, женатый на польке Андржейкович, и герцог просил маменьку дать им завтрак в нашем саду. Полька задавала себе ужасный тон; тут же был еще генерал Будревич, тоже из генералов 12-го года, не скажу — героев, потому что Бенигсен был в числе убийц императора Павла; русские, к чести их сказать, струсили, но немцу это было нипочем, они своих королей чуть не жарили на сковороде, он выхватил табакерку у Зубова[40], несчастному царю показалось, что это был Зубов, и он ему сказал: «Zouboff, c'est la boîte que je vous ai donnée»[82*]. От этого Ришелье и не хотел видеть Бенигсена; он приехал вечером еще раз с нами проститься и просил Амалью Ив⟨ановну⟩ нас никогда не оставлять — как будто предчувствуя, что мы со временем почти лишимся матери.

— Как много интересного вы знаете!

— Да ведь все это говорилось и делалось передо мной, а многое, как я вам сказала, я узнала частью от Николая Ив⟨ановича⟩, а частью от Ланжерона. Первым делом этого смешного господина было сделать предложение маменьке. Он мне во дворце сказал у княгини Репниной-Волконской: «Votre mère a eu tort d'avoir épousé ce diable boiteux Arnoldi, je vous aurais laissé ma fortune, car je n'ai jamais eu d'enfants de mes femmes légitimes; ma première femme, Mlle de la Vanssalière n'en a pas eu, la révolution nous a séparé, je n'en ai pas eu de la veuve Кашинцов née princesse Troubetzkoy, je n'avais pas le sou, elle était aussi laide que riche. Je lui ai dit: «Comment donc» et d'Andrat. Mais j'ai eu Andrat d'une maîtresse».— «Mais,— lui dis-je,— je ne savais pas qu'on pouvait avoir des enfants sans se marier». Ceci a provoqué un rire général.

— Est-ce possible que vous l'ayez vraiment ignoré?

— Mais d'ou l'aurais-je su, à l'Institut on ne parlait pas à des choses semblables. Nous avions des servantes qui étaient de Воспитательный дом. L'Impératrice les aimait et les gâtait, au moindre mécontentement elles se mettaient à genoux aussitôt qu'elle entrait до самой швейцарской в коридоре. Elle disait: «Ces pauvres filles n'ont pas de parents» et nous étions persuadées qu'elles étaient des orphelines[83*].

— Ай да Марья Феодоровна, как она вас воспитала! Не удивляюсь, что из ее рук вышло такое чистое и доброе существо.

82* Зубов, эту табакерку я вам подарил.

83* Ваша мать совершила ошибку, выйдя замуж за этого хромого черта Арнольди, я оставил бы вам мое состояние, так как у меня никогда не было детей от законных жен; их не было у моей первой жены, мадемуазель де ля Венсальер, революция нас разлучила; я не имел их и от вдовы Кашинцовой, рожденной княжны Трубецкой; у меня не было ни гроша, она же была столь же некрасива, как богата. Я сказал ей: «Ну как же!» и об Андро. Но Андро я имел от любовницы».— «Но,— сказала я ему,— я не знала, что можно иметь детей, не будучи женатым». Это вызвало всеобщий смех.

— Возможно ли, чтобы вы действительно этого не знали?

— Да откуда я могла бы это знать, в институте не говорили о таких вещах. У нас были служанки из Воспитательного дома. Императрица их очень любила и баловала, при малейшем неудовольствии они бросались на колени, как только она входила ⟨...⟩. Она говорила: «Эти бедные девочки не имеют родителей», и мы были убеждены, что они сиротки.

— Если во мне есть что-нибудь доброе, то, конечно, я обязана этим моему институтскому воспитанию et que sont nos soi-disant mérites devant Dieu! [84*]

Рано весной Амалья Ив⟨ановна⟩ укладывала наш чайный синий фаянсовый сервиз английского изделия, и мы проводили лето и даже позднюю осень на хуторе. У нас был высокий широкоплечий садовник *Чудной*, он поливал цветник перед домом, и вдруг уходил,— хохлы очень часто в бегах, а потом возвращаются,— еще был приземистый рыжий мужичок по имени Скачко, который вечером ходил с нами удить бычков. Это очень мелкая костлявая рыбка, но очень вкусная. Мы их приносили домой и жарили на сковороде с сметаной, но конечно, Амалья Ив⟨ановна⟩ ее очищала сама для нас. Из саду продавали ягоды, вишни и черешни; черешня полурозовая и полужелтая; часть готовилась впрок на соленье и варенье, груши и яблоки сушили на солнце. В Одессе была такая жара, что в 10-ть часов закрывали все ставни, поливали полы водой, мы ходили почти в одних рубашках, и невозможно было учиться до четырех или пяти часов. На хуторе все было построено рукой отца: виноградники, деревья и розовые кусты; конечно, нужна была усиленная поливка, и колесо колодца постоянно приводил в движение Скачко. У Батиста в огороде была всякая зелень. Сморчки и дикая спаржа росли везде, и мы ходили их собирать. Дочь Якима и Гапки Приська везде бродила за нами и вечно стояла на крыльце. Эта девчонка была престранная. Ситцевое платье надето было на рубашку, она ходила всегда босая, волосы были светло-желтые и глаза тоже желтые, совершенно кошачьи. Так как ее нежные родители мало пеклись о Приське, то она ела пасклён, говорят, что это яд, но она вертела корень своими грязными руками и приговаривала: «Свиньям горько, а нам солодко». Но Амалья Ив⟨ановна⟩ посылала ей с нашего стола и запретила ей есть пасклён.

— Что такое пасклён?

— C'est une plante solanée, comme la pomme de terre, voilà tout ce que j'en sais [85*].

— Каким же образом вы узнали о том, что ваша матушка вышла замуж?

— Она поехала погостить у Кудашевых в Виске весной, а мы переехали на хутор. Однажды вечером приехал важный господин и объявил, что матушка вышла замуж за его брата, полковника Арнольди, и что они вместе приедут через несколько дней. Этот господин был Петр Кар⟨ловича⟩ Арнольди, очень добрый и кроткий господин.

В доме тотчас начались приготовления, чистка по всем углам, хотя и без того было очень чисто; тоже осмотрели наши туалеты и решили, что мы должны принять маменьку радостно и празднично. По истечении срока мы ждали их с самого утра, даже не ходили в сад и только бегали перед домом. Их не было ни к обеду, ни к ужину; брат Иосиф и я, мы объявили,

---

[84*] и что наши так называемые заслуги перед Богом!

[85*] Это паслёновое растение того же рода, как картофель, вот все, что я о нем знаю.

что будем их ждать. Наконец в 10-ть часов подъехала карета, вышла маменька, а за ней, о ужас, господин на деревяшке. Ося закричал: «Боюсь, боюсь!» и его отнес Петр Кар‹лович› к старой няне Авдотье. За ужином обратили весьма мало ‹внимания› на меня и Амалью Ив‹ановну›, меня отослали, и я слышала, как старушка плакала и вздыхала, когда ложилась спать. Утром она строго запретила шуметь и бегать по дому. Мы присмирели и хотя ничего не говорили, наши сердца чувствовали, что в нашей жизни совершилась грустная перемена.

Что-то не клеилось, и несколько дней спустя началась укладка не на шутку; приходили подводы за вещами, и не помню, как маменька уехала с безногим. Мы ходили все к Батисту говорить о покойном отце, и он нас утешал тем, что говорил: «Oui, mes chers petits, vous irez chez votre Бабушка, oh, la brave Dame, elle sera très contente de vous prendre». Потом нам подвезли большую четвероместную карету, и мы потащились на долгих в Грамаклею. Амалья Ив‹ановна›, видимо, была этим обрадована и все приговаривала: «Kinderchen, ihre Бабушка wird sich freuen»[86*]. Так и вышло: обе старушки заплакали, когда свиделись, долго шептались и смотрели на нас с сожалением. «Бегайте, шумите, играйте»,— говорила бабушка. К ужину даже зажарили поросенка, что делалось только в особых случаях. Я не помню, сколько времени мы тут оставались,— знаю, что время проходило незаметно и приятно, не помню Елисаветы Сергеевны, вероятно, она умерла, потому что тетинька Вера Ив‹ановна› вышла замуж за капитана Мазараки и ей досталась Баратовка. Ульки тоже не было.

Жизнь бабушки была вроде Пульхерии Ивановны и разнообразилась одними хозяйственными заботами. Иногда пересыпали из сита в сито мак и просо, кукурузу, иногда пересматривали белье из кладовой. Гашка, Марийка и Гапка выносили все на двор, выбивали, хлопали, переворачивали и опять вносили в кладовую. Старая Малашка, у которой указательный палец был как веретено, приходила с рапортом, что пуховики надо перепороть, вымыть и перечистить, что если дыни не посолить, то их бросить свиньям и пр. пр. Главный же момент был, когда Роман приходил с почты с деньгами и его появлением заключался день. Бабушка запирала деньги, потом ужинали и расходились уже по спальням, где спали все мирным и сладким сном безупречной совести и хорошего здоровья. Тут не помню, как мы переехали в жидовское местечко Златополь, где квартировала тогда батарея нашего отчима. Тут был большой или, вернее, длинный дом в один этаж против церкви; он примыкал к большому запущенному саду и к большому двору, в котором были амбары, конюшни и все службы. Местечко и дом принадлежали помещику Высоцкому, и все состояние было потемкинское: Высоцкая была одна из Энгельгардтовых племянниц. Вся семья нашего пьяницы-повара Дмитрия была куплена моим покойным отцом за три тысячи рублей в Москве у этого Высоцкого. Убранство комнат было вроде моего теперешнего жилья, мебели обиты дрянным

[86*] Да, мои дорогие малютки, вы поедете к вашей бабушке, о, это почтенная дама, она охотно вас возьмет. ‹...› Детки, как обрадуется ваша бабушка (*нем.*).

старым ситцем, печи были зеленые изразцовые и многие с лежанками, с тех пор я не видела подобных печей. Вы, верно, видели в Царском, в Прусских комнатах, то, что называют голландскими печами — на зеленых ножках белые с голубыми разводами печки?

— Я всего раз был в Царском[41], и то пришел туда пешком с Пушкиным и Соболевским; мы прошлись по двору, и Пушкин мне сказал: «Вот в этих комнатах внизу я и Жуковский, мы проводим всякий вечер у фрейлины Россет очень приятно».

— Я вам после расскажу про мое фрейлинство, потому что надобно соблюдать порядок в рассказе, и то уже мы беспрестанно делаем фугато.

— А вы любите фугато в музыке[42]?

— Конечно, но ведь есть фугато и в жизни.

— Это фугато еще приятнее!

— Понимаю, с парижскими глазами. Вот вы и вздохнули!

— Ничего, продолжайте.

— Все строение было деревенское и приходило в ветхость. В Златополе жизнь была совсем другая, утром мы учились с Амальей Ив‹ановной› в задних комнатах, два раза в неделю я брала уроки на клавесине у какого-то старика и получила отвращение к музыке, особенно к сонатине Плейеля, и до взрослых лет не любила музыки. Потом мы гуляли по грязным, скучным улицам, набитым оборванными жидами с пейсиками и в грязных стоптанных туфлях. Нас одевали к обеду, потому что собиралось офицерство. Тут всегда были братья Ивана Кар‹ловича́› и его адъютант Михаил Михай‹лович› Гамалея. На нас решительно никто не обращал внимания; отчима мы боялись, как огня. Хотя мы, старшие, менее подвергались его нерасположению, мы знали, что бедный Карлинька подвергался его побоям и его часто приносили расплаканного к Амалье Ив‹ановне›. Добрая старушка его ласкала, успокаивала, сама часто плакала, и ей же потом за это доставалось. Однако Иван Кар‹лович› иногда любил похвастать своим чадолюбием. В Ново-Миргороде была ярманка, он туда отправился и привез нам подарки: мне большую куклу, какие-то странные клетчатые варшавские башмаки. На беду он купил толстую книгу, которая называлась «Энциклопедия для детей». Эта энциклопедия сделалась предметом нашей антипатии и мучения. Нам никто ничего не толковал, и энциклопедия, которая, по мнению Ивана Кар‹ловича›, заключала неисчерпаемый запас знаний, оставалась для нас мертвой буквой. Нам гораздо более нравилась черная сафьянная Библия Амальи Ив‹ановны› с закладками, но она так была озабочена присмотром за порядком в доме и нашей чистотой, что не имела времени рассказывать нам истории наших прародителей. Нас было пятеро на ее руках, при детской еще Марийка. Марийка чинила белье, пела песни и убегала на кухню по целым часам.

Но в один прекрасный день все зашевелилось в Златополе, в доме началась укладка, на дворе выстроились экипажи, поправленные и подчищенные, по всем комнатам стояли сундуки. Приехали бабушка и тетушка Вера с нами проститься. Амалье Ив‹ановне› было не до нас, энциклопе-

дию уложили, и мы рыскали по дому из угла в угол. Дом набился жидами-факторами, выносили сундуки, люди, подпоясанные кушаками, метались, как угорелые. Кучера запрягали лошадей. Послышался выстрел, батареи потянулись на площадь, и священник служил молебен. Вестовой вез как трофей деревяшку Ивана Кар‹ловича›, за ним и мы шагом потащились в поход[43]. (Отсюда — Журнал матери.)

— Вот как вы исколесили всю Россию!

— Да, еще когда маменька хлопотала по делам, она меня брала с собою в Крым по делу с Капниси; мы ехали по зыбучему песку шагом и где-то остановились, я просила ее походить со мной, и вдруг мы услыхали страшный крик и только успели вбежать в дом, как Пожидор вошел бледный и сказал, что бык бросился на проходящего и распорол ему брюхо. К счастию, случился доктор, человека спасли, а быка убили. «Я, матушка Надежда Ив‹ановна›, боялся, что вы с барышней ему попались!» Она была такая кроткая, что люди ее очень любили.

— А вы кроткая?

— О нет, я очень вспыльчива, но я думаю, что наши люди довольно счастливы.

В эту минуту вошел Михайла и сказал: «Чувствительно благодарен вам, что вы позволили мне обедать с вашими почтенными нянюшками. Деточки все время лепечут вокруг нас и так полюбили моего Николая Дмит‹риевича›. Уж как я рад, он у вас в родной семье».

— Il ment, il ne peut pas vous souffrir et dit: «От мужа да все летит к вам». En attendant je vais boucher les trous de souris. Ce qui a provoqué la joie d'Oly qui les craignait autant que moi.

Михайла a pris des leçons pour faire le café de son maître[87*]. Он запасся конфоркой в Питере и варит ему яйцо в смятку.

— Киса, il y a un poète comique à P‹eters›bourg, c'est Jean Мятлев, qui dit, что от английского комфорта в России осталась одна конфорка, il m'adressa presque tous les jours des vers comiques. L'Empereur aimait beaucoup les bals masqués, il était toujours suivi d'Orloff, le chef de la gendarmerie et prévenait les masques de ne pas présenter des suppliques. Un jour l'idée m'est venue d'essayer d'intriguer le monde. Je me suis fait faire un domino rose et je ne suis pas parvenue à parler amour et surtout aux hommes que j'ai approchés. Alors je me suis dit en voyant que l'Empereur avait l'air ennuyé de l'intriguer. Je me suis approchée d'Orloff et lui ai dit qui j'étais et que je voulais amuser l'Empereur. «Вот очень любезная маска, государь, только плохо говорит по-французски».

«Voter Majestant, permendent de vous raconter ме малёр, мон пер эте комендент дан ларме дан Кавказ, ма мер вдова авек боку des enfants».— «Да ты уж лучше говори по-русски, и, судя по твоему домино, ты не бедная»,— «Се мадам Тумански, une Dame тут был qui m'a доне cette domino, et m'a dit: il faut парлер en Français, sans cela on croira que vous

---

[87*] Он врет, он не может вас выносить и говорит: ‹...› Пока же я иду заткнуть мышиные норы. Это вызвало радость Оли, которая боится их так же, как я. ‹...› Брал уроки варки кофе для своего хозяина.

êtes mauvais жанр[88*], а что это такое, не знаю, у нас в Саратове не разбирают».

— Так вы из Саратова сюда прибыли?

— Ма мер, elle disait toujours — ах, боже мой, elle не ce pas le Francais, как мне воспитать детей, alors un Mr a dit: але а Петербург et prier l'Empereur, il est si bon. Вот мы поехали на долгих и остановились dans ce Сретенской трактир, et toute suite. Mme Тумански est arrivée et je suis venue vous prier de mettre mes frères dans les corps de cadettes et ma soeur dans le Патриотический. Mon frère est au Caucase aussi dans le régiment Апшеронский пехотный полк. Vous саве, avait ете Суворовский пехотный полк et avant Фанагорийский.— «Так ты все это знаешь?» — «Comment donc, le городничий де Углич Белелюбский a raconté tout cela. Alors, votre Majesté, où ce que je dois présenter la supplique, je vu les мужики dans la rue se nettent à genoux avec la бумага sur la тет».— «Нет, тебе надобно подать просьбу через Орлова. Хочешь ли, я тебя представлю нашим модным дамам?» — «Ах, же вуз en prie».— «Voilà la Comtesse Zavadovski»[89*].— «Ах, comme elle est бель, comme elle est et сет мусье avec le не крючком est son mari?» — «Non, c'est Mr Losanoff, son mari est très bel homme. Et cette Dame c'est la Comtesse Borch» — «Ах, ель не pas jolie, mais Mme Toumansky, son amie, m'a dit qu'elle a beaucoup d'esprit et très bonne».— «C'est vrai, elle s'occupe des salles d'asyle».— «Ну уж это я не знаю, что такое».— «Cette petite Dame qui est entourée d'hommes c'est la femme qui a le plus de succès, c'est la P⟨rinces⟩se Worontzoff, elle a beaucoup d'esprit, elle dance d'une manière très gracieuse».— «Et сет мусье par-derrière avec la голубая лента?» — «C'est son mari».— «Et сет мусье, un тре joli figure?» — «C'est Jean Tolstoy qui est secrétaire d'Ambassade en Italie».— «Ах, Боже мой, что скажут в Саратове, что я затесалась в такое общество, все графы и италианский посланник; j'en avais assez».

Я вырвалась из руки государя, который очень смеялся et j'ai dit à

88* — В Петербурге есть комический поэт, Жан Мятлев, который говорит ⟨...⟩, он почти каждый день писал мне комические стихи. Император очень любил балы-маскарады, за ним всегда следовал Орлов, шеф жандармов, и предупреждал масок, чтобы они не подавали прошений. Однажды мне пришла мысль попробовать заинтриговать общество. Я заказала себе розовое домино, но мне не удалось поговорить о любви, особенно с мужчинами, к которым я подходила. Тогда, видя, что у государя скучающий вид, я решила его поинтриговать. Я подошла к Орлову, сказала, кто я, и что я хочу позабавить императора. ⟨...⟩ (Зд. и далее искаженная французская речь): Ваше величество, позвольте мне рассказать вам о своих несчастьях, мой отец был комендантом в Кавказской армии, моя мать — вдова, имеющая много детей. Тут была одна дама, госпожа Туманская, которая дала мне это домино и сказала мне: «Надобно говорить по-французски, а иначе подумают, что вы дурного тона».

89* — «Моя мать, она всегда говорила — ах, боже мой, она не знает французского, как мне воспитать детей, тогда один господин говорит: поезжайте в Петербург и просите императора, он так добр ⟨...⟩ и так далее. Мадам Тумански пришла и я пришла вас просить поместить моих братьев в кадетский корпус, а мою сестру в Патриотический. Мой брат на Кавказе, тоже в Апшеронском полку. Вы знаете, это был раньше Суворовский пехотный полк, а до этого Фанагорийский». ⟨...⟩ «Как же, городничий Углича Белелюбский рассказал все это. Тогда, ваше величество, скажите, куда я должна подать просьбу, я видела, как мужики на улице бросаются на колени с бумагой на голове». ⟨...⟩ «Ах, прошу вас».— «Это графиня Завадовская».

Orloff: «De grace, ne dites pas qui je suis». Le lendemain à la soirée, l'Empereur m'a demandé, si j'allais aux bals masqués [90*].

— Jamais, je ne comprends pas qu'on puisse parler amusant et sentiment à un être qu'on voit pour la première fois, c'est d'ailleurs pénible de déguiser sa voix et de tutoyer.

— Vous avez raison; cela m'a amusé pendant quelques soirées, mais j'y vais plus rarement, mais hier soir j'ai été très amusé par une masque en domino rose, qui venait de Saratoff et s'obstinait à parler Français, elle devait me présenter une supplique pour placer ses frères au corps de cadets et une soeur à l'Institut patriotique, mais je n'ai pas reçu rien et Orloff ne sait pas qui elle est.

— Государь, вы недогадливы, ведь это была я.

A cette occasion Мятлев m'écrit:

J'ai été hier dans le masquérade,
Там был домино роз,
В который влюбилась вся Европа,
Но были также des Dames
Comme il ne faut pas [91*] — жопа.

Я заметила, что вам скучно, в первый раз в жизни попробовала интриговать, оказалось неудачным, и мне пришла мысль вас развлечь [44].

— Да откуда ты знала Апшеронский полк и даже его историю?

— Старший брат мой теперь на Кавказе в этом полку. А в Ревеле я знала капитана Яковлева, который так отличился, кажется, под Остроленкой при переходе по мосту.

— Да, несчастный,— и государь тяжело вздохнул. Эта польская кампания, сначала такая неудачная, стоила государю много вздохов и слез.

— Слез государю?

[90*] — Ах, какая красивая, какая красивая, а этот господин с носом крючком — это ее муж? — Нет, это г. Лозанов, ее муж очень красивый мужчина. А эта дама — графиня Борх.— Ах, она некрасива, но г-жа Туманская, ее приятельница, сказала мне, что она очень добра и умна.— Это правда, она занимается богадельнями.— ⟨...⟩ — Эта маленькая дама, окруженная мужчинами, это женщина, более всех пользующаяся успехом; это княгиня Воронцова, она очень умна и танцует в весьма грациозной манере.

— А этот господин сзади с голубой лентой? — Это ее муж.— А этот господин с очень красивым лицом? — Это Иван Толстой, секретарь посольства в Италии — ⟨...⟩ с меня достаточно.

⟨...⟩ и сказала Орлову: «Прошу вас, не говорите, кто я». На следующий день вечером император спросил меня, хожу ли я на балы-маскарады.

[91*] — Никогда, я не понимаю, как можно забавно и с чувством говорить с существом, которое видишь впервые, и кроме того очень тягостно менять свой голос и говорить на ты.

— Ты права; это меня забавляло несколько вечеров, но я хожу туда очень редко, однако вчера вечером меня весьма позабавила маска в розовом домино, которая приехала из Саратова и настойчиво пыталась говорить по-французски; она должна была подать мне просьбу о том, чтобы поместить ее братьев в кадетские корпуса, а сестру в Патриотический институт, но я ничего не получил, и Орлов не знает, кто она. ⟨...⟩

По этому случаю Мятлев мне написал:

Я был вчера в маскараде
⟨...⟩ не порядочные дамы

— Да, слез. Когда он читал поименный список убитых гвардейских офицеров, которых знал пажами или кадетами. И как он был тронут, когда выехал навстречу Суворову, которого Паскевич послал курьером; когда Суворов, увидя его, закричал: «Варшава взята, все кончилось благополучно!», государь вышел из коляски, стал на колени и молился, потом отвез Суворова в Китайский домик, где ожидала его беременная жена, и затем уже в Александровский дворец. Радостная весть раздалась в несколько ‹минут›. Мы сидели за столом и побежали в Александровский. Пушкин жил в доме Китаевой, я сказала его человеку, что Варшава взята[45]; в кабинете императрицы государь разбирал письма и раздавал их по рукам, обратился ко мне и сказал: «Michel me fait le plus grand éloge de votre frère l'artilleur, il a reçu le sabre d'honneur»[92*] и дал мне записочку Оси на клочке бумаги: «Штурм продолжался три дня. Аркадя был в большой опасности: остался один с фейерверкером при пушке, лошади и люди все убиты, мимо него пронесся гусарский полк и врезался в город, изрублено множество, но это положило конец делу. Прощай, любезный друг Сашенька, до скорого свиданья, наконец. Где Клема? Карлиньку поцелуй, я завидую ему».

Пушкин прислал мне свои стихи и карандашом написал:

От вас узнал я плен Варшавы,
Вы были вестницею славы
И вдохновеньем для меня.

Quand je trouverai le 4-me vers, je vous l'avouerai[93*]. Но четвертый стих никогда не явился.

— Вот как судьба вас с детства сближала с тем, что у нас было лучшего или замечательного в России. Скажите откровенно, стихи их льстили ли, или вы оставались равнодушною?

— Ничуть не льстили. Поэтам нужен идеал, и они, не знаю почему, нашли его во мне. Лучшего не было под рукою. У меня есть альбом, который в день моего рождения мне подарила Сонюшка Карамзина, а Пушкин принес и сказал, что я должна писать свои мемуары и, шутка, писать их вроде St. Simon, которые вам, конечно, известны.

— Да, я их читал с удовольствием.

— Cet album a provoqué des vers de Pouchkine, qui m'ont donné la réputation d'être méchante[46]. Je ne sais pas, si vous connaissez les contes de Pouchkine, il les écrivait dans la maison Kitaeff. J'arrivais à peu près à 11 heures, quand je n'étais pas de service, et je montais avec sa femme dans son cabinet de travail[94*]. У него было ужасно жарко, он любил жару. Всякое утро

[92*] Мишель очень хвалит мне вашего брата артиллериста, он получил саблю «за храбрость»

[93*] Когда я найду 4-й стих, я вам его сообщу.

[94*] Этот альбом вызвал стихи Пушкина, создавшие мне репутацию злючки[46]. Я не знаю, известны ли вам сказки Пушкина, он писал их в доме Китаевой. Я приходила около 11 часов, когда не дежурила, и поднималась вместе с его женой в его рабочий кабинет.

он брал холодную ванну и тотчас одевался, кроме галстуха. Кудрявые волоса еще были мокры. Он писал свои сказки, перемарывал так, что трудно будет разобрать его помарки. Возле него стояла вазочка зеленого крыжовника и стакан самой холодной воды от Лебедя, это лучшая вода в Царском, и когда мы входили, он тотчас начинал читать, а мы делали свои замечания.

Раз я ему сказала: «Нет, Пушкин, этот стих нехорош. Вот, например, стих так мил:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.

Так и видно, что он едет подбоченясь». Он разразился смехом и сказал: «J'ai toujours trouvé que les femmes sont les meilleurs critiques»[95*] [47].

— А как вы удачно выражаетесь по-русски и хорошо владеете русским языком! Откуда это вам далось?

— Нас в институте наказывали за то, что не говорим по-французски[48]. Делай, что хочешь, а от отечественного языка не отучишь. Мысль ложится сама без спроса. Плетнев рассказывал нам какой-нибудь исторический факт, и тут при нем же мы должны были писать,— он говорил, что мой слог лучше, потому что очень прост.

— Dites-moi, je vous prie, a-t-on fait un bon portrait de vous? [49]

— Il y a un agréable de Sokoloff, quand j'était promise et puis à Berlin mon mari a fait peindre mon portrait par un certain Rhémy, dont il n'est pas trop content, il dit que c'est léché[96*].

— S'il est ici, faites-le déballer.

— Demain, j'ai encore des objets qui je veux revoir, les oeuvres de Gogol, ses lettres et quelques toilettes.

— Vous deviez avoir un succès fou à Berlin, à côté de ces fades beautés allemandes.

— D'abord j'avais déjà passé quelques mois à Berlin, après mes premières couches et j'avais eu des lettres de recommendation de l'Impératrice pour le Roi et pour sa tante, la Princesse Antoine Radziwill[50], de sorte que je connaissais tout le monde.

— Et qui vous faisait la cour?

— Personne et tout le monde.

— Excusez du peu[97*].

[95*] Я всегда находил, что женщины — лучшие критики[47].

[96*] — Скажите мне, пожалуйста, написан ли с вас хороший портрет? [49]

— Есть прекрасный Соколова, когда я была обручена, а потом в Берлине мой муж заказал мой портрет некоему Реми, которым он был не очень доволен, он говорит, что он прилизанный.

[97*] — Если он здесь, велите его распаковать.

— Завтра, у меня еще есть предметы, на которые я хотела бы снова взглянуть, сочинения Гоголя, его письма и некоторые туалетные принадлежности.

— Вы должны были иметь безумный успех в Берлине, рядом с этими пресными немецкими красавицами.

— Mais c'est vrai, et vous prouvez que personne ne l'a faisait sérieusement. Il y avait seulement un jeune homme, le Comte Guillaume Pourtalès, très beau garçon, mais peu intelligent — je ne sais ce qui l'a pris un jour. C'était à un bal costumé chez le Duc Charles de Mecklenbourg-Strelitz — comme il prenait soins de mes mantelets, je lui dis: «Comte Pourtalès, donnez-moi mon boa».— «Cherchez-le vous-même,— me dit cet insolent,— je ne suis pas votre domestique».— «Tant mieux, et je vous défends de venir me déranger le matin, je préfère lire l'histoire de Menzel [51] avec Wolff».— «Vous n'aurez pas la peine de donner des défenses, car depuis longtemps je me propose de vous laisser libre d'évoluer votre esprit».

— Mais c'est un malappris!

— C'est ce que je lui ai dit aussi. Mais son frère aîné Albert est encore plus insolent. Figurez-vous que j'étais en costume chinois dans un ballet qui s'appelait «La lampe merveilleuse». Ce costume me convenait, car j'était déja grosse. Albert faisait le rôle de mon époux, il ne s'est pas fait même présenter.

— Ce costume devait vous aller [98*].

— Je crois, vu que tout le monde me l'a dit, c'était encore avant la brouille avec Guillaume, on me portait sur un palanquin, все большие ростом — Фицлебен, Graf Rode, Pourtalès et Kanitz, erster Dragoner Regiment, un ami de mes enfants; comme il n'y a pas beaucoup de promenades autour de la capitale Prussienne, j'allais à Charlottenbourg et Kanitz avait un singe qui amusait beaucoup les petites; elles m'ont supplié de leur en acheter un et je leur ai acheté un singe en bois qui est leur joet favorite.

Mon costume a provoqué un haro parmi les dames Berlinoises, parce qu'il m'a coûté 100 Thaler — j'ai fabriqué ma coiffure parasol moi-même, et le coiffeur a très haut relevé les cheveux. Il m'est arrivé une drôle de chose à Berlin. Un matin le domestique m'annonce: «Господин Танке с супругой и дочерью».— «Скажи, что я их не знаю». Il revient et me dit: [99*] «Они приехали

— Сперва я уже провела несколько месяцев в Берлине после моих первых родов, и у меня были рекомендательные письма от императрицы к королю и к ее тетке, княгине Антуан Радзивилл [50], так что я знала весь свет.

— И кто за вами волочился?

— Никто и все.

— Ну вот еще!

[98*] — Но это правда, и доказывает, что никто не принимал этого всерьез. Там был только один молодой человек, граф Гильом Пурталес, очень красивый мальчик — но неумный — я не знаю, что с ним случилось. На костюмированном бале у герцога Карла Мекленбург-Стрелицкого, так как он взял на себя заботу о моих накидках, я ему сказала: «Граф Пурталес, дайте мне мое боа».— «Ищите его сами,— сказал мне этот дерзкий,— я вам не слуга».— «Тем лучше, я вам запрещаю приходить тревожить меня по утрам, я предпочитаю читать с Вольфом историю Менцеля» [51].— «Не трудитесь запрещать мне, я давно уже намерен предоставить вам возможность свободно развивать ваш ум».

— Но это невежа!

— Именно это я ему и сказала. Но его старший брат Альберт еще более дерзок. Представьте себе, я была в китайском костюме в балете под названием «Волшебная лампа». Костюм мне подходил, потому что я была уже беременна. Альберт исполнял роль моего супруга, он даже не представился.

— Этот костюм должен был вам идти.

[99*] — Да, я думаю, судя по тому, что все мне это говорили; это было еще до ссоры с Гильомом, меня несли на паланкине, все большие ростом — Фицлебен, граф Роде, Пур-

на несколько времени, были у Ивана Петровича Озерова и получили приглашение на бал к посланнику».— «Проси». Figurez-vous ma terreur: trois caricatures. Le Papa, rosi, comme il sortait d'une penderie chaude[100*], с огромным крестом на шее и с утра в белом галстуке, мамаша в каком-то полинялом шелковом платье с ним под руку, а дочь, уродина, завитая à l'enfant[101*], декольте и мелкий жемчуг коринкой вокруг шеи, платье темно-лиловое, коротенькое, и панталончики с прошивками и кружевами, белые лайковые перчатки во всю руку. «Имею честь вам представить нашу единственную дочь, для ее воспитания мы ничего не щадили, она знает русскую словесность в совершенстве, играет на фортепиано и прекрасно танцует; теперь пришло время ее выдавать замуж, и мы даем вечера в собственном доме на Васильевском острове». Je me suis rappelée que le Comte Sollohoub aime beaucoup la seconde société et m'a dit que les soirées de Хавские faisaient son bonheur[102*], лампы текут, разносят яблоки и арбузы, на семечки падают и ⟨нрзб.⟩, а за ужином рыба заливная и подленький винегрет.

— Что такое подленький винегрет?

— Это остатки холодной говядины, телятины внутри, а снаружи горкой соленые огурцы, свекла рядами, cela fait une petite pyramide. Me rappelant donc de Sollohoub, je dis au Père Tanke[103*]: «Мне кажется, что у нас общий знакомый есть, граф Александр Ив⟨анович⟩ Сологуб».— «Как же-с, мы имеем честь быть в знакомстве с этим почтенным мужем, он с Сашенькой всегда танцует мазурку, и это с совершенным польским манером».— «Извините, мне надобно идти со двора».— «До свиданья на бале у посланника. Позвольте только спросить вас, где бы нам можно приятно провести лето?» — «Советую вам нигде не заживаться, поезжайте на разные воды, Мариенбад, Карлсбад, где всегда найдете русских, и наконец в Баден-Баден, где я проведу лето».

— De sorte que j'aurai le plaisir de voir les Tanke, c'est surtout Сашенька qui m'intéresse[104*], и как она смеет носить то же имя, что вы?

— Ах, батюшка Миколай Митрич! Календарь святых для всех доступен. Подождите, что далее будет. Вечером я отправилась к Рибопьеру и —

талес и Каниц, первого драгунского полка, друг моих детей; так как вокруг прусской столицы нет хороших мест для прогулок, я ездила в Шарлоттенбург, а у Каница была обезьяна, очень забавлявшая малюток, они просили меня купить им тоже, и я им купила деревянную обезьянку, это их любимая игрушка.

Мой костюм вызвал негодование берлинских дам, потому что он стоил мне 100 талеров — я сама изобрела прическу — зонтик, а парикмахер очень высоко поднял волосы. В Берлине со мною случилась забавная история. Однажды утром слуга мне объявляет: ⟨...⟩. Он возвращается и говорит мне: ⟨...⟩

[100*] Представьте себе мой ужас: три карикатуры. Папа, разрумянившийся, как будто вышел из горячей сушильни.

[101*] как ребенок

[102*] Я вспомнила, что граф Сологуб очень любит общество второго сорта и говорил мне, что вечера у Хавских его любимые

[103*] получается маленькая пирамида. Итак, вспомнив о Сологубе, я сказала папаше Танке

[104*] — Так что я буду иметь удовольствие видеть Танке, особенно меня интересует Сашенька

о ужас! — la Trinité Tanke в том же костюме. Рибопьер подлетел ко мне и говорит: «Comment est-ce qu'Oseroff a pu m'affubler de ces caricatures et que vais-je en faire? [105*] Но внимание его было отвлечено тем, что какой-то русский офицер сошел с ума, вошел в церковь, надел ризы и служил обедню. От него с трудом избавились; я между тем просила кого-то вальсировать с Сашенькой, но тут уж был совершенный реприманд, как говорит Гоголь: она на цыпочках выделывала такие штуки и не в такт, что кавалер должен был ее оставить, не кончив круга. На этом бале в каком-то кадриле танцевала M-me Kanitz, рожденная Шлиппенбах, сестра Roschen Oseroff. Утром я шла по Unter den Linden и встретила барона Зендена, он мне говорил, что принц Карл ехал в Петербург, на спуске у Таурогена его удивила быстрота, с которой он выехал на мост над глубоким оврагом; за ним ехал его адъютант Каниц; он обернулся, видел фонари, а потом все исчезло. Его поразило страшное безмолвие, он вышел из коляски, опустился в овраг, звал и никого не дозвался: кучер, форейтор и камердинер лежали в обмороке, а Каниц был убит сундуком, который упал на него. Принц не решился далее ехать и возвратился с этим грустным известием. Озерова поехала к сестре объявить ей это несчастие. Она еще спала, комната и весь гардероб еще не были прибраны — вы можете себе представить положение молодой вдовы, они были очень счастливы. Через несколько дней открыли его духовное завещание; он все то, что имел, оставил жене, и вместе с завещанием был пакет, на котором было написано: «À ouvrir après ma mort, prédiction de Mme Le Normand à Paris l'année 15: Vous mourrez d'un accident en fuyant vers le Nord avec un Prince».

Тютчев мне говорил[52], что покойный император тоже посетил Mme Le Normand, та держала огромные карты и сказала ему: «Vous mourrez loin de votre capitale: après vous viendra un règne long et glorieux, mais dont le fin sera troublée», потом она смешала карты и сказала: «Et à présent je ne vois plus que flammes et fumée» [106*].

— Очень странно, но мы пока будем наслаждаться царствованием нашего государя, и Бог один знает, доживем ли мы до другого; я, по крайней мере, этого не желаю.

— Перед отъездом в Крым покойный государь провел час у известного тогда монаха Авеля, который, говорят, имел дар предвидения, и будто он сказал ему, что он умрет не в столице. Говорят, что государь был очень грустен, на полдороге оставил коляску и долго смотрел на Петербург, вероятно, вспоминая счастливое детство и молодость, и все горести и испытания, перенесенные им там; со слезами в глазах он сказал своему любимому кучеру Илье «Пошел!» и тот его довез до Таганрога.

— Неужели один кучер вез во всю дорогу?

[105*] троица Танке ⟨...⟩ «Как мог Озеров навязать мне этих карикатур и что мне с ними делать»?

[106*] Вскрыть после моей смерти, предсказание мадам Ленорман в Париже в 15 году: Вы умрете от несчастного случая, направляясь к северу с одним принцем. ⟨...⟩ Вы умрете вдали от вашей столицы, после вас наступит долгое и славное царствование, но в конце оно будет омрачено ⟨...⟩ А теперь я вижу только пламя и дым.

— Да, конечно, да ведь они всегда ночуют и днем отдыхают за обедом. Илья Ив⟨анович⟩ возит иногда государыню, его дочь за каким-то полковником и получила хорошее воспитание.

Тело императора привезли казаки, оно было поставлено на несколько недель в Казанском соборе, туда возили и нас, институток, в черных передниках. Казаки на свой счет сделали серебряный иконостас.

— Разве они его особенно любили?

— Нет, не более другого войска, но им досталась честь везти своего государя, с которым они выносили тяготу и воз дня. Имп⟨ератрица⟩ Елисавета Алексеевна написала письмо императрице-матери: «Chère Maman, notre Ange est au ciel et je végète sur la terre», вы, верно, видели кольца с этой надписью.

— Да, Павел Дмитриевич никогда его не снимает, il avait une sorte d'admiration et d'adoration pour l'Empereur[107*].

— A présent je vous dirai que ma pauvre mère pendant son veuvage a refusé à Comte Ржевуцкой qu'on appelait «l'arabe», parce qu'il était très brun et avait voyagé en Orient, s'était même baigné dans l'Iordanie et prétend qu'il avait une croûte de sel; et puis elle a refusé votre frère. L'Empereur lui avait donné une commission diplomatique à Vienne, lui ayant trouvé des moyens extraordinaires et lui a dit d'aller ensuite à Odessa pour en ramener le Duc de Richelieu. Il s'intéressait d'elle et n'a jamais pu vaincre son obstination[108*].

— Странная судьба одному брату любить мать, а меньшому — не знаю, как назвать то чувство, которое я к вам питаю, любви вы не допускаете.

— Дружбы нежное волненье. Любовь проходит, а дружба, основанная на взаимном уважении, вековечна.

— Дай Бог, чтобы это было так, но у меня предчувствие, что вы меня страшно огорчите.

— Ну, а если вы меня огорчите, что тогда?

— Пора спать, Александра Осиповна, уж поздно.

— Отправляйтесь мечтать о своих парижских глазах.

На другой день открыли сундук, в котором нашли мои портреты. Киселев выкладывал вещи. Тут был альбом с портретом императора Александра, а в нем портреты красным и черным карандашом Соколова[53].

— А, здравствуйте, князь Дмитрий Евсеевич! Боже, какое сходство с матушкой и та же прическа. Это старшая дочь дедушки, хотите, я вам его подарю?

— А это кто?

— Это Вера Ив⟨ановна⟩, а эта, курносая, Марья Ивановна Лорер,

---

[107*] Дорогая мама, наш ангел на небесах, а я прозябаю на земле ⟨...⟩ у него какое-то восхищение и обожание императора.

[108*] — А теперь я скажу вам, что моя бедная мать во время своего вдовства отказала графу Ржевуцкому, которого звали арабом, ибо он был очень смуглым и совершил путешествие на Восток, купался даже в Иордани и утверждает, что покрылся соляной коркой; а потом она отказала вашему брату. Император дал ему дипломатическое поручение в Вену, предоставив ему исключительные средства, и велел ему потом ехать в Одессу, чтобы ободрить герцога Ришелье. Он увлекся ею, но не смог преодолеть ее упорства.

la тетя Мася, с которой я все хотела ехать в Плиблук. А это дядя Александр Ив⟨анович⟩.

— Quelle figure fine et aristocratique!

— Вот несколько строк старинного почерка Дубницкого и стихи Ильи Ив⟨ановича⟩ Капниста. Крестик, сложенный из красной и серебряной бумаги,— souvenir de ma bonne femme de chambre Марья Савельевна.

— Comme c'est touchant.

— Pauvre femme, elle est morte d'un cancer intérieur, en partant pour l'Italie, je l'ai recommandée au Comte Michel Wielhorski, qui l'a placée à l'hôpital Marie et on lui donnait la morphine tant qu'elle voulait, pour amortir les affreuses souffrances. Elle m'attendait en disant: «Хоть раз мне мою голубушку Александру Осиповну увидать». En revenant à P⟨eters⟩bourg ma première pensée a été d'envoyer à l'hôpital, elle était morte. Dieu a eu pitié de ces affreuses souffrances, on dit, les plus fortes qui existent [109*]. Вот сочинения Гоголя, письма, китайский костюм и молитвенник.

— Видно, что вы часто по нему молились, есть слова, почти вымаранные и как будто следы слез. У меня даже нет молитвенника, я с Михайлой молюсь: Отче наш, Богородицу и Верую, по желанию матушки.

— Я с радостью подарю вам свой молитвенник. Утренние молитвы я все знаю наизусть, а вечером вы мне приносите молитвенник, и я вам их прочту.

— Не знаю, как вас благодарить, а особенно за обещание со мной молиться. А с Ник⟨олаем⟩ Мих⟨айловичем⟩ вы молитесь?

— Он очень набожен, но с утра в ажитациях, так что его поймать нельзя.

— Да, странный он человек, вечно волнуется и ссорится, и при добром и благородном сердце в канцелярии нажил себе врагов. Попадись ему поляк или немец, он им не дает покоя, сколько раз оскорблял Гильфердинга и Кудрявцева, самых честных и благородных наших сослуживцев.

— Киса, je vous avoue, que je n'aime pas Paul Medem, votre ami, il traite mon mari comme s'il était un bête, vous savez qu'il est très intelligent sans être brillant dans un salon.

— Certainement, mais c'est qu'à la chancellerie, emportés tous les deux, ils ont en plus d'une querelle et c'est toujours moi qui me chargeais d'éloigner le danger d'un duel [110*].

[109*] — Какое тонкое и аристократическое лицо! ⟨...⟩ сувенир от моей доброй горничной ⟨...⟩

— Как это трогательно.

— Бедная женщина, она умерла от рака внутренностей; уезжая в Италию, я поручила ее графу Михаилу Вьельгорскому, который поместил ее в Мариинский госпиталь, и ей давали морфин, сколько она хотела, чтобы смягчить ужасные страдания. Она меня ждала, говоря ⟨...⟩ По возвращении в Петербург моя первая мысль была послать в госпиталь — она уже умерла. Бог сжалился над этими ужасными страданиями, говорят, самыми сильными, какие есть.

[110*] я уверяю вас, что не люблю вашего друга Поля Медема, он обходится с моим мужем как с дураком, а между тем, вы знаете, что он очень умен, хотя и не блистает в салоне.

— А вот и альбом и стихи Пушкина [54]:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила ⟨ум свободный⟩ взгляд холодный
⟨И пламень сердца благородный⟩
Простое сердце, ум свободный
И как дитя была ⟨проста⟩ добра.
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

18 марта 1832 г.

Et de cela on a conclu que j'écrivais mes mémoires, mais jusqu'à la dictée que je vous ai faite, je n'ai jamais écrit une ligne.

— «И как дитя была проста», c'est là votre plus grand charme, vous avez l'air de ne pas vous douter de votre beauté, de votre intelligence et de la séduction de votre organe, vous modulez en parlant.

— Mais voilà des vers de Wiasemsky, de Pletneff et de Lermontoff.

— Je ne connaissais pas le nom de ce nouveau poète.

— Sophie Karamsine m'a dit un jour que Lermontoff était blessé, que je ne lui avais jamais rien dit sur ces vers [111*]. L'album était toujours sur une petite table dans mon salon. Il est venu un matin, ne m'a pas trouvée, il est monté, a ouvert l'album et a écrit ces vers:

В простосердечии невежды [55]
Короче знать вас я хотел,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас хочу сказать вам много,
Но молча вы глядите строго
И я в смущении молчу.
Что делать? — речью неискусной
Занять вас мне не дано.
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

— C'est vrai, vous avez souvent le regard si sérieux, qu'on dirait que votre esprit est traversé par quelques idées bien noires.

— Il l'est véritablement, j'ai des idées fixes, si elles n'y sont pas constantes, elles y sont cependant. J'avais les nerfs très affaiblis après mes secondes couches. Jean Oseroff a eu l'imprudence de me dire que tant que les enfants étaient en nourrice, il était poursuivi par l'angoisse et la peur de leur faire du mal [112*].

— Конечно, но оба вспыльчивые, в канцелярии они не раз ссорились, и это я всегда брал на себя труд устранить опасность дуэли.

111* И из этого заключили, что я писала свои мемуары, но до того, как я вам диктовала, я никогда не написала ни строчки.

— ⟨...⟩, в этом главное ваше очарование, у вас такой вид, будто вы и не подозреваете о вашей красоте, вашем уме и обольстительности вашего голоса; говоря, вы модулируете.

— А вот стихи Вяземского, Плетнева и Лермонтова.

— Я не знал имени этого нового поэта.

— Софи Карамзина сказала мне однажды, что Лермонтов был задет тем, что я никогда ничего не говорила ему об этих стихах.

112* Альбом был всегда на столике в моем салоне. Он пришел один раз утром, не застал меня, поднялся, открыл альбом и написал эти стихи: ⟨...⟩.

— Это правда, у вас часто такой серьезный взгляд, можно сказать, что ваш ум поглощен очень черными мыслями.

Меня этот рассказ так поразил, что эти страшные мысли ко мне привились, и только здесь, в Бадене, они меня более не тревожат.

— Отчего именно здесь, в Бадене?

— Мы с вами проводим дни, болтаем, вы меня заставляете рассказывать мою жизнь, *et un clou chasse l'autre* [113*].

—Я душевно рад, что мое любопытство разогнало ваши грустные idées fixes [114*]. Я совсем не знал, что у нас новый поэт, Лермонтов. Кто он?

— Он гусарский офицер, выражение его лица очень грустное, а вместе с этим он ведет рассеянную жизнь. У него религиозная струна очень поразительна. Есть его стихи «Ветка Палестины», которых я не знаю, но вот его другие стихи, тоже религиозного содержания, под названием «Ангел»:

По небу полуночи Ангел летел
И тихую песню он пел.
Он пел о блаженстве духов
Под кущею райских садов,
О Боге великом он пел,
И песнь его непритворна была,
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.
И долго томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

— Что за прелесть! Да у Пушкина нет ничего выше этого.

— У Пушкина тоже есть глубокое религиозное ⟨чувство⟩, но оно высказывается иначе и как будто вскользь. У Лермонтова есть еще другие стихи:

Молитва

В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучьи слов святых
С души как бремя скатится
И верится, и плачется
И так душе легко, легко [56].

Зачем у вас навернулись слезы на глаза, Киса?

— Кто не испытал трудных минут в жизни; сколько раз мне случалось и до сей поры громко говорить наедине: «Маменька, маменька, зачем ты меня так рано оставила?» Ах, сердце матери — ничем не заменимое сокровище.

— Хотя мы разлюбили маменьку, когда она вышла замуж, но когда ее не стало и я вышла из института, не раз я говорила то же самое, что вырывается у вас из глубины так рано осиротевшего сердца.

Оба мы вздохнули. В эту минуту вошла Клеопатра с двоюродной сестрой, баронессой Икскюль, рожденной Вокорико. Аника сейчас сказала: «Il parait qu'on est le ménage ici».

— Это очень правдоподобно, у меня есть навязчивые идеи, хоть и не постоянно, но они тем не менее бывают. У меня очень ослабели нервы после вторых родов. Жан Озеров имел неосторожность сказать мне, что пока дети были грудными, его преследовали тревога и страх повредить им.

[113*] клин клином вышибает.

[114*] навязчивые идеи.

— Vous dites toujours des bêtises; j'ai fait ouvrir cette caisse, parce que le trou de débarras est humide et j'y ai des objets qui peuvent se gâter [115*].

— Ma chère, ouvrez votre caisse de bijoux, on dit que Smirnoff vous en a donné superbes diamants.

— Oui, il y en a de très jolis, les beaux sont réservés pour personnes plus riches que nous. Mais vous en avez des superbes.

— Mais où ils sont — quand j'ai manqué périr entre Sicile et Livourno, j'ai tout perdu, excepté ce que j'avais dans mon sac de voyage, c. a. d. ma parure de turquoises. Figurez-vous qu'il faisait très clair, la mer était calme, et on ne sait pas comment les deux bateaux à vapeur se sont rencontrés. Le choc a été terrible, un cri s'est élevé, nous avons comme sur le pont en chemin de nuit, on s'est couvert des chawls et des manteaux comme on a pu. Un matelot m'a pris par le bras et m'a jété sur un autre bateau plus grand, je cherchait la petite fille de 7 ans que j'avais adoptée en Sicile. Heureusement Iskull l'avait emmenée avec lui, la seule bonne chose qu'il a jamais faite. Quand je me suis tournée, il n'y avait plus des vertiges de notre bateau à vapeur [116*]. On nous a déposé à Livourno, où le consul Russe nous a donné des passeports, un banquier que je connaissais, nous a fourni les moyens d'arriver ici. Déjà pourquoi Iskull a été sauvé, je ne sais pas, c'est pour continuer à nous tourmenter.

En attendant, on admirait mes bijoux, on les essayait. On m'a annoncé Agrippine Mansouroff.

— Comme je suis contente de vous savoir enfin arrivée, ma chère amie, mais comme Zina a grandi et comme elle a bonne mine; il faut que je la mène chez les enfants.

La joie était extreme entre 70 Wilhelmstrasse et 14 Unter den Linden [57]. En rentrant j'ai dit: «Madame Mansouroff, permettez-moi de vous présenter la Princesse Cléopâtra Troubetzkoy et sa cousine Mme Iskull et Mr Kisseleff, premier secrétaire de l'ambassade de Russie à Paris, c'est un cousin germain de mon mari» [117*].

[115*] Кажется, здесь супружеская чета.

— Вы всегда говорите глупости; я приказал открыть этот ящик, потому что дыра в чулане сырая, а там есть вещи, которые могут испортиться.

[116*] — Моя дорогая, откройте вашу шкатулку с украшениями, говорят, что Смирнов подарил вам великолепные бриллианты.

— Да, там есть очень красивые, самые лучшие сохранены для более богатых людей, чем мы. Но и у вас есть прекрасные.

— Но где они — когда я чуть не погибла между Сицилией и Ливорно, я потеряла все, кроме того, что было в моей дорожной сумке, т. е. моей бирюзовой парюры. Представьте себе, что было очень ясно, море было спокойно, и неизвестно как два парохода столкнулись. Удар был ужасный, поднялся крик, мы столпились на палубе в ночном пути, покрылись шалями и пальто, кто как мог. Матрос взял меня за руку и перебросил на другой, больший пароход; я искала семилетнюю девочку, удочеренную мною в Сицилии. К счастью, Икскюль взял ее с собой — единственное сделанное им доброе дело. Когда я обернулась, от нашего парохода не осталось и следа.

[117*] Нас доставили в Ливорно, где русский консул дал нам паспорта, один знакомый мне банкир снабдил нас средствами для приезда сюда. Я до сих пор не знаю, как спасся Икскюль, наверное чтобы продолжать нас мучить.

Между тем восхищались моими украшениями и примеряли их. Мне доложили об Агриппине Мансуровой.

Nous avons parlé de Berlin, Ribeaupierre a enfin consenti au mariage d'Aglaé avec le baron Senden, on espère qu'il permettra celui de Sophie avec Васильем Кутузовым.

Les Oseroff sont allés à Moscou pour faire faire connaissance à Roschen. Les vieux Pourtalès sont en Suisse, les fils sont à Berlin.

— Ne me parlez pas de ces deux insolents personnages, avant de quitter Berlin, je suis allée remercier la Comtesse pour ses bontés, Guillaume n'y était pas, Mr Albert a de suite filé et je me suis plainte à elle de la conduite de ses fils. Très embarassée, elle m'a dit: «Vous savez qu'Albert est très bizarre, il fuit le monde et a le projet d'aller à Rome et de se faire artiste, c'est tout comme après son retour d'Amérique il a voulu se faire colon. Il n'en sera rien, j'espère, et il reste dans la diplomatie».

— Ma chère, est-il possible que vous n'ayez pas remarqué qu'Albert était fou amoureux de vous? Il a dit à sa mère: «Si je lui dis un mot, je suis perdu, je sais son mari» [118*]. Je ne sais pas si vous est revenu qu'ils ont en plus d'une querelle au club. «Je l'enlève avec les enfants et je vais en Amérique».

— Oh! Mr Albert, vous comptez sur votre hâte, vous croyez qu'il était si facile de m'enlever avec mes enfants!

— C'est un fou, et je ne regrette pas de n'avoir pas fait sa connaissance.

En parlant, Agrippine m'a observé que mes deux Valaques lui déplaisent.

— Que voulez-vous, ma chère, Cléopâtra est très malheureuse, je l'ai beaucoup vue à P⟨eters⟩bourg chez la P⟨rince⟩sse Nesselrode, elle s'est mariée jeune, adorait son mari qui est mort à Odessa où il était l'inspecteur de la quarantaine. Elle avait un enfant de six ans, la guerre de Turquie l'a ruinée, elle est allée à P⟨eters⟩bourg, où elle a vecu chez sa cousine M-me Boulgakoff avec une pension de 5000 fr. Cet enfant adoré est mort de la scarlatine, elle m'a priée de lui envoyer un buste de son Сережечка [119*] [58].

— Как я рада, что вы, наконец, приехали, мой дорогой друг, но как выросла Зина и какой у нее здоровый вид; нужно отвести ее к детям.

Была необыкновенная радость между Вильгельмштрассе 70 и Унтерденлинден 14 [57]. Воротившись, я сказала: «Мадам Мансурова, позвольте вам представить княгиню Клеопатру Трубецкую и ее кузину мадам Икскюль и г-на Киселева, первого секретаря русского посольства в Париже, это двоюродный брат моего мужа.

[118*] Мы говорили о Берлине: Рибопьер согласился, наконец, на брак Аглаи с бароном Зенденом, надеются, что он позволит и брак Софи с Васильем Кутузовым. Озеровы поехали в Москву, чтоб познакомиться с Розхен. Старики Пурталес в Швейцарии, сыновья в Берлине.

— Не говорите мне об этих двух дерзких личностях. Перед отъездом из Берлина я пошла поблагодарить графиню за ее доброту, Гильома не было, г-н Альберт сейчас же сбежал, и я пожаловалась ей на поведение ее сыновей. Очень смущенная, она мне сказала: «Вы знаете, что Альберт очень странен, он избегает света и хочет ехать в Рим, чтобы стать артистом; это так же, как вернувшись из Америки, он хотел сделаться колоном. Я надеюсь, что ничего этого не будет и он останется дипломатом.

— Моя дорогая, возможно ли, чтоб вы не заметили, что Альберт был до безумия влюблен в вас? Он сказал своей матери: «Если я скажу ей хоть слово, я пропал, я знаю ее мужа».

[119*] Не знаю, дошло ли до вас, что они не раз ссорились из-за этого в клубе. «Я увезу ее с детьми и уеду в Америку».

— О, г. Альберт, вы рассчитываете на вашу поспешность, вы думаете, что так легко увезти меня с моими детьми! — Это сумасшедший, и я не жалею, что не познакомилась с ним.

— Mort à 6 ans, ah, ma chère, si nous avions le malheur de perdre notre chère Zina, je crois que nous en perdions l'esprit.

Se tournant vers Cléopâtra elle lui dit: «Je crois que nous sommes parentes quoiqu'éloignées, vous me permettez de venir vous voir» et me dit: «Ma chère, prenez garde au cousin — celui-là me semble vous adorer, il suit des yeux vos moindres mouvements, c'est bien différent du sentiment des Pourtalès».

— Il n'y a pas de danger, chère amie, il a d'autres affections plus solides à Paris, à ce que dit Cléopâtra, qui le connaît très intimement. Après la guerre de 1830 le Général a été chargé de regler les affaires des principautés [59]. Le nom de Troubetzkoy l'a frappé, il s'est de suite occupé des propriétés de Cléopâtra, ce qui lui donne à présent 50 000 fr. de rente [120*].

Après son départ j'ai dit à ces dames que je m'avais donnée la parole de ne jamais voyager dans la Méditerranée. En quittant Rome je suis allée à Naples où j'ai passé trois semaines, je suis allée à Sorrento et j'ai voulu aller voir la grotte bleue, mais le bateau était si ballant que j'y ai renoncé; après il était décidé que je devais partir. Dans le port les petites embarcations où les gamins dansaient la saltarella, dansaient plus qu'eaux. Le Général Peroffsky me dit: «Prenez garde, je crois que la tournée sera mauvaise». Il y avait sur ce bateau la Comtesse Pourtalès avec sa petite fille d'adoption Aminka, avec laquelle mes enfants jouaient sur le pont, le colonel Steiger, commandant des troupes du Pape, un ami à elle. Le soir venu, j'ai établi la gouvernante de mes enfants, qui souffre mort et passion en mer, dans la voiture, j'avais Oly avec moi dans le coupé; à mesure que nous avancions, on raffermissait nos voitures, un jeune garçon venait de temps en temps changer la bassine de Mlle Overbeck. Le colonel Steiger montait avec peine pour me dire ce qui se passait en bas. Je m'étais dépouillée de tout ce que j'avais de chaud pour couvrir Oly, parce que les vogues passaient pardessus les voitures; elle dormait, je suis descendue et je trouvai la bonne Russe qui me dit [121*]: «Зачем вы, сударыня, поехали морем, запрудили чужое

Говоря, Агриппина заметила мне, что ей не нравятся обе мои валашки.

— Что вы хотите, моя дорогая, Клеопатра очень несчастна, я часто виделась с ней в Петербурге у графини Нессельроде; она вышла замуж молодой, обожала своего мужа, который умер в Одессе, где был инспектором карантина. У нее остался шестилетний ребенок, турецкая война ее разорила, она поехала в Петербург, где жила у своей кузины г-жи Булгаковой с пенсией в 5000 фр. Этот обожаемый ребенок умер от скарлатины, она меня просила прислать ей бюст ее Сережечки [58].

[120*] — Умер в 6 лет, ах, моя дорогая, если бы мы имели несчастье потерять нашу дорогую Зину, думаю, что мы сошли бы с ума.

Повернувшись к Клеопатре, она сказала ей: «Я думаю, что мы родственницы, хотя и отдаленные, вы позволите мне вас навестить», а мне сказала: «Моя дорогая, берегитесь кузена — он, мне кажется, вас обожает, он следит глазами за малейшим вашим движением, это совсем не то, что чувство Пурталесов».

— Нет никакой опасности, дорогой друг, у него есть более основательные привязанности в Париже, по словам Клеопатры, близко его знающей. После войны 1830 г. генералу было поручено уладить дела в княжествах [59]. Имя Трубецкого его поразило, он сейчас же занялся имениями Клеопатры, что дает ей теперь 50 000 фр. ренты.

[121*] После его ухода я сказала этим дамам, что дала себе слово никогда не ездить по Средиземному морю. Покинув Рим, я поехала в Неаполь, где провела три недели, поехала в Сорренто, где хотела видеть голубой грот, но лодка так качалась, что я отказалась от этого; потом было решено, что я должна уезжать. В порту маленькие лодчонки, где мальчишки танцевали сальтареллу, плясали больше, чем воды. Генерал Перовский

море русскими костями».— «Бог милостив, Надежда Степановна, молитесь».— «Да, кто в море не бывал, тот Богу не молился». En remontant le Colonel Steiger me dit: «Je ne puis pas vous cacher que nous sommes en danger, le capitaine Arnoud est excellent, il est attaché au gouvernail, le pilote aussi». Le garçon nous dit: «Le danger est dans la rencontre que nous pouvons faire du bateau qui sort de Civitavecchia, le brouillard est si épais qu'on ne voit pas à deux pas. Mais ne craignez rien, j'ai vu périr le Pollux, j'ai vu périr la Salamandra et un 3-me dont j'ai oublié le nom et me voilà pourtant sain et sauf».

— Kisseleff, ne pleurez donc pas! Mme Smirnoff est là en pleine santé.

— Princesse, vous êtes insupportable, vous interrompez Mme.

— Alors j'ai demandé au garçon: «Comment on sauve?» Il me dit: «Avec le plus grand sang-froid, d'abord on attachera sur une planche vos enfants avec des cordes» [122*]. «Quelle horreur je veux être attachée avec eux».— «C'est impossible, votre poids fera chavirer la planche». Mes cheveux se dressaient sur ma tête, j'étais dans des angoisses affreuses. Heureusement le garçon est venu me dire: «Bonne nouvelle, il pleut, le vent est abattu et nous ne sommes pas loin du port». Il faisait jour quand nous sommes entrés dans une espèce de carré, où notre coquille de noix dansait encore; on nous a à la lettre jetés dans un petit bateau qui conduisait à la terre ferme [60]. La pauvre Mlle Overbeck était à moitié evanouie, je l'ai couchée et fait venir un médecin, qui lui a donné un calomel, car elle avait encore de fortes nausées et faisait venir du sang. Le lendemain j'ai continué la route vers Rome en poste et nous avons diné à Ostia, ce lieu decrit avec tant de charme par Pline le Jeune, je crois. Il en reste un petit étang d'eau croupissante, remplie de grenouilles et de crapauds, qui coassent d'une manière épouvantable. On dit, que l'Imp⟨ératrice⟩ Анна Ивановна aimait le coassement des grenouilles et qu'elle a eu fait mettre dans un étang dans sa terre de Монастино près du P⟨eters⟩bourg.

Les Dames sont parties et mon mari est entré en disant: «Это что за выставка портретов и вещей?» — «Я боялась, что в чулане отсыреют вещи, и хотела вынуть некоторые детские игрушки и китайское платье».

сказал мне: «Берегитесь, я думаю, что путешествие будет дурным». На этом судне была графиня Пурталес со своей приемной внучкой Аминкой, с которой мои дети играли на палубе, и полковник Штайгер, командующий папскими войсками, ее друг. Когда наступил вечер, я устроила гувернантку моих детей, смертельно страдавшую от морской болезни, в экипаже, а Олю с собой в купе; по мере нашего продвижения закрепляли наши экипажи, время от времени приходил юноша сменить тазик м-ль Овербек. Полковник Штайгер с трудом поднялся, чтобы сказать мне, что происходит внизу. Я сняла с себя все, что на мне было теплого, чтобы укрыть Олю, потому что волны захлестывали экипажи; она спала, я спустилась и нашла русскую няню, сказавшую мне:

[122*] Поднявшись наверх, полковник Штайгер сказал мне: «Не могу скрыть от вас, что мы в опасности, Арну — превосходный капитан, он привязан к штурвалу, рулевой тоже». Гарсон сказал нам: «Опасность в возможности встретиться с судном, идущим из Чивита-Веккиа, туман такой густой, что в двух шагах ничего не видать. Но не бойтесь, я видел, как погибал «Поллукс», как погибала «Саламандра» и еще третье судно, названия которого я не помню,— и вот он я, жив и здоров».

— Киселев, не плачьте! Мадам Смирнова в полном здравии.

— Княгиня, вы невыносимы, вы перебиваете мадам.

— Тогда я спросила гарсона: «Как спасаются?» Он мне сказал: «С полным хладнокровием, сначала привяжут тогда ваших детей веревками к доске».

— Как тебе нравится портрет жены? Мне кажется que c'est léché.

— Peut-être, mais c'est très ressemblant, je le préfère à celui en aquarelle [123*]. А ты зачем ранее обыкновенного вернулся?

— Я зашел взять еще франков 500. Долгорукий приехал с женой, тебе это приятно будет, Сашенька, ты ее часто видела во Франкфурте.

— Ничуть не приятно, я терпеть не могу ее аффектацию — а я тебе скажу, что приехала Agrippine Мансурова, ее муж поехал с государем в Калиш, а твой приятель Икскюль обретается в Бадене и все играет с красносым Герсдорфом. Сегодня обедают здесь Клеопатра и Голицын, ровно в пять часов.

Как всегда, были ленивые щи, пирожки, битки с жареным картофелем, а потом папара Клеопатры. Киселев сидел возле меня и сказал: «Вот и я делаю соляную горку, как вы, а то Н‹иколай› М‹ихайлович› ест с ножа и потом лезет с ним в солонку Mme Дургольц».

— Я завтра выложу плоские солонки, я терпеть не могу, когда опрокидывают соль.

— Что ты говоришь, Киселев?

— Я говорю, что солонка похожа на лоханку.

— Нельзя ли еще щей?

— Нет, я куплю завтра еще суповую чашку, в эту входит ровно четыре тарелки.

— Kisseleff comment trouvez-vous la папара?

— C'est délicieux, quoiqu'en peu gras et je crains que cela ne me donne le fer-chaud.

— Je vous en guérirai avec un peu de charbon melé de m‹нрзб.›, Arnoldi appelle cela лага et ne fait que roter après dîner, он пьет клюквенный морс, ходит и поет: «Все на свете можно, только осторожно».

— Comment n'avez-vous pas conscience de parler ainsi de votre bienfaiteur?

— Il est joli le bienfaiteur, je me plaindrai à l'Empereur, si vous me faisiez à le recevoir; allez-y vous-même puisque vous avez le besoin преклониться перед генеральством.

[123*] «Какой ужас, я хочу чтобы меня привязали с ними».— «Это невозможно, ваш вес перевернет доску». Волосы у меня встали дыбом, я была в ужасной тревоге. К счастью, гарсон пришел сказать мне: «Добрые вести, ветер утих, идет дождь, и мы недалеко от порта». Было светло, когда мы вошли в некое подобие бухточки, где наше суденышко продолжало еще бросать из стороны в сторону; нас буквально бросили в маленькую лодку, доставившую нас на твердую землю [60]. Бедная м-ль Овербек была почти без сознания, я уложила ее и пригласила доктора, который дал ей каломель, потому что у нее продолжалась сильная рвота, и пустил кровь. На следующий день я продолжила свой путь к Риму на почтовых и мы обедали в Остии. Эти места описаны с таким очарованием, кажется, Плинием Младшим. Там и сейчас есть небольшой пруд со стоячей водой, полной жаб и лягушек, которые квакают ужасающим образом. Говорят, что императрица Анна Ивановна любила кваканье лягушек и что она их поместила в пруд в своем имении Монастино близ Петербурга.

Дамы ушли, а мой муж вошел, говоря ‹...› что он прилизанный.

— Может быть, но очень похож, я предпочитаю его акварельному.

— Kisseleff, j'apprendrai votre Михайла de faire la papara et vous pourrez en régaler votre Caroline Delvalle [124*].

— Princesse, cette Caroline Delvalle ou Delmar n'existe que dans votre imagination Valaque [125*].

— А ты, братец, обзавелся, очень хорошо сделал.

Затем хозяин преспокойно захрапел на диване. Голицын и Клеопатра указали на него рукой и ушли.

— Однако такая бесцеремонность непозволительна — мне хочется вас громко поцеловать.

— Не смейте, как вы смеете мне говорить, что хотите меня поцеловать; он спит при Плетневе и Жуковском, но им и в голову не приходит меня целовать.

— Да я ведь двоюродный брат.

— La belle raison, je n'embrasse que mes enfants, je n'aime pas les baisoteries, j'aime mes frères, mais nous bornons à nous aimer sans les preuves extérieures [126*].

— А я ласкового расположения.

— Ну, и ласкайте ваших детей.

— Еще! Я рассержусь и уйду совсем к Олечке Долгорукой.

— Rival du nez fourré, quelle gloire! [127*]

— Кстати, я у них завтра обедаю и хочу у нее попросить ее щипцы. Посмотрите, у вас конец пальца закоптел, и это вам не стыдно?

— Ничуть.

Часто мы сидели друг против друга, молчали и как будто мысленно спрашивали себя, зачем нас неумолимая судьба разлучила, когда мы могли так ласково и спокойно проводить дни вместе. Четвероугольный стол нас ‹следующий лист утрачен›.

— L'avez-vous toujours appelé Gougou?

— Seulement une fois pour adoucir le refus — je vous disais que j'ai fait une petite odeur, il a froncé le nez, je crois que cela suffisait pour faire évaporer l'amour le plus violent.

— Croyez-vous que si cette petite incongruité vous arrivait, cela m'empêcherait de vous porter le sentiment que vous me permettez d'avoir pour vous?

[124*] — Киселев, как вы находите папару?

— Это восхитительно, хотя немного жирно, и я боюсь, чтобы это не наделало мне изжоги.

— Я вас от нее вылечу, дав немного угля, смешанного с ‹нрзб.› Арнольди называет это лага и всегда срыгивает после обеда ‹...›

— Как тебе не совестно говорить так о своем благодетеле?

— Хорош благодетель, я пожалуюсь императору, если ты будешь заставлять меня его принимать; делай это сам, если у тебя такая нужда преклониться перед генеральством.

— Киселев, я выучу вашего Михайлу готовить папару, и вы сможете потчевать ею вашу Каролину Дельваль.

[125*] — Княгиня, эта Каролина Дельваль или Дельмар существует только в вашем валашском воображении.

[126*] — Хорош довод, я целую только моих детей, я не люблю чмоканья. Я люблю своих братьев, но с нас достаточно любить друг друга без внешних доказательств.

[127*] — Соперник носа на меху, какая слава!

— Qu'en savez-vous?

— Mais d'où vous vient cette singulière disposition?

— C'est le résultat de mes premières et terribles couches, et cela me joue des tours très désagréables.

— Racontez-moi ces terribles couches.

— Voyez-vous, nous demeurions aux îles, mon mari allait à la chancellerie, et je n'avais personne pour me faire marcher[128*]. J'étais très lourde et souvent en marchant j'avais comme des évanouissements, je m'effrayais les en vain, mon accoucheur Scholz m'a saigné deux fois du bras gauche — voyez la marque — je retranchais ma manche.

— Quel beau bras vous avez, c'est comme moulé, ne rougissez pas.

— Nous sommes rentrés en ville, et trois semaines après j'ai dit à la sage femme qui demeurait déjà chez nous: «Ах, как у меня болит спина», elle me fit le lit et me dit: «Пора рожать». Elle était jeune et gaie, une des meilleures élèves de Scholz. Les douleurs étaient fréquentes, mais rien que des fausses douleurs. Vers le soir elle a fait venir Scholz, qui a dit qu'il fallait encore attendre. Vers le matin on a essayé de me faire marcher, mais le poids extrême a fait que je tombais, alors Scholz a essayé de faire sortir l'enfant avec ce que l'on appelle en russe ложки, mais il n'est pas parvenu à les introduire, il a fait chercher le grand Сутгоф, qui était très malade; il est venu, un petit vieillard dont je ne me rappelle pas le nom. Mon mari était dans tout les états, mes frères étaient dans la maison. À la cour on a appris que je souffrais depuis 50 heures sans succès, sans dormir ni manger. Chose étrange, l'idée de la mort ne m'est pas venue un instant. À la perspective tous mes amis se promenaient des allées, se demandant: «Что родила и жива ли?» L'Impératrice venait d'accoucher très heureusement de son dernier enfant, le G‹rand› D‹uc› Michel, et cet ange m'a envoyé son accoucheur le Dr Leighthon, un Anglais que je connaissais. Il est venu me visiter, tâté le pouls et a dit: «Il n'y a pas de temps à perdre». On m'a couchée au travers du lit, Persan, le médecin du votre Ministère, serrait ma tête, Arndt, le médecin envoyé par l'Empereur, les hanches, Cholz et le petit vieux — les genoux. Et le vieux Leigthon qui avait un polype dans le nez, a fait la perforation, c. a. d. qu'il a brisé la tête de l'enfant. J'ai demandé seulement si je pourrais crier, car en général je ne fais que gêmir pendant les plus fortes douleurs. Il a tiré avec tout de force que j'ai vu un petit corps ensanglanté et j'ai eu la force de dire encore à Leigthon: «L'enfant ne crie pas».— «Il est faible, mais ne vous inquiétez pas». Mes frères et mon mari,

[128*] — Вы всегда называли его Гугу?

— Только раз, чтобы смягчить отказ,— я говорила вам, что испустила небольшой запах, он сморщил нос — я думаю, что этого достаточно, чтобы самая жестокая страсть испарилась.

— Вы полагаете, что случись с вами эта маленькая неловкость, это помешало бы мне питать к вам то чувство, которое вы мне позволяете?

— Как знать?

— Но отчего происходит с вами это странное свойство?

— Это результат моих первых и ужасных родов, и это выкидывает со мной очень неприятные штуки.

— Расскажите мне об этих ужасных родах.

— Видите ли, мы жили на островах, мой муж уходил в канцелярию, и у меня не было никого, кто бы заставлял меня ходить.

n'entendant plus les cris, ont cru que j'étais morte et sont venus à la porte. Hélas, le pauvre être était trop beau, trop grand. Si Leigthon l'avait retiré par morceaux, je n'aurais pas eu une déchirure du périnée [129*].

— Нет, более не говорите, это слишком ужасно. Если бы это случилось с моей женой, которую любил бы, то жил бы возле нее монахом.

— Доктора этого хотели, но оказалось, что мне нужно было еще иметь детей, и я очень рада своим милым двойняшкам. Обезображенный труп моего сына похоронили в Донском монастыре под именем младенца Смирнова. Карамзин имел несчастье похоронить своего старшего сына Андрея и на его памятнике написал:

Покойся, милый прах,
До радостного утра [61].

— C'est charmant [130*], младенцам, конечно, воскресение мертвых будет радостным утром, а для нас, грешных, радостное утро страшнее.

— Вот вы увидите, что сказано в одной из вечерних молитв...

В эту минуту заехала графиня Строганова, и мы поехали в «Фаворит». Дорога была гладкая, мы ехали рысцой, он сел против меня, жаворонки и всякая птица пела, летала над нами. В Фаворите мы походили, но солнце начало заходить за тучи, и мы отправились в Баден. По дороге мы поравнялись с коляской, в которой сидели три дамы. Поравнявшись с ними, наш кучер вздумал их обогнать, я только успела сказать: «Comme je

---

[129*] Я была очень грузна, и, идя, я как будто теряла сознание, я боялась этого напрасно, мой акушер Шольц два раза пускал мне кровь из левой руки — видите след,— я подняла рукав.

— Какая у вас красивая рука, как точеная. Не краснейте.

— Мы вернулись в город, и спустя три недели я сказала повивальной бабке, которая уже жила у нас: ⟨...⟩ она постелила мне постель и сказала: ⟨...⟩ Она была молодая и веселая, одна из лучших воспитанниц Шольца. Схватки были частые, но только ложные. К вечеру она пригласила Шольца, который сказал, что нужно еще ждать. К утру попытались заставить меня походить, но из-за большого веса я упала, тогда Шольц попробовал извлечь младенца с помощью того, что по-русски называют ложки, но ему не удалось их ввести. Он послал за великим Сутгофом, который был очень болен; пришел маленький старичок, имя которого я не помню. Мой муж был в сильном волнении, братья находились в доме. При дворе узнали, что я безуспешно страдаю уже 50 часов без еды и сна. Странное дело — мысль о смерти не приходила мне ни на минуту. В ожидании все мои друзья прогуливались по аллеям, задаваясь вопросом: ⟨...⟩ Императрица только что очень счастливо разрешилась своим последним ребенком, великим князем Михаилом, и этот ангел послал мне своего акушера доктора Лейтона, англичанина, которого я знала. Он пришел меня навестить, пощупал пульс и сказал: «Нельзя терять время». Меня уложили на кровать, Персан, врач вашего министерства, сжимал мою голову, Арндт, врач, присланный императором, бедра, Шольц и маленький старичок — колени. И старый Лейтон, у которого был полип в носу, сделал перфорацию, т. е. раздробил голову младенца. Я спросила только, могу ли я кричать, потому что вообще я только стонала во время самых сильных мук. Он с силой вытащил, так, что увидела маленькое окровавленное тело, и у меня хватило сил спросить еще у Лейтона: «Младенец не кричит».— «Он очень слаб, но вы не беспокойтесь». Мои братья и муж, не слыша более криков, подумали, что я умерла, и подошли к двери. Увы, бедное создание было слишком прекрасно, слишком большое. Если бы Лейтон извлек его по кускам, у меня не разорвалась бы промежность.

[130*] — Это мило

déteste quand les cochers veulent dépasser»[131*], как услыхали страшный крик. Коляску опрокинуло в глубокую канаву. Кучер несчастных дам отпрягал с отвратительным хладнокровием лошадей. Графиня была почти в обмороке. Киселев держал меня за руку и успокаивал,— что было делать? Он решил, что отвезет нас ко мне, а сам поедет за Гугортом, который с нашей коляской поедет за дамами. Когда я с графиней вошла домой, она мне сказала: «Vous voyez combien mon petit ami Kisseleff est bon et quel souci il a eu d'aller de suite chercher le médecin pour les personnes qu'il ne connaît pas, il est capable du plus grand dévouement».

— Je n'en doute pas, chère comtesse. En attendant je vais prendre une goutte d'Aconit, c'est bon contre les frayeurs[132*].

Eylandt мне приложила влажное полотенце к животу — слава богу, дитя шевелилось. Через полчаса вернулся Киселев с коляской и сказал графине: «Je suis rassuré sur le compte de Mme Smirnoff, permettez-moi de vous reconduire, il fait sombre et les cochers de Baden ne méritaient pas de confiance», а мне сделал знак рукой, что зайдет.

— Je troublais pour vous, une frayeur dans votre état peut être fatale, amener soit des couches prématurées, soit une fausse couche.

— Soyez sans crainte, Kissinka, j'ai pris de l'Aconit et Eylandt s'est aperçue du mouvement de l'enfant en appliquant des linges mouillés. L'intérêt que vous m'avez temoigné me prouve que vraiment entre nous est une amitié, c'est pour la vie et jusqu'à notre mort, n'est ce pas?

— Vous attendez une réponse, on dirait que vous ne le savez pas.

— À demain, cher ami, je n'ai pas la force de vous voir ce soir.

Le lendemain à 7 heures j'entends la voix: «Mme Smirnoff, vous êtes d'une l'impudence impardonnable, je passais derrière le petit pont et j'ai vu le plus beau spectacle du monde»[133*].

— Pas de détails.

— Mon Dieu, quelle chevelure!

— Vous aurez le temps de l'admirer à Paris.

J'etais rouge et confuse et n'avais pas eu la tentative de les rejeter.

— Croyez-vous que quelqu'un a passé avant moi?

[131*] Как я ненавижу, когда кучера стараются обогнать.

[132*] Вы видите, как добр мой дружок Киселев и с какой заботой он сейчас же пошел искать врача для неизвестных ему людей; он способен на величайшую преданность.

— Я в этом не сомневаюсь, милая графиня. Пока же я приму каплю аконита, это хорошо при испуге.

[133*] Я успокоился насчет г-жи Смирновой, позвольте мне вас проводить. Стемнело, а кучерам в Бадене нельзя доверять ⟨...⟩

— Я тревожился за вас, испуг в вашем положении может стать роковым, вызвать преждевременные роды или ложные схватки.

— Не бойтесь, Кисинька, я приняла аконит, а Эйландт заметила движение ребенка, когда прикладывала мне влажные полотенца. Ваше внимание ко мне доказывает, что между нами истинная дружба, это на всю жизнь и до самой смерти, неправда ли?

— Вы ждете ответа, будто вы его не знаете.

— До завтра, милый друг, у меня нет сил повидаться с вами сегодня вечером.

На следующий день в 7 часов утра я слышу голос: «Г-жа Смирнова, вы непростительно нескромны, я проходил за мостиком и видел самое прекрасное зрелище на свете».

— Qui voulez-vous qui passe à 7 heures, a moins que ce ne soit le vieux Beverley qui est très occupé de ses ordures.

— Tant mieux.

À midi nous sommes allés à la terrasse. Los Rios causait avec une dame très forte, vêtue d'une robe rose comme une jeune fillette.

— Ah, bonjour, mme Semiantkovska et mon petit ami Kisseleff. Mon cher ami, je crains bien qu'un beau matin ou un beau soir vous ne soyez obligé de soigner votre compagne [134*].

— Finissez vos plaisanteries, Los Rios. Qui est la dame avec laquelle vous causeraiez?

— C'est la Princesse Léonie de Bethune, qui tout Paris connaît et craint et qu'on appelle la Capitaine Léonidas, elle mène sa mère tombant l'enfance et c'est une femme de beaucoup de mérite.

Nous repassâmes et nous rencontrames Olga Dolgorouky, à laquelle Platonoff donna le bras. Pantalon bleu et veste de chasse verte a boutons d'or.

— Киса, посмотрите, каким фордыбаком он ходит!

— Что такое фордыбак?

— Это в лексиконе Шишкова, это Пушкин говорил. Фордыбак — un faisseur de sans l'escient, a щелкопер — un freluquet. Platonoff s'est arrivé de me dire un jour que vous êtez un freluquet de Paris.

— Mais quand donc, il ne vient donc plus [135*].

— Раз еще забрался как-то утром до вашего прихода, но Сашка его просто выгнал. У Шишкова есть название для модных дам — Толпега, Пушкин так называет княгиню Голицыну, рожденную Апраксину. Она очень плотная и очень модничает, по-французски она — Mme Tolpège, а Труперта — старая кокетка. У него биллиард — шарокат, а кий — шаротер [62]. Жуковский мне рассказывал, что покойный государь часто приходил пить чай к Карамзиным, у них есть старый слуга, еще крепостной

[134*] — Без подробностей!

— Боже, какая шевелюра!

— У вас будет время восхищаться ею в Париже.

Я покраснела, смутилась и не пыталась их отбросить.

— Как вы думаете, прошел кто-нибудь до меня?

— Ну, кто же, по-вашему, ходит в 7 часов, разве только старик Беверлей, который поглощен своими нечистотами.

— Тем лучше.

В полдень мы пошли на террасу. Лос Риос разговаривал с весьма крупной дамой, одетой, как молоденькая девочка, в розовое платье.

— А, здравствуйте, г-жа Семянтковска и мой дружок Киселев. Друг мой, я опасаюсь, что в одно прекрасное утро или вечер вам не пришлось бы позаботиться о вашей спутнице.

[135*] — Оставьте ваши шутки, Лос Риос. Кто эта дама, с которой вы говорили?

— Это княгиня Леони де Бетюн, ее знает и боится весь Париж, называют ее капитан Леонидас. Она водит свою мать, впавшую в детство, и это очень достойная женщина.

Мы пошли назад и встретили Ольгу Долгорукую под руку с Платоновым. Синие панталоны и зеленая охотничья куртка с золотыми пуговицами ⟨...⟩ хвастун без умысла, а щелкопер — ветрогон. Платонов однажды явился сказать мне, что вы — парижский ветрогон.

— Но когда же, ведь он более не ходит?

первой жены Карамзина, Протасовой. Лука в передней сидел на столе, нимало не смущаясь приходом царя, и мелом кроил панталоны, мелком обозначая. Он говорил: «Карамзин, видишь что-то длинное и думаешь, что это летописи на столбцах». С тех пор у нас принято вместо панталоны говорить летописи; вот и у Шубина и у nez fourré[136*] белые летописи. Жук или Бык, как я его часто зову, еще рассказывал, что у них был скворец, который очень часто беспрестанно повторял: Христос воскрес, но вдруг ошибся, забегал по клетке и кричит во всю глотку: Востиквас; у нас принято говорить, когда кто-нибудь в конфузе, что с ним или с ней делается востиквас.

— Tout cela est charmant et très amusant. Какой же я был дурак и медведь, мог попасть в ваш приятный кружок так легко через Пушкина и Соболевского, а вертелся в кружке канцелярских друзей; ma seule vraie distraction c'était les petits dîners intimes chez le comte Nesselrode.

— Comment cela se fait-il que je ne vous y ai jamais rencontré; il est vrai que je n'y venais que le soir et cela presque tous les jours.

— Mais je fuyais ce qui s'appelle le monde. Je vous ai vue une fois aux Français, vous aviez une robe verte et une couture rouge — et vous aviez l'air profondément ennuyée.

— Je crois bien, personne ne venait dans notre loge, on évitait les discussions et de plus j'ai toujours mal à la tête au théâtre.

— А если бы я, дурак, с вами познакомился, то сидел бы у вас в ложе. А теперь-таки предлагаю вам место в Conservatoire; нас четверо — отсутствующий путешествует в Италии, Michel Sabanski et moi, permettez-moi donc de vous offrir une place.

— J'accepte avec reconnaissance, mais à condition que je payerai ma place.

— Mais elle est payée par le voyageur, il y a un inconvénient: on est à l'étroit et les banquettes sont très dures.

— Je ne suis pas prude et mon athedron ne craint pas les banquettes dures.

— Rentrons pour bavarder à la maison; savez-vous que Муханов m'a dit que la comtesse Nesselrode vient ici faire un cours d'herbes chez Gougart[137*].

— Quelle agréable nouvelle vous me donnez!

Là-dessus Сашка m'a annoncé: «Княгиня Ливен».

[136*] мехового носа ⟨...⟩

— Все это мило и весьма забавно. ⟨...⟩ моим единственным истинным развлечением были интимные обеды в узком кругу у графа Нессельроде.

— Как случилось, что я вас никогда там не встречала; правда, я там бывала только вечером, но почти ежедневно.

— Но я избегал того, что зовется светом. Я видел вас однажды во Французском театре, вы были в зеленом платье с красным шитьем и, казалось, глубоко скучали.

[137*] Я думаю! Никто не входил в нашу ложу во избежание споров, а кроме того, в театре у меня всегда болит голова. ⟨...⟩ Мишель Сабанский и я, позвольте же мне предложить вам место.

— Принимаю с благодарностью, но при условии, что я за него заплачу.

— Но оно оплачено путешествующим. Есть одно неудобство: там тесно, а банкетки очень жесткие.

— Я не стыдлива, а мой афедрон не боится жестких банкеток.

— Вернемся домой поболтать. Знаете, Муханов сказал мне, что сюда приезжает графиня Нессельроде, чтобы пройти у Гугорта курс лечения травами?

— Ma chère mme Smirnoff, j'ai eu le plaisir de faire votre connaissance avant mes malheurs. Vous savez comme j'aime les enfants, j'ai rencontré à la terrasse vos deux jolies petites et en apprenant qu'elles étaient à vous, je me promenais des manières très agréables avec elles, il y en a qui balbutie à une manière charmante.

— Vous êtes bien aimable, chère princesse, et vous trouvez chez moi quelqu'un qui s'amuse aussi avec mes petites.

Elle salue assez froidement Kisseleff et l'on annonça Mr de Bacourt qu'elle m'a presenté comme une ancienne connaissance à elle à Londres: «C'est un Français qui n'a rien de français, très calme et très aimable en même temps».

Restés seuls, Kisseleff me dit[138*]: «Так как вы хотели диктовать с порядком, то и должны мне продиктовать, как вы оставили свою бабушку».

— Мы все плакали, конечно; Карлиньку у нее оставили, ему было только 7 лет. Меня и в институте три месяца мучила лихорадка; я совсем о ней забыла, наелась клубники, вечером сделался такой озноб и жар, меня свезли в лазарет, на другой день д⟨окто⟩р из предосторожности оставил меня, а на другой день лихорадка воротилась; наконец императрица велела написать о моей болезни маменьке, она написала, что после рвотного мне нужно дать хины, и после трех приемов я была здорова и отправилась в классы. Государыня приезжала всякую неделю, и первым делом было посещение госпиталя. У нас были нанковые капоты и зеленые драдедамовые платки. Какой-то эрцгерцог австрийский желал видеть заведения государыни и был в мое время у нас. С ним была большая свита в очень красивых мундирах, как я позже узнала — в венгерских. Я сидела на первой лавочке, сидела по росту, возле меня Сашенька Балугьянская, которую звали Галочкой, а меня Черникой; по той же линии сидела княжна Stéphanie Radziwill, у которой было громадное состояние чуть ли не 150000 душ и везде замки. Ее мать, Théophilie Моравская, была очень мила, ее отец отдал за какого-то Стефаньского; она очень понравилась Доминику Радзивилл, и он ее купил за 20000 злотых у Стефаньского. Радзивилл во время войны формировал конный полк, что положило начало разорению этого огромного состояния. Когда он умер, император Александр очень любил, чтобы его сослуживцы женились на знатных и богатых, и предложил княгине Радзивилл выйти замуж за генерала-адъютанта Александра Ив⟨ановича⟩ Чернышева. Selon moi, il était affreux, il y avait quelque chose de si apprêté en lui. Il l'a ennuiée et fatiguée de nuits de

---

138* — Какую прекрасную новость вы мне сообщаете!

Затем Сашка доложил мне: ⟨...⟩

— Моя милая г-жа Смирнова, я имела удовольствие познакомиться с вами еще до моих несчастий. Вы знаете, как я люблю детей, я встретила на террасе ваших хорошеньких малюток и, узнав, что они ваши, с удовольствием погуляла с ними; одна из них прелестно лепечет.

— Вы очень любезны, милая княгиня. Вы найдете у меня кое-кого, кто тоже забавляется с моими малютками.

Она довольно холодно поздоровалась с Киселевым. Доложили о г. Бакуре, которого она представила мне как своего старого знакомого по Лондону: «Это француз, в котором нет ничего французского, спокойный и вместе очень любезный».

Когда мы остались одни, Киселев мне сказал:

ses hauts faits militaires, ils approchaient de Vilna, il lui dit: «Quand j'ai pris Cassel», elle lui dit: «Ah, Mr, prenons Vilna et n'en parlons plus»[139*]. Arrivée à P⟨eters⟩bourg elle dit à l'Empereur: «Sire, est-ce-qu'une femme a le droit se divorcer de son mari, s'il la tient à petit feu?» — «Certainement».— «Et bien, Tchernicheff me tient à force de m'ennuyer». Là-dessus, elle l'a planté là et elle est partie pour Varsovie.

— Mais le divorce, est-il si facile en Russie?

— Pas du tout, mais ils etaient de religions différentes et je crois qu'ils ne se sont mariés que dans une Eglise, laquelle je n'en sais rien. A Varsovie elle a eu une liaison avec un cousin de mon mari, Сергей Дмитриевич Безобразов, et on a eu un fils, je ne sais pas de qui elle avait une fille qui s'appelait Félicie Аустинович. À cause de l'inconduite de la mère et le peu d'affection qu'elle avait pour Stéphanie, l'Impératrice l'a pris à 6 ans à l'Institut. Les tuteurs ont fixé 14.000 roubles pour sa dépense à l'Institut parce qu'elle portait un linge moins grossier que les autres, des tabliers, des gants et des pèlerines en percale[140*]. C'était la plus aimable enfant du monde, bonne et généreuse, toujours gaie et insouciante. Elle apprenait seulement ce qui ne l'ennuyait pas. Elle avait des petites manies, par exemple elle pretendait que Pletneff lui attachait ses manches mieux que qui que ce soit. Je couchais à côté d'elle au petit dortoir, et quand l'Inspectrice dormait, nous faisions toujours un petit bout de conversation avec elle; on faisait des plans pour le lendemain, nous dînions toujours chez la supérieure, après ma fièvre les médecins avaient exigé que je sois mieux nourrie et que je dorme jusqu'à $7^1/_2$. Quand nous avions la leçon du Prêtre, les catholiques avaient un Dominicain et la leçon se donnait chez Maman Breitkopf et la chapelle était derrière la salle à manger. La fille ainée de Mme Breitkopf avait été mariée à Василий Николаевич Зиновьев, un homme très pieux et de grand mérite. Il venait tous les Dimanches dans notre Eglise et plaçait sa nombreuse famille devant lui[141*]. Trois filles

[139*] По-моему, он был ужасен, в нем было что-то очень неестественное. Он утомлял ее и докучал ей по ночам рассказами о своих воинских подвигах. Они подъезжали к Вильне и он сказал ей: «Когда я взял Кассель...», она сказала: «Ах, мсье, возьмем Вильну и не будем более об этом говорить».

[140*] Приехав в Петербург, она сказала императору: «Государь, имеет ли женщина право развестись с мужем, если он ее мучает?» — «Конечно»,— «Ну так Чернышев меня замучил скукой». Потом она его бросила там и уехала в Варшаву.

— Но разве в России так легок развод?

— Совсем нет, но они исповедывали разные религии и, думаю, венчались только в одной церкви, не знаю, какой. В Варшаве у нее была связь с кузеном моего мужа ⟨...⟩ и у них был сын. Я не знаю, от кого у нее дочь по имени Фелиция Аустинович. Из-за недостойного поведения матери и ее равнодушия к Стефани императрица взяла ее в 6 лет в институт. Опекуны назначили на ее содержание в институте 14000 р. Поэтому она носила не такое грубое белье, как все прочие, фартуки, перчатки и пелерины из перкаля.

[141*] Это было дитя самое прелестное на свете, доброе и великодушное, всегда веселое и беззаботное. Она учила только то, что не было ей скучно. У нее были некоторые причуды, например, она утверждала, что Плетнев привязан к ней больше, чем кто-либо другой. Я спала рядом с ней в малом дортуаре, и когда инспектриса спала, нам всегда удавалось поболтать; строили планы на завтра. Мы всегда обедали у начальницы, после моей лихорадки врачи требовали, чтобы я лучше питалась и спала до половины восьмого. Когда у нас бывал урок священника, у католиков был доминиканец, а урок происходил у мама̀ Брейткопф, часовня была позади столовой. Старшая дочь г-жи

et un fils de son premier mariage avec Mlle Дубенски, fille du Prêtre de l'Impératrice Catherine, avaient entre eux une très belle fortune, ceux-là ne venaient pas, mais le fils ainé Степан Васильевич avait 18 ans, il s'est mis en tête de me faire des compliments quand il me rencontrait chez Mlle Wallace. Maman s'était beaucoup liée avec elle et lui disait toujours: «Le sort de Sachinka me préoccupe tant, je voudrais qu'elle se marie d'une manière brillante». Mlle Wallace recevait Etienne Zinovieff croyant que ce serait un parti pour moi. Pauvre Maman n'avait que 34 ans, touts ces bons diamants, ses chawls, tout avait disparu, elle n'avait plus qu'un chawl vert de fabrication Anglaise et une robe de soie, et chaque fois qu'elle venait me voir, c'était le même costume. Elle demeurait quelque part près de la Tauride; un jour elle a donné à blasphémer le seul souvenir de Pape, une très belle montre en or, mais il l'a enlevé à mon frère.

— Как ужасно было ваше сиротство, у меня сердце сжимается.

— Figurez-vous qu'à l'Institut un jour on est venu à me dire [142*]: «В прихожей начальницы спрашивает вас женщина Татьяна». J'entre, et cette femme me baise la main en me disant [143*]: «Голубушка барышня, я бы вас не узнала, как вы выросли и похорошели, как я рада вас видеть!» — «Ах, Танька, и я бы вас не узнала, и я очень рада видеть». «Отчего же вы мне говорите вы?» — «Нам запрещено говорить ты казенным воспитанницам, которые нам служат; только солдатам можно говорить ты».— «А где же братцы?» — «Трое в Пажеском корпусе, а Карлинька еще у бабушки» — «Бог с ней, с Надеждой Ив⟨ановной⟩, зачем это она вышла за этого безногого; ведь я всегда была вольная одесская мещанка и нанималась у вашего папеньки. Вот истинно был как отец для людей! В Умани я отошла, полковник меня не отпускал, потому што в пашпорте он записал как крепостную. Я пошла к Гаккебушу — он просил исправника дать мне другой пачпорт и поручился за меня. Иван Кар⟨лович⟩ разругал исправника как собаку. Амалья Ив⟨ановна⟩ и Гаккебуш мне дали деньги, чтоб доехать до Одессы, а там Фома Александрович Кобле мне выдал пачпорт и выдал деньги на дорогу до Петербурга и письмо к генеральше Мордвиновой; я вышла замуж за хорошего человека, он служит дворецким в знатном доме на хорошем жалованье, а я делаю шляпки и наколки, как я всегда делала для вашей маменьки. Какая была красавица, бывало в ули-

---

Брейткопф была замужем за ⟨...⟩, человеком очень благочестивым и больших достоинств. Он каждое воскресенье приходил в нашу церковь и помещал впереди себя свое многочисленное семейство.

[142*] Из них очень хорошее состояние было у трех дочерей и сына от его первого брака с Дубенской, дочерью священника императрицы Екатерины. Эти не приходили, но старший сын, Степан Васильевич, которому было 18 лет, забрал себе в голову делать мне комплименты, встречая меня у мадемуазель Уоллес. Маменька была с ней тесно связана и всегда ей говорила: «Меня так занимает судьба Сашеньки, я хотела бы, чтобы она блестяще вышла замуж». Мадемуазель Уоллес принимала Этьена Зиновьева, думая, что это будет партия для меня. Бедной маменьке было всего 34 года, все эти прекрасные бриллианты, ее шали, все исчезло, у нее осталась только зеленая шаль английского производства и шелковое платье, и всякий раз, навещая меня, она была в одном и том же. Она жила где-то возле Крыма, однажды она отдала на поругание единственную память о папе, очень красивые золотые часы, но он их отнял у моего брата ⟨...⟩

— Представьте себе, один раз в институте приходят мне сказать:

[143*] Я вхожу, эта женщина целует мне руку, говоря:

цах на нее заглядывались. Вот я вам принесла гостинцу, фунт кофию и звездочки — c'est une espèce de gâteau de Savoie. N'est-ce pas que c'est touchant, elle est allée voir mes frères. Ma Tante Lohrer voyageait, et ce n'est que ma Tante Tsitsianoff et les Demoiselles Циргольц qui venaient me voir de temps en temps. Le Dimanche [144*] за решеткой.

— За какой решеткой?

— В воскресенье после обедни те, которые ожидали родных, ходили по зале, а родные сидели за решеткой и девицы подходили к ним. Ко мне приезжал Илья Ив⟨анович⟩ Чепелевский, такой противный, в зеленом мундире с желтыми лампасами, и бренчал саблей. Я никогда не ходила в залу, за мной приходили с известием, что приехал мой дядя Чепелевский, но я отвечала: «Скажите, что я в лазарете».

— Отчего же он был противный?

— Уж право не знаю, у него нос был а la Bourbon, и он смотрел каким-то победителем сердито, и притом я помнила, что бабушка говорила, что он бранчлив.

— А Зиновьев вам нравился, и вы его любили?

— Любила? Да это слово у нас не употреблялось, а говорили «обожать». Например, маленькие обожали девиц большого класса.

— Да ведь, кажется, обожать — гораздо более. Вот я, например, не только люблю, но обожаю свои парижские глаза. Ну, а вы обожали Зиновьева?

— И никогда не думала об нем, кроме в воскресенье у Mlle Wallace. У него было приятное лицо, он был высокого роста, белокурый, его серые глаза улыбались. Вяземский написал стихи какой-то саратовской красавице Клушиной [63]:

> Простоволосая головка,
> Улыбчивость лазурных глаз
> И своенравная уловка etc, etc.

Но вся история с Степаном Васильевичем недолго продолжалась: его гувернер Mr Marconet заметил, что его ученик начал лениться, задумывался, и решили, что его благородие будет у своей бабушки в те часы, в которые нет девиц.

Однако зимой, когда не очень было холодно, мы катались с снежной горки на салазках, и он нас спускал, потому что был сильнее братьев. У них под Петерб⟨ургом⟩ именье Копорье, и их звали «копорские мужики», когда сердились.

— И с тех пор вы не видели копорского мужика?

— Раз или два вскользь, потому что после выпуска была с визитом у его отца, который вовсе не желал, чтобы его сын женился на бедной девушке, а сыновьям он из своих экономий каждому оставил 25 000 р. ассигнациями. Зиновьев вовсе не жил как русские господа, спустя рукава, он жил очень скромно, всегда откладывал часть детям и держал их строго,

[144*] это вроде савойских пирожков. Неправда ли это трогательно? Она пошла повидать моих братьев. Моя тетка Лорер путешествовала, и лишь тетка Цицианова и барышни Циргольц время от времени меня навещали. Воскресенье

кутежа и карт они не знали. Степан Вас⟨ильевич⟩ женился очень рано на девице Жомини, дочери вероломного старика[64]. S'il nous a rendu des services comme Moreau, il n'en était pas moins traître. Je connais Mme de Courval qui réjoit une pension de 25 000 p., c'est une femme impossible, je l'ai retrouvée à Berlin, nous étions invitées à une grande soirée, et je lui faisais la remarque que ma robe était chiffonnée. Savez-vous ce que cette odieuse femme m'a repondu? «Je vous la donne en quatre, jetez-vous votre langue aux chiens, comme le dit Mme de Sévigné»[145*].

— Какая память! Знаете ли, что Наполеон говорил о ее письмах: «C'est comme de la neige, cela fond et il n'en reste rien».

— Savez-vous ce qu'elle m'a dit: «Ma chère, c'est la mode d'avoir l'air ventru». Какая свинья! Napoléon est tort, Mme de Sévigné était une femme de grand mérite, elle lisait Descartes avec ses tourbillons[65], il y a un peu d'exagération dans son amour maternel pour Mr de Guignon, elle savait vivre à la campagne, elle aimait la nature, s'occupait de ses maisons et s'étonnait que son domestique Joseph n'aimait pas à faner, т. е. ворочать сено, а это нелегко.

Savez-vous que le pauvre Duc de Richelieu devait épouser une charmante personne Mlle de Simiano qui était la fille de Mr de Guignon, cela remontait à la mère de Chantal, amie de St. François de Sales. La révolution les a séparès, Mlle de Simiano s'est sauvée en Suisse, belle, jeune, sans le soin, elle était environnée de dangers. Un honnête homme, Mr de Vance, lui a offert une protection, il l'a épousée, elle en a eu deux enfants et elle est morte et le pauvre Richelieu ne s'est jamais marié; il est plus que probable qu'il n'a jamais su où elle à été enterrée et ici je vous dirai une chose qu'on connaissait dans notre famille[146*].

Kantemir étant ambassadeur de Russie en Angleterre est venu en France, il s'est pris d'une affection pleine de respect pour Marie Antoinette. Sa jeunesse, sa beauté, les habitudes frivoles et famillières de la cour de Vienne ont fait son malheur et surtout son amitié pour Polignac.

— Les Polignac ont porté malheur[66] aussi au pauvre Charles X. On a accusé Pozzo et jusqu'à mon ami Paul Medem d'avoir speculé à la bourse lors de cette

---

145* Если он оказал нам услуги, как Моро, он от этого не перестает быть изменником. Я знала мадам де Курваль, которая получала пенсию в 25000 р. Это невозможная женщина. Я снова встретила ее в Берлине, мы были приглашены на большой вечер, и я заметила ей, что мое платье измялось. Знаете, что эта гнусная женщина ответила? «Напрасно вы из кожи лезете, чтобы понравиться, как говорит мадам де Севинье».

146* «Это как снег, тает и ничего не остается».

— Знаете, что она мне сказала: «Моя милая, модно выглядеть пузатой ⟨...⟩ Наполеон неправ, мадам де Севинье — очень достойная женщина, она читала Декарта с его вихрями[65], ее материнская любовь к г. Гиньону была несколько преувеличенной, она умела жить в деревне, любила природу, занималась своими домами и удивлялась, что ее слуга Жозеф не любил ворочать сено ⟨...⟩.

Знаете ли, что бедный герцог Ришелье должен был жениться на прелестной мадемуазель Симиано, дочери г. Гиньона, они происходили от матушки Шанталь, друга св. Франциска Сальского. Революция их разлучила, мадемуазель де Симиано спаслась в Швейцарию. Красивая, юная, оставшаяся без попечения, она была окружена опасностями. Один честный человек, г. де Ванс, предложил ей свое покровительство, женился на ней, у нее было от него двое детей, и она скончалась — а бедный Ришелье никогда не женился; скорее всего он так и не узнал, где ее похоронили. А теперь я вам расскажу об одном факте, который был известен в нашей семье.

terrible catastrophe — mais c'est complètement faux. Je puis vous l'assurer, je connais les détails, neanmoins tous les légitimistes le répandent.

— Michel Wielhorsky m'a raconté une très jolie chose. Marie Antoinnette aimait passionément la danse, elle dansait soit avec le beau Dilton les quadrilles et autres danses à la mode, le Père Jourdain etc, mais elle ne valsait qu'avec un Suédois, le beau Fersen. Un jour après avoir fait un tour de plus, elle s'arrête étouffée, prend la main de Fersen et lui dit: «Voyez comme il bat» [147*]. Le Roi, qui était à côté, lui dit d'un air fin et très calme: «Madame, on vous aurait cru sur parole».

— C'est charmant, comme c'est le mot d'un vrai gentilhomme de l'époque et se dire que c'est un cordonnier comme Philippe que le remplace. Et quels ministres — des Thiers, des Guizots...

— L'Empereur ne peut pas souffrir Guizot, il l'appelle «ce pédant maître d'école» et Thiers — «un fanfaron». Il lit «Le Journal des Débats», ce qu'on lui marque en crayon rouge et dit: «Le Journal des Débats dit beaucoup de mal de moi, c'est une preuve que j'ai bien fait».

— Je ne sais pas si vous connaissez un mot bien mordant de Royer Collard sur Guizot?

— Non.

— Quelqu'un disait devant lui — on dit que vous avez dit que Guizot n'était qu'un austère intriguant. Ai-je dit austère?

— Mais je croyais que cet huguenot était très austère.

— Détrompez-vous donc, on dit qu'il ne peut pas se passer de femmes [148*].

[147*] Кантемир, будучи русским посланником в Англии, приехал во Францию и проникся полной уважения привязанностью к Марии Антуанетте. Ее молодость, красота, легкое и свободное обращение, принятое при Венском дворе, и особенно ее дружба с Полиньяком были причиной ее несчастья.

— Полиньяки принесли несчастье [66] и бедному Карлу X.

Обвиняли Поццо и даже моего друга Поля Медема в том, что они спекулировали на бирже во время этой ужасной катастрофы — но это совершенная ложь, могу вас в этом уверить, я знаю подробности, однако все легитимисты это распространяют.

— Мишель Вьельгорский рассказал мне хорошенькую историю. Мария Антуанетта страстно любила танцы, она танцевала кадриль и другие модные танцы, Пер Журден и т. п., с красавцем Дилтоном, но вальс только со шведом, красавцем Ферзеном. Однажды, после лишнего тура, она останавливается, задыхаясь, берет руку Ферзена и говорит ему: «Посмотрите, как оно бьется».

[148*] Король, находившийся рядом, говорит ей лукаво и весьма спокойно: «Мадам, вам поверили бы на слово».

— Это мило, это слова истинного джентльмена того времени. И подумать только, что на его месте этот сапожник Филипп. А каковы министры — все эти Тьеры, Гизо...

— Император терпеть не может Гизо, он называет его «этот школьный учитель-педант», а Тьера — «фанфарон». Он читает «Журналь де Деба», то, что ему отмечают красным карандашом, и говорит «Журналь де Деба говорит обо мне много дурного — это доказывает, что я хорошо поступил».

— Не знаю, известны ли вам очень едкие слова Руайе Коллара о Гизо?

— Нет.

— Кто-то при нем говорил: «Говорят, будто вы сказали, что Гизо — всего лишь строгий интриган».— «Разве я сказал строгий?»

— Но я полагаю, что этот гугенот очень строг.

— Не обманывайтесь на его счет, говорят, что он не может обойтись без женщин.

— Ах, какой гадкий, старый; au reste l'Impératrice m'a dit que les vieux sont en général plus vilains que les jeunes. Quand Lieven a momentanément remplacé le Comte Nesselrode, après la soirée je me trouvais dans l'antichambre; il pleuvait à verse et la voiture de Lieven n'était pas avancée; il s'impatientait. Je lui dis: «Venez avec moi», vu que tous deux nous logions en Grand palais sous la colonnade. Nous n'étions pas à mi-route qu'il passe son bras autour de ma taille — je me remue, un instant après il veut m'embrasser, гадкий, куровый старик! Je baisse la glace et lui dis: «Descendez, Mr, et en tout cas demain l'Impératrice saura votre conduite». Il cessa, mais arrivés dans le corridor, il me poursuivit jusqu'à ma chambre. J'étais tremblante, je lui fermais la porte au nez en lui criant: «Vieille bête, vieux cochon!» Le lendemain je suis allée de bonne heure le dire à l'Impératrice qui m'a dit: «Une fois pour toutes et même quand vous serez mariée, ne prenez jamais personne dans votre voiture» et je ne l'ai jamais fait [149*].

Le soir elle a dit a Lieven: «J'ai appris que votre voiture a tardé et Mlle vous a ramené; elle a gagné à notre petite loterie un grand portefeuille de Ministre et vous — des boucles d'oreilles en diamants, vous devez troquer par reconnaissance. Какой скот, ведь не дал серег, старый скряга. Je crois qu'il n'est pas austère [150*].

— А про Ришелье вы хотели сказать.

— Кантемир и Ришелье после трагической смерти короля и королевы хотели спасти несчастного ребенка [67], который был поручен Самсону, менее ужасному из его сторожей. Кантемир выкупил его за большую сумму у Самсона. У него был ребенок больной, белокурый и весь покрытый вшами; ночью тайком они его вывезли, скакали верхом проселками; его держал на руках то Ришелье, то его верный Батист, и довезли в Голландию и поручили его жене нашего посланника, князя Голицына, женатого на известной своим умом и знаниями графине Шметтау. У нее были сын и дочь, она воспитала le grand Dauphin [151*], и на ком он женился, неизвестно. Дело в том, что les Comtes de Normandie [152*] не сказка. Кантемир купил все Петито за 10.000 фр. потому что знал, что в числе их портрет Marie

---

149* впрочем императрица сказала мне, что старики вообще более гадки, чем молодые. Когда Ливен на короткое время заменил графа Нессельроде, я после вечера находилась в прихожей, шел проливной дождь, а карета Ливена не подъезжала. Он терял терпение. Я ему сказала: «Поедемте со мной», так как мы оба жили в Большом дворце под колоннадой. Мы не проехали и половины пути, как он обвивает рукой мою талию, я отодвигаюсь; через минуту он хочет меня обнять и поцеловать ⟨...⟩ Я опускаю стекло и говорю ему: «Выходите, мсье, а завтра императрица непременно узнает о вашем поведении». Он прекратил, но когда мы оказались в коридоре, он следовал за мной до моей комнаты. Я вся дрожала, захлопнула дверь перед его носом, крича ему: «Старая скотина, старая свинья!» На следующий день я с утра пошла сказать о нем императрице, которая мне сказала: «Раз навсегда, и даже когда вы будете замужем, не берите никого в свой экипаж» — и я этого никогда не делала.

150* Вечером она сказала Ливену: «Я узнала, что ваша карета опоздала и мадемуазель вас привезла; она выиграла в нашей лотерее большой министерский портфель, а вы — бриллиантовые серьги, вы должны в знак благодарности обменяться с ней» ⟨...⟩ Он, я думаю, не строг.

151* великого дофина

152* графы Нормандские

Antoinette, и глаз ребенка. Он вручил их княгине Голицыной, а в Эрмитаже находятся прочие Петито[68].

Вот вам, Кисенька, un sens d'état[153*], теперь пойдем походим по террасе, а вечером прочтем «Ревизора».

— Ja, gnädigste Frau, mit blaisir[154*].

— Киса, vous savez que les петербургские немцы ont créé un langage russe à eux, т. е. пожалушь das kommen ausmachen, et puis, мы выпил чай mit Bulcken und сухарик, а потом es sehst sehr schon aus, очень хорошо выглядит.

На террасе мы встретили опять Долгорукую с фордыбаком. Клеопатра шла перед нами с Беарном, мы на нее указали Бакуру. Пошли к «très jolie chapeau», где Оля царапнула Адину и Eilandt дала знать ее маленькой попо, решено было ее наказать. Вдруг я слышу, что девица Бетюн говорит: «Los Rios, qui est cette Dame?» — «C'est Mme Semiantkovska avec son cousin Mr Kisseleff, premier secrétaire de l'ambassade de Russie à Paris».

— J'ai vu leur nom dans le «Bade-Blatt», ils n'ont pas le de, gens de peu, je suppose?

— Les Russes des meilleures familles n'ont pas le de, elle a été Dame d'honneur de l'Impératrice, et son mari est fort riche, ils ont le meilleur logement de Bade.

— Ma mère, on peut laisser une carte, elle n'engage à rien les connaissances des eaux[155*].

— Ах, Киса, как я рада, от убытка бог избавил, надеюсь. Пойдем домой.

Дома я услыхала плач в детской: Эйландт оставила на полу утюг, не слишком горячий, слава богу. Оля обожглась, Кисс прибежал на крик, мы приложили прованского масла и ваты, ее простили, и она успокоилась, а он пошел обедать к Долгоруким и Н⟨иколай⟩ М⟨ихайлович⟩ тоже. Я звала Клеопатру, но она предпочла обедать с Бакуром. В 6-ть часов, запыхавшись, прибежал мой собеседник, и тотчас в детскую, еще перевязал Олю, и их уложили спать. А мы сели рядом читать «Ревизора». Вдруг я чувствую его руку за спиной.

— Киса, parce que nous lisons et que vous devez aussi jouer, pourquoi vous passiez votre bras derrière mon dos?

— C'est qu'à Dorpat Moyer lisait les tragédies de Schiller[69] et Goethe avec sa femme et passait son bras autour de sa taille.

[153*] государственный ум

[154*] Да, уважаемая госпожа, с удовольствием (*нем.*). (Имитируется немецкое произношение французских слов.).

[155*] Вы знаете, что петербургские немцы создали свой русский язык ⟨...⟩ «Лос Риос, кто эта дама?» — «Это мадам Семянтковская со своим кузеном Киселевым, первым секретарем русского посольства в Париже».

— Я видела их имена в «Баде-Блатт», — у них нет частицы «де», малозначительные люди, я полагаю?

— У русских из лучших семей нет частицы «де», она была фрейлиной императрицы, а ее муж очень богат, у них лучшая квартира в Бадене.

— Матушка, можно оставить карточку, эти знакомства на водах ни к чему не обязывают.

— Belle raison, je ne suis pas Catinka Moyer et vous n'êtes pas der alte Professor Moyer.

— Alors dites-moi où je dois le mettre, ce n'est pas sur votre Samovar, comme vous appelez votre ventre?

— И то правда.— Nous avons ris comme des foux.— Prenez garde, ne faites pas comme les petits enfants [156*].

— Ma parole d'honneur, c'est à mourir de rire, et je croyais que le public ne se fatigue jamais. Какая пошлость все французские комедии и водевили в сравнении с этим.

— Savez-vous que vous avez très bien lu le rôle de Хлестаков, surtout quand il dit: «Сударыня, как бы я желал быть этот платочек».

— Permettez-moi de donner le Ревизор à Михайла, il faut associer ce bon serviteur à notre existence. Он читает по складам.

— Kuca, comme vous voulez connaître tous les détails de ma vie, il faudra qu'un jour vous me racontiez aussi votre vie [157*] с начала и до нашей первой встречи.

— Хорошо, а теперь диктуйте.

— В Усмани однажды вечером снег падал хлопьями, вдруг внизу послышался шум и в комнату вошел в шубе господин среднего роста. Иван Кар⟨лович⟩ бросился к нему на шею и вскрикнул: «Брат Александр, как я рад тебя видеть, вот моя жена и ее дети, а вот и наши Саша, а Катя спит». Александр Кар⟨лович⟩ нас обласкал. В течение недели он заметил наше жалкое положение. Он был в Тамбове председателем Уголовной палаты, был женат на Молчановой, у которой было хорошее состояние. В течение месяца он лишился осьми человек детей, которые умерли скарлатиной, и горе свело его жену в гроб.

— Боже, что за ужас!

— Неправда ли? Он был несколько лет вдов. У него были необыкновенно густые черные брови, из-под которых выглядывали добрые серые глаза, он был свеж и бодр. Он сказал маменьке, что нам нужно посерьезнее учиться и предложил погостить у него в Тамбове. Мы туда поехали, он нас познакомил с генералом Недоброво. Это был один из гатчинских

156* — Киса, ведь мы читаем, а вы должны еще играть — почему же вы заложили руку мне за спину?

— А потому, что в Дерпте Мойер читал трагедии Шиллера [69] и Гете со своей женой и обнимал ее рукой за талию.

— Прекрасная причина! Я не Катенька Мойер, а вы не старый профессор Мойер.

— Тогда скажите мне, куда мне ее девать,— не на ваш же самовар, как вы называете ваш живот.

⟨...⟩ Мы смеялись как сумасшедшие.— Берегитесь, чтобы с вами не случилось то, что бывает с маленькими детьми.

157* Честное слово, можно помереть со смеху, и я полагал, что публике никогда не наскучит ⟨...⟩

— Знаете ли, что вы очень хорошо прочли роль Хлестакова, особенно когда он говорит ⟨...⟩

— Позвольте мне дать «Ревизора» Михайле, нужно приобщить этого доброго слугу к нашему существованию ⟨...⟩

— Киса, так как вы хотите знать все подробности моей жизни, нужно, чтобы когда-нибудь и вы мне рассказали свою жизнь ⟨...⟩

фаворитов императора Павла, который ему дал 2000 душ, частью в Моршанском, а частью в Кирсановском уезде. У Недоброва было три дочери — Екатерина, Надежда и Варвара Васильевна. Последнюю он обожал, она была похожа на его жену, которая скончалась скоро после родов и оставила неутешного мужа. Он сидел по целым часам на балконе и Варя возле него. Сыновей у него не было, и он хотел делать добро своим соседям. Нанял ученого немца-гувернера, а его жена была гувернанткою его дочерей. У него воспитывался племянник и три Баратынских. Старший был Ираклий Абрамович, они были сироты или почти. Их мать, рожденная Черепанова, необыкновенно умная женщина, одна из лучших воспитанниц Смольного института, монастыря, была помешана. Старший сын Евгений был камер-пажом и проводил воскресение у дяди сенатора Баратынского, попросил у него денег, тот отказал, и несчастный Евгений украл у него фамильную табакерку, украшенную бриллиантами. Дядя на него пожаловался, его разжаловали в солдаты и отослали в Гельсингфорс. Он встретил там графа Владимира Пушкина[70], тоже сосланного по 14-му числу. Тот его познакомил с семейством Шернваль, он влюбился в Аврору Карловну и написал ей стихи:

Выдь, дохни нам упоеньем,
Соименница зари,
Всех румяным появленьем
Оживи и озари.
Сердце юноши ‹ему было 18 лет›...

не помню, но конец прекрасный:

Для кого она выводит
Солнце счастья за собой.

— А я скажу, что вывели солнце счастья для бедного Кисы, который не верил счастью до вашего появления.

— Будь посему, да для обоюдного разочарования.

Оба мы немножко вздохнули.

— Вот нас отдали Недоброву. Я училась с Варей, у которой была комната, заваленная игрушками, куклами всех ростов, самовары, чайные и столовые сервизы. Нас учили танцевать. Мальчики жили с гувернером в другом доме. В восемь часов все собирались в большой зале, Василий Александрович читал вслух молитвы и потом садились пить чай. Стол был завален хлебом с маслом и разным печением, все поедалось молодежью. После экономии в Усмани мы наслаждались довольством. В час обедали, после бегали в прекрасном саду и в лесу. Это было в Васильевке Моршанского уезда, а в Вельможку, Кирсановское имение, ездили в крытых линейках раз в месяц — там был пикник и всякое угощение. После двух часов опять учились до 7 часов, а в 7 часов танцевали. Александр Карлович прекрасно танцевал казачка, у Недоброва был маленький оркестр, они тоже пели на крылосе в великолепной Васильевской церкви. Все всенощные и обедни соблюдались. Александр Карлович танцевал всегда с Катериной Васильевной, она была красавица, была прекрасно

воспитана, и он на ней женился. Старик любил смотреть на наши танцы, ему казалось, что никто лучше не плясал русскую, как его Варя; а я танцевала мателот с Левушкой Баратынским. Ему было 15 лет, а мне 10, и он мне раз сказал: «Mlle Sachinka promettez-moi que vous vous mariez avec moi». J'étais très flattée, figurez-vous [158*]. Он женился где-то на юге России, и с тех пор я его не видела.

Я вам описываю наше счастливое пребывание у Недоброва в доказательство, что не все наши помещики ведут пошлую жизнь. Это воспоминание осталось как праздник в нашей грустной жизни, но через несколько месяцев мы опять очутились в грязном Усмане. Нам обрадовалась добрая Амалья Ив<ановна>. У маменьки очень болела голова, она меня заставляла шить по канве, что было очень скучно, и наказывала меня в угол за леность, бранила за то, что я говорю по-малороссийски, а сама делала те же ошибки. Тут воспоминания мои прерываются, и я не помню, как мы очутились в Грамаклее. Я подъехала в дормезе с маменькой, бабушка у ворот заслоняла рукой глаза.

— А зачем не зонтиком?

— А где было его взять? Это покупалось в Одессе, а туда было сто верст, и бабушка перестала туда ездить после смерти отца; я узнала от Татьяны, что полковницу и ее супруга никто не принял в Одессе, и они со срамом уехали.

На сегодня, кажется, довольно. Пойдем к детям, а потом я прочту некоторые молитвы.

Я села с книгой, а он стал на колени. Слезы лились градом, так что пол был ими залит. Его особенно поразила молитва Иоанна Златоуста.

После молитвы он обернулся ко мне, лицо его обливалось слезами, я обтерла эти благодетельные слезы своим платком и сказала ему: «Киса, comme vous êtes ému».

— Ah, cette prière me rappelle qu'à trois ans déjà je priais à genoux auprès de ma mère et je répétais chaque mot, mais le soir elle se bornait à me faire prier le Notre Père и Богородицу. Les prières que vous m'avez lu sont vraiment comme une soeur bienfaisante qui calmera les orages qui s'élevaient dans mon âme [159*].

— Eh bien, tous les soirs nous ferons notre prière ensemble. Quand mes filles se marieront, je leur recommanderai de faire toujours les prières avec leurs maris; je suis sûre que rien n'assure mieux le bonheur que cette prière en commun, et selon St. Jean Crysostome, si l'un a à confesser quelque chose, il se rappellera de ces mots: даждь ми исповедание грехов моих.

Nous nous sommes serrés la main, et très ému il est parti avec son livre de prières.

158* «Мадемуазель Сашенька, обещайте мне, что выйдете за меня замуж». Представьте, я была очень польщена.

159* как вы взволнованы.

— Ах, эта молитва напоминает мне, что трех лет я уже молился рядом с моей матушкой и повторял каждое слово, но вечером она заставляла меня читать только Отче наш и Богородицу. Молитвы, которые вы мне прочли, поистине как благодетельная монахиня, которая успокоит бури, поднимающиеся в моей душе.

Le lendemain vers midi il est entré en me disant que depuis qu'il était à Bade, il n'avait encore si bien dormi: six heures de suite. Михайла était dans le ravissement et lui a dit: «Теперь я вижу, что она барыня хорошая, коли с вами Богу молится, дай ей Бог за это здоровья и детушкам ее. Ведь и они, голубки, молятся, я видел, как агличанка их заставляет».

— Certainement qu'elles prient, Киса, tous les soirs et tous les matins [160*].

— Je dirai ce soir de m'avertir, c'est si touchant.

Là-dessus Bacourt est entré en nous disant que la comtesse Nesselrode était arrivée et que nous dînions tous chez elle. Nous y sommes allés, elle logeait dans la maison Herz, sur la terrasse. Los Rios, cet implacable Los Rios nous a dit: «Où allez-vous?» — «Chez la comtesse Nesselrode».— «Prenez garde, n'allez pas y accoucher». Léonidas en robe rose lui dit: «La comtesse Nesselrode c'est la femme de Ministre des affaires étrangères, n'est-ce pas?»

Aussitôt qu'elle m'a apperçue, elle dit: «Ah, voilà ma chère petite perruche et mon petit ami Kisseleff» — et nous tendit la main — «mais où est donc mon bon Smirnoff?»

— Il est à la roulette, chère comtesse, depuis midi jusqu'à 5 heures et depuis 7 heures jusqu'à près de minuit, et je suis confiée à son cousin que voilà.

— Ma chère, je vous connais assez pour ne rien craindre de ces tête-à-tête permanents, mais je crains pour mon petit ami Kisseleff [161*].

— Il n'y a pas de danger pour lui, chère Comtesse, il a de beaux yeux noirs à Paris auxquels il pense et me le répète tous les jours.

— Ma chère, ces beaux yeux noirs, c'est vous.

Мы оба покраснели до ушей.

— Cléopâtra dit qu'il a une maîtresse à Paris et deux enfants. Voyez comme il a rougi.

— Tout ce conte a été inventé par l'imagination de Cléopâtra.

[160*] — Хорошо, мы каждый вечер будем молиться вместе. Когда мои дочери выйдут замуж, я им посоветую всегда молиться вместе с мужьями; я уверена, что ничто так не укрепляет счастье, как эта общая молитва, а по словам св. Иоанна Златоуста, если кто исповедуется в чем, он вспомнит эти слова: ⟨...⟩.

Мы пожали друг другу руку, и он, очень взволнованный, ушел со своим молитвенником.

На другой день около полудня он вошел, говоря, что ни разу еще не спал так хорошо, с тех пор, как он в Бадене — шесть часов сряду. Михайло был в восторге и сказал ему: ⟨...⟩

— Конечно, они молятся, Киса, каждый вечер и каждое утро.

[161*] — Я скажу, чтобы меня предупредили сегодня вечером, это так трогательно.

Затем вошел Бакур, говоря, что приехала графиня Нессельроде, и все мы у нее обедаем. Мы пошли туда, она жила в доме Герца на террасе. Лос Риос, этот непримиримый Лос Риос сказал нам: «Куда вы идете?» — «К графине Нессельроде».— «Берегитесь, не ходите туда рожать». Леонидас в розовом платье сказала ему: «Графиня Нессельроде, это жена министра иностранных дел, неправда ли?»

Едва увидев меня, она сказала: «А, вот и моя милая маленькая попугайка и мой дружок Киселев» — и пожала нам руку.— Но где же мой добрый Смирнов?»

— Он на рулетке, дорогая графиня, с полудня до 5 часов и с 7 часов почти до полуночи, а я доверена его кузену, который перед вами.

— Моя милая, вас я довольно знаю, чтобы не опасаться этих постоянных тет-а-тетов, но я боюсь за моего маленького друга Киселева.

— Je ne savais pas que Cléopâtra est ici, je l'aurai invitée à dîner.

— La Princesse Lieven est ici et Agrippine Mansouroff.

— J'en suis bien aise, je n'ai pas vu la pauvre Lieven depuis son départ précipité de P⟨eters⟩bourg. Figurez-vous, Kisseleff, qu'elle avait deux fils beaux comme le jour et très intelligents, ils ont eu la scarlatine et se remettaient déjà, le Dr avait prescrit un régime très sévère, rien que de bouillon avec une rôtie de pain, elle déjeunait auprès d'eux, ne les quittait pas d'un instant — ces pauvres enfants n'ont demandé qu'une bouche de poulet froid — c'est ce qui est très indigeste, dit-on — elle n'a pu résister, le soir une peine violente s'est delivrée et trois jours après, on enterrait ces beaux enfants, elle a fui de P⟨eters⟩bourg. Comment est-elle?

— Elle n'en parle pas et ne parle pas de P⟨eters⟩bourg. Elle vient le matin jouer avec mes petites et les comble de joujoux, elle s'ennuie et poursuit Bacourt pour lui tenir compagnie et rouler avec lui dans l'allée de Lichtenthal. Donnez-nous des nouvelles du Comte et de tous les vôtres. Où est Hélène? Où est Marie? Que fait Dmitri?

— Nesselrode est aux îles, il a un nouveau jardinier qui fait merveilles, les camélies sont plus beau que jamais; dans la saison des bals le jardinier les vend, la moitié du gain est pour lui et l'autre pour l'entretien de la serre. Il a des plantes nouvelles, des orchidées, qui ont des formes bizarres et répandent une odeur délicieuse. Hélène est chez les vieux Хребтович à Бешенковичи, le ménage va très bien, Marie et son long Seebach s'adorent, ils sont en Saxe pour faire connaissance avec la famille de son mari[162*]. Dmitri et Сверчков étudient très bien avec Badales. Ma soeur est à Царское avec mes deux jolies nièces — Pauline surtout est jolie et Marie est si spirituelle, elle avait toujours esperé

162* — Для него нет никакой опасности, милая графиня, у него в Париже есть черные глаза, о которых он думает и повторяет это мне каждый день.

— Моя милая, эти прекрасные черные глаза, ведь это вы. ⟨...⟩

— Клеопатра говорит, что у него в Париже любовница и двое детей. Смотрите, как он покраснел.

— Вся эта сказка изобретена воображением Клеопатры.

— Я не знала, что Клеопатра здесь, я пригласила бы ее на обед.

— Здесь княгиня Ливен и Агриппина Мансурова.

— Это мне очень приятно. Я не видела бедную Ливен со времени ее поспешного отъезда из Петербурга. Представьте, Киселев, у нее было два сына, прекрасные как день и очень умные, у них была скарлатина, и они уже поправлялись. Доктор предписал очень строгий режим: только бульон с поджаренным хлебом. Она завтракала возле них, не покидала их ни на минуту, эти бедные дети просили только кусочек холодной курицы — а это, говорят, очень вредно для пищеварения — она не смогла устоять, вечером началась ужасная боль и спустя три дня этих прелестных детей хоронили. Как она?

— Она не говорит ни об этом, ни о Петербурге; она приходит по утрам играть с моими малютками и забрасывает их игрушками; она скучает и добивается от Бакура, чтобы он составлял ей компанию и гулял с ней по Лихтентальской аллее. Расскажите мне, что нового у графа и всех ваших. Где Елена? Где Мари? Что делает Дмитрий?

— Нессельроде на островах, у него новый садовник, который творит чудеса, камелии прекрасны, как никогда; в сезон балов садовник их продает, половина выручки его, а другая на устройство оранжереи. Есть новые растения, орхидеи причудливых форм с восхитительным ароматом. Елена у стариков Хребтовичей в Бешенковичах, ее семейная жизнь идет очень хорошо, Мари и ее длинный Зеебах обожают друг друга, они поехали в Саксонию, чтобы познакомиться с семьей ее мужа.

qu'une d'elles épouserait Smirnoff, à Florence il était comme l'enfant de la maison.

— Je crois qu'il aurait mieux fait de les épouser que moi, Mr Сверчков l'aurait empêché de jouer, l'aurait corrigé de ses travers d'esprit et de ses mauvaises façons, il mange d'une manière si sale, il a les mains toujours crasseuses et les ongles en deuil.

— J'ai aussi remarqué cela, Nesselrode ne l'aime pas à cause des querelles qu'il a à la chancellerie; Nesselrode est avant tout homme de paix, à ma prière il l'a invité à dîner et n'a plus voulu l'inviter à cause de sa manie pas appétissante de manger. Bien né et riche, je ne sais d'où il a pris ces façons [163*].

— Malheureusement il a eu des gouverneurs qui le faisait apprendre, mais il n'a eu aucune éducation; sa mère était à en juger sur les cahiers qu'elle a laissé, les tableaux qu'elle a achetés en voyageant et beaucoup d'objets d'art, entre autres un service de vieille Venise qui est un vrai bijou et un objet d'art...

— Kisseleff, elle sait tout, elle lit tout, c'est elle qui m'indique des livres, des articles de la Revue des deux Mondes.

— Oui, mais Madame est mon maître de littérature Russe, un Docteur en ethnologie et en médecine, et souvent elle me donne des remèdes homéopathiques. Comme nous passons nos journées ensemble, elle me dicte ses mémoires et cela depuis l'âge de trois ans.

— Oui, chère Comtesse, c'est vrai, Kisseleff est un questionneur infatigable, mais je crois qu'il est temps de rentrer; il faut que je previens mon mari qu'il faut se déranger et s'habiller pour dîner avec vous et commander un véhicule [164*].

En sortant je dis à Kuca: «J'ai vu deux jolis vases chez le brocanteur, je veux en acheter pour mettre des bouquets de ces roses de Bade, que vous m'apportez et qui sont dans des verres indignes de leur beauté.

[163*] Дмитрий и Сверчков очень хорошо учатся с Бадалесом. Моя сестра и две мои хорошенькие племянницы в Царском — особенно хороша Полина, а Мари так остроумна [71]. Она всегда надеялась, что одна из них выйдет замуж за Смирнова, во Флоренции он был у них как дома.

— Думаю, что ему лучше было бы жениться на них, чем на мне. Г. Сверчков помешал бы ему играть, исправил бы его странности и дурные манеры, он ест так неопрятно, руки у него всегда грязные и траур под ногтями.

— Я это тоже заметила. Нессельроде не любит его из-за его ссор в канцелярии; Нессельроде прежде всего — мирный человек; он пригласил его к обеду по моей просьбе и не хотел более этого делать из-за его неаппетитной манеры есть. Из хорошей семьи и богатый — не знаю, откуда у него такие манеры.

[164*] К несчастью, у него были гувернеры, учившие его, но он не получил никакого воспитания, его мать, судя по оставленным ею тетрадям выписок, по картинам, которые она покупала во время путешествий, и многочисленным предметам искусства — среди них старый венецианский сервиз, истинная драгоценность и произведение искусства...

— Киселев, она знает все, она читает все, это она указывает мне книги и статьи в «Revue des deux Mondes».

— О, ведь мадам — мой учитель русской литературы, доктор этнографии и медицины, а часто она мне дает гомеопатические средства. Так как мы проводим вместе целые дни, она диктует мне свои мемуары, причем с трехлетнего возраста.

— Да, дорогая графиня, это правда. Киселев — неутомимый выспрашиватель. Однако по-моему пора возвращаться, мне нужно предупредить мужа, чтобы он привел себя в порядок и оделся к обеду у вас, а также заказать экипаж.

Très embarassé, il me dit: «La Comtesse a deviné que mes beaux yeux de Paris c'était vous. C'est une manière détournée que j'ai pris pour vous déclarer mon amour».

— Киса, je vous ai déjà dit que ce nom ne devait pas se prononcer entre nous.

— Ну, так я буду обожать, как вас обожали в институте.

Пришли домой, я послала за коляской.— «Сашка, подай другой галстук и панталоны» — «Да у нас только одна пара из Берлина, я уж барину говорил, он говорит, что закажет все в Париже. И рубашки у нас все разорванные».

— Киса, que dites-vous de cette négligence! Allez-vous habiller. Je vais faire ma toilette aussi, et mon mari est rentré [165*].

— Вымой руки, вычисти ногти, мы все обедаем у графини Нессельроде, и оденься, коляска сейчас будет.

Он напомадился так, что почти текло, вымыл руки и ключиком часов вычистил ногти. Киселев вошел: «Вот ты, братец, теперь похож на порядочного человека».— «Да отвяжись ты от меня со своими советами».

— Графиня Нессельроде тоже заметила, что ты ешь с ножа и часто неглижируешься, она удивляется, что ты, человек хорошей фамилии и богатый, с тех пор как женился, совсем переменился.

Поехали молча. Графиня тотчас ему сказала: «Mon cher Smirnoff, vous savez que j'ai beaucoup d'amitié pour vous, j'ai appris avec regret que vous passez vos journées à la roulette; vous êtes riche, mais le jeu est une passion fatale qui amène la ruine de la fortune et ce qui perd la santé du corps, cette exaltation est bien mauvaise».

— Mme la Comtesse, je joue très petit jeu, je mets 100 ou 200 fr. et souvent je mets cet enjeu avec Alexandre Dolgorouky marié à la Boulgakoff.

— Je n'ai pas d'idée de la roulette, mais j'irai exprès pour voir votre jeu.

— Chère Comtesse, je viens d'observer que vous n'avez pas de fauteuil, en rentrant je vous ferai part de mes richesses, j'en ai quatre remboursés, il est vrai, de noyaux de pêches, mais ils sont assez commodes et je n'ai vraiment pas besoin de plus de deux.

— Mais, ma chère, je vous assure que je puis m'en passer et tout d'abord je viendrai souvent chez vous. Nesselrode m'a cédé Тимофей et vous aurez un bon dîner [166*].

165* — Выходя, я сказала Кисе: «Я видела две хорошенькие вазы у старьевщика, я хочу их купить, чтобы ставить те букеты баденских роз, что вы мне приносите, а они стоят в стаканах, недостойных их красоты.

Очень взволнованный, он сказал мне: «Графиня догадалась, что мои прекрасные парижские глаза это вы. Я прибег к этому окольному пути, чтобы признаться вам в любви».

— Киса, я вам уже сказала, что между нами не должно произносить это слово. ‹...›

— Киса, что вы скажете об этой небрежности! Идите одеваться, я сейчас тоже оденусь, а вот вернулся мой муж.

166* «Мой милый Смирнов, вы знаете, как дружески я к вам отношусь, я с огорчением узнала,что вы проводите дни на рулетке; вы богаты, но игра — это роковая страсть, приводящая к гибели состояний и тяжело отражающаяся на здоровье. Это возбуждение очень дурно.

— Г-жа графиня, я играю по маленькой, ставлю 100 или 200 франков, а часто делаю эту ставку вместе с Александром Долгоруким, что женат на Булгаковой.

— J'espère que vous viendrez dîner chez nous, Kisseleff peut vous confirmer que notre Lisette est un cordon bleu et avec l'aide d'une de mes bonnes, nous avons des plats Russes.

— Oui, Mme nous gâte, nous avons две перемены — суп, des битки avec des pommes de terre rotis à l'oignon.

— C'est un de nos plats favoris avec Nesselrode.

Après un excellent dîner, la Comtesse se mit à fumer un papiros.

— Vous voyez, ma chère, que je suis à la mode, comme vous ne fumez que le pahitos, je vous ai apporté une jolie embouchure.

— C'est charmant et je la conserverai comme le précieux souvenir, mais je ne sais vraiment pas fumer autrement que je ne le fais. Le vertueux Kisseleff ne fume pas du tout et me fait des reproches sur cette habitude.

— Nesselrode ne fume pas non plus.

— Le Comte est un des hommes les plus heureux, c'est l'homme de la modération en toute chose, il aime les fleurs, la musique, il fait sa promenade à cheval, il aime un bon dîner avec des amis, il fait sa partie le soir et à 11 heures il gagne son lit après une journée passant comme celle d'un sage. Il n'est pas seulement un ministre des affaires étrangères, c'est un homme d'Etat que l'Empereur Alexandre a laissé à son frère bien-aimé, et en pensant à lui les vers d'Anacréon sur le grillon me reviennent.

— Ma chère, j'ignorait que vous aviez ce sentiment pour Nesselrode, il en sera très flatté. Malheureusement je parle très mal le Russe et ne comprendrai pas les vers dont vous me parlez.

— Kisseleff vous les traduira au fur et à mesure, et vos nièces les apprendront par coeur [167*].

— Я не представляю себе, что такое рулетка, но нарочно пойду посмотреть вашу игру.

— Дорогая графиня, я только что заметила, что у вас нет кресла; вернувшись, я доложу вам о своих богатствах; у меня есть четыре кресла, набитых, правда, персиковыми косточками, но достаточно удобные, а мне, право, не нужно более двух.

— Но, моя милая, уверяю вас, что могу без них обойтись, а затем я буду часто у вас бывать. Нессельроде уступил мне Тимофея, и у вас будет хороший обед.

[167*] — Я надеюсь, что вы придете к нам обедать. Киселев может подтвердить вам, что наша Лизетта — искусная кухарка, и с помощью одной из моих нянь мы имеем русские блюда.

Да, мадам нас балует, у нас бывает ⟨...⟩ битки с картофелем, зажаренным с луком.

— Это одно из любимых блюд у нас с Нессельроде.

После превосходного обеда графиня закурила папиросу.

— Вы видите, дорогая, что я следую моде; так как вы курите только папиросы, я вам принесла хорошенький мундштук.

— Как это мило, я сохраню его как драгоценный сувенир, но, по правде, я не умею курить иначе, чем обычно это делаю. Добродетельный Киселев вообще не курит и упрекает меня за эту привычку.

— Нессельроде тоже не курит.

— Граф — один из самых счастливых людей, он умерен во всем, он любит цветы, музыку, он совершает верховые прогулки, любит хорошо пообедать с друзьями, развлекается вечером, и в 11 часов ложится в постель после дня, который провел как мудрец. Он не только министр иностранных дел, это государственный деятель, которого император Александр оставил своему любимому брату. Когда я думаю о нем, мне вспоминаются стихи Анакреона о кузнечике.

Кузнечик [72]

О счастливец, о кузнечик,
На деревьях на высоких
Каплею росы напьешься,
И как царь ты распеваешь 〈...〉
Музам чистым ты любезен,
Ты любезен Аполлону,
Дар его — твой звонкий голос.
Ты и старости не знаешь,
О мудрец, всегда поющий,
Сын, жилец земли невинный,
Безболезненный, бескровный,
Ты почти богам подобен.

Перевод Гнедича.

— C'est charmant, et comme Kisseleff traduit vite.

— C'est qu'il sait très bien le Grec, ayant fait les études à l'université de Dorpat.

— Voyez quelle modestie, je ne savais pas cela.

— Je dois cela à mon frère Paul, comme je n'avais aucune fortune, il m'a dit que je devais gagner mon pain. Les circonstances en ont fait un soldat; à 15 ans il était dans la milice de Borodino, vous connaissez sa valeur, et moï je suis devenu un diplomate.

— Mon cher, je puis vous assurer que Nesselrode a une très haute opinion de vous, et je vous prédis une belle carrière [168*].

Là-dessus Bacourt s'est retiré.

— J'aime beaucoup Bacourt, mais j'aime à laver notre linge en famille.

— Chère Comtesse, et que fait l'aimable propriétaire du Palais Michel? [73]

— Vous savez, que ni Nesselrode, ni moi, nous n'y mettons jamais les pieds. Le G〈rand〉 Duc est toujours très aimable à lui, elle donne des petits dîners où elle voudrait bien l'inviter, mais après ce qui s'est passé entre nous, Nesselrode ne se laissera jamais prendre.

— Moi aussi j'ai rompu avec cette belle dame. Il s'est établi une guerre sourde entre nous depuis ma sortie de l'Institut. Comme c'est le Grand Duc qui a payé mon éducation, l'Impératrice-Mère a voulu me placer comme Demoiselle d'honneur auprès d'elle. Madame la Princesse en a dit que je n'étais pas d'assez bonne naissance et ma bonne étoile m'a placée auprès de ma bienfaitrice l'Impératrice. L'Empereur a cru que j'étais d'origine Valaque, où qu'il y a une masse de Rossett, Rosetti et Roset dans ce pays. Or mon Père était le chevalier de

---

— Моя милая, я не знала, что вы так относитесь к Нессельроде, он будет очень польщен. К несчастью, я очень плохо говорю по-русски и не пойму стихов, о которых вы мне говорите.

— Киселев будет их вам постепенно переводить, а ваши племянницы выучат их наизусть.

[168*] — Это мило, и как быстро Киселев переводит.

— Потому что он очень хорошо знает греческий, так как учился в Дерптском университете.

— Какая скромность, я не знала этого.

— Я обязан этим моему брату Павлу. Так как у меня не было состояния, он сказал мне, что я должен зарабатывать свой хлеб. Обстоятельства сделали из него солдата, в 15 лет он был в ополчении при Бородино, вы знаете его доблесть; а я — я стал дипломатом.

— Милый мой, могу вас заверить, что Нессельроде очень высокого мнения о вас, и я предсказываю вам прекрасную карьеру.

Rossett[169*]. Quand Monsieur mon mari m'a fait l'honneur de me demander en mariage, il a cru à sa famille, mon nom couvrira l'obscurité de sa naissance — je me préoccupais très peu de ma naissance, mais mon frère Clément et Joseph le lancier en font veiller; Clément lit tout au monde, et un jour il finit le volumineux ouvrage du Cardinal Fleury, où il trouva que la mère de Cardinal était Augustine Princesse de Rossett, que Auguste Comte de Rossett était Evêque de Grenoble et a été guillotiné pendant la révolution. Que ces Rossetts avaient leurs propriétés dans le Dauphiné où se trouvait le château domanial et qu'ils avaient des cousins germains, les chevaliers de Rossett, propriétaires dans le Roussillon[74], et la mère de mon Père était une Demoiselle La Harpe, soeur du précepteur de l'Empereur Alexandre. Ma Grand-mère maternelle était une Princesse Цицианова — elle demeurait dans une petite terre, où il y avait une station. Un jour l'Empereur Alexandre a dîné chez elle, a causé avec elle et quand elle le remerciait de l'honneur qu'il lui a fait, il lui a dit[170*]: «Екатерина Евсеевна, не я вам сделал честь, а вы: в России еще были дикие кочующие народы, а род Цициановых уже царствовал». Ma Grand-mère appartenait aux six familles regnantes: les Orbeliane, les Bagratione, les Amirasoroff, les Davidoff, les Baratoff et les Eristoff.

— Comme elle sait tout cela!

— Ma Grand-mère, chez laquelle j'ai souvent demeuré, racontait tout cela devant moi. Quant à Papa, le Duc de Richelieu, mon parrain, ne l'appelait jamais que mon cher chevalier. Mais j'ai encore une parente que je ne puis pas m'expliquer. L'année 37, je crois, le domestique m'a annoncé: «Королева Португальская». Je lui dis: «Проси», et chose étrange, je n'en fus nullement étonnée. Une petite Dame, très brune haute en couleur et tout frisée à l'enfant est entrée et me dit: «Comme il y a longtemps, ma chère cousine, que je n'ai eu le plaisir de vous voir»! «Effectivement il y a longtemps que je n'ai pas eu le plaisir

169* Затем Бакур удалился.

— Я очень люблю Бакура, но предпочитаю не выносить сора из избы.

— Милая графиня, а что поделывает любезный владелец Михайловского дворца?[73]

— Вы знаете, что ни Нессельроде, ни я никогда там не бываем. Великий князь всегда очень мил с ним, она дает маленькие обеды, куда очень хотела бы его приглашать, но после того, что между нами произошло, Нессельроде никогда не позволит себе принять приглашение.

— Я тоже порвала с этой прекрасной дамой с самого моего выпуска из Института. Поскольку за мое образование платил великий князь, императрица-мать хотела поместить меня к ней фрейлиной. Госпожа княгиня на это сказала, что я недостаточно хорошего рода, и моя счастливая звезда привела меня к моей благодетельнице императрице. Император думал, что я происхожу из Валахии, где много Россеттов, Россетти и Росетов.

170* Но мой отец был шевалье де Россетт. Когда г. мой муж сделал мне честь своим предложением, он думал о своей семье — мое имя покроет его темное происхождение. Я мало занималась своей родословной, но мой брат Клементий и Иосиф, улан, заставляют этим дорожить. Клементий читает все на свете, и однажды он закончил обширный труд кардинала Флери, где нашел, что мать кардинала была Огюстина, принцесса де Россетт, что граф Огюст де Россет был епископом в Гренобле и во время революции гильотинирован. Что земли этих Россетов были в Дофинэ, где находился родовой замок, и что у них были двоюродные братья, шевалье де Россет, помещики в Руссильоне[74], а мать моего отца была девица Лагарп, сестра воспитателя императора Александра. Моя бабушка по матери была княгиня Цицианова — она жила в маленьком имении, где была станция. Однажды император Александр обедал у нее, беседовал с ней, и когда она благодарила его за оказанную честь, он ей сказал:

de vous voir». Là-dessus nous nous sommes embrassées. Il y avait deux Dames avec elle et un homme qui était habillé à peu près comme un nigaud de la cour, il avait l'air frotté d'huile et ses souroils s'étendaient jusqu'aux oreilles. Elle lui dit: «Christopher, qu'avez-vous apporté à ma cousine?» Alors je lui dis: «Christopher, je vous ai deja vu, je ne sais où, mais quelque part dans le Nord très haut». La Reine me dit: «Oh, Christopher ne nous quitte jamais». Elle m'a dit qu'elle regrettait beaucoup de n'avoir trouver l'Empereur, qu'il avait rendu de très grands services au Roi Don Pedro, que les Bragances avaient soulevé une tempête dans leur petit pays, ils voulaient toujours établir leur droit sur le trône de Portugal, mais que les Brogues étaient plus anciens, et m'a prié de transmettre ses remerîments. Christopher a fait porter une caisse d'oranges, 40 livres de café d'Arabie et 40 bouteilles de vin d'Oporto, donc celui avec lequel nous communions [171*].

— Что ты врешь или бредишь, каким образом португальская королева тебе может быть родня?

— Во-первых, прошу быть учтивее, я не вру, ее приезд меня так мало интересовал, что я даже тебе это не сказала.

— Il y a une chose étrange dans ma mémoire, chère Comtesse, il y a des choses que j'oublie complétement pendant les années et puis elles me reviennent tout d'un coup, je ne sais pas pourquoi. Quand l'Empereur est revenu, je lui ai transmis la connaissance de ma cousine de Portugal, il a beaucoup ri en me disant: «D'où vous vient cette illustre parenté?» Je lui ai dit que je n'en savais rien. «Mais comment ne lui avez-vous pas demandé cela?» — «Je ne sais pas, cela ne m'intéressait pas».

Quand je lui ai dit que je me rappelais de Christopher je ne sais où et quand, mais dans le Nord, elle m'a dit: «Il faut croire, ma cousine, que le Portugal était dans le Nord avant le Grand Déluge»! Car je déteste la chaleur, elle m'a engagée à venir la voir et m'a dit: «Notre pays est très petit, mais c'est le plus beau pays du monde, les fruits y sont d'une beauté remarquable, mais le pays est pauvre» [75].

[171*] Моя бабушка принадлежала к шести царствовавшим семьям: Орбелиани, Багратиони, Амиразоровы, Давыдовы, Баратовы и Эристовы.

— Как она все это знает!

— Моя бабушка, у которой я часто живала, рассказывала все это при мне. Что же до папы, то герцог Ришелье, мой крестный, всегда называл его не иначе как дорогой шевалье. Но у меня есть еще родство, которое я не умею себе объяснить. В 37 году, я думаю, слуга мне докладывает: «Королева Португальская». Я ему говорю: «Проси», и, странное дело, я нисколько не удивилась. Входит маленькая дама, очень яркая брюнетка и вся завитая, как дитя, и говорит мне: «Как давно, милая кузина, я не имела удовольствия вас видеть».— «Действительно давно я не имела удовольствия вас видеть». Потом мы расцеловались; с ней были две дамы и мужчина, одетый почти как придворный шут, казалось, что он намазан маслом, а брови его тянулись до ушей. Она сказала ему: «Кристофер, что вы принесли моей кузине?» Тогда я ему сказала: «Кристофер, я вас уже видела — не знаю, когда и где, но где-то далеко на севере». Королева сказала мне: «О, Кристофер никогда нас не покидает». Она сказала мне, как сожалеет, что не застала императора, что он оказал весьма важные услуги королю дон Педро, что Брагансы подняли бурю в их маленькой стране, все время стремясь утвердить свое право на португальский престол, но что Броги — более древний род. И просила меня передать ее благодарность. Кристофер приказал принести ящик апельсинов, 40 фунтов арабского кофе и 40 бутылок портвейна — того самого, каким мы причащаемся.

— C'est très étrange,— me dit la Comtesse et Муханов goûta [172*].

— A présent quand Wiasemsky dira à votre frère Clément qu'il est Jérôme Paturot [76] à la recherche d'une position sociale, je lui lirai l'histoire de votre famille. En attendant, il est tard et je demande la permission de donner mon bras à la cousine de la Reine de Portugal [173*], а у нас есть с вами тоже une cousine — Анисья Федоровна Вельяминова-Зернова.

— Я ее знаю, она очень умная, но любит немного сие выказывать. Она с душком, и я ее называю Anisette de Bordeau.

Киселев шел рядом, немного надувшись. Так мы дошли до дома и распростились; но я Сашку послала за Кисой, мы опять помолились богу и уснули. На другой день он пришел, помирая со смеху.

— Представьте, что la Trinité de Tanke est ici [174*]. Я шел к старому дворцу и вдруг слышу голос, который говорит сентиментально: «Здравствуй, Эхо — скажите, пожалуйста, как он отвечает»,— сказали папаша и мамаша, а потом Сашенька. «Скажи, да что-нибудь поумнее». И Сашенька начала: «О ты, пространством бесконечный...» Je suis sûr que ce trio vous cherchera et vous trouvera.

— Le malheur ne sera pas grand, je les recevrai. Vous savez que la Comtesse Nesselrode dîne ici, et j'ai commandé un dîner qui vous plaira. Ленивые щи, подливка à qui le veut, les petits pâtés, un boeuf bouilli avec légumes. Des битки с жареным картофелем и лучком, pour rôti une vieille poule, elles ont l'air d'être toutes vieilles à Bade, la salade avec betteraves, я люблю свеклу, et une Gampot comme disent les Allemands aux fraises des bois [175*]. Les vases seraient remplis de vins que vous apportez et je réclame Михайла, Сашка ne souffira pas.

— Je m'en vais lui annoncer cela, il sert souvent à l'Ambassade, quand il y a un grand dîner и очень навострился. A présent je crois que vous pouvez me continuer votre dictée ur l'Institut de Ste Catherine, fondé par Ste Marie. Она, эта государыня, точно святая женщина, и я всегда за нее молюсь большим поминовением, которое вы для меня списали этой милой маленькой ручкой, которая строчит маленькие буквы.

172* У меня очень странная память, милая графиня,— есть вещи, которые я со временем совершенно забываю, а потом они внезапно снова приходят мне на ум, не знаю почему. Когда император вернулся, я рассказала ему о знакомстве с моей португальской кузиной, он очень смеялся, говоря мне: «Откуда же столь знатное родство?» Я сказала ему, что сама этого не знаю. «Но отчего же вы не спросили у нее?!» — «Не знаю, меня это не интересовало». Когда я ей сказала, что помню Кристофера, не знаю где и когда, но на севере, она мне сказала: «Надо полагать, кузина, что до великого потопа Португалия была на севере». Так как я ненавижу жару, она пригласила меня приехать ее повидать и сказала мне: «Наша страна очень мала, но это прекраснейшая страна в мире, плоды там замечательной красоты, но страна бедна» [75].

— Это очень странно,— сказала графиня, а Муханов наслаждался.

173* Теперь, когда Вяземский скажет вашему брату Климентию, что он Жером Патюро [76] в поисках положения в обществе, я прочту ему историю вашей семьи. Пока же поздно, и я прошу позволения предложить руку кузине португальской королевы

174* Здесь: троица Танке.

175* Я уверен, что эта троица будет вас искать и найдет.

— Невелика беда, я их приму. Вы знаете, что графиня Нессельроде обедает здесь, и я заказала обед, который вам понравится. ⟨...⟩, кто захочет пирожки, беф-буйе с овощами ⟨...⟩, на жаркое старая курица (они в Бадене все на вид старые), салат из свеклы ⟨...⟩ и гампот, как говорят немцы, из свежей земляники.

— Eh bien, quand j'étais encore dans la petite classe, l'Impératrice est venue un jour nous dire que dans huit jours il y aura une grande soirée et qu'elle veut que nous entendions chanter Mme Catalani, et que l'Empereur Alexandre nous ferait l'honneur de venir à cette soirée. Вы можете себе представить нашу радость и хлопоты, которые поднялись во все свободные часы, нас заставляли делать la révérence à trois temps[176*], всех нас завили барашками, злая кастелянша Штатникова, которую мы называли серый волк, приходила вечером с Шмиткен, вытащила старые пожелтевшие коленкоровые платья, перешивали, примеряли красные атласные кушаки; потом пошла примерка козловых башмаков, будничные были опойковые. Большой класс был иначе одет, волосы зачесаны под большой гребень, букли по моде и белые пояса. Они сидели за решеткой направо, а мы налево. Освещение было сальными свечами, но их было много, и нам казалось, как а giorno[177*]. Для царской фамилии зала была отделена решеткой, послышался троекратный звонок и вошла императрица со своей свитой, при ней фрейлина княжна Елисавета Григорьевна Полянская, сестра Варвары Григорьевны Лорер и княжна Прасковья Александровна Хилкова, камергер, необыкновенно красивый князь Андрей Павлович Гагарин, старик барон Альбединген, которого придворные лакеи называли Либедин; так как они всё коверкают, то Рибопьера называли Любопер. И Mme Catalani, высокая, плотная, смуглая женщина в оранжевом платье, и пунцовая роза на голове. Потом два звонка, и в залу влетело прелестное существо.— «Ах, mesdames, что за прелесть, что такое?» Дамы сказали: «Это великая княгиня Александра Федоровна». Она была в светло-голубом креповом платье, букеты маленьких роз по обеим сторонам платья, такие же в волосах, на затылке три крошечные букли, vous savez, ce sont les petits cheveux qui se revêtent souvent[178*], на шее — крупный жемчуг. Она не шла, а скользила как-то по паркету, за ней бежал великий князь с пелериной в руке и кричал ей вслед: «Charlotte, Charlotte, vous prendrez froid»[179*].

Императрица ее тотчас обняла и ее обласкала. Потом еще звонок, и вошла маленькая сухая дама в сером шелковом платье и белом чепчике, отчего еще более выдавались красные пятна на ее некрасивом лице. «Où est la petite Radziwill»[180*] — и сказала несколько слов Stéphanie. За решеткой она произвела мало эффекта, и мы сказали: «Mesdames, какая противная! точно старая гувернантка. Кто такое?» — «Это государыня Елисавета

176* кувшины будут наполнены винами, которые вы приносите, и я приглашу Михайлу, Сашки будет недостаточно.

— Пойду ему объявить об этом, он часто служит в посольстве, когда бывает большой обед ⟨...⟩ Теперь, я думаю, вы можете продолжить вашу диктовку об институте св. Екатерины, основанном св. Марией. ⟨...⟩

— Ну, хорошо, когда я была еще в младшем классе, императрица пришла однажды сказать нам, что через восемь дней будет большой вечер и что она желает, чтобы мы послушали, как поет г-жа Каталани, и что император Александр сделает нам честь, придя на этот вечер ⟨...⟩ реверанс в три приема.

177* как днем (*ит.*).

178* вы знаете, это маленькие волосы, которые часто так убираются.

179* Шарлотта! Шарлотта, вы простудитесь!

180* Где маленькая Радзивилл?

Алексеевна». Наконец три громких звонка и вошел сам император, за ним граф Милорадович. Императрица пошла к нему навстречу, он поцеловал почтительно ее руку, по своей привычке провел рукой по волосам, и вместе они пошли за решетку. Государь стал возле своей любимицы Александры Федоровны. Не знаю, кто аккомпанировал, Каталани встала и пропела «Sul margine del rio», c'est une très jolie romance et puis un air de bravoure «La placida campagna». Je vous chanterai «Sul margine». L'Empereur avait une grande admiration pour Mme Catalani, l'estimait beaucoup à cause de sa conduite morale et sa bienfaisance [181*]. За решеткой подавали чай, мороженое, а когда разъехались, то нам дали чай с молоком и булкой и пирожки с медовым вареньем, но которые казались нам объяденьем. Вы можете себе представить, что мы более недели говорили о нашем празднике, и все решили, что надобно обожать Александру Федоровну. Ах, Киса, что я вижу, Бетюна идет с матерью и с лакеем.

— Вот не было печали, а черти накачали. Не принимайте!

— Да ведь сегодня не приму, она придет завтра, она как мухи в басне Крылова — их выгонят в одно окно, они влетят в другое.

Сашка громко закричал: «Княгиня Бетюна с дочерью».

— Comme c'est aimable, chère Princesse, de m'avoir prévenue [182*].

Усадили мать на диване, а дочь на кресле; я им представила Киселева с его атрибутами, т. е. генеалогией в 600 лет.

— Mais quel beau salon vous avez, cela ferait une jolie salle de danse.

— Oh, mais si vous aimez la danse, je serai charmée de vous procurer ce plaisir. Bade n'offre pas beaucoup de distractions.

— Oh, ce serait charmant, à Paris je danse presque tous les jours, ma pauvre mère scandalant, mais que voulez-vous, c'est tout naturel a mon âge.

— Скверная девка, ей 40 лет!

— Que dit Monsieur votre cousin?

— Il dit qu'il ne comprenne pas le plaisir de danser, il n'aime que l'Opéra.

— Chacun a son goût, Mon Dieu, combien je regrette de n'avoir pas fait votre connaissance plus tôt, j'aurais eu peut-être deux bals au lieu d'un.

— La grande difficulté ce sont les danseurs; je ne connais ici que le banquier Meyer et son commis Pavarin qui danse, dit-on, et le Baron Lotzbeck, celui-là est un valseur connu [183*].

[181*] «На берегу реки», это очень красивый романс, и потом бравурную арию «Тихая деревня». Я спою вам «На берегу». Император очень восхищался г-жей Каталани, весьма уважал ее за нравственное поведение и ее благотворительность.

[182*] — Как это любезно, милая княгиня, предупредить меня.

[183*] Но какая у вас прекрасная гостиная, из нее вышел бы красивый танцевальный зал.

— О, но если вы любите танцы, я буду счастлива предоставить вам это удовольствие. В Бадене немного развлечений.

— О, как это было бы мило, в Париже я танцую почти всякий день, возмущая мою бедную матушку. Но что вы хотите, это естественно в моем возрасте ⟨...⟩

— Что говорит г. ваш кузен?

— Он говорит, что не понимает, какое удовольствие в танцах. Он любит только оперу.

— У всякого свой вкус. Боже мой, как мне жаль, что я не познакомилась с вами ранее, может быть, у меня были два бала, а не один.

— Je puis vous fournir un danseur, c'est un employé, homme de frac, il vous portera sa carte.

— Je suis étonné que vous n'ayez pas le *de* avant votre nom de famille.

— Les Russes ne l'ont pas. Avant mon mariage je l'avais, mais encore comme russifiée ce n'était pas l'usage de le mettre, et je l'ai effacé par ma parenté.

— Il y a cependant des Russes qui le mettent.

— C'est un ridicule aux yeux de leurs compatriotes. À propos de bal, je demande qu'il commence de bonne heure, disons 9, et soit fini à minuit.

— Oh, jusqu'à deux heures!

— Bien, à la condition, que je me retire. Et la Princesse Lobanoff à laquelle je vais envoyer une invitation à Carlsruhe, fera les honneurs, tous que vous pouvez là désirer. Elle viendra avec ses trois filles et m'amènera d'officiers de la garde Grand Ducale, le Baron Gader, Ouria et Saratoga[184*].

— N'oubliez pas mon cousin, le prince Emile de Hesse et son frère avec l'aide de camp olivâtre.

— Certainement le Prince Georges vous voulez dire, l'aide de camp danse peut-être.

— Comment il y a des Princes de sang royale, je ne me doutais pas qu'il eût si bonne compagnie à Bade. A quand donc le bal?

— Il me faut cinq ou six jours pour ouvrager un peut ce salon, avoir une réponse de Carlsruhe et commander d'avance les rafraîchissements; les Allemandes sont si lents. L'orchestre sera dans l'antichambre, un buffet est impossible, il faudra porter les rafraîchissements, les glaces, le champagne etc.

Là-dessus la pauvre mère qui n'a dit rien, s'est levée et elles sont parties[185*].

— Большое затруднение с танцорами; я знаю здесь только банкира Мейера и его служащего Паварина, который, говорят, танцует, и барона Лотцбека, этот известный вальсер.

184* — Я могу вам доставить одного танцора, это чиновник, он занесет вам свою карточку.

— Я удивлена, что в вашей фамилии нет частицы де.

— У русских ее нет: до замужества я ее имела, но руссифицируясь, не имеют обыкновения ее употреблять, и я ее устранила в моей родне.

— Есть, однако, русские, ставящие ее.

— Это смешно в глазах их соотечественников. Насчет бала, я хочу, чтобы он начался спозаранку, скажем в 9, и окончился в полночь.

— О, до двух часов!

— Хорошо, но при условии, что я удалюсь. И княгиня-Лобанова, которой я пошлю приглашение в Карлсруэ, окажет честь, все, кого вы можете там пожелать. Она приедет со своими тремя дочерьми и привезет мне офицеров гвардии великого герцогства, барона Гадера, Урию и Саратогу.

185* — Не забывайте моего кузена, принца Эмиля Гессенского, и его брата со смуглым адъютантом.

— Вы, конечно, хотите сказать — принца Георга. Адъютант, возможно, танцует.

— Как, здесь есть принцы королевской крови? Я не подозревала, что в Бадене такое хорошее общество. Когда же бал?

— Мне надобно пять или шесть дней, чтобы отделать немного эту гостиную, получить ответ из Карлсруэ и заранее заказать освежающие напитки; немцы так медлительны. Оркестр будет в передней, устраивать буфет невозможно, надо разносить освежающие, мороженое, шампанское и пр..

— Ах, какая сквернавка, и я не знаю, заметили ли вы, что она все нюхает свои пальцы?

— Нет, но, Киса, нам будет очень весело на этом бале, все баденские карикатуры явятся, Madame Zea Bermudes, ex-Grand Correchidor de Madrid avec l'épingle en diamant à la cravatte depuis le matin. Vous savez, qu'ils jouent dès le matin à l'hombre avec Antonini[186*] и пьют шоколад и запивают холодной водой, и так все утро у них проходит.

— Где вы подцепили это знакомство?

— Antonini était Ministre de Naples à Berlin, et puis je l'ai surtout vu a Marienbad, vous n'avez pas d'idée des folies de votre belle-soeur et d'une hongroise Princesse Andraszy avec Antonini, on le mettait en Marie à partner et puis on le faisait basculer, son parler Italien est très drôle, il zézaye, il prenait des bains de boue et disait que cela le rendait tout sain. Un jour votre belle-soeur a tant ri, qu'Antonini s'est cru obligé de mettre à ses piers un verre.

— Ах, какая шалунья, не понимаю, что в ее лета и при ее обстоятельствах можно забавляться.

— Elle allait tous les deux jours à mi-route de Carlsbad Katzenellenbogen pour ouvrager les affaires avec votre frère, un jour elle me dit: «Ma chère, il n'est plus beau, il a l'air d'un vieux Turc rase et figurez-vous qu'il m'a montré les portraits des enfants qu'il a de Mme Baliano. Je trouve que c'est de trop»[187*].

— Sophie a le coeur bon, mais elle est étendue, elle oublie qu'elle a brisé le coeur de mon frère. Il en a eu un fils beau comme le jour ou plutôt comme son père, il l'a laissé avec sa mère à Кременчуг, pour avoir le temps de leur préparer un logement à Boucharest quand il a été nommé управляющим княжествами. A force de gâteries, de soins mal entendus, le pauvre enfant est tombé malade, elle s'est mise en route avec lui; il l'attendait avec une impatience fébrile, il est venu à la rencontre et n'a trouvé qu'un cercueil avec les restes de cet être cheri, il a ouvert le cercueil dans l'espoir de trouver quelques traces de cet être cheri; hélas, il n'y avait que le crâne et une jambe. Il ne lui a jamais pardonné cela[77], et c'est alors que la liaison avec Mme Baliano a commencé. Il aime cette femme et surtout les enfants[188*]. Киселевы все очень чадолюбивы, это было всегда, из рода в род.

Затем бедная мать, не проронившая ни слова, встала и они ушли.

186* экс-великий коррехидор Мадрида с брильянтовой булавкой в галстуке с утра. Вы знаете, что они с утра играют в ломбер с Антонини

187* — Антонини был неаполитанским посланником в Берлине, а потом я его видала в Мариенбаде. Вы не можете вообразить все сумасбродства с Антонини вашей невестки и венгерской княгини Андраши, его ставили партнером к Марии, потом его заставляли кувыркаться, его итальянский очень дурен, он сюсюкает; он принимал грязевые ванны и говорил, что это его оздоровляет. Однажды ваша невестка так смеялась, что Антонини счел себя обязанным поставить у ее ног стакан. ⟨...⟩

— Она каждые два дня ездила в Каценеленбоген, на полдороге от Карлсбада, улаживать дела с вашим братом. Однажды она мне сказала: «Моя милая, он более не красив, выглядит бритым старым турком, и представьте себе, показал мне портреты детей от г-жи Балиано. Я нахожу, что это слишком.

188* — У Софи доброе сердце, но она необуздана, она забывает, что разбила сердце моего брата. У него был сын от нее, прекрасный как день или, вернее, как его отец; он оставил его с матерью в Кременчуге, чтобы иметь время приготовить им квартиру в

— Киса, il faudra que vous achetiez du papier pour faire les invitations; les intimes n'auront que les invitations verbales.

— Quelle heure est-il?

— Près de quatre heures[189*]. Можно еще болтать или лучше диктуйте про институт.

Меня по обычаю поместили в четвертушки будущего девятого выпуска. В дортуаре стояли высокие пюпитры вразброд, возле меня сидела Курень, очень милая и хорошенькая девочка, может быть она была дочь Куреня одесского, который пропал без вести на войне. Пропажи без вести очень страшная вещь. Надеюсь, что ни вы, ни я не пропадем без вести. Может вы для меня пропадете без вести, если не будете писать ко мне, и я к вам.

— Ну, это уже совсем несбыточно.

— Всякое бывает, чем черт не шутит.

— Машеньку и Клеопатру Попандопуло я часто встречала в коридорах. Они были в большом классе, очень хорошо учились. Машенька получила второй шифр, а Клеопатра золотую медаль. Они очень грустили по Одессе. У нас дежурили пепиньерки: шведка Эрпинд, Розанова, прегадкая, задавала себе ужасный тон, потому что ее сестра была третья жена Николая Васильевича Зиновьева, и Марья Ивановна Шлейн, une protegée de madame Архарова (она меня очень любила и баловала, ей присылали мои гостинцы, да и она от Архаровых привозила мне всякую всячину).

Начали привозить детей всякого возраста и роста; когда нáбралось до ста пятидесяти, начались экзамены и сортировка. Меня поместили в первое отделение, и маленькие сидели на первых скамейках, а большие на задних. На нашей лавке ближе к окну старшая Боборыкина, потом Машенька Бартоломей, дочь хорошего доктора, женатого на польке, они жили на углу Фонтанки и Пантелеймоновского. Леонилка была красавица, но неряха, у нее передник был всегда грязный, как у стряпухи, и ее звали «блинщица». Подле Бартоломей сидела Нагель, внучка madame Нагель, у которой некоторые девицы брали уроки музыки. Она была злая, косая и жадная, всегда захватывала лишнюю порцию, и ее звали «жид Косулевич», потом Сашенька Балугьянская, которую прозвали «Галкой», а меня «Черненькая».

На другую сторону улицы (улица — это довольно широкое пространство, где ходили дамы, чтобы видеть, что делается во всех углах), так по ту сторону улицы сидела Стефани, которая так обрусела, что просила нас звать ее Степкой, подле нее Киса Леонтьева, милая, красивая Наташа Кайданова, Тарасова и Катахрова. Катахрова была дочь генерала, ужасно

Бухаресте, когда его назначили управляющим княжествами. Из-за баловства, неразумного ухода бедный ребенок заболел, она пустилась с ним в дорогу; он ожидал с лихорадочным нетерпением, поехал им навстречу и нашел только гроб с останками этого дорогого существа; он открыл гроб в надежде их увидеть, увы, там был лишь череп и одна нога. Он никогда не простил ей этого[77], и тогда началась его связь с г-жей Балиано; он любит эту женщину и особенно детей.

[189*] — Киса, вам нужно купить бумаги для приглашений, близкие будут приглашены только устно.

жадная и вечно ходила между лавок и просила: «Mesdames, дайте кусочек». На лавках сидели Лиза Кайданова, Ширковы, Бороздины, Исакова, Шторх и Крупетьева, которая ничему не училась, но хорошо пела. Она в своем пюпитре воспитывала мышей, а в саду возилась с котятами. У ней было восемь на руках, и всем она давала имена, я помню, что одну, пеструю, она называла «Литература». На верхних скамьях сидели Эйлер, белокурая красавица, Копьева, очень миленькая и чистенькая, рыжая, и Погожева — предурная, ее прозвали «Поганка». С другой стороны Арсеньева, племянница фрейлины Екатерины Ивановны Арсеньевой. Ее брат Павел [78], честнейший человек, был одним из восьми кавалеров в‹еликого› к‹нязя› Николая и Михаила Павловичей. Я его видела в Москве у тетушки Цициановой, старик был прекрасной и почтенной наружности. В нижнем коридоре жили еще Mathilde de Meron, которая учила петь, и графиня Rosalie Chaillet.

В Смольном гораздо более верили в черта, чем у нас, и раз кто-то закричал: «Mesdames, черт идет!» и все, даже белые, вскочили. У нас говорили, что по коридору ходили «понимашки». Что вы смеетесь?

— Не смотрите на меня своими черными глазами, они доводят меня до безумия.

— Поделом вам, ведь вы смеетесь над «понимашками». Это название выдумала Фаминцына из седьмого выпуска для духов, посещавших наши коридоры. Всегда заранее знали, когда они появятся, и говорили: «Mesdames, не ходите поздно по коридору, сегодня будут бегать «понимашки». Крупеникова рассказывала, что она видела глаза «понимашек», что они были зеленые и большие, как луна, «понимашки» играли на полу и пристально на нее смотрели, и что раз, когда мы пошли ужинать, она видела их ноги мимо церкви, и что они за ней бежали по мертвецкой лестнице. Она закричала нам: «Mesdames, я видела только одни голые ноги «понимашек». Мы все ринулись в столовую с криком, почти повалили классных дам.

— Вы были милые, невинные шалуньи и порядочные трусихи.

— Я и теперь боюсь спать в темной комнате и проходить в коридорах. Во дворце с Стефани всегда бегом проходили через Георгиевскую залу. Из восьмого выпуска не оставалось никого, кроме пепиньерок Потоцких, Pelagie и Delia, которых я, конечно, обожала. Delia была русская красавица с лукавенькими черными глазками. Pelagie, старшая, была очень смуглая, стройная, как пальма, очень близорукая и всегда грустила. Они были дочери известного Жана Потоцкого, который писал страшные романы. «Les trois pendus» [190*] я читала [79].

В последний год восьмого выпуска все первое отделение поставили на колени за то, что они читали «Les petits emigrés» [191*], самую невинную книгу. Они от нас скрывали, но мы им кричали в коридоре: «Какой стыд, последний год, а наказаны за непослушание как маленькие дети». Когда мы были в большом классе, к Кайдановым ездила старая незамужняя тетка,

---

[190*] «Трое повешенных»
[191*] Маленькие эмигранты

она им привозила очень жирные пирожки с говядиной и разные сласти. Один раз она им привезла роман в восьми томах, который назывался «Emma Courtenay ou la chapelle d'Ayton[80]». Они его давали другим, Стефани и мне первой. Alexandrine Зубова никогда не вкушала запрещенного плода, и другие святоши: Аралова, Люба Хилкова тоже не читали. Роман читался по крайней мере шесть месяцев. Наконец произошла катастрофа, на Эмму возводят страшную клевету, Auguste Horby дерется на дуэли, Эмма умирает с разбитым сердцем. Я прихожу в класс и нахожу Стефани в слезах. Она мне сообщает, что Огюст умер. Весь класс отвечает рыданиями, равнодушные говорят: «Какие дуры! Огюст никогда не существовал».

Представьте себе, что митрополит московский сказал мне совершенно то же, когда я ему посоветовала прочитать «Шинель» и «Смерть Акакия Акакиевича»: «Поберегите свои слезы, еще много придется вам их пролить о своих и чужих грехах».

Мы решили, что нужно носить траур по обоим героям романа. При горловой боли заставляли надевать узкую тесьму от башмаков. Представьте себе, тридцать человек надели ее. Классная дама спросила, что значит, что почти у всех болит горло? Открылась правда. Начальница пришла сказать, что мы будем неделю без фартуков и что напишут императрице. Тетке Кайдановых запретили в течение месяца возить им пирожки.

В мое время праздновали 25-летний юбилей нашего института. Императрица приехала после обеда с в<еликим> к<нязем> Михаилом Павловичем, пели какие-то куплеты и стихи, вечером у нас был большой бал. Начальница, инспектрисы, все дамы классные в синих платьях, это мундир их, сидели рядом и некоторые учители. Мы были в коленкоровых передниках и танцевали до 10-ти часов. Ужин состоял из тартин с горьким маслом и сыром, чаю с молоком и пирожков с вареньем.

— Но как же это вас так дурно кормили, когда государыня обо всем заботилась?

— Эконом и кухарка крали так искусно, что начальница не могла их поймать и уличить. Потом случилось большое несчастье в нашем бедном институте, Maman Breitkopf умерла, в три дня милой и умной начальницы не стало. В коридорах ходили на цыпочках, в классах говорили шопотом и молились о ее спасении. Когда она скончалась, нас повели прощаться с ней, ее милые дочери покрыли ее гроб цветами и сидели молча, обливаясь слезами, у ее изголовья. Папа Брейткопф умер прежде нее. Mlle Nagel, la Comtesse Rosalie Chaillet, Mathilde Meron, Mlle Genthe, инспектриса большого класса, все горевали об этой потере. После ее похорон императрица вошла к нам и нас рекомендовала новой начальнице Амалье Яковлевне Кремпин. Ее рекомендовала начальница Смольного, умная генеральша Адлерберг. Мы с первой минуты невзлюбили Кремпину и не хотели звать ее Maman, и между нами звали ее Кремпулька. При ней мы перешли в большой класс, т. е. надели вместо коричневых платьев зеленые. Инспектором нашего класса был Карл Федорович Герман; он был заподозрен в либеральных мыслях, когда читал политическую экономию[81], но госу-

дарыня сказала: «Il est instruit en toutes choses, et je ne crains pas ces idées liberales pour mes petites filles»[192*]. Германа мы терпеть не могли, он вздумал философствовать у нас, например, говорил: «Mesdemoiselles, qui parle? L'homme seul parle»[193*], и тут мы, как попугаи, повторяли его же слова.

Императрица была в постоянной переписке с европейскими учеными и вводила в своих заведениях новые системы Песталоцци и Ланкастера[82]. Тогда была мода на головные вычисления, и нам дали Винберга, он заставлял нас в такт громко сложить, а потом вычитать, мы сделали из него шута, и его заменил косой Буссе, который вдобавок шепелявил, и с ним урок проходил в насмешках и шутках. Я никогда не могла понять дроби, этой мудрости мы учились у Слонецкого, который говорил вместо: «Скажите, пожалуйста, г-жи девицы» — «Скажите, балста, г-жи двицы». Я ровно ничего не делала по этой части, что и было причиной, что я не получила первый шифр. Плетнев преподавал новейшую историю, тоже российскую. Аббат Deloche — физику, ботанику, вообще натуральную историю и маленький курс астрономии. Меня более всего интересовал его урок, и если были затруднения, он всегда говорил: «Allons, voyons-nous», указывая на меня. Стефани, которая ровно ничего не делала, всегда очень хорошо училась у Делоша. Je connaissais parfaitement le système de Linné, le grand botaniste Suédois. Ce systeme est fondé sur les cotylédons et les acotylédons, il y a 21 classe. Le système de Tournefort a été très désuet. Nous faisions des expériments avec lui, nous avions une machine pneumatique, une machine électrique et des bouteiiles de Leiden. Nous expliquions les miroirs plans et les miroirs convexes, cela s'appelle la catoptrique et la dioptrique, les figures de la congélation, les tables de Terrailles, les Mongolfieres et les inventions de Galvani, un savant Italien. En astronomie — les chutes et les parallaxes des astres. Chez Deloche je comprenais très bien et je faisais les calcules, я делала кубы и корни, quand il fallait expliquer les deux forces découvertes par un savant Anglais — la force centripète et la force centrifuge[194*].

— Вот вы какая ученая, Александра Осиповна[83], а я ничего этого не знаю.

— Я вам советую, Киса, прочесть Бюффона и заняться физикой. В Париже вам укажут книги, но, кажется, пора готовиться к трапезе. Я вынула солонки, но ложечек нет, но, по крайней мере, это чище, чем горки.

[192*] Он очень хорошо образован, а эти либеральные идеи не страшны моим маленьким девочкам.

[193*] Девицы, кто говорит? Один лишь человек говорит

[194*] Я прекрасно знала систему Линнея, великого шведского ботаника. Эта система основана на котиледонах и акотиледонах, их 21 класс. Система Турнефора уже очень устарела. Мы с ним делали опыты, у нас была пневматическая и электрическая машина и лейденские банки. Мы объясняли плоские и выпуклые зеркала — это называется катоптрика и диоптрика, фигуры замерзания, таблицы Терайля, Монгольфьеры и изобретения Гальвани, итальянского ученого. По астрономии — падения и параллаксы звезд. У Делоша я очень хорошо понимала и считала, я делала кубы и корни, когда нужно было объяснить две силы, открытые английским ученым — центростремительную и центробежную.

Н⟨иколай⟩ М⟨ихайлович⟩ вернулся, приоделся, потом пришел Киселев и графиня. За обедом я ей сказала: «Vous savez, chère Comtesse, que je ne vais plus au Palais Michel, elle m'en a fait de toutes les couleurs. J'étais très souffrante après mes secondes couches, mais je sortais de temps en temps, elle m'invitait à déjeuner et se plaignait que l'Anglaise de la petite Anne la soignait très mal et me demandait, si j'étais contente de la mienne. Un jour Mme Henderson est venue me dire que son beau-frère Forman lui proposait d'entrer chez la G⟨rande⟩ Duchesse Hélène, que les appointements seraient bien plus élevés, et comme elle avait trois petites filles, cela lui serait très avantageux. Malgré le cruel embarras où cela me mettait, je lui dis que si cela pouvait lui convenir, je la priais seulement de me donner le temps de chercher deux bonnes pour mes jumelles. Je l'ai prévenue que la petite Grande Duchesse était très malade, que les médecins n'espéraient pas[195*] la conserver, que la Maman était très avare et que je conseillait à Forman de demander une pension de 1000 rbls à quoi elle a consenti. Le soir l'Impératrice assistait à une soirée à l'Institut de Ste Catherine. L'Empereur s'est approché de moi et me dit: «J'appris que la G⟨rande⟩ Duchesse Hélène veut vous enlever la bonne de vos enfants. Si nous qui pouvons payer bien plus, nous allons débaucher les domestiques, ce serait impardonnable et vous ne devez pas céder». J'était d'une humeur de dogue et enchantée des paroles de l'Empereur. Voilà que l'Impératrice m'appela et me dit: «Черненькая, soyez bonne, Hélène est si inquiète pour sa petite, elle a déjà perdu une enfant, cédez-lui votre bonne».— «Puisque vous le désirez, votre Majesté, je le ferais, mais je mets pour condition qu'en cas de mort la bonne ait 1000 fr. de pension. Elle est si avare que ce sera une punition pour elle».— «Ma chère, on dit que je suis avare aussi».— «Je sais par expérience que c'est une calomnie. Quant à elle qu'a-t-elle fait[196*] des 18 millions du Grand Duc, elle ne fait que voyages, tout en se portant bien, c'est pour faire parade, de son soi-disant esprit et de ses connaissances à l'étranger. Elle n'est guidée que par

---

[195*] Вы знаете, милая графиня, что я более не бываю в Михайловском дворце, она меня очень обидела. После моих вторых родов я была очень больна, но время от времени выезжала. Она приглсила меня на завтрак и жаловалась, что англичанка маленькой Анны очень плохо за ней ходит, и спросила меня, довольна ли я своей. Однажды г-жа Гендерсон приходит сказать мне, что ее зять Форман предлагает ей поступить к в⟨еликой⟩ княгине Елене, что жалованье будет гораздо больше, а так как у нее три маленькие дочки, это было бы ей очень выгодно. Несмотря на ужасное затруднение, которое при этом для меня возникало, я сказала, что если это ей подходит, то я прошу только дать мне время подыскать двух нянь для моих двойняшек. Я предупредила ее, что маленькая великая княгиня была очень больна, что доктора не надеялись

[196*] ее сохранить, что маменька очень скупа и что я советовала бы Форману просить пенсию в 1000 руб., на что она согласилась. Вечером императрица присутствовала на вечере в Екатерининском институте. Император подошел ко мне и сказал: «Я узнал, что великая княгиня Елена хочет отнять у вас няню ваших детей. Нам, имеющим возможность платить гораздо больше, было бы непростительно начать переманивать слуг, и вы не должны уступать». Я была раздражена, но в восхищении от слов императора. Но тут императрица обратилась ко мне, сказав: «Черненькая, будьте доброй, Елена так тревожится о своей малютке, она уже потеряла одного ребенка, уступите ей свою няню».— «Я это сделаю, ваше величество, так как вы этого желаете, но при условии, что в случае смерти ребенка няня получит 1000 руб. пенсии. Она так скупа, что это будет для нее наказанием».— «Милая моя, говорят, что и я скупа».— «Я по опыту знаю, что это клевета. А что до нее, то что

la vanité la plus mesquine. Elle a fait chasser les 60 invalides du Grand Duc, qui soignaient son petit Arsenal, et c'est l'Empereur qui les paye et les a placés — les uns à Tchesma et d'autres à Pavlovsky, à Montmartre.» — «Tout cela est vrai, ma chère».

Cette femme n'est heureuse que quand elle peut humulier quelqu'un. Elle s'est mis en tête d'amuser l'Empereur, soi-disant Impératrice ne savait que danser et faire danser. Elle imagine un bal [83a] costumé et m'a donnée le rôle de la folie, je devais entrer en gambadant et appelant ma suite. A la répétition en robe de matin il m'était impossible de lui donner un échantillon de mon savoir faire — elle m'expedie le G‹rand› Duc, ce pauvre G‹rand› Duc, pour me supplier de me prêter de bonne grâce. Je lui fait dire qu'elle soit tranquille, qu'en costume et sous le rouge je me tirerait d'affaire [197*]. En attendant, j'ai fait venir le costumeur du théâtre avec des gravures et me fabriquais le costume de la folie avec des dandelions rouges et jaunes et le bonnet frigien, le tout avec des sonnettes et une perruque blonde, des souliers rouges à talons. Quand je suis entrée en courant, je n'ai dit que les bêtises sur la folie et les plaisirs qu'elle procure et j'ai appelé mes suivantes, les femmes toutes les blondes en toilettes bleues ont executé la danse à la musique de Gluck. A mon entrée l'Impératrice a dit: «Qu'est-ce que c'est et qui est-ce? Mon Dieu, c'est Черненькая».— «Oui, c'est moi, Mme». Mais voyez un peu ce qui a suivi et n'a fait rire que du bout des lèvres le public: Крылов, Юсупов et le long Panin en tricot, des couronnes de roses sur la tête étaient affreux et je ne conçois pas que des hommes se laissent faire ces sottes bêtises. J'ai appris que le Comte Nesselrode a été indigné qu'on lui osait proposer d'y prendre part.

— Certainement. Votre dîner est excellent, chère amie [198*].

[197*] она сделала с 18-ю миллионами великого князя? Она только ездила, хотя прекрасно себя чувствовала — и лишь для того, чтобы выставить за границей напоказ свой так называемый ум и знакомства. Ею всегда руководит самое мелкое тщеславие. Она прогнала 60 инвалидов великого князя, смотревших за его маленьким арсеналом,— и это император платит им и устроил их — одних в Чесму, других в Павловск, на Монмартр».— «Все это правда, моя милая».

Эта женщина счастлива лишь тогда, когда может кого-нибудь унизить. Она вбила себе в голову забавлять императора, так называемая императрица умеет лишь танцевать и заставлять танцевать. Она задумала костюмированный бал [83a] и дала мне роль глупости, я должна была войти, приплясывая и призывая свою свиту. На репетиции в утреннем платье я не могла показать ей образец моего уменья — она отправила ко мне вел. князя, бедного вел. князя, чтобы упросить меня пойти ей навстречу. Я велела ему сказать, что она может быть спокойна, что в костюме и гриме я справлюсь с делом.

[198*] Пока же я пригласила театрального костюмера с гравюрами и сделала себе костюм с красными и желтыми одуванчиками и фригийским колпаком, все это с колокольчиками и светлым париком, туфли красные на каблуках. Войдя бегом, я говорила только глупости о безумии и удовольствиях, которые оно доставляет, и звала свою свиту — женщины, все блондинки, в голубых туалетах, они исполнили танец на музыку Глюка. При моем появлении императрица сказала: «Что это такое и кто это? Господи, это же Черненькая».— «Да, это я, мадам». Но смотрите, что последовало и заставило публику смеяться только кончиками губ: Крылов, Юсупов и длинный Панин в трико. с венками из роз на голове были ужасны, и я не постигаю, как люди позволяют себе делать такие глупости. Я узнала, что граф Нессельроде был оскорблен, когда ему осмелились предложить принять в этом участие.

— Конечно. Ваш обед восхитителен, милый друг.

Après le dîner on a ouvert les fenêtres, on fumait, mon mari s'agitait et je lui ai proposé d'aller faire son petit sommeil dans l'autre chambre, et puis il a filé à la roulette.

Restés seuls, je dis à la Comtesse que la Grande Duchesse a donné un grand bal à la fin de la saison. Plusieurs dames sont venues me voir en me parlant de leurs toilettes et me demandaient ce que je mettrai.— «Mais je ne suis pas invitée».— «Impossible, ma chère, c'est une erreur de ездовой.» — «Cela m'est égal, je ne suis pas invitée»! Mais je dis a Anette Bariatinsky, sa très humble amie, que le lui jouerai un tour. J'ai expédié un billet au Grand Duc en lui disant que j'avais quelque chose de très important à lui dire, il arriva le matin du jour du grand bal. «Monseigneur, il y a un grand bal chez vous et je n'ai pas d'invitation». Très embarassé il me dit: «Ma chère Mme Smirnoff, vous savez que je ne me mêle pas de ces choses, la Grande Duchesse fait les invitations».— «Je le sais, Monseigneur, mais c'est d'une farce claire à la ville entière que nos relations d'amitié ne sont pas ce qu'elles devraient être, et c'est aussi injurieux pour moi que pour vous. Je dois avoir une invitation, ou bien renoncer au plaisir de vous inviter aux petites soirées que vous aimiez, quand vous venez sans épaulettes, fumez avec nous en petit comité, et renoncer aux soirées que vous donne la Princesse Wiasemsky».

Dans la journée j'ai reçu mon invitation. J'y suis allée, j'ai passé devant elle sans la saluer et suis allée droit a l'Impératrice, et lui a conté l'affaire, elle m'a approuvée; elle est venue s'asseoir près de l'Impératrice évidemment pour voir ce que je ferai, je n'y fait aucune attention. Je suis partie de bal sans la saluer, et depuis je n'ai plus mis le pied dans ce palais. J'ai dit a mon mari de ne pas oser m'inscrire et que s'il le ferait, je rayerai mon nom. Il a le rage de s'inscrire, je crois que s'il y avait 100 Grandes Duchesses il irait partout. Je suis allée au Palais Michel, et j'ai vu qu'il n'avait mis mon nom.

— Ай да Александра Осиповна!

— Ma chère, vous avez très bien fait [199*].

[199*] После обеда открыли окна, курили; мой муж волновался, и я предложила ему соснуть в другой комнате, а потом он побежал на рулетку.

Когда мы остались одни, я сказала графине, что великая княгиня давала большой бал в конце сезона. Многие дамы приходили меня повидать, рассказывали о своих туалетах и спрашивали, что я надену.— «Но я не приглашена».— «Не может быть, моя милая, это ошибка ездового».— «Это мне все равно, я не приглашена». Но я сказала Аннете Барятинской, ее смиренной приятельнице, что сыграю с ней штуку. Я послала великому князю записку, говоря, что должна сказать ему что-то весьма важное. Он приехал утром в день большого бала. «Ваше высочество, у вас большой бал, а я не приглашена». Очень смущенный, он мне сказал: «Дорогая г-жа Смирнова, вы знаете, что я в это не вмешиваюсь, приглашает великая княгиня».— «Я это знаю, монсеньор, но ведь всему городу ясно, что наши дружеские отношения уже не те, какими должны быть, и это оскорбительно и для меня и для вас. Я должна иметь приглашение или же отказаться от удовольствия приглашать вас на маленькие вечера, которые вы любите — когда вы приходите без эполет, курите в нашем тесном кругу, отказаться и от вечеров, которые дает вам княгиня Вяземская».

Днем я получила свое приглашение. Я поехала туда, прошла мимо нее не здороваясь, подошла прямо к императрице и рассказала ей все дело; она меня одобрила. Она подошла и села возле императрицы, очевидно, чтобы посмотреть, что я буду делать. Я не обратила на это никакого внимания. Я ушла с бала, не простившись с нею, и с тех пор ни ногой в этот дворец. Я сказала мужу, чтобы он не смел расписываться за меня и что

Là-dessus Comtesse est partie, nous sommes allés voir prier les enfants. À genoux, les mains jointes, comme deux petites colombes, elles répétaient:

Gente Jesus, meak and mild,
Look upon a little child,
Pity my simplicity,
Permit me to come to thou.

Je lui ai traduit cette touchante prière, il était très ému et me dit[200*]: «Мне кажется, что эта невинная молитва омывает наши грехи и как фимиам возносится прямо к Творцу и Спасителю». Потом мы помолились и расстались.

На другой день в 12 часов я диктовала об институте. Год перед нашим выпуском у нас отстроилась квартира для священника, и к нам был назначен новый законоучитель Василий Михайлович Наумов. Он был из лучших учеников московского митрополита Филарета, когда он был ректором Петербургской духовной академии. Литургию мы знали наизусть, потому что пели на крылосах, книгу «Молитвослов» придворного священника мы знали наизусть, это не что иное, как выписки из книги «Премудрости Соломона» и «Экклезиаста», но надобно было выучить Филаретов катехизис и толкования, кроме того — толкования на притчи и вообще евангельскую историю. Наумов был молод и красив, светло-голубые ясные глаза, черные, как смоль, волосы и маленькая бородка. Он ходил в коричневой рясе, а на груди золотой крест на зеленой ленте. Некоторые девицы вздумали его обожать и ходили несколько раз в коридор просить его благословения; он это заметил и строго запретил это излишнее проявление чувств. В первый раз он приготовил нас к серьезной исповеди и важному делу приобщения; мы провели почти всю неделю в молчании, а после исповеди легли молча в постели. После обедни, как обыкновенно, приехала императрица и поздравляла нас с причастием св⟨ятых⟩ тайн; в этот день мы пили чай с вареньем и просфорой.

— Ах, что это за императрица и что за попечение о детях!

— Наконец пришел день экзамена, в 10 часов императрица приехала, с ней князь Александр Николаевич Голицын, и нас экзаменовали у священника, в час мы обедали, а государыня завтракала, в 2 часа начался опять экзамен и продолжался до 7-ми. Потом было еще три экзамена у других учителей — а потом и публичный, на котором из уважения к государыне были два митрополита — Серафим Петерб⟨ургский⟩ и Москов-

---

если он это сделает, я вычеркну свое имя. У него страсть расписываться, я думаю, что если бы было 100 великих княгинь, он поехал бы повсюду. Я поехала в Михайловский дворец и видела, что он не внес мое имя. ⟨...⟩

— Дорогая, вы очень хорошо сделали.

[200*] Затем графиня ушла, мы пошли посмотреть, как молятся дети. На коленях, сложив ручки, они как две голубки повторяли:

Добрый Боже, мягкий, кроткий,
Глянь на малое дитя,
Пожалей мою невинность,
Допусти меня к себе (*англ.*)

Я перевела ему эту трогательную молитву, он был очень взволнован и сказал мне:

ский Филарет. Киса, il faut que vous lisiez les sermons de Philarète, il y a de magnifiques, surtout celui sur le silence. Plusieurs sont traduits par Александр Скарлатич Стурдза, c'est homme qui louche et qui est si laid, je l'a vu chez Cléopâtra, c'est aussi un Valaque, qui a emigré lors du mouvement soulevé par Ipsilanti dans les principautés, mouvement qui a si mal réussi. Il a été fait prisonnier par les Autrichiens[84].

— Dites plutôt — ces autres chiens.

— Киса, vous plaisantez toujours[201*].

Был также католический епископ Сестренцевич, иностранные послы и родственники, подконец танцевали Fandango, испанский танец, и тем заключился наш последний экзамен. Это было на масленой неделе. Я вам не сказал, что при Кремпульке образовались две партии, русская и немецкая. Герман и она мешались во все, и даже в уроки священника; но он их порядком отбрил, затем она вымещала свою злобу на Плетневе. Несколько лет спустя имп. Александра Федоровна взяла меня с собой на экзамен в институт в пятницу на масленице. Священник начал вопросом: «Что такое сырная неделя?» — «Неделя приготовления к Великому посту, т. е. покаяния».— «Как же ее встречают в свете?».

Императрица, обратившись к начальнице, сказала: «Ce sont des pierres dans mon jardin», та сейчас же, подлянка, сказала: «Il a assez examiné».— «Non, non, je vous en prie».

Pletneff m'a fait cadeau pour mon jour de naissance, там есть Илья Муромец, Никита Добрынич, который сидел сиднем на дубе 40 лет, и Соловей-разбойник, и княжна Макобитая из роду армянского, мы так называли княжну Абамелек, которая за Ираклием Баратынским и пресмыкается перед Аленкой.

Tu peux me tutoyer et m'appeler par mon nom, mais pas m'embrasser. Et maintenant il faut écrire les invitations, puis j'irai chercher de la percale rouge pour les rideaux, il faut s'assurer que le plafond est assez solide pour le lustre du Conversazion et commander l'éclairage tout autour de la salle[202*].

— Все это я сделаю с Михайлой, я знаю наверное, что люстра будет безопасна; когда выживали мышей, Михайла говорил, что там очень крепкие стропила.

— Ну, пиши приглашения.

A Monsieur de Bacourt, ex-ministre de France en Amérique, d'où il a rapporté un estomac délabré que le réduit au régime de la poule au riz.

201* нужно вам прочесть проповеди Филарета, есть превосходные, особенно та, что о молчании. Многие из них перевел Александр Скарлатич Стурдза, этот человек косой и так уродлив, я видела его у Клеопатры. Он тоже валах, эмигрировал со времени волнений, поднятых Ипсиланти в княжествах, волнений столь безуспешных. Его заключили в тюрьму австрийцы[84].

— Скажите лучше — эти собаки ⟨непереводимая игра слов⟩.

— Киса, вы всегда шутите.

202* Это камешки в мой огород ⟨...⟩ Он достаточно экзаменовал.— Нет, нет, прошу вас.

Плетнев сделал мне подарок ко дню рождения ⟨...⟩ Ты можешь говорить мне ты и звать меня по имени, но не целовать меня. А теперь надобно писать приглашения, потом я пойду искать красный перкаль для занавесок, нужно убедиться, что потолок достаточно крепок для люстры из «Конверсацион» и заказать освещение вокруг всего зала.

A Monsieur le Baron Antonini, ex-ministre de Naples à Berlin.
A Mr et M-me Zea Bermudes, ministre d'Espagne.
A Mr l'ex-Grand Corregidor de Madrid.
A Mr Platonoff avec son nez fourré et toute la fourrure en général[203*].
— Что вы тут пишете?
— Приглашения на бал.
— Какой бал?
— На наш, для Бетюны.
— Стоит тратить деньги на такой вздор!
— Я сделал счеты, все с угощеньем и музыкой будет стоить 500 фр.
— Шутка! Во всяком случае, слуга покорный, я пойду ночевать у Герсдорфа.
— 500 франков, а сколько тысяч ты просадишь на рулетке?
— Деньги мои, и я имею право тратить, как хочу.
— Что ты меня все попрекаешь, что я бедна. Ведь ты женился для положения в свете, а Пушкин мне говорил, что ты своими манерами и спором портишь мое положение. Ecrivez, Киса.
A Monsieur le Baron de Letzbok, à Mr le Banquier Meyer, il est prié d'amener Mr Pavarin, on dansera; à Madame la Princesse Lobanoff avec ses filles les Princesses de Cuba.
— Опять шалости, и весьма неприличные, что за страсть.
— Mais c'est ne pas de moi, c'est la Comtesse Worontzoff — Dachkoff, leur cousine, qui dit cela, вот она так шалунья: elle nomme le ministre de la guerre Gavnachovsky[85] et cela tout haut quand il dîne chez eux; elle a pris ce mot de Marie Zonine qui l'a dit à Cambanis.

Elle l'a emprunté à la Marquise de Bellissino qui est remarquable pour les coq-a-l'âne et ses brioches. Elle dit p⟨ar⟩ e⟨xemple⟩: Le bonheur n'habite pas plus sous les nombrils dorés au lieu sous l'abri, pour sandwich elle dit les cuites Suisses, pour steeplechase — les six petits souris. Il y a deux Mrs de Nadaillon qui se ressemblent à tel point qu'on ne sait jamais auquel on s'adresse. Un jour quelqu'un disait devant elle: «Comme ces Messieurs de Nadaillon se ressemblent»[204*]. «Oui,— dit elle,— et surtout Isidore». On est parti d'un éclat de rire.

[203*] Господину Бакуру, экс-посланнику Франции в Америке, откуда он вывез расстроенный желудок, который держит его на режиме курицы с рисом.
Господину барону Антонини, экс-посланнику Неаполя в Берлине.
Г. и г-же Зеа Бермудес, испанскому послу.
Г. экс-Великому коррехидору Мадрида.
Г. Платонову с его мохнатым носом и всеми мехами вообще.
[204*] Пишите, Киса. Господину барону Летцбоку, г. банкиру Мейеру, просят привести с собой г. Паварина, будут танцевать; госпоже княгине Лобановой с ее дочерьми, княгинями Куба. ⟨...⟩ Но это же не я, это графиня Воронцова-Дашкова, их кузина, говорит так, вот она так шалунья: она называет военного министра Гавнаховский[85], и вслух, когда он обедает у них; она взяла это слово у Мари Зониной, сказавшей его Камбанису.
Она заимствовала его у маркизы Беллисино, знаменитой своей нескладицей и своими бриошами. Она, например, говорит: «Счастье не живет теперь более под золочеными пупками», вместо «под золоченым кровом», вместо «сэндвич» она говорит «швейцарские варенья», вместо «стиплчез» — «шесть маленьких мышей». Есть два гг. Надайон, до того

— Sais-tu, ce n'est pas si bête, il y avait un qui était le type pour elle.

— У тебя все в извинительном падеже.

— A son Altesse le Prince Emile de Hesse-Darmstadt, à son Altesse le Prince George de Hesse, il est prié d'amener son aide de camp, la Princesse Lobanoff est priée d'amener avec elle autant de danseurs que possible de Carlsruhe, le Baron Queller, Monsieur Ouria et Sarasaga. Et les Дышки et Douchki?[86]

— Не нужно, они меня не звали на пикник, где фордыбак вздумал с Олечкой танцевать в белых штанах, споткнулся и встал зеленый с одной стороны.

— Ils ne m'ont pas invité non plus et si ce n'était les pirouettes je n'y mettrais plus les pieds, je ne sais pas qui est le plus odieux, Шурочка avec le nez de son Papa ou le garçon. Par exemple, tu crois que je te laisserai aller à Carlsruhe pour une chose dont je ne me servirais jamais? Ce serait un jour interminable[205*].

— Tu es un ange, merci pour ces paroles.

— Le Baron de Gersdorf faut-il?

— Non, puisque ton mari va passer la soirée et la nuit dans cette tanière.

— Le protégé de Léonidas a déposé sa carte, Mr Duval, secrétaire général de la comission centrale de la délimitation du Rhin entre la France et l'Allemagne[206*]. Вот, кажется, все и вся. Пойдем походим, а потом будем читать «Мертвые души», ты будешь все время смеяться.

На террасе мы услыхали крик. Забияка Оли расцарапала Адину в кровь, та, бедняжка, бросилась Дикинсон на шею, Эйландт ударила Олю, и я приказала ее поставить в угол до моего прихода, а Адине купила игрушку у très joli chapeau[207*], где произошел шкандал и куда сбежались княгиня Ливен и гр⟨афиня⟩ Нессельроде, даже Los Rios. Когда мы пришли домой, услыхали крик в детской. Эйландт неосторожно оставила, к счастью, не слишком горячий утюг на полу, Оля подошла и села на него. Когда она нас увидела, закричала: «Киливов, бобо», он приложил прованского масла и ваты, та успокоилась. Эйландт ее взяла на руки покачать, но она еще плакала, мы ей сделали другую перевязку, и она за-

похожие, что никогда не знаешь, к которому обращаешься. Однажды кто-то говорил при ней: «Как похожи эти господа Надайон».

205* «Да,— сказала она,— и особенно Исидор». Все покатились со смеху.

— Знаешь, это не так глупо, один из них был для нее образцом.

— Его высочеству принцу Эмилию Гессен-Дармштадтскому, его высочеству принцу Георгу Гессенкскому, его просят привести своего адъютанта, княгиню Лобанову просят привести с собой из Карлсруэ сколько возможно танцоров, барону Квелеру, господину Урину и Сарасага. А Дышки и Душки?[86] ⟨...⟩

— Они меня тоже не пригласили, и если бы это не сочли уверткой, я бы туда больше ни ногой. Не знаю, кто противнее — Шурочка с носом своего папы или мальчик. Ты, например, думаешь, что я позволю тебе ехать в Карлсруэ за вещью, которой я никогда не воспользуюсь? Это был бы нескончаемый день.

206* — Ты ангел, спасибо за эти слова.

— А барона Герсдорфа нужно?

— Нет, потому что твой муж проведет вечер и ночь в этой берлоге.

— Протеже Леонидас оставил свою карточку: г. Дюваль, генеральный секретарь центральной разграничительной комиссии по Рейну между Францией и Германией.

207* Очень хорошенькой шляпки.

снула. На другой день княгиня Ливен ей принесла eine Wasserpumpe[208*], которая их обеих восхитила. А Киселев вынул из кармана фарфоровую куклу и ванну. Графиня Нессельроде тоже пришла. Эти две женщины, на вид сухие и гордые, страстно любили детей. Княгиня покупала для бедных, грязных девчонок игрушки, пряники и одевала, обувала их.

Когда мы помолились, он мне сказал: «Я дома еще перечитываю молитвы и не могу налюбоваться богатством славянского языка и сравниваю его с греческим».

— Да ведь перевод как Евангелия, так и молитв подстрочный. Хомяков говорил, что духовные писатели самые лучшие, как, например, Филарет и одесский епископ Иннокентий.

— Кто такой Хомяков?

— Ах, боже, как ты отстал от всего русского. Алексей Степанович Хомяков, премилейший человек. Я с ним познакомилась у Карамзиных. Он делал кампанию 30-го года в Турции в качестве уланского офицера. Маленького роста, курчавый, весьма смуглый, глаза у него выражали какую-то невыразимую, но неоскорбительную насмешку. Он не был кос, но то, что называют: один глаз на вас, а другой в Арзамас. Он болтает неумолкаемо. Он тоже религиозный поэт, у него есть прелестные стихи под названием «Галилейские рыбаки».

— А тебе он писал стихи?

— Написал, но я их не помню, он тоже коверкал мое имя и начинает так: «От роз ее название», далее не помню[87]. Андрей Николаевич написал тогда предлинную и прескучную поэму под названием «Тивериада» и сделался предметом его насмешек. У княгини Зинаиды Волконской, которая вывезла гипсовые слепки статуй из Рима, был тоже Бельведерский Аполлон — c'est un chef d'oeuvre de l'art grec et, chose étrange, je trouve que le profil rappelle celui de Mouravieff. Раз на вечере у Волконской Муравьев разбил его, и Пушкин его назвал «Бельведерский Митрофан»[88].

Тогда у Карамзиных вечером собирались то, что мы называем les jeunes gens distingués. Distingués me rappelle que le Dr Mianovsky dit de la Grande Duchesse Марья Николаевна: «Elle est fine et distinguée»[209*]. Il est drôle sans le vouloir, il entendait toujours parler de Bacourt chez la Princesse Leonille Wittgenstein, et un jour il demande, qui est ce Mr Бакуров dont on parle tant.

— Бакуров est adopté et je le mettrai dans l'invitation, mais qui étaient ces jeunes gens distingués?

— Алексей Владимирович Веневитинов, Титов, très ennuyeux, surtout quand il mettait son chapeau sous la chaise, Александр Ив⟨анович⟩ Кошелев, affreux et des mains ignobles точно красные лягушки, le Prince Odoeffsky, Павел Александрыч Муханов, avec qui Sophie Karamsine flirtait et Mr Smirnoff.

— Flirtait, quelle est cette expression?

[208*] водяной насос (*нем.*).

[209*] это шедевр греческого искусства и, странное дело, я нахожу, что профиль напоминает профиль Муравьева. ⟨...⟩ изысканные молодые люди. Изысканные напоминает мне то, что д-р Мяновский сказал о великой княжне ⟨...⟩ «Она тонка и изысканна»

— Une coquetterie innocente s'appelle en Anglais flirtation. Это запишите для Палена и Гревеница.

— Et toi, est-ce-que tu flirtais avec Smirnoff?

— Pas du tout, вот нашел с кем кокетничать. En fait des Dames, il y avait tous les soirs les trois Comtesses Tiesenhausen, les nièces de Pahlen, Mme Karamsine s'était liée à Reval avec la mère de ces Dames[210*]. Elles étaient très belles, mais trop longues de jambes, et Joukoffsky a dit d'elles: «Они очень хороши, но жаль, что нижний этаж вверх просится».

Он разразился смехом: «Ceci est charmant, c'est si finement dit».

— L'aînée a epousé le commandant de P⟨eters⟩bourg[89], un gros homme très lourd et très ennuyeux, il n'est pas riche et quand la Grande Duchesse Marie s'est mariée avec le Duc de Leuchtenberg, elle a été nommée Dame d'honneur auprès d'elle, la Grande-Duchesse l'a prise en grippe parce qu'elle disait Pitsbourg et peut-être toutes les personnes de nos provinces de la Baltique parlent ainsi[211*].

— Так у вас шло веселие в гостиной Карамзиных?

— Да, но я не всякий вечер там бывала, я более из дворца ездила к графине Нессельроде.

— А я-то, медведь, сидел или у Пушкина бывал, видел, как они играют, Пушкин меня гладил по голове и говорил: «Ты паинька, в карты не играешь и любовниц не водишь». На этих вечерах был Мицкевич, большой приятель Пушкина[90]. Он и Соболевский тоже не играли. Однажды, очень поздно, мы втроем вышли, направляясь домой, подошли к недостроенному дому, и Мицкевич пропал. Мы его звали, ответа не было. Мы полагали, что он зашел за угол по надобности, и пошли домой. Я в Почтамтскую, где жил в трех комнатах с Михайлой. На другой день Мицкевич нам рассказал, что рано утром пришли работники и его разбудили на самой опасной высоте дома. Они его спустили в кадке на веревке. С ним был припадок сомнамбулизма, и он не может себе растолковать, как он туда забрался.

210* Он, не желая того, очень забавен: он слышал, как у княгини Леониллы Витгенштейн всегда говорили о Бакуре и один раз он спрашивает, кто этот г. ⟨...⟩, о котором так много говорят.

⟨...⟩ и я это помещу в приглашении, но кто были эти изысканные молодые люди?

— ⟨...⟩, очень скучный, особенно когда ставил свою шляпу под стул, ⟨...⟩, ужасный, с мерзкими руками ⟨...⟩, князь Одоевский ⟨...⟩, с которым флиртовала Софи Карамзина, и г. Смирнов.

— Флиртовала, что это за выражение?

— Невинное кокетство называется по-английски флирт ⟨...⟩

— А ты, ты флиртовала со Смирновым?

— Ничего подобного ⟨...⟩. Что касается дам, там всякий вечер бывали три графини Тизенгаузен, племянницы Палена. Г-жа Карамзина была дружна с их матерью в Ревеле.

211* Они были очень красивы, но с слишком длинными ногами, и Жуковский сказал о них: ⟨...⟩. «Это прелестно, это так остроумно сказано».

— Старшая вышла замуж за петербургского коменданта[89], толстого человека, очень тупого и скучного. Он небогат, и когда великая княжна Мария вышла замуж за герцога Лейхтенбергского, ее назначили к ней фрейлиной. Великая княжна ее невзлюбила, потому что она говорила Питсбург, но, вероятно, все люди из наших балтийских губерний так говорят.

— У нас в институте была тоже сомнамбула, она вставала и снимала папильотки у девиц, дама классная ее подстерегла, и ей подстилали мокрую простыню у кровати, что ее будило, и эти припадки исчезли.

— Мицкевич теперь в Париже, и ты можешь его встретить у Софьи Станиславовны[91]. У нее собирается вся польская эмиграция, и я у нее редко бываю.

— Жуковский просил меня познакомиться с Николаем Ив⟨ановичем⟩ Тургеневым.

— Я у них тоже не могу быть, да и повода нет.

— Я очень хорошо знаю и часто вижу его брата Александра, он очень дружен с Жуковским. Однажды на вечере императрицы государь мне сказал: «Vous voyez beaucoup Tourgeneff, c'est un ennemi de notre famille».— «Votre Majesté, croyez-vous, que si j'en était persuadée et s'il s'était jamais avéré de dire un mot contre vous, je l'aurais reçu? C'est un homme excellent et par conséquence c'est un bavard très amusant. Un jour il disait devant Joukoffsky: «J'ai cherché Dieu dans la nature, dans les temples...» — «И все ты врешь,— сказал Жуковский,— никогда и нигде ты его не искал».— «Да,— me dit l'Empereur[212*],— Жуковский уговорился с ним ехать за границу, наставник моего сына едет с этим либералом». Я Жуковского предупредила, он пошел к императрице, которая всегда улаживает его промахи, и тем дело кончилось[92]. Он страдал сильным геморроем и поехал в Швейцарию со своим другом, безруким Рейтерном, который прекрасно пишет левой рукой акварели. Он ему выхлопотал пенсию. Ах, Киска, я забыла тебе сказать то, что никому никогда не говорила. Жуковский хотел на мне жениться.

— Et tu as préféré Smirnoff? [213*]

— Аттанде-с, аттанде-с, Смирнов тогда не показывался на нашем горизонте и преспокойно веселился во Флоренции. Жуковский вечно шутит. Я ходила вокруг озера и слышу издали голос: он был у Греческого мостика и кричит мне: «Принцесса моего сердца, я сделан генералом, хотите ли быть со мной генеральшей?» — «Сама генеральша прежде вас: фрейлины 8-го класса». В этот день Плетнев приехал давать урок в⟨еликим⟩ князьям, и мы его пригласили с нами обедать. После обеда он мне вдруг говорит: «Вы начинаете скучать во дворце, не пора ли вам выйти замуж?» — «За кого? Разве за камер-лакея. Кроме уродов, вроде флигель-адъютанта Элпидифора Антиоховича Зурова или Юрьевича, мы никого не видим».— «А Василий Андреевич? Он мне дал поручение с вами поговорить».— «Что вы, Петр Александрович, Жуковский тоже старая баба. Я его очень люблю, с ним весело, но мысль, что он может жениться, мне никогда не приходила в голову. Да я не хочу выходить замуж, а что

212* Вы часто видаете Тургенева, это враг нашего семейства.

— Неужели вы думаете, ваше величество, что если бы я была в этом уверена и если бы подтвердилось хоть одно его слово против вас, то я принимала бы его? Это прекрасный человек и, соответственно, очень забавный болтун. Однажды он говорил при Жуковском: «Я искал Бога в природе, в храмах...» ⟨...⟩ — сказал мне император

213* — И ты предпочла Смирнова?

мне скучно, так я скучаю, недаром Пушкин говорит:

Что ж делать, бес,
Вся тварь земная скучает [93].

Потом уж я была замужем, по обыкновению сидела с работой у лампы, пришел Жуковский и болтали до 11 часов; уходя, он мне сказал: «Вот видите, как мы приятно провели вечер, это могло быть всякий день, а вы не захотели».

— Бедный Жуковский!

— Не жалейте его, он женился на дочери Рейтерна и очень с ней счастлив, несмотря, что ей 20 лет, а ему 55. Жаль только, что она страдает нервами. У меня есть его комические письма, я прочту их тебе. Ах ты, замухрышка! — и провела рукой по его милому лицу.

Однако надобно продолжать диктовку об институте. Наконец настал день выпуска, у нас была обедня, молебен с коленопреклонением, в последний день мы пили чай с булкой, а в 12 часов послышался звонок и вошла в рекреационную залу императрица. Мы все стояли в ряд, сперва 6 шифров золотыми буквами «М» с короной на белой муаре ленте и красной по краям.

— А кто скажет «вы», тот платит штраф. Я тебя поцелую в лоб.

— Подлец, а как ты смел коснуться моих губ?

— Ce n'est pas ma faute, c'est la faute de nos dispositions géométriques.

— Pour te punir, je vous dis que je n'admets pas de dispositions géométriques. Puis venaient les médailles d'or. Мы так смастерили, что Стефани получила вторую золотую; она до смерти боялась импер⟨атрицы⟩, которая часто приезжала в класс, спрашивала, кто лучше учится и ведет себя, и всегда кончала: «Et la petite Radziwill?» Бедняжка смотрела на нас умоляющими глазами, и мы говорили ей: «Elle se donne beaucoup de soin et apprend surtout très bien chez l'abbé Deloche» [214*]. Затем 6 серебряных медалей, а потом поклоны.

— Что такое поклоны?

— Подходили к императрице, делали глубокий révérence [215*], она давала целовать руку. Последний был бедной Трембицкой, которая не хотела подходить, но ее императрица подозвала и сказала: «Mon chère enfant, si Dieu ne vous a pas donné les moyens de bien apprendre, vous avez un bon coeur, vous connaissez les prières, et je suis sûre que vous soutenez bien votre vielle mère, vous avez 250 roubles comme toutes celles qui sont pauvres, et je payerai les voyages de retour» [216*].

Девицы уже были все в городских платьях, за императрицей унтерофицер Белокуров и Митин несли корзинку, в которой были евангелия

[214*] — Это не моя вина, в этом виновато наше геометрическое расположение.
— Чтобы тебя наказать, говорю тебе, что не признаю геометрических расположений. Потом шли золотые медали. ⟨...⟩ А маленькая Радзивилл? ⟨...⟩ Она очень старательна и лучше всего учится у аббата Делоша.

[215*] реверанс

[216*] Мое милое дитя, если Бог не дал вам способностей к ученью, то у вас доброе сердце, вы знаете молитвы, и я уверена, что вы сможете поддержать вашу престарелую матушку. Вы получаете 250 рублей, как все те, кто бедны, и я оплачу возвратную дорогу.

в два столбца, издание Библейского общества, она собственноручно каждой дала евангелие и советовала читать всякий день одну главу, всю книгу по ряду. Уезжая, она сказала: «La petite Rossette et Euler doivent rester à l'Institut jusqu'à nouvel ordre» [217*]. Мы еще раз благодарили государыню. Когда она уехала, пошли прощания и слезы тех многих девиц, которые знали, что в бедных деревушках их ждет скука и разочарование.

— Что такое Библейское общество?

— Покойный государь не был религиозен, так его учил мой дяденька La Harpe, но его знакомство с madame Krudener в Париже в 1815 году внушило наклонность к протестантству. Когда он был в Англии, где его принимали с энтузиазмом, он просил Ливена познакомить его с квакерами под предлогом осушения болот под Петербургом. Он пригласил Daniel Wheler, Веннинга и Питта с женой поселиться в Петербурге. Питт и его жена жили во дворце, и я их еще там застала. Тогда многие увлекались крайним протестантизмом, как и сам государь, и во дворце жил слепой Родион Александрович Кошелев, весьма умный и замечательный человек, как говорили. В Москве еще при Екатерине господствовал мартинизм [94]: Лопухин, знаменитый Репнин, который был в Польше, Камынин, а в особенности Новиков и Тургенев, отец Александра, Николая и Сергея, тоже принадлежали к этой секте. Веннинг сделал много добра, он занялся тюрьмами, выучился по-русски, всегда был при ссылке преступников в Сибирь. Священник им читал XV главу из евангелия о блудном сыне. Купцы и благодетельные люди посылали им на дорогу калачи, сайки и пироги. Несчастные шли закованные пешком в Сибирь и останавливались по этапам. Во всех станциях есть этапные избы с железными решетками, где они ночуют, а мужики обязаны их кормить. Наш добрый народ их называет несчастными.

— Как это название верно.

— Крестьяне им дают на дорогу хлеб, а кто и копейку. Пушкин мне рассказывал, что под Нижним он встретил этапных. С ними шла девушка не в оковах, у нас женщин не заковывают. Она была чудной красоты и укрывалась от солнца широким листом капусты. «А ты, красавица, зачем?» Она весело отвечала: «Убила незаконнорожденную дочь пяти лет и мать за то, что напрасно журила». Пушкин оцепенел от ужаса [95].

Знаешь ли, что Пушкин всегда тоскует весной. Плетнев сказал: «Ты все повторяешь: грустно, тоска, ничего не пишешь и не читаешь».— «Любезный друг,— отвечал он,— вот уж год, что я, кроме евангелия, ничего не читаю». Я тебе советую всякое утро читать главу из евангелия, ты увидишь, как это приятно.

— Очень буду благодарен, но диктуй.

— Да, да, что бишь я сказала. Да, я оставалась недели три в институте, спала, сколько хотела, звонка уже не боялась, нас оставалось кажется, 20-ть, за которыми родные не успели приехать, между прочим была Нагель и Крупетьева, которая пела и нас забавляла, я вышивала что-то

[217*] Пусть маленькая Россет и Эйлер останутся в институте до нового распоряжения.

по канве, а более сидела у mlle Wallace, читала с ней английскую историю Лингарда[96] и чистила свою канарейку. Мы ходили в казенных платьях, но раз утром меня позвали к начальнице, сняли с меня мерку и сшили мне черное платье, черный чепчик с шлейфом, белые плерезы и черный вуаль: мы носили траур по Елизавете Алексеевне. Она скончалась в Белеве, куда вдовствующая государыня поспешила, но не застала ее в живых. Потом ее похоронили в Петропавловской крепости без всяких церемоний. Стефани в день выпуска уже поехала во дворец, а нас представили государю и государыне в Зимнем дворце. Государь был еще бледен и худ, но я его еще прежде видела при нашем выпуске, когда мы пели прощальные стихи сочинения Плетнева на музыку Кавоса:

Расстаемся, расстаемся
Мы с приютом детских лет.
Мы судьбе, зовущей в свет,
Безвозвратно отдаемся.

Был у нас другой хранитель,
Он уж взят на небеса.
Небеса его обитель....[97]

далее не помню. Помню, что государь был тронут, девицы пели сквозь слезы, и государыня уехала, чтобы скрыть слезы свои.

Комнаты еще не были готовы в Зимнем дворце, притом половину покойного государя как в Зимнем, так и в Царском заперли. Мы жили в Аничковском дворце, в третьем этаже, конечно, фрейлин. Бывшая гувернантка M-me Вильсон называла их чердачницами. Нам, т. е. Эйлер и мне, дали три комнаты, она спала за перегородкой, а я по ту сторону перегородки, потом была гостиная, мы имели клавикорды и играли в четыре руки. C'étaient la plupart du temps les sonates de Hummel, ses concerts et Dussek; elle dessinait très bien des fleurs et moi je brodais, ma tante Lohrer m'avait prêté des livres, entre autres «La syrène d'Orly», je ne sais plus de qui, et puis les romans de Mme Susa, «Eugène de Rotelain», traduit, je crois, par Joukoffsky[98]. De mes fenêtres je pouvais plonger dans le cabinet de l'Impératrice, elle mangeait quelque chose d'une petit panier et me fit signe de descendre. Я бегом спустилась и она мне сказала: «Avez-vous jamais mangé des frais hors de saison?» — «Jamais, votre Majesté, à l'Institut on nous donnait des pommes et de la черника, quand on apportait cela sur des barques, avec un творог, tout à fait aigre».— «Asseyez-vous là et racontez-moi ce que vous faisiez à l'Institut».

Elle s'en amusait beaucoup, dans ce moment l'Empereur est entré en disant: «Nous voilà retenons encore. Wellington a été envoyé par le Roi d'Angleterre pour me complimenter»[218*]. Он был очень смуглый, худой, глаза черные

218* Это были большей частью сонаты Гуммеля, его концерты и Дюссек; она очень хорошо рисовала цветы, а я вышивала, моя тетушка Лорер дала мне книги, между ними «Сирена из Орли», уж не знаю чья, а потом романы г-жи Суза, «Эжен Ротлен», переведенный, думаю, Жуковским[98]. Из моих окон я могла заглядывать в кабинет императрицы, она что-то ела из корзинки и сделала мне знак спуститься ‹...› «Вы когда-нибудь ели ягоды не в сезон?» — Никогда, ваше величество, в институте нам давали яблоки и чернику, когда их доставляли на барках, с совершенно кислым творогом.

— Присядьте там и расскажите мне, что вы делали в институте».

Она очень забавлялась, в этот момент вошел император со словами: «Мы еще задерживаемся. Английский король прислал Веллингтона меня поздравить».

и дерзкие, волоса тоже как смоль черные. Он, не женируясь, проходил в двери прежде государя. Моден сказал: «Mais c'est Mr de Vilainton»[219*]. Он оставался три дня, а потом императорская фамилия, кроме имп. Марии Федоровны, поехала в Царское Село. Эйлер и я, мы ехали с девушками в четвероместной карете, трава чуть пробивалась из густой грязи, вороны каркали, все было грустно, по дороге стояла сосна, я вспомнила стихи

Уединенная сосна,
Товарищ угрюмый и печальный
Юности моей[99]

— И я иногда повторял эти стихи и был как уединенная сосна в Петербурге и в Париже, но здесь нашел то, что искал и сказал: «εὑρἕκα».

— Графиня Ростопчина дала кольцо Андрею Карамзину с этим словом.

В Царском мне и Эйлер дали комнаты внизу, у нас был камер-лакей, истопник и мужик. Эти мужики исправляют грязную работу. Истопник Широков мел комнаты, а потом курил придворным куреньем. Он так вонял ногами, что я ему раз сказала: «Широков, не курите, мы отворим окошко». Он мне очень хладнокровно отвечал: «Я знаю, ваше превосходительство, что я всю карьеру потерял от моих ног. Я служил во внутренних покоях у государя. Он был очень доволен моей службой, но заметил мою беду и послал меня к доктору. Он велел мне ноги мыть водкой, я начал пить и теперь буду вечно истопником». Cette histoire a fait le bonheur de Pouchkine, il demandait toujours[220*]: «А где же Широков?» Но Широкова отставили и послали на прачечный двор, так он может обкуривать прачек. Всякий день приходил старичок камер-гоф-фурьер со шпагой. Я его раз спросила, давно ли он служит.— «Еще при матушке государыне Екатерине. В этих комнатах жил князь Потемкин-Таврический. Я был уже лакеем, когда красавец фаворит Ланской убился; он прекрасно ездил верхом, у Лебедя хотел перескочить, лошадь споткнулась, и его принесли под колоннаду без чувств. Послали за доктором, открыли кровь, не пошла. Государыня чуть не помешалась, велела запрячь карету и поехала в Петербург, всех перепугала; но потом справилась и утешилась с другим любовником. Ланского похоронили в Софии, в церкви[100]».

Мы еще не были фрейлины, но дежурили. Старшая была графиня Софья Моден. Наш кружок был самый маленький: Моден с дочерью, доктор — шотландец Крейтон, Эйлер и я. Великая княжна Ольга Николаевна жила внизу со своей няней, больной Форман, которую она называла Schai me, большая Мара. C'est la plus belle enfant au monde, императрица ввела белокурую Эйлер к ней и сказала: «Oly, voici mes nouvelles D⟨emoise⟩lles d'honneur», она нас назвала «беленькая» и «черненькая», и до сих пор императрица меня называет «черненькая». Тогда производили следствие над виновными 14-го числа, а государь принимал дела от Аракчеева.

219* «Но это г. Дурной тон» ⟨непереводимая игра слов⟩.
220* Эта история приводила в восторг Пушкина, он всегда спрашивал:

Утром мы гуляли и катались с импер⟨атрицей⟩ в дежурный день. Один раз я прыгала по замерзшим лужам, вдруг отворяется окно, и государь мне кричит: «C'est joli, c'est comme cela qu'on prend froid. Allez-vous d'échauffer et laver vos pieds avec de l'eau de vie». Когда меня разувала девушка, он взошел и сказал: «Je suis venu voir si vous m'avez obei[221*]». Покажи-ка свою ногу. А, да у тебя очень хорошенькая ножка». Я сгорела от стыда.

Мы обедали вдвоем. Один раз затесался к нам Арнольди, упрекал меня, что я ему не пишу, ел с большим аппетитом, мы с ним мало говорили, и я ему объявила, что нам не велено принимать к обеду. Скот! До замужества я его не видела.

— Raconte-moi, comme tu a fait la connaissance de cousin.

— Ce sera plus tard, душенька, c'est si ennuyeux[222*]. Вечером Моден читал какой-то роман вслух. Императрица вязала шнурочек на рогатке. Добрый Крейтон засыпал и отправлялся к Сопикову и Храповицкому. Это у Гоголя в «Мертвых душах», мы не дошли еще до этого. Вдруг слышался ровный и мерный шаг государя, он приходил бледный, в сюртуке Измайловского полка без эполет. Императрица ему говорила: «Comme tu as l'air fatiguée»[223*] — «Да, поработать с Алексей Андреевичем — не шутка». Он работал иногда до двух часов. Я видела, что поваренки ставили на конфорку ужин. Они мне сказали, что он почти ничего не ел. В тот день, когда произнесен был суд на обвиненными 14 числа, приехал старый князь Лопухин и прочел государю весь лист. Государь купал в канавке своего терьера и бросал ему платок. Камердинер пришел ему сказать, что приехал князь Лопухин. Он сказал, что он направится в свой кабинет, а за ним Гусар. Я взяла платок и сдуру отдала его камердинеру[101].

Потом мы поехали говеть на Страстной в Петербург. Имп. Мария Феодоровна тоже говела. У нас в Аничкове служил протоиерей Музовский, который был законоучитель в⟨еликой⟩ к⟨нягини⟩ Александры Федоровны, а духовник был старый протоиерей Криницкий. Мы все были в белом, тут был весь штат нового двора — адъютанты Владимир Федорович Адлерберг, Василий Алексеевич Перовский, Александр Александрович Кавелин, все люди и конюхи, которые были при государе 14-го числа. Прежде подошла к причастию Мария Феодоровна, потом моя государыня, государь на руках нес меньших детей. Это было так трогательно, что я расплакалась; потом государь приобщался, он во всю обедню пел с певчими. У него необыкновенное ухо. На Страстной неделе были утром часы и вечером. Наследник и Мария Николаевна присутствовали. Государь очень любил «Вкусите и видите», музыку Sarti. Sarti приехал в Россию по вызову имп. Елисаветы Петровны, которая очень любила музыку. Ты, может быть, не знаешь, что она влюбилась в придворного певчего Кирилла Разумовского[102] и вышла за него замуж, но не имела детей, а княжна

[221*] Это было самое красивое дитя на свете ⟨...⟩ «Оли, вот мои новые фрейлины» ⟨...⟩ «Это мило, вот так-то и простужаются. Подите согрейтесь и вымойте ноги водкой» ⟨...⟩ Я пришел посмотреть, послушалась ли ты меня».

[222*] — Расскажи мне, как ты познакомилась с кузеном.
— Потом, душенька, это так скучно.

[223*] Какой у тебя усталый вид.

Тараканова просто авантюрьерка, которая выдавала себя за ее дочь. Дядя мой Николай Ив⟨анович⟩ Лорер попался тоже, как почти все офицеры 2-го корпуса, которым командовал Павел Дмитриевич Киселев[103]. Его выпускали гулять в маленький дворик у Алексеевского равелина, он видел черный крест и спросил у солдатика, кто там похоронен.— «Княжна Тараканова. Было наводнение и она погибла, ну так жаль ее могилку, мы по временам и ставим ей новый крест, но не велено выставлять имя». Кирилла Разумовский был честный хохол, у него было свидетельство, что он венчан с Елисаветой Петровной, но так как не было прямых наследников, то, во избежание какого-нибудь беспорядка, он в присутствии Воронцова и третьего лица разорвал этот акт и сжег его. Николай Ив⟨анович⟩ мне рассказывал, что Разумовский сохранил все свои привычки за обедом со своей прислугой как с челядью. Он уезжал очень поздно от государыни, и раз нашел, что его лакей Гришунька крепко спит, а шубы нет.— «А где же шуба?» Тот хватился: «Ваше сиятельство, ее вкрали, только не говорите камердинеру, он мне житья не даст».— «Не бойся, не скажу». Хоть и было холодно, сиятельный поехал домой. Когда камердинер спросил: «Грицко, а где же шуба?» — «Про то граф знае». А когда он спрашивал графа, тот отвечал: «Про то Грицко знае».

— C'est charmant.

— Oui, c'est charmant, comme tout ce qui est petite Russie, c'est toujours original au moins et comme les chansons sont jolies! Гоголь me citait souvent celles que je ne connaissais pas[224*]:

Увяли лози
При дорози,
С инесеньким свитом
Ходи казак по улици
В свитлой белой кошуленци[104].

— Ведь род Киселей казацкий, и я, право, хочу записаться в хохлы, казаки те же хохлы.

— Конечно. Гоголь удивительно как читает стихи и вообще великий актер; он очень любил русскую песню:

Пантелей государь ходит по двору,
Вахрамеич государь по широкому,
Шапка на нем соболья.

Il dit cela avec une expression très expressive[225*]. В Рождество в Малороссии обычай колядовать, т. е. Христа славить по вечерам, одна из этих коляд говорит:

Небеса растворились
И все ангелы поклонились.

[224*] — Это прелестно.

— Да, это прелестно, как все малороссийское, это всегда по меньшей мере оригинально, а как прекрасны песни! Гоголь часто приводил мне те, которых я не знала:

[225*] Он говорил это очень выразительно.

Гоголь ne connaissait pas Щепкин qui est aussi petit Russien, mais de Курск[226*], там черкасы и ходят тоже с чубами. Он был крепостной графа Волкенштейна, который очень любил театр, он заметил, что маленький Мишка умен и проворен, и отдал его учиться у дьяка, тот, конечно, начал с псалмов. Однажды Щепкин его спросил: «Для чего эти точки и запятые?» Тот его ударил по голове: «Ах ты, дурень, не знаешь! Щоб дух переводить» После Щепкин играл на домашнем театре Волкенштейна при курском дворянстве. Гоголь встретил Щепкина на Никольской в лавке Ферапонтова, узнал по выговору, что он хохол, и Гоголь ему сказал: «Гей, чи живи, чи здорови вси родичи гарбузови?» Тут они сошлись и остались навсегда друзьями[105], и, конечно, никто лучше Щепкина не играл в его комедиях.

В Малороссии жена — хозяин и хозяйка дома, что и выражается в одной песне:

Мужик сияв жито,
Жинка каже: мак.
Нехай так, нехай так,
Нехай жито буде мак.

Мужик поймав щуку,
Жинка каже: рак,
Нехай так, нехай так,
Нехай щука буде рак.

— Что такое нехай и жито?

— Жито — пшеница, а нехай — пусть будет так. Есть и заунывные, я пропою:

Не ходы, Грицю, тай на вечерницю,
На той вечерници дивки чаровници.

— Ах, какой милый голосок, точно птичка-чаровничка!

— Щепкин очень хорошо рассказывал один анекдот. В Малороссии нескончаемые степи, пастухи (там их называют овчарами, потому что они стерегут огромные стада овец), испанских овец развел некто Вазар, выписанный тоже Ришелье. Эти пастухи живут очень далеко один от другого, и месяц за месяцем проходит, они в своих шалашах спят, когда подпасок сторожит стадо. В города они редко ходят. Однажды один овчар встретил другого. «Здорово, Грицко!» — «Здорово, Сидорко!» — «Пора богу молиться, помандруем в город (т. е. пойдем)».— «Помандруем» — и пошли. Но Грицко говорит: «Иди ув перед, я забув свою тавлинку (т. е. табакерку)». Тот и пошел в город, видит, что народ идет в церковь и звонят. Он спросил у старухи, указывая на колокольню: «Що се таке?» — «Дурень, то ж звинилочка». Вошел в церковь, видит плащаницу и спрашивает: «Що се таке, длинная, протяглая?» — «Дурень, а то ж Христос, неж ты не знаешь, що жиды Христа распяли?» — «Ах, они, бисовы дети!» Вышел из церкви, пошел в шинок и начал пить. Грицко пришел и видит, что он заливается горькими слезами. «Що ты плачешь?» — «Пий, говорю тоби, жиды Христа распяли!» — «Ах, воны, бисовы дети, а кого же возьмут за Христа?» — «Николая Чудотворца».— «А що вин — хорош?» — «Хорош, тильки з москалями дюже руку тяме». Это Котляревский рассказывал у генерал-губернатора князя Репнина за обедом.

226* не знал Щепкина, который тоже малоросс, но из Курска

Государь был очень недоволен оренбургскими казаками, которые бунтовали (их послали на Кавказ) и спросил Репнина, не может ли он указать ему верного есаула из днепровских казаков, чтобы их отвезти туда. Государь с ним говорил, и тот ему сказал: «Будь покоен, государь, не сослужим таку службу, як твои москали». Это слово неприятно поразило государя и доказало, как сильно нерасположение хохлов к кацапам, т. е. бородатым. Вот ты — кацап с своими бакенами, но ты добренький кацап.

— Скажи, пожалуйста, вы часто ссорились и бранились в институте?

— Там не позволено было говорить дура, а говорили противная, а самое ужасное было, если скажут — не забудьте, что вы сделали пушку при учителе.

— Неужели вы не знали настоящего названия этого грешка?

— Вероятно, знали, но так было принято. Не знаю, как это случилось, но бедная Шторх сделала пушку и так сконфузилась, что сказала: «Право, это не я».— «Да я вас и не обвиняю, г-жа Шторх». Мы все покраснели. «Mesdames, какой стыд».

Плетнев нам читал «Онегина», и когда он говорил «и панталоны, фрак, жилет», все шопотом сказали: «Mesdames, какой, однако, Пушкин индеса»[227*]. Ты знаешь, что государь, только что воцарился, вызвал Пушкина в Москву и сказал ему, что он надеется, что он переменит свой образ мыслей и взялся быть его цензором. Государь цензуровал «Графа Нулина». У Пушкина сказано: «урыльник». Государь вычеркнул и написал «будильник». Это восхитило Пушкина. «C'est la remarque de gentilhomme»[228*]. А где нам до будильника, я в Болдине завел горшок из-под каши и сам его полоскал с мылом, не посылать же в Нижний за этрусской вазой». Государь тоже цензуровал последние главы «Онегина».

— Все это не при мне писано.

— Я очень удивилась, когда раз вечером мне принесли пакет от государя, он хотел знать мое мнение о его заметках. Конечно, я была того же мнения и сохранила пакет, il y a cette magnifique paraphe[229*] и в его почерке виден весь человек, т. е. повелитель[106]. А теперь довольно, я устала.

Сашка объявил, что господин Танке с супругой и дочерью желают засвидетельствовать свое почтение.— «Проси». Они вошли, все в том же костюме. Я встала и просила их сесть.

— Мы непременно хотели вас благодарить за указание Баден-Бадена: место очаровательное. Мы ходили в старый замок, эхо там удивительное, повторяло слово в слово стихи Сашеньки. Я в первый раз в жизни слыхал эхо.

— Да, оно точно удивительное. Позвольте вас познакомить с господином Киселевым, первым секретарем русского посольства в Париже.

— Я, кажется, имел удовольствие вас видеть у старого замка и удивился памяти вашей дочери. Она почти всю оду «Бог» Державина знает наизусть.

227* От *фр.* indécent — непристойный.
228* Это замечание джентльмена.
229* там этот великолепный росчерк

— Очень приятно с вами познакомиться. Мы для единственной нашей дочери ничего не щадили и по нашим средствам доставили ей воспитание. Теперь мы едем в Россию, как ни мило и приятно за границей, но душу тянет в родную землю. Наконец, пора устроить судьбу нашей дорогой Сашеньки, все, что наше, ей принадлежит. Мы ей уступим весь дом, и нам, старым людям, довольно двух комнат. Если Господь продлит наши дни и благословит ее брак, моя старушка будет няньчить ее детей.

— Ах, папенька, я не хочу с вами расставаться.

— Мы не расстанемся, друг мой, но судьба девушек выходить замуж и основать новую семью.

— Вы совершенно правы, и надеюсь, что найдете ей супруга по сердцу и достойного человека.

— Конечно. Но где же ваш супруг?

— Он гуляет, я ему передам ваше желание его встретить.

После этого они ушли.

— Киса, что ты смеешься?

— Смеюсь и удивляюсь, что ты умеешь говорить с людьми их языком.

— Вот и у Танковых своя душевная поэзия, они очень счастливы и, вероятно, в своей скромной доле она будет счастливее меня, они не видят, что их Сашенька дурна и смешна, Константин Аксаков поехал в Киев и на последней станции Бровары он слышал песню, которую и записал. Девушка утешала своего возлюбленного, за которого не могла выйти замуж. Песня длинная, но конец прекрасный:

Чи моя недоля,
Чи твое несчастье.

— Comme c'est joli, je puis dire aussi

Чи моя недоля,
Чи твое несчастье.

Dis-moi franchement, m'aurais-tu épousé pauvre comme je suis?

— Sans hésiter, si je t'avais connu comme je te connais à présent. Quand on s'aime, la pauvreté materielle n'existe pas à ligne de compte.

— Tu le crois, à P<eters>bourg je n'avais donc que quatre mille roubles gagne. Mon frère Paul m'a équipé, ainsi que Михайлу, m'a donné une pelisse, loué et payé d'avance mon logement et l'a fait tous les ans, mais il n'a jamais voulu me donner de l'argent et m'a dit: «Приучайся к лишениям, не делай долгов, я начал как ты, довольствовался жалованьем, а теперь живу по чину, но одним жалованьем».

— Je n'aurais pas été si pauvre, on donne aux D<emois>elles d'honneur 12000 rb. papier приданого et l'Impératrice donne подвенечное платье et la robe du lendemain, la mienne était en dentelle russe sur du rose et un chapeau rose. J'aurais dépensé 6000 roubles pour le linge et toilettes. Павел Дмитриевич t'aurait fourni la vaisselle et un logement de 5 pièces на Фурштатской. La grande dépense c'est les couches, mais il est plus que probable que je n'aurais pas eu le malheur d'avoir un trop grand enfant. Pour un ou deux ans de gêne, je ne me serais pas bêtement gêné avec le Diable boiteux, j'aurais tout dit à

l'Empereur, mes frères auraient eu Adamovka et l'intérêts de son capital. J'aurais demandé à l'Empereur de te nommer comme agent diplomatique à Odessa, à cause de commerce il y a des consuls de toutes les nations et nous aurions passé notre temps entre Odessa et Adamovka.

— И будем ездить на Янгакраки, parce que je compte avoir des enfants avec toi[230*], ты будешь моя жинка, будешь растить, делать, что хочешь, а я буду повторять: нехай так, нехай так, нехай Киса будет дурак.

— Tu m'aime so ganz fertig — а это не будёт, не будёт.

— Qui dit cela?

— Langeron. Il est distrait et parle haut quand il est tout seul. Comme l'Empereur etait mécontent de Wittgenstein, il s'associait de confier l'armée à un autre, mais le choix n'etait pas encore fait. Le soir Langeron se promenait dans sa tente et son aide de camp Трегубов на Одесской l'a entendu dire: «Генерал-фельдмаршал всех российских войск граф Ланжерон, ma foi, cela sonne bien, mais не будёт, не будёт». Le lendemain Дибич a été nommé, l'Empereur a appris ce que disait Langeron et lui a dit: «Mon cher Langeron, не будёшь, не будёшь. Дибич est plus aîné. Je vous envoye à venir à P⟨eters⟩bourg où nous aurons le plaisir de vous voir souvent». A Odessa il avait des distractions les plus amusantes. Pouchkine m'a raconté qu'un jour il donnait un grand dîner au négoce d'Odessa, et comme il n'a aucun ordre, et vit au-delà de sa fortune, il leur disait: «Si l'Empereur n'augmente pas mes gages, je n'aurai pas de quoi donner les cotelettes à ces canailles-là». Un fou rire a accueilli ces paroles[231*].

— Mais j'ai cru que Pouchkine n'a été que du temps de Worontzoff.

— Il est resté encore, mais peu de temps, de Langeron. Ты знаешь ли, что он сказал об Одессе — зимой грязища, а летом песочница. Его Ворон-

---

[230*] Как это мило, я тоже могу сказать ⟨...⟩ Скажи мне откровенно, вышла ли бы ты замуж за меня, бедняка?

— Без колебаний, если бы знала тебя, как теперь знаю. Когда любят друг друга, бедность не идет в расчет.

— Поверишь ли, в Петербурге у меня было всего четыре тысячи рублей жалованья. Мой брат Павел экипировал меня и Михайлу, подарил мне шубу, снял и оплатил заранее мою квартиру и делал это каждый год, но он никогда не желал давать мне деньги и говорил мне: ⟨...⟩

— Я была бы не так бедна; фрейлинам дают 12 000 руб. асс. приданого, а императрица дарит ⟨...⟩ и туалет на следующий день: мое было из русских кружев на розовом с розовой шляпой. Я истратила бы 6000 руб. на белье и туалеты. ⟨...⟩ снабдил бы тебя посудой и квартирой из 5 комнат на Фурштатской. Большой расход это роды, но вполне возможно, что я не имела бы несчастья родить слишком большое дитя. Через год или два стеснений я не стеснялась бы так глупо хромого черта, я все сказала бы императору, мои братья получили бы Адамовку и проценты с ее капитала. Я попросила бы императора назначить тебя дипломатическим агентом в Одессе (в связи с торговлей там есть консулы из всех стран) и мы проводили бы время между Одессой и Адамовкой.

— ⟨...⟩ а так как я рассчитываю иметь с тобой детей ⟨...⟩

[231*] — Ты любишь меня так совершенно (*нем.*) ⟨...⟩

— Кто это говорит?

— Ланжерон. Он рассеян и говорит вслух, когда один. Так как император был недоволен Витгенштейном, он задумал поручить армию другому, но выбор не был еще сделан. Вечером Ланжерон прогуливался по своей палатке и его адъютант ⟨...⟩ слышал, как он говорил: ⟨...⟩ право, хорошо звучит, но не будёт не будёт». На другой день

цов не любил, потому что он был дружен с Раевским, qui n'était que trop bien avec sa femme; il a expédié Pouchkine à Bessarabie lui ordonnant de faire un rapport sur les déserts de la саранча. Ces affreuses sauterelles qui dans l'espace d'une heure dévorent les plus belles récoltes, la terre se couvre d'une croûte noire et pesante, parce qu'elles crèvent, on dit qu'après tout c'est un bon engrais. Pouchkine a fait son rapport[232*]: «Саранча сидела, сидела, все съела и улетела» [107].

— Какой плут, я этого не знал.

— Он называл графиню Воронцову «La Comtesse de Бельветрило» [108]. Тогда в Одессе случился скандал, там жила генеральша Лотерн, рожденная Брюс, красивая шведка. Старик Сухтелен, наш посланник, очень любил хорошеньких девушек. Он женил своего адъютанта финляндца Лотерна на этой Брюс. Брунов в нее влюбился, а муж ее не любил шутить и сказал Брунову: «Я развожусь с женой, ты должен на ней жениться». Тот начал отнекиваться, но Лотерн показал ему пистолеты, что вовсе ему не понравилось: он хотел сделать карьеру[109]. Когда кончилась война в 1830 году государь хотел послать безграмотного Алексея Федоровича Орлова в Адрианополь. Воронцов, зная Орлова, предложил ему взять Брунова для редакции знаменитого договора в Ункияр Скилесси.

— Это я все знаю наизусть по канцелярским архивам.

— Мне еще рассказывали Попандопуло анекдот Ланжерона. Какая-то мадам Tropoli приехала просить его помочь ей в процессе по имению под Балтой. Он очень любил свою моську и начал в рассеянности гладить Tropoli по подбородку, повторяя «Моська, о моська!» — «Mr le Comte, mais je ne suis pas Моська et je vous prie de faire attention à mon affaire».— «Oui, oui, cela s'arrangera, о Моська, о Моська». L'Empereur Alexandre a logé chez lui et couchait dans son cabinet de travail, celui-là avait l'habitude de l'enfermer et de prendre la clef. Après dîner l'Empereur avait l'habitude de faire un sommeil d'une demi-heure et plus, il se reveille et veut sortir, ni, ni, no, no, il n'y avait pas de sonnette, le vieux fou avait oublié l'Empereur et se promenait tranquillement. Il rentre enfin, ouvre la porte et dit: «Et que faites-vous ici, votre Majesté?» Comme de raison, cela a fini par des rires. Il a épousé la fille d'un banquier Mlle Brimmer, très belle, mais une créature sans éducation et sans manières. Le G⟨rand⟩ Duc Michel lui dit: «Où avez-vous pêché cela?» — «Pardi, Monseigneur, où pêche-t-on si ce n'est dans la mer Noire». Elle lui

---

был назначен Дибич. Император узнал, что говорил Ланжерон, и сказал ему: «Мой милый Ланжерон, не будёшь, не будёшь». Дибич старше. Я посылаю тебя в Петербург, где мы будем иметь удовольствие часто тебя видеть». В Одессе у него были самые забавные случаи рассеянности. Пушкин рассказывал мне, что он однажды давал большой обед одесским коммерсантам, а так как он человек беспорядочный и жил сверх своих средств, он им говорил: «Если император не увеличит мое жалованье, у меня не будет средств кормить котлетами этих каналий». Эти слова были встречены громким хохотом.

232* — Но я думал, что Пушкин был только во времена Воронцова.

— Он оставался еще недолго при Ланжероне. ⟨...⟩ который был чересчур хорош с его женой; он отправил Пушкина в Бессарабию, приказав ему сделать доклад об опустошениях саранчи — этих ужасных насекомых, которые за час уничтожают самый лучший урожай, земля покрывается черной, тяжелой коркой, потому что они дохнут; говорят, что в сущности это хорошее удобрение. Пушкин сделал свой доклад:

rendait la vie dure dans P⟨eters⟩bourg et le gênait dans ses rapports — он всякий день ко мне таскался, узнавал, кто был на вечере и заходил к фрейлинам Пущиной и Беклешовой — две петые дуры. У Пущиной была моська, на которую она была похожа. Это были приятельницы Ланжерона, он их усадит в свою наемную дребезжалку и говорит: «Elle sera heureuse avec ces deux ennuyeuses, il n'y a que la лежанка qui lui manque». Elle détestait la Princesse Moustache Golitzin parce que Langeron y allait souvent et qu'elle ne lui avait pas fait sa visite; la Moustache ne sortait jamais, elle jouait avec d'invités intimes en Whist, elle avait une position exceptionelle, à son jour de naissance toute la famille I⟨mpéria⟩le allait la féliciter и нам всем приказано было туда ездить, le Grand Duc Michel disait: «Elle répète toujours: ces maudits Français m'ont derangé des nerfs», elle a fui de Paris en moment de terreur[233*][110].

— Да что ей — сто лет?

— Конечно. Вечером был бал и мерзейший ужин, crème foutue avec de la vanille et l'on disait: «Moustache a fait sa barbe ce matin»[234*]. Который час?

— Скоро пять, пойдем руки мыть.

Благоверный пришел и Киселев, мы обедали втроем.

— Nicolas, Tanke ont beaucoup regretté de n'avoir pas pu[235*] засвидетельствовать свое почтение.

— Вот еще, навязала мне Танке и какую-то Бетюну.

— Не беспокойся, Танке уедут сегодня, а я отнесу твои и мои карточки Бетюнам.

— А у меня нет с собой карточек.

— Это ничего, я напишу на бумажке avec le regret de n'avoir trouvé la Princesse.

Мы обедали втроем, rouge, noir, pair, impair, passe, rouge gagne, le jeu est fait, rien ne va plus[236*]. Знаете ли, что martingale отличает, мы сегодня вечером ее подобьем, а утром только колем на карточке.

[233*] Г. граф, но я не Моська и прошу вас обратить внимание на мое дело.— Да, да, это уладится ⟨...⟩ Император Александр жил у него и спал в его кабинете, а тот имел привычку запирать его и брать с собой ключ. После обеда император имел обыкновение вздремнуть полчаса и более, он просыпается и хочет выйти, ни-ни, но-но, сонетки нет, старый сумасшедший забыл про императора и спокойно прогуливается. Он, наконец, возвращается, открывает дверь и говорит: «А что вы здесь делаете, ваше величество?» Разумеется, все это кончилось смехом. Он женился на дочери банкира, мадемуазель Бриммер, очень красивой, но без всякого образования и манер. Великий князь Михаил сказал ему: «Где вы это выловили?» «Черт возьми, монсеньор, где же ловят, как не в Черном море». Она создала ему тяжелую жизнь в Петербурге и мешала его отношениям с людьми — ⟨...⟩: «Она будет счастлива с этими двумя скучными дамами, ей нехватает только лежанки». Она ненавидела княгиню Мусташ Голицыну, потому что Ланжерон часто у нее бывал, а та не отдавала ему визитов; Мусташ никогда не выезжала, она играла с интимными гостями в вист, у нее было исключительное положение, в ее именины вся императорская фамилия ездила ее поздравлять ⟨...⟩, великий князь Михаил говорил: «Она всегда повторяет: эти проклятые французы расстроили мне нервы», она бежала из Парижа во время террора[110].

[234*] проклятый крем с ванилью, и говорили: «Мусташ брилась сегодня утром».

[235*] — Николай, Танке очень сожалели; что не смогли ⟨...⟩

[236*] с сожалением; что не застали княгиню. ⟨...⟩ красное, черное, чет, нечет, прошлое, красное выигрывает, игра сделана, ставок больше нет.

— А я тебе советую всегда только колоть, оно вернее.

— Опять пошел с советами.

— Не забудь, что ты обещал графине Нессельроде не ставить более ста фр⟨анков⟩.

— Она не понимает игры. Отчего сегодня перловый суп, а не щи?

— Нельзя же всякий день щи, зато будут пирожки с капустой.

— Знаете ли, А⟨лександра⟩ О⟨сиповна⟩, что le boeuf bouilli est une des choses les plus difficiles à faire et celui-là est très bien réussi et les lentilles sont excellentes[237*].

— А по-моему это дрянь, мне подавай или котлету или битки.

— Ты на своих игорных вечерах надоел со своими котлетами. Ферзен жалуется, что твой ужин прегадкий, и все одно и то же. Стоил ли держать Rousselet?

— А мне что за дело! Я очень жалею нашего старого русского повара, его суп с клецками, говядину с гарниром — это Сашенька выдумала, что надобно взять француза.

— C'est l'usage à P⟨eters⟩bourg et quand on tient comme vous à tenir maison, il faut bien s'y soumettre[238*].

После жаркого с салатом и компота он улегся и заснул. Мы с Кисой молчали. Он мне шепотом сказал: «Поцелуй меня».— «Ты с ума сошел, этого не будет, не будет».

Проснувшись, Н⟨иколай⟩ М⟨ихайлович⟩ пробормотал что-то и поминай как звали до 12 часов. Мы еще рассматривали альбом.

— Кто этот толстый генерал с шишкой на лбу?

— Это брат императрицы Марии Феодоровны, он заведует les ponts et chaussées, а великий князь Михаил Пав⟨лович⟩ называет его mon oncle le grand pontife[239*] [111].

— А это кто?

— А это великий князь в Мариенбаде в штатском платье.

— Расскажи мне, как ты познакомилась со Смирновым.

— Тебе все нужно знать, что прескучно и совсем не интересно. Мать Долгорукова Дышки приехала с дочерью в Питер, чтобы там пристроить свою некрасивую дочь, и наняла, кажется, дом Копылова. Тогда было такое заведение, что без фрейлинства не было бала. Она как-то познакомилась с нашими чердаками, дала легкий пробный вечер. Тут я впервые узрела тоненького белокурого господина в белых «летописях», зеленой veste de chasse et une rose à la boutonnière[240*]. Это было весной. Он вертелся в вальсе как юла и беспрестанно ко мне подлетал pour un tour de valse[241*]. Я танцевала с Рудольфом Кантакузиным, которого знала в детстве. Его отец

[237*] отварная говядина — одна из самых трудных вещей, а эта очень хорошо удалась и суп великолепен.

[238*] — Так принято в Петербурге, и когда живешь домом, как ты, надобно его хорошо поддерживать.

[239*] путями сообщения, ⟨...⟩ мой дядя первосвященник [111] (игра слов: pontife — первосвященник, pont — мост).

[240*] охотничьей куртке и с розой в петлице.

[241*] на тур вальса.

командовал какими-то казаками в Одессе. Я ему сказала: «Qui est ce Mr qui sans m'avoir été présenté veut me déranger, cela m'amuse».— «C'est un Mr Smirnoff qui vient d'arriver de Florence, il est dans la diplomatie». Когда он опять подошел, Рудольф ему сказал: «Mr, mademoiselle Rossett est fatiguée et je réclame aussi ma part de danser» [242*]. Потом я его потеряла из виду и забыла о его существовании. Зимой я была нездорова. Арендт сказал, что у меня печень действует на нервы и советовал мне ехать в Ревель и купаться в море. Карамзиных я уж хорошо знала, они жили против Владимирской церкви. Что ты вздыхаешь, и это не в первый раз?

— Ничего. Я тебе уж сказал, что мне суждено вздыхать очень часто и, пожалуйста, не спрашивай.

— Я у них обедала, после обеда пришел Фирс Голицын, которого мы называли дергалка, у него сильный тик в шее. 14 числа по календарю Фирса и его взяли в этот день, полагая, что он принадлежал к числу декабристов. Где ты был?

— В Петербурге, но ничего не видел, но продолжай.

— Пришел Пушкин, которого я прежде видела у Elise Хитровой на маленьком вечере. Тогда Fiquelmont женился на ее старшей дочери Dolly, т. е. просто Дарье, давала большие вечера. Elise гнусила, всегда была очень décolletée [243*], чесала свои черные волосы à l'enfant [244*] под гребень и делала вечерние визиты в белом платье, тюлевом шарфе, белых лайковых перчатках, коротеньких pour faire valoir un beau bras, très blanc и носила на руке часы на георгиевской ленте: «C'est la montre de mon père le maréchal Koutouzoff» [245*]. Утром она была в черном, а вечером в белом в знак траура по Хитрову, второму мужу, которого она обожала, а первого, графа Тизенгаузена, она совсем не любила. Она очень любила Пушкина, и он ее. Она премилейшая персона. Ваш Пушкин после бала написал стихи [112]:

Нынче Лиза en gala
У австрийского посла.
Не по-прежнему мила,
Но по-прежнему гола.

Она вовсе не оскорбилась. К ней ходил тоже Филипп Филиппыч Вигель, который вечно всех ругал, а особенно Пушкина [113], потому что Пушкин говорил, что рифма к Вигель — портной Фригель и что Вигель — черт знает что. А Соболевский еще лучше его характеризовал:

Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
Как жалка судьба твоя:

[242*] «Кто этот господин, который, не будучи мне представленным, желает меня беспокоить, это меня забавляет».

— Это некий г. Смирнов, он только что приехал из Флоренции, он дипломат» ⟨...⟩ «Мсье, мадемуазель Россет устала, и я тоже требую своей очереди с ней танцевать».

[243*] декольтирована

[244*] по-детски

[245*] чтобы можно было оценить красивую, очень белую руку ⟨...⟩ «Это часы моего отца, маршала Кутузова».

По-немецки ты — швейнигель,
А по-русски ты свинья [114].

— Так мой приятель Сергей Александрыч пописывает стихи?

— Как же, у меня их целая коллекция, он и мне написал стихи [115]:

Не за черные очи,
Не за пышные плечи,
А за умные речи
Обожаю я вас.

— Я в Париже увижу эти пышные плечи, я уж их угадываю по этим соблазнительным рукам, когда раскроется рукав.

— Ах, не увидишь, ты не ездишь на балы.

— Ты даже простонародные слова употребляешь, нарочно поеду на бал, да, вероятно, увижу их у посла за обедом.

— Вот еще стихи Соболевского на Marie Zeebach:

Лев Карлович Зеебах,
Женившись на уроде,
Живет себе на хлебах
У графа Нессельроде.

— Est-ce que Madame est vraiment si laide?

— Elle a le front très bombé, elle est très fatte et elle minaude ce qui la rend ridicule. Elle a la gorge si faite qu'on l'appelle «огромные сфинксы», allusion aux sphinx apportés d'Egypte par le Бельведерский Митрофан, qu'on a placé vis-à-vis de l'Academie des arts et on a eu la bêtise d'écrire «огромные сфинксы» etc.[116]

Il y a un comte Kochoubey qui a l'air plus sale qu'il ne l'est, c'est un homme très instruit et de grande vertu; Sobolevsky a fait des vers sur lui [246*]:

Подбородок в саже,
Сажа в подбородке.
Что может быть гаже
Графа Безбородки.

— А знакомство с Н‹иколаем› М‹ихайловичем›?

— Подожди, батюшка, я теперь кончу с Соболевским. Барон Александр Казимирович поехал в Москву и прибрал ее и Соболевский написал стихи:

Везомый парой, а не паром,
Москву изъездил Мейендорф.
Он ей сказал про соль и торф.
Поверила Москва-столица

Церквей что сорок сороков,
А эти сорок сороков
Лишь только ноль и единица
К числу бессчетных дураков [117].

[246*] — А что, мадам действительно так уродлива?

— У нее очень выпуклый лоб, она очень тщеславна и жеманится, что делает ее смешной. У нее так устроена шея, что ее называют ‹...›, имея в виду сфинксов, которых привез из Египта ‹...›, которых установили напротив Академии художеств и имели глупость написать ‹...› и т. д. Есть такой граф Кочубей, который выглядит грязнее, чем он

Мейендорфа очень занимал кружок славян.

— Что такое кружок славян?

— К числу московских славян принадлежит Хомяков, семейство Аксаковых, Самарин и профессора Погодин и Шевырев, они против западного просвещения и не любят Петра Великого.

— Неужели они хотят допетровской Руси?

— Нет, не совсем, но они против насилия Петра, ведь он все-таки вводил просвещение из-под палки. Они носят архалуки, вместо шляп мурмолки, все они православные. Их в глазах государя очернил подлец московский генерал-губернатор Закревский [118], которого называют даже в Петербурге Чурбан-паша — он говорит, что эти славяне — либералы, а они, напротив, говорят, что в России немыслимо другое правление, как монархическое. Ils sont cependant niconiques, parce qu'il démanda la liberté de la presse [247*]. Так как Самарин древнего столбового рода и богаче других, Мейендорф его прозвал: le Prince Royal des Slaves [248*]. Под Новый год брат мой Клементий был у Василия Ив⟨ановича⟩ Мещерского, кто-то сказал: «Que font les Slaves dans ce moment?» Клема отвечал: «Ils cherchent midi à 14 heures».

— C'est charmant [249*].

— Московский митрополит, говорят, собирается переделать весь мир на славянский лад.

— Так и он острит?

— Да еще как, но потом он все тушует каким-нибудь серьезным и назидательным словом.

— Однако, сударыня боярыня, извольте продолжать о знакомстве с Н⟨иколаем⟩ М⟨ихайловичем⟩.

— Да, где бишь я остановилась? Да, Пушкин вынул тетрадь в лист и начал читать свою лучшую поэму «Полтаву». Он читал так плохо и вяло, что много красот я только после оценила, c'est magnifique, так прекрасно описание украинской ночи, любовь молодой красавицы, дочери Кочубея, к старому Мазепе, от которого ее отец погибает на плахе. Одним словом, c'est un chef-d'oeuvre. Je n'ai pas les oeuvres de Pouchkine avec moi, tu les trouveras dans notre maison. Il a voulu que je dise mon opinion, et j'ai bêtement dit que c'était très bien [119]. Le soir j'ai appris que Madame Karamsine allait passer l'été à Rheval, et l'ai prié de me prendre avec elle; comme de raison, elle a tout de suite consenti. On m'a donné 2000 roubles et une voiture à quatre places [250*]. Мы поехали на почтовых. Дорога очень хорошая, началась Эстляндия, станция Пунгерн и, наконец, Ревель. Мы прямо подъехали на

есть, это очень образованный и добродетельный человек; Соболевский написал на него стихи:

[247*] Они, однако, никонианцы, потому что он потребовал свободы печати.

[248*] Принц крови у славян.

[249*] Что в эту минуту делают славяне? ⟨...⟩ Ищут вчерашнего дня.— Это мило.

[250*] это великолепно ⟨...⟩ это шедевр. У меня нет с собой сочинений Пушкина, ты найдешь их у нас в доме. Он хотел, чтобы я сказала мое мнение, и я глупо сказала, что это очень хорошо [119]. Вечером я узнала, что госпожа Карамзина едет на лето в Ревель, и просила ее взять меня с собой; разумеется, она сейчас же согласилась. Мне дали 2000 рублей и четырехместную карету.

дачу Клеманса, так называемый Сахарный завод. Утром Катерина Андреевна ходила гулять к развалинам Brigitten Closter, или по полям к деревне барона Делинсгаузена. Старший сын Андрюша страдал глазами, и Сонюшка и я, мы ему читали «L'Histoire des Croisades»[251*], но вдруг его мать запретила мне к нему ходить. Бедный мальчик влюбился в меня и д-р Винклер сказал, что это вредно для его здоровья. Я, конечно, ничего не понимала. У них был гувернер француз Mr Thibaut, который занимался с Александром и Николенькой. Меньшой Володька был прескверный мальчишка, меня просила Катерина Андреевна гулять с ним и сестрой его Лизой, премилой и кроткой девочкой, он всячески старался ее обидеть словом или делом. Раз нам встретился в уединенном месте прегадкий человек, небритый, в халате и босой, и просил милостыню. Я его спросила, он отвечал: «Я — бродяга». Я испугалась, схватила Лизаньку за руку и побежала домой. Вяземский просил меня ему писать, я написала, что в Ревеле мне приятно, но что есть бродяга, которого я боюсь. С тех пор Вяземский все шутил на этот счет. Жуковский говорит, что русская шутка только тем и хороша, что повторяется.

Общество было очень приятное. Всякий вечер бывала Марья Христофоровна Шевич, сестра кн. Ливен, с дочерью Alexandrine, предурной собой, молчаливой, но in petto[252*] она была остра и насмешница, бывал адмирал Спафарьев, который меня очень полюбил и называл «милая особка».

— J'adopte[253*] «милая особка».

Был всякий вечер граф Евграф Комаровский, qui avait le rage de faire des réflexions sur toute chose и Alexandrine Schevitch его называла «le comte Commentaire». Вдруг явился мой троюродный брат Евгений Штерич и с ним Н‹иколай› М‹ихайлович›. Старуха Шевич предобрая, любит оказывать свою протекцию всем. Она их представила Катерине Андреевне и всякий день Commentaire предлагал играть aux demandes et réponses. Я терпеть не могу jeux d'esprit. Je n'ai pas du tout à-propos. Alexandrine aux вопрос Комаровского: «Qu'aimez vous la nuit — une promenade à cheval ou avec un compagnon?» — la réponse a charmé tout le monde: «C'est selon la bête avec laquelle on la fait».

— C'est vraiment très spirituel, jouons aux questions et réponses — qu'aimiez-vous mieux d'une promenade à cheval ou avec un compagnon?

— A cheval, Monsieur, mais je suis condamnée à la faire avec[254*] Мураська altro Киска.

— Откуда у тебя берутся такие слова, ах ты, моя муза, хоть я не

251* «Историю крестовых походов».

252* в душе (*ит.*)

253* Принимаю

254* у которого была страсть рассуждать по любому поводу, и Александрина Шевич ‹...› «граф Комментарий». ‹...› «Комментарий» ‹...› в вопросы и ответы. ‹...› умственные игры. Я отвечаю совсем некстати.

«Что вы предпочитаете ночью: прогулку верхом или со спутником». Ответ очаровал все общество: «Зависит от животного, с которым ее совершаешь».

— Это действительно очень остроумно, давай играть в вопросы и ответы: что вы предпочитаете — прогулку верхом или со спутником?

— Верхом, мсье, но я обречена совершать ее с Мураськой, иначе Киской.

поэт. Мураська vient de Mosca et qu'y a-t-il de plus fidèle qu'un chien[255*].

— Откуда эти слова? Вот откуда.

— За это я поцелую тебя в лоб.

— А зачем в губы? Дрянь, я сказала, что не хочу.

— Que veux tu, c'est à cause de nos proportions géometriques.

— Que je n'entende plus parler de ces proportions inconvenables[256*]. Клеопатра уж мне советовала реже тебя видеть.

— А ты уж обрадовалась, поставишь бедного Кису в архив на верхнюю полку.

— Ах ты, канцелярская крыса. Вот мое знакомство с Н⟨иколаем⟩ М⟨ихайловичем⟩ где началось; через два или три года, в 1830 г., императрица советовала мне выйти замуж. Ей говорила Александра Петровна Волконская, дочь министра двора князя Петра Михайловича, что она его знала во Флоренции и очень его хвалила. С другой стороны, Катерина Андреевна мне сказала, что пора решиться, и он просит позволения со мной говорить, но я согласилась с тем, чтобы он спросил просто «Oui» ou «Non», вертелось на языке «Non», а сказала «Oui»[257*] — и даже не дала руки, а он полетел в Москву, где и сказал родным: «мое имя покроет неизвестность ее происхождения». Московская роденька выдумала, что отец мой был чуть ли не танцмейстер; невежды не знали, что отец Рибопьера убирал волосы Екатерины и что Chateaubriand делал в Англии салат и тем добывал насущный хлеб. Свадьба была грустная: у него посаженой матерью была его старая тетка Любовь Ивановна Безобразова и граф Толстой, женатый на ее дочери, у меня князь Петр Михайлович Волконский и гр. Нессельроде. Братья мои были шаферами. Я тотчас сделалась беременна, меня рвало целый день беспощадно. Я ела всякую дрянь, щи, кашу гречневую и редьку с конопляным маслом и готовила la layette[258*]. После родов нас послали в Берлин, и доктора советовали для укрепления ехать в Пирмонт, где железные сильные воды. Мы поехали зимой в четвероместной карете на полозьях — Н⟨иколай⟩ М⟨ихайлович⟩, его сестра, горбатая, но очень милая, добрая и приятная. Он храпел, а я с ней играла в пикет. Мы остановились в Берлине. Импер⟨атрица⟩ мне дала письма к королю и ее тетке, княгине Радзивилл. Elle était une cousine de Roi[259*]. Радзивилл тотчас меня поместил в живые картины, кажется, цыганкой. Я часто обедала у короля и была на его маленьких балах. Все было очень просто. В мою бытность умерла Elise, единственная дочь их. В нее был страстно влюблен принц Вильгельм, но король не хотел слышать об этом. Старший сын его был бездетен, и не было надежды на наследство. Принца послали в Россию, потому что он более других сестер любил нашу милую Александру Федоровну, а потом его женили на Веймарской принцессе Августе, меньшой сестре принцессы Клерич. Мы жили

255* Мураська происходит от Моська, а что вернее собаки?

256* Что ж ты хочешь, причина в наших геометрических пропорциях. — Чтоб я более не слышала об этих неприличных пропорциях.

257* «Да» или «Нет».

258* детское приданое.

259* Она была кузина короля.

50 Unter den Linden, и всякий день у нас обедали Озеровы. Roschen за столом лобызала Озерова[120] и говорила:

Lieber Mann,
Sei nicht böse
Mit deiner Rose[260*].

В Берлине я писала Вяземскому, que notre voyage dans les pays civilisés valait bien à une marche dans le désert: nous avions trouvé pour cité des bains comme ceux de nos paysans et pour nourriture des pommes de terre froides et un peu de sel. Il m'a repondu[261*]: «Ай да Александра Денисовна! Точь-в-точь в папеньку Дениса Васильевича Фонвизина!»[121] Он путешествовал во Францию и очень дельно критиковал правительство и фр⟨анцузские⟩ обычаи. Он был в Montpellier à l'ouverture des états quand on votait l'entretien du Roi, вернулся в Россию и напечатал свое путешествие. Он остановился у одной старушки и написал: «Старушка предобрая, но личико презлостное».

— C'est si drôle[262*]! И ты будешь старушка предобрая, а личико тоже будет презлостное[122].

— Нехай так, нехай так. А теперь довольно, мы сегодня трапезуем у графини Нессельроде, и пора готовиться к обеду.

Воспоминание издали[123]

В веселой резвости мила,
В тоске задумчивой милее.
Нет, вы не знаете ее,
Вы, кто на балах с ней встречались,
Кто ей безмолвно поклонялись,
Все удивление свое
В дар принося уму живому,
Непринужденной простоте
И своенравной красоте,
И глазок взору огневому.
Вы, кто слыхали, кто делили
Ее беседу, кто забыли
Забот и дел своих житье,
Внимая ей в гостиных светских!..
Кто сутно ее любил,
Кто в ней лишь внешний блеск ценил,
Кто первый пыл мечтаний детских
Ей без сознанья посвятил.
Нет — те ее не понимали,
Те искру нежности живой
И чувств высоких луч святой
В ее душе не угадали.
И вы, степенные друзья,
Вы, тесный круг ее избранных,
Вы, разум в ней боготворя,
Любя в ней волю мыслей странных,
Вы мните знать ее вполне?..
Вы мните — в скромной глубине
Ее души необъясненной
Для вас нет тайны сокровенной?..
Но вам являлась ли она,
Раздумья тайного полна,
В тоске тревожной и смятенной,
Когда в разуверенья час
Она клянет тщету земную,
Обманы сердца, жизнь пустую,
Когда с прелестных черных глаз
Слеза жемчужная струится,
Когда мечта ее стремится
В мир лучший, в мир ее родной,

260* Дорогой муж, не сердись на свою Розу (*нем.*).

261* что наше путешествие в цивилизованные страны стоит похода в пустыню: вместо помещения мы нашли бани как у наших крестьян, а вместо пищи — холодный картофель с солью. Он мне ответил:

262* Монпелье при открытии штатов, когда голосовали вопрос о содержании для короля ⟨...⟩ Это забавно!

Где обретет она покой?
Ее я помню в дни такие,
Как хороша она была!
Как дружба к ней меня влекла,
Как сердце взрывы роковые
Я сердцем чутким стерегла!
Нет! Не улыбки к ней пристали,
Но вздох возвышенной печали.
Нет! Не на сборищах людских
И не в нарядах дорогих
Она самой собой бывает...
Кто хочет знать всю цену ей,
Тот изучай страданье в ней,
Когда душа ее страдает!

Графиня Ростопчина, село Анна, апрель 1839 г.

«Est-elle jolie? Je n'en sais rien. Car comment analyser cette figure mutine, pleine d'esprit, dont un regard est une saillie, dont un sourire est une remarque. Gentille et mignonne, gracieuse et piquante, on la regarde en riant et on vient à se laisser captiver par son charme. Son esprit tout en jouie estfinement observateur, elle voit tout, et chaque observation prend le caractère d'une épigramme qui surgit d'une profondeur. Ses manières ont je ne sais quoi de pénétrant quoiqu'il y ait de la nonchalance dans son attitude. Elle est trop mobile pour n'être pas quelquefois inégale, mais ce léger défaut semble une grace de plus, car on aime à déchiffrer ce qui a pour un moment obscursi ce joli front. Elle a un tact particulier et un esprit d'analyse fort remarquable. On dirait que son imagination est kaléidoscopique, et de petits brins de quelque chose elle sait faire un tout lumineux et brillant. Il y a des moments où sa figure pleine de vie et d'intelligence semble rayonner. Elle met de l'esprit à tout ce qu'elle fait, à ces occupations les plus banales, c'est ainsi que si elle nuance une broderie — on voit au choix des couleurs un goût exquis, une imagination sans écart. Si elle s'occupe d'une simple couture, ces petits points si symétriques et bien rangés indiquent un esprit d'ordre et de régularité. Jolie mère des deux jolies jumelles qui semblent deux jolies empreintes d'un petit modèle charmant. Devinez.

Julie Stroganoff. Franzensbad, ce 11 août 1835[263*].

Другая предо мной дорога,
В походный дом сажусь.
Как жаль привычного порога,
Как жаль свою покинуть Русь!
Страшна не даль и не тревога,
Тоски немецкой не боюсь.

[263*] Красива ли она? Не знаю. Ибо как анализировать это шаловливое лицо, полное ума, взгляд которого — острота, улыбка — замечание. Миловидная и милая, грациозная и пикантная, на нее смотрят с улыбкой и сейчас же подпадают ее очарованию. Ее ум, такой радостный, тонко наблюдателен, она видит все, и каждое ее наблюдение носит характер эпиграммы, возникшей из глубины. В ее манерах есть что-то трогательное, хотя в поведении какая-то небрежность. Она слишком подвижна, чтобы не быть иногда неровной, но этот легкий недостаток кажется еще большей прелестью, потому что хочется узнать, что на мгновение омрачило это хорошенькое чело. У нее особенный такт и замечательно аналитический ум. Говорят, что ее воображение калейдоскопично, и из маленьких кусочков она умеет составить яркое и блистательное целое. Бывают минуты, когда ее лицо, полное жизни и ума, как будто светится. Она вкладывает ум во все, что делает, в самые банальные занятия, поэтому если она оттеняет вышивку, то виден в выборе цветов изысканный вкус, безупречное воображение. Когда она занимается простым шитьем, эти маленькие, столь симметричные и ровные стежки указывают на дух порядка и правильности. Красивая мать двух прелестных двойняшек, как будто слепков с прекрасного образа. Угадайте.

Юлия Строганова, Франценсбад, 2 августа 1835.

Дышать бы здешней мне прохладой
И уноситься по Неве
Иль там, где блещущей громадой
Кружится все, кружиться б мне.
Нет, нет! С баронной феодальной
Я сяду чинно и печально
Прослушать сказку о былом.
Ко мне дойдут, как песнь, былины,
Где русских гуслей слышен звон,
Как чудеса у нас творили
Царь Берендей иль князь Гвидон.

Плетнев, 26 декабря 1832 г.

На Музу и меня напали вы врасплох.
Ни сердце, ни мой ум, еще насморком сжатый,
Не приготовлены в прощальный час утраты
Поднесть вам грустный стих и задушевный вздох.
Не знаю, что сказать, не зная, не умея
Мысль наскоро одеть, убрать и расцветить,
Дать образ таинству, которым тихо зрею,
И чувство в мерный стих живьем заколотить.
В экспромтах никогда я не был парень ловкий,
Влюблялся иногда экспромтом — спора нет,
(И, кажется, вы в том дать можете ответ),
Но пел всегда моих красавиц с подготовкой.
Мне грустно, больно мне, мне душно на груди
И сердце налилось слезами, будто чаша,
При мысли той, что завтра вы — не наша,
Что долгая нас ждет разлука впереди.
Вот если эту скорбь глубокую, живую,
Хотите вы назвать поэзией: будь так!
Примите вы ее, как сердца дань немую
И преданных вам чувств простой и верный знак.

Полночь, января 17-го 1833. *Вяземский.*

— Ces vers de Wiasemsky sont charmants[264*]. «Дать образ таинству, которым тихо зрею» — это так хорошо выражает мое чувство. Не таю ли я в глубине души то, что вы не позволяете выражать?

— И совсем не нужно выражать. Это не первые стихи Вяземского. В Павловске в 1830 году, когда моя императрица уехала в Одессу, она меня поручила госуд⟨арыне⟩ Марии Феодоровне, мне кто-то дал стихи Вяземского, я помню только один стих: «И голос слаще Торкватовых октав». Я не знала его и не знаю, где он слышал мой голос[124], а помню, что едва проснувшись, я восхищалась пеньем иволги, просыпалась ровно в 8 часов, отворяла окно, потом мылась с ног до головы холодной водой, сама чесалась и гадкая раскольница Прасковья Михайловна меня одевала. Тогда жила во дворце Лунина, княжна Репнина со своей гувернанткой m-me Wilson, она вышла замуж за Кушелева-Безбородко, и Ярцева, всегда в старом черном салопе. Мы ее терпеть не могли. Она была дочь конюшенного офицера и задавала себе тон. Тогда явился пресмешной господин

[264*] Эти стихи Вяземского прелестны.

Миклашевский, он привез французские моды, из него в⟨еликий⟩ князь Константин Павлович сделал шута и советовал ему ехать в Петерб⟨ург⟩. Фирс Голицын садился на лодку с косой в руке и пел: «Le temps fait passer l'amour», а потом Миклашевский с крыльями сидел у руля и Голицын пел: «L'amour fait passer le temps»[265*]. Эти фарсы делались рано утром. Когда моя государыня поехала в Одессу, я была поручена имп. Марии Феодоровне, и с ней была как старшая Софья Гавриловна Моден и Урусова, эту цацу привезли с коронации из Москвы.

— Нет, это не по порядку, скажи что-нибудь еще о своей государыне.

— На Страстной неделе государыня мне прислала желтый репсовый хвост, серебром вышитый, и палевое платье, шитое серебром. В день ее именин 21 апреля мне выдали жалованье вперед, я купила белые атласные башмаки, перчатки и пунцовую розу, я и хотела и не знала, как приладить пунцовую розу. Наконец была готова и со страхом отправилась в большую залу, уже наполненную дамами трех первых классов. Там нашла Стефани и села возле нее. Et pour Euler et pour moi c'était une contenance[266*], подошла к несчастным грузинским царевнам, которых видала у Цициановых. Они были в своем костюме и очень нарумяненные, с ними никто не говорил и над ними очень глупо смеялись. Они очень обрадовались и мне сказали: «А что князь и княгиня, как поживают?» Тут был царевич Порнан, настоящее имя его Варнофосор, у них сохранились библейские имена, одна из царевен была Саломея.

Тут я увидела в первый раз фрейлину Жеребцову, невесту Алексея Федоровича Орлова. Она очень гордо на всех смотрела, глаза как плошки и совсем не хороша. Перед Стефани стоял высокий старый генерал Костецкий, он был очень храбрый, влюблен в Стефани и через ее девушку дал ей знать, что у него есть имение под Конотопом в Киевской губ⟨ернии⟩, и мы его прозвали Конотопским, и в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Михаил Пав⟨лович⟩ его звал Конотопским.

Наконец дверь отворилась, скороходы курили амбре (городничиха знала об этом амбре). Потом пошли камер-гоф-фурьер, гоф-фурьеры в красных мундирах, шитых золотом на воротниках, en culottes courtes et bas de soie et l'épée au côté, потом младшие камер-юнкеры попарно, uniformes comme des cuirasses de tortue, le reste de même et l'épée au côté. Tu seras comme cela, quand tu iras à P⟨eters⟩bourg et on te fera gentilhomme de la chambre[267*].

— Да я совсем не хочу ехать, если ты останешься в Париже.

— Хочешь, не хочешь, а это будет, а Павла Дмитриевича сделают графом, уж об этом давно поговаривают, и вот почему. Когда он так хорошо кончил дела в княжествах, султан предложил ему титул бея, который он, конечно, не принял. Он сказал государю, что привез отчет и прибавил: «Позвольте лучше вам передать его содержание, вам скучно будет его читать».— «Нет, подай мне отчет, я читаю губернаторские от-

---

265* «Время изгоняет любовь» ⟨...⟩ «Любовь заставляет бежать время».

266* И для Эйлер и для меня это было прилично

267* в коротких штанах, шелковых чулках, со шпагой на боку ⟨...⟩ в мундирах, как панцырь черепахи, остальное так же и шпага на боку. Ты будешь так же одет, когда поедешь в Петербург и тебя сделают камергером.

четы и знаю, что в них часто ложь, ты всегда брату говорил правду». Через несколько дней государь ему сказал: «Я с удовольствием читаю твой отчет. Я вижу, что ты там кое-что сделал для несчастных крестьян».— «Государь, я сделал, что мог. С одной стороны бояр надобно было по головке гладить, а с другой их подтягивать».— «Конечно, пора и нам заняться нашими крестьянами, пора подумать, что им крепость в тягость. Я то и дело слышу, что помещика высекли, где задушили или застрелили. Поручаю тебе заняться этим делом. Не торопись и возьми в редакторы, кого ты знаешь подельнее. Я тебя назначаю министром государственных имуществ [125]. Was sagen Sie davon, mein gnädigster?

— Ich sage, dass Sie mir Freude machen, meine vielgeliebte Buhle.

— Вот как, это рифма к «Der König in Thule» [126].

Es war ein König in Thule,
Gar treu bis an Grabe in seiner Buhle [268*],

а это ты не будешь.

— Чем обижать меня, изволь продолжать о выходе в церковь.

— Государь вел под руку государыню, она была в синем бархатном платье, шитом золотом. На голове диадема, с яхонтами на шее и серьги — тоже яхонтовые; ничто так не выражает ее походку, как то, что Пушкин говорит о дочери Кочубея:

Как тополь киевских высот
Она стройна. Ее движенья,
Как лебедя пустынных вод,
Напоминают плавный ход.

Царская пара кланялась, а как моя царица кланяется — просто чудо. За ними шла вдовствующая императрица с в‹еликим› к‹нязем› Михаилом Павловичем, его супруга в торжественные дни не любила являться, потому что ходила прескверно на своих каблучках, и потом все разъехались.

Есть белая зала, в которой назначено собираться в известные дни званым персонам обоего пола. Один раз в этой зале никого не было, потому что не было для них назначения. Этот шут Мятлев был там один. Государь его спросил: «А ты что здесь делаешь?» — «Ваше величество, я знатная персона обоего пола». Государь рассмеялся и сказал ему: «Иди за нами». Вот я вспомнила описание украинской ночи:

Тиха украинская ночь,
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не может воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.

268* Что вы об этом скажете, милостивый государь?
— Скажу, что вы меня радуете, многолюбимая возлюбленная.
— ‹...› к «Король в Фуле»:

Король жил в Фуле дальной
И верен до могилы возлюбленной своей (*нем.*).

— Я не знаю, что такое Белая Церковь.

— Белая Церковь принадлежит теперь графине Браницкой, она тоже племянница Потемкина, клялась ему, что никогда не перейдет в римскую церковь, а дети ее по мужу крещены.

— Как талант Пушкина созрел, я выше этих стихов ничего не знаю.

— Однако пора собираться к обеду.

У графини Нессельроде обедала Клеопатра, Н. А. Муханов и мы. Я ей сказала, что когда я была в Венеции [127], там была в⟨еликая⟩ к⟨няжна⟩ Мария Николаевна, я у нее часто была, и она меня спросила: «Ma chère, est-ce que vous aimez Hélène?» — «Je ne puis pas la souffrir» — «Pauvre maman, vous savez comme elle est toujours bonne pour elle, m'écrit: «A mon dernier Anitchkoff je me suis assise auprès d'Hélène, qui ne voulait pas danser, elle s'est mis à bâiller, quand je me suis levée, elle s'est mise à causer avec Catiche Saltykoff avec beaucoup d'animation — je sais que je suis bête, mais je le suis moins que Catiche». Pauvre Maman qui est si humble».— «Mais, Madame, l'Impératrice a mille fois plus d'esprit qu'elle et bien plus de connaissance, mais elle n'a fait pas prude. Tandis que cette vilaine se fait lire à haute voix quand elle se prépare à recevoir quelque personnage d'esprit, mais je vous assure qu'elle fait peu de dupes; c'est une ingrate créature».

Là-dessus Kisseleff dit tout d'un coup à la Comtesse que je lui dicte mes mémoires pour remplir nos heures de midi à cinq et que nous faisons une lecture d'auteurs Russes le soir.

— Ma chère, comme je voudrais lire ces mémoires, je suis sûre qu'ils sont très intéressants [269*].

— Et Kisseleff en revanche ne raconte jamais rien sur lui-même; je crois qu'il y a des petits mystères dans sa vie.

— C'est vrai, mon cher, je sais que mes parents ont connu les vôtres, mais jamais vous ne m'avez rien dit sur eux; voyons, rassemblez vos souvenirs.

— Mes souvenirs sont tristes. Ma mère n'a jamais pu se consoler de la mort de mon frère aîné Alexandre qui a été tué l'année 6 dans la guerre avec les Turcs. Il était un homme très distingué et ses talents militaires l'auront probablement avancé comme Maréchal. Ma mère n'a jamais pu se consoler de cette perte, mon frère Serge a fait un mariage qui ne lui convenait pas ce qui l'a eloigné de la famille [128], mon frère Paul a fait, comme vous savez, toutes

---

[269*] Милая моя, любите ли вы Елену? — Я ее терпеть не могу.— Бедная мама, вы знаете, как она всегда добра к ней, пишет мне: «Когда я последний раз была в Аничковом, я сидела возле Елены, которая не хотела танцевать, она стала зевать, когда же я встала, она с большим воодушевлением принялась болтать с Катиш Салтыковой — я знаю, что я глупа, но менее глупа, чем Катиш». Бедная мама, она так смиренна.— Но, мадам, императрица в тысячу раз умнее ее и образованнее, но она не строила из себя недотрогу. А эта мерзавка заставляет читать себе вслух, когда готовится принять какого-нибудь умного человека, но я уверяю вас, что она мало кого дурачит; это неблагодарное создание.

Потом Киселев вдруг сказал графине, что я диктую ему свои мемуары, чтобы занять часы от полудня до пяти и что вечером мы читаем русских писателей.

— Моя милая, как я хотела бы прочитать эти мемуары, я уверена, что они очень интересны.

les campagnes et toutes les affections de ma mère sont concentrées sur moi. Elle était très pieuse et faisait les prières à genoux. A trois ans je répétait à genoux les prières après elle; quand elle priait pour le repos des morts en prononçant le nom d'Alexandre, elle fondait en larmes. Un jour elle me dit: «Николенька, мне недолго жить». A ces mots je me suis jeté à son cou en lui disant: «Милая мама, пожалуйста, не умирайте, с кем я буду Богу молиться и кто мне будет рассказывать хорошенькие сказки. Няня уж уехала».

— Comme c'est touchant, cette naïveté de l'enfance, qui croit arrêter les décrets de Dieu [270*].

— Ты будешь молиться с папой, а Михайла будет тебе рассказывать сказки, он мне обещал никогда тебя не оставлять; я ему сказала: «Когда ты будешь стар и устанешь, то приищи ему хорошего слугу»; он мне сказал: «Нет, сударыня, я никогда не оставлю Николая Дмитрича, пусть он мне закроет глаза».

Tout le monde était visiblement ému, lui encore plus s'est arrêté pour calmer son émotion.

— Ma mère a ajouté: «Николенька, обещай мне, что ты будешь приобщаться святых тайн хоть раз в год, а когда будешь большой, то чаще, и пиши Павлуше только эти простые слова: имел счастие исповедоваться и приобщаться и чувствую большое облегчение и умиление. Ты это забудешь, но я это напишу Павлуше, которого я не увижу, которому я тебя поручаю, когда умрет папа». Je me suis jeté à son cou en lui disant: «Мама, я никогда не забуду, что вы мне сказали, и буду писать Павлуше». Quand cette chère mère est morte, je me suis jeté sur son corps en répétant: «Мама, милая, дорогая мама, я никогда не забуду, что вы мне сказали», je ne pouvais me détacher de ce cercueil, et mon Père a jugé prudent de ne pas me prendre à son enterrement. Je ne serais probablement jeté dans la fosse, je n'en serais pas mort, mais j'aurais pu me faire mal. Ma mère a desiré à être enterrée dans une de nos terres Сретенское. Mon Père n'a survécu à ma mère que trois ans [129], quand j'ai eu dix ans, il m'a donné un excellent gouverneur Français, et avant de mourir, il m'a confié à ma Tante Ouroussoff née Татищев, soeur de ma mère, je ne m'y plaisais pas du tout. La paix conclue, mon frère Paul

---

[270*] — А Киселев со своей стороны никогда ничего не рассказывает мне о себе; я думаю, что в его жизни есть маленькие тайны.

— Это правда, милый мой, я знаю, что мои родители были знакомы с вашими, но вы никогда ничего мне о них не рассказали; ну-ка, соберите ваши воспоминания.

— Мои воспоминания печальны. Моя мать не могла утешиться после смерти моего старшего брата Александра, убитого в 6-м году в турецкой войне. Он весьма выдающийся человек и благодаря своим военным талантам стал бы, возможно, маршалом. Моя мать не могла утешиться после этой потери, мой брат Сергей женился неподходящим образом, ибо его брак удалил его от семьи [128], мой брат Павел, как вам известно, проделал все походы, и все привязанности моей матери сосредоточились на мне. Она была очень благочестива и молилась на коленях. В три года я повторял на коленях за ней молитвы; когда она молилась за упокой умерших, произнося имя Александра, она обливалась слезами. Однажды она мне сказала: ⟨...⟩. При этих словах я бросился ей на шею, говоря: ⟨...⟩

— Как это трогательно, эта наивность детства, верящего, что может остановить волю божию.

est venu à Moscou et m'a dit que comme je n'avait aucune fortune, je devais faire ma carrière, qu'à notre temps il fallait faire des études. Le sort en avait fait un soldat à l'âge de 15 ans, il était dans la milice à Borodino avec le Prince Pierre Wiasemsky. Ils ont étudié ensemble et ne faisaient pas grande chose, et c'est plus tard qu'il a fait lui-même son éducation. Je savais très bien le latin, et il a dit qu'il voulait que j'étudie le Grec, il a trouvé un très bon maître au Греческое подворье et m'a dit: «A 18 ans tu iras faire des études classiques à Dorpat, c'est la meilleure Université». J'y suis allé avec Jasikoff qui avait des lettres de recommandation pour le professeur Moyer. Le reste vous est connu, Madame[271*].

J'était très émue de ce touchant récit, il me prit les deux mains et me dit: «Et vous, Madame, pourquoi avez-vous les larmes aux yeux?»

— Moi aussi, je n'ai pas vu enterrer ma grand-mère ni ma mère.

Муханов était à côté de moi et était aussi ému, Mon mari a dit: «Mon Père est mort au Caucase, il y avait une incendie dans la maison, mon Père avait une caisse en fer, où se trouvait son argent, elle se clouait au plancher, dans sa précipitation il l'a arraché du plancher, cet effort lui a coûté la vie; quand j'ai ouvert la caisse, elle était vide, sa maîtresse Mme Stodel avait volé les 20 000 fr. qui s'y trouvaient[272*].

Муханов me dit: «Никакого такту нет, отец умер, а он говорит о его любовнице». Я покраснела и сказала: «Mme Stodel n'a jamais été sa maîtresse, Авдотья Ивановна me l'a dit, c'était une invention de Маланья Ив⟨ановна⟩, l'économe de la maison» et je lui a fait un signe.

— Heureusement mon cousin Николай Ив⟨анович⟩ Воейков, aide de camp

---

[271*] Все были заметно тронуты, он, еще более взволнованный, остановился, чтобы успокоиться.

«Моя мать прибавила: ⟨...⟩. Я бросился к ней на шею, говоря ⟨...⟩ Когда эта дорогая матушка скончалась, я бросился на ее тело, повторяя ⟨...⟩, я не мог оторваться от этого гроба, и мой отец счел благоразумным не брать меня на ее похороны. Может быть, я и не бросился бы в могилу, не умер бы, но мог заболеть. Моя мать желала быть похороненной в одном из наших имений, Сретенское. Мой отец пережил мою мать лишь на три года[129], когда мне было десять лет, он дал мне прекрасного гувернера француза, а перед смертью доверил меня моей тетке Урусовой, рожденной Татищевой, сестре моей матери, мне там совсем не нравилось. После заключения мира мой брат Павел приехал в Москву и сказал мне, что так как у меня нет никакого состояния, я должен делать карьеру, что в наше время надобно учиться. Судьба сделала из него солдата в 15 лет, он был в ополчении при Бородино с князем Петром Вяземским. Они учились вместе, но мало что делали, уже позднее он сам пополнил свое образование. Я очень хорошо знал латынь, а он сказал, что желал бы, чтобы я изучил греческий, он нашел очень хорошего учителя ⟨...⟩ и сказал мне: «В 18 лет ты поедешь в Дерпт для изучения классических наук, это лучший университет». Я поехал туда с Языковым, у которого были рекомендательные письма к профессору Мойеру. Остальное вам известно, мадам.

[272*] Меня очень взволновал этот трогательный рассказ, он взял обе мои руки и сказал мне: «А у вас, мадам, почему слезы на глазах?»

— Я тоже не видела похорон ни моей бабушки, ни матери. ⟨...⟩ сидел рядом со мной и тоже был взволнован. Мой муж сказал: «Мой отец умер на Кавказе, у него в доме был пожар, а у отца был железный ящик, где лежали деньги, он был прибит к полу. В поспешности он оторвал его от пола, это усилие стоило ему жизни; когда я открыл ящик, он был пуст, его любовница мадам Штодель украла 20 000 фр., которые там находились».

de Ермолов m'a prêté de quoi faire l'enterrement et m'a aussi fourni le moyen de retourner.

— Mon cher Smirnoff, je regrette beaucoup que votre Père vous ait donné le mauvais exemple d'avoir une maîtresse dans la maison, et j'espère que vous ne suivrez pas son exemple.

— Certainement non, les moeurs étaient si différentes alors.

Il est allé à la roulette et je suis rentrée avec mon cher compagnon. Je lui dis en marchant: «Savez-vous qu'à Berlin il avait pour maîtresse Mlle Hagen, une charmante actrice. Ils l'avaient divisée avec ce vieux pécheur Ribeaupierre, que les domestiques du palais appellent Любопёр et l'Empereur ne l'appelle jamais que Любопёр [273*].

— Et cela vous était indifférent?

— J'étais contente, parce que j'avait au moins de repos, d'ailleurs Scholz lui a défendu de faire ces saletés quand j'étais grosse et il exige qu'après les couches que j'attende un repos au moins deux ans.

— Est-il possible que Smirnoff ne savait pas que le but de la matière attiré, c'était un péché de coucher avec sa femme, l'éducation de l'enfant commence dans le sein de sa mère.

— Un Prêtre m'a aussi dit cela, il dit que les moeurs mettent si mauvaises parce qu'on n'observait pas cette règle, et vous, d'où le savez-vous?

— Le Docteur Gall, le phrénologue, est le médecin de l'ambassade [130]. Il m'aime beaucoup et nous avons de longues conversations philosophiques avec lui; c'est un philosophe chrétien comme mon ami Los Rios.

— Avez-vous étudié Hegel? Les Slaves de Moscou s'en occupént beaucoup [274*].

— J'ai suivi le cours philologique et philosophique à Dorpat, mais je suis tenu à Stéphen [131] et l'honnête Schelling. Dorpat a été une grande école pour moi, c'est là que j'ai commencé à comprendre la musique. Chez Moyer j'ai entendu pour la première fois les jolies romances de Weinrauch [132].

— Je les connais, il n'y en a que six, mais ce sont des perles, Joukoffsky les aime beaucoup, je connais une D⟨emoise⟩lle Klebek, amie de ce vilain gros Kiel, le général. Joukoffsky aime surtout

---

273* сказал мне: ⟨...⟩ «Мадам Штодель никогда не была его любовницей, ⟨...⟩ мне о ней сказала, это выдумка ⟨...⟩, экономки», и я ему сделала знак.

— К счастью, мой кузен ⟨...⟩, адъютант Ермолова, ссудил мне денег на похороны и дал мне средства вернуться.

— Милый Смирнов, я весьма сожалею, что ваш отец подал вам дурной пример иметь любовницу в своем доме, и надеюсь, что вы ему не последуете.

— Конечно нет, нравы были совсем другие тогда.

Он пошел на рулетку, а я вернулась со своим милым товарищем. По дороге я ему сказала: «Знаете ли, что в Берлине его любовницей была прелестная актриса мадемуазель Хаген. Он делил ее с этим старым греховодником Рибопьером, которого слуги во дворце всегда называют Любопёр и император не называет его иначе как Любопёр.

274* — И это было вам безразлично?

— Я была довольна, потому что имела, по крайней мере, покой, впрочем Шольц запретил ему эти гадости во время моей беременности и требует, чтобы после родов я имела отдых хотя бы на два года.

— Неужели Смирнов не знал, что когда цель достигнута, это грех — спать со своей женой, воспитание ребенка начинается во чреве матери.

Land meiner seligsten Gefühle
Vom seiner Tugend

et puis «Drang nach Osten» et moi j'aime «In meine Siedlung armen Hirte».

— Je les aime toutes, c'est aussi chez Moyer que mon goût pour la peinture s'est développé, il avait les paysages de Friedrich, ils ne sont pas à comparer avec paysages de Ruisdale que j'ai vus plus tard à l'Ermitage, mais il règne une douce mélancolie dans ceux de Friedrich [275*].

— Joukoffsky a des Friedrich, «La cimetière des Juifs», il pèse vraiment de la mélancolie, il y manque cette digne croix qui nous réconcilie avec la mort. Raconte-moi comment tu as quitté Dorpat.

— Je me suis séparé avec tristesse de cet asyle, je me suis séparé de mon meilleur ami Jasykoff, je suis le premier auquel il a lu ses premiers opus en poésie — il s'est dirigé vers Moscou, et moi et mon fidèle Михайла, nous sommes partis pour P⟨eters⟩bourg. Je n'y connaissais personne, n'était-ce l'avoisiner de mon frère, je serais resté comme dans un désert. C'est grâce à Языков que j'ai fait la connaissance de Pouchkine. Comme mon frère m'a recommandé au Comte Nesselrode qui a toujours été plein de bonté pour moi. Грибоедов était un ami de notre famille, il a voulu m'emmener avec lui en Perse, mais le Comte Nesselrode lui a dit de prendre Maltzoff et lui a dit: «Je réserve mon petit Kisseleff pour une grande ambassade, nommément Rome, il connaît parfaitement le Français, il a du tact, il est d'une nature aimable et saura se faire des amis partout» [276*].

—То же мне говорил один священник, он сказал, что нравы становятся так дурны, потому что не соблюдают это правило. А вы-то откуда это знаете?

— Доктор Галль, френолог — врач посольства [130]. Он очень любит меня и мы ведем с ним долгие философские беседы; это христианский философ, как мой друг Лос Риос.

—Изучали ли вы Гегеля? Московские славяне много им занимаются.

275* — Я прошел филологический и философский курсы в Дерпте, но я склоняюсь к Стефену [131] и честному Шеллингу. Дерпт был для меня большой школой, именно там я начал понимать музыку. У Мойера я впервые слышал прекрасные романсы Вайнрауха [132].

— Я их знаю, их всего шесть, но это перлы, Жуковский их очень любит, я знала мадемуазель Клебек, подругу этого толстого грубияна Киля, генерала; Жуковский особенно любит «Страна моих святых чувств...» и потом «Стремление на Восток», а я люблю «В моем селеньи бедных пастухов».

— Я их все люблю. У Мойера же развился и мой вкус к живописи, у него были пейзажи Фридриха, их нельзя сравнить с пейзажами Рюисдаля, которые я позднее видел в Эрмитаже, но в пейзажах Фридриха царит нежная меланхолия.

276* — У Жуковского есть картины Фридриха, «Еврейское кладбище», она истинно подавляет меланхолией, в ней нехватает того достойного креста, который примиряет нас со смертью. Расскажи мне, как ты покинул Дерпт.

— Я с печалью расставался с этим убежищем, я разлучался с моим лучшим другом Языковым, мне первому он прочел свое первые поэтические сочинения — он направлялся в Москву, а я с моим верным Михайлой ехал в Петербург. Я никого там не знал, и если бы не соседство моего брата, жил бы как в пустыне. Именно благодаря Языкову я познакомился с Пушкиным. Мой брат рекомендовал меня графу Нессельроде, который всегда был добр ко мне. ⟨...⟩ был друг нашей семьи и хотел взять меня с собой в Персию, но граф Нессельроде велел ему взять Мальцова и сказал ему: «Я берегу моего маленького Киселева для большого посольства, а именно в Рим, он превосходно знает французский, у него есть такт, природная любезность, и он везде сумеет приобрести друзей».

— Quele bonheur que tu ne seras pas allé en Perse, tu aurais pu être tué et je ne t'avais pas connu.

— Sans aucun doute, je n'aurais pas agi comme Мальцов [133], je me serais fait hacher auprès de Грибоедов, d'abord parce que je l'aimais et puis c'était mourir à son poste comme une sentinelle.

— Ну, слава Богу, что моя Киска жива и ее все лелеют в местечке Парижах.

— Хорошо местечко, в нем три Петербурга поместятся. Кто его прозвал «местечко Парижах»?

— Mon oncle Николай Ив⟨анович⟩ Лорер m'a dit que quand nos troupes arrivaient à Paris, l'ordre a été donné d'entrer dans les meilleurs uniformes et de ne faire entrer les trains de bagages que le soir. Il voit un grand attroupement dans les Champs Elysées ou les boulevards, je ne sais pas; il s'approche et à son grand étonnement il voit [277*]: хохлы в засмоленных рубахах курят люльку, а волы лежат у телег. Il leur crie: «З виткиля?» — «С Золотоноши, это в Полтавской губернии».— «Да як же вы прийшли сюда?» — «Казали возити пшеницю за армией, да так и пишли до Берлина, это в Неметчине, потим казали: ходи домой, а потом опять — нет, возите».

[277*] — Какое счастье, что ты не поехал в Персию, ты мог быть убит и я не узнала бы тебя.

— Без всякого сомнения, я не вел бы себя как ⟨...⟩ [133]; я дал бы себя зарубить рядом с Грибоедовым, прежде всего потому что я его любил, а потом потому, что это значило бы умереть на посту как часовой. ⟨...⟩

Мой дядя ⟨...⟩ говорил мне, что когда наши войска вошли в Париж, было приказано вступать в лучших мундирах, а обозы вводить только вечером. Он видит на Елисейских полях или на бульварах, не знаю, большое скопление народа, подходит и к своему великому изумлению видит: ⟨...⟩. Он им кричит: ⟨...⟩.

⟨ВАРИАНТ 3⟩

БИОГРАФИЯ АЛЕКСАНДРЫ ОСИПОВНЫ ЧАГРАНОВОЙ

Отъезд за границу после вторых родов. Пребывание в Мариенбаде. А. Дурново, вел. кн. Михаил Павлович, С. С. Киселева *

Генерал Киселев обладал выдающимся умом, красивой внешностью, золотым сердцем. Он происходил из весьма знатного рода; в 12-м году, когда наступала победоносная армия великого полководца Наполеона, ему было 16 лет; русский народ поднялся как один человек, чтобы освободить страну от позора иноземной пяты, попирающей землю Святой Руси,— и до сих пор говорят: Святая Русь. Император прибыл в Москву, истинную столицу нашей обширной империи до Петра Великого. В этом прекрасном городе Москве было до 340 церквей. Он сражался под стенами своего Кремля с татарами и поляками и всегда побеждал в обороне — ибо сражался для защиты православной религии. Генерал Киселев, как я уже говорила, в возрасте 16 лет записался в армию добровольцем вместе со

---

* Здесь и далее (до с. 470) курсивом выделено краткое содержание опущенного текста.

своим другом князем Петром Вяземским и кузеном Авраамом Норовым. Все трое были в знаменитом Бородинском сражении, в Смоленской губернии, в 80 верстах от Москвы. Битва генералов, или Бородинская, вывела из строя 50 генералов и 200000 солдат. Отец Тьер и особенно г. де Сегюр сообщили печальнейшие подробности этого несчастного похода[1] современного Кира. Он перешел Нарев у Ковно с 700000 человек, имея более 200000 храбрых французов, состарившихся под неизменно победоносными знаменами Франции. После своего пребывания в Москве он оставил там только разрушения и развалины. Все выехали оттуда и находилось там лишь 8000 жителей[2]. Спускаясь с Воробьевых гор, он вступил на Драгомилов мост и ожидал, что найдет там купцов с ключами от города и хлебом-солью, символом гостеприимства — обычай, и поныне еще сохраняющийся у нас. Он нашел лишь собак, завывающих в поисках куска. 8000 раненых при Бородине переполняли многочисленные московские больницы; все институты, богадельни были наполнены ранеными и обмороженными; молодому Норову ампутировали ногу. Зима, этот бич войны, установилась с 4/16 сентября[3]. Это было деяние Бога-мстителя. Из Москвы Наполеон пустился в обратный путь. Его армия, уже весьма расстроенная, была разбита при Малоярославце генералами Дохтуровым и Неверовским. Калуга, увидев его, выступила с образом Святой Девы этого города, сопровождаемым многочисленным духовенством, собрала также другие города уезда и около 100000 человек всех классов; им выпало счастье нести этот драгоценный образ, единственный образ в мире, где Святая Дева представлена одна, с книгой в руках; это уникальное изображение.

Западные историки никогда не верили, что император Александр, в высшей степени мягкий и гуманный, позволил Наполеону вернуться тем же путем и что он посылал ему хлеб для прокормления остатка его армии[4], состоявшей не более, чем из 200000 человек.

Был момент, когда предполагали, что он пойдет на Петербург[5]; его разведка и аванпосты уже ознакомились с местностью до Клина по дороге к нашей столице, отстоящей от Москвы на 650 верст. Генерал Виктор герцог де Беллина тщетно пытался захватить Петербург, потому что наш храбрый и знающий Витгенштейн всякий раз его победоносно отбрасывал, ему помогал маркиз Паулуччи и способствовала измена прусского генерала Йорка[6]. В Петербурге готовились к бегству в Финляндию, экипажи были готовы. Растерянность была всеобщая, особенно после известий, которые привез из нашей армии генерал Мишо.

Генерал Киселев, тогда уже капитан, проделал всю кампанию; бесстрашный, он избег всех опасностей на поле битвы при Лейпциге, и на высотах Монмартра император прикрепил ему аксельбанты флигель-адъютанта. Заметив, что он так же умен, как и храбр, он отправил его с весьма деликатной миссией к австрийскому императору.

А я много знаю об этой замечательной семье. Я знала от Пушкина, что у него был брат по имени Сергей, который женился на хорошенькой московской барышне из семьи Ушаковых. Они жили на Арбате. Эти барышни говорили такие словечки, что «святых выноси». Я не знала, что у него был и третий брат и что этот брат должен был решить мою судьбу.

Именно во Франценсбаде я особенно близко сошлась с графиней Юлией Строгановой, женой графа Григория Строганова. После того, как он был послом в Константинополе, ему доверили этот пост в Испании. Графиня Юлия была прежде замужем за графом д'Альмейда, португальским посланником. У нее не было детей. Строганов страстно влюбился и женился на ней после смерти своей жены. Но он увез ее от мужа, которого она не любила, и женился на ней только в Дрездене. У него была дочь от одной француженки, гризетки или модистки. Эта молодая особа была очаровательна, умна, хорошо воспитана; у нее были большие синие глаза, нежные и пикантные, и графиня выдала ее замуж за г. Полетику[7], человека очень хорошего рода, да еще с прекрасным состоянием. Идалии не было во Франценсбаде. Мой муж играл в карты с графом, своим врачом, полковником Лахманом, польским евреем, женатым на одной из Потоцких. Г. Смирнов нашел повод сцепиться с этим несчастным Лахманом. Строганов уладил дело и отказал Лахману от дома. Графиня, которую все называли Жюльеттой, сказала мне, что она едет в Баден, где будет много русских, и между прочим графиня Строганова, г-жа Киселева, братья Мухановы, и что мы будем там как в своей семье. Я была уже в Бадене, когда там умирал генерал Мердер, местность мне очень понравилась. Я обладаю редким для русской счастьем любить природу, цветы, птицы меня радовали. У меня всегда была собачка, которую я любила, как любят человеческое существо. Кроме моих детей, которых я обожала, моя собачка Бьюти скрашивала ужасное сердечное одиночество, в котором я жила.

Баден, вилла Шези. Клеопатра Трубецкая, ее история. Знакомство с Н. Д. Киселевым, переезд в дом Дурхгольц.

На другой день в 10 часов я уже была в этом дорогом мне доме, где, сама не знаю как, начался Роман моей жизни. Все долгие 7 месяцев я страстно его любила, а он меня обожал. Моей несчастливой звезде я обязана тем, что не узнала этого тогда. Это случилось только за три дня до того, как он уехал в качестве курьера, чтобы сообщить императору о министерстве Тьера. Он принимал ванны и пил воды Виши.

Баденские знакомые: друг Киселева Федор Голицын, Павел и Александр Медемы. Намерение провести зиму в Париже. Н. Д. Киселев.

Он был среднего роста, с очень красивыми черными волосами, прекрасно подстриженные бакенбарды окаймляли овальное лицо, глаза были нежные и смеющиеся. Они напоминали мне слова г-жи Вонсович Вяземскому в портрете (было можно писать портреты своих поклонников): «Арман улыбается как редко кто...». Рот у него был маленький, губы пропорциональные, зубы белые как жемчуг, тонко вырезанные уши. Он был всегда в черном, носил очень тонкое белое белье и черный галстук; никаких украшений, ничего, кроме перламутровых пуговиц на сорочке и очень простых золотых запонок.

Однажды, когда я говорила ему о прекрасном вкусе, который нахожу в его внешности, и восхищалась его запонками, я держала его руку и заметила, как переменились его красивые глаза: в них словно заблистал радостный свет.

— Возьмите эти запонки; этот подарок не разорит меня: это русские пятачки, которые я приказал позолотить.

Уезжая из Бадена, он мне их отдал, я их носила в России, это вошло в моду и позднее я подарила их моей старшей дочери.

Обеды в Бадене у Строгановых и у Смирновой. Беседа о курении табака.

Мой муж уходил в полдень играть на рулетке, возвращался к обеду в 5 часов, вновь уходил в 7 часов до полуночи, когда колокольчик возвещал закрытие игрального зала. Киселев уходил и приходил, он часто бывал у Клеопатры, где я находила его всегда веселым, с смеющимися глазами, говорившими мне нечто большее, чем обычное ласковое приветствие. Я встречала там графа Гектора де Беарна, собиравшегося на ней жениться, и Бакура, болтали и смеялись. Кисс, как мы его называли, после отъезда графини Юлии каждый день обедал у нас. У меня была очень хорошая кухарка, это была буржуазная кухня, очень здоровая. Он обыкновенно восхищался этими обедами в узком кругу, аккуратно сервированными на фаянсовой посуде. Из Берлина я привезла чашки хорошего фарфора с выпуклыми кистями винограда и виноградными листьями и полированный оловянный чайничек. Он сказал мне: «Как же вы не привезли русский самоварчик?» — «Когда я ездила одна, у меня был тульский самоварчик, но когда путешествуешь с детьми, то возишь с собой географические карты, как выражается Рибопьер: пеленка сушится то у одного окна, то у другого, и желтые рисунки очень приятны. «Моя дорогая,— говорил мне Рибопьер,— я проехал от Неаполя всю Европу с этими знаками отличия».

— Ну, а во мне всегда живет москвич, русский чай хорош только на воде, вскипевшей в самоваре; я ем одно яйцо всмятку, а потом чай без молока и поджаренный хлеб с маслом.

— Вы как князь Михаил Цицианов, двоюродный брат моей тетки Цициановой.

— Цицианов, ведь это грузин?

— Да, моя бабушка была Цицианова.

— И моя тоже, она была Грузинская [7а].

— О, Грузинские — и вы, и я, мы оба царской крови. Император иногда мне говорил: «Александра Осиповна, и в вас течет царская кровь». Вот поэтому и вы, и я столь аристократичны и, кроме того, с такой человечностью относимся к нашим слугам и крестьянам. Бьюсь об заклад, что вы обращаетесь с вашим старым Михайлой как с другом.

— Ну, теперь, когда мы разместились на троне, вы рассказываете так хорошо, так мило и забавно...

— Ну! Гречневая каша сама себя хвалит, я знаю, что очень хорошо рассказываю. Жуковский, Пушкин, Тургенев Александр всегда просили меня рассказывать. Возвращаясь к Цицианову, скажу, что он был очень странный человек и оригинал, и все это весьма по-грузински. Встречаю я его один раз во Франценсбаде идущим посреди улицы, неся свой запас хлеба. Я кричу ему: «Князь, зачем вы ходите посреди улицы, здесь на солнышке гораздо лучше». Он мне отвечает: «А мне доктор запретил гулять в тени и на солнце, так я хожу посреди; я это сказал этому дураку Конради, он хватился за лоб и сказал: «Was für eine kluge Idee» [1*]. Приходите пить чай, я купаюсь только в Каролинен, водку не пью, а чай мне позволен. Как можно чай пить в поганой Неметчине! Вот я приеду в Москву, из дилижанса прямо в баню, а потом сажусь за самовар, горячий калач, густые сливки и сайка на столе; я живу с сестрами, и наконец ложусь в постель».

— Какая у вас болезнь?

— Препоганая: у меня idée fixe [2*]. Я все думаю, что убью себя, то есть боюсь, что хочу это сделать.

— Представьте, что и я тоже, мне лучше после Мариенбада.

— Как же у вас появились такие ужасные idées fixes и почему вы так несчастливы? У меня тоже есть одна idée fixe с тех пор, как я в Бадене, но она так нежна.

— Какая же, скажите мне!

— А, это уж нет! Вы узнаете ее в Париже, когда приедете советоваться с Ганнеманом. Я думаю тоже перейти к гомеопатии, микстуры французских врачей вредят моему желудку. Расскажите мне о вашем пребывании в Берлине.

— О, я там очень забавлялась, так как провела там три месяца, и из-за Стефани для меня всегда был открыт дом Радзивиллов. Были только праздники, концерты и живые картины, и я во всем участвовала.

— Ну, конечно, по сравнению с этими немками ваше совершенно итальянское лицо и ваш профиль производили, должно быть, очаровательное и новое впечатление. Но кто эта Стефани, о которой вы часто говорите?

— Подождите, пока я кончу о своих успехах в Берлине. Я каталась там как сыр в масле. Смирнов уходил с утра в канцелярию, потом в клуб и приходил к обеду, а я каталась с детьми и часто ездила в Шарлоттенбург, там стоял Драгунский полк, и Каниц очень любил детей, у него была обезьяна, и дети, садясь в карету, говорили: Каниц, Вау Вау.

— А кто же вам строил куры в Берлине?

— Никто и все.

— Вот как! Все, ну уж простите!

— Принц Вильгельм был моим лучшим другом, это любимый брат императрицы, и я знала о его страсти к Элизе Радзивилл, так несчастливо окончившейся ее смертью во время моего первого пребывания в Берлине.

[1*] Что за умная мысль (*нем.*).
[2*] Навязчивая идея.

— Знаете ли вы,— сказал он мне,— я полагаю, что истинная, святая любовь всегда кончается несчастливо; как будто Бог хотел бы оторвать нас от этого мира. Не думаете ли вы так?

Он сказал это печально.

— Думаю, что я ничего об этом не знаю; я люблю только моих братьев и моих друзей. Это не любовь.

— Нет! Но продолжайте о вашем Берлине.

— Подождите, пора обедать; я иду мыть руки и вы тоже. Заметили ли вы, что он возвращается с рулетки с грязными руками, под ногтями траур, не моет их, и шарики, которые он катает из хлеба, все черные. Я поздравляю его любовниц и охотно его им уступаю; он ревнив, но уверен, что я не наставлю ему рога; Жуковский говорил мне: ведь вы честный человек.

— Да, и очень честный, по несчастью для тех, которые вас знают. И в Бадене есть два сердца, вам преданные. До свиданья за обедом.

За обедом хозяин рассказывал, сколько раз он ставил то на черную, то на красную, и г-жа де Ааге играла с ним пополам и прочее.

— А вы, мадам, посещаете рулетку?

— Одно это название мне противно. Воздух, которым там дышат, ужасен, а все эти лица, искаженные самыми дурными страстями, меня печалят.

— Ну, уж, пожалуйста, оставь свою мораль,— сказал муж.

Обед кончился, он принялся курить и храпеть в углу. Я сказала Киселеву: «Какой любезный компаньон!» Он пожал плечами.

— Плетнева, который был лишь учителем, так задевало это отсутствие приличий, а я ему говорила: «Петр Александрович, вы не думайте, что он только при вас ходит к Храповицкому, он и при Вяземском и Жуковском спит».

— Как это хорошо — к Храповицкому.

— Но вы никогда ничего не читали Гоголя.

— Где же я мог найти Гоголя, я от всего русского отстал.

— Ну, хорошо, я введу вас в курс нашей современной литературы; лучшую славу ее составляют: Гоголь в малороссийской прозе, Пушкин в поэзии и московский митрополит Филарет в религиозном красноречии. Ни Боссюэт, ни Буальдье[8] не проповедывали никогда так, как он. Это мой большой друг.

— Какая странная смесь: двор, костюмированные балы, успехи в свете, кокетство и религия, привычка к религиозным обрядам — всему есть место в вашем сердце и вашей грациозной головке.

Клеопатра вошла с Бакуром, мы пошли бродить по променадам, он дал мне руку, чтобы взойти на холм, где находился мой друг слепой. Это был прекрасный человек, в расцвете сил; у него была жена и дети, для которых он честно работал. Когда на него обрушилось это великое несчастье, слепота, я давала ему маленькое пособие.

— Вы послушайте, как говорит этот человек, это так трогательно.

— Как дела, дорогой друг?

— Хорошо, дорогая, добрая, ваше превосходительство, моя милая жена стала прачкой, стало лучше, деточки имеют по утрам свежее молоко и хлеб, а вечером хороший суп. Я сижу здесь целый день, до захода солнца, сюда приходит моя дорогая с детьми, мы беремся за руки, она отводит меня домой, и мы спокойно спим. Ах, солнце, прекрасное теплое солнце, я никогда тебя не увижу более. Но там, наверху, я увижу бога, я так на это надеюсь.

Все были тронуты, и каждый положил ему кое-что в руку. Клеопатра, всегда нескромная, сказала, что у меня три друга: слепой, старый Беверлей, который собирает навоз на улицах, и старик из Гайнау, и что дети очень любят этих трех персонажей. Киселев нежно пожал мне руку и сказал мне: «Я надеюсь, что ваши прекрасные глаза будут видеть солнце до последнего вашего часа».

— И ваши добрые и смеющиеся глаза тоже, мой дорогой Кисс.

Он задрожал при этих словах, шедших из глубины моего сердца. Я говорила себе: «Это ты, мой Николай, солнце моих глаз». Как я уже любила его, не догадываясь, что это не дружба.

Бакур шел рядом с Клеопатрой, подавшей руку своему Гектору Беарну; я обернулась, она показывала мне пальцем на Гектора, которого я хорошо знала по Петербургу: он делал мне знаки одобрения, касающиеся Киселева.

— Пойдем к «очень хорошенькой шляпке».

Они спросили меня, кто это «очень хорошенькая шляпка».

— Это мелочная лавка, где торгуют игрушками и конфетами, та́баком, и колбасами, «хорошая колбаса — дар божий», как говорят в Берлине; она может сказать моим детям только «очень хорошенькая шляпка» и дарит им игрушек на пфенниг, когда бонны покупают им разные пустяки на гульден. Дети действительно очень хорошо убраны в своих шляпках из итальянской соломки с синей лентой, развевающейся по плечам, с их светлыми волосами, вьющимися от природы.

— Я надеюсь, что их не мучают папильотками,— сказал Кисс.

— О нет, их моют каждое утро и навивают на палец; это так привлекательно, курчавая головка.

— Как мне нравится,— сказал мне Киселев,— что у вас везде свои бедняки. Я сам беден, но всегда берегу медные деньги для нищих. Г. де Мэстр так говорил. Вы видите, что я не так уж невежествен во французской литературе.

Он нежно пожал мне руку и сказал: «Я тоже нищий, и я прошу у вас немного дружбы».

— Киселев, уверяю вас, что очень вас люблю.

Очень тронутый, он поцеловал мне руку, пристально на меня глядя. Мне хотелось прижать его к сердцу и сказать ему, что он — идеал, по которому томилась моя душа.

Мы вернулись. Я поспешно отняла руку, которую он держал в своей, он опустился и оставался на коленях.

— Встаньте, подите туда, к окну.

Встреча с Лос Риосом на террасе: «Я запретил бы женщинам в вашем положении показываться на улицах».

Старый испанец был холост: у него был большой альбом, которым он увлекался точно как маленькие дети; он называл его «Баденские события»; в том году прогуливались вокруг, по всем променадам, и старый Беверлей двигался последним. Он освещал рисунки и не расставался со своим драгоценным альбомом, предназначенным только для близких друзей. Он позволил Киселеву показать мне его, рекомендуя хорошо о нем заботиться.

— Лос Риос — старый холостяк, он не понимает, что женщина никогда не бывает так хороша, как когда она становится матерью.

Вечер был грустный, маленькая Мур шуршала в своем каменном ложе, месяц сверху посылал бледные и нежные лучи на холм, где жил слепой.

Мои дети называли его Киливов. Я сказала: «Киливов, принесите кресло к окну и сядьте там».

Мы молчали.

— Может быть вы немного поиграли бы, чтобы закончить этот прекрасный вечер.

— Нет, я устала, я хочу растянуться, принесите стул, чтобы я могла положить отекшие ноги.

Он принес кресло. У меня было их четыре, и г-жа Дурхгольц сделала их по моему желанию; они были обтянуты синей кожей с коричневыми мушками по ней. Я положила ноги, он уложил мое платье. Я бросила туфли на другой конец комнаты, он сказал мне, поднимая их:

— Лос Риос был прав, где вы купили эти лодки?

— Конечно, у «очень хорошенькой шляпки».

— У вас должна быть очень маленькая ножка, ваши руки так малы.

— Да, они у меня очень маленькие и узкие, но стали шире после моих первых родов и особенно после вторых. Вы, может быть, не знаете, Киливов, что женщины с длинными и узкими ногами рожают трудно. К несчастью, это оправдалось на мне.

— Покажите мне ваши башмаки, которые вы носили в Берлине.

— Я не знаю, здесь ли они; позовите Лизу. Лиза, принеси мои красные туфли с черным мехом.

Он попытался надеть их мне, мы смеялись, как умалишенные: они не вошли даже на кончик ноги.

— Подарите их мне, пожалуйста, это будет сувенир.

— Возьмите.

— Спасибо, как вы добры, вы меня балуете. Это память на весь мой век.

— Как я люблю эти стихи Батюшкова [9]:

О память сердца, ты сильней
Рассудка памяти печальной.
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.

Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые
И нежное руки пожатье.

— Ну, я тоже люблю глаза, но черные глаза, как ваши, эти глаза находятся в Париже.

— Киливов, как это приятно быть столь близкими с друзьями, что нет нужды поддерживать разговор, любезничать; молчат, думают вслух; я не понимаю иных близких отношений — между друзьями, разумеется.

— Я согласен с вами, и именно поэтому я так люблю бывать у вас; вы так хорошо понимаете дружбу. Ну, так о чем вы молча думали сегодня вечером?

— Вот, говорила я себе, нужно еще родить, надо надеяться, что с заботами г-жи Гейденрайх фон Зибольдт я избегну происшествий двух моих последних родов.

— Вы много страдали?

— 72 часа во время первых моих родов, город был взволнован этим. Пушкин, Вяземский, Жуковский встречались весь день, чтобы спросить: «Что, родила ли? Только бы не умирало наше сокровище» [10].

Он посмотрел на меня, глубоко взволнованный и удрученный.

Рассказ о тяжелых и неудачных первых родах.

Через месяц император пришел меня навестить, у меня были Лиза Дальгейм и Александр Алопеус, которого Лиза очень любила, но он всегда созерцал меня; когда император вошел, они все ушли. Мой муж, которому всегда не хватало такта, остался. Император сказал ему: «Смирнов, поди к гостям в другую комнату» — и сказал мне: «Мой дорогой друг, я всемогущ, но не могу предписать тебе пластырь»; он сказал это смеясь и потом прибавил: «Врачи говорят, что тебе не следует иметь других детей; брак без детей очень печален; но ты религиозна, ты смиришься перед этим испытанием. Бедная наша Черненькая, как мне жаль тебя».

— Как мне жаль тебя, я повторю с ним,— сказал мне Киселев.

— Киливов, мой милый Киливов, вы забываете, что говорите мне ты.

— Нет, я повторяю слова нашего дорогого императора, он так велик, так добр, вы его очень любите, неправда ли?

— Я его обожаю, он муж моей дорогой Александры Федоровны, моей покровительницы, моей благодетельницы. А впрочем, почему бы двум друзьям не говорить друг другу ты, по-русски, конечно? Мы говорим по-русски ты нашим крестьянам, нашим слугам, но во французском ты, не знаю отчего, есть что-то столь интимное, что его говорят только тому, кого любят всеми силами души. Попытаемся, Киливов, говорить друг другу ты по-русски.

— Нет, нет, это слишком опасно, пожалуй, я обмолвлюсь при чужих, это уж так, очень скоро приобретают эту нежную привычку. Скажите мне, говорили ли вы когда-нибудь вашему мужу ты по-французски?

— Никогда в жизни, я вышла за него замуж по желанию императрицы. И Алина Дурново, которая его знала, убеждала меня принять его предложение; я была столь же равнодушна к моему мужу, как она к своему, но дети заставили меня забыть все. Это так сладко иметь дитя, которое можно ласкать, особенно если можно его кормить. Он сделал мне

предложение у Карамзиных, я сказала г-же Карамзиной: «Без чувствительных фраз, пусть он только спросит: да?» И я произнесла это роковое да.

— Почему роковое?

— Вы это знаете, сперва у меня было дружеское чувство к Смирнову, но недостаток достоинства у него меня ранил и огорчал, не говоря уже о более интимных отношениях, столь возмутительных, когда не любят любовью.

— О, как вы правы, тогда это пробуждает самое неблагородное в нас.

— Что пробуждает? Я никогда не испытывала ничего, кроме пробуждения отвращения.

— Вы — дитя, переполняющее меня восхищением и радостью.

Он взял мою руку в обе свои и долго держал ее, глядя на меня добрыми глазами, нежными и полными слез. Я отняла свою руку.

— Почему вы отнимаете эту ручку, такую нежную и красивую?

— Не можете же вы держать ее бесконечно.

— Почему бы и нет? Если бы вы разрешили, она была бы моя навеки, то есть то недолгое время, которое мы живем здесь, на земле, а в истинной вечности, в лоне божьем, ничто нас не разлучит.

— Киселев!

— Что?

— Как я люблю быть беременной!

— Мне кажется, что вы слишком часто доставляете себе это удовольствие.

— Да, это поистине было бы удовольствие, если бы не надобно было пройти через...

— Через что?

— Вы знаете, что. Это так возмутительно, когда не любишь.

— Я ничего об этом не знаю, я не женат.

— Прекрасно, но я хорошо знаю, что имеют любовниц.

— Помилуйте, мадам, не говорите о вещах, недостойных исходить из ваших уст, я хотел сказать — прекрасных уст, но вы не любите комплиментов (что неправда, а только кокетство). О, женщины, женщины, как они подражают матери Еве!

— Возвращаясь к моей беременности,— как я люблю чувствовать движения этого маленького существа; если что-то острое, говоришь себе — это ножка или ручка, а если круглое — это головка. Постойте, вот он двигается, потрогайте.

— Боже сохрани! О, госпожа Смирнова, как вы любите играть с огнем. Если он не сожжет вас, он может сжечь других.

— После этого мы замолчали, он закрыл дверь в мою спальню.

— Я ее закрываю, потому что вы говорите громко, это может разбудить двух спящих ангелочков.

— Пойдемте взглянуть на них, пойдемте!

Обе малютки спали, одна в своей складной постельке, Оли на руках у Эйландт.

— Она не могла заснуть, она боялась мыши.

— Эйландт, я тебе говорю, Киливов видел мышь.

Я благословила их, трижды перекрестив.

— Можно мне тоже благословить их?

— Конечно, это будет благословение, которого им не дает нежно любящий их отец; возвращаясь с этой отвратительной рулетки, он говорит: «Надеюсь, дети в порядке?» — «Да». Тогда он, помолившись, храпит, как солдат; я ложусь, он крестится и потом: «Добрый вечер, дорогая», к счастью, не целуя меня. Он суслит так противно, язык у него желтый, обложенный и пропахший этим ужасным запахом табака.

— Я не курю, ибо парижские черные глаза не любят запаха пахитос, которые курят другие, но сама она курит, это обожаемое существо с черными глазами.

— Киселев, она замужем?

— К несчастью, да, но она не любит своего противного мужа. Не подумайте, что я в связи с ней, я слишком уважаю ее, чтобы когда-либо сделать ее своей любовницей. Это существо чистое и целомудренное, простое как пятилетний ребенок, нравственно она похожа на вас, но она крупнее и красивее вас.

— Ого, ого! Ее бы, наверное, не обрадовало то, что вы — друг другой женщины.

— Она очень хорошо знает, что я ее обожаю и что я могу любить только ее. Поэтому подле вас я думаю лишь о ней и когда я возвращаюсь, так как я всегда сплю мало и нередко очень плохо, то я счастлив, ибо думаю о ней; мне кажется, что я слышу нежный и проникновенный голос, говорящий мне: «Николай, я люблю тебя, обожаю тебя, но я честна».

— Принесите мне мои часы, они на столе у моей кровати.

Он принес их, сказав мне: «Вы покрыли этот стол салфеткой».

— Да, я думаю! Я ненавижу пыль и грязь, я никогда не берусь за ручку двери, не прихватив ее своим платьем или носовым платком.

— Я заметил это и сказал себе: какая хорошая мысль, я буду делать, как она, ибо я тоже очень своеобразен».

— Агриппина Мансурова и Саша Трубецкая так же делают.

— Половина двенадцатого,— сказал он мне,— доброй ночи и до свидания, я не забуду этот хороший день и пойду думать о моих дорогих парижских глазах.

Я проводила его: «Я ненавижу встречи с этим противным евреем Габером, он шпионит за мной».

Клеопатра стояла у окна со своим Беарном, он целовал ее без стеснения. Они позвали Киселева. Он крикнул им: «Нет, сегодня вечером я слишком счастлив».

Я возвратилась, легла спать, тоже очень счастливая моим днем, и хорошо уснула, мысленно произнося «Киселев». Но прекрасные парижские черные глаза меня немного беспокоили. На другой день утром пришла Клеопатра и сказала мне: «Ну, моя дорогая, он признался вам в своей любви?»

— Ничего подобного, он любит черные глаза в Париже.

— Дорогая, эти глаза это вы, это был способ сказать вам о своей любви. Бедный Кисс, он без ума от вас.

— Клеопатра, вы — истинная валашка и всегда несетесь вскачь.

— Моя дорогая, счастье нужно ловить за волосы!

Потом вошел он.

— Киселев,— сказала я ему,— после этого хорошего дня я очень плохо спала.

— Я тоже, я думал о парижских черных глазах.

— Черт побери все на свете парижские глаза. Представьте себе, что, очень хорошо уснув, я была разбужена писком мыши, а ее противный хвост щекотал мне уши. Я встала и позвала мужа, храпевшего так, что могло проснуться все эхо в Бадене, а я, сама не знаю как, оказалась на комоде, продолжая его звать; подите посмотрите, насколько этот комод выше кровати. Я звала его около четверти часа, наконец, кричала ему: «Скотина, да проснись же!». Тогда возникла трудность, как спуститься, он совсем не знал, как это сделать; я велела разбудить Эйландт, умную женщину. Она придвинула стол и помогла мне потихоньку слезть на него, а потом на стул; она отодвинула мою кровать от стены; я так боялась за дитя. Тогда, чтобы меня успокоить, она принесла тряпки, намоченные в холодной воде, и сказала: «Слава богу, оно двигается». Он уже храпел, я легла и очень хорошо заснула.

У Киселева был растерянный вид.

— Я пришлю вам Михайлу, он заткнет все дырки.

— Но эти канальи пролезают под двери.

Он провел весь день со мной, наблюдая за мной как врач, каждый час щупая мне пульс. Он приказал позвать Гугорта, который нашел, что я здорова. В течение дня я предлагала рассказать о Берлине. Он ответил: «Нет, я слишком взволнован, чтобы что-нибудь понимать, а кроме того напоминать мне мои черные глаза слишком опасно. Отложим до завтра занимательные истории. Сегодня надо благодарить бога, что вы избежали ужасной опасности. Два столь дорогие существа в опасности!».

— Киселев, и что говорят парижские черные глаза?

— Клеопатра, почему вы смеетесь, глядя на Кисса? Уверяю вас, что речь не обо мне, а о красивой парижской женщине. И я в этом совершенно убеждена, Киливов, поскольку вы ездили в Лаго, я расскажу вам о моем дорогом московском митрополите.

— Да, да! И начните с этой минуты и до 7.

— Моя тетка Цицианова после смерти своего отца имела на своем попечении трех старых горничных из крепостных, которых ее мать освободила перед смертью. После ужасных унижений у скупой старухи г-жи Лопухиной, которая пригласила их жить к себе (она заставляла их есть рубец), тетинька написала старику Лутковскому, чтобы попросить у него убежища в Москве в его домике у Харитония в Огородниках. Лутковский приехал и устроил ее в этом маленьком приюте, где я так часто бывала. У нее было только 15000 р. асс. и скопила мало-помалу тысячу франков, чтобы оплачивать расходы по дому. Бедная тетинька низверглась из богатства в нищету. Князь Александр Голицын сказал об этом императрице, которая говорила ему: «Мадам равна вам по рождению, в ее жилах королевская кровь, ибо она — потомок царя Давида»,— как вы и я, Киселев.

Тетинька жила в первом этаже, очень низко, и лакеи не могли обещать уберечь ее от воров. Она решила поехать к Филарету и рассказала ему о своих горестях.— Но, я думаю, довольно. Он слушал меня с нежным вниманием, нас разделял квадратный стол — у Дурхгольц все было квадратное, по немецкому обычаю. Он протянул руки и скрестил их. Я сказала ему: «Какие у вас маленькие руки, просто женские, давайте измерим наши руки. У вас тоже один палец не форменный, у вас это большой палец, а у меня указательный. Ну, вытяните руки, мы их измерим».

Он вздрогнул и сказал мне: «Я так люблю видеть этот серьезный и сочувственный вид, с каким вы говорите о страданиях ваших родственников или друзей. Вы будете и мне сочувствовать, неправда ли, когда мои прекрасные парижские глаза закроют навсегда мое сердце?

— Конечно. Ну так вот, Филарет сказал моей тетке своим прекрасным голосом: «Тебе негде держать мощей, отдай голову святой Анастасии в Страстной монастырь, а руку Ефрема Сирина и другие мощи в Троицу. Ты тоскуешь дома, поезжай к Антонию и займись богадельней и странней, там бывает до 1000 странниц».

— А что это такое странняя?

— Странняя — это большой зал, где спят женщины, пришедшие в Троицу на богомолье, их тысячи, мужчин и женщин; есть ходоки, приходящие с далекого конца Сибири.

У тетеньки была уже Додо, воспитанница моей золовки, которая мне ее передала; ей платили 100 франков в месяц, а из нашей подмосковной муку, крупу, масло и овес для лошади кучера, которого держали за счет моего мужа. К счастью, три старушки уже умерли, а у Додо был жених.

Надо отдать справедливость тетиньке, она заботилась о Додо как мать, она нашла ей мужа, прекрасного человека, архитектора по фамилии Баулин. Тетинька, которая никогда у меня ничего не просила для себя, попросила для нее шубу, белье и два шелковых платья. Я вникаю в эти детали. Смирнов, очень великодушный, послал 10000 франков. Тетинька, освободившись от этих старушек, поместила Каролину Ивановну Витич у своей приятельницы г-жи Ларионовой, а сама отправилась в Троицу.

У меня были ужасно расстроены нервы, постоянное расстройство желудка. Была очень сильная холера, и я тоже поехала в Троицу. У тетки были только четыре маленьких комнаты, клетушки. Мне очень понравилось пребывание там, продлившееся 15 дней. Мой брат Лев Арнольди сделал нам сюрприз, приехав. Вдруг мы видим, идет, кто такой? Тетинька говорит мне: «Да это Лева». Он смертельно боялся холеры, говорил мне: «Что, у тебя бывают изжоги?» — «Разумеется, изжога, ты знаешь, Лева, это желчь переходит из печени в желудок». Он принимал царские капли датского короля.

— Какое забавное лекарство «капли датского короля», я думал, что эти капли делают из экстракта, который есть только в Копенгагене.

— И я тоже. Гончаров говорил, что когда наследник должен был остановиться на три дня в Копенгагене [11], он пошел повидать двух старых теток. Они держали в руках газету и плакали горькими слезами, говоря ему: «Наш наследник такой милый и веселый, и ему нужно про-

вести три дня в таком поганом месте с немцами». Это напоминает мне слова Алексиса де Токвиля, что родные, говоря о короле и королеве, плакали, потому что это были король и королева!

— Я знал прекрасные, столь нравственные труды Токвиля, я не знаком с ним лично, но вам нетрудно будет с ним познакомиться.

— Это единственный француз, которого еще было бы любопытно узнать.

Лев приехал и сказал нам: «А я прятался в сене, а Николай (его слуга) мне посоветовал куриться калганом».

— Что,— сказала ему тетинька,— разве ты беременная женщина?

Вы знаете, укладываются на этот калган, ужасную дрянь, и пахнут жжеными перьями; это чудовищное зловоние.

После того, как монах его уверил, что холера была только в этом ужасном доме, полном клопов, он поселился в гостинице. Утром он пришел весь бледный, говоря нам: «Я наверное умру холерой, я проглотил проклятого клопа. Николай уверяет, что это невозможно. Дайте скорее чаю, запить вкус клопа».

Тетинька пригласила меня говеть. За год до этого я ездила в Троицу и подошла к кресту; на мне было шелковое платье и розовая шляпка; и я заметила, что этот каналья Антоний принял наставительный вид, глядя на меня, а крестьяне проходили перед его глазами как ничто. И я сказала себе: «Да ты, брат, штукарь!».

Я сказала тетиньке, что не хочу исповедываться Антонию, что я знаю его скандальную историю с Ивановнами Мухановыми[12] и письма, которые писали Филарету, не читавшему их и говорившему: «Я клевету презираю и верю честности Антония».

Я любила ночи в Троице. Ночи в Троице такие, какие, говорят, ночи в Руане.

— Я не знаю Руана, это довольно далеко от меня.

— Ночи были разные; когда я не спала, тетинька, я и кривоногая Аннушка, ее фактотум, предшествовала нам со свечой в фонаре, и мы шествовали среди мрачного молчания ночи до стен монастыря, где все было освещено и слышно было пение всенощной; иногда Филарет приезжал из Москвы, служба была еще торжественнее.

Тетинька останавливалась подле каждой свечи и по-католически приседала перед святыми, у Максима Грека она оставалась долее всех: «Ты знаешь, Сашенька, это большой подвижник». Пели восхитительно, только монахи — кто большим пострижением, а кто малым, и послушники носили книги от одного хора к другому; это старинный обычай, ибо книг было достаточно; после «Обретения» пели этот обожаемый гимн «Свете тихий», святые слова Серафима Восточного, а в этом промежутке Антоний раздавал совсем теплые просвиры. Я люблю это все, находишься среди крестьян, ведь у Бога все равные, есть такой прекрасный стих у недостойного этого создания Владимира: «И в стране, где нет пристрастия с вами рядом сяду я».

— Как это красиво,— сказал мне он, видимо, тронутый.

— Штатный служитель, это солдат, отставной ветеран, разносил этот хлеб. Один крестьянин смотрел на этот хлеб таким взглядом, который, казалось, говорил: «Как бы мне его хотелось». Я дала ему половину, он сказал мне: «Как тебя зовут, маточка?» — «Александра».— «А детки есть?» — «Есть».— «Ну, так я за тебя поставлю свечку и буду молиться об тебе». На другой день келарь проводил меня в трапезную, где были нарисованы только сцены из Нового Завета. Я сказала монаху, чтобы он объяснил, так как крестьянин ничего не знает. Когда мы были перед Лазарем и дурным богачом, он потянул меня за полу моего голубого шелкового домашнего платья, отделанного синим велюром (я не могла одеться), и сказал мне: «Ты смотри, молись, а то пойдешь к богачу».

Поскольку тетинька зависела от Антония, я, чтобы доставить ему удовольствие, исповедовалась у него, он кокетничал, сделал мне неприятные признания и делал масляные глаза. Я не причащалась, так как не считала это истинной исповедью. На обедне в большом соборе я испугалась. Я держалась у стольчиков, там можно сидеть, когда увидела женщину, у которой живот приподнимался и пот струился по лбу; это была кликуша, я отскочила и укрылась возле раки св. Сергия. Антоний не видел, что я не приняла святого причастия. Он любил подарки, и я ему подарила синюю чашку русского изделия. Я делала все это для бедной тетиньки. Она заложила свои дрожки и старую лошадь, и мы поехали в Вифанию; я всегда хотела видеть Голубинского, но так с ним и не встретилась.

— Кто это Голубинский?

— Это философ, христианский по преимуществу, он написал знаменитую книгу «О целесообразности», то есть о том, что все замыслы божии находятся в гармонии [13]. Артур Стэнли рассуждает об этом в своей книге о восточной церкви [14] и говорит молодому русскому: «Вы едете изучать немецкую философию, когда у вас в Троице есть величайший христианский философ, это Голубинский, и я еду в Москву познакомиться с ним».

— Господи, что только вы знаете, и я понимаю, сколько добрых и прекрасных книг я должен узнать и прочту; как я страшно очужбинился за границей.

— Но на сегодня довольно; а почему вы хотите все знать о моем прошлом?

— Ах, Александра Осиповна, мне это нужно, я вживаюсь в ваше прошлое, хочу прожить с вами это славное детское прошлое.

— Ну, хорошо, Киливов,— теперь я буду говорить Киселев,— хотите вживаться? Один монах по имени Мартын читал мне вечерние молитвы и потом мы возвращались, она спала почти так же плохо как я, и мы ложились спать; она говорила мне: «У меня так болит спина, что как будто на мне тяжесть Христова лежит на хребте». У нее у Троицы была приятельница, г-жа Теленева, и потом два знатока: Голубинский и отец Макарий, который был миссионером в Сибири и был на время у Троицы. Антошка, чтобы быть галантным, дал мне очень краткую биографию митрополита Платона, бывшего учителем императора Павла; он проповедовал при дворе так, что вызвал неудовольствие графа Панина, и его отослали.

Антоний принял мою исповедь, закончив словами: «От всего мог воздержаться, но только не от женского пола»; этот мерзкий смотрел на меня своими гадкими глазами: «Что делать, и я тоже».

— Как вы хорошо говорите по-русски, это слово «делать», как Михайла говорит иногда, это так народно.

— Вот уж мы мешаем французское с нижегородским. Возвращаюсь я из Троицы, слышу галоп лошадей и тут же я предстала перед Филаретом. Это маленькая фигурка, меньше вас ростом, сидит со свечой в руке и с книгой, и летит во весь опор на шестерне в подворье к обедне. Лева уж опять зарылся в сено и отправился в Москву, он там служил в губернском правлении и был très à la mode*; его очень протежировала Марья Степановна Волкова, которую вся Москва называла Марья Пантелевна. И государь ее звал Пантелеймоновна. У меня была страшная тоска, и мне кто-то советовал позвать просвирню; она меня терла, и из меня так и лило желчью. Тетинька приехала и целый день со мной возилась; по утрам она меня заставляла повторять за ней молитву перед чудным резным изображением Спасителя. Пленный испанец умер в доме Смирновых и сказал: «Я ничем не могу заплатить за ваше милосердие», и дал им этот крест.

— Покажите мне его!

— Он всегда отдается княжне, он под стеклом.

Мандт мне сказал: «Это превосходно анатомически, но выражение его лица совершенно божественно». После молитвы я гуляла, и однажды она сказала мне в разговоре: «Ну, что ты хочешь, чтобы я тебе сказала? У меня ужасно пусто в голове. Ну, посмотри на сад и опиши мне его». Я была в доме дяди Петра Петровича, я ей сказала: «Вот индианки...» и залилась слезами.— «Ах, как поразительно, ну плачь, это тебя облегчит». Она привезла меня к Новосильцевой — вы знаете, матери красавца Владимира, который был убит Черновым [15].

— Да, да, я был еще в Петербурге.

— Там мне нравилось, она пряла на прялке, я хотела тоже научиться, но не сумела. Это так мило: старая Омфала пряла у ног Филарета, спасшего ее от отчаяния. Однажды она мне сказала: «С Лобного места будет ход, поедем, милая, в ландо». Она велела запречь, я ей сказала: «Признайтесь, что это желание видеть нашего доброго Пастыря». Макарий ежедневно ее навещал, но моя несчастливая звезда лишила меня счастья видеть его. Тетинька рассказала мне, что один раз он вошел к ней, говоря: «Г-жа Новосильцева всегда говорит со мной по-французски; а что, русский — дурной тон?» «Что, что вы, отец Макарий»,— закричала хозяйка, Мухановы Алексеевны [16] и Софи Вольман. «Но они в Сибири у тунгусов, а ты что плачешь, Вольман?» — «Ах, отец Макарий, я воспитывала детей двоюродной сестры; у меня их отняли».— «Ты без детей, ну поезжай со мной в Сибирь».

— Ведь я католичка!

— Ну так что ж? Разве Спаситель был католик? Только сперва я даю тебе шесть недель, ты должна выучиться бабничать, и вместе зай-

---

* очень в моде.

мись омеопатией; где нам возиться с склянками». В Москве сделали богатый сбор, дали им шубы, и они отправились в Сибирь. Годовой сбор и расходы публикации поручила добрейшему священнику Лаврову в Леонтьевском переулке. Он так заикался, что я не могла с ним говорить, а странно, что он обедню служит, почти не заикаясь. Однако довольно!

— Нет, только 10 часов; однако не пора ли нам пить чай?

Принесли самовар, чашки, но сливок не нашли, поганые немцы все выпили с своим подлым кофием.

— Киселев, этот чай напоминает мне ужасного князя Петра Гагарина, женатого на восхитительной женщине, которую мы называли голубка: белокурая, беленькая, маленькая, она была выдана замуж своей гадкой матерью, урожденной Яковлевой, сестрой Ивана, которого вы любите; что до меня, то я его не терплю, у него нет сердца. Так вот Гагарин, рассказывая о событиях на Кавказе, всегда говорил: «Ну, и подали чай», и разевал свою большую глотку. Он живет теперь в отеле «Бориваж» и «Англетер» в Женеве. Он — сын четырех Гагариных, воспитывавшихся в Пажеском корпусе с моими братьями, их называли Кика, Кока, Шуга и Дидина [17]. А вы что молчите? Зачем не рассказываете свое детство и юношество? Может быть и мне нужно вживаться в вашу прошлую невинную жизнь. Что вы знаете, что у меня на душе.

— Спасибо за эти слова, они делают меня таким счастливым, позвольте поцеловать вашу руку, а вы по старому обычаю меня в щеку поцелуйте.

— Этот обычай вышел из моды и, как говорится в детской песенке

Танцуйте, прыгайте, делайте реверанс,
А потом поцелуйте того, кого любите.
И когда вы любите, вы сделаете реверанс,
А потом вы поцелуете.

— Конечно, я как все.

— Какой противный чай! Неправда ли?

— Да, ну, а если вы полюбите меня?

— Ну, и поцелую.

— Через два дня я поехала к митрополиту; там была эта дура графиня Шереметева и г-жа Герхард, умная и добрая старушка, так же как г-жа Крузе, вдова адмирала. Говорили о религиозных трудах, обращение г-на Ратисбонна занимало наши салоны. «У самих жидов не обращают, а занимаются обращением чужих». Анета Шереметева сказала ему, что книга Ратисбонна о св. Дамиане возвышенна [18]. Я сказала ему, что прочла ее и не нашла ничего возвышенного; святой уходит в основанный им монастырь и наполняет кувшины вином. Наш Спаситель наливал бокалы на празднестве, но монахи должны были поститься, а не угощаться добрым вином. Митрополит был моего мнения: «А вы, графиня, пришлите мне эту хваленую книгу». На другой день я получила от него собственноручное письмо, он растыкал по волосочкам все западное богословие. У меня с болезнями и переездами все терялось, я его отдала Евгению Ив. Попову.

— А какой прекрасный человек Попов,— сказал Киселев,— в Лондоне он утешал меня в моей скорби по черным глазам, и засмеялся.

— Я часто ездила к Филарету; по Садовой до прудов, на Трубе, в Екатерининский Институт за Кисой заезжала [19], и та была в восторге.

— Кто такой Киса? Ведь теперь Киса я!

— Вы все узнаете у парижских черных глаз.

— Послушайте, перестанем говорить о парижских глазах; я точно верила, что они там живут и вы вздыхаете по ним; я знаю теперь, что эта красивая и крупная дама это я; но ведь это то, что англичане называют filandering, т. е. это значит тратить сердце по-пустому.

— Что ж, я и этим доволен; кто малым недоволен, тому дают много.

Я подхватила: «Тому ничего не дают; это говорят детям».

— Благодарю вас за то, что имею хоть что-то. Вы добры и милосердны, я выпрашиваю немного дружбы, вы даете мне много.

— Вовсе нет, я не смею и не могу дать вам ничего, кроме нежной дружбы.

— И за это спасибо, я даже ручки не прошу.

— А за то, что вы паинька, вот она, и вдобавок по старому обычаю поцелую вас в лоб.

Его губы коснулись моих губ, мы покраснели, смутились и замолкли. Он сказал: «Как бьется мое сердце» — «И мое тоже».

— Теперь от Бога, Дьявола, Москвы, монастырей, Филарета и К° я унесу воспоминание об этом нежном и чистом поцелуе; беда в наших геометрических пропорциях, мои губы находились как раз под сокровищем, я и поступил как плут, я украл! Дай бог, чтобы меня не распяли! До свидания, ангел мой!

Кажется ясно; нет, мне следовало еще томиться 7 месяцев. На другой день утром мы пошли гулять, я чувствовала большую тягость.

Я сказала ему: «Бога ради, не говорите об этом никому, ни Клеопатре, ни даже Голицыну». Я долго не могла уснуть, я приняла белену, чтобы успокоиться; как всегда после волнения дитя много двигалось.

Я проснулась в восемь часов, открыли занавески, и я увидела, что он машет мне рукой. Утром я испытывала мучительные угрызения совести и велела никого не принимать. Клеопатра пришла сказать мне, что он в отчаянии. Я держалась стойко; вечером он бродил под моими окнами, то с одной стороны, то с другой.

— Киселев, что вы там делаете?

— Я — старый Беверлей, я выпрашиваю прощение.

— Идите просить его у меня на коленях.— Он вошел и опустился.

— Хотите ли крестом, простите меня. Как вы спали?

— Очень плохо, я даже приняла белену, чтобы успокоиться, ребенок много двигался; я так отяжелела, что мне трудно ворочаться на постели и простыни падают со всех сторон.

— Но муж должен вам помогать.

— Никогда, он говорит, что я всегда жалуюсь по пустякам.

— Да он просто скотина! Когда он умрет и мы поженимся, вы увидите, как я буду вам служить.

— Э, дорогой мой, он проживет сто лет, этого не будет.

Анекдот о Ланжероне, желавшем стать фельдмаршалом.

— Теперь позвольте мне вам сказать, что сегодня утром ваши дети были в клубе у «очень хорошенькой шляпки». Оли говорила: «Я тебе говорю, Адини, он — Киливов», а другая утверждала, что папа и мама говорят «Киселев». Тогда Оли цап-царап, Адини со своей серьезностью повернулась к своей бонне и сказала ей: «Дикинсон, она плохая». Эйландт нашлепала Оли, которая ее тоже оцарапала. Тут уж все сбежались: Голицын, княгиня Ливен, даже Лос Риос.

— О, нужно наказать Оли.

— Да, но так как Эйландт не должна никогда бить ребенка, нужно запретить Оли посещать клуб «очень хорошенькой шляпки».

— Николай, вы всегда правы.

— Мой ангел, называя меня именем моего святого покровителя, вы радуете меня, ибо это означает полное прощение.

— Теперь, дорогой друг, позвольте мне представить вам мои условия для Парижа. Прежде всего ни слова Клеопатре и Фифи, и потом не портите мне зиму в Париже; эта сцена не должна повториться, никто не должен ничего знать, и не следует приходить слишком часто, чтобы не возбудить подозрений. И потом — ложа в Консерватории. Вот мои условия sine qua non!

— Быть по сему, Ваше Императорское Величество! Но знаете ли вы, что Консерватория весьма опасна, ложи очень узкие.

— Хорошо, мы поставим между нами сервировочный стол мадам Дурхгольц и потом посмотрим, растеряется ли дьявол.

— Ангел мой, можно мне поцеловать вашу ручку?

— Да, но сегодня вечером нельзя будет целовать бабушку Гюйон.

— Но перед моим отъездом?

— Увидим, не забегай вперед.

— Душенька, ведь это ты сказала ты.

— Это ничего!

— А будут россказни?

— Нет, ведь я дурно спала и утром проснулась с тяжелым чувством, как будто я сделала что-нибудь дурное; это было мучительное и, однако, приятное чувство.

— Приятное! Какое счастье! Но почему же мучительное?

— Не знаю, это неопределимо.

— А я, я не спал вообще, но я был так счастлив, я чувствовал все время эти свежие и румяные губы, лишь прикоснувшиеся к моим устам. Мне казалось, что вы тут, подле меня, говоря мне: «Николай, я твоя на всю жизнь» и что поцелуй был долгим, долгим как жизнь. Мой слуга сказал мне утром: «Вы, барин, все вертелись ночью; не ходите туда часто».— «Куда?» — «Да вы знаете».

— Ты хуже жида Габера, все шпионишь меня!

История о том, как Оли села на горячий утюг.

Бакур пошел провести вечер у княгини Ливен с леди Уильям Рассел и лордом Стюартом Мэтьюзом, английским посланником в Вене. человеком столь же замечательного ума, как леди Уильям. Клеопатра была знакома с леди Уильям, а я знала ее только в старое время. Моя дочь Ольга была с ней очень дружна, несмотря на разницу в возрасте; я очень полюбила леди Артур, урожденную де Сейран, она была красива и обаятельна и легко сходилась как француженка и русская. Леди Уильям была против этого брака, но Артур настоял, и оказалось, что его женка стала любимицей его матери. Старуха с парализованной ногой развлекалась тем, что раскладывала свои бриллианты и помещала их у нее. Герцог Девонширский вел жалкое существование в своем лондонском дворце и видал только своего племянника Уитерли Рассела и патера Берри, друга своего отца. Он выдавал своему кузену или племяннику пенсию в 1000 фунтов, чтобы тот представлял его в Тевистоке на карнавале. После его смерти Уитерли унаследовал титул и колоссальное состояние герцогов Бедфордских.

Лорд Уильям прогуливался по променаду со своей любовницей, Уитерли было 15 лет, он был красив как день. Леди Уильям была глубоко несчастна — не от неверности своего мужа, но вследствие скандального поведения английского посла в Берлине[20]. Еще утешеньицем была старуха-мать, женщина весьма заурядная, которая пила. Леди Уильям не любила протестантскую Германию, она предпочитала католическую Австрию. Ее возвышенная душа и большая образованность позволили ей понять ложность англиканизма и ужасную пустоту протестантизма. Обратилась и она к католицизму потом. Леди Уильям была прежде всего светской женщиной, соответствуя высокому положению, которое она занимала в доме своего дяди, герцога Редфорда; его жена была всегда больна. Уильям Рассел принадлежал к роду молчаливых, приходя ко мне, он говорил «Доброе утро», усаживался напротив, я его занимала, он вставал и говорил мне: «А, вот и Гастингс» и уходил. Один раз я сказала себе: «Посмотрим, что он сделает, если я буду молчать». Он пришел на другой день, уселся напротив меня; после четверти часа молчания он ушел. Он был удовлетворен этим молчанием: беседа, говорят англичане, серебро, а молчание — золото.

Леди Уильям поселилась в Штутгарте, где познакомилась с Кернером, человеком большой набожности и великим магнетизером; он основал в Гельбронне психиатрическую больницу. Он говорил, что сумасшествие может излечиться только мытьем святой водой, молитвой и магнетизмом. С помощью «Seherin de Prevost» * он узнал великие секреты этой таинственной способности. Все читали книгу, переведенную на все языки.

— Киселев, вам надо прочесть книгу Görres обо всех удивительных вещах, которые могут происходить с человеком или в человеке; особенно любопытна история Зондерлинга.

* «Превостская ясновидящая» (*нем.*).

— Я прочту их, эти книги — не для того ли, что глаза мои упадут на те страницы, на которых останавливались ваши прекрасные глаза, и ваши ручки их переворачивали, ручки Сашеньки, которой я не осмеливаюсь сказать, что люблю ее, что она — мой кумир. Я ведь на вас Богу молюсь.

— Кстати о Сашеньке: мой дорогой папа всегда называл меня Шасенька, потому что я шепелявила и так звала себя сама.

— Меня всегда трогает, когда взрослый человек говорит «мой папа» или «моя дорогая мама»: это слова из памяти сердца. Николай Горчаков, человек столь порочный, что французское правительство потребовало у нашего посла его высылки, и тот тронул меня, когда говорил: «Я люблю папу и особенно мою дорогую мамочку».

Рассказ А. О. Смирновой о своей наружности в детстве.

— Какая смешанная кровь течет в ваших жилах, вы то, что англичане называют помесь; я никогда не был в Англии, но в Париже у меня есть близкий друг Чарлз Гревиль и Уссэ, брат того красавца — шалопая Альфреда Уссэ, которого вы знаете; я немного учился у них английскому языку. Гревиль рекомендовал мне учителя, с которым я читал Шекспира, и мог сравнивать с русским переводом Кетчера, лично знакомого мне по Москве.

— Послушайте, Николай, я вам рассказываю все, а вы ничего не говорите мне о своей жизни; мне тоже нужно вживаться в вашу жизнь, милый друг собачка.

— Как это хорошо: милый друг собачка; я буду твоей верной собачкой.

— Ах! Я еще забыла в моих условиях для Парижа: никогда не говорить мне ты ни по-русски, ни по-французски. Мы оставим это в уме.

— Хорошо, уговорились, если вы хотите что-нибудь еще оставить в уме, я это сделаю.

— И я тоже.

— Какое счастье, это останется до тех пор, пока мы не поженимся. Я вам, милостивая государыня, все расскажу про свою собачью образину.

— Вы это говорите как Жуковский, он говорил: «А, прелестная Иосифовна — потому что вы происходите от Иосифа Прекрасного, гневаетесь на меня, свиную образину».

— Нет, я не люблю, когда вы говорите «свинья» или «скотина», это излишества, которые вам наверное запрещали в институте, не нужно переходить границы ни в добром, ни в дурном.

— Вы правы, Гоголь говорил мне то же самое, он называл это «гнилые слова».

— Как это верно! Но продолжайте о вашем драгоценном детстве.

— Ну хорошо, мое детство было очень счастливым до второго брака мамы с Арнольди, гадким человеком, безнравственным и очень жестоким.

— Как вы вздыхаете, мой ангел. Это можно?

— Конечно. Я никогда не могла ей простить, что она больше любила этого хромого черта (он потерял ногу под Лейпцигом), чем моего папочку.

— Какая ты трогательная,— извините, ваше превосходительство.

— А ты какой любопытный,— извините, господин камер-юнкер двора его императорского Величества, императора всея России белыя, красныя, царя Казанского и Астраханского и Кота Сибирского.

— Но продолжайте, мадам,— это более почтенно, это учит нас всегда быть на страже у входа в наши непослушные сердца.

— Это с вашей стороны благоразумно. Берегитесь, чтобы не было реприманду или бульверсману, как говорил Иннокентий после революции 48 года, я его из-за этого слова невзлюбила. Филарет за все золото мира не сказал бы ни слова по-французски. Дарю вам анахронизм.

— Как вы хорошо изъясняетесь на всех языках, как вы хорошо рассказываете.

— Это напоминает мне «Утро делового человека» Гоголя [21]. Дворецкий дает бал верхушке домашней челяди, и каждый должен доставить кавалера. Высокорожденная горничная говорит буфетчику: «Ах, Лаврентий Михайлович, как вы хорошо говорите, я вас всегда заслушаюсь» и в этот момент входит маленький слуга с узелком в руке, в фризовой шинели с воротничками. Все смеются и говорят: «А ты, московская ворона, откуда прилетела?» Опять смех и последнее слово Лаврентия Михайловича — «без инженерного офицера и бал не бал». Резкий звонок «Делового человека» рассеивает всю переднюю.

— О, этот Гоголь, как я буду наслаждаться этим чтением.

— Вы увидите его в Париже, он придет со мной повидаться.

— Бьюсь об заклад, что он вас любит и усердно за вами ухаживает.

Я разразилась смехом.

— Знайте, мсье,— и я приняла важный вид,— что я — неприступная крепость.

— Как бы вы хорошо играли в комедии.

— Никогда, пытались меня заставить играть в комедии, и на сцене меня охватывала невероятная робость. Попробуйте сказать à Jean ou Jacques: «я тебя обожаю, ты ангел, я тебя люблю»; это невозможная нелепость.

Смерть отца А. О. Смирновой. Сплетня о том, что она — дочь герцога Ришелье.

— Ах, мой друг, я заметила, что сироты почти всегда счастливее тех, кто обладает счастьем иметь добрых родителей. Свидетель я сама. Я часто думала, что сам Господь меня вел своей рукой и из бедной деревушки на самом юге России привел меня в палаты царей русских на самый север.

— Вы выражаетесь по-русски совершенно своеобразно, я никого не знаю, кто бы говорил, как вы.

— Душенька, это из-за предчувствия, что вам это доставит удовольствие.

— Ангел мой, вы наполняете меня радостью.

— Знаешь ли, Николай, Жуковский сказал мне, что самое восхитительное в любви то, что предшествует формальному объяснению. Ну, вы не объяснились мне, но я знаю, что вы меня любите, я это угадываю. Я больше не хочу, Николай, чтобы ты меня целовал, но нежности — не смертный грех, драгоценные слова, как говорят англичане.

— Что за новое слово для Николая?

— Так называли маленького Дондукова.

— А что касается до драгоценных слов, то я обращусь к Гревилю, он будет удивлен моими познаниями, а я скажу ему, что мне дала их красивейшая женщина в мире.

— Бакур сказал мне как-то, что очень скучал, когда был в Швейцарии, и взял учителя; старый Сухтелен ему сказал: «Э, мой дорогой, верьте мне, лучше всего взять любовницу».

— Увы, вы не моя любовница, и к счастью; но когда мы поженимся, вы научите меня всему, что знаете.

Ты и вы, эпитеты тоже перекрещивались, все — за исключением поцелуя, ибо это уж не смертный грех. Он проводил со мной почти весь день, это было очень естественно; часто приходил Платонов и тогда мы прибегали к церемониям и почтительному тону.

Однажды он мне сказал: «Как случилось, что Платонов так влюбился в вас?»

— Сейчас вам расскажу это. Смирнов был хорошо знаком с ним, и в Питере он обедал у нас, и слово за слово сделал мне свои признания. Это отвратительное создание, Елена Белосельская, была окружена поклонниками; эта женщина кокетничала с Григорием Волконским и Сутцо, и неизвестно, чья дочь ее вторая малютка — Григория или Сутцо. Я думаю, что Сутцо, потому что это прелестное дитя похоже на него как две капли воды. Платонов, часто бывавший в свете, был, как кузен, хорошо принят у нее; он любезен, у него очень доброе и не слишком некрасивое лицо — но я нахожу его ужасным с его мохнатыми ноздрями.

Киселев разразился смехом: «Мохнатые ноздри, только вы можете так сказать!»

— И вот по глупости он сделал ей формальное предложение; тогда эта рожа ответила ему с разгневанным видом: «Как бастард осмеливается домогаться моей любви!» А так как Платонов очень чувствителен к этому пункту, это ранило его в самое сердце. Между тем эта злючка уже устроила и совершила брак своей очаровательной сестры Мари с Григорием. Ей все нипочем, она в день свадьбы будет спать с Григорием и продолжит это потом, живя одновременно с Сутцо, это сука, потому что она не любит любовью своих любовников, она, как Като, любит только похоть и грязную болтовню. Так вот, Платонов сказал мне один раз в Питере: «Какой гнусный город этот Петербург, в нем не найдешь истинных друзей, которым можно доверить страдания своего сердца». Я ему сказала: «Но доверьте мне ваши горести». Муж, конечно, храпел после обеда. «Как вы добры и милосердны»,— сказал он мне. Тогда он рассказал мне всю историю и сказал: «Я смертельно страдаю от страсти, я ее обожаю и ненавижу, не могу управлять этими двумя чувствами».— «Ну, что до этого,

уезжайте, путешествуйте год или два, вы увидите, как излечитесь, а что пройдет, то будет мило». Я не сомневаюсь, что мой разговор с ним принес несчастные плоды. Вот он очутился в Бадене. Он был без ума от Малибран и следовал за ней повсюду. Он находился в Ливерпуле, когда она порвала себе вену. Вы знаете, что она пела настоящий романс, тот, который Шекспир слышал в чаще кустарника; молодая девушка оплакивала своего возлюбленного, ломает руки, вскрикивая не в тон; я умею издавать эти крики отчаяния!

— Крикните! Довольно, довольно,— сказал он мне с ужасом,— где вы их слышали?

— В деревне, одна женщина приспала, т. е. задушила во сне своего ребенка, она сошла с ума. У нее были двойняшки, одна умерла, другую она задушила. Когда Малибран умерла, он сказал мне: «Позвольте мне заменить вами Малибран».

— Г. Платонов, это невозможно, ибо если я не довольно люблю моего мужа, то никогда никого не полюблю.

— Я думаю, однако, что здесь в Бадене кто-то завладел вашим сердцем.

Я встала, выпрямилась во весь рост, говоря ему: «Сударь, уходите отсюда. Если вы хотите быть принятым в число моих друзей, то при условии не шпионить за моими мыслями и действиями».

— Ангел мой, это восхитительно,— и слова, и жесты.

— Вот он, дурак, пускай вздыхает как петух на насесте.

При этих словах он захохотал: «Где вы взяли эти выражения?»

— Это одна французская модистка, которая приходила ко мне с картонкой, усаживалась там и рассказывала мне галантные истории местных модисток; уверяю вас, что это было забавнее, чем разговор храпунов. Эта Гандольфи ненавидела г-жу Тардиф и говорила, что у нее, когда она носит желтую шляпу с пером цапли, вид петуха на насесте.

— Николай!

— Что?

— Это так хорошо, что мы смеемся сквозь слезы и плачем сквозь смех. И смех, и горе.

— По несчастью, более горя.

— Да уж этого с процентами у меня наберется миллионы. У тебя по крайней мере процентов нет!

— Это правда, а теперь пошли расти, а чего доброго, в Париже я наживу тоже миллионы.

— Однако, милостивая государыня, вы у меня в долгу с процентами, извольте-ка рассказывать про Грамаклею.

В Адамовке после смерти отца. Саша просит Ришелье жениться на маменьке. История Ришелье.

— Если Ришелье держал вас на руках, я надеюсь, что вы не попадете в руки Жюмильока.

— О, никакой опасности, я слишком русская, чтобы любить иностранца, и вы знаете кого-то по имени Николай Дмитриевич Киселев. Ах, душенька, как я люблю тебя! Ай, вот он идет с рулетки, пойдем руки мыть.

За обедом он сказал моему мужу: «Ваша жена рассказала мне много интересного об Одессе и герцоге Ришелье. Она хочет познакомиться с его племянниками; я ее предупредил, что один из них — любитель компрометировать». Он ответил: «Дядя моей жены предложил мне продать Грамаклею, и я думаю, что ошибся, не купив ее».

— Конечно,— сказал ему Киселев,— будущее России на юге, а не в Москве, этой татарве.

— Как татарва!

И пошел кричать, махать руками. Я толкнула Кису под столом, чтобы прекратить эти крики. Потом обед окончился, он задремал за курением и пил. Отвращение, которое он нам внушал, было невыразимое; мы молчали, чтобы не прервать беседу глаз, более красноречивую, чем наслаждение речи. Проснувшись, он потянулся, зевнул, скверные его штаны были вечно расстегнуты. Когда он пошел на рулетку, Киселев мне сказал: «Бедная, бедная Шасенька, и ей надо терпеть все, что так возмущает ее стыдливость. Но ее Николай никогда не заставит ее от чего-либо страдать. А кроме того, если бы врачи запретили ему иметь детей, он жил бы как монах, не покидая ее ни ночью, ни днем; он поклонялся бы ей как Мадонне, как святому младенцу, какова она».

Мы молчали, я нежно смотрела на него и он тоже смотрел на меня своими красивыми улыбающимися глазами.

А. О. Россет никогда не была больше на юге. Отказ императрицы взять ее с собой в поездку в Одессу. Адамовка. Амалья Ивановна. Сватовство Ржевуцкого к матери. Киевские контракты. Нравы Грамаклеи (как бабушка била Гашку; мужик в рогатине). Намерение Николая I освободить крестьян, его беседа об этом с П. Д. Киселевым. Забота Николая I о кучерах, мерзнущих на морозе, беседа его об этом со Смирновой.

Он взял хризантему: «Погадайте!» Вышло: «Немного тебя люблю» и наконец — «совсем нет». Я швырнула оборванный цветок в лицо и сказала: «Это ромашка — когда у вас заболит желудок».

— Но у меня не болит желудок, не так, как у г-жи Смирновой, когда она беременна. Этот цветок я приобщу в свою сокровищницу.

— Да он отцвел!

— Ничего, он был в руках одной панночки, которую я люблю больше всего на свете. Вы видите, что ваши уроки приносят пользу.

— Отцветший цветок напоминает мне прелестные стихи Капниста:

Фиалка на заре родилась,
В час утренний развила цвет,

В полдень со стебелька свалилась,
А ввечеру фиалки нет.

Я нахожу эти стихи такими трогательными, они могли бы относиться к молодой девушке или молодой женщине, очень счастливой и которую смерть преждевременно унесла.

— Вот опять у вас растроганный вид. Мы вернулись.

— Киселев, пойдемте ко мне пить кофе, я тоже иногда угощаюсь. Он выпьет чай и украсит блюдце окурками, а потом чаем со сливками, мочит хлеб пальцами и выходят просто помои.

— Ах, какой вы забавный человек, как вы замечаете в людях смешное и так хорошо передразниваете!

После кофе он пошел к Клеопатре, где я встретила Анику Икскюль, урожденную Вокорико, и Николая Алексеевича Муханова. Я сказала ему: «Вы как тут без Владимира Алексеевича?»

— Владимира Алексеевича я посадил в Вену.

Братья обожали друг друга, не говорили друг другу ты и называли всегда по имени и отчеству. Через пять минут Аника говорила мне «дорогая», так же, как другая родственница Клеопатры г-жа Статиньяно. Одна из них сказала: «Какие маленькие дома в Бадене; как подумаю, какой красивый и большой дом был у нас в Бухаресте».

— Да, кузина,— сказала г-жа Статиньяно,— и мой дом.

[пропуск текста]

— Но где вы вызубрили греческий?

— У Авраама Сергеевича Норова.

— Норов, с деревянной ногой?

— Да, мой кузен.

— Как странно, что он никогда не хвастал, что у него такой знаменитый родиська. Император Павел сказал однажды à Jean de Paris, когда он был адъютантом: «дурак — с родисьчечной» [22], ибо его мать была Гендрикова.

— Как, ведь это я отправлял его из Парижа с кухаркой, его любовницей.

— А знаете, Николай, что я видела, как у мыши появились мышата. Весной переносили наши железные кровати в сад и обливали доски кипятком, чтобы вывести клопов, а мы спали на полу на матрасах, потому что сенники стирали и меняли солому. Вот однажды утром я вижу, как бежит мышка, ищет угол; она казалась очень возбужденной — наверное повивальная бабка ее не предупредила; там она распласталась, запищала и явились три мышонка; она все подлизала и своих мышат, не больше ногтя моего мизинца, она обернула детей хвостом, чтобы их унести, но я имела жестокость сказать Авдотье: «Брось это в нужник». Крупеничка, которая проходила мимо, мне позавидовала и сказала: «Я бы спасла это драгоценное семейство, ведь звери чувствуют то же, что люди».

— Крупеничка, это то же, что крупа?

— Да! Это хорошо, вы запоминаете мои уроки.

— Еще бы, я всякое слово, движение, голос своей дорогой Шашьки помню. Это мило, г-жа Смирнова — повивальная бабка... у дамы Мыши.

— А вы знаете эту русскую поговорку: под полом сидит барыня с хвостом?

— Нет, я уже ничего не знаю по-русски, и в канцелярии Нессельроде рассуждали не о русских мышах, а об иностранных крысах, которые подтачивают Российское государство.

Ну, теперь про бабушку.

— Нет, нет, нужно кончить с императором Николаем, эти воспоминания так драгоценны для меня. Итак, один раз он возвращался во дворец, и на Морской, перед ним стала девочка 7 лет; все оборачивались и смеялись; он обернулся и увидел маленькую нищенку, сказавшую ему: «Дяденька, дай покататься».— «Держись только крепко». Он привез ее во дворец и в комнату императрицы. Она помирала со смеху и сказала ему: «Где вы нашли этого ребенка, нам нужно ею заняться». Малютка сказала, что ее мать бедна, работает в казармах Измайловского полка. Ее угостили блинами, она сказала императору: «Дядинька, у тебя блины лучше наших». Ей дали немного денег и отослали ее в санях императора. Якову приказали все узнать об ее матери и велеть ей прийти с девочкой во дворец. Оказалось, что старуха была честная женщина; у нас бабы от горя стареются к тридцати годам.

Однажды, когда он устанавливал Галахову все пенсии для полицейских служащих [23], обер-полицмейстер забыл ламповщиков. Эти несчастные, дрожавшие в рогожках сырыми и холодными ночами, говорили, что остается только просить пенсии; самый смелый сказал своим товарищам: «Я скажу; царь ходит в 10 часов по Невскому, я и подойду и скажу: так и так, зачем нас в обиду поставили?». Сказано-сделано. Император им сказал: «Хорошо, ребята, я завтра же скажу обер-полицеймейстеру». На другой день, когда пришел Галахов, он нахмурил брови, принял величественный вид и сказал ему своим звучным голосом Юпитера в гневе: «Милостивый государь, вы, кажется, мало думаете о других, но себя никогда не забываете».

— Государь!

— Нет, я знаю, что ты взяток не берешь; но есть другая честность, она называется справедливостию к подчиненным. Назначить 12 рублей ламповщикам.

Вечером он увидел во сне всех фонарщиков, сказавших ему: «Батюшка царь, ты наш отец и мать родная».

— Это великолепно, я полагаю, что вы — поклонница императора.

— Послушайте еще, что он сделал; он укорял одного кварташку и сказал ему: «Про вас говорят, что вы все воры».

— Ваше Величество, мы не крадем, жалованье наше самое скудное, чем жить с семейством, мы получаем с домов, где 50-т, а где сто рублей.— «А с меня сколько?» «Как можно с вас получать?» — «Я ведь богаче и потому ты будешь получать 500 р.».

Оказалось, что это был известный Горлов, который написал очень дельную книгу о реформе в полиции [24].

— Ну, теперь про бабушку.

— Атанде-с, я тотчас кончу самый трогательный. Он любил ходить по Николаевскому мосту и молился у часовни Николая Чудотворца.— Ты какого Николая?

— Чудотворца.

— Я теперь буду ходить туда молиться о моем милом чудотворце, он оживил и поддержал мое увядающее сердце.

— Душа моя, ангел, как я люблю твое ты; мне чудится, что ты моя законная жена и ребенок мой.

— Он пошел и видит дроги, а на них желтый гроб с черным крестом; он перекрестился и спросил: «Из какой больницы».— «Из Обуховской».— «Кто?» — «Кажись, чиновник очень бедный». Он последовал за телом до знаменитого спуска, шедевра польского инженера Кербедса, он шел к кадетскому корпусу, народ пошел за ним, толпа дошла, говорят, до 8000 человек. У входа на кладбище священник ужаснулся; по бедным служат только литию. Поп был в изношенной черной ризе, закапанной воском. Тут Государь троекратно низко поклонился и сказал: «Братцы, я исполнил долг бедному брату, а вы помолитесь и посыпьте его прах землей». Все стали на колени и плакали от умиленья.

Как не плакать, видя подобные качества; он ими не кичился. Когда разразилась холера, народ возмутился, разорвал в клочки двух врачей; император послал Василия Перовского из Петергофа в Петербург, чтобы попытаться успокоить бедных крестьян. Доклад Перовского был катастрофический, он едва избежал смерти — потому что на нем обнаружили флакон одеколона. Мы были у императрицы, когда он вошел, говоря: «Дорогой друг, я вижу, что должен заплатить своей жизнью, я еду с Орловым». Все встали, восклицая: «Ради бога, ваше величество, не ездите в Петербург. Перовский сумеет успокоить эти несчастные волнения». В эту минуту вошел Орлов со словами: «Ваше величество, коляска у подъезда». Императрица, с ее необыкновенной силой характера, ободряла его, благословляя, мы все были у подножки экипажа, крича ему: «Христос с вами, дорогой государь!» У него была мигрень и его тошнило всю дорогу. Прямо на Сенную. Сенная — это форум русских рабочих. Там было 8000 человек, он встал в коляске и сказал этой толпе, осмеливавшейся еще роптать в его присутствии: «Все на колени и молись!» Священник, который ушел ранее с крестом и был осыпан оскорблениями, вернулся с крестом в полном облачении и служил молебен. Потом он уехал [25]. Спокойствие сохранялось в течение всего этого ужасного бедствия; холера не заразна, как думали прежде, но она эпидемична и об этом бедствии теряются в догадках. В Петергофе умер только один слуга. Я расскажу вам позднее, что происходило в военных поселениях.

Поездка в «Фаворит» и авария экипажа.

Вечером я ему сказала: «Послушай, дорогой мой Николай, твои заботы сегодня вечером доказали мне, как ты меня любишь. Мы научились никогда не обманывать друг друга, говоря между собой; теперь я буду

всегда говорить тебе ты, на всех возможных и невозможных языках».

— Спасибо, моя любимая, и за это я могу тебя поцеловать, неправда ли?

— Да, да, но только глаза и лоб, но не губы, тут тебе будет пощечина.

— Хорошо же, почоломкаемся.

Я поцеловала его в лоб, а он прижал губы к моим, говоря мне: «Какое счастье, эти розовые губы, этот очаровательный кончик и эти уголки губ, так тонко приподнятые, что придает им презрительный вид».

Я сказала ему: «А, да ты просто Соловей-разбойник!»

— Как это мило, Соловей-разбойник! Как вы это выдумали?

— Я не выдумала это, Плетнев сделал мне подарок ко дню рождения — собрание песен Кирши Данилова; там поют про Никиту Добрынича, про Илью Муромца, который сиднем сидел 40 лет на дубе, и про Соловья-разбойника. Этот был храбрец, как ты; у Спаса к обедне звонят, по притворам благовестят [26] и ку‹...›тся *, а так как ты не явился к песнопению и сказал мне вы, ты будешь наказан.

— Как? Ты меня поцелуешь девять раз в лоб и глаза, а я тебя, моя милая Саша, 10 раз в губы.

— За это вот тебе пощечина,— и махнула рукой.

— Ведь это в самом деле больно, и в наказанье я конфискую эту обожаемую ладонь такой розовой ручки, прижму ее к своему сердцу и губам. Скажи мне, била ли ты когда-нибудь своих служанок по щекам?

— Никогда. Ребенком я была очень вспыльчива, топала ногой и рвала свой носовой платок, не слушаясь Амалью Ивановну или маму. В институте мы, нижние, не смели сказать «дура» своим товаркам; говорили: «какая противная» или, лучше: «какая вы нехорошая». А в Зимнем дворце моя горничная Марья Савельевна в Новый год дала мне урок. Она меня раздевала, а я терпеть не могла, когда меня жмут внизу, расшнуровывая. Я ее ударила, она за это дала мне чувствительный шлепок и сказала: «Это вашему фрейлинскому превосходительству будет урок. Вечером одевайтесь, как хотите, с Лизой». Это был бал с мужиками [27], числом 40000.

— Как бал с крестьянами? Как я, однако, далеко жил от света, я никогда не слыхал, что русский царь веселится со своим народом.

— Ну как же, видишь ли, у дам костюм был сарафан с повойником, для барышен — повязка. Надевали запонки из фальшивых камней, и вообще в этот вечер все надевали поддельные камни, потому что крестьяне могли украсть. В коридорах были войска, черные дворики.

— Ты, наверное, была очаровательна в этом костюме, во всех ты, душенька, ‹нарядах› хороша. Это поэма Богдановича, неправда ли? Психея ты моя [28]! У языческой Психеи не было сердца, а у тебя сердце такое широкое, что ты всех любишь, всех и вся и все.

— Это хорошо сказано. А на том бале граф Ельский подал мне руку, и Ленский, побочный сын Томаса Любинского, оспаривал ее у Ельского,

* Текст поврежден.

своего близкого друга. На этом-то бале Стефани решилась выйти замуж за Луи Витгенштейна. Иосиф был дежурным пажом при императрице, император предложил ей руку. Императрица играла в бостон с тремя скучными стариками, по чинам Лопухин, Куракин и Вилламов, ее окружали первый секретарь, камергеры и важные придворные; все это происходило в Георгиевском зале, где был трон. Мужиков туда впускали десятками за раз. Церковь была открыта, освещена, как днем, певчие и священники стояли перед царскими вратами, и кто хотел, просил отслужить молебен, полковая музыка гремела во всех залах: «Гром победы раздавайся» и «Славься сим, Екатерина! Славься, нежная к нам мать!» Эти молитвенные звуки сливались с земными звуками радости душевной.

— Лаврентий Михайлович, как вы хорошо говорите, я всегда вас заслушаюсь.

— То-то так,— Кочетова всегда так говорила. По углам стояли горки до потолка с кубками и блюдами, мужикам давали чай, но ложек не давали: когда кофишеньки рассердятся, они чашку чая выливали на четыре стороны и говорили. На этом бале Ося чуть не попал в беду; во все время он шел за своей богиней и нес над головой ее *боа марабу*; я шла во второй паре, он мне делал знаки; он пришел в такой азарт, что прошел мимо камер-юнгферы, не отдал ей ридикюль и стал снимать тесные башмаки с ноги импе‹ратрицы›; она, голубушка, пококетничала и позволила ему поцеловать ее ножку; государь вошел, погрозил ему пальцем: «Пошел вон, Россет, тебя не будут более наряжать целый месяц» и прибавил: «Он так юн, ему 15 лет, он подражает Керубино» [29]. Ося это услыхал, прибежал ко мне и сказал: «Ах, Сашенька, спаси меня, что я сделал, но государь сказал «Он подражает Керубино», расскажи, кто был Керубино». Я рассказала, он сказал: «Какой ужас, целый месяц не будут меня наряжать к ней». Михаил Павлович это узнал и посадил его под арест на Адмиралтейской площади. Я к нему ездила всякий день и возила ему обед, а солдатам раздавала сбитень. «Моя богиня ездит мимо Адмиралтейства, всегда мне кланяется и смеется, я просто с ума схожу, когда ее вижу».

— А моя богиня, позволь мне поцеловать твою ножку, разутую ножку, и поцеловать тебя в эти уста, обетованные богом любви, как тебе писал Жуковский.

— Сегодня ничего не позволю, а все в день отъезда твоего, мой милый, добрый и чистый ангел. Христос с тобой, вот половина 12-го.— До завтра.

Завтра, как и всегда, мы гуляли, он всегда давал мне руку, и в половине первого пришел ко мне; Клеопатру мы мало видели; он меня спросил, когда я начну брать ванны.

— Завтра в 12-ть часов; я должна взять восемь до родов, так приказал Гейденрейх. Признаюсь, эти ванны мне противны, может быть, прежде меня какой-нибудь жирный немец там мылся и выкупал свою поганую руку и указательный палец с сердоликовым перстнем. Ты заметил, что у них всегда палец в масле?

— А какой номер мы оставили?

— 21-й.

— Это мой, и вместо подлого немца будет этот подлец Киселев. Лиза, верно, не успела приготовить ванну, так я при себе заставлю бадемейстера ее хорошенько вымыть, и с термометром уверить, что точно 27 гр‹адусов›.

— Я советую тебе взять свое белье.

— Спасибо за этот совет. Бог знает, кто вытирался простынями, как было в отеле Шредер в Гейдельберге.

— Представь себе, я один раз спала в такой конуре, служанка прыскала простыни водой изо рта, простыни, на которых спали какие-то свиньи, они воняли черным мылом и чем-то сильным. Немцы только кажутся чистыми, тоже и французы, а чисты только англичане да русские.

— Как русские?

— Да ведь русский мужик всякую субботу ходит в баню, парится, в снегу валяется и опять парится так, что всякая грязь исчезает на неделю. Ну, и господа русские чисты, а об хохлах уже нечего говорить, это самый чистоплотный народ, да еще сибиряки.

— Вы, сударыня, очень умно рассуждаете; а как вы узнали про сибиряков?

— Аркадия туда посылали осматривать форты; он там видел в Иркутске всех сосланных по 14-му числу. Я тебе в Париже покажу его письма, очень интересные[30]. При всем вашем невежестве вы научитесь коечему.

— А кто говорит «вы», будет наказан.

— Тогда поцелуйте мне руку.

— Нет, прекрасные глаза.

— Целуй, плутишка.

Он любил, когда трогали руками его лицо, когда я взъерошивала ему волосы, всегда так хорошо причесанные, и когда я ему говорила «Мудичка»; тогда он приносил гребешок и говорил мне: «Ну, душка, делай ряд». Когда эта церемония кончалась, он говорил мне: «Однако, Лаврентий Михайлович, начинай».

— Мы остановились на Осе.

— Да, но ведь я не знаю, сколько у тебя братьев.

— Родных четыре: Климанька, Ося, Аркаша и Карлинька, а сводных — Александр, Лева, Ваня был, был и Миша. Маменька после меня более всех любила этого Мишу, которого я никогда не видела; он умер пяти лет и был красавец, потом была сестра Катя, Ольга и теперь живет и замужем за князем Петром Оболенским; он очень беден, но они с горя полюбили друг друга. Арнольди женился на ее гувернантке, с ней прижил дочь, и бедную Ольгу обижали. Он [Оболенский] был адъютантом этого мерзавца и женился на ней. Ее тоже отдали в наш институт, она была очень хороша собой, неглупа, но ничему не училась, и после выпуска она жила у меня; но она была влюбчивой натуры и с Смирновым неприлично себя вела, меня шпионила, и я принуждена была отослать ее к отцу. Например, она ходила по Невскому с своей девушкой без спросу, и раз д'Андре мне сказал: «В свете говорят, что вы не заботитесь о вашей сест-

ре; я встретил ее сегодня утром под руку с этим фитюлькой Озеровым, а в другой раз она была у вашего мужа, на котором были только кальсоны и расстегнутый, по его привычке, домашний халат; они смутились, когда я вошел. Вы должны отослать ее к отцу; роль гувернантки вам не подходит».

— Я знал д'Андро, это славный малый [31].

— Он был домашним человеком у меня, эта девочка, графиня Воронцова-Дашкова называла его «целомудренная барышня д'Андре». Это целомудрие мне было по душе, я нахожу, что эта добродетель очень редка у женщин и в тысячу раз реже у мужчин. Вот ты — чистый человек.

Он немного смутился.

— Отчего ты смущаешься, сердце мое?

— Ты узнаешь это перед моим отъездом.

— Но скажи сейчас!

— Нет и нет, и не приставай; при тебе я забываю, что я грешный человек.

— Грешный?

— Да, я согрешил против чистоты и целомудрия. Не спрашивай далее, мой ангел.

— Знаешь ли, что Климу повели товарищи в гадкий дом, его вырвало и он взял рукомойник и вылил его на голову юной девки; это мне рассказывала тетинька Марья Ивановна, потому что я с братьями никогда не говорила об гадостях.

— Нет уж, за это я тебя поцелую очень целомудренно в лоб и глаза и поглажу твои атласные волоски.

— А ведь есть такие гадкие дамы, которые рассказывают все братьям, даже как они провели первую ночь. Варенька Арнольди никогда мне ничего не говорила. Мне кажется, что именно в семье нужно соблюдать чистоту и целомудрие. Ведь брак — это дело святое, а Прессансе писал или Вине сказал [32]: семья состоит из троих: отца, матери и ребенка; это символ Троицы на земле.

— Кто это Вине?

— Он издавал газету «Le Semeur», которую Александр Тургенев привез в Москву. Хомяков и все славяне были от нее в восторге и выписали ее через Готье [33], который снабжал всех, у него были соглашения с цензурой.

— Я знал Готье, мой гувернер часто ходил к нему, это на Кузнецком мосту.

— Да. Вине был сыном крестьянина из Дидон Бюсси (?), убитого Дивонном. Есть черная табличка с этой скромной надписью: здесь был Вине. Тебе нужно прочесть его курс литературы. Заметьте особенно то, что он говорит о Вольтере, который, нападая на священников, защищал христианство. «Будет ужасная минута,— говорил он,— когда весь мир воскликнет: «Ответствуйте после смерти нашего Господа: что вы сделали с нашим Господом, куда вы его дели и что будет с миром без него?» Вине умер в Веве в бедном доме Бланшар, а его слабоумный сын жил потом со своей матéрью, которая умерла от горя, а затем с одной крестьянкой

янкой в Тур де Пельц. Прессансе, его ученик, издает теперь «La Revue Chrétienne», ты должен подписаться, это стоит только 25 франков в год.

— Но, мой ангел, ты плачешь!

— Я тоже плачу и говорю себе: «И что ты будешь делать, если Николай, с его христианской душой, умрет?»

— Я тоже об этом думал. Ты — мой ангел и доставляешь мне мгновения нравственного восторга. Видишь ли, я люблю тебя, как самый страстный возлюбленный, но в твоем присутствии все, что во мне есть неблагородного, умолкает, и похищенный мной у тебя поцелуй, который ты мне простишь — клянусь тебе, что этот поцелуй был чист и целомудрен. В Париже я только пожму тебе руку. Ну, а теперь поплачем, эти слезы — наше прощение всему.

— Знаешь ли, друг мой, что я не могу причащаться без слез; в институте плакали на исповеди, а причащаясь, были серьезны и веселы. Когда я впервые причащалась в Аничковом дворце, я плакала; по обычаю все дамы были в синем, мужчины в мундирах с орденами; я люблю минуту, когда мужчины без шпаг, и их размещают в углу, за причастным столом. Когда открываются царские врата и священник говорит: «со страхом божиим», все падают ниц; тогда император повернулся к имп‹ератрице›-матери и Александра Федоровна последовала за ним, но Марья Феодоровна указала ему на детей, наследнику было уже 7 лет, потом Марья Николаевна 5 лет и маленькая Адини была на руках своей кормилицы.

Император взял Оли и Адини на руки и поднес их к чаше. Это было так трогательно, что я залилась слезами и до сих пор всегда плачу, когда причащаюсь или смотрю, как причащаются другие. Гоголь, которому я об этом говорила, сказал мне: «Благодарите за это Бога, это слезы благодатные, это роса, освежающая уста малых наших братий».

— Вот ты и сейчас плачешь, сядь подле меня, поплачем вместе, я положу голову тебе на плечо, обними рукой мою талию, так, чтобы почувствовать, что мое сердце бьется только для тебя; положи твою руку на мое сердце, которое всегда билось и будет биться лишь для тебя, до самой смерти; у меня ужасное предчувствие, что ты оставишь этот мир ранее меня, и я закрою твои глаза, столь чистые и сияющие.

Он делал все это, благодаря меня.

— Аркадий делал то же самое, когда у меня были неприятности при дворе, он говорил: «Не печалься, Сашенька, поверь, это так «пройдет, а что пройдет, то будет мило» [34]. Послушай, милый друг, ты не знаешь ничего о новом поэте Лермонтове. Этот офицер гусарского полка в Царском; его талант проявился в момент смерти Пушкина, он написал великолепные стихи, выразившие крик отчаяния всей России.

— Но Пушкин не умер.

— Нет, но я рассказываю тебе последующие факты, я забежала вперед. Ах, какая дворняжка!

— Как это мило, дворняжка. В Ницце у меня была дворняжка, которую я спас, человек хотел ее утопить, когда она была щенком, она ушла в Петербурге к швейцару.

— Лермонтов был выслан на Кавказ. Но вот послушай.

По небу полуночи ангел летел
И чудную песню он пел.
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой,
Он пел о блаженстве безгрешных Духов
Под кущами райских садов.

И песнь его непритворна была,
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.
И долго томилась она,
Желанием чудным полна.
И звуков небес не могли заменить
Ей скучные песни земли [35].

— Боже, о боже, как это красиво, знаешь ли, ведь эта душа — это ты. Ты родилась для мира печали и слез, и радостей жизни почти не было в твоей короткой жизни.

— Конечно, но теперь с тобой я узнала всю цену жизни, печали нет места в душе, есть слезы, но это слезы радости сердечной. Ты радость дней моих, ты мой добрый гений! А за это можно стать на колена и молиться на тебя, как на Пречистую.

— Не богохульствуй, мой маленький Вольтер.

— Не впутывай это одиозное имя в нашу беседу. Я ненавижу смех этого кощунственного шута, как сказал де Мэстр.

— А ты любишь писания де Мэстра? Я люблю его письма к семье д'Акоста, а в его церкви есть что-то ложное. Самарин со мной согласен, что же до Гоголя, то он говорит, что его за «Вечера в Петербурге» надо повесить [36]. Я же все их прочла и запретила.

— Ты права, мы всегда заодно.

— Лермонтов написал мне очень хорошие стихи в альбом Пушкина. Он пришел один раз утром, не застал меня и сказал швейцару: «Я пойду наверх подождать». Он открыл альбом и написал без ⟨подготовки?⟩ следующие стихи:

Без вас хочу сказать вам много,
Но молча вы глядите строго,
И я в смущении молчу.
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

— Это прелестно и так верно, вначале я тебя боялся; твой взгляд иногда так осуждает, реприман. А как Пушкин начал свои стихи?

— На первой странице он сказал: Записки А. О. Смирновой. Я не очень хорошо помню, в Париже ты их прочтешь. Не проси меня достать это здесь, Лиза может сломать застежку и стекло, которым покрыт маленький, очень дурно сделанный пейзаж. Вот эти стихи [37]:

В пустыне пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила ум свободный
И сердца пламень благородный
И как дитя была проста.

— Как это верно; и как дитя была проста.

— Постой, не перебивай.

И как дитя была проста.
Смеялась над толпой странной?
Судила здраво и светло
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

— Я не люблю конец, есть люди, считающие тебя злой и язвительной. Ты должна писать свои мемуары, не заботясь о том, заденешь ли кого-нибудь — исключая императора и императрицы, о них нет вопроса; прежде всего они — твои благодетели, и потом они действительно так совершенны, что, говоря правду, ты скажешь о них только доброе. Что же касается двора и высшего общества, то есть самого развращенного, их надобно хлестать и карать; в конце концов ты, как Сен-Симон, окунешь свое перо в желчь законного отвращения.

— Знаешь ли ты, что Гоголь говорил мне точно то же. Уверяю тебя, что императрица «как дитя проста». Когда-нибудь, когда мы вернемся к рассказам о дворе, я расскажу тебе об идеальных чертах этого ангельского создания. Как эти две великие души дополняют свою красоту, так хорошо подходя друг к другу. Он — дуб, она — тростник, который гнется и никогда не ломается.

— А теперь пожалуй мою дорогую бабушку, нашу дорогую бабушку, ибо кровь Грузинских и Цицишвили давно смешалась!

Мы приехали в Грамаклею, кажется.

— Да! И бабушка стояла у ворот, и заслоняла рукой солнце.

— Разве не было зонтиков?

— Откуда их было взять в такой глуши, и часов не было в деревне и все делали посолонь. У Дедушки были часы, но когда он умер, Бабушка их поховала, с. а. d. спрятала, и сказала: «щоб воны всегда стояли у той час как закатилось мое солнце». Ты видишь, что в ней была своя романтическая и поэтическая сторона.

— Да, эту бабушку я до смерти люблю, я бы ее посадил в рамочку.

— Николай, ты меня все время перебиваешь, Мятлев написал мне стихи, начинающиеся так [38]:

Черненькую дамочку,
Что Музой у меня,
Я посадил бы в рамочку
И все глядел бы на нея.

А далее не помню.

— Ну теперь я тебе приказываю продолжать про бабушку; ты точно моя старая няня, как я ее любил!

Грамаклея, дом, сад, тишина.

Дядинька мне сказал, что сад так разросся, что под тенью дремлющих акаций и черемухи можно прекрасно дремать.

— Как это красиво: дремлющих акаций; я не знаю черемухи.
— Ты забываешь прекрасные стихи Батюшкова.

Под сенью черемухи млечной
И дремлющих акаций
Спешу восстановить алтарь
И муз и граций.

— Душенька Батюшков, написал эти грандиозные стихи. Ты муза, ты олицетворенная грация. Знаешь ли, что у Батюшкова поэтически грациозные и часто меланхолические стихи, от которых тает сердце, например «Тень Патрокла» [39].

— Э, мой Киса будет жить, как он. Ну же, ну, я продолжаю чтение записок Сен-Симона.

— Но, душенька, ты, должно быть, устала, читать утомительнее, чем болтать.

— Нет, могу тебя уверить, что это ничего, и хочу тебе сегодня сделать подарок; я тебе подарю станитовую юбку и наряжу себя в нее.

— Что это еще за выдумки? Как ты горазда на всякий вздор!

— Да это не я, это все-таки Гоголь. Это в какой-то сцене [40], кто-то получил наследство и читает духовное завещание старой тетки вслух. Щепкин удивительно играл эту сцену. «Подушка, это ничего, хоть она и перовая, это ничего, сто рублев, мерзавка, обещала 400, и станитовую юбку — ну, на что мне станитовая юбка, я вас спрашиваю, и подписала черт знает что — обмокни, обмокни, черт знает что такое, когда ее зовут Авдотья. Надо тут тягаться по судам; ничего не достанешь, скажут — твоя, мол, тетка была Авдотья, а ты выставил Обмокни, подложное духовное завещание etc.»

— Это помрешь со смеху, во что бы то ни стало куплю его сочинения, Павел должен прислать их с курьером. Ну, так давай мне мою станитовую юбку, я даже не знаю, что такое станит.

— Это красный камлот, такой, как капоты, которые выдавали в институте провинившимся барышням и называли их «постыдный капот». Маленькие говорили это старшим, упрекая, когда ссорились: «Не забудьте, что вы носили красный капот, вы срамница».

— Ну, а моя станитовая юбка?

— Подожди, подожди, ведь все надобно с толком, с расстановкой; вот она, Николай Дмитрич Киселев, второй секретарь Российского посольства в Вавилоне на Вене, подвиньтесь и выставьте ваши дули, размалеванные суздальским писцом, и я их поцелую, а вы — мои, размалеванные Богом любви.

— Ангел мой, отчего такая восхитительная перемена? Я более не буду похищать твои поцелуи, ты вспомнила про мушек, эти мушки — это я; было так прекрасно красть их с целомудренных губок, и я надеюсь почувствовать твое дыхание, чистое, как дыхание ребенка.

— Если ты предпочитаешь, продолжай их красть, я иногда буду притворяться спящей.

Я под конец беременности засыпала несколько раз в день на диване; ему приказано было отгонять мух.

— Это правда, это лучше, чем иметь одну станитовую юбку каждый день, нужно скупо расходовать свое счастье, но в конце концов у меня будет одна длинная станитовая юбка. Подпиши же контракт «обмокни».

Мы написали на бумаге, и я подписала «Обмокни», а он — «наследник Авдотьи». А теперь ночная сказочница, продолжай чтение. Приказываю.

— Хорошо, чтение начинается при Киске без прокур⟨ор⟩а и писцов.

Грамаклея: ужины, споры о западном воспитании; дед и Щенсна-Потоцкий; рассказы бабушки о своем замужестве.

⟨Рассказ о замужестве⟩: Когда мы вышли с Грузии, отцу моему дали земли здесь, в краю; мы жили в Санжарах, у рейтеровых казаков; там меня выдали замуж за Дедушку, у меня была короста (чесотка), и я была вымазана дегтем; спросили: «Катя, хочешь идти замуж за Немца», я сказала: «Как прикажете, батюшка и матушка». Нынче что выдумали, по любви выходить замуж, да еще с женихом чоломкаются до свадьбы.

Бог простит меня, Николаша, потому что, кроме этого я никогда не огорчала его, а жили мы 25 лет душа в душу, и детей у меня 21 душа. Бог их прибрал младенцами, слава Богу, а то как бы я могла их воспитать.

Рассказы бабушки о детях, об единственной ссоре с мужем.

— Как это трогательно, она каялась в этом как в преступлении, бедная, добрая, старая бабушка; какая поистине младенческая душевная простота.

— Я думаю, мой возлюбленный Николай, что не буду больше тебе это рассказывать, чтобы ты не пропустил чай.

— Ангел мой, мне трудно не думать иногда с ужасом, что ты скажешь мне нечто такое скорбное, что разрушит мое и твое счастье на всю жизнь.

— Николай, ангел мой, это невозможно, я надеюсь жить: если это несчастье со мной случится, прижми меня к своему сердцу, чтобы унять эти черные мысли.

Мы оба заплакали.

Амалия Ивановна, выезды детей с бабушкой, приезд разных господ на станцию, барыня с девочкой и куклой.

— Ангел мой, но это написано рукою мастера, я должен поцеловать эту хорошенькую ручку и этот маленький неформенный указательный палец.

Мы так занялись чтением, что не заметили, что муж мой вернулся, к счастью мы сидели на версту друг от друга. Он спросил меня, что мы

читаем. Киселев отвечал: «Так как твоя жена очень хорошо рассказывает, я предложил ей попытаться писать, а теперь я целую ей руку и прощаюсь с вами».

— Ты лучше не уходи и обедай с нами.

— Очень рад, я тотчас приду.

После обеда опять чай со сливками и булками и храп. Киселев мне сказал: «Какое животное, мне хочется поцеловать тебя перед его носом; ништо им, таким подлецам. Какое счастье, что он вошел в минуту, когда я собирался тебя поцеловать. Ты будешь продолжать чтение сегодня вечером?».

— Да, но я пойду на минуту к Клеопатре, она должна привести Платонова к разуму, он шпионит за нами и рассказал Ольге Долгорукой, что мы влюблены друг в друга.

Мы вошли к Клеопатре и нашли ее в ярости, Гугорт смеялся.

Клеопатра вцепилась в курчавые волосы Гугорта и кричала: «Говорю вам, Гугорт, я гречанка и знаю лучше, чем ваш Меланхтон и ваш Ришелье, что говорят «O Dios», а не «O Tios». Кто были эти люди, я не знаю, черт бы их побрал; она вышла на балкон и кричала нашим знакомым как петух на насесте: «Господин Платонов, как говорят «O Dios?» — «Княгиня, я не знаю греческого».

Я сказала: «Нужно нам всем пойти на террасу, чтобы обратиться к суждению Лос Риоса». Лос Риос сказал, что забыл греческий, но сцена должна была быть хороша, и он зарисует ее в свой альбом; не знаю, предавался ли он этому художественному разгулу. Вечер прошел в шутках; по возвращении Кисс сказал мне: «Слишком поздно для чтения».

— Конечно, нам есть чем заняться получше и сказать: знаешь ли, Николай, что роковая минута близится.

— Почему роковая, моя любимая? Ты увидишь, что все пройдет очень хорошо.

— Мне так хочется понежиться, сядь возле меня, обними меня и целуй, сколько хочешь.

— И я люблю нежиться до смерти, Маменька моя, до тебя никто меня не нежил.

Он вздохнул: «Я так же любил свою мать, как ты свою».

— Вот ты ошибся, я всегда любила папеньку более маменьки, а когда она вышла за колченогого черта, я совсем не любила ее, я не могла ей простить, что она забыла, а Клема часто мне говорил: «Я иногда совсем ее не люблю, она все целует этого гадкого Арнольди», а позже она говорила: «Ты урода, у тебя волосы на лбу и никто на тебе не женится, и будешь скверной, злой девкой». Мне было восемь лет, когда этот богомерзкий человек хотел сделать очень гадкие вещи со мной. Ты понимаешь?

— Ах, какой ужас!

— Мы были тогда в Белгороде, маменька пошла служить молебен св. Иоасафу, а я играла одна на полу, когда он схватил меня, я закричала. Амалья Ив⟨ановна⟩ прибежала, я ей все рассказала, и с той поры

она меня стерегла и ни на минуту не оставляла меня одну с ним; она запретила говорить это маменьке; вот почему я не любила мать.

— Бедненькая Сашенька. Как рано пошли твои испытания.

— Мы никогда не говорили этому чудовищу «Папа», что очень обижало мою мать; мы называли его Иван Карлович

— Но что это за Арнольди? Итальянец?

— Да, они из очень хорошей итальянской семьи в Болонье, но они стали немцами из наших губерний. Так говорят в Петербурге, когда речь идет о прибалтийских губерниях, так же как о Польше и Литве говорят «привислянский край».

— Все-то ты знаешь, умница моя! Тебе должно быть скучно с Киской, он об России ничего не знает.

— Смотри, душа, положи руку на впадину желудка. Вот видишь, как мягко и пусто, значит брюхо опустилось, и дитя так и брыкает.

— Да, точно опустилось, а ниже боюсь тронуть, не хочу встревожить дитя. Когда же приедет Гейденрайх?

— Я жду ее через две недели, вместо Лизы у меня будет премиленькая девушка Мина Цюферг из Dorinlingen, а кормилица из Ахерна Тереза Радер.

— Как кормилица? Ты должна сама кормить, говорят, очень полезно и столь же необходимо ребенку, как и матери.

— Но где ты выудил эти сведения?

— Я читал книги по физиологии и психологии, а особенно много беседовал с великим философом Галлем; он, как физиолог, кроме того, рассказывал любопытные вещи и дал мне превосходные гигиенические указания; я скажу тебе об этом, когда мы поженимся, потому что все это неприлично.

— Я понимаю, я читала «Наставления женатому духовенству», а дал мне эту книгу наш дурак Иван Ефимыч из Спасского. Священник может сближаться с женой только 82 раза в год. Если ты прибавишь роды, беременность, кормление, то найдешь, что в течение трех лет священник спит с женой только 30 раз в год. И когда мы поженимся, мы будем поступать как они.

— Но я не знаю священников, и когда моя обожаемая Александрина будет мне принадлежать, я чаще буду доставлять себе блаженство — величайшее, когда любят, как я люблю тебя, безумно.

— Но, Николай, мы счастливы и без того, что ты зовешь блаженством.

— Ах, потому что мы не женаты; ты от этого не страдаешь, а я другое дело.

— Но если ты страдаешь, не нужно видеться так часто.

— Ты уж и обрадовалась, своего Киску поставить в архив на верхнюю полочку. Какой глупец я был, я постоянно слышал, как произносится твое имя; я бывал всегда у Пушкина на вечерах, где шла игра, я не играл, и Пушкин приглашал меня судить о его картах и его игре. Он говорил мне: «Ты паинька, ты, мой голубчик, живи благоразумно, не трать сердца по-пустому и, может быть, будешь счастлив, когда женишься». Он

при мне написал эти прелестные стихи о тебе. Он мелком написал:

Своенравная Россети
В прихотливой красоте
Все сердца пленяет эти
Те, те, те и те, те, те.

Смирнов тут был, играл напропалую [41], платил тотчас, а другие играли на мелок. Он играл с Дышкой, Платоновым и пр. Народу было всегда много.

Мне и в голову не приходило, что я могу с тобой познакомиться. Двор, большой свет, все это меня пугало. Не хвалясь, скажу, что был очень скромен и довольствовался 4000 фр. в год; у меня, однако, было положение в Министерстве, из всей канцелярии Нессельроде отличал особенно Гильфердинга и мою скромную персону, твоего Кисса; я часто обедал у него, и милая, добрая графиня любила беседовать со мной. Ах, какой скотиной я был, и это наложит печать на всю мою жизнь. Скажи мне, ты вышла бы замуж за меня, бедняка?

— Конечно, не колеблясь ни минуты, если бы знала тебя, как теперь.

— Но ты говоришь, что во дворце вы встречались только с вел. князем Михаилом и Жуковским.

— И тетушкой Лорер, туда-то и приходил Мальцев; она очень желала этого брака, потому что он был богат, и говорила мне: «И он будет помогать твоим братьям». Я ей сказала: «Евгений Стерич сказал мне, что он скуп, и у него такие масляные глаза, такие противные». Впрочем, он уехал с Грибоедовым к персам.

Рассказ Киселева о Грибоедове [42].

— Но возвращаясь к моей печальной звезде, не пожелавшей, чтобы я тебя встретил, тебя, мою прекрасную и добрую звезду. Как перенесла бы ты бедность?

— Мой милый друг, только бедность и одиночество сердца делают нас нищими. К тому же я была не так бедна; фрейлинам дают 12 000 фр., я истратила бы на наше постельное белье и свои тряпки 6000 фр., а остальное — чтобы обставить наше совсем маленькое жилище: я обошлась бы без горничной, я умею себя обслуживать сама, и я могла бы распоряжаться кухаркой с помощью поваренной книги моего собственного сочинения, по которой я приготовила бы тебе вкусный суп. Что до вина, которое ты пьешь, Лафит, ты получил бы твою бутылку на три дня; я же никогда не пью ничего, кроме чистой воды. Возвращаясь из своей канцелярии, ты находил бы наш маленький рай, свежий воздух, цветы на столе и три скромных блюда, умело сервированные и поданные вовремя. Я не курила бы эти ужасные пахитоски, которые ты ненавидишь, одним расходом меньше; я подсчитала, что трачу на курение 200 фр. в год, это не что иное, как кража у бедных. Никаких экипажей, кроме как на Рождество и Пасху, если бы я была беременна. Беременности — это большие расходы, и я бы их делала, как делала для моих

маленьких двойняшек. А у меня тоже были бы двойняшки. Галль объяснил тебе, отчего бывают двойни?

— Да, но объяснение не для твоих ушей.

— Кроме того, я была бы не так бедна, а ты тем менее, ибо император придумал же место для Каменского, когда он женился на Наташе Бороздиной; они имели 20 000 фр. в год и прекрасно жили в Лондоне; но мы нажили бы большие капиталы.

— А моя карьера, я предпочел бы видеть тебя, окруженной почестями, и наконец госпожой посланницей.

— Киса, что все эти тщеславные расчеты по сравнению с утолением жажды сердца, ума, вкуса. Сохранив благодеяния имп⟨ератора⟩ и императрицы, мы поехали бы в Адамовку, в маленький домик, построенный папой, эту милую Адамовку, которую я помню в мельчайших подробностях. Мы ее выкупили бы у этого гнусного грабителя Арнольди, Павел ссудил бы нам денег.

Представь себе, мой любимый, мы были бы одни и нам бы всегда этого было бы достаточно, ибо любовь не тратится никогда в пустых усилиях.

Увы, увы, твоя скромность, твоя несчастливая звезда помешала этому счастью. «Лови, лови, часы любви» [43]. Лишь в молодости улыбаются эти счастливые часы.

— Давай перестанем, мой милый ангел, строить воздушные замки.

Он поцеловал мой лоб, глаза и, сияя от счастья, руки и ноги. Он говорил мне: «Какую картину семейной жизни ты мне рисуешь, можно умереть от счастья; какой ты ангел, что так меня любишь. Полное, вечное одиночество в Адамовке, где погребены, но так живы в твоем обожаемом сердце воспоминания о твоих родителях. Будем же, моя возлюбленная, строить воздушные замки. Там будет пианино и вся твоя музыка, твои любимые картины; я снова возьмусь за рисование пейзажей, я научусь писать синее небо Одессы, которое видело твое рождение; когда я буду писать, ты будешь играть на пианино, от сонат Плейеля до Бетховена; мы никогда не будем разлучаться; когда я поеду в Одессу, мы поедем через Янгокраки, если будет трясти, ты этого не почувствуешь, я перенесу тебя на руках, мой нежный друг, моя обожаемая женушка; мы пойдем вместе посмотреть на статую Дюка, молиться в университетскую церковь, мы купим твои любимые апельсины из Яффы и Трапезунда. Одесса, какой рубеж античной и поэтической Греции. Мы купим дяде Николаю Грамаклею, будем видаться там с соседями, кроме Кашперовых и Бредихиных. Мы пойдем помолиться к Андрею Первозванному, я велю написать этого святого, который пугал тебя в детстве и может испугать наших детей. Наши дети, Александрина, боже, какое счастье; я люблю твоих троих, потому что они — твоя плоть и кровь, как же буду любить тех, кто будут твоя и моя кровь, смешавшиеся в чистом и целомудренном объятии; это будут ангелы.

— Какая очаровательная картина, мой милый муженек, как ты хорошо завершил начатое мною. Но это не будет, не будет, как говорил мой бедный Ланжерон.

— А я говорю: будет, будет, как говорит твой Кисса.

— Нехай так, нехай так,
Нехай рыба буде рак!

— Ах, как это мило, это еще по-хохлацки.

— Да, конечно, все идет с моей родины, Малороссии. Видишь ли, там женщины верховодят, итак женщина говорит что-то, а мужчина покоряется ее голосу, и поют так:

Мужик сияв жито,
Жинка каже: мак.

Он отвечает:

Нехай так, нехай так,
Нехай жито буде мак.
Мужик поймав щуку,
Жинка каже: рак.
Нехай так, нехай так,
Нехай щука буде рак.

— Душенька, как хорош, ну, ты моя жинка будешь.

— Хорошо. Наша нехай так, нехай так, твоя Саша будет рак рыба.

— А что значит нехай и жито?

— Нехай — значит пусть будет, а жито это пшеница по-русски, то москали говорят. Москалей тоже зовут кацапами, т. е. бородатыми, козлами.

— А после этого говорят, что Россия однородна и что все сливается. Я чай, там народов не оберешься.

— Конечно, я начну с Севера: финляндцы, олонцы, очень своеобразный люд; сын Гильфердинга там собрал песни и анекдоты о Петре первом; он туда ездил на Марциальные воды. Однако я пойду лягу в постель, а потом тебя позову.

— Разве это можно?

— Да, я в Петерб‹урге›, когда была больна, всегда принимала мужчин в постели — Хомякова, Аксакова, Шеншина, Самарина и пр. Что же в этом плохого? Поверь мне, мой друг, для чистых все чисто, плохо только для тех, кто самое чистое превращает в нечистое.

Он взошел и сказал: «Вхожу в алтарь и муз и граций, дай-ка лягу на постель твоего мужа; я воображаю, что я твой муж и что дитя, которое ты носишь,— мое, это твоя плоть и кровь, он возрос в твоем лоне, под воздействием нашей любви, столь чистой и целомудренной, он будет самым красивым из твоих детей».

— Киса, как я хотела бы разрешиться, пока ты здесь, не можешь ли ты продлить свой отпуск?

— Невозможно. Медем действительно болен и нуждается в лечении; я уже думал, какое счастье было бы, если бы я мог присутствовать при том, что ты называешь неумолимой минутой. Эйландт и я, мы были бы подле тебя. Это мне она передала бы драгоценное маленькое существо; я дал бы ему первый поцелуй, поцелуй, который освятил бы меня. Я об этом уже давно думал, вот как мы друг друга понимаем. Однако пора мне уходить. Дай себя обнять и поцеловать.

А. О. Смирнова неосторожно бросила в окно папиросу, сплетня о том, будто это любовная записка. Рассказ Смирнова об отце. Чума в Одессе. Меры, принятые Ришелье. Его персонал в Одессе в это время: Форстер, Кобле.

Кобле был шотландец, не важного происхождения. Когда я уже была фрейлиной, он однажды приехал в Аничковский дворец и меня еще тогда называл масенькой Сашинька; он мне объявил, что на родине все перемерли: Бабушка, тетка Катерина Ива‹новна›, Каховы, Форстер, а Гакебуш переведен был в Усмань, в Тамбовскую губернию. Бранил Арнольди собакой, «а я приехал повидаться с Мордвиновым, ты их знаешь, Сашенька, моя сестра за ним замужем, и я тоже хочу видеть мою любимую племянницу, она точно как сестра моя, очень хорошенькая, и вышла замуж за прекрасного человека, сенатора Столыпина; ты должна туда поехать с Марией Ивановной Лорер». Кобле тут мне много рассказал про себя и про наше семейство. «Бедный Николаша все еще в Сибири, ты не оставляй его, можешь у государя просить его простить». «Моя жена,— рассказывал он,— была дочь казацкого полковника Цыпленкова, который остановил Емельку Пугачева. Я приезжал туда по комиссии государыни Екатерины, увидал его дочь и влюбился, как кошка; отец мне сказал: «А Бог тебя знает, откуда черт тебя принес, и вера у тебя какая, ты и хреста не кладешь». Но его дочь меня очень полюбила и сказала: «Фома Александрович, вы такой добрый и ученый, и говорите по-английски, а я такая глупая и ни одной книжки не читала». Я ей отвечал: «Какой я ученый, я тоже никогда книжки не читал, только наши шотландские песни и сказки об мертвецах». Она сейчас говорила: «Как же вы неученый, вы генерал». Я ей сказал: «Моя дорогая, я генерал от моей храбрости» и сказал: «Я тебя буду увезти» и посадил ее перед собой на лошаденке и велел крепко держаться за гриву. Мы так скакали во весь дух 40 верст до первой станицы, где мы обвенчались; я был всегда честный человек, даже нецелул ее и ничего не делал до венца».

Вообразите, дорогой друг, мне было 18 лет и это слово «делал» не покидало меня; я сказала Александрине Зубовой: «Моя милая, что делают, чтобы иметь детей?» Она сказала мне: «Ах, Сашенька, Делош нам не сказал, что нужно делать».

Киселев захохотал, говоря: «Хороша мысль, что аббат должен это знать».

— До моего замужества я ломала голову, чтобы это узнать. Увы, я слишком хорошо узнала ужасное проклятие бога за вину Евы и, как г-жа Тимирязева, я ненавидела Адама и Еву.

— Ангел мой, какое восхитительное воспитание дала вам Марья Феод‹оровна›; она, голубушка, не знала, что из ее царских христианок выйдет чистая голубица для недостойного ее друга и будущего супруга.

— Каким возвышенным стилем вы пользуетесь, господин Киселев!

— Ты сказала, что это проклятие, это неверно. Господь в своем милосердии соединил величайшее из земных блаженств с актом зачатия

ребенка. Этот акт очищается бременем беременности и трудом родов, в труде и скорби всякий родит, и скорбь и труд обратятся тебе в радость велию. Ты видишь, что я держу в памяти сущность Евангелия, а потом Галль развивал мне некоторые темные тексты. Это христианский философ.

— Не помню, как это все прекратилось; страшный 12-й год мы провели в Одессе, где отпевали Каменского, его заменил Чичагов; в память Каменского были розданы кольца и все их носили. В 1814 году произошла важная перемена, Ришелье уезжал и сдал Одессу, украшенную и многолюдную, Ланжерону, потом она перешла в руки Сабанеева, прекрасного, благородного ветерана наших войск; он недолго пожил и достойным преемником Ришелье, а папенька был опасно болен; на хуторе он сидел всегда на балконе, в халате из ангур⟨ской?⟩ шали, я даже помню цвет, к нему ездили какие-то люди из Нахичевани, это там где-то на границе к Кавказу; подавали черный кофий с лимоном, и все курили длинные черешневые чубуки. Какой-то француз пел: «В моей табакерке хороший табак, а у тебя нет».

Все, что было лучшего в эмиграции, группировалось вокруг герцога, у нас были маркиз де ля Мезонфор, Мартиньяк, Рошешуар, Мортемар, граф де Сен-При; нужно еще мне с Сен-При повидаться в Париже, ты это устроишь, граф Кастельно и граф Д'Аллонвиль, который женился на дочери Ильи Васильевича Капниста; ему достались Трубайцы, а Абуховка у старшего брата Василья Васильевича; он теперь губернатором в Москве, и Лева у него в губернском правлении советником. Ты, дружок, ничего не знаешь об этих гадких местах. Машина, которая двигает этим огромным государством, поддерживает его силу, очень сложна; но великому не вредит, когда карлик кусает его ногу.

— Как ты, моя жинка, любишь Россию!

— Ты знаешь, Константину Аксакову всегда говорят: твоя любовница Россия что-то съехала с рельсов, и у Гоголя одна любовница Россия. Я не люблю это слово любовница. Любовница мне представляется всегда какой-нибудь нечесанной Дуняшкой, которая валяется с каким-нибудь Митрошкой. Я предпочитаю слово maîtresse.

— И я тоже, это доказывает, что любящее сердце находит свою половинку в обожаемой женщине, как я например.

Болезнь и смерть отца, его предсмертное завещание Саше. Рассказ Киселева о смерти матери. Похороны отца.

— Я не знаю, где отца похоронили. Соня, когда была в Одессе, искала его тело на всех кладбищах и не нашла его. У Бабушки он не был похоронен, может быть, в Адамовке; я поеду на юг и там узнаю, где любимые останки самого лучшего супруга, отца нежного, и над его могилой велю гравировать следующую эпитафию:

Покойся, милый прах,
До радостного утра.

— Как это красиво; если кто-нибудь из твоих детей умрет, ты сделаешь эту эпитафию.

— Это Карамзина — когда он потерял старшего сына Андрея, которого звали так же, как ныне живущего. Я напишу ее также и на твоей могиле. Я читала еще хорошенькую английскую надпись:

Она ушла в час или два,
Скорее, чем дети обычно,
И мы раздеваемся,
Чтобы следовать за Тобой.

Когда Гоголь был в Спасском, я была очень больна[44], и мы пошли в деревню поблизости, с другой стороны Москвы. Это деревня 〈название нрзб.〉 государственных крестьян, очень богатое торговое село. Мы пошли на кладбище, он остановился и вписал в свою тетрадь следующую надпись:

О гроб, мой дом.
О, дом мой, гроб.

— Как это хорошо и верно, в доме враги, как сказал Спаситель, враги мои — домашние мои, а в гробе есть истинный дом наш.

— Ах, этот Гоголь, неоцененный Гоголь, у него сердце гениальное и святое.

— Но теперь, моя душа, выбирайтесь из кладбищ.

После смерти отца. Население юга России. История земельных владений отца (Адамовка, Куяльник). Ришелье, его беседы с Александром I при посылке его на юг. Возвращение Ришелье во Францию. История продажи Куяльника и неудачного предприятия отца по продаже хлеба в Италию и Францию. Материальные потери отца. Отъезд Ришелье во Францию и прощальный праздник в Одессе. Шалости брата Клементия.

Киселев так и покатился со смеху и сказал: «Бога ради, не печатай этого, это проказа, но все-таки неприлично».

— Ведь это уже дело цензора; сам государь будет цензуровать меня, как Пушкина; он наверно велит печатать toto quale *.

— Как, государь цензурит Пушкина?

— Непременно, и всегда мне посылал то, что прошло через его цензуру[45]. Я прошу вас верить мне, мсье, когда спрашиваете; я отдала ему конверт, содержавший 10 главу Онегина, а потом один раз он мне сам передал «Граф Нулин». Там, где сказано «в спальне стоял урыльник», император поставил «будильник»; это очень позабавило Пушкина. Он сказал мне: «Видно, что это большой человек, тот, что поставил будиль-

---

* все как есть (*лат.*).

ник; где же нашей братии, сволочи, заводить будильники, я у себя посвятил для урыльника горшок из-под каши и велел его беречь как саксонский фарфор». «Нет, Пушкин, нашим Личардам гораздо милее Гжельская файанс».

— Гжель, знаешь ли, что у меня рядом с моей землей есть фарфор, такой же хороший, как Мейссенский; хочешь, я тебе подарю эту землю? У меня нет денег для фабричного дела, а Павлу нет времени и тоже нет денег.

— Пожалуй, я приму, потому что всякое даяние благо, исходящее от тебя, света моих очей.

— Ну, так эта земля твоя, да вот какая беда, я забыл, как зовут эту деревушку. Павел Дмит⟨риевич⟩ ничего не взял из остатков большого имения, Сергей небось взял лучшую часть, т. е. Орловскую деревню, а Никошке, сказал, и это хорошо.

— Какой противный; однако я буду читать, потому что торжественный час родов близится, и я хочу кончить это писание, оно мне наскучило.

Продолжение рассказа о празднике в честь герцога Ришелье.

— Душенька, как с тобой весело, все-то ты знаешь, все помнишь и так мило рассказываешь; еще у тебя одна странность: голос твой постоянно меняется, ты модулируешь своим обожаемым голосом, который запал мне в сердце с первого дня.

— Твоя невестка мне сказала еще в Бадене: «Дорогая, вы такая забавная, что, будь я императрицей, я держала бы вас весь день подле себя». И я ей ответила: «Но императрица тоже находит меня весьма забавной и видается со мной в десять раз больше, чем с другими фрейлинами. Император тоже забавляется, когда я присутствую на вечере. Почему же мне не быть веселой? У меня есть муж, о котором я забочусь не более, чем о старых шлепанцах, дети, которых я обожаю, я богата и у меня много друзей». После твоего отъезда Софья мне сказала: «У меня в Париже есть Николай, он без ума от вас». Я приняла гордый вид и сказала: «Думаю, что он будет принадлежать к числу моих друзей».

Возвращение с праздника Ришелье. Авария экипажа на обратном пути. Дворник Яким и его семья. Другие слуги в Адамовке.

— Ну, а теперь подождем, я есть хочу.

— Да что ты хочешь, чего?

— Чего всегда, но сперва яичницу, дитя хочет есть. Иди и устрой это поскорее.

Принесли яичницу, я преисправно уплела и сказала: «А теперь подайте чаю», как Гагарин: «А ты, хочешь тоже чаю», у Гагарина всегда выходит чааю.

— Чааю, охотно.

Потом мы пошли пошататься на променад, он заглянул в рулетку и сказал, что Николай Михайлович пресерьезно занят, ставит на красную с мадам де Лаге, что все в поту, вонь страшная.

— Какой центр порока эта рулетка и как преступно поступают правительства, позволяя это; в Париже тоже есть игорные дома и там происходят отвратительные вещи; но по крайней мере полиция строго следит и преследует соблазнителей; но добродетельная Германия рассчитывает, кажется, на добродетель своих сограждан. Ты играешь в парижских салонах?

— Салоны, милое дело! Нога моя не ступает в салон, скука ужасная, я бываю только в официальном свете, и то как можно меньше.

— Что же ты делаешь по вечерам?

— Хожу в театр, в оперу и в клуб для иностранцев, но никогда не брал карты в руки. В парижских салонах не играют, игорный стол есть только у лорда Гренвиля, который никогда не разговаривает, он несколько вроде Уильяма Рассела. Г-жа Гренвиль и еще не знаю кто составляют его четыре робера в вист.

— Знаешь, Николай, нужно заставить мужа вступить в этот клуб.

— Я уже думал об этом, а то он будет торчать перед нами.

— То-то, ведь ты будешь приходить всякий вечер ко мне, как здесь.

— Увидим, увидим, моя душенька.

Встретили Лос Риоса, и он мне сказал: «Мадам Семянтковска, я приказываю вам родить завтра, чтобы сделать удовольствие Киселеву, он будет вашей повивальной бабкой; не в первый раз он будет играть эту роль», и с насмешливой улыбкой посмотрел на Киселева. Я ему сказала: «Киселев, почему вы волнуетесь, вы даже покраснели».— «Нисколько, мадам, это вам кажется. Пойдем читать».

— Лос Риос,— сказал он,— она пишет свои мемуары, начиная с детства. Это так прелестно и так хорошо написано по-русски.

— Она вам читает? И только? — Лос Риос, вы противный насмешник.

— Ну, пожалуйста, милейшая перина, продолжай чтение.

— Совсем не так. Адмирал Вонифатьев мне говорил: прекрасная особка.

— Ты и в Ревеле была и в Дерпте?

— Да, через Дерпт проезжала и там мы обедали, я не знала, что этот город был осчастливлен пребыванием двух знаменитых русских. Но в Саксонии не была, хотя и молода.

— Эту поговорку знаю.

— А знаешь ли ты письмо русских солдат из Саксонии, это мне сказал в Лондоне священник Попов:

Пишет, пишет король Прусский
Государыне французской
Мекленбургское письмо.

— Ах, как это мило; но я знаю другую песенку:

Однажды принц Оранский
Ехал через По
И девке Орлеанской
Отпустил бонмо.

— Дальше не знаю, но, говорят, это неприлично.

— Ну, изволь же читать.

— Слушаюсь; ты заметил, что Михайла говорит: «Слусь»; Клементий рассказывает, что чиновники произносят слово Превосходительство — ваше Проходство, с каким-то услаждением, так что слюнки текут. А теперь за чтение.

Подарки Ришелье. Неаполитанская королева — крестная мать младшего брата Саши Александра-Карла. Дерибас и его супруга. Подарки неаполитанской королевы.

— Где же эти вещи, у тебя?

— Какой у меня! Мерзавец Арнольди дал без зазрения совести при мне крест Ольге, Карл ему сказал: «Берите скловаж, генерал, а крест мой». Он ему сказал: «Молчи, дурак», а Карл ему отвечал: «Генерал, я капитан Преображенского полка и полковой адъютант. Вы не смеете меня тыкать и называть дураком». И что же, Ришенька, этот любезный супруг помог Арлондию (солдаты его так называют) против бедного Карла. Я презираю его и всегда презирала. После моих вторых родов Смирнов пригласил эту деревянную ногу; я была еще очень больна, мы пили чай, при этом была его сестра, спор перешел в ссору, он осмелился мне сказать, что я — скотина; когда он ушел, его сестра, у которой в тысячу раз больше ума и душевного такта, была в отчаянии; пришел врач, а этот скот пригласил генерала; но я держалась стойко, не приняла его, сославшись на Шольца. Ах, как я ненавижу этого человека! И все оттого, что Арнольди генерал, у него делается от подлости дрожь в коленях, как говорит Пушкин. Он тебя в грош не ставит, потому что у тебя нет регалий. У тебя есть регалии?

— Нет, от убытка бог избавил.

Хутор Адамовка. Сад. Садовник Батист. Фрукты в саду.

— И персики большие, как твой кулак. Ты любишь персики?

— Да, это мой любимый плод — персики де Монтрай и ле Шапель де Фонтенбло, я ими наслаждаюсь, т. е. я ем персик со сливками.

— И я тоже, как ты; я ем плод, а потом начинаю другой; странное дело, я не люблю лесных плодов, а зато малину со сливками я могла бы есть все время, люблю тоже клубнику; я люблю попользоваться насчет клубнички, как говорит Ноздрев в «Мертвых душах», а потом этот Ноздрев говорил, что было где-нибудь весело, музыка играет, штандарт

скачет; из этого Самарин сделал глагол и говорил мне: «Вы были на бале, что там было штандартно?»

— А Ришечка говорит, что Шасечка ему всегда штандартна. Это вновь образованное слово, и Шишков должен его включить в число самых приятных и употребительных.

— Чтобы покончить с этими словами — Пушкин и я, мы составляли коллекцию переводов французских слов [46], или, точнее, эпитетов, так un mangeur de cours у Шишкова называется фордыбак; un faire la cour — щелкопер, элегантная, но несколько полная дама — топтыга; старая шельма — труперта, галоши — мокроступы, кий бильярд и шар — шарокат. Пушкин говорил, что его любимый поэт — Тредьяковский, а после него — граф Хвостов; в доказательство изящества Тредьяковского он цитировал два стиха:

О лето, лето, тем ты мне не любовно,
Что ахти не грибовно.

И Хвостова:

Все знают, что на лире
Жуковский пел о Монплезире.
Соседство моря возносил
И у Гофмаршала просил
Себе светелочки просторной,
Милой и веселой и нехолодной.

А еще лучше были его стихи, сочиненные после бала, который давала Марья Антоновна Нарышкина, где барышни Лисянские пели с Пашковым:

Лисянские и Пашков там
Мешают странствовать ушам.

Это верх всего, а потом были локотники вместо кресел, и что-то насчет концов.

— Ты видела Марью Антоновну? Она была еще красива [47]?

— Нет, ее портила в особенности кожа и цвет лица, кожа была жирная. У нее были великолепные плечи и лебединая шея, она никогда не носила ничего, кроме ожерелья из прекрасного тонкого жемчуга, которое подарил ей император Александр, серег, им же подаренных, и на лбу жемчужной подвески (то, что называется севинье). На ее прекрасных руках не было браслетов. Волосы ее были неизменно убраны тюрбаном, хотя она не была султанша мысли.

Гейне и его отзыв о г-же де Сталь. Песенка М. И. Лорер о Фаншетте. История о том, как Ришелье и Кантемир спасли дофина. Сватовство к матери гр. Ржевуцкого, сватовство к ней П. Д. Киселева.

А я тебе еще расскажу такой анекдот, что умрешь со смеху; это уж после, долго, долго после Ольга мне рассказала. В Англии мы познакомились с Бахметевым, который похож на татарина, и мы его называли Бахмет Хан. Он из Китая пробрался в Россию, пароход его высадил в Поти, где он оставался неделю прожить в этом мерзопакостном месте, где

страшные лихорадки. Дали в честь такого гостя бал, он танцевал с какой-то барыней, вероятно самой важной и недурной, она была вроде Марьи Антоновны Гоголя, он, может быть, ей сказал: «Сударыня, как я бы желал быть этим платочком»; она вдруг ему сказала: «Вы подлец и мерзавец, вы смотрите в мой декольте».

Киселев так и разразился смехом: «Это во вкусе Гоголя. А как и где это Марья Антоновна?»

— В «Ревизоре», городничий Амос Федорович Антонский, супруга его Марья Андреевна, потом другие персонажи, смотритель богоугодных заведений, школьный учитель, два обывателя Добчинский и Бобчинский, два коротконузика, судья Тяпкин-Ляпкин, почтмейстер, кажется, Земляника и Ревизор чиновник Хлестаков, большой щелкопер. Комедия начинается так: городничий говорит: «Господа, я собрал вас, чтобы сообщить вам пренеприятную новость, к нам приехал Ревизор, недаром снились мне сегодня две большие крысы, они пришли, понюхали и ушли». Щепкин мне рассказывал, что всего труднее ему было говорить «две большие крысы, пришли, понюхали и ушли», а потом в «Игроках», где он играет роль Утешительного. «Игроки» — это жуткая драма, завтракают, едят закуску, и Щепкин должен говорить: «икра того, а семга не того»[48]. Представь себе, что когда я в первый раз видела эту комедию на сцене и играли Щепкин, Садовский и Самарин, т. е. выдающиеся таланты, публика ни разу не захлопала, и даже в антрактах молчали. После представления Щепкин пришел ко мне пить чай, он был еще потный и в гриме. Я заметила ему насчет поведения публики, особенно партер был полон офицеров и молодых чиновников. Он ответил мне: «Да, публика с первого представления всегда такова, ведь эта пьеса касается до важных тайн души, вот секрет ее серьезного успеха». Возвращаясь к «Ревизору», Бобчинский и Добчинский, которые объявляют о господинчике, открывают, что это таинственный персонаж, что он не платит, смотрит, какую провизию дают проезжающим. Это они объявляют о прибытии ужасного Ревизора. Щепкин говорит Землянике: «У вас больные точно кузнецы, колпаки их точно как будто вылудили всю посуду», учителю: «Вы приходите всегда в неистовый азарт. Конечно, Александр Македонский был великий человек, но зачем же опять стулья ломать», купцам: «А вы, аршинники, самоварники, поднесите ему лучшего чаю и рому, семгу, все, что у вас там есть, а не такой сор, как вы мне на именины приносите; я знаю, что вы уж накропали ему жалобу. Свистунов мне уж сказал, что вы писали к господину Фипоновому. Боже мой, а там выдрали бабу, скрыть это дело». Наконец, решается городничий ехать за Хлестаковым в гостиницу; половой оторопел, а хозяин совсем скрылся, и Хлестакова уговорили переехать с человеком его Осипом в дом городничего. Подали завтрак, икру, семгу, вина самые лучшие, лангарон из Петербурга, настойки, лососину, угрей, огромную кулебяку. Есть очень забавная сцена: накануне он просит свой обед, ему приносят помои, он ест несколько ложек и говорит: «Что это за мерзость, перья плавают, совсем есть нельзя», половой ему отвечает: «Хозяин говорит, что таким, которые не платят, и это хорошо, я пожалуй унесу».— «Ты, мерзавец, уже и обрадо-

вался, Осип, возьми, доешь», Осип ему говорит: «Иван Александрович, уезжайте, право, а то беда будет, и к Папеньке придется идти пешком, а в Питере вы говорили: как удивятся, когда Иван Александрыч подъедет в коляске, тьфу ты, черт, и соседи — губернская дрянь, просто не посмеют подойти». Все представляются Хлестакову и он у всех занимает деньги, я, говорит, поистратился по дороге, все ссужают ему деньги, кто пять рублей, кто 15, купцы приносят провизию, городничий дает 100 рублей, и все. «Знаем мы тебя, петерб⟨ургская⟩ штука». После знаменитого завтрака вино ударило в голову Хлестакова, он начинает ухаживать за Марьей Антоновной, берет стул, она жеманится и т. д., а затем он признается ей в любви, говоря: «как бы я желал быть этим платочком». Мать ревнует, и когда великий человек спит как убитый, все ходят на цыпочках, а две женщины разговаривают с Осипом, который ведет себя как истый крепостной. Барышня говорит ему: «Ах, какой твой барин душка». Перед сном Хлестаков хвастает своим положением: «Ко мне все посланники ездят, не говорю уже министры, это просто дрянь, я приказал готовиться к балу, я живу в 5-ом этаже и говорю кухарке: «Акулина», что я заврался — говорю дворецкому: «Готовь все для итальянского посланника». Наконец, он уезжает, обещая Амосу повышение и обещает жениться на барышне. Мамаша бранится с дочкой: он в меня влюблен,— говорит мать. «Ах, Маменька, право в меня, и про платочек он мне сказал».— «Врешь, он смотрел на меня, ты всегда так — чуть мужчина в комнату, ты уже воображаешь, что он в тебя влюблен», а потом Марья Андреевна говорит: «Антоша, какую кавалерию, ты думаешь, надобно просить — красную или голубую? Конечно, красную».— «Нет, Марья Андреевна, голубая выше».— «У тебя, Антоша, все так, красная нам более пристанет и курить будут у нас, как у Ивана Алекс⟨андровича⟩: совершенный амбре». Тогда наступает критический момент, входит жандарм и говорит: «приехал Ревизор». Все остаются, окаменев, с разинутым ртом. Почтмейстер входит с письмом в руке и говорит Городничему: «Читайте»; письмо от Хлестакова, он дает прозвища всем, читают по очереди и каждый останавливается перед своим прозвищем, ему кричат: «нет, читайте: судья Тяпкин-Ляпкин совершенно свиное рыло, а барышня такая, что, пожалуй, сама попросится Кочубеиньки».

Император, невзирая на всех своих подлых министров, приказал играть эту пьесу, велел включить ее в репертуар театра, заплатив ему ⟨Гоголю⟩ 4000 рублей за рукопись, которая находится в архиве Малого театра. На этом представлении император был в эполетах, партер блистал мундирами и орденами; министры и Павел в первую очередь должны были аплодировать, когда аплодировал государь, хлопавший, высовываясь из ложи наружу. Хохотали, а Павел больше других, так как ему не в чем было себя упрекнуть. Я не была на этом первом представлении, думаю, что я была в Берлине. Потом следует эпилог, который не играют и где автор говорит: «чему смеетесь, сами над собой смеетесь», двое молодых людей прогуливаются по коридору, один говорит: «Мишель, ты туда?» — «Да, и я туда, пьеса смешна, но согласись, что это вульгарно», по-французски, например, когда ковыряет себе в зубах, но все это мило, оч ва-

ляется в халате, и это мило, это не то, что русский чурбан». Потом автор садится возле человека скромно одетого, после его дельных замечаний он говорит: «Бог с тобой, наша малознаемая Россия, сколько в тебе сокровищ!» И потом еще: вы говорите, что это все сказки, побасенки. Побасенки, побасенки, а вон залу потрясают рукоплескания, балконы стонут под тяжестью зрителей[49]; а как он кончил первый том «Мертвых душ»? «Россия, ровным гладнем разметнулась ты на полмира. Куда несешься ты? И, косясь, постораниваются другие государства, давая ей дорогу».

— Ангел мой, как ты хороша, и ты еще говорила, что не хочешь играть в комедии. Ты большая актриса, и публика хлопала бы тебе изо всех сил. Знаешь ли, что минутами ты кокетка и играешь комедию.

— Милый Ришенька, с тобой я не играю комедию, я люблю тебя с детским доверием, ты мой добрый ангел. А завтра я тебе сделаю пассаж без реприманду, при общем моем бульверсмане.

Жизнь в Одессе зимой после смерти отца. Гувернантка Амалья Ивановна.

— Ангел мой, позволь мне прервать тебя, я не знаю, чем больше восхищаться в твоем чтении — игрой ли твоего лица, модуляциями ли твоего голоса, графическим стилем или твоим почерком — ведь это точно бисер, и это все пишет эта крошечная ручка. Ты должна мне это подарить.

— Ведь я для тебя, друг мой милый, трудилась. Конечно, тебе и тетрадь в твои маленькие руки.

Домашний персонал. 1817 год, брак матери с Арнольди. Отъезд детей в Грамаклею. Быт в бабушкином доме там. Соседи. Поездка в гости к Е. С. Шклоревич.

Я сидела между тетей и старухой, она для Грамаклеи надевала серый левантский капот и белый чепец с огромным белым бантом, у нее одной ноздри почти не было, что-то ведьмовское, хотя она была очень добрая.

— Ведьмовское — это очень хорошо, это ты изобрела, это хорошенькое прилагательное?

— Вовсе нет, ведьма играет в Малороссии очень большую роль, царица ведьм в Киеве, это то, что в России:

Баба-Яга, костяная нога,
Едет в ступе,
Пестом погоняет,
Помелом следы заметает.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» ты увидишь, что такое ведьма и Вий, один из злых духов хохлов[50].

— Я изумлен твоей памятью и твоим стилем!

— Что же ты хочешь, дорогие воспоминания детства запечатлеваются в наших сердцах, как будто вырезанные римским кинжалом. Говорят, что когда первые христиане благоговейно собрали останки св. Игнатия, на его

сердце нашли инициалы нашего Спасителя. Мне кажется, что когда я умру, найдут инициалы папы, мамы, моих братьев, бабушки, детей и тех, кого я люблю больше всего на свете. До сих пор я никогда не любила, как любят в романах.

— А как любят в романах? Я никогда их не читаю.

— Ну, умирая от счастья и страдания.

Он на меня посмотрел с неизъяснимым чувством, и слеза почти брызнула из глаз его.

Поездка на именины к Требинским. Именины в деревне.

— Как вы жестикулируете, говоря; можно подумать, что видишь вас в вашем восхитительном детстве.

— Я могу это сказать, мое детство действительно было восхитительным — до замужества маменьки. Уж теперь не так живут и не так воспитывают детей. Я жила в теплой атмосфере любви и чувства.

— Все это прекрасно сказано, прекрасно прочувствовано. Ах, Александра Осиповна, как Бог вас щедро наградил.

— Аксаков Иван негодовал однажды на меня, потому что я считала, что император Николай мог не только любить Вареньку Нелидову, но и сделать ее своей любовницей. Я ужасно разгневалась. Тут был Лева́. Чтобы успокоиться, я села за фортепиано и сказала ему: «Молчите, я терпеть не могу эти разговоры», а так как он продолжал, я ему сказала: «Вон отсюда, вы, чурбан!» Тогда он написал мне стихи, начинавшиеся:

Вы примиряетесь легко,
Теперь я понял вашу мудрость,
Вашу веру...

Дальше не помню.

К вам в душу недостойно
Семя порчи занесло.
А сколько дивных сил
Господь вам в душу положил [51].

— Как хорошо сказал Аксаков — то, что я так плохо выразил. Я не поэт.

— Напротив, ты поэт, когда говоришь о г-же Зейц, о симфониях Бетховена; рифма дана не всем, в конце концов это лишь дар, который Господь в своем особом милосердии дает избранным. Я никогда не могла написать стиха и, тем не менее, никто лучше меня не знает различий между хореем и ямбом, и именно я готовила их для Плетнева. Увидевшись с Аксаковым, я ему сказала: «Иван Сергеевич, стихи очень хороши». Это его задело, тогда он написал другие, прочел их Леве три раза, и Лева мне их рассказал — сам поэт, он запоминал очень быстро. Аксаков думал меня испугать, говоря

...я забыл,
Что Дама вы блистательного света!

«Иван Сергеевич,— сказала я ему,— я оба стихотворения послала Плетневу, пусть он печатает в своем «Современнике».— «Как оба, ведь вторых я вам не давал, это подлец Лев Иванович всему причиной». Они очень забавны, славяне.

— Но кто такие славяне?

— Клементий однажды под Новый год ужинал у Мещерского. Когда кто-то спросил, что делают славяне и где они собираются, сказал: «У наследного принца Самарина или у Аксаковых». «Славяне,— сказал Клементий,— ищут полудня в 14 часов *, но не знаю, где».

— Мадам, время мыть руки к обеду. Сегодня я лишен счастья разделить его с вами: я обедаю у графини Нессельроде, моей начальницы.

— Как, она здесь? Но я думаю, что вы тоже ищете полдень в 14 часов, но сообщив мне эту добрую весть; она ведь и моя начальница, и вдвойне.

— Как вдвойне?

— Привет хорошо понимающему. Догадайтесь!

Он замолчал, остался еще минут десять молча, в каком-то немом созерцании, и сказал: «Какая вы кокетка. Я встречусь с вами у графини и если не очень устану, почитаю». Я еще подошла к окну, чтобы видеть того, кому принадлежало мое сердце, он с радостным видом сделал мне знак рукой, его взгляд говорил мне, что он меня понял. Я говорила себе: «Но почему же мой любимый молчит?»

Как только мы (Платонов и мой муж) кончили обедать (Клеопатра обедала у графини Нессельроде), как я пошла с мужем, к графине.

— А, вот она, моя милая маленькая попугайка, мы говорили только о вас, и я уверяю вас, что нет слов для выражения наших дружеских чувств, особенно Киселева; он говорит, что вы пишете мемуары, и что это прелестно, прочтите их мне когда-нибудь. Кстати, видите, я поступаю как все, курю бумажные сигареты с мундштуком, вот мундштук, который я вам привезла из Петербурга, и Киселев берется сделать такой же.

Потом мы говорили о Петербурге и я вернулась домой вместе с ним; усталая, я оступилась, он поддержал меня за руку, крепко ее сжимая, я ничего не сказала, и когда мы возвратились, я легла в постель и продолжала читать.

— Как я люблю вашу комнату, вашу белоснежную постель. Это так идет к вашей натуре, чистой как голубка, и когда вы читаете, вы выглядите как она.

— Киса, вы льстец, я ненавижу комплименты.

— Мадам, позвольте вас уверить, что у вас избыток дьявольского кокетства.

— Я не кокетка, а если бы была ею, тем лучше. Императрица всегда мне говорила: «Черненькая, будь же немножко кокетливой, как все». Ну что ж, если вы мне даете уроки кокетства, я воспользуюсь ими в Вавилоне на Сене, там лучше всего подражают Аспазиям и фарисеям.

— Но я не давал вам уроков кокетства.

---

* Французская поговорка, значит: ищут прошлогодний снег.

— Как же, вы очень кокетливы, как самая красивая женщина.

— Вы хотите побудить меня сказать вам комплимент — красивая, как вы.

— Киселев, мы теряем драгоценное время, нужно читать.

— Почему же, если можно болтать, это радует и развлекает. Я восхищаюсь вами, а вы отвлекаетесь от мыслей о родах.

— Да, признаться, рожать невесело, да что ж делать, не убежишь никуда. Нельзя поступить, как Авдотья, классная воспитанница. Один раз священник рассказывал об ужасах Страшного суда; в общем молчании, полном страшных образов того, что будет с нами, непослушными и неблагодарными детьми, Авдотья вдруг сказала: «Я не боюсь, я залезу на дерево».

— Покажите, мне, как вы спите?

— А какое это имеет значение?

— Очень большое, я уверен, что каким-нибудь необычным образом, как вы вообще.

— Когда я беременна, особенно последние месяцы, я сплю на спине, одна рука под головой (хотя говорят, что это плохо), а другая под левой щекой. Теперь я больше не могу ворочаться, и обычно одна рука свешивается с постели, нам так приказывали спать в институте. Почему вы смеетесь? бьюсь об заклад, что вам пришли на ум какие-то дурные мысли, мужчины всегда грязны и грубы.

— Спасибо за комплимент. А, кстати, когда приедет ваша Гейденрайх?

— Через 15 дней, а вам что?

— Очень многое, я буду знать, когда кончатся ваши мучения, и Голицын, который будет здесь моим представителем, будет сообщать мне каждый день известия о вас. Это ясно?

— Да, это доказывает, что вы питаете ко мне такую же дружбу, как Гоголь и Самарин.

— Вечно Самарин, я его ненавижу.

— Вы неправы, ибо он добр, умен и очень меня любит, а ведь друзья наших друзей наши друзья. Вы это понимаете?

— Я понимаю, что нужно читать.

— Но для этого мне нужно усесться, а вы положите мне под спину подушку и принесите мне складной столик.

Мы оба были тронуты. Когда он поддерживал мою спину и поясницу, его рука дрожала. Наконец, я сказала: «Все хорошо, садитесь напротив».

Поездка в гости к Требинским. Авария по дороге. Возвращение в Грамаклею.

Он взял мою руку и пристально посмотрел на меня: «Ах, Александра Осиповна, как мне грустно,— сказал он,— оттого, что вы не умеете смеяться и плакать все вместе».

— Ну что вы стоите, выпуча глаза,
Хотите прыгать, как коза?

— Это еще что?

— Вот что: после мира с Швецией (не знаю какой) адмирал Стадниц захотел увидеть первопрестольную Москву; там все всколыхнулось и сочинили песню:

Умы дамски помутились,
Как узнали, что шведский адмирал
Собирается в воксал.
С утра по французенкам пустились,
Чтоб нарядов накупить
И себя в них нарядить.
Дамы голос поднимают,
Кучеров своих ругают:
Всех в солдаты отдадим,
Коль минуту замедлим.
Бабка дочку посылает:
Поди, дура, не стыдись,
С адмиралом повертись.
Как все удивились, как адмирал,
Выпуча глаза, стал он прыгать, как коза.
Престарелые графини и уродливые княгини,
Разрумянив ветхи рожи
И собрав морщины с кожи,
Отправились домой [52].

Это хорошо? Это даже вроде Тредьяковского.

Долго держал он мою руку, я покраснела.

— Отчего вы краснеете, мадам, в этом нет ничего дерзкого, так предан может быть брат.

— Да, конечно, да. Прощайте же, мой близкий друг.

— Спасибо, вы ангел доброты для всех, отдыхайте с миром; что до меня, то я потерял покой и сон.

— После моих вторых родов у меня была тяжелая нервная болезнь и тогда было время, когда я 22 дня не сомкнула глаза. Помог мне Мандт, ночью я повторяла одну из наших великолепных утренних молитв. Хотите, я прочту вам ее наизусть, я их все так знаю, а также св. Иоанна, но у него я знаю наизусть даже первую главу. Попытайтесь сказать мне два или три стиха.

— Как вы хорошо произносите, не так как французы, не так как немцы; правда, что вам легко произносить th, говоря по-английски.

— Я тоже думаю, что у меня хорошее произношение; мне давал уроки молодой семинарист Дмитрий Христофорович Гумалик, которого я встретила в Павловске у Абрама Сергеевича Норова; я поправлялась от другой нервной болезни, и чтобы выкинуть из головы навязчивые идеи, принялась изучать греческий. Я спорила с Норовым, через 15 дней я прочла ему Отче наш, через шесть недель Верую и бегло читала евангелие со словарем; у нас ведь совершенно подстрочный перевод, и потому самый лучший, а потом Лютеров. Но вот молитва, если хотите, могу вам ее списать. Имя того, кому господь внушил сам эту молитву, не указано.

Он стоял как вкопанный.

— Киселев, но вы ничего не говорите. Чувствуете ли вы всю восхитительную красоту этой молитвы; я искала ее в греческих псалтирях, но не нашла. Должно быть, она чисто славянская и может быть Феодосия Киево-Печерского.

— Как я не чувствую красоты, я глубоко ею тронут, а молчу, потому что чудную молитву пели ваши прекрасные уста, поднимались к небу ваши прекрасные глаза; вот почему я стоял как вкопанный.

— Послушайте, если вы будете делать мне пошлые комплименты, я дам вам пощечину.

— Дайте, дайте, пожалуйста.

— Ну, вот добрая пощечина, чтобы ваша щека запомнила, что госпожа Смирнова, дама приятная во всех отношениях, не терпит лести.

— Я уверен, что дама приятная во всех отношениях — Гоголя.

— Конечно, есть просто приятная дама, и потом другая.

— Добрый вечер, мадам, я жду своей пощечины.

— Я пошутила.

— Но я не шучу, вы у меня в долгу и я вас посажу в тюрьму моего сердца.

— Тюрьма сердца — это очень мило; так у вас там тесно?

— И темно, и светло, это зависит от взглядов некоторых черных глаз, знакомых мне по Парижу.

— Вот звонкая пощечина.

— И чтобы отомстить, я поцелую вам руку. А завтра я не буду мыть эту щеку, вы уж лучше ударьте и другую щеку, а то они будут завидовать друг другу. Прощайте, прощайте, бегу домой со своими сокровищами. До свидания. Завтра, вторая была еще больнее. Дайте мне взглянуть на вас, вы приняли ваш королевский вид.

Прогулка по Лихтентальской аллее, встреча с любовницей Байрона Гвиччиоли. Продолжение рассказа о детстве: пребывание в Златополе, общество в доме Арнольди. И. К. Арнольди, его отношение к детям. Поход батареи Арнольди в Усмань.

Очень часто я приходила домой и находила и княгиню Ливен и Киселева в детской на полу: они играли с детьми и приносили всякой день игрушки; раз княгиня принесла им фонтанчик, и их приводило в восторг, когда они говорили: «es macht Kilivoff, das Wasser tauscht und macht gegenfall» *. Он нянчил Адиньку, а княгиня Олю. Графиня Нессельрод тоже их баловала и перед отъездом Киселева просила его прислать хорошенький чайный сервиз севрского фарфора с подносом и всем, что нужно. Он выбрал белый с позолотой и незабудками; у них уже был крошечный самовар, и они приглашали очень серьезно княгиню Ливен пить чай, купили у Гауфа сухарей, расставили чашки на полу, и мы все сели на полу, я одна на стуле; что я особенно люблю, это серьезность, с которой дети все делают,— Оли и особенно Адини. «Можно сказать, что это королева присутствует на банкете»,— сказал Киселев. Кто бы мог подумать, что кн. Ливен, бывшая посланница, сухая, бездушная княгиня, так могла любить своих и чужих детей; на улице, встречая девчонок, она им покупала лакомства и игрушки. Très joli chapeau сделала карьеру, разбогатела и приобрела лавку. Что касается графини Нессельрод, она была полна души и сердца. Ее никто не понимал; увидят в моих записках, какое со-

* Киливов это делает, вода меняется и течет обратно (*нем.*).

кровище была эта внешне гранд-дама. Как она любила Киселева и говорила всегда ему при мне: «Киселев, вы любимец Нессельроде и мой из всей канцелярии, Смирнов же — только мой, ибо Нессельроде считает его менее способным, чем вы». Граф был неправ, потому что Смирнов столь же способный и владел в совершенстве французским. У графини Нессельрод был веселый, громкий, детский смех, а это лучший знак доброго сердца и высокой души. Княгиня Ливен только улыбалась; она в Петербурге потеряла двух сыновей, одного 14-ти лет, другого 12-ти лет.

После своего завтрака он пришел ко мне. Он пришел, а я продолжала чтение, лежа на диване.

— Но, Кис, мне нужно подняться, дайте мне руку, нет, лучше подсуньте руку, вот так, спасибо.

Он вспыхнул и строго посмотрел на меня.

— Мадам, это вопреки вам сегодня, но, Боже мой, как вы любите играть с огнем!

— Глупости, сколько раз Пушкин оказывал мне эту услугу, когда приходил составить мне компанию с Шамфором, Риваролем и Вольтером, у меня тогда была убийственная тоска после вторых родов [53].

— Как, вы загрязняли ваше воображение Вольтером?

— Я читала только «Кандида» один раз и не говорила вместе с доктором Панглосом, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Вольтер меня просто забавляет.

— В добрый час, я рад, что вы так хорошо судите об этом кощунственном шуте, как говорит Жозеф де Местр.

— Когда у вас в Париже есть время читать?

— Мне нечего делать после двух часов работы днем, в три я ухожу, иду на час в клуб, возвращаюсь в 5 часов, читаю до обеда, после обеда иду в театр, в концерт или на официальный вечер, а возвратясь, читаю, в 11 часов я сплю.

— Киселев, а до того, как вы завели себе любовницу, где вы проводили вечера?

— Как вам не стыдно говорить с мужчиной о таких вещах! Я знаю, что вы говорили с Фифи о его дамах и он сообщал вам подробности, которые должны были заставить вас краснеть. Ему досталось от меня за это.

— Но в Питере все знают, кто кого содержит — не стесняются таких пустяков. Вы изображаете из себя святого, а я уверена, что вы содержите любовницу.

Он покраснел.

— Или актрису.

Он вспыхнул.

— Ага, это актриса, вы мне ее покажете в Париже.

— Госпожа Смирнова, прекратите эти разговоры, недостойные порядочной личности; если это продолжится, я уйду и более не вернусь.

— Ах, какое несчастье, вот нашли, чем меня пугать, туда вам и дорога, к Долгоруким.

— О, я убежден, что вы больше знаете о наших «лодках», об «очень хорошенькой шляпке», чем обо мне.

— Я скажу вам теперь кое-что очень милое, что рассказал мне Константин Аксаков: «Ах уж это мне комильфо, тогда только и будет комильфо, когда не будет комильфо».

— Это прелестно, и кажется, что со всем своим комильфо Петербург — клоака.

Отъезд в Усмань. Семья тетки Вороновской. Муж тетки Евдокии Вантос Драгневич, сербы на русской службе. Замужество и смерть Евдокии. Упоминание о «Журнале походу» матери.

— А вам совестно говорить на чужом языке, у вас свой родной и самый лучший во всем мире.

— Это сущая правда, прекрасная особка.

— То-то-то, знаешь на что. Ведь Николай Пав‹лович›, который все чудесно делает, чудесно говорит по-русски и всегда со мной говорит по-русски, и Пушкин-сочинитель тоже. Пушкин ненавидел, когда объявляли о нем «сочинитель»[54], потому что большой свет стыдился полковника Нефеда Пушкина, он очень красивый и очень глупый; он говорил на французском по-нижегородски и, танцуя контрданс, говорил: «Цепь связывает кавалеров, дамы счастливы, кавалеры несчастны».

— Слушаюсь, буду говорить по-хохлацки; вообще я уже решился не быть кацапом, а велю переменить свою метрику и запишусь в Одессе; это тем легче, потому что воевода Кисель бил турок в Священной земле вашего отечества; и в гербу у нас стоит палатка и разбитая чалма; я вам покажу свой герб в Париже. А у вас что в гербу?

— У нас были три розы, но мерзавец Арнольди уничтожил все документы и герб, и вместо трех роз у нас три унылые елки. Да, с этим подлецом мы приуныли. Мою фамилию коверкали, иногда звали Россети, или Розети, никогда Россет, кроме государя; он знал мое происхождение, И Хомяков написал мне стихи, которые начинаются так: «От роз ее название», не помню дальше[55].

— Но, боже мой, вся Россия воспела вас.

— Да, воспоем славу Ахилла[56], и я истинно была как Ахилл неуязвима до пяты, пока не приехала в Баден, но я встретила кое-кого, кто поразил ахиллесову пяту. ‹утрачены 4 строки текста›.

— Я обедаю у графини Нессельроде, но я прервала тет-а-тет Елены и Париса; надеюсь, что когда-нибудь они будут Филемоном и Бавкидой, если бог даст им жизни.

— Мерси, г-жа Бавкида была горбата.

— А я,— сказал Киселев,— буду обожать мою Елену с ее горбом до конца моих дней.

— Я вижу,— сказал Бакур,— что здесь посвятили себя любви и даже читают ее историю.

— Нет, мсье, я читаю воспоминания о моем детстве, интересующие Киселева, ибо он сам — большой ребенок.

— Я покидаю вас, чтобы побриться, ибо неумолимая княгиня Ливен хочет кататься со мной.

— А теперь мемории дамы, приятной во всех отношениях.

— Нет, просто приятной дамы.

— Нет, нет. Молчи, с благоговением, собака. Когда Жук путешествовал с наследником, в каком-то уездном городе городничий в церкви начал ⟨текст утрачен⟩ ками простой народ ⟨утрачены три строки текста⟩ со всех сторон, поравнявшись с каретой Жуковского, он ему сказал: «Накройтесь, ваша жизнь слишком драгоценна». Ну так я вам говорю: с благоговением, собака.

— Этот анекдот так характерен; а теперь я вас процитирую: собака пришла с благоговением, но честное слово, это напрасно.

Продолжение рассказа о переезде в Усмань. Полтава.

Хохлы делятся на три разряда: о курских говорят: вони так соби, черниговцы — завзятые, а полтавские — из-под монумента, это сказал мне князь Манвелов, его мать была последняя из Палиев, и он рассказывал мне всю Палиевщину [57]. Алексей Васильевич Капнист женат на последней из рода Полу-Ботка, а ее дочь вышла за Белуху-Кохановского.

У хохлов, как у швейцарцев, обычай брать фамилию жены. В Швейцарии, например, говорят Mr Huber-Sabadia, а у хохлов — Гоголь-Яновский, Куколь-Яснопольский. Кстати (или некстати) Куколь сочинил трагедию «Рука Всевышнего отечество спасла», и Клементий говорил: «Ну, просто бы сказали «Иван Сусанин», а то надобно говорить: «Еду в руку Всевышнего»» [58].

— Вы говорите: кстати или некстати. Все, что вы говорите, всегда кстати. Понравится ли это Клементию, что вы и я всегда будем в дланях Всевышнего. Вот, что мне напоминает мой славянский язык.

Я тут его спросила: «Киселев, причащаетесь ли вы каждый год?»

— Да, конечно, моя мать перед смертью, держа меня на коленях, сказала мне: «Николенька, обещай мне, что ты хоть раз в год будешь приобщаться святых тайн». Я был еще такой ребенок, что Павел заставил меня позднее сдержать это слово, и когда мы выполняли свой долг, мы записывали день и число.

— Когда я была в Париже в 1877 году, я поехала к отцу Прилежаеву и увидела прекрасное кресло, вышитое шелками; он мне сказал, что ему граф Киселев подарил в знак памяти. Прилежаев писал его духовное завещание, и граф ему сказал: «А это кресло примите в знак памяти» [59].— «Я ему заметил, что так как я писал духовное завещание и буду его подписывать, то не могу его принять». «Так напишите, оставлю церкви». «Но в церковь я не мог поставить, потому что тут пастушка пасет овец, а не пастырь». Духовное завещание его самое трогательное, Григорию Семеновичу, камердинеру, который был при нем 20 лет, 150 000 франков, прочим людям кому 5-ть, кому 2000 ф., бедным тоже чать.

— Что вы мне говорите о завещании, завещание детям, и мне было им сказано. Перед смертью граф мне сказал, когда он еще был на ногах: «Батюшка, я всякий день ветшаю, и всего больнее для меня то, что я не могу стоять в церкви». Я полагал, что он не хотел садиться перед народом и сказал ему: у нас в алтаре есть покойное кресло.— Нет, мне горестно то, что я не могу стоять в церкви, для царя земного я стаивал четыре и пять часов, а для царя небесного хочу в последний раз постоять хоть час. Я заметила, что еще при отце Васильеве, когда он выходил с чашею, граф всегда обращался к дамам и пропускал до последнего лакея всех вперед и подходил последний, по русскому обычаю кланялся на все четыре стороны и говорил: прошу великодушно простить, всем отходящим говорил шепотом: «Поздравляю с принятием святых тайн»; то же делал, вероятно, и Николай Дмитриевич, такой же глубокий христианин, как и граф. Граф первый начал делать разговление торжественным образом. Барятинский мне говорил: при этой дряни немецкой Будберг [60] не всех звали и подавали котлеты, мороженое и всякую фр⟨анцузскую⟩ дребедень, и половина присутствующих были эти щелкоперы французы. Теперь это празднуется у английского князя Орлова, зовут всех и все в чистом русском вкусе. У священника разговливаются только люди и кто не хочет ехать к послу. Вот что были Киселевы, эти два великие вместе смертные избранники Творца Небесного. Невольно слезы льются, когда я об них вспоминаю. Этого я ему не читала, конечно.

«Милый Кис,— подумала я,— скажите мне, были ли у вас искренние товарищи?»

— Как же, все Урусовы, исключая Александра.

— Я его знала, мы с Стефани прозвали его Ю, у него был странный выговор, он мне говорил: «Я беден, глуп и дурен, но я вас обожаю, выйдете ли вы за меня замуж, когда Пешка умрет, ведь он изменял вам и влюблен в княжну».— «Нет, не выйду, потому что вас люблю как Клему и Осю». Он всегда танцевал первый кадриль, и в конце была мазурка и котильон, и мы садились рядом с Стефани и князем Андреем Львовым. Она мне раз сказала: «Сашенька, уступи мне Ринку», он был белокурый, очень красивый и так молод, что у него был еще только пушок на щеках.— «Бери, Степка, ведь мне Львов только нравится». Бедный Александр Урусов мне сказал: «Я поеду на войну, пусть я там умру или меня убьют далеко от вас, но вы помолитесь за меня и пожалейте вашего бедного И. И.». Львов сделал предложение Стефани, она ему отказала, потому что Марья Федоровна не позволила ей идти за него; она тогда уже начала кокетничать с Василенькой Кутузовым; Львов мне сказал: «Вы не так бы поступили со мной, ах, зачем вы меня уступили ей». Он страдал грудью, его послали в Италию, и умер в Ливорно, его похоронили на том кладбище, где покоится Александра Андреевна Воейкова, и на плите гравирован 1-й стих Евангелия от Иоанна: «Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога, веруйте в мя».

— Я совсем оправился, душа моя душенька Александра Дмитриевна — хотел сказать Осиповна; любимая моя сестра Милютина Александра [61],

и я не вам, а ей сказал наверное: душа моя душенька. Не смотрите на меня глазами испуганной лани.

— Я совсем не испугана, я вас не боюсь и в доказательство этого скажу вам: душа моя душка Николинька.

— Послушайте, мадам, не сводите меня с ума вашим холодным кокетством.

— Если вы еще раз скажете мне, что я кокетка, я вас выгоню.

— Какое несчастье! Я утешусь с Дышкой.

— Ты врешь, как сивый мерин, vous serez malheureux comme les pierres *.

— А вы Сивка бурка, Вещая Каурка.

— Ну, перестаньте, Киселев, ведь это ужас, как мы врем.

— А вы играете шаракотом по шаракоту?

— Нет, я слишком мала ростом; я и играю всегда тупым концом, карамболи иногда делаю, а в лузу очень редко попадаю. Императрица прекрасно играет, она все делает прекрасно и грациозно, никто так не ездит верхом, как она,— ведь она стройна, как пальма,— на рысях и на галопе она почти поднимается с седла.

— А вы, я надеюсь, не увлекаетесь этой забавой, она довольно опасна.

— Теперь нет, но я ездила верхом с азартом и страстью; я все делаю со страстью, это моя беда.

— Со страстью, я это знаю, ибо вы так любите своих детей. Но можно ли со страстью любить удовольствие?

— Да, это так, что поделаешь. А вы ездите верхом?

— Нет, я никогда не садился верхом на лошадь, не потому, что боюсь, а просто не случилось; а вы должны прекрасно ездить. Кто давал вам уроки?

— Потоцкий; устроили карусель на лошадях, я сопровождала Стефани вместе с Качаловой, уродливой, бледной и покрытой прыщами. Стефани еще ослабила ее своей очень светлой зеленой шубой и повесила ей на шею розовую ленточку. Я сидела в ложе. Маленький манеж в Таврическом дворце. Потоцкий явился и сказал мне: «Надо ездить, без вас нет удовольствия, мы сделаем сюрприз императрице».

— Какое счастье, какое счастье, начнем сейчас же!

Тогда Потоцкий крикнул своим звучным голосом: «Илья, подавай сюда Сакена». Это старая лошадь, на которой всегда ездил маршал Сакен. Какое забавное у него лицо, очень маленькие глазки, волосы, тронутые белым, и две пряди, которые торчат по обеим сторонам. Что вы сидите, развеся уши?

— Нет, я думаю о Потоцком и все, что он говорил о вас Софье Стан⟨иславовне⟩.

— Вот привели Сакена, подставили лесенку, но граф сказал: «Станьте на мое колено, а потом скок, занесите правую ногу за раз». Я вскочила и он мне сказал: «У вас отличная амазонка», он показал, как поворачивать руку и держать уздцы, дал мне свой хлыст; хлыст дамы держат на балан-

* Вы будете глубоко несчастны.

се левой рукой. Стефани мне и Потоцкому: «Толстый дворник, как ты рад, и Сашенька также», после он велел ехать рысцой и бежал, держа лошадь; остальной урок докончил Шателен, на третий день я уже все знала, мне дали рыжую лошадь Юлию, рыжие — самые горячие лошади, но Юлька была старая, покойная, иногда спотыкалась, но никогда не брыкала. Импер⟨атрица⟩ велела снять с меня мерку и мне сделали драдедамовое платье, она мне подарила фуражку с перьями. После этого начались серьезные репетиции. Потоцкий выбрал для меня очень живую лошадь. Он не мог быть моим кавалером, потому что находился посреди и командовал фигуры: были контрдансы, что было трудно, потом котильон, выбирали кавалеров, и один или два раза ездили небольшим галопом, сдержанный галоп труднее и для ездока и для лошади.

— Вы были, должно быть, обольстительны, такая маленькая и правит большой лошадью. Какой костюм был у вас?

— Атанде-с, атанде-с. У нас были кавалергардские мундиры, зеленое драдедамовое платье, погоны по сторонам и серебряные пуговицы, настоящая фуражка с белым верхом, а околушек красный. Императрица ездила на черной лошади, а вел. кн. Михаил на рыжей, у императора была своя черная лошадь, а у его дамы Татьяны Васильевны Васильчиковой рыжая, и все так было: рыжая и вороная. Я ездила с принцем Фридрихом Вюртембергским, очень красивым мальчиком, ухаживавшим за мной, у него была рыжая лошадь, у меня вороная, она была забавная и издавала маленький крик «пи».

— Потому что она была счастлива, нося столь легкий груз.

— Вы понимаете, что я не спрашивала у своей лошади, что она думает о чести, мною ей оказываемой. За нами на известной дистанции держались наши кучера, чтобы удерживать коня и прикреплять платье большой серебряной булавкой или помочь вдеть ногу в стремя. На этот случай нам давали в шутку шпоры.

Галереи были полны народу, я галопировала с моим принцем перед Жуковским и сказала ему: «Жучка, каково?», он крикнул мне: «Каприз на лошади». Я пришла в ярость и кричала ему, проезжая: «Вы настоящий...». Приглашая Потоцкого, я всегда кричала ему «Пан Граббе!» Император сказал мне: «Зачем ты меня не выбираешь?» — «Вы такие большие, государь!» — «А Потоцкого выбираешь, ведь он своим брюхом тебя раздавит». Это вызвало такой смех, что лошади перепугались и фыркали. Вы тоже смеетесь!

— Мне смешно это «брюхом раздавит».

— Я знаю, вы думаете о грубых вещах.

— Слово даю, что нет, но если бы этот бедный Станислав на вас женился, то не знаю...

— Потоцкий не был грязной свиньей, ему это было не нужно.

— Что?

— Как вы смеете меня спрашивать, я больше не буду вам читать.

— Извините благодушно, право, не буду, не буду, прошу прощения на коленях. Маменька, погладьте по головке бедного Николиньку! Вы великолепны в гневе, совершенно Клитемнестра в Микенах.

— Ну, так вот, в перерыве между репетициями Потоцкий, чтобы меня видеть, придумал репетировать три раза у него, исполняя фигуры. Начали с позднего завтрака. Он привез из Вены себе большой механический орган, который исполнял двадцать вещей. Я сидела на царском месте между Потоцким и вел. кн. Михаилом, напротив все фрейлинство, а потом уже вся дрянь. День таким образом прошел очень весело, а вечером — живые картины у г-жи Сенявиной [62].

— Пожалуйста, продолжайте про картины.

— Нет, надобно с чином, толком и расстановкой. Багади ты у меня.

— А что это такое?

— Это новый шеф всех кадетских и пажеских корпусов, он говорил всегда «Багади ты у меня. Дисциплина и субординация», а пажи говорил: «Скот, подлец и мерзавец» [63]. Вот так: Багади ты у меня. Дисциплина и субординация!

— Слушаюсь, Ваше превосходительство, а теперь чтение, я очень доволен вчерашним, вот ваш манускрипт.

В Кременчуге генерал Богуславский делал смотр, остался очень доволен; тут мы встретили Граббе, который теперь граф и очень отличный генерал, он прославился на Кавказе при Дарго, в ущельях и пропастях течет Терек. Воронцова чуть не взяли в плен в это время; спускали пушки на плечах наших храбрых и неутомимых солдатиков под выстрелами черкесов. Воронцов потерял крошечные часы, которые ему подарила княгиня, и очень жалел их; один солдатик, ничего не говоря товарищам, невзирая на все опасности, отправился их искать, нашел и отдал князю. Это совершенно женская деликатность чувств. Но вернемся к рассказу. Не доезжая до Хреновой, карета опрокинулась, братья ушиблись, а бедная Амалья Ивановна вышла вся в синяках. Тут мы остались три дня, а безногий поганец две недели за ремонтом вороных и пегих лошадей. Я после вычитала в записках Кокса в Англии [64]. Этот Кокс был клерджиман и путешествовал с лордом Гербертом, т. е. Пемброком, дедом теперешнего дурака, которого вы и я знаем. Кокс был в Варшаве, когда хотели убить несчастного Станислава в Вилашове. Вилашов — царское владение и принадлежит и по сей день дочери моего Потоцкого. Чесменский [65] подарил чудную арабскую лошадь Красавчика Герберту. Англичане кичатся перед нашими питерскими невеждами своими кровными лошадьми, а они от нас получили благородную арабскую кровь; отклонение от темы. И Александр Пав⟨лович⟩ выписывал лошадей из Англии, и Мятлев пресмешно рассказывает об этом. Нахлобучит шляпу до глаз, как Пальмерстон в палате общин: «И государь Александр Пав⟨лович⟩ велел Джаксон покупать лошадей и послать их прямо в Англию на корабле Нептун, Паттерсон или Космодамиан».

— Нужно мне познакомиться с этим Мятлевым.

— Конечно, я вам просто это предписываю, когда поедете к Павлу в Питер.

Усмань, жестокость Арнольди, женские костюмы в Усмани.

— Что такое полиелей?
— Подождите, я потом вам скажу.
— Нет, сейчас.
— Это перед большими праздниками священник, перед которым всегда идет служка, благословляет хлеб и масло, это момент очень важный и очень торжественный.
— Мне кажется, что Верчинский не делает этого, впрочем, я никогда не хожу ко всенощной.
— Я видела зрелище захватывающее и столь же торжественное в Вышнем Волочке, остановившись там на три дня на обратном пути из Тихвина.
— Из Тихвина? А зачем вы туда ездили?
— У меня была тоска, я и поехала молиться у Тихвинской Божией Матери и получила большое утешение и облегчение и очень веселилась в Тихвине и потом в Грузине.
— Господи, что вы изъездили и везде вы Богу молились!
— Ведь у меня было только одно утешение и перед отъездом из Петерб<урга> я все ездила ко всем скорбящим, а в Бадене получила большое утешение и получу еще большее утешение, когда рожу благополучно.
— Какое же утешение вы получили в Бадене?
— Я нашла в вас большое сокровище, верного друга.
— Позвольте мне поцеловать ручку.
— Вот она, и так как вы скромны, то поцелую вас в щеку.

Мы покраснели оба до корней волос, его взгляд выражал восхитительное ожидание. Не знаю, что говорил мой взгляд, потому что он надолго задержал мою руку и молчал сосредоточенно.
— Я продолжу чтение.
— Да, но я вам не прощу Тихвин и Вышний Волочек.

Жизнь в Усмани.

— Это хорошо,— сказал Киселев,— это как английский home, неправда ли; есть прелестная песня, которая начинается так: «Home savait homme» *.
— Что может быть лучше семейного круга в доме, соответствующем потребностям семьи, с красивым садом, где я посадила бы только розы. резеду, голубую и красную сирень, белые лилии. Никаких цветов без запаха, цветок без запаха подобен очень красивой женщине без сердца.
— А отец и мать, какими они должны быть в восхитительной картине семейной жизни, которую вы хотели бы создать? Ах, Александра Осиповна, какое у вас милое воображение!
— Родители, родители, постойте же, они должны быть красивы, как были папенька и маменька; это фон правдивой картины, какую я вам

* Человек знал свой дом.

рисую. Дети всегда красивы, даже уродливые, у них эта неподражаемая и ангельская грация.

Когда я была фрейлиной и прогуливалась с моими товарками, мы любили ходить на Васильевский остров и на Фурштадтскую или Сергиевскую, мы выбирали маленькие одноэтажные дома с белыми занавесками и цветами на окнах и говорили: «Вот здесь обитает счастье». Дворец и величие нас утомляли.

— Вы были трогательные молодые девушки, и какое прекрасное воспитание дала вам императрица-мать, я эту имп⟨ератрицу⟩ обожаю и буду ее поминать в молитве. Ведь я вам не сказал, что я только читаю Отче наш, часто останавливаюсь и думаю о каждом предложении, а потом поминаю живых и усопших и говорю: «Прости им прегрешения и даруй им жизнь вечную».

— Это очень хорошо, но есть еще длинная молитва чу́дная: «Господи, помилуй и сохрани покойного раба твоего имя рек и прости ему прегрешения его вольные и невольные, с праведными причти и со святыми упокой, и всели его в места злата, места прохладна, идеже несть болезни, ни печали, ни воздыхания. Даруй ему и нам оставление грехов и прегрешений и твоей блаженной жизни наслаждение. Ты бо еси жизнь и покой усопшим рабом твоим и тебе воссылаем хвалу с твоим безначальным светом и животворящим твоим духом, и ныне и присно и во веки веков аминь.

— Прочтите это, Киселев, это принесет вам добро, как и тем, кого больше нет. Спишите ее или я ее вам спишу.

— Спишите вы, все, что от вас, мне так драгоценно. От вас всякое даяние благо и всяк дар совершен есть. А ваш муж благочестив?

— Очень, он никогда не пропускает молитвы и закрывается у себя, и потом он часто читает заупокойные о своих родителях. Но я не знаю формы этих молитв, потому что нет молитвенников; я предлагала молиться вместе, ибо сказано: «иже соберутся во имя мое двое или трое, тамо я». Но он всегда опаздывает, всегда суетится и поэтому я молюсь одна. В сущности, я не могу жаловаться на мужа, он честный и преданный, но у него такие повороты ума, которые ранят и утомляют меня, и потом меня шокируют его манеры. Очень дурно, что я говорю вам все это, и в Петербурге я не говорила этого никому. Я не раз ссорилась с Софьей Карамзиной, когда она на него нападала. Г-жа Карамзина всегда меня поддерживала и говорила, что женщина, жалующаяся на своего мужа, уже ему неверна. Я не знаю, откуда у вас коварный талант вызывать меня на откровенности.

— Будьте уверены, мадам, что я скромный хранитель всего, что вы мне говорите, кроме того я, как Гоголь, вижу вещи вблизи, а вы мне сказали однажды, что все говорили Гоголю.

— Да, это правда.

— Но г-жа Карамзина должна быть восхитительная женщина!

— Г-жа Карамзина — женщина, воспитанная на евангелии.

Продолжение рассказа об Усмани. Обеды у Арнольди. Встречи детей с «Серафимом Серовским». Рассказы о нем Антония. Чтение романов Радклиф. Чтение в институте. Покушения Арнольди на Сашу. Пребывание детей у Недоброво.

Представьте, что московский митрополит мне сказал точно то же, когда я ему советовала прочесть «Шинель» и смерть Акакия Акакиевича: «Поберегите свои слезы, еще много придется вам их пролить о своих и чужих грехах».

«Киселев, представьте себе, что я видела постель несчастного государя в Павловске; это была маленькая железная походная кровать, простыни были разорваны и окровавлены. Он был за ширмой в комнате, которая предшествовала спальне императрицы. Я спросила у Петрова, могу ли на нее посмотреть. «Скорее, чтобы ее величество не увидела, что я вам показал это зрелище». Я его спросила: «Кто был дежурный в эту страшную ночь?» — «Чернышев, он умер. Чернышев нам достался после кончины государыни Екатерины, этот самый Чернышев у нее был истопником. Если вам случится когда-нибудь прочесть неизданные мемуары Като[66], вы увидите, что он был ее любовником, и настолько, что неизвестно — он или Салтыков был отцом несчастного Павла. Есть всего 8 рукописей этих мемуаров, я читала рукопись Александра Тургенева. Император их все конфисковал, потому что это была прореха в их генеалогическом древе».

— Прореха, это очень хорошо.

Братья Баратынские. Рассказ Вяземского о сестрах Левашовых, читавших романы (он им дал Ролленову историю).

— Я вам советую не читать ее, это изнурительная скука.

— К несчастью, мой гувернер заставил меня ее прочесть, но там есть интересное место, когда Александр Великий встречает так наз. Мелхиседека; это все, что я оттуда вынес.

— Я была уверена, что вы уловите только главные черты, как Пушкин.

— Вы оказываете мне слишком много чести, ставя меня на одну доску с Пушкиным; он гениально умен.

— Вы говорите об уме Пушкина точно то же, что Жуковский.

— Вот и я попал как кур во щи или как волос в салат.

Каменский, брат маршала[67], обосновался в Орле. У него был театр, составленный из его дворовых, он женился на одной из актрис и имел от нее много детей; их научили парлекать по-французски, и она говорила г-же Козаковой: «Ма шер, лизе Юлии Цезаре, это так ново и так интересно». Когда было очень холодно, она говорила: не забывайте теплые чулки..., вместо ombrelle она говорила nombril.

— О, это мне напоминает г-жу Белиссино, это единственная гостиная, которую я посещаю, так как там всегда бывают сюрпризы вроде г-жи Каменской. Вы познакомитесь с ней, потому что она очень любит иностранцев и особенно красивых женщин, она говорит о них: «Они как мед, привлекающий мужчин».

— О, это не так глупо.

— Но маркиза не глупа, она только говорит чепуху. Например, вместо стиплчез она говорит six petites chaises, вместо сендвич les cent suisses, вместо l'ombril она говорит le bonheur n'habite pas plus les nombrils dorés, но самое лучшее, что она когда-либо сказала — это насчет братьев-близнецов Нодайль, они так похожи, что никогда не знаешь, с кем из них говоришь. Кто-то сделал замечание об этом, это было при г-же Белиссино, и она сказала: «Да, особенно Исидор!»

— Это превосходно, я непременно познакомлюсь с этой любезной дамой, воплощенной чепухой. Но говоря «Исидор», она имела в виду, что он — более выраженный тип, и это не так глупо.

— У вас все толкуется хорошо и вместе благодушно, все в извинительном падеже.

— Знаете, Кисс, что извинительный падеж войдет в наш жаргон; а пока пойдем к горе, которую прославим Сашенькой Танке, вы поможете мне на нее подняться.

— Я вам все же не прощу Тихвина.

— Я вам расскажу об этом во время прогулки. Пошли, вставайте, увалень.

Я поехала в Тихвин на почтовых до Пеллы. Там обедала у Андрея и Александра Карамзиных, Аркадий с ними жил, оттуда в дрянной коляске добралась до места, в котором садятся на баржи, длинные, предлинные катера, тут начинается Мариинская система, начатая Петром и конченная Екатериной и графом Сиверсом; в карете я не могла ехать, потому что мостовая скверно проложена и скат к каналу так крут, что того и смотри, попадешь в воду. В барже было очень гадко, сели пьяные мужики, и блохи. Я часа два спустя и поехала в своей коляске с опущенными стеклами.

Дорога шла по бревнам, не знаешь, где ты; знайте, что эти бревна, уже исчезнувшие повсюду в России, были тонкими и круглыми. По мере моего продвижения они поднимались, и я держалась. Так, чтобы не скользнуть в глубину. Таким способом я прибыла в Новую Ладогу, перед этим я проехала мимо Шлиссельбурга, который крестьяне называют Шлюшин. Император сказал однажды: «Сегодня генерал-губернатор представил мне список девушек, которые не могут более служить, и я порадовался, видя, что русских было, может быть, одна из десяти, а русских обвиняют в том, что они так развратны». Немецких и финских добродетельных особ целый полк, их ссылают в Шлиссельбургскую крепость, они там моют белье на арестантов и шьют им белье.

Sic transit gloria mundi * в этом мире.

---

* Так проходит слава мира (*лат.*)

— Вы прекрасно говорите по-латыни. В Новой Ладоге мне дали прекрасный обед, вода была еще хуже, и я сказала Михайле, очень глупому слуге: «Спроси вина». Мне принесли бутылку чего-то красно-черного, точно с сандалом, и вдобавок в бутылке был большой гвоздь; я сказала половому: «Какую ты гадость мне принес?» — «Нет, это самый лучший Лонгерон из Петербурга».

Я принялась смеяться, человек был уверен, что Лонгерон произрастает в Петербурге. Киселев, спросите в Париже самый лучший Лонгерон из Петербурга.

— Непременно, и я сразу скажу торговцу вином, что мне порекомендовал его половой из Ладоги.

— Всегда говорите Новая, потому что есть Старая Ладога.

Потом я пошла осматривать город и вдруг вижу огромного роста мужчину в белых штанах, в ботфортах и треуголке с черным пером и вижу, что он следует примеру Амоса Федоровича и в каждой лавке то съест изюмцу, то черносливу, «чтобы быть лениву».

Какая прекрасная рифма: чернослив и ленив, и это очень пользительно.

Это сочинил Жуковский на лотерее у наследника, где я выиграла ужасный малахитовый кувшин, который Шереметев не постыдился пожертвовать в пользу бедных. Вообще-то он не скуп, даже наоборот. Ладожское озеро великолепно, издали я видела Валдайский монастырь, там жил тогда схимник, большой страдалец, он, подобно Серафиму и знаменитому Авелю, у которого Александр Пав⟨лович⟩ провел целый час перед отъездом в Крым, предсказывал. Говорят, что Авель ему сказал, что он никогда не увидит Петерб⟨урга⟩. Александр у четырех рук остановил коляску, поднял руки, благословил город, в котором родился, где его лелеяла Бабка, где он любил, был счастлив и несчастлив; он заплакал и поскакал в свое любимое Царское Село, чтобы проститься с Карамзиным [68], обошел сад и парк, который его создание. Он любил этот гадкий Питер, а ведь, неправда ли, гадость?

— Помните ли вы стихи Пушкина: «город скучный, свод небес зелено-бледный» [69]. Это незаконнорожденный город.

— Нет, вы говорите то же, что Константин писал брату: «Нет, Иван, ты не должен оставаться в С. Петербурге, этот незаконный город, прижитый с Западной Европой». Так и видишь, как Константин Серг⟨еевич⟩ стучит кулаком по столу, так что стекла дребезжат.

— Продолжайте Тихвин.

— Я принуждена была остаться три дня, шила какую-то дробужинку и поехала посмотреть то место, где соединяется Мариинская система с Вышневолоцкой. Тут огромная масса водного пространства, царствовала какая-то величественная тишина; мне сказали, что баржи не могут проходить, потому что все очень запущено. Я сказала это государю; он отвечал, что он это знает, расходы очень значительные, и притом не имеет гидравликов, подобных Сиверсу, но что их готовят в новом гидростроительном институте, им основанном,— а тебе спасибо, что напомнила.

Я отыскала женский монастырь. Игуменья была вдова Генриха Ридигера и тетка нашей институтской Ридки соленой, а казначея — купчиха Коробова. Они меня и Эмилию приглашали обедать у них, Лонгерона не было, но было преизрядное красное вино, вероятно портвейн, которым у нас приобщают. У них ткали ковры, и я один купила. Они мне сказали, что Акафист Божией матери читается только в субботу. В субботу я пошла ко всенощной; народу была гибель, но служили прегадко. Дьякон, читая Акафист, плевал и смотрел по сторонам; плечистый детина с какой-то шлюхой переглядывался. Это не поучительно, уверяю вас; я имела лукавое удовольствие донести об этом Андрею Николаевичу Муравьеву. Он мне ответил: «Знаю все и жду только митрополита Филарета, чтобы все устроить в Тихвине». Самый большой образ Тихвинской Божией матери у Свербеевых в Москве. Я навела справки, узнала, что можно ехать в Царское по другой дороге, по песку местами, а инде и по бревенчатой мостовой. Ехали ночью, спать невозможно было, и утром рано мы были уже в Карелии, откуда вывозят красивую карельскую березу, я вам покажу, у меня есть табакерка оттуда; на станции Оскуй я пила чай у мужика и встретила Андрея Карамзина и какого-то морского офицера, совершенно как капитан Жевакин Гоголя и говорил те же самые вещи: «Знаете ли, как попостился два или три года, приедешь в порт и увидишь женский пол, тут сейчас и влюбишься, какой-нибудь этакой розовый бутончик, как вы, например, сударыня, приведший вас в восторг, этакой, такой, что мое почтение...».

Карамзин ехал, чтобы известить Николая Михай⟨ловича⟩ о болезни Аркадия и что ему нельзя оставаться в Пелле, где нет хорошего доктора, кроме их полкового докторишки. Из Оскуя я приехала на станцию Кукуй, а оттуда поехала в Грузино. Меня удивила дорога, по обеим сторонам широкие канавы чистой воды, шоссе, обсаженное ветлами. Деревня в Грузине составляет каре; среди обильного (?) двора большой колодец. Меня подвели к прекрасно выстроенному дому, вышла высокая дебелая баба, красивая и здоровая. В избе четыре комнаты, спальня для детей, хозяйская, гостиная и кухня, и все дома на один покрой. Мне подали большой самовар, прекрасный белый хлеб домашний, сливки, масло, яйца. Я сказала хозяйке: «Как у вас хорошо, дай Бог, чтобы все мужики жили, как вы».—«Это, сударыня, все граф с Анастасьей завел». «Так зачем же вы убили Настасью и очернили так графа, что он никогда в эту деревню не ездит?» — «Дураки были, и вот какой грех на душу взяли[70], он хотел нам выстроить церковь, больно далеко отселе до Грузина».

Я пошла в его маленький домик, там мы встретили его слугу, Михайла ему сказал: «Эх, брат, да мы с тобой часто сиживали вместе на Салтыковском».— «И то, брат Михайла».— «То-то, то сперва мы ждали, и твой шел вперед к царю, а при Николае мы вперед, а вы опосля. Так уж бывает на свете». Михайла любил повторять библейские слова: первые будут последние, а последние первыми, он служил тогда у Лариона Васильевича Васильчикова, который был председателем Государственного Совета после Аракчеева. Княгиня, очень набожная, ходила всякий

⟨день⟩ к обедне и давала людям Евангелие и толковала им, чего они не понимали. А Михайла ведь сделался монахом и жену бездетную тоже уговорил идти в монастырь. В Грузине я встретила предводителя дворянства Тыртова, которому граф поручил все хозяйство. Тыртов сам отворил дом. Часы, подаренные любимым государем, стояли на белом мраморном камине, стрелка остановлена навеки в час и минуту смерти государя. «Тут, сказал Тыртов, часто беседовал государь с графом. Я был взыскан милостями графа, и он меня представил блаженной памяти государю».

Ах, Киселев, по этому случаю мне нужно сказать вам, как старик Сологуб рассказывал, что Новосильцов после смерти императрицы-матери начинал все свои беседы со слов «Блаженной памяти императрица изволила мне сказать...», а потом напевал: «Ты не поверишь, ты не поверишь, как ты мила» — он пел очень модный в то время романс.

— Ну, хорошо, я нахожу это очень милым, очень честным, и вот я говорю вам: «Ты не поверишь, ты не поверишь, как ты мила, когда ты читаешь». Знаете, вы пишете так же, как рассказываете. По-моему, это слова Вяземского: ложь так укоренилась в нас, что даже рассказывая что-нибудь о себе самих, мы столько прибавляем, выдумываем, что в конце концов все разрастается, в то время как ядро было маленькое, как вишневая косточка; и что к концу рассказа мы все бываем уверены. Кроме вас, мадам, и я верю во все, что вы написали.

— Тем лучше, я очень довольна. Тыртов показал мне сады, огороды, угостил меня превосходным обедом и предложил мне персики и большую корзину яблок всех сортов. Я видела статую св. Андрея Первозванного, которого распяли крестом, вероятно у нас в России, потому что он из Фракии пришел в Россию, французы его зовут St. André de Thrace, что совсем неверно, потому что он родился у Тивериадского моря, следовательно в Каппадокии Кесарийской. Потом он повел меня в беседку над Волховым. Волхов — великолепная река, и тут покойный Александр сидел с своим угрюмым и мрачным другом, за Волховом были засеянные поля и обработанные, как немецкие поля. Аракчеев был очень высок, худ, лицо некрасивое, но выразительное; оно выражало скорбь и уныние. В это время он печатал в Германии свои записки [71]. Король Прусский их перехватил и, закупив все издание, сжег: один экземпляр у государя, другой у кого-то в Бельгии. Когда их напечатают, много интересного откроется.

— Госпожа Смирнова, я буду хвастать своими знаниями в посольстве, и они будут очень удивлены этими беспредельными знаниями.

— Да, удивите всю Европу великим постом.

— Перестаньте, Александра Осип⟨овна⟩, как и кто наобум вам гадает.

— Конечно, Вяземский. От Грузина, кажется, 25 верст до Чудова тоже по шоссе. В Чудове уже начинаются российские порядки, la maison de bon Dieu *, как говорил Медем. Я сказала ямщикам, которые об-

* Божий дом.

сыпали мою коляску, кричали, говорили по-латыни, как говорит Мятлев, я им сказал: «Вы живете, как свиньи, а посмотрите, как живут в Грузине». Почесали затылки и сказали: «То графские, а мы государевы».— «Нешто государю приятно видеть вашу неурядицу?» Из Чудова Тосна, потом Колпино и Царское. Михайла, приехав, сказал мне: «Я чист, Александра Осиповна, а теперь дайте мне три денька погулять». Хорошо! Три дня он пил, а на четвертый пришел служить прекрасно. Вот вам и Тихвин.

— Ах, Киселев, знаете ли вы, что Леонидас де Бетюн дает у меня бал и взяла на себя известить гостей, думаю, что весь Баден ликует и ждет этого великого дня. Ну, посмотрим, давайте составим текст и приглашения. Лос Риос будет приглашен устно, как принадлежащий к интимному кругу. Голицын, этот злой маленький мальчик, Клеопатра, Анна Икскюль. Как же писать приглашения? Мадам Семянтковска просит г. такого-то сделать ей честь пожаловать к ней на вечер в 9 часов; будет, чем заполнить время до ужина. Постойте, это очень хорошо, Красноносому: Г. Герсдорфа просят прибыть вместе с его любовницей мадемуазель Шлиссеншлафен. Всем прочим, маркизе де Лаге, г. Смирнову и К°. И Платонову, г. Меховому носу и т. д. и т. д. Вы, Киселев, возьмете на себя купить бумагу у Маркса. У «очень хорошенькой шляпки» есть только очень плохая синяя бумага. И вы напишете хорошим почерком, как будто в канцелярию царю.

— Непременно, я себе обещаю праздник на этом бале. Но когда же, через два дня! Я иду к Гауфу заказывать ужин или скорее прохладительные — лимонад и оранжад, конфеты, засахаренные сливы, бисквиты, шоколад, кофе с цикорием. А что касается принца, то принц Эмиль.

— Но вы забываете его брата со смирным адъютантом.

— Конечно, они будут мои гости; как княгиня Шенберг, которая, чтобы не потерять свой титул княгини, писала «княгиня Шенбург, урожденная и в замужестве Шонбург»; гравер ошибся и поставил на карточке «Murie Schoenburg». Она была некрасивая и старая, и ее звали Мюриэль де Шонбург.

— Это прелестно. Не забывайте Антонинов и великого Мадридского коррехидора.

— Конечно, нет. И всякому его чин и звание. Леонидас уже получила карточку из Давоса. Г. Дюваль, генеральный секретарь Центральной комиссии для проведения границы по Рейну между Францией и Германией. Он напоминает мне одну даму, которую я знала в Дрездене, фрау Балтузен.

Вернувшись от Гауфа, где сумма составила почти 100 фр., мы написали: «Мадам Семянтковска просит мадам де Зеа Бермудес сделать ей и т. д. придти к ней на шоколад и передать это приглашение своему супругу графу Зеа Бермудес и испанскому посланнику, и г. барону Антонини, экспосланнику в Берлине и г. великому коррехидору, который посетит г-жу Смирнову со своей бриллиантовой булавкой, дополняющей его воинственную красоту, это жандармского вида. Г. Бакуру, экс-посланнику Франции в Америке, откуда он привез одобрение и расстроенный

желудок, переваривающий только курицу и рис; вам будут предложены маленькие пирожки с рисом, качество которых Гауф гарантирует, этим все сказано. Его высочеству принцу Эмилю, которому Наполеон Великий, поручая ему кавалерию, изволил сказать: «храбрый король Вюртембергский». Принцу Георгу Гессен-Дармштадтскому — покорнейшая просьба привести своего адъютанта, умывающегося оливковым маслом. Княгине Лобановой — надежда видеть ее с дочерьми, княжнами де Лаба.

— Ах, какие вы шалуны!

— Да это не я, это графиня Воронцова всегда их так зовет; говорят об этих дамах, что придут Сама и Сарасага.

— А хотите старого Кароли и старого человека из Гагенау?

— Нет, это будут последние на пиру Балтасара.

— Ну, Киселев, как вдруг на стене явится Мене, Фокил, Фарес [72], и я стану рожать.

— Так что ж, Эйландт будет принимать, а я держать колени, и стану поддерживать, и мы Смирнову сделаем пассаж без реприману, если родится мальчик и тотчас вскрикнет: «Папа и мама, дай...!»

— Какие глупости. Вас и в комнату не пустят, и так как великий Корехидор имеет это, он будет поддерживать колени и спину.

— Согласен, а я в дырочку буду смотреть, как вы сжимаете свой прекрасный ротик, этакий такой розовый бутончик и мучаетесь без крику и слез.

— Вы знаете Мюссе, по-моему это единственный французский поэт, и отчасти Мюрже (этот романс Мюссе был написан для императрицы Евгении). А кстати надо сказать, что Вяземский перевел стихи Мюссе, где речь как будто обо мне [73].

Это демон, это ангел,
Она желта, как апельсин,
Она жива, как птица.
Игрою смуглого румянца
Смотрите, как она нежна:
Она желтее померанца,
Живее ласточки она.

— Это прелестно, оба варианта равно хороши. Честное слово, вы часто и демон и ангел; но с этого времени вы будете моя ласточка, ведь в народе говорят же: моя ненаглядная ластовица.

— А теперь придумайте, как меня звать.

— Право, ничего не приберу, разве только моя желанная супруга.

— Это мне нравится, потому что это с благоговением и к супружескому сану; ведь супружество — сан, когда оно соблюдается во всей чистоте. Это святое.

— Это я сообщу своим парижским очам; она так прекрасна и величава, что я с ней беседую на славянском наречии.

Мы писали довольно близко друг к другу, его щека касалась моей, я вдыхала его чистое и нежное дыхание. Среди этого безумия мы покраснели от волнения. Чтобы прервать наше замешательство, я ему ска-

зала: «Киселев, как вы чувствуете себя после барашка, которого нам подали с картофелем?»

— Мадам, вы безжалостны, почему вы постоянно обливаете меня ледяной водой? Я не в Грюнфенберге. Кажется, Вяземский написал вам больше стихов, чем другие?

— Да, он великий мастер английского флирта; флирт или кокетство очень хорошо превращается в любовь. Мы отсюда произвели глагол «флёртовать».

— И вы со мной флёртуете?

— Конечно, я только это и делаю.

— Я и за это благодарен донельзя.

— Вяземский находил мой голос очень волнующим и послал мне в Павловск стихи

И голос ее
Слаще Торкватовых октав [74],

больше ничего не знаю, а потом другие, такие:

Не для меня, так для кого же,
И платье красное при черной бахроме.

Вот история этого платья. Императрица подарила мне с барского плеча платье очень тонкое, цвета сомо, украшенное шелковыми лилиями. Так как всегда нужно было 36 тысяч туалетов, Мария Савельевна вечно придумывала что-нибудь новое; она отделала нежный цвет сомо ярко красным, а корсаж украсила черной бахромой. Она закончила свой труд за минуту до того, как мне нужно было спуститься, чтобы ожидать императрицу. Она не видела моего туалета, так как я была в шубе. Когда меня взяли ко двору, из-за траура мне сделали барашковую шубку, флёром подбитую. Увидев это, ее величество сказала мне: «Пойдите к Клюгель и скажите ей, чтобы вам и Эйлер сделали приличные шубы». Клюгель, которая очень любила меня и Александрину, смастерила нам светло-сиреневые шубки с красивыми воротниками из соболя еще светлее и капюшонами, она велела подбить шубы флорентийской тафтой, потому что это лучше той, которую привозят мелочные торговцы из Гостиного двора. Таким образом, в экипаже это выглядело очень хорошо: императрица в шубе из черной лисы, крытой белым атласом, окаймленным соболем и фрейлины в светло-сиреневом. Вид был грациозный, когда мы катили по Невскому и вся конная официя становилась делать фронт. Она кланялась с разбором, а мы за ней сидели так, что наши поклонники нас не видели.— Когда я явилась в царской аванложе, сделался в публике востинквас.

— Что это такое растинквас?

— Подождите, глупыш, у вас терпения ни на грош.

И царь пришел в востиквас. Так как фрейлинский стул был ниже царских кресел, то государь приказал дать мне высокое кресло, но мои ножки болтались, и он приказал сделать табуретку. Прежде я лежала подбородком на подушку ложи, почти как будто сидела в ванне. Вязем-

ский написал эти стихи, я их дала Катрин Мещерской, и они затерялись.

— Вяземский вряд ли был польщен таким пренебрежением.

— А мне что до этого; я пренебрегала столькими другими. Был некий Фомин, писавший каждый год кучу стихов к празднованию Нового года. Он приносил мне эти стихи, говоря: «Вам, сударыня, первой». Я ему давала 35 рублей. Он делал круг по городу, и на эти средства жил, несчастный бедняга. Нужда научит. Вяземский говорил мне: «Одного недостает, чтобы князь Шаликов вам написал дифирамбу»[75]. Этот бедный князь Шаликов (я не знаю, почему он носил этот титул) был так беден и ничтожен, что хаживал играть в дурачки с бутошником — не только для развлечения, но чтобы согреться. Я знала бутошника Синего моста, он мне стихов не пишет, но разговор его самый приятный, бутошники все знают. Когда моя собака Пичуринка убегала свататься с другими дворняжками, он ее отыскивал и посылал ее домой; он мне говорил: «Какая скверная потаскушка». В Ницце один человек хотел ее утопить, она была еще недельным щенком, у бедного маленького животного была уже веревка на шее и кирпич. Я ему сказала: «Отдайте мне эту собаку».— «Нет,— сказал он,— заплатите мне пять франков». Я ему их дала, и он привел мне собаку, всю грязную. Я вымыла ее в горячей воде и дала ей тепловатого молока с кусочком белого хлеба. Она спала в маленькой корзинке под покрывалом, которое дети ей сделали, но она всегда мерзла и забиралась ко мне в кровать, тогда я ее пускала под одеяло.

— Пичуринка счастливее меня.

— Господин Киселев, если вы хотите говорить ужасные вещи, сохраните их для вашего грязного воображения.

— Прошу прощения, мадам. Я уже достаточно наказан этим обращением «господин», в первый раз вы меня так назвали. Прошу прощения и надеюсь, что никогда не заслужу этого противного слова «господин».

— То-то то, ты у меня Бога для, ты у меня дисциплина, субординация.

— Слушаюсь, ваше инославянство, так ли я захлебываюсь?

— Прекрасно, я чай и вы в актеры годитесь.

— О нет, поверьте, нет, перед парижскими глазами я никогда не играю комедии, но перед вами — да. Слышит ли это ласточка болтлива?

— Слышу, слышу, Соловей-разбойник. Собачку назвал мужик-злодей пиола, пиола, а по-русски ее произвели в Пичуринку. Она была девица легкого поведения, понесла с первой ночи, среди бела дня эта бесстыдница, и когда я подъезжала под Париж, разрешилась от бремени в моей комнате; все там справила сама. Я в первый раз видела, что собака мучается при родах, как и всякая тварь подверглась гневу Божию, когда Адам и Ева согрешили. Она не изволила кормить своих детей, и Кноль их всех утопил. Так как она не выжидала шестинедельного срока, опять зачала.

Я просила консьержку доверить ее святым монахам; консьержка увезла ее в отдаленную деревню близ Сен-Дени; вообразите, что она вернулась с куском веревки на шее. Тогда дети и весь дом решили, что эта достойная дама должна поехать украшать собою столицу царской империи. Она у дворника, ей теплее и приятнее, они вместе ночуют, вместе едят, и она похрапывает в его чулане у Синего моста и, вероятно, ходит к моему бутошнику. Вот вам история Пичуры, последний из ее роду был Конон, великолепный черный пудель, он взбесился и ушел невесть куда. Хорошие большие собаки всегда оставляют своих хозяев, когда чувствуют приближение бешенства.

— Какой ужас это бешенство и чем его объяснить?

— Делают большую ошибку, давая взбесившимся, не подумав, стакан: они боятся не воды, а всего, что жидкое. Бедный 12-летний мальчик, о котором я заботилась в Царском, будучи укушен бешеной собакой, пришел мне сказать: «Маменька, меня укусила бешеная собака». Я ему сказала: «Ну что ж, голубчик, поди к Ведринскому и скажи, чтобы тебе дали особую кровать; я тебе пошлю чаю и все, что ты хочешь». Я пригласила Ведринского, дала ему инструкции, и бедный ребенок умер очень покойно через 15 дней.

— Вы навестили его перед смертью?

— Слуга покорная, довольно навидалась я страданий с имп. Марией Федоровной, я не могу видеть болезни, печали, мои нервы этого не выносят.

— То есть ваша душа такая сердобольная и нежная; один я не заслуживаю вашего сочувствия.

— Вам хорошо известно, что если испытываешь к кому-либо чувство большее, чем простая дружба, такая, которая связывает меня с Бакуром или Голицыным, можно победить это отвращением, вышибить, как говорил мне отец Инглоса в Турине.

— Когда же вы были в Турине и в каком учреждении он был?

— Когда мы ездили в Италию во второй раз, исключительная прохлада на Мон-Сени вызвала у Софьи и Ольги воспаление во рту — потому что в Сузе нам пришлось завтракать на свежем воздухе; Суза находится уже на той стороне. Было очень жарко, жарче, чем в Турине. Прибегнув сперва к простым лекарствам, сахару и теплой воде, которыми пользуют белую кожу, мы вынуждены были пригласить лучшего в городе врача; нам сказали, что это синьор Баталья. Турин — город печальный, мрачный, регулярный, как Петербург, в картинной галерее нет ничего интересного; я не знала ни Тютчева, который был там, ни Богурского, ни Чичерина. Врач посоветовал мне посетить «Труды божественного Провидения» аббата Котоленга за городом. Я поехала туда и была тронута и восхищена.

— Вот уж можно сказать, что на рыбаке рыба; неправда ли, милейшая Александра Осиповна?

— Да, но позвольте мне рассказать вам, что это за аббат Котоленга. Была очень сильная холера, учреждали госпитали, собирали провизию; однажды он нашел на улице холерного больного, страдавшего от страш-

ных конвульсий при этой болезни. Он рассказывал мне, что через несколько дней одни умирали, другие излечивались; нужно было всех кормить; дверь его осаждали, ибо у него умирали меньше; он уговорил соседа предоставить ему несколько комнат, и когда холера кончилась, он решил посвятить себя страданиям людей и нашел в окрестностях Турина старый дом, который мог вместить пятьдесят человек. Потом купил другой дом, мало-помалу оказалось, что он содержит 500 человек и что с необходимыми расходами он был всегда в долгах. Но эти долги угодны Богу. Он длительное время был должен булочнику 20 000 франков; однажды, когда тот требовал их, доказывая, что ему нужно кормить многочисленную семью, Котоленга ответил ему как всегда: ««Труды божественного Провидения» позаботятся об этом». На следующий день булочник встретил его, приветливо на него посмотрел, говоря, что ему уплачено и что он может снова брать хлеб, а благодетель не хочет, чтобы его имя было известно. Вы представляете себе радость бедного аббата, я думаю, что он стал бы вприсядку плясать при всем честном народе. Тогда он сразу стал фордыбаком, поднял нос, и учреждение его содержало и поддерживало тысячу самых достойных лиц. Увечные, обесчещенные, эпилептики, дети, которых обучают. Есть очень скромная церковь среди этой группы домов без порядка и симметрии.

Сильвио Пеллерино, который был библиотекарем у маркизы де Бараль, сказал ей об этом, и она сейчас же дала миллион франков и в завещании оставила очень значительную сумму.

Я обзавелась в этом доме лекарством — настоящее сокровище, совершенно без запаха. Точно как Мариа Новелла во Флоренции, запах которой даже опьяняет. Если вы поедете в Италию, нужно вам увидеть все достопримечательности этой прекрасной страны.

— Когда я туда доберусь? Никогда, а мне бы хотелось «в чудную страну, где в темной листве цветут золотые апельсины» [76], и видеть ее с вами и Гоголем, но не с Перовским.

— А почему не с милым Василием Алексеевичем?

— А потому, что у вас верно воротилось, то пятак, то гривенка.

— Ничуть, Перовский отдал свое чистое сердце графине Шуваловой и был в такой же связи с ней, как с Воейковой. Я Феклушку не люблю, но она не кутит и никогда не кутила — ни при Зубове, ни при Шувалове. Мне сдается, Николай Дмитриевич, что вы будете когда-нибудь послом в Риме.

— Вашими устами мед пить. Но не будет, не будет.

— Батюшка, мало ли что в свете бывает. При Екатерине был сенатор Жуков, глупейший человек, родня Рибопьеру. Андреевские ленты давались очень редко, было всего 12 кавалеров этого ордена; образовалась одна ваканция, кто-то отправился в Елисейские поля, и ему дали эту ленту. Он представился с своей драгоценной регалией. Его спросили: «Ну что государыня вам сказала?».— «Очень милостиво отнеслась и сказала: «Вот, Василий Иванович, только живи, до всего доживешь»».

Дверь открылась и вошел Бакур, говоря: «Друг мой Киселев, вы здесь просто прикреплены».

— Ничуть; мадам просила меня принести башмак, который она потеряла, все эти домашние туфли широки.

— Я вам не верю, вольно вам лгать и краснеть.

Мне Бакур сказал: «Мадам, я пришел поблагодарить вас за ваше любезное приглашение на бал, приведший весь Баден в движение; я не переношу жару бального зала, кроме того, у меня есть причина избегать мадемуазель де Бетюн, а на этом бале она способна заставить меня дрыгать ногами. Это невозможная девица.

— Господин де Бакур, я пошлю вам рисовые пирожки от Гауфа.

Мы говорили о Греции, как раз в его время Мериме и Ампер посетили эту классическую страну, которую Ампер так хорошо описал [77], потом о Бадене, где старый грешник Талейран проводил лето с прекрасной герцогиней Талейран [78], своей племянницей и любовницей; «совсем как наш Потемкин»,— сказала я ему.— Ах,— сказал он мне,— это всего лишь мелкий грех. У нее тоже мелкие грехи.

Пискатори (?), заменивший вас в Греции, почему-то утверждал, что Греция — страна изгнания. Я знала еще кое-кого, изгнанного в Грецию, и обольстительную герцогиню, которая приедет в Баден повидать изгнанника [79]. Как это мило,— те письма, которые посылает ваша соседка Жорж Санд.

— Не говорите мне об этом создании, которое оклеветало герцогиню.

— Клевета — это мило. Герцогиня не приедет этим летом в Баден, ибо она не покидает более своего дядю. Ему, боюсь, недолго жить. Он доверил мне переписку графа де ла Манш с венским двором, и я изучал ее весь день.

— Кстати, как ваш желудок?

— Я не переношу настойки Гугорта, он дает мне другое. Но мне нужно идти кататься с княгиней Ливен и кроме того я не хочу расстраивать моего маленького друга Киселева. Все любят этого славного Кисса, как вы его называете. Это любимец посольства, а когда он приходит в клуб, он забавляет все собрание. Берегитесь его, кто знает, может быть, однажды Кисс в ваших прелестных губках превратится в Кюсс [80].

— О, если бы я мог когда-нибудь этого счастья достичь!

— Киселев, вы начинаете становиться любезным, прежде всего вы — князь Чинхайгилидзев, а вовсе не прекрасный принц, а я, хотя и много сплю, не спящая красавица.

— Спасаюсь, спасаюсь,— сказал Бакур и исчез.

Когда мы остались одни, он настойчиво просил меня всегда называть его Николаем.

— Да, но вы никогда не осмелитесь называть меня Александриной. Позволяется время от времени Шашька.

— Поскольку вы говорили об искусстве, скажите мне, писали ли ваш хороший портрет?

— Да, думаю, что портрет, сделанный в Берлине, известным Реми, был удачен.

— Он у вас здесь?

— Да, конечно. Он без рамы, нужно порыться в сундуке; мой муж сам тщательно упаковал его с Лизой, нужны предосторожности; пойдем, она откроет ящик и вы развернете.

Он выкладывал вещи. «Николай, вы уроните все на землю!» Он вздрогнул, и всегда вздрагивал, как будто его тронули электрическим жезлом. Он сказал мне: «Но здесь есть сокровища, яйца, большие и совсем маленькие, с бутонами роз и чебрецом, и потом чудовищное стеклянное яйцо с розовыми и зелеными лучами.

— Это наши яйца, которые императрица посылала каждой; мы называли их чухонки, потому что они теряют юбки, как эти яйца, а мы делали девиц с яйцами.

— Как девиц с яйцами?

— Да, разбивали яйцо об стену железным крючком, закругляли кусочки и писали на них номера. Я была № 20. Часто в классе говорили: «20-й номер, вас зовут!» Стефани была № 140. Мочили кончик пальца и прикасались к впадине, если № падал с правильной стороны, ну, как играют в орел или решето, это значило, что № знал урок; для девиц имели бумажные боны и ставили девиц в угол.

— А их тоже наказывали «без передника»?

— Нет, это невозможно, но им говорили: «Вы плохая, я записываю вас в журнал». У Стефани были фарфоровые девицы и она мне говорила: «Я тебе, уж так и быть, подарю половину своих девиц».

— А это что? Подсвечник?

— Это имп⟨ератрица⟩ мне подарила, это сделано на заводе у Лейхтенбергского; я терпеть не могу, когда подсвечник гуляет по столу, и она тоже; я ей сказала:

— Подождите, Шасенька, Николай нашел еще сокровища: ящик, полный тонкого фарфора. Это для малюток, не так ли?

— Конечно, мы принесем им эти сокровища, и перед ними побледнеют все игрушки от «очень хорошенькой шляпки».

— Альбом, где рамка с портретом имп. Александра, и потом другой с воспоминаниями вашей матери[81], крест Марьи Сав⟨ельевны⟩. Большой альбом, весь полный вашими тонкими украшениями, бисерные строчки, настоящий самовар, и еще портрет, рамка очень плохая. Этот портрет восхитителен, нужно повесить его в гостиной и сказать Смирнову, что вы распаковали его, боясь сырости. Я его вымою.

— Нет, попозже.

Вошли Клеопатра с Аникой и обе сказали нам: «Очень мило, кажется, что здесь семейство, муж и жена, занимающиеся своим старым тряпьем».

— Аника, вы всегда говорите вздор.

— Г-жа Смирнова, а что это за красный бандаж вы держите?

— Мне посоветовал его носить доктор нидерландской королевы, когда у меня был понос. Эверард — один из самых знаменитых врачей гомеопатов.

Киселев сказал мне: «Дайте мне этот бандаж, ведь вы им не пользуетесь; у меня такой же расстроенный желудок, как у Бакура».

Клеопатра сказала ему: «Как, и у вас понос?»

— Княгиня, я не откровенничал с вами на непристойные темы, и чтобы отомстить вам, скажу в Берне, что вы подвержены поносам.

Они пошли на террасу, а мы понесли яйца и чашки детям. Радость была необыкновенная; быстро, быстро одевались, чтобы понести свои сокровища к княгине Ливен и «очень хорошенькой шляпке»; по дороге остановились, чтобы показать их старому Беверлею.

Вечерами я обыкновенно ходила благословлять детей; однажды мой друг сказал мне: «Позвольте мне присоединить мои молитвы к вашим и благословить этих милых ангелочков». Конечно, вечером я ему сказала: «Пойдем благословлять детей».

— Меня это переносит в то радостное время, когда у меня и моих нежных парижских черных глаз будут дети, мы пойдем их благословлять. Неправда ли, моя нежная Шасенька?

— Николай, молчите — не будет, не будет никогда.

— Как ты сладко обмолвилась, моя желанная ласточка! Боже, в ящике есть еще том Гоголя и ноты!

— Да, я знаю, мы все просмотрим вдвоем. Есть берлинский чайный сервиз и китайский костюм, я, пожалуй, в него наряжусь.

— Да, ради Бога, и ленты с поясом!

Мы себе устраивали праздники, и никогда в жизни потом не было подобных праздников для сердец наших; Гоголь выражал это словами «именины сердца».

— И письма Гоголя есть!

— Знаю, все, все есть, и ящик с моими бриллиантами... это я держу только потому, что в них серебро, украденное у бедных. Есть очень хорошее Слово Евсевия Кесарийского перед императором Константином о ничтожестве злата и драгоценных камней; вам нужно прочесть труды св. Юстина из Цезареи, Лактанция, который был учителем Константина Хлора [82], хорошенький попугай св. Евсевий говорил всегда только Отче наш.

— Как и я — до минуты, когда вы меня научили более глубоким и более торжественным образом. В старости, если бог даст мне долгую жизнь, чтобы любить и молиться, я забуду все, но никогда не забуду ваших уроков молитв.

— Слова «если Бог даст» напоминают мне имп⟨ератрицу⟩-мать, она по всякому поводу говорила: «Если Бог даст». Когда мы ездили по благотворительным делам, она, садясь в карету, говорила: «с Богом», комнатный паж говорил «с Богом», Фаддей Волков говорил кучеру «с Богом» и кучер форейтору, и так все ехали с царем небесным. Это странно, дорогой Николай, что у нас всегда все, даже все чувства связаны с Богом.

— Да, моя возлюбленная г-жа Смирнова, на земле есть только одно счастье — любить свою жену, своих друзей с Богом и с милостью Божией, со всем его милосердием — ибо его божественный сын знал все наши слабости и наши страдания.

— Мой милый друг, вы должны прочесть слово Филарета в св. пятницу в Успенском соборе при плащанице. Он начал так: «Слушатели, слова Богова уже нет, оно молчит»; и потом его слово о молчании: это вся история св. Девы и ее возвышенного молчания в минуту Благовещения.

— Какие превосходные вещи мы прочтем в Париже!

— Почему не здесь?

— Потому что в Париже, в этом вихре, в котором я участвую возможно мало, нужно всегда употреблять противоядие.

— Есть прекрасные вещи у Фенелона и Боссюэта; Массильон слишком медоточив, как и св. Франциск Сальский, этот уже просто из розовых конфект, Бурдалу — положительно крупнейший французский оратор, и Бодэн.

— Вы услышите в Париже Равиньякн, это иезуит.

— Ну, это скверно пахнет, впрочем я в Риме слышала аббата Лапласа в церкви иезуитов, он прекрасно делал различие между благотворительностью и филантропией и хорошо говорил об исповеди, так что мадемуазель Овербек мне призналась, что она жалеет о недостатке исповеди.

Да когда же это было? Два года спустя я взяла ее в дом, Оле было только 5-ть лет; мне ее рекомендовала мадам Болоньель, она осталась у нас 10-ть лет, а Надю не хотела воспитать.

— Но вы мне сказали с удовольствием, что хотите закрыть лавочку.

— Что ж вы хотите, я ведь живу под началом.

— Пойдем посмотрим, как дети купаются. А, да там идет веселие в Ойдове.

— Что такое веселие в Ойдове?

— Это прелестная мазурка, до безумия веселая, ее танцуют на пикниках. Не знаю, почему ее назвали «Веселие в Ойдове».

У детей, слова Киселева о печати смерти на личике Адины.

— Теперь пойдем спать: в свою постель, вы в свою; это напоминает мне, что сказал Наполеон королю Саксонскому, когда он спасся из Вильны. Песня говорит так:

Au grand Duché de Pologne
Je limite mon appui léger.
Sile Russe vous le regne
C'est un malheur passagèr.
Adieu, je vous ai tout dit,
Je me remets dans ma voiture
Remettez vous dans votre lit *.

---

* Я лишь слегка поддерживаю
Великое герцогство Польское.
Если русский царствует тут над вами,
Это несчастье преходяще.
Прощайте, я все вам сказал.
Я вновь сажусь в свой экипаж,
А вы возвратитесь в свою постель.

Я устала, не буду читать вечерние молитвы, а только скажу: «Господи, прости мне мои грехи малые и великие. Спаси и сохрани всех служащих и милующих нас». Милующих я адресую моим двум Николаям, сами вообразите, какой из них драгоценнее для меня.

— О, я не узнаю этого даже за целое царство.

— Я молюсь только за Александрину, которая в Париже. Прощай, прощай, дорогой.

— Прощай, прощай, дорогая.

На завтра был канун бала. Утром в свой обычный час он пришел и просил меня продолжать журнал. Комната была полна людей.

Продолжение рассказа о пребывании у Недоброво. Баратынский и Аврора Шернваль. Женитьба его на Энгельгардт.

Баратынский женился на Энгельгардт, сестре Софьи Львовны Путята. Его жена некрасива, грязна, скучна и ревнива; он начал пить, что вызывало ужасные сцены. Пушкин высоко ценил его как поэта, то есть что у него была большая душа.

А теперь я буду читать.

— Нет, время идти в ванну, я после приготовлю ванну без бадемейстера и буду служить на задних лапках моей Богине Иосифовне, которая наверное есть чадо Иосифа Прекрасного. К несчастью, вы не жена жреца, и я никогда не оставлю у вас свой плащ. Я покажу кулак Великому корехидору, и вы сможете совершенно безопасно ходить; я буду бродить вокруг дома и предложу вам руку, когда вы захотите вернуться, не так ли?

— Да, да, я пойду с визитом к Муханчику.

— Вы посещаете Голицына, возможно и Платонова, а меня никогда.

— Я нанесу вам визит, прощальный визит перед вашим отъездом; что же касается Платонова, то я не собираюсь взбираться на лестницу, чтобы увидеть его гнусную харю. У него не рожа, потому что он недурен лицом, а у него именно харя.

— Да какая же разница между харей и рожей?

— Я сама не знаю, но мне кажется, что у него собственный запах, как у Петрушки, лакея Чичикова, или у Селифана, его кучера.

— Бедный Платонов!

— А вы еще жалеете его, как он мне надоедает, он ведь перебивает у вас лавочку.

Он отправился, по обычаю у моста махнул нам рукой, потому что дети были у меня или в своей комнате и махали ему игрушками и кричали: «Будь здоров, желаю тебе вернуться». После ванны и прогулки он попросил чаю, вот и подали чай, уже с самоваром; он был в восторге и говорил: «Вот мы в России, и моя желанная супружница, выпарившись в бане, готовит мне чай». Нашему чтению беспрестанно мешали. То один, то другой приходил, Клеопатра, Аника, княгиня Ливен, графиня Нессельрод, Муханов, Скалон Петр Александрыч, Василий; от Платонова я избавилась! Он раз мне сказал:

— Киселев влюблен в вас, мадам, вы его поощряете.

— Господин Платонов,— ответила я ему,— мне неизвестно, влюблен ли в меня Киселев, но у него, по крайней мере, хватает деликатности не учить меня. И отныне прошу вас воздержаться от ваших визитов, вы мне скучны.

— Я возьму реванш после отъезда этого дурачка.

— Никогда вы его не возьмете, и после его отъезда я так же укажу вам на дверь, как и сегодня... Прощайте, мсье, вы можете, тем не менее, придти на бал.

— А теперь в путь-дорожку,— сказал мне Киселев.— Благодарю за урок Платонову, и мы опять в Васильевке.

Продолжение рассказа о пребывании у Недоброво. Отъезд в Усмань. Государев смотр. Поездка в Грамаклею на 6 месяцев.

Приехали двое Раевских с французом-гувернером [83] и ужинали с нами. Француз не перекрестился перед ужином. Это уж не понравилось Бабушке: «Який скверный, и Богу не молится». «Спроси его, Верка, якой он веры».— «Маменька, он говорит, что он католик».— «Католик — одно что жидовин, немецкий как Майдановский из Белой Церкви». Подали манную кашу. Горшок не был обернут салфеткой. Гувернер сказал что-то.

— Що вин говорит?

Вера Ив⟨ановна⟩ сказала: что горшок надо бы обернуть салфеткой. Француз уже занес ложку в рот, как она велела Роману отнять кашу, отослала его на станцию, а Раевских оставила. Это были знаменитые герои войны 1812 года, а она им сказала: «А вы скажите своей маме, чтоб скверного хранцуза не держать у дома». Бабушка шторы называла шпиранты. Несмотря на это, ее знал Александр Пав⟨лович⟩ и Николай Пав⟨лович⟩, и все ее уважали, у нее всегда обедали и по два часа заслушивались ее.

— А теперь, Николай, пойдем маршировать.

— Знаете ли, мой драгоценный друг, что вы очень сильно опираетесь на мою руку, а ваша походка день ото дня становится тяжелее; какое счастье, если вам удастся родить во время моего пребывания здесь, и это будет при мне. О, друг мой, дайте на вас поглядеть.

— Да, мой ангельский друг, близкий, очень близкий.

— Ближе, чем Гоголь и Самарин?

— Конечно; какие глупости вы говорите!

Мы встретили Лос Риоса, сказавшего мне: «Г-жа Семянтковска, вы разродитесь на рулетке и Киселев примет дитя».

— Лос Риос, в сущности, я не знаю, кто вы. Вы испанец, и habla Spagnol, но вы не хвастун.

— Киселев вам скажет, кто я.

Я спросила у него, кто такой Лос Риос.

— Лос Риос — человек очень замечательный, он — близкий друг Донозо Коржеца, занимательные труды которого я вам дам — книгу о Цезарях и много религиозных и философских трудов. Он сменил его на

посту испанского посланника, он не поладил с Годоем, князем и в конце года покинул посольство. Новиа, которого вы увидите в Париже, оригинал, как и он; это самый уродливый и грязный человек на свете, а небрежность его туалета иногда просто обманывает. Новию сменил герцог де Фриас, сын которого Санладо (?) — любовник г-жи де Сен-При. Вы сможете поговорить с Лос Риосом на религиозные темы и всегда с удовольствием; но не касайтесь папы.

Мы сели на скамейку у входа в аллею и смотрели на идущее мимо нас пестрое общество.

— Ах, вот и Гоголь,— сказала я ему.— Николай Вас‹ильевич›, сядьте с нами.

— Не могу, хожу, чтобы сходить.

— Мне кажется, что в нем ничего нет замечательного. И что это значит «хожу, чтобы сходить»?

— Это шутка Вяземского, принимавшего в Царском Киссингенские воды. Он считал Эмилию очень хорошенькой и бродил под моими окнами. «Князь, что вы таскаетесь под моими окнами?» — «Потому, что я воды пью», и тогда он послал мне такие два стиха:

Сейчас видно, что Поэт
И друг природы
Нет, я воды пью,
Так и хожу, чтобы сходить [84].

— Как вам не стыдно сквернословить?

— Но это вовсе не сквернословить.

— Ну, по меньшей мере, грязнословить. Маленькая богиня даже не догадывается, что нуждается в этом ‹дальше фраза нрзб.›.

— Замолчите, пожалуйста.

— Вы хотите быть моей повивальной бабкой, так у вас будут полны руки этим.

— Это будет слиток золота.

— Я думаю, это тоже слиток золота, ибо это тоже роды; два запора открываются сразу, совсем как у мышки, повивальной бабкой которой я была в институте.

Мы там разговаривали с золотарями, они в лодке ездили по нашему резервуару; мы нарочно им делали на голову маленькую нужду; они кричали нам: «Барышни, и без вашего обливания скверно».

— Но какие дурные шалуньи вы были, и вы тоже.

— Крупеничка особенно; запах мешал мне забавляться с этими камергерами от горшка. Я разговаривала с Нужничкой; эта женщина слыла ведьмой, у нее был нож, она все скоблила. Нужник был местом отрады, там делились секретами, там пели

Ай да люли кандалы,
Давай, баба, киселя.

Однажды вечером, оживленнее, чем когда-либо, мы пели так громко, что инспектриса, прогуливавшаяся по задней аллее, пришла и поставила нас в рубашках на колени: «Вот вам кисель!». Из всего младшего дор-

туара молились только трое Хилковых — Вера, Дуза и Люба... Дуза была как будто глупенькая, Люба очень старательная, а Вера очень способная, но ленивая и ничему не училась. На фортепианах их учил М-г Равелен, их посещал Жакинька, их дядя.

Вошла Клеопатра, я ей сказала: «Подите вон! Вы говорите, что Киселев — мой любовник, грязная валашка, я ему читаю о наших шутках в институте».

— Знаете ли вы, Киска, что Жуковский очень любит шутить, он в ужасе от сальностей, и я тоже, вот Пушкин — любитель непристойностей.

— К несчастью, я это знаю и никогда не мог объяснить себе эту антитезу непристойного и возвышенного, так же, как я не понимаю, как вы и Жуковский можете говорить о грязных вещах. И вы еще смеетесь?

— Еще бы, когда я вспоминаю историю Жан-Поля Рихтера, которую он рассказывал, говоря: «Ведь это историческое происшествие». А вот эта история. Великий герцог Кобург-Готский пригласил Жан-Поля провести у него несколько дней. Он написал ему собственноручно очень милостивое письмо. После очень обильного обеда, не найдя никакой посуды и тщательно поискав во всех коридорах угол, где он мог бы облегчиться от тяжести, он вынул письмо великого герцога, воспользовался им, выбросил его за окно и преспокойно заснул. На другой день великий герцог пригласил его к утреннему завтраку на террасу, где он должен был восхищаться цветниками и статуями: «Самая красивая — Венера, которую я приобрел в Риме», и дальше — «Вы будете в восторге». Но, о ужас! Подходят к Венере — у нее на голове письмо великого герцога, и желтые ручьи текут по лицу богини. Герцог гневается на своих слуг, но надпись: «Г-ну Жан-Полю Рихтеру» его успокаивает. Вы представляете себе смущение бедного Жан-Поля! Читали ли вы его скучные рапсодии?

— Я пробовал, но никогда не мог понять его «Изола Белла».

— Жуковский сказал мне, что дом Рихтера полон канареек, может быть, ему канарейки диктовали?

— А вам, канареечка, кто диктует?

— Вы не знаете, это первый секретарь русского посольства в Париже, а зовут его Николай Дмитрич Киселев.

— Ага, я его мало знаю, а особенно удивляюсь, что он вам диктует. Происшествие с Жан-Полем имеет свои достоинства, потому что доказывает, какие комфорты в этой хваленой Германии.

— Плетнев всегда ему говорил: «Знаем, знаем, вы мне рассказывали тысячу раз эту гадость». Госпожа Карамзина заставила его выйти из-за стола за этот анекдот. Так как он родился под Новый год, то раз на Новый год был обед в его честь. Аркадий, разумеется, присутствовал на этом обеде, Полетика, Вяземский и г. Кушников со своими сестрами, кузиночками, как звали сестер Кушникова. Жуковского просто-напросто выслали в гостиную и посылали туда кушанье, но пирожного и шампанского не дали. Этот большой младенец серьезно рассердился, прочитав наставление г-же Карамзиной, он уехал. Полетика тоже упрекал г-жу Карамзину. Обеды в этом гостеприимном доме были очень просты.

Когда сыновья выросли, Андрей раз сказал, что красное вино плохое, его мать ему ответила: «Им довольствовался ваш отец, который у государя пил лучшие вина; он отказывал себе во всем для того, чтобы я имела на что купить полотна и сшить вам рубашки». Она поступила так же, как моя бабушка, и не дала Карамзину пудинга, который он очень любил. И кто знает, не упрекает ли она себя за причиненное ему этим огорчение? Ножики и вилки были железные, но Андрей Николаевич как-то разбогател, выиграл в карты и принес этот сюрприз в Катеринин день. Софья Ник⟨олаевна⟩ — от первой жены Карамзина, Протасовой, вот откуда связь Жуковского с ними. У них Лука, еще протасовский крепостной, очень смешной. Он мне говорил, что после смерти жены Карамзин был так беден, что летом нанимал маленький домик в Марьиной роще. «Мы, говорит, Сонюшку посадим на коврик, покормим ее кашкой; она у нас прыгает, такая веселенькая». Он писал, чтобы жить, «Марфу Посадницу» да «Лизу — рассадницу», «Бедная Лиза» — если помните, «Остров Боргольм»? Теперь над этим смеются, но я нахожу, что «Письма путешественника» полны наивной и трогательной прелести, не правда ли?

— Я совершенно согласен с вами. Языков и я читали их в Дерпте, так как с ним была целая русская библиотека. Хорошее это было время. Я, кажется, первым читал прекрасные стихотворения Языкова. У него была в душе душа, как то выразился Гоголь; и у вас душа в душе, оттого вы моя душенька.

— Киселев, и у вас душа в душе, вот почему я вас так люблю, даже более Гоголя и других, я вас иначе люблю.

— За это можно «падам до ног», можно, милая Иосифовна?

— Вы знаете, что до своей женитьбы, лет 28, может быть, Карамзин был безумно влюблен в красивую вдову Обрезкову и писал ей страстные стихи, когда она вышла замуж за князя Степана Хилкова. Я видела ее уже пожилой. Высокая, полная, величественная, как королева, она прохаживалась по аллеям Царского; я помню лишь несколько строк:

Еще твой жаркий, страстный поцелуй
Горел на моих устах,
Когда другому уже...[85]

— Бедный Карамзин, я бы сошел с ума, если бы мои чудные парижские глаза могли сыграть со мной такую штуку. Скажите мне, писали ли вы когда-нибудь стихи?

— Никогда, разве только такие, как имп. Екатерина:

Il fait le plus beau temps du monde
Pour se promener sur la terre et sur l'onde *.

— Это, конечно, по-моему, лучшие стихи в мире.

---

* Погода лучшая на свете
Для прогулок по земле и по воде.

— Еще бы, это примиряет меня с Екатериной. Потом она велела написать на могиле своей собаки:

Ci-git madame Anderson
Qui appartenait au docteur Rogerson *.

Это смешно, но есть что-то величавое в простой надписи над главными воротами Софьина: «Орловым от беды избавлена Москва» и еще: «Петру первому Екатерина вторая». В этой простоте есть нечто возвышенное. Это она украсила Царское чудной колоннадой Камерона, этим совершенно античным мостом; ей мы обязаны духовой музыкой, множеством картин голландской школы; кажется, то ли Мальмсбери, то ли лорд Сент-Эленс уговорил ее купить галерею Гораса Уолполя[86]. Она послала путешествовать Бортнянского и Березовского, гравера Берсенева. Не будь она императрицей, она наверное была бы автором романов, более значительных, чем романы Каролины Пихлер, Августа Лафонтена и Коцебу. Знаете ли вы всю эту бурду на розовой воде, истинную немецкую кухню?

— Нет, я избежал всего этого, как и Knoupe-Bibliothek, которая вам нравилась в Васильевке; я знал только Шиллера, Гете, Грильпарцера и, благодаря вам, узнаю Генриха Гейне. Не знаю, что выше: наша ли поэзия или немецкая или английская?

— Наша также высока, но не так богата, и трагиков у нас совсем нет.

— Это правда, я думаю, что в целом мире нет подобного Шекспиру и Гете в «Фаусте» и в других его трагедиях. Не надобно забыть Лессинга.

— Конечно, хотя я только видела, как Каратыгин коверкается, когда Эмилия Галотти выпила яд. Но я видела раз в Висбадене, как давали «Эгмонта»[87]. Знаменитая Зеебах играла роль Клерхен. Из Швальбаха мы поехали в Висбаден через великолепный ольховый лес. Вблизи от Швальбаха есть живописное местечко Адольфсек. Я встретила там школьного учителя, худого и изнеможенного, который рассказал мне свою печальную историю. Управляющий богатого герцога Нассауского давал ему 300 фр. в год на квартиру, одежду и стол. Скотина-герцог, кроме великолепных погребов, полных огромными бочками, такими же огромными, как знаменитая «Гейдельбергская винная бочка», получал миллион от продажи сельтерской воды. Учитель же пил дурной кофе, за обедом — брандахлыст и кусок их отвратительной колбасы, а перед сном стакан молока. Он целый день курил свой клостер, так как курение заглушает аппетит, что правда. Я ему подарила большой ящик табака, и так как к обеду нас было пятеро — с нами была г-жа Во — мы ее называли Каролиной Пихлер за ее сантиментальность — бедный школьный учитель сказал мне: «Я не могу понять, как можно жить без искусства; в Висбадене дают «Эгмонта», если бы я мог достать билет, то пошел бы туда пешком. Лес красив, а еще прекраснее предстоящее удовольствие».

---

* Здесь покоится мадам Андерсон,
Принадлежавшая доктору Роджерсону.

Я ему ответила: «У меня ложа и вы поедете со мной. В пять часов мы встретимся у еврейского кладбища». Мы подождали четверть часа, бедный учитель не появился, и мы покатили к Висбадену.

Хорошим днем для бедного учителя было воскресенье, когда крестьяне хорошо едят, его приглашали вместе с пастухом, который бесплатно пас стадо овец. Вот тебе и сивилизация, и гуманность!

— Как мне нравится, что ваше сердце всегда умеет найти того, кого надо утешить.

— Это вовсе не моя заслуга, ведь Бог меня щедро одарил, я таровата, как Дмитрий Евсеевич, который посадил свое семейство на пищу св. Антония. Я не стану разоряться из принципа, а у нас в семье было: что мое, то твое, а что твое, то не мое.

— И это прекрасно, и прекрасно сказано; но как вам понравился «Эгмонт»?

— Ужасно, ужасть. Зеебах была особенно хороша, когда пела «Радость и горе в живом упоенье» с таким детским чувством и искренностью, что вся публика вздрогнула, когда она говорила: «Иди, Бранкенберг, домой! Знаешь ли ты мою родину?», балконы потряслись под тяжестью зрителей этих побасенок, как говорил Гоголь. Потом она выходит, когда она уже приняла яд. Звуки Бетговенской музыки отпевали предсмертные часы Эгмонта, на сцене Эгмонт восклицает: «Прекрасная, радостная привычка бытия, и с тобой я должен расстаться!». Потом, вы помните, Сильвия, т. е. Зеебах выходит Гением свободы (это по желанию самого Гете) и мы, среди оглушительного рукоплескания, сели в свою коляску. Ночь была лунная, дивная, в лесу ни шороха; кучер полусонный наш рассказал, что серны вывелись во время революции 30 г. «Глупцы, что им было нужно? Надо жить и давать жить другим», и рассказал, что тут творилось.— Однако, Киселев, Эгмонт, луна, школьный учитель — все это не причина для того, чтобы вы так близко ко мне подходили и обнимали меня.

— Тысячу раз прошу прощения, мадам, это чтение меня глубоко растрогало. Мойер со своей женой очень хорошо читал «Эгмонта» и обнимал свою Катеньку. Я вне себя от восхищения и забылся, тысячу раз простите.

А кстати, знаете ли вы стихи, кажется Шиллера, «О Сильвии» [88], я их вспомню и прочту вам. Вы — портрет Сильвии, которую он описывает.

— А пока хотите ли, чтобы я продолжала чтение?

— Нет, так как я иду брать ванну, а затем приготовлю вашу.

— Я кончила свои семь ванн. Гейденрайх приехала, и Агриппина Мансурова сказала, что будет за мной ухаживать.

— Какое счастье, их заботы — драгоценная гарантия для меня.

Агриппина пришла вечером, и мы говорили о Берлине, принце Карле, герцоге Павле Мекленбургском, Антонини.

— Антонини здесь, у него ногти уже не желтые, так как он окончил лечение грязями в Франценсбаде. Потом говорили о Пурталесах.

— Они в Швейцарии — Альберт и Гильом. Рибопьеры наконец согласились на свадьбу Аглаи с Зенденом; они бедны, говорят, но счастливы, как мы с Александром.

— Богатство не приносит счастья, дорогая Агриппина.

— Моя бедная Александрина, я знаю, что вы несчастливы.

Она смотрела на Киселева, которого я ей представила. Она сказала мне, что Розочка Озерова поехала в Россию, чтобы познакомиться со своим свекром. Петр Ив‹анович› покинул двор великого князя Михаила из-за дерзостей великой княгини. Имп‹ератор› назначил им Дмитрия Васильевича Васильчикова, которого вы знаете, и г-жу Апраксину в качестве статс-дамы. Гордость этой старушки, такой почтенной, укротила великую княгиню, а особенно слова имп‹ератора›, сказавшего своей невестке: «Ну, уж если Дмитрий Васильевич не понравится, набирайте себе сами, кого хотите. Мне надоели ваши вечные капризы и домашние дрязги, виноваты вы, а не брат Михаил».

Уходя, Агриппина сказала Киселеву: «Я очень рада, что приехала. Будьте покойны, я буду за ней хорошо ухаживать, ее муж не умеет ухаживать, он слишком беспокойный». А потом, наедине, она мне сказала: «Моя дорогая, он больше влюблен в вас, чем Каниц и Гильом Пурталес».

На другой день, ранее обыкновенного, он постучал у дверей моей спальни.

— Что вам нужно, Киселев?

— Выйдите, Бога ради, мне нужно сказать вам нечто очень важное.

— Сейчас, я кончаю свой туалет. И вышла с распущенными волосами.

— Боже мой, что за волосы! Но я пришел сказать вам, что вы ужасно неосторожны. Я, как всегда, остановился на мосту, и видел, как вы умывались, занавеска не была спущена; со своей стороны, я не жалуюсь, ибо я видел самое прекрасное на свете — девственную грудь.

— Прошу вас без подробностей, Киселев.

— Но уверены ли вы, что никто другой не проходил? Вы знаете, что могли бы сказать, будто вы сделали это с умыслом, чтобы меня завлечь. Ведь утверждают, что я в вас влюблен. Умоляю, вас, будьте осторожнее. Но где ваш муж?

— Не знаю, я не видела его сегодня утром. Я не думаю, что ктонибудь прошел нынче утром, разве что старый Беверлей. Наверное Лиза была невнимательна. Отныне я сама буду спускать шторы. Спасибо и до свидания.

Я сгорела от стыда, стоя на пороге в белом пеньюаре. Лизе досталось, но так как вообще целомудрие не есть отличительная черта нашего народа, то Лиза спокойно отвечала: «экая беда!» — «Ты мерзавка, ты жалуешься, что тебя Орест бьет, а я нахожу, что он тебя не довольно бил: ведь я знаю, что ты с Сашкой делаешь гадости, пошла вон и позови сюда M-me Мисси».— «Ваша Миська будто лучше меня, она всякое утро бегает невесть куда».— «Врешь, дура, Миська не такая свинья, как ты, она ходит купаться с моим позволением. Пошла, и принеси ящик с бриллиантами, и все, что я выбрала из сундука».

Когда Киселев пришел, он мне сказал: «Вот вам Сильвия, я все припомнил и продиктую вам ее».

К Сильвии

Кто Сильвия? И чем она
Всех пастушков пленила?
Умна, прекрасна и нежна,
Велением богов дана
Ей чар любовных сила.

О слепоте своей скорбя,
Амур к ней приласкался:
«О как хочу узреть тебя!»
И вдруг прозрел он и, любя,
В ее глазах остался *.

Я это вспомнил, когда видел сегодня утром самое восхитительное зрелище. Почему вы краснеете, ведь вы же знаете, что пред вами ваш самый верный друг. А ваш муж видит вас, когда вы совершаете ваш туалет?

— Если он случайно войдет, он выходит, это самый деликатный человек на свете; он иногда рассказывает вещи, которые не должен был бы рассказывать мне, вот и все.

— Я очень рад этому, и за него и за вас. Я всегда был о нем очень хорошего мнения, и если в канцелярии были товарищи, превосходившие его умом, то он истинно превосходил их по благородству чувств и верности; мы с ним уже сошлись, потому что были два москвича, и отцы наши были знакомы: его отец и мой играли в картишки вместе. Э, да тут я вижу сокровище. Но что вы скажете о «Сильвии»?

— Это прелестно, и музыка Шуберта, я постараюсь достать ее и буду пищать этот романс.

Рассказ Аники Икскюль о кораблекрушении. Рассказ Смирновой о том же.

Вошла Агриппина Мансурова с Зиной, которая пошла к детям.

— Киселев,— сказала Клеопатра,— почему вы пожираете г-жу Смирнову с глазами, полными слез?

— Клеопатра, вы мне надоедаете глупыми шутками, подите к вашему Гектору,— сказал он.

— Этот негодяй уехал повидаться со своей кузиной, этой свинкой мадам д'Умольштейн. Она сентиментальная блондинка, а не крот, как вы и я.

— Госпожа Смирнова не крот, это вы безграничный крот, когда у вас нет ваших 〈нрзб.〉

— А ваша Дельваль?

Киселев покраснел до корня волос и сказал: «Умоляю вас, княгиня!»

— Ага, испугался, дрянь!

— Кто такое Дельваль?

— Дрянная маленькая актриса — настоящая интриганка. Благодаря ему, потому что у нее двое детей.

Киселев все время повторял: «Помилосердствуйте, Клеопатра!»

---

* Перевод В. Левика.

— Но я же вам говорила, что у вас есть любовница, а вы не хотели признаться.

Тут уж он молчал и сказал: «Так возмутительно слышать, как вы говорите об этих неприличных вещах; сделаем лучше инвентарь ящика».

Вошла Агриппина, говоря, что между 70-ми и 14-м по Унтерденлинден необыкновенная радость.

Мы начали считать украшения. Белые бриллианты, великолепные серьги и ривьера звездой. Мы примерили ее на моих черных волосах.

— Очень красиво,— сказал Киселев,— а также серьги, вы никогда их не носите, я думал, что у вас уши не проткнуты.

— Наоборот, мне их проткнули в детстве; сначала каждое утро их протыкают иглой, очень тонкой, и более грубой ниткой. Маменька слегка слюнявила ухо и затем дергала ниткой в ту и другую сторону. Когда нитка сгнила, герцог Ришелье подарил мне тоненькие золотые серьги: маленький змей, кусающий свой хвост, а потом уж их сменили сережки с сапфирчиком. Я сама себе казалась королевой, и мне надевали этот сапфирчик только по воскресеньям. Новые башмаки и серьги — это счастье для детей.

— Вот они, наконец,— сказал Киселев,— они лежали особенно и написано: «Драгоценная память мамы и герцога». Госпожа Мансурова, не правда ли, эта память сердца трогательна?

— Но, дорогой г. Киселев, когда сердце на месте, как же не быть памяти сердца?

— Агриппина, когда приезжает ваш муж?

— Он не едет сюда, он на маневрах в Калише.

Затем мы опять заговорили о Берлине, о г. Ностице, о свадьбе старика Ансийон с г-жой Веркиньоль, происходившей у графини Реде, о Генри Редерне, Радзивиллах, князьях, д'Ориола, Джорджине Берг, вышедшей замуж за Уилкинса, о Брюках и мадам де Ларош Ламбер, о Шлямбау и о маленьком Редере из первого пехотного полка и т. д. Агриппина увидела китайский костюм и сказала мне: «Вы хороши во всех ваших нарядах, но китайский костюм окончательно пленил сердца Гильома Пурталеса, когда он нес паланкин с Мюнстером, Каницем и толстым Редером».

Киселев громко захохотал: «Право, до слез смеюсь, когда об этих немцах говорю».

Агриппина сочла своим долгом вступиться за пруссаков, которых я тоже очень люблю. Только Киселев ненавидел все немецкое.

— Вам нужно было видеть ее в китайском костюме; чтобы доставить удовольствие доброму королю, два раза повторяли шествие.

— Мадам должна при свидетелях обещать мне, что наденет его в Париже на костюмированный бал. Я не езжу в этот развратный и легкомысленный свет, но поеду на этот бал, чтобы любоваться там мадам.

После ухода Клеопатры и Аники Агриппина, раскладывая мои вещи, сказала мне: «Дорогая моя, я удивлена, что вы видаетесь с такими женщинами, как княгиня Трубецкая и особенно ее кузина».

— Дорогая мадам Мансурова, Клеопатра прежде всего ваша кузина.

Она была очень несчастна: она боготворила своего мужа, у нее был прелестный сын, который умер 15 лет. Вот вы совсем взволнованы.

— Ведь Зине пять лет, и ни я, ни Александр не пережили бы такого несчастья.

Киселев сказал ей: «Я думаю, что величайшее несчастье — смерть маленького существа, которое, умирая, не может ничего сказать, а только смотрит на вас, как будто прося защиты.

— У вас есть дети, г. Киселев?

— Нет, мадам, я не женат, хотя княгиня Трубецкая и обвиняет меня в том, что у меня есть любовница и двое детей. Но у меня нет ни любовницы, ни детей. Она хочет погубить меня в глазах света.

— Но что за разговоры для благовоспитанных людей! В Берлине мы о таких вещах не говорили.

— Да, я воображаю лицо фрау фон Массон и графини Ностиц; там только этот противный Хольцфельд. Кстати, что стало с Вальдкирхом?

— Он в Мюнхене и не возвращается в Берлин.

— Как он забавлял нас своим приплюснутым носом. Я думаю, что его побили на дуэли за то, что он не желал петь «Гаудеамус игитур».

Киселев сказал: «Странно, до какой степени Дерптский университет — копия немецких университетов. Мы пели «Гаудеамус»».

Агриппина ему сказала: «Поздравляю вас с тем, что вы учились в университете. Я вижу, какое это благо для молодых людей, которых нам поручают в Берлине; дорогая моя, я рекомендую вам маленького Попова, Киреевского и Джунковского» [89]. Потом она ушла.

— Киса, я очень люблю Агриппину, но дышу только, когда мы одни, мой душенька. А я, мой небесный ангел, хотела бы жить с тобой там, где раздавалась бы эта восхитительная музыка. Не знаю, когда сердце говорит, оно красноречиво и выдумывает нежданно слова, ему ангел подшептывает.

— Ах, неоцененная Саня, как вы выражаетесь хорошо; однако ведь вы Самарину сказали, что он Музыка.

— Никогда, я ему сказала, что я говорила Музыка человеку, которого я более всего на свете люблю; он печатал какую-то философскую статью о немецкой чепухе в «Беседе» и спросил, как подписаться; я ему сказала: «Я люблю музыку», он и подписал М. З. К.[90] Хомяков ему писал Московской земли казак: «Терпи, казак, а атаманом не будешь. Берегись Смирновой, у нее голос чарующий и соблазнительный, как итальянская музыка» [91].

— Как это верно, ваш голос поистине опасен. Теперь я утешаюсь, дорогая Александрина. Позвольте мне просить вас прийти ко мне на чай накануне моего отъезда, я буду спать там еще только один день. Это будет такое великое счастье, комната станет святилищем всех добродетелей, искренности, целомудрия, самого чистого и пленительного настроения. Обещайте прийти!

— Конечно, дорогой Николай, в этом нет ничего особенного, ибо я была у Бакура и Голицына. Но достаньте кресло, потому что я не могу сидеть на деревянных стульях.

— Моя кровать послужит вам шезлонгом.

— Ваша кровать? Вы с ума сошли, я могу спать на кровати только одного мужчины — моего мужа; нет, нет, тысячу раз нет! Попросите кресло у Клеопатры.

— Так как вы обещаете, я принесу кресло от Клеопатры. Спасибо, моя ангельская Сильвия.

Вошла г-жа Гейденрайх, сделав самый красивый из своих реверансов. Я сказала ей: «Это мой кузен, которого я очень люблю». Киселев ответил ей на очень хорошем немецком языке, выбирая свои комплименты; она отвечала ему тем же и сказала: «Вы должны пользоваться хиромантией. Мне нужно заказать еще несколько вещей».

Он сказал мне: «Она мне очень нравится. Какие вещи ей еще нужны?»

— Я думаю, надо распаковать то, что принято называть «подкладное судно».

— Чтобы доказать вам, что у меня нет ни любовницы, ни детей, уверяю вас, что ничего не знаю об этом виде этрусской вазы.

— Притворщик! Но это не преступление, и мне от этого ни жарко, ни холодно.

— Я не благодарю вас за это, я чувствую, что мои достоинства и недостатки вам равно безразличны.

— Бесстыдный негодяй, не вздыхайте. Вам очень хорошо известно, что моя дружба к вам превосходит обычную дружбу и есть чувство более нежное.

— Скажите, мое дорогое дитя — любовь.

— Пожалуй, да, с пылающим факелом.

— Это просто реприман и бульверсман. После обеда — за чтение, мне хочется скорее кончить эту тетрадь и дойти до любви к Степану Як. Зиновьеву [92].

— Но сегодня вечером бал. Не забудьте прийти в 8 часов, мы будем минуту одни. Приходите в сюртуке.

— Я не могу иначе, потому что не привез свой фрак. Какая жалость, что Танке уехали, их будет нехватать для полноты картины. Вы помните: «Сашенька, скажи же что-нибудь поумнее». Она говорила: «Здравствуй, эхо», и вот «О ты, пространством бесконечный!»

— Я почитаю вам немного.

— Прошу вас.

Переезд из Грамаклеи в Петербург.

— Что за гадость кибитка, неправда ли?

— Я, слава Богу, не ездил в них, ведь это род сундука?

— Нет, это скорее баулы, есть окошко вверху, сидят на подушках, воняет ужасно кизяками, в ухабистых местах, да если есть притом колдобины, так тошнит ужасно. Однако, Киселев, пора обедать, но возьмите Гоголя и прочтите то, что я вам отметила,— бал у губернатора. На балу мы будем давать прозвища.

Вечером дом осветили ярко, как днем, и начали являться. Первая, конечно, Леонидас с г. Дювалем в белых панталонах, а жирная Леонидас в розовеньком платьице, очень коротком, а жирные ноги выплывали на очень узких башмаках цвета золоченой бронзы. Клеопатра набеленная, нарумяненная и насурмленная, в белом парижском платье с красным пером на голове, Аника в желтом креповом платье с голубым пером и вся обвешанная знаменитой бирюзой. Княгиня Лаба, за ними Сама, Сарасага и красивый Голер, приехавшие из Карлсруэ, наш банкир Мейер без супруги, но со своим комми, оба евреи. Госпожа Гейденрайх вся в желтом, покрытая желтыми веснушками. Принц Эмиль в сюртуке и белом галстуке, за ним вошел его брат или двоюродный брат принц Георг Гессен-Дармштадтский с оливковым адъютантом, баденский франт, которого фамилию не помню. Барон Энте, ужасный мерзавец, камергер Баденской принцессы Стефани. Платонов стоял в углу. Графиня Нессельрод смотрела у окошка с Агриппиной Мансуровой и Мухановым; они помирали со смеху. Музыка была подлейшая. Последний явился Киселев, тоже в белом галстухе. Я сидела на диване, возле меня г-жа Зеа Бермудес в селадоновом муаре платье, башмаки того же цвета, и ножищи ее не доходили до пола; у нее лицо было как дуля, у́же вверху, чем внизу, по обеим сторонам черные сосульки и марабу на голове. Зеа в долгополом гороховом сюртуке, Великий Корехидор, весь в черном с синей булавкой, стоял возле Платонова, и оба разили меня из своей засады ядовитыми стрелами Купидона. Киселев подошел и сказал: «Рядом с г-жой Зеа вы — просто счастье, но что у вас за смешное платье».— «Оно очень модно в Берлине, это фру-фру».— «Это уродливо».— «По крайней мере я хорошо причесана, так как это не мой берлинский парикмахер Дандорф, и я хорошо вымыта, потому что это не Томский, банщик из Берлина на Доротеештрассе».

— Что за идея,— не правда ли, мадам,— назвать улицу Доротеештрассе. Княгиня Ливен обидится.

— Совсем нет, ведь она там начала свою карьеру и, вероятно, давала рандеву в этой улице; нужно всегда искать происхождение вещей.

Заиграли полонез, в первой паре пошли г-жа Зеа с Георгом Дармштадтским, он был во фраке странного цвета, наваринского пламени с дымом, на жилете были вышиты огромные рельефные розы; белый атласный галстух и куча всяких брелок; за ней шла я, принц Эмилий с Аникой, за ними Киселев с Клеопатрой. Я сказала: «Киселев, я отвернусь от корехидора и Платонова».

— Конечно, это вам предписал Гугорт, а я приказал.

На бале он или Гейденрайх беспрестанно спрашивали о моем здоровье, он бегал в детскую, чтобы узнать, спят ли там, и раз сказал: «Дети спят, а Эйланд и Мина, как истинные патриоты, вальсируют».

В час подали ужин, пирамидой стояли тартины, ели стоя колбасу, пили несчетное количество стаканов оршаду, лимонаду, не знаю, сколько чаю, шоколаду и кофию, одним <словом>, кроме птичьего молока, были все рефришсманы. Киселев мне сказал: «Гоголь как будто видел ваш бал».

— Да, я уверена, что он под окнами, он здесь, кстати, он уже вообразил мадемуазель де Бетюн и сказал мне: «Какая это Бетюн, она целая Бетюнища». Это прелестно, она действительно Бетюнища. Теперь, я вам скажу, что г-жа Зеа, почтмейстерша, и капитан — исправник Георг Гессенский, Бетюн и Дюваль — губернаторская дочка и Чичиков, дама приятная во всех отношениях — Клеопатра, просто приятная дама — Аника, Грузинский князь Чипхайнидзев — мадридский корехидор. Перхуновской и Беребендовской, француз г. Трико[93], Бакур и я; говорю: «вот пошла писать губерния».

— Тогда вы Чичиков, потому что у вас сбежала деревня у Гоголя, и все души Чичиков же купил по пятаку за душу.

Но верно ведь, что «Мертвые души» — небывалая вещь?

— Небывалая!

Николай Мих⟨айлович⟩ не появился на моем балу, я увидела его только за завтраком. Он спросил меня, почему я вынула портрет. Я сказала ему, что чулан сырой.

Киселев пришел чай пить с самоваром, и мой муж спросил у него, что он думает о портрете.

— Я нахожу, что он прилизанный.

— Да, он прилизанный, как вся немецкая живопись, но очень похож и очень красив; фон этого старого замка очень хорош и зеленая драпировка тоже.

— Ты был в Берлине?

— Был, препротивный город, карикатура Петерб⟨урга⟩, а Петерб⟨ург⟩ — карикатура Брюсселя; то ли дело наша Москва.

— Да, брат, наша Москва лучше всех городов на свете,— и обнял Киселева.— Я рад, что Сашенька любит Москву лучше Пет⟨ербурга⟩, она говорит, что один Рим лучше Москвы.

Ударило 12-ть часов, и муж удрал на рулетку.

Киселев стал на колени перед портретом и сказал: «Это прилизано, да, это прилизано, но как бы я хотел лизнуть дорогое лицо на этом холсте. Какое самозабвение, какая прелесть, это чистое дитя, кажется, говорит: «Я исполнила свой долг, меня не в чем упрекнуть». Позвольте мне в Париже снять с него копию».

— С удовольствием, если это может быть вам приятно.

— Приятно? Это счастье для меня!

— Ладно. Давайте читать. В Петер⟨бурге⟩ мы поселились в доме Галкина на углу Большой Морской и Невского прешпекта. Тотчас приехал дяденька Николай Ив⟨анович⟩ и пошли расспросы о Цициановых; я часто оставалась по целым днем с гадкой, рябой и косой Аннушкой и смотрела из окошка, не было ни моськи, ни попугая, и мне грустно было по Одессе, Грамаклее и Амалье Ив⟨ановне⟩. Я заметила, что все девочки были в синих капотах и розовых шляпах, а у меня был красный мериносовый капот, и я конфузилась при мысли, что я буду парадировать в этом костюме по Невскому бульвару. Но в этот критический момент подсказали родные сестры Циргольц, двоюродные Арнольди. Они сказали, что на Невском у Чуркина есть новые серые и черные касторовые шля-

пы с перьями, и что слияние этих двух шляп с красным очень хорошо. Эти девицы Циргольцевы мне очень не понравились.

Братьев Арнольди сам отвез и поручил их своему товарищу Ваксмуту. Корпусное начальство было все иностранное. Начальник был замечательный, Иван Григорьевич Гогель, швейцарский выходец времен Петра I-го. Кажется, Гоголь описывал его во втором томе «Мертвых душ». Пажи его боялись и уважали и называли его Бука. Когда шалили и шумели, они шепотом говорили: «Господа, господа, Бука идет». Раз Николаю Скалону прислали 50 р. Ему представилось, что он Крез и просил позволения у Гогеля идти в театр; на что тот сказал: «Твои родители бедны, из последнего, может быть, послали тебе деньги на чай и сапоги, а ты в один вечер издержишь 5 рублей за стул. Надо с детства уметь умерять свои расходы и наклонности к пустякам. Я тебя не пущу в театр». Скалон очень огорчился, но все пажи согласились. Арнольди обещал Ваксмуту посылать ему 30 р. в месяц на братьев, но, конечно, надул его; я платила за них, когда еще была очень бедна, и занимала через гадкую Прасковью Михай‹ловну› у наших мужиков и у ее друга купца Яшкина. Когда я уже была объявленной невестой к‹нязя› Сергея Мих‹айловича›, он мне присылал ежемесячно 3000 р., и тогда мы все разжились и Ваксмуту платили 100 р., всякому брату по 30 р. Арнольди писал какие-то трактаты о добродетели, покорности, и на всякой строчке был Бог; получая его длиннейшие эпистолии, мы говорили: «Кто получил Бог?». Другие офицеры в корпусе были Данзас, для французского языка Гюно и Клюге фон Клюгенау для немецкого, швейцарец Оде де Сион учил, кажется, фортификации. В Шв‹ейцарии› по дороге к Мюн видны развалины замка Сион, вы, Киселев, можете легко туда ехать из Парижа.

— Никогда я туда не поеду, и что ж мне там видеть без вас, моя дорогая наставница, я все смотрю на ваш милый портрет; мне кажется, вы тогда были точно так же хороши и милы, как и теперь.

— Да, я очень мало переменилась, все говорят — потому что моя натура здоровая. ‹...› Пажи сочиняли, разумеется, стихи на своих учителей: «У Данзаса на носу черти режут колбасу», «У Сиона на плечах разместились при свечах». С учителем физики они делали всякие штуки, его звали Вольгемут, и был полон участия к их шалостям. Осип Осипыч стаскивал с него сапоги, а барон Боде сыпал ему на парик сор и бумажки или стаскивал его, и все ставилось на высокий шкап. Он так увлекался своим предметом, что ничего не замечал. По окончании урока Вольгемут спрашивал, где мои сапоги и парик, тогда радость достигала до nec plus ultra *. «Господа, господа,— кричали все,— Вольгемута качать и одевать!» и добрый старик смеялся и только угрожал, что скажет Буке. Один раз Бука застал их за этим весельем и посадил Осю и Боде в карцер на 24 часа на черный хлеб, соль и воду. Аркадя не принимал никакого участия в этой кутерьме, его звали в корпусе философом. Клема был уже камер-паж, и там учились уже серьезно. Боде был так глуп,

* крайних пределов (*лат.*).

что Клема после выпуска ему сказал у меня: «Боде, что ты читаешь? (Тогда вышел прескучный роман «Le dernier des Barons».) Это твоя история, Боде, ты последний барон».— «Совсем нет, в Москве мой дядя управляет Дворцовым департаментом» [94].— «Ну, так ты, вероятно, Боде—Барон, есть такая фамилия».— «А это может быть». Вы можете себе представить, как все рассмеялись.

— А знаете ли, Александра Осип⟨овна⟩, что они точно Боде-Барон, у них процесс с английским парламентом, бумаги идут через наше посольство; Англия должна им заплатить огромную сумму в 100 миллионов фунтов, так что вся английская казна — банкрут, т. е. государство, оно предложило им 100000 рублей, они, дураки, отказались и ничего не получат. Если бы мне дали эту сумму, я бы вам выстроил золотой дворец и запер бы его золотым камергерским ключом, которого я неминуемо получу, у нас уже такой порядок.

— Ах, это «неминуемо» напоминает мне, что граф Павел Дмитр⟨иевич⟩ очень любил весьма умного чиновника Пальчикова, женатого на Пещуровой; он был недоволен, что ваш брат его тыкал. Он и Алексей Вла⟨димирович⟩ Веневитинов вышли вместе. Граф ему сказал: «Не сегодня, а завтра вы будете сенатором».— «Это неизбежно, г. граф».

— Но мой брат еще не граф.

— Не всякое лыко в строку, ну, я ошиблась, но это еще неизбежно. Как ваш камергерский ключ. Но вы забыли, что в наших воздушных замках мы — скромные буржуа из Грамаклеи и Адамовки, всегда одни, окруженные только нашими детьми, заботящиеся о них и воспитывающие их, не прибегая к отвратительным гувернанткам.

— Это, действительно, глупо; я хотел вам сказать, что очень ревную, когда некая кокетка г-жа С. говорит хоть с Беверлеем, и что я желал бы посадить ее в золоченую клетку как райскую птичку или маленькую колибри.

— Что за глупости вы говорите, продолжаю. Да, нужно, чтобы утро мы посвящали дневнику, а послеобеденное время — Гоголю, которого вы будете мне читать.

— Это, правда, я забыл, что у нас здесь есть Гоголь, сегодня вечером и начнем.

У Цициановых в Петербурге.

— Я зачахну, когда умрут мои парижские глазки.

— Будьте спокойны, они живучи, эти скверные черные глаза, those dark wistful eyes, сказал, кажется, поэт Cooper.

— Что значит wistful?

— Это значит проницательные и вместе томные, потому что dark значит темные, а не черные.

— Как это отражает выражение ваших глаз.

— Государь часто говорил мне: «Что ты на меня смотришь, что ты слушаешь?» Я: «Ничего, государь, так».— «Ты очень любопытна, на что тебе слушать депеши»; я помню, что он раз сказал графу: «Твой брат прекрасно пишет, у него очень ясный почерк».

— Государь вам говорил «ты»?

— Не всем, а кого любит. Ярцевой он говорил «вы» и «Любовь Васильевна», а этой противной вашей двоюродной дуре — «ты», с каким-то наслаждением. Государь принимал Канкрина всякий день и, с его необыкновенным даром всепонимания, он скоро постиг финансовую систему. Он очень смешно рассказывал, что Канкрин при докладе имел привычку пить из графина и плевать во все ‹стороны›. Государь и с мужчинами делал разницу, например, графу он говорил «ты», а Воронцову, которого он не любит, всегда «ваше сиятельство, вы говорили мне о посадке деревьев, я вам очень благодарен, etc, etc». Канкрину он тоже говорит «вы». Государь ничего не смыслит в финансах, а Канкрин, как вы знаете, великий финансист, и после войны он нас спас от банкротства, а совсем не Гурьев, вор и разбойник, который нажился и женился на нашей милой графине, которая вся в мать, Катерину Гагарину, а бабушка ее была известная своей христианской добродетелью последняя из роду князей Трахтаниотовых.

— Я не знал, что были князья Трахтаниотовы.

— Разумеется, бархатные книги никто не читал, кроме герольдмейстеров, но государь велел разыскивать все роды, и у кого отнять титул, а кому отдать утраченные. Были еще князья Патрикеевы, Хворостинины, Щетинины, последняя из их роду замужем за Плетневым, она была нищая (?). У этих Щетининых было маленькое имение возле моего Спасского; Лакьер, женатый на дочери Плетнева, издал книгу о русских родах и все гербы [95], но эти печати просто теперь вымышленные; у Вяземского, например, пушка, а на пушке птичка, но это не имеет смысла без пояснений. В этой книге видны вымершие роды. Вышла маленькая книга о дворянских родах, он говорит, что самые старинные Осинины, Березины, Ольхины, etc, etc, а потом Смирновы, Дурновы, Хитровы, Мудровы, etc, etc. Народ был прост и при крестном имени давал клички, от чего и пошли фамилии. Самые старинные же Валуевы и Блудовы. Это напоминает мне, как Александр Тургенев упрекал Блудова у г-жи Карамзиной. Блудов — сама доброта и совсем незлопамятный, протянул Тургеневу руку, а тот ему сказал: «Я никогда не пожму руку, подписавшую смертный приговор моему брату». Вы можете представить себе общее смущение. Я присутствовала при этом. Г-жа Карамзина покраснела от негодования и сказала Тургеневу: «Г. Тургенев, граф Блудов — близкий друг моего мужа, и я не позволю оскорблять его в моем доме. Поэтому больше неприятных встреч не будет, слуга откроет, и если приходит граф, то г. Тургенев не будет принят, и наоборот». Когда бедный Блудов вышел со слезами на глазах, Тургенев сказал: «Перемените ему фамилию, а то просто гадко, от блуда происходит». Катерина Андреевна сказала ему: «Ваши шутки теперь весьма неуместны» [96]. Вы видаете Тургеневых?

— О нет, это невозможно, да я и не знаком с ними.

— Были еще князья Заборовские, а двоюродная бабушка Цициа‹нова› — дочь последней из Заборовских и царевича Егория Вахтанговича Грузинского.

— Как мне знакомы все эти грузинские роды! Матушка рассказывала об них, и к нам ездил Дмитрий Евсеевич, и лицо его я помню.

— Посмотрите в альбом, увидите всю коллекцию.

— Он, точно он, я помню его, он с отцом ездил в Английский клуб и говорил: «А я, брат Дмитрий Ив‹анович›, приехал за тобой»,— говорил он, а матушка вздыхала.

— Приятно так жить, и все бы, кажется, хорошо, но гадкие картишки все портят; их выдумали поганые китайцы, в Венеции еще показывают их в музее. Несчастный сумасшедший французский король Карл VII [97] играл в них целый день; а дураки русские, сумасшедшие без корон, не могут ‹без них› жить, свидетель князь Шаликов, который играет с будочником.

— Что делать, отец проигрывает на Руси, а сыновья лямку тянут, таков обычай в дорогой родине. Я, впрочем, не жалею ни гжельской фарфор, ни землю; Бог весть, что бы из меня вышло бы, если бы я был богат, содержал бы дорогую любовницу, а теперь Бог милует, я не знаю этих гадостей, и Господь послал мне неоцененную подругу, чистую сердцем и душой, и позвольте поцеловать ее ручку.

Продолжение рассказа о Цициановых. Жизнь в Петербурге до института, начало пребывания в институте, фамилии институток, страхи институток (понемашки),

— Вы были милые невинные шалуньи и порядочные трусихи!

— Я и теперь боюсь спать в темной комнате и проходить в коридорах. Во дворце мы с Стефани всегда бегом проходили через Георгиевскую залу.

— Отчего же именно Георгиевскую залу?

— Ведь в Георгиевской тронной, говорят, что перед смертью Анна Ив‹ановна› себя видела на троне, а Бирона в Сибири [98].

— Я не знал, что ходит поверье об этой ужасной женщине.

— Да как же, точно так, как шведский король Карл 9-ый, настоящий изверг, видел себя на троне с окровавленной туфлей [99].

— И этого я не знал.

— Немудрено, ведь это только к слову говорится. Граф Пален в полночь всякие сутки видел всю ужасную сцену в Михайловском дворце.

Имп‹ератрица› Мария Федоровна, что ни ночь, внезапно просыпалась, дрожа от страха, ее старая горничная, г-жа Кеннеди, спавшая в ее комнате, давала ей подкрашенные капли, и бедная имп‹ератрица› засыпала до 6 часов утра, и первое, что она делала, проснувшись,— молилась у этой роковой кровати, которая и сейчас в Гатчине.

Граф Клингофстрём, финн, случайно утопил обожаемую женщину, и каждый день или, скорее, вечер он слышал журчание воды и тревожный крик той, которую любил. Он уже пожилым человеком женился на Краузе, дочери разорившегося банкира, служившей чтицей при этой противной Алёне, заставлявшей ее три или четыре часа стоять смирно,

чтобы унизить ее. Вот уже мерзавка, ненавижу ее, и бедный Михаил Пав‹лович› должен ее терпеть.

— Я уверен, что если бы вы причинили мне большое горе, то если я сразу не умер бы, то страдал смертельно и видел бы всю сцену.

— Какую сцену?

— То, что явно на балу.

— Это княгиня Ливен вам сказала.

— Конечно. Особенно красив англичанин.

— Что до меня, то я никогда не причиню вам ни большого, ни маленького горя, тысячекратно милый Кисс, я вас слишком люблю для этого.

— Что же вы хотите, моя голубка, я не могу противостоять этим ужасным предчувствиям.

— Зачем создавать себе горести заранее, будет еще время страдать. Сегодняшние радости так блистательны и прекрасны, дорогой Николай. Слова «блистательны и прекрасны» напоминают мне романс, который певал Виельгорский. Этот человек любил баркароллы.

Блеск лодки, на которой я плыву,
Красивей, чем все виденное до сих пор.
У самого прекрасного дня одно лишь солнце,
Чтобы осветить всю природу.
У красивейшей ночи — одна лишь луна.
У слепой любви один лишь факел,
Чтобы пылала вся природа.

— Спойте мне его.

— Я не знаю аккомпанемента, а то бы спела.

— Вы, слава Богу, не кривая, но эти слова, кажется, написаны для вас.

— Очень благодарна, синьор Комментарио.

— Почему Комментарио?

— Потому что вы все комментируете, и Жорж Комаровский тоже, Александрина Шевич называла его граф Комментарий. Когда мы были в Ревеле, Комаровский всегда предлагал эти жестокие умственные игры, где кто-то обязательно оказывается дураком; давали маленькие кусочки бумаги, писали вопросы, и нужно было карандашом на них отвечать. У Смирнова был талант к этим эпистолярным упражнениям, а писать было для него двойное удовольствие.

— А он действительно писака?

— Да, его письменный стол оборудован всеми римскими сувенирами, чернильницей, перьями, массой карандашей всех размеров и дестями бумаги, одним словом, всеми принадлежностями министра. Клементий говорил: «Пари держу, что я у Смирнова утащу все со стола, он ничего не заметит, лишь бы ему оставить чернильницу, бумагу и перья». Штерич и я, мы всегда таскали карандаши и я постоянно попадала впросак.

— Невозможно! С вашим умом, таким живым и острым!

— Ну и что ж, это истинная правда, я всегда делаю и говорю вещи некстати. Но вернемся к Александрине Шевич, ее спросили: какую прогулку вы предпочитаете, верхом или пешком; она ответила: смотря по тому, о каком животном речь.

— Это прелестно, а вы что бы ответили?

— Глупо: верхом или пешком. Графиня Вьельгорская однажды вечером играла в такие игры в Петергофе у имп<ератрицы>. Ее спросили, сколько солдат у императора в армии; она ответила: «Сколько волос в бороде у султана».

Вот вам пример, доказывающий, что я не находчива. Жуковский, Перовский и я ужинали всегда за маленьким столом. Подавали сливы. Перовский мне сказал:

Charmante brune,
Accepte cette prune *.

я сказала Жуковскому: «А мне что сказать?» Он ответил:

Charmant homme,
Accepte cette pomme **.

Вот чем мы пробавлялись от скуки.

История о горе Монт-Роз, на которую никто не всходил. Шутка Жуковского о сестрах Тизенгаузен. Сватовство Смирнова. Пушкин о нем.

Когда Смирнов на следующий день уехал в Москву, чтобы устроить свои дела, он даже не поцеловал мне руку, Перовский проезжал в дрожках и, скотина, даже не посмотрел на мои окошки. А Пушкин говорил: «То так, то пятак, то гривенка, а что если бы он теперь предложил бы свою руку с золотым наперстком?»

— Сейчас положила бы свою и на коленях бы его благодарила.

— И вы действительно отказали бы Смирнову [100]?

— Конечно. Перовский был очень красив, храбр, добр, у него тоже были две тысячи душ, он был бы великодушным покровителем моим братьям.

— Я предпочитаю вашего мужа, он не столь опасный соперник, как Перовский, которого вы так заманчиво рисуете.

— Еще бы, некоторый трепет влюбленных, который вызывало у меня его лицо, прошел незамеченным. Перовский был безумно влюблен в княгиню Софью Бобринскую. Он был в Берлине с государем, когда Жуковский сообщил ему роковое известие. Он был так потрясен, что отстрелил себе кончик пальца на правой руке; потом он утверждал, что это был несчастный случай на охоте; он сам мне рассказывал это в Риме.

— Признайтесь мне во всем о Перовском.

---

* Прелестная брюнетка,
Примите эту сливу.

** Прелестный мужчина,
Примите это яблоко.

— Мне не в чем признаваться. Он приходил ко мне каждый день или я встречала его где-нибудь случайно. Мы часто ходили в окрестности Рима, он, прекрасный ботаник, рвал цветы и рассматривал их. Я вспоминаю, как мы однажды были в храме Дио Ридикуло и я ему сказала: «Василий Алексеевич, как птицы поют».— «Вот хорошо, вы так давно в Италии и не знаете, что в ней нет птиц, это кузнечики шумят». В этом храме была некогда церковь «Камо грядеши». Св. Петр хотел покинуть Рим, Господь его встретил и сказал ему: «Петр, камо грядеши?» Потом мы пошли к фонтану Эгерии, дети плескались в воде, потому что мы всегда брали их с собой; Перовский любит детей, как вы. Только один раз мы поехали в Тиволи или Фраскати; я не очень хорошо помню, но я сидела с Перовским в карете, дети были в другом экипаже, а Гоголь следовал за нами в коляске. Вдруг я почувствовала опасность.

— Как чувствуют опасность?

— Воцарилось молчание и опасный магнетизм. Я предложила ему пройтись, он воспротивился и обнял меня, я влепила ему пощечину, вышла из экипажа, а потом он пришел в себя, и мы приехали в Фраскати друзьями; вот моя история с Перовским [101].

— Ах, я могу вздохнуть свободно,— сказал мне Киселев,— я ревную вас к вашему прошлому. А ваш муж ревнив?

— Нет, он не знал Перовского, а я никогда ему ничего не рассказывала. Когда Перовскому сообщили о замужестве Софи Бобринской, его спросили: «А кто ее выдал замуж?».— «Мужики,— ответил Перовский,— 8000 душ». А я себя продала за 6000 душ для братьев. И в самом деле, Николай Мих‹айлович› очень щедр для них. Особенно Аркадий его любит и уважает, и Карл. Клема очень подло себя ведет с ним: принимает его подарки, а сам смеется над ним; Ося никогда ничего не говорит дурного про него, но говорит, что дай ему миллион, он с ним не будет путешествовать, он так беспокоен в путешествии.

Г-жа Гейденрайх позвала меня, чтобы осмотреть, возвратясь, я сказала ему: «Гейденрайх говорит, что у меня еще впереди добрая неделя; поговорите с Медемом о продлении отпуска».

— Медем уже уехал в Карлсбад, меня заменяют Фелькензам и Лабинский. Но в Риме летом нет политических событий, так что я могу остаться еще на неделю. А теперь примусь хорошенько за Гоголя.

— А что вы делали коленопреклоненный перед этим портретом?

— Я преклонил колени перед моим идолом, целовал эти прекрасные глаза, розовый ротик, такую белую шею, эту хорошенькую белую щечку, эти мягкие волосы, ее руки, пухленькие и круглые, я расточал копии то, что не могу расточать оригиналу.

— У вас есть основания поступать так с копией, ибо вы никогда не сможете делать это с оригиналом.

— Вы думаете? Это не мешает мне надеяться.

— Это дозволяется.

Надежда не напрасно
Нас тешит иногда.

О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь, человек [102].

— Ну, вот видите, вы сами подносите мне чашу утешения. А чьи это стихи?

— Не знаю, а будто Боголюбова. Новосильцев их цитировал, и он тоже говорил что-то о судах и вскрикивал, когда мы злословили: «О правосудие, это ты!» А в это время Виельгорский пел нам:

Хотите ли знать, что такое женщина?
Это истинный деспот душ.
Наденьте все это из тонких кружев и т. д.

или еще, говоря о любви:

Бедное дитя скучает и зевает,
Это супружеская любовь.
Это супружеская любовь.

Он пел еще:

У соседа женка била,
У соседа женка мила,
А у мене единого
Нет ни женки, ни хатынки.

— Вот я — этот сосед in «die Rose», а вы соседка дома Дургольц, вы соседка и жинка мила.

— Все-то вы врете, сосед милый хатынки жилой. Дургольца дом ведь Царская палата в сравнении с вашей «In die Rose».

— Точно так, сударыня, боярыня, дайте ручку. Вы думаете, я не знаю вашу присловку:

Прочь, прочь отсюда,
Любви недостойный [103].

— Он поет еще одну песню, как дворовый человек с балалайкой в руке поет у дверей дома:

Как дадут мне книги в руки,
Тогда выучу я Буки,
Полна бездна здесь химер.

— Далее не пойте, очень неприлично.

— Я далее не знаю, это все равно, как говорят, что неприлично петь дуэт г. и г-жи Дени, я ничего тут не вижу.

— Я не помню г. и г-жу Дени.

Это два хорошие актера, игравшие пьесу Море и Бра в Петербурге. Ну, император разрешил давать ее раз в неделю в Малом театре. Когда занавес поднимается, старая супружеская пара играет для дам, они пре-

красно одеты по моде, существовавшей до революции, и г. Дени поет козлиным голосом, подмигивая своей супруге. Это празднуют золотую свадьбу.

— Это действительно очень неприлично, дорогая г-жа Смирнова, не пойте это.

— Но я никогда это и не пою, только случайно сегодня. Императрица всегда возмущалась, когда императора забавляла эта вещь. Уверяю вас, что я нравственна и не ханжа, но я ровно ничего не вижу в этих двух последних куплетах. Нужно иметь совершенно развращенный ум, чтобы найти там что-то непристойное.

— У всех мужчин такой ум; женщины, подобные императрице и вам, не видят в этом ничего, но есть немало женщин, отлично понимающих эти стихи.

— Хотите ли теперь читать «Ревизора»?

— Конечно, только вы будете читать вопросы, а я ответы, а то вы устанете.

— Отлично, сядьте подле меня, я уверена, что вы будете хорошо читать. Вам предоставляется роль Хлестакова, самая трудная, как говорит Гоголь, ее в Петерб‹урге› играет Сосницкий, великий драматик во всех родах, а в Москве Самарин. Он мне говорил, что всех лучше играл Бурденков на провинциальном театре, но я, конечно, не видела ни Кануса, ни Бурденкова[104]. Мы ехали иногда на Калугу в Беляево, а иногда на Медынь, тут дорога лучше и пролегает на имение Гончарова Полотняный завод, место историческое.

Начали чтение и, разумеется, хохотали так, что я должна была выйти в другую комнату, и Киселев тоже пошел к себе, а то, говорит, случится беда. Продолжали чтение, сидели, разумеется, слишком близко, и я ему сказала:

«Киселев, если нам приходится быть так близко друг другу, то это не повод обнимать мою талию рукой».

— Но куда же вы хотите, чтобы я ее положил, я не могу положить ее ни на ваш самовар, ни на ногу, куда-нибудь надо же ее деть.

— Это правда.

— Роль Хлестакова мне очень идет, особенно когда он говорит: «Сударыня, как бы я желал быть этим платочком».

— Если не считать того, что я ненавижу платочки и с самого института никогда их не ношу. Мы кончили «Ревизор», а завтра вечером я вам прочту самую прелестную из его новелл, истинную идиллию «Старосветские помещики». Пойдем, благословим детей.

Мы делали это каждый вечер. Мне случалось читать ему иногда молитвы на сон грядущий, ему особенно нравилась молитва Василия Великого.

По окончании этой молитвы он меня спросил, читала ли я кому-нибудь вслух эти молитвы. Он во все время стоял на коленях, я взглянула на него, на ресницах дрожали капли росы благодатной, глаза были устремлены к образу Божией матери, которым меня благословила имп‹ератрица›.

— Как я счастлив слышать, что вы читали эти молитвы только со мной и что мы оба исполняем слово нашего Господа «Идеже соберутся двое или трое, там и я». Вы знаете, что я люблю вас всеми силами моей души, что я безумно влюблен в вас и до сих пор, я не хочу избавиться от нечистых мечтаний, волнующих мой сон и тревожащих моего бедного слугу. Михайла ведь мой дядька, мне его выбрал Павел Дмитриевич из огромной дворни, а себе взял Мишку Калмычонка.

— Ах, калмычонок, у Михаила Павловича есть тоже калмычонок.

И вот он-то — тот господин, который любил Пашу Хилкову несчастной и платонической любовью.

— Пожалуйста, расскажите мне это; уже поздно, но у вас есть время кончить.

— Тем более, что это недолго. Он страстно любил Пашу и не осмелился когда бы то ни было ей об этом сказать. А кроме того, за ним и Пашей строго следила его мать. Дмитрий Хилков обожал Пашу, которая была его сводной сестрой, т. к. ее мать была Местмахер. Он должен был ехать в Карлсбад для серьезного лечения печени. В то время была мода сильно затягивать шарфы, так что печень почти разрезалась пополам. Так как ему было 24 или 25 лет, то он должен был отправиться вербовать этих немецких свиней, у себя дома не имеющих рубашки, а у нас задающих тон; все они таковы, исключая мою дорогую Александру Федоровну; потом она — пруссачка, дочь великого королевства, а не какая-нибудь Лите-Шаумбург Биксбург, так что стыдно признаться порядочному человеку, что он — подданный такой этакой трущобы; Михаил Пав⟨лович⟩ раз на балете сказал, когда бедная старшая Гагарина танцевала: «Что это, кто эта Цыгендрыкерша?»

— Цыгендрыкерша — это мило, надеюсь, что познакомлюсь с великим князем, когда поеду в Петербург.

— Это неизбежно, ибо он — близкий друг вашего брата; Алёна старается привлечь его внимание, а про него говорят, что он с ней даже занимается насчет клубнички.

— А Михаил Пав⟨лович⟩ что об этом говорит?

— Он, ему все равно, кто бы ни был, Шлюшков или Зубатов, его лакеи. Надо вам сказать, что у вел. князя новая пассия, Надина Свистунова. У нее обольстительное лицо и она глупее своей сестры Обрезковой, но доброе существо.

Паша была более чем красива, у нее было выражение бесконечной нежности, маленький вздернутый нос, придававший ей вид шаловливого ребенка, очень маленький рот, крупная вишня не могла бы пройти через эти тонкие губки. У нее был беззаботный вид, ее серые глазки были добры, как ваши. Все это вместе нравилось всем, и особенно бедному вел. князю, столь скромному. Говорят, что Паша великолепно танцевала контрдансы; вальсы ее братья ей запрещали.

Когда я вышла из института, имп⟨ератрица⟩-мать хотела поместить меня ко двору Михаила, вел. князь этого очень желал — но его милостивая супруга, чтоб ее кошки съели, нашла мое происхождение недостаточно высоким, она не знала, что Россеты ее знатнее. Сама из кухмистер-

ского заведения, мать Цыгендрыкерша из Альтенбурга, а отец — оплеванный мерзавец, вы должны его знать в Париже.

— Точно, что оплеванный подлец, из посольства ему граф только посылал карточки. У него три побочные дочки, очень красивые, одна за Монтескье.

— Знаю, д'Андро очень дружен с Монтескье. Ведь Алёна их не признает; Илья Гавр‹илович› Бибиков ее не терпит, как все адъютанты великого князя, кроме этого подлого Ростовцева, этого гадкого Лизогуба; он уже подъехал к наследнику и лижет его плечо.

— Однако надобно кончить роман Паши. В Павловском дворце есть огромная танцевальная, в которой висят Charles Vernet и украшения и люстры все на греческий лад, как при Наполеоне Первом. За залой комнаты, в двух из них жила Кочетова, а в других Паша. Великий князь ждал в этой зале, чтобы доложили имп‹ератрице›, что он приехал; Паша была дежурная и бежала по зале, вдруг остановилась, вспыхнула, и он встал, подошел к ней и сказал: «Княжна, я счастлив проститься с вами и пожелать вам всего возможного счастья на земле». И он вздохнул: «Представьте, дорогая г-жа Смирнова, когда я сказал ей, что уезжаю нынче вечером, она сказала мне: «Уже?!» Я думал, что умру от радости. Это слово «уже» доказывает мне ее любовь; если я проживу сто лет, то никогда не забуду этого слова и выражения ее нежного лица. Вечером я просил у матушки разрешения жениться на Паше, она мне отвечала: «Дитя мое, делай как хочешь, но перед тобой дурной пример Константина». Вы знаете, как я люблю моего брата Константина, мне пришлось пожертвовать для него моей любовью к Паше, хотя я люблю ее больше всего на свете и буду любить до последнего вздоха[105]. Я не знаю, обмануло ли меня единственное вырвавшееся у нее слово «уже».

— Монсеньор,— сказала я ему,— могу вас уверить, что она страстно вас любит и очень страдала от стеснений, которые вам и ей пришлось переносить,— приезжать на бал после вас или до вас.

— Да, но я ее поджидал на лестнице и говорил ей: «Добрый вечер, княжна, надеюсь, что вы оправились», она, милая голубушка Паша, краснела и отвечала: «Монсеньор, я никогда не забуду молиться за ваше здоровье, мне это велит церковь». А что вы знаете о ней?

Мы спали в маленьком дортуаре за перегородкой; наша инспекторша Штатникова, Паша была с ней дружна, они были вместе в 7-м выпуске. Паша рассказывала ей все, и мы слышали, как она плакала навзрыд, и часто мы слышали «бедный великий князь», «а я безумно несчастная», «жестокость его матери».

Он поцеловал мне в первый раз руку. «Ах, Александра Осиповна, как вы меня утешили».

С этого времени он, как только мог, говорил со мной, и все одно и то же, никогда не мог отказаться от этих бесконечных повторений.

— Эта необходимость всегда говорить о своей великой любви то же, что для любящих Бога невозможность перестать молиться.

— Вы говорите точно то же, что сказал Вине, он говорит, что некоторые старухи постоянно слушают проповеди — не потому, что проповеди

очень хороши, но потому, что любят предмет, о котором идет речь, т. е. Бога.

— Вы заставляете меня краснеть, сравнивая меня с Вине, я прочту его непременно.

— Прочтите все проповеди и особенно его курс литературы. Мне кажется, что я вам это уже говорила.

Я жду сюда, и скоро, великого князя; супруга Толстого уже здесь, он женат на некой Хитровой [106], очень добром создании, глуповатой, но менее, чем ее муж. Василий Шереметев тоже здесь, он очень красив, мил, но мало способный. Это брат той московской идиотки, которую император выдал замуж за графа Шереметева. Этот дурак порвал с Истоминой, а ему наследовал Чеглоков. Он женился, говорят, на этой вульгарной танцовщице, которая падала, как свинец, на пол, что не помешало Пушкину написать:

Стоит Истомина одна,
Она, одною ножкою вертя,
Летит, летит, как пух Эола,
О ножки, ножки, где вы ныне,
Где мнете вешние цветы [107].

Они их мнут на берегу Ладожского озера, на светлой, зеленой мураве у дурака Чеглокова. Чеглоковы в родстве с императорской фамилией через Гендриковых; знаменитая Чоглокова, доставлявшая огорчения Като [108], была Чеглокова. А вы видели Истомину?

— Нет, у меня всегда было глубочайшее отвращение к балету, а что до мужчин, то они смешны, когда делают пируэты.

— Но Тальони грациозна и изящна.

— Тальони это другое дело. Заметили ли вы, что она худа как щепка и у нее очень длинные руки. Кроме того, она одета очень скромно со своей тысячью юбок. Она в сущности некрасива, но так как она очень добродетельна, ее душа украшает ее лицо. Все длиннорукие женщины очень грациозны.

— Конечно, потому что я вам говорила, что не была грациозна, танцуя, и что г. Дидло называл меня «мой волчонок».

— Но вы никогда не танцевали в балете.

— Танцевала. В институте, не помню по какому случаю, мы исполняли балет, который назывался «Балет цветов». Я была анютиными глазками, Стефани — розой, и так другие цветы. Хорошенькая Натали Чичагова, вышедшая потом замуж за Дареста, была лилия (я видела ее в Ницце вместе с двумя ее братьями: красивым Платоном и смешным Пьером).

Мне сшили из кисейных тряпочек очень короткое платье, дали розовые чулочки, белые атласные черевички, маленькая Катеринка уж очень подросла, декольте было очень низко, а у меня была самая большая грудь из женской части дома. С этого-то дня нашли, что учителей слишком много, а соблазн слишком велик.

— Бога ради, пожалейте меня, я схожу с ума от этого рассказа.

Я только что вспомнил, что видел вас во Французском театре, давали «Китти, или Возвращение в Швейцарию», простую историю. Вы были в красной шляпке, очень мало декольтированы; все говорили: «Посмотрите, как Смирнова хороша»; у вас был рассеянный и скучающий вид.

— У меня всегда болит голова в театре, надеюсь, что в Париже этого не будет; кстати, нужно вам абонироваться на ложу у итальянцев, потому что там мы будем вместе, я приглашаю вас в свою ложу.

— Тысяча благодарностей, истинным счастьем будет слушать лучших в мире певцов, хотя итальянскую музыку я не очень люблю. В ответ я приглашаю вас в свою ложу в Консерваторию.

— Но, дорогой Николай, вы так бедны. Я оплачу свою часть.

— Нет, потому что места оплачены, а четвертый отсутствует. Кроме того, я не так беден. У меня 12 тысяч франков в год, никаких расходов на жизнь, прекрасная квартира и стол с изысканным вином. Я пью всегда только лафит, самое чистое и здоровое вино; у меня в кармане всегда остаются 6000 франков. Туалеты, театры, удобства; мои туалеты, которые всегда безупречны, как вы видите, тонкое белье и превосходная стирка стоят мне от 5 до 6 тысяч фр. Остальное я откладываю на черный день.

— На черный день — вы хотите сказать — для вашей любовницы?

— Послушайте, если вы скажете мне еще хоть слово об этих гадостях, я взбешусь.

— Но вы уже покраснели. Моська, о моська!

— Это что еще?

— У Ланжерона была моська, его сердечная привязанность, занимавшая его больше, чем Одесса. Г-жа Траполи пришла к нему по делу, он был так рассеян, что взял ее за подбородок и сказал ей: «Моська, о моська». Когда имп<ератор> Александр приехал в Одессу, он однажды запер его в своей комнате и унес ключ. А Пушкин мне рассказывал, что однажды он пригласил все купечество на обед; он жаловался, что его жалованья ему недостаточно, и сказал: «Если мне его не повысят, мне не на что будет угощать вас котлетами». Г-жа Траполи вышла замуж за Морини, незаконного сына Кочубея, и очень зазнавалась, ее звали Виктория Францевна, а прозвали Победа Францевна.

— Это очень мило, я вас буду звать Победа Осиповна, вы всех побеждаете.

— Вот уж и пошел врать; гораздо лучше читать.

— Не забудьте, что мы обедаем у гр. Нессельроде, все, кроме Платонова, какой противный; не будет Долгоруких и вашей глупой кузины Радзивилл, я не знаю, будут ли Репнины.

— Нет, нет, все только свои. Читаем.

Дмитрий Евсеевич сидел у самой передней под окном и раскладывал пасьянс, а Сергей указывал ему, если он пропустил карту. Табак его был в бутылке, он высыпал необходимую порцию. Известно, что Дмитрий Ев<сеевич> был русский Мюнхгаузен, между прочими выдумками он рассказывал, что за ним бежала бешеная собака и укусила его в икру слегка. На другой день прибегает и говорит мне: «Ваше сиятельство, извольте выйти в уборную и посмотрите, что там творится. Вообразите, что мои

фраки перебесились и так и скачут». Говорили о Паганини, он сказал: «Все вздор и пустяки городят, вот я слышал Роде, он играл в концерте, где 50000 человек, у него струна лопнула, потом вторая, третья и четвертая, и он еще лучше играл, так, так на дереве». Это он рассказывал братьям, а мне еще лучше. Он был флигель-адъютантом Потемкина, бывшего как бы мужем Екатерины; и папа тоже был флигель-адъютантом, это мы видели в его послужном списке, которого маменька спасла от сквернавца Арнольди. Вот эти Арнольди точно дрянь и были макаронщиками, вероятно.

Так раз говорит он: «Я был фаворитом Потемкина, он мне говорит: «Цицианов, я хочу сделать сюрприз государыне, чтобы она всякое утро пила кофий с калачом, ты один горазд на все руки, подъезжай же с горячим калачом».— «Готов, ваше сиятельство». Вот я устроил ящик с конфоркой, калач уложил и помчался, шпага только ударяла по столбам все время: тра, тра, тра, и к завтраку представил собственноручно калач. Изволила благодарить и послала Потемкину шубу. Я приехал и говорю: «Ваше сиятельство, государыня в знак благодарности прислала вам соболью шубу, что ни на есть лучшую».— «Вели же открыть сундук».— «Не нужно, она у меня за пазухой». Удивился князь, шуба полетела как пух и поймать ее нельзя было, так и не носил ее. Я тебе вот что еще скажу: когда Суворов жил у себя под Крестцами, он меня просил давать всякий день Марье Осиповне Нарышкиной, его свояченице, целковый. Она в Петергофе сидела под окошком, и я ей бросал целковый прямо в комнату, и этак семь недель сряду ни разу не дал промаху».— «Дедушка, это невозможно». — «Как невозможно? Когда я тебе говорю, это всегда правда».

Кроме того он говорил странности. Раз при мне он сказал: «То ли дело при Екатерине — все фрейлины были княжны или графини, а теперь всё прачки».— «Дедушка, я не прачка».— «Ты первая прачка и есть. Отец твой дослужился, а дед твой, может быть, был портной». Киселев не смейтесь так, и из предосторожности подите в мою комнату. Можете воспользоваться моим горшком.

— Пойду с удовольствием. Я заметил там что-то маленькое, это собственное?

— Конечно, я никогда не пользуюсь бумажками, вы знаете, что жесткие бумажки очень опасны; есть английская бумага, которую я вам советую употреблять.

— Довольно, довольно, вы любите говорить о таких вещах.

— Что делать, если мы — вместилище моральной и физической грязи? Иосиф, всегда в кого-нибудь влюбленный, сказал мне, что ему достаточно вообразить свой нынешний кумир водрузившимся на горшок и тужащимся, чтобы проникнуться отвращением.

— А его кумир императрица?

— О ней он говорит, что она выше этой грубой нужды, потому что она богиня. Вы знаете, как красив Иосиф, но это лишь тень того, каким он был в детстве. Есть прелестный его портрет, который Лиза Нарышкина сделала карандашом [109] и закончила накануне своего отъезда в Си-

бирь. У него соломенная шляпа, а в руке маленькая флейта с синей лентой. Я думаю, что он принадлежит Петру или Ивану Коновницыным. Его таскали по воскресеньям и праздникам из дома в дом, он любил только дом Николая Румянцева, где были дети, где его баловали и много ласкали, и давали ему деньги.

Румянцев каждое воскресенье давал маленькие балы, там всегда бывала эта противная Ярцева. Она бросилась на пол на спину. К счастью, рядом был ее кавалер, она притворилась мертвой, никто не поверил в ее обморок, никто ей не помог, мужчины ее поставили на ноги и я громче всех закричала: «Притворщица!» Эта гусыня поссорила меня со Стефани, она убедила ее, что в нее влюблен этот несчастный Лагрене, Mr Cochon из Царского, и что я распространила слух, будто Стефани неверна мужу. Бедная Стефани в это поверила, она уехала из Петербурга не простившись со мной; Ярцева, эта дочь конюха, делала все это из страха, как бы не влюбился в меня этот дурак Суворов. Я сказала о ней императрице, у которой, наконец, открылись глаза. Она нас позвала, горько ее упрекала в присутствии Апраксина. Я сказала: «Теперь, мадам, вы верите, наконец, во все то, что я вам говорила об этой противной товарке, которую все мы ненавидели». Вот и на моей улице был праздник.

— Как мило со стороны имп⟨ератрицы⟩ входить так во все подробности вашего положения.

— Я полагаю, что она входит во все подробности жизни нас, божьих детей, не знавших ничего о делах мира. После Эрмитажа у нее всегда ужинали (но мне кажется, что я вам уже об этом читала).

— Ничего, ничего, мой дорогой попугайчик.

— Итак, мы должны были ходить ужинать к ней и вел. кн. Михаил тоже. Жуковский там никогда не бывал. Один раз он меня наивно спросил: «Что, как вы думаете, должен ли я обидеться или нет, потому что Юрьевича всегда зовут?».— «Конечно, нет, вы не сумеете сердиться, и вам гораздо веселее в Царском у меня с Пушкиным».— «Да, милая, я очень рад даже, что меня не зовут».

В этот вечер в Эрмитаже было событие: граф Морков внезапно скончался совсем рядом с императором. Старый Корсаков, его современник, упал там в обморок [110] от страха. Отменили назначенные на этот день представления, за которыми должен был последовать ужин в Эрмитаже. Вечер должен был быть еще длиннее. Я помню, что у меня было белое платье, отделанное пучком розовых перьев и розовое же боа.

— Такой этакой розовый бутончик!

— Именно. Но вас туда не пускали. Шутки были частью этих зрелищ, общество самое избранное, только министры, некоторые сенаторы и чины двора. Софи и Екатерина, бывшие еще не замужем, всегда там бывали. Софи сказала мне: «Милая Сашенька, я хочу провести вечер у вас с Жуковским».— «Софи, и я бы не желала ничего лучшего, потому что на этих вечерах язык проглотишь». К нам присоединился великий князь, и я ему сказала: «Ваше высочество, приходите ко мне чай пить, на вечерах такая скука, что мочи нет».

— «Как же это сделать, импер‹атрица› меня звала».— «А вот как: мы ее проводим до Арабской, а оттуда по Сенатской лестнице проберемся в наш коридор, и все выйдете по Комендантской».

Мы очень весело провели время в болтовне. Марья Сав‹ельевна› подала чай, шутили, Жуковский и в‹еликий› князь спорили о политике и в полночь разошлись. На следующий день я была дежурная. В карете имп‹ератрица› молчала и, видно, была в дурном настроении. Я сказала ей: «Ваше величество нездоровы или дурно настроены?»

—Это вы привели меня в дурное настроение. Где вы провели вечер с Мишелем, Жуковским и Софи Карамзиной?

— Но откуда ваше величество это узнали?

— Из камер-фурьерского журнала.

— Это правда, я забыла, что он записывает все.

‹ДРУГИЕ ВАРИАНТЫ›

Фрагменты

‹ИЗ ВАРИАНТА 5›

— Как вы хорошо говорите по-русски!

— Да, это очень удивляло Пушкина; довольно странно, что в Петерб‹урге› удивляются, что русские дамы хорошо говорят по-русски. Государь со мной всегда говорит по-русски [1]. Он первый за́говорил в салоне императрицы по-русски. Александр Пав‹лович› и его Лизета всегда говорили по-французски.

Лизета напомнила мне стихи Мятлева [2]:

Кантор женится с Лизетом,
Колонисты поднялись,
Кто со скрипкой, кто с кларнетом,
И все вместе поплелись.

* * *

— Где вы были во время большого наводнения 1825 года?

— В Дерпте. Мы прочли ужасные подробности этого несчастья в «С.-Петербургских ведомостях».

— А я была в институте.

— Боялись ли вы наводнения?

— Боялись? Нет, мы очень хорошо знали, что в случае опасности императрица нашла бы средства нас спасти. Нам, маленьким девочкам, было прежде всего любопытно, потому что швейцар вошел в наше первое отделение и сказал нам: «Учители сегодня не будут, дрожки с трудом проехали, на Аничковом мосту вода с поларшина, у нас перед домом вода хлещет, а в Фонтанке вода поднялась до колец». Минуту спустя вошла начальница и объявила нам, чтобы мы забрали все наши тетради и что

солдаты, которые носили у нас воду и дрова, займут наши классы, потому что вода затопила их подвалы.

Мы перебрались в дортуары, и тут уже не до учения было. Мы все прилепились к окнам и смотрели на Фонтанку. Вода неслась с неимоверной быстротой к Неве; она была какого-то свинцового цвета, по ней неслись дрожки с лошадьми и кучерами, кресты, будки, будочники со своими халабудами, куры, коровы, все неслось на верную погибель в Неву. Наконец исчезла решетка и вода дошла до той красной полосы, которую вы, верно, видели. Вода начала сбывать после 12-ти часов только, и нам принесли наш обед в три часа. Наша кухня была на заднем дворе к Литейной, где гораздо грунт выше, мы обедали на наших спальных столах, все было холодно и гадко, так что решено было всем дать чай с булкой в 6 часов, а на ужин был вареный картофель в мундире, наше любимое кушанье, с горьким маслом. Утром Фонтанка как будто устыдилась своей прыти: так была смирна и низка, что почти можно было видеть ее дно, лежали бедные куры, крысы, мыши, кошки, собаки. Будочники всю эту гадость черпали кадками и жгли.

Родные в воскресенье рассказывали страшные подробности, которые вам известны. Пушкин по этому случаю написал свое лучшее произведение «Медный всадник».

* * *

Ваш брат женился на хорошенькой барышне Ушаковой, она жила на Пресне, там живет московский дурной тон, и Пушкин мне говорил, что эти барышни говорили такие вещи, что хоть святых вон выноси.

* * *

— Прошу не строить комплиментов, это дозволяется ферлакурам, курманерам или то, что мы с Стефани Радзивилл называли дворниками. Станислав Потоцкий за мной очень настойчиво ухаживал, а ухаживать мы называли «строить двор»[1*]. Она меня спрашивала иногда: «Ты с кем танцуешь мазурку?» — «С толстым дворником».— «А я с Пешкой Львовым».

— Разве Львов был глуп?

— Нет, но он был очень молод, у него был на бороде только пушок; он был очень хорош, и мы прозвали его la pâte[2*], а по-русски Пешка. Львов прежде влюблен в меня, но Стефани мне сказала: «Уступи мне Пешку и скажи ему, чтобы он мазурку танцевал со мной». Она ему вскружила совершенно голову и вышла бы замуж за него; он был очень беден, и гадкая старуха княгиня Ливен сказала Стефани: «Радзивилл, не следует выходить замуж за человека бедного, как этот Львов или этот Кутузов,— надо выйти замуж за богатого». Бедный Львов простудился и впал в чахотку, его послали в Италию, он доехал до Ливорно и умер. Я была на кладбище, там есть греческий священник. На камне было написано: «Князь Андрей Львов, умер 24 лет». Там же похоронена Алек-

---

[1*] По-французски faire la cour значит ухаживать, а буквально — строить двор.
[2*] мармелад, паста.

сандра Андреевна Воейкова, которую так любил Василий Алексеевич Перовский, на ее камне написано: «Да не смущается сердце ваше». Это было ее любимое Евангелие, которое она всегда читала с Перовским.

* * *

Я проводила лето 48 года в Павловске. У меня были страшно расстроены нервы, а тут грянула холера, такая страшная, что умирало 1000 человек в день, и у меня была сухая холера, люди умирали в одну секунду. Что вы вздыхаете?

— Так, мне грустно.

— Меня лечила ясновидящая Андрея Ив⟨ановича⟩ Пашкова, и по ее совету меня магнетизировал д-р Берг. Я долго колебалась и, наконец, решилась ехать в Павловск. Я послала человека искать квартиру, лучшие были взяты, остался дом полковника Шипова, человек мне сказал: дом безобразный. Я пригласила брата Карла ехать с женой и ребенком со мной и жить у меня. Ясновидящая посылала мне секретки по почте, и Берг ездил два раза в неделю. Брат познакомил меня с Абрамом Сергеевичем Норовым, жена его рожденная Панина, я ее знала по Калуге, Н⟨иколай⟩ М⟨ихайлович⟩ был там губернатором 6 лет. ⟨...⟩

Я говорила Норову: «Ведь у вас комнаты не выметены».— «Да, это оттого, что Эпикур играет в бабки с форейтором». Эпикур был мальчишка — ведь все наши люди Эпикуры. У Норова бывали комические сцены, например, за обедом, в момент, когда слуга подносил ему блюдо; он говорил ему: «Извини меня, любезный друг, я тебя разругал, как собаку», целовал его и давал ему 5 или 10 рублей, а его жена говорила ему: «Абрамуш, ты всегда так: то разбранишь его напрасно, то извиняешься, оттого у нас нет никогда порядочных людей». Он почти все вечера проводил у нас, играя в ералаш: он, его жена, Гумалик и я. Он сердился ужасно и заикался более, чем обыкновенно: «Я ей иду с туза, а она мне отвечает литераторами», бывали маленькие споры. Однажды вечером он хотел показать себя галантным по отношению к г-же Никитенко, жене цензора, шел дождь, он надел одну галошу и говорит слуге: «А где же другая?» — «Другая осталась под Бородином». ⟨...⟩

Гумалик мне говорил, что Норов целый день нюхает табак. Когда наступает Страстная неделя, он свою табакерку дает под ключ Гумалику, страшно мучается, постоянно кладет руку в карман и сует ее к носу. Возвращаясь из дворца, он спешит похристосоваться с женой, ее родными и домашней челядью, а вместо пасхи и кулича Гумалик подает ему табакерку, и он в восторге готов так нанюхать нос табаком, что расчихается.

Вам необходимо прочесть его «Путешествие в Сицилию», ученые аглицкие путешественники и те его ценят; он собственными глазами убедился, что пророческие слова Иоанна Богослова в Апокалипсисе сбылись: не осталось камня на камне, все поросло тернием и волчцами. В Ефесе, где была славная Диана Ефесская — помните, когда апостол Павел проповедывал, асияне кричали: Велика Диана Ефесская! И что же осталось от этого города? Какой-то пруд, в котором кишат змеи самые ядовитые,

и при захождении солнца они становятся дыбом, высовывая свой язык, и более дня там нельзя оставаться, потому что страшная лихорадка убивает через два или три дня. Кажется, Норов — единственный человек, который посетил эти места. Он был и в Египте и Нубии и оттуда вернулся. Это было у берберов; его человек растерял много его вещей, и когда он спрашивал, где они пропали, ответ был один: у берберов на повороте. Он пристрастился к египетским древностям и захотел, как англичане и французы, приобрести что-нибудь для нашего музея, и купил Изиду за шесть тысяч рублей. Когда он плыл со своей Изидой по Нилу, какая-то царица тех мест бросилась ее целовать со слезами. Перевозка этой Изиды до Одессы стоила ему 3000 фр., а из Одессы — еще 6000 р. Надобно вам сказать, что у Норова была давнишняя связь с вдовой адмирала Сенявина, она собиралась в обратный путь, а его послала в Калугу. Он поехал и влюбился в Варвару Егоровну Панину, дочь Меропы Семеновны, известной в Калуге своим характером: ее звали мать-командирша. Абрам Сергеевич занялся устройством своей новой квартиры и забыл о существовании своей Изиды. Он жил у Пантелеймона в трех комнатах во втором или третьем этаже, и слышит раз утром, что ямщик погоняет и кричит: «Ну, ну!» Человек вбегает и говорит: «Абрам Сергеевич, наша Изида приехала, ее наверх не втащат, она пол продавит, ее на шестерике привезли из Одессы, вон и счет в 6000 р.» Он уже истратился на место и все домашнее устройство, своего у него мало было, за женой он почти ничего не взял, задумался — и прямо шасть к Волконскому.

— Вы даже простонародные выражения знаете.

— Да отчего же мне их не знать? У нас в институте были девицы из всех губерний и сословий, дворянки, а после наводнения императрица подбирала всех сирот бедных чиновников и разночинцев. В нашем Екатерининском их было 20, а прочих разместила по разным институтам, большую часть в Смольный монастырь, так как этот дом огромный. Этих сирот называли наводненские, они, бедненькие, все были вместе и очень грустили; их учили читать и писать, тех, кто поумнее, оставляли у нас, а других отдавали в Воспитательный дом, где их готовили кого в гувернантки, а кого в золотошвеи или в повивальные бабки.

— Какая благодетельная эта Мария Федоровна!

— Да, она только жила одними благодеяниями до конца своей жизни; я после вам расскажу все, что она делала, а теперь расскажу конец истории Изиды. У Волконского первые слова всегда — отказ. Когда Норов ему сказал, что считает необходимым приобрести это сокровище, тот ему ответил: «А кто вас просил покупать эту дрянь?» — «Ваше сиятельство, это не дрянь, англичане и французы мне завидовали, когда узнали, что я купил Изиду; я продаю ее вам за 6000 р. и теряю 9000 р., которые стоила перевозка».— «Хорошо,— сказал Волконский,— я доложу государю». Через три ⟨недели⟩ он получил 6000 р. Он очень обрадовался и написал в «Северной пчеле» подлеца Булгарина статейку об Изиде, которую, конечно, никто не читал, а Изиду поставили под лестницей в Академии художеств [3]. Когда вы будете в Петербурге, посмотрите ее.

⟨ИЗ ВАРИАНТА 6⟩

* * *

После моих вторых родов я была очень больна целых два года. Я родила двойней в два часа времени, мужа моего не было дома; утром повивальная бабка, весьма известная тогда Марья Ив⟨ановна⟩ Горина, сказала ему, однако, что в ночь надобно ожидать моего разрешения и что она приедет с Василием Богдановичем Шольцем, первым акушером после знаменитого Шольца. Мы жили на Аптекарском острове, спальня наша — узкая комната в одно окно; между кроватью мужа и моею помещался только маленький столик. К счастью, в доме жила уже две недели другая повивальная бабка, Анна Степановна. Вечером я сидела с невесткой Софьей Михайловной Смирновой, приехал Вяземский, мы пили чай, и я наелась творога со сливками и черным хлебом. В 10 часов я сказала князю Петру Вяземскому, что иду спать.— «А я вам пророчу сегодня, что вы не уснете, и к завтрашнему дню подарите вашему мужу или двух девочек, или двух мальчиков».

Я пошла в спальню с невесткой и не успела раздеться, как без боли полились воды. Бабка тотчас меня положила, послала за ближайшим д⟨окторо⟩м, верхового к Шольцу, другого — к мужу, который по своей привычке играл в карты у Делико с Платоновым и возвращался обыкновенно под утро, часов в пять. У меня была уже нанята няня, англичанка Андерсон, и кормилица из Федоровского. Родились две девочки, в два часа времени все было кончено, но последствия были самые ужасные: у меня началось сильное кровотечение, поднялась рвота; надо мной стоял высокий худой старик, которого я не знала, щупал пульс и говорил: «Noch dreimal und es ist Ende mit ihr». Я сказала: «Ich bin noch jung und habe Kinder, ich will nicht sterben». Тогда принесли рейнвейн Cabinets 10 года; этот доктор был отец известного и почтенного д-ра Здекауэра, он смешал рейнвейн с шампанским и лимоном, питье было самое приятное, и это остановило рвоту и умерило кровотечение. Бедных моих девочек долго не убирали, наконец я сказала: «Die Kinder sind noch nicht gegessen» [1*]. Их унесли, открыли окно, вся комната была полна воды и крови, я была обложена льдом и внутрь клали куски льда, наконец к утру остановилось кровотечение, и в это время приехал мой благоверный. Честный и благородный старик Здекауэр ему сказал: «Mein Herr, ein guter Gatte bleibt by seiner Frau nicht nur den Abend, wo die Leute ihm gesagt hat, dass Sie die Unwohlsein hat, sondern eine Wehe. Es ist mir zum ersten Mahl gesehen dass ein Mann seine Frau so unbarmherzig behandelt» [2*]. Я умоляла Здекауэра меня перенесть на сухую постель, но он сказал, что не прежде 9 часов утра, велел всем выйти и чтобы три дни никто не входил ко мне, кроме Шольца и Анны Степановны. Я была очень рада, по-

[1*] Еще три раза, и с вами все будет кончено ⟨...⟩ Я еще молода, и у меня дети, я не хочу умирать. ⟨...⟩ Дети еще не ели (*нем.*).

[2*] Милостивый государь, хороший супруг остается подле своей жены не только вечером, когда люди сказали ему, что она нездорова, но даже родит. Я впервые вижу такое бесчеловечное обращение мужа с женой (*нем.*).

тому что Н⟨иколай⟩ М⟨ихайлович⟩ курит, а я не могла выносить запаху пахитосок. В девять часов меня на простынях перенесли на сухую кровать, вынесли другую, вынесли стол, оставили один стул, окно было завешано черным сукном, но для воздуха оно было немного приподнято, и комнату освежили мокрым полотенцем с уксусом и одеколон. Но сна у меня не было, и мне давали лавровые капли и еще какое-то лекарство. К счастью, молока почти не было, и это, по крайней мере, меня не тревожило. На третий день miss Anderson принесла мне моих девочек; она сказала, что одна из них была так мала, что ей трудно было ее мыть в корыте; они уже были одеты по-английски, в длинных платьях. Я сшила все приданое своей рукой и была большая мастерица на рукоделье, потому что в Екатерининском институте, где я была воспитана под благодетельным примером поистине святой жизни импер⟨атрицы⟩ Марии Фед⟨оровны⟩, нас всему учили, а главное учили никогда не быть праздными. «Лень,— говорила нам сама императрица,— мать всех пороков». Мой муж тоже пришел в 10 часов утра и с цыгаркой, но Анна Степановна требовала, чтобы он ее не брал, он ее бросил. Так как он не имел ни малейшего представления, как ухаживать за роженкцей, потому что после моих первых родов обо мне заботилась его тетка Любовь Ив⟨ановна⟩ Безобразова, ему пришла прекрасная мысль обедать в моей комнате. Шум тарелок, вольность, с которой слуга входил и выходил из комнаты, так подействовали на мою голову, что я ему сказала: «Николай, скажи мне, я родила кроликов или молочных поросят?» Он понял, что я в бреду, позвал Анну Степановну, та все поняла и побежала за Шольцем. Я еще услышала, как Анна Степановна говорила ему: «Я ведь говорила, сударь, что в комнате такой слабой больной нельзя обедать, вот теперь молоко бросилось в голову, вина не моя, если она умрет или помешается». Как я его возненавидела в эту минуту, а ведь очень добрый и благородный человек был он, но без нравственного воспитания и по натуре взбалмошный и в вечных ажитациях.

По моему мнению, все мужья — свиньи, сделав детей своим женам, они полагают, что сделали все,— все за исключением императора Николая, идеального мужа и отца. Этот великий человек находил возможности делать все, несмотря на свои многочисленные занятия как государя нашей обширной страны, где не было порядка. Граф Медем имел основание говорить, что Россия — божий дом.

Когда мой муж так напугал, я хотела выскочить из постели и Анна Степановна с моей девушкой с трудом меня держали. Не знаю, сколько дней я была в беспамятстве; я очнулась в гостиной, возле меня сидели братья Ося, Карлинька и Аркадя. Я спросила, что у меня на висках, кровь припеклась, везде была боль от горчичников, я все спрашивала, зачем.— «У тебя была сильная лихорадка».— «Отчего?» — «Ты испугалась стука ножей».— «Ах! Ах! Где я? Что со мной?» Опять всех выслали и еще неделю никого не пускали. Между тем детей возил их отец на Елагин остров, где имп⟨ератрица⟩ проводила несколько недель. Она и в⟨еликая⟩ княжна Ольга Николаевна были восприемницы — одну, самую маленькую, назвали Ольгой, а другую Александрой. У бедной

Оли надобно было переменить двух кормилиц, одна была такая, что проклинала бедное дитя, потому что оно не спало от слабости. Это мне сказала Анна, кормилица Адинина, я в ту же минуту отослала ее, Анна кормила обеих три дня, а потом была Марина из Федоровского, прекрасная и добрая, веселая женщина, которая ей пела песни и оставалась еще месяц, откормивши ее. После шести недель меня вывели в сад, и я сидела там по целым дням, там и обедала. Добрый Плетнев пришел ко мне в сад; он после сказал мне, что не узнал бы меня, если бы не знал, что я сижу в саду. Лицо было бледное, желтое, распухлое, и глаз почти не было видно.

Осенью мы поехали за границу ⟨...⟩ доктор Горн ⟨...⟩ велел ехать в Мариенбад, а оттуда для укрепления в Франценсбад ⟨...⟩.

Зимой я опять занемогла нервами, все от печени, и опять поехала в Мариенбад и Франценсбад. Государь не позволял русским ездить в Париж, но сделал для меня исключение, потому что я хотела лечиться омеопатией у Ганнемана; он дал мне это изволение с условием не представляться Филиппу, да и мне самой не хотелось видеть этого мерзавца. Графиня нам советовала провести лето в Бадене; я была беременна третий раз. Мы потащились в двух экипажах, в большой четырехместной карете были две няньки и дети, сзади на козлах крепостная женщина Лиза, а на козлах возле кучера — крепостной мальчик лет 22, Сашка. Я с моим благоверным в коляске.

* * *

— Киса, дайте мне руку, пойдем по Лихтентальской аллее, мне кажется, что я вижу Гоголя. Я не буду вас знакомить, потому что он никогда не знакомится с новыми людьми. Посмотрим... Николай Васильич! Он не оборачивается, пойдем-ка, сядем на скамью напротив фонтана, к счастью, она не занята. ⟨...⟩

Но вот и Гоголь. Николай В⟨асильич⟩, хороши же вы — в Бадене и даже своего длинного носа не показали.

— Я пью воды и не успел быть у вас, приехал только известиться о вашем здоровье, еду завтра в Эмс к Жуковскому — его жена познакомилась с нашими знакомыми муками, очень страдает, ей все кажется, что она тотчас умрет, держит часы в руках и говорит ему: «Еще пять минут, и я умру». Это истерзало бедного Жуковского; к счастью, подъехала ее приятельница графиня Фок, и это ее немало рассеяло. Потом еду к бедному Языкову в Ганау, он лечится у Коппа.

— Николай Вас⟨ильич⟩, вот Ник⟨олай⟩ Дмитрич Киселев, он учился в Дерпте с Языковым и Языков ему первому читал свои стихи.

— Да, пожалуйста, Николай В⟨асильевич⟩, передайте ему мое истинное сожаление и дружбу, я воображаю, сколько прелестных стихотворений он написал.

— Да, его стихи «Землетрясение» — одно из лучших произведений нашей богатой поэзии. Пушкин от них в восторге [1]. А затем прощайте, мне приятно было с вами познакомиться, я Языкову передам ваши дружеские слова. А знаете ли вы, что он делает в Hanau, у него кроме

д-ра Коппа нет ни одной души знакомых, он сидит у окна и пишет историю проходящих, у него распределены роли всех греков и римлян и их любезных готов и фризов, и это у него выходит целый роман.

— И я попробую писать историю проходящих у своего окна, только у меня совсем нет творческого духа, а вот А‹лександра› О‹сиповна›, та мне рассказывает кое-что из своего детства, и так интересно, что я ее просил писать свой журнал.

— А затем прощайте, я сюда опять заверну в надежде поздравить вас с дочерью или сыном.

— Киселев, вы должны быть очень горды, Гоголь пожал вам руку, это доказывает, что вы заслуживаете его уважения.

— Но откуда он это знает? У меня на лице не написано, что я честный человек.

— Он большой физиономист и очень наблюдателен, он увидел, как скромен ваш тон и туалет, а вообще-то молодые дипломаты — легкомысленные люди, которые носят с бархатными жилетами и ‹нрзб.› голубые галстуки, как этот дурак Жан Толстой, с такими высокими плечами и с видом пошлого воробья.

* * *

— Наши бани — страшное безобразие, мужчины и женщины моются вместе, наконец, полиция велела, чтобы было два отделения, а теперь говорят, что государь велел сделать большие бассейны; не знаю, видели ли вы в Царском большой бассейн, в котором проточная вода; он возле девушки с разбитым кувшином. Это очень хорошенькая маленькая статуя.

— Да, я был в Царском Селе только один раз и лишь это и видел. Я был слишком беден, чтобы нанять экипаж, и пришел туда пешком с Пушкиным, который такой же безумный пешеход*, как я. Не знаю, читали ли вы когда-нибудь «Галантные историйки» Тальмана де Рео[2]?

— Конечно, и они доставили мне много удовольствия, особенно «Ответы г. Космю», и я знаю «Историю пехотного капитана». Именно Пушкин мне указал на них, так же как на сочинения Ривароля, Шамфора и «Сказки» Вольтера.

* * *

— Любите ли вы фуги в музыке?

— Очень.

— Я тоже. Лист сыграл их только в зале Филармонии и то по просьбе императрицы. Он думал, и не без основания, что наша публика их не оценит, наконец он сыграл одну. Вьельгорский, Одоевский и я, мы затаили дыхание, когда он начал престо, и говорили друг другу: «Сорвет» — но перевели дыхание, он вступил в нужный момент; мы одни аплодировали. Императрица подозвала его и поблагодарила; она попросила его спеть ей один романс из тех, что он играл ранее, он восхитительно с ней разговаривал.

---

* В подлиннике: fou «Capitaine d'infanterie» — безумный пехотный капитан.

Duster wer lieblos ist,
Du mir nicht wartete *.

У Вьельгорского тоже нет голоса, но он прелестно произносит романс.

— Я знал Вьельгорского [3], я был его опекуном целый год в Париже; он издержался в разных клубах, наконец Матвей Юр⟨ьевич⟩ прислал мне деньги на его содержание, я все платил в пансионе, где его поместил, но утром он всегда заходил, когда я пил чай, и со мной завтракал — он уж не смел более тратить 20 фр., которые ему отпускались на фиакры и мелкие расходы, и потом прибавлял: «Милый мой, ваш чай превосходен, особенно потому, что вам пришла добрая мысль привезти самовар».

* * *

— Киса, я знакома с вами всего три дня, а мне кажется, что целые века.

— И у меня такое же чувство.

— Точно так же случилось у меня с Гоголем. Однажды я ему сказала: «Николай Василь⟨евич⟩, когда и как мы с вами познакомились?» [4] — «Вот прекрасно, так вы не помните, так я не скажу вам, это значит, что мы были всегда знакомы».— «Вот теперь я помню: во-первых, я вас видела в Царском, вы мне попадались, когда я гуляла вокруг озера, вы оборачивались и шли назад, вы были закутаны в альмавиву».— «Совсем не в альмавиву, а просто в шинель».— «Ну, шинель, но я видела, что у вас белый нос и спросила, кто вы,— он мне сказал, что Гоголь — хохол, он писатель, а потом, кажется, Плетнев привел вас ко мне».— «Совсем нет, вы меня встретили у Аркадия Осиповича и сами пригласили меня быть у вас — а все-таки я и прежде был с вами знаком. Помните, как мы любили говорить о Малороссии, о галушках, варениках, коржиках и шуляках?»

* * *

— Что до меня, то я буду звать вас вашим именем Александрина — имя Сашенька я оставлю вашему мужу, я не люблю уменьшительных имен.

— И я тоже. Я сказала, не знаю когда, Гоголю: «Зачем вас, братец, зовут Николаша, а родные — Коля; вы Николай, и так как вы мой старший братец, я буду вас звать Николай Вас⟨ильевич⟩». Тогда он мне сказал: «Сестрица, мне кажется, что весна и лето нигде так не хороши, как именно здесь у нас в Васильевке». Мы лежали на траве возле речки, кажется эта речка Псел, он лежал задравши ноги и положив руки за голову. «Какая тишина,— сказал он,— кажется, что слышен стук времени, уходящего в вечность».

* * *

— А вот стихи Соболевского на Москву:

Везомый парой, а не паром,
Москву изъездил Мейендорф.

---

* Мрачен, кто не знает любви,
Ты не ждала меня (*нем.*).

Это Александр, муж этой уродины Души, которую в Париже называли Султаншей.

— Султанша — это мило. Это вы дали ей это прозвище?

— Вовсе нет, это Гейне, немецкий поэт еврейского происхождения; это очень красивый мужчина, он находился в Пирмонте, когда я там лечилась. Там был клуб, куда допускали только аристократию. Герцог Мекленбургский, женатый на сестре императрицы, сказал ему, когда тот вошел в клуб: «Сударь, по какому праву вы вошли в этот клуб, созданный мною для моего интимного круга? Никогда евреев не допускали в какое-либо хорошее общество». Гейне ответил дерзостью, и мой муж счел себя обязанным броситься на него и вызвать его на дуэль [5]. Гейне принял вызов, но некий г. Кнабельсдорф уладил дело, и трусливый, как все евреи, тот покинул Пирмонт. Гейне терпеть не мог «синий чулок», а так как госпожа де Сталь обладала монополией педантизма и всегда носила тюрбан, он прозвал ее султаншей от поэзии. Гейне был глубоко прав, потому что нет ничего комичнее на свете, чем ученая дама.

* * *

— Знаете ли вы, как мастерски вы рассказываете о Малороссии?

— Всегда хорошо рассказывают о том, что любят, тогда сердце диктует воображению.

— Но в России тоже так много красот, я вспоминаю, в какой восторг приводил меня Кремль, когда весной и летом, и даже зимой его освещало солнце.

— Конечно. Вид с кремлевских склонов на другую сторону Москвы — изумительной красоты. Я нахожу, что самый красивый город в мире — Рим, а потом Москва.

* * *

— В 54 году, после смерти императора Николая [6], когда он был уже в крепости, я надолго остановилась, чтобы смотреть на него. На нем был венец, похожий на архиепископскую митру. Я сделала Тютчеву знак подойти и сказала ему: «Вот последний великий царь русский, будут хорошие, но великого не будет». Он сказал: «Мелхиседек — вспомните последние предсмертные стихи Баратынского:

Ты помнишь, что изрек
Седой Мелхиседек:
Рабом родится человек,
Рабом и умирает,

далее не помню. Тютчев принес их мне еще в рукописи [7].

В 50 году я видела императора в последний раз...

* * *

— ⟨Норов⟩ ужасный ферлакур, ему очень нравилась г-жа Никитенко, рожденная Любомирская [8], она со мной была в институте. Как галантный мужчина, он взялся ее перевезть на железную дорогу.

— Как, у нас есть уже железные дороги? [9]

— Да, конечно, до Царского, и теперь делают в Москву, даже уже, кажется, дошли до половины. Посылали полковника Крафта и одного инженера в Америку. Когда пришлось проводить дорогу через новгородские болота, как ни старались, балки все выходили наружу. Тогда Клейнмихель донес, что есть непреодолимые препятствия. Государь рассердился и сказал: «Для меня нет непреодолимых препятствий!», взял бумагу и карандаш и нарисовал прямую линию.— «Государь, вы оставите Новгород на 60 верст в стороне».— «Это не беда — со временем осушат болота и пристроят эту линию». Дорогу строили американцы, очень дурно, и накрали страшно, они просто грабители и флибустьеры. Потом государь приступил к другой линии, Варшавской, тоже стратегической линии, но ее уже построили после его кончины, и строил французский инженер Колиньяк, который тоже накрал страшные деньги, сделал себе положением в Петербурге, кто бы принимал г. Колиньяка, сына сапожника.

— Как я вам благодарен за эти сведения об России, я совсем отстал от всего русского и теперь совсем очужбинился.

— С железными дорогами все изменилось, и не к лучшему. Мейер сказал мне, что он обедал у герцога де Брольи с Биссе, у которого была привычка подремать; говорили о железных дорогах, Брольи сказал Биссе: «Мой милый, что вы думаете о железных дорогах?» — «Железные дороги это величайшая мировая революция».

Дмитрий Хилков сказал мне: «Моя дорогая, поспешно строят железные дороги, это необходимо, но это ускоряет деморализацию нашего народа. Фабрики и железные дороги — рассадники всех пороков. Стурдза был прав, говоря: нет такой хорошей и полезной вещи, которую человек не сумел бы обратить во зло».

* * *

— А почему ваш брат был в Сибири?

— Как артиллериста его послали инспектировать тамошние наши маленькие укрепления. Когда он уезжал, его здоровье было очень дурно, и это пребывание в Сибири в течение почти года принесло ему много добра. Так как в Сибири никогда не бывает ветров, там гораздо меньше чувствуется мороз. В Иркутске он нашел еще многих изгнанников 14-го 〈декабря〉 — Трубецких, Волконских, братьев Борисовых, Лунина, генерала Юшневского, служившего в корпусе вашего брата Павла, он был секундантом в несчастной дуэли вашего брата с Мордвиновым, убитым им.

— Как? Мой брат имел несчастье убить своего противника? Это меня ужасно огорчает.

— Я очень сожалею, что сказала вам об этом, мой бедный друг, вас поразило это открытие. Но что вы хотите, он не мог поступить иначе. Мордвинов, которого он очень любил, оказал ему неуважение перед всеми; пытались уладить дело, уговаривали Мордвинова извиниться. Этим занимался мой дядя Николай, очень преданный своему начальнику. По-моему, это этот злой гений Пестель требовал, чтобы Мордвинов дрался. Мой дядя сказал мне, что все возносили молитвы и пожелания о сохранении их командира, который не целился и убил своего противника, напротив, це-

лившегося. Во всей армии было огромное волнение. Тогда-то император приказал его отозвать [10]. Ради Бога, никогда не говорите с ним об этом деле. Его интимный друг Бутурлин сказал мне, что в годовщину этого рокового дня он уединяется и всю предшествующую неделю печален и страдает,— а в этот день он причащается и видит всю сцену так живо, как если бы она повторилась.

— Ах, бедный, бедный Павел Дмитрич, у него на роду было написано быть печальным, он страстно любил вашу мать, которая не пожелала стать его женой,— уж это судьба Киселевых, одному любить мать, а другому дочь.

— Юшневский и Лунин провели 11 лет в Шлиссельбургской крепости, которую в простонародье называют Шлюшин. Комендант крепости был немец, вообще-то очень добрый человек; он приходил в камеру каждого и говорил им неизменно одно и то же поучение: «Молитесь Богу и благодарите государя, что он вам дарует счастье раскаяться». У них не было книг, и они смертельно скучали. Однажды Лунин в приступе отчаяния подошел к железной двери своего соседа, дверь открылась, и судите о радости, с которой он свиделся с Юшневским. В эту минуту вошел солдат с пищей, остановился, чтобы открыть дверь, и приложил палец к губам; они поняли, что нужно не открывать дверь до прохода коменданта. Когда за ними пришли, чтобы отправить их в Сибирь, они получили немного денег и хотели дать что-нибудь старому солдату, он отказался [11].

— Как это трогательно.

— Я рассказала это императору, который сказал: «Я велю отыскать этого солдата и назначу ему пенсию». Волконский сказал моему брату: «Я никогда в жизни не имел снов, но раз мне приснилась пара коней, и я сейчас себе сказал, что дело 14-го проиграно. В этот день я узнал, что граф Витт донес о нашем заговоре» [12].

* * *

Граф Сухтелен очень любил хорошеньких женщин, они каждый вечер собирались у него; самая хорошенькая, но и самая глупая была девица Брюс, которую он выдал замуж за своего адъютанта Лохерна. Брюс находился в Одессе при Воронцове, влюбился в мадам Лохерн, они были в связи. Лохерн ему сказал: «Я не желаю топтать мое имя в грязь и требую, чтобы вы на ней женились». Брюс начал выдвигать трудности, Лохерн взял пистолет, приставил его к груди и тот согласился. Пушкин был тогда в Одессе и рассказал мне это [13].

* * *

— ⟨Александр I⟩ был тогда в платонической связи, думаю — с красавицей г-жей Кожуховой, рожденной княгиней Трубецкой, муж которой был губернатором в Курске и брал взятки в четыре руки — отчего и был отставлен, как только имп. Николай взошел на трон. Он всех и все подтянул. Во времена Александра была большая распущенность, все генералы, воевавшие с ним, были молоды, они страдали вместе с ним, победили

с ним и отсюда возникла большая фамильярность; ваш брат в особенности был баловнем имп. Александра.

На каком-то параде или маневрах генерал отвечал императору ⟨Николаю⟩, не приложив руку к шляпе. Император закричал ему своим громким голосом: «Руку к шляпе, генерал! Руку к шляпе, генерал!» И так взглянул, что все приложили руку к шляпе. Да, наш Николинька как посмотрит, так душа в пятки уходит, а как прикрикнет, то колени от подлости подкашиваются и делается в коленках дрожь, как говаривал Пушкин, питавший истинную приязнь к императору. Он был ему многим обязан. Как только он взошел на престол, он вызвал Пушкина в Москву, обласкал его и посоветовал ему возвратиться к более умеренным политическим взглядам.

Обычно в марте Пушкиным овладевала ужасная тоска, он видался только с Плетневым, нашим учителем литературы, единственным уважаемым нами учителем, и все повторял: «Грустно, тоска». Плетнев, сын провинциального священника, имел слабость говорить: «А ведь гораздо честнее быть сыном попа, чем воришки-человека». Плетнев предлагал ему читать. Он отвечал: «Вот уже год, любезный друг, что я кроме Евангелия ничего не читаю».

— Бедный Пушкин, а я его знал таким веселым и беззаботным. Много ли стихов он вам написал?

— Нет, мой поэт — Вяземский, но писал почти всегда шуточные стихи. У меня есть альбом, я его вам покажу — мне его подарила Софи Карамзина ко дню рождения или именин, не помню. Пушкин написал в этом альбоме [14]:

Записки А. О. Смирновой

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный,
И как дитя была добра.
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

А я-то никогда не писала ни строчки до тех пор, пока вы не попросили меня писать воспоминания. Из этих стихов возникла моя репутация злючки — я думаю, вы убедились уже, что я вовсе не зла. Я никогда никому об этом не говорила.

— По-моему, Пушкин очень плохо закончил это прелестное стихотворение — ваш портрет. Но вы действительно очень остро высмеиваете то, что смешно, и в глазах других это может показаться злобным. Когда я повернул в великолепный двор дворца в Царском, Пушкин показал мне ваши комнаты в первом этаже и сказал мне: «Здесь я проводил веселые вечера у фрейлины Россет с Жуковским».

* * *

— А какой Катехизис вы учили?

— По правде говоря, не знаю,— он начинается так: «Катехизис есть краткое учение как веровать в Бога».

— Тогда это митрополита Платона. Катехизис разделяется на две части: на богослужение существенное и богослужение откровенное. Мы его долбили пять лет без всякого толкования у нашего помешанного попа Георгия, он был с Волкова кладбища, туда посылают самых плохих священников; панихиду отслужить на почтовых не трудно.

— Да как же императрица не позаботилась найти лучшего?

— А где было его взять? Екатерина удалила Платона в Москву. Тогда был обычай, чтобы в воскресенье митрополит в большой придворной церкви говорил проповедь. Катюша выходила со всем двором в большом наряде и все в кавалериях. Платон долго терпел ее распутную жизнь, но раз наговорил таких истин, что она рассердилась, услала его в Москву, а петербургским митрополитом назначила Михаила, доброго старика, который нашел много проповедей на розовой водичке.

* * *

— Клементий, который очень забавен, говорит, что чиновники говорят «Превосходительство» с наслаждением, так что от подлости у них слюнки текут и выходит «Првосьвась». Как он меня смешил в Калуге! [15] Он приехал из Киева — сменив по крайней мере 15 мест, он служил при Дмитрии Гавриловиче Бибикове, который был киевским генерал-губернатором. Император приказал в качестве предварительной меры делать инвентари.

— Что такое инвентари? [16]

— Ах, Киса, какой вы бестолковый,— что такое инвентари! Они известны повсюду.

— Но почему вводили инвентари?

— Поляки гораздо худшие помещики, чем русские. Князь Яблоновский, с которым я познакомилась в Дрездене в 1849 г., сказал мне, что понимал бы, если бы Пугачевщина имела место в Галиции, потому что польские помещики делали повинности из всего. Например, в России издавна позволяли крестьянам собирать орехи, грибы, эти же не довольствовались работой, а требовали яйца, мед, холст.

* * *

— Дорогая графиня, теперь, когда мы среди своих, я расскажу вам историю любовников великой княгини Елены, которую я называю просто Аленка.

— Что вы, что вы, А⟨лександра⟩ О⟨сиповна⟩,— вскричали мой муж, Киселев и Муханов.

— Да, и я все это сказала императору. Императрица и г-жа Фредерикс были ошеломлены, увидев на лице императора признаки растущего гнева, а когда я назвала последнего — Николай, ты удивишься, узнав, что это был наш кучер Илья.

— Что ты говоришь, что за ужас!

— Да, этот косолапый, дрянной трус Илья был ее последний и самый любимый любовник. Когда я сказала про Ильюшку, то государь, который

отроду не плевал, плюнул и сказал: «Мне хочется вырыть ее тело и послать его в Штутгарт». А я сказала государю: «Зачем тратить столько денег, пошлите ее в Schloss Lode, имение графа Буксгевдена».— «А что там?» — «Там было неизвестное тело. Рибопьер мне сказал, что это тело первой жены имп. Павла Пет⟨ровича⟩. Она была гульливого десятка, спаивала несчастного государя опиумом и в той же постели делала гадости с Андреем Кирилловичем Разумовским. Екатерина это узнала и послала Разумовского посланником в Неаполь. Вигель рассказывает с злобной улыбкой, что этот Разумовский приходил в церковь к последнему выносу и когда ему это замечали, он отвечал: «Как же, ведь я всегда прихожу к «и со страхом».— «Мерзавец,— сказал имп⟨ератор⟩,— бедный мой отец, ему нужно было все испытать на этом свете».— «Государь, это еще не все. Подлый брадобрей Кутайсов открыл императору неверность его первой жены, она была красавица и умерла, не разродившись, Шольц вам может сказать, по какой причине, у них хранится протокол. Туда же и Елизавету Алексеевну.

— Что вы говорите, моя милая! Эта женщина, столь достойная, которая так горевала об императоре, которая написала те столь трогательные слова: «Наш ангел на небесах, а я оплакиваю его на земле».

— О, это фальшивое существо любило трескучие фразы. Она оставила том своих мемуаров своей старой фрейлине Валуевой. Та перед смертью позвала своего племянника Петра, которого вы знаете, по крайней мере с виду, и посоветовала ему сжечь эту книгу, не открывая ее, что он и исполнил честно. Имп⟨ератор⟩ сказал мне: «Кто вам сказал, что у имп. Елизаветы был любовник? Моя жена?» — «Нет, ваше величество, я один раз спросила у императрицы, знает ли она это, она мне только сказала: «Я полагаю, что Елена была бы совсем другой, если бы имп. Елизавета не восстановила ее против матушки и против меня; не спрашивайте меня более, император не любит, когда говорят о семейных секретах»».

Она прежде всего была в связи с Чарторижским, от которого имела дочь, а потом с Охотниковым, я знаю это от г-жи Фредерикс. Лизетта жила довольно уединенно на Каменном острове в первом этаже, император вечером никогда не входил к ней. Однажды вечером в 11 часов она услышала его шаги, Охотников выпрыгнул в окно так поспешно, что все себе сломал, он добрался до деревни Дюваль, которая принадлежала тогда отцу барона Фредерикса, и через три дня умер в ужасных страданиях — она даже не спросила о нем. Император Александр был безумно влюблен в княгиню Ауэрсперг, невинную победительницу его Лизетты, у которой был вид швейцарской гувернантки, этакого Вильгельма Телля.

— Как это мило,— сказали все.

— «Это еще не все, ваше величество,— сказала я императору,— этот бесчестный Кутайсов осмелился обвинить императрицу в связи с Сергеем Ильичом Мухановым, и в отместку имп⟨ератор⟩ спал с прачкой в Павловске.

— ⟨...⟩ Но откуда вы взяли все эти подробности?

— Я взяла в качестве компаньонки к моей дочери мадемуазель Семевскую, которая воспитывалась в доме старухи Архаровой, она слышала все

это у них в доме. Эта старая дева была очень забавна, один раз я ей сказала: «Анна Николаевна, зачем Аленка так суетится об освобождении крестьян?» — «Как зачем, после смерти государя осталась старая тетка на Михайловской площади, куда выйти из этого положения, вот и начала делать мерзости в Редакционном комитете со своим любимым Абазой»[17].

* * *

— ⟨Елена Павловна спрашивает Смирнову⟩: Вы хорошо знаете Самарина?

— Да, мадам.

— Как вы думаете, согласится ли он прочесть курс русской истории моим дочерям?

— Не знаю, мадам, но во всяком случае у вас есть превосходный учитель русской истории, Арсеньев, который давал уроки истории наследнику — до Петра Великого, а с Петра Великого — сам император читал этот курс своим сыновьям.

— О нет, Арсеньев не может мне подойти, мне нужен кто-нибудь с новым взглядом на это столь темное прошлое.

Все это были просто фразы, потому что она совершенно ничего не смыслит ни в истории, ни в русской литературе; она и граф Киселев уверяли графа Блудова, что в России не было ни поэтов, ни мыслителей. Блудов пристыдил их и прочел им курс русской литературы с цитатами, его манера так педагогична. То, что старый Киселев не читал ни Державина, ни Ломоносова, ни Пушкина, объясняется очень просто: с 15 лет он был на полях сражений, потом командиром корпуса, потом министром, у него не было времени читать стихи; но она-то, почему она так невежественна?

⟨ИЗ ВАРИАНТА 7⟩

* * *

— Аббат Николь основал лицей в Одессе, что было большим благодеянием для южных помещиков России, испытывавших большие трудности с воспитанием детей. Мой дядя Дмитрий Иванович и его кузен Сергей Кудашев учились в лицее, они жили у нас в дресолях, как говорили слуги. После польского восстания 1830 г. император Николай основал университет в Киеве, который назвали Владимирский университет. Виленский раскассировали, Мицкевича и еще некоторых профессоров уволили, а других перевели в Киев вместе со студентами[1]. В Нежине был лицей, основанный Безбородкой, там воспитывался Гоголь, но профессора были самые плохие.

* * *

— Моя бабушка была княгиня Грузинская, двоюродная сестра Цициановым. Выходит, что вы и я, мы троюродные.

— Может быть. Видите ли, когда Грузия при Петре Великом добровольно подчинилась России, с царем Вахтангом приехало много родов

княжеских и не княжеских. Самый старый род князей Орбелиани, они вышли из Китая 250 лет по Р.Х., пришли на Кавказ, где уже нашли христианские церкви и обратились в христианство. Второй за ними род Багратидов. Царь Давид был женат на знаменитой Тамаре[2], которая у них во святых, затем Амилахвари, их в России зовут Амиловаровы, потом Цици, по-русски Цициановы, Баратовы и Эристовы. Наехало столько князей с Вахтангом, что, когда они отличались, Петру нужно было что-то сказать, он закричал: «Эй ты, князь, как тебя зовут?» — «Туркестанов».— «А тебя?» — «Манвелов».— «А тебя?» — «Кудашев». Они все и сделались князьями. А бабушка при мне говорила: «Какие Кудашевы князья, они у Цициановых на запятках стояли».

* * *

— Иосиф, которого мы зовем Ося, был так красив пажом, что его возили по домам напоказ; его портрет[3] писала карандашом Елисавета Петровна Нарышкина и кончила за день до отъезда в Сибирь. Этот портрет должен быть в семье Коновницыных, Нарышкина была рожд⟨енная⟩ гр⟨афиня⟩ Коновницына.

* * *

⟨Вариант окончания рассказа о встрече с Гоголем в Бадене⟩

— Приходите к нам обедать.

— Не могу, я по совету Коппа пью молоко, до 10 стаканов в день, и должен много ходить. Я загляну к вам завтра утром.

— Я вас знаю, вы только обещаете и не придете.

— Я никогда бы не подумал, что это большой писатель, как вы о нем мне говорили, в выражении его лица ничто этого не показывает.

— Гоголь — человек очень благочестивый, он всегда занят движением своей духовной жизни. Он очень мало учился в молодости, теперь он изучает греческий, чтобы иметь возможность читать Евангелие по-гречески. Он себе задает уроки после молитвы, ходит по комнате и учит наизусть греческие слова.

* * *

⟨Вариант рассказа о «Ревизоре»⟩

— Гоголь очень беден, у него мать и две сестры, которым он помогает, как может, продавая свои сочинения. Он представил в дирекцию свою комедию. Дирекция нашла, что нападки на взяточников могут оскорбить великих мужей, у которых рыльце в пушку, и не решилась поставить ее на сцену. Михаил Юрьевич Вьельгорский это узнал от Жуковского и доложил государю. Государь приказал выдать ему 4000 р. асс. и сам приехал в театр в маленькую ложу в эполетах. Хохот был постоянный, государь сам начинал аплодировать и более других смеялся. В первом ряду партера сидели тузы, ваш брат, двое Горчаковых, Владимир Федорович Адлерберг, Нессельрод, люди чистые и честные смеялись от души, остальной партер громко хохотал, но были такие, кто смеялся принужденно. Где прятался Гоголь, неизвестно. Его вызывали, но он не являлся. Сосницкий играл роль городничего и, говорят, хорошо. Я видела

«Ревизора» в Москве, там Щепкин играл, друг Гоголя и тоже хохол. Они друг друга не знали. Ах, Киса, как жарко, пойдем сядем у фонтана.

Гоголь ходил почти всякий день в лавку Ферапонтова[4] на Никольской, более для приятной беседы. Ферапонтов говорил каким-то вычурным языком. Там он встретил Щепкина и сказал ему: «Гей, чи живи, чи здорови вси родичи гарбузови? Михаил Петрович Щепкин? Николай Васильевич Гоголь» — и пожали друг другу руки.

* * *

— Слово сметана мне всегда напоминает, как Катрин Мещерская была в Лотошино и завоевала сердце шведского интенданта, который посвятил ей поэму «Паршивый Сапсана, или Любитель сметана». Киселев, если вы возьмете сметану, вы будете паршивый Сапсана.

— Какие гадости вы говорите, А⟨лександра⟩ О⟨сиповна⟩.

— У нее страсть говорить гадости, она сто раз может слушать, когда Жуковский рассказывает сальные анекдоты.

— Неужели сентиментальный Жуковский их любит?

— Даже очень и всегда смеется, и я смеюсь. ⟨...⟩ Шведский поэт не ограничился поэмой. 17 сентября именины Веры, Надежды и Любови Гагариных, т. е. княгини Вяземской, Полуэктовой и княгини Четвертинской. Он поднес им стихи:

Желаю вам, кн⟨ягиня⟩ Вера,
Побольше в ухи сера,
Княгиня Надежда
Побольше новая одежда

ей это приятно, она очень любит наряжаться,

А княгине Любови
Побольше кушать моркови.

Любовь замужем за Ладомирским, ей достался прекрасный перстень Екатерины, резной изумруд с портретом, который Като подарила Корсакову[5].

⟨ИЗ ВАРИАНТА 10⟩

* * *

— Каким же образом, имение, жалованное вашему отцу, попало в руки вашему отчиму?

— Когда полковница была последний раз беременна, она помешалась. Раз она играла в бостон с Дмитрием Ив⟨ановичем⟩ и уланским офицером Сухотиным, вдруг остановилась, как будто прислушиваясь к кому-то, потрясла карты и пошла в другую комнату, за ней пошел Арлондий, солдаты этого изверга так называют. Она скоро пришла и сказала: «Митя, мне как будто кто-то подшепнул: иди и пиши духовное завещание». Вообразите удивление дяди, когда он увидел, что этот мерзавец принудил ее сделать противозаконную вещь, имение было не ее, а детское. В духовной

было сказано: капитал в 3.000000 р., который в Херсонском приказе общественного призрения — сыновьям, а дочери — 10 пудов серебра и все остальные бриллианты; скловаж Неаполитанской королевы и бриллиантовый крест — ее крестнику Карлиньке. А у бедного Карла только письмо королевы ее собственной рукой.

Когда этот вор приехал после выпуска, чтобы меня взять, с милым намерением продолжать свои гадости, он схватил меня, посадил на свои мерзкие колени и хотел целовать, но я отбивалась. В эту минуту, к счастью, вошла Mlle Wallace и строго ему сказала: «Генерал, как вы позволяете себе такие вольности с мадемуазель Россет?» — «Это моя падчерица и я приехал взять ее».— «Мадемуазель, вероятно, будет взята ко двору, начальница получила приказ императрицы не принимать вас».

Тогда я ему сказала: «Иван Карлович, где мое серебро, мне 10 пудов серебра по духовному завещанию и бриллианты, которые в зеленом кожаном ящике, я помню даже ящик, в котором было серебро, он уже был внизу и ярусами лежало серебро — вы давали обеды на этом серебре в Усмани».— «Какое серебро и бриллианты? Две чайных ложки и три столовые, из бриллиантов ничего не было, две подушки я тебе пришлю, пять рубашек и четыре поплиновых платья».— «Как вы смеете мне говорить ты, вы все знаете: все на свете можно, только осторожно. Так знайте же, что я пожалуюсь государю и вас отдадут под суд». А Mlle Wallace ему отворила дверь и сказала: «Идите отсюда, генерал, и не возвращайтесь».

* * *

— После моей свадьбы на первом же Аничковом императрица танцевала контрданс с моим мужем; он держал ее за руки, танцевал на кончиках пальцев, как будто хотел причинить ей головокружение; так как я была визави, то слышала, что он говорил только «да» и «нет», ваше величество; мне было стыдно за него. После контрданса императрица сказала мне: «Моя милая, почему я внушаю такой ужас вашему мужу? Ваш брат Иосиф, с которым я танцую, болтает и забавляет меня». Мне было так стыдно, что я ничего не ответила. Императрица больше никогда не танцевала с ним и даже не приглашает его на Аничковы.

— Что такое Аничковы? [1]

— Киселев, как вы невежественны, Аничковы это рай на земле; есть много званых в царство божие, а в царстве царевом в Аничковом — лишь сто избранных персон.

* * *

— Вы знаете почерк Вяземского? С ним было происшествие на мосту Бетанкура на Каменном острове, его дрожки перевернулись, и он ушиб ногу; он написал мне, чтобы сообщить, что он пригвожден к шезлонгу и пишет хуже, чем всегда. И прибавил: «Вообще-то можно поверить, что я всегда пишу левой ногой».

«Это мило,— сказала графиня Нессельроде со своим громким смехом.— Княгиня Вера — моя кузина [2], и тем не менее я не бываю у них, не знаю, отчего я с ними не в таких добрых отношениях».

— Графиня, вы ничего не теряете. Вяземский слывет человеком очень любезного ума, но он ничего не говорит и протирает свои очки с рассеянным видом [3], а все, что говорит княгиня Вера, неверно. Тютчев говорит, что она кажется ему плохим скрипачом, тянущим всегда одну и ту же фальшивую ноту.

— Вот и Тютчев — один из тех, кто всегда заставляет меня смеяться. Это правда, что Нессельроде заставил его покинуть дипломатию. Он был первым секретарем в Турине, посланник попросил отпуск на шесть недель, за это время у Тютчева умирает жена. Мсье оставляет архивы у фабриканта сыра и отправляется разъезжать от потрясения, чтобы найти вторую жену. Находит ее в Швейцарии и женится. Не получая известий из Турина, встревоженный Нессельроде велит написать начальнику канцелярии. Тот отвечает, что первый секретарь уехал, не доверив ему архивы. Вы хорошо понимаете, что нет возможности держать в министерстве подобного человека [4].

— Вы много теряете, дорогая графиня, ибо это человек очаровательный, полный неожиданностей и очень остроумный. Во время несчастной Крымской войны, в 54 году, когда мы терпели только поражения, он сказал: «Это война негодяев с кретинами» *.

— Это мило, но мне не по душе такие остроты во время этой ужасной войны, стоившей жизни нашему дорогому императору Николаю.

* * *

— Все сочинения Гейне переведены на французский, вы должны их прочесть, они полны юмора, есть у него и вещи фантастические, я думаю, что это он написал историю Петера Шлемиля, который все время бродил за своей тенью.

— Я знаю историю про Петера Шлемиля, но я не знал, что это Гейне [5].

— Я могу ошибаться, Киселев, я не непогрешима как папа римский.

— Я прочту Гейне непременно. Киселев, она читает все и часто указывает мне книги.

— Кто-то сказал, что у женщины ум проистекает не из чтения, а из общения с выдающимися людьми. Князь Петр Мещерский говорит, что я не читаю и что книги, которые он мне доставляет, укладываются у меня. Зимой я не читаю, потому что вижусь с Вяземским, Пушкиным, Жуковским, Тютчевым, а вечера проходят в свете; но я читаю в деревне и читаю, записывая, и копирую отрывки, которые мне нравятся.

* * *

— По всей дороге от Петерб‹урга› до Москвы есть этапные избы, в которых вместо окон железные решетки, и деревни обязаны кормить этих несчастных. Наш крестьянин так их называет и с охотой дает им хлеб и грош.

— Наш крестьянин святой человек.

---

* Слова «gredins» (негодяи) и «cretins» (кретины) по-французски рифмуются.

— Тютчев прекрасно определил его значение в стихах:

Эти бедные селенья [6],
Эта скудная природа,—
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

— Как это прекрасно, я не знал, что у Тютчева такой замечательный талант.

— Позднее вышло в свет собрание стихотворений Тютчева [7]. Он такое сложное существо: поэтическое, очень возвышенное воображение, глубокое благочестие или, точнее, чувство благочестия, а вместе с тем его нравы далеки от безупречных. У него пять детей от его первой жены, вдовы Петерсон, урожденной графини Балтузен, женщины очень странной, фантазерки, но полной обаяния и ума. От второй жены, графини Дернберг, урожденной Пфеффель, у него трое детей. Но он не занимается своим законным потомством и находится в связи с очень красивой молодой девушкой, мадемуазель Денисьевой, и имеет от нее детей [8]. Мой брат видел его в церкви, когда он подносил детей к причастию.

Он целый день рыскает пехтурой или ездит на самом гадком ваньке — теперь гитары вывелись [9], опять пролетки, т. е. дрожки, в которых могут ехать двое рядом. Он в старом плаще, седые волосы развеваются во все стороны, видна большая лысина; голова его качается [10], и извощики говорят: «Вот барин извозился с утра». Это человек, более всего привыкший к свету, его жена полна тонкого ума, как и его дочь Анна, я иногда провожу у нее вечера. Как только услышит мой голос, он входит и говорит: «Будьте тысячу раз благословенны, мне кажется, что я сейчас услышу новости».— «Тютчев, убирайтесь, я пришла поговорить с вашей женой, а вы заставляете меня рассказывать, что делается и говорится во дворце» [11].

— Разве его так занимает двор?

— Нисколько, но он любит все знать. В сущности же он ничему не придает значения и живет в идеальном мире.

Он обожает свою мать. Ей 80 лет и она проводит свою жизнь в молитвах и чтении Библии [12]. Каждый год летом они живут в Орловской губернии, в имении Овстуг. Тютька долго находится у матери, проводит дней восемь со своей семьей, где погибает от скуки, возвращается в Москву, а мало-мальское удовольствие получает, лишь живя в Петербурге. Его назначили цензором иностранных книг, что дает ему небольшие деньги и занятие [13], а когда он слишком уж соскучится, он едет в Париж или в Швейцарию. Ему все равно, лишь бы менять место и видеть другие места и слышать другие разговоры.

— Какая странная неугомонная натура!

— Это бывает с гениальными натурами, то же самое ведь с Пушкиным и Гоголем.

* * *

— Хомяков написал прекрасное стихотворение «Звезда», я его помню:

В час полночный близ потока (...)
Сердца дремлющая мгла.

— Это великолепно, я заведу себе записную книжку и спишу их.

— Я с Хомяковым познакомилась у Карамзиных в 1832 году. Он приехал в Петербург в уланском мундире, потому что была кампания против турок, и подал в отставку по желанию его матери, да и военная карьера совсем не была в его вкусе [14]. Хомяков — христианский философ, он умный человек и пишет всемирную историю. Когда его друзья спрашивают: «Что, Алексей Степанович, на чем вы остановились?» — «На Семирамиде». Дело в том, что никто не знает, что он пишет. Он написал три брошюры о разницах между Римской церковью и православной; они написаны по-французски и будут напечатаны в Лейпциге. Он написал и Катехизис [15]. В Россию приезжал дьякон англиканской церкви Пальмер — он с ним вел переписку и с д-ром богословия Вильямсом и почти убедил их перейти в православие. Но дело не состоялось, и Пальмер перешел в римскую церковь.

* * *

— ...мой добрый ангел, луч с небес. Это, кажется, пели императору Александру по возвращении его из Парижа.

— Да, и это пели в Павловске в розовом павильоне. Эта беседка вся украшена розами, которые делали в институтах. В ней есть Эоловы арфы, и при ветре они издают жалобный звук. Тогда была мода на всякие романтические выдумки. Но там есть и деревянные горы, которые оставили во мне очень непоэтическое воспоминание. Царские дети и мы, фрейлины, бегали взад и вперед по этим горам. От солнца они высохли, я побежала в них, упала и съехала на своей бригадирше, панталоны разорвались, и я одну сторону ужасно занозила, все скрыла и прибежала домой. Показала ее Марье Савельевне, она тотчас вытащила сучья, сколько могла, послала к придворному аптекарю Хмелеву, он пришел с щипчиками и с Гулярдовой водой, и мне прикладывали компрессы. По несчастью, государь как-то это узнал, тотчас пришел ко мне и шутил, просил не сидеть боком и сказал, однако, чтобы я вечером не приходила к императрице в собрание. Я, однако, умудрилась так, что высидела слегка бочком. Вот какие у меня были тогда силы и нервы.

— Да и теперь я любуюсь вашими силами, у вас такая здоровая натура, вам нет нужды ходить и кашлять.

— Я думаю. Мой отец был девственником в 55 лет, а моя мать была кровь с молоком. Она выросла на воздухе и по несколько раз в день купалась в реке, а в Одессе она плавала и ныряла в море, вытаскивала какую-то серо-зеленую и розовую глину, ею терлась и нас терла, потом нас всех обмывали, а сушились мы на солнце; потом Марийка нас одевала, мы садились на белый камень и ловили бычков. Скачко навязывал червячков и как, бывало, ни закинет удочку — бычок. Скачко их нанизывал на какую-то траву, и к ужину их жарили на сковороде.

* * *

— Я Гегеля не мог одолеть, я читал честного и добросовестного Шеллинга и Стефена.

— А я попробовала Канта — на первой странице меня одолела зевота. В Кенигсберге я видела дом зеленого цвета, точно как зеленый сыр, на нем написано: «Kant ist hier geboren» *. Я сказала себе, что из такого уродливого дома могли выйти только скучнейшие вещи, и поставила Канта на самую верхнюю полочку. Клема, который все читает, тоже не мог прочесть эту чепуху «Der reine Herkunft» [16]. А reine Herkunft лучше всех определила моя приятельница Александра Петровна Дурново. Ей было 25 лет, и она не была замужем, отец ее убедил выйти замуж за Петра Павловича Дурново [17]; он глуп и урод, она и вышла за него, чтобы успокоить отца. Когда приехала княгиня Софья Григорьевна из-за границы, она не могла примириться с мыслью, что Алина, которая знает по-латыни, по-гречески, училась у Раупаха, вошла в семью идиотов и выносит это с христианским смирением, сохраняя даже свою оригинальную веселость. Я раз приехала к ней и нашла ее не в духе. «Алина, что с вами?» — «Моя милая, мой мать не дает мне покоя и всякий день упрекает меня за мой брак и за то, как я выношу скуку дома Дурново. Она прислала мне сегодня утром три записки, чтобы убедить меня поехать с ней путешествовать, и в последней она спрашивает, что такое философия. Я ей только что ответила, что истинная философия состоит в том, чтобы принимать вещи такими, какие они есть, а не такими, каких бы хотелось, и объявила ей, что коза должна пастись там, где привязана» ‹...›

Ах да, где бишь мы остановились? Вяземский всегда смеется над моей привычкой говорить бишь и потом: «Я-де вам скажу, что ономнясь» (т. е. намедни). И представьте себе, что Катков в «Московских ведомостях» говорит «я-де», а часто и «они-де» и все насмехаются над этими двумя причастиями.

— Верно в Петерб‹урге› смеются, а у нас обороты самые постыдные, так и видно, что переводят с французского.

* * *

— ‹Бабушка› давно была вдова, послала старшего сына Александра и дочь Веру в Москву к брату Дмитрию Евсеевичу Цицианову и продиктовала ему письмо краткого содержания: «Ты, братец, богат, а я бедна, мне здесь негде воспитывать детей. Пусть Алексаша и Верочка у тебя учатся, Алексашу определи в службу, а Верочку пришли ко мне, когда она выучится». У дедушки были, конечно, лучшие учителя, не он этим занимался, а его жена Варвара Егоровна, побочная дочь грузинского царевича Егора Александровича и княгини Заборовской. Она получила европейское образование. Ее любил знаменитый князь Михаил Цицианов, герой Кавказа, и она его любила; в то время не очень обращали внимание на любовь. Не могу понять, почему царевич предпочел Дмитрия

---

* Здесь родился Кант. ‹...› Чистый разум (*нем.*).

Евсеевича. Князь Михаил поехал на Кавказ, где и был вероломно убит. Под его руководством вышли два знаменитые вождя — Котляревский и Михаил Семенович Воронцов, который кончил свое поприще наместником Кавказа. При взятии Ленкорана надобно было перетянуть пушки через глубокой овраг, инженерное искусство было в детстве — что, вы думаете, сделал Котляревский? Он обратился к солдатам: «Ребята, нам нужно перевезти пушки на ту сторону, лошади попадают в овраг и с ними пушки, надо их перенести на руках, что-ли?» — «Нет, ваше высокоблагородие, мы поляжем лучше, а другие пусть везут их сверху по живому мосту».

— Что за ужас, неужели это сделали?

— Сделали. Конечно, некоторые были жертвой, а других только помяли и взяли Ленкоран. Этим примером наша история благодарна графу Владимиру Сологубу, которому, вероятно, рассказал этот случай граф Воронцов, закадычный друг Котляревского. Котляревский был весь изрублен, был страдалец, поселился в Крыму, где и умер [18]. Говорят, что там есть его памятник.

* * *

〈Из рассказов Д. Е. Цицианова〉 [19]

Екатерина очень обрадовалась и говорит мне: «Батюшка князь, сделай одолжение, отвези соболью шубу Потемкину, его именины скоро, а он подарушечки любит» — «Прикажите, ваше величество, ее уложить».— «Да вот она». Вижу пакет как большое письмо. Тотчас в сани и на тройке скачу в Москву, приехал как раз к обедне. Говорят, князь в церкви. Как кончилась обедня, я подхожу к нему и говорю: «Ее величество изволила прислать вам соболью шубу», я в большой карман, открываю пакет, шуба летает по церкви и повисла на паникадиле, насилу ее поймали.

— И это все?

— О нет, было бы слишком долго рассказывать вам все его выдумки. Один раз он мне рассказал, что Потемкин посылал его всякий вечер из Москвы в Петергоф, заметьте это: «а утром я проезжаю мимо Марьи Осиповны Нарышкиной, она сидела у окна, и я бросал целковый в окно и говорил: «Молись за князя».— «Неужели, дядюшка, вы никогда не давали промаха?» — «Никогда». Потом однажды он входит к своей жене, в гостиной были люди, и говорит ей: «Княгиня, представь себе, что со мной случилось вчера: я шел, как всегда, с палкой, за мной бежала бешеная собака и хотела меня схватить за икры (он всегда носил короткие панталоны и черные шелковые чулки), она оторвала кусок фрака, я ее треснул по голове, она околела. Сегодня бежит ко мне Сергей и говорит: «Ваше сиятельство, извольте выйти в уборную». Все мои фраки, штаны прыгают во все стороны, взбесились, я велел их сжечь».

— Хотелось бы знать, как такие вещи приходят в голову, какое воображение надо иметь.

— Но кроме того он был большой чудак. Когда воздвигли Александровскую колонну, он сказал одному из моих братьев: «Какую глупую статую поставили — ангела с крыльями; надобно представить Александра

в полной форме и держит Наполеошку за волосы, а он только ножками дрыгает».

Громкий хохот последовал за этой тирадой.

— В день 14-го он причинил смертельное беспокойство. Один из заговорщиков, Оболенский, пришел к нему завтракать и сказал, что император будет схвачен, провозглашена конституция, словом, все их преступные глупости. Вообразите, что сказал это старый безумец: «Я сам буду рад. Ну что это, после Александра выбрали этого мальчишку Николая. Пойду с вами бунтовать». Он держался на расстоянии и приблизился к карете митрополита Серафима, сказал ему: «А ты что тут делаешь, старый дурак? Видишь, что народ тебя не слушает, убирайся домой». Он вернулся домой только в 7 часов вечера, говоря: «Все видел, на народ стреляли, значит Николай не трухнул и будет хорошо царствовать» [20].

* * *

— Расскажите мне, кто ухаживал за вами в Петербурге, я уверен, что имя им — легион.

— До замужества?

— Да, и после.

— До — это был прежде всего кавалергардский офицер Андрей Николаевич Арапов, он был адъютант, у него были синие глаза, нежные и веселые, он не бывал в свете, он только под окошком и на подъездах и разъездах у театров меня преследовал своими вздохами. Императрица поехала весной на Елагин, дворец очень мал, так что я жила в городе и утром после завтрака ездила в экипаже на острова. Едва я въезжала на мост, как мой поклонник галопом на тройке в дрожках оказывался рядом с моим экипажем, я опускала занавеску с его стороны, через секунду он был уже с другой стороны, и эта комедия продолжалась, пока я не приезжала на Елагин, тут он летел в Новую деревню, где стояли кавалергарды, ведь это полк ее величества.

— Чем же все это кончилось?

— Ничем. Арапов вышел в отставку и в Москве женился, не знаю на ком. Он очень богатый саратовский помещик, и в Москве давал балы у старого Пимена; жена его была очень большого росту и ее звали «Колокольня старого Пимена». Еще мне строил куры другой кавалергард, Григорий Петрово-Соловово, богатый тамбовский помещик. Он по корпусу был товарищ братьев, он был долговязый, нелепый господин; во время катанья на Елагином острове, еще когда я жила у имп. Марии Федоровны, Ласунский заметил, что Соловов все ехал рядом верхом с нашей лошадкой и сказал мне: «Матушка, я заметил, что этот тряпичный купидон в тебя втюрился, неужто ты пойдешь за него замуж?» — «Будьте покойны, Павел Михайлыч, я тряпичных купидонов терпеть не могу».

— Я хочу теперь, чтобы вы мне сказали, кто ухаживал за вами после вашего замужества.

— 〈...〉 Одоевский, муж той, что вы прозвали Чернозем. Он не ухаживал за мной, но я играла с ним на фортепиано по пять часов подряд; мой муж храпел полчаса после обеда, а потом спасался бегством от моей

музыки, как от кошачьего концерта; княгиня была так ревнива, что оставалась слушать нас; я ей говорила: «Княгиня, советую вам ехать домой, нас с Одоевским хоть в одну ванну посади, ничего не будет» 〈...〉

Мы с Одоевским ставим для проформы метроном, друг на дружку поглядим и дуем без остановки. То треплем старичка Гайдна, то Бетговена, Генделя, Онсло, но итальянскую дребедень не играем. У Одоевского есть орган, который он называет Себастьяном[21] в честь Иоганна Себастьяна Баха, на нем только играется Бах. Сам Одоевский превращается в немецкого профессора музыки, даже обижается, если кто слово скажет. Было надобно слушать с благоговением. Тут всегда был Глинка, которого мы звали синьор Глинини, мадемуазель Лигль, девица Чемодурова, у которой огромный сопрано, ее сам Глинка учил петь. Она пела особенно хорошо Opfer-Lied Бетговена.

— Я не знал, что Бетговен писал религиозную музыку.

— Отец Бетговена был голландский банкир Банского епископа Этельтур, и у него, конечно, была своя капелла. Маленький Бетговен 7 лет уже поступил в певчие и начал свою музыкальную карьеру религиозными мотетами, а потом написал три мессы, одна, третья, особенно хороша. 〈...〉

— Скажите мне, кто еще ухаживал за вами в Петербурге после вашего замужества.

— Вы — всегда выспрашивающая кошечка. Два брата Карамзины 〈...〉 потом красавец Платон Чихачев, образцовый молодой человек. Он без акцента говорит на 12 языках и сказал мне, что после славянского и греческого лучший перевод Евангелия — на испанский. Это серьезный и ученый человек, большой друг Алины Дурново. Его брат Петр не так умен, как он, но тоже очень учен; это большой путешественник, он сопровождал сэра Родерика Мурчисона, английского геолога, в Сибирь, с г. Вермейлем[22] и русским по фамилии Кокшаров. Им сопутствовал также известный натуралист профессор Миттендорф. Он очень далеко заехал в глубь Сибири, остался один, не знаю, где. Холод был исключительный, какого никогда не было в Сибири; Миттендорфа нашли почти замерзшим, он от этого был настолько измучен, что сказал необыкновенные слова, будто он был в бокале, полном винного духа! Он пел во все горло: «Ubi bene, ibi patria» *. Его спасли от этого пагубного шага.

— Откуда вы все это знаете?

— Мой брат Аркадий был командирован в Сибирь в 1835 г.[23], чтобы инспектировать маленькие крепости, и письма его очень интересны. Он доехал до Май-Магона. Это первый пограничный китайский город. Там началась наша первая меновая торговля чаем с китайцами, мы им посылали ситцы, кумач и 〈нрзб.〉ты, не знаю, помните ли вы чашки, размалеванные золотыми и красными цветами, их покупает народ за бесценок, это тоже из Китая; но теперь китайцы объявили, что хотят торговать на серебро, это весьма накладно, и наш чай удорожал.

— И кто еще ухаживал за вами в Петербурге?

— Кто что, а он все свое, этот несносный Киска. Чтобы покончить

* Где хорошо, там родина (*лат.*).

с этим, скажу вам, что самый серьезный был Юрий Федорович Самарин, корифей славян. Я вернулась из Парижа, Аполлина Веневитинова пригласила меня на обед, чтобы познакомить с Тютчевым, и Самарин был на обеде[24]. У меня было очень закрытое платье черного шелка, весьма простое, воротник и манжеты полотняные; это был совершенно новый туалет. После обеда Самарин сказал мне: «Почему вы носите столь аскетический туалет, мадам?» — «Очень просто, потому что это модно в Париже, откуда я только что приехала».— «Вяземский утверждает, что этот туалет — траур сердца».— «Это верно, я имела несчастье потерять ребенка двух лет и трех месяцев и, чтобы рассеяться, съездила в Италию».

Воспоминания и волнение охватили меня, и я встала, чтобы уйти. Он попросил разрешения прийти меня повидать. «Конечно,— сказала я,— я всегда буду рада вас видеть». Мой муж взял ложу авансцены в середине вместе с Ростопчиными. Это был салон, там пили чай, ели мороженое, входили и выходили. Кресла моего мужа и Ростопчина были в первом ряду, Самарин ненавидел музыку, но приходил в ложу на час, чтобы поболтать со мной. Дидо была там со своим возлюбленным Альбедингеном, она выходила из себя, бросая букеты Рубини и кричала ему: «Вы — божество!». Я скучала, мне так надоедало, что я говорила Самарину: «Который час, Юрий Фед‹орович›?» — «Половина одиннадцатого только».— «Мне так это все надоело и гадко, что я еду домой. Хотите ли чай пить у меня?» ‹...›

Я сказала верному Афанасию подать чай, я сидела на одном из красных кресел, которые были в моем кабинете, а он поместился напротив на маленькой софе. Он молчал, молчание начинало становиться стеснительным, надвигалась туча, т. е. объяснение — я прервала молчание, сказав ему: «Юрий Федорович, отчего вы молчите!» — «Мадам, вы очень хорошо знаете, что я могу сказать лишь одно — что я вас люблю и до безумия влюблен в вас».

Он страстно любил свою кузину, красивую, хорошенькую Катрин Оболенскую, которую ее отец выдал замуж за графа Валерьяна Зубова, одного из этих, грубого человека, сделавшего ее такой несчастной, что она умерла с горя. Вся семья называла его Юша, а она звала только Жорж. Бог видит, что у меня не было никакого чувства к Самарину, но когда он это сказал, это, может быть, польстило моему самолюбию, и чтобы доставить ему удовольствие, я ему сказала: «Жорж, пойдемте в мою комнату, я устала и мне нужно растянуться». Он сел на землю рядом и благодарил меня за то, что я назвала его Жорж. Я сказала ему: «Вы очень некрасивы, но ваш лоб чист» и поцеловала его в лоб. Очень взволнованный, он поцеловал мне обе руки, говоря мне: «Они более добры, чем красивы, эти две ручки; ваша доброта и простота — одно из ваших главных очарований». ‹...›

— Продолжайте лучше об Самарине, чем же кончилось это первое свидание?

— Он спросил меня, правда ли, что мой муж уехал играть во время моих родов, зная, что следует этого ожидать. Я сказала, что это правда, но что я нисколько на него не в обиде, что, в сущности, не могу жало-

ваться на своего мужа, что у него есть слабости, но есть и большие достоинства, что я его уважаю и очень недовольна Софи Карамзиной, позволившей себе при людях обсуждать наши отношения, что я пожаловалась г-же Карамзиной, сделавшей серьезное внушение Софи, но эта бедная Сонюшка неисправима.

— Почему вы называете ее бедная Сонюшка?

— Потому что она и зимой и летом ходит в черных атласных изношенных башмаках; ей очень мало дают на туалет, потому что Карамзины живут только пенсией в 50000 р. асс. У Карамзина не было никакого состояния, он женился на Протасовой и взял за ней 500 душ в Орловской губернии, село Бортное. После первых родов она умерла, и Карамзин не трогал доходов дочери. У них есть старый крепостной человек Лука, это в полной мере член семьи, так Лука мне рассказывал: «После смерти жены Николай Мих⟨айлович⟩ нанял домик в Марьиной роще и поручил Сонюшку Илье и мне, он тогда писал «Марфу Посадницу» и «Лизу Рассадницу», тоже издавали мы журнал «Мои безделки», этим мы и жили, накормим Сонюшку кашкой, катаем ее в тележке, она у нас прыгает, такая веселенькая. Как, бывало, приедет Николай Михайлович, не нарадуется».

До своей второй женитьбы у Карамзина был жаркий роман, он был страстно влюблен в красавицу Обрезкову, которая вышла замуж за князя Степана Хилкова и которую я знала в Царском, когда он командовал гвардейскими гусарами. Карамзин, узнав, что она ему неверна, почти сошел с ума от горя и написал ей стихи, которые начинались так:

Еще твой последний жаркий поцелуй
Горел на моих устах...[25]

⟨...⟩ Скажите мне, вы всегда называли Самарина просто по имени?

— Только один раз; после этого вечера, взорвавшегося нежностью, наши отношения были просто дружескими, я с ним часто ссорилась, потому что он позволял себе судить императора на основании ложных слухов. Он был обер-секретарь Сената, и поэтому я почти никогда не видала его по утрам, а вечером он приходил не всегда; время от времени он должен был бывать в свете, его отец требовал, чтобы он посещал графа Панина, в надежде, что он женится на одной из уродливых дочерей этого потентата, кривотонка, как его называли Абрам Сергеич Норов и семейство Нессельроде; по Гагариным они были родственники; во вторник он никогда не пропускал бильярд у Михаила Юрьевича Вьельгорского. Он очень хорошо играл на шарокате шаротером, как говорит Шишков. ⟨...⟩

Вот что я забыла вам сказать — что Самарин принес мне красную книжечку с золотым обрезом и попросил меня вести для него маленький дневник того, что я услышу при дворе. Славяне были в немилости и хотели знать, что о них говорят.

* * *

— Батюшков мало писал, но все, что писал, исполнено чувства и грации. Недолго пришлось ему писать: он сумасшедший и живет в каком-то бесцветном состоянии в Вологде у сестры своей Шепелевой. Его посетил его

меньшой брат, товарищ брата моего Аркадия по артиллерии, Помпей Николаевич. Сумасшедший ему сказал: «Какую гадость поставили на гробнице Тассо».— «Отчего, на камне вырезаны просто слова: Здесь лежит прах Торквато Тассо».— «Что ты врешь!» и взвился на него: «Они написали:

Фуй, на свете как мне грустно,
Мой Кристин далек ушел.
Щеки красны, зубы белы
Совершенно бела кроль!»

— Боже, что за ужас лишиться разума!

— Да уж выше этого несчастья ничего нет на свете: сделаться предметом отвращения для тех, для кого вы всех дороже. Как все неизлечимые сумасшедшие, Батюшков растолстел, спит и ест прекрасно и не страдает. Сестра за ним ходит как нянька, он сидит у окна, смотрит вдаль, ничем не радуется и ничем не огорчается. Он ведет растительное существование, вот и все [26].

* * *

Пушкин написал стихи, которых вы, может быть, не знаете:

Дар напрасный,
Дар случайный,
Жизнь, зачем ты нам дана?

Митрополит Филарет узнал о них и ответил ему: «Не случайный, не напрасный» и т. д. Это прекрасные стихи, но они не были напечатаны, это мой брат Лев Арнольди мне их привел; ему достаточно один раз прочесть стихи, чтобы повторить их без ошибки. У меня совершенно нет этой способности. Ответ Пушкина Филарету великолепен [27]; у меня нет с собой его сочинений, я понадеялась на свою память.

* * *

Гоголь мне говорил, что роль Хлестакова самая трудная и что ее лучше всего играл в Калуге Бурдин. Щепкин играет тоже в другой комедии Гоголя «Женитьба» и в комедии, в которой тетка оставляет племяннику свое состояние, но кто-‹то› делает подложное духовное завещание, и она оставляет ему старые подушки и стаметовую юбку, и он все говорит: «Ну, я вас спрашиваю, на что мне стаметовая юбка, а подписано Обмокни, тогда как ее звали Авдотья, черт знает, что такое, надо тут тягать по судам». В Москве Щепкин играет всегда городничего, а Самарин — довольно изрядный Хлестаков. Щепкин тоже играет Фамусова, а Самарин прекрасно Чацкого. Щепкин — великий художник и всего лучше играет «Игроков» Гоголя. Это драма, почти как у Аристофана. Публика слушает со вниманием, молчит, не аплодирует, и все молча выходят с каким-то тяжелым чувством. Щепкин мне говорил: «И это всегда так, потому что слишком живо затронуты самые потайные струны души. Мне самому тяжела эта роль».

* * *

— Вот это имена, а Гоголю это было совершенно натурально. У него в родстве Боб и Чечевица, Пищи-Муха, Миклуха-Маклай, а в «Тарасе Бульбе» есть воевода Кисель, ваш предок, а так как вы мало энергичны, вы истый Кисель; есть Голопупенко, Белокопытенко, а в России есть Гнилосыров и Серопупов.

— Вот вы это выдумали, чтобы иметь удовольствие говорить гадости.

— Совсем не выдумала. Пушкин с Мятлевым пишут чепуху под названием «Поминки»:

Дай, попьем, помянем
Трех Матрен, Луку с Петром

а потом продолжение:

Михаила Михалыча Сперанского
И арзамасского почт-директора Ермоланского,
Князя Вяземского Петра,
Почти пьяного с утра,
Да Апраксина Степана,
Большого болвана.

Представьте себе, милый мой, что он слаб на ноги, уродлив, как смертный грех, и при этом глуп, но он человек с хорошим состоянием. Ваш знакомый Пушкин очень сердился, что Софи вышла за него. Но это случилось, и он имеет четырех детей, один уродливей другого, есть две дочки, безобразные, и совсем маленькие, их зовут шестерка и семерка, и они тоже подванивают.

— Гораздо лучше говорить о Грамаклее, чем об вони и вонючках.

— Я прибавлю только, что эти господа не могли сыскать рифмы к Юсупов, но однажды входит торжествующий Мятлев, говоря ему: «Нашел!

Князя Бориса Юсупова
И полковника Серопупова» [28].

Это в «Инвалиде» о приезжающих и отъезжающих. Гоголь всегда читает эти имена, так, в «Мертвых душах» и в «Городничем» нет ни одного выдуманного имени, все настоящие фамилии. Я узнала, что Онегин тоже подлинное имя.

‹ИЗ ВАРИАНТА 11›

* * *

— Кто такой Плетнев?

— Плетнев — мой учитель русской словесности и новейшей истории, он друг Пушкина, Пушкин без его одобрения ничего не печатает. Жена Плетнева, рыжая Степанида, так ревнива, что Пушкин адресует письма Плетневу в наш Екатерининский институт. Плетнев был любимцем импе-

ратрицы Марьи Федоровны, он давал уроки только в институте и получал 1000 р. асс.

⟨...⟩ — Но оставим это, вы должны мне рассказать еще что-нибудь о Плетневе.

— Хорошо, бедный Плетнев имел от рыжей Степаниды дочь, которую он обожает. 1000 р. едва хватает, чтобы жить в двух комнатах с грудным ребенком. Степанида заявила, что не может согласиться, чтобы ее девственная грудь потеряла форму, взяли кормилицу, это превысило расходы и исчерпало ресурсы Плетнева, он заболел, это было в момент экзаменов. Императрица дала ему 5000 р. асс., он поехал в Олту, поселился почти даром у бедного священника, родственника рыжей Степаниды, лечился холодной водой — лечение, введенное Присницем; это лечение было известно в языческой древности, я думаю, Цезарь так лечился в Галлии.

* * *

— Петербург — город зубоскальства. Граф Фикельмон, австрийский посланник, говорил мне, что это самый злобный город в мире.

— Кому вы это говорите! Я об этом кое-что знаю! Особенно они высмеивают москвичей. Скоты, Москва ведь Россия, а Питер что? Константин Аксаков очень хорошо определил П⟨етер⟩бург, он написал своему брату Ивану в П⟨етер⟩бург: «Ненавистен мне Петербург, это незаконнорожденный город, прижитый с Западной Европой».

— Это мило. Но кто такой Аксаков?

— Аксаков это корифей славян, как и Хомяков.

— Но кто это славяне?

— Славяне — это общество, которое желало бы, чтобы Россия оставила свою западную одежду и цивилизацию, т. е. это накладное просвещение. Но вы понимаете, что сейчас это невозможно. Я думаю, однако, что это произойдет прежде 50 лет. Когда Иван Аксаков получил это письмо, его на 8 дней заперли в III Отделение [1].

— Я не знаю, что это за учреждение. Благотворительное?

— Это как раз благотворительное учреждение. Утверждают, что там есть люк и что в нем поколотили графиню Лаваль, потому что она спрятала своего зятя Трубецкого, чтобы дать ему сбежать в Австрию с помощью другого ее зятя, графа Лебцельтерна [2]. Вы представляете себе хорошенькое зрелище с вдовствующей брандармой, как говорит Гоголь.

* * *

⟨О французском языке⟩ Один князь Дмитрий Евсеевич Цицианов его не уважает, он говорит, что это вертопрашный язык. «Только,— говорит он,— наши барыни любят болтать всякий вздор по-фр⟨анцузски⟩. Скажи им по-французски les pantalons, так и растают, а скажи им штаны, кричат: какой ужас, чуть в обморок не падают».

* * *

— Представьте себе, Киселев, что есть блины гречневые, потом с рублеными яйцами внутри, потом крупичатые блины со снетками, потом крупичатые розовые.

— О розовых я и понятия не имею, как их делают розовыми?

— С свеклой. Пушкин съедал их 30 и после каждого блина — глоток воды и не испытывал ни малейшей тяжести в желудке.

* * *

— Это напоминает мне хорошенький анекдот об императрице Екатерине, который рассказал мне Пушкин. Отец графа Нессельроде был прелестный и умный человек, но, как многие старики, и я из молодых, имел обыкновение издавать дурной запах. Императрица сказала ему однажды: «Милый Нессельроде, уходите, но подальше» — потому что он, чувствуя, что нескромная буря приближается, покидал игру, но возвращался слишком рано.

* * *

— Тогда я сделал долгую прогулку с Пушкиным вокруг озера, а потом мы прошли в комнаты, где вы жили в первом этаже, и Пушкин сказал мне: «Здесь я проводил самые приятные вечера у фрейлинки Россет, как ее называли придворные лакеи. Сперва я с женой катались в парных дрожках, которые называли ботиками, я сидел на перекладине и пел им песню, божусь тебе — не моего сочинения:

Царь наш — немец русский.
Царствует он где же?
Всякий день в манеже.
Школы все казармы,
Судьи все жандармы,
А Закревский баба,
Управляет в Або,
А другая баба — начальником штаба [3].

И эти стихи не мои [4]:

Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

— Сумасшедшие, разве такая махина, как Россия, может жить без самодержавия?

— Кисс, Пушкин жил тогда в доме Китаева, придворного камер-фурьера. В столовой красный диван, обитый бархатом, два кресла и шесть стульев, овальный стол и ломберный накрывали для обеда. Хотя летом у нас был придворный обед довольно хороший, мы обедали все вместе, это уж были порядки Волконского, министра двора, вы знаете нравы времен Репнина короче, однако я любила обедать у Пушкина, а обед составляли щи или зеленый суп с крутыми яйцами (я велю сделать вам завтра этот суп), рубленые большие котлеты со шпинатом или щавелем, а на десерт — варенье с белым крыжовником.

⟨ИЗ ВАРИАНТА 12⟩

* * *

— В 1844 году я провела зиму в Ницце в очень приятном обществе. Гоголь там был, Вьельгорский, бедная Софья Михайловна Сологуб жила со старухой-свекровью. Я жила рядом с ними, Гоголь через день обедал у меня и так как он любил равиоли, то я их всегда заказывала своей кухарке. Она в кухне пела: «Мсье Гого, мсье Флого, равиоли, ревиоли». В марте месяце я отправилась в Париж.

* * *

— Мои братья, Вяземский и Тургенев его ⟨Пушкина⟩ не покидали до последнего вздоха [1], страдания были ужасные, но он терпел, сколько мог, просил жену выйти в другую комнату, но она осталась при нем. Он благословил детей, которых нежно любил, и сказал жене: «Я знаю, что ты была мне верна». Еще до его кончины государь прислал ему сказать, чтобы он не беспокоился насчет его семьи. Назначил пенсию в 25000 Наталье Ник⟨олаевне⟩, мальчиков записал в Пажеский и приказал напечатать сочинения, которые разошлись в огромном количестве. Финикин, который очень любил и уважал Пушкина, собрал весь дипломатический корпус, который шел пешком до церкви. Народу было много, и все со слезами провожали великого поэта. Его похоронили, кажется, в Тригорском [2].

* * *

— Пушкин говорил, что стихи Мятлева помогают очень хорошо заметить нашу кукольную комедию Петра Ив⟨ановича⟩ Укусова и прямо в ад. Вот эти стихи. Крестьяне пришли к барыне и говорят, мы убрали хлеб.

C'est très joli. Comment vous portez vous? *

А хорош ли урожай у вас?
Оченно хорош: от колоса до колоса
Не слышно девичьего голоса,
А от Канева до Киева целый час езды.
Значит, у вас урожай хорош?
Оченно хорош, сударыня.
А что вы из него сделали?
Сварили брагу.
А пьяна ли эта брага?
Оченно пьяна, так что если
Вашей милости ее поднести,
То вашей милости со двора не сойти.
Мы — человек русский, не немецкий,
Подносим вам тотчас первой.

⟨...⟩ Пушкин говорил, что вместо Петра Ив⟨ановича⟩ Укусова и прямо в ад надобно заменить: Господа сенаторы и пр.[3]

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Баден, 22 июля 1836.

Николай, мой возлюбленный, ты уехал. Мне кажется, что солнце не светит более в Бадене, что розы поблекли. Те последние, которые ты принес мне, увяли, несмотря на заботу о них. Зачем у меня хватило

* Это очень хорошо. Как поживаете?

жестокости заставить тебя уехать? Более всего я наказала себя: тебя по крайней мере могло рассеять путешествие, а я пригвождена к месту моим положением. Мы откровенно посвятили бы Гейденрайх в наши отношения, и ты мог бы поддерживать мою поясницу и спину. Вот куда завела меня моя жестокость. А ты, отчего ты, вместо того чтобы сорвать мой поцелуй, не попросил меня о нем; разве ты не чувствовал, что я была бы счастлива даровать тебе его?

Сегодня утром я нашла у себя в передней старика—капеллана; проходя, я спросила его, давно ли он торчит на Сашкином стуле.— «Полчаса. Ваш муж выиграл вчера на рулетке, дайте мне сколько-нибудь».— «Mein bester Freund, ich bekomme nichts von dem, was er gewinnt, und Abends wieder wird er es verlieren, ich kann Ihnen 10 Gulden».— «Che fare[1*]. Спасибо за это. Есть тут некий г. Русс, он выиграл 40000 фр., я оставался у него в передней 3 часа, он, наконец, вышел и дал мне 1000 фр. И подумайте, что 〈...〉 он покупает ботинки в Париже и прогуливается по 〈...〉» — и брыкнул ногой, как коза».

Вечером я поехала в «Фаворит», фрейлен Жозефины там не было, детям очень хотелось увидеть снова «das goldene Zimmer»[2*]; тогда со всех сторон звали фрейлейн Жозефину, а в немецких устах это звучало «фрелин Жомефина». А мною, напротив, овладела ужасная печаль. Кресло у окна было пусто, это он, мой возлюбленный Николай, сидел раньше на нем. Я пригласила Клеопатру и Анику пообедать со мной, и даже мохнатый нос, у которого со времени отъезда моего Киса вид петуха на насесте. Какой глупец!

Приехала княгиня Гацфильд, истощив бедного Васю Чихачева, она овладела г. Гербертом, братом лорда Пемброка. Говорят, что он очень красив, но я видела его только издали вместе с нею; никто ее не видел. Верно ли, что они счастливы, эти женщины, так скоро уступающие мужчине, которого любят; не думаю. Сердце и душа здесь ни при чем; это лишь удовлетворение страсти, плотской и грубой. Я уверена, что Николай меня любит, он знает, что я люблю его еще в тысячу раз больше, но он никогда не будет моим любовником, он поклялся мне в этом: ни за что на свете он не пожелал бы сделать меня преемницей маленькой актрисы из театра Водевиль. Нет, когда-нибудь он женится на мне, может быть, через двадцать лет, когда я потеряю и свою красоту и свою свежесть. Он любит во мне прежде всего мою душу, а кроме того — общность вкусов.

Я легла спать в 9 часов. Я прочла несколько вечерних молитв и помолилась о здоровье тела и духа дорогого отсутствующего. Эта молитва всегда при мне. Знает ли он 〈...〉, я падаю от усталости.

23 июля. Пробуждение мое печально, несмотря на хорошую погоду. На маленьком мосту никого нет, он пустынен. Дети, привыкшие играть с ним по утрам, спрашивают: «Lola, wo ist Kilivoff?»[3*]. Адини говорит:

[1*] Мой лучший друг, я ничего из этого не получаю, а вечером он опять все это потеряет, я могу дать вам 10 гульденов (*нем.*).— Что делать (*ит.*).

[2*] золотую комнату (*нем.*).

[3*] Лола, где Киселев? (*нем.*).

«Wer ist Kisseleff, er hat mir so schöne Geschichten erzählt über die Sternen. Nicht wahr, Mama?» — «Ja, da bleibt noch nach die Fürstin Liewen, und die schöne Wasser — Pumpe und Sie wird ihnen Geschichten erzählen».— «Nein, Lola, Sie erzählt nicht, Sie spielt nur» [4*].

Днем пришла княгиня Ливен взять меня с собой покататься; мы остановились у дверей Бакура, он приказал сказать, что занят своим туалетом. Она не хотела ему верить, тогда он показался в окне с бритвой в руках и намыленной щекой; он условился, что она вернется за ним. Лос Риос крикнул нам: «Только вы, княгиня, как вы ⟨...⟩». От монастыря Урсулинок мы вернулись захватить Бакура и поехали со стороны Оосса.

Я обедала вдвоем с черным—красным, мадам де Лаге, Долгоруким, который, верно, выиграл.— «Тем лучше».— «Я думаю, что через месяц после родов ты сможешь выехать».— «Конечно, Гейденрайх так говорит. А потом она считает, что через три недели я смогу принимать воды в Мариенбаде».— «Тем лучше»,— и захрапел на диване.

Эта дура Радзивилл собирается давать вечера; как все англичанки, миссис Сент-Джон стелется перед ней и предоставила ей не знаю какой номер ⟨...⟩ Лорд Сен-Верьен. Бедная женщина, она все это делает, чтобы обеспечить себе кусок хлеба на старость и покровительство своим сыновьям; я ее очень люблю. Лев Сологуб ухаживает за ней; он заботится о Тэде и Чарлзе, которые весь день барахтаются в ⟨...⟩.

Любимый, помнишь ли ты один лунный вечер, маленькая Мури журчала у нас под окном; это было в тот день, когда я почти сказала, что люблю тебя, и просила положить руку на мой самовар, чтобы ощутить движение маленького существа? Конечно, ты помнишь это. Не записано ли все это в книге Королей, как говорит книга Хроник? Ты увез тетради наших воспоминаний, столь нежных и редких, что они вечно будут запечатлены в наших сердцах.

Вечером я печально присела на скамейку старого Беверлея, чтобы подышать воздухом, как вдруг увидела, что показался добрый Платонов, он шествовал с известным своим видом, я скорее ретировалась. Какая смелость, он вошел в гостиную, но я пошла к детям; он взошел на маленький мост, какая дерзость, я скорее повернулась спиной. После ванны и молитвы с детьми я легла спать, изнемогая от усталости. Ребенок спокойнее. После хорошей ночи я встала с помощью Гейденрайх и Мины. Лиза ни на что не годится, и я хотела бы как можно скорее от нее освободиться.

Я посидела с Гейденрайх на скамеечке напротив дома du Pont; Фальк возился в своем саду; возвращаясь, я встретила еще старого священника. Он собирает хорошие пожертвования у входа на рулетку, он говорит, что это его пост: выигравшие игроки так довольны, что охотно жертвуют. «Und ihr Mann hat heute gewonnen, und gab mir 25 Gulden. Ach, Schade, dass der gute junge Herr ist weg; das ist wohl eine Modelle von jungen Herrn, er spielt nicht trinkt nicht und lauff nicht nach den Frauen. Er ist arm,

[4*] Кто такой Киселев, он рассказывал мне такие хорошие истории о звездах. Правда, мама? — Да, а теперь еще остается княгиня Ливен и хорошенький водяной насос, и она расскажет вам истории.— Нет, Лола, она не рассказывает, она только играет (*нем.*).

hat mir doch jede Woche 5 Franken gegeben für den Armen, «dass muss keiner wissen»,— hat er mir gesagt. Der gute junge Herr lebt in dieser Babylon Paris und bleibt rein und gut».

— Ja, lieber Herr Probst, ich kenne Ihn gut, man hat hier gesagt, er wäre mein Liebhaber, es ist eine abscheuliche Infamie. Wir haben des Morgens und des Abends Zusammen gebetet, er hat mit den Kinderchen gespielt. Beten Sie für ihn und für mich. Und jetzt erzählen Sie mir etwas über die Geschichten im Badischen? Ueber Stephanie und ihre Kindern.

— Ach, Gott, es ist eine schreckliche und unbegreifliche Geschichte. Das erste Kind war munter und lustig zu Bette gegangen, ⟨...⟩ einen Rauschen und hat eine weisse Gestalt; diese Gestalt hatte ⟨...⟩: und küsste das Kind am Munde und des Morgens lieg das Kind todt. So ging es auch mit dem zweiten. Mit dem dritten ging es anders; die ⟨...⟩ schliet fast, die weisse Gestalt nahm das Kind in ihr Arm ⟨...⟩; er war immer in den Strassen sprach wenig und wenn man ihm fragte nach seinen Name, antwortete er nicht. Niemand wusste, wo er schlief er war immer gut gekleidet. Der Herr, der sich erschossen hat, wusste alles. Kennt auch die Geschichte [5*].

В Венеции в 1856 г. я познакомилась со старым князем Валлерштейном, рассказавшим мне, что Гаспар Гаузер [1] был поручен немецкому полковнику, который доставил его в Мюнхен; он жил в чем-то вроде ниши, ничего не ел, ни с кем не говорил и все бродил за городом по большой дороге. Однажды утром его нашли убитым в его нише. Так как Валлерштейн был министром внутренних дел в это время, он прибыл вместе с властями, чтобы констатировать кончину этого несчастного, которого похоронили под именем Каспара Гаузера. Валлерштейн не сомневался, что это был сын несчастной принцессы Стефании.

Я пригласила старика обедать, чтобы воспрепятствовать тет-а-тету с красным-черным, paire-impaire et passé, но он никогда не обедает не у себя. Я люблю этого старика, я предложила ему кофе с бутербродом, и мы втроем — с Гейденрайх и с ним проболтали до обеда. Старик рассказал мне любопытные вещи о баденском дворе, между прочим: «den Alexander haben wirklich geliebt, er ⟨...⟩ uns, denn die Elisabeth ist eine wahre ⟨...⟩, so auch ihre Schwester im Badischen, und die Schlechtste ist

---

[5*] И ваш муж сегодня выиграл и дал мне 25 гульденов. Ах, как жаль, что уехал добрый молодой человек; это поистине образец молодого господина, он не играет, не пьет, не бегает за женщинами. Он беден, но каждую неделю давал мне 5 франков на бедных, «этого никто не должен знать»,— сказал он мне. Добрый молодой человек живет в Париже, в этом Вавилоне, и остается чистым и хорошим (*нем.*).

— Да, дорогой господин пробст, я хорошо его знаю; здесь говорили, что он — мой любовник. Это бесстыдная клевета. Мы вместе молились утром и вечером, он играл с детьми. Помолитесь за него и за меня. А теперь расскажите мне баденские истории. О Стефании и ее детях.

Ах, боже мой, это ужасная и непостижимая история. Первый ребенок бодрым и веселым лег в постель ⟨...⟩ пьяного и явилась белая фигура; эта фигура взяла и поцеловала дитя в рот, а утром оно лежало мертвым. Так же было и со вторым. С третьим было иначе; нянька крепко спала, белая фигура взяла дитя на руки ⟨...⟩. Он всегда был на улице, говорил мало, а когда его спрашивали о его имени, он не отвечал. Никто не знал, где он спит, он всегда был хорошо одет. Человек, который его открыл, знал все. Знал также и историю (*нем.*).

die Amalia, die ist eine wahre, wie soll ich sagen...», мы покатились со смеху. Тогда Гейденрайх сняла шляпу перед Дармштадтским двором. Гейденрайх решилась доставить удовольствие детям и обедает с нами. Sie auch, mein viel geliebter Nicolas, bedauert, dass du fort bist, я все ей поведала, она мне ответила: «Eine reine Liebe ist keine Sünde, das Herz ist frei und bleibt es so wenn auch die Hand einem andern gehört». Я бросилась целовать ее со слезами и рассказала ей о нашей любви. Она утешила меня, сказав мне: «Sie wissen noch nicht was der liebe Gott hat in seinem gütigen Wahrsachen für ihre Gnaden in seiner Hander halt, vielleicht stierbt ihrer Mann früher und Sie werden ihn heiraten».— «Aber wenn?» — «Ja, dass weisst der liebe Gott allein, vielleicht in zwanzig Jahren».— «O, nein, ich fühle dass es eindazukommen wird». Тогда она мне привела стихи, которые я выучила в институте с Меллин: «Drum wenn dein Herz in Thränen beregnet, versorge nicht»[6*].

Он вернулся к обеду, был очень вежлив с Гейденрайх; после обеда — известный тебе и возмущавший тебя храп и расстегнутые панталоны. Гейденрайх посмотрела на меня, как ты; она пожала плечами. Проснувшись, он потянулся, не застегивая свои грязные штаны, пошел за деньгами и, к счастью, исчез, не взглянув на детей. Она сказала мне: «So hätte ihm eingemacht!» — «Ganz gewiss nicht» [7*].

Гугорт пришел на минуту с Клеопатрой, Клеопатра сказала, что не понимает, как я могла так глупо отослать тебя из Бадена, когда ты, мой возлюбленный Николай, мог бы остаться еще восемь дней. Восемь дней! Это целая вечность счастья для любящих сердец! Я сказала ей со слезами, что не знаю, какой злой гений толкнул меня на этот дурной поступок, которым более всех наказана, конечно, твоя верная Александрина.

— Вы снова попадетесь в Париже, дорогая.

— Конечно, Клеопатрица, я буду видеть его каждый день и почти целый день — то у себя, то у вас; это последнее слово, которое я дала этому ангелу. Вы знаете, он рассказал мне свою связь с бедной Каролиной, очень краснея,— меня заставило его так любить, Клеопатра, именно то, что он целомудрен и чист, как девушка.

— А я,— сказала Клеопатра,— люблю мужчин, которые бросаются в атаку.

— Что в этих людях, Клеопатра? Разве Б⟨акур⟩ не причинял вам, и очень часто, много огорчений? Трубецкой не брал вас штурмом, и однако вы не можете утешиться, потеряв его.

— Нет, он сделал мне предложение через мою кузину Статиньяно, и целых шесть месяцев мы любили друг друга, как вы и бедный Кисс. Он поцеловал мне руку только за день до обручения, а я потеряла его

6* «Александра действительно полюбили; он клялся, нам, что Елизавета — настоящая ⟨...⟩, как и ее баденская сестра, а хуже всех Амалия, которая настоящая... как я должен это сказать? ⟨...⟩ Она тоже сожалеет, мой горячо любимый Николай, что ты далеко ⟨...⟩ Чистая любовь — не грех, сердце свободно и остается таким, если рука и принадлежит другому ⟨...⟩ Вы еще не знаете, что Господь в своем милосердии держит в руках для вашего блага; может быть, ваш муж умрет раньше, и вы выйдете за него замуж».— Но когда? — Да, это знает один Бог, может быть через двадцать лет.— О нет, я чувствую, что к этому идет ⟨...⟩ И если твое сердце залито слезами, не заботься (*нем.*).

7* Я бы его замариновала! — Совершенно не уверена.

так скоро, и мое бедное дитя, моего красавчика Сережу, бюст которого я заказала.

Бедная Клеопатра залилась слезами. Вошла Агриппина и застала нас плачущими. «Что случилось, господи,— обе в слезах?»

Я сказала ей, в чем дело. Тронутая, она поцеловала Клеопатру, говоря: «Дорогая кузина, никто более меня не сочувствует вашему горю, Зине 5 лет, и я думаю, что муж и я умерли бы от горя, если бы она умерла».

— Дорогая г-жа Мансурова,— сказала Клеопатра,— к несчастью, от горя не умирают, как вы видите; я пытаюсь рассеяться в вихре света, но в глубине души горюю, и это выдает меня.

Пришла Леонидас, и заговорили о светских делах.

6 часов. После обеда я еще покаталась с княгиней Ливен к Ооссу и сказала ей: «Я чувствую, княгиня, что это моя последняя прогулка».

— О, уже,— сказала мне эта неблагодарная старуха.

— Но после родов я к вашим услугам!

Вернувшись, я сказала Гейденрайх, что чувствую, верно ночь пройдет в приготовлениях. Она приготовила мою постель, поставив ее посередине комнаты, хорошо проветрила комнату, открыла все окна в гостиной и комнате за детской. Гугорт приказал, чтобы никто не ходил по мосту и не ездил в экипаже по дороге. Около 11 часов начались первые боли в спине (не беспокойся, мой любимый Николай), они были очень легкие. В полночь пришла Агриппина и Фифи заглянул в гостиную; в четыре часа после трех хороших схваток появилась девчурка [2] (ах, отчего ты не здесь, чтобы поцеловать нового пришельца).

Муж узнал обо всем этом только в 10 часов утра, он спал в гостиной и даже не вошел в мою комнату, дверь которой была открыта. Дело в том, что он, как мне сказала Клеопатра, уже более недели назад обзавелся новой любовницей. Благослови его Бог или, скорее, унеси его дьявол и не приноси назад. Он будет жить точно мой грязный хвост, как говорят французские крестьяне.

Историю 9 дней ты знаешь от Голицына. На 10-й день я была в гостиной, украшенной розами в вазах от «очень хорошенькой шляпки». Беверлей, старик из ⟨Тегенау⟩ и жена слепого тоже принесли цветы и двух кроликов для детей.

На 3-й день они пришли повидать сестру и, совсем не ревнуя, сказали ей: «Du wirst mit uns spielen, Kilivoff und ich», «Kisseleff,— sagte Adiny,— wird dir schöne Geschichten erzählen über die Sternen» [8*].

Я принимала только Анику, Клеопатру и княгиню Ливен; и представь себе дерзость Платонова: он хотел войти без доклада, а Сашка ему сказал: «Не велено вас принимать» (как я ненавижу, когда крепостных называют этими уменьшительными. Павел также зовет своего Михайлу Мишка, а еще чаще — Калмычонок).

26
27 ⟨Записей нет⟩
28

[8*] Ты будешь с нами играть, с Киливовым и мной.— Киселев,— сказала Адини,— расскажет тебе прекрасные истории о звездах (*нем.*).

29. Принялись болтать с Агриппиной о Берлине: дети... наша Зина... эти мальчики необыкновенные, они как няньки защищают младших от нападений ⟨...⟩, забияки. Агриппина сказала мне, что мадам Пурталес была очень удивлена моими жалобами на ее сыновей. «Возможно ли,— сказала она ей,— чтобы она не заметила, что Альберт по уши в нее влюблен?». Ну, мой Николай, мне нет дела ни до кого, ты поистине единственное существо, так глубоко проникшее в мое сердце, и ты так завладел им, что до моего последнего вздоха оно будет тосковать только о тебе.

30. Ничего нового, все время одна мысль — болезненное воспоминание об отсутствии того, кого люблю более всего на свете, больше чем детей — этим, я полагаю, все сказано, мой ангел-хранитель. Ты прочтешь этот дневник, обещанный мной тебе, когда я покину Париж.

4 недели прошли, я очистилась, и сегодня утром, 21 июля, взяла первую ванну. Софи через 8 дней после рождения держали над купелью Теодор Голицын и Клеопатра, священник приехал из Штутгарта, я не видела его, чтобы поблагодарить, или, скорее, видела одну секунду.

Был завтрак, которому отдал честь и храпун; говорят, что кухарка и Гауф были увенчаны лаврами за кулинарное искусство и сервировку.

Я выпила мой первый стакан мариенбадской воды и, как левретка, бегала рысью по Лихтентальской аллее с Гоголем. Вечером он нам прочел 5 первых глав «Мертвых душ»[3]. Как не хватало тебя, мой любимый Николай, а вместо тебя был меховой нос. Я села в твое кресло, остальная компания разместилась на стульях Дурхольц и которые всего лишь дерево[9*]. Платонов, у которого за спиной была подушка, меховая, как его нос, не чувствовал, должно быть, себя на школьной скамье. Тут были Лев Сологуб, Андрей Карамзин, которого ты увидишь в Париже, я тебя с ним познакомлю, это другое дело, чем этот противный Володька, которого брат ненавидит и презирает[4]; этот мальчик — гуляка и злюка. Сологуб напомнил мне стихи Мятлева о хохлах[5], вот они:

Адам роди Авеля,
Авель роди Эноха,
Энох роди Молоха,
Молох роди Зоровавля.
От Зоровавля... и неизвестно до Безбородки.
Безбородко роди Кочубея,
Роди Гамаля, роди Сологуба
Гамаль роди Врочико,
Сологуб роди Лизогуба,
Роди Вронченко, роди Марченко,
Марченко роди Наталью Васильевну Шереметеву,
Наталья Васильевна Шереметева роди Жумку,
Жумка хоша и не кокетка,
Но модница и ⟨...⟩.

9* Игра слов: durch Holz — через дерево, фамилия квартирной хозяйки Дурхольц.

Нравится ли тебе это, ты прочтешь когда-нибудь этот дневник, когда будешь хороший и умный. Ты понимаешь, что я хочу сказать: «Ты ведь штука, душенька моя, сердечко Саши украл, и прошу тебя его ей не отдавать».

Я забываю тебе сказать, что когда Гоголь читал, хозяин дома осторожно сбежал на рулетку, так как это было после обеда, где большую роль играл картофель, а повар Изабеллы Гагариной сделал суп из капусты и Пухову кашу. Это слово понравилось бы тебе, и когда мы поженимся и будем бедны, я тебе своими руками приготовлю эту кашу; она действительно полита малиновым вареньем и сдобрена ванилью. Герцог Роган здесь, и в душе моих собеседников роковым образом пробудился вкус к высшей аристократии; понятно, что споры о чепухе вывели меня в конце концов из себя, я взяла сторону Рогана, который глуп, но обладает здравым смыслом и логикой. Тогда <...> как петух перед дождем. Роган, наконец, перестал приходить и сказал мне откровенно, что эти дискуссии ему надоели.

Хочешь ли ты знать мой день: встав как обычно, я пошла в Лихтентальскую аллею прогулять мою мариенбадскую воду; я поймала, как обычно, Гоголя в огромном скандале с Сергеем Гагариным, который говорил, что он — дурного тона, мы повстречали меховой нос, нацепивший белые панталоны и темно-зеленый жакет, украшенный золотыми пуговицами, и с таким фанфаронским видом, что можно помереть со смеху; он проводит свою жизнь у Дышек и катается с ними в карете; эта дура — в розовом, всегда выставляет свою руку с пинцетом и курит на свежем воздухе. С прогулки я пошла к Софи[6], которая еще спит в 10 часов, расположившись на земле, на матрасе; как только я вхожу, Михалина ее будит; она встает, надевает чулки и потом рубашку, которую не меняет и спит в денной, взмах гребенкой, черный капот, моет руки в воде, и готова; в ожидании этого слышно: «Лукаш, сбегай за сметанкой, Сальватор, приготовь кофейный сервиз». Нужно отдать ей справедливость: тарелка чистая, вода ледяная и Софи превосходно варит кофе.

После этой еды я осмотрительно удаляюсь — к счастью, вода не слишком действует. Видишь, я вовсе с тобой не кокетничаю, потому что могу говорить о действии вод. Это потому, что я уже смотрю на тебя как на своего маленького и любимого мужа и прошу тебя верить, что это не воздушные замки, волей-неволей ты со мной обвенчаешься. Потом я возвращаюсь и ничего не делаю, брожу в поисках мест, где проходила твоя маленькая нога, и готова поцеловать это милое место в спальне. Скажу тебе, что мои нервы довольно расстроены, особенно вечером, странные вещи творятся у меня в голове. Кстати об этом: скажу тебе, что в привычках Смирнова перемена, он все потерял и по утрам ходит играть к красноносому с Икскюлем, а сегодня вечером он составляет ему компанию в столовой, а впридачу Платонов. Ты представляешь себе, мой любимый, что я вижу, как входят сюда три монстра, я бегу в свою комнату, чтобы думать о тебе, молиться за тебя и посылать тебе всю мою нежность; они пропадают в моем сердце, но я уверена, что мы думаем и чувствуем одно и то же.

Сегодня утром он мне сказал, что написал Николаю <...> Воейкову, чтобы тот выслал ему 25 тысяч франков, что он еще немного поиграет и затем надеется приехать в Париж с 15 тысячами фр. Ты понимаешь, что это только любезные слова. Я ничего не сказала и рада, что избавилась от него.

Эти дни ожидают вел. кн. Михаила, у него ушки на макушке, ибо, надо тебе сказать, что Софи не говорит более со мною о тебе, я ее разочаровала, сказав, что не нуждаюсь уже в ее доме и что буду видеться с тобой в Париже так же, как в Бадене. Мы свои делишки будем втихомолку делать.

У нас уже 20 июля. Я сгораю от нетерпения, но деньги еще не прибыли; он по утрам делает расчеты, почесывает в затылке: они все играют на мелок, а на рулетку надобно нести золото. Кроме того, его расстраивает другое: говорят, есть три очень красивых создания, но самую красивую заграбастал Павел Демидов — не знаю, помнишь ли ты этого бледного и злого плута. Ну так вот, Смирнов эту отбивает, и они уже не раз ссорились, и по вечерам играют также у Демидова, тоже на мелок. Наш русский свет здесь начинает заменяться другими людьми. Помнишь ли ты Кобылиных и их узелки, которые вызывали у тебя такой смех; и все же это Москва, и ты находил, что помимо смешного в этом есть что-то трогательное. Верно, у твоей няни были узелки и узелочки для Николиных игрушек. Да, мой любимый, ничто не сравнится с памятью сердца. Для тебя это — колени твоей возлюбленной матушки, для меня — Грамаклея, Бабуся и Амалья Ив<ановна>, Дюк и папа, дорогой хутор и Батист, к которому убежал Клементий, когда приехал хромой черт. Ты полюбил их всех, потому что любил меня. Сколько раз нас предавали.

25 августа. Софи Радзивилл пригласила меня на вечер для избранных; воображаю жестокую скуку, которая будет там царить, я вытащила газовое платье с желтыми и белыми розами и кистями красной смородины по белому; в восемь часов я сидела в кресле напротив твоего, как вдруг открывается дверь и является меховой нос с очень уверенным видом и усаживается. Я работала над кошельком, который начала в Берлине от нечего делать; это появление, которому прибавили храбрости вечерние планы, внушило ему следующую дерзость:

— Для кого этот кошелек, мадам?

— Ни для кого, мсье.

— Подарите его мне.

— Конечно, нет. Он предназначен для кого-то, вам незнакомого; я начала его в Берлине, где у меня много знакомых.

— Дайте его мне, мне, который тебя любит!

— Я знаю, мсье, что вы безумец (поэтому-то вас принимают четвертым в вист), что вы можете позволить себе объясняться мне в любви и обращаться на ты,— и в возмущении я швырнула кошелек в спальню; так как я видела, что он бросает свои глупые взгляды на мои плечи и руки, я пошла за мантильей, и, чтобы выйти из замешательства, оставила его на месте, а сама села за пианино.

Он сейчас же уселся на стул рядом и сказал мне: «Вы играете арию из «Сомнамбулы» [7], чтобы доставить мне удовольствие?»

— Нисколько, я вовсе не забочусь о ваших удовольствиях и прошу вас отказаться от ваших визитов, они мне смертельно надоедают, я предпочитаю разговаривать со старым Беверлеем.

— Это все тот маленький парижский фат!

— Фат или нет, мсье, я расскажу моему мужу об этом разговоре сегодня вечером.

Я вышла, не дожидаясь ответа этого дурака, захлопнула дверь перед его носом, и отправилась к твоей глупой кузине, чтобы успокоиться.

Я не хожу больше к Клеопатре, потому что он всегда торчит на своем балконе, изображая смертельное отчаяние. Ах, какая скотина! Нет ничего более возмутительного, чем мужчина, преследующий вас взглядом грубого вожделения. В твоих глазах никогда не было вожделения, это был вид скорее мечтательный, нежный и ласкающий, говоривший мне, что ты никогда не потребуешь ничего, что не могла бы дать честная женщина тому, кого любит — т. е. признание в этом чувстве. Никто не властен над своим сердцем; мое, как и твое, тосковало о своей мечте; мы встретились случайно.

Когда я почувствовала последнее движение ребенка, которого ждала, наши глаза встретились, и мы оба слегка покраснели. И чтобы скрыть свое замешательство, я сказала: «Как жарко, дорогая княгиня». Когда я принесла детей, и ты взял Оли из моих рук, мы снова еще больше покраснели.

После обеда у Клеопатры я приходила сюда часто, мы держались за руки, к счастью, никто этого не видел, а мы оба пылали. Ты убегал в «Розу», чтобы скрыть свое смущение. Бедный Николай, если бы я знала, что ты страдаешь, вместо того, чтобы твоя ‹Саша› доставляла тебе благо, я избегала бы этого расстройства; к счастью, молитва утешит твои тревоги. Боже, как я тебя люблю.

10 августа. Наконец 25 тысяч франков прибыли, и Воейков написал, что в этом году один Богданов даст 190 рублей, принимая во внимание запасы этого превосходного интенданта Герасима. Ты представляешь себе радость Смирнова, все спустит в карты и на любовниц.

Он вошел сияющий: «Дорогая моя, я рад, что получил эти деньги; особенно потому, что если ехать сразу, не будет риска путешествовать с детьми слишком поздно; больше всего я тревожусь о Софи, путешествие в октябре или ноябре может быть роковым для шестинедельного ребенка. Прикажи как можно скорее укладываться». Вообрази мою радость. Я наконец буду в Париже еще в хорошую погоду и смогу увидеть окрестности, столь красивые, по твоим словам, и ты всегда будешь приходить сопровождать меня.

13 августа. Экипажи у дверей, позади карета, пришли привязывать ванну Софи, завернутую в вощеный холст; все чисто, даже элегантно, никаких узелков и веревочек, как у Кобылиных, и Сашка не подпоясан кушаком. Дети прыгают от радости, говоря: «Палис, Киливов». Адини

говорит: «Париж, Киселев, schöne Sternen» [10*]. Вдруг я замечаю насмешливое лицо Сергея Гагарина, который говорит мне: «Отложите попечение; вчера с ⟨...⟩ Долгоруким все просадил на рулетке». Представляешь мое смущение и особенно мою печаль. Гагарин мне говорит: «Вы им лучше не говорите и экипажи у дверей, а я велю на почте отказать лошадей, а то немцы еще назначат штраф».— «Будьте покойны, князь, я никогда им не говорила и привыкла к подобным удовольствиям».

Он вошел, не знаю, в каком желчном настроении, и сказал мне: «Что это за выставка экипажей?»

— Но ты сказал мне, что получил деньги и должен уехать как можно скорей и что нужно поскорее укладываться.

— Я передумал, Гугорт хочет, чтобы я принял курс de petit lait.

— Это из-за боли в спине?

— Да, он говорит, что это renaussement, вызванное усиленным ⟨...⟩

— Хорошо, но, быть может, мы сможем уехать через три недели?

— Конечно, курс очень легкий.

Не было ни духу, ни слуху его petit lait, игра на мелок у мехового носа возобновилась, а вечерами тоже у него. Так как я пригрозила Платонову, что скажу мужу о его последних атаках, он уехал в Париж, не преминув сказать мне, что будет часто писать, на что я ответила: «Никогда, мсье, даже не в табельные дни». И вот я сижу здесь, совершенно одна, княгиня Ливен уехала, Лос Риос тоже, а завтра ждут из Франкфурта вел. князя Михаила. Изабелла Гагарина ездит верхом, и я утром езжу с ней на Тюкшен; она так мала, что это меня не утомляет; к счастью, моя амазонка была на дне сундука, черная амазонка и шляпа с пером. Изабелла ездит в шляпе салопницы. Гагарин так скуп, что дает ей на туалеты всего 3000 руб. в год; но у нее 2000 крестьян на Волыни, так что это ей все равно. Но она ревнива, как тигрица, и я буду так ревновать тебя, знай это, мошенник, а он точно мой любезный муж, всегда проказы с любовницами.

Когда она открывает его грешок, она проводит день в постели, и однажды вечером Софи пошла со мной к ней, говоря мне: «Бедная Жаба имела бурную сцену с Сергеем, пойдем утешить и развлечь ее немножко».

30 августа. О, Николай, мой единственный друг, мой любимый, какой скандал! Он шел играть к Демидову, почти в дверях встретил девицу, которую жаждет, она начала громко кричать, а этот скот вздул ее. Я глубоко спала, а утром нашла его постель пустой, он спал на софе. На третий раз, когда я вошла, он проснулся и сказал мне, что у него так болит спина, что он должен спать на боку. Я предложила позвать Гугорта, он не хотел, однако я послала за ним; к сожалению, он уехал в горы с Фрикеном; он, казалось, так страдал, что я предложила ему поставить компрессы с холодной водой, он был очень раздражен и сказал мне, чтобы я оставила его в покое. Я вышла через детскую и ушла к Клеопатре. Она уже знала от Платонова, что произошло. Здесь Платонов вел себя превосходно: это он вырвал ее у этого грубияна, который убил

[10*] прекрасные звезды (*нем.*).

бы ее, и вместе с Львом Радзивиллом доставил его домой. Он хотел, чтобы я ничего не знала, поэтому я остереглась с ним об этом говорить. Конечно, дело шло о смертельной дуэли.

Гугорт пригласил полицейского из Карлсруэ; Радзивилл, Платонов и он пошли говорить этому негодяю, что нужно драться или написать письмо с извинением; он ломался и кончил тем, что написал под их диктовку самое униженное и рабское письмо, у него был вид умоляющего о прощении, как мне сказала Клеопатра. В то же время полицейский предписал ему от имени великого герцога Баденского покинуть его владения. И его выпроводили из Бадена со стыдом и срамом с полицейским ⟨...⟩; трех красавиц задержали на некоторое время. Гоголь уехал в ⟨...⟩, так что я смертельно скучаю; он очень доволен, он там встретит моего брата Аркадия.

4 сентября. Вел. князь прибыл, и я побежала его встречать, мы были рады увидеть друг друга как два бедных придворных нищих. Я сказала ему, что Надина[8] ⟨...⟩ и что он найдет ее красивее, чем всегда, а потом я рассказала ему о наших с тобой делах, мой добрый ангел, мой обожаемый Киссинька; он очень доволен, что я тебя люблю, и сказал мне: «Брат Павла Дмитриевича, конечно, честный молодой человек, как и старший. Когда я с ним познакомлюсь в Петерб⟨урге⟩, буду говорить с ним об вас, дорогая моя А. О., вы знаете, как я вас люблю, с вами одной я говорил о Паше; она замужем, она счастлива, и в эту минуту мое сердце отдано Надине; вы довольно меня знаете, чтобы быть уверенной, что я никогда не перейду границы дозволенного, мне достаточно видеть ее время от времени у нее в доме, в присутствии мужа или без него; она его очень любит, а он этого вовсе не заслуживает; я встречаю ее нежный взгляд, говорящий о том, что она мне признательна».

— Ах, монсеньор, вы говорите совершенно как Киселев, он — близкий друг Смирнова, и никогда не сказал мне ни слова, которое могло бы заставить меня угадать ⟨его чувство⟩, и однако мы оба чувствуем, что между нами более, чем любовь, я обожаю его и готова была бы ради него покинуть то, что считала самым дорогим на свете, моих детей. О да, если бы он пожелал этого даже сегодня, я сделала бы все, чтобы стать его женой и жить в бедности, в одной комнате в Париже.

— Я понимаю это, я знаю, что вы не можете любить своего мужа, хотя он храбрый и достойный человек, но у сердца свой выбор.

Я глубоко вздохнула, бедный в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ тоже. С этого дня мы с в⟨еликим⟩ к⟨нязем⟩ совершали вместе наши утренние прогулки, и почти всегда к Гран Шато, где такой изысканный ⟨вид⟩. Я рассказала ему историю, которую ты слышал, и он заставил меня ее повторить. О, мой ⟨...⟩ Мы всегда встречали Бакура, который говорил в⟨еликому⟩ к⟨нязю⟩: «Монсеньор, вы утешаете г-жу С⟨мирнову⟩ после отъезда моего друга».

— Мы утешаем друг друга, мсье, и у кого же нет в этом мире своей маленькой кровоточащей раны.

— Монсеньор,— сказала я ему,— уверяю вас, что рана г. Бакура не нуждается в словесных снадобьях; он встретит в Париже даму, которую очень любит и которая платит ему той же монетой.

— Мадам, это всего лишь дружба.

Часто мы шли маленькой дорожкой, чтобы не встречать его; он об своем, а я об своем горе. Да, душа моя, у меня накопится столько горя, что не оберешься, но главное будет, что я тебя переживу, мой милый чистый ангел.

Гагарин пришел ко мне под окно и сказал мне: «Вообразите, что ваш муж не хочет просить 25 тысяч фр. у Симона Мейера, и вы заперты здесь до зимы. Все покидают Баден; вы должны попросить эти деньги у Мейера без его ведома; я знаю, что не будет никаких трудностей, и Киселев говорит, что 〈...〉.

Он вошел однажды утром в суетливом расположении, и я ему сказала: «Сегодня утром приходил Мейер и сказал мне, что если ты хочешь, он даст тебе 25 тысяч фр. и пусть Воейков ему вышлет деньги». Очень обрадовался и 15-го мы уже ночевали в Карлсруэ.

Гоголь вернулся. Няньки, слуги и трое малюток были в большом экипаже, Гоголь, он и я — в открытой карете; в дороге я купила корзину мушмулы. Как в Карлсруэ 〈...〉 скверный 〈...〉 я не знаю. Я спала в одной комнате, а Гоголь со Смирновым в другой. Мушмула причинила вред Гоголю. Ночью, несмотря на его крепкий сон и храп, Смирнов услышал страшный шум в комнате, он зажег огонь и увидел бедного Ник〈олая〉 В〈асильевича〉, вытиравшего пол своей простыней, с графином в руке. Он понял, что несчастный искал место в коридоре, что он наполнил свой горшок и выбросил его за окно вместе с содержимым. Какая находка для тряпичников, а с остальным можно поздравить пол. Он был так смущен, что выехал до нас, приказав мне сказать, что он собирается присоединиться к Жуковскому в Дюссельдорфе.

Платонов тоже исчез, слава Богу; я печально качу по местам, которые вздумал выбрать муж; ночевали в М〈...〉; утром я была внезапно разбужена ужасным криком; это был курьер 〈...〉. Я не знаю, почему и как мы остались в 〈...〉 отель de Russie у Лари, где он купил Мозельвейн и другие рейнские вина; ты любил 〈...〉, которое пил весь Баден, но, кажется, тебе не давали, потому что его в Неметчине не продают. В Франкфурте у Икскюля не было и су; он спал в комнате мужа, а Аника в моей, моя кровать была сзади ее, и я видела ее косу, свисавшую с подушки et son bois de lit. Каждое утро разговор начинался со слов: «Аника, о чем вы думаете?» — «Но как всегда об этой свинье Икскюле, я не знаю, кто хуже: он или его кузен Александр, который 〈...〉. Когда я это обнаружила, я рассказала всем, и в отместку он сказал, что я украла материю в английском магазине; зачем мне красть, когда у меня кредит на 10000. Он хочет, чтобы я продала мои 〈...〉, я не продам, и если он лопнет от бешенства, тем лучше для меня».

— Я тоже вашего мнения.

— Теперь он хочет ехать в Б〈...〉, чтобы продать мое имущество; знаете, моя дорогая, я продала бриллиантовую брошь и серьги и хочу сделать себе выходное платье из атласа стального серого цвета, отделанное соболем, который у меня есть; он об этом не знает.

Я забыла сказать, что на Рейне мужу повезло, он встретил двух

страстных игроков в вист, один — князь Левенстон, а другой ‹...›, брат того, что в Берлине, который всегда прогуливается по середине улицы. Они играли по маленькой, и молчание прерывалось только спорами между этими представителями Германии. Левенстон утверждал, что правительство значит больше, чем К‹...› де Ви‹...›; конечно, не могли прийти ни к какому заключению. На лестнице во всю длину расстелено красное сукно; я подумала, что это для какого-то королевского величества; ничего подобного, это для лорда ‹...› и его семьи. Роскошь англичан потрясающая, они возят с собой своих лошадей и затейливые экипажи. Отец ‹...› и две дочери и сын тоже. Мсье ‹...›, которого я встречала у Убриль, очень приятен; я сказала ему о княгине Ливен, он сказал мне ‹...›.

В‹еликий› князь провел несколько дней в Франкфурте. Чайный стол семьи Убриль[9] — наилучший семейный стол из всех возможных. Отец, как ты знаешь, заменил ‹...› на этом наблюдательном посту, весьма важном для германских дел; именно здесь находится знаменитый Зунд, связывающий между собой микроскопические части этой большой империи, что помогает избежать малых войн ‹государей?›.

Я рассказываю тебе все, что знаю, потому что, мой дорогой и любимый Николай, я предсказываю тебе блестящую будущность и хочу, чтобы ты все знал заранее. Нужно ведь, чтобы та, которую ты любишь и которая любит тебя больше, чем это возможно для тебя, тоже помогала тебе немного. Убриль — человек очень простой и замечательной тонкости ума; его жена — истинная мать семейства, она — дочь генерала Хермана, того, что воевал в Италии с Суворовым[10] и которого так недостойно обманул австриец ‹...›. Его старшая дочь замужем за этим ‹...› Марченко, у которого от матери, последней из Шуйских, большое состояние. Вторая дочь, Мари — розовый бутон, маленькая, светленькая; это она готовит чай, и Вяземский посвятил ей очень хорошенькие стихи[11]. Моя любимица — ‹...›, младшая. В этом юном лице что-то столь серьезное, столь глубокое, что спрашиваешь себя, какому свету принадлежат ее мысли — этому или тому, куда уйдет этой зимой моя маленькая Адина. Помнишь ли ты наши слезы в Бадене? О, сколько слез мы пролили и сколько их я еще пролью. Полагаю, что нет нужды говорить тебе, что я каждый день хожу ко входу в отель, чтобы узнать, нет ли нескольких строк от тебя. Княгиня Росси здесь, она поет, как соловей[12], я слышала уже ее в Петербурге; она замечательно красива. Росси — блондин, он ‹...› Туринского двора; он носит парик; его дети играют с моими. Они дали большой вечер; вся франкфуртская пресса была там; там был ‹...› Богемии, его жена, женщина мало привлекательная, полная претензий, ‹...› и, не заметив порога у двери, растянулась во всю длину. Все мужчины поспешили помочь ей подняться; принесли одеколон; но мадам, по-видимому, не в диковинку падать, или она уж очень гранд-дама, но факт тот, что она нисколько не была смущена. ‹...› с черными волосами, весьма привлекателен и зовется Chat ‹...›, т. е. по-славянски котик; он страстно любит музыку и сказал мне, что играет с женой в 4 руки и умеет вышивать по канве.

Ну, хорошо, решено, что в Париже я буду играть на фортепиано для тебя, мой милый, который так любит музыку, и что я привезу тебе либо подушку, либо ковер для молитвы; это будет еще лучше. На этом вечере Росси спела вариации Роде, столь трудные для скрипки. Я ее слушала уже у Жюльеты, ей аккомпанировал Лист, она просила меня послать ему <...> и <...> в 1000 фр., я сказала: «с удовольствием» и хотела это сделать при встрече. На этом вечере она спела также «Соловей» Алябьева, который я не терплю так же, как <...> Бетховена.

Остаток дня я бродила с Аникой; купила символику Крютцера для Полетики; ты сможешь прочесть ее в Париже на досуге после обеда, когда нет театра. А тут ты знай свою службу, сидя за <...> и любуясь бородавкой на левой лопатке. Это не поэтично, но имеет значение, которое тебе по вкусу. Ты тихося, но дьявол не дремлет; я имела доказательства этого накануне твоего отъезда.

1 ноября. Наконец я узнала твой дорогой почерк и сделала дьявольский трюк: оно адресовано мне, я не открыла его и нераспечатанное отдала мужу. Он нетерпеливо велел мне его открыть; вот эта записка: «Мадам, будьте добры сказать вашему мужу, что надобно поторопиться с отъездом, ибо в Шампани дороги очень дурны; нужно послать вперед человека, чтобы вам были приготовлены смены почтовых лошадей и кучеры. Прошу вас любезно известить меня о дне вашего прибытия, чтобы я обеспечил вам место в каком-нибудь отеле; много путешествующих, и вы рискуете провести ночь в ваших экипажах, как это случилось в прошлом году с княгиней Лаваль.

Ваш покорный и преданный слуга Н. Киселев».

«Мы выедем 4-го,— сказал он мне,— так как я обещал <...> и Павлу Демидову сопровождать их в Висбаден. Я напишу тебе, если что-нибудь меня задержит».

— Очень хорошо,— сказала я ему, а сама умирала от страха, чтобы он не потерял на рулетке 15 000 фр., которые, как он меня уверял, предназначены для первых расходов в Париже. Накануне его приезда я была уже в постели, когда Мина отдала мне письмо. Я поспешно его распечатала: «Мсье, условились о 2000 фр. на мои прихоти, квартиру, экипаж, все содержание и ложи во все театры, куда мне вздумается пойти. Будьте уверены в моей верности, прошу вас мне верить. Е. Е.».

— Тем лучше,— подумала я,— от убытка и скуки Бог избавил. Я запечатала письмо тем же образом и положила его на часы.

Он вернулся очень веселый между 3 и 7 часами и сказал мне, что выиграл 3000 фр. Он заказал лошадей, и Сарг дал нам курьера гигантского роста в фантастическом костюме комического персонажа. Кляча, которую он оседлал, как у Дон Кихота, огромные сапоги, штаны из лосиной кожи, красная куртка и что-то вроде пальто, украшенное серебряными пуговицами, толстые карманные часы и шляпа почтальона; все это радовало детей, когда он начинал кричать: «Лошадка, лошадка!» Переезд в Париж занял у нас больше восьми дней; всю дорогу нам сопутствовал мелкий дождик; слово drissling лучше всего выражает этот монотон-

ный ⟨...⟩, внушающий в конце концов душераздирающую печаль. Не знаю, на какой станции мы спали в комнате, столь зараженной, что я бросила покрывало с моей постели на землю, чтобы не видеть пол, покрытый плевками. Дети плакали, потому что дым в их комнате резал глаза; мне пришлось открыть окно и спать у них на чем-то вроде кушетки, и я спала так себе. Муж спал и храпел в грязной комнате под грязными одеялами. Утром, после ужасного кофе и яиц, мы выехали в Нанси.

Это очень красивый, смеющийся город; это родина Бакура, который происходит из очень хорошей семьи, хотя мадемаузель ⟨...⟩ с презрением говорит о его матери: «провинциальное дворянство». Я купила много вышивок и модных рубашек, обычные хлопчатобумажные чулки и карпетки для мужа, очень красивые вышитые платья для трех малюток, и вот я уже запаслась всем нужным, по крайней мере в этом отношении, и мне меньше придется ходить в магазины в Париже, где я буду посвящать свое время моему любимому Николаю. Если ты думаешь, что я дам тебе прочесть этот дневник, то ты ошибаешься, Соловей—разбойник, хорошенького понемногу.

Мы очень хорошо переночевали в Нанси, на следующий день бродили по городу и после обеда выехали с тем, чтобы ночевать, не знаю где,— а потом, наконец, в Париже; я помню только отдых в Мюнихе (?), где родился Боссюэт[13], потом ⟨...⟩ и, наконец, лес Бонди; дорога вымощена ужасно, хуже, чем римские дороги в Шампани, и ни одного деревца; но все же только 10 верст до Парижа, куда мы приехали все в тот же дождь в 9 часов. В Бонди мой муж нашел записку Киселева, где говорилось: «ул. Сен-Руа, отель того же названия, я не мог найти ничего лучшего».

Я была так счастлива оказаться наконец здесь, что ни дым, ни шум колес не помешали мне спать; в 8 часов я была на ногах, вымылась с головы до ног, так как только в Нанси имела возможность это сделать, надела берлинское маленькое платье цвета лазури и черные ботинки, в которых мои ноги плясали; кроме этого и нужного детям я ничего не распаковала. Я припала с малютками к окну и в полдень с бьющимся сердцем увидела, что он звонит у нашей двери; я побежала сама открывать; он вошел, вытирая ноги, и остановился с изумленным и восхищенным видом. Когда мы вошли в темную и закрытую гостиную, он сказал мне: «Позволено ли то, что вы называете комплиментами?» — «Конечно, сегодня все дозволено, и вот моя рука, поцелуйте ее, а я вас расцелую по русскому обычаю в обе щеки». Он попеременно краснел и бледнел.

— Какая грация, какая легкость, вы совсем новы для меня; талия нимфы, сильфиды. Где муж?

— Полагаю, у любовницы!

И я рассказала ему всю историю.

— Мой бедный Смирнов очень меня огорчает, как впасть в такое грубое ожесточение! Вы очень легко это принимаете, знаете ли, что это ведет его к разорению и, что еще хуже, к разрушению его здоровья.

— Что же вы хотели бы, чтобы я делала. Я молчу и скрываю от всех свои страдания. Разорение меня не пугает, потому что я в детстве и ранней юности знала почти нищету. Я не раз упрекала себя в том, что подчинилась имп⟨ератрице⟩, я была бы более счастлива в Запасном дворце, где живут престарелые дворцовые девы.

— Но я не имел бы счастья вас встретить.

— Поверьте мне, дорогой Киселев, если таковы были чаяния господни, чтобы вы со мной встретились, вы повстречали бы меня в Тавриде, где я провела лето во время коронации; я уверена, что вы прогуливались в этом прекрасном саду.

— Конечно, в воскресенье, так как это было далеко от моего жилища, и я знал, что там хорошенькие фрейлины, но разве я осмелился бы к вам приблизиться?

— А как же красавец Несвицкий из Преображенского полка, которого Стефани называла Н⟨...⟩, делал мне знаки из своей кордегардии, чтобы сказать мне, что он меня любит. На прогулке это легче всего, нагибаются, чтобы сорвать ромашку, или сталкиваются, говорят «извините», а потом пишут маленькие записочки и оставляют их в большой оранжерее. Был ты, или вы (он пожал мне руку, за это «ты») в этой оранжерее? Я ходила туда каждый день, мне нравился терпкий запах апельсинов.

— Я тоже. Но пойдем к детям.

И мы принялись бегать, он с Адиной на руках, а я с Олей, сближаться и снова расходиться; это вызывало смех и радость детей и у нас тоже. Няни пришли, взяли детей. Был полдень, и мы пошли посмотреть, как они едят на коленях у своих нянек. Я сказала Киссу: «Надобно вам заказать три детских тележки, потому что Софи уже делает честь обеду, она ест яйцо; Тереза начала такой режим с 6 недель, а так как она чувствует себя очень хорошо, я позволила ей так делать».

— Не хотите ли пойти посмотреть квартиру, я прикажу подать фиакр, а сам сяду на козлы под зонтиком⟨...⟩.

— Откуда вы вытащили это «неисчерпаемая госпожа Смирнова»?

— Откуда? Я был в Баварии и слышал это собственными ушами.

— Я не пойду смотреть квартиру, нужно оставить ему удовольствие устраиваться; он ведь уверен, что он все лучше устраивает, чем я.

Он вернулся, и Киселев указал ему № 21 по улице Монблан, князь Голицын дает там весьма блестящие вечера.

— А что, близко от клуба? Да, я, любезный друг, тебя еще не поцеловал.

— В двух шагах. Да где ты был?

— Прошелся по бульвару, заглянул в лавку редкостей; я хочу купить здесь разные вещи.

— Пойдем вместе на квартиру или лучше возьмем фиакр; а сегодня вечером вы все можете переселиться; я хозяину сказал вчера натопить все комнаты и приготовить к завтрашнему дню завтрак и обед, пока вы не найдете кухарку.

Они отправились, а у меня в душе такой праздник, что, несмотря на⟨...⟩ слабость, мне кажется, что все облито солнечными лучами.

Н. М. пришел и говорит: «Ну, хорошо, моя дорогая, у тебя не будет забот с кухней, вы будете на пансионе у швейцарца, но только это гораздо дороже — 7000 фр. в месяц.

— Но это огромная сумма, мы лучше сделали бы, имея нашу баденскую кухарку; у нас всегда были люди к обеду, а расход никогда не был более 2000 фр.

— Ничего подобного, я знаю, что получил 50 000 фр. и все они остались в Бадене.

— Да, на рулетке, я думаю!

— А еще расходы на Гейденрайх, Гугорта и твои покупки.

— Я купила на 800 фр.

— Но я решил и не будем более об этом говорить. Сегодня вечером мы едем ночевать там и там будем пить чай; я заказал молоко для детей, ты распределишь комнаты наверху. Я пойду погулять, а потом нанести визит послу.

Только он вышел в 8 часов, вошел мой милый. Он спросил меня, можно ли осмелиться еще раз поцеловать мою руку, мы уселись в гостиной, еще пустой, напротив друг друга, любя и обожая молчаливо и вздыхая.

— Ах! Какой счастливый человек этот Смирнов!

— Да! А надобно спросить его благоверную, счастлива ли она. Пассивно — да, а иначе — положительно несчастлива. Но что делать, милый друг, так тому и быть. Аминь.

— Вы — большой философ, милый друг.

— Не будем более об этом говорить; постараемся оба сделать пребывание в Париже терпимым, потому что с ним терпимое — это уже благодать божия. Чтобы до дуэли не доходило. Представьте себе, что в Берлине он играл с французским посланником Брессоном и сумел вывести его из терпения. Это Рибопьер уладил дело. Этот несчастный Брессон женился на мадемуазель де С⟨...⟩, она умерла родами, произведя мальчика идиота, которого он поместил в дом, где воспитывают таких несчастных (годы спустя я узнала, что Брессон перерезал себе горло, как наш бедный друг Мишель Лаб⟨...⟩ в Гейдельберге, когда ему объявили, что он слепнет).

Мы сидели напротив друг друга, как в Бадене, наши глаза встречались, мы краснели и отводили выдававшие нас глаза.

— Какой одинокой себя чувствуешь в комнате, где все тебе чуждо. Чтобы я привыкла к квартире, где нет моего прошлого, мне надобен свой письменный стол. А вы — вы вернулись в свою семью, в посольство.

— Конечно, это действительно мое семейство. Пален так добр ко мне, а другие, как вам известно, мои близкие друзья, эти милые немцы.

— Где Александр Медем?

— Он вновь уехал на восток; я уверен, что вы полюбите Поля, у него золотое сердце под холодной внешностью.

— Николай, пойдем наверх, я хочу посмотреть, как няньки все устроили.

В мгновенье ока мы поднялись на эти несколько ступенек.

— Вы ловки, как кошечка.

— Еще бы, я привыкла взбираться по комендантской лестнице, 96 ступеней, всякий день два и три раза, отдых был только в Царском, а в Гатчине и в Петербурге опять на чердаках.

Знаете ли, Кисс, что Париж показался мне очень уродливым?

— Но он и уродлив, кроме Тюильри, бульваров и посольства на углу Елисейских полей.

— Ну ладно, как мы будем встречаться?

— Я выхожу от себя, т. е. из канцелярии, в 2 часа, вы выходите от себя в тот же час; надобно поставить ваши часы по моим, и я вас встречаю на нижней улице де Ремиар (крепостной?), мы идем, я даю вам руку — не принято позволять женщине идти одной; если вам нужны чепцы или другие покупки, это на улице Сен-Вивьен, я пока иду в клуб, это на углу улицы ⟨...⟩ и Итальянского бульвара, потом к вам присоединяюсь и провожаю вас домой.

— Capisce, caro Signor [11*], это более, чем прекрасно, и так каждый день, а клуб для мужа?

— Через 8 дней он там будет, но с той разницей, что вместо полудня он станет там бывать в 2 часа; он может там обедать, это будет лучше, чем в этом пансионе, я вам это предсказываю.

— Это мне совершенно все равно, лишь бы у нас был хороший суп, курица с рисом и десерт. Не хлебом единым живет человек, а у меня есть хлеб духовный.

— И у меня тоже, слава Богу, я его подобрал в Бадене и как за то благодарю Бога всякий вечер и всякое утро.

— И я тоже нашла этот хлеб в Бадене и так рада, что в Париже им буду кормиться всякий день, неправда ли, Киса?

— Еще бы, я только боюсь, что приестся.

— Какие глупости вы говорите, это чтобы подразнить меня. О нет, это невозможно, мой милый Николай; не надобно этих пошлостей. Мы уверены в себе, ну, скажите просто: «да».

— Да, ангельский друг, и тысячу раз да, если это нужно.

Эта беседа была на площадке. Я вошла, наконец, в гостиную, довольно большую, с какой-то печью, направо была комната подлиннее, где разместили три детские кроватки, постели Терезы и Эйландт; рядом маленькая комната, где спала Дикинсон, потому что Адини почти никогда не просыпалась ночью. Их уже укладывали спать, потому что могли только протереть их губкой, не было достаточно воды. Софи спала уже, посасывая свой палец.

— Тереза, Sie sich ⟨...⟩

— Ja! Macht aber gar nichts; bald wird Sie es aufhören.

[11*] Поняла, дорогой господин (ит.).

Старшие сказали: «Schlafe wohl, Kilivoff, und du auch, Mama» [12*].

— Вы видите, милый друг, они никогда не спрашивают об отце.

Налево от входа моя спальня; ах, какая гадость, желтый перкаль, украшенный красным; мне кажется, что везде пыль в складках.

— Могу вас уверить, что нет: я сам был, когда чистили дом с помощью Михайлы.

— Еще один ужас, альков, но я прикажу отдернуть занавес. Какие свиньи эти французы, когда спишь, нужен воздух. Одно хорошо, что его кровать далеко от моей, и потом эта дыра, которая зовется туалетный кабинет. Нет трюмо, это все равно, я хорошо без него обхожусь.

— Спустимся теперь, надеюсь, что уже освещено. Да!

Я открыла фортепиано, взяла несколько аккордов и гамму.

— Ах, как скоро эти маленькие ручки пробежали по белым клавишам.

— Я, пожалуй, прокачу вас по черным и сделаю гибкий аккорд Генделя.

— Прелесть, просто прелесть, и особенно этот аккорд. Я не знал, что это так называется.

— Я полагаю, что ни Гайдн, ни Бетховен никогда не пользовались этим аккордом; это Гендель и Бахи, авторы религиозной музыки, которую они изобрели; это основной аккорд, заключающий любое предшествующее ему сочинение. Иногда это танец, вроде Романцы, которую ⟨...⟩ так хорошо играет. Кисса, скажите Каролине Дельваль, чтобы она давала вам уроки фортепиано. Почему вы краснеете?

— Но я не вижусь более с Каролиной Дельваль.

— Это очень дурно. Вы обещали мне в Бадене, что постепенно отучите ее от счастья вас видеть.

— Она вполне утешилась, не тревожьтесь за нее. Я сказал ей, что если она найдет кого-нибудь себе по душе, то может выйти замуж, а я буду продолжать платить ей 6 тысяч франков в год.

— В добрый час, я рада за нее, это делает вам честь.

— Да, ваш Киса — честный человек.

— А клавиры — просто фортопляски, нельзя ли нанять большой?

— Можно, но где его поставить? В столовой дует из дверей передней, гостиная мала, а затем кабинет Смирнова, где дверь в сад. Э, да я вижу, что он выложил здесь бумаги, тетради и целый канцелярский снаряд, а туалетный стол прибран, одеколон и духи.

— Но я думаю, что он будет принимать тут свою красавицу?

— Неужели вы думаете, что это возможно, такой недостаток уважения?

— Та, та, та, будто это уже не случалось! Это мне совершенно безразлично. Сад мне очень нравится, я там буду с детьми рыться. Уже около 11 часов. Прощайте, Кисса, я пойду сперва почищусь, потом

[12*] она ⟨...⟩.— Да! Но не делайте ничего, она скоро проснется. Спокойной ночи, Киливов, и тебе, мама (*нем.*).

наскоро помолюсь и буду спать, а завтра вечером мы по-старому будем читать вечерние молитвы вместе.

— Ах, какое счастье, ангел мой; значит, милый Баден повторится.

Пожал мою руку и ушел. Я стала у окна, и со двора он еще махнул рукой, точно как в Бадене, с моста. Та же поэзия для души, но не та же поэтическая обстановка.

15. Я очень хорошо спала, в 8 часов была уже готова и играла с детьми в их комнате; не знаю, в котором часу вернулся мой муж, потому что Сашка два раза будил его в 10 часов; наконец, я услышала, что он спускается, и пошла скорее открыть окно в спальне, а через несколько минут была в столовой, чтобы приготовить чай. Он вышел, зевая и потягиваясь, и сказал мне: «Когда, Киселев думает, я смогу вступить в клуб?»

— Он сказал мне, что записал тебя сразу же по возвращении из Бадена, и что с сегодняшнего дня ты можешь ходить как гость, он возьмет тебя с собой, и ты можешь быть уверен, что вступишь туда, потому что клуб основан русскими.

— Тем лучше,— сказал он, украшая свое блюдце окурками сигарет,— так как у меня нет серьезных дел, надобно убивать свое время в клубе.

— Конечно; как и вы все вообще, когда у меня нет моего письменного стола и моего фортепиано, я не знаю, что делать. Клеопатра еще не приехала, так что у меня нет никаких знакомых в Париже. Признаюсь тебе, что этот столь хваленый Париж мне не нравится.

— Мне тоже; но я надеюсь в конце апреля уехать в Баден, а потом возвратиться в Россию.

— Я буду очень довольна, два года на чужбине тяготят меня и делается тоска.

— Яков Толстой, которого я очень люблю, уже 7 лет в Париже [14] и не понимает, как можно жить вне Парижа.

— А Григорий Толстой уже 20 лет. Я уверена, что у него есть любовница, а, может быть, и семья, как у Киселева.

— Как у Киселева? Неужели он открывал тебе свои тайны?

— Что за мысль! Это Аника и Клеопатра в Бадене все время говорили о любовниках и любовницах, Киселев покраснел и смутился; тогда Клеопатра после его ухода сказала мне, что у него двое детей от актрисы из театра «Водевиль». Агриппина вывела его из затруднения, сказав: «Но, господи, в Берлине не более добродетельны, но мы никогда не говорили о таких вещах». Не говори ничего Киселеву.

— Киселев совершенно прав, что не говорит о столь интимных вещах. Что какое кому дело до этого, и женщины с тактом никогда не знают, водятся ли за их мужьями грешки; во всяком случае, они правы, делая вид, что ничего не знают.

— Я вчера видела в лавке на рю де ла Пэ трое красивых часов рококо. Мне сказали, что можно найти очень дешевую старую бронзу на Болоте и их можно позолотить. Болото в старое время было модным кварталом.

— Ах, какая скука, иду потаскаться, зайду в посольство, нет ли новостей?

В полдень я поехала с детьми в экипаже на Елисейские поля; экипажи, запряженные козами, привели их в восторг; в час дня я велела консьержу посольства сказать Киселеву, что я рядом. Не было еще 2 часов, когда он выбежал радостный и сказал мне: «Право, в Бадене только этого недоставало для детей; надо сказать это Гугорту. Какие вы милые, А. О., что подумали послать за мной».

— Но я думаю, что помешала вам завтракать?

— Нисколько, я пью бульон с яйцом и полстакана вина, иногда бисквит или апельсин. Это я только в Бадене объедался у вас зеленым супом, жареной говядиной с жареным картофелем и огурцом; это, как выразился какой-то прусский офицер, суперфик и манюперб [13*].

— Киселев, вы еще любите Rittersporn [14*]; жаль, что наша баденская кухарка не умела делать cantalonen; это очень вкусно и это «дрезденский деликатес». А потом — не говорят «офицер», тетка Ярцевой, камер-юнгфера, всегда вязала крючком каскетки артиллеристам и говорила, что ее брат — «антирелийской анцифер».

— Кажется, что у вас на чердаке было довольно демократично.

— Совершенная смесь французского с нижегородским; но скажите же, где взять яйца; мне нужна пара яиц для первого завтрака в 8 часов.

— Их надо брать на английской ферме, и я вам их доставлю, я сам беру их по рекомендации<...>, сливки тоже ваш муж там берет.

— Он тоже любит сдобные булочки, которые берут из лавочки, такая гадость, что ужас. Есть ли что-нибудь здесь, чтобы заменить булочки?

— Велите брать бриоши, они хороши, когда теплые. А что у вас на второй завтрак?

— Чай с бисквитами, все, как в Бадене, но там я все пожирала, а теперь ем мало, мой аппетит исчез.

— Как и мой.

— Кисс, я говорю вам, что мы созданы друг для друга; я думаю, что бифштекса толщиной в вашу ладонь нам хватило бы на двоих, а 10 000 фр. в год было бы для нас вполне достаточно. У меня мысль, что мы сможем осуществить прекрасный план ехать в Адамовку, а там, вдвоем, нам никого не надобно будет.

— Ах, мой ангел, как благодарить вас за такую<...>; разве здесь, в этих теперь точно Елисейских полях, которые освящены вашим присутствием, стать на колени?

— На колени только перед Творцом и св. Троицей.

После обеда он явился в 8 $^1/_2$; я сидела наверху; Лиза с Миной выложили все мои берлинские наряды; я сидела посреди комнаты, когда он вошел.

— Что это за выставка вуалей?

[13*] Искаженные *фр.* слова superbe и magnifique (прекрасно, великолепно).

[14*] Шпорник, дельфиниум (*нем.*).

— Это чтобы разделить их между нянями и Миной, а для себя я сохраняю костюмы и два платья, которые я буду носить на прогулку.

— Эйландт, Дикинсон и Мина, nehmen Sie alle diese alten Kleidern für sich.

— Mina, jetzt die Hauben und die Hüten[15*].

— Кисс, вот чепчики от ⟨...⟩

— Примерьте их, пожалуйста, они должны вам необыкновенно идти.

— Я их всегда ношу по утрам, вы можете видеть меня в них днем и вечером, когда я буду заниматься музыкой для этого плутишки, который зовется мой милый Николай. Не находите ли вы, что это старье отдает мещанским духом?

— Откроют окна.

— Eylandt, machen Sie die Thür zu und lassen sie die Fenstern auf[16*]. А вот сокровища детей, здесь bay-bay Каница и маленький ящик, такой же, как у Алекс⟨андра⟩ Ив⟨ановича⟩[15], с стеклянными собачками. Это, как и волшебный фонарь, показываются очень редко, а я говорю: «Вот андер манер, другой кавалер», а про старушку: «Вот старуха Ккикбуш». По-английски говорят так:

Old mother Hubbaw
Went ⟨...⟩ to the cuplan etc.

— Послушайте, мадам, это вовсе не мещанский дух, я теперь понимаю, что это такое — это как будто шкаф, где хранятся разные старые вещи.

— Это верно, Кисс, вы можете тоже выбрать какой-нибудь хлам и подарить его Михайле; он пошлет это в деревню и там это произведет большой эффект. Es kommt ja nur die Bedeutung[17*], как говорили в Берлине.

— Поскольку вы позволяете мне выбирать и присваивать себе за счет моего лакея, я выбираю платье фру-фру, в котором вы были на балу у вас в Бадене; а для меня вы пожалуете счастье сохранить на память ваш китайский костюм и греческий; но не забудьте, что вы пообещали мне счастье увидеть вас в этих костюмах.

— С удовольствием, мы выберем день, когда не будет оперы, и тогда я дам представление такое, что будет светопреставление для некоторого очень мне известного и милого гражданчика.

— Наверное?

— Наверное, а вот рука вам в залог.

И положила одну руку в его руку, а другую на его плечо, и взглянула ему в лицо. Он вскочил в большом смущении и вскрикнул:

— Бога ради, пощадите меня, как вы любите играть с огнем, вас он не зажигает, а меня совершенно сжигает!

— Простите, милый друг, я в отчаянии, что причинила вам такое волнение; я никогда не позволю себе более такую фамильярность;

[15*] возьмите себе все эти старые платья. Мина, теперь чепцы и шляпы (*нем.*).
[16*] Эйландт, закройте двери и откройте окна (*нем.*).
[17*] Это имеет только там значение (*нем.*).

я так же вела себя с Жуковским, и это никогда его не тревожило.

— Ему было 50 лет, а кроме того — почем вы знаете?

— Пойдемте, Николай, помогите мне перенести ноты и все наши мелочи в гостиную и поставить письменный стол. Мы устроим по-своему, а завтра вы с Н. М. развесите картины.

Мы тут провозились до 11-ти часов.

— А где же муж?

— В Малом театре с Яковом Толстым, так он мне сказал, и с этим скучным стариком Нарышкиным, какой противный.

— Ну, об нем не стоит и жалеть, отживший пошлую жизнь человек. Я жалею Толстого, он — человек необыкновенного ума, но ум выше нравственности; ведь он с боку припека при посольстве и пишет очень дельные стишки, замечания о политическом и нравственном положении Франции, которые посылают государю.

— А мне так жаль Григория Хилкова, князь Дмитрий не раз говорил мне об нем. По его последним письмам угадывается желание вернуться в Россию и там умереть, сложить кости в могилу предков.

— Знаете ли вы, что я не могу налюбоваться вашим русским языком; как это хорошо? *Сложить кости в могилу предков.* Надеюсь, что вы держите обещанные в Бадене и пишете ваши записки.

— Конечно, но я сама вам прочту то, что написано, а тетрадь отдам вам за два дня до моего и вашего отъезда в Питер, а моего в Италию, куда Н. М. не поедет, потому что России нужна его служба.

— Вот вы смеетесь, а я нахожу, что его служба точно нужна России, честнее и благороднее я не знаю никого.

— Я и не смеюсь, только по домашней финансовой части он очень плох.

— Что делать, никто не совершенен, и вы тоже, моя любезнейшая дама.

— Конечно, но в моих глазах вы, Николай, настолько совершенны, как можно быть в этом мире. Такой молодой, бедный, вы вынесли все, без упрека, без ропота, и довольны службой, данной вам Богом в его святой премудрости. Вы обязаны этим молитвам вашей святой матушки, на ее коленях вы почерпнули уроки ее мудрости и смирения.

Он залился слезами, бросился на колени передо мной и сказал мне: «Александрина, благословите меня и обещайте мне быть всегда моим ангелом-хранителем».

— Клянусь вам в этом, Николай; вы старше меня, но вы моложе и чище сердцем, чем я; меня уязвляла тысяча вещей; все, что во мне лучшего, что кроется в глубине моего сердца — ваше на всю жизнь. Оплачем вместе наших родителей, вы — вашу матушку, а я — папу и бабушку, потому что со времени ее брака с Арнольди маменька осталась для меня полковница Арнольди. Мне было 15 лет, когда она умерла в Вознесенске, и я не пролила ни одной слезы. Я доверила это Стефани, которая мне сказала, что это ужасно, но что с ней будет то же, когда ее мать умрет. Когда Кобле сказал мне, что моя бабушка и все мои тетки умерли, я держалась хорошо, но вечером в постели

я плакала и рыдала. Именно в этот день разбился надвое стакан с водой, неизвестно отчего.

Он сидел на маленькой кушетке на некотором расстоянии от меня и плакал, и я тоже. Чтобы не волновать его, я сделала знак креста над его головой и тихо сказала ему: «Христос с тобой, мой добрый и верный друг, я твоя всегда и ныне, и присно, и во веки веков». Он встал и сказал мне: «Боже мой, Боже мой, как эти благотворные слезы меня освежили, я чувствую, что я совсем другой, полон надежды и энергии».

— Слава Богу, друг мой. А я забыла вам сказать, что я привезла для Михайлы самый немецкой вязаный шарф, красный с зеленым, и два чепца из белого перкаля, отделанные валансьенским кружевом, которые я купила в Нанси.

— А мне же что?

— Карпетки из шотландской шерсти, я сказала, что это для мужа, но это для вас, и я сама их пометила, а кроме того, я привезла вам другой подарок, который доставит вам еще больше удовольствия.

— Что же это может быть?

— А если вы так 〈любопытны〉, я спрошу у вас, любите ли вы аррасские сердечки, которые продают на каждом углу и которые я нахожу очень хорошими, это как наши пряники.

— О, ангел мой, я воображаю, что вы принесли мне сердце, которое я украл у вас в Бадене.

— В добрый час; я в восторге, что вы его сохранили. Мы об этом еще поговорим, пойдем побродим немного по бульварам, но дальше бульвара Итальянцев — как ужасны эти пассажи, какая инфекция.

— Это ужасно. Но вот и время вашего второго чая; не хотите ли зайти в кондитерскую?

— С удовольствием, я чувствую, что голодна. Кстати, у вас есть деньги?

— Да, на случай нужды всегда есть франк в кармане.

— То есть на случай, если на пути встретится нищий.

— Да, но этим господам я подаю только сантимы.

— Вы правы. Г. де Местр, сын Жозефа де Местра, генерал-губернатор в Ницце, где масса нищих, говорил мне, что для них у него медные су; добрая княгиня В〈...〉 поймала его на слове и отправилась с ним гулять с мошной как у Ивана Калиты.

— По несчастью, я не могу быть Калитой, из моего жалованья не раздаришься.

— А мы, Кисынька, будем пополам делиться нищими.

— Очень и очень рад и благодарен; есть, что называется, стыдливые бедняки; они не протягивают руку, но их гораздо более жалко, чем уличных нищих. Вот им недурно бы уделить и старого платья и белья, если у вас найдется. Их дети бедствуют в грязных чердаках. Об этих бедняках заботятся сестры св. Венсана де Поль, с их помощью я всегда могу найти семью, положение которой мы сможем облегчить, выплачивая ей пособие; если вы даете 25 фр., я дам 10, за эту цену они могут получить в предместье хорошее жилье и похлебку.

— Это прекрасно, вот мы и договорились. Мой муж так щедр, что если я скажу ему об этом, он возьмет на себя другую семью, и в этой стране, где мы чужестранцы, благодарные сердца будут молиться за нас. Мы назовем лишь наши личные имена, так, что эти несчастные не узнают, от кого и откуда пришло к ним улучшение их участи.

— Вот, моя нежная и добрая Сильвия (ибо вы поистине как шекспировская Сильвия): ist Sie schön und gut dazu [18*]. Если бы вы не были так восхитительно добры, одна лишь ваша красота никогда не пленила бы меня. Но вы лакомка: как можно съесть за один присест целый пирожок.

— Он такой вкусный и напоминает сдобнушки, которые делали у Троицы у тетки Цициановой; она делала еще другое грузинское блюдо под названием лобье; это очень большие бобы на поджаренном белом хлебе, и бобы эти сверху запечены.

— Но ничто не сравнится с парпарой Клеопатры. Вы знаете, мне нужно сделать визит княгине Ливен, но только утром: в платьях с Доротеенштрассе нельзя вечером являться. Она живет в отеле de la Terasse на ул. Риволи, неправда ли?

— Да, а знаете ли вы, который час?

— Нет, а какой?

— Должно быть 5 часов, и я думаю, что пойдет дождь.

— Велика беда, я не растаю, а потом мы вернемся, как Поль и Виргиния, под вашим зонтиком. Это будет очень мило и грациозно, оба маленькие, миленькие, веселые и довольные. Так ли?

— Еще бы!

— Киселев, вы знаете, что превратились в настоящего фордыбака, так в себе уверенного.

— А кто придает мне этот вид? Одно создание без имени, которое и есть все лучшее в этом мире. Вот как я мщу за ваши насмешки.

— Ну, хорошо, вот мы у входа в жилище этого существа, которое, по вашим словам, вы любите больше всего на свете. Я вижу мужа, не говорите ему ничего о нищих.

— А вот и вы! Киселев, я развешиваю картины, которые привез из Берлина и купил за 100 фр., этот прелестный Дежарден [16]. Неправда ли, хорошо? Помоги, брат,— куда повесить Дежардена?

— Конечно, к левой стенке от клавикорд, а твой портрет с другой стороны, а над клавикордами портрет А<лександры> О<сиповны>, на который падает свет.

— Сашенька, вели подать чай.

— Сашка!

— Что прикажете?

— Поставь самовар и подай гвозди, у меня там в уборной и молоток есть, и веревки.

Я приготовила чай, мой муж был в восторге от бриошей; не кончив в салоне, он ушел неизвестно куда.

[18*] она хороша и притом добра (*нем.*).

Мой Николай выпил полчашки чаю, мы велели привести детей, которые были очарованы Тюильри: «Мама, Киливов, тюлили тле золи», «Мама, Киселев, Тюлери тре жоли, ach so schön und so viele hübsche Lieder, sie spielen aus den Ballen (?).

— Sie müssen auch ihre Ballen mitnehmen.

— Wirst du, Eylandt?

Мы с ними поиграли и показали им картины и портреты.

«Das ist Mama und das ist Mama, aber wo ist Kilivoff?»

— Ja, wo ist Kisseleff?

— Kisseleff ist nur mein Freund und liebt kleine Kinder.

— Hat er auch Kinder?

— Nein, er ist nicht geheirathet.

— Kilivoff, heirathe schnell und wir werden mit deinen Kindern spielen.

— Ach, ich bin arm, darum kann ich nicht eine Frau haben.

— Mama, ist das wahr,— sagte Adini.

— Ja, es ist wahr. Ich war arm und Papa war reich, hat mich geheirathet, sonst könnten wir nicht schöne Kleider kauten und Spielsachen. Jetzt aber geht ihr oben[19*].

— Как Адини всегда рассудительно все делает, тотчас к вам обратилась за положительным ответом.

— Киса, скажите мне, ваши два мальчугана, они умны? Не краснейте же больше, ведь вы мне признались во всем.

— Да, но когда вы говорите мне об этом и напоминаете мне эту вину, меня как будто ударяют в сердце.

— Хорошо, я не буду больше об этом говорить, если вам это неприятно; скажите только, похожи ли они на вас?

— Как две капли воды.

— Ах! Как я хотела бы их видеть; они должны быть как вы, когда вас звали <...> и ваша сестра <...>

Он вынул часы и простился со мной очень серьезно и холодно.

— Киселев, что за война? Вы вернетесь в 8 часов?

— Не знаю. Я должен к 8 часам идти в клуб с вашим мужем. Его там очень ценят, он играет, не выигрывая, и платит тотчас же.

— Тогда, во всяком случае, я жду вас до 9 часов.

— Надеюсь, мадам.

Мой бедный Николай, какая трогательная черта эта неспокойная совесть, поистине ангельская. Когда я сравниваю с отсутствием стеснения

[19*] Ах, так красиво и так много красивых песен; они играют в мячики.

— Вы должны тоже брать с собой мячи.

— Ты возьмешь, Эйландт <...> Это мама и это мама, а где же Киливов?

— Да, где Киливов?

— Киселев — просто мой друг и любит маленьких детей.

— А у него тоже есть дети?

— Нет, он не женат.

— Киливов, женись скорее, и мы будем играть с твоими детьми.

— Ах, я беден и не могу поэтому иметь жену.

— Мама, это правда? — сказала Адини.

— Да, это правда. Я была бедна, а папа был богат и женился на мне, а то мы не могли бы покупать красивые платья и игрушки. А теперь идите наверх (*нем.*).

у Смирнова. Он говорил, что обожает меня, а два с половиной года спустя — вот он вырядился с официальной любовницей.

Но притом как глупо с моей стороны сравнивать эти две натуры: одну, такую возвышенную, и другую, столь вульгарную и материальную. Я принесла вниз образ, которым благословила меня императрица, расстелила маленький ковер, зажгла на столике из дикой вишни две свечи и считала долгие минуты до 6 ½ часов, когда мы пообедаем, дети и я, т. к. муж обедал в посольстве.

Наконец, в 8 ½ он вошел.

— Дорогая, тысячу раз дорогая Александрина, простите мне этот недостаток этикета, обещайте мне, что никогда не будут говорить со мной о моей связи и об этих двух несчастных незаконнорожденных малютках; я надеюсь со временем их узаконить, пройдя через простую формальность католического брака с их матерью, и тогда я обрету душевный покой.

— Мой дорогой, мой бедный Николай, я обещаю вам это, а если когда-нибудь мы поженимся и я сойду в могилу раньше вас, я сделаю все, что мне позволит мое личное состояние, т. е. имени Т⟨...⟩. Это справедливо?

— Да, но к несчастью, это лишь воздушные замки.

— Это неважно, пока они доставляют нам удовольствие и тешат нас. Люди, любящие друг друга, подобны Адини и Оли, которые видят вас через минуту уже женатым и с двумя маленькими дочками, с которыми они будут играть в Тюильри. Я нашла очень красивое Анданте Бетховена, хотите ли, я вам его сыграю? Мне дала его моя учительница музыки. Бедная девушка, до замужества ее звали мадемуазель ⟨...⟩ принесла мне эту жертву. Бетховен давал ей уроки фортепиано и le doigté [20*] карандашом его. Она была мне так благодарна, потому что, выйдя замуж, я пригласила ее на обед с Жуковским, а потом подарила ей популярные швейцарские романы Иеремии Готхельфа [17]. Советую вам их прочесть.

— Отметьте мне это в моей записной книжке, я уверен, что не потеряю ее, ваш дорогой почерк будет как талисман.

— Ах, Киселев, знаете ли вы прелестный романс под названием «Талисман»: Там, где море вечно плещет...
Я не знаю, чьи это слова. Музыка, думаю, Яковлева [18].

— Вы знакомы с Яковлевым? Это мой друг.

— Знакома? Нет, но я слышала его у старой Серафины Стерич, мой кузен Евгений сам был очень хороший пианист, Глинка ⟨...⟩ Голицын ⟨...⟩ и милый старый Шматков, сын лакея вел. княгини Елены; а также этот тупица Иванов, у которого прекрасный тенор, пел вместе с ними отрывки. Это были поистине очень приятные утра, заимствованные от утр г-жи Сенявиной — моды, привезенной ею из Парижа.

— Вы получите здесь такие же удовольствия. Говорят, что это заканчивается смешным: спущенные шторы, полусвет, чтобы скрыть вуалью утомленные и обесчещенные лица.

[20*] постановка пальцев.

— У г-жи Сенявиной это было обычным. Она велела Кириллу Алек. Нарышкину прийти пешком и войти забрызганным грязью. «Я был очень смущен, кузина, потому что я всегда езжу в экипаже, но я постарался выпачкать ноги у вашей двери, чтобы это совершенно соответствовало парижским обычаям. Это нам, русским, пристало, как корове седло».— «Кузен, прошу вас, не пользуйтесь этими грубыми выражениями».

В тот же день эта смешная личность написала Вяземскому очень ⟨...⟩ записочку, кончавшуюся так: «Надеюсь, что сегодня вечером вы причалите к моей всегда гостеприимной суповой миске; у меня есть последний номер «Revue des deux mondes»».

— Это восхитительно и должно было привести Вяземского в восторг.

— Я была больна в этот момент и не могла причалить со своим зонтиком к ее суповой миске.

— Больна чем?

— Как всегда, печень и нервы! Вяземский прислал мне записку, он жил через две двери от меня, но он не смог воздержаться от рифмы:

Как жаль, что расклеилась клетка,
В которой ici-bas тоскует колибри.

— Это действительно красиво, ваше сердце испытывает тоску пустоты.

— Кто вам сказал, что оно пусто? Этим летом в Бадене оно было слишком полно, но сердце требует еще большего.

— Вы восхищаете меня и обольщаете меня радостью.

— На конверте он написал:

Моей соседке, с Венерой однодомке,
Та царствует на дне морском,
А эта царит на Морской [19]...

Что-то не совсем так, помогите мне составить стихи.

— Я не могу. Знаете ли вы, что уже 10 $^{1}/_{2}$.

— Хорошо, пойдем прочесть вечерние молитвы. Вот тетрадочка, куда я их переписала для вас вместе с молитвой по усопшим. А вот 9 псалмов, переписанных Гоголем, их вы выучите наизусть, а я буду вас экзаменовать, как он: чуть запнешься — в угол, с приказанием выучить так, как дьячки. Михайла должен только учить псалмы наизусть.

Я прочла ему половину вечерних молитв, а он остальные; я видела, что несколько слезинок скатилось на землю. Когда молитва кончилась, он сказал мне: «Я морально насытился, какую пищу вы мне даете».

Я взяла образ, благословила его им и отдала ему. Он не сопротивлялся более своей радости, обнял меня и прижал к сердцу: «Ангел мой, моя обожаемая Александрина, как благодарить вас за все это счастье и духовную радость! Простите мне это невольное движение». Мы стали на колени и еще раз, в слезах, благодарили Бога.

— А если ваш муж заметит исчезновение образа?

— Он-то? Заметить что-либо, кроме картины, карт и любовницы! Никогда, к тому же у меня в сундуке есть другой образ. Да, это как

будто моя дорогая Алекс⟨андра⟩ Фед⟨оровна⟩ благословляла нашу привязанность, вот почему я вам его дала.

— Спасибо, благодарю вас тысячу раз; это дорогое доказательство вашей дружбы никогда меня не покинет, и когда я умру, его положат мне на грудь. Увы, я могу вам дать только совсем маленькие четки из Иерусалима, зернышко амбры и маленький перламутровый крестик; кто-то подарил его матушке, и перед смертью она мне сказала: «Николенька, вот все мое богатство, всегда молись этому крестику». У Михайлы есть маленький образ, и это составляет украшение моей скромной спальни; он всегда стоит за мной. Я хотел было приказать ему убрать его в сторону; он ответил: «Нет, Ник⟨олай⟩ Дмит⟨рич⟩, так следует».

Но мы оба были довольны тем, как кончали вечера, нам еще принадлежавшие, а утром он начинал свои молитвы в 8 часов, а я — свои в тот же час, так что духовная связь не прерывалась.

16. День более светлый. После обеда я отослала детей на Елисейские поля и вышла от себя около 2 часов; я шла по rue basse des Remparts, когда услышала его голос, говоривший мне: «Погодите, госпожа маркиза де Теванн».— Кто? — Вы, как маркиза де Теванн, которая ждет полчаса, чтобы кто-нибудь подал ей руку для перехода через улицу.

— Послушайте, Киселев, нужно, чтобы вы дали мне сегодня адреса моих поставщиков.

— Я записал вам все это в свою книжку и продиктую вам сегодня вечером. Перчатки у Прево, рю де ла Пэ; барышни в магазине очень хорошенькие, они привлекают всех, и эти несчастные девушки, без сомнения, становятся жертвами какого-нибудь старого и богатого развратника.

— Какой ужас, в Петербурге разврата этого рода не видно.

— Но Париж, как говорит де Местр, великая вавилонская блудница.

— Один англичанин сказал: Париж — strumpet, т. е. публичная женщина. Ну, а дальше про поставщиков?

— Мадам Бодран для шляп и причесок, ⟨...⟩ для обуви, Пальмир для платьев.

— Мне нужно начать это турне с завтрашнего дня. Ах, Киселев, вы не видели, какая гадость наш зеленый рыдван, точно разрезанный арбуз, а слуга, у которого великолепный вид, в светящемся сюртуке странного цвета. Возможно ли, чтобы во всем Париже нельзя было найти что-нибудь более пристойное.

— Но я думаю, что, в сущности, вы не собираетесь ослеплять парижан вашим экипажем.

— Нет, конечно, но мне неприятно, что мой экипаж здесь безобразнее того, что был у меня в Берлине. Он, правда, принадлежал посольству, а помещение нанял и построил дом Иван Озеров. У нас был очень хороший француз-повар, который каждый день между вторым завтраком и обедом ездил верхом на прогулку в Тиргартен; когда кухонная девушка впервые увидела его гарцующим на лошади, она как

безумная прибежала ко мне, говоря: «Liebe gnädige Frau, kommen sie zum Fenster, sehen Sie was da geschiet, unser Koch reitet zu Pferde!»[21*].

Может статься, что наш шеф позволит также развлечься верховой ездой. Вы будете ездить?

— Ни за что на свете, к тому же — с кем? Это было бы приятно с вами, а с ним или с берейтором — слуга покорная. Кроме того, я езжу только летом.

— Я очень рад, ибо это могло бы дать мне каждый день два счастливых часа.

— Мне тоже, Кисенька.

Он пожал мне руку и мы взглянули друг на друга.

— Я забыл вам сказать, что Клеопатра приезжает послезавтра, Беарн приготовил ей очень хорошенькую квартиру на рю д'Агрессион. Это очень близко от посольства, я подумывал о ней, но она достаточно поместительна только для одного человека. Хотите ли завтра начать играть в 4 руки, я рекомендую вам мадам Лада, получившую первую премию консерватории.

— Конечно, она должна принести все, что может найти, Бетховена, я куплю; потому что абонементы мне надоедают.

— Тетрадь стоит 5 фр., это вас не разорит.

— Разумеется, это даром, но если она будет приходить каждое утро, это составит 150 фр. в месяц, и он закричит а pas ⟨...⟩ как петух. Я предпочитаю два или три раза в неделю по два часа. Что вы об этом думаете, дорогой Николай?

— Совершенно с вами согласен, часа почти достаточно, чтобы сыграть одну из больших симфоний Бетховена, 9-ую, например.

— Я знаю только en Ut[22*], первую, кажется. Киселев, проведите меня на рю Вивьен, мне надо купить утренние чепчики.

— Теперь пойдем одинаковым шагом, обопритесь без страха на мою руку, с вами ничего не может случиться.

— Как хорошо, очень удобно; одна я никогда не смогла бы так перейти улицу.

— Ради Бога, умоляю вас этого не делать, вы потеряете голову и можете попасть под омнибус.

— Представьте себе, милый друг, какое несчастье было у нас перед нашим приездом в Висбаден. Вы знаете, что немецкие кучера любят показывать свою ловкость, чтобы завоевать сердце ⟨...⟩ или ⟨...⟩. В момент, когда мы въезжали в маленькое селение, эти дураки пускаются в галоп; это был час, когда маленькие дети 3—4 лет едят свой ужин прямо на улице. Мы слышим страшные крики: «Стойте, стойте!». Ничего подобного, эти несчастные останавливаются только у постоялого двора; и эти чудовища сами нам говорят: «Es ist ja gerechts ein Kind ist unter den... gefallen, das geschiet ja off»[23*]. Мой муж сейчас же побе-

[21*] Дорогая уважаемая госпожа, подойдите к окну, посмотрите, что творится, наш повар скачет на коне (*нем.*).

[22*] В c-⟨moll⟩.

[23*] Это наверное ребенок попал под колеса. Это часто случается (*нем.*).

жал искать ребенка, его ножка посинела и распухла, крики были пронзительные. Мать и соседи плакали, не зная, что делать; он сейчас же намочил тряпку в холодной воде и забинтовал бедную ножку, а потом сказал женщине, что, как только приедет в Висбаден, пришлет врача, и что она в ожидании этого должна менять компрессы; он дал ей несколько флоринов. Вернувшись на станцию, он приказал новым кучерам везти нас в Висбаден как можно скорее, обещав двойную плату; они ответили с этой возмутительной немецкой жестокостью: «Wir gehen den gewöhnlichen ⟨...⟩; ich muss für meine Pferde sorgen» [24*]. Вы можете представить себе бешенство моего мужа, на этот раз вполне законное. Приехав в отель «Роза», он побежал к врачу; к счастью, это был немец из наших прибалтийских губерний, сердцем преданный русским. Он взял инструменты, лекарства и все, что надо, и минуту спустя уже скакал на коне. Сделав это, мы легли спать, немного успокоившись. На следующий день он пошел к главному местному деятелю, принес жалобу на двух кучеров, требуя наказания. Он не заплатил даже им, а отдал эти деньги прохожему бедняку. Это заставило нас остаться лишний день в Висбадене, чтобы дождаться ответа врача. Какое чудо, ножка была зажата между двумя панелями, так, что кость не была повреждена; так как она меняла компрессы, ребенок задремал, у него не было лихорадки, а доктор оставил немного ⟨...⟩, чтобы освежить дитя. Вот как мое счастье было отложено более, чем на двое суток, потому что лишь через три дня мы приехали в Баден, где я увидела друга, которого люблю всеми силами моей души. Что вы говорите, Киселев?

— Я говорю, мадам Смирнова, что я очень горд вашей дружбой. Вот мы и у входа в магазин.

Я примерила три чепчика одного и того же фасона и разных цветов — голубой, розовый и соломенного цвета, очень милые. «Мадам, вы поставите их на рю Монблан № 21, мадам Смирновой, запишите имя, потому что русские имена всегда искажают».— «Очень хорошо, мадам, да мы знаем мсье, и я смогу обратиться к нему. Мсье так добр, что рекомендовал нас, так как мы поставляем...».

— Пойдемте, мадам.

— Киселев, отчего вы волнуетесь?

— У меня есть на это причины, и очень настойчиво прошу вас не спрашивать меня о них.

— Воображаю. И я выпустила его руку.— Прикажите подать фиакр и я одна вернусь домой.

Я не могу страдать от умалчивания. Как только нет полного доверия, моя дружба исчезает.

— Так как вы хотите во что бы то ни стало причинить мне боль, я скажу вам, что заказывал здесь дешево туалеты, вы знаете для кого.

— В добрый час.

— Дайте мне вашу руку и я нежно ее пожму,— ответил он с ⟨...⟩.

[24*] Мы поедем с обычной ⟨скоростью⟩: я должен заботиться о своих лошадях (*нем.*).

— Что касается дешевых шляп, которые она мне предлагала, я их не хочу. У меня будут две от Бодрана, одна обычная, а другая — более элегантная для визитов. Я решила, что Пальмир сделает мне три утренних платья, три обеденных и три бальных; этого мне хватит; и еще одно платье черного бархата. Этого довольно?

— Вполне. Француженки ограничиваются тремя платьями на все; они переносят бальные украшения с одного платья на другое. Цветами Пальмир вас снабдит.

— Я в восторге от этого. Самое противное на свете, это модные магазины. Они напоминают мне запах у мадам Юга в Петербурге, смесь остатков пищи со старыми вещами. Однажды в ее магазине у меня произошел очень интересный случай. Молодая особа прошла через комнату ровным шагом и как тень скрылась в задней лавке. Я спрашиваю, кто это. Это,— говорит мне старуха Юга,— молодая особа, которую я пригласила из Парижа в качестве продавщицы; но вот уже месяц, как она ничего не делает и только вздыхает по Парижу; я плачу ей гораздо лучше. Врач, которого я пригласила, не понимает, почему она не ест и не спит, ибо ее язык и пульс не показывают никакой болезни.

— Мадам Юга,— сказала я ей,— я знаю, что, приехав сюда, она больна тоской по родине. Молодая девушка вошла таким же медленным шагом и почти погруженная в мрачность. Я ей сказала: «Мадемуазель, хотите ли вернуться во Францию, нет ничего легче. Есть дилижанс, отправляющийся каждую неделю, мадам Юга даст вам шубу и заплатит за место; кондуктор передаст вас на границе кондуктору французского дилижанса, и через три недели вы будете в Париже и увидите солнце». Она покраснела, взглянула недоверчиво на нас обеих. Мадам Юга сказала ей: «Дорогое дитя, сегодня четверг, в понедельник у вас будет все, что надо, и вы уедете».

— И этот дилижанс, который увозил вашего бедного друга, верите ли вы, что он уезжал, и сердце его не сжималось и не болело тоской о Бадене?

— Киселев, никогда не напоминайте мне эту ужасную сцену в Бадене, это так раздирает мне сердце, как будто я совершила нечто очень злое.

Он посмотрел на меня с несказанной нежностью. Чтобы оправиться от смущения, вызванного моими словами — исповедью моего сердца, я сказала ему: «Знаете, мы должны разнообразить наши занятия и развлечения, кончая, однако, если возможно, вечерней молитвой».

— Согласен, моя добрейшая Сильвия.

Ist sil schön und gut dazu [25*].

— Ну, ладно, один день я буду играть на фортепиано с $3^1/_2$ до 5, а вечером мы будем читать Гоголя и перелистывать мои альбомы. Очень многое мне нужно еще вам рассказать.

[25*] Она хороша и добра притом (*нем.*)

— Ваш план очарователен.

— Я хотела бы, чтобы мы вдвоем попробовали сыграть «Ревизор». Вы будете читать городничего, а я — Хлестаков; кроме того вы будете Осип, так как вы хорошо копируете Михайлу.

— Понятно.

— Но потом надо, чтобы иногда приходил Федор Голицын, он может вообразить, что наши тет-а-теты менее невинны, чем они есть на самом деле.

— Очень хорошо, при нем не надо стесняться, я могу называть вас Сашка, потому что ваш муж мне это позволил, а вы будете меня называть Николай, а для смеху Николенька. Неправда ли?

— Ах ты⟨...⟩ — и провела рукой по его лицу. Он прижал ладонь к своим губам и не знал, как меня благодарить.

— Я принимаю это как⟨...⟩ и ⟨...⟩ «Die Rose». Мои нервы были так расстроены.

— Зачем же вы не сказали мне этого.

— Оставим это и не будем больше об этом говорить, сейчас я чувствую себя очень хорошо.

— Какая досада, Киселев, Бодран и Пальмир сказали мне прийти еще раз. Пальмир спросил меня, какой корсет я хотела, с выставки или простой; я сказала ему, что никогда не носила никакого и просила его сделать большую прокладку в корсаже. Какой ужас носить еще этот китовый ус.

— Я с вами согласен, но здесь есть монополия на вещи и желание ⟨...⟩. Позвольте мне не вальсировать.

— Вы можете быть уверены, что мне всегда было бы смешно вальсировать с французом ⟨...⟩, который скакал, как козел. Д'⟨...⟩ решался на это только в контрадансах.

— А знаете, я встретил Платонова, он со мной не поздоровался, за что я ему признателен; он оставил карточку в посольстве, Пален сейчас же приказал доставить ему свою, а на обед его никогда не пригласят. В вознаграждение, чтобы сделать вам приятное, я поставил в список русских имя Андрея Карамзина.

— Спасибо, вы увидите, что это прелестный юноша.

— Скажите мне, прошу вас, с каких пор ваш муж взял обыкновение оставлять вас одну на целые часы?

— С каких пор? Я думаю, что уже через 15 дней после свадьбы; я не жалуюсь на это, он один из самых неинтересных компаньонов. По такому своему характеру он никогда никого не приглашал провести у нас вечер, одним словом, чтобы сделался салон. Однажды пришел Валентин ⟨...⟩; конечно, начался спор, Валентин сказал ему: «Вы рассуждаете как дикарь», он это проглотил. Меня это оскорбило, и я сказала себе, что лучше никого не видеть. Уже тогда, когда мы делали свадебные визиты, он желал пролезть к лицам, которых совсем не знал, а я знала очень мало. Я кончила тем, что прекратила это, и многие лица не послали свою карточку. Этот недостаток такта ранил и оскорблял меня.

— Странная манера любить жену.

— Ну, мой милый Киселев, если бы я рассказала вам подробности моего существования, вы изменили бы мнение о Смирнове. Он постоянно заставляет меня краснеть; это только булавочные уколы, но можно предпочесть им удары кулаком.

Он пожал плечами.

— Верьте мне, только благодаря моему молчанию у этого человека есть положение, и Бог видит, что я серьезно понимаю свой долг в супружеской жизни. Никогда не забуду первый наш завтрак в его кабинете: в момент, когда я меньше всего этого ожидала, входит его отвратительный кузен, Жан Воейков, ужасный шепелявый фатишка; он отпускал самые грязные шуточки: «Сто-с, брат Николай, надеюсь, сто ты отлицался ночью, а вы, кузина, довольны?». Смирнов смеялся этим прелестным фразам, а я вышла, не допив чашку кофе и в спальне меня вырвало. Я говорила себе: «Ну, вот и удовольствие, наверное я беременна».

Я слышала, как два любезных кузена зубоскалили. И сказать себе, что каждую ночь надо дважды проходить через эту невыразимую грязь. Утром, едва проснувшись, и лба не перекрестив. Ах, что за мерзость!

— Да, точно мерзость, и мне очень жаль вас, а что касается до Н. М., я уже вам в Бадене сказал мое мнение о его чувстве к вам.

— Он путает чувственность с моралью. И потом, в Петербурге он был совершенно неизвестен; он появился в салоне матери Александра Долгорукого. Его мать давала для своей дочери Надины маленькие вечера, то, что называется танцульки, было модно приглашать фрейлин, тогда можно было не сомневаться, что будут самые модные кавалеры.

— Я думаю! Если все они были так красивы и утонченны, как вы!

— Но слушайте. Смирнов приехал из Флоренции, это было после Пасхи, на нем были белые панталоны — как вам это нравится? (Я нахожу, что это ужасно, они похожи на кальсоны). И зеленая суконная куртка с золотыми пуговицами.

— Ужасно. Вы встретите в Булонском лесу старого маркиза де л'Эгль в таком костюме. Англичане насмехаются над ним.

— Он танцевал с пылом, так скоро и как будто говорил: «Так танцуют в цивилизованных странах». Родольф Кантакузен был моим кавалером в котильоне. Тот все подскакивал. Родольф, которому это надоело, сказал ему очень учтиво: «Прошу прощения, сударь, я не смогу использовать преимущество танцевать с мадемуазель, если вы выбираете ее в каждой новой фигуре». Это он выдумывал новые фигуры. А он и сказал Родольфу: «Не вам решать, сударь, устала мадемуазель или нет».— «Ну, сударь, мне очень надоело, что меня выбирает незнакомый. Что до князя Кантакузена, это друг детства». А тот мне говорит: «Какой петух, он смешон со своей розой в бутоньерке. Вы видели, что кривая старуха уже строит ему глазки, говорят, что он из Москвы и очень богат».— «Но кто он?» — «Он секретарь посольства во Флоренции, его имя — Смирнов».— «Какое простое имя!» — «Вы ошибаетесь, дорогая А. О., он из хорошей семьи, столь же хорошей, как наша».—«Какое неуместное смирение, вы сами говорили мне, что 600 лет назад были Б⟨...⟩ К⟨антакузены⟩».

А у Смирновых все были лежебоки, а воюет только, и некстати, мой благоверный, на всех ⟨...⟩.

— Неужели постоянно воюет?

— Постоянно; после моих первых родов меня послали в Берлин, чтобы посоветоваться с великим хирургом по имени Тифенбах, он первым делал операции женщинам в моем положении; вы должны были заметить, что я не могу молиться стоя. В Берлине у него не было времени для ссор, оттуда нас послали в Пирмонт, очень скучное место, и там дошло до дуэли, но ⟨...⟩ устроил.

— Где это Пирмонт?

— Близ Ганновера и ⟨...⟩ и Пьер де Вальдек. Но, Кисс, я болтаю как сорока; к счастью, я не знаю, не надоедает ли это вам иногда.

— Как вы можете думать, что вас касающееся может когда-нибудь мне наскучить. А как же вы ехали в эту затерянную дыру Пирмонт?

— Сперва я поехала в Веймар, чтобы представиться вел. княгине Марье Павловне, которую видела в Павловске. Веймар — странный город, герцогский замок огромен, а у остальных домов такой вид, будто их взяли ко двору — включая дом Гете, напоминающий по цвету зеленый сыр с травками; я знаю, что в детстве Амалья Ивановна клала нам маленькие кусочки на тартинки; я думаю, что, по ее мнению, это было слишком дорого, сыр был еще деликатесом, может быть, в ⟨...⟩ его нельзя было найти и сыр заменяли редькой. Как я хотела бы поесть редьки с конопляным маслом!

— Боже мой, что за вкусы, прелестный ротик раскрывается для такой самой простецкой вещи; русские крестьяне из-за нее не чувствуют запаха розы.

— Я была тогда беременна.

— Надеюсь, что сейчас этого нет.

— Боже меня сохрани, по крайней мере на два года; Гейденрайх и Шольц этого потребовали, а то, в самом деле, что я за корова.

— Нет, вы очаровательная маленькая телка, чистая, как райская птичка, наконец, вы — Сильвия.

— Кисса, знаете, что Мятлев написал нечто очень милое о мирской сходке.

Мужик
За ушами
Ст
И спокойно [26*].

Как вдруг один мужик сказал старосте: «Послушайте, староста, по маму ты должен быть ⟨...⟩.

Киселев так и покатился со смеху.

— Знаете ли,— сказал он мне,— Платонов делает ⟨...⟩, он как староста.

— Я в этом уверена; знаете, в Риме я сообщила Гоголю русскую пословицу, от которой он пришел в восторг и сказал мне: «За эту послови-

---

[26*] Не разобрано копистом.

цу спасибо, я ее таки вложу где-нибудь в II томе «Мертвых душ».

Вот эта пословица:

Удалось ⟨...⟩

Говорили как раз о довольно удачном портрете, который написал дурак Орлов[20]. Этот самый Орлов сказал а⟨...⟩: «Вот ваша правда. ⟨...⟩, я ваш портрет непременно хорошо напишу, вроде Веласкеса, ⟨...⟩ пот выступает на лбу.

— Ну, А⟨лександра⟩ О⟨сиповна⟩, не знаю, где вы набрались таких пословиц и речей, только, конечно, не в золотой гостиной императрицы.

— Да, там все российское исключено, государь со мной всегда говорит по-русски, и с мужчинами тоже, но государыня с трудом говорит по-русски, она говорит, но не может болтать. Имп. Мария Феодоровна гораздо хуже еще говорила. Ведь это одна Екатерина все повернула ⟨...⟩ фр⟨анцузски⟩ и с вертопрашным языком являлась в Петерб⟨ургское⟩ вертопрашество.

Я была дежурная в Петергофе, погода была прекрасна; покатавшись немного, императрица остановилась в Монплезир; ей подали письменный стол, положили подушку на земную лавочку и другую подушку под ноги; перед ней бил фонтан. Казак стоял за кустами, немного в стороне стояли ее ⟨...⟩ дрожки, и затем унтер-офицерский караул. Милейшая в⟨еликая⟩ княжна Александра Ник⟨олаевна⟩ бегала к взморью, бросала камушки, и на клочке бумаги карандашом диктовала мне письмо к В. А. Перовскому — «Черненькая, пишите!: «Я еду ⟨...⟩, это Перовский, я это чувствую». Черненькая, вы любите Перовского?» — «Да».— «Адини!»».

— Ее звали Адини, это ее имя вы взяли для старшей из ваших двойняшек?

— Ну да. Их привезли во дворец, Оли была так мала, что имп⟨ератрица⟩ боялась, как бы великая княжна Ольга ее не уронила; это она давала им имена; крестные отцы были, по-моему, император и наследник-цесаревич; у меня тогда был бред и я ничего не помню.

— Надо сознаться, что вступление в супружескую жизнь не было для вас благоприятно.

— Конечно, и во всех отношениях она для меня дурно пахнет; если бы не дети, я имела бы полное право разъехаться с моим супругом.

— Напишите еще: я жду.

— Ждите... Приходите поскорей, потому что «без вас мне скучно, я зеваю»»[21].

— Александра Ник⟨олаевна⟩, вам, кажется пора ехать домой. Я возвращаюсь на террасу и нахожу имп⟨ератрицу⟩ пишущей еще свой дневник в маленький квадратный альбом, таких было четыре в плоском деревянном ящичке; каждый альбом содержит год[22], очень мелким почерком.

Я сорвала розу и сказала довольно громко:

Фонтан любви, фонтан живой,
Я в дар принес тебе две розы,
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

— Черненькая, как это красиво, откуда это?

— Это Пушкин в поэме «Бахчисарайский фонтан» [23].

— Но в какой стране это происходит? В шестнадцать лет я знала еще Шиллера наизусть. Это прелестно, этот немолчный говор. Напишите мне эти 4 стиха в мой дневник.

И я написала так же мелко, как она; тогда она мне и сказала, что ее почерк рассчитан так, чтобы не выйти за пределы года; что она писала свой дневник с девятилетнего возраста, под наблюдением либо своей матушки, либо своей гувернантки, мадемуазель Вильдермет, прекрасной женщины из Берна.

— Хорошо, мой маленький зяблик, я закажу 4 книжечки, такие, как у имп⟨ератрицы⟩, и вы запишете туда подробности наших разговоров.

— Ничего подобного, вы ничего не будете заказывать, потому что это стоит очень дорого. А так как мы ⟨...⟩, я буду писать на обычной бумаге и, как говорит Саша, синей бумаги ⟨...⟩, может на нужное дело понадобится.

— Опять охота мешать с розами и розовыми устами всякую гадость. Однако $10\frac{1}{2}$.

— Сейчас, я постою сначала.

И прочла половину вечерних молитв, а он продолжал с таким детским и вместе глубоким чувством, что я была тронута почти до слез. Любимая молитва его была — Иоанна Златоуста. Он мысленно и душевно переносился за 32 года, когда, стоя на коленях возле матери, он повторял их за ней. О, если бы все родители понимали чудотворную силу молитвы в семье и с челядью, тогда роковой приговор Спасителя: «враги мои — домашние мои» утратил бы силу. «Я эти размышления вам скажу, любезный друг Киселев».

— Да, это совершенная правда, и вы не можете себе представить, как это глубоко.

Мы еще поговорили, потом друг друга благословили, и он ушел, взглянул еще наверх, я стояла у открытого окна.

17 novembre. Как только проснулась, я получила записку Клеопатры, объявлявшей мне, что она накануне приехала и просит меня прийти с ней повидаться, как только я смогу. Выпив чаю и съев мои два великолепных и необыкновенно больших яйца (мне их принес Михайла), после того, как муж напился чаю с удовольствием — из-за бриошей, которые он, однако, нашел не такими хорошими, как булочки из лавочки, я сказала ему о приезде Клеопатры. Его первым словом был вопрос, в Париже ли также Икскюль.

— Нет, вы же знаете, что они поехали в ⟨...⟩, Аника сказала мне, что эта свинья хотела продать ее имущество. Но если вам слишком скучно по вечерам, вам может составить компанию Платонов с Голицыным или Нарышкиным, только бы мне не приходилось готовить чай для этого надоевшего прилипалы; представьте себе, что в Бадене он осмелился прийти однажды вечером без доклада и начал с того, что сказал мне: «Теперь, когда этот парижский фат, Киселев, компрометировавший вас...».—

«г. Платонов, прошу вас выйти отсюда, и берегитесь, я вынуждена буду пожаловаться мужу на ваши дерзости». Тогда он начал хвастаться какими-то услугами, которые он вам оказал.— «Я думаю, мсье, что если кто-нибудь оказал вам услугу, то это мой муж: вы бы не снесли головы после ваших злоключений с княгиней Белосельской, и это в нашем доме вам выказали такую дружбу, а вы употребили ее во зло, преследуя меня своими смешными домогательствами».

— Какую же службу этот дурак полагает, мне оказал?

— Вы понимаете, что мне все равно; может быть он дал вам взаймы тысячу франков, которые вы проиграли на рулетке.

— И опять он лжет, я у него никогда ничего не просил. Но откуда вы знаете, что он в Париже?

— Мне подали его карточку, я сказала Фредерику, что если он еще придет, он всегда должен ему говорить одно и то же: ни вас, ни меня никогда нет дома.

— Я думаю, что вы очень хорошо сделаете, чтобы игнорировать все эти глупости, если пошлете ему свою карточку, не загнув угол.

— Полностью и раз навсегда моя дверь для него закрыта.

— Слава Богу!

— Я вас предупреждаю, что не обедаю дома; я иду обедать в ресторан с Яковом Толстым и Нарышкиным, они хотят угостить меня тонким обедом.

Едва он вышел, пришла Клеопатра, очень довольная своей квартирой и Беарном.

— Ну, а Киса?

— А что Киса, я его вижу каждый день, как в Бадене.

— И он ничего не говорит?

— Ничего. Нужно ли ему говорить, он хорошо знает, к чему это поведет.

— Ни к чему больше. Вот эти русские дамы: вместо того, чтобы все позволить, они предпочитают изнурять тех, кого любят.

— Клеопатра, уверяю вас, я не понимаю, о чем вы говорите.

— Моя милая, в вашем возрасте смешно не понимать, почему он волнуется, краснеет и бледнеет и почему он так похудел в Бадене.

Клеопатра сказала мне на ухо то, что можно только сказать на ухо.

— Милая Клеопатра, почему вы не сказали мне этого в Бадене. И кто вам это сказал?

— Беарн и Фифи.

— Могу вас уверить, что теперь он очень хорошо выглядит и сказал мне, что прекрасно себя чувствует.

— Будьте внимательны, моя дорогая, и если он волнуется и краснеет, скажите ему, что нужно избегать свиданий с вами. А лучше всего, поверьте, моя милая, возьмите его в любовники, и если вы забеременеете, мы найдем средство скрыть это от этой свиньи Смирнова.

— Да вы с ума сошли, Клеопатра. Как вы хотите, чтобы я говорила с ним о таких постыдных предметах. А что до любовника — это невозможно, совершенно невозможно. Спросите сами у него, Клеопатра, когда

у него бывают такие приступы, и тогда я сумею исключить повторение случаев, которые могут повредить его здоровью.

Один из моих братьев был очень серьезно болен, представьте, что он не мог без страданий видеть даже меня, сестру. Тогда муж сказал мне, в чем дело, и я туда не входила. Ему давали беладонну и делали холодные ванны. Скажите это Киселеву.

— Охотно исполню это. Вы знаете, дорогая, что я не люблю оперу, но в маленькие театры мы ходим вместе. Смирнов привозит туда свою любовницу в бенуар, абонированный в разных театрах. Но он не смог достать ничего в ⟨...⟩, как французы называют театр Буфф.

— Что за выражение, так говорили в старые времена до революции. Как ваши дела с Беарном?

— Все то же. Каждый раз, приходя, он говорит, что пушки заклепаны, а через минуту вздыхает, говоря: «Ах, Боже мой, если бы башни Нотр Дам были не так высоки!» Он предлагает мне идти ко двору Луи Филиппа, а сам говорит, что это мужик. Он идет туда только потому, что заинтересован в жалованье за свое место в Гессене.

— На вашем месте, дорогая, я заставила бы его на себе жениться. 40000 фр. ренты с Бойкой (?) не пустяки для бедного француза; они такие жадные.

— Моя милая, останавливает только религия, эта гадкая религия. Он хочет, чтобы я ее изменила, а я говорю: ни за что на свете; что это такое — причащаться запечатанным хлебом!

— Клеопатра, не думаете ли вы, что лучше было бы два или три дня не видеться с Кисом.

— Погодите, моя дорогая, нужно мне сперва с ним повидаться, а потом я скажу вам, что он думает.

— Он придет сегодня вечером, и я буду играть на фортепиано, так что мы будем далеко друг от друга. Я скажу ему, что вы хотите с ним о чем-то поговорить.

— Очень хорошо. А вы, моя дорогая, вы ничего не испытываете, когда он касается вашей руки.

— Абсолютно ничего; конечно, для меня большое удовольствие опираться на руку человека, которого люблю всем сердцем; но это и все. Иногда мне кажется, что это найденный мною брат, но которого я люблю иначе, чем брата. Тут есть неуловимый нюанс.

— Дорогой друг, вы любите его настоящей любовью. Вот то, в чем вы боитесь признаться себе, а особенно ему. Когда я сравниваю Киселева с вашим мужем, я хорошо сознаю, как тот должен быть вам противен.

— Не говорите этого, Клеопатра, Киса очень дружен со Смирновым и глубоко уважает его.

— Я полагаю, что это не мешает ему похитить сердце его жены. Если бы у вас было немного мужества, вы были бы его в час, когда он придет.

— Клеопатра, ужасно то, что вы говорите. Вести такую гнусную жизнь с двумя. А Киселев сказал мне: ни за что на свете он не согласился бы на компромисс со своей совестью.

— Все это фразы, и наступит минута, когда ни он, ни вы не сможете более скрывать ваши чувства. А вот он идет.

— Пожалуйста, никаких намеков на то, что вы мне сказали. Я уйду, потому что чувствую, что покраснею и буду смущаться, когда он войдет.

Я оставалась около четверти часа наверху с детьми, когда услышала голос Киселева в гостиной.

— А, здравствуйте, это вы? Видели вы Клеопатру?

— Да,— сказал он мне очень спокойным голосом.— Я поднялся, Клеопатра ушла, а я подумал, что вы наверное у детей. Честное слово, если бы я был вашим мужем, я бы ревновал вас из-за вашей страстной привязанности к вашим малюткам.

— Но вы, который любите всех чужих детей, вы наверное будете так же страстно любить детей вашей жены. Представим себе даже, что это буду я, что, впрочем, невозможно...

— Почему невозможно? Скорее мало вероятно, эта мысль менее мучительна; невозможно — это смертный приговор.

— Пусть маловероятно, и я вам предсказываю, что вы будете ревновать к любви вашего ребенка и предпочитать меня ему.

— Вы говорите как пророчица, и я начинаю вас бояться.

— Что за идея! Кстати о любви к детям: я забыла вам сказать, что я нанесла визит княгине Ливен; я нашла ее в маленькой гостиной, в платье черного бархата и тюлевом белом чепчике, оборки которого окружали лицо, чтобы скрыть следы непоправимой утраты; она вышивает по канве, ее работа напомнила мне знаменитую розу синелью на шелку, которую делала покойная императрица-мать — это был поистине труд Пенелопы, потому что она всегда ошибалась, отвлекаясь мемуарами Св. Елены [24], которые ей читали вслух.

— Я думаю, что вы не нашли у княгини ни одной книги.

— Это правда, не может быть ничего более пустого, чем ее гостиная, что-то нежилое. Может быть, она держит любимые книги у себя в спальне.

— Вы слишком добры. У нее нет любимых книг, она никогда ничего не читает и не читала. Она осрамилась в прошлом году, на обеде у мадам ⟨...⟩, самой близкой приятельницы ⟨...⟩, у которой там салон.

— Что значит, «у которой там салон»?

— Это чисто французская глупость. Каждый имеет свою, и у этой своей плутуют, когда обсуждают великую болтовню обеих палат.

— Я не езжу никогда ни к этим «своим», ни к плутам; представьте себе потрясенную Лизбет, если бы я бросил им, приняв вид Юпитера, гремя как император Николай: «Ваш Луи Филипп — похититель короны, ничтожество, достойный сын Равенства, и кровь ⟨мучеников⟩ падет на его проклятое потомство». Одним словом, что сказали бы о такой выходке?

— В русском посольстве были бы втихомолку восхищены, но вам бы указали покинуть эти прелестные места.

— Ну что же, уеду с радостью.

— В этом я уверен, вам всего приятнее оставить бедного Киселева.

— Это неправда. А иногда кажется, что лучше было бы не сближаться мне с ним. Он когда-нибудь да отравит мою жизнь.

— Напротив, вы мою жизнь отравите, в этом я уверен.

— Старушка надвое сказала. Я не знаю, помните ли вы, что Фон Визин, возвращаясь в Россию, провел ночь у одной старушки и сделал следующее забавное замечание: старушка предобрая, но личико преизмятое. Вдруг вы меня встретите где-нибудь после 25-летнего отсутствия и получите то же впечатление (старушка предобрая, но личико преизмятое).

— Это не помешает любить помятую старушенцию, а впечатление хранить про себя.

— Это, конечно, так, французская учтивость прежде всего. Что до меня, я по мужицкому русскому вот что бы сказала: ах, матушка, какие вы стали старенькие, а я все-таки вас люблю, как в Бадене у Дургольца.

— Я уверен, что это подумаю, но не скажу, что вы старенькие, потому что в глазах истинной дружбы не стареются. Вы не позволяете мне говорить «любовь», «сердце», как говорит <...>, столь правдивые в этом случае. Любовь не знает морщин.

— А в какой стране мы встретимся? Какая вам нравится более всех — кроме России, понятно?

— Больше всего я хотел бы видеть Швейцарию. Уже описание ее, сделанное Карамзиным в его наивных письмах, всегда вызывало у меня охоту туда поехать.

— Швейцария очень красива, смеющаяся и изящная, и вместе величественная; ее горы, покрытые вечным снегом, могут с еще большим основанием сказать прекрасным долинам Гельвеции, что сорок веков восхищаются ими, чем самые высокие пирамиды.

— Какой быстрый ум у вас, позволяющий вам мешать так смешное с возвышенным, снежными вершинами Швейцарии.

— Это потому, что Швейцария напомнила мне братьев Пурталес. А в Берлине я часто вспоминала маленький водевиль, глупо сентиментальный, где возвращаются в Швейцарию и <...> поет:

Счастливые обитатели
Прекрасных долин Гельвеции,
Жилище счастья
И простоты.

Я говорила Агриппине и Пурталесам.

— Пурталесы вам по сердцу, я это вижу и их ненавижу.

— Но я вам уже рассказала мои дела с Гийомом.

— Да, а все-таки неприятно; но я слышу в детской плач.

— Это Олю не могут уложить спать.

Я пошла в детскую: «Gehe ins Bett und bleibe ruhig, die Schwester wollen schlafen» [27*].

[27*] Иди в кровать и лежи спокойно, сестры хотят спать (*нем.*).

Выйдя оттуда, я нашла его у двери спальной и побежала вниз. Он очень сконфузился.

— Который час, Киселев?

— Должно быть, половина четвертого.

— Сегодня я не буду ходить.

— Почему? Что за каприз? Ходить вам предписано врачами.

— Почему? С каких пор вы стали главным парижским инквизитором?

— Таким любопытным меня делает моя преданность вам.

— Мадам Лада придет в 3 часа, и я посмотрю, что она мне принесет. Не хотите ли сходить на полчаса в ваш клуб и вернуться на концерт в 4 руки на моем котле, потому что другого нет; хоть бы это был по крайней мере 〈...〉, но это лишь Плейель. В Петербурге у меня был очень хороший Wisch[24a], это facteur из наших губерний; он сделал очень красивый орган для Одоевского, который тот окрестил великим именем Себастианон по Иоганну Себастьяну Баху, и играл на этом инструменте только Баха.

— До свидания, я иду в клуб и прибегу для первого же отрывка из Бетховена; пожалуйста, не начинайте без меня.

— Нет, нет, будьте спокойны.

Я расспросила мою маленькую курляндку Лада; оказывается, что она — приятельница Каролины Дельваль, они вместе были в консерватории. Она все мне рассказала о нем, и все это делает ему очень большую честь.

Я перелистала ноты и отложила в сторону все французское и просила ее доставить мне ключ du caveau et le cris de Paris.

Он пришел, запыхавшись и немного взволнованный. Г-жа Лада его никогда не видела и, казалось, удивилась, увидев элегантного дипломата вместо добряка, удивившего своей честностью по отношению к бедной девушке, которую он соблазнил в 16 лет; это она мне сказала после урока.

Я выбрала септет Бетховена, который много играла с Одоевским. Она играла левую руку и педали, потому что ловчее меня.

— Не находите ли вы,— сказал он мадам Лада,— что мадам превосходно модулирует; могу я просить вас повторить адажио?

— С удовольствием, я его очень люблю. Это одна из прекраснейших вещей Бетховена. Кисинька, при ней можно говорить по-русски.

— Конечно, но она, может быть, из этих слов наплетет целую историю.

— И то правда. Если Голицын любит слушать музыку, он мог бы приходить.

— Голицыну она не нужна, зато Мишель 〈...〉 был бы вам очень признателен.

— Тогда приводите его, я знаю его брата Камилла и еще другого, имя которого я забыла. Он — поэт и пишет поэму под названием Empi 〈...〉, который бросается в 〈...〉 визави. Я сделала бы то же, потому что от высоты у меня головокружение.

Между тем мадам Лада удалилась, и так как было 5 часов, он ушел. Я обедала с мужем, который заметно скучал вдвоем со мной, спросил меня, когда он окончательно станет членом клуба, и предложил мне пойти в маленький театр.

— Но, мой милый, у меня нет подходящего головного убора, платье-то безразлично, его не видно в ложах маленького театра.

— Тогда я пойду один посмотреть Д〈..〉 в 〈...〉. Говорят, что она прекрасна и Ашар тоже.

— И Киселев так говорит.

— Да где он пропадает, я что-то давно его не вижу.

— Но он был сегодня утром, когда я играла в 4 руки с мадам Лада. Вечера он проводит у французских знакомых. У него их очень много, и некоторые, по его словам, очень приятные. Я оставила твою карточку у княгини Ливен.

— Тем лучше. У меня нет никакой охоты скучать у нее, особенно вечером. Господа из посольства говорят, что язык проглотишь от скуки.

— Я могу объявить тебе еще об одной скуке: Дальмары здесь, а их салон — самый модный; если он такой же, как в Берлине, я не буду туда часто ездить. Старик Дальмар совсем ослеп и не играет более в вист.

— О, тогда я завезу свою карточку, а затем прощайте, г. барон. До свидания. Пригласи Киселева к обеду.

— Это идея, будет хороший обед, а у нас такая дрянь.

— Почему дрянь, обед всегда очень хорош: вкусный суп, курица с рисом и десерт.

— Ну, очень хорошо, я ему скажу.

В 8 1/2 тот, кого ожидали, вошел со своим нежным и веселым видом. Ах, этот взгляд хорошо выражает чувства; я уверена, что мой взгляд ему отвечает, потому что он садится и смотрит на меня, прежде чем сказать «добрый вечер» или «здравствуйте».

— Послушайте,— сказал он мне,— вы говорили мне о Швейцарии, я хотел бы подробнее узнать об этой прекрасной стране.

— Охотно. Мне кажется, что вы возвели меня в ранг болтуньи.

— Вы были бы болтуньей, если бы все, что вы говорите, не было бы новым для меня, не говорилось бы таким очаровательным и изящным образом и ваш голос не звучал бы так восхитительно.

— Перестаньте говорить мне комплименты, вы внушаете мне смешное тщеславие. Кончится тем, что я воображу себя совершенством, хотя я далеко не такова.

— Всегда слишком совершенны для меня. Но все же, какие самые красивые виды в Швейцарии, или, по крайней мере, те, что произвели на вас самое большое впечатление?

— Как вам сказать... Прежде всего меня поразили не самые ужасные и грандиозные, а напротив, простые и сельские. Ибо долина напоминала мне то, что я знала, любила и обожала в Грамаклее и Адамовке. Там не было голубых озер, но было синее небо, отражавшееся в Водяной и Тилигуле. Маленький порт Уши мне особенно понравился; это малень-

кая, очень привлекательная бухта. Богатый англичанин-благотворитель построил там маленький дом по плану своего дома в Англии, в нем были тут большие окна, оранжерея, полная экзотических растений, и вольера. Его видели сидящим под чем-то вроде маркизы в удобном кресле, с книгой в руках, и я говорила себе: вот, кто хорошо проводит последние прекрасные вечера своей старости. Я хотела бы кончить так свои дни в Грамаклее или, лучше, в Адамовке. Вы видите, что наши баденские планы хорошо гармонируют с этим пейзажем.

— Дай Бог нам окончить так годы нашей старости.

— Ах, Николай, не будем думать о старости, попробуем радоваться настоящему. У меня такая удивительная способность, что я всегда вижу, как вы меня покинули, или же как я пережила вас на 10 лет, десять смертельных лет сердечного одиночества.

— Я не могу этого допустить — разве только Богу угодно будет, чтобы я ушел из этого мира прежде вас. Но это было бы слишком жестоко. Мне кажется, что до сей поры ни вы, ни я еще не заслужили его гнева.

— Моя бедная бабушка была без сомнения святой женщиной, а сколько лет она прожила после моего деда. Но не станем говорить о будущем, я чувствую, что слезы наворачиваются на мои глаза.

Мы несколько минут оставались в задумчивости. Я была так погружена в себя, что вздрогнула, когда он мне сказал:

— Александрина, и величественная!.. Боже мой, как вы способны настолько погрузиться в себя, что вздрогнули, когда я к вам обратился! Где вы были — в Швейцарии, Бадене, Париже?

— Мысль так быстра, что она в мгновение ока облетает весь мир, она ласкает одно место за другим, останавливается на секунду, и всегда возвращается в дорогие места детства, в хутор под Одессой, Адамовку и Грамаклею. Тогда является папа и бабушка, мои дяди, тетки и герцог, сопутствуемый Батистом, и мои братья с Амальей Ив⟨ановной⟩, Николай, не плачьте, я вижу, что ваши глаза полны слез.

— Да, как я вам завидую, у вас столько любимых. А у меня после смерти матушки оставался только брат Павел и мой верный Михайла. А потом Господь в своем милосердии послал мне вас, чтобы заполнить ужасную душевную пустоту. И все еще я не осмеливаюсь сказать вам о том, как велика моя привязанность, я должен называть ее не истинным ее именем, вы это запрещаете.

Опять молчание, которое я прервала:

— Я обежала мысленно всю Швейцарию, вернувшись к озеру Комо. После Неаполя краски такие бледные, единственный действительно прекрасный вид это......, в глубине озера. Я встретила там Перовского и Х⟨аныкова⟩, Яшку, как мы его зовем. Оттуда я поехала до озера Лугано, синей, лазурной безделушки, окруженной очень красивыми виллами, построенными Т⟨.....⟩, Базетти, Р⟨....⟩ Мадерн, бедными остатками великой армии, составившими себе состояние в России плохими мраморными статуэтками, итальянскими пирогами, мороженым и шоколадом. Тем не менее это очень привлекательно украшает красивые ⟨...⟩ темно-зеленые.

Озеро переходят по деревянному мосту. Есть уже отель на английский лад, с полным комфортом. Первое, что я сделала, это пошла в библиотеку отеля, где есть только новейшие английские романы. Я купила один, в котором описываются мистерии.

— Мистерии? Что это такое?

— Мистерии, это представление страстей господних. Говорят, что мистерии Об⟨...⟩ исполняются уже 250 лет, каждые 10 лет. Все это происходит на свежем воздухе, и это так захватывает, что 8000 зрителей плачут горькими слезами.

— Но кто же актеры, и не кажется ли вам, что это профанация?

— Не знаю. Но с этой точки зрения умывание ног в великий четверг тоже профанация, ведь там передается беседа Иисуса Христа с учениками. А между тем очень трогательно видеть этого старого Папу ⟨...⟩ свою поясницу и ⟨....⟩ начал им умывать ноги. Мне никогда не удавалось видеть эту церемонию в Казанском соборе или в Москве.

Актеры — это крестьяне, они женятся между собой и никто из них ни идеален, ни передразнивает. Это самое нравственное население в мире, и они готовятся к своим ролям в течение 10 лет. Говорят, что костюмы воспроизводят одежду евреев в те времена.

Тетрадь с музыкой под ключом у капеллана совсем маленькой церкви; автора никто не знает, но впечатление, говорят, трогательное и величественное. Подождите 10 лет, вы сможете пойти туда, если вам случится быть в этих местах.

— Через 10 лет я, может быть, буду мертв и похоронен.

— Может быть, для меня?

— Это невозможно.

— Все возможно в этом худшем из миров... Я хотела сказать что-то, но замолчу.

— Но говорите же! Может быть вы вернетесь к своей старой привычке засыпать на минуту?

— Всегда возвращаются к своей первой любви. Может статься, что я лишь развлечение, способ провести время.

— Послушайте, мадам, вы не имеете права так обижать меня. Право, было бы лучше, если бы я перестал докучать вам своими посещениями. Но, пожалуйста, так как уже больше 10 часов, прочтите мне вечерние молитвы: может быть эти слова, полные такого милосердия, внушат вам больше доверия к вашему бедному Николаю.

— О да, я этого хочу. Пойду поищу книгу и подсвечник. Я не могу страдать ⟨...⟩ и этого прощания в полумраке.

Я нашла его облокотившимся на камин и погруженным в думы, казалось, мучительные.

— Николай, я готова. О чем вы думаете?

— О вас! Мне кажется, что вы играете моим сердцем, и это меня печалит.

— Я неспособна играть никем, вы достаточно знакомы со мной, дорогой друг, чтобы знать, что я прежде всего откровенна и правдива.

— Конечно, вы доказали мне это в Бадене, но часто вы ⟨...⟩

— Начните вы вечерние молитвы, а я окончу, а потом мы помолимся о наших дорогих покойниках и о живых, чтобы Бог дал им сон мирный и безгрешный.

После этого он сел еще на маленькую кушетку, а я на другой конец, подальше от угасающего камина. Мы молчали с чувством нежного покоя.

— Добрый вечер, дорогой Николай, почивайте с миром.

— Да, я надеюсь хорошо спать, эта молитва успокоила бурю, которую вы так жестоко разбудили.

— Хорошо, я не причиню вам более боли напоминанием о прошлом, вызывающем у вас неприятное чувство, и я сдержу слово. Ну, поцелуйте мне руку, а я вас в лоб, это можно.

Его милое лицо стало серьезным, это делало его столь полным очарования. Мы сидели по обе стороны камина, огонь угасал, потрескивая. Все это выглядело гостеприимным очагом. Он вздыхал и я тоже, наши руки сплелись, мы слушали этот шум молчания.

— Расскажите еще что-нибудь о Швейцарии. Мне кажется, что все там дышит истинно мягким покоем.

— Нет, дорогой друг, нужно спокойно идти в постель, и если не спать, то хоть делать вид, что спишь, чтобы избежать глупых разговоров о Д‹олгоруких?›.

— До свидания, до завтра, в 2 часа.

— Христос с вами, добрый друг мой.

— И с вами да будет крестная сила, моя молодая наставница и благодетельница. Сколько сокровищ вы накопили в моей душе.

Он еще у двери поцеловал мне руку, а я пошла в детскую. Там, слава Богу, все было тихо и погружено в сон; одна старуха Дикинсон дремала над своей библией.

17. За завтраком мой муж рассказывал мне о своих впечатлениях от театра. Он сказал, что сделает турне по ним и скажет мне, что должно будет привлечь мое внимание. Остальные все вообще хороши. Нужно пойти во Французский театр посмотреть Муру и мадемуазель Марс, в 35 лет играющую роль молодой женщины. Она еще так хороша в 35 лет, что ей дали бы 25, ее голос неслыханной свежести. Потом нужно видеть Леонтину Фэ.

В 11 часов я пошла к Пальмиру мерить платья, это заняло у меня более часа — три корсажа и длина юбки. Оттуда я пошла к Бодран, где мерила две шляпы — барежевый красный тюрбан с золотыми и турецкими (?) украшениями, другую из красного бархата с пером и два или три чепчика. Вернувшись к 2 часам, я нашла дюжину башмаков из белого атласа, три пары полуботинок и шесть пар из черного атласа — и все это составило мне меньший расход, чем обувь у мадам Брено, которая всегда говорит о царствовании короля Иеронима Вестфальского и заставляет вас платить за пару полуботинок с позолоченной кожей 25 франков, уверяя вас, что императрица платит 30 франков. Ужасная мошенница! У меня есть уже перчатки.

Каково было мое удивление, когда мне доложили о Жозефине Т‹...›; она приехала выполнять поручения князя Пьера и скоро уезжает в Пе-

тербург. Она часто видается с семейством <...>, я вспомнила, что госпожа <...> урожденная Бороздина, очень красивая молодая особа, которую я встречала у моей тетушки Лорер. Но я не возобновила знакомство с ней, так как мой муж незнаком с господином <...>. Говорят, что это откупщики. С Жозефиной мы много говорили об Алине, о Жиле, о Тортю, о Видьер, Грегуар, который производит фурор своим голосом. Придворные слуги не оплачиваются; я помню, что Куракин показал мне однажды список приглашенных на музыкальный вечер: господин Львов со скрипицей, а князь Гр. Пет. с нотами. Львов играет восхитительно, а его жена, Абаза, очень хорошо поет, но всегда «Wanderer» и «Ave Maria, Stella» Шуберта, так что уже тошнит. Вел. княгиня Елена, у которой нет слуха, стала вдруг меломанкой, и Львов аранжировал «Stabat Mater» Перголезе для оркестра, а известно, что эта вещь была написана великим композитором только для аккомпанемента 4 скрипок. Тем не менее, я слушала с большим удовольствием эту трогательную музыку, так полно выражающую страдания Марии, когда она видит своего сына и своего бога на кресте.

Около 3 часов мне доложили: «г. Киселев». Я представила его Жозефине, сказав ему, что она — подруга Алины Дурново. Когда Жозефина через четверть часа ушла, он сказал:

— Я задыхаюсь, не видя вас на улице Basse de remparts, я вообразил, что вы заболели, много гриппа, и в этом году, говорят, очень опасного. Я побежал к Клеопатре, ее не было дома. Тогда я решился постучать в вашу дверь, и Фредерик доложил мне, что у вас дама с визитом.

— Милый Николай, не беспокойтесь о моем здоровье; у меня железная грудь и я не боюсь гриппа; единственный мой враг — нервы, но, слава Богу, после Бадена приступы стали меньше. Клин клином выбивают, и это вы вылечили меня этим летом. Я говорила вам, какие ужасные они были — и не будем более говорить об этом. Кто старое помянет, тому глаз вон. Я не расположена сегодня выходить.

— На сегодня я вас помилую, так как погода не довольно хороша, и я вооружился зонтиком и ботами на двойной подметке.

— Я раскопала еще русские романсы, и среди них романс Глинки:

Только узнал я тебя,
Как трепетом впервые
Сердце забилось во мне [25].

Это так просто, а перед вторым куплетом есть прелестное изменение тона. Хотите, я вам его спою?

— Еще бы, ваш голос так нежен, верен и проникает прямо мне в сердце. Мне кажется, что эти стихи хорошо выражают то, что я испытывал, когда княгиня Юлия представила меня вашей грациозной особе. «Пойте, пойте, моя красавица!» — знаете ли вы эти стихи Мюссе?

Я спела ему один раз, но он попросил меня повторить его.

— Я не устаю его слушать, отныне вы всегда будете мне его петь перед вечерней молитвой, неправда ли?

— Да ⟨...⟩, потому что папа и герцог желали, чтобы я была вежлива с русскими слугами. Я желала бы, чтобы мне объяснили тайну славянского языка?

— С этим вопросом вы должны были обратиться к ученому Самарину.

— Когда я его видела в последний раз, вечером, у него пальцы были выпачканы черным, и он сказал мне, что занимается ⟨...⟩ пути России.

— Насколько русские, остающиеся на родине, счастливее тех, кто, подобно мне, прикован к ярму иностранных дел и к этому пустому дипломатическому корпусу, главное дело которого — хорошо пообедать и особенно угостить хорошим обедом других. Пален всегда в дурном расположении духа, когда должен обедать в городе.

— Это я хорошо знаю, он предпочитает eine gute Kartoffelsalade тому, что старик Сологуб называет «подленький винегрет»; я же, как и он, нахожу его прекрасным.

— Auch ich bin in Arkadien geboren[26] и в ⟨...⟩ я с удовольствием ем смесь русской и немецкой кухни.

— Lieben Sie auch Karbonade mit Hönig gegessen? Мишель В⟨...⟩ говорит, что по четвергам вся Рига ест это с наслаждением, это просто телячья котлета с медом.

— Охотно верю, что это едят, и весь ⟨Дерпт⟩ облизывал пальцы, кроме Языкова, меня и нескольких других, русских тоже, медицинских студентов.

— В Берлине по четвергам все едят eine gebratene Gans mit sauer Kohl, это очень вкусно. Они тоже очень любят gerauchter Gans[28*], у нас это называют палатки. Есть еще превосходная вещь в Новгороде, это копченые сиги, которых ловят в Волхове. Весною пятница посвящена Tettaner Rhübe со щукой, и все приправлено пряниками. Вы смеетесь, я понимаю. Это что-то отвратительное, и конечный результат таков же, как от действия ревеня, это приятно. Le Tettaner Rübe поистине деликатес, это белая репа, длинная и очень сладкая, тогда как обычную репу надо вымачивать в сахарной воде. Эти свиньи французы ничего не умеют. У нас и брюкву, и репу умеют так готовить, что слюнки текут.

— Однако, милая С⟨ашенька⟩, какие вы жадненькие.

— Право, на словах; вы могли заметить, что аппетит у меня краткий, я не могу есть много за один раз, но мне нужно часто утолять голод. Беременности не в счет, потому что тогда ешь за двоих.

— Вы должны были заметить, что и я ем мало; к несчастью, и сплю мало.

— Но если вы спите мало или плохо, испробуйте очень простое средство, которым моя приятельница, человек очень искушенный в нервных болезнях, пользовалась с большим успехом, чем любыми наркотиками.

— Дайте мне, пожалуйста, рецепт.

[28*] хороший картофельный салат ⟨...⟩ — Я тоже родился в Аркадии ⟨...⟩ — Любите ли вы есть также карбонат с медом? ⟨...⟩ жареного гуся с кислой капустой ⟨...⟩ копченого гуся (*нем.*).

— Возьмите два листка лимонного дерева, положите их ⟨...⟩ в стакан свежей воды на 24 часа и потом, ложась спать, выпейте полстакана, а если этой дозы недостаточно — то и остаток, и вы увидите, что это очень успокаивает.

— Спасибо, доктор медицины,— в эту степень я вас возвел в Бадене.

— Да, мы об этом довольно говорили в Бадене.

— Я возвращаюсь к кухне, так как вы знаете, что в наших воздушных замках вы должны будете готовить мне небольшой обед из трех блюд.

— Разумеется, что я помню всю нашу баденскую болтовню. Я записала все это в книжку в форме аррасских сердечек и засахаренных зерен, несколько тайных слез о невероятности осуществления наших прекрасных химерических планов.

— Не говорите мне этого, это делает меня слишком несчастливым.

— Знаете ли, милый друг, что мои великие дела, связанные с туалетами, закончены у Пальмира и Бодран; уже доставили мои башмаки и полуботинки. Может быть, я вам уже это говорила?

— Да, но я сгораю от нетерпения увидеть платья от Пальмиры и головные уборы от Бодран; бьюсь об заклад, что эта последняя восхищается вами, примеряя шляпы. В Париже нет красивых женщин, кроме герцогини д'Истриа, самой красивой и замечательной женщины элегантного света.

— Бодран очень забавна: она останавливается, прикладывает палец к щеке, зовет девиц из магазина, поворачивает туда и сюда мою голову, а потом какие-то тонкости. Там зеркала со всех сторон, я открыла, что в профиль я немного *уткой*, что направляет мой взгляд как бы вниз.

— Вот вы и кокетничаете, и все-таки не добьетесь никакого комплимента от вашего покорнейшего слуги.

— Вы скажете мне так, как не знаю какой предсказатель говорил Людовику XIV: «Государь, я не делаю вам комплиментов, я не нашел их для вас в евангелии».

— Это Массийон, я думаю.

— Вовсе нет, если не ошибаюсь, это какой-то янсенист.

— Может быть. Факт тот, что теперь во Франции нет больше янсенистов. Паскалей и Арну сменили болтуны, изрекающие только банальности [27]. Кроме Лакордера и иезуита Равиньона, которого я не хожу слушать. Между нами говоря, и у них много общих мест.

— Я в этом не сомневаюсь. Что до Лакордера, то это одержимый Филарет; слово выдает, не входя в детали, он чрезмерно стыдлив, и в некоторых проповедях, напечатанных в фельетонах Débats, есть вещи возмутительные. И даже Вяземский, этот великий защитник западной цивилизации, должен был согласиться, что многие из его проповедей о нравах с трудом можно читать.

— Я читал это и совершенно вашего мнения. Вы видите, что эта отвратительная римская церковь извращает все лучшие стремления души.

— Кстати об этом: графиня Нессельроде дала мне письмо к этой перебежчице г-же Свечиной [28]. Я думаю, что я соскучусь до смерти.

— Наверное. Посланник ездит туда раз в шесть недель вместе с ма-

дам; они остаются там четверть часа, она преклоняет колена с ними, а они с ней еще в тысячу раз больше.

— Воображаю, что она приказывает опрыскивать ладаном после профанации протестантами этой обители римской чистоты. Какая бессмыслица, т. е. сделать из провинциальной церкви всеобщую религию. Хомяков был прав, говоря: нет ничего, что бы не соблазнила римская церковь.

— Вы лично знакомы с Хомяковым?

— Наверное я говорила вам, что он даже написал очень хорошенькие стихи для меня. Я знаю только первую строку:

От роз ее название.

Далее не знаю. А потом он передумал и сказал: но при слове Русь сердце ее не забьется [29]. Вы знаете, как это неверно.

— А теперь, милый друг, признайтесь мне откровенно, возможно ли, чтобы вам не льстили все эти свидетельства уважения в прозе и стихах?

— Откровенно говоря, нет. Я ничего не делала, чтобы вызвать их, и принимала их без благодарности. Это, может быть, очень дурно, но факт таков. Поэты и версификаторы,— потому что Вяземский скорее составитель стихов, чем поэт, его можно сравнить с Буало или Пампиньоном, ему просто нужно говорить откровенно то, что он думает и чувствует. В этом нет ничего, что бы льстило. Я была очень польщена, когда Филарет снизошел обсудить со мной кое-что с той трезвостью в деталях и бесконечной тонкостью, которые ему свойственны.

— Я понимаю это, потому что у вас ум весьма серьезный вместе с той беззаботной веселостью духа, которая вам присуща.

— А Бог знает, мой милый Николай, какая печаль в глубине моей души, и особенно в этом свете, когда я вижу эту пеструю толпу, увлекаемую речами, в которых нет ни начала, ни конца.

— Муханов, говоря о Филарете, сказал, что он — князь церкви. Кто-то сообщил эти слова митрополиту, и он был возмущен ими.

— ««Князь церкви», что за вздор, пусть себя так называет римский папа, а мы все — недостойные служители алтаря». Он говорил мне это с энтузиазмом, если можно так выразиться, потому что у него энтузиазм только к Богу, Иисусу Христу и из всех святых — к св. Сергию. Он написал жизнеописание св. Сергия, который заговорил во чреве своей матери.

— Св. Сергий, Троица — это напоминает мне особенную преданность моей матушки к этому монастырю; она всегда брала меня туда с собой. Как называется место, где пьют чай?

— Мытищи, там, говорят, вода особенно хороша для чая; бьюсь об заклад, что она привозила сайки и калачи, а сливки там очень хороши. Это как раз на половине дороги.

— А потом матушка покупала мне красные ящики, которые входят друг в друга, и еще колокольчики и церкви.

— Николай, а еще там продают маленькие зеркальца в рамке из блестящей красной бумаги с посеребренными украшениями. Это очень нравится детям. Я привезла оттуда целую коллекцию для моих малюток

— А моя матушка привозила много просвир и маленькую для меня; она мне говорила: «Николинька, ты маленький, и просвирка тебе маленькая, но и то вынуты части за папу, маму, дедушку, бабушку, Павлушу и за тебя. А вот эта большая за твоего старшего брата, моего Александру, и тогда моя бедная матушка обливалась слезами.

— Милый друг, мы теперь слишком взволнованы, чтобы продолжать в этом духе.

— Да, я всегда волнуюсь, думая об этой жестокой утрате, но это к моему благу, когда я вижу, что вы понимаете и разделяете мое волнение. С кем я мог когда-либо говорить так свободно о моей матери, как с вами? Я не боюсь вам наскучить.

— Конечно, нет, я также часто думаю о папе и бабушке. Она была еще жива, когда я уехала из России[30], но я не получала никаких известий о ней; дядя Дмитрий никогда не пишет, и я даже перестала ему писать; зато я время от времени пишу Николаю Ив⟨ановичу⟩ в Сибирь.

— А это дозволено?

— Конечно, но письмо должно быть распечатано. Я не могла ему посылать деньги, но послала ему фонарь, о котором он меня просил ⟨...⟩ фонарь, чтобы ходить вечером к Нарышкиным и другим друзьям, немного белья и бандаж, потому что у него грыжа.

— Знал ли об этом император?

— Конечно. Он знал от Бенкендорфа, что я писала; но не знаю, почему он меня спросил, пишу ли я своему дяде в Сибирь. Я ответила: «Да, но не часто», а имп⟨ератор⟩ сказал мне: «Вы хорошо делаете, никогда не надо забывать родных и друзей, когда они в несчастье и печали».

— У меня тоже есть кузен Норов, который был замешан в истории 14 декабря[31]. Где вы были тогда?

— В институте, а мои братья — в Пажеском корпусе. Окна нашего класса выходили в сад, а потом шла Литейная и Мариинский госпиталь, так что мы ничего не слышали. Сашка пошла, как обычно, в лавочку за всякой дрянью и, вернувшись оттуда, сказала нам, что в городе бунт, пушки стреляли и много народа убито. Посреди пряников, леденцов, фунтового хлеба слышно было, как девицы говорили: «Надеюсь, что мой брат не бунтовал». Это были Га⟨лямина⟩, Лермонтова, брат которой был офицером Измайловского полка[32]. ⟨...⟩ тоже беспокоилась, так как ее брат служил в Генеральном штабе и приносил ей стихи Рылеева, которые она сейчас же спрятала, не знаю куда. Я-то не беспокоилась, потому что мои все были в Пажеском корпусе.

Сашка нам сказала также, что у нас утром должен был быть гренадерский полк, но что его сменили. Мы с Стефани, одна за другой, пошли в маленький дортуар, открыли форточку и крикнули часовому: «Служивый, зачем сменили караул?» Ответ был неудовлетворительный: «Что вам за дело, барышни, ложились бы спать». А вы, Киселев, где были вы?

— В Петербурге, я собирался идти в канцелярию, и из первых рядов мог видеть это ужасное столкновение. Я видел, как император вышел

из дворца в сопровождении нескольких генералов и дворцовой охраны, оставшейся у дверей. Имп‹ератор› был великолепен и казался спокойным.

— Я представляю себе. Тогда впервые так проявилась его личность. В высшем обществе его очень обвиняли; эта армия придворных никогда ничего другого не делает; как я всех их презираю.

Только в конце февраля мы покинули институт, и в марте меня взяли во дворец, не помню числа; я всегда сбиваюсь в датах — кроме тех, что запечатлелись в моем сердце. Киселев, помните ли вы такие?

— Увы! Они записаны и в моем сердце, и в книге молитв, переписанных вашей хорошенькой ручкой; такие маленькие, мягкие и миленькие, особенно когда они летают по клавишам; а при сей верной оказии... Господи, сейчас 5 часов, прощайте, приходить ли в 8 часов?

— Как вы смеете это спрашивать, за это вам надобно уши выдрать.

— А за это становятся на колени и просят позволения поцеловать ножки. Бегу в клуб, сегодня идет баллотировка.

— Приходите скорее, пожалуйста; я дрожу, что не будет ‹...›, он уже жаловался на меня г. Эстергази.

За обедом я заметила, что хозяин дома беспокоен, в дурном расположении духа. Он сказал мне: «Я был в клубе почти до 5 часов. Выходя, я встретил бежавшего туда Киселева, который помахал мне рукой. Он приходил сюда?»

— Конечно. Он оставался около четверти часа, так как ему надобно было еще что-то сделать в канцелярии, и сказал мне, что торопится туда точно к 5 часам для баллотировки. Он сказал, что вернется вечером и проводит тебя туда уже как члена, так же как Л‹...› и Голицына.

После обеда он закурил, захрапел, а потом начал мерить комнату взволнованными шагами, все время вытаскивая часы: «Как долго тянется время, когда ожидаешь».

— Так как я никогда ничего не ожидаю, то не замечаю продолжительности часов.

— Где «Journal des Débats»?

— Наверное на твоем письменном столе, я сказала Фредерику, чтобы он всегда клал его туда, как и «Journal de Frankfort».

Он принялся читать всю эту болтовню, высказываясь о Тьере, Од‹илоне› Б‹арро›, Ла‹....› и всей ‹....›, и все вышли скоты и свиньи — «неправда ли, Сашенька?»

— Конечно. Но меня удивляет, как ты можешь читать всю эту рапсодию от доски до доски.

— Однако половина девятого, а Киселева не видать.

— Он обедает в 7 часов, а так как там часто люди, он не может сейчас же убежать.

— Нет, я лучше пойду в посольство и там узнаю все.

— Нечего узнавать, потому что Киселев тебе сказал, что это верно.

— ‹...› я пойду в какой-нибудь театрик, это меня развлечет и позабавит.

Через 20 минут они вернулись, споря. Киселев его успокаивал, говоря, что держал баллотировочный ящик, угрожал, что все русские поки-

нут основанный ими клуб, а М ⟨...⟩ взялся дать хороший урок этому маленькому негодяю Морису Эстергази. Муж успокоился и потом пошел будто бы в театр, пошептав что-то на ухо Киселеву, который пожал плечами. Тогда он сказал: «Ну что, брат, ведь ты сам по вечеркам ⟨...⟩, а ⟨...⟩».

Было 10 часов, когда этот любезный компаньон ушел.

— Наконец,— сказал мне Киселев.— Я пришел в клуб как раз вовремя, чтобы вмешаться; но что же вы хотите, он успел уже отпустить дурные шуточки Эстергази, вроде тех намеков, которые сделал мне. И потом, как можно так мало церемониться со своей женой, это меня оскорбляет за вас.

— А я в восторге, потому что это избавляет меня и от его общества и от еще более ужасной его близости.

— Сейчас это преимущество, но вообще я предвижу для вас, милый друг, только страдания.

— Я ничего не могу сделать, и мой удел только молчать и переносить. Говорят, что я отличаюсь от большинства замужних женщин. Представьте, что я могла бы стать ревнивой, и зачем? Вы знаете по вашему собственному опыту, что сцены ревностью приводят лишь к отвращению. До сих пор он не сделал ничего явным. Кстати, о ревности: мой брат Лев рассказывал моей тетке Цициановой, что одна дама, ревновавшая своего мужа, всегда блуждала по лесу в деревне. Моя тетушка, очень забавная, ответила ему: «Милый мой, если бы все жены, мужья которых были им неверны, прогуливались в лесах, скоро там было бы больше женщин, чем деревьев». Неправда ли, это мило?

— Мило, я всем это буду рассказывать, и скажут: какой Киселев умный и приятный.

ДОПОЛНЕНИЯ

1. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ А. О. СМИРНОВОЙ

1

Старуха Загряжская говорила великому князю Михаилу Павловичу: «Не хочу умереть скоропостижно. Придешь на небо угорелая и впопыхах; а мне нужно сделать Господу Богу три вопроса: кто были Лжедимитрии, кто Железная маска и шевалье д'Еон — мужчина или женщина? Говорят также, что Людовик XVII увезен из Тампля и его спасли; мне и об этом надо спросить» [1].

— Так вы уверены, что попадете на небо? — ответил великий князь.

Старуха обиделась и с резкостью отвечала: «А вы думаете, я родилась на то, чтобы торчать в прихожей Чистилища?»

Она еще старой закваски: большая вольтерианка, хотя и бывает в церкви.

2

Провела у меня вечер старая фрейлина Марии Федоровны Кочетова, и мы говорили про старину. Л., вспоминая, как хоронили императрицу Екатерину, сказал Кочетовой: «На лице у сына заметно было более гнева, чем печали». «Он на всех глядел свысока. Императрица Мария искренно плакала, и все мы также. Какая это была добрая женщина Екатерина! Вы знаете только про ее ум, до про ее слабости, а мы знали ее сердце». Императрица-мать, т. е. Марья Федоровна, отзывалась Кочетовой в этом же роде *.

3

Государь сказал Пушкину: «Мне бы хотелось, чтобы король Нидерландский отдал мне домик Петра Великого в Саардаме».— Пушкин ответил: «Государь, в таком случае я попрошу Ваше Величество назначить меня в дворники». Государь рассмеялся и сказал: «Я согласен, а покамест назначаю тебя его историком и даю позволение работать в тайных архивах».

---

* Не знаю наверно, кто Л.— Лопухин или Ласунской. Ласунской был при Марье Ф‹едоровне› (очень стар), Лопухин также был стар, он был канцлер при Александре Павловиче (примеч. О. Н. Смирновой).

4

Вчера была в Смольном у старухи Нелидовой[2]. Она умна и весьма рассудительна. Говоря об императоре Павле, она сказала мне, что он положительно был болен, что вспышки гнева у него бывали страшные, но очень краткие, и что надобно было только не смущаться, чтобы он успокоился,— и что она именно так и поступала: «Моя милая, я глядела на него свысока и прямо в глаза, и он начинал извиняться». У нее есть записочки имп⟨ератрицы⟩-матери: «Милая Нелидова! Побывайте у меня. Ветрено. Государь возбужден, и вы мне нужны» [2*].

5

Кочетова мне рассказала, что миссис Кеннеди [3*] ей сказывала, что она запиралась ночью с императрицей и спала у нее в комнате, потому что император взял привычку, когда у него бывала бессонница, будить ее невзначай, отчего у нее делалось сердцебиение. Он заставлял ее слушать, как он читает ей монологи из Расина и Вольтера. Бедная императрица засыпала, а он начинал гневаться. Жили в Михайловском дворце [4*], апартаменты императора в одном конце, императрицы в другом. Наконец Кеннеди решилась не впускать его, Павел стучался, она ему отвечала: «Мы спим». Тогда он ей кричал: «Так вы спящие красавицы!», уходил, наконец, и шел стучаться в двери m-me K. [5*], камерфрау, у которой хранились бриллианты, и кричал ей: «Бриллианты украдены!» или «Во дворце пожар!» К., несколько раз поверив, потом перестала ему отпирать, и он стал ходить к часовым и разговаривать с ними. Он страшно мучился от бессонницы. Императрица иногда нарочно вставала и прохаживалась с ним иной раз всю ночь, пока он не начинал успокаиваться. В день убийства они спали, к ним постучались вечером, и произошла ужасная сцена.

Великая княгиня Анна [6*] разрешилась мертвым младенцем за 8 дней до этого, и император, гневавшийся на своих старших сыновей, посадил их с этого времени под арест, объявив, что они выйдут лишь тогда, когда поправится великая княгиня. Императрица также была под домашним арестом и не выходила. Эти неудачные роды очень огорчили императора, и он продолжал гневаться, *он хотел внука*! Обе молодые четы жили вместе в Аничковом дворце и не принимали никого, и Кеннеди и К⟨люгель?⟩ ходили туда тайком, чтобы узнать, как чувствует себя великая княгиня Анна.

[2*] Это когда Нелидова жила на покое в Смольном (примеч. О. Н. Смирновой).

[3*] 1-я камерфрау, шотландка Мэри Кеннеди; мать моя ее еще застала во дворце (примеч. О. Н. Смирновой).

[4*] Возле Летнего сада (примеч. О. Н. Смирновой).

[5*] Я не помню имени, оно неразборчиво написано, похоже на Клюгель.

[6*] Жена Константина Павловича.

Когда постучались, Кеннеди подумала, что это император, и крикнула: «Мы спим!» Постучались еще раз, громче, и раздался удар металла в дверь, разбудивший императрицу. Шум повторился, и ее величество вскричала: «Это стучит часовой, должно быть, во дворце пожар». Кеннеди подала ей пенюар и обула ее, имп‹ератрица› ей сказала: «Надо предупредить К‹люгель?› [7*] и пойти к императору», и она велела открыть дверь. Часовой остановил ее, заградив дверь штыком, преградил ей путь и сказал: «Берегитесь, ваше величество». Дюжина заговорщиков была перед дверью, и солдат думал, что они пришли убить имп‹ератрицу›, ибо у них был такой возбужденный вид; один из них (Панин) сейчас же объявил ей, что император мертв, ей стало дурно, один из офицеров (Яшвиль) бросился за водой, часовой встал между нею и заговорщиками. В тот момент, когда граф (Пален) подал стакан миссис Кеннеди, поддерживавшей императрицу, часовой отодвинул графа рукою, схватил и сам опустошил стакан (*он его выпил!*) и вскричал: «Вы убили нашего императора, вы способны отравить и императрицу!» Этот солдат еще жив [8*] и живет в Монмартре [9*], императрица ему назначила пожизненную пенсию, и когда я сопровождала ее к инвалидам в Павловск, она с ним всегда разговаривала и он сопровождал ее во время прогулки к ветеранам. Она сказала мне однажды: «Я очень обязана этому человеку» [10*].

6

Мадам К. рассказывала воспоминания о ночи 13 марта: «Я услышала шаги и голоса, встала, подумала о бриллиантах, сложила футляры в несгораемый шкаф, потом вышла из кабинета; я не чувствовала дыма, пошла к служебной лестнице, на которой встретила истопника, он был

[7*] Вы постарайтесь узнать, кто у М‹арии› Ф‹едоровны› был при бриллиантах, в записной книжке имя очень неразборчиво написано и тут же пятно, а после только первая буква имени. Кеннеди имя я знала, потому что моя нянька, шотландка, была ее внучка, и мать всегда говорила, что имя это — то же самое, как имя самой верной служанки Марии Стюарт, Мэри Кеннеди. К — Клюгель, или это другое имя. Кеннеди я разобрала, потому что помню имя, а та фамилия очень незнакомая, и я забыла. Эти записки я не читала с 1866 года, получила их из Лондона в конце 85 года только, и они очень отсырели и многое очень неразборчиво, в пятнах, и чернила побелели даже; многие имена я с трудом разгадывала, а про иные, напр. Л., не знаю хорошо.

[8*] 1828 г.

[9*] В Павловске Монмартр, где инвалиды 12, 13, 14, 15 г. жили.

[10*] Вот в каком роде записки. Ежели вам это нравится, то я перепишу еще очень много о П‹авле› П‹етровиче›, о том, как объявили А‹лександра› П‹авловича› и пр., капризы Павла, роль Бенигсена — он один его убил, подкупленный Англией, как Бенигсен запер дверь и не впустил имп. М‹арию› Ф‹едоровну› до приезда А‹лександра› П‹авловича› и К‹онстантина› П‹авловича› с Е‹лизаветой› Ал‹ексеевной›. Разговоры Н‹иколая› П‹авловича› с Пушкиным. Холера 1831 г., рассказ кучера, когда царь ездил на Сенную усмирять бунт.

Вот еще рассказ камер-фрау М‹арии› Ф‹едоровны›, у которой хранились бриллианты — ежели вы ее имя узнаете, напишите мне это для моих записок; я уже три дня работаю над этим. Скажите, разве я не любезна к вам?

полуодет, я спросила его, где огонь, он отвечал мне: «Какой огонь? Меня разбудили криком, что император выбросился в окно и убился!» Я подумала, что этот человек пьян, поднялась, дверь в комнату имп‹ератрицы› была открыта, комната пуста. Тогда я испугалась. Я побежала к аппартаментам императора на другой конец дворца, потому что часовой крикнул мне: «Он умер!» Перед дверью императора были офицеры, все безоружные, очень бледные, я подумала, что они арестованы, так как это часто случалось! Даже ночью! Один из них сказал мне: «Император скончался от апоплексического удара». Мысль о том, что его убили, нам не приходила в голову, все думали о пожаре, это была навязчивая идея императора — немудрено, что и нам передался его страх пожара. В Аничковом тоже думали, что начался пожар. Незадолго до этого императору приснилось ночью, что подожгли и что младшие дети, жившие в Зимнем дворце, задохлись в дыму. Он встал и сам пошел в 4 часа утра к детям и в Аничков, всех перепугал. Потом уверяли, что это и было причиной несчастных родов великой княгини Анны».

Заговорщики были все взяты, Бенигсен тоже (кроме Палена и Панина). Кочетова сказала мне, что Михайловский дворец роковой! Когда его строили, один из каменщиков повесился, тело упало на другого рабочего и мертвый убил живого.

Врач установил, что император был убит ударом в висок, который разбил висок. Постель была вся в крови, другой удар пришелся между глаз (ему сломали переносицу). Он не был задушен, это шло только со стороны убийцы Бенигсена, принимавшего предосторожности и проявившего жестокость [11*].

2. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК «ВОСПОМИНАНИЙ О ДЕТСТВЕ И МОЛОДОСТИ»

Когда мне случалось рассказывать что-нибудь из моих воспоминаний, мне всегда говорили: «Пишите ваши записки». Рассказывать и писать — две вещи совсем разные; под перо не так скоро ложатся мысль и слово. Однако в 49-м году, после продолжительной нервной болезни, когда началось возрождение, я начала писать по просьбе Юрия Федоровича Самарина [1]. Тогда представилось мне мое детство, как самое приятное время моей пестрой и бесплодной жизни. Это детство не имело ничего общего с последующей жизнью, и потому легче было писать, как эпизод.

На станции Водяное, которое так значится на карте Новороссийского края, жила моя бабушка Екатерина Евсеевна Лорер (урожденная княжна Цицианова). Она давно была вдовой, определила сыновей на службу, а дочерей повыдала замуж, кроме меньшой, Веры Ивановны. Тогда эта деревушка называлась Грамаклея; и речка, которая там протекает, тоже называлась Грамаклея. За домом был ключ, которым поль-

---

[11*] Это я передаю вкратце, оно гораздо подробнее еще.

зовалась вся деревня. Через этот ключ переезжали в брод по большой дороге в Одессу. Это случалось нечасто, а именно, когда к бабушке приезжала Елизавета Сергеевна Шклоревич (рожд<енная> княжна Баратова), или мы отправлялись к ней в Баратовку.

Странно, что судьба меня никогда не заносила в родной край, который и теперь мил сердцу моему. «О, память сердца, ты милей рассудка памяти печальной!» А между тем, я провела самую кочующую жизнь, и редко доводилось пожить два года на одном месте.

Не могу себе представить, какие перемены произошли в том краю, и сохранил ли он ту прелесть, которая сохранилась в моей памяти. В самых красивых местах за границей мне всегда мерещилась Грамаклея, и казалось, что всего приятнее в этой бедной деревушке. Я уверена, что настроение души, склад ума, наклонности, еще не сложившиеся в привычки, зависят от первых детских впечатлений. Я никогда не любила сад, а любила поле, не любила салон, а любила приютную комнатку, где незатейливо говорят, что думают, т. е. что попало. Дитя любит более всего свободу: ему не нравится условное; как бы ни был красив, хорошо устроен и украшен сад, ребенка тянет за решетку, в поле, на простор, где природа сама убирает поля в незатейливый, но вечно разнообразный наряд. В Грамаклее, разумеется, не имели понятия о том, что такое сад (1816 год), и деревня даже не пользовалась теми условиями, которые составляют сад. К большой дороге стоял господский дом, каменный, в один этаж, выкрашенный желтой краской и крытый железом под черной краской; перед домом был палисадник, в котором росли повилика и заячья капуста (valeriana). Рядом с домом был сарай, крытый в старновку. На этот сарай прилетали вечером журавли, при самом захождении солнца, самец поднимал одну красную лапку и трещал несколько минут своим красным же носом. «Журавли Богу молятся,— говорили дети и люди,— пора ужинать». Против дома была станция, т. е. белая хата, тщательно вымазанная, тоже крытая в старновку, а за этим виделась только гладь да даль. «Тут,— говорили,— дорога в Соколы; а вот эта, что перед домом, на Николаев, в Одессу». Одесса была столицей, центром, в котором сосредоточивались все условия просвещения, благодаря дюку Ришелье, туда ездили на закупку провизии и всяких затей. Одним словом, Одесса значила очень многое.

Если бы Гоголь стал описывать Грамаклею, не знаю, что бы он мог сказать о ней особого, разве только то, что у въезда в деревушку был ключ самой холодной и сребристой воды, да что речка, которая протекала около сада, была темная, глубокая и катилась так медленно меж тростника, что казалась неподвижной. В ней раз утонул человек; об нем рассказывали много и все страшное: то видели круги на воде, когда он выплывал греться на солнце; а ночью он выплывал и зазывал к себе запоздалых косарей или девок. Сад был, ежели можно так назвать место, где росли кусты и кукуруза, вдоль по этой речке. Самое замечательное в Грамаклее, конечно, была ничем не возмущаемая тишина, которая в ней царствовала; особенно, когда в деревушке замолкал лай

собак и водворялась синяя, как бархат, теплая ночь. Звезды зажигались вдруг с незаметной быстротой. Окна были открыты настежь; воздух неподвижный, казалось, входил в домик, по деревне стлался легкий и душистый запах, вероятно, от топлива бурьяном; крестьяне ужинали, и все погружалось в сон. Бабушка садилась за стол, перекрестясь. Возле нее старичок Карл Иванович, потом мы с нашей няней Амалией Ивановной. Тетушка Вера Ивановна всегда запаздывала, в белом коленкоровом платьице, в буклях и подвергалась не совсем благосклонным замечаниям бабушки о столичном воспитании.

У дедушки Дмитрия Евсеевича Цицианова она получила европейское образование, говорила по-французски, рисовала, играла на forte-piano, которое бабушка называла porto-franco, смешивая эти два слова, которые решительно ничего не представляли ее понятиям: сфера ее мышления ограничивалась заботой по полевому хозяйству и домашним порядкам, воспоминаниями о Грузии, о знатности ее происхождения, о знакомствах с русской знатью; и говорила с особой важностью о старой Кочубейше. Вера Ивановна очень любила рисовать à la sepia с гравюр Рафаэлевых Мадонн и берегла это, как сокровища. Бабушку же раздражало все, что ей казалось чуждым русской жизни. Она, кажется, была в полном смысле русский консерватор, враг чуждых приемов и обычаев. Она не любила иностранные языки и, когда, бывало, Амалия Ивановна засадит нас за немецкие слова, она говорила: «На что это детей мучить? Вот я — так весь свой век прожила без этих языков, а за немцем была замужем. Хороший был человек ваш покойный дед. Он был вице-губернатором в Херсоне, где все его уважали, но только не умел наживаться и оставил меня с детьми в бедности. Ну, Господь помог: дочерей пристроила, а сыновья на службе. Катя за Вороновским живет в Пондике, а Лиза за Каховым, живет под Соколами в Каховке. А Надя была за Осип Ивановичем Россет. Умный и хороший человек и у дюка (Ришелье) правая рука и не хотел наживаться; а землю он получил в награду и назвал деревню Адамовкой, бо он первый там поселился. Тоже у него была земля Куяльники. Уж не знаю, куда они девались, он, кажется, их продал и купил дом в Одессе и хутор. А теперь все пойдет даром потому, что Надя вышла замуж за Арнольди.

Такие разговоры мы часто слыхали, и тут бабушка замолкала надолго. Потом, как будто опомнившись, начинала пересчитывать сыновей: «Вот Александр в уланах, на Корсаковой. У нее большое имение под Петербургом, но она все по-французски, и все пишут из-за границы, что там лучше, чем у нас. А по-моему, жили бы у себя в Гарнях! Чего им там недостает? Николай теперь в гвардии, а Митю я жду домой. Женился он в Курске, когда был в Ордынском кирасирском полку, на княжне Волконской; оно бы хорошо, но совсем бедная, воспитывалась в Екатерининском институте, и, верно, все пустякам, все по-французски».

Иногда Амалия Ив⟨ановна⟩, как представительница западного образования, считала себе обязанностью промолвить словечко в пользу западного воспитания. Но бабушка, всегда ласковая к ней, не обращала вни-

мания и продолжала порицать все иностранное. Добрая Амалия Ив<ановна> была идеал иностранок, которые приезжали тогда в Россию и за весьма дешевую цену передавали иногда скудные познания; но вознаграждали недостаток примером истинных, скромных добродетелей, любви и преданности к детям и дому, который их принимал гостеприимно и радушно. Когда бабушка выезжала на так называемых поповских дрожках, тогда приказчик Босый надевал чоботы и длинный синий сюртук, ехал на рыжей худой лошади, ехал рядом с дрожками и указывал, где жито, где баштаны. Иногда меня сажали рядом с бабушкой, без шляпки, без перчаток, без пелеринки. Когда солнце меня слишком припечет, то я подползала под фартук и возвращалась предовольная. Жизнь была незатейливая, как видно, слава богу!

Когда приезжали на почту важные господа, генералы или петербургская знать, их просили отужинать, даже переночевать в доме. Один раз ночевала какая-то графиня с девочкой, у которой была такая кукла, что я до сих пор ее помню. У куклы были серые злые глаза; кукла эта как будто с презрением смотрела на нас. Девочку я немного помню, так что легко может быть, что серые и злые глаза были не у куклы, а у девочки. Утром подъехала большая четвероместная карета, графиня уселась с девочкой и служанкой, и экипаж скоро исчез.

Я так увлеклась Грамаклеей, что забыла сказать, что я прежде жила в Одессе, где родилась, и где отец мой был инспектором карантина: место весьма важное, особенно от сношений с Константинополем, где была чума. Чуму я помню. До нас доходили только вести, когда отец приходил из карантина. Письма, провизия окуривались уксусом. Герцог Ришелье обходил город. Ежедневно останавливался под окном нашего низенького дома, был озабочен и грустен. Число умерших возрастало; телеги, на которые бросали трупы чумных, проезжали мимо нашего дома. Колодники в засмоленных платьях везли эти страшные дроги. Сидя у окна, мы слыхали шум цепей и считали число этого ужасного экипажа.

В 1814 году, скоро после чумы, произошла важная и грустная перемена в нашем доме. Вследствие забот и ответственности по карантину отец мой сделался жертвой чумы [2]. Дом был тесен и, во избежание детского шума, нас отвезли к Домбровским, где был сад, много детей, и мы играли, шумели беззаботно, не подозревая, что в эти минуты судьба наша решалась на всю жизнь. Дела наши были запутаны (на Руси это обычно). Так как маменька не могла совсем посвятить себя нашему воспитанию, то и решилась взять гувернантку по рекомендации генерала Форстера.

В то время стекались в Одессу иностранцы со всех стран, вытесненные или революцией, или войнами Наполеона, так что население было самое пестрое. Герцога так уважали и любили, он был так достоин любви и доверия, так полон благих желаний к вверенному ему краю! Добрый, ласковый, честный, прекрасной наружности, он носил печать аристократии дореволюционной Франции; в нем не было искры того, что выражается словом courtisan; он служил императору и России, сохраняя

всю независимость своего характера, всегда говорил правду и выражал благодарность за данное ему покровительство в страшное и бедственное время его скитальчества по свету, не скрывая, что живет и дышит лишь одним желанием возвратиться в любимое отечество.

Отец мой умер, а герцог оставил Одессу после восстановления Бурбонов в лице Людовика XVIII. Перед отъездом он еще дал прощальный вечер в своем саду. Маменька взяла меня с братом Иосифом и с Амалией Ивановной. Помню, что ночь была теплая и темная. В беседке мы нашли двух дам и дюка. Прощальный праздник был невеселый: все расставались с истинным и глубоким сожалением с создателем Новороссийского края. Маменька еще оставалась, а нас отправили на хутор. По дороге были расставлены смоляные бочки. От треска и пылающего огня лошади испугались и понесли. Амалия Ивановна опустила все окна и вскрикивала: «Ach, mein Gott, mein Gott!»[1*], а нам нравилась эта скорая езда. Дом был под крутым спуском. Однако, все обошлось как нельзя лучше, и наши кони подвезли нас благополучно к крыльцу. Яким и Гапка, его супруга, совершенно трезвые, очутились у дверец, при чем Яким, осмотрев карету, не упустил случая сказать несколько приятных слов кучеру.

Герцог был моим крестным отцом, а тетушка Екатерина Ивановна Вороновская — матерью. Меньшого брата моего, Александра, крестила неаполитанская королева Каролина. Она искала убежища в России и должна была подвергнуться карантину, что исполнено было со всеми возможными удобствами и присмотром, достойным ее несчастного и высокого звания. Отец мой, как инспектор карантина, был в беспрестанных сношениях с королевой и ее штатом. Матушка в это время родила; королева сама предложила быть крестной матерью и тем выразила аттенцию отцу моему с условием, что брата назовут Карлом. Ее место заменила г-жа де-Рибас, жена генуэзского матроса, который у нас дослужился до чина адмирала. Помню этот день. Де-Рибас была в розовом атласном платье, и тюник весь кружевной. Королева написала собственноручное письмо и прислала брату брильянтовый крест, а маменьке то, что называли тогда склаважем, т. е. цепочки, связанные вензелевым шифром из крупных брильянтов. Я помню лицо королевы; нас возили к ней в карантин. Она была невысокого роста, в зеленом бархатном платье, нарумяненная, покрыта брильянтами, и возле нее стояли две нарядные дамы.

Хутор наш считался лучшим. Отец мой сам сажал, прививал деревья, даже развел виноградники и посадил тополь. Помощником его был садовник Baptiste, выписанный также добрым дюком; он после был директором ботанического сада при графе Ланжероне, что доказывает, что грунт Одессы хорош. Но, конечно, не без труда и большой поливки были эти результаты. В саду росли дикая спаржа и сморчки. Мы утром ходили собирать спаржу и сморчки в сопровождении Приськи. Эта Прись-

[1*] Ах, Боже мой, Боже мой (*нем.*).

ка была странная девочка; всегда босая, в пестрядевом платье; волосы совсем желтые, и глаза у нее были желтые, и зрачок как у кошки. Она ела пасклен, вертела руками стебелек и приговаривала: «Свиньям горько, а нам солодко». Она не боялась змей, и раз одна обвилась об ногу брата Аркадия, то Приська одним махом ее отбросила далеко. Маменька занималась делами по имению и процессами. Слово «процесс» и теперь звучит в моих ушах: так часто оно повторялось вокруг меня, и не только в нашем доме. Маменька ездила в деревню, гостила у бабушки, в Пондике у Вороновских, в Каховке у Каховых под Соколами (ныне Вознесенск), иногда в Киев на Контракты, а мы оставались с Амалией Ив⟨ановной⟩ в Одессе, а летом на хуторе. Дом был маленький, в один этаж, с палисадником и большим двором.

Амалия Ив⟨ановна⟩ была швейцарка с Констанцского озера; ее рекомендовал генерал Форстер, друг нашего семейства, когда маменька овдовела. Эта почтенная старушка осталась в доме даже после кончины матушки, точно так же любила детей второго брака матери и умерла в Киеве, в доме отчима Арнольди. В ней была такая пропасть высоких добродетелей, с такой простотой, что ни она, ни другие не подозревали, что это точно высокие добродетели. Ей самой и всем казалось, что она не заслуживает особого внимания и благодарности. Амалия Ив⟨ановна⟩ была все в доме: и нянька, и учительница, и ключница, и друг маменьки, и вторая мать нам, даже доктор. Ее глаз и присмотр были везде. Она любила чистоту и порядок. В пять часов она уже просыпалась, тотчас надевала корсет и кофточку, юбку и тотчас отправлялась в буфет, где выдавала провизию повару и буфетчику. Потом поднимала нас, и мы повторяли за ней «Vater unser» [2*]. Тотчас после завтрака, т. е. молока с булкой, а Амалье Ив⟨ановне⟩ приносили кофий со сливками, мы отправлялись в сад, где собирали цветы, дикую спаржу, сморчки и подбирали яблоки и груши. Эти прогулки доставляли нам истинную радость наших дней; они повторялись вечером, до ужина. В Одессе было так невыносимо жарко, что в 10 часов закрывали ставни, поливали пол водою; я вязала, но никогда не могла дойти до дорожки, и мы лежа дремали. В час подавали обед. Повар был очень хороший, из Москвы. Отец его купил со всем семейством у господина Высоцкого; но он пил запоем, потому-то маменька его лечила черными каплями. Иногда этот артист Дмитрий нас оставлял без обеда. Тогда посылали за Артемием Макаровичем Худобашевым; он являлся, угрожал Дмитрию полицией, тюрьмой, и этот на несколько времени приходил в повиновение.

[2*] Отче наш.

3. КОПИЯ ФОРМУЛЯРНОГО СПИСКА ИОСИФА ИВАНОВА СЫНА РОССЕТИ

Коллежский советник и орденов св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени, св. Георгия 4-го класса и св. Анны 2-й степени кавалер Иосиф Иванов сын Россети, одесского портового карантина инспектор, 53 лет, швейцарской нации.

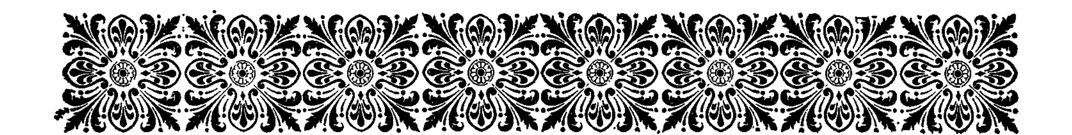
В службу вступил мичманом 29 марта 1788 года. В сем чине был у исправления дел флагманских при принце Насау; потом командиром на яхте. Лейтенантом произведен 7 июня 1788 года. Августа 12-го того же года взят был штаба князя Потемкина Таврического флигель-адъютантом и определен в бомбардирский катер № 8 командиром. А октября 27-го поступил паки к его светлости для обгербования флота неприятельского и для дальнейших сигналов, а потом командиром на судне «Паландре» капитан-лейтенантом 12-го февраля 1792 года. Декабря 6-го дня 1788 за штурм под Очаковым получил орден св. Владимира 4-й степени, а в 1791 году, по особому засвидетельствованию покойного графа Суворова-Рымникского, за ревность в службе, оказанную во время прошедшей Турецкой войны, особенно при штурме Измаила, удостоен орденом св. Георгия 4-го класса, а по заключении мира возвратился в свою гавань. В 1793 году был командирован на фрегат «Лансон» адмирала Мордвинова и в том же году был командирован на фрегат «Поспешный» командиром. В 1797 году был аттестован как добропорядочный офицер, достойным в повышении чина от генерал-майора Матвеева; сентября 16-го того ж года просился в отставку в Швейцарию на родину и октября 23-го отставлен от службы. В настоящую должность определен по именному высочайшему указу с чином надворного советника 12 декабря 1802 года. По именному его императорского величества указу за отличное усердие к службе пожалован коллежским советником 26-го января 1804 года. По высочайшему же его императорского величества повелению, в 1805 году состоявшемуся, в награждение отличной службы получил одновременно 1000 рублей, а в феврале месяце 1807 года пожалован орденом св. Анны 2-й степени, за отличное исполнение порученностей в отправлении в 1805 и 1806 годах в Корфу войск и провианта.

В апреле месяце 1813 г. представлен по начальству о выслуге им при карантине десяти лет для испрошения назначенной по уставу за то награды. Того ж декабря 11 дня волею божию умре.

В походах и сражениях был, именно: будучи командиром на яхте, июня 7-го в сражении с неприятельскою флотилией; 17 вторично с неприятельским парусным флотом; 18 под Киксбергом и Аджалыком в жестоком сражении и потоплении великого числа неприятельских кораблей и фрегатов и прочих судов. Июня 1-го при жестоком бомбардировании под Очаковым и был в разные числа в бомбардированиях, а декабря 6-го при штурме Очакова, за что был награжден орденом св. Владимира. Декабря 9-го определен для поднятия потопших под городом неприятельских судов.

1789-го года, бывши командиром на судне «Паландре», был в походе под Аккерманом под командою генерал-майора Де-Рибаса. 1790-го года с флотилиею на Дунае и находился при взятии Тульчи и Исакчи штурмом, где особливо рекомендован от покойного графа Суворова-Рымникского и получил орден св. Георгия 4-го класса. 1791 год был под Бободаем, Браиловым и Мачиным, а затем по заключении мира возвратился в свои гавани.

В отставке был в 1797 году без награждения чином. Во владении крепостных душ не имеет. Женат, имеет детей: дочь Александру 6 лет, сыновей Клементия 5-ти, Иосифа 4-х, Аркадия 3-х и Карла одного года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

С. В. Житомирская

А. О. СМИРНОВА-РОССЕТ И ЕЕ МЕМУАРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И как дитя была добра

Пушкин

Это перл всех русских женщин, каких из них мне случалось знать, прекрасных по душе.

Гоголь

Свет не убил в ней ни ума, ни души, и того и другого природа отпустила ей не в обрез ⟨...⟩ Чудесная, превосходная женщина — я без ума от нее.

Белинский

Среди замечательных русских женщин XIX столетия нет другой, которой столько выдающихся современников посвящали бы стихи, взволнованные строки в письмах и воспоминаниях — то восхищенные, то возмущенные, но всегда неравнодушные, женщины, смутный образ которой то в идеальном, то в саркастическом обличье узнавался бы на страницах великих произведений русской литературы.

Александра Осиповна Россет, в замужестве Смирнова, прожила долгую и удивительную жизнь. Девочка, выросшая сперва в глухой украинской деревушке, где ее бабушка держала почтовую станцию, потом в менявшихся провинциальных гарнизонах, где стояла батарея ее отчима, почти чудом переносится в Петербург, семнадцати лет оказывается во дворце — и отныне ее обычной средой становится высший свет. В Петербурге, Москве, в европейских столицах, где она живет подолгу, к концу жизни почти не возвращаясь в Россию, она неизменно принадлежит к этому официальному высшему кругу. Но столь же неизменным и главным для нее кругом является высший умственный круг ее современников, далеко не совпадающий с первым. В числе ее друзей или близких знакомых Пушкин и Жуковский, А. И. Тургенев и Вяземский, В. Одоевский и Хомяков, Гоголь и Лермонтов, Тютчев и И. С. Тургенев, Юрий Самарин, Аксаковы и А. К. Толстой, Александр Иванов и Михаил Щепкин — и это лишь часть имен, которые следует назвать. Глубокое впечатление она оставляет в людях, хоть раз, случайно встретившихся с ней.

Светская женщина со свойственным «свету» образом жизни, вовсе не чуждая обычных для этой среды интересов, она всегда умела возвыситься над ними, оправдывая слова Пушкина: «Смеялась над толпою вздорной, судила здраво и светло». Такой сформировала ее интенсивная духовная жизнь, чуткость к явлениям литературы и искусства, постоянный и острый интерес к политическим событиям, умение всегда найти для себя тот круг близких людей, который дал бы выход бьющейся в ней мысли. Такой она предстает на страницах ее поистине замечательных писем.

Вместе с тем жизнь ее пронизана печалью. Богатая и разнообразная одаренность, не нашедшая себе выхода в творчестве,— и засасывающая трясина светской жизни и злословья; глубокая неудовлетворенность в браке — и единственная за всю жизнь любовь, не принесшая радости; разочарование в выросших детях; постоянные тяжелые болезни и одинокая старость — вот какой обернулась начинавшаяся так празднично эта жизнь. Оттого так грустны всегда письма Смирновой и печать такой ностальгии по детству лежит на всех ее воспоминаниях.

Александра Осиповна и четыре ее родных брата были детьми Иосифа (Осипа) Ивановича Россета (а вернее — Россети), уже немолодым человеком женившегося на шестнадцатилетней Надежде Ивановне Лорер. В детях смешались разнообразные национальные черты родителей: итальянца — отца и матери — немки по отцу, грузинке по матери, урожденной княжны Цициановой. Этим, возможно, объясняются общие им всем черты — живость, одаренность, искрящийся юмор, для которых Вяземский придумал даже термин «россетство». «Один Клементий владеет тайною рассмешить меня иной раз,— писал он Смирновой 1 декабря 1835 г.,— в особенности, когда я бываю в мрачном настроении, в такие минуты вспыхивает и разливается с наибольшей силою и свежестью вся своебытность, все россетство ума его» [1].

Иосиф Россети принадлежал к семье, по-видимому, задолго до него обосновавшейся в Швейцарии (это делает правдоподобным утверждение Смирновой о родстве его с воспитателем Александра I Лагарпом). Во всяком случае, в указе об его отставке из русского флота в 1797 г. (датированном почему-то только 1799 г.) говорится: «флота капитан-лейтенант и кавалер Иосиф Иванов сын Россети в службу вступил из швейцарской нации в 787 году» [2]. Проблема знатности своего рода, всю жизнь острая для Смирновой и ее братьев, а потом и для ее детей, заставляет несколько подробнее остановиться на биографии ее отца.

Версия, с которой читатель встречается в мемуарах Смирновой и, в несколько измененном виде, в предисловии ее дочери Ольги Николаевны к своему сочинению, опубликованному под именем Александры Осиповны, создавалось, вероятно, последней и ее братьями в молодые годы, когда предстоявшая карьера при дворе и в гвардии настоятельно требовала доказательств высокого происхождения. Суть этой версии такова: фамилия отца не Россети, а Россет, ибо он принадлежал к одной из ветвей древнего французского рода графов Россет из провинции Дофине. Замок той ветви, из которой происходил Иосиф Иванович, в Франшконтэ, был разграблен во время Французской революции XVIII в., имения конфискованы, а все родные погибли в пламени якобинского террора. Россет же, как и многие другие французские аристократы, спасшиеся от террора, бежал в Россию. Авторы этой версии хорошо знали, что обстоятельства его вступления в русскую службу были иными, так как располагали его формулярным списком, из которого ясно было, что Россети

[1] РА, 1888. № 7. С. 295; в подлиннике по-французски: «tout le rossetisme de son esprit».

[2] ЦГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 887.

приехал в Россию в 1787 г., за два года до революции, в 1797 г. вышел в отставку и уехал в Швейцарию, а вернулся в Россию только в 1802 г., когда и началась его служба в Одессе при Ришелье. Смирнова в своих мемуарах пытается придерживаться этих правдивых сведений, сочетая их, по мере возможности, с утверждениями о аристократическом происхождении отца. Дочь же ее, со свойственной ей необыкновенной свободой обращения с фактами, сообщала: «Мой дед, когда вспыхнула революция, пожелал вернуться во Францию, чтобы оказать помощь своим родным» [3].

Сохранившиеся документы И. И. Россети — формулярный список 1811 г., имеющийся в архиве Смирновых [4], более поздний формулярный список, найденный П. Е. Рейнботом, автором замечательной монографии о «Записках А. О. Смирновой», к сожалению, оставшейся неопубликованной, указ об отставке Россети в 1797 г., прошение его вдовы о выплате ей денег за выслугу лет мужа, позволяют внести ясность в биографию отца А. О. Смирновой. Они безоговорочно доказывают, что фамилия его была Россети. Так она значится во всех упомянутых документах, но любопытно, что в копии более позднего списка последняя буква фамилии «и» исправлена потом, другими чернилами, на твердый знак [5]. Отметим также, что граф Луи Рошешуар, родственник Ришелье, служивший при нем в Одессе, упоминая в своих воспоминаниях об этом периоде жизни Россети, разъяснял в примечании: «Россети — генуэзец по происхождению, начальник карантина» [6]. В таком написании фамилия его значится и в указе об отставке, а потом и в документах его дочери — всех указах и других документах министерства императорского двора о ней как фрейлине, в адресных и придворных календарях и в камер-фурьерских журналах за время ее пребывания во дворце [7]. Очевидно, поэтому, что и ей самой долго не приходило в голову изменять свою фамилию применительно к графам Россет, и всем друзьям ее молодых лет она была известна только в такой форме. Колебались лишь в написании «Россети» и «Розетти». «Россети черноокой» называл ее Пушкин, на фамилии Розетти построены слова «От роз ей прелесть и названье» в посвященном ей стихотворении Хомякова «Иностранка», Гоголь просил Жуковского передать Розетти свою только что вышедшую книгу «Вечера на хуторе близ Диканьки». Эти разночтения вызвали в стихотворе-

[3] Записки А. О. Смирновой (Из записных книжек 1826—1845 гг.). СПб., 1895. Ч. 1. С. 14 (далее: *Смирнова*, 1895).

[4] *Смирнова А. О.* Записки, статьи, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. С. 406—407 (далее: *Смирнова*, 1929).

[5] Все найденные П. Е. Рейнботом документы содержатся в его монографии — ЦГАЛИ, ф. 485 (Смирновых). Оп. 1. Ед. хр. 875, 876; формулярный список 1813 г.— ед. 875, л. 166.

[6] *Rochechoir L. V.* Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. Paris, 1889. P. 57. Сводный брат Смирновой А. И. Арнольди писал в своих мемуарах (вероятно, со слов матери): «Надежда Ивановна Россет, урожденная Лорер, муж которой, капитан-лейтенант нашей службы, итальянец по происхождению, был другом графа Ришелье» (ЦГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. 1118. Л. 10 об.).

[7] См. ниже, с. 585. В «Книге адресов Санкт-Петербурга на 1837 год» Александра Осиповна все еще значится как Розетти (с. 155).

нии Вяземского слова:

Нет, ни Росети, ни Розети,
Россети попросту она...

Фамилия Россет впервые появилась в документах Пажеского корпуса, где учились ее братья. Старший из них, Клементий, окончивший корпус в 1828 г., обозначен там «Россет 1-й» [8]. Можно предполагать, что мысль вписаться в родословную графов Россет возникла между выпуском Александры Осиповны из института (1826 г.) и выпуском из корпуса Клементия.

До того, как приехать в Россию, Иосиф Россети получил образование в Генуе, служил затем во Франции при принце Нассау-Зигене, с ним вместе вступил в 1787 г. в русскую службу. Судя по формуляру, карьера его шла довольно успешно: флигель-адъютант самого Потемкина, участник важнейших сражений русско-турецкой войны 1787—1791 гг. (Аккерман, Тульча, Измаил), он был отмечаем Суворовым. Неизвестно, что заставило капитан-лейтенанта Россети прервать в 1797 г. столь благоприятный ход своих дел и на несколько лет вернуться в Швейцарию — возможно, что те, кто ему покровительствовал, с вступлением на престол Павла I оказались в немилости. Возвратившись еще раз в Россию и заняв скромную, но довольно ответственную должность начальника карантина в Одессе, он уже мало продвинулся по служебной лестнице, хотя принадлежал к числу приближенных герцога Ришелье, с 1802 г. управлявшего Новороссией. Чин коллежского советника, полученный им в 1804 г., за десять лет до смерти, оказался для него последним.

Особенно знатных предков у Александры Осиповны не было и по материнской линии. Ее мать принадлежала к многодетному семейству Ивана Ивановича Лорера (в последние годы своей жизни — херсонского вице-губернатора), женившегося на княжне Екатерине Евсеевне Цициановой. О. Н. Смирнова сочла нужным снабдить своего прадеда баронским титулом — документы Лореров этого не подтверждают. И. И. Лорер приехал в Россию из Германии, был, несомненно, немцем (хотя, возможно, французского происхождения). И. И. Лорер рано умер, оставив семерых детей. Вдова вынуждена была отправить некоторых из них на воспитание к более состоятельным родным и знакомым. Ее младшая дочь Вера выросла в Петербурге у дяди Д. Е. Цицианова, а сына Николая, будущего декабриста, взял на воспитание богатый полтавский помещик П. В. Капнист. В сводке об имущественном положении декабристов, составленной в 1826 г. по заданию правительства, о Н. И. Лорере говорится: «Домашнее положение фамилии Лорера <...> насчет имения, которое у ротмистра Лорера общее с сестрами, состоит в 50 душах крестьян и земле 4500 десятин в Херсонском уезде, довольно тягостное по причине долгов в Херсонский приказ общественного призрения до 18 тыс. рублей, а сверх того в казну незаплаченных податей и долгов

[8] *Фрейман О.* Пажи за 183 года (1711—1894). Фридрихсгамн, 1894, с. 269. На инициативу К. О. Россета в этом вопросе указала в мемуарах сама Смирнова (см. наст. изд., с. 321).

частным лицам до 5 тыс. рублей»[9]. В таком положении осталось имение после незадолго до этого скончавшейся матери декабриста Е. Е. Лорер.

Не лучше было материальное положение ее дочери Надежды Ивановны, овдовевшей в 1813 г. и оставшейся с пятью малолетними детьми (от пятилетней Александры до годовалого Карла). Вероятно это и побудило ее вскоре еще раз выйти замуж — за полковника лейб-гвардии конной артиллерии И. К. Арнольди. В новом браке один за другим появлялись дети, а старшие жили более у бабушки или в доме знакомых отчима — Недоброво. Через три года, в 1820 г., Саша Россети и трое из ее братьев были отправлены в Петербург — для поступления в Екатерининский институт и в Пажеский корпус.

В мемуарах Смирновой настойчиво проводится мысль, что этой переменой в судьбе они были обязаны исключительно заслугам покойного отца. Но и этого не подтверждают документы. Указ императрицы Марии Федоровны от 6 марта 1820 г. Совету при Училище св. Екатерины гласил: «По желанию любезнейшего сына моего Михаила Павловича, лейб-гвардии конной артиллерии полковника Арнольди падчерицу, дочь умершего коллежского советника Россети, Александру принять в сие училище пенсионеркой на иждивении его имп. высочества»[10]. Ясно, что помещения девочки в институт, а мальчиков в корпус добился Арнольди: как генерал-фельдцейхмейстер, Михаил Павлович командовал артиллерией, в том числе и гвардейской конной, в которой И. К. Арнольди был достаточно заметной фигурой; конечно, именно его просьбу удовлетворил великий князь.

Пребывание юной Россети в Екатерининском институте довольно подробно описано ею в «Автобиографических записках». Она создает в них несколько идеализированный образ этого учебного заведения — оттого ли, что жизнь в нем была ей более по душе, чем последние годы домашней жизни, омраченные конфликтами с отчимом и неумением или нежеланием матери взять под защиту детей от первого брака, или оттого, что на всю жизнь сохранила признательность к императрице-матери, взявшей ее после института ко двору. Но есть и объективные свидетельства о довольно высоком уровне образования в институте. Помимо обычного набора знаний и навыков, необходимого дворянской девушке (языки, музыка, танцы, этикет, рисование), они получали знания естественных и гуманитарных наук, не уступавшие по объему мужским пансионам того времени[11]. Квалифицированным был и педагогический состав. До-

[9] Красный архив. 1926. Т. 2 (15). С. 183.

[10] Цит. по П. Е. Рейнботу: ЦГАЛИ, ф. 485. Оп. 1. Ед. 876. Л. 16. Безоговорочно подтверждает это А. И. Арнольди: «...он, в награду своих подвигов в прошлую кампанию, беспримерною милостью государя, успел зачислить: падчерицу в Екатерининский институт, а 4-х пасынков в Пажеский корпус и тем положить задатки к будущей их карьере». Далее он с горечью замечает, что из родных детей И. К. Арнольди только он сам, старший сын, попал в Пажеский корпус, поместить же туда братьев Ивана и Льва не удалось (указ. соч., л. 11).

[11] *Панкратьева Е.* Санктпетербургское училище ордена святой Екатерины (Екатерининский институт). 1798—1898. СПб., 1899. С. 49—50.

статочно сказать, что в годы учения А. О. Россети инспектором классов был К. Ф. Герман, крупный статистик и экономист, недавний профессор Петербургского университета, а русскую словесность преподавал П. А. Плетнев, на всю жизнь оставшийся близким другом своей ученицы.

К 1826 г., когда Сашенька Россети кончала институт, она уже обратила на себя внимание Марии Федоровны. Одна из выпускниц института так вспоминала об императрице-матери: «Она замечала и высказывала удовольствие, видя успехи в понимании и развитии воспитанниц, заинтересовываясь теми из них, которых ей часто приходилось хвалить; такие ей были приятны, и по окончании ими воспитания императрица брала их ко двору к себе или к одной из великих княгинь» [12]. Россети окончила институт в числе лучших и была награждена «вензелем средней величины» [13]. К этому времени она была уже круглой сиротой. Мать ее скончалась от родов в 1825 г., не было в живых и бабушки. О том, чтобы вернуться к отчиму, не могло быть и речи. Дядя Д. И. Лорер, унаследовавший имение матери, отказался взять племянницу к себе, другой дядя, декабрист, ожидал в Петропавловской крепости решения своей участи. Судьба бесприютной девушки была решена императрицей Марией Федоровной.

Тут-то и произошел эпизод, болезненно задевший юную Россети и, несомненно, ставший первым толчком к генеалогическим разысканиям, а потом и к генеалогическим фантазиям. Мария Федоровна предложила своей младшей невестке, вел. княгине Елене Павловне, взять Россети к своему двору. Елена Павловна наотрез отказалась, мотивируя это темным происхождением девушки [14]. Это было тем более оскорбительно, что она воспитывалась на счет вел. кн. Михаила Павловича и включение ее в число фрейлин его жены было вполне естественным. После этого вопрос так осложнился, что Мария Федоровна сочла нужным запросить в Одессе сведения об И. И. Россети (так и появился, наверное, в архиве Смирновых его формулярный список) «Справка шла месяц, после которого меня взяли во дворец»,— вспоминала в старости Смирнова [15].

Этого Александра Осиповна никогда не простила Елене Павловне. Довольно доброжелательная по натуре, она редко о ком отзывалась в мемуарах дурно (кроме прямых своих врагов — А. Ф. Орлова, А. А. Закревского и некоторых других), но для образа Елены Павловны она не жалеет черных красок и не останавливается перед самыми фантастическими измышлениями. Более того, у нее был замысел написать о ней отдельный мемуарный памфлет. Наброски его сохранились в ее тетрадях, озаглавленные «Скандалиозная история вел. кн. Елены Павловны» [16].

На реальной же судьбе Россети отказ великой княгини сказался ско-

---

[12] Там же. С. 17.
[13] Там же. С. 82.
[14] Смирнова не раз возвращалась к этому в мемуарах.
[15] См. наст. изд., с. 156.
[16] ГБЛ. Ф. 474, 2.6.

рее положительно: она попала в придворный штат императрицы-матери и осталась во дворце. 23 марта 1826 г. шталмейстер Г. Ф. Моден сообщал в особом отношении кн. А. Н. Голицыну: «Его императорское величество высочайше повелеть соизволил: воспитанниц училища св. Екатерины Александру Эйлер и Александру Розетти принять в число девиц, помещенных жительством с фрейлинами» [17]. Через полгода последовал другой указ: «Указ Придворной конторе. Девиц Александру Эйлер, Александру Россети и Марью Бибикову всемилостивейше пожаловали мы во фрейлины к их императорским величествам государыням императрицам. Николай» [18].

Шесть лет во дворце (в 1832 г. А. О. Россети вышла замуж) во многих отношениях определили ее личность и судьбу. Вряд ли первые два года были легки для молоденькой фрейлины, вступавшей в сложную жизнь царского двора. Чопорный двор старой императрицы, о которой ее невестка Александра Федоровна с раздражением говорила: «Вы знаете, как матушка строга насчет этикета», ее престарелые и закосневшие в придворных интригах приближенные, осуждавшие живую, еще не умеющую себя сдерживать девушку, нашептывавшие о ее дурном поведении и низком происхождении,— эта картина выстраивается из отдельных эпизодов и замечаний, рассыпанных в мемуарах Смирновой. Все это помнилось и в старости, а значит было болезненно в юности. Но там же складываются ее разнообразные и прочные связи с высшим светом, с годами упрочившиеся.

У нас слишком мало данных о духовном развитии юной фрейлины, его направлении и характере. Но о многом говорит, например, такое ее воспоминание, отразившееся в одной из дневниковых записей 1845 г.: «Читая в 1826 году журнал греческих повстанцев, эмигрантов и сторонников освобождения Греции «L'Hétérie», я плакала от бешенства. Грешно поступили с греками, грешно» [19]. Об интересах Россети свидетельствует и та жадность, с которой она окунулась в среду лучшей дворянской интеллигенции, одним из заметных центров которой тогда в Петербурге был дом Карамзиных — вдовы Карамзина Екатерины Андреевны и ее детей. С лета 1828 г., когда двор императрицы-матери находился в Павловске и там же жили Карамзины, их дом становится вторым домом для Александры Осиповны, а потом и для ее братьев Аркадия и Климентия [20]. Круг постоянных посетителей этого дома, о котором с таким чувством вспоминала Смирнова через много десятилетий, приобщил ее к вершинам дворянской культуры того времени [21]. «В карамзинской гостиной,— вспоминал один из ее частых посетителей, впоследствии известный славянофил, издатель «Русской беседы» А. И. Кошелев,— предметом раз-

[17] ЦГИА, ф. 472. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.

[18] ЦГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 273. Л. 91. Указ от 14 октября 1826 г.

[19] См. наст. изд., с. 7.

[20] Аркадий был выпущен из корпуса в 1830 г. в л.-гв. конную артиллерию, где служил вместе с Андреем и Александром Карамзиными; Климентий — в 1828 г. в л.-гв. Финляндский полк.

[21] *Измайлов Н. В.* Пушкин и семейство Карамзиных // Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960.

говоров были не философские предметы, но и не петербургские пустые сплетни и россказни. Литературы, русская и иностранные, важные события у нас и в Европе <...> составляли всего чаще содержание наших оживленных бесед. Эти вечера, продолжавшиеся до поздних часов ночи, освежали и питали наши души и умы, что в тогдашней петербургской душной атмосфере было для нас особенно полезно»[22]. Именно у Карамзиных А. О. Россети познакомилась с Жуковским и Вяземским, узнала Хомякова, а позднее и Лермонтова, там сблизилась на почве общих музыкальных пристрастий с В. Ф. Одоевским. Из карамзинского круга тянутся нити ее дружеских связей с В. А. Соллогубом и его семьей, Веневитиновыми и Виельгорскими, братьями Мухановыми. Многие из этих друзей молодых лет стали спутниками всей ее жизни, хотя и о ней самой, и о них можно было бы сказать словами поэта: «Бегут, меняясь, наши лета, меняя все, меняя нас...»

В этом интенсивном умственном общении формируется привычка и потребность Александры Осиповны в постоянном интеллектуальном развитии. Ее огромная начитанность поражает при чтении ее мемуаров, а еще более ее дневника, лишь небольшой фрагмент которого, к сожалению, дошел до нас, и писем. Не только античные авторы и классическая европейская литература, но история искусства, география, естествознание, труды по истории и археологии — таков далеко не полный перечень ее постоянных интересов. В конце 40-х годов, уже в зрелом возрасте, она начала изучать греческий язык. «Она выходила иногда в приемную комнату, где ожидали ее светские посетители,— вспоминал Вяземский,— после урока греческого языка, на котором хотела изучить восточное богослужение и святых отцов»[23]. Богословская литература, от сочинений отцов церкви до современных церковных проповедников и духовных писателей, с течением времени стала занимать все большее место в ее интересах, нисколько, впрочем, не вытесняя интереса к разнообразным областям культуры ее времени. Именно эта «страсть к умственным занятиям», как она писала о себе[24], не исчезавшая с годами, ее живое восприятие действительности делают письменное наследие Смирновой столь содержательным. Поэтому нельзя не признать справедливость суждения П. И. Бартенева, писавшего: «Собрание писем А. О. Смирновой было бы книгой образцовою, и, конечно, они не уступят в значении знаменитым письмам госпожи Севинье»[25].

Вернемся, однако, к годам ее юности и к воспоминаниям А. И. Кошелева. «У К. А. Карамзиной,— пишет он далее,— мы видали часто Блудова, Жуковского, П. А. Муханова и других; а из женщин особенно нас очаровывала и красотою, и умом девица Россети, вышедшая впоследствии

---

[22] *Кошелев А. И.* Мои воспоминания об А. С. Хомякове // РА. 1879. № 11. С. 266.

[23] *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. М., 1929. С. 160.

[24] В письме к Бартеневу от 10.XI.1864: «Неужели забыли вы совсем вашего старого друга и его страсть к умственным занятиям...» // ЦГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. 558. Л. 310.

[25] Предисловие к публикации писем Смирновой к Е. П. Ростопчиной // РА. 1905. № 10. С. 212.

замуж за Н. М. Смирнова»[26]. Войдя в карамзинский круг, она, как мы видим, вскоре стала его полноправным членом.

Вспоминая о том, как на своем выпускном экзамене в Екатерининском институте она впервые увидела Жуковского, Смирнова в нескольких словах показала ту огромную дистанцию, которая отделяла ее, девочку-институтку, от почетных гостей императрицы, маститых поэтов — Жуковского и Нелединского-Мелецкого. Оказавшись во дворце, она еще долго не имела случая к сближению с ним. С весны 1826 г. до октября 1827 г. Жуковский был за границей. Следующей зимой, казалось бы, Россети должна была встречать его, так как, будучи наставником наследника, он, как и она, жил во дворце (в так называемом «Шепелевском доме», на месте которого построен был потом Новый Эрмитаж). Но она утверждает, что «не помнит» его до осени 1828 г., когда начала бывать у Карамзиных.

Переписка Александры Осиповны с Жуковским, посвященные ей его шутливые стихи вводят в атмосферу растущей близости 19-летней девушки и немолодого уже, 45-летнего поэта. Все это документально подтверждает точность многочисленных, связанных с именем Жуковского эпизодов в ее мемуарах. Это вошедшие в их обиход «семейные шутки», любимые Жуковским забавные анекдоты (иной раз вольные, за что на него гневалась Е. А. Карамзина), но прежде всего — глубочайшее доверие друг к другу, взаимная отзывчивость, совместная помощь другим, искренняя привязанность — со стороны Жуковского выходившая, по-видимому, за пределы чисто дружеской. Обращенные к ней стихи и письма Жуковского дают основание доверять рассказу Смирновой о его сватовстве к ней[27]. Она не датирует точно этот факт, но можно полагать, что он относится к 1829 или 1830 г. Плетневу, ставшему посредником между Жуковским и нею, она ответила отказом — не омрачившим, однако, ее дружеских отношений с поэтом. Вероятно именно эта ситуация отразилась в стихотворении Жуковского «И я веселой жизнью жил», где есть строки:

Но молодость, увы! прошла,
И я теперь в любви раскольник!
Россети страшно как мила...
А я не потерял свободы!

Чем же объяснить этот отказ? Дело было не только в том, что Россети не была влюблена в Жуковского, а блестящая молодежь, окружавшая ее, была более привлекательна. Ведь в то же самое время она готова была принять предложение 55-летнего князя С. М. Голицына, почти тридцать лет находившегося в фактическом разводе с женой, известной «ночной княгиней». Свадьба не состоялась лишь потому, что жена, как рассказывает Смирнова в воспоминаниях, «ему напомнила, что долг платежом красен. Когда в молодости она просила разводной,

---

[26] *Кошелев А. И.* Указ. соч. С. 266.
[27] См. наст. изд., с. 341, 342.

муж ни за что не согласился, а теперь она не согласилась»[28]. Брак с Голицыным принес бы ей титул и богатство, т. е. прочное положение в высшем свете и средства, столь необходимые и ей, и братьям, которые один за другим выходили из корпуса в гвардию. Брак с Жуковским не мог дать ни того, ни другого.

Были тут и другие мотивы. Л. В. Крестова, приводя в своей биографии Смирновой отрывок из письма к ней летом 1829 г. одной из ее подруг («Князь Голицын, хотя и очень знатен по происхождению, не обладает, однако, как мне кажется, ни подходящей внешностью, ни возрастом, чтобы внушить достаточно пылкие чувства молодой особе, сердце которой к тому же, хотя и немного, но все же занято другим»), затруднялась назвать лицо, о котором шла речь[29]. Найденные позже мемуары Смирновой позволяют определить его без труда — это Василий Алексеевич Перовский. Как и большинство друзей Александры Осиповны, он был старше ее, в те годы ему было 33 или 34 года. Побочный сын графа А. К. Разумовского, он, как и его братья, сделал быструю карьеру, которой не помешала его кратковременная близость к первым тайным обществам декабристов, и к 1829 г. был уже генерал-адъютантом. Современники отзывались о нем как о человеке «необыкновенных дарований» и при этом либеральном по своему складу[30]. Перовский был приятелем Жуковского, Вяземского и Пушкина и принадлежал, таким образом, к тому же дружескому кругу, что и Россети. И он, очевидно, оказывал ей внимание, иначе она до старости не испытывала бы такой горечи при мысли о том, что брак с ним остался лишь мечтой. В одном из вариантов своих «Автобиографических записок» Смирнова рассказала, что на вопрос Пушкина, когда она была уже невестой Н. М. Смирнова, отказала ли бы она ему, если бы Перовский вдруг стал предлагать ей свою руку, она ответила: «Сейчас положила бы свою и на коленях бы его благодарила ⟨...⟩ Перовский был очень красив, храбр, добр, у него тоже были две тысячи душ, он был бы великодушным покровителем моим братьям»,— разъясняет она дальше[31].

Еще одним претендентом на руку Россети стал А. И. Кошелев, в те годы молодой чиновник Министерства народного просвещения. «Мы виделись почти ежедневно, переписывались и, наконец, почти решились соединиться браком»,— писал он через много лет в своих мемуарах[32].

[28] См. наст. изд., с. 183. В мемуарах А. И. Арнольди история несостоявшегося брака Смирновой с С. М. Голицыным содержит не известные до сих пор подробности, проливающие свет на некоторые мотивы ее согласия на брак с Н. М. Смирновым. По словам Арнольди, Голицын, совсем не ожидавший отказа жены в разводе, сделал Александре Осиповне «подарков в брильянтах на несколько сот тысяч рублей и дал четырем братьям ее по 100 тысяч рублей каждому». Когда же брак расстроился, А. О. Россети сочла необходимым все это вернуть Голицыну. Но один из ее братьев, Иосиф, находившийся в походе в Польшу (это уточняет датировку событий), успел «до Вильны» растратить 17 тысяч. Тут ей «поневоле» пришлось принять предложение Смирнова, который «взнес за своего будущего брата эти несчастные 17 тысяч рублей» (Указ. соч., л. 44 об.).

[29] *Смирнова*, 1929. С. 32.

[30] *Иезуитова Р. В.* Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 160.

[31] См. наст. изд., с. 470.

[32] *Кошелев А. И.* Записки. Берлин. 1884. С. 31—32.

Но и этот брак не состоялся: слишком разными оказались их взгляды на жизнь. Судя по беглым упоминаниям о Кошелеве в ее воспоминаниях, к этому своему поклоннику Смирнова сохранила скорее неприязненное чувство. Перовский же навсегда остался ее другом.

Всплывала тогда же кандидатура и еще одного возможного жениха — весьма состоятельного молодого дипломата И. С. Мальцева. Но он вскоре уехал в Персию, а когда вернулся в Петербург после гибели Грибоедова, вопрос этот более не возникал.

Близким другом Россети в эти годы становится П. А. Вяземский, сразу увлекшийся ею, а потом с вниманием и глубоким интересом следивший за ее духовным созреванием. Александра Осиповна высоко ценила свою дружескую связь с поэтом, а его стихотворениями, посвященными ей, гордилась более других. Недаром в «Автобиографических записках» она так часто возвращается к нему мыслью, так охотно цитирует его стихи, а на вопрос, будто бы заданный ей Н. Д. Киселевым, кого из друзей юности она считает «своим поэтом», она отвечает: «Мой поэт — Вяземский». Вяземскому принадлежит лучший литературный портрет А. О. Россети: «В то самое время,— писал он,— расцветала в Петербурге одна девица, и все мы, более или менее, были военнопленными красавицы; кто более или менее уязвленный, но все были задеты и тронуты. Кто-то из нас прозвал смуглую, южную, черноокую красавицу Donna Sol — главной действующей личностью испанской драмы Гюго. Жуковский, который часто любит облекать поэтическую мысль выражением шуточным и удачно-пошлым, прозвал ее *небесным дьяволенком* ‹...› Несмотря на свое общественное положение, на светскость свою, она любила русскую поэзию и обладала тонким и верным поэтическим чувством. Она угадывала (более того, она верно понимала) и все высокое и все смешное. Изящное стихотворение Пушкина приводило ее в восторг. Переряженная и масленичная поэзия певца Курдюковой находила в ней сочувственный смех ‹...›. Наша красавица умела постигать Рафаэля, но не отворачивалась от Теньера, ни от карикатуры Гогарта и даже Кома. Вообще увлекала она всех живостью своею, чуткостью впечатлений, нередко поэтическим настроением. Прибавьте к этому, в противоположность, какую-то южную ленивость, усталость ‹...›. Она была смесь противоречий, но эти противоречия были как музыкальные разнозвучия, которые, под рукой художника, сливаются в какое-то странное и увлекательное созвучие ‹...›. Хоть не было в чулках ее ни малейшей синей петли, она могла прослыть у некоторых академиком в чепце. Сведения ее были разнообразные, чтения поучительные и серьезные, впрочем, не в ущерб романам и газетам» [33]. Портрет этот настолько выразителен, что не нуждается в дополнениях. Такой осталась Россети в памяти своих друзей 20—30-х годов. Дружеские ее отношения с Вяземским были прочными и долголетними.

Менее близка была она, по-видимому, с Пушкиным, особенно вначале. Вопрос об их отношениях заслуживает особого внимания. Известные

[33] Старая записная книжка. С. 158—160.

«Записки А. О. Смирновой» пера ее дочери построены на идее исключительной и непрерывной духовной близости поэта с Александрой Осиповной в течение всего их знакомства. Необходимо поэтому несколько подробнее осветить фактическую историю этих отношений, насколько это позволяют источники.

О первой встрече с Пушкиным Смирнова рассказала в своих мемуарах: по ее словам, это было на вечере у Е. М. Хитрово в конце 1828 г.[34] В действительности это не могло быть ранее 18 января 1829 г., когда Пушкин приехал в Петербург, и примерно в это же время истекали первые три месяца строгого траура после смерти имп. Марии Федоровны, когда балы и вечера были исключены. Легко представить себе, что через полвека Смирнова могла сбиться в дате, но вряд ли возможно, чтобы, при своей прекрасной памяти, она забыла, что к этому времени была уже давно знакома с Пушкиным.

Между тем в литературе давно уже высказывались сомнения в верности этого рассказа: такая датировка знакомства с Пушкиным противоречила, как казалось, датам создания Вяземским стихотворения «Черные глаза», ответа на него Пушкина «Ее глаза», где глазам Россети противопоставлены пленявшие Пушкина глаза А. А. Олениной (начало мая 1828 г.), и, наконец, стихотворения «За Netty сердцем я летаю», где инициалы R и О принято расшифровывать как Россети и Оленина[35]. По мнению Т. Г. Цявловской, из описания этого вечера следует, что подруга Россети Стефания Радзивилл была еще фрейлиной, а она в апреле 1828 г. вышла замуж за Л. П. Витгенштейна[36]. В. И. Шенрок вообще утверждал, что Жуковский познакомил Россети с Пушкиным, «когда он, освобожденный от своего заточения в Михайловском и уже побывавший в Москве, только что приехал в Петербург»[37]. Это попросту не соответствует фактам: как известно, после ссылки Пушкин впервые был в Петербурге с 24 мая до июля 1827 г., а Жуковский вернулся из-за границы только в конце октября, да и с ним Смирнова не была еще знакома.

Л. В. Крестова пыталась разрешить противоречия, отнеся стихотворение Пушкина «Ее глаза» к 1829 г. Но это опровергается и твердо установленными фактами биографии Пушкина в 1828—1829 гг. и историей публикации стихотворения.

Из всех этих несоответствий выводят несколько свидетельств. В одном из вариантов своих мемуаров Смирнова, как обычно несколько сбиваясь в датах, рассказывает, как в Павловске, где она жила при Марии Федоровне (лето 1828 г.), ей кто-то дал стихотворение Вяземского «Черные глаза». «Я помню только один стих,— пишет она,— «И голос слаще Торкватовых октав». Я не знала его и не знаю, где он слышал

---

[34] См. наст. изд., с. 184.

[35] *Вересаев В.* Пушкин в жизни. М., 1984. С. 146.

[36] *Цявловская Т. Г.* Дневник А. А. Олениной // Пушкин. Исслед. и матер. Т. 2 С. 251. Заметим, что Радзивилл могла быть на этом вечере и будучи уже замужем.

[37] *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. С. 310.

мой голос»[38]. Текст из стихотворения запомнился ей (тоже как обычно) не точно[39], но то, что она тогда не была еще знакома с Вяземским, она, конечно, помнила хорошо. Подтверждает это письмо С. Н. Карамзиной к И. И. Дмитриеву от 15 апреля 1829 г.: «Мы нынешнее лето едем в Ревель, и я имею предчувствие, что Вяземский там навестит нас, тем более, что с нами едет умненькая и миленькая фрейлина Розетти, которою он прошлого года ездил восхищаться только в театре. Каково же было бы жить с нею в одном доме!»[40] Таков же примерно смысл письма Вяземского к жене от 4—7 мая 1828 г., описывающего, как он «не спускал с глаз глаза девицы Россети и кончил импровизацию, которую начал было в первый раз, как встретился с этими глазами» (далее следует первая строфа стихотворения «Черные глаза»)[41]. Понятно, таким образом, что и «Черные глаза» и «Ее глаза» написаны до личного знакомства авторов с Россети. В самом тексте пушкинского стихотворения есть что-то от беглого и равнодушного взгляда — особенно в первоначальном варианте, записанном в альбом А. А. Олениной, где вместо «Придворных витязей гроза» стоит «Твоя Россети егоза»[42]. Можно думать, что она мало занимала Пушкина, и мемуарные рассказы Смирновой о том, как медленно происходило их сближение, приобретают убедительность.

Л. В. Крестова, подсчитавшая время возможного общения Смирновой с Пушкиным за семь лет их знакомства, пришла к выводу, что его частые отъезды из Петербурга в эти годы и обстоятельства жизни Смирновой крайне ограничили, в сущности, это время[43], это не совсем верно. Если не считать пребывания Смирновой за границей с начала 1833 г. до осени, большую часть этих лет, особенно зимами, оба они были в Петербурге и могли часто встречаться.

Известна запись П. И. Бартенева, сделанная в беседе со Смирновой 18 июня 1863 г. и прямо касающаяся ее отношений с Пушкиным. «Вы ценили Пушкина и он вас? — спросил Бартенев. Ответ был: «О нет. Ни я не ценила его, ни он меня. Я смотрела на него слегка, он много говорил пустяков, мы жили в обществе ветреном. Я была глупа и не обращала на него особенного внимания»[44]. В мемуарах и письмах Смирновой многое опровергает эти слова. Но верно, что Пушкин далеко не сразу оценил ее. Сам ее женский облик — смелость поведения, острый язык, «шутки злости самой черной» вряд ли был для него привлекателен. Однако, узнав Александру Осиповну ближе, он не мог не оценить ее живой ум, образованность, тонкий юмор, благородный нравственный

---

[38] См. наст. изд., с. 362.

[39] И. С. Аксаков в одном из своих писем к отцу писал о ней: «Она говорит, что ⟨...⟩ не имеет стихотворного уха, потому при повторении стихов всегда ошибается в размере» // *Аксаков*. С. 290.

[40] Цит. по: ЦГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. 875. Л. 38.

[41] Там же. Ф. 195. Оп. 1. Ед. 3267 б. Л. 54.

[42] См. описание этого альбома, составленное П. М. Устимовичем (РС. 1890. № 8. С. 397).

[43] *Смирнова*, 1929. С. 399—400.

[44] Ветвь. М., 1917. С. 303—304.

облик. Он запечатлел эти черты в ее стихотворном портрете — «В тревоге пестрой и бесплодной» (1832).

Частые встречи Смирновой с Пушкиным начались, вероятно не сразу после описанного ею вечера у Хитрово. Пушкин вскоре уехал, вернулся только осенью 1829 г. и мог часто видеть Россети и в свете, и в гостиной Карамзиных последовавшей зимой. Так, 9 декабря 1829 г. К. С. Сербинович записал в своем дневнике: «Я зашел домой за Машенькою и вместе с нею пошел к Карамзиной. У ней мы застали фрейлину Розетти. За обедом был Жуковский, Пушкин, В. Н. Карамзин»[45]. К зиме 1829/1830 гг. относится стихотворение Пушкина «Полюбуйтесь же вы, дети» с известной строфой:

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти,
Те, те, те и те, те, те.

Уехав затем надолго из Петербурга, Пушкин уже не забывает ее. Даже в те дни, когда поэт целиком поглощен своей женитьбой, ее имя возникает в одном из его писем к Плетневу: «Дом сей нанял я в память моей Элизы[46],— писал он 26 марта 1831 г.,— скажи это южной ласточке, смугло-румяной красоте нашей»[47]. Жаждет встреч с Пушкиным и Россети. С. Н. Карамзина, получив от Вяземского известие, что Пушкин с молодой женой проведет лето в Царском Селе, писала ему: «Александрина Россети очень радуется»[48].

Двор переехал на лето в Царское Село (а значит — Жуковский и Россети), там же жил в 1831 г. и Пушкин. Понятно, что общение было ежедневным, и лето стало переломным в сближении Россети с Пушкиным. Помимо ее воспоминаний, немало свидетельств этого находится в переписке. «Россети черноокая хотела тебе писать, беспокоясь о тебе,— сообщал Пушкин Плетневу 11 июля 1831 г.,— но Жуковский отсоветовал, говоря: Он жив, чего же вам больше?»[49] Ответ Плетнева примечателен взволнованным отзывом об Александре Осиповне: «Поблагодари Россети за ее ко мне дружбу. Ее беспокойство о моей судьбе трогает меня не на шутку ⟨...⟩ В ней так много человеко-прекрасного, так много предупреждающего и столько душевной делимости, что, право, об ней нельзя говорить просто, как о других»[50]. 3 августа Пушкин сообщил Плетневу об обручении Россети с Н. М. Смирновым, а несколькими днями раньше отметил это в своем дневнике[51]. В тот же день, 3 августа, Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Мы с Пушкиным вместе проживаем в Царском и вместе проводим вечера у смуглой царскосельской невесты.

[45] ЛН. Т. 58. С. 258.
[46] Фамилия домовладелицы была Хитрово.
[47] *Пушкин*. Т. 14. С. 158.
[48] ЛН. Т. 58. С. 96.
[49] *Пушкин*. Т. 14. С. 189.
[50] Письмо от 19 июля 1831 г.: *Пушкин*. Т. 14. С. 194—195.
[51] Там же. С. 206; Дневник — т. 12. С. 200.

Я между делом пишу эксаметры, а Пушкин ждет осени, чтобы начать писать»[52]. Узнав о помолвке Александры Осиповны, Вяземский через Пушкина просил ее «сжечь до замужества всю мою поэзию и мою прозу, а что она у нее залежалась, знаю я потому, что она, для смеха, их кому-то показывала»[53]. Пушкин отвечал ему 3 сентября: «У Доне Sol был я вчера; писем твоих у ней здесь нет; она не намерена их сжечь et vous accuse de fatuitè <и тебя обвиняет в самонадеянности>. Дело в том, что она чрезвычайно мила, умна и в лицах представляет генеральшу Ламберт и камер-лакея немца — в совершенстве»[54]. Атмосферу этого лета в Царском Селе выразительно рисует шуточное стихотворение Жуковского, приведенное Смирновой в своих воспоминаниях о нем[55]. «Жизнь у нас очень сносная,— писал Пушкин Вяземскому 3 августа, цитируя отрывки из этого стихотворения.— У Жуковского зубы болят, он бранится с Россети; она выгоняет его из своей комнаты, а он пишет ей Арзамасские извинения гекзаметрами».

Пока же шло это веселое дружеское общение, николаевское правительство завершало подавление восстания в Польше. Смирнова не раз описывала в мемуарах, как в Царское Село пришло известие о взятии Варшавы. С этим связано единственное дошедшее до нас пушкинское письмо к Россети (по ее словам, других и не было)— это записка-надпись на обертке присланной ей брошюры с посвященными событиям в Польше стихами Жуковского и Пушкина[56]. Воспоминания о лете 1831 г. составляют главное содержание «Воспоминаний о Жуковском и Пушкине» Смирновой, с ним связаны и многие ассоциации с Пушкиным и в других ее мемуарах, хотя ясно, что именно после этого лета она постоянно видела Пушкина у себя.

В январе 1832 г. А. О. Россети вышла замуж, на некоторое время уехала в Москву знакомиться с семьей мужа, а, вернувшись, принимала друзей уже не в фрейлинской комнатке, а в собственном богато обставленном доме[57]. Здесь 18 марта 1832 г. Пушкин вписал в ее альбом заглавие будущих записок, которые он побуждал ее писать, оценив ее дар рассказчицы, и стихотворный эпиграф от лица будущей мемуаристки — стихотворение «В тревоге пестрой и бесплодной». Мы слишком мало знаем, чтобы судить о встречах и беседах Смирновой и Пушкина в последующие годы (именно в этом направлении развернулась безудержная фантазия О. Н. Смирновой), но кое-что можно извлечь из сопоставления дневника и «Table-talk» поэта и мемуарных рассказов Смирновой о Пушкине. Так, например, только со слов любимой фрейлины имп. Александры Федоровны мог Пушкин занести в свой дневник размышления о записках, которые пишет императрица[58]. Рассказ о них есть и в ме-

[52] РА. 1895. № 11. С. 258.
[53] *Пушкин.* Т. 14. С. 214.
[54] Там же. С. 221.
[55] См. наст. изд., с. 23, 24.
[56] *Пушкин.* Т. 14. С. 205, 223.
[57] «В моих воспоминаниях,— пишет А. И. Арнольди,— дом этот представляется мне какою-то волшебною игрушкою» (указ. соч., л. 46—46 об.).
[58] *Пушкин.* Т. 12. С. 316.

муарах Смирновой [59]. С прямым указанием на слышанное от нее записан в дневнике рассказ о получении Николаем I в Царском Селе известия о казни декабристов [60]. С другой стороны, в мемуарах Смирновой немало эпизодов начинаются словами: «Пушкин мне рассказывал...», и заявления эти в иных случаях могут быть проверены по его дневнику. Так, и в дневнике Пушкина и в воспоминаниях Смирновой с ссылкой на Пушкина зафиксирована беседа с одним из убийц Павла I Скарятиным [61].

Анализируя с этой точки зрения дневник Пушкина, П. Е. Рейнбот обратил внимание на то обстоятельство, что записи рассказов разных лиц о прошлом, в особенности о придворных событиях, исчезают в нем как раз с того момента, когда Смирнова в январе 1833 г. уехала за границу [62]. Очень вероятно, что именно она передавала Пушкину «в лицах» и придворные новости, и то, что рассказывали ей поседевшие в коридорах власти придворные собеседники.

В сентябре 1832 г. Пушкин уехал в Москву, а Смирнова в его отсутствие перенесла свои первые неудачные роды. «А мы здесь сколько настрадались! Голубушка Смирнова напугала нас ужасно,— писал Вяземский А. И. Тургеневу 31 октября 1832 г.— Роды ее были самые бедственные: делали ей несколько операций, промучилась она 45 часов и, наконец, должны были раздавить в ней голову ребенка и вытащить его мертвого 〈...〉 Голубушка выдержала все мучения, все истязания с ангельским терпением и с геройским мужеством. Доктора говорят, что никогда не видали они ничего подобного и что спасена она твердостью своею и присутствием духа. Не могу выразить тебе, каким умилением и благоговением был я исполнен к ней во всю эту эпоху ожиданий, страха и надежды!» [63] Оправившись, Смирнова уехала лечиться в Германию, откуда вернулась лишь к осени 1833 г. Пушкина не было в это время в Петербурге. 8 октября, среди приветов Карамзиным и Мещерским, он писал жене: «Жаль, что ты Смирновой не видела; она должна быть уморительно смешна после своей поездки в Германию» [64]. В половине ноября Пушкин вернулся в столицу, и в течение последующих месяцев имя Смирновой часто встречается на страницах его дневника и писем [65]. К этой зиме, вероятно, относится рассказ младшего брата Смирновой Александра Ивановича Арнольди: «В последние годы пребывания моего в корпусе, в доме сестры моей Александры Осиповны Смирновой, я узнал или, пожалуй, познакомился с Пушкиным и В. А. Жуковским, которых

---

[59] См. наст. изд., с. 549.
[60] *Пушкин.* Т. 12. С. 321.
[61] Там же. С. 321. Ср. наст. изд., с. 139.
[62] ЦГАЛИ, ф. 475. Оп. 1. Ед. 875. Л. 98—99.
[63] Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 3. С. 211, 212.
[64] *Пушкин.* Т. 15. С. 86.
[65] «Вечер у См〈ирновой〉» — 14.XII.1833 (т. 12, с. 317), «Вчера был у См〈ирновой〉» — 8.III.1834 (с. 321), «Вчера обедал у См〈ирновых〉 с Полетикой, с Вельг〈орским〉 и с Жук〈овским〉» — 21.V.1834 (с. 329), «Вечер у См〈ирновых〉; играл, выиграл 1200 р.» — июнь 1834 (с. 330).

очень часто видел в ее гостиных, а однажды, скрытый занавескою, жадно выслушивал советы Жуковского, даваемые им Пушкину для написания Пугачевщины, собиранием материалов для которой в то время поэт наш был занят» [66].

В апреле 1834 г. Пушкин записал в дневнике: «Петербург полон вестями и толками об минувшем торжестве ‹совершеннолетии наследника престола›. Разговоры несносны. Слышишь везде одно и то же. Одна Смирнова по-прежнему мила и холодна к окружающей суете» [67]. Весной и летом 1834 г. он не раз упоминал Смирнову в письмах к жене. 27 июня он писал ей: «Смирнова родила благополучно, и, вообрази, двоих. Какова бабенка и каков красноглазый кролик Смирнов? Первого ребенка такого сделали, что не пролез, а теперь принуждены надвое разделить. Сегодня, кажется, девятый день — и слышно, мать и дети здоровы» [68]. Но Смирнова на самом деле долго хворала после родов, и даже после ее выздоровления Пушкин увиделся с ней не сразу. В конце лета он сообщал жене: «В свете я не бываю. Смирнова велела мне сказать что она меня впишет в разряд иностранцев, которых велено не принимать» [69].

Следующая зима была временем последних встреч Смирновой с Пушкиным: в апреле 1835 г. ее муж получил назначение в Берлин, и в России она оказалась только через два с лишним года. Зимой 1834/1835 гг. Пушкин читал у нее «Историю Пугачева», как она рассказывает в мемуарах [70], но вообще она не могла часто с ним видеться: она перенесла тогда первый из преследовавших ее потом приступов тяжелой нервной депрессии. Вяземский писал об этом жене летом 1835 г.: «Жалею очень, что нет здесь Смирновой; ее видал бы я охотно. Она уехала на год и более, здоровье ее поправилось, а особенно расположение духа, которое было очень мрачно: она все боялась сойти с ума» [71].

Живя в Берлине, Смирнова переписывалась с Жуковским, Плетневым, Вяземским — но не с Пушкиным, и это тоже говорит об известной дистанции между ними. Но имя его часто на страницах ее писем. Вот как откликалась она на объявление о подписке на «Современник»: «Я подписываюсь на «Современник» и прошу вас высылать мне его. Просите Пушкина начать постом или после Пасхи, чтобы не делать, как наши литераторы, изготовляющие подарки добрым детям на праздники. Надеюсь на его вкус: он не будет держаться формата «Библиотеки для чтения», им громко осуждаемой; внешний вид Blackwood's Magazine очень приличен — совершенно европейский. Вы видите, я совершенно матерински забочусь об этом дитяти хорошего общества, потому и надеюсь получить известие немедленно по его появлении. Опасаюсь, чтобы назва-

---

[66] ЛН. Т. 58. С. 450.
[67] *Пушкин*. Т. 12. С. 328.
[68] *Пушкин*. Т. 15. С. 166—167.
[69] Там же. С. 183.
[70] См. наст. изд., с. 25.
[71] Остафьевский архив. Т. 3. СПб., 1899. С. 258.

ние «Современник» не щекотало целомудренных ушей Греча, Булгарина и К°, и они отомстят, указав на слишком современную аллюру нашего издания. Скажите Пушкину, что я могу ему сообщить все, что происходит в литературном мире Берлина, хотя я не вижу рецензентов и альманашников»[72]. Столь же живой и широкий интерес отразился и в ее отклике на первую книжку «Современника» — маленькой рецензии на все ее содержание: повести Гоголя, «Путешествие в Арзрум» Пушкина и «Хронику русского» А. И. Тургенева[73]. 25 декабря 1836 г. Смирнова, уже из Парижа, писала Вяземскому: «Что это за четвертый том Пушкина, в котором помещены Гузла и Сказка о Петушке? Откуда он появился? Скажите Пушкину, что он мог бы написать мне словечко, хотя в стихах, поскольку это ему гораздо удобней. Я читаю Гейне, он сущий дьявол, скажите это Пушкину»[74]. Но ни переписываться, ни увидеться им не было суждено.

24/12 февраля 1837 г. Андрей Карамзин, живший в Париже и ежедневно бывавший у Смирновых, получив из дому известие о гибели Пушкина, писал матери: «Я получил ваше горестное письмо с убийственным известием, милая, добрая маменька, и до сих пор не могу опомниться!.. Милый, светлый Пушкин, тебя нет! 〈...〉 Сидя за столом у Смирновых, мне вручили ваше письмо, я переменился в лице, потому что только четыре дня тому назад, что получил последнее, но увидя вашу руку и милой Сонюшки, успокоился; прочел, вскрикнул и сообщил Смирновым. Александра Осиповна горько плакала»[75]. Вскоре к Смирновой дошло письмо Вяземского с подробным рассказом о гибели поэта. Вяземский писал в нем, в частности: «Умирая, Пушкин продиктовал записку, кому что он должен; вы там упомянуты. Это единственное его распоряжение»[76]. Ответ Смирновой на это письмо примечателен: «... ничего нет более раздирающе-поэтического, как его жизнь и его смерть. Я также была здесь оскорблена и глубоко оскорблена, как и вы, несправедливостью общества. А потому я о нем не говорю. Я молчу с теми, которые меня не понимают. Воспоминание о нем сохраняется во мне недостижимым и чистым»[77]. Еще через два месяца она писала о том же Жуковскому: «Одно место в нашем кругу пусто, и никогда никто его не заменит. Потеря Пушкина будет еще чувствительнее со временем. Вероятно, талант его и сам он развились бы с новой силою через несколько лет»[78].

Этот краткий очерк темы «Пушкин и Смирнова» был бы неполон, если не упомянуть, что ее положение при дворе давало ей возможность иной раз помогать поэту, предупреждая некоторые нарушения им при-

---

[72] Письмо к Вяземскому от 29.II.1836. Цит. по статье П. П. Вяземского «Пушкин по документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям» // РА. 1884. № 4. С. 430.

[73] Там же. С. 431.

[74] ЛН. Т. 58. С. 118.

[75] Старина и новизна. Кн. 17. М., 1914. С. 291—292.

[76] РА. 1888. № 7. С. 296. Долги были возвращены опекой (Архив опеки Пушкина. М., 1939. С. 12—13, 153—154).

[77] *Вяземский П. П.* Указ. соч. С. 433.

[78] РА. 1902. № 5. С. 98.

дворного этикета и даже в каком-то смысле выступая посредником между ним и царем. Правда, известен только тот случай, когда Николай I через Смирнову возвратил Пушкину главу «Онегина» со своими пометами [79].

Чтобы понять, как складывалось положение Александры Осиповны при дворе и ее отношения с царской семьей, вернемся к ее фрейлинским годам. Без этого трудно разобраться в некоторых особенностях ее мемуарного наследия. Фрейлина имп. Александры Федоровны с 1828 г., Россети скоро стала ее любимицей. «Черненькая», как ее прозвали царские дети, а потом и вся царская фамилия, пользовалась расположением и Николая I. Границы этого расположения остаются далеко не ясными. В своих мемуарах Смирнова лишь однажды упомянула, как император неожиданно вошел в ее комнату, где она переобувалась, промочив ноги, и одобрительно отозвался о красоте ее ножек [80]. Но в откровенности о Николае и его жене, которым она была предана, Смирнова в мемуарах не пускалась. Легкая тень неодобрения проскользнула в сохранившемся отрывке ее дневника: описывая 5 марта 1845 г. свой разговор с императором на вечере у императрицы, Смирнова писала: «Я хотела продолжать разговор, но он повернул на старые шутки. Пусть не мое перо их передает, я его слишком люблю» [81]. Но намеки на мерзость придворных нравов в беседах с близкими, в мемуарах, сожжение дочерью Е. П. Ростопчиной каких-то исповедальных писем Смирновой к ее матери [82], наконец, настойчивость, с которой сама Александра Федоровна склоняла Россети к браку, привлекают внимание. Настораживает и размер денежного пособия, выданного А. О. Россети в качестве приданого. 5 октября 1831 г. Николай I подписал секретный указ кабинету о выдаче «фрейлине государыни императрицы Александре Россетти» на приданое 12 тысяч рублей [83]. Обычный же размер приданого фрейлинам не превышал двух-трех тысяч рублей.

Личная преданность Смирновой всей царской семье осталась навсегда одной из существенных черт ее личности. Резко осуждая развращенные нравы двора, она при этом всегда умела находить аргументы для своей идеализации Николая I и всей императорской фамилии. «... Каждый из нас был бы во сто крат хуже,— писала она Гоголю,— если бы его так систематически и столько лет окружали льстецы и подлецы и не допускали никогда истины к нашим ушам» [84]. Благоволили к ней и вел. кн. Александра, Ольга и Мария, которых Смирнова знала еще детьми и именами двух из них назвала своих старших дочерей. Они сохранили к ней дружеские чувства, а к помощи Марии Николаевны Смирнова не раз прибегала, хлопоча за Гоголя, А. Иванова и других.

---

[79] См. наст. изд., с. 349.
[80] См. наст. изд., с. 346.
[81] См. наст. изд., с. 7.
[82] *Смирнова*, 1929. С. 65.
[83] ЦГИА. Ф. 472. Оп. 2. Ед. 41. Л. 11.
[84] Цит. по: *Колосова Н. П.* Смирнова и Гоголь // Кавкасиони. Тбилиси, 1985. Вып. 3. С. 207.

Принятое А. О. Россети решение связать свою судьбу с Н. М. Смирновым менее всего диктовалось чувством к нему. Он был богатым наследником большого состояния, перспективным молодым дипломатом, пользовавшимся покровительством Нессельроде и его влиятельной в свете жены. Вернувшись в Петербург из Флоренции, Смирнов был хорошо принят и в высшем свете и в близких Россети кругах дворянской интеллигенции. Он был в дружеских отношениях с Карамзиными и Пушкиным, с которым познакомился еще в первый свой приезд в Петербург в 1828 г. Поэтому в советах принять его предложение недостатка не было. О. Н. Смирнова, проводившая идею исключительной близости матери к царской семье, утверждала, что свадьба ее пышно праздновалась во дворце, причем посаженным отцом жениха был Пушкин, матерью — Е. А. Карамзина, а посаженными родителями невесты — Николай I и императрица[85]. Но сама Смирнова рассказывает об этом иначе: «Свадьба была грустная, у него посаженой матерью была его старая тетка Любовь Ивановна Безобразова и граф Толстой, женатый на ее дочери, у меня князь Петр Михайлович Волконский и гр. Нессельроде»[86]. Любопытнее всего, что в камер-фурьерском журнале сведения другие: у жениха — П. М. Волконский и М. Д. Нессельроде, у невесты — вел. кн. Михаил Павлович и Е. А. Карамзина[87]. От Бартенева идет ошибочное утверждение, до сих пор встречающееся в литературе, будто Пушкин был шафером на этой свадьбе[88], опровергаемое тем очевидным фактом, что Пушкин был женат и не мог быть шафером.

Современники, признавая доброту, благородство и честность Смирнова, его широкую образованность, в один голос говорили о его необузданном характере[89]. Довольно объективные, по-видимому, отзывы о нем встречаются в письмах А. Н. Карамзина из Парижа в 1837 г. 10 января он писал матери: «Чай пил у Смирновых и до сих пор не могу себе простить 〈...〉 что пустился с Смирновым в политические споры. Он предобрый малый, и я его люблю, но спорить с ним глупо и даже грешно»[90]. Позднее, в письме из Бадена, он снова возвращается к этому: «Я теперь к Смирнову искренне привязан, во 1-х, потому что при более коротком знакомстве открывается много неведомых до того хороших качеств, а во 2-х, он с Парижа очень поправился в обхождении с женою и в характере вообще, хотя все еще спорит несносно и никогда, даже и случайно, не попадает на истину»[91]. Последние слова явно не-

---

[85] Р. С. 1888. № 6. С. 605.

[86] См. наст. изд., с. 359.

[87] Камер-фурьерский журнал от 11 января 1832 г. // ЦГИА. Ф. 516. Оп. 1. (120/2322). Д. 67. Л. 39—41 об.

[88] РА. 1882. № 2. С. 227, 228. А. И. Арнольди сообщает: «Шаферами — Иосиф и Александр Россет, а я нес образ по обычаю» (указ. соч., л. 45 об.).

[89] См., напр., Врем. ПК. 1967—1968. Л., 1970. С. 12; *Свербеев Д. Н.* Записки. М., 1899. Т. 2. С. 291—294 («взбалмошный и горячий иногда до бешенства»); *Бартенев П. И.*//РА. 1882. № 2. С. 227; РА. 1899. № 4. С. 623. Остается сожалеть, что его интересные «Записки» не напечатаны до сих пор полностью.

[90] Старина и новизна. Кн. 17. С. 249, 250.

[91] Там же. С. 321.

справедливы: еще в одном письме тот же Андрей Карамзин с горячим одобрением рассказывает о ссоре Смирнова с П. Медемом, когда Смирнов назвал Пушкина «самым замечательным человеком в России» [92].

В письмах и мемуарах Смирновой, везде, где она касается мужа, нашел отражение тяжкий разлад, почти с самого начала возникший в их браке. Иногда, правда, как бы принуждая себя к объективности, она признает его честность, доброжелательность к людям, щедрость его натуры. Но доминирует постоянное раздражение против него. В конце 1840-х годов, отвечая Гоголю, призывавшему ее исполнять свой долг преданной жены, она писала: «Дайте слабому сердцу нажаловаться, наплакаться на судьбу и не пеняйте (или, лучше, браните). Мне трудно, очень трудно. Мы думаем и чувствуем совсем иначе; он на одном полюсе, я на другом» [93]. В старости она признавалась дочери Надежде: «... у меня не было ни одного года покоя и счастья с этим человеком. Сердце у него было доброе, но он лишен был принципов и взбалмошен» [94].

В марте 1835 г. Смирнов был причислен к русскому посольству в Берлине, и его жена, имевшая рекомендательные письма императрицы к ее берлинским родственникам, начала блистать в прусском высшем свете, о чем охотно потом вспоминала. Летом 1836 г., снова ожидая ребенка, Смирнова с мужем приезжает в Баден. Здесь ее знакомая, Ю. П. Строганова, представляет ей молодого дипломата, секретаря посольства в Париже, младшего брата министра гос. имуществ П. Д. Киселева Николая Дмитриевича. Ему суждено было стать предметом самого глубокого чувства Смирновой, героем ее написанных в старости воспоминаний.

Н. Д. Киселев окончил в 1823 г. Дерптский университет и был причислен к министерству иностранных дел. В 1826 г. он ездил в Персию в составе чрезвычайной миссии А. С. Меншикова, вернувшись был снова отправлен туда на год, а в 1828 г. назначен во Францию. В 1826—1828 гг. он был близко знаком с Пушкиным и другими членами его дружеского кружка — Вяземским, Грибоедовым, молодым Олениным. В семье Олениных серьезно обсуждался тогда вопрос о возможной его женитьбе на А. А. Олениной, и она готова была дать согласие — решающего шага не сделал сам Киселев. Она записала в своем дневнике 25 сентября 1828 г.: «Николай Дмитриевич Киселев теперь пойдет в люди. Его брат в большом фаворе. Да и он сам умен. Жаль только, что у него нет честных правил насчет женщин» [95]. В 1836 г. Киселев был не только пер-

[92] Там же. С. 297.

[93] Цит. по: *Смирнова*, 1929. С. 99.

[94] Там же. С. 152. А. И. Арнольди, с большой теплотой отзывавшийся о Смирнове в своих мемуарах, так описывал мужа сестры в год его свадьбы: «...помню его тогда стройным блондином в бекеше с бобрами и в золотых очках» (Указ. соч., л. 45—45 об.). Он рассказывал: «Почти полстолетия я пользовался его любовью и дружбой и сохранил любовь и уважение ко всем его делам, поступкам и его памяти ⟨...⟩. Много и сестра виновата тем, что никогда не отвечала порывам его страстной натуры и безумной любви, даже и первые 10 лет их брака» (там же). Эти отзывы вносят более объективную ноту в тот образ Смирнова, который сложился в литературе на основании рассказов его жены и бегло брошенного Пушкиным определения «красноглазый кролик».

[95] *Цявловская Т. Г.* Указ. соч. С. 261, 262, 276.

вым секретарем одного из важнейших русских посольств (а впоследствии долголетним полномочным министром), но и камергером.

Внезапно вспыхнувшая любовь к нему, поначалу, несомненно, взаимная, окрасила собою все мироощущение Смирновой на ближайшие годы. Нетерпение, с которым она стремилась после родов оказаться в Париже, возникавшие препятствия, наконец встреча там с Киселевым эмоционально и талантливо описаны в ее мемуарах.

А. Н. Карамзин, ежедневно встречавшийся со Смирновой в Париже зимой 1836—1837 гг., в письмах своих оставил подробные свидетельства об ее образе жизни и переживавшемся ею душевном подъеме: «Сделалась совершенным артистом, влюблена в картины, уж не говорю о музыке,— когда она дома, то вечно за клавикордами»; «Радостно видеть совершенную перемену в расположении Александры Осиповны; она весела, говорлива, хороша и молода по-прежнему»; «На балу у Тюфякина Александра Осиповна была прелестна, точно такая же как прежде Алекс. Осип. Россети, я глядел и радовался» [96]. Из мемуаров Смирновой ясно, что весь этот радостный фасад ее жизни питался надежно скрытыми отношениями ее с Киселевым. Карамзин, в течение трех месяцев неизменный ее спутник, явно не подозревал не только о их близости, но не отмечал даже частых встреч с Киселевым у Смирновых. Он так о нем отзывался: «Посольская молодежь с утра играет в клубах и возится с дрянными любовницами, которых бы я даром не взял, ничего не читает — от всего отстала и, живя в Париже, закоснела, как в глуши саратовской,— таков, между прочим, умница Киселев» [97]. В каких бы идеальных чертах ни рисовала Смирнова в старости, в своих мемуарах, его облик, но верность и проницательность этого отзыва Карамзина подтверждается их текстом, вопреки намерениям мемуаристки, постоянно.

Лето 1837 г., после недолгой поездки в Италию, Смирновы снова проводят в Бадене, и к этому времени, по-видимому, относится развязка романа с Киселевым. Еще зимой он получил новое назначение — советником посольства в Лондоне, и дальнейшие встречи стали маловероятными. В письмах Карамзина мелькает сообщение о предполагавшейся поездке Смирновых в Лондон: «... если они и поедут, то на 10 дней и без детей: ему совсем не хочется, а ей хочется на большее время» [98]. Можно предположить, что, затевая эту поездку, Смирнова надеялась найти возможности для перевода в Лондон и мужа. Поездка не состоялась, Киселев уехал в Лондон, и они не встречались потом до 1844 г. Как тяжело это было пережито, показывает то волнение, которым проникнут написанный почти через полвека мемуарный цикл «Баденский роман». В том же 1837 г. Александра Осиповна потеряла одну из своих дочерей-близнецов, свою любимицу Александру.

Этот год стал знаменательным для Смирновой и еще в одном важном отношении: сперва в Париже, потом в Бадене она начала часто видеться с Гоголем. Гоголь занимает в биографии Смирновой исключи-

[96] Старина и новизна. Кн. 17. С. 237, 242, 251.
[97] Там же. С. 287.
[98] Там же. С. 286.

тельное место. В обширной литературе о Гоголе и в воспоминаниях современников роль Смирновой в его жизни оценивалась очень различно: то как близкого и верного друга и помощника, то как человека, во многом повлиявшего на развитие религиозно-мистических настроений писателя и тем способствовавшего его духовной драме. Думается, однако, что влияние Смирновой на Гоголя не следует преувеличивать — масштаб личностей был слишком различен. А душевная близость была, действительно, важна для обоих. Яснее всего это выражено в одном из писем Александры Осиповны к С. Т. Аксакову: «Нас сдружило наше обоюдное одиночество в свете и сознание, что способности наши выше того слоя, где мы родились» [99]. Дочь Аксакова Вера Сергеевна, в 1850 г. наблюдавшая Гоголя и Смирнову вместе, писала о них: «Гоголь при ней совершенно счастлив, она его очень любит, у них есть свой особый мир, так сказать, в котором у них совершенно одинаковые взгляды, понятия, впечатления, язык» [100]. Между тем это было время, когда связующие нити между ними уже слабели. Можно понять, каков был этот «особый мир» в 40-х годах, в период их наибольшей близости. В своих воспоминаниях о Гоголе, написанных в двух вариантах ею самой и записанных с ее слов П. А. Кулишом (1854), П. А. Висковатым (1867), А. Н. Пыпиным (около 1873), Смирнова скупо и скромно раскрывает характер своих отношений с ним. Гораздо больше дает их обширная и давно известная переписка [101].

Знакомство Смирновой с Гоголем (о чем в ее мемуарах немало небылиц) относится очевидно к лету 1831 г. Гоголь, живший тогда в Павловске, постоянно посещал Пушкина и Жуковского в Царском Селе и, естественно, не мог не встречаться с Россети. По возвращении в Петербург, где он получил из типографии только что вышедшие из печати «Вечера на хуторе близ Диканьки», он послал экземпляры друзьям в Царское Село, и среди них один — «Розетти, с сентиментальной надписью» [102]. Но потом встречи были, по-видимому, столь редкими и случайными, что вовсе не запомнились Смирновой, и последовательный рассказ о Гоголе она неизменно начинает с заграничных встреч.

Летом 1836 г. они виделись в Бадене: об этом вспоминала Смирнова в «Баденском романе», упоминал и Гоголь в одном из своих писем [103]. Но настоящее их общение началось в Париже, где Гоголь прожил с ноября 1836 по февраль 1837 г. Смирнова утверждала, что он был у нее всего раза три. Но А. Н. Карамзин в своих письмах-отчетах домой слишком часто упоминал Гоголя и встречи с ним в парижской гостиной Смирновых. Рассказывая, в частности, о трагической реакции Гоголя на смерть Пушкина, Карамзин как бы обобщает протяженные во време-

---

[99] Цит. по: *Колосова Н. П.* Указ. соч. С. 203.

[100] ЛН. Т. 58. С. 730.

[101] Письма Гоголя к Смирновой — *Гоголь.* Т. 11—14, по указателю; ее письма к нему: РС. 1888. № 4, 6, 7, 10; 1890, № 6—8, 11—12. Переписка подробно проанализирована в указ. соч. Н. П. Колосовой.

[102] Письмо к Жуковскому от 10.IX.1831 — *Гоголь.* Т. 10. С. 206.

[103] Письмо к В. О. Балабиной от 16.VII.1837 — *Гоголь.* Т. 11. С. 206.

ни впечатления: «Он совсем с тех пор не свой. Бросил то, что писал, и с тоской думает о возвращении в Петербург, который опустел для него»[104]. Оказавшись вслед за тем в Риме, куда приехал и Гоголь, Карамзин встречается с ним ежедневно, чего не могло быть, если бы в Париже имели место две-три беглые встречи.

В Бадене летом 1837 г. Гоголь читал у Смирновой первые главы «Мертвых душ». Рассказ об этом содержится в ее мемуарах[105], а датировку этого чтения и состава слушателей уточняет письмо Андрея Карамзина от 18/6 августа 1837 г.[106] Расставшись с Гоголем осенью этого года и возвратившись в Россию, она почти не виделась и совсем не переписывалась с ним в течение ближайших лет.

Смирнов вскоре перешел в министерство внутренних дел, служба в котором требовала пребывания в Петербурге. Светская жизнь, привычная и необходимая, несмотря на презрение к ней как к «ничтожной и бессмысленной»[107], музыка[108], дети, любимое подмосковное Спасское, которое Смирнова благоустраивает по своему вкусу, постепенно вытесняют прошедшее. Но общий дух немногих известных писем Смирновой за эти годы, тем не менее, большей частью мрачен. Поблек и узким стал круг прежних друзей: нет Пушкина, за границей Жуковский, редки теперь встречи с Вяземским; лишь дом Карамзиных по-прежнему близок. Сохраняются, впрочем, чрезвычайно значимые для нее отношения с царской семьей. Сообщая Ростопчиной о рождении своей младшей дочери Нади в 1840 г. («разрешилась неожиданно в Царском Селе»), она с удовольствием упоминала, что девочку крестили вел. кн. Михаил Павлович и вел. кн. Александра Николаевна[109].

К этому периоду относится недолговременное знакомство Смирновой с Лермонтовым. Переведенный весной 1838 г. в л.-гв. Гусарский полк, стоявший в Царском Селе, поэт посещает Жуковского, знакомится с Карамзиными и осенью начинает навещать их, встречаясь там с Смирновой. 4 ноября 1838 г. С. Н. Карамзина писала сестре Екатерине Николаевне: «Вчера, в четверг провела у нас вечер Сашенька Смирнова вместе с Лермонтовым 〈...〉»[110] Этой и следующей зимой Лермонтов часто бывал и у Смирновой. А. П. Шан-Гирей свидетельствует: «По возвращении в Петербург Лермонтов стал чаще ездить в свет, но более дружеский прием находил в доме у Карамзиных, у госпожи Смирновой и князя Одоевского»[111].

В 1840 г. поэт вписал в альбом Смирновой посвященное ей стихотворение «В простосердечии невежды...», вскоре напечатанное в «Отечест-

---

[104] Старина и новизна. Кн. 17. С. 281, 292, 298, 299.

[105] См. наст. изд., с. 28, 29, 43, 44.

[106] Старина и новизна. Кн. 17. С. 164.

[107] Письмо к Е. П. Ростопчиной // РА. 1905. № 10. С. 232.

[108] «Я ведь занимаюсь композицией и пишу романсы на слова Уланда; теперь он мой любимец» (ей же от 3.IV.1839 // Там же. С. 217).

[109] РА. 1905. № 10. С. 223.

[110] Лермонтов в переписке Карамзиных // *Лермонтов.* Исслед. и матер. С. 355.

[111] М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С. 43.

венных записках». Об этом она с любопытными подробностями рассказывает в своих мемуарах[112]. Но Смирнова запечатлена не только в этом стихотворении Лермонтова. В начатой им в 1841 г. повести 〈Штосс〉 («У графа В... был музыкальный вечер...») в Минской легко узнается Смирнова, какой видели ее глаза Лермонтова: «В ту самую минуту, как новоприезжая певица подходила к роялю и развертывала ноты, одна молодая женщина зевнула, встала и вышла в соседнюю комнату, на это время опустевшую. На ней было черное платье, кажется, по случаю придворного траура. На плече, пришпиленный к голубому банту, сверкал бриллиантовый вензель; она была среднего роста, стройна, медленна и ленива в своих движениях; черные, длинные, чудесные волосы оттеняли ее еще молодое, правильное, но бледное лицо, и на этом лице сияла печать мысли. 〈...〉 Ее красота, редкий ум, оригинальный взгляд на вещи должны были произвести впечатление на человека с умом и воображением»[113].

Смирнова высоко ценила творчество Лермонтова (об этом немало свидетельств в ее мемуарах) и с теплотой относилась к молодому поэту. Она близко к сердцу приняла арест Лермонтова за дуэль с Барантом и, возможно, пыталась повлиять на решение его судьбы по своим обычным каналам. На это как будто указывают некоторые намеки в ее письме к Жуковскому: «Надо надеяться, что в день Пасхи или именин судьба его решится благоприятно; и до сих пор еще дела его плохи. 〈...〉 Мнение сперва было в его пользу, но теперь очень ему не благоприятствует»[114].

В 1841 г. возобновляются сношения Смирновой с Гоголем. Встретив в Московском цензурном комитете препятствия к изданию «Мертвых душ», он обращается за помощью именно к ней. Совместные усилия ее и ее друзей обеспечили успешный результат в петербургской цензуре. В конце мая — начале июня того же года, приехав ненадолго в Петербург, Гоголь читал у Смирновой «Женитьбу». Она, таким образом, с самого начала принадлежала к тому узкому кругу лиц, который писатель знакомил с еще неизданными произведениями. 5 июня Гоголь уехал в Италию, а в октябре туда же направилась Смирнова с детьми. В 1843 и 1844 гг. они постоянно встречаются: сперва в Риме (январь—апрель 1843 г.), потом в Франкфурте (июнь), Бадене (июль—август), наконец в Ницце (ноябрь 1843 — март 1844 г.). В июне 1844 г., когда Гоголь гостил во Франкфурте у Жуковского, Смирнова приезжала туда из Парижа на две недели. Неудивительны, поэтому, слухи о характере их отношений, которые потом ожидали ее в России — слухи, несомненно, лишенные оснований.

Но не совместный осмотр Рима, которым так восхищалась потом

---

[112] См. наст. изд., с. 291.

[113] *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4-х т. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 480—481. Мнение, что в лице Минской Лермонтов вывел Смирнову, давно утвердилось в литературе (*Александров Н.* Указ. соч. С. 314; Л. В. Крестова — *Смирнова,* 1929. С. 76; Ю. Г. Оксман — ЛН. Т. 58. С. 450).

[114] РА. 1902. № 9. С. 100.

Смирнова и в мемуарах и в письмах[115], не баденские встречи, а зима в Ницце стала тем кульминационным моментом в их отношениях, когда определилось их душевное сродство. Гоголь писал ей об этом: «... Вы были знакомы со мною и прежде, и виделись со мною в Петербурге и в других местах. Но какая разница между тем нашим знакомством и вторичным нашим знакомством в Нице! Не кажется ли нам самим, как будто мы друг друга только теперь узнали, а до того времени вовсе не знали?»[116] Ему вторила Смирнова: «Вы, любезный друг, выискали мою душу, вы ей показали путь, этот путь так разукрасили, что другими идти не хочется и невозможно»[117]. Тогда-то и стал Гоголь для Смирновой тем высшим духовным наставником, каким оставался всю жизнь. Она, по ее собственным словам, признавалась ему во всем. Знал Гоголь и о Киселеве, хотя не позволял себе подробно обсуждать в письмах эту сторону ее жизни. Так, советуя Смирновой помогать делам мужа, он писал: «... чтобы исполнить, наконец, долг тот, который вами не был выполнен, долг верной супруги ⟨...⟩ Тогда смоется прегрешение ваше, и душа ваша будет чиста от упреков совести»[118]. И Смирнова, встретившись в Париже в 1844 г. с Киселевым, считала нужным поведать Гоголю об этих встречах[119].

Неохотно возвращалась Александра Осиповна осенью 1844 г. в Петербург. «... В Роттердаме сяду на пароход,— писала она Жуковскому,— до Гамбурга и так далее до благословенного Петрограда. Меня туда ничто не влечет, напротив, тоска забирает, когда подумаешь, что точно надобно вернуться. Никто более меня в сию минуту не оправдывает слов Кюстина»[120]. Но вернуться пришлось, и о жизни в Петербурге лучше всего рассказывает дошедший до нас дневник Смирновой 1845 г. Связи с Гоголем не прерывались. Из Франкфурта, Парижа, Гамбурга шли в Россию его письма — учительные, с советами, призывами к нравственному самоусовершенствованию и почти повелительными указаниями пути в жизни. Особенно концептуальный характер они приобретают, когда Н. М. Смирнова назначают калужским губернатором. Тогда Гоголь пишет Смирновой те известные свои письма, часть которых вошла потом в «Выбранные места из переписки с друзьями»[121]. А в ответ идут то исповеди («Противоречий во мне бездна. Когда свет меня искал и завлекал к себе, я его бегала; теперь начинаю чувствовать одиночест-

---

[115] В письме к Ростопчиной 1845 г.: «Я надеюсь, что Гоголь будет ангелом-хранителем твоих художественных впечатлений: он поразительно чувствует искусство» // РА. 1905. № 10. С. 228—229; наст. изд., с. 31, 32, 37. О том, как Гоголь показывал Смирновой Рим, см. его заметки «Путешествие Александры Осиповны» и содержательный комментарий к ним С. Н. Дурылина (Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 11—12, 26—36).

[116] *Гоголь*. Т. 12. С. 435.

[117] РС. 1888. № 10. С. 132,

[118] *Гоголь*. Т. 12. С. 512.

[119] РС. 1888. № 6. С. 598—600.

[120] РА. 1902. № 5. С. 104.

[121] В главы «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту», «Что такое губернаторша» и «Женщина в свете».

во, потому что меня свет оставляет»[122]), то горькие признания («Мне иногда кажется, что я в западне, и точно, это правда» [123]), но иногда и полные веселья почти деловые отчеты. Вот один из них: «В книжной лавке Иванова, где я взяла для вас «Воскресное чтение» за весь прошлый год, купила я сочинения Н. Гоголя. Там мне сказали, что их продано только в этой лавке сто экземпляров, что Ольхин и Снегирев очень много продают, в Москве и в губернии потребовали много сочинений этого автора и проч. и проч. Следовательно, господа сенаторы, дела наши идут хорошо, а отчего же денег нет? По сему предмету надобно сделать запрос Прокоповичу, согласно желания автора, Плетневым. А меж тем, А. О., всегда готовая к услугам, вышлет после первого января 1000 ассиг., а деньги еще, смотря по обстоятельствам автора. В этой книжной лавке сказано, что сочинения Стурдзы расходятся хорошо, новое издание «Отцов» еще лучше, и преимущественно покупается купцами. «На сон грядущий» Соллогуба печатается вторично: знак, что публика любит и фашионабельство. Тут спросила А. О., прелюбопытная дама, требуют ли еще сочинения господина Булгарина. В ответ весьма застенчиво получила «да» и прибавлено, что их не предлагают, не выставляют и стараются выставлять только книги порядочных авторов. Тут эта дама громко, вслух, перед офицерами, похвалила этого книгопродавца и сказала, что не будет книг брать у Иванова и всем его раскритикует, если узнает, что он, как Смирдин, подружится с Фаддеем и Сенькою. Вы знаете, что я люблю поврать со всяким» [124].

Зная нужду Гоголя в деньгах, Смирнова не раз ссужала его средствами или предлагала ему материальную помощь. Он отвечал ей 24 декабря 1844 г.: «Если вам так приятно обязать меня и помочь мне, то я прибегну к займу их у вас. Мне нужно будет от трех до шести тысяч в будущем году» [125]. Жуковский писал ей, со своей стороны: «Вам бы надо о нем позаботиться у царя и царицы. Ему необходимо иметь что-нибудь верное в год» [126]. Историю своих хлопот о «пенсионе» для Гоголя Смирнова изложила в своих воспоминаниях о нем не совсем точно. Ее дневник и тогда же написанное письмо к Жуковскому раскрывают обстоятельства дела полностью [127]. Гоголь получил средства, давшие ему возможность прожить ближайшие годы. Участвовала Смирнова и в более поздних хлопотах о субсидии писателю, предпринятых в 1850 г.

Из переписки Смирновой с Гоголем, с характерной для нее полной откровенностью, выясняется еще один важный для Смирновой эпизод личных отношений, снова окончившийся болезненным для нее итогом. Она писала о нем так: «Мне встретилась душа живая, чистая, полная любви ко всему прекрасному, которая сама сторожит за собою, как за сокровищем, и боится не только утраты, но даже ослабления своих

[122] РС. 1890. № 6. С. 645.
[123] Там же. С. 644.
[124] Цит. по: *Колосова Н. П.* Указ. соч. С. 209—210.
[125] *Жуковский.* Т. 4. С. 643.
[126] *Гоголь.* Т. 12. С. 420.
[127] См. наст. изд., с. 11—13 и примеч. 28.

святых чувств и убеждений. Мне встретился и ум светлый, все понимающий, все наблюдающий, разум высокий, судья самого себя <...> Природа щедро одарила даже и общественным положением, даже и красотой это прекрасное существо, под влиянием которого не только не потрясено вами пробужденное во мне чувство, но даже его и подкрепило»[128]. Она не назвала имя этого человека, с которым признала для себя обязательным расстаться, чтобы «жертвою искупить жизнь прошлую и грешную». Но речь, видимо, идет об Ю. Ф. Самарине. Об этом она почти без обиняков писала в «Баденском романе» (на вопрос, заданный ей Киселевым, кто ухаживал за ней в Петербурге, она отвечает «Самый серьезный — Юрий Федорович Самарин»[129]) и с особым чувством упоминает его имя во всех своих воспоминаниях.

Сохранившиеся надолго дружеские отношения с Самариным послужили некоторому сближению Смирновой с славянофилами и интересу к их взглядам, которых она, впрочем, никогда серьезно не разделяла. Так, обращая внимание Гоголя на статью Киреевского в первом номере «Москвитянина» за 1845 г., она писала: «Зная его, вы знаете сущность его мысли и направления. Слова его оправдаются, вероятно, не скоро, но, конечно, оправдаются, хотя и предвидеть трудно, в какой форме Восток себя покажет»[130]. А в другом письме замечала: «Я же живу между Петербургом и Москвою; потому часто видаю Самарина, напитанного еще духом премудрости ваших друзей и верного ему по сих пор, но грустящего и, кажется, колеблющегося»[131]. С известными ограничениями приняли друг друга Александра Осиповна и семья Аксаковых, впервые лично познакомившиеся во время ее поездки в Москву осенью 1845 г. Среди рассказов И. С. Аксакова о Смирновой в письмах из Калуги к родителям (в губернаторство Смирнова Аксаков был там председателем казенной палаты) есть один, довольно убедительно объясняющий и степень сближения ее с славянофилами и легкость конфликта с ними. В мае 1846 г. в Калуге оказались проездом М. С. Щепкин и В. Г. Белинский, и Щепкин, с которым Смирнова была уже раньше знакома, представил ей последнего. Эта краткая встреча произвела на обоих глубокое впечатление, и Смирнова поделилась им с Иваном Аксаковым. «Я сказал ей свое мнение о Белинском и Щепкине,— писал он отцу,— она сказала мне, что объявила Белинскому, что вполне разделяет убеждения Константина Сергеевича. Ей очень весело, очень приятно принадлежать к какой-то партии <...> впрочем, она рада была приютиться под сень сильных убеждений»[132].

---

[128] *Смирнова*, 1929. С. 106.

[129] См. наст. изд., с. 505, 506.

[130] РС. 1890. № 6. С. 632. В статье И. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности» развивалась мысль о том, что западная культура исчерпала себя и может возродиться, лишь обратившись к «православно-словенскому» миру. Замечательная по богатству содержания переписка Смирновой и Самарина заслуживала бы особой публикации.

[131] Там же. 1890. № 6. С. 649.

[132] И. С. Аксаков в его письмах. С. 339.

Но, разумеется, главными для нее оставались сильные убеждения Гоголя, общий для них и все углублявшийся интерес к религиозно-нравственным проблемам. Это определило и ее отношение к «Выбранным местам из переписки с друзьями». Опасаясь цензуры, Гоголь, как и раньше, просил ее поддержки в петербургских высших сферах. Смирнова обещала ему, что поедет специально для этого в Петербург, но тут же успокаивала его: «Впрочем, я уверена, любезный друг мой, что все устроится без меня; так было и с «Мертвыми душами». Кажется, что письма ваши будут печататься: так сообщил мне Аркадий по приказанию Плетнева. Я очень любопытна их прочитать»[133]. О прочитанной уже книге отзыв восторженный: «Книга ваша вышла под Новый год, любезный друг Николай Васильевич. И вас поздравляю с таким вступлением, и Россию, которую вы подарили этим сокровищем. Странно! Но вы, все то, что вы писали доселе, ваши «Мертвые души» даже,— все побледнело как-то в моих глазах при прочтении вашего последнего томика»[134].

Как известно, не только Белинский и его единомышленники, но и славянофилы отнеслись к книге крайне отрицательно. Смирнова писала Жуковскому 7 апреля 1847 г.: «Читали ли вы книгу Гоголя и знаете ли вы, какие толки пошли о нем? В Москве его сочли совсем за сумасшедшего и объявили это во всеуслышание, разумеется, его *друзья*»[135]. Белинский писал по этому поводу В. П. Боткину: «Им бы вспомнить пословицу: *неча на зеркало пенять, коли рожа крива*. Они подлецы и трусы, люди неконсеквентные, боящиеся крайних выводов собственного учения; а он — человек храбрый, которому нечего терять, ибо все из себя вытряс, он идет до последних результатов»[136]. Следуя своей неизменной задаче оказывать моральную поддержку Гоголю[137], Смирнова пыталась помочь ему противостоять осуждению, которое обрушилось на него со всех сторон. Убеждая его, что Аксаковы и весь их круг «из числа тех людей, которые не созрели для вашей книги», она в том же письме успокаивала Гоголя, остро воспринявшего напечатанную в «Современнике» статью Белинского: «Критика Белинского самая пустая, и легко понятно — почему. Ему хотелось вас бранить за направление, а направление он не осмелился обругать, да и цензура не пропустила бы тогда его статьи. •... Очень рада,— писала она дальше,— что

[133] РС. 1890. № 8. С. 280.

[134] Там же. С. 282—283.

[135] РА. 1902. № 5. С. 126. Смирнова имела в виду письмо С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 16 января 1847 г., где были слова: «Я думал, что вся Россия даст ему публичную оплеуху ⟨...⟩, но теперь вижу, что хвалителей будет очень много, и Гоголь может утвердиться в своем сумасшествии» (РА. 1890. № 8. С. 163—164).

[136] Гоголь в воспоминаниях современников. С. 373.

[137] Приехав в Калугу, она прежде всего сообщала ему: «Скажу вам сперва от Калуги или России, что вас все знают, все читают ⟨...⟩ и все ждут, ждут с нетерпением и любопытством, и недоброжелательством, и исполненные какой-то тревожной надежды, все ждут второй том, если не окончание «Мертвых душ» (РС. 1890. № 7. С. 196). На письмо Гоголя о не раскрытой еще тайне его поэмы она отвечала: «Я не сомневалась никогда, что «Мертвые души» заключают в себе высокое значение, которое должно будет развиться в последующих томах, и потому молилась, чтобы Бог дал вам силу окончить этот труд» (№ 6. С. 646).

не обретаюсь в числе Аксаковых, живущих по неведомому мне *закону любви*, как и весь славянский мир» [138].

Иван Аксаков сообщал в эти же дни отцу: «А‹лександра› О‹сиповна› вся за Гоголя, но не спорит против ваших возражений, говоря, что указываемое вами — слабости и крайности, от которых он не вполне очистился и т. п. Она убеждена, впрочем, что Гоголь не в состоянии более написать «Мертвых душ» [139]. Когда же через несколько недель он прочел ей ответное письмо отца с развернутой критикой книги Гоголя, вспыхнувшая ссора приняла такой характер, что отношения надолго были прерваны.

В мае 1847 г. у Смирновой родился сын Михаил. Последовало тяжелое нервное заболевание ее, сопровождавшее появление на свет и ее первых детей. Это совпало с осложнениями в служебной карьере Н. М. Смирнова: по жалобе некоего Ершова на будто бы незаконные его действия была назначена сенаторская ревизия губернии. Расследование продолжалось несколько лет, и, несмотря на полное оправдание Смирнова, он в конце концов был отстранен от должности в 1851 г. Понятно, что ситуация требовала его присутствия в Калуге. Но Александра Осиповна, оставив с ним детей, уезжает одна, надолго, в Ревель, а потом в Петербург. Разлука с семьей длится два года. Плетнев, навестивший ее в 1848 г. в Петербурге, писал Я. К. Гроту: «Расстройство здоровья ее таково, что она в беспрерывных нервических страданиях» [140].

В эти и ближайшие годы Смирнова несколько раз встречалась с Гоголем: в Петербурге в 1848 г., по возвращении Гоголя из Палестины, в июне 1849 г. в Москве, куда Смирнова заезжала, возвращаясь в Калугу; вскоре после этого Гоголь провел месяц в ее калужском имении, а осенью снова приехал в Калугу. В это время оправдывались, казалось, надежды на скорое окончание второго тома «Мертвых душ». Собирая бытовой материал для него, Гоголь не раз обращался за помощью к знакомым. Так, 2 декабря 1847 г. он просил С. П. Шевырева снабдить его биографиями «хотя двух человек, начиная с 1812 года и до сих пор» [141]. Одной такой биографией снабдила его Смирнова, рассказав о своем отчиме И. К. Арнольди, участнике наполеоновских войн начиная с 1806 г. По ее утверждению, некоторые внешние черты Арнольди Гоголь запечатлел в образе генерала Бетрищева.

В Калуге Гоголь прочел у Смирновой готовые к тому времени главы второго тома (по утверждению Л. И. Арнольди — девять глав). Значение этого было сразу осознано слушателями — продолжение поэмы, ожидание которого, по словам самой Смирновой, стало «томительным и безнадежным», становилось волнующей реальностью. Прочитанные главы произвели на слушателей огромное впечатление. Поэтому они так хорошо им запомнились, и пересказ их содержания впоследствии стал столь важным источником для изучения утраченного второго тома «Мертвых

[138] Письмо от 18 февраля 1847 г. // РС. 1890. № 8. С. 284—285.
[139] И. С. Аксаков в его письмах. С. 413.
[140] Переписка П. А. Плетнева с Я. К. Гротом. Т. 3. С. 396.
[141] *Гоголь*. Т. 13. С. 399.

душ»[142]. Для Смирновой это чтение имело еще и особое, чисто личное значение: в слышанных ею главах, по ее словам, одно лицо было «удивительно хорошо отделано» — «... эманципированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей. Судьба привела ее в провинцию, ей уже за тридцать пять лет, она начинает это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость»[143]. В образе этой женщины Смирновой нетрудно было узнать свои черты.

В 1851 г. Гоголь гостил у Смирновой в ее имении Спасском. Он предлагал ей продолжить чтение поэмы, но она, в тот момент больная, отказалась от этого[144]. Это была их последняя встреча.

Кончина Гоголя — тяжкий удар для Смирновой. «Никто не займет место Гоголя в моем сердце,— писала она в эти дни,— никогда не будет у меня такого верного, преданного, надежного друга»[145]. Гоголь писал о ней С. Т. Аксакову: «Она меня знала еще прежде, чем вы меня знали,— знала как человека, а не как писателя, видела меня в те душевные состояния мои, в которые вы меня не видели. С ней мы были издавна как брат и сестра, и без нее Бог весть, был ли бы я в силах перенести многое трудное в моей жизни»[146].

Смирновы возвращаются в Петербург, гражданским губернатором которого Н. М. Смирнов становится в 1855 г. Дети выросли или подрастают. Вторая дочь Софья выходит замуж за А. В. Трубецкого. К сыну Мише Смирнова приглашает в воспитатели поэта Я. П. Полонского, который оставил довольно объективные, но недружелюбные воспоминания о ней. Ему с трудом верилось, что эта женщина, с ее сложным, колючим характером, раздраженным, нервным умом, преувеличенной религиозностью, была не так давно тем бесконечно привлекательным другом лучших людей своего времени. Он записывает, однако, ее рассказы о них, в некоторых деталях дополняющие ее мемуары[147].

В кругу ее друзей по-прежнему Вяземский, Тютчев. Жизнь сталкивает ее и с писателями следующих поколений. В 1852 г. Смирнова была причастна к освобождению из-под ареста И. С. Тургенева, посаженного на гауптвахту за статью-некролог Гоголю. Ее биограф приводит два противоположных свидетельства об этом факте: А. В. Мещерского, утверждавшего, что именно она «выпросила у государя прощение» Тургеневу, и К. Н. Леонтьева, вспоминавшего, что, наоборот, именно она ему вредила[148]. Ближе всего к истине, как кажется, рассказ самой Смирновой: способствовал освобождению Тургенева А. К. Толстой, действовавший через наследника по известной своей близости к нему[149]. Роль в

---

[142] Подробно об этом см. в указ. соч. Ю. В. Манна. С. 272—285.
[143] *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // Гоголь в воспоминаниях современников. С. 487.
[144] Там же. С. 494.
[145] РА. 1896. № 1. С. 15.
[146] РА. 1890. № 8. С. 173.
[147] Голос минувшего. 1917. № 11—12.
[148] *Крестова Л. В.* Указ. соч.— *Смирнова*, 1929. С. 139, 140.
[149] См. наст. изд., с. 69.

этом деле Толстого, с которым Смирнова была в дружеских отношениях еще со времени совместного пребывания в Калуге, явно сочувствующий Тургеневу тон ее воспоминаний об этом эпизоде позволяют решительно отвергнуть версию Леонтьева [150].

В августе 1855 г. получает разрешение на въезд в Петербург дядя Александры Осиповны, декабрист Н. И. Лорер, в судьбе которого она принимала постоянное и деятельное участие. При выходе на поселение в 1832 г. Лорер был назначен в глухое забайкальское селение Мертвый Култук, а его ближайшие друзья Нарышкины (тоже свойственники Смирновой) — в Селенгинск, за тысячу верст от него. Смирнова обратилась прямо к царю, оба назначения были отменены, и Лорер вместе с Нарышкиными поселен в Кургане Тобольской губернии [151]. Переведенный потом на Кавказ, Лорер, как и его товарищи, с нетерпением ждал производства в офицеры, дававшего возможность отставки и возвращения на родину. В октябре 1840 г. он был произведен в прапорщики, однако отставка задержалась в Петербурге. Тогда Лорер написал племяннице и вскоре получил ее письмо с приложенной к нему запиской: «Спешу поздравить А. О. Смирнову. Сегодня подписана государем отставка дядюшки вашего Н. И. Лорера по болезни. Клейнмихель» [152]. В 1856 г. Лорер впервые смог приехать в Петербург. В одном из своих писем Смирнова так рассказывала об этом свидании: «У нас гостит мой дядя Николай Иванович Лорер, декабрист; он приехал с приятелем Пущиным, который остался несколько дней. Они взяли Ольгу с собой, показали ей в Лицее комнату Пушкина и его место в классной и отслужили по нем панихиду. Пущин был очень растроган. Он много говорил с моим мужем и мною о Пушкине. Ольга ужасно довольна рассказами декабристов; Надежда Николаевна и даже Миша с сильным волнением смотрели на людей, которые в тюрьме сидели». В конце она прибавляла: «Как они сохранились, эти люди 14-го декабря! Они меня ободрили немного» [153]. Это была не единственная ее встреча с декабристами: еще из Калуги в феврале 1846 г. она писала Жуковскому: «Михаил Нарышкин, сибиряк, провел у нас два дня. Вы знаете, что мы сродни по его жене» [154]; вероятно, она рассказывала об этом свидании Гоголю (в его записных книжках дважды записан адрес Нарышкина [155]).

В письмах Смирновой этих лет немало размышлений о внутреннем состоянии России, о ее будущем. «Мне кажется,— писала она, в частности,— что жизнь бьется во всех порах России и что последние пятнадцать лет подавления произвели действие, как раз обратное тому, чего желали и что делали, следуя инстинктивным внушениям в высшей степени абсолютной натуры 〈...〉. Россия находится не только в критическом,

[150] Этому вовсе не противоречит отрицательное впечатление, которое производила на Тургенева Смирнова. Традиция утверждает, что именно она является прототипом Ласунской в романе «Рудин» (*Крестова Л. В.* Указ. соч.— *Смирнова*, 1929. С. 140, 141).
[151] *Лорер Н. И.* Указ. соч. С. 161—167.
[152] Там же. С. 283.
[153] РА. 1897. № 9. С. 131. Пущин приехал в Петербург 18.XI.1856.
[154] РА. 1902. № 5. С. 120.
[155] *Гоголь*. Т. 7. С. 382, 387.

но в кризисном состоянии. Если Европе сулят un grand cataclisme sociale et morale, то какой же катаклизм ждет Россию, у которой приданое — крепостное состояние»[156]. Взгляд, распространенный в те годы, но, как мы видим, вовсе не отсталый. Близко к сердцу принимает она события Крымской войны. Все это, однако, лишь гонит ее прочь из России. Лето 1857 г. она проводит снова в Бадене, где встречается с И. С. Тургеневым и Львом Толстым, крайне резко отозвавшимся о ней в своем дневнике («Она болтала много, более дурного genre я не видал»; «Обедал у Смирновой. Ничего не остается ни в уме, ни в памяти»; «Вечер у Смирновой. Несносно скучно»)[157].

Разлад с собой, разлад с новым поколением, утраченные дружеские связи побуждали Смирнову последние двадцать лет прожить за границей, почти не бывая в России — главным образом в Англии, но также и в Швейцарии и Франции. В 1866 г. она предпринимает поездку в Константинополь и на обратном пути живет некоторое время у дочери С. Н. Трубецкой в Одессе. В 1869 г. она приезжает в Москву для последнего свидания с мужем, вскоре скончавшимся (в марте 1870 г.). Встретившийся с ней в июле 1869 г. Вяземский занес в свою записную книжку: «Был у Соболевского, от него узнал, что в Москве Смирнова. К ней поехал. Постарела, поседела, почернела, пожелтела, поюжнела, полимонела, но, кажется, сохранила всю свою умственную живость и бойкость. Кажется не вдается в Окраины, хотя любит Самарина»[158].

Сын Александры Осиповны, ставший известным биологом и живущий на Кавказе, уже женат к этому времени, дочь Надежда замужем за англичанином. При матери только Ольга, отношения с которой сложны и тяжелы. Старость Смирновой одинока и печальна. Изредка доходят до нее голоса немногих еще оставшихся старых друзей: Вяземского, Соллогубов, И. Аксакова, Ю. Самарина. Последний писал ей из Праги 18 августа 1868 г., посылая свои заграничные издания: «А что, когда вы взглянете на подпись этого письма, вспомните ли вы, что есть на свете человек, который знает и понимает вас лучше всех и любит вас искренно, несмотря на все свои недостатки, в которых он вполне сознается, и на постепенное охлаждение и высыхание своего сердца, от которого он страдает более, чем кто-либо»[158a]. Когда в 1876 г. Самарина не стало и оборвалась эта последняя близкая Смирновой нить из прошлого, она писала его сестре М. Ф. Соллогуб: «Слов недостает — разве только слезы, чтобы выразить вам, что вся Россия чувствует, в особенности я, при мысли о потере вашей... Душа тонет в слезах»[159].

В том же 1876 г. Смирнова последний раз была в России. Нервные заболевания, сопутствовавшие ей всю жизнь, принимают типичный ха-

[156] РА. 1897. № 9. С. 13.

[157] *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 90 т. Т. 47. С. 147. О встречах Смирновой с Толстым см. также: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 779.

[158] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 269. Любопытно здесь его замечание о равнодушии Смирновой к славянофильским идеям только что вышедшего в Берлине первого выпуска «Окраин России» Самарина.

[158a] РА. 1908. № 1. С. 297.

[159] ГБЛ. Ф. 265. П. 201. Ед. 8. Л. 2.

рактер сменяющихся светлых и темных периодов. Дети пытаются даже добиться признания ее невменяемой: сохранился акт об освидетельствовании ее 24 ноября 1879 г. по ходатайству ее сына об учреждении опеки. Акт не подтвердил мнения детей, и Сенат оставил его без утверждения [160]. О. Н. Смирнова была, однако, убеждена в психической неполноценности матери и утверждала, что та «заболела в Москве в зиму 1876 г., ⟨...⟩ с 1876, с приезда из Ялты ⟨...⟩ до осени 1879 г. она очень болела и не читала, не могла заниматься, а с 1880 до кончины 1882 уже много читала и переводила даже» [161]. Считала так и другая дочь, Н. Н. Сорен: несомненно с ее слов Бартенев написал на конверте с копией попавшей в его руки тетради мемуаров Смирновой — «Неизданные записки А. О. Смирновой (когда она была в умственном расстройстве)» [162].

По-видимому, все это не точно отражает происходившее. Во всяком случае, именно в эти годы Смирнова, как мы покажем далее, продолжала работать над своими воспоминаниями. Поэтому нельзя согласиться с заключением ее биографа, будто последние годы жизни она провела «в окончательном расстройстве умственных способностей» [163].

Одинокий, больной, уставший от жизни человек, она отдала свои последние годы воспоминаниям об ушедшем, драгоценном для нее и столь важном для потомства времени своей молодости. Памятником его остались ее мемуары.

* * *

Дар рассказчицы, умение в нескольких словах показать человека, подметить особенные его черты, склонность к сюжетно организованным рассказам проявились у Смирновой очень рано. Богатая впечатлениями жизнь давала ей для этого обильный материал. Недаром еще Пушкин настаивал, чтобы она записывала свои рассказы и вписал в ее альбом заглавие будущих мемуаров «Исторические записки А. О. С.» Но сама она долго не находила в себе способности к писательскому труду и даже свой несомненный эпистолярный талант оценивала очень низко. «При свидании много бы вам пересказала,— писала она Жуковскому из Берлина 2 октября 1842 г.,— но писать я не охотница и не мастерица, наипаче по-русски; писать же к вам по-французски стыдно мне, Фон-Визинше» [164]. А между тем через много лет, когда дети Смирновой считали, что она находится в маразме, Ю. Ф. Самарин так оценивал ее письма: «Какая вы удивительная, неподражаемая корреспондентка, во-первых, по аккуратности, а во-вторых, по умению на трех-четырех страничках уместить такое обилие содержания, которого нашему брату хватило бы на целую брошюру» [165]. Но к мемуарам Смирнова не обращалась очень

[160] ЦГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. 875. Л. 156—157.
[161] Там же. Л. 26.
[162] ИРЛИ. Р. 1. Оп. 25. Ед. 76. Любопытно, что с этим почти согласился подвергавший многое сомнению П. Е. Рейнбот (ЦГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. 875. Л. 126). Текст этой тетради см. наст. изд., с. 512—565.
[163] *Крестова Л. В.* Указ. соч.— *Смирнова*, 1929. С. 157.
[164] РА. 1902. № 5. С. 102.
[165] ГБЛ. Ф. 265. П. 40. Ед. 2. Л. 311.

долго. Она так сказала в Записках о своем первом опыте: «Когда мне случалось рассказывать что-нибудь из моих воспоминаний, мне всегда говорили: «Пишите ваши записки». Рассказывать или писать — две вещи весьма разные; под перо не так скоро ложатся мысль и слово. Однако в 1849 году ⟨...⟩ я начала писать по просьбе Юрия Федоровича Самарина»[166]. Это, казалось бы, точное сообщение оказывается в действительности неверным. В июне 1846 г. И. С. Аксаков писал из Калуги своему отцу: «Я упросил ее написать статью о Грамаклее, ее бабушке и тому подобных вещах, о которых она так часто мне рассказывала, и узнал, что начало ее Записок (писанных будто бы для детей), с пятилетнего возраста, уже готово. Разумеется, я просил прочесть; написано не много, но очень хорошо, так же хорошо, как ее письма и изустные рассказы ⟨...⟩. Она дала обещание прямое, при братьях, докончить эту главу, довести воспоминания до поступления в институт и отдать ее в Сборник»[167]. Речь шла о готовившемся тогда славянофильском «Московском сборнике». План этот не был реализован — но не только из-за охлаждения Смирновой к Аксакову, а потом прямой ссоры с ним, а просто потому, что продолжения этого первого мемуарного наброска тогда не последовало. Он, очевидно, был написан незадолго до встречи с Аксаковым в Калуге: 13 марта 1845 г. Смирнова записала в дневнике: «Был у меня милый и добрый Тютчев. Говорили о дворе, о прошлом, о царе. Он упрекал меня, что не пишу записок»[168].

Перенеся в 1848 г. тяжелое нервное заболевание и оказавшись одна в Петербурге, Смирнова по выздоровлении вернулась к своим мемуарам. Плетнев, посетивший ее, сообщал Гроту 9 марта 1849 г.: «Ей посоветовали развлекать себя сочинением Записок. Нам она читала некоторые места из них. Удивительная прелесть в простоте и непринужденности рассказа»[169]. Этим советчиком, вероятно, и был Самарин — потому-то начало работы над воспоминаниями так прочно связалось в ее памяти с его именем.

Созданная тогда часть сохранилась только в том отрывке, который был перенесен Смирновой в особый альбом[170]. Альбом этот был уже подробно описан Л. В. Крестовой[171], но для последующих наших рассуждений опишем его еще раз. Это обычный для середины XIX в. альбом в сафьянном переплете, заполненный Смирновой собственноручно. На листе первом две ее надписи разного времени: «1-r Juillet 1842» (очевидно, время приобретения альбома) и более поздним почерком: «Мише отдать после смерти моей». Тем же почерком переписано на л. 2—3 письмо Жуковского к Плетневу от 5/17 марта 1852 г.— отклик на известие о смерти Гоголя, а на л. 4—11 вписан текст воспоминаний о Гоголе, оборванный на полуслове[172]. Понятно, что все это было пере-

[166] И. Аксаков в своих письмах. Т. 1. С. 342.
[167] См. наст. изд., с. 569—574.
[168] См. наст. изд., с. 12.
[169] Переписка П. А. Плетнева с Я. К. Гротом. Т. 3. С. 396.
[170] ОПИ ГИМ, ф. 420 (Щукинское собрание), № 83/157.
[171] *Смирнова*, 1929. С. 404—405.
[172] Опубликованы: РА. 1895. № 4. С. 537—544; *Смирнова*, 1929. С. 311—322.

писано вскоре после смерти Гоголя, тем более, что есть прямое свидетельство о том, что между 1852 и 1854 гг. Смирнова писала воспоминания о Гоголе. П. А. Кулиш, в декабре 1854 г. записавший ее рассказы о нем, сообщал С. Т. Аксакову: «Она сама начала писать свои воспоминания о Гоголе и обещала передать мне свою рукопись для полной биографии». В следующем письме он жаловался: «Как жаль, что она не вверила мне собственных записок о Гоголе!»[173]

Далее и до конца альбома (л. 12—82) следует мемуарный текст, состоящий из двух частей, различных и по содержанию, и по времени создания. Первая часть о детстве автора (л. 12—18 об.), написана почерком, мало изменившимся с начала 1850-х годов, когда альбом начал заполняться. Можно предположить поэтому, что именно эту часть Смирнова читала своим друзьям, хотя, быть может, переписала в альбом не всю ее, а только начало. Последующая часть начинается с рассказа о похоронах имп. Марии Федоровны (л. 19—82). Здесь почерк уже совершенно иной, тот же, которым написаны первые тетради ее «Автобиографических записок». Текст является продолжением одного из их вариантов: об этом говорят, например, слова — «Но возвратимся к Стефани. Витгенштейн приходил уже как жених», хотя ранее в альбоме нет ни слова ни о С. Д. Радзивилл, ни о сватовстве Витгенштейна. По содержанию видно, что текст написан не ранее второй половины 1870-х годов: так, П. А. Шувалов упоминается в качестве посла в Англии, которым он стал в 1874 г.; имеющиеся в нем сведения о принце Наполеоне датируют этот текст временем между 1874 г. (окончанием им артиллерийского училища) и 1879 г., когда он был убит. Однако до сих пор эти два различных мемуарных фрагмента публиковались как единое целое[174], что запутывало историю мемуаров Смирновой.

Таким образом, после опытов 1840-х годов Смирнова надолго прекратила работу над мемуарами. В 1850-е годы была сделана попытка написать воспоминания о Гоголе, тоже не доведенная до конца. Затем последовал очень длительный перерыв, и лишь в 1870-х годах был вписан в альбом последний текст. Дальнейшая судьба альбома не вполне ясна. Скорее всего он оставался у Смирновой до конца жизни, а потом был отдан ее сыну. Обнаружен он был только в 1895 г. в музее П. И. Щукина, и Бартенев, напечатавший в своем журнале сперва «Записку о Гоголе», а затем оба автобиографических фрагмента под заглавием «Записки А. О. Смирновой», писал в предисловии: «Альбом с Записками А. О. Смирновой приобретен нынешним его владельцем П. И. Щукиным от неизвестного лица, который принес его на продажу и которому он мог достаться из имущества после Арк. Ос. Россета (брата Смирновой), скончавшегося старым холостяком в Москве»[175]. Это предположение маловероятно: А. О. Россет умер в 1881 г., а в то время, когда писался последний имеющийся в альбоме фрагмент мемуаров, ни Смир-

---

[173] ГБЛ. Ф. 3. 2.38. Л. 2 об. 6 об.
[174] *Смирнова*, 1929. С. 163—271.
[175] РА. 1895. № 4. С. 537.

нова, ни ее дочь Ольга в России не были. Скорее всего альбом попал к Щукину после смерти М. Н. Смирнова (1889).

Возвращением Смирновой к мемуарам история обязана Бартеневу. Они познакомились, по-видимому, в 1863 г., когда мать и дочь Смирновы провели лето в России. 18 июня 1863 г. Бартенев записал: «Вечер у Смирновых» (далее следует приведенная выше запись «Вы ценили Пушкина и он вас?»[176]). В 1867 г., оказавшись почти на год в Москве, Смирнова снова встретилась с Бартеневым, и тогда-то он убедил ее дать ему для журнала некоторые письма из ее архива, сопроводив их хотя бы краткими воспоминаниями. 2 апреля 1867 г. она писала ему из Одессы: «Когда поправлюсь, то соберу, что у меня есть, и пришлю. Кажется, что несколько писем и записок Жуковского у меня здесь. Если бы я умела писать, то могла бы многое сообщить о Жуковском, Пушкине и Гоголе, да и многих других более или менее интересных людях, коих, увы, уже не имеется теперь на Руси». Так возникли воспоминания о Жуковском и Пушкине. 26 мая Смирнова прислала Бартеневу четыре письма Жуковского и сами воспоминания, заглавие которых «Воспоминания А. О. Смирновой» было дано издателем[177]. Из всех мемуаров Смирновой только они по ее собственной воле увидели свет при ее жизни. После этого и, скорее всего, под влиянием исключительной настойчивости Бартенева она возвратилась к мысли об автобиографических записках. Дело шло крайне медленно. В одном из писем к Бартеневу из Лондона она жаловалась: «Увы! Увы! Записки не пишутся, потому что много тревог, а на дело Записок нужно спокойствие и души и ума»[178]. Но во второй половине 1870-х годов работа, очевидно, двинулась — ведь довольно большой отредактированный фрагмент был переписан Смирновой в упоминавшийся альбом. Результатом работы конца 1870-х — начала 1880-х годов стали обширные автобиографические записки в 27 тетрадях, исписанных ее старческим и все ухудшающимся почерком[179]. В отдельной тетради содержатся воспоминания о Н. В. Гоголе, более подробные, чем близкий по содержанию текст из альбома о Гоголе. Именно эта тетрадь позволяет еще несколько уточнить датировку поздних мемуаров Смирновой. На ней проставлены две даты: в начале — «Париж, 25/13 сентября 1877 г.», в конце — «Париж 2 октября 1877 г.»[180] Таким образом, во-первых, опровергается решительное утверждение О. Н. Смирновой, будто ее мать после возвращения из России в 1876 г. и до конца 1879 г. была неспособна чем-либо заниматься. Во-вторых, датируется самый ранний и разборчивый из почерков смирновских тетрадей. Наконец, воспоминания о Гоголе в конце переходят в письмо, начинающееся словами: «Теперь вопрос, где печатать эту меморию и как назвать ее,

---

[176] ЦГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. 875. Л. 62.

[177] РА. 1871. № 11. Стб. 1869. Письма см.: ЦГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. 423. Л. 4 и 5.

[178] Письмо от 9/21 окт. 1873; РА. 1889. № 11. С. 409.

[179] ГБЛ. Ф. 474. 1.2. — 26; 2.1 — 2 (прежние шифры: М 4612 с внутренней нумерацией тетрадей), далее указ. только № картона и единицы хранения.

[180] ГБЛ, 2.3.

Думаю, что, как ни пакостен Бартенев, надобно поддержать его «Архив» ради того, что он первый собрал много историко-анекдотических сокровищ. Выручка в пользу славянской братии. Это будет моя первая лепта»[181]. В конце Смирнова прибавляла: «Мои мемуары пишутся, я уж добралась во дворец. Иезуит Гагарин мне советовал писать как попало, без систематического порядка. Главный недостаток, что я запамятовала числа и года важных моментов для хроники русской. Итак, печатайте «Записки» новейшей девицы Дуровой».

Адресатом этого неотправленного письма был И. С. Аксаков, в 1874—1875 гг. собиравшийся писать книгу о Гоголе и переписывавшийся со Смирновой по этому поводу[182]. Встреча с ним в России в 1876 г. и могла побудить ее взяться, наконец, за более обширные воспоминания о Гоголе.

Итак к концу 1877 г. Записки Смирновой уже довольно далеко продвинулись, и в это время могла быть создана та часть, которую она переписала в альбом вслед за наброском воспоминаний о детстве.

В последовавшие годы, то тяжело болея, то возвращаясь к нормальной жизни, Смирнова продолжала свою работу. Ее близкие друзья несомненно знали об этом. Начиная в 1880 г. издавать газету «Русь», И. С. Аксаков просил ее сотрудничества, прямо упоминая при этом о ее Записках: «У вас есть и Записки, умные, интересные, и много всякого материала»[183]. Правильно представляя себе реальные обстоятельства, он одновременно писал ее дочери: «Я знаю, что Ал<ександ>ра Ос<иповна> нездорова, но знаю, что у нее бывают промежуточные дни или часы отдыха, в которые она продолжает вести свои записки. Мне бы очень хотелось украсить свое издание ее историческими мемуарами, записками, воспоминаниями»[184]. Просьба Аксакова не была выполнена, но письмо его очень существенно. Чередованием худших и лучших периодов в психическом состоянии Смирновой объясняется тот своеобразный, причудливый характер, какой в конце концов приняли ее мемуары.

Записки Смирновой являются, в сущности, двумя разными произведениями. Она создавала два мемуарных цикла, каждый со своим литературным замыслом и внутренней логикой. Один из них был задуман как автобиографические записки в строгом смысле слова, посвященные более или менее последовательным воспоминаниям о своей жизни и своем времени (в нашем издании этот цикл озаглавлен «Воспоминания о детстве и молодости»). Можно предполагать, что Александра Осиповна намеревалась довести их по крайней мере до середины века. Замысел второго цикла, удачно озаглавленного первым публикатором этих тетрадей Л. В. Крестовой «Баденским романом», весьма своеобразен. С одной стороны, это воспоминания о знаменательном времени ее романа с Н. Д. Киселевым (лето 1836 г. в Бадене, осень того же года в Пари-

---

[181] См. наст. изд., с. 70. Смысл этих слов понятен, если вспомнить, что дело происходит в разгар русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

[182] См. его письма: РА. 1895. № 12. С. 475—478.

[183] РА. 1895. № 12. С. 479—480.

[184] ЦГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. 875. Л. 158.

же). С другой — это «мемуары в мемуарах»: в изложение событий 1836 г. органически вплетены рассказы Смировой Киселеву о своей жизни, во многом совпадающие с первым циклом, и рассказы Киселева ей о себе.

Первоначальные наброски обоих циклов находятся в одной тетради, по почерку близкой к воспоминаниям о Н. В. Гоголе, написанным в 1877 г. На первых 17 листах начат очень краткий вариант воспоминаний о детстве (т. е. первого цикла), на последующих листах — рассказ об обеде в Бадене у М. Д. Нессельроде, носящий уже все признаки композиции «Баденского романа» [185]. Можно было бы подумать, что эта тетрадь отражает поиски формы будущих мемуаров, но следующие тетради со всей очевидностью демонстрируют, что работа над обоими замыслами велась параллельно, а изменение почерка, ясное в текстах 1880—1881 гг., проявляется равно в тетрадях того и другого цикла.

Чем же объяснить намерение Смирновой вести эту параллельную и трудную для ее дряхлеющих сил работу? Только разным предназначением этих двух циклов. Возобновление работы над Записками во второй половине 1870-х годов, под влиянием Бартенева и Аксакова, несомненно предполагало их последующую публикацию. Это накладывало на них известные ограничения и требовало жесткой автоцензуры. Понятно, что перспектива публикации исключала, в частности, освещение интимной стороны жизни, какой являлись ее отношения с мужем, с Киселевым, с предметами других ее увлечений. Но потребность рассказать о ней, пусть не с полной откровенностью, была, вероятно, очень велика. Возможность публикации, с другой стороны, резко ограничивала свободу воспоминаний о царской семье. И Смирнова нашла выход в попытках создать два разных мемуарных произведения, ни одно из которых не было завершено.

Этим не исчерпывается особый характер мемуаров Смирновой. Прерывая работу вследствие обострения нервной болезни, а потом возвращаясь к ней, она не продолжала и не редактировала написанное ранее, а начинала всякий раз сначала. Поэтому оба ее мемуарных цикла сохранились во многих вариантах, законченных в разной степени: «Воспоминания о детстве и молодости» в шести вариантах (седьмым является часть этих воспоминаний, сохранившаяся только в альбоме [186]); «Баденский роман» — в 12 вариантах [187].

[185] ГБЛ, 1.9, «Баденский роман» — л. 26 об.— 40. В принятой нами классификации почерков Смирновой тетрадь датируется 1877—1878 гг.

[186] Хронологически, насколько можно судить по почерку и иным датирующим признакам, они располагаются так: 1-й краткий вариант (только детство) — 1.2; 2-й вариант (краткий набросок о предках и детстве, часть «Журнала походу» Н. И. Арнольди) — 1.3; 3-й вариант («Журнал походу», детство и юность от поездки в Грамаклею до окончания института)— 1.4, 1.17; 4-й вариант (предки, детство, юность до окончания института) — 1.5, 6, 8; 5-й вариант, наиболее развернутый (от смерти Александра I до службы во дворце, исторические отступления до 1849 г.) — 1.7; к нему близок по содержанию альбомный вариант; 6-й вариант (предки, детство до поступления в институт) — часть тетради 1.5.

[187] Первоначальный набросок — 1.2; 2-й краткий вариант — 1.16, л. 13 об.— 39 об.; 3-й вариант (весь сюжет «Баденского романа», рассказы о себе — до сватовства Смирно-

Отличительная черта всех этих текстов состоит в том, что, несмотря на довольно устойчивый сюжетный костяк каждого цикла и на обилие штампов, закрепившихся в памяти мемуаристки при рассказе о каких-либо событиях, упоминание того или иного имени или факта вызывало у нее всякий раз иной поток ассоциаций. Поэтому повторяющиеся по сюжету тексты почти никогда не соответствуют полностью друг другу. Передача же их в печати исчерпывающим образом вследствие огромного количества повторений — задача невыполнимая. Именно этими особенностями в значительной степени была определена сложная и запутанная судьба мемуаров А. О. Смирновой, цепь связанных с ними загадок, и до сих пор не вполне разрешенных.

Еще при жизни Смирновой в январе 1882 г. Бартенев напечатал часть дневника Н. М. Смирнова и в том же номере журнала дневник самой Александры Осиповны за февраль — март 1845 г.[188] Судя по примечанию Бартенева, обе рукописи были получены им еще за десять лет до этого от их сына Михаила Николаевича. Печатал Бартенев некоторые другие заметки Смирновой и позже[189]. 7 июня 1882 г. Смирнова скончалась. К посмертной судьбе ее бумаг несколько раз обращался Бартенев, постепенно публиковавший после этого ее переписку и, вероятно, опиравшийся на слова единственной остававшейся еще в живых после 1893 г. дочери Смирновой Н. Н. Сорен[190]. Он сообщал, в частности: «Дочери Смирновой, привезши тело ее в Москву, на кладбище Донского монастыря, исполнили последнюю просьбу Аксакова и передали ему ее Записки»[191]. В другом месте он уточнил: «После похорон Ольга и Надежда Николаевны передали <...> Записки И. С. Аксакову, у которого они и оставались до его кончины. За недосугом по изданию своей газеты и за непривычкою к подобного рода работе И. С. Аксаков не успел разобрать и прочитать эти бумаги, и по кончине его они отосланы были обратно в Париж»[192]. Эти слова Бартенева как будто подтверждаются письмом к нему О. Н. Смирновой, написанным после смерти Аксакова, 15/27 октября 1887 г.: «...а еще у меня Записки моей матери <...>, хотите, я вам их перепишу для «Архива», из них я извлекла для моей книги sur la Russie, они по-французски, вроде записной книги Пушки-

ва, много более поздних эпизодов) — 1.9—1.15; 4-й вариант (близок к предыдущему, но компактнее и литературно совершеннее, подробные рассказы о себе) — 1.18—20; 5-й вариант (краткий, близок к 7-му и 8-му)— 1.21; 6-й вариант (близок к 8-му и 4-му, много поздних эпизодов, рассказов о современниках) —1.26, 2.1; 7-й вариант—1.22; 8-й вариант —1.23; 9-й вариант («Баденский роман» доведен до середины, рассказы только о предках) — 1.24, 25; 10-й вариант (не продолжает предыдущий, хотя «Баденский роман» начат с середины, рассказы о современниках) — 2.2, 3; 11-й вариант (фрагменты нормального повествования перемежаются с явно бредовыми, в большей части не пригоден для печати) — 2.5; 12-й вариант (разрозненные рассказы о себе и событиях до 1844 г.) — 2.4.

188 РА. 1882. № 1. С. 227—244, 206—219.

189 «Наказание английского газетчика» (РА. 1886. № 2), «Из записной книжки А. О. Смирновой» (РА. 1890. № 6).

190 Письма Жуковского (РА. 1883. № 2), Вяземского (РА. 1888. № 7), Мятлева (РА. 1889. № 11), письма Смирновой к Бартеневу (РА. 1889. № 11).

191 РА. 1895. № 12. С. 480. Прах Смирновой был привезен в сентябре 1882 г.

192 Там же. № 5. С. 17—18.

на, факты, разговоры и анекдоты sans commentaires et très concis et simples ‹без комментариев и очень сжато и просто›, хотите их печатать?» [193]. Правда, в этой характеристике, кажется, проглядывает уже замысел того сочинения, которое О. Н. Смирнова опубликовала позже под названием «Записки А. О. Смирновой», но ведь и подлинные мемуары ее матери можно описать подобным образом. В действительности же, как выясняется, речь не шла ни о том, ни о другом. Вскоре О. Н. Смирнова прислала Бартеневу несколько листков с выписками из записной книжки матери, куда та заносила, действительно «сжато и просто», слышанные ею рассказы о событиях прошлого. О. Н. Смирнова упоминала при этом, что получила эти записи из Лондона только в 1885 г.[193а] Эти-то выписки, переведя их на русский язык, сократив и отредактировав, Бартенев напечатал в 1890 г., дав им точное заглавие «Из записной книжки А. О. Смирновой» (полный их текст, тоже в переводе, воспроизведен в настоящем издании вместе с обращенными к Бартеневу замечаниями Ольги Смирновой). Записи эти убеждают, во-первых, в своей несомненной подлинности и, во-вторых, в коренных отличиях их от того текста, который представила потом О. Н. Смирнова «Северному вестнику» как текст записных книжек матери.

Вопрос о Записках Смирновой всплывает снова только в 1892 г. Некая С. де Бове, парижская знакомая О. Н. Смирновой, писала о ней издательнице журнала «Северный вестник» Л. Я. Гуревич: «Мать ее ко всем познаниям своим приобщала стенографию, и поэтому все вечера Карамзиных и собственные, сгоряча рассказанные Пушкиным разговоры его с Николаем, все стенографировано ею — и мы читаем это у ней, зачитываемся до третьих петухов, до восторга и умиления» [194]. Гуревич немедленно поехала в Париж для встречи с О. Н. Смирновой, к этому времени уже не встававшей с постели (она умерла в декабре 1893 г.). Ольга Николаевна передала ей готовую для печати копию мемуаров на французском языке. Текст был переведен в редакции на русский язык и с 1 февраля 1893 г. начал печататься в «Северном вестнике» [195].

Объясняя историю этой своей печально известной публикации, Л. Я. Гуревич дважды рассказывала в печати о парижском свидании с О. Н. Смирновой и виденных ею там материалах: в статье «История «Северного вестника» [196] и, значительно подробнее, в письме к П. Е. Щеголеву. Она писала в нем: «У нее хранился огромный семейный архив, в котором Записки ее матери составляли одну незначительную часть. Кроме этих Записок, там было огромное количество писем к матери разных ее современников, в том числе масса писем, относящихся к смерти Пушкина; собственноручные письма к Алекс. Осип. Смирновой

---

[193] ЦГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. 579. Л. 430.

[193а] Там же. Оп. 1. Ед. 425. Л. 4—7 об.

[194] ИРЛИ, шифрованный фонд, № 20217, л. 8 об. Письмо от 6.IX/24.VIII.

[195] Печатался до 1 сентября 1894 г., потом отд. изд.: Записки А. О. Смирновой (Из записных книжек 1826—1845 гг.). СПб., 1895.

[196] Русская литература XX века (1890—1910). Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914—1915. Т. 1, кн. 2—3. С. 235—264.

Николая I, брата его Михаила и др. Масса писем разных иностранных знаменитостей, напр⟨имер⟩, Карлейля к Алек⟨сандре⟩ Осип⟨овне⟩, переписка А. О. со славянофилами; наконец, дневник самой Ольги Николаевны, кот⟨орый⟩ она вела с ранней юности до поздних годов и в кот⟨ором⟩ было много материалов о Гоголе, Тургеневе, славянофилах и т. п. ⟨...⟩ Весь этот архив хранился у нее в квартире. Записки ее матери были ко времени моего приезда уже переписаны ее собственной рукою ⟨...⟩, а часть переписанного ею была вторично переписана — уже с ее рукописи — переписчицей. Она показывала мне образчики оригинала, разные клочки, написанные частью карандашом, иногда на обрывках бумаги, даже на счетах»[197]. Из этого несомненно правдивого рассказа явствует, во-первых, что подлинной рукописи А. О. Смирновой Гуревич не видела и, во-вторых, что ею не располагала и сама Ольга Николаевна. Знакомые теперь с подлинными автобиографическими записками А. О. Смирновой, с неразборчивостью почерка, бесконечными переходами от русского языка к французскому и многочисленными фразами на английском, немецком и даже итальянском языках, мы не можем сомневаться, что Ольга Николаевна, имея их, обязательно показала бы их Гуревич, не опасаясь, что она решится разбираться в этом сложном и для неопытного человека почти нечитаемом тексте. Очевидно также, что архив А. О. Смирновой был тогда еще в значительной сохранности и даже пополнялся после смерти матери Ольгой Николаевной. Она, в частности, сообщала Гуревич: «Те бумаги, которые я полагала, что они затерялись с осени 1874 г., отыскались в Лондоне, а другие с 60-х гг. были у мисс Овербек, так что я, наконец, могла собрать нечто в виде целого»[198].

Едва первые номера журнала с «Записками А. О. Смирновой» вышли в свет, как читатели начали обнаруживать в них некоторые странности, в особенности анахронизмы. В результате начавшегося обсуждения в печати большинство ученых склонилось в конце концов к мысли о полной или частичной апокрифичности этого текста[199]. В полемике успела принять участие еще и сама О. Н. Смирнова, попытавшаяся (впрочем, очень неубедительно) защитить подлинность печатаемых ею мемуаров матери[200]. После ее смерти, когда наследницей была признана ее сестра Н. Н. Сорен, как раз и выяснилось, что в Щукинском музее есть альбом с совершенно иным по содержанию и характеру текстом мемуаров А. О. Смирновой. Бартенев, вскоре напечатавший их, счел, вероятно, нужным не замечать явных различий этих текстов: это осложнило бы его отношения с Н. Н. Сорен, предоставлявшей ему для публикации многие документы из архива матери[201]. В предисловии к публикации «Записок

[197] ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. 766.

[198] ЦГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. 875. Л. 83.

[199] Наиболее убедительно это показал В. Д. Спасович (рецензия «Д. С. Мережковский и его „Вечные спутники"» // ВЕ. 1897. № 6), а также В. В. Каллаш (РМ. 1897. № 10).

[200] Вся ее переписка с Л. Я. Гуревич по этому поводу подробно проанализирована в монографии П. Е. Рейнбота // ЦГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. 875—876.

[201] Из писем И. С. Аксакова к А. О. Смирновой (РА. 1895. № 12); Из переписки с Аксаковыми (1896. № 1); Письма А. А. Иванова к А. О. Смирновой (1896. № 4);

А. О. Смирновой» он, напротив, подчеркивал свою уверенность в подлинности текста «Северного вестника». Он писал: «Ольга Николаевна (незадолго до своей кончины) привела их ‹тетради, отосланные ей в Париж после смерти Аксакова› в некоторый порядок, написала к ним прекрасное вступление и приготовила к печати из разных тетрадей, книжек и отдельных листков. В предисловии к ним она выразила сожаление, что не сохранилось того, что мать ее записала про свое детство» [202]. Вот теперь,— довольно логично предполагал Бартенев,— записи о детстве нашлись в альбоме. Ясно, однако, что это сожаление О. Н. Смирновой только еще раз свидетельствует о том, что у нее не было подлинных автобиографических записок матери, значительная часть которых посвящена как раз детству.

Публикация Бартенева лишь усложнила ситуацию, хотя ее значение было понято далеко не сразу. После смерти О. Н. Смирновой Л. Я. Гуревич обратилась к Н. Н. Сорен с призывом «соединиться в дружном усилии как можно скорее отделить истину от наносных элементов». «Подлинные документы,— писала она,— оставшиеся после Вашей матери, должны быть пересмотрены и по ним должны быть восстановлены эти Записки» [203]. Однако Н. Н. Сорен была мало способна откликнуться на эти призывы. О ее отношении к архиву матери и сестры красноречиво свидетельствуют ее письма к А. Ф. Онегину, предложившему взять на себя разбор архива Ольги Николаевны. Н. Н. Сорен отвечала ему 1/13 февраля 1894 г.: «Насчет бумаг — да Вы просто ангел, что берете на себя этот труд, конечно, я согласна. По-моему так: *все письма*, чьи бы ни были, *сжечь*. Все остальное мне прислать. Я видела дневник брата, très curieux» [204]. Но бумаги О. Н. Смирновой были к этому времени опечатаны и перевезены в русское консульство в Париже. В феврале 1895 г. Н. Н. Сорен так писала Онегину: «В Питере я тоже получу бумаги, посланные из консульства и которые лежат в министерстве. Но в консульстве находятся, говорят, ящики с бумагами, и я еще не решила, что с ними делать. Предложение консула — продать — немыслимо. Чужих писем не продают. Сжечь — кто же возьмется?» [205]. Только в 1897 г. ящики прибыли в Москву. Вскоре Н. Н. Сорен писала Бартеневу: «Бумаги не разбирала еще, да если найдутся Ваших писем, Вам их отдам. Многие просили свои сжечь — экономия дров, печку согрею; одна дама мне пишет, что фантомы прошлого в форме старых писем она не любит получать — жгу» [206]. К разбору парижских бумаг Н. Н. Сорен привлекла все же сына Бартенева Юрия Пет-

---

Письма А. О. Смирновой к неизвестному лицу ‹Ю. Ф. Самарину — ?› (1897. № 8 и 9); Письмо А. С. Норова к А. О. Смирновой (1897. № 11); Из писем А. О. Россета к А. О. Смирновой (1896, № 2 и 3).

202 РА. 1895. № 5. С. 18. О. Н. Смирнова писала: «Я очень жалею, что не сохранилось тетради, где моя мать описала свое детство».— Записки А. О. Смирновой. СПб., 1895. С. 11.

203 ЦГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. 434. Л. 1 об.— 2.

204 ИРЛИ, шифрованный фонд, № 29111. Л. 4 об.

205 Там же. Л. 7 об.

206 ЦГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. 586. Л. 158.

ровича. Последний потом писал об этом к сыну и наследнику Н. Н. Сорен А. В. Сорену: «... все она отдавала в «Русский архив», и я с нею разбирал сундуки» [207]. Но вскоре Н. Н. Сорен поссорилась с Бартеневым совсем по иному поводу, и к дальнейшей судьбе парижского архива Бартеневы уже не имели отношения. Важно отметить, что разбор, произведенный Ю. П. Бартеневым, не обнаружил в парижских бумагах О. Н. Смирновой тетрадей ее матери, некогда отданных И. С. Аксакову. Выяснилось это следующим образом. В 1899 г., косвенно включаясь в полемику о подлинности публикации «Северного вестника», «Русский архив» попытался еще раз ее поддержать: в одном и том же номере была напечатана заметка Н. Н. Сорен и начало большой статьи Ю. П. Бартенева «Пушкин по Запискам А. О. Смирновой», основанной на публикации «Северного вестника» и «Записок» из альбома [208]. В статье приводился текст записки О. Н. Смирновой к А. Ф. Аксаковой от 16 сентября 1882 г.: «Мы встретились с Иваном Сергеевичем в четыре часа. Я ему оставила 67 тетрадей моей матери и белый конверт с отдельными листами», а также расписка Аксакова в получении этих материалов. Юрий Петрович повторял прежние утверждения отца о возврате после смерти Аксакова тетрадей в Париж, но заявлял при этом, что в парижских бумагах Ольги Николаевны их не оказалось. «Где они?» — спрашивал Ю. П. Бартенев [209]. Ответа на этот вопрос не последовало в течение еще двадцати лет.

В дальнейшем не раз предпринимались попытки выяснить последующую судьбу архива Смирновых. В упомянутом выше письме к Щеголеву Гуревич писала: «Когда в мае 1899 г. Н. Н. Соррень умерла, я надеялась, что «блюстителем» архива остался Шенрок. Когда же он сошел с ума, у меня оборвалась последняя нить к архиву... Через причетника церкви, где отпевали Соррень, удалось узнать еще, что жила она на Пресне и что дом, в котором она жила, был разрушен во время вооруженного восстания в Москве» [210]. Но в действительности гибель значительной части архива произошла раньше революции 1905 г. Сразу после смерти Н. Н. Сорен А. Ф. Онегин запросил ее сына о судьбе бумаг. Тот отвечал: «Если бы это не вызывало большого расхода, я бы отослал обратно письма покойной моей тетки Ольги и другие письма, ей принадлежавшие (их оказалось два ящика), чтобы вы могли распорядиться ими по вашему усмотрению. Я их уничтожил, не желая их уступать Бартеневу» [211]. Еще через десять лет до Онегина дошла другая версия: будто бумаги не были все же уничтожены, проданы дворником букинисту, а от него уже попали в музей Щукина. Тогда Онегин написал Г. С. Степанову — бывшему крепостному Смирновых, впоследствии близкому другу Н. Н. Сорен, жившему при ней последние годы жизни.

---

[207] Письмо от 27.V.1899 // ИРЛИ. № 28475. Л. 2.
[208] РА. 1899. № 5. С. 159—160, 146—158.
[209] Там же. С. 147—148.
[210] ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. 766. Об истории этих поисков см. письма Я. Л. Сакера к Л. Я. Гуревич от 5—13 октября 1909 г. // ИРЛИ, № 20221.
[211] Письмо от 13/1 июня 1899 г. // Там же, № 29110.

Ответ не оставлял ни малейшей надежды: «Дело обстояло очень просто,— писал Степанов,— по получении из Парижа, Н. Н. разбирала вместе с Ю. Бартеневым, и не нашедши ничего интересного, первый ящик был уничтожен, сожжен. После смерти Н. Н. 2-й ящик сожжен при мне и из пепла не мог обновиться...» [212].

Но и этот, казалось бы, окончательный ответ был неверен: часть бумаг О. Н. Смирновой, и в их составе — бумаг ее матери, действительно оказалась в Щукинском музее (оттуда она уже в советское время попала в Исторический музей, а оттуда в ЦГАЛИ, где и хранится поныне). По-видимому, их продала туда Н. Н. Сорен, не поставив об этом никого в известность. Ранее у нее, во всяком случае, было такое намерение. Еще до получения архива из Парижа она писала Бартеневу: «Кто знает, после моей смерти что может быть, положим, что я бы на случай смерти оставила бы их для помещения в музей» [213]. То немногое, что известно по этим разрозненным свидетельствам о составе утраченного в несколько приемов архива, показывает, как велика его потеря для науки.

Однако тетради А. О. Смирновой, в 1882 г. отданные И. С. Аксакову, не исчезли, хотя судьба их еще долго была неизвестна. 67 тетрадей не оказалось среди парижских бумаг, но одна тетрадь «Автобиографических записок» среди них все же обнаружилась — та самая, с которой снял копию Бартенев и которую он, поверив Н. Н. Сорен, оценил как написанную полубезумной женщиной (оригинал, вероятно, был потом сожжен вместе с другими материалами). Основной же массив мемуаров Смирновой снова возник из небытия только в 1920 г., когда С. Д. Самарин предложил рукописному отделению Румянцевского музея приобрести у него тетради (но не 67, а только 63, что заставляет задуматься — не вернула ли все-таки вдова Аксакова О. Н. Смирновой часть тетрадей, и не из их ли числа та, которую копировал Бартенев?) [214].

Очевидно, что более тридцати лет тетради оставались в близкой И. С. Аксакову среде, по неизвестным причинам хранившей упорное молчание о них, пока шла долгая полемика вокруг мемуаров Смирновой. Нельзя не отметить, что и письма Гоголя к Смирновой поступили в 1935 г. в отдел рукописей ГБЛ из Абрамцева, т. е. из той же семьи Аксаковых: от А. Ф. Аксаковой поступил в Пушкинский дом принадлежавший Смирновой конверт с надписью Николая I, в котором он прислал ей одну из глав «Евгения Онегина».

Между тем в течение долгих лет в литературе, то затухая, то возобновляясь, продолжались споры о подлинности публикации «Северного вестника». Итог их был подведен в 1929 г. в исследовании Л. В. Крестовой, приложенном к осуществленному ею единому изданию произведений

---

212 Письмо от 12/25 января 1909 г. // Там же, № 29117. Л. 4.

213 Письмо от 1.XII.1894 // ЦГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. 586. Л. 493.

214 См. протокол оценочной комиссии от 1 апреля 1920 г. и счет Самарина музею от 4 апреля // Архив ГБЛ. Оп. 1. Д. 827. Л. 139—141. Тетради были включены в так наз. Музейное собрание под шифром М 4612. 1—63. Записки занимали 27 тетрадей, еще 5 — другие воспоминания, в остальных тетрадях — переводы и списки разных произведений.

А. О. Смирновой, принадлежность которых ее перу не вызывала сомнений (дневник 1845 г., «Записки» из известного уже нам альбома, воспоминания, напечатанные самой Смирновой в «Русском архиве» и несколько писем) [215]. Издание это сыграло весьма значительную роль в изучении жизни и мемуарного наследия Смирновой. Объединение в одной книге всех известных к тому времени ее мемуаров (а отчасти и писем) впервые сделало их реально доступными читателям и именно это ввело их в широкий обиход, позволив оценить по достоинству. Напечатанное там исследование Л. В. Крестовой явилось первой серьезной биографией Смирновой, основанной на большом круге впервые введенных в науку источников. Крестовой удалось не только документально разъяснить многие моменты жизни своей героини, лишь бегло очерченные на страницах ее мемуаров, но и создать ее убедительный психологический портрет. Особая же работа, вошедшая в состав книги, была посвящена вопросу о достоверности «Записок», опубликованных дочерью мемуаристки.

Рассмотрев подробно текст публикации О. Н. Смирновой, сравнив ее с несомненно подлинными мемуарами ее матери и с сочинениями самой Ольги Николаевны, Л. В. Крестова доказала неподлинность этой публикации и призвала никогда более ею не пользоваться. Приведя слова Щеголева, писавшего: «Нельзя не пожалеть, что до сих пор нет работы, устанавливающей настоящую цену «Записок» Смирновой как исторического источника. Только отсутствием такой работы и можно объяснить, что кое-кто из исследователей все еще считается с сообщениями этих «Записок» [216], Крестова завершила свою работу выводом: «Историкам литературы вообще, а пушкинистам, в частности, необходимо поэтому навсегда и решительно отказаться от какого бы то ни было пользования этим фальсифицированным документом, не подвергая его более никакой экспертизе» [217]. Исследовательнице казалось, что проблема мемуарного наследия Смирновой ее изданием исчерпана. Но дело, конечно, было не так просто.

Анализируя источники публикации О. Н. Смирновой, Крестова задавала естественный вопрос — были ли в руках Ольги Николаевны какие-либо подлинные дневники или мемуары ее матери. «Очень вероятно,— писала она, отвечая на этот вопрос,— что помимо вышеприведенного дневника (т. е. дневника 1845 г., печатавшегося в той же книге) существовали короткие записи А. О». Далее она приводила уже цитированную нами записку О. Н. Смирновой к А. Ф. Аксаковой, где речь шла о 67 тетрадях. «Но что заключалось в этих тетрадях,— продолжала Л. В. Крестова,— нам неизвестно, очень вероятно, что это был материал, почему-либо непригодный для напечатания. Чем объяснить иначе, что Бартенев, так старательно добивавшийся от А. О. ее записок, нигде

---

[215] *Крестова Л. В.* К вопросу о достоверности так называемых «Записок» А. О. Смирновой.— *Смирнова,* 1929. С. 355—393.

[216] *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Пг., 1917. С. 7.

[217] *Смирнова,* 1929. С. 392.

не обнародовал эти дневники?»[218]. Выдвигая эти ошибочные предположения, Л. В. Крестова не замечала, что они опровергаются хорошо известными ей документами — публикациями П. И. и Ю. П. Бартеневых, поднимавших в печати вопрос о местонахождении исчезнувших тетрадей и, значит, не напечатавших их не вследствие «непригодности», а просто потому, что уже в конце XIX в. местонахождение тетрадей было неизвестно.

Уже завершив подготовку к печати своего издания наследия Смирновой, Л. В. Крестова внезапно узнала, что тетради Смирновой уже почти десять лет хранятся в Библиотеке имени В. И. Ленина (так могло случиться лишь в результате того, что с 1916 г. было прекращено издание Отчетов Румянцевского музея, и информация о поступлении в рукописное отделение новых материалов долгое время отсутствовала). Вставить в почти готовую книгу она смогла лишь примечание об этом открытии и о своем намерении немедленно приступить к публикации найденных тетрадей[219]. Первая книга Крестовой вышла в свет в 1929 г., а уже в ноябре того же года, как можно судить по дате введения к следующему изданию, подготовка новых тетрадей к печати была закончена[220]. Ясно, что осуществляя в таком темпе публикацию столь сложного источника, требовавшего еще и перевода на русский язык, Л. В. Крестова не располагала временем ни для решения текстологических проблем, ни для осмысления всего вытекавшего из этой важнейшей находки. Эта поспешность была крайне вредна и для качества издания и для выяснения всех вопросов, связанных с мемуарами Смирновой. Создав иллюзию ясности, она надолго отодвинула научное их изучение.

Автобиографические записки Смирновой были изданы Л. В. Крестовой в 1931 г. под названием «Автобиография», вошедшим с тех пор в науку. Сведения об источнике публикации были изложены частично во введении (с. 14), частично в археографическом вступлении к примечаниям (с. 312—313). К сожалению, на основании всех этих кратких замечаний читателю трудно представить себе и содержание тетрадей, и даже количество их (во введении названа цифра 67, в археографическом вступлении приведен шифр, указывающий на их истинное количество — 4612.1—63, а то, что автобиографические записки занимают 27 тетрадей и еще 5 — другие мемуарные этюды, вообще не сказано). Л. В. Крестова заметила, конечно, наличие в тетрадях двух разных мемуарных циклов, назвав один из них собственно автобиографией, другой «Баденским романом», но при публикации свободно смешивала фрагменты их, подчиняя текст своему редакционному замыслу. Не была сделана попытка установить, хотя бы приблизительно, последовательность работы мемуаристки над ними[221]. Текст был издан в переводе с примечанием: «Ввиду того, что текст «Автобиографии» написан то

[218] Там же. С. 379.
[219] Там же. С. 437.
[220] *Смирнова*, 1931. С. 20.
[221] Публикатор ограничился замечанием о том, что самые ранние тетради № 10, 11, 51, 47, 21 (теперь это: 1.11, 13, 12, 23, 9) — *Смирнова*, 1931. С. 312.

по-русски, то по-французски (лишь «Воспоминания о Гоголе» написаны сплошь по-русски), не представляется возможным всякий раз оговаривать перевод»[222]. Не были раскрыты и приемы отбора и передачи текстов. Между тем, при публикации такого сложного в текстологическом отношении источника требовалась предельная точность и щепетильность, в особенности с учетом сложившегося за десятилетия дискуссии о «Записках А. О. Смирновой» скепсиса и прямого недоверия к ее мемуарам. Вместо этого читатель находит лишь одно указание: «Особенности материалов заставили редактора распределить его по отдельным главам, построенным, насколько то было возможно, в хронологическом порядке. Вместе с тем, он считал возможным выбросить наиболее сходные варианты и многочисленные отступления Смирновой»[223].

Что же представляет собою текст «Автобиографии», напечатанный в этом издании 1931 г., которым исследователи более полувека пользуются как достоверным текстом подлинных мемуаров Смирновой? Это две произвольно сгруппированных композиции из разных отрывков, извлеченных по выбору публикатора из разных тетрадей. Никакого обоснования принципов, по которым они объединялись в единые тексты, в примечаниях нет. В них указано (непоследовательно, а часто и неточно), из какой тетради заимствован отрывок. Таким образом, издание это является не воспроизведением в печати реального текста мемуаров Смирновой, а произвольным объединением отрывков и даже отдельных фраз, написанных мемуаристкой, но в разное время и в разных вариантах обоих мемуарных циклов.

Приведем несколько примеров. На с. 95—117 «Автобиографии» находятся главы XVII и XVIII, названные публикатором «Во дворце» и «Фрейлины Стефани Радзивилл и Александрина Россет». В примечании сказано: «Глава взята из тетради 48 <...>. Тетрадь написана необычайно мелким почерком, с трудом поддается расшифровке. В ней имеются многочисленные пропуски, которые по техническим соображениям не указываются в тексте»[224]. В начале второго абзаца первой из этих глав (с. 95) начинается вставка, о которой в примечании сказано, что она заимствована из тетради 34[225]. Потом в середину текста, на с. 97, вставлен кусок из той же 48-й тетради, но совсем из другого места. Следующая XIX глава, как говорится в примечании, взята из тетради 14[226].

О каких же тетрадях тут идет речь? Тетрадь 48 (шифр теперь 1.7) содержит поздний, 5-й вариант того текста, который у Крестовой назван «Автобиография», а в нашем издании «Воспоминания о детстве и молодости». Тем не менее в нее спокойно вставлен отрывок из ранней тетради 34 (шифр теперь 1.17), содержащей 3-й вариант. Указание же на то, будто глава XIX взята из тетради 14 (шифр теперь 3.13), просто не-

[222] Там же. С. 313.
[223] Там же. С. 14.
[224] *Смирнова*, 1931. С. 318—319.
[225] Там же. С. 319.
[226] Там же. С. 320.

верно, так как в этой тетради вообще нет мемуарного материала. В действительности эта глава — часть той же 48-й тетради (1.7).

В тексте «Баденского романа» есть в издании 1931 г. глава XIII — «Глава исторических отступлений». На самом деле она вообще не относится к циклу «Баденский роман», а вырвана из «Воспоминаний о детстве и молодости» — из 3-го их варианта (1:17). Таких примеров немало[227].

Недостатки издания 1931 г. этим не исчерпываются. Даже вошедший в него текст воспроизводился далеко не полностью. Значительную часть купюр следует отнести за счет трудностей прочтения, на что указала в предисловии сама Крестова[228]. Очень велико число неверных чтений, в особенности имен. Но мало этого. Нет сомнения, что, решая вопросы выбора и объема печатаемого текста, Л. В. Крестова вынуждена была подчиняться диктату общественных условий, в которых осуществлялось издание. Из него последовательно устранялись, например, все рассказы Смирновой о царской семье и лично Николае I, носящие характер панегирика, опускались доброжелательные характеристики реакционных деятелей той эпохи. Таким образом, изданный текст создавал ложное представление о мировоззрении мемуаристки и о действительном характере ее воспоминаний.

Таким образом до настоящего издания не было адекватного воспроизведения текста подлинных автобиографических записок Смирновой. Подобная свобода в обращении с важным историко-литературным источником надолго лишила науку возможности не только опираться в исследованиях на истинный его текст, но и до конца решить вопрос о значении «Записок А. О. Смирновой», изданных ее дочерью. В настоящей статье мы не ставили перед собой задачу источниковедческого исследования тех и других мемуарных текстов. Эта задача еще стоит перед учеными, располагающими, наконец, «Автобиографическими записками» А. О. Смирновой в их реальном виде.

В мемуарном наследии Смирновой, выразительнее, может быть, чем в каком-либо другом, проявилась ее противоречивая и своеобразная личность. Яркая индивидуальность рассказчицы, умение в нескольких словах представить запечатлевающийся в памяти портрет любого, даже мельком упомянутого человека (напомним, например, портреты посла в Париже П. П. Палена, министра народного просвещения А. С. Норова, длинного Панина, будущего министра юстиции, танцующего на приеме во дворце в венке из роз, горничной Марьи Савельевны), тонкость понимания людей и событий, эмоционально окрашенное восприятие прошлого, необыкновенно широкий культурный кругозор, сформировавшийся в общении с выдающимися умами и талантами эпохи, в постоянном самообразовании — и поток светских пустяков, неистребимое тяготе-

---

[227] Соотношение автографов Смирновой и страниц издания 1931 г. показано нами в статье «К истории мемуарного наследия А. О. Смирновой-Россет» // *Пушкин.* Исслед. и матер. Т. 9. С. 343—344. К сожалению, там нет разбивки по циклам, что затрудняет понимание.

[228] *Смирнова*, 1931. С. 20.

ние к сплетне, в своей неприкрытой грубости подчас выходящей далеко за пределы той «крупной соли светской злости», о которой писал Пушкин[229]. Поэтому-то эти мемуары помимо своего значения ценнейшего историко-литературного источника — именно литературный памятник, откровенный и непричесанный памятник воспитавшей Смирнову социальной среды.

Но и в историко-литературном аспекте мемуаров заключено столь же разительное противоречие. Богатейшее полотно биографических реалий о замечательных современниках, драгоценные исторические детали, собрание исполненных с подлинным художественным блеском портретов (достаточно напомнить ставший хрестоматийным портрет Пушкина в доме Китаева летом 1931 г., портреты Жуковского, Гоголя, Самарина, Аксаковых) — и, в сущности, почти полное невнимание к самому их творчеству, неумение даже толково изложить те произведения, о которых говорит мемуаристка. При очень субъективном, но точном и ясном понимании общественной стороны литературы, Смирнова удивительным образом начисто лишена ее эстетического восприятия. Особенно это касается поэзии. Зато общественные воззрения мемуаристки, где прочный консерватизм и прогрессирующая к старости религиозность уживаются с трезвой критикой российской действительности, ее воспоминания демонстрируют с достаточной полнотой. И, наконец, поражающая читателя память о мельчайших событиях прошлого, способность воссоздать в подробностях атмосферу и облик людей украинской деревушки, откуда Смирнова уехала в десятилетнем возрасте, сочетается у нее с постоянными ошибками в именах, названиях, датах (что, впрочем, легко объяснить возрастом и состоянием, в котором создавались ее воспоминания).

Необходимо в заключение обратить внимание еще на некоторые моменты, имеющие значение для будущих исследований.

Как известно, скептики, отрицавшие подлинность публикации О. Н. Смирновой, далеко не сразу выдвинули основательные аргументы в защиту своей точки зрения, эту подлинность опровергнувшие. Сперва бросились в глаза две странные черты этого текста — анахронизмы и дословная передача весьма давних разговоров[230]. Как ясно теперь, обе эти черты в высшей степени свойственны и подлинным мемуарам А. О. Смирновой. В «Автобиографических записках» встречаются два рода анахронизмов. Первый из них — закономерное следствие самого литературного замысла «Баденского романа», который вообще невозможно было реализовать, не забегая в рассказах о своей жизни за пределы 1836 г., как будто бы они поверялись Киселеву. В этом мемуарном цикле беседы с Киселевым являются рамкой, в которую вписаны рассказы

[229] Пристрастие к двусмысленным и эротическим ситуациям, столь заметное в мемуарах Смирновой, было, очевидно, присуще ей и в молодые годы. Недаром еще в 1839 г. С. Н. Карамзина упоминала в письме к сестре о «вольных анекдотах госпожи Смирновой» (*Лермонтов*. Исслед. и матер. С. 333).

[230] *Смирнова*, 1929. С. 356—358. Как мы видели из письма С. де Бове, О. Н. Смирнова объясняла это владением матери стенографией (первое в России руководство было издано в 1844 г., а некоторое распространение она получила после 1866 г., когда вышел учебник Ольхина).

Смирновой о событиях вплоть до 1860-х годов. При этом анахронистичность изложения не только не скрывается мемуаристкой, но сознательно ею демонстрируется и как бы забавляет ее. Так, Смирнова в 1836 г. рассказывает будто бы Киселеву о гибели Пушкина и стихах Лермонтова «На смерть поэта». Мало того: она вкладывает в его уста изумленный вопрос: «Но Пушкин не умер?», а за ним следует ее ответ: «Нет, но я рассказываю тебе последующие факты, я забежала вперед. Ах, какая дворняжка!»[231] В другом месте она заявляет своему собеседнику: «Берегитесь, чтобы не было реприманду или бульверсману, как говорил Иннокентий после революции 48 года», и прибавляет: «Дарю вам анахронизм»[232]. Примеры эти можно продолжить, их множество.

Но есть в мемуарах Смирновой и иные анахронизмы, ничем не отличающиеся от тех, которые были сразу замечены в публикации «Северного вестника». Если там Пушкин высказывался будто бы о романе «Три мушкетера», вышедшем в свет в 1844 г. или о «Пармской обители» Стендаля, опубликованной в 1839 г., то здесь он, оказывается, «в восторге» от стихотворения Н. М. Языкова «Землетрясение», датированного 18 апреля 1844 г. и впервые напечатанного в том же году[233].

Другая черта цикла «Баденский роман» — это его диалогическая форма. Весь цикл, кроме отдельных авторских ремарок, состоит из разговоров Смирновой с Киселевым, и к нему с полным правом можно отнести слова П. Е. Щеголева, сказанные по поводу публикации «Северного вестника»: «Эти речи не были сказаны, но, конечно, могли бы быть сказаны»[234].

Если О. Н. Смирнова еще при жизни матери или сразу после ее смерти знакомилась с ее мемуарами (а в частичном хотя бы таком знакомстве нет сомнения, так как на одной из тетрадей просто есть ее помета: «68-ая книга, в ней много интересного про Михаила Павловича и про Capo d'Istra»[235]), то именно легкость обращения матери с датами событий и диалогическая форма «Баденского романа» могли натолкнуть ее на замысел «Записок А. О. Смирновой». В одном из писем А. О. Смирнова писала: «Моя дочь записывает все, что слышит и что я ей говорю, когда у меня были визиты, а ее не было. И я кое-что записываю. Она ужасно интересуется всем этим. Я поддерживаю в ней этот интерес»[236]. Нет сомнения, поэтому, что у Ольги Николаевны было множество записей рассказов матери и ее знакомых. Вела она и собственные дневники — отдельные фрагменты их сохранились в ее архиве. Но пока трудно сказать, на них ли только она опиралась, создавая опубликованный ею текст Записок, или же у нее были все-таки некоторые тетради подлинных мемуаров матери (может быть, выписки

231 См. наст. изд., с. 402.
232 См. наст. изд., с. 391.
233 Смирнова, 1929. С. 486. Анахронизмы отмечены нами в примечаниях.
234 ИРЛИ. № 20224.
235 ГБЛ. 2.1.
236 РА. 1897. № 9. С. 129.

из них). Даже самое беглое сравнение текстов показывает, что в «Записках А. О. Смирновой» и примечаниях к ним Ольги Николаевны встречается ряд эпизодов, не раз повторенных в подлинных мемуарах ее матери — и не только такие запоминающиеся и не раз, вероятно, рассказанные Александрой Осиповной в присутствии дочери, как получение Николаем I в Царском Селе извещения о состоявшейся казни декабристов [237], а и простые анекдоты — о рассеянности Ланжерона, о часовом, поставленном стеречь померанцевое дерево, о приключении с Жаном Полем Рихтером, и даже каламбуры того времени (о «Сыне Отечества» и «Вестнике Европы») и цитаты из писем (отзыв Константина Аксакова о Петербурге: «Это незаконнорожденный город, прижитый с Западной Европой» [238]). Впрочем, число таких совпадений невелико: из 300 с лишним страниц первой части издания «Северного вестника» совпадения сюжетов с подлинными мемуарами Смирновой встречаются лишь на 12.

В свое время П. Е. Щеголев, анализируя в письме к Л. Я. Гуревич издание «Северного вестника», наметил ход его исследования, до сих пор не осуществленный. Не зная еще о подлинных мемуарах Смирновой и их характере, ученый писал: «На мой взгляд, Записки представляют результат целого ряда последовательных наслоений; исключительно ценны лишь первые, основные пласты. Но отделить эти первоисточники Записок (т. е. дневные записи, современные событиям) можно было бы или после анализа рукописных материалов Смирновского архива или, что труднее, после критического и систематического их изучения, которого до сих пор не сделано» [239]. Теперь мы знаем, что «дневные записи» 1820-х — 1830-х годов самой Александры Осиповны, если они вообще существовали, не сохранились. Но зато перед нами ее мемуары, печатающиеся в настоящем издании в их подлинном виде и с возможной полнотой. Это открывает, наконец, возможность того сравнительного анализа, к которому призывал Щеголев. Это тем более необходимо, что длительное, уже почти вековое бытование в научной литературе издания О. Н. Смирновой и более чем полувековое — издания Л. В. Крестовой приучило и ученых и просто читателей к свободному и равноправному оперированию обоими источниками. Уже стало забываться происхождение тех или иных сведений или постоянно повторяющихся цитат — и даже в современных работах то и дело сталкиваешься с мнимыми фактами, восходящими к фантазиям О. Н. Смирновой. Даже такой серьезный ученый, как К. П. Богаевская, публикуя записи о Пушкине из дневников Н. М. Смирнова и дойдя до его рассказа о том, что будто бы Николай I вернул Пушкину рукопись «Медного всадника» через посредство А. О. Смирновой, в примечании поправляет мемуариста, указывая, что была возвращена рукопись не «Медного всадника», а «Графа Нулина» [240]. Источник

[237] Записки А. О. Смирновой. СПб., 1895. С. 89.
[238] Там же, соответственно с. 80, 88, 52, 115, 171.
[239] ИРЛИ. № 20224.
[240] *Богаевская К. М.* Из записок Н. М. Смирнова // Врем. ПК. 1967—1968. Л., 1970. С. 7.

такого утверждения — не свидетельство самой Александры Осиповны, а предисловие ее дочери к публикации «Северного вестника», содержащее в себе характерное для всего ее творчества сочетание истинных фактов и вымысла. Она писала там: «Мать отдала Ивану Сергеевичу Аксакову один из конвертов, в котором государь пересылал ей стихи Пушкина. На этом конверте написано: «Александре Осиповне Россет, от государя, для Александра Сергеевича Пушкина». Дело идет о «Графе Нулине» [241]. Но сама Смирнова, рассказывая в мемуарах об изменениях, внесенных будто бы царем в «Граф Нулин», то утверждала, что рукопись передавалась через нее (чего не могло быть просто по хронологии фактов), то отрицала [242]. Пакет, в котором однажды Николай I передал через нее Пушкину главу «Онегина», действительно подарен был ею Аксакову и потом от его вдовы поступил в Пушкинский дом, но надпись на нем совсем иная [243]. Еще более свободно использует в своей статье о Д. Е. Цицианове Е. Я. Курганов рассказы о нем, не делая различия между текстом О. Н. Смирновой и подлинными мемуарами ее матери [244]. Неудивительно, что в популярной литературе среди вполне достоверных свидетельств можно встретить цитату из публикации «Северного вестника» с равным доверием к ней [245].

Теперь мемуарное наследие А. О. Смирновой, каким оно вышло из-под ее пера, с свойственными ему достоинствами и недостатками — удивительной памятью и печатью истинной талантливости даже в немощной старости, повторениями и противоречиями, пристрастными оценками и фактическими ошибками, но и с ценнейшими свидетельствами о жизни, вкусах, отношениях, быте своих современников, становится доступным в полной мере для изучения.

Составитель книги глубоко благодарен всем, кто оказал дружескую помощь в этой многолетней работе, в особенности К. П. Богаевской, В. Э. Вацуро, С. С. Дмитриеву, Т. А. Осоргиной.

---

[241] Записки А. О. Смирновой. СПб., 1895. С. 3.

[242] См. наст. изд., с. 349 и 414.

[243] См. наст. изд., с. 349 и примеч.

[244] *Курганов Е. Я.* Мастер устного рассказа. Из истории литературного быта пушкинской эпохи // Русский язык в грузинской школе. 1983. № 1. С. 72, 76—78.

[245] *Енишерлов В.* Свидетели времен минувших // Памятники Отечества, вып. 2/1985. С. 106—108.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании публикуется мемуарное наследие А. О. Смирновой-Россет и ее дневник за 26 февраля — 22 марта 1845 г. Все произведения печатаются по автографам мемуаристки, за исключением «Воспоминаний о Жуковском и Пушкине», рукопись которых не сохранилась, и продолжения «Баденского романа», дошедшего до нас только в копии, сделанной некогда для П. И. Бартенева с оригинала, впоследствии уничтоженного дочерью Смирновой Н. Н. Сорен. Из записей мемуарных рассказов Смирновой, сделанных другими лицами (П. А. Кулишом, Я. П. Полонским, П. А. Висковатым, А. Н. Пыпиным), воспроизводится лишь последняя, явно сделанная под диктовку мемуаристки и ранее полностью не печатавшаяся.

Произведения расположены в издании по хронологии их создания, насколько ее удалось установить: дневник (1845), воспоминания о Жуковском и Пушкине (1871), воспоминания о Гоголе (начало 1870-х годов — 1877), автобиографические записки (1870-е годы — 1881). Помещение на первое место небольшого дневника Смирновой продиктовано также и тем, что именно он позволяет читателю сразу представить себе круг интересов и литературную манеру автора в зрелые годы.

В основу публикации «Автобиографических записок» Смирновой, текста сложного и многовариантного, положены следующие принципы. Объединенные под этим общим заглавием два мемуарных произведения печатаются раздельно. Заглавия «Воспоминания о детстве и молодости» и «Баденский роман» даны публикаторами (в рукописях Смирновой лишь один раз встречается заглавие, которое она, очевидно, предполагала дать мемуарам для печати: «Биография Александры Осиповны Чаграновой»; Чагранова — имя персонажа второго тома «Мертвых душ»; мы не решились все же воспользоваться этим заглавием).

Один вариант каждого из этих двух произведений избран в качестве его основного текста. Выбор этот не мог быть основан на последней авторской воле, и вот по каким причинам. Во-первых, не представляется возможным точно датировать работу Смирновой над каждым из многочисленных вариантов и определить, таким образом, «окончательный». Во-вторых, наиболее поздние тексты, особенно «Баденского романа», несут на себе явственный отпечаток болезненного состояния автора. Поэтому в качестве основных текстов были избраны варианты наиболее содержательные и литературно завершенные.

В обоих произведениях каждый из следующих за основным текстом вариантов печатается лишь в той части, которая по содержанию не имеет аналогий с предшествующим (исключения из этого правила сделаны лишь для некоторых важных свидетельств мемуаристки о Пушкине, Гоголе, крупных общественных и литературных фактах, сама смысловая многовариантность которых должна учитываться в науке). Понятно, что есть варианты, вообще не вошедшие в данную публикацию, а другие печатаются фрагментарно. Таким образом, настоящее издание не воспроизводит весь сохранившийся текст мемуарных рукописей Смирновой (что вообще вряд ли необходимо). Оно лишь с возможной полнотой передает их содержание и реальную композицию.

В «Воспоминаниях о детстве и молодости» в качестве основного текста избран 4-й вариант. Далее следует отсутствующая в основном тексте часть 3-го варианта, затем фрагменты 5-го варианта. Вариант этих воспоминаний, переписанный Смирновой в альбом для сына (Альбомный вариант), во многом повторяющий предыдущие, печатается все же полностью — ведь именно он давно вошел в науку как текст «Записок А. О. Смирновой». Однако начало воспоминаний о детстве, тоже вписанное в альбом и печатавшееся ранее как единый текст с этими «Записками», отнесено нами в «Дополнения»: оно почти дословно повторяет начало основного текста.

В «Баденском романе» в качестве основного текста избран 4-й вариант, самый совершенный в литературном и композиционном отношении. В более пространном и хронологически предшествующем ему 3-м варианте опускаются сюжеты, имеющиеся в основном тексте. Для понимания контекста в него введены аннотации опущенных мест. Затем воспроизводятся фрагменты 5-го, 6-го, 7-го, 10-го, 11-го, 12-го вариантов, не имеющие по содержанию аналогий в предшествующем.

«Воспоминания о детстве и молодости», написанные в основном по-русски, с иноязычными вкраплениями, печатаются на языках подлинника (с подстрочными переводами). «Баденский роман», в преобладающей части написанный по-французски, с отдельными фразами на русском и других языках, воспроизводится следующим образом: основной текст на языках подлинника (с подстрочными переводами), остальные варианты только в русском переводе. Публикация основных текстов на языке оригинала даст, наконец, читателям представление о том, как именно были написаны подлинные мемуары Смирновой, что необходимо для дальнейшего изучения истории ее наследия и сопоставления его с присланным О. Н. Смирновой в «Северный вестник» французским текстом и напечатанным там русским переводом.

В подстрочных переводах с французского, ввиду его преобладания, указания на язык оригинала опущены, в переводах с остальных языков они даны.

Орфография и пунктуация в основном приближены к современным языковым нормам, сохранены лишь некоторые особенности эпохи или произношения мемуаристки (генварь, скрыпка, обанкрутился и т. п.). В обычной для нее транскрипции передаются иноязычные имена (Бетговен, Гайден и т. п.), сохранена распространенная в то время неустойчивая орфография некоторых фамилий (например, Вьельгорские — Вьельгурские — Велеурские). В «Журнале походу» Н. И. Арнольди оставлены воспроизведенные Смирновой при копировании особенности речи матери — с украинизмами («в нее» вместо «у нее») и простонародным произношением (найтить, иттить и т. п.).

Подготовка текстов к печати, переводы, статья и примечания принадлежат С. В. Житомирской, редакция иноязычных текстов и подстрочных переводов — Е. В. Морозовой.

ДНЕВНИК
(26 февраля — 22 марта 1845 г.)

Впервые (с купюрами и непрочитанными словами): РА, 1882, № 1; более полный текст (с непоочитанными словами): Сб. «Николаевская эпоха». М., 1910; перепечатка: *Смирнова*, 1929, с. 272—295.

Автограф: ГБЛ, ф. 474, 1.1.

[1] *Наследница родила сына Александра.*— Вел. кн. Мария Александровна, жена вел. кн. Александра Николаевича, будущего Александра II. Родился их сын Александр, будущий Александр III.

[2] *...государь... сказал: «Братец мой шалит».*— «Братец» — Фридрих Вильгельм IV, брат жены Николая I, Александры Федоровны. Со времени его вступления на прусский престол (1840) периодически возникали слухи о намерении его дать конституцию. Реально это произошло лишь в 1850 г. в результате революции 1848 г. Ср. далее запись от 16 марта.

[3] *...о мемуаре Уварова по католическим делам...*— Имеется в виду записка, представленная в 1844 г. Николаю I министром народного просвещения С. С. Уваровым — одна из попыток найти выход из обострившихся отношений России с Ватиканом вследствие обвинений, выдвинутых папой Григорием XVI в 1842 г., в связи с положением католической церкви в России. Николай I, со своей стороны, принял ряд мер, направленных к ослаблению католицизма в Польше и преодолел сопротивление им Ватикана: перевод католической архиепископии и Виленской духовной академии из Могилева в Петербург, уменьшение числа католических монастырей (в частности, закрытие женского монастыря «серых сестер»). Кризис разрешился личным свиданием Николая I с папой в сентябре 1845 г., переговорами, котооые вел в Риме затем Д. Н. Блудов, и конкордатом, подписанным с папой 22 июля 1847 г. (См.: *Щебальский П.* История русского конкорда-

та // РВ. 1871. № 4; Император Николай I и папа Григорий XVI // Вестник иностр. лит. 1896. № 9). Слова царя, что Уваров «мешается не в свое дело» — о том, что предмет записки не входил в компетенцию министра.

[4] *По случаю родов Марии Ник⟨олаевны⟩...* — Вел. кн. Мария Николаевна, старшая дочь Николая I, жена герцога Максимилиана Лейхтенбергского, родила 20 марта дочь Евгению.

[5] *...Елиз⟨авета⟩ Михайловна Нассауская умерла...* — Речь идет о внезапной смерти дочери вел. кн. Михаила Павловича, в 1844 г. вышедшей замуж за герцога Адольфа-Вильгельма Нассауского.

[6] *...на юге поселили 50 тысяч духоборцев.* — Духоборцы были переселены на Кавказскую линию из Мелитопольского уезда указом 1837 г., но не в таком числе, какое указывает Смирнова: всего 6600 чел. обоего пола.

[7] *...нашли бумаги и письма, ясно доказывающие отравление царевича Алексея Петровича...* — Царевич Алексей Петрович, бежавший в 1716 г. в Вену под защиту имп. Карла VI, был в 1718 г. выдан Петру I и приговорен к смертной казни. Обстоятельства его смерти точно неизвестны. По существующей версии, он был задушен приближенными Петра. Письмо Александра Румянцева к Д. И. Титову об убийстве Алексея Петровича, впервые напечатанное Герценом в IV книге «Полярной звезды» в 1858 г., давно уже ходило по России в списках. Другое письмо Румянцева к Титову, по времени предшествовавшее опубликованному Герценом и рассказывавшее о доставке царевича из Вены в Москву, появилось в 1844 г. в «Отечественных записках» (см. об этом: *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия. М., 1984. С. 65—77). Вероятно, слух об этой публикации и передает Смирнова. Судьба Алексея Петровича и потом интересовала ее. В 1873 г. она сообщала П. И. Бартеневу из Лондона о вычитанном ею в Записках Дюшиллона рассказе о том, как Румянцеву удалось увезти Алексея Петровича в Россию (письмо от 9/21 окт. 1873 г.: РА. 1889. № 11. С. 407—408).

[8] *...по-старому у Карамзиных... Александр разрезал узел...* — Об отношениях Смирновой с семьей Карамзиных см. наст. изд., с. 585—587. Александр — второй сын Н. М. Карамзина, литератор.

[9] *...слова духовные Иннокентия...* — Иннокентий (1800—1857), архиепископ херсонский и таврический, известный церковный проповедник, речи которого были особенно популярны в 1840-х годах.

[10] *И он восхищается речами Лакордера...* — Ж. Б. Лакордер, французский проповедник и журналист, пытался в своих проповедях согласовать католическую церковную доктрину с наукой и идеями политической свободы. А. И. Тургенев, неоднократно слышавший Лакордера, писал о нем: «...католического сильного оратора слышу я в первый раз, и какого же? Не подражателя другим образцовым французским ораторам, а самобытного, оригинального. В Лакордере есть много боссюэтовского, но это Боссюэт, прочитавший Ламене и знающий умственные буйства нашего века, рационализм и мистицизм Германии, сен-симонистов и проч.» (*Тургенев А. И.* Хроника русского. М., 1964. С. 79).

[11] *...оба великие князя...* — Т. е. сам Михаил Павлович и наследник Александр Николаевич.

[12] *...о пребывании государя Александра в Москве в 18-м году... о первой польской диете...* — Диета — польский сейм. Впервые после войны 1812 г. Александр I приехал в Москву в сентябре 1817 г., а затем, после непродолжительного пребывания в Петербурге, вернулся туда 2 февраля 1818 г. и в конце месяца отправился на сейм в Варшаву. В Москве готовилась его известная речь на сейме, где была обещана конституция не только Польше, но и России (текст речи: Московские ведомости. 1818. № 25). Очевидно об этом и рассказывал Смирновой Михаил Павлович. Вел. кн. Константин Павлович писал близкому к нему Сипягину об открытии сейма: «Посылаю вам экземпляр программы бывшей здесь 15-го (27-го) числа в замке пиесы гратис, на которой я фигурировал в толпе народа, играя ролю прагского депутата, по избрании меня в оные обывателями варшавского предместия Праги... В дополнении сего еще скажу вам, что великий князь Михаил Павлович во время всего сего церемониала занимал свое место по здешней конституции между сенаторами, как я был между депутатами, и как он польского языка не разумеет, то из этого можно заключить, как ему было весело выдержать несколько тут часов сряду» (Цит. по: *Шильдер I.* Т. 4. С. 88—90).

[13] *...революция в Молдавии, т. е. движение Ипсилантия...* — Речь идет о попытке восстания в Молдавии и Валахии против турецкого ига в 1821 г., организованной тай-

ным греческим революционным обществом «Филики Этерия» во главе с Александром Ипсиланти. Отряд Ипсиланти был разбит турецкими войсками в сражении при Драгошанах 19 июня 1821 г., восстание потерпело неудачу. Позиция русского правительства по отношению к восстанию в Греции была довольно сложной. Заинтересованная в ослаблении Турции русская дипломатия вплоть до Веронского конгресса Священного Союза в 1822 г. оказывала поддержку восстанию. Когда же конгресс принял решение о подавлении испанской революции, русский царь вынужден был отказаться от этой двойственной позиции, задевавшей интересы «законного государя» — турецкого султана. (См.: *Арш Г. Л.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 г. М., 1976; *Фадеев А. В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958). Позиция Смирновой отражает распространенное в русском обществе 1820-х годов, а для нее — неизменное, сочувствие греческой церкви.

[14] *...Афанасия посадили в Афины...* — Ни церковного, ни государственного деятеля с таким именем, «посаженного» в Афины, не было. Очевидно Смирнова имеет в виду (возводя имя к греческой транскрипции) баварского принца Оттона, ставшего в 1832 г. греческим королем. Когда Лондонская конференция Англии, Франции и России 1830 г. навязала Греции монархическую форму правления, и принц Леопольд Саксен-Кобургский, выдвинутый державами на престол, отказался его занять, то, по инициативе русского правительства, престол был предложен 16-летнему Оттону, причем его отец, король Людвиг, обещал переход его в православие. Однако обещание это не было выполнено, а положение православной церкви в Греции резко пошатнулось: в 1834 г. Оттон объявил церковь не зависящей от константинопольского патриарха и подчинил ее синоду, а синод — королевской власти. Таким образом православная церковь оказалась подчиненной королю-католику. На это и сетует Смирнова, которую всегда занимало положение единоверцев за рубежом.

[15] *...письмо... от Гоголя... Иоанна Крестителя для наследника.* — Письмо Н. В. Гоголя от 24 февраля 1845 г. (н. ст.) из Парижа см.: *Гоголь*, т. 12, с. 457—460. Письмо А. А. Иванова, о котором идет речь, см.: *Боткин М. П.* А. А. Иванов. Его жизнь и переписка. СПб., 1880. С. 178—179. В нем, помимо мыслей об искусстве и, в частности, православной живописи, содержится просьба о помощи. («Боюсь сказать вам, сколько нужно времени, чтобы окончить мою картину; боюсь испугать вас, отнять всякую ревность обо мне хлопотать. Ведь нужно еще три года»). Из последующих писем Иванова к Смирновой видно, что она действовала через вел. кн. Марию Николаевну, и в июне 1845 г. Иванову было назначено пособие для окончания картины (РА. 1896. № 4. С. 605). Хотя имеется в виду картина «Явление Христа народу», но тема ее сперва формулировалась иначе: Жуковский писал 23 декабря 1841 г. вел. кн. Александру Николаевичу о Иванове, «которому Вы поручили написать для Вас большую картину, изображающую Спасителя, являющегося Иоанну Крестителю» (РА, 1883, № 3, с. 66). Он имел в виду, по-видимому, беседу А. А. Иванова с наследником во время пребывания его в сопровождении Жуковского в Риме в конце 1838 г. В результате этой беседы Иванову был обещан пенсион еще на три года (*Боткин М. П.* А. А. Иванов. Его жизнь и переписка. С. 117).

[16] *Когда же царь бывает у фрейлины Нелидовой?* — Варвара Аркадьевна Нелидова (ум. 1897), фрейлина, фаворитка Николая I.

[17] *Был у меня Marcelin Lubomirski...* — Вяземский внес в свою Записную книжку рассказ о Марцелине Любомирском, который, наделав долгов, все указывал кредиторам на принадлежавшее его отцу местечко Дубно Волынской губ., которое он продаст, как скоро станет его владельцем (*Вяземский П. А.* Старая зап. книжка // Полн собр. соч. Т. VIII. С. 70). Местечко было потом продано Барятинским. Какой город продал Конар, установить не удалось.

[18] *Сангушко Роман Евстафьевич* — корнет Кавалергардского полка, участник польского восстания 1830—1831 г., был сослан в Сибирь, впоследствии переведен на Кавказ.

[19] *...Суворов... пропасть писем деда к Хвостову...* — А. А. Суворов в 1884 г. передал в Публичную библиотеку 15 томов переплетенных материалов из архива Д. И. Хвостова, в их числе более 250 писем А. В. Суворова к Д. И. Хвостову, жена которого была племянницей Суворова. Отдельные письма публиковались в ЖМНП (1856, ч. 92, № 10), РА (1866, стб. 929—1030; 1868, № 10; 1900, № 7), РС (1872, № 10), Красном архиве (1941, № 3). 90 писем Суворова к Хвостову вошли в наиболее полное издание его

писем (*Суворов А. В.* Письма. М., 1986), часть из них опубликована впервые (подлинники в ОР ГПБ).

20 *Графиня Р⟨остопчина⟩... графиней Борх.*— Об отношениях Смирновой с Е. П. Ростопчиной см. наст. изд., с. 597.

21 *Государь... радовался соперничеством Бутурлиной и Крюднер.*— Елизавета Михайловна Бутурлина (рожд. Комбурлей) и Амалия Максимилиановна Крюднер, две известные светские красавицы того времени. Крюднер — фаворитка Николая I. В нее был влюблен Ф. И. Тютчев (см. *Чулков Г. И.* Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М., 1934. С. 96—97).

22 *...киселевские мужики...*— Государственные крестьяне, реформа управления которыми была проведена в 1837—1841 гг. под руководством министра гос. имуществ П. Д. Киселева. Отрицательное отношение к его деятельности в крестьянском вопросе, распространенное в придворных кругах и проявившееся в этой записи Смирновой, выражалось, например, в злых афоризмах А. С. Меншикова (см. примеч. 59).

23 *Уваров — штукарь... Уваров торжествует.*— Григорий Петрович Волконский, сын министра двора П. М. Волконского, попечитель Петербургского учебного округа, был в феврале 1845 г. неожиданно для него самого переведен попечителем в Одессу. Подробности о недобросовестном поведении в этом инциденте С. С. Уварова см. в дневнике А. В. Никитенко (Т. 1. М., 1955. С. 288—289).

24 *...портрет Елизаветы Алексеевны... еще хороша.*— Имеется в виду портрет имп. Елизаветы Алексеевны, жены Александра I, сделанный в 1798 г. Луизой Виже-Лебрен по заказу ее матери, маркграфини Баденской (*Ровинский.* т. 2. СПб., 1887. С. 914). Воспроизведен в кн.: *Nolhac A.* Madame Vigée Le Brun. P., 1912. P. 198.

25 *...ему суждено было царствовать... условия... с прусским королем?*— В 1818 г., когда родился вел. кн. Александр Николаевич, его родители не знали о готовящемся отречении Константина от престола. Но в 1819 г., еще до женитьбы Константина на гр. Грудзинской (получившей титул гр. Лович), во время маневров в Красном селе Александр I уже сообщил Николаю о назначении его наследником престола. Однако мысль о судьбе новорожденного великого князя при бездетных Александре и Константине была естественной у его родителей. Приведенные Смирновой слова Александры Фёдоровны почти дословно совпадают с соответствующим текстом ее воспоминаний: «...я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо будет со временем императором» (цит. по: *Шильдер III.* Т. 1. С. 112). Эта мысль отразилась и в стихотворениях Жуковского и Рылеева, посвященных будущему Александру II. «Условие, заключенное с прусским королем», о котором Смирнова сообщает как об общеизвестном факте, не отразилось в опубликованной переписке русского и прусского двора в связи с браком Николая I и рождением его старшего сына.

26 *...благотворительностью матушки...*— Речь идет о благотворительных учреждениях, которые основала и активно занималась ими имп. Мария Федоровна. Ср. этот рассказ с аналогичным в «Автобиографических записках» Смирновой (наст. изд., с. 162).

27 *...письмах импер⟨атрицы⟩ Елизаветы к барону Черкасову...*— Смирнова говорит здесь не об имп. Елизавете Алексеевне, жене Александра I, как в предыдущем эпизоде, а об Екатерине II (Елизавета — описка Смирновой). Публикация их не отражена в библиографии. Дармштадтские принцессы — Вильгельмина, будущая жена Павла Петровича (под именем Натальи Алексеевны), и ее сестры. А. И. Черкасов встречал их с матерью в Ревеле.

28 *Я ему напомнила о Гоголе... Я думал, что это Соллогуба (NB).* — Речь идет о хлопотах по поводу назначения Гоголю государственного пособия. Инициатором этого был Жуковский, писавший Смирновой 4/16 января 1845 г.: «Вам бы надо о нем позаботиться у царя и царицы. Ему необходимо иметь что-нибудь верное в год. Сочинения ему мало приносят, и он в беспрестанной зависимости от завтрашнего дня. Подумайте об этом; вы лучше других можете характеризовать Гоголя с его настоящей, лучшей стороны» (*Жуковский.* Т. 4. С. 643—644). Смирнова еще до этого предлагала Гоголю взаймы нужную ему сумму, и в письме к ней от 24 декабря 1844 г. он отвечал: «Мне нужно будет от трех до шести тысяч в будущем году» (*Гоголь.* Т. 12. С. 419). Поэтому Смирнова, Плетнев и Вяземский просили о назначении Гоголю «пенсиона» по тысяче рублей в год на 5 лет. Министр просвещения Уваров подал царю докладную записку, резолюция на которой гласила: «Пусть сам министр определит меру пособия, которого заслу-

живает». Уваров определил по тысяче рублей в год на 3 года (Литературный музеум, кн. 1. Пб., 1922. С. 69—75, 358—359).

27 марта 1845 г. Смирнова послала Гоголю через Жуковского официальное письмо Уварова о назначении царем этой суммы и писала Жуковскому: «Заставьте, пожалуйста, Гоголя написать Уварову или сделать то, что следует, по вашему мнению» (РА. 1902. № 5. С. 114). Из ответа Жуковского ясно, что кроме этой суммы Гоголь получил еще такую же «от великого князя», вероятно — от наследника (РА, 1871, № 11, Ст. 1860). Таким образом общая сумма составила 6 тысяч руб. Гоголь послушался совета Смирновой и написал Уварову (*Гоголь*. Т. 12. С. 483—485). Письмо это, скоро ставшее известным, было воспринято мыслящими современниками с глубоким огорчением. На него обрушился не только Белинский в своем знаменитом письме к Гоголю, но, например, и Никитенко, которому рассказал о письме Гоголя сам Уваров («Печальное самоуничижение со стороны Гоголя. Ведь это написал человек, взявший на себя роль обличителя наших общественных язв...» — *Никитенко А. В.* Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 292).

Характерен значок NB, поставленный Смирновой при высказывании Николая I, при всем ее пиетете по отношению к нему, ее поразило незнание «Мертвых душ». В июне 1845 г. она писала Гоголю: «Кстати о книгах: „Тарантас", повесть В. А. Соллогуба, очень понравился государю, он очень часто о нем говорил» (РС, 1890, № 6, с. 642).

[29] *«Le Juif errant»* — «Вечный жид», роман Э. Сю, вышел в свет в Париже в 1844 г.

[30] *...К⟨онстантин⟩ Николаевич помешался на Константинополе...*— Вел. кн. Константин Николаевич, которому в 1845 г. исполнилось 18 лет, совершил тогда поездку по Европе и в Турцию.

[31] *Поутру вся царская фамилия... мы там врали.*— Панихиду по Павлу Петровичу царская семья служила ежегодно в день его убийства; Макс — герцог Максимилиан Лейхтенбергский, муж вел. кн. Марии Николаевны.

[32] *Воронцова взялась за роль Virginie.*— Речь идет о живых картинах по роману Ж. А. Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Виргиния» (опубл. 1793). Роман был очень популярным руссоистским произведением, воспевавшим любовь юных и чистых существ, нетронутых цивилизацией. Саркастическое замечание Смирновой о Е. К. Воронцовой в роли Виргинии демонстрирует общее отношение Смирновой к ней.

[33] *Наша Тютчева...*— Вторая жена Ф. И. Тютчева, Эрнестина Федоровна. Его дочь Анна, впоследствии фрейлина, до 1847 г. не была в Петербурге (воспитывалась за границей).

[34] *...сидеть возле фельдмаршала.*— Имеется в виду И. Ф. Паскевич.

[35] *...теперь все смирно... душонки Нессельрода.*— Аресты, упомянутые Паскевичем, были связаны с полученными им от предателей известиями о подготовке восстания в Польше крестьянским конспиративным союзом во главе с П. Сцегенным. Меры, принятые властями, предотвратили восстание. Познанские движения и движения в Богемии, о которых далее говорит Смирнова,— национально-освободительные движения в Чехии и Познанском великом княжестве, образованном на польских землях, отошедших к Пруссии по Венскому трактату 1815 г. В 1848 г. Познань стала центром национально-освободительного восстания против Пруссии, потерпевшего поражение. «Застенчивой и трусливой душонки Нессельрода» — слово «застенчивый» употреблено по ассоциации с вероятно рассказанным Вяземским Смирновой афоризмом А. П. Ермолова («У Ермолова спрашивали об одном генерале, каков он в сражении. «Застенчив»,— отвечал он».— *Вяземский П. А.* Старая зап. книжка.— Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 54).

[36] *«Roudolstadt»... «Consuelo»...*— Разговор шел о недавно появившихся романах Жорж Санд «Консуэло» (1842—1843) и «Графиня Рудольштадтская» (1843—1844).

[37] *Он сообщил мне историю...— предчувствиями для России.*— Рассказ Тютчева о предсказании Ленорман повторен в мемуарах Смирновой не раз. Ср. с передачей его в «Автобиографических записках» (наст. изд., с. 140 и 288).

[38] *Муравьев А. Н.*— Имеется в виду Андрей Николаевич Муравьев, чиновник Синода, духовный писатель.

[39] *...траура по в⟨еликой⟩ к⟨нягине⟩ Александре Ник⟨олаевне⟩.*— Младшая дочь Николая I, жена (с 1843 г.) принца Фридриха Гессен-Кассельского, умерла 29 июля 1844 г.

[40] *...Ромберг дирижировал.*— О концертах Генриха Ромберга, дирижера Итальянской оперы в Петербурге, см.: «Сев. пчела», 6, 9, 10 марта 1845 г.

[41] *Захаржевская* — имеется в виду Елизавета Донец-Захаржевская, фрейлина.

[42] *Государь приказал ему заняться с Гоголем... ничего такого не сделал.*— Об этом

разговоре с Орловым по поводу пенсиона Гоголю см. примеч. 38 к ‹Воспоминаниям о Н. В. Гоголе›.

[43] *Им сядь и выведи... года.*— Парафраза из сатиры И. И. Дмитриева «Чужой толк» (1794).

[44] *Во дворце читали с жадностью...*— Роман Эжена Сю «Парижские тайны» вышел в свет в 1842 г., русский перевод: М., 1845. Эпизод, о котором упоминает Смирнова, вероятно сцена, когда открывается тайна происхождения молодой героини романа, а мать ее, повинная в жестокой судьбе дочери, умирает на ее глазах. Название эпизода, приведенное Смирновой, не находит объяснения в тексте романа.

[45] *Братья Мюллеры давали концерт...*— Струнный квартет братьев Мюллеров, придворный квартет герцогов Брауншвейгских, существовал с 1831 по 1855 г., гастролируя во многих европейских странах. Об их концерте в Петербурге см.: «Сев. пчела», 14 марта 1845 г. Смирнова вспоминает о них и в своих «Автобиографических записках» (наст. изд., с. 185).

[46] *Г-жа Виардо тоже говорила мне...*— Запись эта свидетельствует о личном знакомстве Смирновой с П. Виардо, о чем она не упоминает в своих мемуарах. Письма ее показывают, что она невысоко ценила талант Виардо (возмущалась, в частности, ценными подарками, которые ей делали).

[47] *...была у меня А. В. Сенявина...*— Муж А. В. Сенявиной, Иван Григорьевич Сенявин, товарищ министра внутренних дел. О голоде в Псковской губернии см.: «Сев. пчела», 13 и 28 марта 1845 г.

[48] *...Шевырева... зашикали... Грановского.*— 21 февраля 1845 г. Грановский защищал магистерскую диссертацию «Волин, Иомсбург и Винета», доказывая, что славянский город Винета никогда не существовал. «Это было публичным и торжественным поражением славянофилов и публичной овацией Грановского ‹...›. Сверх дерзости в выражениях, гнусные проделки Шевырева, Бодянского и других были известны всей публике, на них смотрели с омерзением» (запись в дневнике Герцена от 23 марта 1845 г.— *Герцен.* Т. 2. С. 409).

[49] *Я писала по оказии Жуковскому...*— Письмо Смирновой Жуковскому от 16 марта 1845 г. см.: РА, 1902, № 5, с. 111—112.

[50] *...долг на имении tante militaire.*— В примечании к первой публикации дневника А. О. Смирновой в «Русском архиве» (1882, № 1, с. 207—219, под заглавием «Из записок дамы») П. И. Бартенев так объяснил это: «Tante Militaire» — так звали тетку князя П. М. Волконского, рожд. Мельгунову, которая отдала ему свое имение» (с. 216).

[51] *Князь...*— Александр Иванович Чернышев, военный министр, председатель Государственного Совета.

[52] *...один из братьев Варгиных... в обороте.*— В. В. Варгин, купец и фабрикант — миллионер, был поставщиком русской армии с 1812 до 1827 г. Вступивший в этом году в должность военного министра А. И. Чернышев начал формальное преследование Варгина, в результате которого он был отстранен от дел и более чем год находился в тюрьме, а его имущество описано. А. А. Суворов пытался защитить Варгина, но безуспешно (см. о Варгине: *Лясковский В.* В. В. Варгин // РА. 1882. № 2).

[53] *...какова была Наталья Алексеевна... переписку жены с Андреем Кирилловичем...*— Этот рассказ Рибопьера повторен Смирновой в мемуарах (наст. изд., с. 133, 494).

[54] *...царствовала и распутствовала Каролина...*— О неаполитанской королеве Каролине-Марии и ее первом министре Актоне см. более подробные рассказы Смирновой в «Автобиографических записках» (наст. изд. с. 80, 258—259).

[55] *...о подлости Михайловского-Данилевского.*— Имеется в виду военный историк А. И. Михайловский-Данилевский, автор «Описания Отечественной войны в 1812 году» (1839), «Описания войны 1813 года» (1840) и других трудов по военной истории России первой четверти XIX в. В «Старой записной книжке» П. А. Вяземского приведено другое, близкое по смыслу высказывание Остен-Сакена: «Какое несчастие пошло у нас на баснописцев,— говорил граф Сакен.— давно ли мы лишились Крылова, а вот теперь умирает Данилевский» (Указ. соч. С. 88). С. Г. Волконский приводит еще один его отзыв: «...про него сказал фельдмаршал Сакен: лакей — при чтении им „Истории кампании 12-го года“» (*Волконский С. Г.* Записки. СПб., 1902. С. 329). Сакен — генерал-фельдмаршал гр. Ф. В. Остен-Сакен. В его архиве, хранящемся в ЦГВИА СССР (ф. 218), нет рукописи его записок, неизвестны они и в печати. В «Русской старине» среди «Историче-

ских рассказов и анекдотов» есть такой: «Сказывают, но вряд ли справедливо, что Сакен вел на немецком языке журнал всей своей долголетней службы и что в этом журнале написаны по-русски только следующие слова: „Данилевский, подлый холоп фанфарона Чернышева"» (1879, № 2, С. 232). О приспособлении Михайловского-Данилевского в работе над «Описанием Отечественной войны в 1812 году» к политическим и идеологическим задачам царизма и к личным требованиям Николая I, об отношениях его в этой связи с А. И. Чернышевым см.: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 202—207.

[56] *...подошел ко мне князь Меншиков.*— Александр Сергеевич Меншиков, морской министр. Известно множество его остроумных замечаний. Немало острот Меншикова зафиксировано в записных книжках П. А. Вяземского (см., напр.: Старая записная книжка. С. 149—151, 265).

[57] *Петр Иванович ... много видел.*— П. И. Полетика, чиновник Коллегии иностранных дел, член «Арзамаса», с 1817 г. был посланником в Филадельфии, с 1830-х годов принадлежал к дружескому кругу Смирновой.

[58] *...о статье, написанной Тьером... рукопись должна быть во Франции.*— В 1845 г. вышел в свет 2-й том «Истории консульства и империи» Тьера, где история убийства Павла I изложена почти в полном соответствии с Записками Ланжерона (*Thiers L. A.* Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1845. T. 2. P. 422—435), которые явились основным источником освещения этих событий. Мемуары Ланжерона основаны на рассказах участников заговора Палена и Беннигсена, записанных им вскоре после удаления их Александром I из Петербурга (на русском языке записки впервые напечатаны в кн.: Цареубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1907. С. 129—154). Подробности заговора оставались, таким образом, «совершенно изустными» в России еще более шестидесяти лет после этой записи Смирновой. *А. А. Жеребцов* — муж О. А. Жеребцовой, сестры участников заговора братьев Зубовых; *Д. Н. Бологовской* — в 1801 г. поручик л.-гв. Измайловского полка, также участник заговора.

[59] *Болховской тоже этим хвастал... раскаяться.*— Участник заговора против Павла I в 1801 г. Д. Н. Бологовской (Болховской) был упомянут Герценом в 4-й части «Былого и дум», напечатанной в I кн. «Полярной звезды» в 1855 г. В письме к Герцену по поводу этой публикации декабрист И. Д. Якушкин писал, указывая на неточность сведений о Бологовском: «Дмитрий Николаевич Болговской, участвовавший в заговоре 11 марта, служил в Измайловском полку, а не в Семеновском, был отставлен по вступлении на престол императора Александра и только в 12-м году получил позволение вступить опять в службу» (*Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 178).

[60] *Уваров тут поступил благородно...*— Об истинной ситуации с «благородством» Уварова см. примеч. 28.

[61] *...депеши Бутенева из Рима... Ламбрускини.*— О переговорах русских дипломатов с кардиналом Ламбрускини, готовивших свидание Николая I с папой, см. примеч. 3.

[62] *После последнего указа о рекрутском наборе... бессрочные отпускные зачем у вас?*— 3 февраля 1845 г. был издан манифест о «пятом частном очередном рекрутском наборе с губерний восточной полосы империи», предписывающий представлять семь рекрутов с каждой тысячи душ сверх обычного очередного набора. Мотивировка: необходимость «покорения горских племен» (ПСЗ, т. 20, отд. 1, № 18695). Сопротивление помещиков, о котором рассказали Смирновой, повлекло за собой два дополнительных сенатских указа: от 19 февраля о мерах облегчения способов к сбору рекрут с государственных крестьян восточной полосы, а затем, 21 февраля, указ, распространивший эти «меры облегчения» на все сословия (там же, № 18754 и 18768). В реплике о бессрочных отпускных имелся в виду указ 1834 г., по которому солдаты должны были служить 20 лет, а затем еще 5, не находясь уже на службе, числиться в отпуске. Только после этого наступал бессрочный отпуск (*Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 77).

ВОСПОМИНАНИЯ О ЖУКОВСКОМ И ПУШКИНЕ

Впервые: РА, 1871, № 11; перепечатка: *Смирнова*, 1929.

Автограф неизвестен.

[1] *Кроме приведенных мною писем Жуковского...*— Воспоминания дополняли предоставленные А. О. Смирновой Бартеневу и опубликованные одновременно пять писем Жу-

ковского к ней (9/21 октября 1840, 4/16 января, апрель, 13/25 октября 1845, 19 февраля/ 3 марта 1847 г.). Еще 10 писем предоставила Бартеневу О. Н. Смирнова (РА, 1883, № 2). Но среди них не «куча записок» из Эмса, а лишь две — 1843 и 1844 гг., остальные письма — два 1836 г., два 1846 г., одно 1847 г. и три шуточных без даты.

[2] *На этот публичный экзамен... их сочинения.*— О выпускном экзамене в Екатерининском институте ср. в «Автобиографических записках» (наст. изд., с. 336). К числу вымыслов О. Н. Смирновой относится утверждение, будто ее мать читала на выпускном экзамене стихотворение Пушкина «Фонтан любви, фонтан живой» («Записки А. О. Смирновой». Изд. «Северного вестника». СПб., 1895. Ч. 1. С. 18), что решительно опровергается подлинными мемуарами А. О. Смирновой.

[3] *...я Жуковского не помню.*— Жуковский с 11 мая 1826 по октябрь 1827 г. находился за границей (Письма Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 222).

[4] *...Жуковский... при своем царственном питомце...*— Жуковский в 1825 г. был назначен воспитателем вел. кн. Александра Николаевича.

[5] *По возвращении государя из Турции...*— Имеется в виду возвращение Николая I 14 октября 1828 г. с театра военных действий во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

[6] *Стихи его на кончину императрицы...*— «Чувства пред гробом государыни императрицы Марии Федоровны в ночи накануне погребения тела ее величества». СПб., 1828. Мария Федоровна умерла 24 октября 1828 г.

[7] *...он роздал 18000 рублей...*— К этим словам в публикации «Русского архива» П. И. Бартенев писал в примечании: «Перед женитьбою Жуковский говорил: «До сих пор я обращался со своим карманом как со свиньею, теперь надо о нем подумать». И все-таки устраивал дела свои, роздал несколько тысяч» (РА. 1871. № 11. Стлб. 1871).

[8] *...выкупить крепостного живописца... и послал их в Оренбург...*— Речь идет о выкупе Т. Г. Шевченко от помещика П. В. Энгельгардта в 1838 г. (называя Оренбург, Смирнова ошибается, имение его было в Киевской губернии. Оренбург вспомнился ей, вероятно, по ассоциации с последующим местом ссылки Шевченко). Как известно, для этой цели Брюлловым был написан портрет Жуковского, копия с него — учеником Брюллова Быковым, и оба полотна разыграны в лотерею: портрет Жуковского выиграла имп. Александра Федоровна (см.: Шевченко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 58). История с рисунками, связанная как раз с выкупом Шевченко, раскрывается в письмах Жуковского к Ю. Ф. Барановой (РС. 1902. № 4. С. 121—133). Смирнова, следовательно, изложила лишь часть относящихся к этому делу фактов.

[9] *...вся коллекция у меня.*— Речь идет об офортах В. А. Жуковского, в которых, во время поездки в родные места в 1837 г., он изобразил Мишенское, Белев и Тулу. 32 этих офорта хранятся в отделе графики Русского музея (см. *Корнилов П.* Офортные занятия В. А. Жуковского // Книга и графика (к 80-летию А. А. Сидорова). М., 1972. С. 204 и сл. Рисунки воспроизведены частично в кн.: Тульский край в рисунках В. А. Жуковского. Тула, 1978. С. 19—30.

[10] *Фридрих,* Каспар Давид (1774—1840), немецкий художник. Об этой картине его см.: *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. СПб., 1904. С. 264—265.

[11] *Land meiner seligsten...*— романс Вейрауха. Вейраух (Вайраух) Август Генрих, немецкий композитор, пианист и поэт, живший до 1840 г. в России (Рига, Петербург, Дерпт). Ему принадлежат циклы романсов на слова Гете, Шиллера и других немецких поэтов. Писал он романсы и на слова Жуковского.

[12] *О милый гость, святое прежде...*— Строфа из стихотворения Жуковского «Песня» («Минувших дней очарованье...», 1818).

[13] *...верность некоторым из них.*— Смирнова говорит о неоднократном заступничестве Жуковского перед царем за декабристов (попытки облегчить участь ссыльных декабристов во время поездки с наследником в Сибирь в 1837 г., хлопоты о разрешении печатать некоторые произведения Кюхельбекера и др.). Особенно активны были его действия в пользу Николая Тургенева, вызвавшие особенное неудовольствие Николая I (см. об этом: *Дубровин Н.* Василий Андреевич Жуковский и его отношение к декабристам // РС. 1902. № 4. С. 47—94).

[14] *Письмо Базарова о его кончине...*— Письмо священника православной церкви в Франкфурте и Штутгарте И. И. Базарова было напечатано в виде статьи «Последние дни жизни Жуковского» (см.: РА. 1869. № 1), отдельное издание: СПб., 1852.

[15] *...а ведь цензура не пропустит!* — Сказка при жизни Пушкина не печаталась.

В первой публикации (СО. 1840. № 5) — цензурная замена заглавия: «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде». О времени создания сказки см.: *Азадовский М., Томашевский Б.* О датировке «Сказки о попе и работнике его Балде» // П. Врем., Т. 2. С. 317—324.

[16] *...у меня сохранился один рисунок...* — В сохранившихся частях архива А. О. Смирновой (ГБЛ. Ф. 474; ЦГАЛИ. Ф. 485) нет рисунков Пушкина.

[17] *Все знают, что на лире... странствовать ушам.* — Стихотворение Д. И. Хвостова «Концерты в зале Д. Л. Нарышкина зимою 1828 г.» процитировано Смирновой неточно: в первой цитате пропущен третий стих: Соседство моря возносил. Во второй действительный текст таков: Там музыки высокой сладость / Вливает в душу в сердце радость / Голицыны и Пашков там / Мешают странствовать глазам. О Лисянских речь идет в другой строфе: Когда с Россини нежно стонут / Лисянские кого не тронут? (см.: Дамский журнал. 1829. № 10. С. 157—159).

[18] *...записки... герцогини д'Абрантес* — «Mémoires ou Souvenirs historiques sur Napoléon, la Révolution, le Dirèctoire, le Consulat, L'Empire et la Restauration. P., 1831—1835.

[19] В публикации РА, являющейся источником текста, стихотворное послание приведено неточно и с пропуском нескольких строк (после слов «В лапы меня ухватил»). Подлинный текст см.: *Жуковский.* Т. 1. С. 382—383. Пушкин писал Вяземскому 31.VIII.1831 по этому поводу: «У Жуковского зубы болят, он бранится с Россети; она выгоняет его из своей комнаты, а он пишет ей арзамасские извинения гекзаметрами» (*Пушкин.* Т. 14. С. 221).

Слова *«как мятежный поляк»* — ассоциация с польским восстанием 1830—1831 гг.

[20] *...у меня два брата на штурме Воли.* — В Варшаве был К. О. Россет. Его письмо к сестре от 28 августа 1831 г. о взятии Варшавы см.: РА. 1896. № 2. С. 284—285. Другой брат Смирновой, И. О. Россет, не участвовал в штурме Варшавы.

[21] *...не подумала объявить об этом Пушкину.* — В «Автобиографических записках» Смирнова иначе рассказывает о своей роли в информации Пушкина о взятии Варшавы (см. наст. изд., с. 284). Этот вариант лучше согласуется со смыслом приведенного ею далее письма Пушкина к ней.

[22] Надпись-письмо Пушкина на экземпляре брошюры приведено Смирновой по памяти и неточно. У Пушкина: «Quoique vous connaissiez déjà ces vers, comme je viens d'en envoyer un exemplaire à M-me la comtesse de Lambert, il est juste que vous en ayez un pareil.

От Вас узнал я плен Варшавы
. . . .
Вы были вестницею славы
И вдохновеньем для меня.

Vous aurez ce second vers dès que je vous l'aurai trouvé!» (*Пушкин.* Т. 14. С. 223). Автограф его ныне неизвестен, хотя хранился у Смирновой долго: в 1855 г. она показывала Я. П. Полонскому брошюру «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» (СПб., 1831), на обороте которой и написал Пушкин это письмо.

[23] Цитата из романа Шатобриана «Рене», излюбленная Пушкиным в 1830—1831 гг., в период сватовства и женитьбы (см. ее в письме к Н. И. Кривцову 10.II.1831 — *Пушкин.* Т. 14. С. 151; в «Евгении Онегине» — *Пушкин.* Т. 6. С. 192; «Рославлеве» — *Пушкин.* Т. 8. С. 154).

[24] *...принес мне альбом и сказал...* — День рождения Смирновой — 6 марта, стихотворение Пушкина в автографе датировано 18 марта. В альбоме Смирновой Пушкин вписал заглавие «Исторические записки А. О. С***» и рассматривал стихотворение как эпиграф, написанный от лица самой Смирновой (см.: Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 658—659). Ср. аналогичный, но, по-видимому, более точный рассказ в «Автобиографических записках» о том, что альбом подарен был Смирновой в день ее рождения С. Н. Карамзиной, «а Пушкин пришел и сказал, что я должна писать свои мемуары и, шутка, писать их в роде Сен-Симона» (см. наст. изд., с. 284) и еще один вариант (наст. изд., с. 492). Таким образом, в разные периоды жизни Смирнова рассказывала этот эпизод по-разному. В поздней надписи на самом альбоме Смирнова снова утверждает, что его подарил Пушкин: «Cet album m'a été donné par Pouschkine en 1832 avec les vers qu'il a écrit chez moi». (Рукою Пушкина. С. 659).

[25] *Тургенев... проспал до конца.* — Вяземский зафиксировал в своих Записных книжках аналогичный инцидент с А. И. Тургеневым при чтении Карамзиным глав из «Исто-

рии государства Российского»; Тургенев захрапел, а Карамзин продолжал читать: «Он знал Тургенева: дух бодр, а плоть немощна» (Старая записная книжка. С. 174).

[26] *О милых спутниках и т. д.* — Стихотворение Жуковского «Воспоминание» (1821):

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*,
Но с благодарностию: *были*.

ВОСПОМИНАНИЯ О ГОГОЛЕ

Впервые: РА. 1895. № 4; затем: *Смирнова*, 1929. С. 311—322.

Автограф: В альбоме, предназначенном для сына — ОПИ ГИМ, ф. 420 (Щукинское собрание). № 83/157.

[1] *...где... я познакомилась с... Гоголем, совершенно не помню.*— Смирнова неоднократно утверждала, что не помнит обстоятельств первого знакомства с Гоголем. Это нарушено лишь в одном из вариантов «Баденского романа» (наст. изд., с. 488). Но и там обстоятельства как бы нарочито запутаны. В действительности знакомство началось летом 1831 г. в Царском Селе (см. письмо Гоголя к Жуковскому от 10 сентября 1831 г. (*Гоголь*. Т. 10. С. 206) и наст. изд., с. 601.

[2] *В Испании он точно был.*— Факт пребывания Гоголя в Испании и Португалии не установлен и документально не подтвержден, хотя не только Смирнова, но и другие современники полагали, что это имело место. Так, К. С. Аксаков писал братьям 30 сентября 1839 г.: «Вообразите, что он был в Испании во время междоусобной войны (имеется в виду испанская революция 1834—1843 г., в ходе которой была дана конституция 18 июня 1837 г.— *С. Ж.*); в Лиссабоне также» (ЛН. Т. 58. С. 564). То же утверждал и В. И. Шенрок (о путешествии Гоголя в Барселону морем из Марселя между 15 июня и 21 июля 1837 г.); см.: Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 195—198. Издатель писем Андрея Карамзина, опираясь, возможно, на утверждение Смирновой, а может быть, на другой источник, тоже уверял в примечании, что Гоголь ездил в Испанию из Бадена в 1837 г. (Старина и новизна. М. 1916. Кн. 20. С. 94).

[3] *...господин высшего круга...* — Судя по «Автобиографическим запискам» (см. наст. изд., с. 519), это был Сергей Сергеевич Гагарин.

[4] *В июне месяце... просил даже не просить.*— Дата чтения Гоголем первых глав «Мертвых душ» в Бадене летом 1837 г., закрепленная в литературе на основании этого свидетельства Смирновой (см.: *Гоголь*. Т. 11. С. 14), уточнена на основании письма Андрея Карамзина матери от 18/6.VIII.1837 г.: «В понедельник обедал я у Смирновых с Гоголем, который принес читать нам новое, еще неоконченное сочинение: это длинный юмористический роман о России. Это лучше всего, до сих пор писанного им, но ничего другого не смею сказать, потому что он читал нам это sous le sceau du secret. И кстати запаслись мы этим чтением, которое задержало нас до позднего вечера, потому что на небе и в воздухе разыгралась такая чертовщина, что ни сказкой не сказать, ни пером не написать. Гром, дождь, вихрь! 〈...〉 умник Борх послал за почтовыми лошадьми!» (Старина и новизна. М., 1914. Кн. 27. С. 164). Понедельник приходился на 14/2 августа 1837 г. Об этом чтении см.: *Манн Ю. В.* В поисках живой души. «Мертвые души» — писатель, критика, читатель. М., 1984. С. 36—37. Упоминание о Борхе — Александре Михайловиче, камергере и дипломате, уточняет состав присутствовавших. Аналогичный рассказ Смирновой см. наст. изд., с. 518, а также у П. А. Кулиша (Т. 1. С. 209—210).

[5] *Мы приехали в Россию в 1838 году.*— В действительности — осенью 1837 г. (см. письмо Жуковского Вяземскому от 30 декабря 1837 г.: «Поблагодари мою милую Иосифовну за то, что приехала здоровая с запасом новой для всех нас жизни».— *Жуковский*. Т. 4. С. 634).

[6] *В 1841 году он вдруг явился ко мне...*— В 1841 г. Гоголь был в Петербурге в течение пяти дней, в начале октября (см. его письмо к Н. М. Языкову от 23 окт. 1841 — *Гоголь*. Т. 1. С. 350).

[7] *...получила от него письмо... Д. А. Дондукова...*— Первый том «Мертвых душ» поступил в Московский цензурный комитет не весной, а в декабре 1841 г. (12 декабря комитет поручил рассмотрение цензору И. М. Снегиреву). Однако вскоре Гоголю

стало известно недоброжелательное отношение к его произведению Д. П. Голохвастова, заменявшего в этот момент попечителя Московского учебного округа. Не дожидаясь заключения Снегирева, Гоголь забрал рукопись и отправил ее в Петербург с ехавшим туда Белинским. Подробности о позиции московской цензуры Гоголь изложил в письме к Плетневу от 7 янв. 1842 г. (*Гоголь.* Т. 12. С. 28—30). Тогда же он писал В. Ф. Одоевскому: «Я так устал после письма, только что конченного, к Александре Осиповне, что нет мочи. Но ты все узнаешь из письма к А. О., которое доставь ей сейчас же, отвези сам, вручи лично. Рукопись моя запрещена. Вы должны употребить все силы, чтобы доставить рукопись государю» (там же, с. 27). 23 января Плетнев писал Гроту: «Смирнова показала мне письмо Гоголя: одно к ней, другое к старому цензору «Ревизора» (т. е. царю.— *С. Ж.*). Последнее написано с большим чувством и полным достоинством. Мы условились передать его великой княгине Марии Николаевне для вручения по адресу» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 474). Оба упомянутые письма Гоголя неизвестны. Дондуков-Корсаков — М. А. (а не Д. А., как ошибочно у Смирновой) был попечителем Петербургского учебного округа, ведая, вследствие этого, и цензурою. Подробно о цензурной истории «Мертвых душ» см.: *Манн Ю. В.* Указ. соч. С. 110—117; *Воропаев В. В.* Три этюда о Гоголе // *Гоголь.* История и современность. М., 1985. С. 456—461.

[8] *Весною 42 года... приходил ко мне довольно часто...*— В 1842 г. Гоголь был в Петербурге очень недолго — с 23 мая по 4 июня.

[9] *...читал у Вяземского разговор двух дам.*— О чтении отрывков из «Мертвых душ» в доме Вяземского и «Женитьбы» у нее самой (см. далее) Смирнова сообщает неточно. Это могло происходить только во время приезда Гоголя в Петербург в конце мая — начале июня 1842 г. 5 июня 1842 г. Гоголь выехал за границу и более до 1848 г. в России не был.

[10] *...я поехала в Италию... приезжать в Рим.*— Об этих письмах Гоголя см. примеч. 5 к Воспоминаниям о Гоголе ‹в записи А. Н. Пыпина›.

[11] *St.-Beuve говорит...*— О статье Сент-Бева, посвященной встрече с Гоголем, см. примеч. 13 к ‹Воспоминаниям о Н. В. Гоголе›.

[12] *Nibuhr, Canina, Visconti* — «Römische Geschichte». В., 1811—1832. Bd. 1—4.— главный труд немецкого историка Б. Нибура; Л. Канина — итальянский археолог, главные труды его, о которых может идти речь: «Descrizione storica del Foro Romano» (Roma, 1834) и первые тома многотомного издания «Architectura antica (Roma, 1839—1846); Э. Висконти — итальянский археолог, историк искусства. Смирнова могла иметь в виду его труд «Iconografia romana» (Р., 1817).

[13] *...один Муратори понял.*— Речь идет, скорее всего, об известном труде Л. Муратори «Antiquitates Italiae medii aevi» (Milano, 1736).

[14] *...советуя мне прочесть Cantu...*— Вероятно, «Всеобщую историю» итальянского историка Ч. Канту (к этому времени вышли в свет только первые тома, посвященные как раз истории античности).

[15] *«Histoire universelle» Боссюэта* — французского писателя, историка и богослова XVII в. Ж. Б. Боссюэ.

[16] *...как писать историю.*— В статье «Мысли о географии» (1831) Гоголь излагал сходную мысль: «История изредка должна только озарять воспоминаниями географический мир их ‹...›. Но если воспитанник проходит в это время и историю, тогда ему необходимо показать область ее действия; тогда география сливается и составляет одно с историей» (*Гоголь.* Т. 8. С. 105).

ВОСПОМИНАНИЯ О ГОГОЛЕ
‹в записи А. Н. Пыпина›

Впервые, частично: *Смирнова,* 1929. С. 322—328. Автограф А. Н. Пыпина: ИРЛИ. № 3395. XVII б. № 26.

[1] *Он был в Константиноп‹оле›...*— Гоголь был в Константинополе на обратном пути из Иерусалима только 13—14 апреля 1848 г.

[2] *Был всю ночь болен.*— Об этой совместной поездке см. подробный рассказ в цикле «Баденский роман» (наст. изд., с. 524).

[3] *...тайного смысла «М⟨ертвых⟩ Д⟨уш⟩».*— Обещав в первом томе дальнейшее развитие своей поэмы, когда «в сей же самой повести почуются иные, еще доселе небранные струны, предстанет несметное богатство русского духа» (*Гоголь.* Т. 6. С. 223), Гоголь впоследствии не раз возвращался в письмах к друзьям к тайне русской жизни, которую намеревался раскрыть в последующих томах. 25 июля 1845 г. он писал Смирновой: «Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет Мертвых душ. Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последних томах...» (*Гоголь.* Т. 12. С. 504). Именно эти слова Гоголя имела в виду Смирнова, говоря с Пыпиным. Об этом же она писала в одном из своих писем: «Гоголь тщательно скрывал от других значение своей бессмертной поэмы и в то же время негодовал, что никто из читателей, и особенно из друзей, не догадался, что он замышлял сделать из своих «Мертвых душ», какое должно было быть влияние их на Россию. Он так и говорил: на Россию, на судьбу России, на развитие русского общества или на развитие русского человека» (РС. 1903. Кн. XII. С. 490).

[4] *Это почти начало 1844.*— О времени этих чтений Гоголем своих произведений см. выше примеч. 9 к «Воспоминаниям о Гоголе». Дата 1844 приписана Пыпиным карандашом. Скорее всего Смирнова не датировала чтение «Женитьбы» в своем рассказе, и приписка сделана после ее ответа на уточняющий вопрос Пыпина — ответа неверного, тем более, что вслед за этим она перешла к событиям 1843 г.

[5] *...получила письмо от Н. В. ...будете благодарны.*— Смирнова путает содержание двух писем Гоголя: письма от 29 ноября 1842 г., где сказано о больном Н. М. Языкове (Т. 12. С. 123) и письма от 17 декабря 1842 г., где говорилось: «Упросите себя ускорить приезд свой. Увидите, как сами себя обяжете. А обо мне я не говорю: вы должны сами чувствовать, что это светлый праздник души моей» (С. 132). В ⟨Воспоминаниях о Н. В. Гоголе⟩ (наст. изд., с. 45) она соединяет в одно цитаты из этих писем.

[6] *...посещали Фарнезину... виллу, построенную по рисункам Рафаэля.*— Вилла в затибрской части Рима, принадлежавшая с 1582 г. кардиналу Алессандро Фарнезе (откуда ее название). Выстроена ок. 1510 г., есть предположение, что Рафаэлем. В лоджии виллы — фрески «Амур и Психея», написанные по картонам Рафаэля его учениками.

[7] *...из Бадена получила... письмо шуточное...*— Письмо Гоголя из Бадена от 4 июля (н. ст.) 1843 г.: «Каша без масла гораздо вкуснее, чем Баден без вас. Кашу без масла все-таки можно как-нибудь есть хоть на голодные зубы, но Баден без вас просто нейдет в горло» (*Гоголь.* Т. 12. С. 203, 204).

[8] *Бетюнище* — княгиня Леони де Бетюн. О ней много рассказов во всех вариантах «Баденского романа» (см., напр., наст. изд., с. 302, 325—327).

[9] *Изв⟨естный⟩ русской пуб⟨лике⟩ князь Дол⟨горуков⟩* — Петр Владимирович Долгоруков, публицист, впоследствии политический эмигрант.

[10] *Я просила приех⟨ать⟩ в Ниццу.*— Гоголь приехал в Ниццу во второй половине ноября 1843 г. и прожил там до марта 1844 г. Это было временем наибольшего сближения между ним и А. О. Смирновой.

[11] *...семейству Соллогуб.*— Имеется в виду семья писателя В. А. Соллогуба: его жена Софья Михайловна, дочь М. Ю. Виельгорского и мать С. И. Соллогуб.

[12] *...принес мне рис⟨унок⟩ Иванова.*— Об акварели А. А. Иванова см. ⟨Воспоминания о Н. В. Гоголе⟩, наст. изд., с. 57 и примеч. 27.

[13] *...списал 14 п⟨сал⟩мов и заст⟨авлял⟩ учить наизусть...*— См. об этом примеч. 24 к ⟨Воспоминаниям о Н. В. Гоголе⟩.

[14] *В июне месяце во Франкф⟨урте⟩ я нашла Г⟨оголя⟩...*— В 1844 г. Гоголь жил во Франкфурте у Жуковского с апреля до июня, когда уехал в Остенде на морские купанья. Смирнова провела во Франкфурте две недели и уехала оттуда 20 июня (*Смирнова,* 1929. С. 95).

[15] *...он тогда б⟨ыл⟩ не в ладах с madame Жуковскою.*— Гоголь писал 24 декабря 1844 г.: «С Елис⟨аветой⟩ Евграфовной тоже ладим хорошо, и, что лучше всего, ни ей нет во мне большой потребности, ни мне в ней» (*Гоголь.* Т. 12. С. 420).

[16] *...пис⟨ал⟩ в Калугу и в 1847.*— За 1846—1847 гг. сохранилось 16 писем Гоголя к Смирновой (*Гоголь.* Т. 13, по указателю).

[17] *...соч⟨инение⟩ Храповицкого о хозяйстве.*— Возможно, речь идет о М. В. Храповицком, брате статс-секретаря Екатерины II; записка его по крестьянскому вопросу в связи с указом 1803 г. о вольных хлебопашцах была опубликована после смерти Гоголя

(в 1858 г.), но могла быть известна по спискам (см.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. 257, 258).

[18] *В 1848 г. ...явился Гоголь... Не видела до 1851 г.*— В 1848 г. Гоголь был в Петербурге вторую половину сентября и до 14 октября. Утверждение Смирновой, будто не виделась с ним потом до 1851 г., неверно и противоречит ее же другим воспоминаниям: она виделась с ним в Москве в июне 1849 г., в июле того же года он вместе с Л. И. Арнольди, братом Смирновой, гостил в ее имении Бегичево Медынского уезда Калужской губ., потом в Калуге (см.: *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 472—489). Заезжал он к Смирновой в Калугу и 16 июня 1850 г. по дороге на Украину.

[19] *...письмо с приглашением в Крым... запущенный дом.*— Гоголь действительно имел намерение из Одессы, где он провел зиму 1850/1851 г., переехать в Крым. 23 декабря 1850 г. он писал Смирновой: «Не прожить ли нам следующую зиму в Крыму? Ведь Крым отталкивает только тем, что нет людей... Мы ведь люди уже старые, что нам за рауты?» (*Гоголь.* Т. 14. С. 218). Однако поездка не состоялась, и осенью 1851 г. Гоголь отказался от этого плана (см. его письма к матери и А. С. Данилевскому.— Там же. С. 247, 248). *Вороново-Дряново* — персонаж второго тома «Мертвых душ». Замечание о посещении дома ⟨его прототипа?⟩ неясно.

[20] *«Никита и генерал-губ⟨ернатор⟩ разговарив⟨ают⟩».* — Одним из персонажей второго тома «Мертвых душ» должен был быть генерал-губернатор г. Тьфуславля. Отрывок о его разговоре с Никитой и видела Смирнова. Л. И. Арнольди рассказывает, как, будучи в Москве с сестрой у Гоголя летом 1849 г., «нескромно заглянул в толстую тетрадь, лежавшую на его письменном столе, и прочел только: «генерал-губернатор» (РВ. 1862. № 2. С. 62).

[21] *...нашла пошлой и скучной.*— Л. И. Арнольди утверждает, что вследствие болезни сестры чтение просто не состоялось (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 494).

[22] *Письмо к новому году.*— Имеется в виду последнее письмо Гоголя к Смирновой от первых чисел января 1852 г. (*Гоголь.* Т. 14. С. 267).

⟨ВОСПОМИНАНИЯ О Н. В. ГОГОЛЕ⟩

Впервые (с пропусками и ошибками): *Смирнова,* 1931. С. 271—311.
Автограф: ГБЛ. Ф. 474, 2.3.

[1] *...Жуковский говорил, что русская шутка... повторяется.*— Близкая мысль выражена в статье «О русских шутках», как доказал В. В. Виноградов, принадлежащей Вяземскому (см.: *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 399—403). Возможно, что Смирнова слышала ее не от Жуковского, а от Вяземского.

[2] *...там познакомился с Боткиным.*— Имеется в виду Николай Петрович Боткин.

[3] *...его спас приезд Боткина...*— Николай Петрович Боткин встретился с Гоголем в Вене в 1840 г. и ухаживал за ним во время его тяжелой болезни (см. письмо Гоголя к М. П. Погодину от 17 октября 1840 г.: *Гоголь.* Т. 11. С. 315).

[4] *...длинное письмо... князя Дундукова...*— Ср. с «Воспоминаниями о Гоголе» (наст. изд., с. 29) и примеч. 7 к ним.

[5] *«Мертвые души» вышли в свет toto quale...*— Как известно, цензура не пропустила «Повесть о капитане Копейкине», и Гоголю пришлось ее переделать; изменено было также название поэмы («Приключения Чичикова, или Мертвые души»).

[6] *...летали образы почище, поидеальнее... Чаграновой.*— Смирнова перечисляет здесь персонажей второго тома «Мертвых душ», известных ей по чтению Гоголем у нее в Калуге в 1849 г. не сохранившихся впоследствии его глав. О том, что в образе Чаграновой Смирнова узнала себя, говорит введенное ею в некоторые варианты «Автобиографических записок» заглавие: «Биография А. О. Чаграновой» (ГБЛ. Ф. 474. 1.9—15). Более подробные сведения о сюжете и персонажах читанных в Калуге глав второго тома содержатся в воспоминаниях Арнольди (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 483—487) и в пересказе Кулиша со слов Смирновой (*Кулиш.* Т. 2. С. 227). Смирнова, в частности, говорила последнему: «Нечего и говорить о том, что все читанное Гоголем было несравненно выше, нежели в оставшемся брульоне. В нем очень много недостает даже в тех сценах, которые остались без перерывов». Если Кулиш верно передал эти и следую-

щие далее слова Смирновой о недостающем, то это доказывает знакомство ее с опубликованными в 1855 г. главами, найденными после смерти Гоголя С. П. Шевыревым (именно их она назвала брульоном). Но беседы Смирновой с Кулишом происходили 18—27 декабря 1854 г., более чем за полгода до издания (Письма П. А. Кулиша к С. Т. Аксакову // ГБЛ. Ф. 3. Разд. II Карт. 2. Ед. хр. 38). Очевидно, таким образом, что она читала найденные главы в рукописи. Шевырев еще в мае 1852 г. сообщал Погодину: «Бумаги открыли. Нашлись Объяснение на Литургию и 4 главы черновые 2-го тома «Мертвых душ» (*Гоголь*. История и современность. М., 1985. С. 486).

[7] *...прочесть новую его комедию «Женитьба».*—«Новую комедию» означает здесь: только что впервые напечатанную (Сочинения Николая Гоголя. СПб., 1842. Т. 4), написана она была гораздо раньше. Об этом чтении см. примеч. 9 к «Воспоминаниям о Гоголе». Однако Тютчева в 1842 г. в России не было, поэтому упоминание его в числе слушателей ошибочно. Он приехал в Петербург только в августе 1843 г. (см. его письмо к жене от 28 августа 1843 г.: Сочинения. М., 1884. Т. 2. С. 88).

[8] *«Там занимаются делом...»* — Скрытая цитата из Пушкина: «Так в ненастные дни занимались они делом...»

[9] ...*«il generale»* Перовского.— Имеется в виду Василий Алексеевич Перовский.

[10] *...я поехала на крошечном пароходе французской компании.*— Ср. рассказ об этой морской поездке в «Автобиографических записках» (наст. изд., с. 295—296).

[11] *В Остии, описанной... Плинием Меньшим.*— Плиний Младший описывает Остию в своем письме о вилле Лаврентинум, расположенной близ нее (Письма Плиния Младшего. М., 1982. С. 36—39). Смирнова читала Плиния в 1846 г. и неоднократно вспоминала о нем в мемуарах. Она писала о нем Гоголю, заключая: «древность классическая проста, правильна и не переносит за границы невозможностей в добродетели» (письмо от 14 мая 1846 г.— PC. 1890. № 7. С. 212).

[12] *Надежда Николаевна вышла ко мне...*— Дочь Смирновой Надя, в то время трех лет. Гоголь писал Смирновой 4 июля 1843 г. из Бадена: «Чтобы отвести душу, я захожу иногда к Надежде Николаевне. Здесь только, в разговоре с нею о старине, находим мы некоторое наслаждение 〈...〉 Встреча наша была радостна необыкновенно. Крик был с обеих сторон; поцеловались мы весьма крепко. Потом она, уже отошедши от меня, вдруг вспомнила, что еще не все, и подбежала к руке. Я заметил в ней перемену, она похорошела, вышла ко мне завитая и, кажется, будет со временем, хоча и не кокетка, но модница и щеголиха» (*Гоголь*. Т. 12. С. 204).

[13] *St.-Beuve встретил его на пароходе...*— Встреча Гоголя с французским поэтом и критиком Сент-Бевом состоялась в июне 1839 г. Сент-Бев писал: «При этом случае разговор его, полный силы, отличающийся точностью и богатством наблюдений над нравами и фактами действительной жизни, дал мне возможность схватить на лету, предвкусить, так сказать, всю оригинальность и реализм его сочинений». Статья Сент-Бева, рецензия на вышедший французский перевод произведений Гоголя, осуществленный Луи Виардо, напечатана в «Revue des deux Mondes» (1845, декабрь, с. 883—889; русский перевод: *Урусов А. И.* Статьи его, письма его, воспоминания о нем. М., 1907. Т. 1. С. 292).

[14] *Nybby, Canina, Piranesi лежали на нашем столе...*— Труды итальянского археолога Нибби, архитектора и археолога Канины, четырехтомное собрание гравюр Д. Пиранези «Antiquita romane» (1766—1784). Смирнова писала Вяземскому из Рима 18/30 янв. 1843 г.: «Гоголь лучше покойника Нибби и его замещающего Висконти; лишнего не говорит и не показывает, оставляя впечатления совершенно свободными» (ЛН. Т. 58. С. 648).

[15] *...Cantu «Историю республики»...*— У итальянского историка Чезаре Канту такого труда нет; Смирнова ошибается в названии.

[16] *...к〈нягиня〉 Белосельская в Риме...*— Имеется в виду кн. З. А. Волконская (рожд. кн. Белосельская-Белозерская).

[17] *У Аленки лицо покривилось...*— Об отношении Смирновой к вел. кн. Елене Павловне см. в «Автобиографических записках» (с. 320—321, 332—333, 365 и др.) и в статье (с. 584).

[18] *Гоголь к нему поехал в Карлсруэ...*— О встрече Гоголя с Мицкевичем в 1843 г. в Карлсруэ см. также у Кулиша (*Кулиш*, т. II. С. 4—5).

[19] *Этот смехотвор чуть не утонул в Муре...*— 23.VIII./4. IX. 1843 г. Жуковский писал Смирновой: «Какая досада, что Тургенев попал в воду; если бы он тотчас попал ко

мне, то застал бы меня, и мы успели бы вместе пожить дня три в Дюссельдорфе. Надобно ж случиться таким непутным крестинам» (*Смирнова*, 1929, с. 345).

[20] *Монго Столыпин* — Алексей Аркадьевич Столыпин, родственник и друг М. Ю. Лермонтова.

[21] *Гурьев* — вероятно Н. Д. Гурьев, дипломат, сын министра финансов Д. Н. Гурьева, брат М. Д. Нессельроде.

[22] *...зная Пашу, я оценила его потерю.* — Речь идет о Прасковье Александровне Гендриковой (рожд. кн. Хилковой), бывшей фрейлине, на которой, по рассказу Смирновой в «Автобиографических записках», желал жениться вел. кн. Михаил Павлович (см. наст. изд., с. 474—475).

[23] *...Мих⟨аилом⟩ Мих⟨айловичем⟩ и Анной Мих⟨айловной⟩...* — Речь идет о сыне М. Ю. Виельгорского и его дочери.

[24] *Он написал мне 9-ть псалмов...* — Этот рассказ Смирновой подтверждается письмом к ней Гоголя от 4 июля 1846 г.: «Помните, как я потребовал от вас того один раз в Ницце? Так же, как прежде, гоня от себя всякую мысль, вы занялись послушно ученьем наизусть псалмов» (*Гоголь.* Т. 13. С. 83). Тот же совет он давал ей в письме от 27 октября 1845 г.: «Учите буквально наизусть, как школьник, те псалмы, которые я вам дал, и учитесь произносить их с силою, значением и выражением голоса, приличным всякому слову» (Т. 12, с. 528—529).

[25] *...у старухи графини Соллогуб... вздыхал он о бедной Софье Мих⟨айловне⟩...* — Соллогуб Софья Ивановна, мать В. А. и Л. А. Соллогубов. Софья Михайловна (рожд. Виельгорская), ее невестка, жена В. А. Соллогуба. Тяжелые отношения между супругами не раз обсуждались друзьями (эта тема затронута в ряде писем Смирновой).

[26] *...происшествие Jean Paul Richter у герцога Кобургского.* — О приключении с Жан Полем Рихтером у герцога Кобургского — анекдоте, любимом Жуковским, см. наст. изд., с. 454.

[27] *Я подарила эту акварель Иванова... в⟨еликой⟩ к⟨нягине⟩ Марии Николаевне...* — Речь идет об акварели А. А. Иванова (1838) «Жених, выбирающий кольцо своей невесте». Иванов исполнил тогда две такие акварели, одна из них хранится в Третьяковской галерее, другая в Русском музее. Первая из них была подарена художником Жуковскому во время его пребывания с наследником в Риме в конце 1838 — начале 1839 г. (см.: *Нерадовский П. И.* Акварели и рисунки А. А. Иванова // Материалы по русскому искусству. Л., 1928. Т. 1. С. 107; *Машковцев Н. Г.* Н. Гоголь в кругу художников. М., 1955. С. 100—101). История второй акварели в литературе не отражена. Возможно, что авторское повторение было сделано Ивановым для Гоголя. Судя по тому, что альбом, подаренный наследнику в Риме русскими художниками (о котором речь идет в тексте Смирновой), где была и акварель Иванова «Ave Maria», хранится теперь тоже в Русском музее, сведения Смирновой весьма вероятны.

[28] *У нее ведь альбом со стихами Пушкина...* — Об этом альбоме см. наст. изд., с. 284 и примеч. 44, 52 к основному тексту «Баденского романа».

[29] *...Лермонтов вам писал... и т. д.* — Стихотворение Лермонтова «А. О. Смирновой» («В простосердечии невежды...») (1840).

[30] *Петр Петр⟨ович⟩* — Смирнов, дядя Н. М. Смирнова.

[31] *...посетил известную гадальщицу Lenormand.* — Варианты этого рассказа см. в дневнике от 13 марта 1845 г., в «Воспоминаниях о детстве и молодости» и «Баденском романе» (наст. изд., с. 140, 288).

[32] *...карандаш, подаренный ему Лафатером.* — Этот же рассказ с некоторыми уточнениями см. в «Воспоминаниях о детстве и молодости» (наст. изд., с. 129, 130).

[33] *Зимой 40-го года Гоголь провел месяц... в Петербурге.* — Ошибка в датах: Гоголь был в Петербурге в октябре — ноябре 1839 г., 21 декабря приехал в Москву, а в мае уехал в Италию.

[34] *Плетнев мне рассказывал... упадет.* — Это же факт, относящийся к Крылову, записал Пушкин в «Table-talk» в несколько иной редакции (*Пушкин*, т. 12, с. 170).

[35] *...четыре брата Миллеры...* — Братья Мюллеры (см. о них в дневнике от 16 марта 1845 г. и примеч. 45 к нему).

[36] *Каролина Ивановна* — Витич, экономка родственников Смирновой кн. Цициановых.

[37] *Жуковскому... помогал ему в «Илиаде».* — Все эти сведения неверны. Как известно, Жуковский работал в это время над переводом «Одиссеи» (отрывки из «Илиады»

он перевел и опубликовал еще в 1829 г.). Гоголь, не зная греческого языка, не мог помогать Жуковскому. Пытаясь освоить Гомера, он просил Жуковского прислать ему латинский перевод «Одиссеи» (см. об этом: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах. М.— Л., 1964. С. 351—352).

[38] *Вас⟨илий⟩ Андр⟨еевич⟩.. навсегда в разладе.*— Изложенная здесь история хлопот Смирновой о назначении денежного пособия Гоголю хорошо корректируется ее перепиской с Жуковским. Последний писал ей о Гоголе 4/16 января 1845 г.: «Вам бы надо о нем позаботиться у царя и царицы. Ему необходимо иметь что-нибудь верное в год» (Жуковский, т. 4, с. 653). Из письма Смирновой Жуковскому от 16 марта 1845 г. явствует, что она сперва подала вел. кн. Марии Николаевне записку об этом («казенную штуку, составленную с помощью П. А. Плетнева»), которую та взялась представить Николаю I. Когда же Мария Николаевна заболела, «дело казалось забытым». Тогда Смирнова сама обратилась к царю, прося «постоянного пособия в виде пенсиона. «Единовременно, да,— был ответ,— но не пенсию: он еще ничего не сделал такого, что заслуживает пенсии». Когда же Мария Николаевна отдала все же записку царю, к Смирновой на концерте во дворце подошел Орлов «нельзя сказать, чтобы с приятным обхождением и весьма без улыбки, и сказал: «Жуковский вам писал о Гоголе, надобно подать мне записку; ведь он молод и ничего такого не сделал...» Вы понимаете, что я на это ничего не отвечала, а только просила убедительно, выставляя расстроенное здоровье и невозможность вылечиться и заняться делом без этой помощи» (РА. 1902. № 5. С. 111). См. также запись об этом в Дневнике Смирновой 11 марта 1845 г. (наст. изд., с. 11) и примеч. 28 к нему.

[39] *...как Аркадий Осипович лечится...*— Смирнова цитирует письмо Гоголя из Грефенберга от 11 сентября 1845 г. (*Гоголь*, т. 12. С. 515).

[40] *Надежда Ник⟨олаевна⟩ Шереметева умерла... душа в душу?* — Н. Н. Шереметева умерла 11 мая 1850 г. *Фонвизин* — Иван Александрович, член Союза благоденствия, брат декабриста М. А. Фонвизина.

[41] *Ведь он готовится в губернаторы...*— Анахронизм: Н. М. Смирнов был в это время уже пять лет губернатором в Калуге.

[42] *...неурядице в доме Пушкина... получили эти злополучные письма.*— Смирнова возвращается здесь к событиям зимы 1836/1837 г., о которых она знала по рассказам братьев. Перечень адресатов анонимных писем с пасквилем приведен Смирновой по памяти и неверно, хотя в то время она, несомненно, располагала совершенно точными сведениями, исходившими из карамзинского круга. Во всяком случае, ее муж Н. М. Смирнов, находившийся тогда, как и она, за границей, привел этот список почти точно, пропустив только М. Ю. Виельгорского (Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 277). Пасквиль получили: сам Пушкин, Вяземский, Карамзины, Виельгорский, В. А. Соллогуб, братья Россеты и Е. М. Хитрово.

[43] *Кого подозревать?* — Характерно, что в своем изложении преддуэльной истории Смирнова совершенно опустила роль Геккерна, хотя тут же далее высказалась по этому поводу вполне определенно. Сводку данных о подозрениях, павших в связи с пасквилем на П. В. Долгорукова и И. С. Гагарина, и основную библиографию вопроса см. в кн.: *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году. Л., 1984. С. 81—87, 193.

[44] *Громовое известие... огорчен.*— Известие о смерти Пушкина было сообщено Смирновой не Киселевым и не в театре. А. Н. Карамзин писал родным: «Сидя за столом у Смирновых, мне вручили ваше письмо, прочел, вскрикнул и сообщил Смирновым» (Старина и новизна. Кн. 17. С. 292).

[45] *...жил и умер в совершенном одиночестве в Голландии.*— Смирнова в 1877 г. ошибочно предполагала, что Геккерн умер. В действительности он пережил ее и умер в 1884 г.

[46] *«Вы можете сделать много добра... плодотворное добро».*— Среди писем Гоголя к Смирновой, посвященных ее положению жены генерал-губернатора и изобилующих советами и наставлениями, приведенного Смирновой текста нет. Возможно, это письмо не сохранилось.

[47] Стихотворение Мятлева «Рассказ о русской кампании». Подлинный текст:

Воеву, дескать, мадам,
Я сейчас расскажу вам,
Как мусье Наполеон
Из России выгнан вон

И как встретили мы друга
Ком са ла виль де Калуга

(*Мятлев И. П.* Стихотворения. Сенсации и замечания г-жи Курдюковой. Л., 1969. С. 167).

[48] *Владимир Яков⟨левич⟩ Ханыков...*— Ошибка в имени, в действительности Яков Владимирович.

[49] *...Faubourg St. Germain* — Сен-Жерменское предместье, аристократический район Парижа.

[50] *Я все это описала Гоголю...*— Имеются в виду письма Смирновой Гоголю от 16 декабря 1845 и 14 января 1846 г. В первом из них она писала, в частности: «В этом месяце узнала я более о России и человечестве вообще, чем во все мое пребывание во дворце. Там все раны прикрыты золотой парчой, здесь вся внутренняя сторона едва прикрыта лохмотьями» (PC. 1890. № 6. С. 654). В следующем письме: «Но все не видать Калуги. Да вы ее и не увидите, потому что я не умею никогда сделать очерка; в моей голове не усиживается ничего как-то в целости, а только отрывками» (там же, № 7, с. 196). Эта самооценка была не вполне справедлива: именно такой общий очерк, чрезвычайно желчный, содержится в письме Смирновой к С. М. Соллогуб от 11 декабря 1846 г. (копии писем Смирновой к ней, сделанные А. А. Андреевой,— в архиве Бальмонта.— ГБЛ. Ф. 374, 8.11; данное письмо — л. 86—92). Гоголь отвечал ей на письмо: «Меня теперь занимает Калуга и внутренность России, а потому не оставляйте меня извещеньем о всяком происшествии, как бы оно вам ничтожно не показалось» (письмо от 4.III/20.II 1847 г.— *Гоголь*, т. 13, с. 42).

[51] *Весной он выехал из Москвы с Левой и Клемой.*— Речь идет не о весне 1846 г., как можно заключить из контекста воспоминаний, а о лете 1849 г., когда Гоголь и Л. И. Арнольди провели июль в имении Смирновых Бегичево Медынского уезда Калужской губ.

[52] *Там он встречал... дружбой самой тесной.*— Об истории знакомства Гоголя с Щепкиным см. рассказ в «Баденском романе» (наст. изд., с. 348) и примеч. 105 к нему.

[53] *Хомякова я и прежде знала...*— О знакомстве Смирновой с Хомяковым, его стихотворении, помещенном здесь, см. в «Автобиографических записках» (наст. изд., с. 339) и примеч. 85 к основному тексту «Баденского романа».

[54] *Он прочел нам первую главу второго тома «Мертвых душ»...*— Об этом чтении см. выше, примеч. 6 и статью (наст. изд., с. 608—609). По сравнению с воспоминаниями Л. И. Арнольди о нем, этот вариант воспоминаний Смирновой уточняет состав слушателей: в их числе был А. К. Толстой.

[55] *Матвей Алек⟨сандрович⟩* — протоиерей Константиновский, оказавший значительное влияние на Гоголя в последние годы его жизни.

[56] *После этого настали предсмертные.*— О предсмертной болезни и смерти Гоголя см. подробные воспоминания врача А. Т. Тарасенкова, лечившего и наблюдавшего Гоголя в эти последние дни: Гоголь в воспоминаниях современников. С. 511—525.

[57] *...молодой Валуев... в журнале «Беседа».*— Имеется в виду Д. А. Валуев, умерший в возрасте 25 лет в 1845 г. В годы его деятельности ни журнала «Беседа», ни «Русская беседа» (выходивших позднее) не было. Трудно сказать, что конкретно имела в виду Смирнова — очевидно, какая-то ассоциация с славянофильскими тенденциями рано умершего Валуева.

[58] *Переписка с ним вся в порядке и сохранности.*— Значение писем Гоголя, как и Жуковского, Смирнова понимала хорошо. Еще в 1846 г. она писала Жуковскому, упрекая в небрежности к его автографам С. Н. Карамзину: «У меня все они собраны, сложены и перевязаны ленточкой, и со временем ими будут даже торговать» (РА. 1902. № 5. С. 118). Выписки, сделанные Кулишом, помещены в его книге «Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем». СПб., 1856.

[59] *...Гоголь жил у Репниных в Одессе.*— Имеется в виду семья Репниных-Волконских — Варвара Алексеевна, рожд. гр. Разумовская, вдова Н. Г. Репнина-Волконского, малороссийского генерал-губернатора, ее сын Василий Николаевич, дочь Варвара Николаевна и невестка Елизавета Петровна, рожд. Балабина, бывшая ученица Гоголя. Когда Гоголь зимой 1850/1851 г. жил в Одессе у А. А. Трощинского, у Репниных ему была отведена отдельная комната для работы.

[60] *Выписываю его письмо малоизвестное...*— Письмо это было переписано Смирновой тогда же в альбом, куда она потом вписывала фрагменты своих мемуаров. Опубликовано: *Жуковский*, т. 4, с. 674—675 (впервые полностью: *Плетнев П. А.* Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. 3).

[61] *...полиция была вся на ногах...*— Опасаясь превращения похорон Гоголя в политическую манифестацию, власти предприняли предупредительные меры, а на отпевание прибыл сам ген.-губ. А. А. Закревский. См. об этом его донесение А. Ф. Орлову (Красный архив, 1925. Т. 2. С. 301).

[62] *Тургенев в Петербурге напечатал... статейку...*— Статья И. С. Тургенева «Письмо из Петербурга» была напечатана не в Петербурге, где цензор отказался ее пропустить, а в «Московских ведомостях» (№ 32 от 13 марта 1852). По личному распоряжению царя Тургенев был посажен на месяц под арест, а затем отправлен на жительство в деревню. «Хотели заглушить все, что говорилось по поводу смерти Гоголя,— и кстати обрадовались случаю подвергнуть вместе с тем запрещению и мою литературную деятельность,— писал Тургенев 1/13 мая 1852 г. Луи и Полине Виардо (Полн. собр. соч. и писем: В 28 томах. Письма. М.; Л., Т. 2. 1961. С. 55). Об истории этой статьи Тургенева и последовавших репрессий см.: *Лемке М. К.* Арест и высылка И. С. Тургенева // РМ. 1906. Кн. 2. С. 18.

[63] *В этом уединении он написал свои лучшие повести...*— Перечисляя произведения Тургенева, написанные в Спасском-Лутовинове, Смирнова ошибочно включает в их число «Гамлет Щигровского уезда», напечатанный в 1849 г. в «Современнике», кн. 2.

[64] *Тургенев был у Гоголя в Москве...*— Сам Тургенев так вспоминал об этой встрече: «Он говорил о значении литературы, о призвании писателя, о том, как следует относиться к собственным произведениям, высказал несколько тонких и верных замечаний о самом процессе работы, о самой, если можно так выразиться, физиологии сочинительства» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 533).

[65] *В 48-м году печатался роман Достоевского «Макар Девушкин»...*— Смирнова имеет в виду роман Достоевского «Бедные люди», впервые напечатанный в «Петербургском сборнике, изданном Н. Некрасовым» в 1846 г., а отдельным изданием вышедший в 1847 г.

[66] *...читал с восторгом Палласа... Галлена.*— Смирнова имеет в виду «Описание растений Российского государства, с их изображениями» (СПб., 1736) П. С. Палласа. Ошибаясь в фамилии, Смирнова упоминает также Альбрехта Галлера, немецкого естествоиспытателя, основателя Ботанического сада в Геттингенском университете, автора трудов по медицине и ботанике, в частности — «Bibliotheca botanica» (Zürich, 1771—1772).

[67] *...вскричал Joinville.*— Скорее всего имеется в виду французский хронист, историк Жан Жуанвиль (ок. 1224—1317 или 1319), сочинения которого не раз издавались в XIX в.

[68] Ассоциация с произведениями Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

[69] *...в «Тарасе Бульбе»...*— у Гоголя: «...темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летели по темному небу» (*Гоголь*, т. 2, с. 60).

[70] *Михаила Михайловича Сперанского... и полковника Арапупова.*— Это шуточное стихотворение было послано Вяземским в письме Жуковскому от 26 марта 1833 г. (часть строк рукою Вяземского, часть — Пушкина). Тексту в письме предшествовала фраза: «А не поговорить ли о словесности, то есть о поэзии, например, о нашей с Пушкиным и Мятлевым, который в этом случае был nôtre chef de l'école» (*Вяземский*, т. 3, с. 486, 487.)

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ И МОЛОДОСТИ

〈Основной текст〉

1881. Датируется по указанию на смерть Арк. О. Россета

Впервые (с пропусками и ошибками): Смирнова, 1931, с. 22—23, 38—51, 60—74. Автограф: ГБЛ, ф. 474, 1. 25

[1] *Отец мой был шевалье де Россет...*— О происхождении и биографии отца Смирновой и вообще о проблемах ее родословной см. статью. Формулярный список его см. *Смирнова*, 1929, с. 406 и наст. изд., с. 574—575.

[2] *Там он подружился с Мордвиновым...*— Речь идет о Н. С. Мордвинове, в 1787—1790 гг. командовавшем флотилией на Черном море, впоследствии морском министре (с 1802 г.).

[3] *...Суворов осаждал Очаков.*— Имеется в виду русско-турецкая война 1787—1791 гг. Очаков, который русские войска осаждали с июля 1788 г., был взят штурмом только в декабре этого года.

[4] *...престарелый князь Вяземский...*— Николай Григорьевич Вяземский (1767—1846), сенатор.

[5] *С Ришелье отправились лучшие из эмигрантов...*— Следующие затем сведения об истории Одессы в годы управления ею Ришелье и об его окружении, состоявшем главным образом из французских эмигрантов, заимствованы Смирновой из литературы: книги Кастельно «Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie» (Paris, 1820), книги Антуана «Histoire des émigrés français depuis 1789» (Paris, 1828) и специально посвященной Ришелье книги Crousaz Crétet de, Leon. Le duc de Richelieu en Russie et en France», возможно также — из мемуаров Рошешуара (*Rochechoir L.* Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration). Были и другие источники:— 22 декабря 1866 г. Смирнова писала Бартеневу из Одессы: «Сведения о Ришелье получала здесь от университетского священника Павловского» (ЦГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 423. Л. 9 об.).

[6] *Отец приехал в 1808 году...*— Неверно: И. Россети стал инспектором Одесского карантина 12 декабря 1802 г.

[7] *...учреждение университета аббатом Николь.*— Смирнова ошибочно называет Николя основателем университета в Одессе. Один из частных пансионов, существовавших в Одессе в начале XIX в., был в 1805 г. преобразован Ришелье в Дворянский институт. В 1812 г. в Одессу был приглашен содержатель аристократического пансиона в Петербурге аббат Доминик Шарль Эжен Николь. (О нем см.: *Frappaz Ch.* Vie de l'abbé Nicolle. P., 1857). При нем Дворянский институт стал называться Благородным пансионом, а с 1816 г.— Ришельевским лицеем (см.: *Яковлев В. Н.* Аббат Николь и первые годы Ришельевского лицея // Новороссийский календарь на 1881 год. Одесса, 1892). На базе лицея в 1864 г. был учрежден университет. Неверно и утверждение, будто в начале XIX в. в России был только Московский университет; в 1802 г. был открыт Дерптский, в 1804 г.— Казанский и Харьковский.

[8] *Бабушка... рожденная княжна Цицианова...*— Цициановы — один из древнейших княжеских грузинских родов. Российское подданство принял прибывший в Россию в свите царя Вахтанга в 1725 г. кн. Паата (Папуна) Цицианов (см. таблицу «Свита Вахтанга VI» в кн.: *Пайчадзе Г. Г.* К истории русско-грузинских взаимоотношений (I четв. XVIII в.). Тбилиси, 1960. С. 208 (на груз. яз). Однако справка о роде Цициановых в кн. *Ахвердян Р. С.* Из истории русско-грузинских литературных взаимосвязей. Тбилиси, 1985. С. 15; а также поколенная роспись, хранящаяся в деле о возведении в княжеское достоинство рода Цициановых (ЦГИАЛ. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 856) и доходящая до 1839 г., не включает в себя ни Евсевия (Яссе) Цицианова (р. ок. 1700), ни его детей Дмитрия и Екатерины. В «Смотровом списке грузинского гусарского полка» (1753) кн. Иесей (Яссе) в Малороссии Цицианов значится прибывшим в Россию в 1724 г. и имеющим 30 дворов (сведения любезно указаны нам Р. С. Ахвердян). Они, следовательно, принадлежат к другой ветви рода, и генеалогию их установить по имеющейся литературе не удалось.

[9] *...князь Дмитрий... вроде Мюнхгаузена.*— Дмитрий Евсеевич Цицианов, брат бабушки Смирновой Е. Е. Лорер. Его племянник Н. И. Лорер писал о нем: «Он был известен в то время 〈1812 г.〉 своею роскошью и в особенности обедами, за которыми угощал тогдашних знаменитостей большого света, и кончил впоследствии тем, что проел свои 6 тысяч душ» (*Лорер Н. И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 39). Некоторые его фантастические выдумки записаны далее в мемуарах Смирновой (наст. изд., с. 477, 478, 503). Анекдоты и рассказы Д. Е. Цицианова были широко известны. Рассказы Цицианова рассыпаны в Записных книжках Вяземского (Соч. Т. 3. С. 146; Т. 8. С. 388 и др.), в «Русском архиве» в письмах А. Булгакова и др. Пушкин писал: «Всякое слово вольное, всякое сочинение возмутительное приписывается мне, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову» (*Пушкин.* Т. 11. С. 23). Россказни Цицианова он имел в виду

в 43-м авторском примечании к гл. VII «Евгения Онегина» (*Пушкин*. Т. 6. С. 195), скрытое упоминание о них, как установлено Е. Я. Кургановым, есть в тексте «Домика в Коломне», Смирнова несомненно являлась одним из главных источников пушкинской осведомленности о цициановских анекдотах (см.: *Курганов Е. Я.* К истории одного авторского примечания к «Евгению Онегину» // Временник ПК. 1978. Л., 1981; *Он же*. Из реального комментария к поэме «Домик в Коломне» // Там же, 1980. Л., 1983; Устный рассказ в системе русской культуры конца XVIII—XIX века // Автореф. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Тбилиси, 1986). Свод рассказов Цицианова см. также в комментарии Б. Л. Модзалевского к Дневнику Пушкина (*Пушкин А. С.* Дневник. Пг., 1923. С. 99—102).

[10] *Это был целый квартал...*— Нынешние Грузинские улицы в Москве см.: *Пайчадзе Г. Г.* К истории грузинской колонии в Москве в XVII—XVIII веках. Тбилиси, 1982).

[11] *Весь этот рассказ... где-то напечатан в Москве.*— В известных в печати воспоминаниях Н. И. Лорера и Л. И. Арнольди такого рассказа также нет.

[12] *Графы де Россет...*— О легенде, связанной с графами де Россет как предками отца Смирновой, см. наст. изд., с. 580—582.

[13] *...приказал продавать семьями.*— При Александре I было запрещено только выдавать доверенности и совершать по ним купчие на продажу крестьян поодиночке и без земли, однако указа, запрещающего вообще такую продажу, так и не последовало (как отмечает В. И. Семевский, сам Александр был уверен, что такое решение в его царствование состоялось; нетрудно понять, почему в это верили и другие, например Смирнова). См. об этом: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. 483, 493—495.

В тексте пропуск: «Когда она созвала дворянские выборы, ей прислали отчеты губернских заседаний. Но сибиряк Коробьин написал, что прежде всего надобно начать с освобождения крестьян от крепости. Она тотчас закрыла заседания, и все ограничилось выборами дворян на службу. Отчет Коробьина находится в Эрмитажном архиве. Александру Николаевичу Попову граф Блудов поручил их просмотреть и привести в порядок. До Петра еще царевна Наталья Алексеевна и ее друг князь Голицын об этом рассуждали. Странно, что в это давно прошедшее время в высшем круге умели говорить и писать по-латыни, а теперь даже царские дети не учатся мертвым языкам. Как ни верти, а классическое образование так же нужно русским, как и прочим европейским народам. Ведь это только один Аксаков может говорить, что Россия иначе создана, чем другие народы, и что нам нечего занимать у стародавних рас».

Ошибаясь в имени, Смирнова имеет в виду царевну Софью Алексеевну и кн. В. В. Голицына, ее фаворита. О замыслах Голицына отменить крепостное право см.: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. 1—3.

[14] *Брат мой Клементий... назвал именем крестного отца...*— Это замечание Смирновой не вполне понятно: имя Ришелье было Арман Эманюэль Софи. Указание Смирновой о времени рождения ее брата Клементия ей, несомненно, хорошо известном, корректирует встречающуюся в литературе дату 1811 г. К. О. Россет родился, таким образом, в январе 1810 г.

[15] *...Каролина просила покровительства нашего государя...*— Мария Каролина, королева сицилийская, жена короля Фердинанда I, была в Одессе проездом в Австрию, предоставившей ей убежище после падения династии Бурбонов в Неаполе.

[16] *...эскадра адмирала Бентинга крейсировала возле берегов Неаполя.*— Уильям Генри Кавендиш Бентинк, английский посланник при Неаполитанском дворе с 1811 г., при кратковременном вторжении в Геную в 1814 г. восстановил республиканскую конституцию 1797 г., что повлекло за собой его отставку.

[17] *Де Рибас был адмиралом... Дориа.*— Адмирал О. М. Дерибас, с успехом участвовавший в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. и, в частности, в штурме Измаила, что и было поводом цитируемого и некоторых других писем Суворова, происходил не из Генуи, а из Неаполя и не имел никакого отношения к генуэзскому Дориа. Суворов просто ассоциирует его с генуэзским адмиралом Андреа Дориа (1468—1560), не раз побеждавшим турок в Средиземном море. Другое письмо Суворова с обращением «Непобедимый Дориа» см.: *Вяземский П. А.* Записные книжки. М., 1963. С. 56. Ср. также: Девятнадцатый век. М. Т. 2. 1892. С. 253 (вероятный источник этого построения

Смирновой, хотя, рассказывая об этом же в «Автобиографических записках», она ссылается на сведения Н. И. Лорера (наст. изд., с. 259).

[18] *Г-жа де Рибас была урожденная к⟨нягиня⟩ Долгорукая...*— Смирнова ошибается: жена Де-Рибаса — Анастасия Ивановна, рожд. Соколова, внебрачная дочь И. И. Бецкого.

[19] *Тетя Маша... урожденная Корсакова...*— Мария Ивановна Лорер была сестрой А. И. Коновницыной, матери декабристов И. П. и П. П. Коновницыных и Елизаветы Петровны, жены декабриста М. М. Нарышкина. Отсюда родство с ними Смирновой, побуждавшее ее не раз добиваться смягчения их участи.

[20] *Отца моего обратил аббат Николь...*— Из этих слов Смирновой ясно, что И. Россети не был первоначально католиком (как скорее всего было бы, если он происходил от французского рода графов Россет).

[21] *...послал его в Вену с дипломатическим поручением...*— П. Д. Киселев в качестве флигель-адъютанта Александра I сопровождал его на заседания Венского конгресса.

[22] *Во время бомбардировки Одессы с «Тигра»...*— Речь идет о бомбардировке Одессы англо-французской эскадрой во время Крымской войны — 10/22 апреля 1854 г.

[23] *...граф Бенигсен... убийце им⟨ператора⟩ Павла...*— Беннигсен бар. (позже граф) Леонтий Леонтьевич, один из главных заговорщиков 1801 г., в 1812 г.— начальник Главного штаба, позже главнокомандующий 2-й армией.

[24] *...у тетки моей Варвары Дмитриевны Арнольди.*— Непонятная ошибка Смирновой: В. Д. Арнольди (рожд. Свербеева) — жена ее брата Л. И. Арнольди.

[25] *...граф Ржевуцкий, которого звали араб...*— Речь идет о Вацлаве Ржевуском, проведшем несколько лет (1818—1821) среди арабских племен. См. о нем: *Ланда С. С.* Мицкевич накануне восстания декабристов // Литература славянских народов. 1959. Вып. 4. С. 149; *Siemeński L.* Emir Tadż-el-Faho (Wacław Rzewuski.— Portrety literackie. Poznań, 1875. T. 4. C. 147—393.

[26] *Барон Ашик... Суфут-Кале.*— Легенда о гробнице Митридата в Керчи, широко распространенная (см., напр., письмо Пушкина брату: «Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу развалины Митридатова гроба». *Пушкин.* Т. 13. С. 18), основывалась не на исторических фактах (понтийский царь Митридат, покончивший с собой в Пантикапее, нынешней Керчи, не был там похоронен), а на трагедии Расина (см.: *Формозов А. А.* Пушкин и древности. М., 1979. С. 29—30).

[27] *Петр Гижель в своей книге...*— Такого автора обнаружить не удалось. Вероятно, ошибка Смирновой в имени.

[28] *...Артемием Макаровичем Худобашевым.*— Это одесский почтмейстер, потом член Бессарабской конторы иностранных поселенцев, кишиневский знакомый А. С. Пушкина (о нем см. рассказы В. П. Горчакова и И. П. Липранди: Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 242, 303).

[29] *Он был известен своей рассеянностью...*— Анекдоты о рассеянности Ланжерона зафиксированы в воспоминаниях ряда современников. В частности, похожий рассказ о том, как Ланжерон запер царя в своем кабинете, повторен М. Д. Бутурлиным (как имевший место в 1818 г.) в его «Записках» (РА. 1897. № 5. С. 19), В. А. Соллогубом (Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 320—321), Вяземским в Старой записной книжке (Сочинения. Т. 8. С. 57). История об обеде, который Ланжерон давал иностранным негоциантам в Одессе, где будто бы присутствовал Пушкин, в несколько ином варианте повторена в записях Вяземского (Там же. С. 56).

[30] *Назначен был генерал Сабанеев...*— И. В. Сабанеев не был одесским генерал-губернатором, он командовал находившимся на юге России 6-м корпусом.

[31] *Утром назначен был Дибич...*— И. И. Дибич был назначен главнокомандующим в разгар русско-турецкой войны 1828—1829 гг., в результате того, что ответственность за неудачи первого периода войны ему удалось возложить в глазах Николая I на командующего П. Х. Витгенштейна. Он успешно закончил войну, приведшую к заключению Адрианопольского мирного договора. Анекдот о Ланжероне записан у Вяземского (Сочинения. Т. 8. С. 56), ср. комментарий Б. Л. Модзалевского к Дневнику Пушкина (с. 182—183).

[32] *...дочери Николая Ив⟨ановича⟩...*— Дочь Н. И. Лорера Екатерина Николаевна — баронесса Гротгус (а не Сталь-Гольштейн).

[33] *Катя замужем за Каховым...*— Елизавета Ивановна Кахова, тетка Смирновой, здесь ошибочно названа Екатериной.

[34] *Данила Кудашев...*— Смирнова ошибается и в имени Кудашева (речь идет о ген.-майоре Николае Даниловиче Кудашеве, зяте М. И. Кутузова, женатом на дочери последнего Екатерине, действительно впоследствии вышедшей замуж за Сорочинского) и в фактах его биографии (умер в 1814 г. от ран, полученных в битве под Лейпцигом).

[35] *...у Северного рыбака...*— Северный рыбак — М. В. Ломоносов. В примечании к XXV строфе V главы «Евгения Онегина» Пушкин писал: «Пародия известных стихов Ломоносова:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою и пр.»

О мотивах появления этого примечания Пушкина см.: *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980. С. 278. Строки самого Пушкина переданы Смирновой тоже неверно.

[36] *Марья Ив⟨ановна⟩ была замечательная личность...*— О ней вспоминали многие современники. Декабрист А. Е. Розен, заехавший к ней в имение Гарни, возвращаясь с Кавказа на родину в 1839 г., писал: «Умная, образованная женщина приняла меня чрезвычайно ласково и приятно; беседа была занимательна. Все устройство в доме был комфорт образцовый: дом и сад свидетельствовали, что хозяйка долго жила в Италии» (*Розен А. Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 409).

[37] *...бурьян состоит из пахучих трав...*— Сведения Смирновой извлечены из указ. соч. Палласа (см. примеч. 66 к ⟨Воспоминаниям о Н. В. Гоголе⟩).

[38] *Гоголь... тут прочел Палласа.*— Гоголь провел три недели в Калуге в сентябре — октябре 1849 г. Об отношении Гоголя к Палласу и его увлечении ботаникой Смирнова рассказывает подробнее в «Воспоминаниях о Гоголе» (см. наст. изд. С. 69—70).

[39] *...прочла... книжку голландца Ван-Брандт-Идена.*— Этим странным наименованием Смирнова объединила двух мемуаристов: Избранта Идесса и Адама Бранда, отправленных Петром I в Китай в 1692 г. (См.: *Идес Избрант и Бранд Адам.* Записки о русском посольстве в Китай. М., 1967). Записки обоих издавались в английских переводах в XVIII в.

[40] *...Н. И. Лорер... женился на бедной девушке...*— Жена Н. И. Лорера — Надежда Васильевна (рожд. Изотова).

[41] *Катенька... жила с Варварой Петровной у графа Дмитрия Ерофеича Сакена.*— Имеется в виду гр. Д. Е. Остен-Сакен. Вдова Д. И. Лорера, Варвара Григорьевна, ошибочно названа Варварой Петровной. О дочери Н. И. Лорера см. выше, примеч. 32.

[42] *Николай Ив⟨анович⟩ воспитывался... в Обуховке.*— Эти сведения неточны. Сам Н. И. Лорер писал: «...я был принят как сын в доме П. В. Капниста (брата нашего поэта В. В. Капниста) ⟨...⟩ желая помочь матери моей, обремененной большим семейством, он, вскоре после смерти батюшки, предложил отдать ему на воспитание одного из сыновей» (*Лорер Н. И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 39). Имение П. В. Капниста — Турбайцы Полтавской губ. Гувернер-гернгутер Нидерштеттер (Там же. С. 375—376).

[43] *Отец просил Лоде и Сикара...*— В действительности не Лоде, а В. А. Лидо и К. Я. Сикар, французские негоцианты в Одессе.

[44] *...Высоцкой, одной из племянниц князя Потемкина.*— Владелица Златополя, Высоцкая — не племянница Г. А. Потемкина, а жена его племянника Николая Петровича Высоцкого, сына его сестры Пелагеи Александровны.

[45] *Журнал походу Надежды Ивановны Арнольди.*— Дневник матери Смирновой за время перехода части, которой командовал И. К. Арнольди, и семьи в Усмань, видимо, сохранялся у Александры Осиповны до конца жизни. В других вариантах «Автобиографических записок» он переписан ею с сокращениями и так воспроизведен в издании: *Смирнова,* 1931. С. 51—60.

[46] *...не Каменка ли это, где Пушкин писал стихи Адели?* — Предположение Смирновой верно: судя по маршруту, Н. И. Арнольди действительно должна была проезжать имение Давыдовых и Раевских Каменку, где Пушкин гостил осенью 1820 г. Стихи к Адели: «Играй, Адель, не знай печали» (1822) обращены к Адели Александровне Давыдовой, в 1820 г. подростку.

[47] *...старая моя знакомая, г-жа Поджио...*— Речь идет о матери декабристов Александра и Иосифа Поджио Магдалене Осиповне; ее имение Яновка Чигиринского повета Киевской губ. находилось на пути следования Н. И. Арнольди.

[48] *...Андрусовский мир?* — Андрусовский мирный договор между Россией и Польшей был подписан 3 января 1667 г. в д. Андрусово Смоленской губернии.

[49] *Юля была любимица Марьи Антоновны...* — Речь идет о М. А. Нарышкиной, фаворитке Александра I.

[50] *Иезуит Гагарин...* — Гагарин кн. Иван Сергеевич (1814—1882), в 1843 г. эмигрировал и вступил в орден иезуитов.

[51] *...ее мать Мартынова...* — Смирнова верно называет жену Д'Оллона Мартыновой. Рошешуар в своих мемуарах «Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration» сообщает, что Д'Оллон женился на Мордвиновой, «племяннице крымского гражд. губернатора» (p. 56). Французский историк Пэнго, писавший в конце XIX в. о французской эмиграции в России (*Pingaud L.* Les français en Russie et les Russes en France. P., 1886), сообщает, что Д'Оллон был племянником Ришелье (p. 460). Он упоминает ряд лиц из окружения Ришелье в Одессе, о которых пишет и Смирнова.

[52] *...полковник Граббе...* — Павел Христофорович Граббе, член Союза благоденствия, впоследствии ген.-адъютант, ген.-от кавалерии, командующий войсками на Кавказе (1838—1842), в 1817 г. командовал Лубенским гусарским полком.

[53] *Фильд был англичанин... предпочитал игру Фильда игре Шопена.* — Джон Фильд — ирландский композитор и пианист, живший в 1804—1831 гг. в Петербурге, занимаясь преподавательской и концертной деятельностью; громадный успех имели его ноктюрны. Смирнова была поклонницей Листа после его концертов 1837 г. в Париже, познакомилась же с ним скорее всего в России, где он гастролировал в 1842 и 1848 гг.

[54] *Я рассказывала Гоголю... генералу Бетрищеву...* — Об этом рассказе Смирновой Гоголю см. наст. изд., с. 608. Во 2-м томе «Мертвых душ»: «Наместо ее ⟨Улиньки⟩ предстал в густых усах и бакенбардах великан-камердинер с серебряной лоханкой и рукомойником в руках ⟨...⟩. Опустя с одной руки халат и засуча рукава рубашки на богатырских руках, генерал стал умываться, брызгаясь и фыркая, как утка. Вода с мылом летела во все стороны» (*Гоголь.* Т. 5. С. 43). Таким образом отождествление «чашки с крышкой», в которой Смирнова приносила отчиму чай, и «серебряной лоханки» неверно.

[55] *Петр ⟨Иванович⟩ Бунин* — Иван Петрович (а не Петр Иванович), дядя В. А. Жуковского; его тетка — Анна Петровна Бунина, поэтесса.

[56] *...он участвовал в страшном убийстве...* — В. М. Яшвиль — не просто один из заговорщиков, осуществивших убийство Павла I. Почти по всем версиям событий ночи 11 марта 1801 г., он принадлежит к числу лиц, действовавших наиболее решительно и дерзко и фактически это убийство осуществивших (см.: *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982. С. 320—326). Однако утверждение Смирновой, что генерал Яшвиль, приехавший в Усмань в 1818 г. — Владимир Михайлович — ошибочно. В. М. Яшвиль умер в 1815 г., смотр в Усмани делал его брат Лев Михайлович, ген.-от-артиллерии.

[57] *...князь Петр Михайлович...* — Волконский, сопровождавший Александра I в его поездке по России в 1818 г. Александр I мог заехать в Усмань только на обратном пути из Крыма в Москву (ехал через Воронеж и Липецк).

[58] *Арнольди не было... не был зван на обед.* — О недостоверности и тенденциозности этого рассказа Смирновой см. наст. изд., с. 583.

[59] *...явился маршалка... забрызганную фигуру маршалки.* — Маршалка (маршалок) — во времена Смирновой так назывались в Царстве Польском уездные (поветовые) и губернские предводители дворянства.

[60] *...подробности о семействе Боратынских... послали в Гельсингфорс.* — Весь рассказ о происхождении Е. А. Баратынского и его судьбе не имеет ничего общего с реальными фактами. Фамилия Баратынских (Боратынских) происходит от названия замка «Боратынь», принадлежавшего предкам поэта, и никак не связана с Барятинскими. Е. А. Баратынский был исключен в 1816 г. из Пажеского корпуса и отправлен «на попечение родных» за похищение из дома одного из его товарищей по корпусу черепаховой табакерки и денег. Подростки рассматривали это как акцию созданного ими тайного «Общества мстителей». Дядя Баратынского Петр Андреевич, вопреки утверждениям Смирновой, хлопотал за племянника. В 1818 г. Евгению разрешили вступить на службу в л.-гв. Егерский полк. В январе 1820 г. Баратынский был произведен в унтер-офицеры с переводом в стоявший в Финляндии Нейшлотский полк. Здесь он оставался до производства в офицеры — до 1826 г.

[61] *Там он влюбился... далее не помню.* — Речь идет об Авроре Карловне Шернваль фон Валлен, впоследствии жене П. Н. Демидова, а после его смерти, с 1846 г., Андрея

Н. Карамзина. Смирнова цитирует (неточно) стихотворение Баратынского «Девушке, имя которой было Аврора». Вторая строфа: «Пылкий юноша не сводит / Взоров с милой, и порой / Мыслит с тихою тоской,/ Для кого она выводит / Солнце счастья за собой» (*Баратынский Е. А.* Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 111).

[62] *Плетнев сообщил мне его... стихи...*— Смирнова забыла, кому принадлежит стихотворение, и здесь (и, кроме того, в тексте «Баденского романа») приписала его Баратынскому. Она цитирует (неточно) стихотворение К. Н. Батюшкова «Изречение Мельхиседека». У Батюшкова: «Ты знаешь, что изрек,/Прощаясь с жизнию, седой Мельхиседек?/ Рабом родится человек,/ Рабом в могилу ляжет...» (*Батюшков К. Н.* Сочинения. М., 1955. С. 304).

[63] *Это, вероятно, был Серафим, русский Симеон Столпник.*— Это предположение лишено оснований. Серафим Саровский (1760—1833), известный своими благочестивыми беседами (что и заставило Смирнову сравнить его с Симеоном Столпником), стал монахом еще в конце XVIII в.

[64] *У князя Одоевского... Штукенберга...*— О своих встречах и дружеских отношениях с В. Ф. Одоевским Смирнова пишет во многих вариантах своих мемуаров (см. наст. изд., с. 487, 504, 505). Иван Федорович Штукенберг, географ, гидрограф, автор ряда трудов о бассейнах русских рек (изданы в Петербурге на нем. яз. в 1840-х годах).

[65] *...Шницлер, он писал очень дельную книгу... Петербурге.*— По-видимому, речь идет об Иоганне-Генрихе Шницлере, жившем в 1820-х годах в России в качестве домашнего учителя, автора ряда трудов по русской истории, географии и статистике.

[66] *...знакомы с Гречем и Фаддейкой Булгариным... Бранта.*— Неизменно отрицательное отношение Смирновой к Булгарину и Гречу, проявляющееся при всяком их упоминании, сложилось, несомненно, еще в молодости и ведет свое начало от оценки их всем литературным ее кругом 1830-х годов. Значительно позже она писала Гоголю о своем разговоре с книгопродавцем Ивановым, которому сказала, что не будет покупать у него «и всем его раскритикует, если узнает, что он, как Смирдин, подружится с Фаддеем» (см. наст. изд., с. 605). В свидетельство умственной ограниченности отчима Смирнова приводит интерес его к роману Булгарина «Выжигин» (скорее всего — более известный «Иван Выжигин», 1829). Л. В. *Брант* — фельетонист «Северной пчелы».

[67] *...родная тетка ее супруга.*— Непонятное замечание Смирновой: Цициановы были родственниками ее матери, а не отчима.

[68] *...как он приобрел Ганнибала.*— Мода на пажей-арапчат распространилась в Европе в начале XVIII в. Прадед Пушкина, Абрам Петрович Ганнибал, был сыном эфиопского князька. Сам Пушкин, по семейным преданиям, так излагал историю появления его в России: «Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому» (*Пушкин.* Т. 12. С. 311, 312).

[69] *Дмитрий Евсеевич завел Английский клуб в Москве... полетела на паникадило.*— Английский клуб в Москве был основан в 1772 г. жившими в Москве иностранцами, стал русским аристократическим клубом в 1790-х годах, был закрыт Павлом I и возобновил свою деятельность в 1802 г. Утверждение, что Д. Е. Цицианов является его основателем, таким образом, неверно, однако он был одним из его старшин (см. комментарий Б. Л. Модзалевского к дневнику Пушкина: *Пушкин А. С.* Дневник. Пг., 1923. С. 102). Приведенные Смирновой цициановские анекдоты (о шпаге, стукавшей о верстовые столбы, о подаренной Потемкиным собольей шубе) в несколько иной редакции содержатся в одном из вариантов «Баденского романа» (см. наст. изд., с. 477, 478, 503). О рассказах Д. Е. Цицианова, «русского Мюнхгаузена» см. выше, примеч. 10.

⟨ВАРИАНТ 3⟩

Фрагменты

Не ранее 1880, датируется по упоминанию о смерти имп. Марии Александровны.

Впервые (с пропусками и ошибками): *Смирнова*, 1931, с. 77—81, 214—224, 89—94, 81—89.

Автограф: ГБЛ, ф. 474, 1.4 и 1.17 (опущено начало тетради 1.4, сокращенный текст «Журнала походу Надежды Ивановны Арнольди», воспроизведенный в указанной выше книге, с. 51—60).

[1] *...в Екатерининский институт, прямо к начальнице.*— Начальница Екатерининского института в 1820 г.— Анна Ивановна Брейткопф.

[2] *...наводнение в Петербурге.*— Не в 1825 г., как пишет Смирнова, а 7 ноября 1824 г.

[3] *...государь со свитой отправился в ней...*— Александр I не выезжал во время наводнения 1824 г. на лодке; к концу дня, когда вода спала, он поехал в обычном своем экипаже до Галерной. 8 ноября он принял назначенных им для ликвидации последствий бедствия трех военных губернаторов частей Петербурга (см.: *Шильдер I.* Т. 4. С. 324—326).

[4] *Вот басня, от которой он был в восторге...*— Басня «Червячок» Е. А. Колычева (Муза. 1796. Ч. 1. Январь. С. 19).

[5] *Мы зубрили Платонов катехизис...*— Имеется в виду одно из главных сочинений московского митрополита Платона (П. Г. Левшина, 1797—1812) — «Краткий катехизис для детей».

[6] *...прежде Колумба Америку открыли три венецианца...*— О приоритете Колумба в открытии Центральной и Южной Америки шли, как известно, длительные споры в науке, этого приоритета, однако не опровергнувшие. Сведения, полученные Смирновой в институте — отклик различных гипотез «антиколумбистов» (см.: Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. М., 1961).

[7] *В 1825 году существовало еще Библейское общество... составилось в Англии...*— Смирнова ошибается: среди многочисленных изданий Библейского общества не было периодического органа «Училище благочестия». Журнал с таким названием издавался в 1857—1860 гг. в Риге, при духовной семинарии. Какое издание Библейского общества она имела в действительности в виду, неизвестно. История возникновения Библейского общества в России изложена Смирновой в последующем тексте неверно. Общество было открыто с разрешения Александра I в 1812 г. (а не в 1815 г.) как Петербургское, в 1814 г. стало Российским. Утвержденный императором проект основывался на принципах, положенных в основу деятельности Британского общества. После отставки президента общества А. Н. Голицына в 1824 г. общество фактически прекратило свое существование. Из названных Смирновой лиц в состав комитета общества вошел только пастор англиканской церкви Питт.

[8] *...известная квакерша госпожа Фрей...*— Речь идет об известной английской филантропической деятельнице Элизабет Фрей. Смирнова, вероятно, читала ее посмертно изданные мемуары: «Memoirs of the life of Elisabeth Fry» (L., 1847). Квакеры — английская религиозная секта.

[9] *В 1815 году император и король прусский поехали... Георг IV.*— Посещение Англии Александром I и прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III состоялось не в 1815, а в мае—июне 1814 г. Англией в это время правил принц-регент, будущий король Георг IV.

[10] *Г-жа Крюднер... под влиянием ее религиозных убеждений...*— Крюднер (Криденер) бар. Барбара Юлия, писательница, проповедница-мистик. Первая встреча Александра I с ней произошла в мае 1815 г. в Гейльбронне, где была в этот момент русская главная квартира. Сведения об этом Смирнова скорее всего заимствовала из мемуаров Р. С. Стурдзы (графини Эдлинг), подготовившей эту встречу. Смирнова читала их в рукописи, о чем упоминает в своих мемуарах (наст. изд., с. 133).

[11] *Знал Юнг Штиллинга...*— Иоганн Генрих Юнг Штиллинг, немецкий писатель-мистик. Александр I первоначально относился к его сочинениям крайне отрицательно, но лично познакомившись с ним в Карлсруэ в 1815 г., поощрял переводы его сочинений на русский язык.

[12] *...поручено было графу Блудову... причиной его смерти.*— Рассказы о документах, обнаруженных при разборе в 1830—1831 гг. архива Зимнего дворца и материалов Московского главного архива Министерства иностранных дел, Смирнова могла слышать от самого Блудова. Однако, сведения, сообщаемые ею о смерти царевича Алексея и касающихся ее бумагах, вполне апокрифичны. Смирновой версию об отравлении царевича мог передать и Пушкин, в свою очередь узнавший о ней из Записок Брюса на английском яз. (см: *Фейнберг И. Л.* Новые данные о работе Пушкина над историей Петра (Пушкин и «дело царевича Алексея») // Вестник АН СССР, 1955. № 1. С. 83—95). Записки Петра I «генералу» с приказом убить Алексея Блудов обнаружить не мог. Скорее всего речь идет об инструкции Петра П. А. Толстому и А. И. Румянцеву по поводу мер к возвращению Алексея из Вены в Россию. Не мог найти Блудов на столе Александра I

и «дело Волынского». А. П. Волынский — кабинет-министр имп. Анны Ивановны с 1738 г., в 1740 г. был обвинен в измене и казнен. «Дело» его, о котором здесь идет речь,— скорее всего, выписки, из него, сделанные для Екатерины II (ЦГИА. Ф. 468, по тайной канцелярии, д. 8).

[13] *M-me Krüdner была на Венском конгрессе... comme la vie.*— Нет оснований не только приписывать Криденер идею Священного Союза, но и вообще преувеличивать ее влияние на политику Александра I, хотя он встречался, беседовал с ней во Франции в 1815 г. и даже показывал ей проект акта Венского конгресса, а с 1818 г. она жила в России (см. об этом: *Шильдер I.* Т. 3. С. 324—326, 328, 344; *Пыпин А. Н.* Г-жа Криденер // ВЕ. 1869. № 8 и 9). Роман ее «Валери» (1803) имел огромный успех в Западной Европе и в России. Упомянутые Смирновой произведения других писателей, как и роман «Валери»,— сентиментальные семейные романы, на которые в годы молодости Смирновой особенно ополчалась романтическая критика. Фрагмент из романа «Валери», приведенный Смирновой в виде цитаты, в действительности — объединение различных текстов из него, отчасти в пересказе, отчасти (о столе) неточная цитата (фраза начинается словами: «Je vous envoie aussi une très belle table de marbre de Carrare...» См.: *Krüdner B.* Valerie. P., 1846. P. 174). Роман этот должен был особенно привлекать внимание Смирновой: ситуация в нем — любовь молодого человека к беременной замужней женщине — напоминала ее собственный роман с Киселевым.

[14] ...*«Adolphe», переведенный князем Вяземским.*— Роман Бенжамена Констана «Адольф» в переводе Вяземского вышел в свет в 1831 г. с посвящением Пушкину.

[15] *Жуковский перевел роман г-жи Sousa.*— Об этом см. примеч. 96 к основному тексту «Баденского романа».

[16] ...*Карамзин писал...тем мы и жили.*— Здесь, как часто бывало у Смирновой, спутаны и факты, и хронология. Все названные произведения Карамзина написаны задолго до юности Смирновой. «Мои безделки» (1794) — не журнал, а сборник статей Карамзина, ранее напечатанных в «Московском журнале»; рассказ Луки относится, очевидно, к 1802—1804 гг., когда Карамзин издавал «Вестник Европы» (там, в частности, была напечатана повесть «Марфа Посадница»).

[17] ...*не будь меня да Сербиновича...*— К. С. Сербинович, чиновник министерства народного просвещения, с 1826 г. цензор Петербургского цензорного комитета, писатель, помогал Карамзину в работе над его «Историей», его усилиями был посмертно напечатан 12-й том «Истории». Сербинович оставил ценные воспоминания о Карамзине: *Сербинович К. С.* Н. М. Карамзин. Воспоминания // РС. 1874. № 9—10.

[18] ...*переписка Екатерины с Гриммом.*— Речь идет о переписке, напечатанной Я. К. Гротом в Сб. РИО, т. 23 (СПб., 1878), 33 (1881), т. 44 вышел после смерти Смирновой. См. также работу Я. К. Грота: «Екатерина II в переписке с Гриммом». СПб., 1884.

[19] ...*экземпляр первого манифеста Екатерины... время правления...*— Говоря о «первом манифесте» Екатерины, Смирнова имеет в виду манифест, изданный ею в самый день переворота, 28 июня 1762 г. Он публиковался не раз, и, в частности, Бартеневым (Осмнадцатый век. Т. 4. С. 216). 6 июля был издан второй «обстоятельный манифест», подробно разъяснявший причины, побудившие Екатерину свергнуть мужа с престола (см.: *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Б., 1900. Т. 2. С. 31 и 64).

[20] Фраза «Государство — это я», приписываемая (не вполне достоверно) Людовику XIV, введена в оборот вовсе не Тьером. Французский историк Ж. Дюлор в книге «Histoire physique, civile et morale de Paris» (P., 1839. T. 5. P. 80) рассказывает, что этими словами король в 1665 г. прервал президента парижского парламента, выдвигавшего на первый план интересы государства.

[21] *Александр Николаич* — Голицын (1773—1844), государственный деятель при Александре I; в детстве был камер-пажом, товарищем игр старших внуков Екатерины II, Александра и Константина Павловичей.

[22] «Je suis chômée, c'est la dernière goutte de sang Allemand».— Рассказ о таких предсмертных словах Екатерины Смирнова могла услышать как устное предание — апокрифичное, так как Екатерина после удара умерла, не приходя в сознание.

[23] ...*императрица Мария Александровна* — жена Александра II, умершая в 1880 г.

[24] *Екатерина переводила Беккария* — Беккариа Чезаре (1738—1794), итальянский публицист и правовед. Трактат его «О преступлениях и наказаниях» был использован Екатериной II при составлении Наказа 1767 г. Комиссии для составления нового Уложения. 10-я глава сочинения Беккариа (переведенная не Екатериной, а Г. Козицким по ее

поручению) вошла затем в Свод законов. Первый полный перевод сочинения Беккария появился в России только в 1803 г.

[25] *Она с Шлецером занималась филологией, переписывалась с m-me du Devand.*— Август Людвиг Шлецер жил в России в 1761—1767 гг., изучая древнерусское летописание. Маркиза Дюдеффан, корреспондентка Вольтера, Даламбера и других деятелей XVIII в., салон которой был одним из литературных центров Французского просвещения.

[26] *...дворянские выборы... уничтожение крепостного права...*— Имеется в виду созыв Екатериной в 1767 г. представителей части сословий для разработки нового Свода законов (так наз. Уложенная комиссия). Фактическая сторона дела изложена Смирновой верно: заседания были закрыты под предлогом начавшейся русско-турецкой войны. Григорий Коробьин, депутат Комиссии от Козловского дворянства, предлагал ограничение власти помещиков. Однако в сознании Смирновой история Уложенной комиссии объединилась, по-видимому, с изданной Екатериной II 21 апреля 1785 г. «Жалованной грамотой дворянству».

[27] *...Попов... умер... не окончив своего труда.*— Близкий к славянофилам историк, член-корреспондент Академии наук А. Н. Попов, знакомый Смирновой, в последние годы жизни работал над монографией, посвященной истории России в эпоху Отечественной войны 1812 г. Труд остался незаконченным, отдельные статьи по этой теме были напечатаны им в 1875—1877 гг. в «Журнале Министерства народного просвещения», «Русском архиве» и «Русской старине».

[28] *...Екатерина тотчас закрыла выборы.*— Прекращены были работы Уложенной комиссии, но дворянские выборы не только не были закрыты, а прочно вошли в практику с этого времени.

[29] *Она ограбила церковь и церковные земли раздала своим любовникам и фаворитам.*— Смирнова ошибается. Екатерина II провела секуляризацию церковных земель, которая не ухудшила, а несколько улучшила положение живших на них крепостных. Секуляризованные земли были подчинены особой Коллегии экономии, а крестьяне составили особую группу государственных крестьян, так наз. экономических.

[30] *... графиня Анна Алексеевна... сравнивая ее с римскими Меланиями...*— Графиня А. А. Орлова, дочь А. Г. Орлова-Чесменского, отказавшаяся после смерти отца от светской жизни, жила в Юрьевском монастыре и занималась благотворительностью в пользу церкви; была близким другом архимандрита Фотия. А. Н. Муравьев упоминал ее не раз в своих трудах, в частности, в мемуарах (*Муравьев А. Н.* Мои воспоминания. М., 1913), но сравнения, о котором пишет Смирнова, обнаружить не удалось. Св. Мелания (388—444), римлянка, устраивавшая женские монастыри в Палестине под руководством блаженного Августина.

[31] *Бартенев... старается доказать, что она дочь Бецкого.*— Бецкий Иван Иванович (1704—1795), действ. тайный советник, шеф Шляхетного кадетского корпуса, основатель Воспитательных домов в Петербурге и Москве, Смольного института, директор Академии художеств. Легенда о том, что Екатерина — его дочь, возникла, по-видимому, вследствие исключительного доверия, неизменно оказывавшегося ему Екатериной, и дружеских отношений Бецкого с ее матерью, герцогиней Ангальт-Цербстской. Впервые эта легенда появилась в примечании к нем. переводу записок Массона «Geheime Nachrichten über Russland». P., 1802. T. 2. P. 171. П. И. Бартенев упомянул эту версию в своем издании «Осмнадцатый век» (т. 1, с. 7). Однако она повторялась не только им. Ее подробно и с полным доверием изложил, например, Н. И. Греч в своей книге «Записки о моей жизни» (М.; Л., 1930. С. 125). В науке она решительно отвергнута (см.: *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Б., 1900. Т. 2. С. 3). Недоброжелательные отзывы о Бартеневе, встречающиеся в мемуарах и письмах Смирновой, не помешали ей поддерживать с ним дружеские отношения и печататься в его журнале «Русский архив».

[32] *Ее брат, которого звали просто Ангальтом.*— Ф. Е. Ангальт — не брат, а весьма дальний родственник Екатерины II, директор Петербургского сухопутного шляхетного корпуса, основанного в 1743 г. При Екатерине директором его был Бецкий.

[33] *...авантюрьерка, известная под именем княжны Таракановой... клевета.*— Елизавета Тараканова, самозванка, выдававшая себя за дочь Елизаветы Петровны и А. Г. Разумовского. В 1775 г. была арестована в Италии А. Г. Орловым и умерла в Петропавловской крепости от туберкулеза. Ко времени, когда Смирнова писала свои мемуары,

в печати был уже ряд работ, разоблачавших эту претендентку на русский престол, в частности — статья С. М. Соловьева в РА (1868, № 2).

[34] *Полюбив Кириллу Разумовского, вышла замуж за него.*— Ошибка в имени, в действительности речь идет о фаворите Елизаветы Петровны Алексее Григорьевиче Разумовском. Его брат Кирилл — ген.-фельдмаршал, гетман Украины. О браке Елизаветы с А. Г. Разумовским см.: *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 183—185.

[35] *он* ⟨...⟩ *разорвал и сжег документ... при Тютчеве и Кутузове.*— Блудов рассказывал это, несомненно, со слов С. С. Уварова, тестем которого был Алексей Кириллович Разумовский, племянник А. Г. Разумовского. Впоследствии этот рассказ был напечатан (Чтения ОИДР. 1863. Т. 3. С. 153).

[36] *Напишите в Одессу...*— Обращение это — очевидно, к будущему издателю,— показывает, что данный вариант мемуаров писался для публикации (предназначался для И. С. Аксакова). Бартенев опубликовал впоследствии в извлечениях мемуары Р. С. Эдлинг (РА. 1887. № 2—4. 12). Полное издание: Mémoires de la comtesse Edling. M., 1888.

[37] *...старого Дизвитского посадили на престол... разговор дьякона с капитаном у Мятлева.*— Дизвитского — Людовика XVIII (от фр. dishuit — восемнадцать). Упоминаемый «разговор» — «Прощание двух братьев, дьякона и капитана» (*Мятлев И. П.* Указ. соч. С. 170), Смирнова, как обычно, цитирует по памяти и изменяет смысл текста; строки «Нет, нет, а только их пристращать» в стихотворении нет, на вопрос «Неужто турки взбунтовались?» капитан отвечает: «Молчите, братец, мы заврались».

[38] *...она была... гульливого десятка... послом в Неаполь.*— Рассказ Рибопьера записан в дневнике Смирновой 18 марта 1845 г. (наст. изд., с. 15).

[39] *...Павел был болезненный ребенок... горячкой и расстроением желудка.*— Рассказ Пушкина, слышанный им, вероятно, либо от Н. К. Загряжской (ее сестра, Прасковья Кирилловна, была замужем за Гудовичем, с которым Павел бывал откровенен), либо от И. И. Дмитриева, по существу неверен. Павел действительно принимал участие в военных действиях во время русско-шведской войны 1788—1790 гг., но добился этого сам, вопреки воле не раз отказывавшей ему в этом матери (см. переписку Павла с Екатериной II об этом в кн.: *Шильдер II*, с. 209—225).

[40] *Ее портрет во весь рост находился в Эрмитаже...*— Имеется в виду портрет работы А. Рослина (1777). В настоящее время местонахождение этого портрета не установлено. Второй, миниатюрный, портрет неизвестен.

[41] *...она будет гувернанткой великих княжен.*— Здесь рассказана биография бар. Шарлотты Карловны Ливен, впоследствии светлейшей княгини. Смирнова дружна была с ее невесткой Дарьей Христофоровной, и все это могла слышать от нее, а не только от А. Ф. Барятинского, на которого она ссылается.

[42] *...Екатерина вызвала наследника шведского престола...*— Переговоры о браке вел. кн. Александры Павловны с шведским принцем, будущим королем Густавом IV, начались в 1792 г.; в 1795 г., когда ей было 13 лет, переговоры были продолжены во время визита короля в Петербург, но не увенчались успехом. В 1799 г. она вышла замуж за австрийского эрцгерцога Иосифа.

[43] *...наследник был Бернадотт...*— Маршал Наполеона Ж. Б. Бернадотт был усыновлен в 1810 г. шведским королем Карлом XIII и с 1818 г. стал королем под именем Карла XIV.

[44] *...книгой мерзавца Ренана.*— Речь идет о книге Ж. Э. Ренана «Жизнь Иисуса» (1863).

[45] *Все усилия Гамбетты, Жоржа Ферри в уничтожении религии тщетны...*— Раздражение против Гамбетты и особенно Жюля Ферри (она ошибочно называет его Жоржем) связано не столько с их политическими позициями, в 1870—1880-е годы весьма умеренными, сколько с антиклерикальной деятельностью и, в частности, проведенным Ферри в 1880 г. законом, отнявшим у духовенства влияние на среднюю и высшую школу.

[46] *Хомяков в своей брошюре сказал...*— Вероятно, речь идет об одной из брошюр, направленных против католической церкви, которые Хомяков издал за границей в 1853—1858 гг. (отчасти под псевдонимом Ignotus). Они вышли затем в одной книге под заглавием «L'Eglise latine et le protestantisme au point de vue de l'Eglise d'Orient» (Lausanne et Vevey, 1872). В книгу вошли брошюры: «Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'un mandement de Mgr l'archevêque de Paris»,

«Encore quelques mots, par un chrétien orthodoxe sur les confessions occidentales, à l'occasion de plusieurs publications religieuses, latines et protestantes», а также открытые письма епископу Утрехтскому и в редакцию журнала «L'Union chrétienne» («по случаю речи иезуита Гагарина»). На рус. яз. впервые: Полн. собр. соч. М., 1867. Т. 2. Приведенного Смирновой выражения в них нет, но близкие мысли несколько раз повторены.

[47] *...красавица в полном цвете лет скончалась.*— Вел. кн. Александра Павловна умерла в возрасте 18 лет в 1801 г.

[48] *Из Вены граф и графиня Северные... ласковым обхождением.*— Павел Петрович с женой под именем графов Северных ездили по Европе в 1782 г. О приеме их в Вене см.: *Шильдер* II. С. 158—159. В Париже о Павле сочувственно и с уважением отзывались французские энциклопедисты.

[49] *...Комма под названием «Justine»...*— Скорее всего, имеется в виду один из альбомов франц. художника Шама (или Кама), сотрудничавшего в журнале «Charivari».

[50] *...в⟨еликая⟩ княгиня Александра Иосифовна нашла 1000 писем... королевы.*— Вел. кн. Александра Иосифовна — жена вел. кн. Константина Николаевича. Сведений об этой находке в литературе нет. Письма Марии Антуанетты, публикация 1864—1873 гг.,— подделка (*Блок. М.* Апология истории, или ремесло историка. М., 1973. С. 52, 212).

[51] *...история с «Ожерельем королевы» всем известна.*— Дело об ожерелье королевы — афера с покупкой будто бы для Марии Антуанетты бриллиантового ожерелья, заказанного в свое время Людовиком XV для своей фаворитки мадам Дюбарри. Афера была организована любовницей кардинала де Рогана графиней Ламотт-Валуа. Суд над ней и ее сообщниками (1785—1786) стал одним из известных событий предреволюционной эпохи во Франции. Ламотт-Валуа была приговорена к телесному наказанию и тюремному заключению. Роган был оправдан. Впоследствии она бежала из тюрьмы и напечатала в Лондоне свои мемуары. О ее пребывании и смерти в России сведений в литературе нет.

[52] *Мария Антуанетта очень покровительствовала Глюку...* — Слова Смирновой о Глюке заимствованы, скорее всего, из статьи Альфреда Рамбо, которую она могла прочесть и в «Revue des Deux Mondes» (1877, 15.I и 15.II), и в переводе в «Русском архиве» (1877, № 7). Рамбо пишет, в частности: «Глюк, приехавший во Францию в свите Марии Антуанетты, должен был победить предрассудки «диких парижан» и встретил почти такое же противодействие как известный немецкий композитор нашего времени» (т. е. Вагнер.— РА. 1877. № 7. С. 274—275).

[53] *Гонкур в своих «Pensées» пишет...*— У Гонкуров нет такого произведения. Смирнова имеет в виду, по всей вероятности, извлечения из их дневников, неоднократно издававшиеся под заглавием «Idées et Sensations» (первое издание — Paris, 1877).

[54] *...брак в⟨еликой⟩ княжны Елены Пав⟨ловны⟩ с герцогом Павлом Мекленбург-Шверинским...*— Третья дочь Павла I, вел. кн. Елена Павловна, была женой принца Фридриха (а не Павла) Мекленбург-Шверинского.

[55] *Она нашла еще старика Гете и кружок людей умных и приятных.*— О вел. кн. Марии Павловне в кругу Гете и его русских посетителей см.: Fahrten nach Weimar. Slawische Gäste bei Goethe. Auswahl aus Briefen, Berichten und Aufzeichnungen mit einem Vorwort von R. Fischer und mit Anmerkungen von P. Kirchner und R. Ziemann. Weimar, 1958.

[56] *Брат в⟨еликой⟩ княгини Марии Федоровны...*— Александр Фридрих, герцог Вюртембергский.

[57] *В 1810 году... Наполеон просил руки в⟨еликой⟩ княжны Екатерины Павловны...*— Дата сватовства Наполеона I к вел. кн. Екатерине Павловне указана неверно. Переговоры об этом возникли во время Эрфуртского свидания 1807 г., но, желая отклонить предложение, Александр I в 1808 г. объявил об обручении вел. княжны с принцем Петром Ольденбургским.

[58] *Вышли записки Ремюза...*— Мемуары графини Ремюза, статс-дамы императрицы Жозефины, жены Наполеона I, были напечатаны в 1879—1880 гг.

[59] *В 1796 году 12 июля родился в⟨еликий⟩ князь Николай.*— Николай I родился 25 июня 1796 г. Эта ошибка Смирновой, много лет участвовавшей в праздновании дня рождения царя, особенно обращает на себя внимание как непонятный провал памяти.

[60] *. вел⟨икая⟩ княжна Ольга, которая жила только неделю.*— Она прожила, в действительности, почти три года (1792—1795) и была старше Михаила Павловича на 6 лет. Стихи Державина на ее смерть: «На кончину великой княжны Ольги Павловны» (1795).

[61] *...стихи Малерба.*— Смирнова цитирует ставшие хрестоматийными строки из стихотворения Малерба «Consolation à monsieur Du Périer sur la mort de sa fille» (*Malherbe F.* Oeuvres poétiques. P., 1926. P. 72—73).

[62] *Полковницей в⟨еликого⟩ князя Николая... Тауберт.*— Ю. Ф. Адлерберг была назначена гувернанткой вел. кн. Николая Павловича в 1797 г. и оставалась ею до 1802 г., когда стала начальницей Смольного ин-та. Няней Николая была Евгения Васильевна Лайон (См.: *Шильдер* III. Т. 1. С. 3—6).

[63] *В Записках генерала Рапп...*— Записки французского генерала — гр. Раппа, где, в частности, есть рассказ об убийстве Павла I: Rappe comte Jean. Mémoires du général Rappe, aide-de-camp de Napoléon, écrits par lui-même et publiés par sa famille. P., 1823.

[64] *...оставил при себе Куракина...*— Александр Борисович Куракин был ближайшим другом Павла I с детских времен.

[65] *Павел был доблестным рыцарем в полном смысле слова.*— О природе и корнях «рыцарства» Павла I, его консервативной утопии см.: *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982. С. 68—85.

[66] *Это тоже рассказывал мне Пушкин.*— См. рассказ об этой беседе Жуковского со Скарятиным в дневнике Пушкина (запись от 8.III.1834) и примечания Б. Л. Модзалевского: *Пушкин А. С.* Дневник. 1833—1835 / Под. ред. Б. Л. Модзалевского. М., Пг., 1923. С. 91, 92, 102.

[67] *Это мне рассказывал Федор Ив⟨анович⟩ Тютчев.*— Запись Смирновой об этом рассказе ей Ф. И. Тютчева см. в Дневнике от 13 марта 1845 г. (наст. изд., с. 12).

[68] *Императрица Елизавета Алексеевна писала из Таганрога...*— Письмо имп. Елизаветы Алексеевны имп. Марии Федоровне от 19 ноября 1825 г.: «Notre ange est au ciel et moi sur la terre» (см. *Шильдер* I. Т. 4. С. 485).

[69] *Это известие как громом поразило... польская армия и вся Польша.*— История междуцарствия 1825 г. изложена Смирновой весьма неточно (документы о нем и истинный ход событий см.: Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М., 1926; *Гордин Я. А.* События и люди 14 декабря Хроника. М., 1985. С. 9—164). Николай I знал о своей будущей судьбе наследника престола с 1819 г. (Междуцарствие..., с. 13). Текст манифеста Александра I от 16 августа 1823 г. об отречении Константина и объявлении наследником Николая был передан не только митрополиту в Москву, но и в Государственный совет, сенат и синод. Вскрыт был экземпляр Государственного совета (там же, с. 84).

Рассказ Смирновой представляет, однако, интерес как одна из версий, объясняющих события междуцарствия и бродивших в придворных кругах в то время, когда Смирнова попала во дворец.

[70] *В городе сделалось волнение... все было совершенно спокойно.*— Изложение событий 14 декабря 1825 г., крайне поверхностное, неясное и полное ошибок, просто непонятных для столь осведомленного человека (даже в имени С. П. Трубецкого, свояченица которого С. И. Борх была близкой знакомой Смирновой), отражает характер смутных сведений о происшедшем, которые могла почерпнуть из разговоров во дворце Александра Осиповна, попавшая туда почти сразу после событий. Об истинном ходе восстания 14 декабря см.: *Нечкина М. В.* День 14 декабря 1825 г. М., 1975; *Гордин Я. А.* События и люди 14 декабря. М., 1985.

Упомянутый Смирновой *Штюрмер* — в действительности командир л.-гв. Гренадерского полка Н. К. Стюрлер, раненый на Сенатской площади Каховским; капитан *Панов* — поручик того же полка (а не Морского пехотного), декабрист Н. А. Панов; *Велио* — бар. И. И. Велио, не полковник, а ротмистр конной гвардии; он был ранен не в Царском селе, а на площади, командуя одной из атак конногвардейцев на каре восставших. Принц Евгений Вюртембергский, которому Николай поручил охрану дворца и своей семьи, писал в воспоминаниях: «Шталмейстеру Самарину я с глазу на глаз посоветовал держать на всякий случай наготове кареты императорского семейства, а о причине этого немедленно сообщил обеим императрицам, которые, в особенности императрица Александра, осыпали меня жестокими упреками. Они сказали мне, что решились разделить участь императора» (Междуцарствие, с. 116). Источник сведений Смирновой — скорее всего, сама Александра Федоровна. О лозунге «Константина и жену его Конституцию», будто бы провозглашавшемся народом на площади, см. у М. В. Нечкиной, убедительно доказавшей, что это анекдот, использованный правительственной версией событий (*Нечкина М. В.* День 14 декабря 1825 года, с. 292—293). Д. А. Щепин-Ростовский был

арестован 14 декабря в доме Кусовниковой на Сенатской площади (*Пушкин Б.* Арест декабристов // Декабристы и их время. М., 1932. Т. 2. С. 412).

[71] *Митрополит Серафим... отправился на площадь.*— История о встрече Д. Е. Цицианова с митрополитом Серафимом на Сенатской площади, восходящая несомненно к рассказам самого Цицианова, любопытна как свидетельство, до сих пор не встречавшееся в источниках. Если она правдива, то несколько разъясняет обстоятельства неудачной попытки митрополитов Серафима и Евгения вступить в переговоры с восставшими. М. В. Нечкина, особенно подробно проанализировавшая этот эпизод, не смогла полностью объяснить, отчего отступившие от каре митрополиты не вернулись к своей карете, а, пройдя через пролом в заборе, окружавшем строящийся собор, наняли извозчиков (Указ. соч., с. 233—238). Столкновение с народом, окружавшим каре, вполне это объясняет. Е. П. Оболенский, объезжавший утром 14 декабря ряд полков, на которых рассчитывали декабристы, действительно мог по дороге повидаться с Д. Е. Цициановым.

[72] *У генерала Киселева находился... Муравьев.*— Муравьев — С. И. Муравьев-Апостол; смысл этих слов — во 2-й армии, начальником штаба которой был в 1825 г. П. Д. Киселев.

[73] *Тогда было три газеты... «Сын Отечества».*— Из перечисленных изданий газетой были только «Санктпетербургские ведомости»; «Вестник Европы» и «Сын отечества» — журналы.

[74] *...стихи на возвращение покойного...*— Цитируется (неточно: следует — наш кроткий ангел, луч сердец) кантата Державина, исполнявшаяся на празднестве в Павловске по случаю возвращения Александра I в Петербург 27 июля 1814 г.

[75] *...полковник Богданович... но вскоре выпущен.*— Декабрист И. И. Богданович, капитан л.-гв. Измайловского полка, покончил с собой («зарезался бритвой») в ночь на 15 декабря — по утверждению его однополчанина А. Е. Розена, «упрекнув себя в том, что не содействовал» (*Розен А. Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 134), фактически в том, что не смог сорвать присягу полка. Подполковник квартирмейстерской части В. Е. Галямин после восстания 14 декабря содержался под домашним арестом, переведен в армию, в Петровский пехотный полк. Членом тайных обществ декабристов не был.

[76] *...прощальные стихи, сочиненные Плетневым... сочинил музыку.*— Стихи не Плетнева, а Жуковского: «Хор девиц Екатерининского института на последнем экзамене, по случаю выпуска их, 1826 года февраля 20 дня»; текст передан неточно.

[77] *...Нарышкина... сосланы на Кавказ.*— К марту 1826 г., когда решалась судьба Смирновой, следствие по делу декабристов не было еще закончено, поэтому все сведения о судьбе Е. П. Нарышкиной и братьев ее И. П. и П. П. Коновницыных несколько опережают события. Е. П. Нарышкина выехала в Сибирь только в мае 1827 г. Братья Коновницыны были переведены в части, расположенные на Кавказе, в 1827 г.

[78] *...нас представили как будущих фрейлин императрицы Александры Федоровны...*— В действительности они были зачислены в штат двора Марии Федоровны.

[79] *...расколу Солодовникова и серебряных лавок.*— Солодовников — именитый петербургский купец-скопец. В его доме в конце XVIII в. жил основатель скопчества Кондратий Селиванов, выдававший себя за Петра III.

[80] *...он был друг вашего папеньки... прекрасный человек.*— Речь идет о семье Н. С. Мордвинова: его жене Генриетте Александровне (рожд. Кобле) и дочери Вере Николаевне, жене обер-прокурора Сената Аркадия Алексеевича Столыпина.

[81] *...суд над заговорщиками-декабристами, как их называли...*— По всей вероятности, Смирнова употребляет здесь слово «декабрист», привившееся позднее, не замечая, что в 1826 г. этот термин еще не возник. В крепости шел не суд, а следствие по делу декабристов.

[82] *История этого часового очень смешная.*— У Вяземского в «Старой записной книжке» этот анекдот изложен совершенно иначе: «На Каменном острове Александр заметил лимон необычайной величины. Он приказал принести, когда спадет. Приставили дежурного офицера при карауле. Далеко за полночь свалился. Будят царя, приносят лимон» (Полн. собр. соч. Т. 8. С. 352). Рассказ Смирновой, объясняющий название беседки «У Померанца», вероятно, ближе к царскосельскому фольклору.

[83] *Тот, который говорил m-me Stael... чем в действительности.*— Смирнова имеет в виду известную беседу Ж. де Сталь с Александром I во время ее пребывания в России: «Государь,— сказала я ему,— Вы сами — конституция для Вашей империи, и Ваше соз-

нание — гарантия ее».— «Если это так, — ответил он мне,— то я лишь счастливая случайность» (*Stael de G.* Dix années d'éxil. P., 1904. P. 336—337).

[84] *Я был лакеем у Ланского... похоронили в Софийской церкви.*— Рассказ о смерти А. Д. Ланского, фаворита Екатерины II, неверен. Несчастный случай действительно имел место (Екатерина писала Гримму после смерти Ланского: «Ровно за год до кончины он упал с английской лошади и расшиб себе грудь»), но умер он «от горловой болезни».

[85] *...Николай Пав⟨лович⟩ после приключения в Чембаре...*— 26 августа 1836 г. по дороге из Пензы в Тамбов опрокинулась коляска, и император сломал ключицу.

[86] *...послал с приказанием князя Лопухина...*— Павел Петрович Лопухин, флигель-адъютант Александра I, впоследствии ген.-лейтенант. Этот же анекдот, без упоминания фамилии Лопухина, приводит Вяземский в «Старой записной книжке» (*Вяземский.* Зап. книжки. С. 203—204). Возможно, от него и слышала эту историю Смирнова.

[87] *...Клингер (он тоже написал трагедию «Фауст»)...*— Фридрих Максимилиан (Федор Иванович) Клингер, немецкий поэт и писатель, в течение долгих лет возглавлял учебные заведения в Петербурге (1-й кадетский корпус, Пажеский корпус), был попечителем Дерптского университета. Упомянутый Смирновой «Фауст» не трагедия, а роман «Faust's Leben, Taten und Höllenfahrt» (1791). Русский перевод см.: *Клингер Ф. М.* Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад. М.; Л., 1961.

[88] *Дом, кажется, принадлежал графу Воронцову.*— Предположение, что для Екатерининского института был куплен дом Воронцова, неверно: в 1802 г. Александр I подарил для него так наз. Итальянский дворец, а затем на месте его было построено новое здание (на Фонтанке у Аничкова моста). См. об этом: *Панкратьева Е.* Санкт-Петербургское училище ордена св. Екатерины (Екатерининский институт). СПб., 1899. С. 11—12).

[89] *...сестра была замужем за несчастным Григорием Орловым.*— Имеется в виду Григорий Григорьевич Орлов, фаворит Екатерины II «несчастный», так как последние годы жизни он был психически болен.

[90] *...Александра Андреевна Воейкова, сестра Жуковского...*— В действительности — племянница Жуковского. Надпись на ее могиле приведена Смирновой неверно (см.: *Соловьев Н. В.* История одной жизни. Пг., 1915. С. 263).

[91] *Дидерот приехал... показал ему дверь и ушел.*— Смирнова приводит рассказ Карабанова, напечатанный в РС. В. А. Бильбасов решительно опровергает возможность такого диалога между Дидро и Платоном (см.: *Бильбасов В. А.* Дидро в Петербурге. СПб., 1884. С. 126—127).

[92] *...m-me de Stael... улизнул от нее.*— Смирнова ошиблась: речь идет, конечно, об отношениях г-жи де Сталь с В. Г. Орловым. Праздник, данный им в честь Сталь, она описала в «Dix années d'éxil» (P. 1904. P. 328—330). Отрицательное отношение к Сталь во время ее пребывания в России было распространено в консервативных кругах, отклики его дошли до Смирновой. Рассказы о Сталь она могла слышать и от своей знакомой Д. Х. Ливен, у которой, как у жены русского посла в Лондоне, Сталь бывала, живя там (см.: *Дурылин С.* Г-жа де Сталь и ее русские отношения // ЛН. Т. 33—34). О пребывании де Сталь в Англии см.: *Gunnel D.* M-me de Stael en Angleterre // Revue d'histoire litteraire de France. P., 1913. P. 868—898.

[93] *Киса, читайте Гейне... А знаете ли вы его* Fischermädchen? — Внезапное вторжение в текст воспоминаний обращения «Киса» (обычное обращение Смирновой к Н. Д. Киселеву в тексте «Баденского романа») лишний раз показывает параллельную работу ее над обоими циклами. Какие стихи Шекспира, переведенные Гейне, имеет в виду Смирнова, установить не удалось. Ясно, однако, что речь идет о переводе стихов из «Двух веронцев» Шекспира — текста, на который создана песня Шуберта под заглавием «К Сильвии» (перевод не Гейне, а Бауэрнфельда). См. об этом также примеч. 88 к 3-му варианту «Баденского романа». «Fischermädchen» (Рыбачка) — песня Шуберта на стихи Гейне.

[94] *...Митенька и Боренька Глинки, пасынки мадам Кюхельбекер.*— Б. Г. и Д. Г. Глинки были племянниками, а не пасынками Юлии Карловны Кюхельбекер, служившей в Екатерининском институте.

[95] *А. И. Брейткопф* умерла в 1823 г.

[96] *Она была Моравская...*— Биография матери Стефании Радзивилл рассказана Смирновой неоднократно, с некоторыми разночтениями. Теофилия Моравская (ум. 1828), дочь генерала Кароля Моравского; в первом браке за Юзефом Старженским, во втором за князем Домиником Иеронимом Радзивилл, в третьем браке за А. И. Чернышевым (Polski słownik biograficzny, t. XXX / 1, z. 124 (1987), s. 176).

[97] *Когда родилась его дочь... всей моей карьерой.*— Рассказанный Смирновой эпизод относится, по-видимому, к 1831 г. Дочь Плетнева Ольга родилась в мае 1830 г. Отъезд Плетнева из Петербурга на Спасскую мызу (дачный поселок за Охтой до нынешней Пискаревки) в начале июня 1831 г. был связан с начавшейся эпидемией холеры и душевной депрессией после потери Дельвига и близкого Плетневу П. С. Молчанова. По-видимому, знак внимания Плетневу со стороны императрицы был так или иначе подсказан ей Россет; во всяком случае, в письме Пушкину от 19 июля 1831 г. Плетнев благодарит ее за дружескую заботу и, между прочим, пишет: «Я не умею сам себе объяснить, чем я заслужил от нее столько участия; но быть за это признательным и преданным очень умею. ⟨. . .⟩ В ней так много человеко-прекрасного, так много предупреждающего и столько душевной делимости, что, право, об ней нельзя говорить просто, как о других» (*Пушкин*. Т. 14. С. 194—195). Судя по контексту письма, Плетнев действительно получил через нее какое-то пособие.

[98] *...вюртембергское сокровище, которое отравило его жизнь.*— Речь идет о вел. кн. Елене Павловне. О враждебном отношении к ней Смирновой см. наст. изд., с. 584, 585. Можно полагать, что в нем сыграла роль и неприязнь к золовке имп. Александры Федоровны, достаточно широко известная. Вяземский писал жене 2 января 1832 г. о ней: «...здесь не заживется, ибо не уживется, и разногласие ее с прочими членами царской семьи слишком резко» (Звенья. Т. 9. С. 237).

⟨ВАРИАНТ 5⟩

Фрагменты

Не ранее 1880, датируется по ссылке на слова Пушкина о бунте, напечатанные в РА. 1880. № 3.

Впервые (с значительными пропусками): *Смирнова*, 1931. С. 94—95, 97—100, 101—113, 114—127.

Автограф: ГБЛ, ф. 474, 1. 7.

[1] Разговор этот не мог иметь места в 1825 г.: мать Стефании Радзивилл умерла в 1828 г.

[2] *...он был в чине бригадира.*— По формулярному списку И. Россети, составленному после его смерти 18 декабря 1813 г., он умер в чине коллежского советника (ЦГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 876. Л. 170).

[3] *...Он дружбу свел с англичанином Говардом...*— Английский филантроп, теоретик пенитенциарной системы Джон Говард в 1789 г. посетил Россию и скончался в Херсоне от тифа.

[4] *...Александр Ив⟨анович⟩ Рибопьер мне рассказывал... был несколько лет сумасшедший.*— Передача Смирновой рассказа А. И. Рибопьера о женитьбе А. М. Дмитриева-Мамонова на Д. Ф. Щербатовой почти дословно совпадает с соответствующим текстом «Записок» Рибопьера (РА. 1877, № 4, с. 466—468).

[5] *...Шатобриан жил тем, что делал салат у больших господ...*— Слух этот не подтверждается мемуарами Шатобриана. Он рассказывает, что жил в Лондоне переводами с латыни и английского языка (*Chateaubriand F. R.* Mémoires. P., 1964. P. 159—160).

[6] *...прислан был в Россию Веллингтон...*— Веллингтон прибыл в Россию 19 февраля 1826 г. по случаю вступления Николая I на престол. Хотя по официальным документам Смирнова была взята во дворец только в конце марта 1826 г., но ее воспоминание о приезде Веллингтона показывает, что фактически она оказалась там раньше.

[7] *К концу поста государь пошел с собакой Гусаром его купать... государыня заплакала.*— Рассказы Смирновой об этом эпизоде с купаньем собаки и платком зафиксированы не только в двух циклах ее «Автобиографических записок» (здесь и в одном из вариантов «Баденского романа» — наст. изд., с. 346), но и в дневнике А. С. Пушкина. Перед записью от 8 марта 1834 г. («Вчера был у См⟨ирновой⟩...»— т. 12, с. 321) в дневнике Пушкина написано: «13 июля 1826 года в полдень гос⟨ударь⟩ находился в Царск⟨ом⟩ Селе. Он стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег.— В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец⟨. . .⟩ Фрейлина подняла платок в память исторического события». В «Баденском романе»

(наст. изд., с. 346, примеч. 99) этот эпизод отнесен к окончанию работы суда. Между тем, в данном месте своих записок она утверждает совсем иное: дело было «к концу поста», а прибыл к царю П. В. Лопухин, председатель Верховного уголовного суда над декабристами, со списком приговоренных к смертной казни.

Дважды зафиксированный первый вариант ее рассказа не соответствует действительности: уже в 7 часов утра 13 июля 1826 г. фельдъегерь доставил царю донесение П. В. Голенищева-Кутузова и записку И. И. Дибича о состоявшейся казни (К истории казни декабристов 1826 года // РС. 1882. № 7. С. 215). Второй вариант, помещенный в комментируемом тексте, более вероятен, а изменение его Смирновой диктовалось, вероятно, желанием представить себя свидетелем более важного исторического события. Но и в этом варианте довольно много фактических неточностей. Беседа Лопухина с царем о списке приговоренных к смертной казни не могла иметь места «к концу поста». Пасха в 1826 г. приходилась на 18 апреля (что делает вообще маловероятным купание собаки), мера же наказания декабристам I разряда и поставленных вне разрядов были установлены лишь на заседаниях суда 29 и 30 июня (ВД. Т. XVII. С. 143—144, 153—155). Поэтому Лопухин не мог ранее 1 июля представить царю даже предварительный список. Всеподданнейший же доклад Верховного уголовного суда был представлен Николаю только утром 10 июля, когда царь и внес в него коррективы. По приговору суда к смертной казни были осуждены 36 (а не 20) декабристов. Царь отменил смертные приговоры для 31 из них, судьбу же пятерых, поставленных вне разрядов, лицемерно предоставил решению суда. Содержание беседы Николая с Лопухиным, приведенное Смирновой, маловероятно, Вел. кн. Михаил Павлович и В. В. Левашов вообще не входили в состав Верховного уголовного суда, Бенкендорф был лишь членом Ревизионной комиссии. Слова об отмене смертной казни при Елизавете Петровне, вложенные в уста царя, в принципе могли быть произнесены, хотя решение о смертной казни части подсудимых было принято Николаем еще в начале работы суда (см. его письмо вел. кн. Константину Павловичу от 6.VI.1826 — ВД. Т. XVII. С. 22) и специальная записка М. М. Сперанского подводила юридическую базу под это, доказывая, что указы Елизаветы отменяли казнь только за уголовные преступления, и ссылаясь на прецеденты, имевшие место позднее (казни Мировича и Пугачева). П. Д. Киселев был не командующим 2-й армией, а начальником штаба при командующем П. Х. Витгенштейне.

8 *...книжка всего суда, составленная Дмитрием Николаевичем Блудовым...*— Имеется в виду изданное в 1826 г. «Донесение Следственной комиссии», автором которого был Д. Н. Блудов.

9 *...произошла бы кровавая и, как говорил Пушкин, беззаконная и безрассудная резня.*— Известные слова Пушкина, которые неточно передает Смирнова («Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный»), относящиеся к восстанию Пугачева, содержатся в главе, не включенной Пушкиным в окончательную редакцию «Капитанской дочки». Черновая рукопись этой главы была впервые опубликована в РА (1888. № 3). Упоминание слов Пушкина уточняет датировку этого варианта «Воспоминаний о детстве и молодости», показывая, кроме того, как внимательно следила Смирнова тогда за журналом Бартенева.

10 *Неизвестно почему Батенков остался в Алексеевском равелине... святые люди.*— Декабрист Гавриил Степанович Батеньков был приговорен к 20-летней каторге, срок которой в августе 1826 г. сокращен до 15 лет; заключен сперва в Свартгольмскую крепость, откуда в июне 1827 г. переведен в Петропавловскую и до января 1846 г. был заключен в Алексеевском равелине, после чего отправлен на поселение в Томск. Истинная причина его особой и жестокой судьбы осталась неизвестной, хотя в литературе высказывался об этом ряд предположений. Вероятнее всего, причиной были подозрения Николая I о связях Сперанского с декабристами через Батенькова и исключительно мужественное поведение Батенькова на следствии (см.: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство о планах декабристов. М. 1984. С. 59—60). Далее речь идет о декабристе Иосифе Поджио, осужденном по IV разряду и приговоренном к каторжным работам на 12 лет (в августе 1826 г. срок сокращен до 8 лет). По просьбе своего тестя, сенатора А. М. Бороздина, препятствовавшего намерению дочери следовать за мужем в Сибирь, И. Поджио отбыл весь срок в Шлиссельбургской крепости. Сведения о заключении Михаила Сергеевича Лунина в той же крепости неверны и весь эпизод апокрифичен. Лунин после приговора был отправлен в Свеаборг, а в октябре 1827 г. в Выборгский шлосс, откуда в апреле 1828 г. прибыл в Нерчинские рудники.

[11] *...Сарти приехал при Елизавете Петровне...* — Итальянский композитор Джузеппе Сарти приехал в Россию в качестве придворного капельмейстера в 1784 г. — т. е. при Екатерине II.

[12] *...добрый граф Бенкендорф... и даже весьма неприятный.* — Здесь, как и выше, в рассказе о Верховном уголовном суде над декабристами, создается идеализированный образ Бенкендорфа. В этом отразилась не только свойственная Смирновой субъективность оценок знакомых ей лиц, но и стремление противопоставить его А. Ф. Орлову, с которым отношения ее были всегда дурными (см. запись в дневнике от 15 марта 1845 г. и рассказ о столкновении с Орловым в ⟨Воспоминаниях о Н. В. Гоголе⟩ (наст. изд., с. 13 и 61).

[13] *Посмотри на Лакримозу...* — Лакримоза (от лат. lacrimosa) — плачущая: очевидно, прозвище (плакса), данное подругами-фрейлинами вел. кн. Елене Павловне. В католической религии Лакримоза — Богоматерь, оплакивающая сына.

[14] *...Сперанский, который поразил меня...* — Ср. описание внешности Сперанского у Вигеля: «Он имел лицо весьма приятное и белизну молочного цвета. Голубые взоры его ни на что не устремлялись, никогда не блуждали, никогда не потуплялись...» (*Вигель Ф. Ф* Записки. М., 1928. Т. 1. С. 156).

[15] *Принц Карл... вел себя очень дурно...* — Карл Прусский, брат имп. Александры Федоровны; о его непристойном поведении с фрейлинами, которое позволял себе и другой ее брат, принц Альберт, посетивший Петербург в 1830 г., см. наст. изд., с. 185—186.

[16] *Мать Николая Мих⟨айловича⟩ была рожденная Бухвостова.* — Смирнова (а за ней биографы ее и ее мужа) неосновательно считала свою свекровь Ф. П. Смирнову (рожд. Бухвостову) внучкой Сергея Леонтьевича Бухвостова, «первого солдата» Петра I. П. Е. Рейнбот доказал в своей монографии, что С. Бухвостов не был женат и не имел потомства (ЦГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 876. Л. 164). Возможно она была его дальней родственницей. Рассказ о конце его жизни также апокрифичен.

[17] *Всем известен Брюсов календарь, его предсказания все сбылись и сбываются.* — Так называемый Брюсов календарь, составленный библиотекарем Василием Киприяновым «под надзором» Я. В. Брюса, — гражданский календарь, издававшийся в 1709—1715 гг. Кроме астрономических сведений, пасхалий и других церковных справок, он содержал астрологические предсказания, заимствованные из книг немецких астрологов. Таблицы его были рассчитаны на 112 лет, до 1821 г., и, следовательно, не содержали прогнозов на 1870 год (франко-прусская война, в результате которой рухнула Вторая империя во Франции, что и имеет в виду Смирнова). Предсказания до 1996 г. содержались в календаре, переизданном при Екатерине II и повторенном потом под названием «Первобытный Брюсов календарь» (Харьков, 1875).

Предсказания «Брюсова календаря» перепечатывались в календарях XIX в., в частности, в ежегодном «Календаре Гатцука».

[17а] *...сидели на пазах...* — В парадных придворных каретах на передних рессорах есть сиденья для пажей, называемые пазами (*Милорадович Г.* Материалы для истории Пажеского корпуса. Киев, 1876. С. 45).

[18] *Прусская принцесса... была замужем за князем Антоном Радзивилл. Когда король был после родов своей любимой сестры...* — В этом довольно невнятном изложении Смирнова внезапно от событий коронации Николая I в Москве переходит к совсем иным. Прусская принцесса — Луиза Фридерика Прусская, король — Фридрих Вильгельм IV, брат имп. Александры Федоровны, в описываемое Смирновой посещение России еще наследный принц.

[19] *Где же была Елена Пав⟨ловна⟩?* — В рассказе Смирновой о посещении Рима вел. кн. Еленой Павловной и аудиенции у папы, будто бы совпадающем по времени с визитом в Россию Фридриха Вильгельма III, смешаны совершенно различные хронологические факты: Григорий XVI был папой с 1836 г., прусский король посетил Россию в 1818 г., Елена Павловна стала женой вел. кн. Михаила Павловича в 1824 г.

[20] *Когда Екатерина строила Большой дворец... Тургенева спросили...* — Здесь может идти речь только об отце А. И. Тургенева Иване Петровиче (1752—1807). В год смерти Екатерины А. И. Тургеневу было 12 лет. При Екатерине (в 1773 г.) было начато строительство большого дворца в Кремле, впоследствии прекращенное. В церкви Спаса на бору, теперь не существующей, росписи Рублева неизвестны. Вероятно, Смирнова

спутала их с иконами его письма в Благовещенском соборе. Федор Студит кисти Рублева неизвестен.

[21] *...я не могу принять это предложение...*— Владельцем Архангельского, подмосковной Юсуповых, был в 1826 г. кн. Николай Борисович Юсупов. Однако по контексту письма С. Д. Радзивилл ясно, что речь идет о сватовстве к ней его сына Бориса Николаевича. Последний женился только в 1835 г. на Зинаиде Ивановне Нарышкиной.

[22] *...решила ли ты что-нибудь насчет Фердинанда.*— Фердинанд Луи Радзивилл, сын Антона Радзивилла и Луизы Прусской, двоюродный брат С. Д. Радзивилл, желавший на ней жениться (умер в 1827 г.).

[23] *...у «Моны Лизы» Леонардо да Винчи.*— Картина Леонардо да Винчи «Мадонна Литта» ошибочно названа Смирновой «Мона Лиза».

[24] *Двор переехал в Зимний дворец... «Выбери Пушкина».*— Рассказ о вечере у Е. М. Хитрово, когда Смирнова впервые познакомилась с Пушкиным, несколько иной в альбомном варианте «Воспоминаний о детстве и молодости» (см. с. 184 и примеч. 4) и в «Баденском романе» (с. 355). О датировке его см. наст. изд., с. 590—591. Полутраур — не менее, чем через 3 месяца после смерти имп. Марии Федоровны, умершей 24 октября 1828 г., т. е. не ранее января 1829 г.

[25] *14 октября меня и Эйлер сделали фрейлинами...*— Указ о назначении А. О. Россети фрейлиной подписан Николаем I 14 октября 1826 г. (ЦГИА. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 273. Л. 91).

[26] *...явился Фирс Голицын и Пушкин и предложил прочитать... «Полтаву».*— Это чтение могло быть не позднее конца февраля или начала марта 1829 г. (В начале марта поэма уже была сдана в печать, а Пушкин 4 марта уехал из Петербурга. См.: *Измайлов Н. В.* Пушкин в работе над «Полтавой» // Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 111—112). «Фирс» Голицын — кн. С. Г. Голицын, поэт и композитор (см. о нем также наст. изд., с. 355).

[27] *Старшему сыну Андрею было 13 лет... а Лизе 5 лет...*— Возраст детей Карамзиных указан неточно: в действительности летом 1829 г. Андрею было 15 лет, Александру — 14, Владимиру — 10, Елизавете — 8.

[28] *Был граф Евграф Евграфович Комаровский, Евгений Петрович Стерич...*— Комаровского звали Егор Евграфович, Евгений Петрович — Штерич.

[29] *...капитан Яковлев... прошел по Остроленскому мосту...*— Имеется в виду сражение при Остроленке 14/26 мая 1831 г., во время подавления польского восстания 1830/1831 гг., поражение повстанческой армии в котором предопределило исход военных действий.

[30] *...государь просил матушку простить Виельгорского* — Имение Виельгорских в Курской губ.— Луизино, Барятинских — Марьино. М. Ю. Виельгорский действительно смог приехать в Петербург только в 1827 г. Эпизод с его пребыванием в Луизине описан также в Воспоминаниях В. А. Соллогуба (*Соллогуб В. А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988, с. 435).

[31] *...гетман Скоропадский пожаловал кн⟨язю⟩ Барятинскому 300 000 десятин земли... фельдмаршал Барятинский рассказывал.*— Имеется в виду Александр Иванович Барятинский (1815—1879), фельдмаршал, командир отдельного Кавказского корпуса и наместник Кавказа (с 1856 г.).

Земельные пожалования Барятинским от гетмана Скоропадского могли быть связаны с тем, что Иван Федорович Барятинский (ум. 1738), ген.-аншеф, был главнокомандующим на Украине. Гетман Украины в 1708—1722 гг. И. С. Скоропадский раздавал малороссийские земли великороссам.

[32] *Фельдмаршал совсем иначе рассказывал историю убийства Петра III... убил его.*— Версия А. И. Барятинского об обстоятельствах убийства Петра III не совсем совпадает с главным и единственным документом, эти обстоятельства излагающим,— запиской Алексея Орлова к Екатерине, написанной в тот же день («Он заспорил за столом с князь Федором; не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни»). «Князь Федор» — Федор Сергеевич Барятинский (а не Иван, тоже находившийся, впрочем, при Петре III). Записка, снимавшая с Екатерины ответственность за происшедшее, хранилась ею до самой смерти, при разборе ее бумаг была уничтожена Павлом I. Однако Ф. В. Ростопчин успел снять копию, и записка была впервые напечатана Бартеневым в «Архиве кн. Воронцова» (М., 1881. Т. 21. С. 430. Текст записки см. также: *Бильбасов В. А.* Указ. соч. Т 2

С. 127—129). Слова «совсем иначе» показывают, что Смирнова успела ознакомиться с этой публикацией Бартенева.

[33] *Учителем, немецкого языка был Кавелин.*— Смирнова, имея, конечно, в виду А. А. Кавелина, в 1834—1841 гг. наставника наследника престола, ошибается, считая, что он преподавал немецкий язык. Учителем его был Иван Павлович Шамбо.

[34] *Из Парижа, как пламя, загорелась в Австрии кровавая революция... четыре тома весьма интересных записок...*— Народное восстание в Вене, ознаменовавшее собою начало революции 1848—1849 гг. в Австро-Венгрии, началось 13 марта 1848 г., т. е. через три недели после февральских событий в Париже, завершившихся низложением монархии Луи-Филиппа. Граф Теодор фон Латур, военный министр, был убит 6 октября 1848 г. в ходе уличных боев, вызванных приказом Латура направить войска на подавление революции в Венгрии. Уже убитого Латура повесили на фонаре. «Молодой Франц Иосиф» — Франц Иосиф I, вступил на престол в декабре 1848 г. после отречения имп. Фердинанда I в результате Октябрьского восстания в Вене. Меттерних не умер в 1848 г. 14 марта 1848 г. он бежал в Германию, с 1849 г. жил в Бельгии, после поражения революции 1848—1849 гг. вернулся в Австрию. Автобиографические записки Меттерниха вошли в собрание его бумаг, изданное на немецком языке в 8 томах (Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. Wien, 1880—1884), а до этого (1879 г.) появились на французском языке. Это-то издание, вероятно, имеет в виду Смирнова.

[35] *Я встретила... пыльного Михаила Велеурского...*— Речь идет о сыне М. Ю. Виельгорского, дипломате Михаиле Михайловиче.

[36] *Из газет я узнала... со слезами на глазах.*— Смирнова описывает революционные события в Берлине 18—19 марта 1848 г., когда мимо дворца пронесли трупы убитых на баррикадах и заставили короля Фридриха Вильгельма IV обнажить перед ними голову.

[37] *Граф Дмитрий Николаевич* — Д. Н. Блудов.

[38] *...читала ли я письмо об Остзейских провинциях... по доносу Орлова; он, кажется, родился сыщиком.*— Речь идет о сочинении Ю. Ф. Самарина «Письма из Риги», где резко критиковалась политика правительства Николая I в прибалтийских губерниях. «Гонения на славянофилов» — ряд репрессивных мер, принятых Николаем I в 1849 г. после распространения в рукописях «Писем из Риги». Были арестованы Самарин и И. С. Аксаков; по освобождении Самарин был отправлен на службу в Симбирскую губ., он и оба брата Аксаковы были подвергнуты негласному полицейскому надзору и фактически надолго отстранены от общественной и издательской деятельности. Однако толчком к этому был донос не А. Ф. Орлова, а рижского губернатора А. А. Суворова. Орлову было поручено императором дознание по этому делу (см.: Литературные взгляды и творчество славянофилов. М., 1978. С. 41—46).

[39] *...государь сказал Киселеву... Затем остаюсь Гессе».*— В этом фрагменте воспоминаний Смирновой смешаны воедино разновременные события: беседа П. Д. Киселева с Николаем I о реформах в Дунайских княжествах, которая могла иметь место только в 1830-х годах, сведения об отчетах губернаторов 1840-х годов и об истории калужского губернаторства Н. М. Смирнова (1845—1851).

Беседа Киселева с царем здесь отнесена к 1830 г. и передана, в соответствии с этим, так, будто реформы еще впереди (действительно, Органический регламент, определивший положение крестьян в Молдавии и Валахии, был введен в 1831 г.); однако в других циклах мемуаров Смирнова передает эту же беседу несколько иначе, относя ее к 1834—1835 гг., что соответствует действительности (см. об этом: *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946. Т. 1. С. 244—246; *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 2. С. 2—8).

Неточны и другие факты: Павел Иванович Гессе был не подольским, а черниговским губернатором (1841—1855), подольским губернатором в 1836—1840 гг. был Гирс (*Дружинин Н. М.* Указ. соч. С. 305). Но Житомир, о котором идет речь в приведенном в качестве анекдота тексте отчета Гессе, находился не в Подольской или Черниговской, а в Волынской губернии.

[40] *По доносу Клушина и Чурбана Николай лишился места...*— Клушин — П. Н. Клушин, калужский вице-губернатор в 1846—1854 гг., Чурбан-паша — прозвище московского ген.-губернатора А. А. Закревского. О деле, из-за которого Н. М. Смирнов был отозван из Калуги, см. наст. изд., с. 608.

[41] *Пора мне заняться нашими крестьянами... указ об обязанных крестьянах, который остался, по милости Меншикова и Закревского, мертвой буквой.*— Рассказ Смирновой о взглядах Николая I на крестьянский вопрос, высказанных в беседе с П. Д. Киселевым, представляет значительный интерес прежде всего потому, что может восходить непосредственно к рассказам Киселева, с которым она много встречалась, живя за границей. В нем, однако, немало хронологических несоответствий. Центром приведенного Смирновой диалога царя с Киселевым является подготовка указа об обязанных крестьянах, в котором Киселев действительно принимал деятельнейшее участие. Но секретный комитет, которому это было поручено, создан в 1839 г., указ последовал 2 апреля 1842 г.— а слова царя начинаются с инцидента с Базилевским, имевшим место в 1849 г. (П. А. Базилевский, помещик Полтавской губ., был высечен своими крестьянами. После этого он был лишен звания камергера и выслан за границу. См. об этом: Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. М., 1961. С. 815; упомянутый факт экзекуции над неким Паскевичем в литературе не отмечен). В дальнейшем изложении идет речь о Н. А. Милютине, одном из деятелей реформы 1861 г., но в подготовке указа 1842 г. не участвовавшем. Не имел отношения к нему и его неудаче и Закревский. А. С. Меншиков, напротив, был членом Секретного комитета 1839—1842 гг. и сыграл в нем значительную роль (об этом и о подлинных причинах малой результативности указа см.: *Мироненко С. В.* Секретный комитет 1839—1842 гг. и вопрос об освобождении крепостных крестьян // Вестник МГУ, серия истории. 1977. № 3).

[42] *...бал с мужиками...*— Традиционное демонстративное мероприятие зимой во дворце, летом — в Петергофе (с 1826 по 1829 г. летних не было). Кюстин, видевший такое празднество в Петергофе летом 1839 г., писал об этом в своей книге: «Когда император открывает свободный с виду доступ во дворец привилегированным крестьянам и буржуа, которых он дважды в году удостаивает чести явиться к нему на поклон, он не говорит земледельцу, купцу: «Ты такой же человек, как я», но говорит барину: «ты раб, как они...» (*Кюстин де А.* Николаевская Россия. М., 1910. С. 53).

[43] *Конюшенная девка Ярцева...*— Любовь Васильевна Ярцева, потом жена А. А. Суворова, фрейлина, с которой враждовала во дворце Смирнова. См. далее: «Мы ее терпеть не могли...» (с. 362).

[43а] Об этой «*карусели*» Жуковский писал А. А. Воейковой 2 апреля 1828 г.: «Был два раза карусель, т. е. 16 пар дам и мужчин танцевали верхами в Михайловском манеже. Видеть это было очень приятно. Дамы были одеты в обыкновенном суконном верховом платье; все почти в черном, с белыми кавалергардскими фуражками на головах. Царица была лучше всех, она удивительно ловка верхом» (Русский библиофил. 1915. № 7. С. 24).

[44] *Михаил Пав⟨лович⟩ сказал... vous entraine»...*— В следующем (альбомном) варианте мемуаров Смирнова относит эту реплику великого князя к ухаживанию за ней С. М. Голицына (наст. изд., с. 183).

[45] *...отправились к Карамзиным на вечер.*— В издании «Пушкин в воспоминаниях современников» этот рассказ Смирновой напрасно идентифицирован с записью в дневнике Д. Ф. Фикельмон от 13 января 1830 г. (М., 1974. Т. 2. С. 140, 420, примеч. 2). Фикельмон указывает состав участников поездки, в котором нет ни Россет, ни Воронцова-Дашкова; Смирнова пишет о поездке только на вечер к Карамзиным.

[46] *Когда Пушкин смеется, у него даже кишки видны.*— Эти же слова Брюллова о смехе Пушкина приводил Арк. Россет, рассказывая о нем П. И. Бартеневу (Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 356).

[47] *Ив⟨ан⟩ Сергеевич смотрел глупыми глазами... уехал с ним в Персию.*— И. С. Мальцев, чиновник Московского архива Министерства иностранных дел, старший сын и наследник богатого фабриканта С. А. Мальцева, в 1828 г. назначенный первым секретарем посольства в Персии, был единственным сотрудником посольства, оставшимся в живых во время его разгрома и убийства Грибоедова. Скупость И. С. Мальцева была, очевидно, известна (см.: Воспоминания кн. А. В. Мещерского // РА. 1900. № 6. С. 256).

[48] *Я бывала часто у Зубовой.*— Зубова — подруга Смирновой по институту. А. А. Эйлер — жена Алексея Николаевича Зубова.

[49] *...зачем его звали Фирсом... его отпустили...*— О происхождении прозвища С. Г. Голицына — Фирс см. рассказ В. А. Соллогуба (*Соллогуб В. А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 566—567). День св. Фирса по православному календарю —

14 декабря, но биография С. Г. Голицына никак не связывает его с восстанием на Сенатской площади, по делу декабристов он не привлекался.

[50] *Она нашла там генерала Шипова...*— Имеется в виду ген.-адъютант Сергей Павлович Шипов, в молодости, как и его брат Иван, близкий к ранним декабристским организациям, потом военный деятель николаевского царствования; его жена Анна Евграфовна, сестра Е. Е. Комаровского.

[51] *...панталоны звать летописями... закричит: «Востиквас»...*— Н. М. Смирнов писал Пушкину весной 1832 г. «Я должен являться в половине двенадцатого и являться в коротких белых летописях ⟨...⟩ и я прошу тебя спасти мои летописи от грязи и прислать, если можешь, свою карету ровно в 11 часов (*Пушкин*, т. 15, с. 23). В одном из своих писем к А. О. Россети Жуковский упоминает этого скворца; он пишет ей: «ангел мой с черными глазами, которые так милы, когда ⟨...⟩ бегают туда и сюда подобно одному сумасшедшему скворцу, повторяющему Христос востесквос» (РА. 1883. № 2. С. 335).

[52] *Весной Мария Фед⟨оровна⟩ поехала в Павловск.*— Смирнова возвращается здесь от событий 1829—1830 гг. снова к первому времени своего пребывания во дворце. Эти хронологические скачки мемуаристки, в издании 1931 г. выстроенные в мнимую последовательность, во многом запутали датировку освещаемых Смирновой событий.

[53] *...Арсеньева, сестра Павла Ив⟨ановича⟩, лучшего кавалера в. к. Николая и Михаила...*— В действительности Николая Ивановича.

[54] *При Ольге Николаевне... В⟨еликая⟩ княгиня Веймарская...*— Ольга Николаевна — дочь Николая I, великая княгиня — его сестра Мария Павловна.

[55] *Еще жила «тортунья»...* — Прозвище гофмейстерины кн. А. Н. Волконской (см. выше, с. 162).

[56] *«Les mémoires de Ste Hélène»* — вероятно, изданные в 1822—1824 гг. «Dictèes de Ste Hélène» в восьми томах (записки, продиктованные Наполеоном его приближенным Гурго и Монтолону).

АЛЬБОМНЫЙ ВАРИАНТ

Впервые (с купюрами, пропусками и непрочитанными словами): РА. 1895. № 5—9; купюры воспроизведены: сб. «Ветвь». М., 1817; затем, с пропусками: *Смирнова*. 1929. С. 172—271.

Автограф: ОПИ ГИМ, ф. 420 (Щукинское собрание), № 83/157.

[1] *Тело еще простояло три дня...*— Говорится о смерти и похоронах имп. Марии Федоровны (октябрь 1828 г.).

[2] *...сестре своей Ирине Михайловне... приятным домом.*— У Е. И. Голицыной не было ни сестры, ни кузины (их в XIX в. часто называли тоже сестрами) с таким именем. Воронцова-Дашкова, о которой может идти речь,— Александра Кирилловна (1818—1856), жена гр. Ивана Илларионовича. По словам В. А. Соллогуба, дом Воронцовых-Дашковых был «самым блестящим, самым модным и самым привлекательным домом в Петербурге» (*Соллогуб В. А.* Повести. Воспоминания. М., 1988. С. 433). Смирнова, по-видимому, спутала имя хозяйки дома с именем Ирины Ивановны Воронцовой-Дашковой, жены Ф. И. Паскевича.

[3] *...Элизы Хитровой. Она приехала из-за границы...*— Е. М. Хитрово приехала из-за границы еще в 1826 г., но в Петербурге поселилась год спустя, в 1827 г. (см.: *Цявловская Т. Г.* Неизвестные письма к Пушкину от Е. М. Хитрово // Прометей. М., 1974. Вып. 10. С. 242).

[4] *Пушкин был на этом вечере... и позвала Пушкина.*— Ср. с рассказом об этом в другом варианте «Воспоминаний о детстве и молодости» (см. выше, с. 167) и в «Баденском романе» (с. 355).

[5] *Ныне Лиза en-gala...*— Эпиграмма, четыре строки из которой приводит Смирнова, приписывалась Пушкину. Как пушкинскую ее приводит В. А. Соллогуб (Указ. соч. С. 299), А. М. Каратыгина (Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 204). Пушкину эпиграмма не принадлежит (см. *Цявловская Т. Г.* Указ. соч. С. 243).

[6] *К ней ходил Вигель... он наш русский St. Simon.*— «Вигель-Фригель, сын поотного» — возможно, контаминация известной Смирновой эпиграммы Пушкина на Д. П. Се-

верина («Ваш дед портной, ваш дядя повар...», 1823) и приписывавшейся Пушкину эпиграммы на Вигеля «Для чего, скажи мне, Вигель, / Шьет тебе штанишки Бригель...» (См.: Русская потаенная литература XIX столетия. Отд. 1. Стихотворения, ч. 1. Лондон, 1861. С. 91). Последняя эпиграмма, по мнению С. Д. Полторацкого, принадлежит С. А. Соболевскому (см.: *Крамер В.* С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина // Врем. ПК. 1967—1968. Л., 1970. С. 71).

Из текста второй эпиграммы Соболевского Смирнова приводит только первую строфу (ср.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 379), с вариантом: вместо Schweinwigel (свинья — Вигель) у Смирновой Швейнигель (Schweinigel — похабник); известны были противоестественные наклонности Вигеля. Записки Вигеля при жизни Смирновой издавались только в извлечениях (РА. 1863; РВ. 1864—1865), полное издание — 1892—1893 гг. Однако он не раз читал их в знакомых домах, и Смирновой они были известны. Сравнение Записок Вигеля, с их желчными и разоблачительными характеристиками высшего круга его времени, с аналогичными по характеру мемуарами герцога Сен-Симона, было впервые сделано М. Н. Лонгиновым (Современная летопись. 1863. № 46).

[7] *После смерти императора Николая Павловича... он отретировался, поджав хвост.*— Инцидент с Вигелем подробно описан самой Смирновой в письме к неустановленному адресату (Самарину?): «Мне сообщают из Москвы, что там рассказывают мою сцену с Ф. Ф. Вигелем с прикрасами; об этом Соболевский писал Н. М. Ей нет никакой надобности в прикрасах, она и без того была довольно хороша; а так как Петербург — самый маленький город в свете, то история на следующий день прошлась по набережным, по Морской и Невскому, об ней говорили на Сергиевской, на Литейной и даже на Васильевском острову, так как М. Голицын приехал поговорить со мною об ней. Лишь Пески и Охта ее игнорировали. Тютчев, А. Попов, Шеншин, Константинов, Григорий Щербатов и другие присутствовали при исполнении; но, однако, я не бросала лампы в Вигеля и даже не напоминала про стихи Соболевского» (РА. 1897. № 8. С. 620). См. также: «Ф. Ф. Вигель и А. О. Смирнова» (Там же. С. 631—632). Возможно после этого инцидента Соболевский сочинил вторую строфу своей эпиграммы:

Счастлив дом, а с ним и флигель,
В коих, свинство не любя,
Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
В шею выгнали тебя!

Об отношениях Смирновой с Вигелем см. «Смирнова и Вигель» (РА. 1895. № 6).

[8] *Тогда он устремил свое гадливое расположение к Элизе...*— Смирнова возвращается к событиям 1829 г., не замечая хронологического несоответствия слова «тогда» описанному перед этим инциденту 1855 г.

[9] *Тогда в «Северных цветах» печатали стихи Трилунного... фамилия его Струйский.*— Поэт, прозаик, музыкальный критик Д. Ю. Струйский (псевд. Трилунный) — в конце 20-х —начале 30-х годов знакомый Пушкина. Пушкин напечатал его стихотворения «Тьма» и «Возрождение» в «Северных цветах на 1831 г.» и в «Северных цветах на 1832 г.»

[10] *...концерты... у Певчих...*— Т. е. в императорской Певческой капелле.

[11] *...он завидовал Гензельту... квартеты...*— Пианист и композитор А. Л. Гензельт приехал в Россию в 1838 г., концерты бр. Мюллеров в Петербурге состоялись в 1845 г. (о них см. в Дневнике Смирновой за 16 марта, с. 14). Таким образом, все эти музыкальные впечатления относятся к более позднему времени, чем конец 1820-х годов, о котором идет речь. Среди упоминаемых посетителей концертов *«граф Ларион Васильевич»* — Васильчиков, *Крылов* — Иван Андреевич.

[12] *Лето... в Петергофе... в Красное Село на маневры...*— Приезд шведского и прусского принцев относится к лету 1830 г. Маневры в Красном Селе происходили с 14 по 18 июля 1830 г. (*Смирнова*, 1929. С. 409).

[13] *Зимой принца Карла сменил... принц Альберт.*— Принц Альберт приехал в Петербург зимой 1829/1830 г., а не 1830/1831 г., как можно понять рассказ Смирновой (в № 2 «Сев. Пчелы» за 1830 г. он упомянут среди присутствующих в свите Николая I — *Смирнова*, 1929. С. 410).

[14] *...старый Чернышев...*— Обер-шенк гр. Г. И. Чернышев, отец декабриста З. Г. Чер-

нышева и жены декабриста А. Г. Муравьевой. Рассказ Смирновой дает ценные детали о положении и поведении находившихся при дворе родителей декабристов.

[15] *Киселев и Бутурлин... богатую супругу.*— Имеются в виду П. Д. Киселев и Д. П. Бутурлин. Жена Бутурлина, Елизавета Михайловна, была дочерью известного богача М. П. Комбурлея.

[16] *Увы, таков удел прекрасного на свете...*— Скрытая цитата из стихотворения Жуковского «На кончину е. в. королевы Виртембергской» (1819): «Прекрасное погибло в пышном цвете... Таков удел прекрасного на свете!»

[17] *Свадьба была назначена в конце февраля...*— В действительности 14 апреля 1828 г.

[18] *Витгенштейн был тогда в опале...*— «Опала» Л. П. Витгенштейна, как выражается Смирнова, была связана с причастностью его к движению декабристов (член Союза благоденствия и Южного общества). С сентября 1828 г. был в отставке. Весьма характерно, что Николай I отказался присутствовать на свадьбе любимой воспитанницы своей матери, хотя сам отпустил Витгенштейна с оправдательным аттестатом.

[19] *...с условием, что там не будет Безобразова.*— Намек на всем известные близкие отношения матери С. Д. Радзивилл Т. И. Чернышевой с С. Д. Безобразовым, знаменитым красавцем своего времени.

[20] *L'espace d'un matin* — строка из стихотворения Ф. Малерба (см. выше, примеч. 61: к варианту 3).

[21] *Бог с ней, с этой вероломной женой...*— В дневнике Пушкина запись от 6 марта 1834 г.: «В городе много говорят о связи молодой княгини С. с графом В. Заметили на ней новые бриллианты, рассказывают, что она приняла их в подарок от В. будто бы по завещанию покойной его жены» (*Пушкин*. Т. 12, с. 320). В записи от 16 апреля 1834 г.: «Сувор‹ова› брюхата и, кажется, не во время. Любопытные справляются в Инвалиде о времени приезда ее мужа в Петербург» (Там же. С. 326).

[22] *В это лето приехал Поццо ди Борго...*— Переход к событиям 1834 г., очевидный по дальнейшему тексту.

[23] *Вся партия... Киселев был секретарем посольства.*— Faubourg St.-Germain — аристократический район Парижа. Н. Д. Киселев был с 1832 г. вторым секретарем русского посольства во Франции.

[24] *Стихи Пушкина к прелестной 15-ти летней девочке Адели...*— Стихотворение Пушкина, которое цитирует Смирнова, написано в 1822 г. Адели Давыдовой было тогда 14 лет.

[25] *И Пушкин с Кавказа с Раевскими там жил несколько месяцев.*— Раевские — семья ген. Н. Н. Раевского, в имение которого Каменка Пушкин наезжал в 1821—1822 гг. из Кишинева.

[26] *...в Торкее в мою бытность...*— Смирнова жила в Торке (Англия) в 1862—1869 гг.

[27] *Великая княгиня жила тогда в Торки...*— Вел. кн. Мария Николаевна, ее дети от герц. Максимилиана Лейхтенбергского Елена, Мария, Евгения, Сергей (1849—1877), Юрий (р. 1852). Елена — дочь от второго мужа Г. А. Строганова, впоследствии жена В. А. Шереметева.

[28] *В ту зиму не было конца вечерам и балам...*— Зиму 1831/1832 гг. (далее Смирнова сообщает, что только что вышла замуж: свадьба ее была 13 января 1832 г.).

[29] *...лечилась у магнетизерки Турчаниновой...*— Имеется в виду Анна Александровна Турчанинова, писательница и переводчица, печатавшаяся в первой четверти XIX в. О ней как магнетизерше вспоминали многие современники.

[30] *Геккерен тоже часто ездил.*— Остается неясным, имеется ли в виду Дантес или его приемный отец (скорее всего, последний — в единственном ее упоминании о Дантесе в ‹Воспоминаниях о Н. В. Гоголе› он назван Дантес).

[31] *Тут явилась в свет Аврора в полном цвете красоты... освети и озари...*— Аврора Шернваль, фрейлина с 1831 г. О посвященном ей стихотворении Баратынского см. примеч. 61 к основному тексту «Воспоминаний о детстве и молодости».

[32] *Валуев уже был женат на Машеньке Вяземской...*— Хронология снова спутана Смирновой: М. П. Вяземская вышла замуж только в 1836 г., когда Смирнова была уже за границей. Описываемая ею ситуация могла иметь место только в конце 1830-х годов.

[33] *...где встретила на свою беду Наталью Николаевну Пушкину... нарядами и болтовней.*— Единственное замечание Смирновой, показывающее оценку ею интересов

Н. Н. Пушкиной как пустых (в воспоминаниях о Пушкине она упоминает ее мало, но всегда сдержанно, здесь же истинное отношение к ней и Идалии Полетике вырвалось наружу). В записях Я. П. Полонского рассказов Смирновой это тоже проскальзывает: «Жена его ревновала ко мне. Сколько раз я ей говорила: „Что ты ревнуешь ко мне? Право, мне все равны: и Жуковский, и Пушкин, и Плетнев,— разве ты не видишь, что я не влюблена в него, ни он в меня".— Я это очень хорошо вижу, говорит, да мне досадно, что ему с тобой весело, а со мной он зевает» (Голос минувшего. 1917. № 11—12. С. 155).

[34] *У Карамзиных, с возвращения их из Дерпта, собирался весьма тесный кружок молодых людей.*— Братья Карамзины (Андрей и Александр) окончили Дерптский университет в 1833 г. и вступили в службу в гвардейскую конную артиллерию. Речь идет уже, следовательно, о событиях 1833—1834 гг. (до отъезда Смирновой за границу). Здесь и далее смешаны события этого времени с более ранними (упомянутый как член этого кружка Д. Веневитинов умер в 1827 г.).

[35] *...500 душ в Орловской губернии...*— Имение С. Н. Карамзиной — в Симбирской губ.

[36] *...Андрей Муравьев... под названием «Тивериада».*— Эпиграмма Пушкина «Лук звенит, стрела трепещет...» (впервые: МВ. 1827. № 3. С. 124) была написана, когда Муравьев в доме З. А. Волконской сломал руку гипсовой статуи Аполлона. Пьеса А. Н. Муравьева «Битва при Тивериаде» была написана в 1828 г. (по словам самого Муравьева — «во время турецкого похода»; см.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 57). Отрывки из нее Пушкин напечатал в «Современнике» (1836. Т. 2. С. 140—179).

[37] *У всех братьев этого семейства выработался железный характер, сильное религиозное чувство.*— По существу совершенно верная характеристика общих черт братьев Андрея Муравьева — Александра Николаевича, декабриста, и Михаила Николаевича, Муравьева — «Вешателя».

[38] *Сестра моя ничему не училась...*— Ольга Ивановна Арнольди. Следующий далее эпизод выпускного экзамена описан в другом варианте этих воспоминаний (см. выше, с. 153) и «Баденском романе» (с. 336).

[39] *...танцевала с Опочининым, конногвардейским офицером...*— Опочинин, о котором идет речь, ошибочно назван Федором — его имя Константин Федорович.

[40] *Из простых сделался одним из лучших служак...*— Начиная с этих слов сообщаются сведения уже не о К. Ф. Опочинине, а о его тесте И. Н. Скобелеве.

[41] *...Вадбольский был дурак, непонятно, почему он был замешан в историю 14-го числа.*— Кн. А. П. Вадбольский членом тайного общества не был, но 14 декабря пытался отклонить солдат своей роты от присяги. Любопытное замечание, раскрывающее отношение Смирновой к движению декабристов.

[42] *По дороге в cara patria мы остановились в Франкфурте-на-Майне...*— Начиная с этого места хронология рассказа Смирновой все время сбивается: поскольку упоминается ее дочь Надя, родившаяся в 1840 г., ясно, что речь идет о возвращении в Россию в 1844 г. Но тут же идет рассказ о лете 1828 г. «Весной... мы поехали в Царское». Затем (о прогулках с С. Н. Карамзиной в Царском Селе — с. 196—197) как будто о лете 1830 г. потом (с. 197) снова о 1828 г. В последующем тексте ошибки в именах: Карл Карлович Мердер; Родион Александрович Кошелев.

[43] *Она была очень счастлива с Бобринским. Он никогда ничему не учился...*— Публикуя этот текст в РА, Бартенев сделал следующее примечание к этому месту: «Смирнова ложно утверждает, что Бобринский ничему не учился, он был одним из первых учеников Московской школы для колонновожатых Н. Н. Муравьева. У Бобринского было трое, а не четверо детей. Женился он в 1821 г.» (Цит. по: *Смирнова*, 1929. С. 413).

[44] *...часто бывал неизбежный ветрогон Лагрене, и свадьба Вареньки Дубенской там устроилась.*— Свадьба секретаря французского посольства в Петербурге в 1828—1834 гг. Т. Лагренэ и фрейлины В. И. Дубенской.

[45] *...достойный и серьезный Bourgoing...*— Французский посланник и полномочный министр бар. Бургуэн.

[46] *...графа Толстого... Его жена была Барыкова.*— Говоря о графе Толстом, «советнике придворного департамента», Смирнова имеет в виду гр. Варфоломея Толстого, но путает, утверждая, что жена его была Барыкова: Прасковья Васильевна Барыкова была женой А. А. Толстого. Это знакомые Пушкина в Москве (*Черейский*. С. 440)

[47] *Когда имп⟨ератрица⟩ поехала в Одессу...*— Императрица уехала в Одессу 26 апреля 1828 г., вернулась 6 октября.

[48] *...ждали возвращения имп⟨ератора⟩ и имп⟨ератрицы⟩. Они приехали в последних числах 28-го года...*— По окончании кампании 1828 г. русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Николай I возвратился из императорской главной квартиры после взятия Варны (сентябрь 1828 г.), императрица из Одессы — в октябре.

[49] *...флигель-адъютант Хазарский... на корабле «Изумруд»...*— Речь идет об Александре Ивановиче Казарском, назначенном флигель-адъютантом в мае 1828 г. за успешный бой брига «Меркурий», которым он командовал, с двумя турецкими кораблями.

[50] *Весной этого года он занемог... увял этот прекрасный цветок...*— В рассказе об Иосифе Виельгорском сбита хронология — заболел он не в 1828 г., когда был взят в товарищи к наследнику (как получается из слов Смирновой), а взрослым юношей, чиновником Военного министерства. Умер в Италии в 1839 г.

[51] *Государь знал все 20-ть томов Голикова.*— Сочинения И. И. Голикова: «Деяния Петра Великого» (М., 1788—1789. Т. 1—12); «Дополнения к деяниям Петра Великого» (М., 1790—1797. Т. 1—18).

[52] *...Пушкин написал стихи:*

Всему завистливый Моден,
На вензель, двум сироткам данный...—

В «Евгении Онегине» (гл. VIII, строфа XXV):

Тут был на эпиграммы падкий,
На все сердитый господин:
На чай хозяйский, слишком сладкий,
На плоскость дам, на тон мужчин,
На толки про роман туманный,
На вензель, двум сестрицам данный...

Смирнова, таким образом, с уверенностью, как известный факт, раскрывает имя прототипа «сердитого господина» — Г. Ф. Моден.

[53] *...Ольга за старика Мосолова... жила одна особняком.*— История брака Мосоловых рассказана также А. П. Глушковским (Воспоминания балетмейстера. Л.; М., 1940. С. 131): «Федор Иванович Мосолов имел более 4 тысяч душ крестьян, медные заводы и большой каменный дом на Тверском бульваре. Ему в то время было около 70 лет ⟨...⟩ супруги разъехались, и Ф. И. Мосолова заставили посредством суда выдавать молодой жене ежегодно на содержание по 12 тысяч рублей».

[54] *Все влюблялись в эту польскую волшебницу.*— Волшебница — гр. Ф. И. Шувалова, с 1826 г. жена церемониймейстера двора А. П. Шувалова.

[55] *Этот пройдоха... чтобы сделать карьеру, просил руки Софьи Нарышкиной...*— Софья Нарышкина — внебрачная дочь Александра I от М. А. Нарышкиной (ум. в 1824 г. от туберкулеза).

[56] *Соболевский между прочим писал комические стихи. Вот самые известные... графа Безбородки.*— Обе эти эпиграммы отсутствуют в изданиях Соболевского. Они были в архиве Смирновой, так как их же текст переписала О. Н. Смирнова с пометой «Женева, 1866» (ЦГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1).

[57] *Неелов, beau-frère графа Киселева, подвизался в том же роде...*— Неелов Сергей Алексеевич (1778—1852), известный поэт-эпиграмматист. Вяземский писал о нем: «Основатель стихотворческой школы, последователями которой были Мятлев и Соболевский, только вообще он был скромнее того и другого. В течение едва ли не полувека малейшее житейское событие в Москве имело в нем присяжного песнопевца» (Старая записная книжка. С. 118). Вторым браком, с 1837 г., Неелов был женат на А. Д. Киселевой, сестре П. Д. и Н. Д. Киселевых. Биографию и публикацию стихов Неелова см.: Русские Пропилеи. М., 1916. Т. 2. Упомянутую эпиграмму см.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 221.

[58] *...портрет Елисаветы за зеленой тафтой.*— Вероятно, портрет Л. Каравакка Елизаветы Петровны ребенком, обнаженной (вторая половина 1710-х годов; см.: Портрет петровского времени. Каталог выставки. Л., 1973. С. 42). Ныне — в ГРМ.

[59] *... ездила по воскресеньям к бабушке в Смольный...*— Бабушка М. Т. Пашковой — начальница Смольного института гр. Ю. Ф. Адлерберг.

[60] *...ее связь с Витгенштейном, все ее капризы...*— Ср. отзыв о ней в Дневнике Пушкина: «С⟨уворова⟩ очень глупа и очень смелая кокетка, если не хуже» (*Пушкин.* Т. 12. С. 320).

[61] *...написали папе Киаромонти...*— Папа Пий VII (1800—1823).

[62] *Мать Стефани была отдана... вышла за Чернышова.*— История замужества матери С. Д. Радзивилл рассказана Смирновой несколько раз (см. наст. изд., с. 152, 304), фамилия ее первого мужа всякий раз другая (Старжинский, Старчевский, Станкевич).

[63] *...Верон пишет ее портреты...*— Скорее всего, не Верон, а французский художник-портретист Орас Верне (1789—1863), приезжавший и в Россию.

[64] *...если Лакьер не ошибся.*— Имеется в виду книга А. Б. Лакиера «Русская геральдика» (СПб., 1855).

[65] *Графиня Орлова...*— Ольга Ивановна Орлова-Давыдова (рожд. кн. Барятинская) сестра Л. И. Витгенштейн.

[66] *...племянница Дюка Northumberland вышла замуж...*— Здесь и далее комментируется история младшей ветви герцогов Нортумберлендских, носивших фамилию Перси. Смирнова и ее дочь Ольга были близки со многими членами этой семьи, их письма 1860-х — 1880-х годов сохранились в архиве (Генри Перси — ЦГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. 516 и 846; его кузины Луизы — ед. 519, его дочери Исабель —ед. 518). Герцог Олджернон Нортумберлендский, умерший в 1865 г., не имел прямых потомков по мужской линии, и ему наследовал кузен Чарлз (у Смирновой — Карлинька) Перси, которому было более 80 лет.

[67] *...старичка дизвитского...*— См. выше, примеч. 37 к Варианту 3.

[68] *...в Семибашенном замке, где был заключен наш Булгаков.*— Русский дипломат Я. И. Булгаков, чрезвычайный посол и полномочный министр в Константинополе в 1781—1789 гг., был заключен султаном в 1783 г. в Семибашенный замок.

[69] *Когда в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Алексей приехал...*— Вел. кн. Алексей Александрович был в Турции и Греции в 1871 г.

[70] *Во время Бутенева... Игнатьев и его жена вовсе не интересовались церковью...*— А. П. Бутенев — русский посол в Константинополе в 1830—1842 и 1856—58 гг., Н. П. Игнатьев — с 1864 г.

[71] *Во время болезни в Павловске... неглижируют классическими писателями.*— Об А. С. Норове, с которым Смирнова была в дружеских отношениях, она рассказывала не раз в своих мемуарах, создавая юмористический, но вместе с тем уважительный его портрет. В данном месте мемуаров рассказано о встречах с ним в Павловске, где Смирнова провела лето 1848 г. А. С. Норов (1795—1869), путешественник и писатель, в это время правитель дел по принятию прошений на высоч. имя, впоследствии товарищ министра народного просвещения (с 1850 г.), министр (1854—1858); с 1851 г.— председатель Археографической комиссии, много сделавший на этом посту. До 1823 г. Норов служил в гвардии, потерял ногу в Бородинской битве, вышел в отставку полковником. Жена Норова с 1836 г.— Варвара Егоровна, рожд. Панина (см. биографический очерк А. В. Никитенко: Сборник статей II отд. Имп. Академии наук. 1869, № 9, с. 11—34).

[72] *До женитьбы Норов ездил в Сицилию... написал статейку в «Северной пчеле»...*— Книга Норова — «Путешествие в Сицилию в 1822 г.» (СПб., 1828). Далее упоминается его книга «Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе» (СПб., 1847). Но Смирнова смешала вместе разные путешествия Норова: путешествие в Египет и Нубию, совершенное в 1834—1835 гг. (его книга: Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 годах Авраама Норова, служащее введением к путешествию по Святой земле. СПб., 1840) и по Ближнему Востоку (отразившееся в предыдущей книге). Рассказ Норова о покупке статуи, в которой он ошибочно видел изображение Изиды, содержится в «Путешествии по Египту и Нубии...» (ч. 2, с. 350). В Академию художеств статуя поступила в 1837 г., с 1852 г. хранится в Эрмитаже, о чем Смирнова не знала (см.: *Лапис И. А., Матье М. Э.* Древнеегипетская скульптура в собрании Гос. Эрмитажа. М., 1969, № 102, рис. 66). Историю покупки Норовым древнеегипетской статуи Смирнова повторила в «Баденском романе» (наст. изд., с. 482, 483). Характерно, что, рассказывая здесь о женщине, оплакивавшей отъезд статуи, Смирнова в шутку предполагает в ней царицу времен царя Соломона, в «Баденском романе» она уже всерьез названа египетской царицей. Упоминаемая потом книга У. Кинглека «Eothen», посвященная его путешествию на Восток, вышла в свет в Лондоне не в 1840 г., когда Норов был в Египте, а в 1844 г.

[73] *Андрей Муравьев на следующий год привез двух великолепных сфинксов...*— Сфинксы эпохи Аменхотепа III были приобретены не «на следующий год» после Изиды, а несколькими годами раньше. История их приобретения рассказана способствовавшим ему А. И. Рибопьером в его «Записках» (РА. 1877. № 5. С. 34). Они были установлены на Васильевском острове в 1832—1834 гг. (*Струве В. В.* Петербургские сфинксы // Записки классич. отделения Русского археологич. общества. СПб., 1913. Т. 7. С. 20—51).

[74] *...у него было 15 000 редких книг...*— См.: Библиотека А. С. Норова. Каталог. СПб., 1868. Ч. 1.

[75] *Александр. Скарлатич... западное образование.*— Сведения о Стурдзе у Смирновой путаные и неверные: А. С. Стурдза (1791—1854) попал в Россию с родителями годовалым ребенком, впоследствии учился в Германии. Статья, о которой идет речь, написана была для Аахенского конгресса Священного Союза («Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne», 1818). В ней с клерикально-монархических позиций критиковались немецкие университеты. Последовавшие события (статья была поддержана А. Коцебу, убитым за это студентом Зандом) вызвали острый резонанс в русском обществе. Все это, по-видимому, осталось неизвестным Смирновой.

[76] *...Мекленбургия и теперь осталась оботритской.*— Оботриты (бодричи), славянское племя, жившее в бассейне Эльбы. Территория, некогда занимавшаяся им, с XV в. входила в состав Мекленбургских княжеств (Мекленбург — Шверин и Мекленбург — Стрелиц).

[77] *«Die Herren mit zartem Gefühl»* — Об этих стихах Гейне из «Книги песен» см. примеч. 9 к основному тексту «Баденского романа».

[78] *...он писал идиллию...*— Строфа из стихотворения Мятлева «Свадебный поезд колонистов»:

Каспар женится с Лизетом,—
Колонисты поднялись,
Кто со скрипкой, кто с кларнетом
Все в дорогу собрались

(*Мятлев И. П.* Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969. С. 140).

[79] *...этот знаменитый трактат...*— Речь идет об Адрианопольском мирном договоре 2.IX.1829 г., которым окончилась русско-турецкая война 1828—1829 гг. По этому договору к России перешло устье Дуная с островами, Кавказское побережье Черного моря до северной границы Аджарии и крепости Ахалкалаки и Ахалцих. Молдавия, Валахия, Греция получили автономию от Турции. Брунов поехал на мирные переговоры при одном из русских уполномоченных гр. Палене. Он удачно сочинил один из проектов временного соглашения с турками, проект понравился второму уполномоченному А. Ф. Орлову, и тот взял его к себе, рекомендовав его императору. Это стало началом дипломатической карьеры Брунова (Рус. Биогр. Словарь, т. Бетанкур — Бякстер. С. 372).

[80] *Благодарить приехал Халиль-паша...*— Халиль-паша прибыл в Россию в январе 1830 г.

[81] *Абдул Азис уже пил...*— Абдул Азис-хан, второй сын султана Махмуда II, султан с 1861 г., неврастеник и алкоголик, при котором фактическое управление государством принадлежало великому визирю.

[82] *Во время Синопского сражения он делал чудеса.*— Слова о Синопском сражении относятся к Нахимову, разгромившему в этом сражении 18 ноября 1853 г. турецкую эскадру Осман-паши.

[83] *Он нашел там Шевченко... портрет какого-то дикого.*— Шевченко в 1847 г. за участие в Кирилло-Мефодиевском обществе был арестован и отдан в солдаты в Оренбургский корпус. Служил на п-ове Мангышлак, где и встретился с А. И. Бутаковым, в 1848—1849 гг. капитан-лейтенантом флота, начальником Аральской гидрографической экспедиции, в штат которой, благодаря хлопотам Бутакова, Шевченко вошел как художник. После экспедиции они были вместе еще некоторое время в Оренбурге (Шевченківський словник. Київ, 1978. Т. 1. С. 96—97). «Портрет какого-то дикого» — одна из жанровых зарисовок, сделанных Шевченко в 1848—1849 гг., возможно — «Казах на коне».

[84] *...государь, который обожал это милое дитя... неудовольствие на Анну...*— Об

особой привязанности и Николая I к внучке Марии, и Александра II к дочери см. в воспоминаниях А. Ф. Тютчевой «При дворе двух императоров» (М., 1928. С. 171, 172, 194). О причинах, побудивших А. Ф. Тютчеву расстаться со двором, где она провела 13 лет, сперва как фрейлина имп. Марии Александровны, потом воспитательница ее младших детей Марии, Сергея и Павла, см. вступит. статью С. В. Бахрушина к указ. книге (с. 7—9).

[85] *Соболевский сочинил тогда стихи на всю Славянщину...*— Смирнова в приведенных стихах, как всегда неверно переданных, объединила две эпиграммы С. А. Соболевского: на А. Д. Блудову (Эпиграммы и экспромты С. А. Соболевского. Под ред. В. Каллаша. М., 1912. С. 19) и «Корифеям московского славянофильства» (там же, с. 44). Вторая строфа эпиграммы на Блудову:

Смешны мне синие чулочки
Хотя б и в пожилых годах,
Хотя б на министерской дочке,
На камер-фрейлинских ногах.

Стихи из эпиграммы о славянофилах:

Пред ним коленопреклоненный,
Не чуждый также откупов,
Кадит усердно муж почтенный,
Творец «Беседы» Кошелев.

В предыдущей строфе: «На бочке пенника простого / Блаженный Кокорев сидит».

[86] *На барона Александра Мейендорфа он написал тоже...*— Следует неточно переданная эпиграмма Соболевского «Легенда» (*Соболевский С. А.* Указ. соч. С. 70—71). См. также в «Баденском романе» (наст. изд., с. 356).

[87] *Летом приезжал из Персии Хозрев-Мирза.*— Хозрев-Мирза — сын Аббас-Мирзы, прибыл в Россию в июле 1829 г. с извинениями иранского шаха за убийство Грибоедова. О пребывании его в России см. РА. 1889. № 1. Хронология всех этих событий сбивчива: С. Д. Радзивилл вышла замуж в 1828 г., приезд Хозрев-Мирзы относится к лету 1829 г., рождение вел. кн. Константина Николаевича — к 1827 г., за рассказом о нем сразу следует известие о революции 1830 г. во Франции.

[88] *Французский министр Гобино написал очень интересную книгу о Персии.*— Имеется в виду книга французского посланника в Иране Ж. А. Гобино «Les religions et les philosophies dans l'Asie Centrale».

[89] *9-го числа... императрица родила сына... на радость и горе своим родителям и России...*— Эта фраза отражает резко отрицательное отношение Смирновой к либеральным позициям Константина Николаевича, его роли в крестьянской и судебной реформе 1860-х годов, его близости к вел. кн. Елене Павловне.

[90] *Эта катастрофа отозвалась... и во всей Германии...*— Речь идет о волнениях 1830 г. в Лейпциге, Дрездене и Хемнице, вынудивших короля Саксонии Антона дать отставку премьер-министру Айнзиделю и согласиться на конституцию.

[91] *...в России читали «Les deux pendus»...*— У Гюго нет произведения с таким заглавием. В других вариантах мемуаров Смирнова называет так роман Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагоссе».

[92] *После войны и Седанского погрома...*— Имеется в виду франко-прусская война 1870—1871 гг., поражение Франции в которой привело к крушению Второй империи. 1 сентября 1870 г. при Седане немецкие войска нанесли сокрушительное поражение французской армии. Наполеон III сдался в плен. 4 сентября Франция была провозглашена республикой.

[93] *Теперь молодой Бонапарт окончил науки...*— Сведения о принце Наполеоне способствуют датировке этого варианта: он окончил артиллерийское училище в Вульвиче в 1874 г., убит в 1879 г.

[94] *...Ауэрбах в своем романе «Башмачок»...*— У популярного во второй половине XIX в. немецкого писателя Бертольда Ауэрбаха нет романа «Башмачок». По всей вероятности, это обычная для Смирновой неточная ассоциация: известная повесть Ауэрбаха «Босоножка» («Barfüssele») (из серии «Schwarzwälder Dorfgeschichte». В., 1856).

[95] *...вызвало несчастную Мексиканскую войну.*— Французская интервенция в Мексику в 1862 г., в ходе которой было свергнуто прогрессивное правительство Б. Хуареса

и на мексиканский престол (в 1863 г.) был избран в качестве мексиканского императора австрийский эрцгерцог Максимилиан. В 1867 г. он был свергнут народным движением и расстрелян.

[96] *Красивейшей из дочерей... выйти за ученого дурака...* — Речь идет о Карле I, короле Вюртембергском, а до 1864 г. наследном принце Фридрихе Александре; муж вел. кн. Ольги Николаевны, он получил образование в двух университетах: Тюбингенском и Берлинском. «Красавица и чудовище» — известный сюжет, отразившийся в фольклоре и литературе разных стран. В русской литературе — сказка С. Т. Аксакова «Аленький цветочек».

[97] *Вечером играли... воспрещено входить в его комнату.* — В повествование о зиме 1831/1832 гг., когда Смирнова вышла замуж, без оговорок вписано повторение рассказа о пребывании летом 1829 г. в Ревеле с Карамзиными (см. выше, наст. изд., с. 168).

[98] *...несчастный, в цвете лет, погиб на пушке...* — Андрей Николаевич Карамзин погиб в мае 1854 г. в Валахии во время Крымской войны.

[99] *...собиралась вся Воейковщина...* — Родные Н. М. Смирнова по его тетке А. П. Смирновой, бывшей замужем за П. И. Воейковым.

[100] *...самые невинные романы.* — «Les veilleés des châteaux ou cours de morale à l'usage des enfants» (P., 1784. Т. 1—4), «Les petits émigrés ou correspondance de quelques enfants» (P., 1798. Т. 1—2) — романы Ф. де Жанлис.

[101] *Подольский губернатор Гессе...* — О нем см. выше, примеч. 39 к 5-му варианту.

[102] *Когда Основьяненко был губернатором...* — Фамилия калужского губернатора здесь названа неверно; в предыдущем изложении этой истории правильно: Н. К. Омельяненко (наст. изд., с. 147). Там же анекдот о Лопухине (см. выше, примеч. 86 к 3-му варианту).

[103] *...сказал сам великий Grand pontife...* — Игра словами (grand pontife — первосвященник, pontife — строитель мостов). Имеется в виду главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями П. А. Клейнмихель. Ранее подобное же прозвище дано Смирновой Ангальту.

[104] *Ивану Серг⟨еевичу⟩... Лев Ив⟨анович⟩ был просто душка.* — Имеются в виду И. С. Аксаков и Л. И. Арнольди, служившие в Калуге во время губернаторства Н. М. Смирнова.

[105] *...я...выгнала из дому... Вам в душу проникло и проч.* — Ссора Смирновой с И. С. Аксаковым летом 1846 г. подробно описана была им в письмах к родителям. Непосредственным поводом к ней послужил разговор об отношениях Николая I с В. А. Нелидовой, возникший при случайном упоминании брата последней И. А. Нелидова, приятеля Смирновой (см.: Аксаков И. С. Письма к родным. М., 1988. С. 268, 269). Стихотворения Аксакова цитируются Смирновой неточно. Приводим точный текст этих отрывков.

А. О. Смирновой

Первый:

Вы примиряетесь легко,
Вы снисходительны не в меру,
И вашу мудрость, вашу веру
Теперь я понял глубоко.

Второй:

А вы? Вам в душу недостойно
Начало порчи залегло,
И чувство женское покойно
Развратом тешиться могло!

Третий:

И много — много дивных сил
Господь вам в душу положил!

(*Аксаков И.* Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 73—75). Далее приведен конец стихотворения «А. О. Смирновой» («Когда-то я порыв негодованья...»):

«И понял я, хоть поздно, в этот миг,
Что ждать нельзя иного мне ответа,
Что дама Вы, блистательная, света!..»

(Там же. С. 75).

Другая ссора, прекратившая на долгое время отношения И. С. Аксакова со Смирновой, возникла из-за отношения Аксаковых с Гоголем (*Аксаков И. С.* Письма к родным. С. 354, 355). «Современная газета» — конечно, журнал «Современник», но стихотворения эти там не были напечатаны (опубликованы впервые после смерти Аксакова и Смирновой).

[106] *«Бродяга» был уже окончен.*— Хронология произведений И. С. Аксакова неточна: оба послания к Смирновой относятся к 1846 г., поэма «Бродяга» к 1852 г.

[107] *Константин Аксаков напечатал тогда трагедию «Прокопий Ляпунов».*— Речь идет об исторической драме К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 г.», напечатанной в 1848 г. и поставленной на сцене 14 декабря 1850 г. (после первого представления была запрещена). Драма заканчивается голосами стрельцов, славящих русские города.

[108] *...«Утро в уголовной палате»... «Иван Сергеевич, времени нет».*— Имеется в виду «Присутственный день уголовной палаты (судебные сцены)» Ивана Аксакова. Впервые напечатаны Герценом («Полярная звезда». Лондон, 1858. Кн. 4). Содержание сцен изложено Смирновой по памяти и очень неточно.

[109] *Письма Самарина об остзейских провинциях были уже всем известны.*— О «Письмах из Риги» Ю. Ф. Самарина и его аресте см. выше, примеч. 38 к 5-му варианту.

[110] *...повезли... в кабинет государя, который обошелся с ним весьма милостиво...*— Изложение беседы Самарина с царем см.: *Самарин Ю. Ф.* Собр. соч. М., 1889. Т. 7. С. XC—XCIII; ср. также рассказ о ней в Дневнике А. В. Никитенко (М., 1955. Т. 2. С. 328, 329). Отъезд двора в Москву весной 1849 г. был связан с окончанием строительства Большого Кремлевского дворца.

[111] *В промежуток взяли Аксакова...*— И. С. Аксаков находился под арестом в III отделении с 17 по 22 марта 1849 г.

[112] *Ему дали книги, бумагу и перо... «и закален в борьбе суровой».*— Подлинный текст цитаты из письма Константина Аксакова к брату Ивану от марта 1849 г.: «Как противен мне Петербург, этот незаконнорожденный город, прижитый с разнузданной Западной Европой» (ГБЛ. Ф. 3. Карт. 3. Ед. хр. 1. б., л. 7 об.). Ответы И. С. Аксакова на заданные ему письменные вопросы см.: *Аксаков И. С.* Письма к родным. С. 497—508.

[112a] *...губернатором был князь Черкасский... супруга его, урожд. Алябьева.*— Дед Владимира Александровича Черкасского Александр Андреевич вообще не был губернатором. Губернатором (но не в Саратове, а в Симбирске) был в 1848 г. П. Д. Черкасский. Жена А. А. Черкасского — урожд. Арсеньева.

[113] *Страшен был 48-й год.*— Повторение, с некоторыми иными деталями, рассказа о революции 1848 г. См. ранее (наст. изд., с. 170).

[114] *Я разговорилась об этих сестрах... Софья Ст⟨аниславовна⟩ меня страшно полюбила...*— Биографию сестер Потоцких (С. С. Киселева и О. С. Нарышкина) см.: *Гроссман Л. П.* У истоков «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин. Исслед. и мат. М.—Л., Т. 3. 1960.

[115] ...médecin qui est amoureux de la jeune folle, qu'il traite.— Скорее всего, имеется в виду роман Жорж Санд «Индиана» (1832), где изложена близкая ситуация.

[116] *...развели Пашкову с кн. Лобановым, что подняло всю Белокаменную.*— О нашумевшем разводе И. А. Лобанова-Ростовского с женой Елизаветой Петровной Киндяковой (Пашковой она стала во втором браке) см. в статье: *Гиллельсон М. И.* Письмо А. Х. Бенкендорфа к Вяземскому о «Московском телеграфе» // Пушкин. Исслед. и матер. М.—Л., 1960. Т. 3. С. 423, 424.

[117] *После первых трудных моих родов доктора послали меня в Берлин...*— Рассказ о поездке в Германию в 1832—1833 гг.

[118] Об этих словах Вяземского см. примеч. 119 к основному тексту «Баденского романа».

[119] *...письмо к королю, другое к княжне Доминике Радзивилл.*— Княгиня Радзивилл, тетка имп. Александры Федоровны — не Доминика, а Луиза Фридерика.

[120] *...я прочла в книге Rémusat, в Торкей...*— Не совсем понятно: мемуары Ремюза, о которых уже упоминала Смирнова, вышли в свет только в 1879—1880 гг., в Торкей она жила в 1860-х годах.

БАДЕНСКИЙ РОМАН
(Основной текст)

Впервые, частично, с ошибками и непрочитанными местами: *Смирнова*, 1931. с. 136—143, 203—214, 162—203.
Автограф: ГБЛ. Ф. 474, 1. 18—20.

[1] *О память сердца... пленяешь дальней...* — Первая строфа стихотворения К. Н. Батюшкова «Мой гений».

[2] *После несчастных родов... королеву Викторию.* — Речь идет о событиях 1819 г. Герцогиня Кентская — Луиза Виктория, рожд. принцесса Саксен-Кобургская, мать королевы Виктории, родившейся 24 мая 1819 г., а в 1834 г. наследовавшей английский престол после своего дяди, бездетного Вильгельма IV.

[3] *...воспитанницу отца Михайла Наумова...* — Ошибка в имени: законоучителем в Екатерининском институте был Иван Михайлович Наумов.

[4] *...летит как пух из уст Эола...* — Стих из I главы «Евгения Онегина».

[5] *Сашенька, мой двоюродный брат Киселев.* — Н. М. Смирнов был в очень дальнем родстве с Киселевым. Смирнова приближает это родство (что делала, вероятно, и в описываемое ею время) для объяснения близких отношений с ним.

[6] *...Платонов, который торчал на своем балконе.* — В «Воспоминаниях о детстве и молодости» Смирнова гораздо благожелательнее рассказывает о В. П. Платонове (см. наст. изд., с. 194), дружеские отношения с которым продолжались и впоследствии. Здесь она передает раздражение, которое вызывала у нее влюбленность в нее Платонова летом 1836 г. в Бадене.

[7] *...семейные шутки, как у меня с Пушкиным, Жуковским и Вяземским.* — Некоторые из этих «семейных шуток» приведены Смирновой в мемуарах (см., напр., далее, с. 303, 390, 432, 470).

[8] *...который написал «Эру Цезарей»?* — Донозо Кортец, Хуан (1809—1853), испанский писатель и государственный деятель. Сочинения его были изданы на испанском языке в Мадриде в 1848 г., в французском переводе в пяти томах в 1854—1855 гг. В этом издании, вероятно, Смирнова и читала «Эру Цезарей».

[9] *Die Damen waren ästetisch/Die Herren mit zartem Gefühl.* — Эти стихи Гейне Смирнова приводит в своих мемуарах неоднократно и всегда неточно. У Гейне:

Sie sassen und tranken am Teetisch,
Und sprachen von Liebe viel,
Die Herren die waren ästetisch,
Die Damen mit zartem Gefühl.

(Buch der Lieder. Lyrisches Intermezzo, стих. 50).
В переводе:

За чаем, корректны и чинны,
Они о любви говорят.
Полны эстетизма мужчины,
У дам возвышенный взгляд.

(перевод В. Левика)

[10] *Оба Медема и Фифи Голицын...* — Павел Иванович Медем, дипломат, в 1836 г. первый секретарь русского посольства в Париже, и его брат Александр Иванович. Фифи Голицын — кн. Федор Федорович Голицын, чиновник русского посольства в Париже.

[11] *В Петербурге я... эти стихи...* — Еще вариант этого рассказа см. далее в 3-м варианте «Баденского романа» (наст. изд., с. 408—409 и примеч. 41). В не печатающемся здесь варианте «Баденского романа»: «В Петербурге я часто виделся с Пушкиным, при мне он написал стихи мелком на зеленом сукне:

Своенравная Россети
В прихотливой красоте
Все сердца пленила эти,
Те, те, те и те, те, те».

(«Я не знала, что он написал эти стихи».— «Все играли на мелок. Один Николай Михайлович платил тотчас, и Пушкин ему говорил: «Смирнов, ты жену проиграешь в карты».— «Если Россети, то не проиграю». (Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 165). В этом изложении эпизода — некоторые анахронизмы: он мог происходить не позднее начала лета 1828 г. (14 июня Киселев уехал за границу), когда Киселев был постоянным членом дружеского кружка Пушкина, Вяземского, Грибоедова, С. Г. Голицына, А. А. Оленина и др. (*Цявловская Т. Г.* Дневник А. А. Олениной // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 2. С. 263). Однако в это время Н. М. Смирнов не был еще знаком с А. О. Россети. Анекдот о «те, те, те» известен также в передаче М. Н. Лонгинова: «Голицын, пришедший во время игры, на вопрос банкомета, на какие деньги он будет играть — на эти (ставку вечера) или на те (его прежний долг), ответил: «Это все равно: и на эти, и на те, и на те, те, те» (Библиографические записки. 1858. Т. 1, № 16. С. 494—496).

[12] *Я не знаю, почему искажают мою фамилию.*— О фамилии Россет и отношении Смирновой к своему происхождению см. наст. изд., с. 580—582.

[13] *Знаете ли вы, как я называю вашего посланника?* — Русский посланник во Франции в 1835—1851 гг.— Пето Петрович Пален.

[14] *У меня есть миниатюрный портрет, который мой дорогой Татась написал сам...*— Портрет неизвестен.

[15] *...я 1 марта 1800 года.*— Дата рождения Н. Д. Киселева, указанная Смирновой, расходится с рядом других источников, где год рождения — 1802.

[16] По православному календарю 6 марта поминаются 42 мученика в Амморее.

[17] *...я позже узнала от дяди Николая Ив‹ановича› Лорера, что отец мой... не был эмигрант.*— По-видимому, наиболее близкий к истине рассказ Смирновой об отце, решительно противоречащий другой версии, закрепившейся в литературе на основании предисловия О. Н. Смирновой к изданию в «Северном вестнике». С этого рассказа начинаются свойственные «Баденскому роману» анахронизмы — беседы Смирновой с ее дядей имели место после его возвращения с Кавказа (был в Петербурге впервые в 1856 г.). Понятно, что за 20 лет до этого она не могла рассказывать об этих беседах Киселеву.

[18] *И я с живым удовольствием прочла, что Геродот называет его перьями...*— Известные соображения Геродота о снеге: «В области, лежащей еще дальше к северу от земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть изза летающих перьев. Об упомянутых перьях, которыми, по словам скифов, наполнен воздух и оттого, дескать, нельзя ни видеть вдаль, ни пройти, я держусь такого мнения. К северу от Скифской земли постоянные снегопады ‹...›. Таким образом, всякий, кто видел подобные хлопья снега, поймет меня; ведь снежные хлопья похожи на перья» (*Геродот.* История в 9 книгах. Л., 1972. С. 188—189, 194).

[19] *...мой муж перешел в Министерство внутренних дел и был губернатором в Калуге.*— Смирнов перешел в Министерство внутренних дел в феврале 1842 г., был губернатором в Калуге в 1845—1851 гг.

[20] *...поручил своему брату Михаилу Александровичу... Луиза Трофимовна одна из моих лучших приятельниц.*— Некоторая путаница у Смирновой: двоюродный брат Ф. Ф. Голицына — Михаил Александрович (1804—1860) — был женат на кн. Марии Ильиничне Долгоруковой. На гр. Луизе Трофимовне Барановой был женат родной брат Ф. Ф. Голицына Михаил Федорович (1801—1873). У них были сыновья Иван, Александр и Владимир.

[21] *...в 6 лет я увидела...*— И. И. Россети умер 11 декабря 1813 г., дочери его, родившейся в марте 1809 г., было менее 5 лет.

[22] *...Charles* — «человек благоволений».— О смысле этого прозвища (от слов молитвы: «...и на земле мир, и в человецех благоволение») см. письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту от 13 апреля 1846 г. (Пушкин в воспоминаниях современников. 1974. Т. 2. С. 257).

[23] *Он получил это имя как крестник королевы Каролины Неаполитанской.*— Другой вариант этого рассказа см. в «Воспоминаниях о детстве и молодости» (с. 80).

[24] *...или же он знал, что Ribas был побочный сын генуэзского Doria?* — О мнимом происхождении О. М. Дерибаса от генуэзского рода Дориа см. в «Воспоминаниях о детстве и молодости» (с. 81 и примеч. 17).

[25] *В Грамаклее в 1816 году не имели понятия... Ришелье.*— 1816 г. указан здесь ошибочно, Ришелье в это время уже вернулся во Францию.

[26] *...Твой Алексаша убит...*— А. Д. Киселев был убит во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг.

[27] *...играла на фортепиано, которое бабушка называла Porto franco.*— Порто-франко — право беспошлинной торговли, установленное в 1817 г. в Одессе, существовавшее до 1859 г.

[28] *Старая Кочубейша* — Ульяна Андреевна Кочубей, сестра канцлера гр. А. А. Безбородко.

[29] Шенсна-Потоцкий — подробнее см. о нем в аннотированном указателе.

[30] *Пушкин от них в восторге... Автора усиленно вызывали, но он скрылся.*— «Сейчас прочел „Вечера близ Диканьки". Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нынешней литературе, что я доселе не образумился»,— писал Пушкин в 1831 г. в «Письме к издателю „Литературных прибавлений к русскому инвалиду"» (*Пушкин.* Т. 11. С. 216). Ср. также его рецензию на второе издание «Вечеров» (*Пушкин.* Т. 12. С. 27). Рассказывая о «Ревизоре», Смирнова, иногда сбиваясь, называет комедию «Городничий». Историю первого представления «Ревизора», к которой она не раз возвращалась в мемуарах, она сообщала с чужих слов, так как в апреле 1836 г. ее не было в России. А. В. Никитенко записал в дневнике 28 апреля: «Комедия Гоголя „Ревизор" наделала много шуму. Ее беспрестанно дают — почти через день. Государь был на первом представлении, хлопал и много смеялся. Я попал на третье представление. Была государыня с наследником и великими княжнами. Их эта комедия тоже много тешила. Государь даже велел министрам ехать смотреть „Ревизора". Впереди меня, в креслах, сидели князь Чернышев и граф Канкрин. Первый выражал свое полное удовлетворение: второй только сказал: Стоило ли ехать смотреть эту глупую фарсу» (*Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 182). Премьера «Ревизора» в Александринском театре состоялась 19 апреля 1836 г. На полях афиши инспектор труппы Храповицкий написал: «Государь император с наследником внезапно изволили присутствовать и был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души. Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество 〈...〉» (см.: *Войтоловская Э. Л.* Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор». Комментарий. Л., 1971. С. 247). Двое Горчаковых — Александр Михайлович (1798—1883), дипломат, министр иностранных дел (1856—1882), лицейский товарищ Пушкина, и, вероятно, его двоюродный брат Михаил Дмитриевич, ген.-от-артиллерии, нач. штаба 3 пех. корпуса. О денежном пособии, данном Гоголю царем, см. примеч. 49 к 3-му варианту «Баденского романа». «Мертвые души» в 1836 г. были только начаты, впервые Смирнова о них узнала летом 1837 г.

[31] *...остановился князь Федор Голицын...* Скорее всего — кн. Федор Николаевич Голицын (1751—1827), камергер.

[32] *...Александр строго запретил продавать людей поодиночке... продают имение с крестьянами.*— О запрете продавать крестьян поодиночке см. примеч. 13 к «Воспоминаниям о детстве и молодости». По указу, изданному только 2 мая 1833 г., «семейством, не подлежащим раздроблению», положено было считать: «отца, мать, и из детей — сыновей неженатых и дочерей незамужних» (*Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 2. С. 553), вопрос же о продаже крепостных без земли так и не был решен до отмены крепостного права (Там же. С. 568).

[33] *...Пушкин описывает именины... Выводит за собою...*— Имеется в виду текст из V главы «Евгения Онегина»:

Но вот багряною рукою
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин.

В примечании к этой строфе Пушкин пишет: «Пародия известных стихов Ломоносова:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою,— и проч.»

О смысле и цели этого примечания Пушкина см.: *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980. С. 278. Пушкин цитирует «Оду на день восшествия на престол Елизаветы Петровны в 1748 году» (*Ломоносов М. В.* Сочинения. М.; Л., 1961. С. 87).

[34] *...стихи Ломоносова на грозу... Прекрасный сей украсил свет?* — Первая цитата — из стихотворения не Ломоносова, а И. И. Дмитриева «Размышления по случаю грома» (1805). Вторая — неточно переданные строки из «Оды, выбранной из Иова» («О ты, что в горести напрасно // На бога ропщешь, человек...»).
У Ломоносова:

Где был ты, как я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет?

[35] *Как жаль, что расклеилась клетка...*— Стихи Вяземского, которые приводит Смирнова, отсутствуют в изданиях его сочинений.

[36] *...у меня есть альбом... и письма Гоголя.*— Возможно, именно в составе этого альбома отдала ряд писем Бартеневу после смерти матери О. Н. Смирнова, писавшая сестре Н. Н. Сорен 30/18 сентября 1882 г.: «Бартеневу я отдала письма покойных теперь Гоголя, Жуковского, Вяземского, Мятлева, Тургенева (Александра Ивановича)» (*Смирнова*, 1929. С. 372).

[37] *...Жуковский, написавший мне... рублей.*— Смирнова цитирует последние строки посвященного ей стихотворения Жуковского «И я веселой жизнью жил...». Цитата неточна, у Жуковского не «Дано», а «Даю» (Цит. по: *Загарин П.* В. А. Жуковский и его произведения. М., 1883. С. 403).

[38] *«Тише, ласточка болтлива».*— Романс И. И. Дмитриева (1792).

[39] *Вокруг герцога собрались лучшие эмигранты...*— О французских эмигрантах, прибывших в Одессу и служивших там при Ришелье, см. мемуары Л. Рошешуара (*Rochechoir L. V.* Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. P., 1889).

[40] *Бенигсен... выхватил табакерку у Зубова.*— Сведения об активной роли Беннигсена в убийстве Павла I и конкретно о том, что происходило в спальне императора, близки к тому, что сообщает об этом Тьер в «Истории консульства и империи» (*Thiers L. A.* Histoire du Consulat et de L'Empire. P., 1845. T. 2. P. 433). Верно, что именно Беннигсен твердо остановил испугавшихся шума снаружи заговорщиков. Однако ни в одном из многих свидетельств современников нет рассказа о нанесении именно им рокового удара табакеркой. В частности, М. А. Фонвизин и М. А. Муравьев-Апостол, передававшие рассказ непосредственного свидетеля, двоюродного брата Фонвизина А. В. Аргамакова, утверждали даже, что в кульминационный момент Беннигсен вышел из спальни Павла. Ланжерон утверждает, что он «был очевидцем смерти императора, но не участвовал в убийстве» (подробнее см.: *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982. С. 315—324). Поскольку известия Тьера основаны, главным образом, на мемуарах Ланжерона, а сама Смирнова называет последнего в числе источников своей информации, то ее сведения представляют немаловажную ценность.

[41] *Я всего раз был в Царском.*— Другой вариант рассказа Киселева о прогулке в Царское село с Пушкиным см. ниже (наст. изд.; с. 511).

[42] *А вы любите фугато в музыке?* — Фугато — музыкальный термин, обозначающий повторяющуюся и исчезающую тему.

[43] *...мы шагом потащились в поход.*— Дневник этого похода — «Журнал походу» Н. И. Арнольди, см. наст. изд., с. 97—113.

[44] *Киса, в Петербурге есть комический поэт... и мне пришла мысль вас развлечь.*— Имеется в виду Иван Петрович Мятлев, автор юмористического романа в стихах «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей дан л'Этранже» (1840). Макаронические стихи и помимо романа широко применялись Мятлевым. Ассоциация с ним Смирновой в этом контексте понятна: далее следует ее рассказ о попытке изобразить подобную г-же Курдюковой барыню на маскараде, которая, по всей вероятности, повлияла на создание этого образа Мятлевым. Сам Мятлев писал Смирновой: «Вы — истинная, настоящая мать Курдюковой, ибо вы ее родили: я о вас думал все время, писав ее нашептывания. О вы, которой она посвящена и принадлежит» (РА. 1889. № 11. С. 414). А. Ф. Орлов не был в описываемое время шефом жандармов, он стал им только в 1844 г. Среди напечатанных стихотворений Мятлева (Л., 1969) и писем его к А. О. Смирновой (РА 1889. № 11. С. 410—414) нет таких стихов.

[45] *Пушкин жил в доме Китаевой, я сказала его человеку, что Варшава взята...*— Ср. с несколько иным рассказом в «Воспоминаниях о Жуковском и Пушкине» (с. 25). Данный вариант лучше согласуется со смыслом письма Пушкина и приведенных далее его стихов.

[46] *...альбом... репутацию злючки.*— Вариант, по которому альбом подарен С. Н. Карамзиной, а не Пушкиным (см. также наст. изд., с. 25), более вероятен: стихотворение Пушкина «В тревоге пестрой и бесплодной» датировано в альбоме 18 марта, день рождения Смирновой — 6 марта (впрочем, 18 марта это 6 марта по новому стилю). «Репутация злючки» — имеются в виду строки этого стихотворения:

И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

«Вроде Сен-Симона» — упоминались знаменитые мемуары герцога Сен-Симона, раскрывавшие закулисную жизнь французского двора при Людовике XIV. В библиотеке Пушкина было издание этих мемуаров, выпущенное в шести томах в Париже в 1826 г.: «Mémoires de duc de Saint Simon. Nouvelle édition... par M. Laurent, professeur au College royale de Charlemagne» (см. Описание библиотеки А. С. Пушкина Б. Л. Модзалевского // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9—10. С. 328).

[47] *...он писал их в доме Китаева... женщины — лучшие критики.*— Ср. с аналогичным рассказом в «Воспоминаниях о Жуковском и Пушкине» (с. 22—23). Из сказок Пушкина летом 1831 г. была написана только «Сказка о царе Салтане».

[48] *...наказывали за то, что не говорили по-французски.*— В «Воспоминаниях о детстве и молодости», рассказывая о своей беседе с Пушкиным (наст. изд., с. 177), Смирнова утверждала, напротив, что в институте их наказывали за то, что они говорили по-французски не в дежурный день.

[49] *...написан ли с вас хороший портрет?* — Акварель П. Ф. Соколова, сделанная, судя по словам Смирновой, в 1831 г.,— очевидно, та, что воспроизведена с датой «1820-х гг.» в альманахе «Памятники Отечества» № 2 за 1985 г., с. 103. Портрет работы Августа Реми (Реми с 1830 г. был профессором Академии художеств в Берлине) и акварель П. Ф. Соколова см. наст. изд., вклейка.

[50] *...la Princesse Antoine Radziwill* — Луиза Фридерика Радзивилл, принцесса Прусская, жена кн. Антона Генриха Радзивилла, тетка имп. Александры Федоровны.

[51] *...я предпочитаю читать с Вольфом историю Менцеля.*— Речь идет, вероятно, об одном из основных трудов немецкого историка Адольфа Менцеля («Neuere Geschichte der Deutschen von der Reformation bis zur Bundesakte» или «Geschichte der Deutschen». B., 1815—1823).

[52] *Тютчев мне говорил...*— Этот рассказ Тютчева отмечен в дневнике Смирновой за 13 марта 1845 г. (см. с. 12). Здесь он передан неточно.

[53] *...альбом с портретом императора Александра, а в нем портреты красным и черным карандашом Соколова.*— Такой альбом неизвестен.

[54] *А вот и альбом и стихи Пушкина...*— Альбом этот сохранился. После смерти Смирновой он остался у ее дочери Ольги, затем, с бумагами Ольги, был прислан в Москву к Н. Н. Сорен. Последняя в 1895 г. отослала его в Париж А. Ф. Онегину (см. ее письмо от 28 февраля 1895 г. ИРЛИ. № 29111. Л. 8), в составе коллекции которого он поступил в Пушкинский дом (хранится в фонде Пушкина: Ф. 244. Оп. 1. № 180). Описан в печати дважды: Б. Л. Модзалевским (Пушкин и его современники. СПб., 1909. Т. 12. С. 24, 25) и М. Л. Гофманом (Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris. P., 1926). На л. 1 надпись Смирновой: «Cet album m'a été donné par Pouchkine en 1832 avec les vers qu'il a écrit chez moi» («Этот альбом подарен мне Пушкиным в 1832 вместе со стихами, которые он написал у меня»). Л. Б. Модзалевский в своем комментарии к тексту Пушкина («Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 658) полагал, что надпись эта решает вопрос о том, кем был подарен альбом: Пушкиным или С. Н. Карамзиной. В действительности это не так (см. об этом примеч. 44). Стихотворение Пушкина передано неточно: строки 3—5 следует читать:

Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра.

Смирнова, по-видимому, не переписывала его, а пыталась вспомнить, поэтому текст с зачеркиваниями и поправками (в частности, вписано и зачеркнуто: «И пламень сердца благородный», «проста» вместо «добра»). Далее в альбоме стихотворения П. А. Плетнева («Другая предо мной дорога // В походный дом теперь сажусь...»), Вяземского («На Музу и меня напали Вы врасплох...»), Лермонтова («В простосердечии невежды...»), Е. П. Ростопчиной («Воспоминание издали», «В веселой резвости мила...»), характеристика Смирновой, принадлежащая Юлии Строгановой.

[55] *В простосердечии невежды...*— Весь рассказ о знакомстве с Лермонтовым и приведенные Смирновой его стихотворения — одно из ее анахронистических отступлений (в 1836 г. она еще не была с ним знакома, все стихотворения написаны позже). Стихотворение «В простосердечии невежды» приведено неточно. Стихотворение написано в альбом в 1840 г., напечатано (с сокращением первой строфы): Отечеств. записки. 1840. Т. 12. Отд. III. С. 329.

[56] *«Ангел»: По небу полуночи Ангел летел... И так душе легко, легко...*— В стихотворении «Ангел» (1831) Смирнова пропустила две строки в первой строфе («И месяц, и звезды, и тучи толпой / Внимали той песне святой»), совершенно исказила вторую строфу, пропустила две строки в третьей строфе. Неточен и текст «Молитвы».

[57] *...радость между Вильгельмштрассе 70 и Унтерденлинден 14.*— Адреса Мансуровых и Смирновых в Берлине в 1835—1836 гг.

[58] *...Клеопатра очень несчастна... бюст ее Сережечки.*— Биографические сведения о К. К. Трубецкой изложены неточно: П. П. Трубецкой был не инспектором карантина в Одессе, а начальником Таможенного округа; умер он в 1840 г., следовательно Смирнова не могла рассказывать об этом в 1836 г. Обращает на себя внимание упоминание имени умершего сына Трубецких — Сергей (назван по имени находившегося на каторге С. П. Трубецкого).

[59] *...генералу было поручено уладить дела в княжествах.*— Речь идет о П. Д. Киселеве и реформах, проведенных им в Молдавии и Валахии. Говоря о войне 1830 г., Смирнова имеет в виду русско-турецкую войну 1828—1829 гг.

[60] *На этом корабле... на твердую землю.*— Происшествие со Смирновой во время поездки морем из Неаполя в Рим относится к 1842 г. М. Я. *Овербек* — гувернантка ее дочерей, жившая в доме с 1839 по 1849 г.

[61] *Карамзин имел несчастье... до радостного утра.*— Неверно. Эпитафия (впоследствии весьма популярная) написана была Карамзиным в 1792 г. для ребенка одной из знакомых (см.: *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 112).

[62] *У Шишкова есть название... кий-шаротер.*— Кн. Голицына, рожд. Апраксина — Наталья Степановна. По словам братьев Россетов, записанным Бертеневым, Пушкин говорил о ней: «Ведь она только так прикидывается, в сущности она русская трупёрда и толпега; но так как она все делает по-французски, то мы будем ее звать: la princesse — tolpège» (Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 355). В. П. Горчаков, передавая свои беседы с Пушкиным в Кишиневе, рассказывает, как поэт, прочтя ему «Фонтан любви, фонтан живой...», «заметил, что, несмотря на усилия некоторых заменить все иностранные слова русскими, он никак не хотел назвать фонтан водометом, как никогда не назовет биллиарда шарокатом» (Там же. Т. 1. С. 262). Насмешки Пушкина над Шишковым и анекдоты о его попытках ввести в язык смехотворные неологизмы, вытеснив слова иностранного происхождения, Смирнова приводит и в других вариантах своих «Записок» (см. наст. изд., с. 302).

[63] *Вяземский написал стихи... Клушиной.*— Стихи Вяземского «Простоволосая головка». Впервые напечатано: «Северные цветы на 1829 год», посвящено Пелагее Николаевне Всеволожской (рожд. Клушиной), с которой Вяземский действительно познакомился в Саратовской губ. (См.: *Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1958. С. 208, 455).

[64] *...женился на девице Жомини, дочери вероломного старика.*— Жомини барон Анри, военный писатель. Участник наполеоновских войн, он в 1813 г. перешел на русскую службу. Именно это имеет в виду Смирнова, называя его «вероломным стариком». Генерал Жан Виктор Моро противопоставлен ему, так как был открытым противником Наполеона и эмигрировал за границу до начала наполеоновских войн.

[65] *...elle lisait Descartes avec ses tourbillons...*— Смирнова имеет в виду теорию Декарта, объясняющую образование и движение небесных тел вихревым движением частиц материи.

[66] *Полиньяки принесли несчастье...*— Здесь говорится о двух Полиньяках: гр. Огюсте Жюле Армане, главе французского правительства при Людовике XVIII, реакционная политика которого послужила непосредственным поводом к революции 1830 г., и об его отце Жюле, при Людовике XVI генеральном директоре почт, после революции — эмигранте, отказавшемся вернуться во Францию при реставрации Бурбонов и умершем в России.

[67] *Кантемир и Ришелье... хотели спасти несчастного ребенка...*— Легенда о спасении дофина, рассказанная Смирновой,— одна из бытовавших версий его судьбы. Несмотря на несомненную смерть дофина в тюрьме Тампль в 1795 г., вскоре распространились версии о его бегстве, результатом чего было появление вплоть до конца 1830-х годов ряда самозванцев, выдававших себя за Людовика XVII. О жизни и смерти дофина см.: Beauchesne. Louis XVII, sa vie, son agonie, sa mort. P., 1876.

[68] *...а в Эрмитаже находятся прочие Петито.*— Петито (1794—1812), франц. художник и скульптор.

[69] *...в Дерпте Мойер читал трагедии Шиллера...*— Речь идет о профессоре Дерптского университета И. Ф. Мойере и его жене Марии Андреевне, рожд. Протасовой.

[70] *Он встретил там графа Владимира Пушкина.*— Имеется в виду декабрист В. А. Мусин-Пушкин, женатый (с 1828 г.) на Эмилии Карловне Шернваль фон Валлен. Аврора Карловна — ее сестра (см. примеч. 61 к основному тексту «Воспоминаний о детстве и молодости»). Стихотворение, обращенное к ней, здесь приведено еще менее точно, чем там.

[71] *Моя сестра... в Царском... особенно хороша Полина, а Мари так остроумна.*— Сестра М. Д. Нессельроде Елена Дмитриевна Сверчкова (урожд. гр. Гурьева), жена русского посланника при Тосканском дворе А. В. Сверчкова, умерла в 1834 г., поэтому беседа о ней как о живой в 1836 г.— анахронизм. Дочь Сверчковых Мария родилась в 1822 г., так что ко времени женитьбы Смирнова на А. О. Россети ей было всего 10 лет, и мысль о ее замужестве не могла иметь места. Впоследствии она была женой Николая Аркадьевича Столыпина, чиновника МИД, служившего под началом К. В. Нессельроде.

[72] *Кузнечик* — Кузнечик (Из Анакреона).— Впервые — в ПЗ на 1823 г., вошло в «Стихотворения Н. Гнедича». СПб., 1832 (см. *Гнедич Н. И.* Стихотворения. Л., 1956, С. 128).

[73] *...что поделывает любезный владелец Михайловского дворца?* — Имеется в виду вел. кн. Михаил Павлович. Намек на конфликт М. Д. Нессельроде с вел. кн. Еленой Павловной конкретизировать не удалось (но он мог быть и вымышлен Смирновой).

[74] *Клементий читает все на свете... шевалье де Россет, помещики в Руссильоне.*— Это свидетельство Смирновой с очевидностью указывает на сравнительно позднее происхождение семейной легенды о Россетах. Говоря о кардинале Флери, Смирнова смешала двух Флери, по всей вероятности — Андре Эркюля, кардинала и государственного деятеля Франции, в сочинениях которого не могло быть сведений о Россетах, и аббата Клода Флери, оставившего огромное литературное наследие. Он принадлежал к роду Россет-Флери, имения которого находились в Лангедоке (см. Arnaud E. Répertoire de généalogies françaises imprimées. P., 1986. T. 3. P. 373).

[75] *...Королева Португальская... но страна бедна.*— Странный и несомненно апокрифический рассказ Смирновой, тесно связанный с болезненной для нее проблемой ее происхождения. Португальская королева — Мария да Глория (1820—1853).

[76] *...когда Вяземский скажет вашему брату Клементию, что он — Жером Патюро...*— Жером Патюро — персонаж двух сатирических романов французского беллетриста Луи Рейбо, выскочка и пройдоха в буржуазной монархии Луи Филиппа. Смирнова использует название первого из них: «Jerôme Paturot à la recherche de position sociale» (P., 1843). Второй роман «Jerôme Paturot à la recherche de la meilleure de republiques» («Жером Патюро в поисках лучшей из республик») вышел в 1848 г. и представлял собою сатиру на республиканских деятелей 1848 г.

[77] *У него был сын от нее... никогда не простил ей этого.*— Рассказ этот полностью легендарен; возможно, это отзвук какой-то великосветской сплетни. У П. Д. Киселева был сын Владимир (род. в июне 1822 г.). В конце января 1824 г. Киселев вместе с женой выехал из Тульчина в отпуск. Они прибыли в Москву 4 февраля, а 7 получили известие из Тульчина о смерти ребенка (*Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф Киселев и его время. Т. 1. С. 193).

[78] *Ее брат Павел...* — См. примеч. 53 к 5-му варианту «Воспоминаний о детстве и молодости».

[79] *«Les trois pendus» я читала.* — Смирнова называет так (в других вариантах — «Les deux pendus») роман Яна Потоцкого (1761—1815) «Рукопись, найденная в Сарагоссе» (первое петербургское издание «Manuscrit trouvé à Saragosse», 1805; об изданиях романа см. вступит. статью С. С. Ланды к изданию: М., 1971).

[80] *«Les petites émigrés»... «Emma Courtenay ou la chapelle d'Ayton».* — Первый из упомянутых романов принадлежит Ф. Жанлис. Второй, изданный на французском языке под заглавием «La chapelle d'Ayton ou Emma Courtenay» (P., 1799. T. 1—5; затем: P. 1810. T. 1—4), является переводом романа английской писательницы Mary Hays «Memoirs of Emma Courtney». L., 1796. V. 1—2.

[81] *...Карл Федорович Герман; он был заподозрен в либеральных мыслях...* — Дело университетских профессоров К. Ф. Германа, К. И. Арсеньева, Э. В. Раупаха, А. П. Куницына, «упражнявшихся в расколах и безверьи», затеянное в 1821 г. Руничем, было частью наступавшей правительственной реакции. Стойко державшийся на процессе Герман был отстранен от преподавания в университете.

[82] *...системы Песталоцци и Ланкастера.* — Песталоцци Иоганн Генрих (1746—1827), швейцарский педагог, обосновавший теорию развивающего обучения. Ланкастер Джозеф (1778—1838), английский педагог, предложивший способ взаимного обучения учеников.

[83] *Вот вы, какая ученая, Александра Осиповна...* — Приведенные Смирновой сведения о программе преподавания естественных наук в Екатерининском институте свидетельствуют о высоком его уровне. Передовая для того времени научная классификация растений и животных, разработанная Карлом Линнеем, вытеснила предшествовавшую ей систему французского ботаника Ж. Турнефора. Монгольфьеры — изобретатели воздушного шара братья Монгольфье. «Изобретения Гальвани» — открытые итальянским физиологом Луиджи Гальвани электрические явления при мышечном сокращении.

[83а] Этот бал-маскарад, происходивший зимой 1841/1842 гг., описан Н. М. Смирновым в его «Памятных записках»: «Более 100 человек по ее приглашению приняли участие в следующих кадрилях: 1) пастушек и маркизов, 2) гречанок, 3) черкесских народов, 4) de la folie ⟨...⟩» (РА, 1882, кн. 1, с. 243).

[84] *Его заключили в тюрьму австрийцы.* — «Его» — т. е. Ипсиланти, а не Стурдзу. Имеется в виду поражение возглавлявшихся Александром Ипсиланти греческих революционных войск при Драгошанах (19 июня 1821 г.), после чего Ипсиланти бежал в Австрию, где был заключен в тюрьму.

[85] *...она называет военного министра Гавнаховский...* — Военный министр при Николае I — А. И. Чернышев.

[86] *Дышки и Душки* — А. С. и О. А. Долгоруковы. Смирнова, как явствует из ее мемуаров, относилась к супругам Долгоруковым с нескрываемым презрением. Возможно, здесь играл некоторую роль широко распространенный в обществе скандальный слух о том, что О. А. Долгорукова (урожд. Булгакова) до замужества (1831) была любовницей царя (см. об этом: *Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1983. С. 208—209).

[87] *Он делал кампанию 30-го года в Турции... далее не помню.* — Смирнова снова ошибается, называя так русско-турецкую войну 1828—1829 гг. «Галилейскими рыбаками» она называет стихотворение Хомякова «Звезды» («В час полночный близ потока»), в котором есть строфа:

В час полночного молчанья
Отогнав обманы снов,
Ты вглядись душой в писанья
Галилейских рыбаков.

(*Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 138). «Галилейскими рыбаками» Хомяков называл евангелистов. Другое стихотворение, упомянутое Смирновой: «Иностранка» (1832), первая строфа которого такова:

Вокруг нее очарованье,
Вся роскошь Юга дышит в ней:
От роз ей прелесть и названье;
От звезд полудня блеск очей.

(Там же. С. 97). Об этих стихах А. И. Кошелев писал в своих воспоминаниях: «...когда она их узнала от П. А. Муханова, то осталась ими очень недовольною и некоторое время относилась к Хомякову весьма холодно» (Там же. С. 554). Это понятно: ничто не могло задеть ее больнее, чем обращенное к ней название «иностранка».

88 *Андрей Николаевич написал... «Бельведерский Митрофан».*— О пьесе А. Н. Муравьева и инциденте со статуей Аполлона см. примеч. 36 к альбомному варианту «Воспоминаний о детстве и молодости».

89 *Старшая вышла замуж за петербургского коменданта.*— Речь идет об Елене Павловне Тизенгаузен, вышедшей замуж за Г. А. Захаржевского, коменданта не Петербурга, а Зимнего дворца.

90 *А я-то, медведь... Мицкевич, большой приятель Пушкина.*— Время, когда Н. Д. Киселев тесно общался с Пушкиным и Мицкевичем,— первая половина 1828 г. (в июне Киселев уехал за границу). Мицкевич находился в Петербурге с конца 1827 г. до 1829 г.

91 *Софья Станиславовна* — Киселева, находившаяся в разъезде с мужем и жившая постоянно за границей.

92 *Я... часто вижу его брата Александра... и тем дело кончилось.*— Разговор этот с царем скорее всего относится к 1832 г., когда А. И. Тургенев, собираясь снова за границу, долго не мог получить заграничного паспорта и получил его, в конце концов, только по личному распоряжению Николая I. Недовольство царя предполагавшейся совместной поездкой Тургенева и Жуковского, о котором рассказывает Смирнова, и вмешательство императрицы, по ее просьбе, очень вероятны и вносят существенные уточнения в историю отношения двора к Жуковскому. Однако Жуковский, в отличие от сообщаемого Смирновой, не отступил от своего намерения и, как показывает дневник А. И. Тургенева, 18 июня 1832 г. Пушкин и Вяземский провожали их в заграничный вояж до Кронштадта (см.: *Гиллельсон М. И.* От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977. С. 65—66).

93 *Жуковский хотел на мне жениться... Вся тварь земная скучает.*— Парафраза «Сцены из Фауста». Смирнова могла привести ее в этом разговоре, так как «Сцена из Фауста» впервые была напечатана в «Московском вестнике» в 1828 г. (№ 8). Это отчасти датирует сватовство Жуковского и соответствует ее замечанию, что происходило это до знакомства со Смирновым (т. е. до лета 1829 г.). «Аттанде-с, аттанде-с» — ироническая цитация эпиграфа к «Пиковой даме» (гл. VI).

94 *Что такое Библейское общество?... В Москве еще при Екатерине господствовал мартинизм...*— О Библейском обществе см. примеч. 7 к 3-му варианту «Воспоминаний о детстве и молодости». Представления Смирновой о мартинизме (т. е. о русском масонстве конца XVIII в.) не очень ясны: она понимает масонство как секту, и наряду с действительными крупными деятелями-масонами — Лопухиным, Тургеневым и Новиковым, называет малоизвестного сенатора Камынина и Н. В. Репнина, о большей, чем весьма распространено было, принадлежности которого к масонству сведений нет.

95 *Пушкин мне рассказывал... оцепенел от ужаса.*— Французский литератор К. Мармье приводил якобы слышанный от Пушкина рассказ о крепостной наложнице, сосланной ревнивым помещиком в Сибирь (*Лернер Н.* Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 125—131). Возможно, что это свободная обработка данного рассказа Смирновой, от которой его, по-видимому, и услышал Мармье.

96 *...читала с ней английскую историю Лингарда.*— Имеется в виду тринадцатитомная «История Англии»: *Lingard J.* A history of England from the first invasion of England by the Romans to the commencement of the reigne of William.

97 *...прощальные стихи... Небеса его обитель...*— См. примеч. 76 к 3-му варианту «Воспоминаний о детстве и молодости».

98 *...роман г-жи Суза «Эжен Ротелен», переведенный, думаю, Жуковским.*— Роман Аделаиды Суза вышел в русском переводе (под заглавием «Евгений Ротелен») лишь один раз (СПб., 1808). Имя переводчика не указано. Сведений о том, что перевод принадлежит Жуковскому, в литературе нет.

99 *Стихи:*

Уединенная сосна.
Товарищ угрюмый и печальный
Юности моей.—

Возможно, перефразировка стихотворения Е. П. Ростопчиной «Сосновый лес» (1838);

где есть строка: «Бессменный твой наряд печален и угрюм» (Стихотворения. М.; 1856. Т. 1. С. 259). Разумеется, Смирнова не могла его «вспоминать» в 1826 г.

100 *...Ланского похоронили в Софии, в церкви.*— О причинах смерти А. Д. Ланского см. примеч. 84 к 3-му варианту «Воспоминаний о детстве и молодости».

101 *В тот день, когда произнесен был суд... отдала его камердинеру.*— Еще один вариант этого примечательного рассказа — в нем Лопухин привез царю не список приговоренных к смертной казни, как в «Воспоминаниях о детстве и молодости» (с. 158, 159), и не известие о казни декабристов, как в рассказе ее Пушкину, а приговор Верховного уголовного суда. Это наиболее вероятно, ибо конфирмация приговора царем состоялась 10 июля, когда царская фамилия действительно была в Царском Селе.

102 *...она влюбилась в... Кирилла Разумовского.*— О Разумовском — фаворите Елизаветы Петровны, см. примеч. 34 к 3-му варианту «Воспоминаний о детстве и молодости».

103 *...офицеры 2-го корпуса, которым командовал Павел Дмитриевич Киселев...*— Не 2-го корпуса, а 2-й армии, где П. Д. Киселев был начальником штаба.

104 *Увяли лози... В свитлой белой кошуленци.*— Другой вариант начал этих песен см. в ⟨Воспоминаниях о Н. В. Гоголе⟩ (наст. изд., с. 42). Список второй песни рукой Гоголя («Ходыть сон по улонци // В тонкий билый кошулынци ⟨...⟩ см.: ЛН. Т. 58. С. 719.

105 *Гоголь ne connaissait pas Щепкин... остались навсегда друзьями...*— История знакомства Гоголя с Щепкиным в лавке Ферапонтова рассказана Смирновой идентично несколько раз (в воспоминаниях о Гоголе, в вариантах «Баденского романа»). Однако сын Щепкина П. М. Щепкин рассказывал эту историю иначе: «В середине обеда вошел в переднюю новый гость, совершенно нам незнакомый. Пока он раздевался, все мы, в том числе и отец, оставались в недоумении. Гость остановился на пороге в залу и, окинув всех быстрым взглядом, проговорил слова всем известной малороссской песни: Ходит гарбуз по городу... Недоумение скоро разъяснилось— нашим гостем был Н. В. Гоголь, узнавший, что мой отец тоже, как и он, из малороссов» (Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 675). Так же излагает эту историю внук артиста М. А. Щепкин (Там же. С. 527). Вряд ли эти рассказы более достоверны: маловероятен приход Гоголя незваным и незнакомым к обеду в доме М. С. Щепкина; кроме того, можно не сомневаться, что о первом своем знакомстве Смирновой могли непосредственно рассказывать и Гоголь и Щепкин.

106 *Государь цензуровал «Графа Нулина»... виден весь человек, т. е. повелитель.*— В этом варианте, в отличие от следующего (наст. изд., с. 414) Смирнова вовсе не утверждает, что исправленная царем рукопись «Графа Нулина» передавалась Пушкину через нее. Сведения о внесенном Николаем I изменении, по-видимому, недостоверны. Николай I отметил два другие места поэмы (см. письмо Бенкендорфа к Пушкину от 22 августа 1827 г.— *Пушкин*, т. 13. С. 336), в авторских рукописях — «будильник». Слово «урыльник» (по указанию П. Рейнбота — ЦГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 875. Л. 6) есть, однако, в копии, принадлежавшей Вяземскому. Возможно, что рассказ Смирновой опирается на какую-то полученную от него информацию, со временем несколько трансформировавшуюся в ее памяти.

Пакет с надписью Николая I «Александре Осиповне Россет в собственные руки», в котором ей, вероятно, была прислана VII глава «Онегина» (разрешение на нее было дано 17 марта 1830 г.), хранится в Пушкинском доме (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. Ед. хр. 41). На обороте надпись Смирновой: «Всем известно, что император Николай Павлович вызвался быть цензором Пушкина. Он сошел вниз к императрице и сказал мне: «Вы хорошо знаете свой родной русский язык. Я прочел главу «Онегина» и сделал заметки; я вам ее пришлю, прочтите ее и скажите мне, правы ли мои замечания. Вы можете сказать Пушкину, что я вам давал ее прочесть». Он прислал мне его рукопись в этом пакете с камердинером. Год не помню. А. Смирнова, рожд. Россет» (*Цявловский М. А.* Заметки о Пушкине // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38—39. С. 222—224). В указанном выше следующем варианте «Баденского романа» Смирнова утверждает, что передана была X глава «Онегина» и что царь «всегда посылал то, что прошло через его цензуру». Это утверждение противоречит множеству документально установленных фактов биографии Пушкина.

107 *Он оставался еще недолго при Ланжероне... все съела и улетела.*— Пушкин приехал в Одессу 4 июля 1823 г., М. С. Воронцов, назначенный Новороссийским ген.-губ. и наместником Бессарабии, прибыл туда 21 июля. С А. Ф. Ланжероном Пушкин встре-

чался после 16 августа, когда последний вернулся в Одессу из-за границы. Однако не исключено знакомство его с Ланжероном во время пребывания в Одессе в сентябре 1820 и мае 1821 г. (*Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. С. 401). Об анекдотах о рассеянности Ланжерона см. примеч. 29 к основному тексту «Воспоминаний о детстве и молодости». Они могли быть известны поэту как бытовавшие в одесском обществе.

О стихотворном отчете о саранче, будто бы представленном Пушкиным Воронцову (достоверность этого оспорена в науке), Смирнова могла прочесть в «Москвитянине» (1854. № 9. Отд. V. С. 11), где К. П. Зеленецкий опубликовал рассказ ему об этом чиновника канцелярии Воронцова В. З. Писаренко (см. об этом: *Сербский Г. П.* Дело о саранче (Из разысканий в области одесского периода биографии Пушкина) // Врем. ПК. М.— Л., 1936. Т. 2. С. 276—277, 289). Сведения о двусмысленной роли Раевского в высылке Пушкина из Одессы и ревности Воронцова как причине удаления Пушкина восходят, вероятно, к воспоминаниям Вигеля (хотя в публикациях их при жизни Смирновой этого эпизода не было, она несомненно слышала чтение их Вигелем). Сводку данных по этому вопросу см.: *Цявловская Т. Г.* «Храни меня, мой талисман» // Прометей. М., 1974. Вып. 10, С. 17—25, 78—79.

[108] *Он называл графиню Воронцову «La Comtesse de Бельветрило».*— В рассказе А. О. Россета, записанном П. И. Бартеневым, аналогичные сообщения: «Княгиню Е. К. Воронцову Пушкин звал „la princesse Belvetrille". Это оттого, что однажды в Одессе она, глядя на море, твердила известные стихи:

Не белеют ли ветрила,
Не плывут ли корабли»

(из баллады В. А. Жуковского «Ахилл»); тут же приводятся слова Пушкина об Одессе: «летом песочница, зимой чернильница» (Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 355).

[109] *Тогда в Одессе случился скандал... он хотел сделать карьеру.*— Смирнова неверно называет фамилию оскорбленного мужа. А. И. Рибопьер, сыгравший решающую роль в улаживании этого скандала, рассказывает в своих «Записках»: «Во время первого нашего пребывания в Одессе генерал Лехнер и жена его, с которыми мы познакомились в Петербурге, бывали у нас ежедневно 〈...〉 По отъезде нашем супружеское счастье этой парочки стало помрачаться. Барон Брунов начал ухаживать за генеральшей, а когда я возвратился в Одессу, раздраженный муж вызвал счастливого своего соперника на поединок. Однако поединок был отложен, и речь пошла о разводе 〈...〉 Я боялся скандала, но заметив, что противники вовсе драться не хотят, поговорил сперва с одним, потом с другим, и мне удалось примирить их» (РА. 1877. № 5. С. 19—20). Сведения Смирновой опираются скорее всего на рассказы ей Рибопьера. Однако сама она в другом варианте «Баденского романа» излагает эту историю иначе, снова путая имена и ссылаясь на Пушкина, будто бы рассказавшего ее ей (наст. изд., с. 491).

[110] *...княгиню Мусташ Голицину... во время террора.*— Речь идет о княгине Наталье Петровне Голицыной, по распространенному в свете прозвищу — «Мусташ» (усатая). Во время французской революции XVIII в. она находилась во Франции и выехала оттуда в 1790 г. Ее воспоминания «Remarques sur des événements de ma vie» в двух томах хранятся в отделе рукописей ГБЛ (ф. 64, 113. 1—2). Фрагменты о событиях во Франции см.: Записки ОР ГБЛ. М., 1987. Вып. 46. С. 95—136.

[111] *... Мой дядя первосвященник...*— См. примеч. 56 к 3-му варианту Воспоминаний о детстве и молодости».

[112] *Ваш Пушкин после бала написал стихи.*— Об этой эпиграмме см. примеч. 5 к альбомному варианту «Воспоминаний о детстве и молодости».

[113] *...Вигель, который вечно всех ругал, особенно Пушкина...*— «Записки» Вигеля и письма его, где речь идет о Пушкине, не подтверждают этого свидетельства Смирновой, они проникнуты неизменным восхищением личностью и творчеством поэта. Это тем более выразительно, что мемуары Вигеля, как известно, полны желчных и уничтожающих характеристик его современников.

[114] *Ах, Филипп Филиппыч Вигель.. А по-русски ты свинья.*— Об этой эпиграмме см. примеч. 6 к альбомному варианту «Воспоминаний о детстве и молодости».

[115] *...Он и мне написал стихи.*— В стихотворении Соболевского «А. О. Смирновой» первая строфа:

Не за пышные плечи,
Не за черный ваш глаз,
А за умные речи
Обожаю я вас.

(*Соболевский С. А.* Указ. соч. С. 68; впервые: РА. 1874. Т. 2. С. 462).

[116] *...огромные сфинксы.*— А. И. Рибопьер, способствовавший покупке А. Н. Муравьевым в Александрии двух сфинксов из Фив, рассказав в своих записках историю этого приобретения, прибавляет: «Государь велел поставить их на Васильевском острове, у пристани, против Академии художеств. А. Н. Оленин, бывший в ту пору директором Академии, приказал вырезать под каждым из сфинксов несчастные надписи: «Сии огромные сфинксы» и пр. Все над этим смеялись, но из деликатности государь оставил надписи, покуда жив был Оленин; только после его смерти они были стерты» (РА. 1877. № 5. С. 34).

[117] *Соболевский написал стихи...*— Об этой эпиграмме см. примеч. 86 к альбомному варианту «Воспоминаний о детстве и молодости».

[118] *Их в глазах государя очернил... Закревский.*— В «Воспоминаниях о детстве и молодости» (наст. изд., с. 171) Смирнова приписывает «гонения на славянофилов» доносу А. Ф. Орлова. О сути дела см. примеч. 38 к 5-му варианту «Воспоминаний...»

[119] *Пушкин вынул тетрадь... это очень хорошо.*— Об этом вечере и встрече с Пушкиным на нем см. также в «Воспоминаниях о детстве и молодости» (с. 167—168, примеч. 26 к 5-му варианту).

[120] *Roschen за столом лобызала Озерова.*— Речь идет об Иване Петровиче Озерове, в то время первом секретаре посольства в Берлине, и его жене Розалии (рожд. Шлиппенбах). Пушкин писал о них в письме к жене от 11 июня 1834 г.: «Вчера приехал Озеров из Берлина с женою в три обхвата. Славная баба» (*Пушкин.* Т. 15. С. 158).

[121] *Он мне ответил: Ай да Александра Денисовна! Точь-в-точь в папеньку Дениса Васильевича Фонвизина!* — Вяземский, работавший в то время над биографией Фонвизина, посмеивался над односторонним и предвзятым взглядом его на Германию и Францию: «...анекдот путешественника, который, проезжая чрез один немецкий город, видел, как в гостинице рыжая женщина била мальчика, и записал в своих путевых записках; „Здесь все женщины рыжи и злы“ может совершенно быть применен к большей части наблюдений Фон-Визина» (*Вяземский П. А.* Фонвизин. М., 1848. С. 124—125). Вяземский неоднократно сравнивал взгляды Смирновой с фонвизинскими — в приписке к письму Арк. Россета он писал ей 15 августа 1835 г.: «Путешествие будет Вам весьма полезно, вопреки вашему фонвизинскому образу мыслей и шишковским чувствам» (РА. 1896. № 2. С. 288), в письме от 2/14 марта 1837 г.: «Карты у нас вторая природа, которая переживает настоящую ⟨...⟩. Что вы скажете, г-жа Фон-Визина, про общество у которого только и есть, что один этот рычаг» (РА. 1888. № 7. С. 302).

[122] *«Старушка предобрая, но личико презлостное».*— Цитата неточна. Запись в журнале пребывания Фонвизина в Карлсбаде в 1787 г.: «Четверг 10 июня. Я ходил к графине Малоховской: старушка предобрая, но личико измятое» (Цит. по: *Вяземский П. А.* Указ. соч. С. 154).

[123] *Воспоминание издали* — Стихотворение Е. П. Ростопчиной переписано Смирновой из альбома (см. выше, примеч. 52) с разночтениями по сравнению с прижизненным печатным изданием. Там заглавие: «Воспоминанье. Александре Осиповне Смирновой», первые две строки — эпиграф с ссылкой «Козлов. Чернец» (см.: *Ростопчина Е. П.* Стихотворения. М., 1856. Т. 1. С. 269—272). Из того же альбома переписаны следующие затем в тексте: этюд Ю. П. Строгановой, посвященный Смирновой, стихотворения П. А. Плетнева «Другая предо мной дорога» (с разночтениями) и П. А. Вяземского «На музу и меня напали вы врасплох».

[124] *В Павловске в 1830 году... где он слушал мой голос.*— Имеется в виду стихотворение Вяземского «Черные очи». Стихи, которые неверно цитирует Смирнова:

Звуков Петрарки, песней Торквато
Ищешь в немой глубине

(*Вяземский.* Т. 4. С. 42). Описываемая ситуация, как и стихи Вяземского, относится к 1828 г. (имп. Александра Федоровна была в Одессе с 26 апреля по 6 октября 1828 г.).

[125] *Он сказал государю, что привез отчет... министром государственных имуществ.*— О передаче Смирновой этой беседы П. Д. Киселева с царем см. примеч. 39 к 5-му варианту «Воспоминаний о детстве и молодости». В «Баденском романе» опущены некоторые факты последующих лет и имена, что делает его менее анахронистическим по отношению к 1836 г.

[126] *...это рифма к «Der König in Thule».*— Разрозненные строки из стихотворения Гете «Фульский король» (см.: *Гете И. В.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1975. Т. 1. С. 121).

[127] *...когда я была в Венеции...*— Смирнова впервые была в Италии летом 1837 г., в Венеции — в 1842 г.

[128] *...мой брат Сергей женился неподходящим образом... от семьи...*— Сергей Дмитриевич Киселев, в 1837 г. московский вице-губернатор, в 1830 г. женился на Елизавете Николаевне Ушаковой. Смирнова не раз неодобрительно отзывалась о сестрах Ушаковых — по-видимому, основываясь на отношении к ним Н. Д. Киселева (см. далее, с. 481).

[129] *Когда эта дорогая матушка скончалась... мой отец пережил мою мать на три года...*— Сведения о раннем сиротстве Н. Д. Киселева, неоднократно встречающиеся в мемуарах Смирновой, неверны. Так, биограф П. Д. Киселева Заблоцкий-Десятовский указывает дату смерти П. П. Киселевой — 1841 г. Возвращаясь из Персии в октябре 1826 г., Н. Д. Киселев заезжал в Москву для свидания с матерью и братом Сергеем, о чем упомянуто в его письме к последнему уже из Петербурга от 18 ноября 1826 г. (см. *Цявловская Т. Г.* Дневник Олениной.— Пушкин. Исслед. и матер. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 263). Д. И. Киселев, отец Николая Дмитриевича, скончался в 1820 г.

[130] *Доктор Галль, френолог — врач посольства.*— Создатель френологии, австрийский врач Ф. И. Галль умер в 1828 г. Очевидно Смирнова спутала его с однофамильцем — врачом русского посольства в Париже.

[131] *...я склоняюсь к Стефену...*— Имеется в виду Генрих Стеффенс (1773—1845), немецкий философ и натуралист.

[132] *...прекрасные романсы Вайнрауха...*— О Вайраухе и его романсах см. примеч. 11 к «Воспоминаниям о Жуковском и Пушкине».

[134] *...я не вел бы себя как Мальцов.*— О Мальцове см. примеч. 48 к 5-му варианту «Воспоминаний о детстве и молодости».

⟨ВАРИАНТ 3⟩

Впервые, частично, с ошибками: *Смирнова*, 1931. С. 128—136, 143—162, 193—200, 249—257.

Автограф: ГБЛ. Ф. 474. 1.9—1.15.

[1] *Отец Тьер и особенно г. де Сегюр сообщили печальнейшие подробности этого несчастного похода...*— Имеются в виду сочинения Тьера (*Thiers L. A.* Histoire de Consulat et de l'Empire. P., 1845) и Сегюра (*Ségur de Ph. P.* Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812. P., 1824).

[2] *Он перешел Нарев... находилось там лишь 8000 жителей.*— Цифры, приведенные Смирновой, уточнены современными историками: армия вторжения Наполеона насчитывала 640 тыс. человек, примерно половину которых составляли французские формирования. Из Москвы после отступления русских войск ушла половина населения, но оставалось около 100 тыс.

[3] *Зима, этот бич войны, установилась с 4/16 сентября.*— Сведения об установлении зимних холодов в Москве с сентября 1812 г. Смирнова заимствовала из французских источников, приписывавших этому обстоятельству основные причины отступления Наполеона. В действительности французские войска оставили Москву в начале октября, холода же начались в ноябре.

[4] *...император Александр... посылал ему хлеб... армии...*— Источник сведений Смирновой о снабжении будто бы Александром I французской армии продовольствием неизвестен.

[5] *...предполагали, что он пойдет на Петербург...*— Непосредственной угрозы Петербургу в ходе войны не было. Ближе всего подвинулся в этом направлении корпус Ш. Удино, занявший 14 июля Полоцк и двинувшийся дальше по Петербургской дороге. Однако уже через пять дней он был разбит Витгенштейном у Клястиц и вернуться

к наступлению не смог. Корпуса Сен-Сира и Виктора, пытавшиеся поддержать отступавшие и уже не боеспособные основные силы французской армии, были разбиты 19 октября у Чашников.

6 *...способствовала измена прусского генерала Йорка.*— Имеется в виду Таурогенская конвенция, заключенная 18 декабря 1812 г. ген. Йорком с ген.-квартирмейстером корпуса П. Х. Витгенштейна И. И. Дибичем; по ней корпус Йорка, находившийся в составе французских войск под начальством Макдональда, вышел из них и отступил в Пруссию.

7 *У него была дочь от одной француженки... выдала ее замуж за г. Полетику.*— Версия Смирновой о происхождении Идалии Полетики отличается от принятой в литературе. По другим источникам, она была добрачной дочерью Г. А. Строганова и Ю. П. Строгановой (сводку литературы см.: *Черейский.* С. 319).

7а Киселевы и Цициановы были в более отдаленном родстве с князьями Грузинскими: последний грузинский царь Георгий Ираклиевич был женат на дальней родственнице Д. Е. и Е. Е. Цициановых; тетка Н. Д. Киселева Вера Петровна Урусова была женой кн. Якова Леоновича Грузинского.

8 *Ни Боссюэт, ни Буальдье...*— Буальдье — ошибка памяти Смирновой. Вероятно речь идет о Бурдалу (см. ниже, с. 450).

9 *Как я люблю эти стихи Батюшкова...*— Первые две строфы стихотворения Батюшкова «Мой гений» приведены Смирновой неточно. Начиная с конца первой строфы и вся вторая у Батюшкова:

Меня в стране пленяешь дальной.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.

(*Батюшков К. Н.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964. С. 192).

10 *Пушкин, Вяземский, Жуковский встречались весь день... наше сокровище...*— В октябре 1832 г., когда Смирнова неудачно родила первый раз, Пушкина не было в Петербурге. 3 июня 1834 г. он писал жене: «Смирнова на сносях. Брюхо ее ужасно; не знаю, как она разрешится; но она много ходит и не похожа на то, что была прошлого года». (*Пушкин А. С.* Письма последних лет. Л., 1969. С. 47).

11 *Гончаров говорил, что когда наследник должен был остановиться на три дня в Копенгагене...*— Речь идет о позднейших событиях: о наследнике не Николая I, а Александра II, вел. кн. Николае Александровиче (1843—1865), которому с 1858 г. И. А. Гончаров преподавал русскую словесность. Цесаревич в 1864 г. был помолвлен с датской принцессой Дагмарой.

12 *Мухановы Ивановны...*— Имена этих сестер Мухановых и суть «скандальной истории» установить не удалось.

13 *Кто это Голубинский?... замыслы божии находятся в гармонии.*— Ф. А. Голубинский, философ, протоиерей, профессор Московской духовной академии. Ошибаясь в названии, Смирнова имеет в виду его книгу «О промысле божием».

14 *Артур Стэнли рассуждает об этом в своей книге о восточной церкви...*— Английский историк церкви и проповедник А. Стэнли книга, о которой идет речь: «Lectures of the History of the Eastern Church» (L., 1861).

15 *...Новосильцевой — вы знаете, матери красавца Владимира, который был убит Черновым.*— Имеется в виду известная дуэль К. П. Чернова с В. Д. Новосильцевым 10 сентября 1825 г., окончившаяся смертью обоих. Похороны Чернова были превращены декабристами в политическую демонстрацию. Мать второго Екатерина Владимировна Новосильцева — внучка Григория Орлова и, следовательно двоюродная сестра А. Ф. Орлова.

16 *Мухановы Алексеевны* — дочери сенатора Алексея Ильича Муханова (ум. 1836) — Татьяна (1799—1859), Екатерина, Елизавета, Варвара, Прасковья.

17 Имя мужа фрейлины С. С. Хованской (в замужестве Гагариной) установить не удалось. В Пажеском корпусе вместе с братьями Россетами учились четыре князя Гагарина: Григорий, Константин, Павел (выпуск 1822 г.) и Владимир (выпуск 1824 г.). Среди Гагариных этого времени нет ни одного, носившего имя Петр.

18 *...книга Ратисбонна о св. Дамиане возвышенна.*— Среди трудов французского пи-

сателя и проповедника Мари Жозефа Ратисбонна нет книги о св. Дамиане. Один из главных его трудов, о котором могла идти речь — «Histoire de Saint Bernard» (первое издание: 1840). О каком обращении его идет речь, установить не удалось (возможно, об обращении иудеев в христианство).

[19] *...в Екатерининский институт за Кисой заезжала...* — Киса — сестра Смирновой по матери Екатерина Ивановна Арнольди (в замуж. кн. Ухтомская).

[20] *Леди Уильям была против этого брака... скандального поведения английского посла в Берлине.* — Речь идет о ряде членов семьи Расселов, принадлежащих к роду герцогов Бедфордских. Уильям Рассел (1821—1907), крупнейший английский журналист, корреспондент «Таймс», Артур — его сын. Английский посол в Берлине, имеющийся в виду, — Одо Уильям Леопольд Рассел, посол в 1871—1884 гг. (его внук — Бертран Рассел).

[21] *Это напоминает мне «Утро делового человека» Гоголя.* — Смирнова пересказывает (неточно) содержание отрывка «Лакейская» из задуманной Гоголем в 1832 г. комедии «Владимир 3-й степени», путая при этом его название с названием другого отрывка — «Утро делового человека». Отрывок «Лакейская» впервые напечатан в издании: Сочинения Николая Гоголя. СПб., 1842. Т. 4.

[22] *Император Павел сказал однажды à Jean de Paris... «дурак с родисьчечной»...* — Прозвище Jean de Paris (по названию популярной оперы) было дано кн. Ивану Александровичу Голицыну (в «Старой записной книжке» П. А. Вяземского (М., 1929. С. 73) это объяснено так: «потому что он в Париже, во время пребывания наших войск, выиграл ⟨...⟩ миллион франков и спустя несколько дней проиграл их»). Слова «родисьчечной» нет в словаре В. И. Даля (вероятно, родословной). И. А. Голицын был в родстве с царствующей фамилией по своей матери, урожденной Гендриковой: Гендриковы вели свой род от родной сестры имп. Екатерины I, Христины Скавронской, в замужестве Гендриковой.

[23] *...он устанавливал Галахову все пенсии для полицейских служащих...* — Галахов Александр Павлович, петербургский обер-полицмейстер в 1840-х годах, эпизод этот, следовательно, мог происходить гораздо позже 1836 г.

[24] *...это был известный Горлов, который написал очень дельную книгу о реформе полиции.* — Найти такую книгу не удалось. Возможно, неверна фамилия автора.

[25] *Когда разразилась холера... Потом он уехал.* — Подробный рассказ о «холерном бунте» на Сенной площади в Петербурге 22—23 июня 1831 г. и действиях Николая I содержится в воспоминаниях А. Х. Бенкендорфа (РС. 1898. № 10. С. 87—90). См. также: *Шильдер Н.* Т. 2. С. 364—366, 593—601.

[26] *...собрание песен Кирши Данилова... по притворам благовестят...* — Сборник «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», изданный Калайдовичем в 1818 г. И. С. Аксаков, передавая в письмах к родителям из Калуги свои беседы с Смирновой, писал: «Вообразите, что она, будучи фрейлиной, еще в 1829 году читала Киршу Данилова! Кто бы мог это знать и заметить, особенно тогда!» (И. С. Аксаков в своих письмах. С. 290. Письмо от 20 ноября 1845 г.).

[27] *Это был бал с мужиками...* — Имеется в виду новогодний бал 1 января 1828 года.

[28] *Это поэма Богдановича, неправда ли? Психея ты моя!* — Речь идет о стихотворной повести Ипполита Федоровича Богдановича «Душенька» (1778), где вольно переложен роман Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона».

[29] *...он подражает Керубино...* — Керубино — юный паж, персонаж комедии Бомарше «Женитьба Фигаро». Эпизод с Иосифом Россет, рассказанный Пушкину Смирновой, послужил, вероятно, основой его стихотворения «Паж, или пятнадцатый год». Зачеркнутые Пушкиным строфы, где есть упоминание Стрельны (там стоял л.-гв. Уланский полк, куда вступил весной 1830 г. Иосиф Россет) и «варшавской графини» (возможно, С. Д. Радзивилл) вносят реальные биографические моменты в это предположение.

[30] *Аркадия туда посылали... его письма, очень интересные.* — А. О. Россет инспектировал в 1840—1841 гг. артиллерию Сибирского и Оренбургского корпусов (РА. 1885. № 1. С. 364), виделся в Восточной Сибири с жившими там декабристами, в Тобольске с М. А. Фонвизиным (*Фонвизин.* Т. 1. С. 205). Об этом см. также далее, с. 505. В печати известны три его письма к сестре из Сибири (1 мая 1840 г. из Омска, 10 октября из Семипалатинска, 10 февраля 1841 г. из Иркутска). В последнем из них Россет пишет о свидании с Трубецкими, рассказывавшими ему о его дяде, декабристе Н. И. Лорере: «Ник. Ив. оставил здесь память: его все чрезвычайно любили за доброту и веселость,

до последнего дня был неистощим в анекдотах. Катерина Ивановна, не хохотунья от природы, говорила, что он был смешон и мил удивительно, когда рассказывал. Ты из этого видишь, что поручение гр. Борх ‹сестры Е. И. Трубецкой› уже давно исполнено» (РА. 1896. № 2. С. 292—295).

31 *Я знал д'Андро, это славный малый.*— Ф. А. Андро де Ланжерон, внебрачный сын А. Ф. Ланжерона, муж А. А. Олениной.

32 ...*Прессансе писал или Вине сказал*...— Имеются в виду французский богослов Эдмон Прессансе, издатель «La Revue Chrétienne», и А. Р. Вине, французский литератор и богослов, издатель газеты «Le Semeur».

33 ...*выписали ее через Готье*...— Иван Иванович Готье, владелец известной книготорговой фирмы в Москве.

34 ...*что пройдет, то будет мило.*— Цитата из стихотворения Пушкина «Если жизнь тебя обманет...».

35 *По небу полуночи ангел летел... Ей скучные песни земли.*— Стихотворение Лермонтова «Ангел» передано и здесь неточно (ср. основной текст «Баденского романа» — наст. изд., с. 292): искажена вторая строфа (следует: О боге великом он пел, и хвала / Его непритворна была), пропущены две строки в третьей строфе. Сокращенно и неточно приведено и следующее далее стихотворение «А. О. Смирновой».

36 *А ты любишь писания де Мэстра?... За «Вечера в Петербурге» надо повесить.*— Ж. М. де Местр в 1802—1817 гг. был посланником в России от лишенного Наполеоном своих владений сардинского короля. В 1821 г. он издал в Париже книгу «Les soirées de St.-Petersbourg» с панегириком католицизму и критикой французского просвещения, особенно Вольтера. Письма его, о которых упоминает Смирнова, напечатаны в изданиях: «Correspondance diplomatique», т. 1—2 (Р., 1860) и «Lettres et opuscules inédites» (Р., 1851).

37 *Вот эти стихи.*— Снова неточно переданное стихотворение Пушкина.

38 *Мятлев написал мне стихи, начинающиеся так*...— Стихотворение Мятлева:

Нечто о некоторой даме из вороных

Вороненькую дамочку,
Что музой у меня,
Поставил бы я в рамочку
И целые три дня
Смотрел бы все, поглядывал
И к сладостным стихам
Все рифмы бы прикладывал
Я про мою мадам.

(*Мятлев И. П.* Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969. С. 101).

39 *Ты забываешь прекрасные стихи Батюшкова... «Тень Патрокла».*— Смирнова цитирует (неточно) стихотворение Батюшкова «Беседка муз» («Под тению черемухи млечной// и золотом блистающих акаций...»). Стихотворения «Тень Патрокла» у Батюшкова нет. Смирнова смешала его стихотворение «Тень друга», элегию, посвященную памяти умершего друга, поэта И. А. Петина, с формулой Жуковского из баллады «Ахилл» («Тень Патрокла я смирил...»). «Дядинька», упомянутый в этом отрывке — Н. И. Лорер.

40 ...*это все-таки Гоголь. Это в какой-то сцене*...— Далее излагается сцена «Тяжба», отрывок из задуманной, но не осуществленной Гоголем комедии «Владимир 3-й степени». В ней (как и в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») юбки называются штаметовыми. Смирнова очень вольно пересказывает монолог Бурдюкова из этой сцены. Сцена «Тяжба» была поставлена в театре 27 сентября 1844 г.

41 ...*я бывал всегда у Пушкина на вечерах... Смирнов тут был, играл напропалую* — Ср. с аналогичными рассказами в других вариантах «Баденского романа» (наст. изд., с. 408—409 и примеч. 11 к осн. тексту).

42 *Рассказ Киселева о Грибоедове*...— См. основной текст «Баденского романа» (наст. изд., с. 369—370).

43 *Мы поехали бы в Адамовку... «Лови, лови часы любви».*— Хутор Адамовка вообще не принадлежал И. К. Арнольди. В 1824 г. Н. И. Арнольди, на чье имя он значился, продала его Л. А. Нарышкину, о чем Смирнова, по-видимому, не знала (путеводитель «Пушкинские места». М., 1988. Ч. 2. С. 194, 195). Цитата из стихотворения Н. М. Коншина «Ария» («Век юный, прелестный...») — известного романса (Невский альманах на 1826 год, под заглавием «Песня»; ср. Поэты 1820—1830-х гг. Л., 1972. Т. 1. № 229).

44 *Когда Гоголь был в Спасском, я была очень больна.*— Имеется в виду лето 1851 г., когда Гоголь гостил в подмосковном имении Смирновых.

[45] *...и всегда мне посылал то, что прошло через его цензуру.*— Об этом см. примеч. 104 к основному тексту «Баденского романа».

[46] *Пушкин и я, мы составляли коллекцию переводов французских слов...*— Ср. с другим рассказом об этом в основном тексте «Баденского романа» (с. 302) и примеч. 60 к нему.

[47] *Ты видела Марью Антоновну? Она была еще красива?* — Речь идет о фаворитке Александра I М. А. Нарышкиной.

[48] *В «Ревизоре»... а семга не того.*— Многие имена персонажей «Ревизора» здесь и в других вариантах мемуаров Смирновой названы с ошибками. Реплика не Утешительного, а Ихарева в «Игроках»: «Балык, кажется, не того, а икра еще так и сяк». «Игроки» впервые поставлены в Москве в феврале 1843 г.

[49] *Император... приказал играть эту пьесу... балконы стонут под тяжестью зрителей...*— О первом представлении «Ревизора» см. примеч. 28 к основному тексту «Баденского романа». Сведения о пособии, будто бы заплаченном Гоголю царем за «Ревизор», неверны. После первого представления комедии в апреле 1836 г. артистам Александринского театра Сосницкому и Дюру были сделаны ценные подарки, а министр двора П. М. Волконский отдал распоряжение приготовить и для Гоголя «вещь в 800 рублей».

Через год, в апреле 1837 г., Гоголь начал хлопотать о назначении ему «пенсиона», подобного тому, что назначался русским художникам, жившим за границей (см. его письмо к Жуковскому от 18/6 апреля 1837 — *Гоголь*. Т. 11. С. 97—99), приложив письмо на имя Николая I. В результате хлопот Жуковского ему было назначено пособие в 5000 руб.

Смирнова вольно передает слова из «Театрального разъезда после представления новой комедии». Подлинный текст: «Побасёнки!.. А вот стонут балконы и перилы театров; все потряслось снизу доверху, превратясь в одно чувство, в один миг, в одного человека, все люди встретились, как братья, в одном душевном движении».

[50] *...Вий, один из злых духов хохлов.*— Утверждение это неверно. Напротив, образ Вия (по Гоголю — «повелителя гномов») отсутствует в украинской демонологии и фольклоре (см. комментарий В. П. Петрова к «Вию»: *Гоголь*. Т. 2. С. 743, 744).

[51] *Аксаков Иван негодовал... Господь вам в душу положил.*— О ссоре с И. Аксаковым и стихотворениях, написанных им в связи с этим, см. примеч. 105 к альбомному варианту «Воспоминаний о детстве и молодости».

[52] *...после мира с Швецией (не знаю, какой)... отправились домой* — Песня, приведенная Смирновой, не встречается в печатных песенниках, но имеется в одном из рукописных (БАН СССР, 32.16.16, 90-е гг. XVIII в., описание его см.: Описание рукописного отдела БАН СССР. Л., 1980. Т. 4, вып. 2. С. 171). Разночтения с текстом Смирновой очень значительны: в частности, нет совсем строк «Бабка дочку посылает ⟨...⟩ С адмиралом повертись», но есть целый ряд пропущенных Смирновой строф и очевидно искажение ею многих.

Война, о которой идет речь,— русско-шведская война 1788—1790 гг.

[53] *...сколько раз Пушкин оказывал мне эту услугу, когда приходил... тоска после вторых родов.*— В другом варианте Смирнова рассказывает: «После моих вторых родов ⟨...⟩ я лишилась сна, ничего не могла делать, Пушкин принес мне Шамфора и Ривароля и говорил, что они меня рассеят, но я даже с ним не могла говорить» (ГБЛ. Ф. 474. 1.16, Л. 1). Об интересе Пушкина к Шамфору и Риваролю см.: *Козмин Н*. Пушкин-прозаик и французские остроcловы XVIII в. (Шамфор, Ривароль, Рюльер) // Изв. ОРЯС. 1928. Кн. 2. С. 536—558.

[54] *Пушкин ненавидел, когда объявляли о нем «сочинитель»...*— Это место, непонятное в данном контексте, объясняется в записях рассказов Смирновой Я. П. Полонским. У него записаны следующие ее слова: «Я выделяю только незначительный кружок светских людей, который понимал тогдашних поэтов и предпочитал их чинам и мундиру. Если бы это понимание было одним из свойств всего тогдашнего общества, Пушкин не злился бы, когда при разъезде с балу жандармы выкрикивали — карету Пушкина, сочинителя! Он знал, что для этой блестящей толпы камер-юнкерский мундир был дороже и почетнее всех вместе взятых поэм его». (Голос минувшего. 1917. № 11—12. С. 146). Еще точнее эта мысль выражена Соллогубом: «Наше общество так еще устроено, что величайший художник без чина становится в официальном мире ниже последнего писаря. Когда при разъездах кричали: «Карету Пушкина!».— «Какого Пушкина?» — «Сочинителя!» — Пушкин обижался, конечно, не за название, а за то пренебрежение, которое оказывалось к названию» (*Соллогуб В. А*. Указ. соч. С. 468).

[55] *«От роз ее название», не помню дальше.*— Об этом стихотворении см. примеч. 85 к основному тексту «Баденского романа». В другом стихотворении, посвященном А. О. Россет, Хомяков называл ее «девой розой» (*Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 98). В примечании к этому последнему стихотворению в своем издании Хомякова (М., 1910) П. И. Бартенев писал: «А. О. Смирнова (в девицах Россет, по отцу француженка, по матери грузинка) сказывала нам, что Николай Павлович прочел ей эти стихи и потом дразнил ее ими» (Там же. С. 554).

[56] *...воспоем славу Ахилла.*— Реминисценция к началу «Илиады» («Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына...»)

[57] *...он рассказывал мне всю Палиевщину.*— Палиевщина — борьба правобережного украинского казачества и крестьянства против господства шляхетской Польши в конце XVII — начале XVIII в. за воссоединение с Левобережной Украиной и присоединение к России. Названа по имени ее руководителя Семена Филипповича Палия.

[58] *...надобно говорить: «Еду в руку Всевышнего».*— Имеется в виду казенно-патриотическая драма Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла».

[59] *Когда я была в Париже в 1877 году... граф Киселев подарил в знак памяти.*— Обычный для Смирновой в «Баденском романе» анахронизм. Прилежаев — священник православной церкви в Париже. П. Д. Киселев был послом во Франции в 1856—1862 гг., потом остался там и жил до конца жизни.

[60] *...При этой дряни немецкой Будберг... Теперь это празднуется у английского князя Орлова.*— Имеется в виду бар. А. Ф. Будберг, преемник П. Д. Киселева на посту посланника в Париже. «Английский князь» Орлов — кн. Н. А. Орлов, сменивший в Париже Будберга.

[61] *Любимая моя сестра Милютина Александра...*— Смирнова ошиблась в имени сестры Н. Д. Киселева, о которой идет речь,— это Елизавета Дмитриевна, в замужестве Милютина, мать известных государственных деятелей Д. А. и Н. А. Милютиных. А. Д. Киселева была женой С. А. Неелова.

[62] *...Клитемнестра в Микенах... а вечером — живые картины у г-жи Сенявиной...*— О живых картинах у А. В. Сенявиной см. «Воспоминания о детстве и молодости», с. 176—177. Клитемнестра — жена царя Микен Агамемнона, убившая своего мужа.

[63] *Это новый шеф всех кадетских и пажеских корпусов... подлец и мерзавец.*— В 1833 г. главным директором Пажеского и всех кадетских корпусов был назначен ген.-ад. И. О. Сухозанет, потерявший ногу при подавлении польского восстания 1831 г., известный своими противоестественными наклонностями. Передовые люди были возмущены цинизмом, с которым воспитание юношей поручалось человеку с подобной репутацией. 24 ноября 1834 г. А. И. Тургенев записал в своем дневнике: «Вечер с Жуковским, Пушкиным и Смирновыми 〈...〉 под конец ужасы Сухозанетские, рассказанные Шевичевой 〈М. Х. Шевич〉, возмутили всю мою душу» (Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 209). Запись о выборе «Сухозанета, человека запятнанного, вышедшего в люди через Яшвиля — педераста и отъявленного игрока», с возмущением занес в свой дневник 29 ноября 1833 г. Пушкин (т. 12. С. 315). Смирнова, однако, вспомнила лишь комические черты Сухозанета, высмеивавшиеся, вероятно, ее братьями-пажами.

[64] *Я после вычитала в записках Кокса в Англии.*— Речь идет о книге английского путешественника и историка Уильяма Кокса, в 1775—1779 гг. ездившего по Европе в качестве воспитателя графа Пемброка, а затем в 1784—1794 гг. издавшего «Travels into Poland, Russia, Sweden and Danemark». Книга выдержала много изданий. Отрывки см.: РС. 1877. № 2 и № 5.

[65] *Чесменский* — гр. Алексей Григорьевич Орлов, кн. Чесменский, выведший знаменитую породу рысаков.

[66] *Если вам случится когда-нибудь прочесть неизданные мемуары Като...*— Смирнова ошибается, говоря о «неизданных мемуарах» Екатерины II; точнее, здесь налицо «обратный анахронизм»: в 1836 г., когда будто бы происходил этот диалог, они действительно не были еще изданы, но в 1881 г., когда Смирнова писала эти строки, «Записки» давно уже были опубликованы Герценом (в 1859 г.), что, очевидно, осталось ей неизвестным. Списки их, находившиеся у ряда лиц в 1820—1830-х годах, восходили к копии, сделанной разбиравшим бумаги Екатерины А. Б. Куракиным. Таковы списки, принадлежавшие Пушкину, Вяземскому, А. И. Тургеневу, М. С. Воронцову (2 списка), Н. Н. Раевскому. Известно, что в 1822 г., один список был в руках Н. М. Карамзина (Пушкин. Статьи и материалы. Под ред. М. П. Алексеева. Одесса, 1926. Вып. II. С. 96).

Перечень этот почти точно совпадает с числом списков, указанных Смирновой. Сохранившаяся переписка документально доказывает, что Николай I в конце 1830-х годов принимал меры к изъятию этих списков — в частности, был изъят список Пушкина и затребован список А. И. Тургенева, находившегося в Париже (подробнее см.: *Теребенина Р. Е.* Копия «Записок Екатерины II» из архива Пушкина // Временник ПК. 1966. Л., 1969).

В мемуарах Екатерины II, где совершенно откровенно рассказано о ее близости с Сергеем Салтыковым и Нарышкиным (Сочинения. Т. 12. С. 337—338), роман с Захаром Чернышевым изображен как платоническая влюбленность с его стороны (Там же. С. 308—309). Нет оснований не доверять этому. Герцен, перечисляя в предисловии к своему изданию любовников Екатерины (до рождения Павла), не называет Чернышева (*Герцен*. Т. 13. С. 385—386).

[67] *Каменский, брат маршала...* — Сергей Михайлович Каменский, генерал, участник войны с Францией 1805—1807 гг. и русско-турецкой войны 1806—1812 гг., владелец знаменитого крепостного театра. Сводку сведений о его крепостном театре см.: *Евреинов Н. Н.* Крепостные актеры. Л., 1925. С. 102—111.

[68] *...Авелю, у которого Александр Пав⟨лович⟩ провел целый час перед отъездом... чтобы проститься с Карамзиным.* — Этот рассказ об отъезде Александра I в Таганрог не подтверждается документами: царь не виделся с Авелем перед отъездом и не заезжал в Царское Село для прощания с Карамзиным. Последняя встреча их произошла 28 августа 1825 г., отъезд царя — 1 сентября (*Шильдер* I. Т. 4. С. 350—354).

[69] *Помните ли вы стихи Пушкина: «город скучный, свод небес зелено-бледный».* — У Пушкина:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит.

[70] *...поехала в Грузино. ...и вот какой грех на душу взяли...* — Грузино — имение А. А. Аракчеева. В диалоге этом речь идет об убийстве крестьянами в 1825 г. фаворитки Аракчеева Настасьи Минкиной.

[71] *Аракчеев... печатал в Германии свои записки.* — В печати известны только автобиографические заметки Аракчеева на прокладных листах Евангелия (РА. 1866. № 6. Стлб. 922—927). В архиве Н. К. Шильдера, хранящемся в ОР ГПБ, имеется копия «Журнала» Аракчеева за 1812—1814 гг. — краткие заметки о тех местах, где он бывал с Александром I (Ф. 359. К. 36. Ед. хр. 14). Зарубежное издание Записок Аракчеева неизвестно. В этой связи представляет, однако, интерес имеющаяся в том же фонде заметка Шильдера «О разговоре в Калуге в 1885 г.» с неустановленным лицом об изданных Записках Аракчеева (но точные сведения об издании, к сожалению, не зафиксированы). См. Отчет ГПБ за 1903 г. СПб., 1904. Приложение: Опись бумаг Н. К. Шильдера. С. 90.

[72] *...на пиру Балтасара... Мене, Факил, Фарес...* — Валтасар — последний царь Вавилона. По библейскому преданию, накануне падения Вавилона, на пиру у Валтасара таинственная рука написала на стене слова «Мене, мене, текел, упарсин», пророческий и угрожающий Вавилону смысл которых сумел прочесть и истолковать пророк Даниил (Библия, Дан. V). Сюжет нашел широкое распространение в литературе и искусстве.

[73] *...для императрицы Евгении... Вяземский перевел стихи Мюссе, где речь как будто обо мне.* — Имп. Евгения — жена Наполеона III.

У Вяземского:

К А. О. Россетти

Красою смуглого румянца
Смотрите, как она южна;
Она желтее померанца;
Живее ласточки она.

(*Вяземский*. Т. 4. СПб., 1880. С. 122; из «Madrid» Мюссе).

[74] Об этих стихах Вяземского см. примеч. 122 к основному тексту «Баденского романа».

[75] *Был некий Фомин... князь Шаликов вам написал дифирамбу.* — Возможно, кни-

гопродавец и литератор Николай Ильич Фомин (см.: *Черейский*. С. 445). Сведения Смирновой о П. И. Шаликове совершенно апокрифичны. Издатель «Дамского журнала» Вяземский иронизировал над старомодной сентиментальной галантностью Шаликова, постоянно писавшего мадригалы дамам, Смирнова же, по неосведомленности, ассоциирует его с лубочным литератором.

[76] Неточная цитата из стихотворения Гете «Миньона» («Dahin, dahin, wo die Zitronen blühen»).

[77] *...Мериме и Ампер посетили эту классическую страну, которую Ампер так хорошо описал.*— Речь идет о книге Ж. Ж. Ампера «La Grèce, Rome et Dante» (P., 1848).

[78] *...прекрасной герцогиней Талейран.*— Доротея де Саган, жена племянника Ш. М. Талейрана, Талейрана де Перигор, герцога Дино. Ее любопытные записки о путешествии по Европе 1855 г. см.: ГБЛ. Ф. 218. № 1301.

[79] *...герцогиню, которая приедет в Баден повидать изгнанника.*— Намеки на это свидание герцогини с каким-то лицом не ясны. Возможно, речь идет о баварском принце Оттоне, греческом короле с 1832 г., с 1836 г. ставшим им фактически.

[80] *Кисс... превратится в Кюсс.*— Кюсс (Küss) — по-немецки поцелуй.

[81] *Альбом... «с воспоминаниями вашей матери»...*— По-видимому, подлинник «Журнала походу...» — см. наст. изд., с 97—113. Альбом не сохранился.

[82] *Слово Евсевия Кесарийского... Лактанция, который был учителем Константина Хлора...*— Евсевий Кесарийский (Евсевий Памфил, 263—340 н. э.) кесарийский епископ, автор классической «Церковной истории». Лактанций был учителем старшего сына имп. Константина Великого, будущего Константина II; Констанций же Хлор (а не Константин, как ошибочно пишет Смирнова) был отцом имп. Константина Великого.

[83] *Приехали двое Раевских с французом-гувернером...*— Вероятно, сыновья Н. Н. Раевского-старшего Александр и Николай.

[84] *Так и хожу, чтобы сходить.*— Найти эти стихи в печатном наследии Вяземского не удалось. Нет их и в архиве Смирновой.

[85] *...Карамзин был безумно влюблен... другому уже...*— Смирнова цитирует (неточно) стихотворение Н. М. Карамзина «К неверной».

У Карамзина:

На тайной красоте твоих грудей
прелестных
Еще горел, пылал мой страстный поцелуй

(*Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений М.; Л., 1966. С. 395). Стихотворение посвящено П. Ю. Гагариной. До Смирновой дошли отзвуки рассказов о любви Карамзина к П. Ю. Гагариной и Ю. А. Нелединского-Мелецкого к Е. С. Обресковой (см. воспоминания П. А. Вяземского в кн.: Хроника недавней старины. Из архива кн. Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876. С. 323—324). Е. С. Обрескова (урожд. Балчкова), овдовев в 1813 г., в 1819 г. (50-ти лет) вышла замуж за 35-летнего ген. Хилкова (*Свербеев Д. Н.* Записки. М., 1899. Т. 1. С. 20).

[86] *...лорд Сент-Эленс уговорил ее купить галерею Гораса Уолполя...*— Собрание лорда Уолпола, приобретенное Екатериной II в 1779 г., было лишь одной из нескольких крупных коллекций произведений искусства, поступивших в Эрмитаж в 1767—1781 гг. (Брюля, гр. Кобенцля, гр. Бодуэна и др.). См.: *Левинсон-Лессинг В. Ф.* История картинной галереи Эрмитажа (1764—1917). Л., 1985. С. 88—89. Предложение шло от Уолпола (внука собирателя) через посла Мусина-Пушкина.

[87] *...Эмилия Галотти выпила яд... давали «Эгмонта».*— «Эмилия Галотти» — драма Лессинга; «Эгмонт» — драма Гёте.

[88] *...знаете ли вы стихи, кажется, Шиллера, «К Сильвии»...*— Стихотворение «К Сильвии» принадлежит не Шиллеру, а Шекспиру (из «Двух веронцев»). Оно, очевидно, было знакомо Смирновой по немецкому переводу, на который написана была песня Шуберта. На текст Шиллера Шуберт написал песню «Амелия» (См. указатель произведений Шуберта в кн.: *Хохлов Ю.* Жизнь Франца Шуберта в документах. М., 1963. С. 778—806).

[89] *...это благо для молодых людей, которых нам поручают в Берлине... Джунковского.*— Названные здесь имена «молодых людей» можно идентифицировать только предположительно: возможно, речь идет о Степ. Степ. Джунковском, приехавшем в Зап. Европу в начале 1840-х годов, одном из братьев Киреевских — Иване или Петре (были

там в 1830 г.), Евг. Ив. Попове, впоследствии священнике русской церкви в Копенгагене и Лондоне.

[90] Псевдонимом М... З... К... подписана статья Ю. Ф. Самарина «О мнениях „Современника" исторических и литературных», напечатанная не в «Русской беседе»; а в «Москвитянине» (1847, ч. II), подписывал он так и другие статьи.

[91] *Берегись Смирновой, у нее голос чарующий и соблазнительный, как итальянская музыка.*— Найти источник цитаты не удалось. О своем отношении к Смирновой Самарин потом писал: «Спасла и поддержала меня встреча с А⟨лександрой⟩ О⟨сиповной⟩. Она оценила во мне именно то, чего свет не ценил, над чем он смеялся; ее участие вознаградило меня за все мои страдания». (*Самарин Ю. Ф.* Сочинения. М., 1900. Т. 12. С. 224).

[92] *...любви к Степану Яковлевичу Зиновьеву.*— Зиновьев Степан Васильевич. Отчество Яковлевич — ошибка Смирновой (см. об этом наст. изд., с. 150).

[93] *Теперь я вам скажу... француз г. Трико...*— Персонажи, присутствующие на бале у губернатора в «Мертвых душах», почти все названы правильно, кроме «француза г. Трико» (у Гоголя «Куку») и грузинского князя Чапхайнидзева (у Гоголя Чайхапхилидзев).

[94] *...В Москве мой дядя управляет Дворцовым департаментом.*— Любопытный пример анахронизма: дядя однокашника Россетов по Пажескому корпусу Лев Карлович Боде действительно был президентом Московской дворцовой конторы, но не в 1820-х годах, когда мог происходить этот разговор, а с 1849 г.

[95] *Лакьер... издал книгу о русских родах...*— Имеется в виду книга А. Б. Лакиера «Русская геральдика» (СПб., 1855).

[96] *...Александр Тургенев упрекал Блудова... «Ваши шутки теперь неуместны».*— Рассказ Смирновой о столкновении А. И. Тургенева с Д. Н. Блудовым у Карамзиных подтверждается записью в дневнике Тургенева в октябре 1831 г.: «Был во дворце, перед представлением подошел ко мне гр. П. А. Толстой, я встретил его как Блудова у Карамз⟨иных⟩ — не дал руки, отвечал сухо, отрывисто, почти не смотрел на него ⟨...⟩ Я не мог броситься в объятия — подписавшего приговор невинному» (см.: *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники. М.; Л., 1964. С. 468).

[97] *...сумасшедший французский король Карл VII...*— Ошибка Смирновой, в действительности — Карл VI, французский король в 1380—1422 гг.

[98] *Анна Ив⟨ановна⟩... Бирона в Сибири.*— И. И. Дмитриев в своих воспоминаниях «Взгляд на мою жизнь» рассказывал историю о призраке-двойнике самой императрицы Анны, увиденном ею, Бироном и караульными солдатами и усевшемся на трон. Видение это будто бы послужило причиной ее смерти (см.: *Дмитриев И. И.* Сочинения. СПб., 1895. Т. 2. С. 9, 153—154). Легенда эта нашла отражение в художественной литературе.

[99] *...шведский король Карл 9-ый... окровавленной туфлей.*— Жуковский в статье «Нечто о привидениях» (Полн. собр. соч. СПб., 1902. Т. 11. С. 89—90) излагает легенду о видении шведского короля Карла XI (а не IX): он увидел казнь человека, виновного в смерти какого-то будущего короля Швеции; а капля крови казненного попала к нему на туфлю и будто бы осталась там, когда видение исчезло.

[100] *...Пушкин говорил... И вы действительно отказали бы Смирнову?* — Об отношениях Смирновой с мужем см. наст. изд., с. 598. О Пушкине и Н. М. Смирнове см.: *Богаевская К. П.* Из записок Н. М. Смирнова // — Врем. ПК. 1967—1968. Л., 1970. С. 4—13; *Зимин А. А.* Пушкину тридцать пять лет... ⟨публикация отрывка из дневников Н. М. Смирнова за 1834 год⟩ // Неделя. 1962. № 40. С. 15; Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 272—288, 489—490. В другом месте «Автобиографических записок» Смирнова приводит другой отзыв Пушкина о муже (см. наст. изд., с. 337). Свадьба Смирнова с А. Россет была решена в августе 1831 г., но состоялась только 11 января 1832 г.

[101] *Вот вся моя история с Перовским.*— Эпизод этой прогулки в Риме с Гоголем и Перовским мог происходить не ранее января 1843 г. (Смирнова пробыла в Риме с января по май 1843 г.).

[102] *О ты, что в горести напрасно // На бога ропщешь, человек.*— «Ода, выбранная из Иова» М. В. Ломоносова (Сочинения. М.; Л., 1961, с. 139).

[103] *...любви недостойный.*— Цитата из стихотворения С. Н. Марина «Пожалуйте, сударыня» (*Марин С. Н.* Полн. собр. соч. М., 1948, с. 184—185).

[104] *...роль Хлестакова... ее в Петербурге играет Сосницкий... не видела ни Кануса, ни Бурденкова.*— На первых представлениях «Ревизора» Хлестакова играл Н. Дюр (Александринский театр), Д. Ленский (Малый театр). Впоследствии, в годы, о которых пишет Смирнова, в Александринском театре роль Хлестакова исполняли А. Е. Мартынов и П. В. Самойлов, в Малом — И. В. Самарин и С. В. Шумский. Бурденков, которого она упоминает — возможно, Ф. А. Бурдин, во второй половине XIX в. актер Александринского театра.

[105] *...буду любить до последнего вздоха.*— О любви вел. кн. Михаила Павловича к П. А. Хилковой и сопротивлении его браку с Еленой Павловной Смирнова рассказывала и Полонскому: «Она ему не нравилась, он с ней почти не говорил, дичился быть с нею вместе, и эта антипатия его к ней доходила до того, что невеста раз объявила, что она не хочет выходить замуж.— „Отправьте меня вон из России.— говорила она,— я вижу, что не нравлюсь, поведение жениха это доказывает". Но ее не пустили» (Голос минувшего. 1917, № 11—12. С. 165).

Слухи об этом были, по-видимому, широко распространены в обществе. В 1869 г. М. И. Семевский конспективно записал близкий к сведениям Смирновой рассказ М. А. Бестужева: «Немецкая вошь. Михаил Павл⟨ович⟩ не едет встречать. Не смотрит на Ел⟨ену⟩ Павл⟨овну⟩» (Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 393).

[106] *...супруга Толстого... он женат на некой Хитровой...*— Вероятно речь идет о М. Ф Толстом, женатом не на Хитрово, а на другой дочери Кутузова, Прасковье Михайловне.

[107] *...что не помешало Пушкину написать: стоит Истомина одна... где мнете вешние цветы.*— Неверно приведенная XX строфа из I главы «Евгения Онегина» и две строки из XXXI строфы.

[108] *...знаменитая Чеглокова, доставлявшая огорчения Като...*— Речь идет о Марии Симоновне Чеглоковой, которую Елизавета Петровна приставила к Екатерине в качестве главной гувернантки. О ней и преследованиях с ее стороны Екатерина подробно рассказывала в своих «Записках», откуда и узнала об этом Смирнова.

[109] *...его портрет, который Лиза Нарышкина сделала карандашом.*— Портрет Иосифа Россет работы Е. П. Нарышкиной неизвестен.

[110] *Старый Корсаков... упал там в обморок...*— Вероятно Иван Николаевич Римский-Корсаков (1754—1831), ген.-ад., фаворит Екатерины II.

⟨ИЗ ВАРИАНТА 5⟩

Автограф: ГБЛ. Ф. 474, 1.21.

[1] *Государь со мной всегда говорит по-русски.*— Пушкин записал в дневнике 28 февраля 1834 г.: «В воскресенье на бале в концертной г⟨осударь⟩ долго со мной разговаривал, он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения» (*Пушкин.* Т. 12. С. 320).

[2] *...стихи Мятлева.*— См. примеч. 78 к альбомному варианту «Воспоминаний о детстве и молодости».

[3] *Он пристрастился к египетским древностям... Изиду поставили под лестницей в Академии художеств.*— Более подробный рассказ о знакомстве с А. С. Норовым в Павловске в 1848 г., о его путешествиях и личности см. в альбомном варианте «Воспоминаний о детстве и молодости» (наст. изд., с. 211—213 и примеч. 71). Однако история покупки Норовым древнеегипетской статуи и ее дальнейшей судьбы в Петербурге изложена пространнее в данном варианте «Баденского романа». Книга Норова, о которой идет речь: *Норов А. С.* Путешествие по Сицилии в 1822 году. СПб., 1828. Гумалик — Дмитрий Христофорович, адъюнкт греческой словесности.

⟨ИЗ ВАРИАНТА 6⟩

Автограф: ГБЛ. Ф. 474, 1.26, 2.1.

[1] *...вы в Бадене... «Землетрясение» — одно из лучших произведений нашей богатой поэзии. Пушкин от них в восторге.*— Летом 1836 г. Гоголь провел в Бадене три недели, с конца июля до середины августа, затем уехал в Швейцарию. Отзыв Гоголя о «Зем-

летрясении» Языкова совпадает с той оценкой, какая была дана им в статье «Предметы для лирического поэта в настоящее время» («Выбранные места из переписки с друзьями» // *Гоголь.* Т. 8. С. 278—281). Стихотворение Языкова датировано 18 апреля 1844 г. (*Языков Н. М.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1964. С. 384) и Пушкин не мог его знать (как и Гоголь — беседовать о нем в 1836 г.).

[2] *Не знаю, читали ли вы «Галантные историйки» Тальмана де Рео?* — Забавные и нескромные анекдоты из жизни французского двора XVII в. (см.: *Таллеман де Рео Ж.* Занимательные истории. Л., 1974). Книга была в библиотеке Пушкина (Пушкин и его современники. Вып. IX—X. № 1421). О Шамфоре и Ривароле см. также наст. изд., с. 427.

[3] *Я знал Вьельгорского...*— Вероятно, речь идет о Михаиле Михайловиче Виельгорском, дипломате.

[4] *Николай Василь⟨евич⟩, когда и как мы с вами познакомились?* — О времени знакомства Смирновой с Гоголем см. «Воспоминания о Гоголе» (наст. изд., с. 27) и примеч. 1 к ним.

[5] *...мой муж счел себя обязанным... вызвать его на дуэль.*— Эпизод вызова Смирнова Гейне на дуэль в Пирмонте в литературе не зафиксирован и несомненно апокрифичен: Смирновы не были в Пирмонте одновременно с Гейне. Гейне уехал из Германии в мае 1831 г., приезжал еще дважды в 1843 и 1844 гг., но только в Гамбург (см.: Mende F. Heinrich Heine. Chronik seines Lebens und Werkes. B., 1970).

[6] *В 54 году после смерти императора Николая.*— Николай I скончался 18 февраля 1855 г.

[7] *...предсмертные стихи Баратынского... принес их мне еще в рукописи.*— Об этом стихотворении (Батюшкова, а не Баратынского) см. примеч. 62 к основному тексту «Воспоминаний о детстве и молодости». Впервые было опубликовано в «Библиотеке для чтения» (1834, № 2, с. 18) под заглавием «Изречение Мелхиседека». До 1834 г. Смирнова не была знакома с Тютчевым и могла получить стихотворение от него позднее, так как оно довольно широко распространялось в списках. Встреча Смирновой с Тютчевым в соборе Петропавловской крепости у гроба царя очень вероятна. В самый день смерти Николая I (18 февраля 1855 г.) Тютчев провел у нее вечер (см.: РА. 1897. № 8. С. 620).

[8] *...г-жа Никитенко, рожденная Любомирская.*— К. К. Никитенко — рожд. Любощинская (а не Любомирская).

[9] *Как, у нас есть уже железные дороги?* — Царскосельская дорога между Петербургом и Павловском, первая в России, была открыта для пассажирского движения в 1838 г. В 1843—1848 гг. была построена Варшавско-Венская дорога, а в 1843—1851 гг.— Николаевская железная дорога между Петербургом и Москвой.

[10] *...он был секундантом в несчастной дуэли вашего брата с Мордвиновым. ... император приказал его отозвать.*— История дуэли П. Д. Киселева с бригадным генералом И. Н. Мордвиновым подробно изложена декабристом Н. В. Басаргиным, непосредственным участником событий, адъютантом Киселева. Инициатором дуэли был Мордвинов, оскорбленный тем, что, по представлению Киселева, его отстранили от командования бригадой. Секундантом был не Юшневский, а И. Г. Бурцов. По свидетельству Басаргина, Пестель не имел никакого отношения к этой дуэли: на смертном одре Мордвинов признался Киселеву, что «подстрекаем был в неудовольствии своем» корпусным командиром ген. Рудзевичем и Корниловым. Неверны и утверждения о роли Н. И. Лорера в этой дуэли: дуэль состоялась в день получения Киселевым вызова, и кроме Басаргина и Бурцова об этом никто не знал.

Киселев не был отозван со своего поста и вполне оправдан Александром I (см. об этом: *Басаргин Н. В.* Записки // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 23—27: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 1. С. 178).

[11] *Юшневский и Лунин провели 11 лет... он отказался.*— Рассказ этот, опирающийся, вероятно, на сведения А. О. Россета, апокрифичен: в Шлиссельбурге до отправки в Сибирь действительно находился А. П. Юшневский, но не 11 лет, а немногим более года (август—декабрь 1827 г.); Лунин в Шлиссельбурге не был совсем: после приговора, в октябре 1826 г., он был отправлен в Свеаборг, в октябре 1827 г.— в Выборгскую крепость, из которой был отправлен в Сибирь. В Шлиссельбурге одновременно с Юшневским находились только М. А. и Н. А. Бестужевы и И. И. Пущин. Возможно,

рассказ имеет в виду одного из них. Длительное заключение в Шлиссельбурге (1827—1834) выпало на долю только И. В. Поджио.

[12] *...граф Витт донес о нашем заговоре.*— О доносе Витта и отношении к нему южных декабристов см. в «Записках декабриста» Н. И. Лорера (Иркутск, 1984. С. 70, 71, 77, 78).

[13] *...девица Брюс... рассказал мне это.*— В этом варианте рассказа (более подробный см. наст. изд., с. 352 и примеч. 107 к основному тексту «Баденского романа») путаница имен. В действительности Брюс была замужем за Лехнером, в нее влюбился Брунов.

[14] *У меня есть альбом... Пушкин написал в этом альбоме...*— См. примеч. 46 к основному тексту «Баденского романа».

[15] *Как он меня смешил в Калуге!* — Вяземский писал Смирновой о ее брате Клементии: «Один Клементий владеет тайною рассмешить меня иной раз, особенно когда я бываю в мрачном настроении; в такие минуты вспыхивает и разливается с наибольшею силою и свежестью вся своеобычность, все россетство ума его» (письмо от 1.XII. 1835, подлинник по-французски — РА. 1888. № 7. С. 295).

[16] *Что такое инвентари?* — Инвентари, или, точнее, инвентарные правила, определявшие размеры наделов и повинностей помещичьих крестьян в западных губерниях России, были введены в 1847—1848 гг. Вводились в жизнь крайне медленно, в некоторых губерниях до 1861 г.

[17] *...зачем Алёнка так суетится об освобождении крестьян?... со своим любимым Абазой.*— Елена Павловна принимала активное (хотя и косвенное) участие в подготовке крестьянской реформы 1861 г. 1 февраля 1859 г. Александр II утвердил правила устройства крестьян в ее имении Карловка Полтавской губ., близкие к Положению 19 февраля 1861 г. Личные дружеские отношения связывали ее с Н. А. Милютиным, одним из главных деятелей в этой области, и с А. А. Абазой.

⟨ИЗ ВАРИАНТА 7⟩

Автограф: ГБЛ. Ф. 474. 1.22.

[1] *После польского восстания... в Киев вместе со студентами.*— Хронология этого рассказа неточна: Киевский университет был основан в 1834 г., высылка Мицкевича не имела отношения к закрытию после польского восстания 1830—1831 гг. Варшавского и Виленского университетов — он был выслан в 1824 г. по делу филоматов.

[2] *...Грузия при Петре Великом добровольно подчинилась России.*— Это неверно: протекторат России над Картлийско-Кахетинским царством был установлен в 1783 г., присоединение Грузии — в 1801—1810 гг. Вахтанг VI приехал в Россию в эмиграцию, спасаясь от турецких и персидских завоевателей. Мужем царицы Тамары был не царь Давид (среди ее современников не было грузинского царя, носившего это имя), а Давид Сослани, принадлежавший к роду Багратидов.

[3] *Гоголь ходил... в лавку Ферапонтова.*— Книжная лавка в Москве на Никольской, основанная И. Ф. Ферапонтовым (1740—1811).

[4] *Любовь замужем за Ладомирским... Като подарила Корсакову.*— Частая у Смирновой в этих поздних вариантах мемуаров путаница имен. Выше правильно указано, что Л. Ф. Гагарина была замужем за Полуектовым. Ладомирской была в замужестве еще одна из сестер Гагариных — Софья. Ее муж Василий Николаевич был внебрачным сыном И. Н. Римского-Корсакова, фаворита Екатерины II.

⟨ИЗ ВАРИАНТА 10⟩

Автограф: ГБЛ. Ф. 474. 2.2, 3.

[1] *Что такое Аничковы?* — Вечера и балы в Аничковом дворце.

[2] *Княгиня Вера — моя кузина.*— В действительности В. Ф. Вяземская была в более отдаленном свойстве с М. Д. Нессельроде: племянница последней Е. Н. Гурьева была женой двоюродного племянника Вяземской Н. Н. Гагарина.

[3] *Вяземский слывет человеком очень любезного ума... с рассеянным видом...*— Очень ценившая в юности привязанность Вяземского, Смирнова со временем охладела к нему. В своем дневнике 1845 г. она писала: «Вяземский — умный человек, но у него нет двух связных мыслей в голове» (наст. изд., с. 6).

[4] *...Нессельроде заставил его покинуть дипломатию. ...держать в министерстве подобного человека.*— Первая жена Тютчева Элеонора Федоровна умерла 27 августа/9 сентября 1838 г. в Турине, 17/29 июля 1839 г. он венчался с Э. Дернберг. Официальные документы МИД не вскрывают причины отставки Тютчева. В них значится, что 8 ноября 1839 г. он был «отозван по его желанию» от должности первого секретаря посольства в Турине и получил отпуск на четыре месяца. Вследствие же «долговременного неприбытия из отпуска» он в 1841 г. был совсем отчислен из министерства. В действительности дело было в самовольном отъезде Тютчева, не дождавшегося прибытия из Петербурга нового посланника, обязанности которого он временно исполнял (*Пигарев.* С. 106—108; *Чулков.* Летопись. С. 51—56). Е. П. Казанович, опираясь на рассказ, якобы восходящий к самому Тютчеву, сообщает, что, отправляясь из Швейцарии, Тютчев взял с собой дипломатические шифры и потерял их «в суматохе свадьбы и путешествия» (Урания. Тютчевский альманах. Л., 1928. С. 132). Рассказ, вложенный Смирновой в уста М. Д. Нессельроде,— еще одна версия событий. Она действительно может опираться на ее рассказы, но может восходить и к освещению фактов самим поэтом.

[5] *Я знаю историю про Петера Шлемиля, но я не знал, что это Гейне.*— Романтическая сказка «Петер Шлемиль» о человеке, продавшем свою тень и искавшем ее по всему свету, принадлежит А. Шамиссо (написана в 1813 г.).

[6] *Тютчев прекрасно определил его значение в стихах: Эти бедные селенья...*— Текст стихотворения воспроизведен Смирновой точно. Так как в собрании сочинений 1868 г., куда оно впервые вошло, оно было опубликовано с разночтениями, то следует предположить, что она либо знакомилась с ним по публикации в «Русской беседе» (1857. Ч. II, кн. 6. С. 143), либо получила его от самого Тютчева.

[7] При жизни Тютчева были изданы два сборника его стихотворений — в 1854 и 1868 гг. Скорее всего имеется в виду первый из них, вышедший, когда Смирнова была еще в России.

[8] *У него пять детей от его первой жены... и имеет от нее детей.*— Первая жена Тютчева Элеонора Федоровна, рожд. гр. Ботмер, в первом браке Петерсон. От нее у Тютчева было трое детей (Анна, Дарья, Екатерина), от второй жены, Эрнестины Федоровны, рожд. бар. Пфеффель, в первом браке бар. Дернберг, Тютчев имел троих детей (Марию, Ивана и Дмитрия). Внебрачные дети от Денисьевой: Елена, Федор, Николай.

[9] *...теперь гитары вывелись.*— По Далю: «В Москве гитарой зовут долгие дрожки, не круглые, не пролетки» (т. 1, с. 351).

[10] *Он в старом плаще ... голова его качается...*— Этот портрет Тютчева любопытными деталями дополняет известное описание его, сделанное М. П. Погодиным (см.: *Пигарев.* С. 119—120).

[11] *...а вы заставляете меня рассказывать, что делается и говорится во дворце.— Разве его так занимает двор?* — В. А. Соллогуб писал о Тютчеве: «Он был едва ли не самым светским человеком в России, но светским в полном значении этого слова. Ему нужны были, как воздух, каждый вечер, яркий свет люстр и ламп, веселое шуршанье дорогих женских платьев, говор и смех хорошеньких женщин» (*Соллогуб В. А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 497).

[12] *Он обожает свою мать. Ей 80 лет, и она проводит свою жизнь в молитвах и чтении Библии.*— Биограф Тютчева И. С. Аксаков говорит о матери поэта как о «женщине замечательного ума, сухощавого, нервного сложения, с наклонностью к ипохондрии, с фантазией, развитою до болезненности» (РА. 1874. Стлб. 11).

[13] *Его назначили цензором иностранных книг, что дает ему небольшие деньги и занятие...*— Тютчев был председателем Комитета цензуры иностранной с апреля 1858 г. и до конца жизни.

[14] *Хомяков написал прекрасное стихотворение «Звезда»... военная карьера совсем не была в его вкусе.*— О стихотворении «Звезды» (а не «Звезда»), времени знакомства Смирновой с Хомяковым и его приезда в Петербург см. примеч. 85 к основному тексту «Баденского романа».

[15] *Хомяков... пишет всемирную историю... Он написал и Катехизис.*— «Всемирная история» — незаконченное и напечатанное посмертно сочинение Хомякова «Записки о

всемирной истории», доведенное до половины средних веков (*Хомяков А. С.* Собр. соч. М., 1900. Т. 5—7). О брошюрах на французском языке см. примеч. 118 к «Воспоминаниям о детстве и молодости». Катехизис — «Опыт катехизического изложения учения о церкви» был издан посмертно (в «Православном обозрении» за 1864 г.). Упоминаемая далее переписка Хомякова с Пальмером относится к 1854—1855 гг.

[16] *«Die reine Herkunft».*— В действительности: «Kritik der reinen Vernunft» («Критика чистого разума»), одно из основных сочинений Канта.

[17] *...выйти замуж за Петра Павловича Дурново...*— Мужа А. П. Волконской, Дурново, звали Павел Дмитриевич.

[18] *Ее любил знаменитый князь Михаил Цициачов... где и умер.*— Цицианов, о котором рассказывает Смирнова,— не Михаил, а Павел Дмитриевич, командовавший войсками во время русско-персидской войны 1804—1813 гг. и убитый близ Баку в 1806 г. одним из приближенных Гусейн-Кули-хана. М. С. Воронцов начинал под его командой на Кавказе в 1803—1805 гг. свою военную карьеру. Рассказ об орудиях, перенесенных по телам солдат по предложению П. С. Котляревского, относится не к взятию Ленкорани в 1813 г., а к эпизоду с переходом из рук в руки крепости Шах-Булах. В биографии П. С. Котляревского этот эпизод изложен и подтвержден воспоминаниями проводника русских войск, армянина Аванеса Юзбаши (см.: *Соллогуб В. А.* Биография генерала Котляревского. Тифлис, 1854. С. 40—41, 208—210). Котляревский не был изрублен, а лишь ранен и умер в 1852 г.

[19] О рассказах Д. Е. Цицианова см. примеч. 9 к основному тексту «Воспоминаний о детстве и молодости».

[20] *В день 14-го... и будет хорошо царствовать.*— Ср. другой вариант этого рассказа в 3-м варианте «Воспоминаний о детстве и молодости» (наст. изд., с. 141) и примеч. 71 к ним.

[21] *...орган, который он называет Себастьяном...*— Об органе «Себастьянон», построенном по указаниям В. Ф. Одоевского, см.: Отечественные записки. Т. 66, отд. VIII. С. 340—342. О *Лигль* Глинка вспоминал: «Она ⟨...⟩ превосходно играла с листа и аккомпанировала. С ней я много играл в 4 руки, большею частью квартеты и симфонии Гайдна и Моцарта и даже некоторые пьесы Бетховена» (*Глинка М.* Автобиографические и творческие материалы. М.; Л., 1952. С. 90).

[22] *Он сопровождал сэра Родерика Мурчисона... с г. Вернейлем.*— Р. Мурчисон побывал в России дважды, в 1840 и 1841 г., спутником его был палеонтолог Вернейль. Результатом этих двух поездок был труд «Геология Европейской России и Уральских гор» (1845). В Сибири они не были.

[23] *Мой брат Аркадий был командирован в Сибирь в 1835 г.*— Арк. О. Россет был в Сибири в 1840—1841 гг. (см. выше, примеч. 30 к 3-му варианту «Баденского романа»).

[24] *...Веневитинова пригласила... чтобы познакомить с Тютчевым, и Самарин был на обеде.*— Рассказ Смирновой несколько запутывает историю ее знакомства с Тютчевым и Самариным. Обед, на котором оба они познакомились с Смирновой, мог иметь место не ранее 1843 г., когда Тютчев приехал в Россию, а еще скорее — осенью 1844 г. В это время у Ростопчиных и бывали музыкальные вечера с участием Рубини и других (до весны 1845 г., когда они уехали за границу). См. биографический очерк С. Сушкова в книге: Сочинения графини Е. П. Ростопчиной. СПб., 1890. Т. 1. С. XIV—XV. Но контекст рассказа Смирновой с упоминанием о недавней смерти дочери и поездке после этого в Италию как бы относит дело к осени 1837 г., что невозможно.

[25] *...у Карамзина был жаркий роман.*— См. об этом примеч. 84 к 3-му варианту «Баденского романа».

[26] *Батюшков... ведет растительное существование, вот и все.*— Сестра К. Н. Батюшкова Елизавета Николаевна, замужем за Павлом Алексеевичем Шипиловым. Батюшков жил в Вологде с 1833 г., но не у сестры, а у племянника А. И. Гревенца, бывшего опекуном Батюшкова с 1833 г. (См.: *Кошелев В. А.* Вологодские давности. Архангельск, 1985).

[27] *Пушкин написал стихи... Ответ Пушкина Филарету великолепен...*— Стихотворение Пушкина «Дар напрасный, дар случайный» было напечатано в «Северных цветах» на 1830 г. Митрополит Филарет ответил ему стихотворением «Не напрасно, не случайно» оно было сообщено Пушкину (вероятно Е. М. Хитрово) и вызвало, в свою очередь, его ответ — стихотворение «В часы забав иль праздной скуки» (напечатано в «Литературной газете» 25 февраля 1830 г.). В недатированном письме (но, несомненно, первая

половина января 1830 г.) к Е. М. Хитрово, относящемся к этому эпизоду, Пушкин писал: «Мне невозможно предоставить себя сегодня в ваше распоряжение. Хотя, не говоря уже о счастье быть у вас, одного любопытства было бы достаточно, чтобы привлечь меня. Стихи христианина, русского епископа в ответ на скептические куплеты! Это, право, большая удача». (*Пушкин.* Т. 14. С. 57, подлинник по-французски). Стихи Филарета опубл.: Маяк. 1840. Кн. 10; Звездочка. 1848. № 10. С. 16.

[28] *Пушкин с Мятлевым пишут чепуху под названием «Поминки»... и полковника Серопупова.*— Об этом коллективном стихотворении см. в «Воспоминаниях о Н. В. Гоголе» (с. 71, 72 и примеч. 70 к ним) В стихотворении: полковника Арапупова.

⟨ИЗ ВАРИАНТА 11⟩

Впервые (отрывки): Смирнова 1931, с. 257—267.
Автограф: ГБЛ. Ф. 476, 2.5.

[1] *Когда Иван Аксаков получил это письмо, его на 8 дней заперли в III Отделение.*— О причинах ареста Ивана Аксакова 18 марта 1849 г. см. примеч. 38 к 5-му варианту «Воспоминаний о детстве и молодости» и примеч. 112 к 3-му варианту «Баденского романа». См. также в кн.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 2. С. 118, 123, 124.

[2] *...в нем поколотили графиню Лаваль... ее зятя, графа Лебцельтерна.*— Вздорный слух; рассказы о «люке» — частый мотив в рассказах о наказаниях при Екатерине (у Шешковского); он перенесен тут в нравы III отделения 1826 г.

[3] *...пел им песню, божусь — не моего сочинения... А другая баба — начальником штаба.*— Отдельные строки из агитационной песни Рылеева и Бестужева, ко времени, когда писались мемуары Смирновой, напечатанной только за границей (ПЗ. 1859. Кн. 5. С. 12; в 1861 г. в Лейпциге),— однако в другом варианте, где не было конца, относящегося к Закревскому. В наиболее авторитетных списках эти строки читаются:

А Волконский — баба
Начальником штаба,
А другая баба —
Губернатор в Або.

См.: *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 257.

[4] *И эти стихи не мои...*— Строки из послания «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...», 1818), принадлежность которого Пушкину твердо установлена. Отрицание своего авторства Пушкиным (особенно в кругу Смирновой) совершенно понятно: антимонархический характер послания был весьма опасен, особенно после политических процессов 1826—1828 гг. (о «Гавриилиаде», «Андрее Шенье» и т. д.); кроме того, оно уже было напечатано (с купюрами) без ведома Пушкина в альманахе «Северная звезда» с подписью «Ап», вместе с другими стихами, и в их числе стихотворением «К приятелю, сравнивавшему глаза одной девицы с южными звездами», являвшимся ответом на стихи Вяземского, обращенные к Смирновой. Понятно, что Пушкин не хотел раскрывать свое авторство, которое относилось бы ко всем стихам с этой подписью.

⟨ИЗ ВАРИАНТА 12⟩

Автограф: ГБЛ. Ф. 474. 2.4.

[1] *Мои братья... его ⟨Пушкина⟩ не покидали до последнего вздоха.*— Братья Смирновой А. О. и К. О. Россеты не были в числе лиц, неотлучно находившихся у постели Пушкина (см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 374—407), но принимали участие в похоронах («А. О. Россет перекладывал тело Пушкина с дивана в гроб»,— рассказывал П. И. Бартенев о похоронах. Там же. С. 358).

[2] *...государь прислал ему сказать... Его похоронили, кажется, в Тригорском.*— Царские «милости» семье Пушкина были перечислены в записке Николая I, переданной Жуковскому 30 января: «1. Заплатить долги. 2. Заложенное имение отца очистить от дол-

га. 3. Вдове пенсион и дочери ‹т. е. дочерям› до замужества. 4. Сыновей в пажи и по 1500 р. на воспитание каждого по вступлении на службу. 5. Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6. Единовременно 10 тысяч» (*Щеголев*. С. 222). Размер пенсии, не указанный в записке, преувеличен Смирновой: ежегодная пенсия Н. Н. Пушкиной составляла 5000 р. Нет никаких сведений об особом уважении Родофиникина к Пушкину и его распоряжениях об отпевании поэта.

Характерно, что Смирновой не было точно известно, где похоронен Пушкин.

[3] *Пушкин говорил, что стихи Мятлева... Господа сенаторы и пр.*— В наиболее полных изданиях сочинений И. П. Мятлева (Сочинения И. П. Мятлева. М., 1894. Т. 1—3; *Мятлев И. П.* Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969) нет стихотворений о Петре Ивановиче Укусове, которые Смирнова упоминает здесь и в других местах своих «Автобиографических записок». Стихотворный диалог взят из стихотворения Мятлева «Разговор барина с Афонькой»: строка «Позвольте, господа сенаторы» является в нем рефреном к каждой реплике барина.

БАДЕНСКИЙ РОМАН

‹Продолжение›

Копия утраченного автографа, сделанная для Бартенева: ИРЛИ. Р. 1. Оп. 25. Ед. хр. 76. Отточия в тексте — слова, не разобранные копиистом.

[1] *Каспар Гаузер* — известный своей таинственной судьбой юноша, появившийся в 1828 г. в Нюрнберге и убитый неизвестным в 1833 г. Существовала версия, что он — сын вел. герц. Баденского Карла-Фридриха и Стефании Богарне.

[2] *...после трех хороших схваток появилась девчурка...*— Софья Николаевна Смирнова, впоследствии кн. Трубецкая.

[3] *Вечером он нам прочел 5 первых глав «Мертвых душ».*— Точная дата чтения «Мертвых душ» в Бадене — 16/4 августа 1837 г.

[4] *Этот противный Володька* — В. Н. Карамзин.

[5] *Стихи Мятлева о хохлах...*— Такие стихи неизвестны.

[6] *С прогулки я пошла к Софи...*— Имеется в виду Софья Станиславовна Киселева.

[7] *Вы играете арию из «Сомнамбулы»...*— «Сомнамбула» — опера В. Беллини, впервые поставлена в Милане в 1831 г.

[8] *Надина* — вероятно Надежда Львовна Свистунова, дочь Л. И. Соллогуба, фрейлина вел. кн. Елены Павловны.

[9] *Чайный стол семьи Убриль...*— Имеется в виду семья русского посланника во Франкфурте-на-Майне П. Ф. Убри.

[10] *...она — дочь генерала Хермана, того, что воевал в Италии с Суворовым.*— Смирнова ошибочно называет Херманом французского генерала Шерера, главнокомандующего войсками французской республики в Италии.

[11] *...Вяземский посвятил ей хорошенькие стихи.*— Стихотворения, посвященного М. П. Убри, в изданиях сочинений Вяземского нет. Возможно, впрочем, что Смирнова говорит о поэтических портретах сестер Убри в стихотворении Вяземского «Самовар (Семейству П. Я. Убри)» (*Вяземский*. Т. 4. С. 226). Стихотворение написано в 1839 г.

[12] *Княгиня Росси здесь, она поет, как соловей.*— Речь идет о певице Генриетте Зонтаг, в замужестве графине Росси.

[13] *...отдых в Мюнихе, где родился Боссюэт.*— Боссюэ родился в Дижоне.

[14] *Яков Толстой... уже 7 лет в Париже.*— Яков Николаевич Толстой, литератор, старший адъютант Главного штаба, член Союза благоденствия, с 1823 г. находился в заграничном отпуске. Привлеченный к следствию по делу декабристов, отказался вернуться из Франции. Впоследствии долго добивался реабилитации себя в глазах Николая I, в 1837 г. был вызван в Петербург и затем числился по особым поручениям III отделения в Париже. Его функцией, в частности, являлись донесения о политическом положении и интеллектуальной жизни Франции (об этом пишет Смирнова далее — см. с. 555). Однако в 1837 г. сообщаемые ею сведения о нем — анахронизм.

[15] *...маленький ящик, такой же, как у Алекс‹андра› Ив‹ановича›*— т. е. Рибопьера.

[16] *...этот прелестный Дежарден.*— Имеется в виду французский пейзажист и маринист второй половины XIX в. Жюльен Адольф Дежарден (1857—1907). Тоже анахронизм.

[17] *...популярные швейцарские романы Иеремии Готхельфа.*— Готхельф Иеремия (настоящее имя: Альберт Бициус, 1797—1854), швейцарский писатель, автор романов и рассказов из народной жизни.

[18] *...знаете ли вы прелестный романс под названием «Талисман»... Музыка, думаю, Яковлева.*— «Талисман» — стихотворение Пушкина. Речь идет, вероятно, о романсе Н. С. Титова на его текст (1829).

[19] *Как жаль, что расклеилась клетка... А эта... Морской...*— Об этих стихах Вяземского см. примеч. 34 к основному тексту «Баденского романа».

[20] *...портрете, который написал дурак Орлов...*— Пимен Никитич Орлов.

[21] *...без вас мне скучно, я зеваю.*— Цитата из стихотворения Пушкина «Признание» («Я вас люблю, хоть я бешусь...», 1826).

[22] *...нахожу имп⟨ератрицу⟩ пишущей еще свой дневник в маленький квадратный альбом... каждый альбом содержит год...*— Дневники имп. Александры Федоровны занимают шесть альбомов и содержат записи за 1813—1851 гг. (отдельные записи до 1855 г.). Альбомы не погодные: первый альбом — 1813—1816 гг., второй — 1816—1820 и т. д. (ЦГАОР. Ф. 728 Библиотеки Зимнего дворца № 2363). Кроме того сохранились ее записные книжки с дневниковыми записями за 1822—1827 гг. (Там же. Ф. 672 (Николай I). Ед. хр. 409—411). Краткий дневник, который императрица вела во время междуцарствия и отрывки из «Большого дневника» опубликованы Б. Е. Сыроечковским: Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 80—93.

Пушкин записал 4 декабря 1833 г. в своем дневнике (очень вероятно — после рассказа Смирновой): «Государыня пишет свои Записки... Дойдут ли они до потомства?» (*Пушкин*. Т. 12. С. 316).

Воспоминания императрицы о событиях 1817—1820 гг. (РС, 1896, № 10) в ряде эпизодов почти дословно совпадают с воспроизведением ее бесед со Смирновой в мемуарах последней (характеристика двора Марии Федоровны, чувства, испытанные Александрой Федоровной при рождении первенца, пребывание в Петербурге ее отца в 1818 г., беседа с Александром I в Красном Селе летом 1819 г.).

[23] *Это Пушкин в поэме «Бахчисарайский фонтан».*— В действительности — стихотворение Пушкина «Фонтану Бахчисарайского дворца» (1824).

[24] *...Она всегда ошибалась, отвлекаясь мемуарами св. Елены.*— О «Мемуарах св. Елены» см. примеч. 56 к 5-му варианту «Воспоминаний о детстве и молодости».

[24a] Ошибка Смирновой: в действительности орган был сделан по чертежам Одоевского немецким мастером Георгом Мельцелем, работавшим в Петербурге в 1840—1850 гг. (*Бакеева Н.* Орган. М., 1977. С. 104).

[25] *...романс Глинки «Только узнал я тебя».*— Романс на слова А. А. Дельвига (Соч. Л., 1986. С. 58), текст неточен.

[26] *...ich bin in Arkadien geboren*— Цитата из стихотворения Ф. Шиллера «Resignation» («Смирение», 1787).

[27] *...во Франции нет больше янсенистов. Паскалей и Арно сменили болтуны, изрекающие только банальности.*— Янсенизм — религиозно-философское течение последователей Корнелия Янсения (XVII в.). Община янсенистов во Франции имела своим центром монастырь Пор-Рояль, главную роль в ней играл Антуан Арно. В течение всего XVIII в. янсенисты вели острую борьбу с иезуитами и папством.

[28] *...письмо об этой перебежчице г-же Свечиной.*— Софья Петровна Свечина (1782—1857), жена бывшего петербургского военного губернатора Н. С. Свечина, жила с 1815 г. в Париже, где у нее был известный католический салон.

[29] *...он передумал и сказал: но при слове Русь сердце ее не забьется.*— Имеются в виду строки из стихотворения Хомякова «Иностранка»: «При ней скажу я: «Русь святая» // И сердце в ней не задрожит».

[30] *Она была еще жива, когда я уехала из России.*— Смирнова противоречит себе, рассказывая о смерти своей бабушки: в других частях своих воспоминаний она то утверждает, что бабушка еще жива, когда Кобле навестил юную фрейлину в Зимнем дворце (см. наст. изд., с. 144), то сообщает, что он сказал ей о смерти бабушки (с. 412).

[31] *У меня тоже есть кузен Норов, который был замешан в историю 14 декабря.*— Киселев говорит о декабристе Василии Сергеевиче Норове.

[32] *Лермантова, брат которой был офицером Измайловского полка...*— Декабрист Дмитрий Николаевич Лермантов был лейтенантом Гвардейского экипажа.

ДОПОЛНЕНИЯ

1. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ А. О. СМИРНОВОЙ

Впервые: РА, 1890, № 6, с. 283—284, по копии О. Н. Смирновой
Автограф неизвестен.

[1] *Старуха Загряжская... и об этом надо спросить.*— Сходная запись есть в «Старой записной книжке» Вяземского, но слова приписаны А. П. Толстой (урожд. Протасовой, жене Варфоломея Вас. Толстого): «Графиня Толстая говорила, что не желала умереть скоропостижной смертью: как неловко явиться перед Богом запыхавшись. По словам ее, первою заботою ее на том свете будет разведать тайну о железной маске...» (Полн. собр. соч. Т. 8. С. 126).

[2] *...в Смольном у старухи Нелидовой.*— Имеется в виду фаворитка Павла I Е. И. Нелидова.

[3] *...он не был задушен.*— О версиях обстоятельств убийства Павла I и, в частности, роли Беннигсена см.: *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982. Гл. XI—XIII.

2. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК «ВОСПОМИНАНИЙ О ДЕТСТВЕ И МОЛОДОСТИ»

Впервые (с пропусками): Смирнова, 1929, с. 163—171.
Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 420 (Щукинское собрание), № 83/157

[1] *...я начала писать по просьбе Юрия Федоровича Самарина.*— Об истории работы Смирновой над Записками см. в статье (с. 612—617).

[2] *В 1814 году... отец мой сделался жертвой чумы.*— И. И. Россети умер в 1813 г.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВД	Восстание декабристов. Документы. М.; Л., 1925—1986. Т. 1—18.
ВЕ	Вестник Европы
Врем. ПК	Временник Пушкинской комиссии. 1962—1986. М.; Л., 1963—1986.
Вяземский	*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878—1896. Т. 1—12.
Вяземский. Зап. книжки	*Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963.
Вяземский. Старая зап. книжка	*Вяземский П. А.* Старая записная книжка. Л., 1929.
ГБЛ	Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей.
Герцен	*Герцен А. И.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1954—1966.
Гоголь	*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937—1952.
ГРМ	Государственный Русский музей
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
Жуковский	*Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4-х т. М., 1959—1960.
Известия ОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР
ИРЛИ	Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), рукописный отдел
Кулиш	Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем // Сост. П. А. Кулиш. СПб., 1856. Т. 1—2.
Лермонтов. Исслед. и матер.	М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979.
ЛН	Литературное наследство. М., 1931—1988. Т. 1—97.
МВ	Московский вестник.
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).
Пигарев	*Пигарев К. В.* Жизнь и творчество Ф. И. Тютчева. М., 1962.
П. Врем.	Пушкинский Временник.
ПЗ	Полярная звезда.
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи.
Пушкин	*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1935—1948. Т. 1—17.
Пушкин. Исслед. и матер.	А. С. Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1956—1986. Т. 1—12.
РА	Русский архив.

Ровинский	*Ровинский Д.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886—1889. Т. 1—4.
РС	Русская старина.
Рукою Пушкина	Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935.
Сб. РИО	Сборник Русского исторического общества.
Смирнова, 1929	*Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929.
Смирнова, 1931	*Смирнова А. О.* Автобиография. М., 1931.
СО	Сын Отечества.
Фонвизин	*Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1979—1982. Т 1—2.
ЦГАЛИ	Центральный государственный архив литературы и искусства СССР.
ЦГАОР	Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов власти и государственного управления СССР.
ЦГВИА	Центральный государственный военно-исторический архив СССР.
ЦГИА	Центральный государственный исторический архив СССР.
Черейский	*Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975.
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских.
Чулков. Летопись	*Чулков Г.* Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М.; Л., 1934.
Шильдер I	*Шильдер Н. К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1897—1898. Т. 1—4.
Шильдер II	*Шильдер Н. К.* Император Павел I. СПб., 1901.
Шильдер III	*Шильдер Н. К.* Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1—2.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

А. О. СМИРНОВА-РОССЕТ

ДНЕВНИК
ВОСПОМИНАНИЯ

Утверждено к печати
Редколлегией
серии «Литературные памятники»
АН СССР

Редактор
И. Г. Древлянская
Художник
Е. А. Михельсон
Художественный редактор
Н. Н. Власик
Технический редактор
Л. Н. Золотухина
Корректоры
Л. И. Кириллова, Е. Л. Сысоева

ИБ № 38970

Сдано в набор 30.06.88
Подписано к печати 15.03.89.
Формат 70×90 1/16
Бумага типографская № 1
Гарнитура академическая. Печать высокая
Усл. печ. л. 59,23. Усл. кр. отт. 60,4.
Уч.-изд. л. 63,9
Тираж 40000 экз. Тип. зак. 2169
Цена 10 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В издательстве

«НАУКА»

в серии

«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

выходят в свет:

ПЕДРО КАЛЬДЕРОН ДЕ ЛА БАРКА

Драмы

Перевод Константина Бальмонта

В двух книгах. 65 л.

Пьесы Кальдерона относятся к ряду таких памятников, перевод которых представляет выдающееся явление русской культуры. Все десять пьес даны в переводах К. Д. Бальмонта. Его работа над переводами отличается особой тщательностью: были отобраны произведения с глубокой философской и общественной проблематикой. Четыре подготовленных Бальмонтом к печати пьесы в разных жанрах — трагедии, комедии, философские драмы — публикуются впервые. В дополнениях — пьесы «Стойкий принц» и «Жизнь есть сон» в переводах соответственно Б. Л. Пастернака и Д. К. Петрова.
Для широкого круга читателей.

РИГВЕДА

55 л.

«Ригведа» — первое произведение древнеиндийской литературы, созданное в середине 2-го тысячелетия до н. э. «Ригведа» — собрание 1028 гимнов, посвященных в основном восхвалению арийских богов и просьбам к ним, также гимны о космогонии, магические заговоры. Это энциклопедический источник о религии, философии, мировоззрении арийских племен, продвигавшихся по Северо-западной Индии. Включает в себя образцы самой высокой поэзии.
Для широкого круга читателей.

Адреса книготорговых предприятий «Академкнига» с указанием магазинов и отделов «Книга-почтой» (по состоянию на 01.01.89 г.)

Магазины «Книга-почтой»

252107 Киев, ул. Татарская, 6
197345 Ленинград, ул. Петрозаводская, 7
117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2.

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга-почтой»

480091 Ама-Ата, ул. Фурманова, 91/97 «Книга-почтой»
370001 Баку, ул. Коммунистическая, 51 «Книга-почтой»
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4 «Книга-почтой»
690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 «Книга-почтой»
320093 Днепропетровск, пр-т Гагарина, 24 «Книга-почтой»
734001 Душанбе, пр-т Ленина, 95 «Книга-почтой»
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 «Книга-почтой»
420043 Казань, ул. Достоевского, 53 «Книга-почтой»
252030 Киев, ул. Ленина, 42
252142 Киев, пр-т Вернадского, 79.
252025 Киев, ул. Осипенко, 17
277012 Кишинев, пр-т Ленина, 148 «Книга-почтой»
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 «Книга-почтой»
660049 Красноярск, пр-т Мира, 84
443002 Куйбышев, пр-т Ленина, 2 «Книга-почтой»
191104 Ленинград, Литейный пр-т, 57
199164 Ленинград, Таможенный пер. 2.
194064 Ленинград, Тихорецкий пр-т, 4.
220012 Минск, Ленинский пр-т, 72 «Книга-почтой»
103009 Москва, ул. Горького, 19-а.
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7.
630076 Новосибирск, Красный пр-т, 51.
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 «Книга-почтой»
142284 Протвино, Московской обл., ул. Победы, 8.
142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1 «Книга-почтой»
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 «Книга-почтой»
700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73
700070 Ташкент, ул. Ш. Руставели, 43
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 «Книга-почтой»
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 «Книга-почтой»
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 «Книга-почтой»
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 «Книга-почтой»